

СОВРАЩЕ СОЧИНЕНІЙ

М. А. МАКСИМОВИЧА.

ТОМЪ III.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ. ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ

КІЕВЪ.

Типографія аренд. Е. Т. КЕГЕРЪ, Большая Владимірская домъ № 22.

1880.

Печатано по опредѣленію историко-филологическаго факультета уни-
верситета св. Владиміра. 17 апрѣля 1879 г.

Деканъ **В. Иконниковъ.**

ОГЛАВЛЕНИЕ.

V отдѣлъ. ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

	СТРАН.
Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ	3
Начатки русской филологіи	25
Филологическія наблюденія и изслѣдованія:	
I) о имени человѣкъ	156
II) замѣчанія о системѣ славянскихъ нарѣчій	164
III) о грамматикѣ Ломоносова	175
Къ исторіи малорусскаго языка:	
IV) Филологическія письма къ М. П. Погодину	183
V) Отвѣтныя письма къ М. П. Погодину	244
VI) Новыя письма къ М. П. Погодину о старобыт- ности малороссійскаго нарѣчія.	273
VII) О правописаніи малороссійскаго языка.	312
VIII) О малороссійскомъ произношеніи мѣстныхъ именъ	328

VI отдѣлъ. ИСТОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

Исторія древней русской словесности.	346
Приложеніе: отзывъ на критику древней русской словесности, помѣщенную въ Отечественныхъ За- пискахъ	472
О народной исторической поэзій въ древней Руси	480
Пѣснь о Полку Игоревѣ	498

Замѣчаніе на пѣснь о Полку Игоревѣ въ стихотворномъ переводѣ Гербеля	564
Темное мѣсто въ Пѣсни о Полку Игоревѣ	625
Къ объясненію и исторіи Слова о Полку Игоревѣ	631
Книжная старина Южно-русская	661
О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ, мнимомъ и дѣйстви- тельномъ	716
О первомъ изданіи Дидакаліи Сильвестра Коссова	723
Библиографическое объясненіе Гильдебрандту	724
О двухъ стихотвореніяхъ; «Плачь Малой Россіи» и «Ми- лость Божія»	730
О стихотвореніяхъ Феодана Прокоповича	735
Извѣстіе о книгѣ: «Благоутробіе Марка Аврелія»	737

ОТДѢЛЪ V.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ ¹⁾.

I. Разныя мнѣнія о Русскомъ языкѣ.

1. — О происхожденіи, составѣ и свойствахъ Русскаго языка господствуютъ разныя столько же несправедливыя мнѣнія, какъ и о происхожденіи самой Руси.

Отложась отъ стариннаго Русскаго мнѣнія, что Русскій народъ, не только по старобытнымъ населникамъ нашего Отечества, но и по водворившимся у нихъ въ исходѣ IX вѣка Руссамъ, есть народъ Словенскій или Славянскій, многіе стали-было (во слѣдъ Татищеву) производить Руссовъ отъ племени Чудскаго; потомъ возобладало Байеровское производство Руссовъ отъ Скандинавскихъ Нѣмцевъ, а нѣкоторые (за Чеботаревымъ и Эверсомъ) ведутъ къ намъ Руссовъ съ Черноморія и даже видятъ въ нихъ народъ племени Турецкаго. — Что сіи и другія новыя мнѣнія о происхожденіи Руси хуже стараго; что никто изъ Русскихъ Писателей отъ Нестора до Ломоносова не признавалъ Скандинавскихъ Нѣмцевъ своими прародителями; что именемъ Варяговъ (Норманновъ) у Нестора означаются не одни Скандинавскіе Нѣмцы, но и жив-

¹⁾ Напечатанъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія т. XVII, 1838, № 3, Мартъ, стр. 531—562 и въ отдѣльномъ оттискѣ, Сиб. 1838, 8°, с. 33.

ше на Балтійскомъ Поморіи за Одеромъ Словены ¹⁾, и что Несторовы Варяги-Русь были Словены изъ сего края ²⁾, это я старался показать въ моемъ сочиненіи «Откуда идетъ Русская земля», 1837.

Что касается до языка Русскаго, то нѣкоторые Писатели, не смотря на то, что онъ, и по древнѣйшей основѣ своей, и по главнѣйшимъ стихіямъ, при вліяніи коихъ совершалось его образованіе въ нынѣшніе виды, принадлежитъ къ кругу языковъ Словенскихъ, стали сближать его съ языками иноплеменными, и тѣ слова, кои принадлежатъ ему издревле и составляютъ его родовое наслѣдіе и достояніе обще-Словенское, называютъ заимствованіемъ Русскаго языка отъ Чуди, Татаръ, Грековъ, особенно же отъ Скандинавовъ. Такъ Г. Сенковскій называетъ Русскій языкъ смѣсью Словенскаго, Скандинавскаго и Чудскаго, думаетъ, что даже Запорожскіе Казаки говорили по Скандинавски ³⁾! Такъ Г. Сабининъ утверждаетъ, будто «основаніе всего нашего древняго быта перешло къ намъ изъ Скандинавіи»; будто «имена чиновъ,

¹⁾ Ломоносовское мнѣніе о *разноплеменности Варяговъ* опять возобновляется Шафарикомъ въ его *Славянскихъ Древностяхъ*, и Погодинымъ во второмъ изданіи его *Русской Исторіи* (1837), вмѣсто прежняго ограниченнаго усвоенія сего имени другимъ Скандинавамъ.

²⁾ Что такъ думали у насъ въ старину—въ дополненіе къ сказанному мною прежде въ *примѣчаніи* 53, стр. 128 и 129, въ книгѣ: *Откуда ид. Р. З.*—я указалъ еще на универсалъ Богдана Хмельницкаго, данный подъ Бѣлою Церковью року 1648, мая 18 *): въ заключеніи онаго «Гетманъ славнаго войска Запорожскаго и всего по обоихъ сторонахъ Днѣпра сущей Украины Малороссійскаго» поощряетъ *рыцарскую отвагу* Козаковъ, указываетъ на *древнихъ предковъ нашихъ*, воевавшихъ Римъ, *валличихъ Руссовъ, въ Русіи отъ Поморья Балтійскаго альбо Нѣмецкаго собранныхъ*.

³⁾ Въ Библ. для Читенія за 1834 годъ. — Можетъ быть, въ Запорожьѣ и говорили по Скандинавски, по Татарски и проч., такъ же какъ и теперь въ Россіи говорятъ по Нѣмецки, Французски, и многими другими языками; но собственнымъ языкомъ *Запорожьѣ* былъ *Южнорусскій* или *Малорусскій языкъ*, такъ же какъ *Православная Впра* была исключительною у Запорожцевъ, какого бы племени и исповѣданія ни были пристававшіе къ нимъ выходцы.

^{*)} Въ *Исторіи Руссовъ или Малой Россіи* Преосв. Георгія Конисскаго подъ симъ любопытнымъ Универсаломъ выставлено мая 28, а не 18, какъ въ моемъ отдѣльномъ спискѣ.

жилицъ, домашнихъ вещей, животныхъ, самыя укоризненные слова заимствованы нашими предками изъ языка Скандинавскаго»¹⁾.

2.—Конечно, для Русскаго языка весьма важно опредѣлить отношеніе его къ иноплеменнымъ языкамъ и показать, что онъ отъ нихъ заимствовалъ, важно даже и по разнорѣчію, съ какимъ иногда одно и тоже слово одинъ называетъ заимствованіемъ нашимъ отъ Чуди, другой отъ Скандинавовъ, третій отъ Татаръ. Но не менѣе важно опредѣлить и то: какое мѣсто занимаетъ народъ и языкъ Русскій въ общемъ кругу соплеменныхъ ему народовъ и языковъ Словенскихъ? какое отношеніе имѣетъ Русскій языкъ къ Церковно-Словенскому въ особенности?

Рѣшеніе сихъ двухъ вопросовъ особенно важно, какъ по взаимной ихъ связи, такъ и потому, что отъ рѣшенія того и другаго зависитъ взглядъ на коренныя свойства и развитіе Русскаго языка; оно необходимо и потому еще, что объ этомъ предметѣ также существуютъ уже разнорѣчія.

3.—Относительно мѣста, занимаемаго Русскимъ языкомъ въ обще-Словенскомъ кругу, господствуетъ мнѣніе, будто Русскій языкъ принадлежитъ къ одному разряду съ языками Словеновъ Задунайскихъ, наравнѣ съ Сербскимъ, Болгарскимъ, Хорватскимъ и Хорутанскимъ; а Сѣверо-западные Словены и ихъ языки составляютъ собою другой разрядъ.

Два разряда сіи установилъ знаменитый Добровскій²⁾, признавши въ каждомъ по пяти нарѣчій, именно: въ первомъ (Антскомъ) — Русское, Славянское древнее (т. е. Церковно-Словенское), Иллирійское или Сербское, Хорватское (Кроатское) и Виндское (Хорутанское); во

¹⁾ См. любопытную статью Протоіеря Стезана Сабинина: *О происхожденіи слова Болринъ*, въ Октябрьской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1837 годъ. Но Редакція сего Журнала, по справедливости, не согласилась на такое мнѣніе, замѣтивъ, что сходство двухъ языковъ ведетъ только къ заключенію объ ихъ однородствѣ, и что если признавать Скандинавскій языкъ родоначальнымъ для Русскаго, то и Латинскій и Греческій будутъ не что иное, какъ Скандинавскіе выходцы.

²⁾ См. его Грамматику языка Славянскаго по древнему нарѣчію. Ч. I. Перев. Погодинымъ. С. П. Б. 1833 г.

второмъ (собственно-Словенскомъ)—Словацкое, Чешское или Богемское, Сербское или Вендское, въ Верхней Лузаци, Сербское въ Нижней Лузаци и Польское. Такое раздѣленіе Добровскій основалъ на предложенныхъ имъ десяти отличительныхъ примѣтахъ.

Нашъ филологъ Востоковъ, въ своемъ извѣстномъ Разсужденіи о Славянскомъ языкѣ ¹⁾ не призналъ удовлетворительными этихъ отличительныхъ примѣтъ Добровскаго (за исключеніемъ 4-й и 5-й), и сказалъ, что Русскій языкъ составляетъ средину между этими двумя разрядами, но собственно принадлежитъ къ первому, по неупотребленію въ немъ двухъ вставокъ, составляющихъ (по его мнѣнію) главнѣйшую особенность втораго разряда. Такимъ образомъ, Русскій языкъ Востоковымъ оставленъ въ первомъ разрядѣ болѣе по отрицательной примѣтѣ, болѣе по непринадлежности его ко второму разряду,—хотя въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть (какъ и есть) весьма отличенъ и отъ перваго разряда, и составлять особый отдѣлъ.

И въ послѣднее время дѣйствительно нѣкоторые Ученые стали Русскихъ Словенъ и языкъ Русскій отдѣлять отъ Юго-западнаго разряда въ особый, Восточный разрядъ. Такимъ образомъ Палацкій въ Богеміи ²⁾, а у насъ Надеждинъ въ отношеніи къ языкамъ ³⁾, и Устряловъ въ отношеніи къ народамъ ⁴⁾, принимаютъ три разряда Словенъ: 1) Восточный или Русскій, 2) Югозападный или Южный и 3) Сѣверозападный или Западный.

Но раздѣленіе Добровскаго поддерживаетъ съ своей стороны глубоко-изыскательный Шафарикъ: въ своемъ новомъ сочиненіи Славянскія Древности, онъ принимаетъ тѣ же два разряда Словенъ, подраздѣляя каждый на три отдѣла ⁵⁾.

¹⁾ См. Труды Общ. Люб. Рос. Сл. Ч. XVIII. 1820.

²⁾ Въ исторіи Богеміи. Его мнѣніе было приписано у насъ Шафаригу по ошибочному изустному извѣстію, въ коемъ перемѣшаны были имена сихъ двухъ Чешскихъ изыскателей Словенности.

³⁾ Въ статьѣ Европеизмъ и народность, 1836, Телеск. № 1.

⁴⁾ Въ Русской Исторіи. Ч. I. 1836.

⁵⁾ См. его Slowanské Starožitnosti. Pr. 1837, стр. 583.

I. Разрядъ Юговосточный: 1-й отдѣль Русскій, 2-й отдѣль Болгарскій, 3-й отдѣль Иллирійскій.

II. Разрядъ Западный: 1-й отдѣль Мешскій или Польскій, 2-й отдѣль Чехо-Словенскій, 3-й отдѣль Полабскій.

4.—По такимъ авторитетамъ и по недавности вышепоказаннаго отступленія отъ нихъ, Русскій языкъ обыкновенно сближаютъ съ Югозападными языками и притомъ рассматриваютъ его наравнѣ съ ними, какъ одинъ языкъ, обращая вниманіе болѣе на письменное его образованіе, чѣмъ на разнообразіе его въ живой рѣчи многочисленнаго Русскаго народа. Рассматриваемый въ семъ послѣднемъ отношеніи, Русскій языкъ представляется различенъ въ своихъ главныхъ видахъ болѣе, чѣмъ Словенскіе языки Сѣверозападнаго разряда различны другъ отъ друга.—Что на такъ называемое Малороссійское нарѣчіе должно смотрѣть какъ на языкъ особый, отличный отъ Великорусскаго, это я утверждалъ еще въ 1827 году ¹⁾ принимая же во вниманіе, что именовъ Русскаго языка объемлются нѣсколько особыхъ отраслей Словенскихъ, соотвѣтственныхъ языкамъ обоихъ Западно-Словенскихъ разрядовъ, я предложилъ въ 1836 году вкратчѣ ²⁾ новое распредѣленіе, гдѣ Восточные или Русскіе Словены приняты за одну, а всѣ Западные Словены за другую половину обще-Словенскаго круга, который, по моему мнѣнію, можетъ быть раздѣленъ такъ:

I-я Половина: Словены Восточные или Русскіе.

1. Словены Сѣверовосточные или Руссы Сѣверные.

2. Словены Юговосточные или Руссы Южные.

II-я Половина: Словены Западные.

3. Словены Сѣверозападные или Вендскіе.

4. Словены Югозападные или Задунайскіе.

Сообразно сему, и въ кругу языковъ Словенскихъ я принимаю 2 половины и 4 разряда.

¹⁾ Въ первомъ изданіи Малорос. Пѣсенъ, 1827, и въ «Русскомъ Зрителѣ» № 21 и 22 (1830).

²⁾ См. примѣчаніе 1-е въ книгѣ «Отк. ид. Русская земля».

I. Въ Восточно-Словенской или Русской половинѣ:

1-й Разрядъ Сѣвернорусскій или Сѣверовосточный, къ которому принадлежитъ:

1) Языкъ Великорусскій, съ нарѣчіями:

а) Верхне-Русскимъ или Новгородскимъ (по Гречу Олонецкимъ).

б) Нижнерусскимъ или Суздальскимъ.

в) Среднерусскимъ (по Надеждину Рязанскимъ).

г) Московскимъ, образцовымъ, высшимъ по степени, но младшимъ по времени образованія.

2) Языкъ Литовскорусскій или Бѣлорусскій.

2-й Разрядъ Южнорусскій или Юговосточный, куда принадлежитъ.

3) Языкъ Южнорусскій, въ коемъ можно различать:

1) Нарѣчіе Малороссійское или Украинское.

2) Нарѣчіе Червонорусское или Галицкое.

II. Въ Западно-Словенской половинѣ:

3-й Разрядъ Югозападный (1-й разрядъ Добровскаго, за исключеніемъ Русскаго).

4-й Разрядъ Сѣверозападный (2-й разрядъ Добровскаго).

5.—Три главныя вида Русскаго языка: Велико-Русскій, Южно-Русскій и Бѣло-Русскій, принимаетъ какъ за три особые языка (а не нарѣчія) и Г. Надеждинъ, въ статьѣ Великая Россія ¹⁾: однако и сей Ученый все еще полагаетъ, будто отъ Церковно-Словенскаго языка еще не рознился Южнорусскій и въ то время, когда Новгородскіе переписчики Церковныхъ книгъ оговаривались за внесеніе въ нихъ «пословицъ Новгородскихъ» ²⁾, будто и Великорусскій языкъ уже отъ вліянія Сѣвера сдѣлался полногласнымъ и отдѣлился отъ Церковно-Словенскаго языка, имѣвъ прежде одинаковыя съ нимъ свойства. Эта мнимая одинаковость увеличена Г. Давы-

¹⁾ См. Энциклопедическій Лексик. IX. 1837.

²⁾ Сколько мнѣ извѣстно, такая оговорка была сдѣлана въ Евангеліи, писанномъ 1506 года.

довымъ ¹⁾, который утверждаетъ, а) что языкъ Церковно-Словенскій есть древній Русскій, б) что «Славянское нарѣчіе Сѣверныхъ Руссовъ измѣнилось отъ сліянiя съ реченiями Финновъ, которыя изобилуютъ гласными; и в) что напротивъ нарѣчіе Южныхъ Руссовъ удержало въ словахъ своихъ преимущественное господство согласныхъ, подобно языкамъ Сербскому и Болгарскому.»

Такимъ-то или подобнымъ образомъ языкъ Церковно-Словенскій почитаютъ родоначальнымъ для Русскаго, и уже изъ него развившимся и отъ него отдалившимся представляютъ языкъ Русскій.

Вотъ господствующее понятiе объ отношенiи сихъ двухъ языковъ. Вслѣдствіе того и полногласіе, принимаемое за отличіе Русскаго языка, признаютъ въ немъ явленіемъ уже позднѣйшимъ, коему будто бы предшествовали и въ немъ (принадлежащiя Церковно-Словенскому языку) сокращенность словъ и господство согласныхъ. Отъ такихъ понятiй происходитъ хотя и господствующій, но превратный взглядъ на самое развитіе и коренныя свойства языка Русскаго: то, что принадлежало ему издревле (напримѣръ полногласіе) и сохранилось въ немъ какъ и с к о н н о е и можетъ быть нѣкогда обще-Словенское свойство, считаютъ явленіемъ позднѣйшимъ; то, что относится первоначально къ образованію только письменнаго Русскаго языка и къ позднѣйшему усвоенію отъ языка Церковно-Словенскаго, распространяютъ на всю народную Русскую рѣчь и придаютъ ей, какъ родовое, исконное достояніе оной.

Не признавая такимъ образомъ нѣкоторыхъ господствующихъ понятiй о Русскомъ языкѣ за справедливыя, и различаясь отъ нихъ моимъ понятiемъ объ отношенiяхъ Русскаго языка къ другимъ, о времени и разнообразiи его развитiя и многосложности его состава, предлагаю благосклонному вниманію читателей мое критико-историческое изслѣдованіе о сихъ предметахъ, близкихъ не только для Русскихъ, но и для всѣхъ Славянъ или Словенъ, которые такъ любятъ

¹⁾ См. его лекцію о составныхъ началахъ и направленiи Древней Отчественной Словесности, напечат. въ Уч. Зап. Моск. Унив. 1834.

спосредство и такъ дорожать имъ, въ самомъ имени коихъ слава и слово такъ сродны между собою.

II. Сравнительное разсмотрѣніе Русскаго языка по примѣтамъ Добровскаго.

1.—Примѣта первая. Добровскій своему первому разряду усволяетъ частицу *раз*—, разумъ, а второму *роз*—, розумъ. Разница по сей примѣтѣ зависитъ вообще отъ того, что Югозападные Словенскіе языки, особенно Сербскій, любятъ болѣе звукъ *a*; Сѣверозападные же, особенно Польскій, часто замѣняютъ оный звукомъ *o*; потому, на примѣръ, слѣдующія слова, въ первомъ разрядѣ—градъ, прахъ, гладъ, гласъ, длань, златый, младый, храбрый, въ Польскомъ языкѣ употребляются съ буквою *o*—гродъ, прохъ, глодъ, глосъ, длонь, золотый, млодый, хробрый. Что касается до Словенъ Русскихъ, то хотя у большей ихъ части господствующимъ звукомъ еще болѣе оказывается *o*, однако у нѣкоторыхъ господствуетъ преимущественно звукъ *a*, и въ этомъ отношеніи можно сдѣлать слѣдующее различіе.

Въ языкѣ Южнорусскомъ болѣе чѣмъ въ другихъ основнымъ звукомъ оказывается *o*, не обращающее въ *a* (однако несохранившее вполнѣ своей твердости и часто измѣняющееся, по чистому Малороссійскому нарѣчію, въ острое *и*, подобно другимъ гласнымъ звукамъ). Такимъ образомъ въ Южнорусскомъ языкѣ вмѣсто *раз*, постоянно употребляется частица *роз*¹⁾, удерживаемая и въ словѣ розумъ (и произ-

¹⁾ Въ немногихъ только случаяхъ слогъ *роз* произносится Малоросіянцами *риз*, какъ бы для отличенія отъ слога *ръз*, постоянно произносимаго *риз*—(ибо *ъ* въ Южнорусскомъ языкѣ постоянно выговаривается какъ *и*): такимъ образомъ, по Южнорусски говорится—*рѣзно*, *Роздѣд* (Рождество) и *рѣзно*, *риздѣд* и въ этомъ второмъ случаѣ должно писать *рѣзно*, *Рѣздѣо*—по предложенному отъ меня въ 1827 году правописанію для языка Южнорусскаго. По оному, буква *o* и другія *масныя* всегда *удерживаются* на письмѣ, и въ тѣхъ случаяхъ, когда, по господствующему въ Южной Руси произношенію, они выговариваются какъ *и*, отмѣчаются только надстрочнымъ знакомъ * (*надѣркомъ*). Объ основаніяхъ такого правописанія, въ коемъ соблюденіе грамматической правильности языка по возможности согласено съ произношеніемъ не всегда постояннымъ и въ разныхъ мѣстахъ разнымъ, я объяснилъ уже въ предисловіяхъ къ двумъ сборникамъ моимъ Украинскихъ Пѣсенъ (1827 и 1834). Выгода онаго для уразумѣнія языка очевидна: слова

водныхъ отсюда). И такъ здѣсь болѣе сходства съ Сѣверозападнымъ разрядомъ. Южнорусскій языкъ приближается къ сему разряду и обращеніемъ звука *о* и другихъ гласныхъ въ *и* (о

крій, кинь, нись; нижь, нижу, мижь, замижь, мабить, личу, окринь, бездилье такъ написанныя (только по выговору безъ удержанія коренныхъ гласныхъ), не ясны въ значеніи и образованіи своемъ, и не соответствуютъ тѣмъ случаямъ, когда и въ Малороссійскомъ народѣ коренныя гласныя въ тѣхъ же словахъ не произносятся, какъ *и*. По моему слова сіи писать должно такъ: *край* (т. е. вскрай), *кѣнь, нѣсь и нѣсь* (отъ *несу*), *нѣжь и нѣжь* (нежели) и *нѣжу, мѣжь* (между) и *за-мужь, ма-буць, личу*, (врачу) и *личу* (считаю), *окринь* (укрѣпленіе), *окринь* (3-е лице глагола *кряну*) и *окрѣнь* (кпятокъ, отъ гл. *кряплю*), — *бездилье* и *бездѣлье* (невзгоды, безсчастье). Мое правописаніе принято уже нѣкоторыми, въ томъ числѣ и Издателямъ *Украин. и Червонорусскихъ Писемъ*, С. П. Б. 1836. — Изъ Галицкихъ Руссовъ — *Иосифъ Лывичикій*, издавшій 1834 г. во Львовѣ Граматику Малороссійскаго языка, также удерживаетъ коренный звукъ *о*, а измѣненіе онаго въ *и* означаетъ *надстрочнымъ двоеточіемъ* (хотя въ 1831 и онъ сталъ было употреблять для сего *паерокъ*), напримѣръ — *кѣнь, до нѣжь, вѣтня, Львѣвь, дѣ Львѣва*. Но у Русскихъ надстрочное двоеточіе давно уже употребляется надъ *е*, для показанія, что сей звукъ *обращается произношеніемъ* въ *іо*: что имѣеть мѣсто и въ Южнорусскомъ языкѣ, и принято въ мое правописаніе, напр. *ѣю, сѣю, вѣю, синѣю* (вмѣсто *іюю, сіюю, вѣіюю, синіюю*); такимъ образомъ надстрочное двоеточіе нельзя употреблять вмѣсто паерка въ Малороссійскомъ правописаніи, безъ противорѣчія правописанію Велико-русскому, — тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ новыхъ Поэтовъ Русскихъ употребляютъ въ стихахъ надстрочное двоеточіе и въ такихъ словахъ, гдѣ ѣ выговаривается какъ *о*, напр. *пошѣль, нашѣль* (чтобъ не писать *пошолъ, нашолъ*): при томъ Малороссіане выговариваютъ *е*, какъ *іо*, въ такихъ иногда словахъ, въ которыхъ того не дѣлають Великороссіане, и на оборотъ. Кромѣ того есть случаи въ Малороссійскомъ языкѣ, когда оба сіи надстрочные знаки имѣють мѣсто при обращеніи въ *и*, и *іо* гласной буквы въ томъ же словѣ, напр. *на синѣжь* (синимъ) и *на синѣжу* (синіюму), *слѣзы* (сліозы) и *слѣзь* (слизь), *слѣзами* (сліозами) и *слѣзми* (слизми). — Надстрочное двоеточіе пригодилося бы и для буквы *ь*, еслибъ понадобилося или захотѣлось кому означать тѣ случаи, когда сія буква выговаривается по Великорусски какъ *іо*, ѣ (напр. въ словахъ *звѣзды, снѣзда, судла, расцѣль, прибрѣль*. Что касается до буквы *ь*, то она произносится какъ *и* и не только Малороссіанами — постоянно, но и въ *Новгородскомъ* нарѣчій (*хлибь, лись*, а не хлѣбъ, лѣсь), что составляетъ его отличіе отъ прочихъ Великорусскихъ нарѣчій и языка Бѣлорусскаго (по коему Малороссіане и Новгородцы сходятся съ нѣкоторыми Задунайскими Словенами, напр. Словенцами). На письмѣ Малороссіане всегда употребляли букву *ь* для изображенія остраго *и* въ известныхъ случаяхъ, а тѣ, кои не соблюдаютъ правописанія, изображаютъ острый звукъ *и* буквою *ь* даже въ такихъ случаяхъ, когда того не слѣдуетъ, и это въ Южной Руси ведется *издревле*, напр: въ дарственной грамотѣ Льва Даниловича Спасскому монастырю, 1292, читаемъ: «*за нашъ* предѣкы—цркви

чемъ скажемъ еще особо), но по необращенію звука *o* въ *a*, онъ отличается отъ сего разряда: ибо здѣсь напр. Чехи иногда вмѣсто *o* употребляютъ *a*, какъ въ Югозападномъ разрядѣ, а у Словаковъ и частица *raz* употребительна.

Великороссіане Верхнерусскаго и Нижнерусскаго нарѣчій (распространившихся въ народѣ по всему Сѣверу и Востоку Россіи) удержали во всей твердости звукъ *o*, не обращаемый въ *a*; потому и у нихъ употребительнѣе частица *роз*; и хотя они большею частію говорятъ разумъ, но слова производныя отсюда произносятся съ звукомъ *o* (розумѣю, розумный). Но по Московскому, какъ образцовому, но позднѣйшему нарѣчію Великорусскаго языка, и нарѣчію Среднерусскому, звукъ *o* часто измѣняется въ мягкое *a* (составляющее средину между *a* и *o*): потому въ этихъ двухъ нарѣчіяхъ, какъ и въ письменномъ Великорусскомъ языкѣ (образовавшемся подъ вліяніемъ Церковно-Словенскаго) употребляется *раз*—, разумъ; однако есть много случаевъ, когда и разговорно и письменно употребляются и *раз* и *роз*, и такимъ образомъ совмѣщаются примѣты обоихъ разрядовъ; напримѣръ: *разысканіе*, *родыскъ*, *разница*, *разный*, *рѣзница*, *рѣзный*, *порознь*, *врѣзь*, *рѣзнить*, *рѣзвальни*, и проч.

Но языкъ Бѣлорусскій или Литовско-Русскій замѣчательно отличается частымъ употребленіемъ вмѣсто *o* твердаго *a*. Это составляетъ его особенность безъ сомнѣнія издревле, ибо онъ и не могъ занять ее и не утратилъ ее отъ окружающихъ его языковъ (Польскаго, Южнорусскаго и нарѣчія Верхнерусскаго). Такимъ образомъ здѣсь употребляется частица *раз*, какъ въ разрядѣ Югозападномъ; и хотя Литовскіе Руссы говорятъ разумъ, (по вліянію Южнорусскаго и Польскаго), но производныя отсюда произносятся съ звукомъ *a*.

святымъ—боаре *нашт*—по насъ *боудочитъ*—дѣти *нашт*—вѣкы *вчынны*—десятины *медовыт*—отъ *вышеписанноу*. Потому ъ встрѣчается и въ такихъ словахъ, въ которыхъ стали писать *и*, принявъ Малороссійское произношеніе, напр. *Черниговъ*, *Пинскъ*, вм. *Чернѣговъ*, *Пѣнскъ*; въ наклоненіи повелительномъ—*свалите*, *идите* вмѣсто *свалѣте*, *идѣте*, какъ писалось въ старину; такъ и теперь должно писать по Малороссійски;—или въ такихъ словахъ, кои стали писать съ буквою *e*, слѣдуя Великорусскому выговору, напр. *Воронезъ* вм. *Воронѣжъ* (и даже *лекаръ*, *мелкій* вмѣсто *лѣкаръ*, *млѣкій*!).

И такъ, въ Сѣвернорусскомъ разрядѣ, преимущественно только Бѣлорусскій языкъ выдерживаетъ сію примѣту одинаково съ Югозападнымъ разрядомъ; но Великорусскій языкъ соотвѣтствуетъ болѣе разряду Сѣверозападному, имѣя въ Верхне-и Нижне-Русскомъ нарѣчіяхъ твердое *о*, не обращаемое въ *а*, — какъ въ Польскомъ языкѣ ¹⁾, — и совмѣщая оба звука въ нарѣчіяхъ Среднерусскомъ и Московскомъ, какъ то бываетъ въ Чехо-Словацкомъ отдѣлѣ Сѣверозападнаго разряда. Употребленіе мягкаго *а* вмѣсто *о* въ народѣ Великорусскомъ, собственно ограничивалось только Среднерусскимъ нарѣчіемъ (отъ Бѣлоруссіи до Волги); потомъ оно утвердилось въ нарѣчій Московскомъ (подъ вліяніемъ Церковно-Словенскаго языка) и уже вмѣстѣ съ симъ нарѣчіемъ изъ Москвы распространилось по Россіи въ высшихъ сословіяхъ и содѣлалось образцовымъ, чистымъ Русскимъ выговоромъ — рѣчь ю високою, или съ-высока, какъ называютъ его Великороссіане, говорящіе на *о* ²⁾.

2.—Примѣта вторая. Добровскій своему первому разряду усваиваетъ *из*: издати; а второму *вы*: выдати.

Южнорусскій языкъ употребляетъ, сходно съ Сѣверозападнымъ разрядомъ, частицу *вы*. Частица *из*, или *зъ*, имѣетъ въ немъ иное значеніе и соотвѣтствуетъ собственно предлогу *со*, *съ*: такъ вмѣсто съ ѣль Малороссіане говорятъ ³⁾ зъ ѣвъ, изъ ѣвъ; вмѣсто снова — и зновъ, знову, и по Бѣлорусски также знову; и таковымъ употребленіемъ сего предлога съ буквою *з* Южнорусскій языкъ сходится также съ Сѣверозападными.

По Великорусски хотя говорятъ издати и выдати книгу: слѣдственно здѣсь совмѣщаются примѣты обоихъ разря-

¹⁾ Съ Польскимъ языкомъ сіи два Великорусскія нарѣчія имѣютъ и другія общія примѣты, чуждыя Бѣлорусскому, Южнорусскому и всѣмъ другимъ Западно-Словенскимъ языкамъ; таково, на примѣръ, твердое произношеніе звука *г* (какъ Латинское *g*).

²⁾ Изъ всего сказаннаго видно, какъ несправедливо замѣчаніе Добровскаго, будто Русскіе подражая Чехамъ и Полякамъ, вмѣсто *раз* произносятъ иноида *роз* (Грамм. Ч. I, стр. 486); оно могло бы относиться только къ Бѣлоруссамъ, и то не вполнѣ.

³⁾ Буква *ь* Южными Руссами, Новгородцами и Тверичами, произносится какъ острое *и*, что составляетъ отличіе ихъ отъ прочихъ Русскихъ и Западныхъ Словенъ, вромѣ Болгарскихъ.

довѣ; но и здѣсь народнѣе и собственнѣе частица *вы*, вмѣсто коей употребляется теперь *из*, кажется по вліянію уже Церковно-Словенскаго языка (которому постоянно принадлежит сіе употребленіе); на примѣръ: *выборъ*, *выбрать*, *выходъ*, *выгнать*—это формы въ Русскомъ языкѣ чисто-народныя; но *избрать*, *исходъ*, *изгнать*—это формы болѣе книжныя, принятыя (изъ коихъ первая *изборъ* и не перешла въ новый Русскій языкъ). Съ усвоеніемъ таковыхъ книжныхъ формъ, приставка той либо другой частицы даетъ уже словамъ разницу въ тонѣ или въ оттѣнкѣ ихъ значенія, а иногда и весьма измѣняетъ оное, на примѣръ: *выбѣжать*, *избѣжать*, *выѣденный*, *изѣденный*, *вырвать*, *изорвать*.

Для показанія древности употребленія частицы *вы*, вмѣсто *из*, можно привести изъ Пѣсни Игорю слово *выторже*, вмѣсто *исторгъ*.

По употребленію частицы *вы* вмѣсто *из* (слитно съ другими словами), подобно Полякамъ, Чехамъ, Русскій языкъ собственно принадлежитъ ко второму разряду, и только Великорусскій отчасти подходитъ къ первому, и то формами оттуда же занятыми (отъ Церковно-Словенскаго).

3.—Примѣта третья. По вставкѣ звука *л* (послѣ губныхъ), опускаемаго въ языкахъ Сѣверозападнаго разряда, языкъ Южнорусскій сходится съ Югозападными, а не съ Сѣверозападными языками, ибо онъ не только удерживаетъ *л* (на примѣръ: *земля*), но даже иногда прибавляетъ передъ нимъ *е* (на примѣръ: *корабель*, *журавель*).

Но въ Великорусскомъ языкѣ совмѣщаются примѣты обоихъ разрядовъ: и удержаніе звука *л*, какъ въ первомъ разрядѣ (напр. *земля*, *корабль*, *журавль*); и опущеніе онаго, какъ во второмъ разрядѣ (на примѣръ *корабль*, *журавль*, или *корабъ*, *журавъ*), даже съ большимъ сокращеніемъ (напр. вмѣсто *земля*—*земь*: *на земь*, *на земли*). Послѣднія формы суть чисто-народныя въ Великорусскомъ языкѣ, любящемъ такое сокращеніе или заостреніе въ концѣ словъ по средствомъ обращенія гласныхъ въ *ь*.

Такимъ образомъ и сею примѣтою Русскій языкъ не вполне сопрягается съ языками Югозападными, и въ Сѣвер-

номъ своемъ разрядѣ переходитъ къ разряду Сѣверозападному; да если бы и вполнѣ она была выдержана, то она столь частная и мелкая, что не можетъ быть достаточною связью, при другихъ болѣе важныхъ несходствахъ.

4.—Примѣта четвертая.—По невставкѣ звука *d* передъ *л*, языкъ Русскій дѣйствительно отличается отъ Сѣверозападныхъ, подобно языкамъ Югозападнымъ.—Сія-то примѣта признана и Г. Востоковымъ, который присоединилъ къ ней еще другую невставку, а именно—звука *ж* послѣ *р*, при стеченіи оной съ тонкими гласными, каковая дѣйствительно чужда Русскому языку и языкамъ Югозападнымъ. Но, кромѣ того что сія примѣта только отрицательная (какъ замѣчено выше), она и потому недостаточна, что вставка *ж* послѣ *р* (*rz*) не есть общая примѣта Сѣверо-Западнаго разряда, а только особенность Польскаго языка, распространенная и на Чешскій, но чуждая языку Словацкому, такъ же какъ и Русскому.

Говоря объ этихъ вставкахъ, замѣчу, что звукъ *d* иногда вставляется у Русскихъ передъ *р*, и мнѣ кажется въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ *р* опущена гласная, существующая въ полногласныхъ формахъ того же слова. Такъ на примѣръ, въ словахъ Кирилла Туровскаго (изданныхъ Калайдовичемъ)¹⁾ читаемъ: раздрушитель, раздрушити, раздрѣшитель издринуги, неиздреченный,—(здѣсь предлоги *раз*, *изз* предполагають полногласные—*разо*, *изо*). Такъ и теперь нѣкоторые Великороссіяне говорятъ ндравъ (вмѣсто правъ—норовъ), ндравитса; нѣкоторые Малороссіяне говорятъ вздрѣвъ, уздрѣвъ, т. е. узрѣлъ (гдѣ также послѣ *з* опущено *о*, какъ показываютъ слова взоръ, зоркій и др.). Иногда вмѣсто *d* вставляется ближайшій къ нему звукъ *m*, на примѣръ—вмѣсто срамъ (въ Южнорус. сдромъ) говорятъ обыкновенно страмъ. Сею изрѣдка употребительною вставкою Русскій языкъ сближается съ Югозападнымъ разрядомъ, ибо и тамъ она иногда встрѣчается, на примѣръ въ древнихъ Глаголитскихъ рукописяхъ—раздрѣшу, раздрушены; у Сербовъ вмѣсто жребя (жеребя), говорится ждребе.

¹⁾ Памятники Россійской Словесности XII вѣка. М. 1821.

5.—Примѣту пятую у Добровскаго составляютъ слова *пещ, мощ*, по Югозападной формѣ, *печ, моч*—по Русски; а по формѣ Сѣверозападной—*пещ, моч*.

Можно привести и много другихъ, симъ соотвѣтственныхъ случаевъ, гдѣ употребляемая Русскими *ч* замѣняется въ Сѣверозападномъ разрядѣ звукомъ *ц*, а въ Югозападномъ—*щ* (шт). Но чѣмъ постояннѣе было бы такое распределение сихъ трехъ звуковъ, тѣмъ больше Русскій языкъ въ семъ отношеніи сближался бы съ разрядомъ Сѣверозападнымъ: ибо звуки *ч* и *ц* суть ближайшіе между собою и потому такъ часто замѣняемые другъ другомъ. Такъ у Русскихъ въ весьма многихъ словахъ, вмѣсто *ц*, издревле употребляется *ч*, особенно по нарѣчію Новгородскому (напр. *отечь, чарь*). На оборотъ—вмѣсто *ч*, въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи издревле употреблялось *ц*. Изъ Великорусскихъ нарѣчій этимъ наиболѣе отличается нарѣчіе Среднерусское (въ которомъ говорятъ, напимѣръ — *цего, цему, целавѣкъ, цудо*). Но особенно пристрастенъ къ звуку *ц* языкъ Бѣлорусскій, въ которомъ и *ч* и *т*¹⁾ обращаются въ *ц*—еще болѣе, чѣмъ въ языкѣ Польскомъ (напимѣръ: *цаго, цаму, цалавѣкъ, цяперъ—теперь*, и проч.). Древность такого обоюднаго употребленія *ч* и *ц* въ разныхъ краяхъ Россіи подтверждается множествомъ примѣровъ изъ письменныхъ памятниковъ, изъ которыхъ между прочимъ видно, что и въ именахъ по отчеству вмѣсто *чь* употреблялось *цъ* даже Новгородцами.

Если сіи два звука разсматривать и какъ составные *ч* изъ *ти*, *ц* изъ *тс*, то они представляются сложенными одно-

¹⁾ Два звука сіи (Ч и Т) оказываются взаимно соотвѣтственными: а) по общему ихъ обращенію въ *ц*. и на оборотъ по обращенію въ нихъ звука *ц* (наприм. *цвѣтъ—твѣтъ*); б) по замѣняемости одного другимъ при звукѣ *ц* въ составѣ сложнаго звука *цъ*; в) по обращенію другъ въ друга, напим. *крутъ (крутизна)* и *кручь* (въ Южнорусскомъ *круча*); *вѣтъ (завѣтъ, привѣтъ)* и проч.—*рѣчь, вѣтій* или *витія* и *вѣчь*, или *вече*; *батько* или *батьки* (также *бата*) и *бачка*, по Бѣлорусски *бацька*;—и въ именахъ по отчеству вмѣсто нами употребляемаго омончанія *чь* или *чъ* (въ старину и *цъ*, сходно съ Польскимъ и Чесскимъ), у Сербовъ *тъ* (ѣ), а у Болгаръ *итъ* (щ); г) наконецъ сюда принадлежатъ весьма многіе случаи, гдѣ звукъ *т* неопредѣленнаго наклоненія обращается въ *ч* въ настоящемъ изъявительнаго (*летѣть, лѣчу; лѣтъ*) и иногда и въ именахъ (*портить, порчу, порча*).

образно: оба начинаются звукомъ *m* и переходятъ въ шипящій звукъ *ts*. Но въ сложномъ звукѣ *ts* представляется обратный порядокъ составныхъ звуковъ: онъ начинается шипящимъ звукомъ (*ts* или *s*) и потомъ переходитъ у большей части Задунайскихъ Словенъ въ *m*, у Сѣверозападныхъ Словенъ въ *ch*; сходно съ сими послѣдними и у Русскихъ *ts* принимается какъ звукъ составленный изъ *tsch* или *sch* ¹⁾, какъ и пишутъ теперь многіе въ извѣстныхъ случаяхъ (напр. счастье, лосчить, мужчина, вм. щастье, лощить, мущина). Итакъ у насъ и въ Сѣверозападномъ разрядѣ звукъ *ts* болѣе сложенъ отъ притеченія новой шипящей къ *ch*, сложенному изъ *tsch*. Но у Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ *ts* представляетъ только перестановку сихъ двухъ составныхъ звуковъ и произносится какъ *mt*: потому у нихъ такъ часто писали прежде и теперь пишутъ *mt* вмѣсто *ts*: что дѣлали и у насъ въ старину изъ подражанія правописанію Болгарскому, особливо Іоаннъ, составитель извѣстнаго сборника Святославскаго (1073). Такимъ образомъ, ограничиваясь тѣми случаями, когда употребляемый Русскими *ch* замѣняется у Сѣверозападныхъ Словенъ звукомъ *ts*, а у большей части Югозападныхъ, особенно у Болгаръ, звукомъ *mt* (*sch*), можно бы сказать, что по составу сихъ 3 звуковъ языкъ Русскій находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ разрядами Сѣверозападными и въ обратномъ съ Югозападными.

Но сіе, Добровскимъ указанное распредѣленіе, хотя и простирается на многіе случаи, однакожь не есть общее, и есть другіе случаи, когда Задунайское *ts*, т. е. *mt*, соотвѣтствуетъ нашему *ts*, т. е. *sch*, когда сіи звуки и у Русскихъ замѣняются другъ другомъ. Объ этомъ подробнѣе скажу послѣ; а здѣсь замѣчу только вообще, что такое обоюдное употребленіе оныхъ звуковъ бываетъ только въ Сѣвернорусскомъ разрядѣ, который въ этомъ отношеніи можно сравнить съ разрядомъ Югозападнымъ, гдѣ говорятъ и *mt* (у Сербовъ, Болгаръ, Хорватовъ), и *tsch* (у Хорутанъ или Словенцовъ);

¹⁾ По измѣняемости *ch* въ *ts* въ Среднерусскомъ нарѣчій и *ts*, тамъ выговаривается часто *sch* вмѣсто *sch*, на прим. *счетка*, вмѣсто *щетка*.

e6711/01

но Южнорусскій языкъ постоянно выдерживаетъ твердое произношеніе *си* или *ши* (сходно съ разрядомъ Сѣверозападнымъ) и не смѣшиваетъ съ нимъ звука *шт*.

6.—Примѣта шестая у Добровскаго, для перваго разряда—звѣзда и цвѣтъ, для втораго—звѣзда, квѣтъ.

По слову звѣзда Русскій языкъ сходенъ съ Югозападнымъ разрядомъ: ибо ни Сѣверные, ни Южные Руссы не говорятъ звѣзда. Что касается до втораго слова, то въ Сѣвернорусскомъ разрядѣ, сходно съ Югозападнымъ оно употребляется съ звукомъ *ц*, который въ Великорусскомъ простонародіи иногда обращается въ *т*, и такимъ образомъ, вмѣсто цвѣтъ, многіе Великороссіяне (въ томъ числѣ и Новгородцы) часто говорятъ твѣтъ. Но въ языкѣ Южнорусскомъ употребительнѣе Сѣверозападная форма, съ звукомъ *к*: квѣтъ, квѣтка, квѣточка; но въ глагольныхъ формахъ сего слова и здѣсь предпочтительнѣе употребляется звукъ *ц*: цвѣсти ¹⁾ слѣдственно здѣсь совмѣщаются разности обоихъ Западныхъ разрядовъ. Впрочемъ и въ Великорусскомъ просторѣчьи говорятъ квѣтъ.

7.—Примѣту седьмую у Добровскаго составляетъ *тз* (*той*) въ первомъ разрядѣ, *тенз* во второмъ. Въ Великорусскомъ языкѣ *тогз*, въ Южнорусскомъ языкѣ и Верхнерусскомъ нарѣчьи Великорусскаго, *той*: слѣдственно по сей примѣтѣ Русскій языкъ сходенъ къ Югозападнымъ разрядомъ.

8.—Примѣта осьмая.—Добровскій своему первому разряду усваиваетъ слово пепель, а второму попель. Великороссіяне употребляютъ первую форму сего слова, (впрочемъ въ разговорѣ обыкновенномъ и въ просторѣчьи употребительнѣе *зола*); но языкамъ Южнорусскому и Бѣлорусскому, наравнѣ съ Сѣверозападными, принадлежитъ вторая. Собирая общія формы, я полагаю, что первая есть уже измѣненіе второй, и что сія послѣдняя соотвѣтственнѣе свойствамъ Русскаго языка вообще. Ибо 1) частица *по* въ словѣ попель есть

¹⁾ Слово *цвѣсти* въ Южнорусскомъ языкѣ значитъ еще плесевать, (*цвѣль*—плесень); да и по Великорусски говорится *вода цвѣтитъ*: употребленіе сего слова въ такомъ смыслѣ и на другихъ языкахъ согласно съ значеніемъ самаго предмета въ природѣ.—Замѣчу также, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой и Бѣлой Руссиі, вмѣсто *цвѣты* (*florae*), говорятъ *краски*.

собственная и показываетъ образованіе онаго изъ глагола 1) палить, палю (откуда палѣа, запалѣ, опалѣ, опалѣа); и по всей вѣроятности первоначально оно было пѣпалѣ, къ чему подходитъ Бѣлорусское произношеніе (такъ часто употребляющее звукъ я вмѣсто е безъ ударенія) пѣпалѣ; 2) измѣненіе частицы *по* въ *пе* бываетъ и въ другихъ словахъ, на прим: трава полынѣ, коея имя можетъ быть происходить отъ глагола лынѣть, лынѣти; полынѣти, въ Южнорусскомъ злынѣти, полетѣть, взлетѣть, въ Польскомъ піолунѣ, по Словенски пелынѣ, по Чешски пелунѣ; 3) это измѣненіе подходитъ подъ общій законъ измѣненія *о* въ *е*, въ каковыхъ случаяхъ Русскій языкъ болѣе Западнословенскихъ удерживаетъ свой основной звукъ *о*. Такъ напримѣръ въ слѣдующихъ словахъ Восточнословенскія или коренныя Русскія формы будутъ: озеро, боберъ или бобръ, молоко, волоку, рота (или ротба, устная присяга), два (нынѣ только въ просторѣчи, а прежде и письменно, напр. у Нестора по Лавр. сп.), одинъ; но по Западной формѣ разныхъ Словенскихъ языковъ, отчасти усвоенной уже и Русскому, слова сія произносятся—езеро, бебръ, млеко, влеку, рета, едва, одинъ и еденъ, и проч.

9.—Примѣта девятая. Добровскій своему первому разряду усваиваетъ слово птица, а второму птакъ. Въ Русскомъ языкѣ существуютъ оба измѣненія сего слова и притомъ въ видѣ болѣе первообразномъ. Птица, птичка употребляются и въ Великорусскомъ и въ Южнорусскомъ языкѣ; но и тому и другому свойственны также птаха, пташка, какъ слова совершенно народныя и даже болѣе употребительныя, чѣмъ птица 2) (такъ и въ Великорусской народныхъ пѣсняхъ употребляется обыкновенно пташка, пташечка). Въ Кіевѣ (напримѣръ въ Кіевской Лѣтописи и у Беринды), слово птаха

1) Другой видъ сего глагола—въ Южнорусскомъ языкѣ *палѣти*, *палѣю*, въ Великорусскомъ—*полѣть* и *пылѣть* (въ Словенскомъ сокращено *плати*): отсюда *пѣломѣ* или *пѣлымѣ*, сокращенныя въ *пѣламя*, *пѣламень*; *пыль* (въ Южнорусскомъ слово *пыль* употр. вмѣсто *пыль*).

2) Слова *птица* и *птаха* въ Великорусскомъ простонародьи часто произносятся съ пережбною *п* на *м*—*птица*, *птаха*; а нѣкоторыя Иллирійцы *исновѣмъ* опускаютъ *п*, говорятъ *тица*.

употреблялось и въ мужескомъ родѣ, сюда, я думаю, произошло *птакъ*, на *пта хъ*, *пта шокъ*: отъ ибо тамъ же оно употребляется уменъ (напр. въ Польскомъ языкѣ; (какъ бы слѣдовало отъ *птакъ*, но ѣшительно не *пта чекъ* *пташекъ* (отъ *пта хъ*, но *измѣняе* *измѣняемости к въ ч*), но сюда производныя формы также имѣюемости *х въ ш*); другія отслѣдственно форма *птакъ* тамъ не вѣтъ тамъ звукъ *ш*, а не *ч*, и *измѣненія*. коренная, но позднѣйшаго

Въ письменныхъ Русскихъ въ XIII вѣка (напр. въ спискахъ Уста *амятникахъ*, начиная съ ской грамотѣ Новогор. Кн. Андрея) ва Владимірова, въ Двинялось слово *потка*, которое поны вмѣсто птица употребчійхъ Верхнерусскомъ и Нижнерусскнѣ сохранилось въ нарѣпташечка) говорятъ также *потка*, *ромъ*, гдѣ (вмѣсто *пташка*, *скомъ языкѣ* *птушка*, *птушечка* *пточка*, а въ Бѣлорус-

Русскій языкъ весьма гибокъ а. изводныхъ и особенно уменьшительныи разнообразень въ провъ Великорусскомъ, дѣвушка, дѣвчхъ словахъ (напр. дѣва Южнорусскомъ дѣвонька, дѣвчя, дѣвца, дѣвочка, дѣвица; въ и т. д.); между прочимъ весьма учина и дѣвчина, дѣвчинка окончаній *а* и *ка* на *ица*. Такимъ употребительна перемѣна шительной формы *пточка*, естес образомъ, кромѣ уменьслѣдующія: 1) *потушка*, отъ коейтвенно происходятъ еще (или обращеніе въ *э*) произошла, мѣ чрезъ опущеніе звука *о* форма *птушка*; 2) *пѣтица*, отъ кнѣ кажется, Бѣлорусская ценіе, я думаю, произошло употребіеюй чрезъ такое же сокра- тельное 1) слово птица

1) Такъ не рѣдко формы болѣе перво кругъ употребленія, чѣмъ ихъ видоизмѣненіеобразныя получаютъ меньшій ченіи: можно привести много соответствія и даже разрознятся въ зналасточка, по Словенски *ластовица*—въ Южннхъ примѣровъ. Такъ слово Нижнерусскомъ нарѣчій—*улка*; *зныши*—въ орусскомъ *ластовка*; *улица*, въ въ ограниченномъ смыслѣ), *всѣрица* (у Несто Верхнерусскомъ—*зныка* (и то *пуговица* или *пувица*—по Словенски *пува* зра)—въ Польскомъ *wiewiorka*; снѣне говорятъ *курица*, Малороссіянне—*курка* (см. у Берынды); Великоросупотребительно только у первыхъ; въ Бѣлорус, тѣ и другія—*утка*; но *утица* русскомъ употребляется слово *малець*, но въскомъ языкѣ и нарѣчій Верхнежалеть только уменьшительныя—*малыць* и ѣ образованномъ нарѣчій удерформы того же слова представляются *разстѣроч*. Такимъ образомъ разными нарѣчійхъ; но почему та, а не другая форманными по разнымъ языкамъ и присвоена разными языками

по правилу стариннаго правописанія должно бы писать пѣтица), точно такъ, какъ слово ложка у Нестора по Лавр. сп. на стр. 89. находимъ лѣжица и лжица (вмѣсто ложка и ца); какъ слово золовка въ Осташковѣ произносятъ золовица, а по Малороссійски зовица ¹⁾; 3) въ Киевѣ употреблялись еще уменьшительныя «потя, потятко», коими (какъ словами обыкновенными) Берында въ своемъ Лексиконѣ изъясняетъ слово «птенецъ» или птенецъ (вмѣсто потенецъ), принадлежащее къ сему же ряду уменьшительныхъ.

И такъ двѣ Русскія формы птаха и потка оказываются первообразными для прочихъ формъ сего слова; древность ихъ подтверждается и ихъ близостью къ формамъ сего же слова: *pataga*, отъ коей Русское слово птаха рознится опущеніемъ первой гласной, и *pataka*, отъ коей Русское слово потка отмѣняется обращеніемъ *a* въ *o* и опущеніемъ второй гласной, возобновляющейся опять въ уменьшительной или вообще въ производной формѣ, напр. поточка. При этомъ случаѣ, въ оправданіе сказаннаго не лишнимъ считаю замѣтить, что замѣна любимаго Санскритскимъ языкомъ звука *a* звукомъ *o* въ языкѣ особенно Русскомъ, и опущеніе гласныхъ звуковъ языками Словенскими (особенно Западными), встрѣчается часто.

Такъ напримѣръ нашимъ словамъ: Богъ, звонъ, огонь, носъ, ноготь, новый, доля—въ Санскритскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ *baga*, *svana*, *agni*, *nasa*, *naka*, *nava*, *dala*; сто (сотый, сотня) въ Санскритскомъ *sata*. Иногда вмѣсто Санскритскаго *a* въ Словенскихъ языкахъ употребляется звукъ *e* (напр. небеса *nabasa*, печь *ratsch*, есмь *asmi*, дверь *dvar*), а иногда звукъ *y*—(*pata* путь, *saka* сукъ). Видоизмѣненіе Русскаго слова к о т о р ы й, по чистому Великорусскому выговору к а т о р ы й, соотвѣтственнаго Санскритскому *katara*, пред-

и варѣчiami—на это очень часто нельзя дать объясненія. Для примѣра отмѣны въ значеніи разныхъ формъ можно привести *matiца* и *matka*,—*вода*, *водица*, *воддонька* (въ Малоросс.) и *вѣдка*, *вѣдочка*.

¹⁾ *л* передъ *в* въ Малороссійскомъ языкѣ обыкновенно опускается; такъ, вмѣсто *молва*, *молвити*, говорить—*мова*, *мовити* (сходно съ Польскимъ, у Чеховъ *млува*, *млувити*).

употреблялось и въ мужескомъ родѣ, пта хъ, пташоуъ: отсюда, я думаю, произошло птакъ, напр. въ Польскомъ языкѣ; ибо тамъ же оно употребляется уменьшительно не птачекъ (какъ бы слѣдовало отъ птакъ, по измѣняемости к въ ч), но пташекъ (отъ птахъ, по измѣняемости х въ ш); другія отсюда производныя формы также имѣютъ тамъ звукъ ш, а не ч, и слѣдственно форма птаеъ тамъ не коренная, но позднѣйшаго измѣненія.

Въ письменныхъ Русскихъ памятникахъ, начиная съ XIII вѣка (напр. въ спискахъ Устава Владимірова, въ Двинской грамотѣ Новогор. Кн. Андрея) вмѣсто птица употреблялось слово потка, которое понынѣ сохранилось въ нарѣчіяхъ Верхнерусскомъ и Нижнерусскомъ, гдѣ (вмѣсто пташка, пташечка) говорятъ также потка, поточка, а въ Бѣлорусскомъ языкѣ птушка, птушечка.

Русскій языкъ весьма гибокъ и разнообразенъ въ производныхъ и особенно уменьшительныхъ словахъ (напр. дѣва въ Великорусскомъ, дѣвушка, дѣвка, дѣвочка, дѣвица; въ Южнорусскомъ дѣвонька, дѣвчя, дѣчина и дѣвчина, дѣвчинка и т. д.); между прочимъ весьма употребительна перемѣна окончаній *a* и *ка* на *ица*. Такимъ образомъ, кромѣ уменьшительной формы *поточка*, естественно происходятъ еще слѣдующія: 1) *потушка*, отъ коей чрезъ опущеніе звука *o* (или обращеніе въ *э*) произошла, мнѣ кажется, Бѣлорусская форма *птушка*; 2) *пѣтица*, отъ коей чрезъ такое же сокращеніе, я думаю, произошло употребительное ¹⁾ слово *птица*

¹⁾ Такъ не рѣдко формы болѣе первообразныя получаютъ меньшій кругъ употребленія, чѣмъ ихъ видоизмѣненія и даже разрознются въ значеніи: можно привести много соответственныхъ примѣровъ. Такъ слово *ласточка*, по Словенски *ластовица*—въ Южнорусскомъ *ластовка*; *улица*, въ Нижнерусскомъ нарѣчій—*улка*; *зпница*—въ Верхнерусскомъ—*зпника* (и то въ ограниченномъ смыслѣ), *овсерица* (у Нестора)—въ Польскомъ *wiewiorka*; *пуговица* или *пуговица*—по Словенски *пува* (см. у Беринды); Великоросіянѣ говорятъ *кураца*, Малоросіянѣ—*курка*, тѣ и другія—*утка*; но *утица* употребительно только у первыхъ; въ Бѣлорусскомъ языкѣ и нарѣчій Верхнерусскомъ употребляется слово *малецъ*, но въ образованномъ нарѣчій удержанъ только уменьшительныя—*малчикъ* и проч. Такимъ образомъ разныя формы того же слова представляются *разстѣянными* по разнымъ языкамъ и нарѣчіямъ; но почему та, а не другая форма присвоена разными языками

по правилу стариннаго правописанія должно бы писать и ѣтица), точно такъ, какъ слово ложка у Нестора по Лавр. сп. на стр. 89. находимъ лѣжица и лжица (вмѣсто ложкица); какъ слово золовка въ Остапковѣ произносятся золвица, а по Малороссійски зовица ¹⁾; 3) въ Кіевѣ употреблялись еще уменьшительныя «потя, потятко», коими (какъ словами обыкновенными) Беринда въ своемъ Лексиконѣ изъясняетъ слово «птенець» или птенець (вмѣсто потенець), принадлежащее къ сему же ряду уменьшительныхъ.

И такъ двѣ Русскія формы птаха и потка оказываются первообразными для прочихъ формъ сего слова; древность ихъ подтверждается и ихъ близостью къ формамъ сего же слова: *pataga*, отъ коей Русское слово птаха рознится опущеніемъ первой гласной, и *pataka*, отъ коей Русское слово потка отмѣняется обращеніемъ *a* въ *o* и опущеніемъ второй гласной, возобновляющейся опять въ уменьшительной или вообще въ производной формѣ, напр. поточка. При этомъ случаѣ, въ оправданіе сказаннаго не лишнимъ почитаю замѣтить, что замѣна любимаго Санскритскимъ языкомъ звука *a* звукомъ *o* въ языкѣ особенно Русскомъ, и опущеніе гласныхъ звуковъ языками Словенскими (особенно Западными), встрѣчается часто.

Такъ напримѣръ нашимъ словамъ: Богъ, звонъ, огонь, носъ, ноготь, новый, доля—въ Санскритскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ *baga*, *svana*, *agni*, *nasa*, *naka*, *nava*, *dala*; сто (сотыи, сотня) въ Санскритскомъ *sata*. Иногда вмѣсто Санскритскаго *a* въ Словенскихъ языкахъ употребляется звукъ *e* (напр. небеса *navasa*, печь *patsch*, есмь *asmi*, дверь *dvag*), а иногда звукъ *y*—(*pata* путь, *saka* сукъ). Видоизмѣненіе Русскаго слова каторый, по чистому Великорусскому выговору каторый, соотвѣтственнаго Санскритскому *katara*, пред-

и нарѣчiami—на это очень часто нельзя дать объясненія. Для примѣра отмѣны въ значеніи разныхъ формъ можно привести *мѣтица* и *мѣтка*,—*вода*, *водица*, *вдодка* (въ Малоросс.) и *вѣдка*, *вѣдочка*.

¹⁾ *Л* передъ *в* въ Малороссійскомъ языкѣ обыкновенно опускается; такъ, вмѣсто *молава*, *молавити*, говорятъ—*мова*, *мовити* (сходно съ Польскимъ, у Чеховъ *млува*, *млувити*).

ставляетъ почти всё указанные случаи: въ Малорусскомъ оно сокращается опущеніемъ второй гласной котры; въ Сѣверозападномъ разрядѣ опущеніемъ первой гласной съ измѣненіемъ второй, по Польски въ у (któgu), по Чешски е (ktery).

10.—Примѣта десятая: въ первомъ разрядѣ десница, во второмъ правца.

Употребленіе слова десница у насъ относится собственно къ языку письменному и притомъ Церковно-Славянскому; но въ народномъ употребленіи обыкновеннѣе правая рука и правша, слѣдственно ближе къ Сѣверозападной формѣ. Впрочемъ имя рѣки Десны показываетъ, что и Югозападная форма можетъ быть нѣкогда была въ народномъ употребленіи у Южнорусскихъ Словенъ.

11.—Изъ сего подробнаго разбора языка Русскаго по примѣтамъ Добровскаго оказывается:

а) Что примѣты сіи противорѣчатъ слѣланному Добровскимъ причисленію Русскаго языка къ одному разряду съ Задунайскими или Югозападными языками Словенскими.

б) Что языкъ Русскій, и по симъ примѣтамъ разсматриваемый, представляется сложнымъ изъ разныхъ видовъ, въ совокупности коихъ находятся всё главнѣйшія примѣты, принадлежація языкамъ Югозападнымъ и Сѣверозападнымъ, хотя и не такъ раздѣльно, какъ между сими послѣдними.

в) Что въ Великорусскомъ языкѣ хотя и господствуютъ вообще примѣты Югозападна; но иногда сіе зависитъ отъ позднѣйшаго вліянія Церковно-Славянскаго языка, а притомъ и нѣкоторыя Сѣверозападна примѣты существуютъ въ немъ, какъ формы ему собственныя, народныя.

г) Напротивъ того въ языкѣ Южнорусскомъ господствуютъ примѣты Сѣверозападнаго разряда, съ коимъ и въ другихъ отношеніяхъ онъ имѣетъ близкое и притомъ древнее сродство.

д) Что Русскія формы нѣкоторыхъ словъ оказываются болѣе первообразными ¹⁾ и древними, чѣмъ Западно-Словенскія.

¹⁾ Даже и въ такихъ словахъ, какъ на примѣръ встрѣчаемое въ древнихъ письменныхъ памятникахъ слово *подти* или по Глаголитскому

е) Такимъ образомъ языкъ Русскій не только не долженъ быть разсматриваемъ наравнѣ съ языками Югозападнаго разряда и не принадлежитъ къ нему по примѣтамъ Добровскаго, не только можетъ быть принимаемъ за особый разрядъ, наравнѣ съ Югозападнымъ и Сѣверозападнымъ, но представляетъ собою цѣлую (Восточную) половину всего круга языковъ Словенскихъ, которая соотвѣтственна обоимъ Западнымъ разрядамъ въ ихъ совокупности, и можетъ быть также раздѣлена на два разряда, Сѣверный и Южный.

12 Наконецъ, изъ сего сравнительнаго разсмотрѣнія можемъ вывести еще слѣдующее заключеніе: принимаемые нами четыре разряда въ двухъ половинахъ однороднаго Словенскаго круга языковъ имѣютъ между собою соотвѣтствіе или расположеніе крестовое: Сѣверный разрядъ одной половины соотвѣтствуетъ Южному разряду другой. Это соотвѣтствіе простирается и на другія свойства языка въ каждомъ разрядѣ: въ Восточной половинѣ наибольшимъ единствомъ языка запечатлѣнъ Южный разрядъ, а Сѣвернорусскій представляетъ большое разнообразіе въ своихъ нарѣчіяхъ; на оборотъ, въ Западной половинѣ болѣе единства между языками Сѣвернаго разряда, и Южные образовались болѣе особенными другъ отъ друга. Въ Восточной половинѣ полногласіе и отъ него происходящая протяженность словъ свойственны Южнорусскому языку едва ли не болѣе, чѣмъ Великорусскому, и между тѣмъ, какъ этотъ любитъ сокращать концы словъ, обращеніемъ гласной въ ъ, Южнорусскій языкъ любитъ окончанія гласныя.

написанію *потѣтя*, а въ Остромировой рукописи *потѣбтя*, «ихor dimissa», по переводу Копитара, который принимается за него въ трехъ мѣстахъ своей книги *Glagolita Slozianus*, 1836, приискалъ («forte fortuna») даже и фамилію ученаго Доктора Медицины Штирійскаго уроженца—*Подпешникъ*, но никакъ не можетъ вывести этимологію сего слова «obscurissimae originis». Для этого нужно знать, что въ простонародномъ Русскомъ языкѣ есть глаголъ, отъ коего *тыя* происходитъ такъ же, какъ *тыя* отъ своего глагола, и который принадлежитъ къ числу тѣхъ словъ, кои у насъ не печатаются. Однако Стриттеръ, въ оставленномъ имъ *Русскомъ Лексиконѣ* (коего собственноручный экземпляръ принадлежитъ моей библіотекѣ), включилъ и сей глаголъ съ Латинскимъ изъясненіемъ.

Въ Западной половинѣ, на оборотъ: сократительность словъ (черезъ опущеніе гласныхъ изъ среди коренныхъ согласныхъ) любима въ Южномъ разрядѣ еще болѣе, чѣмъ въ Сѣверномъ и доходитъ тамъ до безгласія. Съ такою разницею въ полногласіи соединена разница въ самомъ произношеніи: Южный Русинъ едва ли не болѣе всѣхъ Словенъ говоритъ на распѣвъ, между тѣмъ какъ рѣчь нынѣшняго Болгарина почти скороговорка. По всѣмъ этимъ отношеніямъ Южно-русскій языкъ оказывается наиболѣе далекимъ отъ разряда Югозападнаго, и примыкая непосредственно къ языкамъ Сѣверозападнымъ, онъ отдѣляетъ собою разрядъ Югозападныхъ языковъ отъ Сѣвернорусскаго. Такъ и по самому мѣстопробыванію Южнорусскимъ краемъ Задунайскіе Словены отдѣлены отъ Сѣвернорусскихъ: ихъ новое сближеніе по языку послѣдовало уже въ близкіе къ намъ вѣка, принятіемъ Церковно-Словенскаго языка въ Россіи и на оборотъ вліяніемъ Русскаго языка на Церковно-Словенскій и Сербскій, такимъ же образомъ, какъ новое сближеніе Южнорусскаго языка съ Сѣверозападнымъ разрядомъ послѣдовало отъ его вліянія на языкъ Польскій и отъ распространенія Польскаго языка въ Южной и Литовской Руси. Но выше указанное крестовое соотвѣтствіе между четырьмя разрядами основывается не на однихъ только сихъ новыхъ сближеніяхъ: оно имѣетъ связь съ древнѣйшими историческими отношеніями самихъ Словенъ Сѣвернорусскихъ съ Задунайскими, Южно-русскихъ съ Сѣверозападными.

НАЧАТКИ РУСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Объ отношеніи русской рѣчи въ западнославянской ¹⁾.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предметъ русской филологіи я поставляю не одинъ собственно такъ называемый Рускій языкъ, въ связи съ Церковнославянскимъ; но иълюю Рускую рѣчь, т. е. совокупность всѣхъ нарѣчій, принадлежащихъ Руси, сѣверной и южной. Только совмѣстнымъ и подробнымъ ихъ изслѣдованіемъ, въ связи съ нарѣчіями западнославянскими, филологія наша можетъ раскрыть тѣ законы, по которымъ образовались разные виды русской рѣчи, въ томъ числѣ и господствующій нынѣ языкъ русскій,—опредѣлить съ точностью ихъ отличительныя свойства,—и добыть себѣ вѣрную и прочную теорію.

Долго еще работать надъ этимъ русской филологіи, чтобы явиться ей основательною, правильною и богатою наукою. Въ настоящую пору она не дошла не только до полного, но

¹⁾ Кіевъ, 8-о, стр. 211. Первоначальный текстъ одной части этого труда, подъ заглавіемъ: «Руская рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою» былъ напечатанъ въ Кіевѣ еще въ 1836 году, но остановился на 46-ой страницѣ и выпущенъ въ свѣтъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ, лишь «для немногихъ». А. К.

дѣл и до перваго образованія своего въсьми частями; она только готовитъ необходимыя къ тому запасы....

Сообразно такому состоянiю Руской филологiи, я рѣшился написать эти **Начатки** въ видѣ критическихъ изслѣдованiй, имѣя въ виду только внутреннее содержанiе науки, и не имѣя надобности составлять округленнаго и доконченнаго учебника. Читатель найдетъ въ моемъ сочиненiи нѣсколько новыхъ свѣдѣнiй и понятiй о Руской рѣчи, собранныхъ и выработанныхъ мною при долговременномъ ея изученiи; найдетъ также подробный разборъ господствующихъ и современныхъ филологическихъ мнѣнiй.

Въ первой книгѣ, написанной 1845 года, подробно разсмотрѣно все то, чѣмъ опредѣляется въ филологiи отношенiе руской рѣчи къ западнославянскою.

Вторая книга, написанная 1846 года, содержитъ въ себѣ изслѣдованiя о звукахъ руской рѣчи ¹⁾.

М. М.

¹⁾ Вторая книга, къ сожалѣнiю—напечатана не была; но что она была окончена и даже подписана цензоромъ къ печати,—намъ извѣстно изъ письменнаго сообщенiя пок. автора... Не отыскалась эта книга и въ его «учено-литературномъ» наслѣдiи, но хочется вѣрить, что отыщется и будетъ издана во всеобщее поученiе. А. К.

ВВЕДЕНІЕ.

О ЗНАЧЕНИИ И ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА ¹⁾.

Вступительная лекція, читанная въ Университетѣ св. Владиміра, въ Сентябрѣ 1834 года.

... Человѣкъ возвышенъ надъ всѣми земными тварями своею разумною и безсмертною душою; ею отличенъ и далекъ онъ отъ животныхъ, какъ небо отъ земли: ибо у животныхъ душа только живая—чувственная и земнородная; въ человѣкѣ же, самимъ Богомъ вдохновенная, она есть образъ Божій.

По столь высокому происхожденію и подобію, душа наша получила въ удѣлъ и свободную, творческую дѣятельность. Обладая оною, душа необходимо имѣетъ и потребность и стремленіе выражать себя, являть свою внутреннюю жизнь: ибо, надобно замѣтить вамъ, что и всякая жизнь въ мірѣ (при извѣстныхъ условіяхъ) стремится обнаружить и явить себя, стремится изъ мысли сдѣлаться предметомъ; и если земной міръ поражаетъ васъ этимъ несмѣтнымъ многообразіемъ предметовъ, то скоропреходящихъ и вновь возникающихъ, то вѣковыхъ,—это значитъ, что каждый предметъ имѣетъ свою жизнь, хотя и не свободную, но только инстинктуальную.

¹⁾ Напечатано въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1835 ч. V, № 1. стр. 14—27. Причина, почему эта статья помѣщается нами во «Введеніи» къ «Начаткамъ Русской Филологіи»—объясняется тѣмъ, что самъ авторъ назначилъ ей такое мѣсто, помѣстивъ ее вторично въ указанномъ выше первомъ наборѣ своего труда 1845 г. А. К.

Душа человеческая имѣетъ три главные способа выражать свою внутреннюю, личную жизнь:

Во-первыхъ она выражаетъ себя въ образахъ, являемыхъ ею въ пространствѣ. Образы сіи двухъ родовъ: или они тѣлесныя (пластическіе), наполняющіе пространство веществомъ своимъ (по подобію бытія тѣлесно-земнаго), опредѣляемые выпуклостями и впадинами, ощутимые для зрѣнія и осязанія; таковы произведенія Искусствъ, называемыхъ Ваяніемъ (Скульптура) и Зодчествомъ (Архитектура); или же образы бывають безтѣлесныя (оптическіе), только видимые въ пространствѣ, въ которыхъ (по подобію эфирнаго бытія), вмѣсто тяжелой, вещественной массы—свѣтъ, тѣни да цвѣта; таковы картинныя произведенія Живописи.

Другой способъ выраженія души, болѣе таинственный, происходящій въ пространствѣ только невидимымъ движениемъ воздуха, болѣе совершающійся во времени, ощущаемый слухомъ: это звуки, коими владѣетъ Музыка.

Каждымъ изъ сихъ двухъ способовъ человѣкъ уже выразилъ много тайнъ души своей, и Геніи стяжали ими себѣ бессмертную славу; но оба они односторонни и не могутъ служить для выраженія души въ полнотѣ ея. Такъ Музыка своими звуками приводитъ въ движеніе сокровеннѣйшія глубины сердца—звуками, коихъ однихъ только въ инныя минуты и хочетъ душа, ибо часто одни лишь звуки летучіе, безпредѣльные, невидимые могутъ утолить душу въ грусти ея земнаго бытія. Не смотря на сіе, Музыка почти ничего не говоритъ нашему воображенію и даже усыпляетъ его. Напротивъ, Живопись, Ваяніе сильно дѣйствуютъ на воображеніе своими образами; но за то оставляють почти не тронутыми музыкальныя струны души нашей.

Слово есть третій, полнѣйшій и, можно сказать, собственнѣйшій и ближайшій душѣ способъ ея выраженія, въ которомъ нѣтъ односторонности ни образа, ни звука, но въ которомъ и тотъ и другой слиты въ совершенное, первородное единство и цѣлость.

Слово есть и звукъ: такъ же слышится, теряется въ воздухѣ, какъ звукъ музыкальный; но оно не состоитъ только

въ простомъ, чистомъ измѣненіи тоновъ: это составляетъ только музыкальность слова.

Слово отличается еще особенною опредѣленностію въ стихахъ состава; оно есть звукъ органической, членосоставный, или, какъ другіе говорятъ, членораздѣльный (*vox articulata*). Черезъ таковую опредѣленность гласныхъ и согласныхъ членовъ слова, оно получаетъ удивительную изобразительность. Оно, дѣйствуя на душу какъ звукъ музыкальный, съ тѣмъ вмѣстѣ представляется ей и какъ опредѣленный образъ,—и можно сказать, что слово живописуетъ звуками!

Сліяніе звука и образа въ словѣ я уподобляю сліянію свѣта и теплоты въ огнѣ. И какъ огонь грѣетъ и свѣтитъ вмѣстѣ, такъ слово способно выражать теплоту чувства и свѣтъ мысли, возбуждать ихъ въ другомъ, и такимъ образомъ быть истиннымъ пламенникомъ убѣжденія. И какъ въ мірѣ физическомъ огонь есть стихія всеобщая и первородная, изъ коей все образовалось и въ которую все тлѣнное обратится, такъ въ мірѣ моральномъ словомъ начинается, распространяется, сохраняется и усовершенствуется просвѣщеніе человѣчества, сдерживается порядокъ Государства, поддерживается частная жизнь общества; черезъ слово мы возносимся къ Тому, Кто далъ намъ Слово вмѣстѣ съ жизнію и свѣтомъ, изъ Чьего всемогущаго, первороднаго Слова исшелъ міръ съ своими образами и звуками.

Пламя есть символъ слова: и вы знаете, что даръ вѣщаго, пророческаго слова нисходилъ съ небесъ на Апостоловъ въ видѣ огненныхъ языковъ; вы знаете также, что на землѣ только одинъ человѣкъ обладаетъ даромъ слова и умѣньемъ управляться съ огнемъ!...

Но возвратимся еще къ образамъ и звукамъ.—Кромѣ сказаннаго объ ихъ односторонности, замѣтить надобно еще то, что сими средствами выражать себя дано въ удѣлъ и жизни Природы: и вся наша земная Природа есть огромная мастерская, гдѣ несмѣтное множество видовъ жизни — безъ кисти, рѣзца, модели и топора — живописуется блестящими красками въ чудныя картины, отливается въ дивныя формы, строится въ необъятно-огромныя, либо плѣнительно-красивыя

зданій, — мастерская, поражающая насъ своимъ разнообразіемъ и вмѣстѣ дивнымъ единствомъ, въ которой неисчислимое множество мыслей Художника Всевышняго непрестанно является въ созданіяхъ, въ коихъ все жизнь — и цѣлое, и малѣйшая частица.

Въ Природѣ есть всё Художества. Въ ней найдете дивную Архитектуру горъ, съ чудною кладкою ихъ слоевъ, съ непостижимо-мелкою и правильною складью кристалловъ.... Въ ней найдете всё украшенія, всё стили Зодчества: тутъ живутъ и фанты Чина Коринѣскаго, растутъ стройныя колонны пальмовыя, возносящія на себѣ широколиственный куполь стили классическаго, — и мрачныя ели, теряющіяся въ небесахъ остроконечными шпицами Готическаго вкуса. Живописны ландшафты Природы, — не нашей бѣдной, истерзанной рукою нуждающагося человѣка, но еще непочатой Природы, тамъ, гдѣ она представляется въ дикой красотѣ своей. Неисчислимы переливы и оттѣнки красокъ, коими жизнь рисуетъ цвѣты, расписываетъ мотыльковъ, птицъ, морскихъ раковинъ, — красокъ, на кои, кажется, истрачены миллионы блестящихъ радугъ!... Какое разнообразіе формъ и какое дивное изваяніе оныхъ представляетъ царство растений, животныхъ и самаго человѣка!..

И такъ способъ выражаться пластическими и живописными образами не только свойственъ Природѣ, но принадлежитъ ей первоначально и собственно: и человѣкъ, для выраженія себя образами, уже изъ нея заимствуетъ, по крайней мѣрѣ, вещество, коего создать не можетъ онъ ни малѣйшаго атома, и только пересоздаетъ, измѣняетъ его по собственной мысли, въ подобіе Природы.

То же отчасти сказать должно и о звукахъ, кои у Природы бывають не просто звонкіе, ясные звуки, механически переливающіеся изъ тона въ тонъ, но живые, страстные, одушевленные. — Надобно ли говорить здѣсь о голосистомъ соловѣѣ и другихъ пѣвцахъ пернататаго народа?.. Каждый изъ нихъ можетъ быть названъ живою, летучею пѣснею Природы....

Но у нея есть другіе звуки — болѣе глубокіе, болѣе колоссальные и сложные.

Такъ, когда разбушуетъ зимняя буря, вслушайтесь внимательно въ нее—вы услышите чудный, дикій концертъ, наводящій глубокое уныніе на душу. Среди своего шума, и свиста, и завыванія, буря часто наполняетъ воздухъ живыми голосами:

- «То какъ звѣрь она завоетъ,
- «То заплачетъ какъ дитя...
- «То какъ путникъ запоздалый
- «Къ намъ въ окошко застучитъ...

Кому знакомо море, тотъ знаетъ глухой ропотъ и грустный шумъ его бездны, тотъ слышалъ дивныя, грозныя гармоніи, какія издаетъ оно, вздымая къ небесамъ тяжелыя волны.

Въ безлюдныхъ пустыняхъ тропическихъ изъ нѣдръ земли исходятъ иногда протяжныя звуки, называемые гласомъ Природы: эти звуки такіе грустные, что ни одинъ еще человѣкъ не могъ слышать ихъ безъ трепета и погруженія въ глубочайшее уныніе...

А эти величественныя звуки грозы, ужасный гулъ землетрясеній и безмѣрный громъ вулкановъ, во время ихъ огненного дыханія!...

Наконецъ, вспоминая ученіе Пиеагора о міровой гармоніи, соображая съ онымъ разныя преданія и случаи, мы допускаемъ, что въ Природѣ вѣютъ постоянно еще особыя, гармоническіе звуки, не слышныя для обыкновеннаго слуха, подобно тому, какъ для обыкновеннаго зрѣнія нечувствителенъ свѣтъ ночи, при коемъ однакожь видятъ не только ночныя животныя, но и люди въ особенномъ состояніи зрѣнія.

Чтожь значать эти таинственныя, всемірныя звуки? Съ какой печали жизнь Природы воздыхаетъ такъ тяжело въ своемъ пустынномъ гласѣ? О чемъ ропщетъ она непрестанно волнами глубокаго моря?—Есть и у Природы, какъ и у души человѣка, свои скорби глубокія, свои думы завѣтныя... О чемъ же тѣ скорби и думы у нихъ, какъ не объ лучшей утраченной жизни... Природа выражаетъ ихъ въ многоразличныхъ неопредѣленныхъ звукахъ, но не можетъ высказать себя вполне, ибо ей не достаетъ слова.

Слово въ началѣ было у Бога; все произошло чрезъ Него, и безъ Него не произошло ничего въ мірѣ. По сему Слово было первымъ воплощеніемъ Его мыслей, переходящихъ въ явленіе міра.

Изъ всѣхъ существъ, на землѣ происшедшихъ, Богъ одарилъ словомъ только человѣка, какъ образъ и подобіе Свое на землѣ, какъ существо, коему дарована душа бессмертная и разумная. Душа и слово живутъ вмѣстѣ, и въ человѣкѣ составляютъ они Божественныя свойства.

Слово Божіе было первымъ пѣстуномъ человѣка: человѣкъ слышалъ и перенималъ къ нему обращенное Слово Божіе, и съ нимъ принималъ въ сердце свое свѣтъ жизни духовной, принималъ въ умъ свой первые уроки Божественной, истинной Мудрости, которая заботилась о немъ и утѣшалась имъ, какъ мать своимъ младенцемъ. Высоко и могущественно должно было быть слово перваго человѣка, отъ самого Бога имъ услышанное и перенятое; сильна была душа его, долженствовавшая выражаться во словѣ столь высокомъ, и посредствомъ онаго властвовать надъ землею; ясновидящъ былъ умъ его, долженствовавшій знать Природу, дабы владѣть ею по волѣ... И вся первая, райская жизнь человѣка—когда земля, еще не умиравшая, была съ нимъ за одно, и небо было такъ близко и доступно ему, и онъ былъ дѣйствительно жилецъ двухъ міровъ и ихъ живое соединеніе: такая жизнь—вся восторгъ, блаженство, и въ ней все—чудесно и свято.

Въ этой-то полной жизни было начало человѣческому слову, которое есть даръ Божій и Божественное свойство человѣка. Оно есть первоначальный, полнѣйшій, непосредственный способъ выраженія души, сообразнѣйшій съ ея существомъ и достоинствомъ.

Человѣкъ заговорилъ—по образу Божію, сталъ живописцемъ и музыкантомъ—по подобію Природы. Человѣкъ сначала могъ вполне высказывать себя словомъ; и надобно полагать, что къ выраженію себя звуками и образами порознь, по подобію Природы, онъ прибѣгъ тогда, когда душа его уже не обрѣла въ себѣ силы для непосредственнаго, прямого

выраженія себя словомъ,—когда онъ, для пополненія жизни своей, сталъ искать пособій въ Природѣ.

Такое состояніе его могло произойти съ утратою полной, первобытной жизни: что и свершилось съ его паденіемъ. Съ этимъ роковымъ событіемъ человѣкъ потерялъ первородную силу слова; да и самая земная Природа съ паденіемъ царя своего остановилась въ своемъ развитіи!... Послѣ того дѣйствительная жизнь человѣка измелѣла и раздробилась; она осталась только съ воспоминаніемъ о золотомъ вѣкѣ своемъ—о прежнемъ счастьи, величіи, и объ утратѣ оныхъ,—съ воспоминаніями, которыя уцѣлѣли еще въ разсѣянныхъ преданіяхъ народовъ, какъ въ наслѣдственныхъ остаткахъ погибшаго родового богатства. Память объ нихъ затаила въ душѣ темное чувство о лучшей жизни и высокомъ достоинствѣ человѣка, чувствѣ, которое, пробуждаясь и проясняясь въ душѣ, устремляетъ ея дѣятельность на усовершеніе и возвышеніе человѣческой Природы.

Таковы у меня понятія о высшемъ значеніи слова и происхожденіи онаго. Я изложилъ вамъ ихъ съ самаго начала потому, что они составляютъ основное начало всего будущаго ученія нашего о Словесности, и для того, чтобы установить главную точку зрѣнія, съ которой мы будемъ смотрѣть на предметъ нашъ.

Но есть еще совсѣмъ обратный образъ мыслей, по которому совсѣмъ иначе изъясняется происхожденіе и разумнія, и слова, и всего человѣческаго въ человѣкѣ. Почитаю не бесполезнымъ изложить вамъ и сей образъ мыслей, принадлежащій Механической или Матеріальной Системѣ.

Послѣдователи оной воображали себѣ первобытныхъ людей въ дикомъ, звѣроподобномъ состояніи, изъ коего человѣкъ будто выходилъ самослучайно и постепенно, по мѣрѣ приобрѣтаемыхъ опытовъ, на кои онъ натыкался, побуждаемый различными нуждами. Одинъ изъ таковыхъ мыслителей доказывалъ, что человѣкъ вышелъ изъ животнаго состоянія и прибрѣлъ человѣчность потому только, что у него рѣки отдѣльно отъ ногъ!...

Вѣрованіе въ первоначальную животность человѣка простиралось до того, что его не только ставили въ одинъ классъ со звѣрами (отъ чего и теперь еще не отстали Зоологи), но даже соединяли въ одинъ родъ съ орангъ-утангами, и только для отличія прописывали: *posse te ipsum...* Незавидное самопознаніе!.

Какъ бы то ни было, но представляшіе первобытное состояніе человѣка звѣроподобнымъ, допускали, что человѣкъ сначала кричалъ гласными звуками, потомъ выражался междометіями, потомъ у него накапливались имена и уже въ послѣдствіи появились глаголы...

Точно такимъ же, чисто аналитическимъ образомъ представляли они образованіе въ человѣкѣ разумнія, и всего, чѣмъ человѣкъ выше животнаго. Нѣкоторымъ изъ нихъ не надобно было даже животнаго; они разумніе человѣческое хотѣли вложить въ статую—и не какъ Пигмалионъ, одушевившій созданіе рукъ своихъ горячимъ восторгомъ и полнымъ вдохновеніемъ души своей, но холодно-разсчетливымъ, механически-чувственнымъ, безжизненно-логическимъ ея образованіемъ.

И всѣ мнѣнія свои Матеріалисты почитали основанными на Природѣ и разумѣ: и въ доказательство тому приводили постепенность образованія, повсюду замѣчаемую въ Природѣ; ссылались на младенческой возрастъ самого человѣка, столь близкій къ состоянію животному. Что кажется убѣдительнѣе сего и основательнѣе! . Но иное дѣло—*особное (individualis)*, возобновляющееся образованіе существъ, уже находящихся въ Природѣ, уже происходящихъ отъ своихъ предковъ; иное дѣло—образованіе существа впервые являющагося въ міръ, первороднаго и родоначальнаго. Впрочемъ и все то, чѣмъ хотѣли они подкрѣпить ученіе свое, не въ ихъ пользу.

Они ссылаются на Природу; но что они могли узнать отъ нея, когда они видѣли въ ней только то, что хотѣлось видѣть ихъ частному, ограниченному разуму,—когда они глядѣли на нее какъ на машину, состоящую изъ недѣтельнаго вещества, изъ грубыхъ атомовъ, приведенныхъ въ движеніе по законамъ чистаго механизма, и не видали уже ничего

болѣе, не допускали ничего сверхъ-чувственного. Что могла открыть имъ такая страшная Природа? что скажетъ безжизненный, обезглавленный трупъ?.. А между тѣмъ Природа дѣйствительно должна быть для насъ прорицалищемъ истины, и мы не рѣдко будемъ вопрошать ее для изясненія себѣ души и слова человѣческаго: ибо Природа есть вещественное откровеніе мыслей Творца и воли Его,—и ея видимые образы суть явленія и воплощеніе жизни невидимой, суть отголоски Всемогущаго да будетъ—того слова Божественнаго, которое потомъ вразумило и человѣка, и законы коего живутъ еще какъ въ Природѣ, такъ и въ душѣ человѣка, и въ словѣ, въ коемъ она открывается.

Они ссылаются на младенческой возрастъ. И дѣйствительно, младенецъ въ началѣ своемъ такъ много похожъ на животное... Но кто научаетъ его ходить, откуда его рѣчь, откуда его образъ мыслей и первое его умѣнье? Отъ тѣхъ, кто уже умѣетъ ходить, говорить и дѣлать; самъ же собою младенецъ не развивается, но дичаетъ и дѣлается еще звѣроподобнѣе, чѣмъ родился. Въ немъ есть душа способная принять человѣчность, душа въ коей можетъ раскрыться глубина безконечная; но то и другое раскрывается первоначально извнѣ, чрезъ сообщеніе наслѣдственное готовыхъ опытовъ жизни.

То же бываетъ и съ цѣлыми народами дикими—этими отрывками первобытно-цѣлаго человѣчества. Заброшенный вдаль, отлученный отъ человѣчества—иной народъ коснѣетъ вѣка въ одинакомъ состояніи, съ удѣльной долей преданій, языка, умѣнья, составляющими какъ бы волшебный кругъ жизни, изъ коего онъ самъ собою не выходитъ и до тѣхъ поръ остается въ немъ, пока другой народъ съ большимъ развитіемъ, съ высимъ свѣтомъ ума не сообщитъ и, такъ сказать, не привьетъ ему своего просвѣщенія: тогда уже можетъ раскрываться въ немъ и собственная дѣятельность, и, смотря по условіямъ жизни, народъ можетъ достигать высокой степени образованія человѣчества.

Могло быть иначе, и казалось бы, достойнѣе было, еслибъ человѣкъ могъ прямо изъ себя и самъ собою раскрывать

свою высокую природу; но не так суждено Творцемъ, и не так бываетъ на самомъ дѣлѣ: а намъ именно знать надобно не то, какъ бы быть могло: такъ или иначе? но какъ было и есть. Умъ нашъ теперь уже требуетъ знанія не логически-отрицательнаго, но исторически-положительнаго, — хочеть судить не по законамъ возможности и необходимости своего частнаго, ограниченнаго разумѣнія, но по событіямъ дѣйствительнымъ, кои часто не понятны, чудны для нашего разума, и выше, высоты его, ибо происходятъ отъ Разума Всевышняго....

Все насъ убѣждаетъ въ томъ, что просвѣщеніе къ чело-
вѣку сначала приходитъ извнѣ и свыше: чело-
вѣкъ сначала долженъ научиться отъ другихъ, воспитаться опытами го-
товыми, и уже послѣ сего раскрывается въ немъ собствен-
ная, творческая дѣятельность души, и онъ собственнымъ тру-
домъ добываетъ новые опыты . . . живетъ уже самобытною
жизнію—болѣе или менѣе плодосною для чело-
вѣчества.

Такимъ образомъ и младенческой возрастъ чело-
вѣка, по способу первоначальнаго развитія въ немъ разумѣнія и слова,
по той счастливой игрѣ жизни, которою онъ вполне наслаж-
дается, оправдываетъ тѣ понятія, которыя предложены вамъ
мною, о первоначальномъ происхожденіи слова и разумѣнія,
и о полной, счастливой жизни перваго чело-
вѣка—сего вели-
чественнаго младенца, коего воспитателемъ былъ самъ Богъ,
открывающій младенцамъ что утаилъ Онъ отъ
премудрыхъ и разумныхъ.

С Т А Т Ь Я I.

О системѣ славянскихъ нарѣчій.

§ 1. Какое мѣсто занимаетъ рускій языкъ въ кругу со-племенныхъ ему языковъ славянскихъ?—Этотъ вопросъ, по моему, есть существенный и основной для русской филологіи. Лѣтъ за десять рѣшали его у насъ не иначе, какъ по системѣ Добровскаго, т. е. ставили рускій языкъ въ одинъ разрядъ съ языками Славянъ задунайскихъ. Но съ 1836 года, у насъ и у западныхъ Славянъ, стали рѣшать иначе этотъ вопросъ; а какъ онъ въ связи съ цѣлою филологическою системою славянскихъ языковъ, то прежде всего надо посмотрѣть на ея ходъ и измѣненіе.

§ 2. По мнѣнію Добровскаго, рускій языкъ составляетъ одно изъ 10 славянскихъ нарѣчій и принадлежитъ къ одному разряду съ нарѣчіями Славянъ задунайскихъ.

Разрядъ 1-й	Разрядъ 2-й
Антскій.	Собственно - Славянскій.
Въ немъ 5 нарѣчій:	Въ немъ 5 нарѣчій:
1. Руское.	1. Словацкое.
2. Старославянское (т. е. церковное).	2. Чешское или богемское.
3. Иллирское или сербское.	3. Сорабское или вендское Верхней Лузаціи (верхнелужицкое).
4. Хорватское или кроатское.	4. Сорабское Нижней Лузаціи (нижнелужицкое).

5. Виндское (т. е. хорутанское). 5. Польское.

Это распределение 10-ти славянских паръчій въ 2 разряда утверждено на извѣстныхъ примѣтахъ (потае), которыя въ видѣ двухъ столпцовъ, въ каждомъ по 10 примѣтъ, выставляются обыкновенно подъ двумя разрядами.

§ 3. Система Добровскаго имѣла большой успѣхъ въ филологіи; но она имѣетъ и большіе два недостатка.

Первый недостатокъ состоитъ въ причисленіи рускаго языка къ одному разряду съ югозападными, тогда какъ сѣверозападные принимаются за особый разрядъ. Отъ этого первый разрядъ, въ сравненіи со вторымъ, неправиленъ по составу и несоразмѣренъ по объему.

Другой недостатокъ состоитъ въ несоразмѣрномъ раздѣленіи славянской рѣчи на нарѣчія, и въ поставленіи на эту степень рускаго языка, наравнѣ съ нарѣчіями хорватскимъ, словацкимъ и даже двумя лужицкими. Въ обоихъ случаяхъ не соблюдена постепенность средства, безъ которой не можетъ быть системы правильной и естественной.

Исправить первый недостатокъ системы Добровскаго значило бы вовсе измѣнить ее. Но къ поправленію втораго недостатка представлялись два способа: 1) подраздѣленіе рускаго языка по крайней мѣрѣ на два особые нарѣчія, для уравненія ихъ съ прочими; 2) соединеніе нѣкоторыхъ западнославянскихъ нарѣчій въ болѣе правильныя и болѣе объемныя нарѣчія, для уравненія ихъ съ рускими. Эти перемѣны были необходимы, не только по общему требованію систематическаго устройства, но и по особой сущности предмета, т. е. по свойству самихъ нарѣчій, которое во многомъ выражено неправильно или совсѣмъ невыражено системою Добровскаго. Такъ напримѣръ, еще Шлецеръ принималъ за особые нарѣчія—болгарское, лужицкое, полабское. Но въ системѣ Добровскаго преждевременно исчезло нарѣчіе полабское; недѣлимое лужицкое нарѣчіе распалось на два; а болгарское, столь особенное отъ другихъ задунайскихъ, скрылось въ толпѣ нарѣчій иллирійскихъ.

§ 4. Съ особеннымъ вниманіемъ къ постепенности сродства, Шафарикъ старался поправить систему Добровскаго—вторымъ способомъ, т. е. соединеніемъ западнославянскихъ нарѣчій въ болѣе объемные отдѣлы, которые онъ назвалъ рѣчами.

Языкъ славянской.

Отдѣлъ 1. Молвь (mluwa) юговосточная.

1. Рѣчь руская.

1. Нарѣчіе великоруское.

2. Нарѣчіе малоруское.

3. Нарѣчіе бѣлоруское.

2. Рѣчь болгарская.

4. Нарѣчіе церковное или кириловское.

5. Нарѣчіе новоболгарское.

3. Рѣчь иллирская.

6. Нарѣчіе сербское.

7. Нарѣчіе хорватское.

8. Нарѣчіе хорутанословенское.

Отдѣлъ II. Молвь западная.

4. Рѣчь ляхская.

9. Нарѣчіе польское.

5. Рѣчь чешская.

10. Нарѣчіе чешское.

11. Нарѣчіе угрословенское т. е. словацкое.

6. Рѣчь лужицкосербская.

12. Нарѣчіе верхнелужицкое.

13. Нарѣчіе нижелужицкое.

7. Рѣчь полабская.

14. Нарѣчіе древанское.—

Такимъ образомъ, по Шафарику, кругъ славянскихъ нарѣчій дѣлится на 2 молви, 7 рѣчей и 14 нарѣчій; рускія нарѣчія составляютъ первую рѣчь въ молви юговосточной.

§ 5. Шафарикъ полагаетъ, что такое распределеніе славянскихъ нарѣчій будетъ самое согласное съ сущностью предмета (Сл. Нар. стр. 5). Эти слова мы охотно повторимъ

о второмъ отдѣлѣ нарѣчій, который еще у Добровскаго обозначенъ вѣрно. Шафарикъ далъ ему надлежащую подноту и внутреннее устройство, если не окончательное, то уже весьма удовлетворительное. Что касается до перваго отдѣла, то онъ, оставленный въ прежнемъ объемѣ и составѣ, не получилъ и у Шафарика желаннаго устройства. Подведеніемъ хорутанскаго языка, вмѣстѣ съ хорватскимъ, подъ одну или рскую рѣчь, и соединеніемъ болгарскаго языка съ церковнымъ въ одну болгарскую рѣчь, Шафарикъ прибавилъ въ системѣ только двѣ искусственныя рѣчи. Обѣ онѣ очевидно приурочены къ тому дѣленію задунайскихъ Славянъ на два отдѣла, какое принято Шафарикомъ въ его Старожитностяхъ Славянскихъ. Но такое историко-географическое дѣленіе Славянъ не составляетъ еще необходимости принимать и двѣ рѣчи задунайскія: въ Старожитностяхъ (стр. 483) лужицкіе Славяне съ полабскими поставлены въ одинъ полабскій отдѣлъ; а между тѣмъ языкъ Полабцовъ и Лужичей въ Народописаніи приняты за двѣ особыя рѣчи.

Если языки полабскій, лужицкій, польскій приняты за особыя рѣчи, тогда и хорутанскій и болгарскій должны-бы быть поставлены на ту же степень. По своей особенноти, болгарскій отъ церковнаго, а хорутанскій отъ сербскаго, — они не должны быть соединяемы съ ними въ одну рѣчь, — тѣмъ болѣе, что рѣчь у Шафарика принимается въ смыслѣ языка, какъ главнѣйшая степень сродства, которая «полагается основою и средоточіемъ» систематическаго распредѣленія. Такихъ рѣчей и въ югозападномъ удѣлѣ столько же, какъ и въ сѣверозападномъ.

Въ подраздѣленіи руской рѣчи прямо на три нарѣчія сдѣланъ скачокъ: невидно того ближайшаго сродства, которымъ великорусское нарѣчіе связывается съ бѣлорусскимъ, и оба вмѣстѣ отдѣляются отъ южнорускаго. Если при соединеніи нарѣчій имѣется въ виду постепенность сродства; то для ея соблюденія юговосточный разрядъ слѣдуетъ дѣлить не прямо на три рѣчи, но прежде всего на два отдѣла: на восточный или рускій, и южный или задунайскій. Тогда въ искусственномъ юговосточномъ

рярядѣ будетъ по крайней мѣрѣ два отдѣла, сами по себѣ столько же правильные и естественные, какъ отдѣлъ сѣверо-западный.

§ 6. Значительнѣйшую перемѣну въ системѣ Добровскаго сдѣлалъ Палацкій. Въ своей Исторіи Богеміи (1836, I: стр. 55), онъ раздѣлилъ славянскую рѣчь на три вѣтви:

1. Восточную или рускую.
2. Югозападную или иллирскую.
3. Сѣверозападную или ляшскую.

Но иллирская или югозападная рѣчь у Палацкаго представлена въ томъ же объемѣ, какъ у Шафарика, т. е. къ ней отнесены только нарѣчія сербское, хорватское и хорутанское;—русская рѣчь представлена не сама по себѣ, а соединенно съ болгарскою, какъ принималъ Венелицъ. Такимъ образомъ въ дѣленіи Палацкаго, хотя сохранена особенность сѣверозападной рѣчи, но разорвана связь югозападной; иллирской рѣчи дано слишкомъ большое значеніе, какъ особой вѣтви, наравнѣ съ сѣверозападною; а болгарская, будучи отчислена къ составу восточной или русской, затемняетъ ея особенность и отдѣльность отъ нарѣчій задунайскихъ.

Дѣленіе Палацкаго носитъ на себѣ характеръ школы чешской, состоящій въ томъ, что сѣверозападная рѣчь принимается за особый отдѣлъ, а русская соединяется съ задунайскими языками, со всѣми—какъ у Добровскаго и Шафарика, или только съ болгарскимъ—какъ у Палацкаго.

§ 7. Обратимся къ Славянщинѣ задунайской: что тамъ выработала филологія для естественной системы славянскихъ нарѣчій, и какъ она рѣшаетъ вопросъ о языкѣ русскомъ?

Отдѣленная отъ насъ рѣкою Дунаемъ, она принимаетъ его границею и для нарѣчій. Представитель ея Коцитаръ дѣлилъ всю Славянщину на двѣ части: задунайскую и додунайскую. Эти два отдѣла въ филологіи старше, чѣмъ два разряда Добровскаго; ибо еще Кятанчичъ дѣлилъ славянскія нарѣчія на иллирскія (южные) и сарматскія (сѣверныя).

Это отлученіе задунайскихъ нарѣчій въ особый разрядъ, и соединеніе русской рѣчи съ сѣверозападною, пусть будутъ отличіемъ школы задунайской.

§ 8. Копитаръ (въ Глаголитѣ, 1836) принималъ слѣдующіе славянскіе языки или нарѣчія,—не полагая разницы въ этихъ названіяхъ.

I. Славянщина задунайская ¹⁾.

1. Языкъ церковный.
2. Языкъ болгарскій.
3. Языкъ хорватосербскій или иллирскій.
4. Языкъ словенскій или хорутанскій.

II. Славянщина додунайская.

1. Языкъ южнорускій.
2. Языкъ сѣвернорускій.
3. Языкъ польскій.
4. Языкъ сорабскій т. е. лужицкій.
5. Языкъ чешскій съ словацкимъ.

И такъ здѣсь поставлены въ первой половинѣ одни югозападныя нарѣчія; а сѣверозападныя во второй половинѣ, вмѣстѣ съ рускими,—какъ бы въ опредѣленіе древней сказки о Чехѣ, Лехѣ, Руссѣ и сестрѣ ихъ Вандѣ.

§ 9. Сравнивъ систему Добровскаго съ Копитаровою, находимъ, что каждая изъ нихъ, выдѣливъ одну, ближайшую къ себѣ половину западнославянской рѣчи, другую половину ея причисляетъ къ русской. Тамъ изъ славянскаго круга выдѣлена сѣверозападная часть; а здѣсь югозападная. Такимъ образомъ у Копитара выработался для системы югозападнѣйшій или задунайскій удѣлъ, столькожъ вѣрный въ объемѣ своемъ, какъ у Добровскаго удѣлъ сѣверозападнѣйшій. Оба они оправдываютъ другъ друга и имѣютъ одинакое право въ системѣ.

Что касается до второй половины Копитаровой, то она также несоразмѣрна въ объемѣ и неправильна въ составѣ,

¹⁾ Во избѣжаніе сбивчивости въ словахъ *задунайскій* и *додунайскій*, я употребляю ихъ такъ, какъ они приходятся по отношенію къ намъ. У Копитара, какъ задунайскаго Славянина (Краинца), эти имена (*Slavismus transdanubianus, cisdanubianus*) наоборотъ.

какъ первый разрядъ у Добровскаго; въ ней также затемнена особенность сѣверозападной рѣчи, какъ въ томъ невидна особенность рѣчи югозападной; у обоихъ одинаково невидны значеніе и особенность русской рѣчи. Потому и здѣсь также, для показанія постепенности сродства, необходимо подраздѣленіе на два отдѣла: на восточный или рускій, и на сѣверозападный.

У Копитара не выставлено филологическихъ примѣтъ, какими украшена система Добровскаго; но это лучше: не было по крайней мѣрѣ того обмана въ наукѣ, какой произведенъ примѣтами Добровскаго.

§ 10. И такъ, ни одна западнославянская школа не опредѣлила ясно того мѣста и значенія, какое руская рѣчь имѣетъ въ кругу славянскомъ; и обѣ школы показали, что оба западные удѣла славянской рѣчи соединимы съ рускою, и что западнославянская рѣчь равно къ ней близка въ обоихъ удѣлахъ своихъ.

У Добровскаго югозападные нарѣчія примкнуты къ рускому, посредствомъ церковнаго. И это правдоподобно,—если возьмемъ во вниманіе письменный языкъ Руси, который, начавшись употребленіемъ церковнославянскаго языка, хотя уже и обрусѣлъ, но все таки остался славянорусскимъ. Въ этомъ отношеніи имѣетъ свою справедливость то мнѣніе, что языкъ церковнославянскій есть древній рускій. Но такое мнѣніе, легко впадая въ крайность, производитъ хотя и господствующій, но превратный взглядъ на развитіе и коренныя свойства рускаго языка, и на его отношеніе къ церковному. Такъ и въ Филологическихъ Наблюденіяхъ Павскаго (I. 79)—собственныя, родимыя формы языка рускаго называются «новыми, нынѣшними»; а формы церковнаго языка, принятыя у насъ позднѣе, именуется «древними, старинными».

У Копитара сѣверозападные нарѣчія примкнуты къ рускому, посредствомъ польскаго. И это также правдоподобно,—если возьмемъ во вниманіе письменный западнорусскій языкъ: въ 17-мъ вѣкѣ онъ точно былъ польскорускимъ. Въ этомъ отношеніи могъ говорить Гречь, что «малороссій-

ское нарѣчіе можетъ даже назваться нарѣчіемъ языка польскаго, къ коему оное составляетъ переходъ отъ рускаго». (Простр. Грам. 1827. с. 35). Но отсюда прѣистекаетъ другое заблужденіе, по которому коренныя южнорусскія слова и формы, неизвѣстныя въ избранномъ рускомъ языкѣ и сходныя съ польскими, считаются заимствованіемъ изъ языка польскаго, — хотя эти же слова встрѣчаются въ древней русской письменности, и ведутся въ другихъ нарѣчіяхъ западнославянскихъ и рускихъ.

§ 11. При такомъ направленіи филологической системы соединять рускую рѣчь съ удѣлами западнославянскими, для нея оставалось еще два опыта. Или разрознить рускую рѣчь, подобно западнославянскій, и присоединить одну часть русской къ одной западной, а другую къ другой. Но единство и цѣлость русской рѣчи такъ ясны и очевидны, что никакая система не рѣшится на такой дѣлежъ. Еще оставалось для системы: не одинъ, а оба западные удѣла соединить съ русскою рѣчью, въ общую цѣлость рѣчи славянскій; и различать въ ней только нарѣчія съ ихъ видоизмѣненіями, какъ онѣ исчислены, на примѣръ, у Шлецера или въ Исторіи Карамзина. Но для системы это значило бы отказаться отъ своего дѣла, послѣ первыхъ неудавшихся опытовъ.

§ 12. Повѣрка системы Добровскаго системою Копитаровою показываетъ ясно, что въ нихъ для науки выработались уже два правильные удѣла: югозападнй и сѣверозападнй. И если ихъ означить особо въ кругу славянскомъ, то въ немъ останется сама по себѣ восточная или руская половина его.

И она дѣйствительно составляетъ особый, самостоятельный отдѣлъ въ кругу славянскомъ. Не предоставивъ ей такого значенія, система неизбежно допускаетъ одинъ неправильный разрядъ, въ которомъ и самостоятельность русской рѣчи невидна, и теряется особенность одного изъ двухъ западныхъ удѣловъ. Отъ этого средство славянскихъ нарѣчій затемняется на первыхъ, главныхъ своихъ степеняхъ.

Руская рѣчь не можетъ быть соединена съ которымъ нибудь однимъ западнымъ удѣломъ, безъ того, чтобы не на-

рушили равновѣсіе и правильность всей системы; слѣдственно, русская рѣчь и по этому должна быть принимаема за особый, самостоятельный отдѣлъ въ кругу славянскомъ.

§ 13. Таковъ выводъ изъ прежнихъ опытовъ системы, которая необходимо должна была перейти отъ нихъ къ новымъ опытамъ, гдѣ русской рѣчи было бы дано самостоятельное мѣсто, отдѣльно отъ всѣхъ языковъ западнославянскихъ.

При такомъ выводѣ, изъ системы Добровскаго, начинающейся съ рускаго языка, возникаетъ само собою слѣдующее дѣленіе на три разряда:

1. Восточный или рускій.
2. Югозападный или задунайскій.
3. Сѣверозападный.

Такое дѣленіе и обнаружилъ Надеждинъ 1836 года (въ Телескопѣ, кн. 1, въ статьѣ Европеизмъ и народность). Здѣсь руская рѣчь представлена въ надлежащей отдѣльности отъ всѣхъ западнославянскихъ языковъ; а рѣчи югозападной предоставлена та цѣлость, какую имѣетъ она въ системѣ Копитаровой. Этимъ Надеждинское дѣленіе отличается существенно отъ современнаго и подобнаго себѣ дѣленія Палацкаго (см. § 6).

Рускій или восточный разрядъ Надеждинъ (Энцикл. Лекс. IX. 1837) дѣлитъ прямо на три языка—великорускій, южнорускій и бѣлорускій.—

Тому же дѣленію славянскаго круга прямо на 3 разряда послѣдовалъ Срезневскій (Ж. М. Н. Пр. 1843. кн. 4.), въ своемъ распредѣленіи славянскихъ нарѣчій, которыхъ онъ считаетъ 12:

1. Восточныя: великорусское и малорусское.
2. Югозападная: старославянское (церковное), болгарское, сербское, хорватское, хорутанское.
3. Сѣверозападная: полабское, польское, лужицкое, чешское, словацкое.

§ 14. При вышесказанномъ выводѣ, Копитаровское дѣленіе приняло бы слѣдующій видъ:

1. Разрядъ задунайскій или югозападнѣй.
2. Разрядъ рускій или восточнѣй.
3. Разрядъ сѣверозападнѣй.

Въ такомъ дѣленіи исполнилась бы давняя мысль Востокова (1820), что рускій языкъ составляетъ средину между двумя западными удѣлами. Но понятіемъ срединны не выражается въ системѣ ни отношеніе русской рѣчи къ западной, ни постепенность сродства вообще; притомъ же—два западнославянскіе удѣла, и безъ того розрозненные, разошлись бы вовсе на противоположные концы.

§. 15. Западнославянская филологія, присоединяя рускую рѣчь къ одному изъ двухъ западныхъ удѣловъ, и заботясь о различеніи этихъ двухъ удѣловъ, не признала ихъ ближайшаго, взаимнаго сродства, по которому они какъ два родные брата. Мнѣ казалось необходимымъ пополнить этотъ пропускъ, чтобы система сколько можно болѣе выражала постепенность сродства; и я въ 1836 году составилъ распредѣленіе нѣсколько отличное отъ всѣхъ прежнихъ. (См. въ моей книгѣ: Откуда идетъ Руская Земля. К. 1837).

По моему понятію, кругъ языковъ и народовъ славянскихъ дѣлится прежде всего на двѣ половины:

1. Восточную или рускую.
2. Западнославянскую.

Эти половины выражаютъ собою ту степень сродства, на которой коренная славянская рѣчь разошлась въ двѣ первоначальныя вѣтви. Здѣсь руская рѣчь принимается соотвѣтственно не одному какому либо западному удѣлу, но обоимъ вмѣстѣ,—и они оба къ русской рѣчи относятся, какъ розрозненные дѣти родной сестры ея — рѣчи западнославянскои.

Каждая половина подраздѣляется опять на двѣ ближайшія другъ къ другу части—южную и сѣверную, которыя составляютъ собою новую степень сродства и могутъ называться удѣлами. Здѣсь руская рѣчь дѣлится на южнорускую и сѣвернорускую; а западнославянскія нарѣчія соединяются въ два удѣла—югозападнѣй и сѣверо-

западнѣй. Такимъ образомъ въ славянскомъ кругу я различаю сперва 2 половины, потомъ 4 удѣла.

§ 16. Въ восточной или русской половинѣ, гдѣ природа славянская болѣе сохраняетъ полноту бытія своего, и славянская рѣчь является болѣе единою и цѣлою, чѣмъ въ половинѣ западной.

I. Рѣчь южноруская. Она въ своихъ мѣстныхъ разностяхъ запечатлѣна наибольшимъ единствомъ, и составляетъ одинъ языкъ южнорускій. Въ немъ можно различать 2 нарѣчія:

1. Нарѣчіе малоруское, съ поднарѣчіями украинскимъ и сѣверскимъ.

2. Нарѣчіе червоноруское, съ поднарѣчіями галицкихъ и закарпатскимъ.

Малорусское или малороссійское нарѣчіе отличается, между прочимъ, употребленіемъ глаголовъ въ будущемъ времени съ окончаніемъ *иму, имешъ, име,—имемъ, имете, имуть*; наприм. *знѣт-иму, водѣт-иму*. Этого нѣтъ въ нарѣчій червонорускомъ, которое отъ всѣхъ русскихъ нарѣчій отличается особенно тѣмъ, что въ творительномъ падежѣ женскихъ именъ и нѣкоторыхъ мѣстоименій, вмѣсто окончаній *оу, ею*, ставитъ *овѣ, ѣвѣ*; наприм. *водовъ, землѣвъ, мновъ, тобовъ*.

Всѣ разности малорускаго нарѣчія соединяются въ два поднарѣчія. Украинское, любящее во многихъ случаяхъ обращать звукъ *о (ѵ)* въ тонкое, а иногда въ легкое *и*;—букву *ь* почти вездѣ оно принимаетъ за тонкое *и*. Сюда относятся разности: переяславская, волынская, слобожанская. Сѣверское поднарѣчіе въ тѣхъ же случаяхъ звукъ *о (ѵ)* обращаетъ въ доегласные звуки *и, ю*; а букву *ь* принимаетъ всегда за тонкое *е*.

Разности нарѣчія червонорускаго соединяются также въ два поднарѣчія. Галицкое, отличающееся тѣмъ, что оно окончиваетъ третье лице глаголовъ на *тѣ*, а не на *тъ*, какъ вообще въ южнорускихъ нарѣчіяхъ, и въ среднерускомъ. Закарпатское, отличающееся дебелымъ выговоромъ звука *ы*, даже и послѣ гортанныхъ звуковъ; между тѣмъ какъ въ южнорускомъ языкѣ вообще *ы* имѣетъ легкій отго-

лосокъ, средній между дебелимъ *и*, и тонкимъ или острымъ *и*. Буква *ь* въ обоихъ червонорускихъ нарѣчїяхъ, также какъ и въ малорускомъ, принимается за тонкое или острое *и*.

II. Рѣчь сѣверноруская. Она разнообразна болѣе, чѣмъ южноруская, и состоитъ въ двухъ главныхъ видахъ:

1. Въ нарѣчїи великорускомъ.
2. Въ нарѣчїи бѣлорускомъ.

Оба эти нарѣчїя, безъ сомнѣнія, составляютъ одно цѣлое; а потому въ системѣ они должны быть неразлучно, подъ общимъ именемъ, равно идущимъ къ нимъ обоимъ: таково названіе—сѣвернорускаго языка.—Нарѣчіе великорусское отличается удержаніемъ звука *ѣ* въ окончаніи 3-го лица прошедшаго времени мужскаго рода; между тѣмъ какъ въ бѣлорускомъ и малорускомъ окончаніе *лз* передѣлано на *ез*. Нарѣчіе бѣлорусское или литовскорусское отличается отъ великорускаго совокупностію двухъ примѣтъ: звукъ *о*, когда онъ безъ ударенія, обращается въ дебелое *а*;—*д* и *тѣ* при отонченіи обращаются въ *дз* и *ц* (=тс); наприм. *хадзидць* вм. *ходить*.

§ 17. Разности обширнаго великорускаго нарѣчїя не приведены еще въ желанную извѣстность и требуютъ новаго систематическаго переслѣдованія. Пока оно состоитъ, ¹⁾

¹⁾ Сахаровъ (въ Сказан. Рус. Нар. 1841) раздѣлилъ великорусское нарѣчіе на 4 *подрѣчїя*: московское, новгородское, суздальское и заволжское. Въ этомъ дѣленіи, мнѣ кажется, вовсе несоблюдена постепенность сродства: въ *подрѣчїи* московскомъ—излишнее соединеніе; а въ трехъ остальныхъ—несоразмѣрное съ нимъ разъединеніе.

Къ московскому отнесены у Сахарова не только собственно-московское нарѣчіе и часть среднерускаго (*тульское, рязанское, калужское*); но и *тверское, и владимирское*. При такомъ объемѣ, какую же примѣтою обозначится это *подрѣчїе московское*, въ отличіе отъ трехъ остальныхъ?

Въ *заволжскомъ* подрѣчїи у Сахарова различены *разнорѣчїя*: вологодское, устюжское, сибирское и проч. а въ *новгородскомъ*—собственно-новгородское, архангельское. При такомъ ихъ объемѣ, чѣмъ же обозначается то и другое подрѣчїе, т. е. заволжское и повгородское, въ отличіе отъ *суздальскаго*?

Подробнымъ отвѣтомъ на предложенные два вопроса, изыскатель русской народности оказалъ бы услугу нашему языкознанію.

я повторю здѣсь то распредѣленіе, какое предложилъ 1839 года, въ моей Исторіи Древней Руской Словесности (въ гл. IV и V).

А. Сѣверовосточная часть великорускаго нарѣчія, говорящая на *о*. Этимъ употребленіемъ дебелаго *о*, необращаемаго въ *а*,—которое принадлежитъ и южнорускому выговору,—отличаются два нарѣчія:

1. Нарѣчіе верхнеруское. Здѣсь господствуетъ поднарѣчіе новгородское, принимающее букву *ь* за тонкое или острое *и*,—какъ въ украинскомъ и червонорускомъ выговорѣ,—и опускающее въ 3 лицѣ глаголовъ единственнаго, а иногда и множественнаго числа, окончаніе *тъ*; наприм. *вѣзьме, хди, люби*.

2. Нарѣчіе нижнеруское или такъ-называемое суздальское. Оно произноситъ букву *ь* какъ *е*; а въ окончаніи родительнаго падежа прилагательныхъ именъ *аю, ею*, необращаетъ звука *и* въ *е*, какъ это бываетъ вообще у Великороссіянъ.

Эти два нарѣчія распространились за Ураломъ, составляя тамъ двѣ особыя разности—сибирскую и камчатскую.

Б. Великорускія нарѣчія, говоряція на *а*, т. е. обращающія звукъ *о* безъ ударенія—въ *а*. Здѣсь ясно различаются два нарѣчія:

3. Нарѣчіе среднеруское.

4. Нарѣчіе московское, которое изъ Москвы распространилось уже по всей Руси, и составило изъ себя общерускій или собственно такъ называемый рускій языкъ.

Въ московскомъ выговорѣ, при обращеніи кореннаго *о* безъ ударенія въ *а*, этотъ звукъ слышится легкій; но въ среднерускомъ выговорѣ онъ сближается уже съ дебелымъ, бѣлорускимъ *а*.—Кромѣ того, среднеруское нарѣчіе отличается отъ московскаго тѣмъ, что въ немъ звукъ *и* выговаривается гортанно, какъ *h*, а не *g* (тожъ въ южнорускомъ и бѣлорускомъ); звукъ *е* не обращается въ *ѣ* (тожъ въ южнорускомъ и бѣлорускомъ);—въ окончаніяхъ 3-го лица глаголовъ, вм. *тъ* ставится *тъ*,—сходно съ малорускимъ;—вм. *ся*, прилагаемаго къ прошедшему времени глаголовъ, ставится

лосокъ, средній между дебелимъ *и*, и тонкимъ или острымъ *и*. Буква *ь* въ обоихъ червонорускихъ нарѣчіяхъ, также какъ и въ малорускомъ, принимается за тонкое или острое *и*.

II. Рѣчь сѣверноруская. Она разнообразна болѣе, чѣмъ южноруская, и состоитъ въ двухъ главныхъ видахъ:

1. Въ нарѣчій великорускомъ.
2. Въ нарѣчій бѣлорускомъ.

Оба эти нарѣчія, безъ сомнѣнія, составляютъ одно цѣлое; а потому въ системѣ они должны быть неразлучно, подъ общимъ именемъ, равно идущимъ къ нимъ обоимъ: таково названіе—сѣвернорускаго языка.—Нарѣчіе великорусское отличается удержаніемъ звука *л* въ окончаніи 3-го лица прошедшаго времени мужескаго рода; между тѣмъ какъ въ бѣлорускомъ и малорускомъ окончаніе *лъ* передѣлано на *лъ*. Нарѣчіе бѣлорусское или литовскорусское отличается отъ великорускаго совокупностію двухъ примѣтъ: звукъ *с*, когда онъ безъ ударенія, обращается въ дебетое *а*;—*д* и *н* при отонченіи обращаются въ *дз* и *ц* (=тс); наприм. *хадзиць* вм. *ходить*.

§ 17. Разности обширнаго великорускаго нарѣчія не приведены еще въ желанную извѣстность и требуютъ новаго систематическаго переслѣдованія. Пока оно состоится, ¹⁾

¹⁾ Сахаровъ (въ Сказан. Рус. Нар. 1841) раздѣлилъ великорусское нарѣчіе на 4 *подрѣчія*: московское, новгородское, суздальское и заволжское. Въ этомъ дѣленіи, мнѣ кажется, вовсе несоблюдена постепенность средства: въ *подрѣчій* московскомъ—излишнее соединеніе; а въ трехъ остальныхъ—несоразмѣрное съ нимъ разъединеніе.

Къ московскому отнесены у Сахарова не только собственно-московское нарѣчіе и часть среднерускаго (*тульское, рязанское, калужское*); но и *тверское*, и *владимѣрское*. При такомъ объемѣ, какою же примѣтою обозначится это *подрѣчье московское*, въ отличіе отъ трехъ остальныхъ?

Въ *заволжскомъ* подрѣчій у Сахарова различены *разнорѣчія*: вологодское, устюжское, сибирское и проч. а въ *новгородскомъ*—собственно-новгородское, архангельское. При такомъ ихъ объемѣ, чѣмъ же обозначается то и другое подрѣчій, т. е. заволжское и новгородское, въ отличіе отъ *суздальскаго*?

Подробнымъ отвѣтомъ на предложенные два вопроса, изыскатель русской народности оказалъ бы услугу нашему *языковѣднню*.

я повторю здѣсь то распредѣленіе, какое предложилъ 1839 года, въ моей Исторіи Древней Руской Словесности (въ гл. IV и V).

А. Сѣверовосточная часть великорускаго нарѣчія, говорящая на *о*. Этимъ употребленіемъ дебелаго *о*, необращаемаго въ *а*,—которое принадлежитъ и южнорускому выговору,—отличаются два нарѣчія:

1. Нарѣчіе верхнеруское. Здѣсь господствуетъ поднарѣчіе новгородское, принимающее букву *ь* за тонкое или острое *и*,—какъ въ украинскомъ и червонорускомъ выговорѣ,—и опускающее въ 3 лицѣ глаголь единственнаго, а иногда и множественнаго числа, окончаніе *тъ*; наприм. *вдзьме, хди, люби*.

2. Нарѣчіе нижнеруское или такъ-называемое суздальское. Оно произноситъ букву *ь* какъ *е*; а въ окончаніи родительнаго падежа прилагательныхъ именъ *аго, его*, необращаетъ звука *ь* въ *а*, какъ это бываетъ вообще у Великороссіянь.

Эти два нарѣчія распространились за Ураломъ, составляя тамъ двѣ особыя разности—сибирскую и камчатскую.

Б. Великорускія нарѣчія, говоряція на *а*, т. е. обращающія звукъ *о* безъ ударенія—въ *а*. Здѣсь ясно различаются два нарѣчія:

3. Нарѣчіе среднеруское.

4. Нарѣчіе московское, которое изъ Москвы распространилось уже по всей Руси, и составило изъ себя общерускій или собственно такъ называемый рускій языкъ.

Въ московскомъ выговорѣ, при обращеніи кореннаго *о* безъ ударенія въ *а*, тотъ звукъ слышится легкій; но въ среднерускомъ выговорѣ онъ сближается уже съ дебелымъ, бѣлорускимъ *а*.—Кромѣ того, среднеруское нарѣчіе отличается отъ московскаго тѣмъ, что въ немъ звукъ *ь* выговаривается гортанно, какъ *л*, а не *г* (тожь въ южнорускомъ и бѣлорускомъ); звукъ *в* не обращается въ *ф* (тожь въ южнорускомъ и бѣлорускомъ);—въ окончаніяхъ 3-го лица глаголь, *вм. ть* ставится *тъ*,—сходно съ малорускимъ;—*вм. ся*, прилагаемаго къ прошедшему времени глаголь, ставится

си;—коренной звукъ *ы* въ глаголахъ не обращается въ *о*; напр. *крю*, *мыю* (сходно съ южнорускимъ), а не *крюо*, *мою*. — Отъ бѣлорускаго нарѣчія среднеруское отличается необращеніемъ коренныхъ *д* и *т* въ *дз* и *ц*,—между тѣмъ какъ у Великороссіянъ, говорящихъ на *о*, эти *дз* и *ц* встрѣчаются нерѣдко—въ губерніяхъ новгородской, симбирской, нижегородской.

§ 18. Въ западной половинѣ, по разрозненному бытію народовъ, а можетъ быть и по врожденному стремленію къ разнообразію, славянская рѣчь произошла болѣе разъединенною и различною, чѣмъ въ восточной.

III. Рѣчь югозападная. Къ ней принадлежатъ 5 языковъ:

3. Церковнославянскій.
4. Болгарскій.
5. Сербскій.
6. Хорватскій.
7. Хорутанскій.

IV. Рѣчь сѣверозападная. Къ ней принадлежатъ также 5 языковъ:

8. Польскій.
9. Чешскій.
10. Словацкій.
11. Лужицкій.
12. Полабскій.

§ 19. И такъ въ славянскомъ кругу 12 языковъ; а если бы, послѣдую Шафаріку и Копитару, соединить словацкій съ чешскимъ, а хорватскій съ сербскимъ, тогда было бы 10.

Всѣ они соединяются въ 4 удѣла и 2 половины, и составляютъ одну славянскую рѣчь.

СЛАВЯНСКАЯ РѢЧЬ.

I. Руская или восточная.

1. Южноруская.
2. Сѣверноруская.

II. Западная.

3. Югозападная.
4. Сѣверозападная.

Въ такомъ видѣ я представляю систему славянскихъ нарѣчій, выражающую главныя степени средства ихъ.

§ 20. Соотвѣтственно этому дѣленію славянской рѣчи, и въ славянскомъ племени будутъ тѣже 2 половины, 4 удѣла, и въ нихъ 10 народовъ.

ПЛЕМЯ СЛАВЯНСКОЕ.

I. Половина восточная.

Рускіе или восточные Славяне.

1. Удѣлъ юговосточный.

1, Народъ южнорускій.	13,144,000.
1. Малороссіяне.	10,370,000.
2. Червоноруссы.	2,774,000.

2. Удѣлъ сѣверовосточный.

2. Народъ сѣвернорускій.	38,040,000.
1. Великороссіяне.	35,314,000.
2. Бѣлоруссы.	2,726,000.

II. Половина западная.

Западные славяне.

3. Удѣлъ югозападный.

3. Народъ болгарскій.	3,587,000.
4. Народъ сербскій.	5,000,000.
5. Народъ хорватскій.	1,095,000.
6. Народъ хорутанскій.	1,151,000.

4. Удѣлъ сѣверозападный.

7. Народъ польскій.	9,365,000.
8. Народъ чешскій.	4,414,000.
9. Народъ словацкій.	2,753,000.
10. Народъ лужицкій.	142,000.
И того ¹⁾ всѣхъ Славянъ	78,691,000.

¹⁾ Счетъ Славянъ заимствованъ изъ Шафарикова Славянскаго Народописанія (1842); только въ числѣ Сербовъ и Хорватовъ сдѣлана перемѣна: по указанію Срезневскаго, отъ первыхъ перечислено ко вторымъ—294,000.

Рускихъ	51,184,000.
Западныхъ	27,507,000.

Славянскій народъ, у котораго заимствованъ церковный языкъ Кирилломъ и Мефодіемъ, уже не существуетъ отдѣльно. Всего вѣроятнѣе, что то были Славяне македонскіе, вошедшіе потомъ въ составъ народа болгарскаго.

Славяне полабскіе почти забыли свой языкъ, и уже обнѣмечились.—

С Т А Т Ь Я П.

О степеняхъ сродства между нарѣчіями.

§ 21. Степени сродства потому опредѣляются въ филологіи, что онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Опредѣленіе ихъ важно; ибо безъ этого наука не можетъ привести многообразіе своего предмета къ стройному единству и цѣлости.

Двойственность человѣческой природы представляетъ двоякое основаніе, на которомъ должна утвердиться система, въ изображеніи человѣка—первоначально-единого, и по которому система человѣческаго слова должна совпадать съ системою человѣческаго рода.

Подобно царствамъ природы, все человѣчество дѣлится постепенно на части, такъ что каждый его отдѣлъ, будучи частью своего цѣлаго, самъ есть особое цѣлое, относительно своихъ частей.

По такому отношенію и подчиненію (въ которыхъ и состоитъ стройная цѣлость), каждый отдѣлъ природы или человѣчества знаменуетъ особую степень сродства. Ни одна степень не должна быть упускаема изъ виду; но система обращаетъ главное вниманіе на значительнѣйшія степени, на которыхъ примѣтнѣе особенность образованія.

Каждый отдѣлъ царства, по своему особенному свойству и развитію, можетъ быть отличнымъ отъ другихъ и въ своемъ подраздѣленіи. Потому однообразіе въ подраздѣленіяхъ не есть еще непремѣнное условіе системы, хотя и составляетъ ея красоту.

Многіе члены человѣчества давно утратили свою особенность и вошли въ составъ другихъ; иные совсѣмъ отжили бытіе свое и утонули безъ вѣсти въ минувшемъ; нѣкоторые живутъ неузнанные наукою. Безъ вѣрнаго знанія обо всѣхъ ихъ нельзя составить полной системы; а система истинная не приметъ въ себя ничего вымышленнаго.

§ 22. Шафарикъ, въ Славянскомъ Народописаніи, изъясилъ справедливое памѣреніе, чтобы разныя степени человѣческаго слова означать особыми именами, соотвѣтственно тѣмъ же степенямъ человѣческаго рода. Основую и средоточіемъ своего дѣленія онъ принялъ: кмень (по переводу Бодянскаго поколѣніе)—языкъ; народъ—рѣчь. Но я думаю, что наименовка степеней сродства на рускомъ языкѣ должна установиться нѣсколько иначе.

Названію народъ соотвѣтствуетъ не рѣчь, а языкъ. Такъ утверждено уже вѣковымъ употребленіемъ, по силѣ котораго говорится: языкъ еврейскій, санскритскій, греческій, латинскій, рускій, польскій, сербскій и проч.

По-славянски языкомъ называется и собственно языкъ, какъ опредѣленнѣйшій видъ человѣческаго слова, и народъ говорящій извѣстнымъ языкомъ.

Это двойное значеніе имени языкъ, и его происхожденіе, какъ мнѣ кажется, отъ личнаго мѣстоименя *язъ* или *я* (какъ бы въ знакъ того, что въ языкѣ выражается личность народа)—требуютъ, чтобы языкъ и народъ были приняты какъ два названія равностепенныя и соотвѣтственныя другъ другу. Какъ трудно отступить отъ этого, видно у самаго Шафарика: на 3-ей страницѣ Народописанія повторяется у него трижды: «языки, кмены»; а на 4-ой страницѣ трижды говорится, уже по общему употребленію: «языкъ, народъ».

§ 23. И такъ равностепенныя и взаимно соотвѣтственныя названія суть народъ и языкъ. Сообразуясь съ этимъ,

можно распредѣлить и остальные слова, наблюдая, чтобы высшимъ, объемнѣйшимъ степенямъ предоставлены были имена, имѣющія менѣе опредѣленное и болѣе обширное значеніе.

Сообразно двумъ органическимъ царствамъ природы, и въ системѣ человѣческаго царства можно принять дѣленіе его сперва на области, потомъ на округа, за тѣмъ на круги. Это и будутъ 4 объемнѣйшіе отдѣла, знаменующіе собою 4 высшія, отдаленнѣйшія степени сродства. За ними слѣдуютъ отдѣлы менѣе обширные, знаменующіе собою низшія, ближайшія степени сродства.

§ 24. На первой степени было не множество народовъ и языковъ, какъ нынѣ; но единство человѣка въ родѣ и словѣ; ибо «отъ единыя крове весь языкъ человѣчъ, жити по всему лицу земному». (Дѣян. XIII. 26).

Единство человѣка было не только на первозданной землѣ, но и на землѣ обновленной всемірнымъ потопомъ. «И бѣ вся земля устнѣ единѣ и гласѣ единѣ всѣмъ.—Се родъ единѣ и устнѣ единѣ всѣмъ». (Быт. XI. 1. 6).

Сіе первоначальное единство расторгнуто посредствомъ другаго грознаго переворота на землѣ, извѣстнаго подъ именемъ разсѣянія людей и смѣшенія языка ихъ, «да не услышать кійждо гласа ближняго своего». (Быт. XI. 7).

Уже послѣ сего произошло постепенно то разнообразіе въ родѣ и словѣ человѣческомъ, какое представляется нынѣшнимъ множествомъ народовъ и языковъ.

Расторженіе первоначальнаго единства въ такое многообразіе не можетъ быть изъяснено никакимъ разнообразіемъ климата, пищи и жизни. Безъ особеннаго, крутаго переворота въ человѣчествѣ, оно немогло произойти также, какъ земля не могла принять нынѣшняго лица своего безъ потопа всемірнаго.

§ 25. Вторую степень сродства составляютъ области, на которыя прежде всего дѣлится человѣческое царство. Здѣсь родъ человѣчeskій является породами (гасе), какъ-то: кавказская или бѣлая, монгольская или желтая, аме-

риканская или красная, и негрская или черная. ¹⁾ Человѣческія породы опредѣляются преимущественно образованіемъ тѣла, у каждой особеннымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и между языками каждой породы есть свои общія отличительныя черты, хотя филологія, кажется, не успѣла еще опредѣлить ихъ достаточно. Но еслибы понадобилось назвать особымъ именемъ совокупность языковъ каждой породы, то для этого можно взять въ отдѣльномъ видѣ общеславянское слово вѣтъ, такъ часто употребительное въ соединеніи съ предлогами (отвѣтъ, завѣтъ, привѣтъ и пр.). Это имя всего болѣе, мнѣ кажется, можетъ итти къ языку человѣка на степени ближайшей къ его первородному, вѣщему слову.

Породы человѣка, во многихъ русскихъ книгахъ, называются поколѣніями. Но этимъ именемъ въ русскомъ языкѣ выражается различіе людей не столько по степени сродства ихъ, сколько по времени ихъ существованія. Въ поколѣніяхъ олицетворяется не одна изъ первыхъ или высшихъ степеней; но послѣдняя изъ нихъ, до которой дошло развитіе человѣчества, — въ которой мысленно и совмѣстно заключаются всѣ предыдущія степени. Поколѣніе есть особенное (индивидуальное) бытіе человѣчества, въ дѣйствительномъ, но скоропроходящемъ явленіи.

«Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падаютъ;
Другія имъ во слѣдъ идутъ».

(Пушкинъ въ Евг. Онѣг.).

¹⁾ *Четверное* число породъ принимали Линней, Бюффонъ, Кантъ, Рудолфи. Кювье сократилъ его въ три, причисливъ американскую породу къ монгольской. Другіе, по примѣру Блюменбаха, принимаютъ *пять* породъ. Бори-сенъ-Венсанъ дѣлитъ всѣхъ людей прежде всего на двое: на гладковолосяхъ и курчавоволосыхъ, — что совпадаетъ съ дѣленіемъ Виреевскимъ. У другихъ писателей встрѣчаются другія числа, 6 и 7; а нѣкоторые ученые вовсе отказываются отъ дѣленія на породы и даже отрицаютъ его. Это послѣднее есть крайнее удаленіе науки отъ своей цѣли. Разнорѣчія ученыхъ объ этомъ предметѣ и трудность его опредѣленія нисколько не опровергаютъ его дѣйствительности. Мало-ли что наука видитъ теперь только, какъ *зерцаломъ въ гаданіи!*

§ 26. Области дѣлятся на округи. На этой третьей степени человѣческой родъ является колѣнами. Таковы, въ породѣ кавказской: наше колѣно индоевропейское, колѣно симическое. Человѣческому слову на этой степени можетъ быть усвоено имя говоръ, у котораго менѣе определенное и болѣе обширное значеніе, чѣмъ у имени рѣчь.

Каждый округъ дѣлится на круги. На этой четвертой степени родъ человѣческой является племенами. Таковы въ индоевропейскомъ колѣнѣ племена: персидское съ индскимъ, греческое съ латинскимъ, славянское съ литовскимъ, и нѣмецкое съ кельтскимъ. Человѣческое слово на этой степени имѣетъ уже определенное образованіе, но все еще родовое значеніе; и всего приличнѣе можетъ называться рѣчь ю: рѣчь славянская, рѣчь нѣмецкая и проч.

У Добровскаго и Шафарика принимается «языкъ славянской» въ значеніи родовомъ, какъ совокупность всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Но одного славянскаго языка давно уже нѣтъ, какъ нѣтъ одного народа славянскаго. Они давно разошлись во многіе языки и народы.

§ 27. Принимая такимъ образомъ четыре высшія степени въ человѣческомъ царствѣ, я нахожу приличными для нихъ и взаимно соотвѣтственными слѣдующія имена:

1. Царство: родъ—слово.
2. Область: порода—вѣтъ.
3. Округъ: колѣно—говоръ.
4. Кругъ: племя—рѣчь.

Подобно цѣлому царству, и каждый кругъ его имѣетъ свои степени развитія, по которымъ племя и рѣчь переходятъ въ народы и языки.

Рѣчи и племена въ царствѣ человѣческомъ тоже, что роды (genus) въ царствахъ органическихъ; а языки и народы соотвѣтствуютъ видамъ (species) органической природы. Тамъ иные роды явились прямо однимъ или же нѣсколькими видами; другіе перешли въ нихъ, раздѣляясь сперва на такъ называемые подроды (subgenus). Въ иномъ родѣ значитель-

ная и ясная разница между видами; въ другомъ мало примѣтная.

Тоже въ рѣчахъ и въ племенахъ человѣческихъ. Въ каждомъ кругу свое; ибо въ каждомъ кругу общій образецъ человѣческой породы явился запечатлѣнный особенными примѣтами. Племенные особенности породы и особенное образованіе каждаго говора въ его рѣчахъ, принимаютъ еще новые опредѣленнѣйшіе виды, подъ которыми племена и рѣчи пребываютъ въ своихъ народахъ и языкахъ.

§ 28. Въ славянскомъ кругу, какъ показано выше, рѣчь и племя явились особыми языками и народами на разныхъ степеняхъ сродства. Прежде всего славянскій кругъ раздѣлился на двѣ половины: рускую или восточную, и западную. На этой пятой степени славянская рѣчь имѣетъ еще родовое значеніе, и можетъ называться тѣмъ же именемъ: рѣчь руская, рѣчь западнославянская. Тоже и съ племенемъ: племя руское, племя западнославянское.

Въ русской или восточной половинѣ, рѣчь и племя приняли два вида: южнорускій и сѣвернорускій, которые столько особенны, что ихъ, по сравненію съ другими, должно было признать за два языка и народа. Они произошли и опредѣлились, безъ сомнѣнія, еще въ весьма древнее время, и приходятся на шестой степени сродства, которую я называю удѣломъ.

Родные другъ другу по своему происхожденію, два восточнославянскіе удѣла, при св. Владимірѣ соединились еще новымъ союзомъ государственнымъ и церковнымъ въ одну Русь. Тогда древняя восточнославянская природа, просвѣтлѣнная христіанствомъ, преобразилась въ новое бытіе и проникнута стала новымъ единствомъ рускаго духа.

Въ западной половинѣ своей, славянская рѣчь и племя образовались въ особые языки и народы уже на седьмой степени сродства; а на шестой степени, т. е. въ двухъ удѣлахъ своихъ — югозападномъ и сѣверозападномъ, они имѣютъ еще родовое значеніе.

И такъ славянская рѣчь, развиваясь въ особые языки, въ западной половинѣ свое перешла одну степень лишнюю

противу восточной. Потому естественно, что въ нашей русской или восточной половинѣ меньше было разъединенія и внутренняго измѣненія славянской рѣчи,—что въ большей полнотѣ и цѣлости могли сохраниться ея родовыя, первообразныя свойства.

§ 29. Языкъ есть живая совокупность словъ, которою выражаетъ себя народъ, и которая отъ одного поколѣнія передается другому и сохраняется ими, какъ завѣтное наслѣдіе.

Народъ, какъ особый видъ племени, вполне познается только въ кругу своихъ соплеменниковъ. Языкъ, будучи особымъ образованіемъ родовой рѣчи, можетъ быть вполне яснымъ только въ связи съ прочими языками своего племени. Изъ соображенія всѣхъ ихъ получается понятіе объ ихъ родовыхъ принадлежностяхъ и свойствахъ, безъ котораго ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть достаточно извѣстнымъ; ибо безъ знанія о родѣ нѣтъ вѣрнаго понятія о видѣ.

Первоначальный славянскій языкъ уже давно не существуетъ особно; но онъ продолжаетъ бытіе свое въ нынѣшнихъ языкахъ, отъ него происшедшихъ. Онъ существуетъ въ нихъ своими коренными принадлежностями и свойствами, въ нихъ разсѣянными и перемѣшанными, такъ что, кромѣ словъ и оборотовъ общихъ имъ всѣмъ, у каждаго изъ нихъ вѣрно уцѣлѣло еще что нибудь отъ родоначальнаго языка, что не сбережено у другихъ, или не доставалось на долю нѣкоторыхъ. Такимъ образомъ въ сравнительномъ изслѣдованіи соплеменныхъ языковъ состоитъ надежнѣйшее средство къ полнѣйшему знанію каждаго, и даже къ взаимному пополненію ихъ самихъ. И нѣтъ ни одного нарѣчія въ славянскомъ кругу, которое могло бы оставлено быть безъ вниманія, и не могло бы послужить собою хотя нѣсколько или для проясненія, или для пополненія другихъ. Всѣ они суть члены одного тѣла, и составляютъ одно тѣло.

§ 30. Въ разныхъ вѣтвяхъ народа, языкъ его является съ большими или меньшими отмѣнами въ звукахъ, въ цѣлыхъ словахъ и въ оборотахъ словъ. Эти отмѣны происходили сколько отъ внутренняго стремленія въ разнообразію, столько

и отъ внѣшнихъ условій, подъ которыми шла жизнь народа и развивался его языкъ.

Отмѣны, съ какими бываетъ языкъ въ своемъ народѣ, называются нарѣчїями (діалектами). Если какое нарѣчїе многосложно, то нѣкоторыя среднія степени его измѣненій можно называть поднарѣчїями; а ихъ дробнѣйшія и менѣе замѣтныя отмѣны—разностями. Имена «подрѣчїе и разнорѣчїе» я считаю здѣсь неумѣстными.

Какъ въ опредѣленіи высшихъ степеней, такъ и здѣсь, наука обязана наблюдать постепенность сродства,—чтобы нарѣчїя и ихъ разности не остались раскиданными членами; но были бы правильно сближены, и дробнѣйшія заключились бы въ тѣхъ объемнѣйшихъ, въ которымъ они принадлежатъ.

Для того-то въ удѣлѣ языка южнорускаго, я различилъ (1836 г.) сперва два нарѣчїя—малорусское и червонорусское; и уже въ нихъ подразличаю дробнѣйшія отмѣны.

Такъ и въ удѣлѣ сѣвернорускаго языка, прежде всего принимаются нарѣчїя великорусское и бѣлорусское. Но потомъ, въ обширномъ великорускомъ нарѣчїи, должно отличать еще двоякій говоръ: нарѣчїя говорящїя на о, и нарѣчїя говорящїя на а; и уже къ нимъ должно относить дробнѣйшія разности языка, какими говорятъ Великороссїяне въ разныхъ областяхъ государства рускаго.

§ 31. Для совершенства нашего познанія объ русской рѣчи, необходимо изслѣдовать всю переходчивость ея звуковъ, всѣ оттѣнки ея словъ, все разнообразіе и подвижность ея оборотовъ. Только тогда можно съ полнымъ отчетомъ различать въ ней существенное отъ измѣнчиваго, самородное отъ пришлаго, и увидѣть ясно весь ея звуковой составъ и ея духъ. Тогда наука узнаетъ вполнѣ и основательно свойства и принадлежности господствующаго нарѣчїя, въ которомъ преимущественно совершенствуется и растетъ языкъ рускій.

§ 32. Языкъ рускій, возникшій изъ нарѣчїя московскаго, подъ вліяніемъ церковно-славянскаго языка, есть главный представитель не только русской рѣчи, но и всей сла-

винской. Своєю мужественною силою и торжественною звучностью онъ превосходитъ всѣхъ своихъ соплеменниковъ.

По словамъ Карамзина (1817), онъ «можетъ равняться въ силѣ, красотѣ и пріятности, съ лучшими языками древности и нашихъ временъ».

Убѣжденіе въ достоинствахъ рускаго языка принадлежало всѣмъ мастерамъ—знатокамъ его. Вотъ что говорилъ объ немъ первый его устроитель, нашъ всеобъемлющій Ломоносовъ. .

«Повелитель многихъ языковъ, языкъ російскій не только обширностью мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ передъ всѣми въ Европѣ. Невѣроятно сіе покажется иностраннымъ, и нѣкоторымъ природнымъ Россіянамъ, которые больше къ чужимъ языкамъ, нежели къ своему трудовъ прилагали. Но кто, не упрежденный великими о другихъ мнѣніями, простретъ въ него разумъ, и съ прилежаніемъ вникнетъ, со мною согласится. Тончайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и переменны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра и въ человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи. И ежели чего точно изобразить не можемъ; не языку нашему, по недовольному своему въ немъ искусству приписывать долженствуемъ. Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море». (Россійская Грамматика. СПб. 1755 г.).

Приведу еще нѣсколько строкъ, написанныхъ спустя полвѣка краснорѣчивымъ Мерзляковымъ, у котораго столько поколѣній училось словесности и языку отечественному.

«Можно сравнить въ настоящее время (1811 г.) свѣдѣнія наши объ обширномъ языкѣ російскомъ со свѣдѣніями о пространной російской имперіи. Онъ извѣстенъ намъ только съ нѣкоторыхъ сторонъ.

«Мы видимъ, что онъ имѣетъ систему отличную почти отъ всѣхъ новѣйшихъ языковъ. Подобно древнимъ, онъ отли-

частся опредѣленными окончаніями въ падежахъ, и потому свободенъ въ перестановкѣ словъ, по силѣ смысла или гармоніи; столько же, или еще болѣе измѣняемъ въ глаголахъ; въ сложеніи и въ производствѣ обилень и натуралень; какъ наслѣдственная отросль славянскаго, богатъ для всѣхъ родовъ слога; живописень и простъ, какъ другіе языки, почтиаемые первобытными. Вотъ что даровала природа языку російскому.

«Стихотворцы, сколько бы они знамениты ни были, не совершаютъ еще великаго дѣла образованія языка. Если основательныя науки его не образуютъ, онъ никогда не будетъ имѣть настоящей своей точности».

«Образованіе языка совершается съ образованіемъ народа. Онъ принужденно обогащаться не можетъ. Работы его медленны и зависятъ отъ времени. Одно главное правило: полюбить его!»

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ О ПОЛНОГЛАСІИ.

С Т А Т Ъ Я Ш.

О полногласіи русской рѣчи вообще.

§ 33. Главное отличіе русской рѣчи отъ западнославянской состоитъ въ томъ, что она болѣе сохранила полногласіе словъ, т. е. обиліе гласныхъ звуковъ среди согласныхъ, по-русски, напримѣръ, говорится—молоко, дорога, береза; а по-западнославянски—млеко, дрога или драга, бреза или бриза.

Полногласіе принадлежитъ всѣмъ рускимъ нарѣчіямъ, сѣвернымъ и южнымъ; слѣдственно, оно есть общее свойство русской рѣчи. Это должно замѣтить въ филологіи потому особенно, что на полногласіе смотрѣли у насъ, какъ на сѣверное свойство, и было говорено, что «нарѣчіе южныхъ Русовъ удержало въ своихъ словахъ преимущественное господство согласныхъ, подобно языкамъ сербскому и болгарскому». (Уч. Зап. М. У. 1834 г. № 8). Но въ языкѣ южной Руси столько же полногласія, какъ и у сѣверной. Въ немъ проносятся полногласно иногда и тѣ слова, изъ которыхъ не только въ западной Славянщинѣ, но и въ Великой Руси, уже опущенъ гласный звукъ; напримѣръ: тѣрень, солодкѣй, борошно, долбня (вм. долбнь, какъ говорится въ нарѣчіяхъ верхнерускомъ и среднерускомъ; по-московски оборочено въ ладонь; по-западнославянски сокращено въ длонь, длань).

§ 34. Полногласіе составляет собою не господство гласныхъ надъ согласными, но ихъ равновѣсіе, которое поддерживается звуками полугласными.

Господства гласныхъ звуковъ нѣтъ въ образцовомъ устройствѣ славянской рѣчи. Избытокъ гласности является въ ней подъ видомъ доегласія. Но обыкновеннѣйшій способъ, которымъ нарушается ея образцовое полногласіе, состоитъ въ обращеніи гласныхъ въ полугласные, или же въ опущеніи гласныхъ изреди согласныхъ.

Равновѣсіе основныхъ стихій слова, руская рѣчь—въ своихъ собственныхъ, древнѣйшихъ формахъ—сохранила болѣе, чѣмъ западнославянская. Тамъ, черезъ частое убавленіе полногласія, происходитъ иногда перевѣсъ согласныхъ звуковъ, по которому слова остаются иногда вовсе безъ гласныхъ, а по силѣ латинскаго письма—даже и безъ полугласныхъ. Такъ въ сѣверозападномъ удѣлѣ, Словаки и Чехи, вмѣсто волкъ, перстъ, торгъ, говорятъ: влькъ, пѣрстъ, тѣргъ; пишутъ: wlk, prst, trg. Такъ въ югозападномъ удѣлѣ, Сербы, вмѣсто крестъ, серпъ, кровь, черенъ или черный, говорятъ, а нѣкоторые и пишутъ: крст, срп, крв, прн. И это для Серба, Словака и Чеха—по выраженію Караджича—благогласно.

Въ церковнославянскомъ языкѣ—по его собственной, древней формѣ—обращеніе полныхъ гласныхъ въ *з* и *ь* производилось въ срединѣ словъ, не только при *р* и *л*, но и при другихъ согласныхъ, на примѣръ: вѣлк, тѣргъ, пятѣкъ, дѣнь, мѣчь.

Подобнымъ стремленіе обращать полные гласные въ легкій полугласный звукъ, при всѣхъ согласныхъ, отличается нынѣшній языкъ хорутанскій. Примѣчательно, что при такомъ стремленіи этотъ языкъ болѣе всѣхъ славянскихъ развиваетъ въ себѣ звуки доегласные. Полнота, истощаемая въ однихъ гласныхъ, переносится въ другіе, и этимъ способомъ поддерживается еще первородное равновѣсіе въ стихіяхъ словъ.

Въ славянской филологіи вошло почти въ повѣрье, что тѣ полногласныя формы словъ, которыми наша восточная рѣчь рознится отъ западной, суть позднѣйшія, и составляютъ

въ ней наибольшее уклоненіе отъ первообраза славянскаго; что ѝ и ѳ, представляемые такъ часто языкомъ церковнымъ въ срединѣ словъ, замѣнены полными гласными, и у насъ и въ западной Славянщинѣ, уже въ послѣдствіи; и что отсутствіе этихъ гласныхъ составляетъ первообразную форму словъ въ рѣчи славянской.

Такое понятіе о первообразѣ славянскомъ, объ его измѣненіи у Славянъ западныхъ, и объ крайнемъ удаленіи отъ него въ нарѣчіяхъ русскихъ—составляетъ донинѣ господствующій взглядъ на коренныя свойства и на развитіе какъ русской, такъ и всей славянской рѣчи. Если рускій или западный Славянинъ говоритъ, напримѣръ—полкъ, огонь, овесъ, день, мечъ или мячъ, волкъ или вилькъ, черный или чарный, то, полагается, что здѣсь звуки *о, е, и, а*—вставлены или прибавлены. Но если, напримѣръ Болгаринъ, говоритъ—«огнь, дьго, крьфъ, црно, Блгаринъ», то это называется—«еще по старому». (Сл. Нар. с. 43).

По предположенію, что и въ русской рѣчи господствовали сперва тѣже сокращенныя и малогласныя формы словъ, какія представляетъ языкъ церковный, и что руское полногласіе есть явленіе позднѣйшее и пришлое, — Добровскій приписывалъ его вліянію финскаго языка, а Востоковъ считалъ его слѣдствіемъ климата. Но такія мнѣнія, очевидно, произошли отъ того же, хотя и господствующаго, однако неправильнаго и превратнаго понятія о первообразѣ славянскомъ и объ измѣненіи его въ разныхъ нарѣчіяхъ, особенно въ русскихъ.

§ 35. Слѣдую Добровскому, Давыдовъ говорилъ, что «славянское нарѣчіе сѣверныхъ Руссовъ измѣнилось отъ сліянія съ рѣченіями Финновъ, которыя изобилуютъ гласными (Уч. Зап. М. У. 1834 г.).

Если бы дѣло шло о какихъ нибудь отдѣльныхъ словахъ, или объ какомъ нибудь частномъ и областномъ измѣненіи русской рѣчи, то можно бы еще предположить вліяніе финское. Такъ напримѣръ, если поселянинъ рязанскій говоритъ: суболь, дубчкя, винубъ, вмѣсто соль, дочка, вино; то можно бы еще подумать, что древній Вятчичъ, вдавшись въ

предѣлы Финновъ, перенялъ у нихъ такое удвоеніе гласныхъ; ибо Финны говорятъ: суола вм. соль, и прочая. Это предположеніе могло бы возникнуть особенно потому, что нѣкоторые славянорусскіе филологи доегласіе считаютъ свойствомъ чуждымъ для языковъ славянскихъ. Но сообразивъ, что такое же раздвоеніе гласныхъ встрѣчается у большей части западнославянскихъ языковъ, мы не можемъ приписать финскому вліянію и сказанный выговоръ рязанскій. Онъ могъ развиться самъ собою, съ тою разницею, что въ русскихъ нарѣчійхъ доегласіе появляется отъ избытка полногласія и не въ ущербъ ему; тогда какъ въ хорутанскомъ языкѣ оно съ избыткомъ развивается въ однихъ звукахъ, истощая полноту другихъ (§ 34).

Чтобы полногласіе, такъ равномѣрно проникающее всю рускую рѣчь, было занято ею отъ Чуди, съ которою зналась постоянно только сѣверовосточная Русь, этого и предполагать не слѣдовало. Возьмемъ для примѣра полногласныя рускія слова: борода, огонь, пороса, тетеревъ. Предположимъ, что эти слова и у насъ сперва выговаривались сокращенно, какъ теперь у разныхъ западныхъ Славянъ: брада, огонь, праса, тетревъ. На языкѣ Чуди они выговариваются такъ: парта, угни, порсасъ, тетри. Очевидно, что полногласныя формы этихъ словъ въ русской рѣчи произошли не отъ финскихъ рѣченій; ибо эти послѣднія ближе къ сокращенной западнославянской, чѣмъ къ нашей полногласной формѣ. Есть финскія рѣченія, въ которыхъ больше гласныхъ звуковъ, чѣмъ въ русскихъ; но въ большей части такихъ словъ руская рѣчь и не приняла финскаго полногласія; напримѣръ—тавара, ташпара, гамутта, гурта; по-русски—товаръ, топоръ, хомуть, хортъ. Такимъ же образомъ руская рѣчь отказалась и отъ того гласнаго звука, которымъ въ санскритскомъ языкѣ кончаются, напримѣръ, слова—наса, свана, сака, пата; по-русски—носъ, звонъ, сувъ, путь. Руская рѣчь любитъ полугласные звуки въ концѣ словъ; и ея полногласіе, о которомъ идетъ дѣло, состоитъ не въ окончательныхъ гласныхъ, а въ середочныхъ, принадлежащихъ корнямъ словъ.

§ 36. Нельзя допустить и того, чтобы полногласіе русской рѣчи, не принадлежавъ ей первоначально, произошло послѣ—отъ климата, какъ предполагалъ Востоковъ. Отъ какого климата?—Наеждинъ (1837) опредѣлительно сказалъ: отъ сѣвернаго. Но полногласіемъ отличается вся руская рѣчь, и сѣверная, и южная; слѣдственно, вся восточная половина славянскаго круга. Потому оно можетъ быть названо скорѣе восточнымъ, нежели сѣвернымъ свойствомъ. Сѣверъ не даетъ полногласія. Исландцы и другіе Скандинавы далѣе нашихъ Новгородцовъ зашли на европейскую полночь; однако слова, общія славянской и нѣмецкой рѣчи, не сдѣлались отъ того полногласнѣе у Скандинавовъ. На сѣверѣ они болѣе обезгласидись и ожестѣли. Слово борода сократилось въ *bart* (исланд. нѣм. голл.); тетеревь, по-шведски *teder*, въ исландскомъ обратилось въ *thidr*; молоко, въ англосаксонскомъ изъ *meoloc* сократилось въ *milk*; сорочка по-шведски *sark*, по-исландски *serk*.

Напротивъ того въ языкѣ санскритскомъ встрѣчаемъ полногласіе во многомъ близкое къ рускому, иногда еще большее. Сравните слова: патага, катара, чатуръ, титтира—съ нашими: птаха, который (въ польск. ктуры, чешск. ктери), четыре или чотыри, тетеревь. Два послѣднія слова и по-литовски (теттерись, кеттури) полногласнѣе, чѣмъ у западныхъ Славянъ (—чтери или чтыри, тетревъ). Другіе примѣры изъ санскритскаго языка приведены будутъ ниже.—По этому сближенію русской рѣчи съ самымъ восточнымъ отдѣломъ индоевропейскаго округа, относительно полногласія, оно также можетъ быть называемо скорѣе восточнымъ свойствомъ, нежели сѣвернымъ.

§ 37. Сравненіе словъ и другія соображенія привели меня къ мысли, что полногласіе въ русской рѣчи не есть достояніе нажитое ею отъ Чуди, на хладномъ сѣверѣ (гдѣ наши новгородскіе Словѣне промышляли объ иныхъ пріобрѣтеніяхъ);—что оно есть родовое наслѣдіе русской рѣчи, съ которымъ и вышла она изъ общей колыбели племенъ и народовъ.

На него я смотрю какъ на остатокъ первобытной Славянины, сбереженный на нашемъ русскомъ востокъ болѣе, чѣмъ сохранился онъ у нашей западной брати.

Опущеніе или сокращеніе гласныхъ среди согласныхъ, какбе представляютъ западнославянскіе языки, есть не первообразъ славянской рѣчи, а наибольшее отклоненіе отъ него, происшедшее на славянскомъ западѣ, особенно за Дунаемъ.

Первородное полногласіе убавилось и въ русской рѣчи, сколько по общей наклонности индоевропейскаго говора—сокращать свои первобытныя полнозвучныя формы словъ; но еще болѣе—по вліянію церковнаго языка на языкъ Руси, въ христіанскую пору ея жизни.

Вотъ понятіе, которое въ моей Исторіи древней Руской Словесности, я осмѣлился противопоставить господствующему филологическому мнѣнію. Здѣсь я разовью его подробно.

С Т А Т Ь Я IV.

Объ отношеніи церковнославянскаго языка къ русскому.

§ 38. Церковнославянскій языкъ, прежде всѣхъ соплеменниковъ своихъ, получилъ полное письменное образованіе. Потому несомнѣнно, что въ этомъ языкѣ сохранились многія древнія принадлежности славянской рѣчи. Нельзя однако допустить, чтобы въ немъ (какъ полагаетъ Шафарикъ, въ Сл. Народ. с. 35.) совмѣстно и цѣликомъ сохранились всѣ тѣ свойства первобытной Славянщины, которыя отрывочно разсѣяны по другимъ нарѣчіямъ. Еще несправедливѣе то мнѣніе, будто языкъ церковный былъ общежительнымъ языкомъ нашихъ восточныхъ Славянъ въ 9 вѣкѣ, и будто народная руская рѣчь отбѣнилась отъ него уже въ послѣдующіе вѣка.

Послѣднее мнѣніе распространилось у насъ въ нынѣшнемъ столѣтіи. Если не первымъ, то главнымъ его строителемъ у насъ былъ Шишковъ. Поборая за старыи слогъ на новыи, — который, отрѣшаясь отъ церковнаго языка, подвергался излишнему вліянію французскаго, — Шишковъ называлъ нашъ церковный языкъ корнемъ и началомъ рускаго, и даже утверждалъ наконецъ, что нарѣчіе руское «не есть нарѣчіе славянскаго языка, а тотъ же самый языкъ, немѣющій ни малѣйшаго съ нимъ различія».

Такое понятіе о тожествѣ двухъ родственныхъ языковъ, хотя и не обращалось у насъ въ общее мнѣніе; однако съ нѣкоторыми измѣненіями повторялось и такими знатоками языка, какъ Калайдовичъ, Давыдовъ, Павскій.

К. Калайдовичъ, напримѣръ, (въ своемъ Іоаннѣ Екзархѣ Болгарскомъ, 1824 г.) доказывалъ, что языкъ церковно-славянскій есть тотъ коренной древній языкъ, который еще и въ половинѣ 9-го вѣка былъ общимъ у Моравовъ, Болгаръ, Русскихъ, и у другихъ славянскихъ народовъ, и не имѣлъ еще особыхъ отличій отъ языка рускаго.

Давыдовъ (Учен. Зап. М. У. 1834.) говорилъ, что Священное Писаніе переведено на «древній рускій языкъ», отъ котораго произошелъ нынѣшній языкъ Руси южной и сѣверной.

Но церковный языкъ обработанъ не по древнему рускому, а по одному изъ задунайскихъ нарѣчій, бывшихъ въ 9-мъ вѣкѣ. Всего вѣроятно, что онъ составлялъ особое нарѣчіе македонское, принадлежавшее тѣмъ Славянамъ, среди которыхъ, въ городѣ Солунѣ, родились наши славянскіе первоучители. Считаю лишнимъ повторять здѣсь различія мнѣнія объ этомъ, разобранныя мною въ Исторіи древ. Рус. Слов. гл. VII.

§ 39. Церковный языкъ, уже и въ древнее время отличный отъ сербскаго, болгарскаго и хорутанскаго, — какъ свидѣтельствуя о томъ ихъ особенности, видныя изъ древнихъ памятниковъ, — тѣмъ болѣе отличенъ былъ отъ народной русской рѣчи. Онъ принятъ на Руси, вмѣстѣ съ христіанствомъ, какъ соплеменный языкъ, на который были переведены богослужебныя книги. И онъ сталъ молитвеннымъ языкомъ Руси, также какъ и Болгаръ, Моравовъ, Сербовъ, Хорутанъ и Хорватовъ; какъ былъ онъ нѣкоторое время у Чеховъ и Поляковъ.

Съ тѣмъ вмѣстѣ церковный языкъ сталъ и письменнымъ языкомъ Руси, какъ это бываетъ обыкновенно съ языкомъ богослужебнымъ. Въ этомъ смыслѣ онъ столько же есть древній рускій, сколько и старо-славянскій, старопаннонскій, старо-болгарскій, старо-сербскій. Древній Русинъ могъ называть его иногда своимъ языкомъ, подобно тому, какъ Іоаннъ экзархъ болгарскій называлъ его и своимъ и словенскимъ. А что онъ прослылъ преимущественно болгарскимъ, тому причиною было то, что Болгары, покорившіе и покрывшіе своимъ именемъ Македонію и фракійское

Загорье (861 г.), и принявшіе тогда же христіанство, были первымъ славянскимъ народомъ, у котораго процвѣла письменная словесность на языкѣ церковномъ, и отъ котораго наиболѣе расходились переводы разныхъ книгъ. Несторъ справедливо сказалъ, что одна и таже «грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ». Зачѣмъ же филологамъ распространять на народную рѣчь то, что сказано о грамотѣ славянской, о языкѣ письменномъ.

Что языкъ церковный былъ отличенъ отъ народнаго языка Руси, и въ древній дотатарскій періодъ ея жизни, то видно изъ всѣхъ почти нашихъ древнихъ памятниковъ.

Не считали его за одно съ языкомъ своенароднымъ и въ среднія времена, ни на сѣверѣ, ни на югѣ рускомъ. Новгородскій переписчикъ Евангелія (1506 г.) оговаривался, что въ церковныя книги «многи пословицы привходили новгородскіи». Въ Евангеліи Переяславскомъ, переведенномъ (1556-61 г. на Волини, въ городѣ Пересопницѣ) съ церковнаго языка на западнорускій, повторяется не разъ, что оно переложено «изъ языка болгарскаго на мову рускую».

Въ прошломъ столѣтіи Ломоносовъ, хотя сродный намъ языкъ славянскій называлъ кореннымъ, однако ясно различалъ отъ него нашъ природный языкъ русскій. Говоря объ ихъ соединеніи въ письменномъ языкѣ нашемъ, онъ сказалъ, что «русскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадеу неподверженъ утвердится, коль долго церковь русскія славословіемъ Божиимъ на славянскомъ языкѣ украшаться будетъ» (въ Предисловіи о пользѣ книгъ церковныхъ).

Въ нынѣшнемъ столѣтіи Каченовскій (въ своемъ Взглядѣ на успѣхи русскаго вѣтѣйства, 1811 г.) говорилъ опредѣлительно, «что языкъ гражданскій и общенародный всегда былъ у насъ отличнымъ отъ языка церковнаго; что богослужебный языкъ, принесенный въ Русь по крещеніи жителей кievскихъ и новгородскихъ, былъ весьма отличенъ отъ общеупотребительнаго».

Не будемъ же въ наше время смѣшивать понятія о письменномъ употребленіи церковнаго языка на Руси,

съ понятіемъ о народной русской рѣчи. Надо вовсе устранить филологическое мнѣніе о тождествѣ рускаго языка съ церковнымъ, о происхожденіи изъ него народныхъ русскихъ нарѣчій, и объ его первообразности для всѣхъ языковъ славянскихъ. Ложное въ началѣ и основаніи своемъ, это мнѣніе остается сбивчивымъ при всѣхъ своихъ изворотахъ и ограниченіяхъ.—

Изъ церковнаго языка осталось много въ письменномъ языкѣ рускомъ; но наша народная рѣчь, съ своими главными особенностями, конечно была прежде, нежели церковный языкъ въ письменномъ видѣ и сталъ извѣстенъ на Руси. Считать его представителемъ первобытной Славянщины несправедливо. Старшинство въ этомъ отношеніи принадлежитъ болѣе русской рѣчи, особенно по праву ея полногласія. Церковный языкъ въ кругу славянскомъ былъ однимъ изъ младшихъ братьевъ. Но ему суждено было первому передать Слово Божіе для Руси и для всего племени славянскаго. И вотъ въ чемъ его главное достоинство и важность передъ другими.

§ 40. По непрестанному обращенію гласныхъ звуковъ въ полугласные, церковный языкъ составлялъ противоположность русской рѣчи. Въмѣсто гласныхъ *o*, *e*, древняя церковная письменность почти на каждой строкѣ представляетъ *z* и *z*, въ срединѣ словъ. Какъ-же произносились эти буквы у Славянъ болгарскихъ, моравскихъ, паннонскихъ? По мнѣнію Востокова—полугласно; и это мнѣніе стало господствующимъ. Шафарикъ называетъ *z* и *z* въ церковномъ языкѣ «полугласными или слабыми гласными». (Слав. Нар. с. 35). И по мнѣнію Вячеслава Ганки, полугласные *z*, *z*, нѣкогда произносились какъ короткіе *o*, *e*.

Однако Павскій отрицаетъ, чтобы *z* и *z*, въ древнемъ славянскомъ языкѣ, выговаривались полугласно, какъ короткіе гласные (Ф. Н. 1. 43. 75.). По его мнѣнію—«первый установитель славянскаго правописанія писалъ одни постоянныя гласныя, требуемыя смысломъ; а бѣглыя гласныя *o* и *e*, требуемыя выговоромъ, онъ предоставлялъ догадкѣ

читателя. Читающій самъ долженъ былъ догадываться гдѣ въ *з* и *ъ* прибавить въ выговорѣ *о* или *е*.

Очевидно, что такое истолкованіе приспособлено къ рускому выговору, и зависитъ отъ того что у Павскаго *з* и *ъ* сближены съ согласными буквами, и что церковный языкъ не отдѣленъ у него ясною чертою отъ рускаго.

Кирилъ и Мефодій славянскую правопись устанавливали не для Руси и не по рускому выговору. Они устанавливали ее для Славянъ задунайскихъ и моравскихъ; а у тѣхъ Славянъ всего больше и опускаются или сокращаются гласные звуки, произносимые у насъ сполна, а въ церковномъ замѣщаются буквами *з* и *ъ*. Если въ срединѣ однихъ словъ было писано *о*, а въ срединѣ другихъ *з*: то конечно потому, что въ однихъ словахъ *о* выговаривался сполна, какъ и у насъ, напр. гробъ, слово; а въ другихъ недоговаривался, напр. кръкъ, влъкъ, а не кровь, водкъ. Если было писано: чело и чьловѣкъ; то конечно потому, что въ первомъ словѣ звукъ *е* выговаривался сполна, какъ и у насъ; а во второмъ уже недоговаривался или совсѣмъ невыговаривался. Въмѣсто отецъ, конецъ, писано было отьць, коньць—конечно потому, что въ нихъ не выговаривался полный *е*. Такъ и теперь гласный звукъ *е* часто совсѣмъ опускается изъ окончаній *ецъ*, *екъ*,—у Лужичей, напр. вотць, пташкъ,—и у Кашубовъ, напр. кравць, пѣскъ.

§ 41. Бѣглость гласныхъ есть свойство непостоянное, и въ разныхъ нарѣчіяхъ разное, такъ что по одному нарѣчію нельзя заключать о другомъ, безъ положительнаго знанія о каждомъ словѣ въ каждомъ нарѣчіи.

Буквы *з* и *ъ*, такъ строго различаемыя въ древней церковной правописи, показываютъ, изъ какихъ гласныхъ произошли онѣ въ языкѣ церковномъ. Если пишется тръгъ, влъкъ,—значить, что эти слова произошли изъ торгъ, волкъ, а не изъ тергъ (хорв.), велкъ (верхнелуж.) или вилькъ (польск.). Если пишется днь, мьчь, дверь, значить, что предки тѣхъ Славянъ, по нарѣчію которыхъ образованъ церковный языкъ, говорили день, мечь, дверь, а не дань и мачь—какъ въ сербскомъ, и не дварь—какъ въ санскритскомъ.

На мой взглядъ, древняя церковная правопись тѣмъ важна для филологіи нашей, что по ней можно заключать: въ какихъ полногласныхъ формахъ нѣкогда были въ славянской рѣчи слова, теперь употребительныя уже сокращенно.

Такъ на примѣръ, изъ слова вѣрхъ (верхъ) можно заключать, что оно сокращено изъ верехъ; и такое заключеніе оправдывается поднарѣчіемъ новгородскимъ, въ которомъ вмѣсто верхъ говорится верѣхъ (а верхомъ называется мѣра вершокъ).

Изъ слова сѣмьреть видно, что вмѣсто смерть говорили нѣкогда сомереть или сомерть; и подобная форма встрѣчается дѣйствительно въ глаголитской письменности—семерть. Она видна и въ уменьшительныхъ словахъ семерѣтка, семерѣточка, весьма извѣстныхъ въ нарѣчьи верхнерускомъ.

Писано было мѣнѣ или мѣнѣ: и по-южноруски дѣйствительно говорятъ не мѣѣ, а менѣ или мени.

Вмѣсто кто, что, было писано кѣто, чѣто или чѣто,—вѣрно потому, что эти мѣстоименья выговаривались нѣкогда: кото, чето или чото. И въ языкѣ Полабцовъ дѣйствительно было не кто, а като. Эта форма видна и въ мѣстоименни—который или каторый, по-санскрит. катара. А мѣстоименне *что* состоитъ явно изъ кореннаго *чо* и частицы *то*, откидаемой въ косвенныхъ падежахъ. Въ отдѣльномъ, безприбавочномъ видѣ мѣстоименне *чо* употребительно еще у Словаковъ и у Червоной Руси; у Поляковъ и Чеховъ оно произносится *чо*, въ косвенныхъ падежахъ—*чѣю*, *чѣму*; а у нашихъ Рязанцовъ говорится еще—*чо*, *чею*, *чему*.

Впрочемъ, за уменьшеніемъ полногласія въ славянской рѣчи, для многихъ словъ, писанныхъ въ церковномъ языкѣ съ *з* и *в*, нельзя уже найти полногласныхъ формъ въ нынѣшнихъ живыхъ нарѣчьяхъ. Напр. вм. мѣногъ, какъ находимъ это слово въ Евангеліи Остромировомъ, нигдѣ у Славянъ не говорится уже моногъ; а только—многъ; но въ рѣчи нѣмецкой удержался гласный звукъ послѣ *м*: *тапаг*, *топег*, *тепиг*. Филологія должна утверждаться на томъ, что она можетъ узнать положительно—на формахъ словъ дѣйствительно существующихъ или существовавшихъ. Потому изъ

полногласныхъ формъ, о которыхъ можно заключать по древней церковной правописи, только тѣ можно принимать за дѣйствительныя, которыя можно доказать и подтвердить какимъ нибудь живымъ славянскимъ нарѣчіемъ, или же письменнымъ памятникомъ, принимая при этомъ въ соображеніе языки и другихъ родственныхъ или смежныхъ рѣчей.

Шимкевичъ, въ своемъ Корнесловѣ, справедливо поступалъ, что тѣ слова, которыя въ рускомъ языкѣ употребительны еще полногласно, оставлялъ и въ корнѣхъ подъ эту форму, а не подъ сокращенную церковною, какъ у Рейфа. Напримѣръ: голова, городъ; а не глава, градъ. Жаль однако, что при сравненіи русскихъ словъ съ другими, церковнославянскія поставлены въ Корнесловѣ по новой, а не по древней ихъ правописи,—какъ это сдѣлано въ небольшихъ словаряхъ, приложенныхъ Копитаромъ къ его Глаголиту, и Востоковымъ къ Остромирову Евангелію. Впрочемъ и то надо сказать, что въ дошедшихъ къ намъ церковнославянскихъ рукописяхъ, даже древнѣйшихъ, представляется немалое разнообразіе въ постановкѣ середочныхъ ѣ и ѣ; и составитель словаря не рѣдко обязанъ будетъ возстановлять ихъ по своему собственному соображенію.

§ 42. «Во многихъ случаяхъ можно пожалѣть о потерѣ древней системы правописанія»—говоритъ Павскій; «потерявъ ее, мы перемѣшали буквы постоянныя съ бѣглыми, и въ случаѣ нужды должны распознавать ихъ не иначе, какъ при помощи грамматической аналогіи и по руководству древнихъ славянскихъ рукописей. Филологу, который долженъ дать отчетъ во всякой буквѣ, знать различіе между постоянными и бѣглыми буквами необходимо» (Ф. Н. 1. 76—77).

Нѣтъ сомнѣнія въ пользѣ такого знанія. Но бѣглость буквъ у каждаго славянскаго языка особенная и притомъ перемѣнчивая. Ошибся бы филологъ, если бы по руководству древнихъ славянскихъ рукописей, по находящимся въ нихъ ерамъ и ерямъ, сталъ заключать о бѣглости и постоянствѣ звуковъ—въ языкѣ рускомъ. Такъ, напримѣръ, по-церковнославянски было писано хръбѣтъ. Отсюда видно только, что эта форма сокращена изъ полной хребетъ; но никакъ не слѣдуетъ,

чтобы и у насъ на Руси въ этомъ словѣ оба *e* когда нибудь были бѣглыми. У насъ первый *e* постоянный; а бѣглый только второй: хребеть, хребта, хребтовый, хребетной. Но въ языкѣ польскомъ наоборотъ: постояннымъ остается второй *e*, а бѣглымъ сдѣлался первый: грѣбетъ, грѣбету, грѣбетовый.

Въ рускомъ языкѣ, въ именахъ: волкъ, плоть, торгъ, мечъ, дверь—звуки *o*, *e*, постоянные; а въ именахъ золь, день—бѣглы *e*. Но по-церковнославянски они равно были обращены въ *ъ* и *ь*: влъкъ, плть, тьргъ, мьчь, дверь, зьль, дьнь.

Имя попелъ по-южноруски въ родительномъ падежѣ и бпелу, а не поплу; т. е. звукъ *e* передъ *л* остался постояннымъ. Такъ и по-сербски—въ именит. пепео, въ родит. пепела. Но въ рускомъ языкѣ—пепель, въ родительномъ падежѣ пепла; даже и въ именительномъ можно сказать пепель.

Вообще говоря, звуки встарину были у насъ постояннѣе; бѣглыми становились впоследствии. Такъ слово камень въ род. падежѣ каменя; и по-церковнославянски камене; но теперь по-русски говорится уже и каменя, и камня. Въ именахъ: ротъ, лобъ, лень, звуки *o*, *e*, южнорускимъ выговоромъ удерживаются и въ косвенныхъ падежахъ; но великорускимъ выговоромъ они опускаются.

Чего постояннѣе, кажется, какъ звукъ *y* въ словѣ голубъ или голубъ: съ разными измѣненіями онъ есть и въ языкѣ церковномъ, и въ другихъ славянскихъ, также въ румынскомъ, латинскомъ (*columba*). Однако въ языкѣ Лужичей звукъ *y* бѣжалъ изъ слова голубъ, также какъ и изъ слова жолудъ; и они выговариваются тамъ: голбъ или гойбъ, жолджъ или жолжъ.

Изъ всего сказаннаго видно, кажется, что при уставленіи церковной правописи, Кирилъ и Мефодій могли руководиться произношеніемъ бывшимъ дѣйствительно, а не соображеніемъ о постоянствѣ и бѣглости звуковъ. Гдѣ гласный звукъ выговаривался у нихъ сполна, тамъ и писана была гласная буква; гдѣ онъ былъ обращенъ въ полугласный, тамъ писаны были *ъ*, *ь*; а гдѣ вовсе былъ опущенъ, тамъ не пи-

сали и полугласныхъ. Буквами *з* и *ь* означалось дѣйствительное произношеніе словъ въ церковномъ языкѣ 9-го вѣка; а не нарочное опущеніе гласныхъ, съ предоставленіемъ самому читателю наполнять ихъ. На письмѣ опускались буквы, для сокращенія письменнаго, въ словахъ подъ титлами; въ такомъ разѣ опускались и полугласныя буквы, напримѣръ въ Остроміровомъ Евангеліи: сѣрдѣцѣмъ и срдѣцѣмъ. Буквы *з* и *ь* въ срединѣ словъ конечно стоятъ на мѣстѣ гласныхъ; но потому, что эти гласныя въ церковномъ языкѣ были уже обращены въ полугласныя, не бывъ однако совсѣмъ опущены. Это его особенность въ кругу славянскомъ.

§ 43. Для тѣхъ Славянъ, по произношенію коихъ и для которыхъ писали славянскіе первоучители и ихъ ученики, безъ сомнѣнія удобно было выговаривать такъ часто *з* и *ь* среди согласныхъ. Но для Руси, привыкшей къ полногласной рѣчи, конечно было трудно это непрестанное обращеніе гласныхъ въ полугласныя. Потому на первыхъ порахъ, безъ сомнѣнія, было у насъ большое разногласіе въ чтеніи. Одни, особенно тѣ, которые учились у Задунайцовъ и Моравцовъ, вѣроятно держались буквы, и приучали свой языкъ къ выговору своихъ учителей. Для другихъ, которые болѣе слѣдовали своенародному выговору, *з* и *ь* служили титлами, подъ которыми скрывались полныя гласныя звуки, извѣстные имъ изъ своенароднаго языка. Читая: дньсь, сѣрдѣце, отьць, зѣль, и прочая, они конечно выговаривали: денесь, сердце или сердце, отецъ, золь. Но у Сербовъ тѣже слова, конечно, произносились: данасъ, срдѣце, отаць, залъ. Такое разнорѣчіе необходимо было, по несходству древней церковной правописи съ народнымъ рускимъ и сербскимъ выговоромъ. Это совершенно понятно, когда послушаешь, какъ розно читаютъ Италіанецъ, Французъ и Нѣмецъ одно и тоже латинское евангеліе.

§ 44. Въ слѣдствіе разнообразнаго выговора, представляется большая пестрота и въ древней русской письменности. Церковная правопись и церковныя формы словъ составляютъ главную основу; но сквозь нее непрестанно сквозитъ своенародный, привычный выговоръ, и полныхъ гласныхъ вмѣсто

з и ъ, и разныхъ согласныхъ буквѣ, которыя у насъ не такъ произносились, какъ были въ языкѣ церковномъ.

Одни, слѣдуя и подражая церковной правописи, писали: вѣлкѣ или влѣкѣ, плѣкѣ, чѣрный или чрѣнный, чѣрвленъ или чрѣленъ. Для близости къ церковному произношенію, Іоаннѣ дьякѣ, въ Святославовскомъ Сборникѣ, такъ часто писалъ *ит* вмѣсто *и*.

На эту статью сокращали у насъ своенародныя слова. Имена: Волга, Черниговъ, Рось, писали, а можетъ быть иныя и выговаривали: Вльга, Чрѣнѣговъ, Рѣсь (даже вм. Русь!).

Другіе поступали наоборотъ: полагали правиломъ замѣнять полугласные з и ъ гласными о и е. Нѣкоторые выполняли это правило даже въ концѣ словъ, какъ видно на нѣкоторыхъ сѣвернорусскихъ грамотахъ, именно на Договорѣ Мстислава Смоленскаго, 1228 г. Можетъ быть иныя, читая такое писаніе, и выговаривали о, е, вмѣсто з, ъ. По крайней мѣрѣ изъ древнихъ стихирарей видно, что протяженіе з и ъ въ о и е имѣло мѣсто въ пѣньи церковномъ.

Съ концомъ древняго періода, Рускіе стали уже отставать отъ писанія з и ъ въ срединѣ словъ, гдѣ оно не приходилось по рускому выговору. Однако нѣкоторые, особенно южныя Руссы, старались удерживать ихъ на письмѣ, еще въ 16-мъ и даже въ 17-мъ вѣкѣ. Ученый схимникъ и архитепографъ Кіевопечерской Лавры Памва Берында, какъ уроженецъ молдавскій,—молилъ типографовъ (въ своемъ Славенороссійскомъ Лексиконѣ) о соблюденіи ера и еря. Но дѣло кончилось тѣмъ, что Рускіе, образовавъ свою правопись вообще по церковнославянской, занявъ много въ свой новый языкъ изъ богослужебнаго, и въ немъ самомъ измѣнили многое; и его полугласные звуки, въ срединѣ словъ, замѣнили полными гласными, сообразно своенародному великорускому выговору.

Такимъ образомъ нашъ церковный языкъ, образованный сначала по произношенію одного изъ задунайскихъ нарѣчій, отличавшійся непрестаннымъ обращеніемъ гласныхъ звуковъ въ полугласные, растворился у насъ полно-

гласіемъ русской рѣчи. Начатыи въ Царѣгородѣ, святыми братьями Кириломъ и Мефодіемъ, онъ преобразился у насъ въ новый видъ, въ которомъ съ особенною красотою является въ писаніяхъ св. Димитрія Ростовскаго. Ими какъ вѣнцомъ, завершается наша старая славяноруская словесность. Въ нихъ же довершается и развитіе церковнаго языка возвращеніемъ его къ полногласію, какъ первобытному свойству рѣчи славянской.

§ 45. Церковный языкъ, какъ соплеменный рускому, легко могъ присвоиться Руси. Она слушала его при богослуженіи; молилась на немъ повседневно. И онъ отозвался въ ея нарѣчіяхъ, особенно въ великорусскомъ. Ибо въ Великой или Московской Руси постоянно, исключительнѣе жила съ нимъ народная рѣчь, не бывъ смущена наводненіемъ польщизны, которая, будучи сама на то время угнетена латинью, не могла дать ничего живоноснаго языку западной Руси, и только помѣшала его письменному развитію.

Какъ свѣтъ ученія Христова озарилъ душу и обновилъ жизнь рускую; такъ и языкъ церковнославянскій дополнилъ и, можно сказать, одуховилъ собою древнюю рускую рѣчь.

Читая на немъ Священное Писаніе и Отцовъ церкви, узнавая черезъ него столько святыхъ, вѣковѣчныхъ истинъ, древняя Русь сама высказала на немъ такъ много своихъ мыслей и чувствъ, и записала на немъ столько важнаго и любопытнаго о своей жизни. Въ продолженіе вѣковъ древняя народная рѣчь Московской Руси и языкъ церковный сроднились между собою и сочетались недѣлимо въ одинъ живой, цѣльный составъ, какой представляетъ собою нынѣшній рускій языкъ. Въ немъ къ прежнимъ, своенароднымъ словамъ и оборотамъ, вполне прижились не только многія слова, но и нѣкоторыя формы и обороты церковнославянскіе, которыхъ прежде не было у Руси. Многія своенародныя формы словъ или исключены изъ него, какъ обветшалыя; или не успѣли еще войти въ него. Иныя слова утвердились въ немъ и по старой, народной формѣ, и по новой, церковной, съ разными ограниченіями. Сообразно съ значеніемъ

церковнаго языка у Руси, и его слова въ русскомъ языкѣ имѣють обыкновенно болѣе мысленное и обширное значеніе, болѣе сановитости, чѣмъ тѣже слова народной формы. Языкъ рускій не утратилъ отъ того своенароднаго свойства и склада; ибо основа его звуковъ, словъ и оборотовъ осталась своя прежняя. Но онъ, принявши въ себя такъ много изъ языка церковнаго, приобрѣлъ то двойственное богатство, при которомъ онъ въ состояніи уже отвѣчать вѣрными отголосками русской душѣ, для выраженія ея мыслей и чувствъ, и для изображенія внѣшняго міра, въ разнообразѣйшихъ оттѣнкахъ.

С Т А Т Ь Я V.

О древности полногласія въ славянской рѣчи.

§ 46. Языкѣ церковный, и народный языкѣ Руси, какъ двѣ особія стихіи, до своего соединенія, были различнѣ между собою, нежели теперь. Потому не удивительно, что въ самыхъ древнихъ памятникахъ нашей письменности попадаютъ рускія формы словъ среди церковнославянскихъ. Онѣ примѣчаются и въ церковныхъ книгахъ, начиная съ древнѣйшей, съ Евангелія Остромирова. Но въ памятникахъ, относящихся къ общественной жизни, напимѣрь въ лѣтописяхъ и грамотахъ, еще болѣе выказывается народная руская рѣчь, съ разными особенностями своими, въ томъ числѣ и съ полногласными формами словъ, чуждыми для языка церковнаго.

Такъ, можно сказать, на первыхъ листахъ, на которыхъ еще въ Царѣгородѣ руская рѣчь сошлась съ языкомъ церковнымъ, она обозначилась уже своимъ полногласіемъ. Я разумѣю Договоры рускихъ Князей съ Греками, внесенные Несторомъ въ его лѣтопись. Эти договоры конечно были писаны греческимъ Славяниномъ, который въ свой текстъ вносилъ цѣликомъ и выраженія рускія,—что видно ясно изъ языка договоровъ,—чему не противорѣчатъ и слова Нестора: «приведоша рускія слы, и велѣша глаголати, писати обоихъ рѣчи на харатьѣ».

Въ договорѣ Олеговомъ (912 г.) встрѣчаемъ слѣдующія народно-рускія слова: полоняникъ (по-церковн. илѣнникъ), отполонени, бороненіе, возборонитись. Въ договорѣ Игоревомъ (945 г.): «да не имѣють волости (вм. власти) купити паволокъ лише по 8 золотникъ» или

«въ вустѣи Днѣпра Бѣль бережи»; также Переяславль, Передъславинъ, Володиславль, города, взворотити.

Въ памятникахъ 11-го вѣка находимъ тоже; напримѣръ въ Руской Правдѣ: болого (вм. благо), волога, молоко, хорониди, перегородитъ, перевѣсище, который. Последнее слово встрѣчается въ той же формѣ не только въ Святославскомъ Сборникѣ 1073 г., въ грамотѣ Мстиславовой 1128 г., въ Киевской лѣтописи, въ пѣсни Игорю; но даже и въ Остромировомъ Евангеліи. Въ нынѣшнемъ южнорускомъ языкѣ оно произносится: который и котрый.

Несторова лѣтопись представляетъ множество примѣровъ древняго полногласія въ именахъ, глаголахъ, частицахъ: Володимерь, Полотескъ, Половцы, золото, молонья, невѣголось, воробей, горожанѣ, городъ, норовъ, заморозъ, пороть, берегъ, дерево, черево, жерело, середа, середній, чересь, и прочая.

Не говорю о послѣдующихъ памятникахъ руской письменности 12-го и 13-го вѣковъ: о пѣсни Игорю, о лѣтописяхъ Киевской, Новгородской, и прочая. Во всѣхъ ихъ встрѣчается много словъ полногласной формы, въ какой они и теперь употребительны, въ томъ же самомъ или уже въ измѣненномъ и ограниченномъ значеніи. Многія слова тамъ встрѣчаются въ такой полногласной формѣ, въ какой они не слышны уже въ общепринятомъ рускомъ языкѣ; однако ведутся еще въ нарѣчіяхъ областныхъ, сохраняются въ старинныхъ пѣсняхъ, пословицахъ, сказкахъ; а нѣкоторыя и въ нихъ уже не слышны, или же не услышаны еще для общей извѣстности.

§ 47. Не ясно ли, что полногласныя формы словъ ведутся у насъ издревле, и что на Руси, въ первые вѣка ея христіанства, полногласіе составляло господствующій говоръ! Народныя, привычныя формы словъ непрестанно врывались въ письменный текстъ; и отъ того такое множество ихъ въ нашей древней письменности. Въ послѣдствіи, когда рускому люду присвоился языкъ церковный, и сокращенныя формы словъ стали приниматься въ общежительный, разговорный рускій языкъ: древнее полногласіе убавилось, и произошла та двойственность формъ, которою пестрѣтъ руская письменность

отъ начала своего до нашего времени, и которая уже не изгладится въ ней; ибо рускій языкъ не можетъ уже отрѣшиться отъ всего, что передано ему языкомъ церковнымъ.

Убавленіе полногласія въ русской рѣчи было причиною и тому, что въ ней есть не мало словъ, происшедшихъ видимо отъ корней полногласныхъ, между тѣмъ какъ самые корни уже изветшали или совсѣмъ забыты.

§ 48. Не бывъ ни вліяніемъ чуждскихъ, ни произведеніемъ сѣвера, полногласіе русской рѣчи составляетъ ея первобытное свойство; и если бы оно не было родовымъ, исконнымъ ея достояніемъ, то его и совсѣмъ бы не было въ ней. Ибо нѣтъ никакой особенной причины къ такой перемѣнѣ, которая была бы вопреки общему ходу и славянской, и другихъ родственныхъ рѣчей. Извѣстно, что, напримѣръ, въ языкѣ греческомъ, полнозвучныя и протяженныя формы словъ принадлежатъ древнѣйшему времени, а сокращенныя явились и утвердились позднѣе. Сокращеніе тамъ происходило и въ корняхъ и въ окончаніяхъ словъ. Въ языкѣ новогреческомъ это обозначилось еще болѣе, чѣмъ въ эллинскомъ. Тоже въ разныхъ видахъ замѣчается и на другихъ родственныхъ рѣчахъ, и въ кругу славянскомъ. Я замѣтилъ уже (§ 36), что нѣкоторыя слова, у западной братіи нашей произносимыя сокращеннѣе нежели у насъ, у древнихъ Индовъ были съ такимъ же какъ у насъ, и даже съ болѣе полногласіемъ. Слѣдственно, полногласныя формы этихъ словъ чрезвычайно древнія. Извѣстно также, что напримѣръ, близкія къ намъ рѣчи: Днѣпръ, Прутъ, въ отдаленнѣйшіе вѣка произносились полнозвучнѣе—Данаприсъ, Пората.

Изъ подобныхъ соображеній, а всего болѣе изъ самой рѣчи славянской, открывается, что она, при своемъ развитіи въ нынѣшніе языки и нарѣчія, сокращала свои древнія полныя формы словъ, и въ корняхъ, и въ окончаніяхъ.

§ 49. Наклонность къ сокращенію всего болѣе, и можетъ быть прежде всего, въ славянской рѣчи обнаружилась на окончаніяхъ словъ.

Такъ вмѣсто слоговъ *as, os, us, is*, которыми въ другихъ индоевропейскихъ языкахъ красуются имена мужескія,

славянская рѣчь дала имъ легкіе, полугласные члены—з и ъ. При этихъ господствующихъ въ славянскомъ кругу членахъ, другіе встрѣчаются только отрывочно, и не съ плотнымъ с, но съ плавными звуками и, л, или съ полугласнымъ ѣ (см. ниже въ статьѣ 14-й).—Въ именахъ женскихъ, великорусское нарѣчіе особенно любило и любитъ ѡ вмѣсто и,—напр. мать, дочь, вмѣсто древнихъ—мати, дочи; даже вмѣсто а,—напр.: бровь, молвь, темь, слоть, вмѣсто бровѧ, молвѧ, темѧ, слотѧ. Не говорю объ отглагольныхъ женскихъ именахъ—вѣсть, знать, бить, течь, мочь и другихъ, въ которыхъ ѡ поставленъ вмѣсто и, принадлежащаго неопредѣленному, а иногда повелительному наклоненію глагольв.—Въ именахъ среднихъ, вмѣсто иноязычныхъ окончаній *an, on, um, en*, въ славянской рѣчи идутъ только гласные *o, e*, и—я, которое, по справедливому замѣчанію Давыдова (въ Москвитянинѣ, 1843) есть также членъ средняго рода.

Тоже и въ падежахъ косвенныхъ. Такъ на примѣръ, во множественномъ числѣ, древнѣйшія и полныя окончанія родительнаго падежа *овъ, евъ*, измѣняющіяся въ *ои, ей*, сокращены въ з и ѡ¹⁾. Полное окончаніе творительнаго падежа *ами, ями*,

¹⁾ Въ Филологическихъ Наблюденіяхъ Павскаго (II. 314) принято наоборотъ: первоначальными славянскими окончаніями сего падежа признаны з и ѡ; изъ нихъ въслѣдствіи сочинителями грамматикъ и писцами придуманы удвоенные *зъ, ѡъ*, а отсюда наконецъ произошли *овъ, евъ, ей*. Но еслибъ окончанія *овъ, евъ*—были слѣдствіемъ позднѣйшихъ грамматическихъ изобретеній, тогда они очень бы поздно распространились и утвердились въ народныхъ нарѣчіяхъ русскихъ и западнославянскихъ. А мы видимъ, что они во всѣхъ четырехъ удѣлахъ славянскихъ существуютъ издревле. Такъ во Фризинской рукописи 10-го вѣка, во всѣхъ трехъ молитвахъ, читаемъ: *greshow*. Въ Остромировомъ Евангеліи встрѣчаемъ: *ръховъ, еравевъ*. Это конечно ошибки противъ церковнаго языка; но онѣ свидѣлствуютъ, что окончанія *овъ, евъ*, въ 11-мъ вѣкѣ были привычными въ выговорѣ новгородскомъ. Въ славянщинѣ сѣверо-западной писцы всего менѣе обращались съ ерами и ерями, а кое-гдѣ совсѣмъ ихъ не знали; но тамъ всего болѣе и господствуютъ полныя окончанія *овъ, евъ*—Въ языкѣ Лужичей окончаніе *овъ* удержалось даже при именахъ женскихъ: *душовъ, женовъ, руковъ*, вм. *душъ, женъ, рукъ*;—подобно тому, какъ первообразное славянское окончаніе творительнаго падежа *омъ*, у Сербовъ сохранилось и при женскихъ именахъ и нѣкоторыхъ мѣстоименяхъ: *женомъ, землѣмъ, тобомъ*, вм. *женою, землею, тобою*.

он рѣдко сокращается у насъ въ *ми*, *ѣми*; а въ церковномъ и въ некоторыхъ другихъ языкахъ въ *и*, *и*.

Тоже и въ окончаніяхъ глагольныхъ. Не говоря о первомъ лицѣ изъявительнаго наклоненія въ единственномъ числѣ, упомяну объ немъ во множественномъ числѣ: только у Поляковъ оно произносится первообразно *мы*; а у Малоросіянъ, Словаковъ, Сербовъ, Хорватовъ и Хорутанъ измѣнилось въ *мо*; у Чеховъ, Болгаръ и Руси карпатской въ *ме*; а Мазуровъ въ *ма*; а въ церковномъ языкѣ, также у Великоросіянъ и Галичанъ, сократилось въ *мз*.—Древнее окончаніе втораго лица *ши* и *си* почти у всѣхъ Славянъ перешло въ *иш* или *ишъ*.—Окончаніе третьяго лица *тш* или *тшъ* совсѣмъ отброшено западными Славянами, что бываетъ не рѣдко и въ нарѣчіяхъ русскихъ. Новгородцы обходятся безъ него въ обоихъ числахъ: люби, любя; возьми, возьму. Въ среднерускомъ нарѣчьи это бываетъ только въ единственномъ числѣ: иде, поѣ. Тоже и въ южнорускомъ, особливо послѣ *е*: иде, спѣвае, свѣтае, и спѣва, свѣта. У многихъ Червоноруссовъ *тш* опускается и передъ *ся*: проси-се, вм. просится.—Глагольное окончаніе *ся*, измѣняемое одними въ *се*, другими въ *си* (особенно въ среднерускомъ нарѣчьи—наѣлси, надумалси; а въ верхнерускомъ даже—наѣлсы, надумалсы; въ кievской лѣтоп.—сжалиси), часто сокращается въ *съ*.—Такимъ образомъ и окончаніе неопредѣленнаго наклоненія *ти*, удерживается южною Русью, задунайскими Славянами, Чехами; но у сѣверной Руси оно сокращается въ *тъ* или же обращается въ *тъ* (тсъ), какъ въ языкѣ Польскомъ; у Лужичей оно переходитъ даже въ *тъ* (тшь).

§ 50. Изъ приведенныхъ и другихъ случаевъ видно, какъ часто въ концѣ славянскихъ словъ бываютъ полугласные звуки, вмѣсто своихъ же гласныхъ, или вмѣсто согласныхъ, употребляемыхъ языками иноплеменными. Полугласность окончаній составляетъ одно изъ замѣчательныхъ отличій Славянской рѣчи.

Св. Кирилъ глубоко проникъ въ природу славянской рѣчи, когда установилъ писать *з* и *ъ* въ концѣ словъ, въ языкѣ церковномъ. Неправъ Караджичъ, исключившій *з* изъ

своей новосербской правописи. Если въ языкѣ Сербовъ только четыре согласные звука *л* и *н*, *д* и *т* (?), не утратили еще способности соединяться съ *ь*-мъ; то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы *з* былъ вовсе чуждъ для остальныхъ согласныхъ. И Дрбровскій поступалъ несправедливо, уничтожая *з* въ концѣ словъ, въ языкѣ церковномъ.

Въ русскомъ языкѣ, гортаннонебные звуки не соединяются съ *ь*-мъ. Но изъ-за этого уже ли слѣдуетъ отнимать у нихъ *з*? Напротивъ, онъ тѣмъ болѣе долженъ быть представленъ имъ, какъ полугласный звукъ, исключительно для нихъ удобный. Незнаю, можно ли сказать тоже и относительно сербскихъ согласныхъ звуковъ, непринимающихъ ера. Но еслибы *з* при этихъ звукахъ и утратилъ уже свое прежнее полугласное значеніе: все же онъ долженъ остаться, какъ привычный для славянской письменности показатель того произношенія согласныхъ буквъ, которое противоположно оточенію ихъ посредствомъ ера.

Что касается до уничтоженія *з* и *ь* въ правописи рускаго языка, то всѣ попытки на это остались безуспѣшными и напрасными.

Всего странѣ видѣть изгнаніе ера изъ правописи языка южнорускаго, въ Русалкѣ Днѣстровой (напечатанной въ Будимѣ 1837 г.), въ которой такъ горячо защищается славянская азбука противъ ложнаго мнѣнія, будто на южнорускомъ языкѣ и должно и лучше писать латинскими буквами по правописи польской. Глядя на изгнаніе ера изъ этой книжки, невольно повторишь изрѣченіе: »духъ животворить, а письма убиваетъ«. Пусть это дѣлаютъ съ славянскихъ языкахъ письма латинскія, которыми и теперь еще добровольно нуждаются многіе западные Славяне, какъ во время оно и у жда х у с я ими, по выраженію древняго черноризца Храбра. Но Славянинъ, пишущій славянскими или рускими буквами, не долженъ повидать безъ подобности того, что возникло изъ древней природы славянскихъ языковъ, что будучи справедливо по своему начальному исходу, и освящено тысячелѣтнимъ употребленіемъ, обратилось въ привычную, неотъемлемую принадлежность славянской письменности.

§ 51. Вѣроятно, что еще при первомъ наслѣдованіи родового запаса словъ, въ славянской рѣчи, вмѣсто санскритскаго юванъ, латинскаго juvenis, выговорено было юнъ; а вмѣсто персидскаго хмель, искланд. humall, латинскаго humulus — хмель. Въ первомъ случаѣ выпущенъ цѣлый слогъ; а въ послѣднемъ только гласный звукъ.

Этими двумя способами корни словъ теряли и впоследствии полноту свою. Первымъ способомъ, т. е. опущеніемъ слоговъ, напримѣръ, древнее слово комонъ, бывшее долго и у русскихъ и у западныхъ Славянъ, сократилось въ конъ; и эта форма вытѣснила первую. Такимъ же образомъ слова: человекъ, говоритъ, видишь, у многихъ Великороссянъ сокращаются въ челькъ, гить, вишь; сладость въ сласть; четверть въ четъ. По-церковнославянски: рѣхъ, рѣста, вмѣсто рѣкохъ, рѣкоста.

Сюда же принадлежитъ происхожденіе словъ царь, царство, изъ цесарь, цесарство, которыя сначала сокращались только въ цсарь, цсарство. Прежнія полнѣйшія формы этого слова видны изъ многихъ древнихъ памятниковъ русскихъ и западославянскихъ, начиная съ фризинской рукописи, гдѣ написано zesarstuo.

Такимъ же образомъ у католическихъ Славянъ латинскія слова vigilia, missa, сократились въ вилія, мша.—

Показавъ наклонность къ сокращенію на окончаніяхъ словъ и на опускаемыхъ слогахъ, обратимся теперь къ сокращенію или опущенію гласныхъ звуковъ корневыхъ, которымъ особенно истощалось древнее славянское полногласіе.

§ 52. Слѣдуя общей наклонности къ сокращенію древнихъ формъ, славянская рѣчь утратила свое полногласіе наиболѣе въ западной половинѣ, особенно въ удѣлѣ юго-западномъ; ибо въ той половинѣ она испытала больше дробленія и внутренняго измѣненія, перейдя степень развитія лишнюю противу восточной или русской (см. § 28), и развиваясь при непрестанномъ столкновеніи и общеніи съ нѣмецкою рѣчью, гдѣ такъ много утрачено полногласіе словъ, общихъ индоевропейскому говору.

Что въ рѣчи западнославянской, вообще говоря, сокращенныя формы словъ происходили изъ полнѣйшихъ, а не наоборотъ, въ томъ не должно сомнѣваться. Для примѣра приведу знаменитое имя Грекъ, по-лат. Graecus: по-церковнославянски оно сокращено въ Грькъ, по-сербски въ Гркъ,—также какъ и свое собственное имя, въ языкѣ Сербовъ, обратилось въ Срба,—какъ имя Готовъ сокращаемо было у насъ въ Гѣти. Подобно тому и слова: король, монахъ, передѣлались въ краль или кроль, мнихъ. Глаголы—писать, пытать (въ лат. petere), прыскать (въ санскр. пришь), фыркать, глотать (въ лат. glytire), въ чешскомъ языкѣ сокращаются въ псати, птати, прсати, фркати, глтати. Такъ и глаголь сосати, по-сербски сисати, по-чешски, южно-русски и церковнославянски произносится ссати; то же и въ нарѣчιάхъ бѣлорусскомъ (ссаць) и среднерусскомъ (ссать). Малороссіяне говорятъ: сохну и схну.

Что подобныя опущенія корневыхъ гласныхъ бывала и въ древнѣйшей Славянщинѣ, въ примѣръ тому укажу еще на имена: сноха (по-польски сынѡва), пшеница (по-среднеруски пашеница), очевидно происшедшія отъ словъ сынъ, пашу. Такимъ же образомъ церковныя формы мѣчь, дѣнь, овѣсь, произошли изъ полногласныхъ мечь, день, овесь; имена: персть, торгъ, волкъ, перешли въ прсть, тргъ, влкъ. Принимать обратное, значить противорѣчить и общему ходу развитія славянской рѣчи, и господствующему выговору приведенныхъ словъ не только въ русскихъ, но и въ западнославянскихъ нарѣчιάхъ, а также и въ разныхъ другихъ языкахъ индоевропейскихъ.

§ 53. Для убѣжденія въ сказанномъ, взглянемъ на упомянутыя слова въ разныхъ языкахъ.

Мечь, по-сербски мачъ, почти у всѣхъ Славянъ произносится съ полнымъ гласнымъ звукомъ е, древность котораго видна и изъ фризинской рукописи (metsi), и изъ языковъ готскаго (mekis), исландскаго (maekir).

День почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчιάхъ произносится съ гласнымъ звукомъ послѣ d,—у однихъ съ е, какъ и во фризинской рукописи (den), а у Сербовъ и нѣкоторыхъ

другихъ съ *a*. Тоже и по-литовски—*diēna*, по-санскритски—*динамъ*, по-латинѣ *dies*, по-исландски—*deign*.

Имя овѣсь, по-лужицки *вовсь* и *говсь*, сокращено изъ овесъ или авѣсь, которое у большей части Славянъ произносится съ полнымъ гласнымъ звукомъ послѣ *e*. Въ южно-русскомъ языкѣ, какъ и въ лужицкомъ, оно произносится съ придыханіемъ: овесъ, въ род. пад. *вѣвса*; нѣкоторые Червоно-русски выговариваютъ—*говесь*, другіе—*йовесь*.

Подобно тому и слово перстъ, по-литовски *перштасъ*, у большей части Славянъ сохраняетъ полный гласный звукъ, различно измѣняемый: *порстъ*, *парстъ*. Тоже и слово *тергъ*, по-исланд. *torg*, финск. *torgi*, по-литов. *тургусъ*, по-хорватски *тергъ*, у Поляковъ и другихъ *таргъ*. Но у Сербовъ и Чеховъ эти два слова, подобно многимъ другимъ, сократились въ *тръгъ*, *прстъ*, или по-церковнославянски *тръгъ*, *пърстъ*, такъ же какъ—*пърсь*, *нсь*, вм. *персь*, *песь*.

Имя волкъ, въ нѣмецкомъ *wolf*, по-польски *вилькъ*, литовск. *вилкасъ*, по-лужицки *велѣъ*, по-церковнославянски, словацки и чешски сокращено въ *лъкъ*, *влѣъ*. Въ южно-русскомъ и бѣлорусскомъ это слово произносится *вовкъ* или *воўкъ*; отсюда хорватосербская форма *вукъ*.

§ 54. Изъ этихъ и множества другихъ словъ открывается ясно, что славянская рѣчь, въ большей части своихъ западныхъ языковъ, часто мѣняетъ одинъ гласный звукъ на другой, нерѣдко перемѣняетъ его мѣсто при согласномъ звукѣ, однако выговариваетъ ихъ гласно, иногда даже доегласно. Дѣлая это, она не вставляетъ, не прибавляетъ полныхъ гласныхъ звуковъ, вмѣсто полугласныхъ *э* и *ь*; но удерживаетъ ихъ, какъ звуки коренные, искони принадлежащія ей словамъ, сохраняемые и въ разныхъ другихъ языкахъ иноплеменныхъ.

Древнее славянское полногласіе въ сѣверозападномъ удѣлѣ сохранилось болѣе, нежели въ югозападномъ. Истощеніе словъ до безгласія бываетъ только, какъ частный случай, при однихъ плавныхъ звукахъ *л* и *р*, въ языкѣ словацкомъ; въ чешскій языкъ это вошло только отчасти, и не выдерживается такъ постоянно, какъ это бываетъ у Сербовъ при звукѣ *р*. Но въ

языкъ хорутанскомъ и церковномъ, можно сказать, на всю рѣчь распространено обращеніе коренныхъ гласныхъ, особливо *o* и *e*, въ звуки полугласные. Тамъ оно бываетъ не только при *л* и *р*, но и при другихъ согласныхъ: въ церковномъ языкѣ — съ строгимъ различіемъ дебелаго *ѡ* и тонкаго *ѡ*; въ хорутанскомъ — съ безразличіемъ ихъ въ одномъ легкомъ или среднемъ полугласномъ звукѣ.

С Т А Т Ь Я VI.

О существенномъ отличіи русской рѣчи отъ западно-славянской.

§ 55. Полногласіе, сохраненное рускою рѣчью больше, чѣмъ западнославянскою, отличительнымъ образомъ означилось при звукахъ *л* и *р*. Въ русской рѣчи эти звуки нерѣдко обставлены двумя гласными, преимущественно *o-o* и *e-e*; напримеръ—волось, порохъ, дерево; по бѣлорускому произношенію—вблась, побрахъ, дзѣрева. Это формы рускія или восточнославянскія, которыхъ почти нѣтъ въ Славянщинѣ западной. Тамъ въ обоихъ удѣлахъ, въ словахъ этой породы, постоянно опускается одинъ, обыкновенно первый гласный звукъ, а иногда даже оба: влосъ, прохъ, или влать, прахъ; древо, дриво, дрово, и дрво. Это формы западнославянскія, которыхъ не было сперва въ русской рѣчи, и которыя принимались въ ней уже послѣ, какъ переселенцы западные, всего больше изъ языка церковнаго. Распространяясь и водворяясь въ русской рѣчи, онѣ стѣсняли и вытѣсняли собою ея существенныя, народныя формы словъ. Отъ того въ нынѣшнемъ рускомъ языкѣ уже не слышны многія полногласныя этой породы слова, какія часто представляетъ наша древняя письменность. Одни изъ нихъ удержались только въ областныхъ нарѣчіяхъ; иныя совсѣмъ вывелись; нѣкоторыя измѣнили и

даже перемѣнили свое прежнее значеніе. Такъ на примѣръ, въ древнихъ русскихъ памятникахъ, особливо въ лѣтописяхъ, часто встрѣчаются слова: мѳрочно, заборѳло, сѳромь, хорѳрый, бѳлого, волѳга, вѳлость, волѳдѳти, терѳба, да же верѳмя,—вм. мрачно, забрало, срамъ, храбрый, благо, влага, власть, треба, время.

Эти и другія слова ясно свидѣтельствуютъ, что обстановка звуковъ *л* и *р* двумя гласными, въ срединѣ словъ этой породы, ведется въ русской рѣчи издревле, и что она убавилась въ ней уже послѣ. Потому напрасно называются у насъ новыми и слова: порошокъ, сторожъ, голова, беремя; а прахъ, стражъ, глава, бремя—старинными.

§ 56. Многія слова этой отличительной породы отстали у насъ совсѣмъ отъ прежней своенародной формы и присвоили себѣ западную. Но много и такихъ, особливо относящихся къ домашнему быту и къ русской природѣ, которыя совсѣмъ не приняли западной формы, на примѣръ: человекъ, селезень, береза, черепъ, черень, ворохъ, боровъ, горохъ, торока. Нѣкоторыя изъ такихъ словъ сохранили свой собственный видъ и на европейскомъ западѣ, перейдя туда съ нашего рускаго востока—въ языкъ угорскомъ или мадьярскомъ; на примѣръ: колода, калашъ (колосъ), борона, баразда, берекъ (берегъ). Въ самой рѣчи западнославянской встрѣчается изрѣдка полногласіе этого вида, какъ неожиданный слѣдъ старины первобытной. Такъ, имя кустарника дерень, сокращенное западными Славянами въ дренъ, дринъ, по-польски дерень. Слово черешня (cerasus) такъ выговаривается и у Словаковъ, безъ сокращенія въ чрешня или трешня. Въ старочешскомъ языкѣ встрѣчаются слова перепель, черево, черепъ; въ старопольскомъ—череда, чересня. Имя нѳровъ или норѳвъ, понынѣ ведется въ южной и сѣверной Руси, хотя у насъ принялась и церковная форма нравъ. У Поляковъ также держится еще древняя, полногласная форма—нѳрувъ или нарувъ; у Хорватовъ и Сербовъ—наравъ.

§ 57. Припомнивъ сказанное выше о древности рускаго полногласія вообще, можемъ утвердительно сказать, что обста-

повка звуковъ *л* и *р* двумя гласными въ срединѣ словъ ведется у Руси не съ какого нибудь 10-го или 11-го вѣка, а съ незапамятнаго времени, искони. Съ такимъ же полногласіемъ встрѣчаются многія наши слова и въ другихъ родственныхъ рѣчахъ, напримѣръ въ литовской и въ индской.

Такъ слова: *волось*, *колода*, *болото*, *сокращенныя* по-западнославянски *во влась*, *клада*, *блато*, подходятъ въ санскрит. *бала* (лат. *vellus*), *самогитс. каладе*, *санскрит. балала*.

Слова: *ворохъ*, *боровъ*, *сорока*, *сокращенныя* по-западнославянски въ *брогъ* и *бргъ*, *бравъ*, *срока* и проч., соотвѣтствуютъ литовскому — *барагасъ*, санскритскимъ — *варяга*, *саранга*.

Западнославянское слово *прохъ* или *прахъ*, у насъ издревле произносилось *порохъ* или *пбрахъ* (пыль): Это видно изъ пѣсни о полку Игоревѣ, въ которой читаемъ: «*пороси поля прикрываютъ*»; также изъ производныхъ *побша*, *порошбкъ*, *порохня* и проч. По-санскритски это слово *парага*; по-литовски *паракасъ*. Но когда въ рускомъ языкѣ принялась западная форма — *прахъ*, то прежняя полногласная присвоилась преимущественно пороху огнестрѣльному, который въ Московской Руси еще въ 17-мъ вѣкѣ назывался *зеліемъ* ¹⁾.

Обстановку звуковъ *л* и *р* я встрѣчаю въ древнѣйшихъ языкахъ, напримѣръ санскритскомъ; нахожу, что она въ

¹⁾ Кроме сличенія нашихъ словъ съ другими индоевропейскими языками, какое сей часъ я представилъ, можно иногда и по другимъ соображеніямъ заключать о древности нашихъ полногласныхъ формъ. Напримѣръ, слово *морокъ* извѣстно издревле въ русской рѣчи, сѣверной и южной: Отъ него производныя: *морочно*, *морчить*, *суморокъ* (у Нестора), *обморозъ*, *пѣморочи* и т. д. Въ южнорускомъ языкѣ и теперь существуютъ слова: *морѣка* (затмѣніе, загрожденіе) *заморѣка* (очаровательница). У западныхъ Славянъ слово *морокъ* сократилось въ *мрокъ*, *мракъ*, *мркъ*. Но глубокую древность полногласной формы его можно примѣтить въ имени *Оморочка*: по ученію вавилонскаго жреца Бероза, это была женщина-тѣма, которую богъ *Влла* разсѣлъ на двое. — Такъ и названіе сѣвернаго моря *шгѣ-шгиза*, приводимое Плиніемъ въ его Исторіи Мира, указываетъ на слово *морозъ*, сокращенное западными Славянами въ *мразъ*, *мрузъ*.

древней русской рѣчи была употребительнѣе, чѣмъ теперь; что она въ ней выдержана болѣе и правильнѣе, чѣмъ въ другихъ родственныхъ рѣчахъ; что была нѣкогда она и въ западнославянской рѣчи; а потому этотъ видъ полногласія я признаю не только древнимъ отличіемъ русской рѣчи, но и принадлежностью первобытной рѣчи славянской.

§ 58. Кто поставляетъ основными и первоначальными формами славянскихъ словъ такія негласныя формы, какъ *wlk, krt, wtw, srst* (шерсть), *mrk, drwo*; тому, конечно, приходится говорить противное, т. е., что не только въ русскихъ словахъ—дерево, морозъ, но и въ общеславянскихъ—волкъ, крокъ, вервь, шерсть, и въ западнославянскихъ—видль, мрокъ, древо—гласные звуки *o, e, u*, суть прибавочные, дополнительные, вставные. Но мы уже видѣли, что такое понятіе несогласно ни съ русскою рѣчью, ни съ призначеніемъ, господствующимъ въ большей части западнославянскихъ языковъ.

Такимъ же образомъ, отправляясь отъ западныхъ формъ съ однимъ гласнымъ звукомъ при *л* и *р*, приходится говорить, что въ русскихъ словахъ—берегъ, дерево, береза, чловѣкъ, жолобъ, золото, порохъ, корова, звуки *e* и *o* передъ *л* и *р* вставные, прибавочные.

Такъ и дѣйствительно называются они у Шафарика, главнаго нынѣ представителя западнославянской филологіи. Въ его Славянскомъ Народописаніи (на ст. 9), этотъ первый отличительный признакъ русской рѣчи выраженъ такъ: «вставное *o* и *e* между плавными *л* и *р*, и нѣмыми согласными». Это ошибка въ первомъ признакѣ русской рѣчи.

Почему эти звуки вставные? Не ужели потому только, что ихъ нѣтъ въ западнославянскихъ формахъ: брегъ, древо, бреза, чловѣкъ, жлабъ, злато, прахъ, крава?—Но въ русской рѣчи эти мнимовставные звуки ведутся съ незапамятнаго времени; и она стала обходиться безъ нихъ уже послѣ, и большею частью по примѣру и вліянію западнославянскому.

Эти гласные звуки бывають посредниками у *л* и *р* не только съ нѣмыми, но и съ другими плавными или текучими, т. е. и съ *н*, и съ *м*, и съ *в*; напримѣръ: норовъ,

морозъ, Володимірь. Изъ этихъ трехъ словъ первый звукъ о исключень западнославянскими нарѣчіями точно также, какъ исключень ими коренной звукъ у, изъ слова муравей, обращеннаго ими въ мравій, мравъ, мрава, и т. д. А что звукъ у здѣсь коренной, въ томъ можно убѣдиться сравненіемъ съ другими языками; наприм. персид. муръ, исланд. тауг.

Вышеприведенное Шафариково опредѣленіе недостаточно и потому еще, что не отдѣляетъ ясно русской формы отъ нѣкоторыхъ западнославянскихъ, напримѣръ, отъ кашубской и полабской (см. § 63).

Западнославянскія формы — мравъ, брөгъ, древо, въ такомъ же отношеніи находятся къ церковнославянскимъ, сохранившимся на Руси словамъ — морокъ, ворохъ, дерево, какое къ нимъ самимъ имѣютъ истощенныя формы — мръ, бргъ, дрво; въ какомъ чешскія слова — влкъ, српъ, находятся къ общеславянскимъ — волкъ, серпъ. Сначала стали обходиться однимъ изъ двухъ гласныхъ звуковъ, признавъ другой лишнимъ; а потомъ стали опускать и оба. Таковъ, мнѣ кажется, былъ ходъ этого дѣла въ рѣчи славянской.

§ 59. Въ той породѣ словъ, гдѣ руская рѣчь обставляла и обставляетъ еще звуки л и р двумя гласными въ срединѣ словъ, западнославянская рѣчь оставляетъ одинъ изъ нихъ, а иногда опускаетъ даже оба. Такое опущеніе одного изъ двухъ гласныхъ господствуетъ во всей западной Славянщинѣ, не смотря на различіе языковъ ея. Опущеніе обоихъ гласныхъ составляетъ частное уклоненіе отъ этого общаго правила. Еще рѣже встрѣчается удержаніе обоихъ гласныхъ, какъ слабый слѣдъ старины первобытной (§ 56). Опущеніе одного изъ двухъ гласныхъ звуковъ, безъ сомнѣнія, произошло въ слѣдствіе общей наклонности къ сокращенію древнихъ формъ, для которой здѣсь, при двухъ гласныхъ, такъ удобно было удовлетвориться. Можетъ быть и здѣсь было сперва только утонченіе перваго гласнаго звука въ полугласный, т. е. вмѣсто чловѣкъ, голова, городъ, дерево, было сперва — чьловѣкъ, гьлава, гьградъ, дьрево, и уже послѣ стало — чловѣкъ, глава, градъ, древо. Но въ древней церковной правописи, принадлежащія сюда слова, почти не встрѣчаются съ полугласнымъ

звукѣмъ вмѣсто полнаго гласнаго; слѣдственно, уже и въ церковномъ языкѣ былъ вовсе непримѣтенъ первый гласный звукъ, опускаемый западнославянскою рѣчью. Онъ опускается почти постоянно въ обоихъ ея удѣлахъ. Потому можно полагать, что это произошло въ глубокой древности, вѣроятно еще при первомъ отдѣленіи западнославянской половины отъ восточнославянской или русской.

И такъ, отстановка звуковъ *л* и *р* двумя гласными—въ русской рѣчи, и опущеніе одного изъ нихъ, особенно перваго—въ рѣчи западной, въ той же породѣ словъ: вотъ древнѣйшій и главнѣйшій признакъ двухъ половинъ славянской рѣчи. Онъ принадлежитъ къ полногласію, которое составляло первобытное свойство славянской рѣчи. Онъ служитъ показателемъ общаго отношенія между основными стихіями слова, т. е. звуками гласными и согласными. Потому этотъ признакъ, по всей справедливости, можно считать и называть существеннымъ.

С Т А Т Ь Я VII.

О видоизмѣненіяхъ существеннаго признака въ языкахъ славянскихъ.

§ 60. Первоначальныя формы славянскихъ словъ были полнозвучнѣе и многосложнѣе; а сокращенныя явились послѣ. Тоже примѣтно и въ другихъ родственныхъ рѣчахъ. Тѣмъ же ходомъ шла и органическая природа, въ образованіи своихъ родовъ; сперва они являлись въ полнѣйшемъ выраженіи, видами совершеннѣйшими; а подъ-конецъ, какъ-бы усталая жизнь рода производила менѣе полныя, низшіе виды. Зачѣмъ же филологія наша будетъ держать не тотъ путь, какимъ шла въ своемъ развитіи славянская рѣчь? Зачѣмъ она, при разборѣ словъ какого нибудь корня, въ первообраз-

ния формы ему ставить не древнѣйшія и полнозвучныя, а недоноски и недомолвки?... Одно нарѣчіе опустило гласный звукъ; другое къ тому не выговоритъ еще нѣкоторыхъ согласныхъ; и такимъ образомъ, напримѣръ, слова: холодъ, горохъ, верхъ или верѣхъ,—произносимыя у Чеховъ: хладъ, грахъ, врхъ,—въ устахъ сербскихъ, не выговаривающихъ *x*, обращаются въ ладъ, гра, връ. Лужичи и Хорваты, опускающіе начальное *e*, вмѣсто вѣлосъ, говорятъ—лосъ, ласъ. Нижніе Лужичи, опуская начальный *z*, и вмѣсто голосъ, говорятъ—лосъ или вოსъ. Какъ же начинать съ недомолвокъ, гдѣ утрачены уже разные звуки, принадлежащіе къ полному, виду словъ; гдѣ иногда съ перваго взгляда нельзя и признать тѣхъ словъ, отъ которыхъ эти недомолвки ведутъ свое начало!

§ 61. Почему звуки *л* и *р* имѣютъ такую діагностическую важность въ славянской рѣчи, что на нихъ означило въ первостепенное различіе двухъ половинъ славянскихъ? Этотъ вопросъ остается для меня нерѣшеннымъ.—Здѣсь я желаю осмотрѣть только видоизмѣненія тѣхъ словъ, на которыхъ обозначилось существенное различіе обѣихъ половинъ славянской рѣчи.

Для этого, не лишнимъ считаю замѣтить сначала, что главную разницу этимъ словамъ даетъ число (или присутствіе и отсутствіе) принадлежащихъ имъ гласныхъ звуковъ, напримѣръ: дерево, древо и дрво. Что касается до замѣны коренныхъ гласныхъ *о* и *е* другими гласными звуками, то она составляетъ здѣсь второстепенное дѣло, отъ котораго зависитъ дальнѣйшее, менѣе важное разнообразіе словъ.—Въ главной разницѣ тѣхъ словъ вообще, которыя первоначально устроены были съ двумя гласными звуками, различимъ еще два способа измѣненія.

Одинъ, болѣе общій, состоитъ въ опущеніи втораго гласнаго звука. Становясь шаткимъ и бѣглымъ, при грамматическихъ перемѣнахъ словъ, этотъ второй звукъ совсѣмъ опускается изъ нихъ,—смотря по произволу и вкусу нарѣчій. Такимъ способомъ, напримѣръ, слово боберъ (по-лужицки биборъ, по-нѣмцки *biber*, *biver*, по-латински *fiber*) сократи-

лось въ бобръ и бобръ (по-хорутански пибръ, по-исландски bifr).

Имя огонь, во всѣхъ славянскихъ языкахъ (кромя церковнаго и болгарскаго) удержавшее оба гласные звука—агнь, огень, огинь, огань, по-лотышски уггунсь,—сокращено въ церковнославянское огнь, санскритское agni, латинское ignis, литовское ugnis. Тоже и въ именахъ уголь (у другихъ славянъ—угель, вугель, нугель, по-латин. angulus), уголь (по-санскр. angaga), угорь (по-литов. унгурисъ): они сократились въ угль, угль, угрь.

Этимъ же способомъ, многія слова изъ нашей отличительной породы, сокращены въ рѣчахъ литовской и нѣмецкой, не имѣя тамъ діагностической важности. По-литовски: гальва, вальдити, (по-нѣм. walden, walten), велку, варнась, берзась,—вм. голова, володѣти, волоку, ворона, береза. Въ нѣмецкой рѣчи: по-датски kold (готск. kalds, нѣм. kalt, chalt), gards или gardr, bart, mork, berg—вм. холодъ, городъ, борода, морокъ, берегъ.

Но въ рѣчи славянской такое сокращеніе словъ отличительной породы встѣчается рѣдко, только какъ частное или мѣстное уклоненіе отъ господствующаго закона; именно на словахъ съ середочнымъ звукомъ *p*—(у Полабцовъ и Кашубовъ, отчасти у Болгаръ, и еще рѣже у другихъ Задунайцевъ). Господствуетъ въ Славянщинѣ другой способъ измѣненія словъ этой отличительной породы. Въ западнославянской рѣчи они сокращены выпускомъ перваго гласнаго звука; въ русской рѣчи они удержались съ двумя постоянными гласными звуками. Въ этомъ постоянствѣ обояхъ гласныхъ звуковъ и состоитъ отличіе древне-русской и собственно-русской формы, въ словахъ отличительной породы. По этому признаку, слова жерло, дернь, тернь, верхъ,—хотя и произносятся у насъ по-южноруски—жерело, дерець, терець, поверхнеруски—верѣхъ; но они не принадлежатъ къ отличительной породѣ, и имѣютъ только наружный видъ ея.

§ 62. Въ южнорускомъ языкѣ, въ словахъ отличительной породы, при обстановкѣ звука *л* звуку *о*, оба они сохраняютъ коренной видъ, не переходятъ ни въ *а*, ни въ *е*: зо-

лѣто, голосъ, молоко, даже чловѣкъ. Тоже при обстановѣ звука *р* двумя *о*: корова, морозъ. Немногія изъ принадлежащихъ сюда словъ подчиняются любимому южнорускимъ языкомъ обращенію *о* къ *и*; напр. порогъ и порѳгъ, борода и борѳдка.

У Сѣверной Руси,—въ нарѣчіяхъ говорящихъ на *о*, оба *о* остаются неизмѣнными, но въ остальныхъ нарѣчіяхъ только тогда выговаривается *о*, когда на немъ приходится удареніе; въ противномъ случаѣ *о* переходитъ, по обыкновенію, въ *а*. Напримѣръ: борода—барадѣ, порогъ—парѳгъ, порохъ—пѳрахъ.

При обстановѣ звука *р* двумя *е*, въ южнорускомъ языкѣ оба они выговариваются сполна. У сѣверной Руси часто одинъ *е*, особливо второй, обращается въ *ё* (=ѳо). Кромѣ того, въ бѣлорускомъ нарѣчіи звукъ *е* безъ ударенія часто мѣняется на *я*, нерѣдко на *и*, иногда на *а*; напримѣръ: бѣрѣза, бѣригъ, бирижі (береги), сирабрѳ.

Западнославянскій способъ сокращенія распространился на Руси вмѣстѣ съ языкомъ церковнымъ. Во многихъ словахъ ведется еще древнее руское произношеніе; но инныя уже не могутъ быть сказаны по старобитной руской формѣ, хотя она и видна въ словахъ производныхъ. Говорится, напримѣръ: солѳдъ, солѳдковый корень; но прилагательное имя солѳдкій услышите только въ южнорускомъ языкѣ, въ бѣлорускомъ нарѣчіи и кое-гдѣ въ великорускомъ простонародьи; а въ избранномъ рускомъ языкѣ говорится уже по-церковнославянски—сладкій. Вмѣсто прѣставилъ, только въ сказкахъ и пѣсняхъ осталось перѣставилъ.

Отъ смѣшенія западославянскихъ, или ограниченнѣе говоря, церковныхъ формъ съ народными рускими, произошла та двойственность и та разница словъ, о которой говорено выше: хранить и хоронить, храмъ и хорѳмъ, хорѳмы, предъ и передъ, шлемъ и шѳломъ, и т. д.

§ 63. Въ западной Славянщинѣ,—сообразно южнорускому произношенію, удерживающему *о*,—Лужичи и Поляки послѣ *л* ставятъ обыкновенно *о*: злото, глосъ. Но въ церковномъ и остальныхъ славянскихъ языкахъ послѣ *л* ставится

обыкновенно *a*—злато, гласъ, — въ соотвѣтствіе нарѣчіямъ бѣлорускому и среднерускому.

Полабцы также говорили: злата, гласъ, млака или млаўка. Последнее слово сокращается въ млоко только Лужичами и нѣкоторыми Кашубами; а Поляки и почти всѣ остальные Славяне выговариваютъ—млико и млеко.

Это измѣненіе звука *o* на *e*, составляетъ замѣчательнѣйшее уклоненіе отъ показанныхъ выше двухъ главныхъ формъ. Такъ въ словахъ полонъ, волоку, только Поляки ставятъ *o*—плонъ, vloke (луж. лаку); а у прочихъ Славянъ ставится *e*: плѣнь, влѣку. Въмѣсто жолобъ, только Словаки и Чехи говорятъ жлабъ; а югозападные Славяне, вопреки господствующему своему выговору, говорятъ—жлебъ; а вмѣсто шоломя или шеломя, шеломъ—шлеме, слѣмя, шлемъ и проч. Въмѣсто глава, Болгары говорятъ—глева.

При звукѣ *p*, обставленномъ двумя *o*, въ западной Славянщинѣ господствуетъ тоже обыкновеніе. Поляки и Лужичи послѣ *p* ставятъ *o*, иногда измѣняемый въ *u*, напримѣръ крова или крува, мрозъ или мрузъ, прогъ. Но Чехи и Словаки склоняются и здѣсь на сторону югозападныхъ Славянъ, и наравнѣ съ ними послѣ *p* ставятъ *a*: крава, мразъ, прагъ.

Постоянное уклоненіе отъ этого представляется въ кашубскомъ нарѣчій и въ языкѣ полабскомъ. Тамъ, изъ двухъ гласныхъ звуковъ, у насъ постоянныхъ, удерживается не второй, какъ бы слѣдовало по общему западнославянскому обычаю, но первый, по обычаю литовскому. Кашубы, напримѣръ, вмѣсто порогъ, ворона, сорока, говорятъ: паргъ, варна, сарка. Полабцы говорили: ворна, корво, морзъ, ворта и проч.

При обстановкѣ звука *p* двумя *e*, въ западной Славянщинѣ оставляется обыкновенно второй *e*, который произносится у однихъ *e*, у другихъ *и*; потому въ древней церковной правописи послѣ *p* въ этихъ словахъ было писано *n*: прѣдъ, прѣжде, брѣгъ, врѣмя, дрѣво, чрѣда. Сходно съ этимъ и послѣ *l* слѣдуетъ по-западнославянски писать однообразно: млѣко, влѣку, какъ пишется плѣнь, плѣти (полоть), млѣти (молоть). Въ языкахъ польскомъ и чешскомъ звукъ *p* въ

этомъ случаѣ дѣлается шерсткимъ (*ржс* или *риш*), хотя послѣ него *e* перемѣняется на *o*.

Подобная перемѣна звука *e* на *o* или *a*, бываетъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, напримѣръ: вмѣсто дрѣво (=древо и дриво), въ нижнелужицкомъ—дрово, въ полабскомъ драва, въ болгарскомъ драво. Въ поднарѣчійхъ сербскихъ говорятъ еще—дерво, дарво.

§ 64. Такимъ образомъ порода словъ, которая въ русской рѣчи искони отличена обстановкою середочныхъ звуковъ *л* и *р* двумя гласными, въ западнославянской рѣчи уравнивается съ другою породою, которая и въ русской и въ другихъ рѣчахъ имѣетъ только одинъ гласный звукъ, при середочныхъ *л* и *р*.

Лишь немногія слова (см. § 56) первой породы въ западныхъ нарѣчійхъ попадаютъ изрѣдка въ своей древней двухгласной формѣ. Обыкновенно же они остаются тамъ съ однимъ гласнымъ звукомъ; вм. волосъ (санскр. бала), селезенка, порошокъ (санскр. парага), короткій, середка, стерегу,—влюсь или власъ, слезень или слезена, прохъ или прахъ, кроткій или краткій, среда, стрегу; но нигдѣ нѣтъ—вльсь, слзена, прхъ, крткій, срда, стргу.

Слова второй породы во многихъ западнославянскихъ нарѣчійхъ часто теряютъ свой гласный звукъ; слеза, перстъ, кротъ, сердце, серна, верба и проч. обращаются въ слза, прстъ, вртъ, срдце, срна, врба. (При этомъ у Сербовъ, на мѣстѣ *л* и опускаемаго гласнаго звука, становится *у*: суза, вузь).

Одинокость гласнаго звука при *л* и *р*, въ этой породѣ словъ, есть собственная и высшая степень ихъ полногласія. Они и въ русской рѣчи не бываютъ съ другимъ гласнымъ ¹⁾; нигдѣ не говорятъ: волокъ, селеза, коротъ, вереба, вм. волкъ, слеза, кротъ, верба. Можно сказать, что слова этой породы сроду имѣютъ одинъ гласный звукъ при *л* и *р*; между тѣмъ

¹⁾ Исключается отсюда передѣлка нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ на рускую статью; напримѣръ у Нестора: «и вложиша и (В. Ки. Владиміра) въ корсту мороморяну»—вм. мраморяну.

какъ слова первой породы возникли съ двумя гласными, и уже послѣ стали съ однимъ.

При такомъ уравненіи первой породы словъ со второю, и нѣкоторыя слова ея подверглись тому же опущенію гласнаго звука, отъ котораго *л* и *р* въ срединѣ словъ остаются обнаженными. Напримѣръ дерево, древо, дрво; ворохъ, броргъ, бргъ; молонья, млнѣя, муня. Это бываетъ рѣдко на словахъ первой породы,—какъ исключеніе изъ правила, подобное тому, какое въ области двудольныхъ растений представляетъ повилика (*cuscuta*), имѣющая безсѣменодольный ростокъ вмѣсто двудольнаго.—

Указавъ на это уклоненіе въ западнославянской рѣчи, можно замѣтить еще другое уклоненіе: опущеніе основныхъ звуковъ *л* и *р*, съ удержаніемъ только слѣдующаго за ними гласнаго. Это бываетъ еще рѣже, и почти исключительно на словахъ начинающихся съ *ч*. Вмѣсто черево, череда, черешня, сокращаемыхъ въ чрево, чреда, чрешня,—по-верхнекраински говорится: чева, чеда, чешна. Вм. чловѣкъ, сокращено чловѣкъ, по-сербски—човѣкъ. Сюда же подходитъ сокращеніе слова молоко въ млоко и моко, въ нарѣчїи кашубскомъ. Это тоже, что конь вм. комонь, т. е. этимъ измѣненіемъ разсматриваемая порода полногласныхъ словъ входитъ въ общую волею сокращенія словъ выпускомъ цѣлыхъ слоговъ (§ 51).

§ 65. Нисхожденіе различныхъ породъ на однѣ и тѣже несовершенныя, уклоненныя формы, ни сколько не опровергають дѣйствительности породъ; также, какъ уклоненія словъ отъ существеннаго ихъ признака не опровергають его значительности. То и другое представляетъ намъ и природа, въ своихъ непрестанныхъ уклоненіяхъ отъ образцовыхъ формъ, въ столь частныхъ сближеніяхъ и переходахъ предметовъ ея отъ одного разряда къ другимъ. А ея предметы менѣ чѣмъ слова подвержены произволу, и крѣпче прикованы къ одной опредѣленной мысли. Если же и природа, даже неорганическая, является не всегда математически-точною; то чловѣческому слову тѣмъ свойственнѣе не быть математически-точнымъ въ разнообразїи своихъ образцовыхъ формъ; потому и признаки, которыми обозначаются ихъ предметы, необходимо

допускають исключенія. Наука созпастъ это; и у нея—>нѣтъ правила безъ исключенія«. Впрочемъ это правило можно допускать только въ такихъ признакахъ, которыми опредѣляется дѣйствительное сродство предметовъ, а не произвольное, искусственное ихъ размѣщеніе.—

Признакъ каждаго предмета въ природѣ ясенъ только при полномъ его выраженіи, только на высшей степени образованія. Разные отдѣлы природы сходятся и сливаются другъ съ другомъ не высшими степенями и полнѣйшими видами, а низшими и неполными; не средоточіями своими, а оконечностями,—гдѣ затемняется уже первоначальная ясность признака, подобно тому, какъ лучи свѣта слабѣютъ по мѣрѣ удаленія отъ своего исходища. Тоже и съ звуками въ словахъ. При наблюденіи ихъ разнообразія, въ грамматическихъ и діалектическихъ перемѣнахъ, надо имѣть въ виду полнѣйшія и первоначальныя формы словъ, и по нимъ различать породы, а не по уклоненіямъ и недомолвкамъ, гдѣ нерѣдко сходятся на-одно слова разныхъ породъ. Выходя изъ такихъ неполныхъ формъ, гдѣ уже утрачены и перемѣнены разные звуки, легко можно относить слова не туда, куда они принадлежатъ,—подобно тому, какъ зоологи относили длиннорылаго медвѣдя къ разряду беззубыхъ звѣрей, причисляли его къ тихходамъ, составляли изъ него особый родъ (*prochilus, chondrochynchus*),—и все потому только, что этотъ хищный звѣрь достался зоологическому наблюденію уже съ выпавшими передними зубами.

С Т А Т Ь Я VIII.

Дополнительныя замѣчанія.

§ 66. И такъ полногласіе въ корняхъ словъ есть общее и древнѣйшее свойство всѣхъ русскихъ нарѣчій, удержанное ими вообще болѣе, чѣмъ западнославянскими. Утрата полногласія въ нихъ происходила частію по общей наклонности индоевропейскихъ рѣчей сокращать свои полныя, первобытныя формы словъ; частію по особенному вліянію на нихъ языка церковнославянскаго, болѣе многихъ сократившаго гласные звуки въ срединѣ словъ. Отличительнымъ образомъ полногласіе означилось на той породѣ словъ, въ срединѣ которыхъ плавные звуки *л* и *р* обставляются у насъ двумя гласными, преимущественно *о-о* и *е-е*.

Русская форма этой породы словъ, удерживающая оба гласные звука, есть полная и первобытная. Западнославянская форма этихъ же словъ отличается опущеніемъ одного изъ двухъ гласныхъ, обыкновенно перваго. Этою неполною, второобразною формою, западная половина славянской рѣчи отѣнилась отъ восточной или русской, конечно, еще при первомъ отъ нея отдѣленіи или обособленіи; и въ этомъ опущеніи заключается ея существенное отъ нея отличіе. Неполная форма этой породы словъ распространилась и въ русской рѣчи, со времени нашего христіанства, когда вмѣстѣ съ нимъ водворился у насъ церковный языкъ, имѣвшій болѣе всѣхъ вліянія на преобразование русской рѣчи. Тогда произошла въ ней постепенная утрата полной, первобытной формы словъ разсматриваемой породы,—подобно тому какъ въ западнославянской рѣчи, изъ господствующей въ ней второ-

образной формы (съ однимъ гласнымъ звукомъ), происходили иногда дальнѣйшія недомолвки, — напримѣръ, формы безъ гласнаго звука.

§ 67. Что обстановка двумя гласными середочныхъ *л* и *р* есть не общее условіе этихъ звуковъ въ русской рѣчи, по первобытная и отличительная принадлежность особой породы словъ, это видно изъ того, что въ той же русской рѣчи, при этой породѣ словъ, есть другая порода, гдѣ тѣже плавные звуки *л* и *р* въ корняхъ словъ устроены съ однимъ гласнымъ, какъ и въ западнославянской и въ другихъ рѣчахъ индоевропейскаго говора. Таковы, напримѣръ — волкъ, гордъ. Хотя эти слова и созвучны съ вѣлокъ, гѣродъ, сокращенными по-польски во влокъ, гродъ; но они принадлежать къ двумъ разнымъ породамъ, которыя при діалектическомъ развитіи славянской рѣчи измѣнялись каждая по-своему, и только нѣкоторыми словами изрѣдка смѣшивались. Это явленіе бываетъ вездѣ, гдѣ смежаются другъ съ другомъ разныя отдѣлы, — какъ въ рѣчахъ, такъ и въ царствахъ природы. Сліяніе породъ или разрядовъ, ихъ пограничными слоями, не отрицаетъ ихъ отдѣльности, ни въ наукѣ, ни на самомъ дѣлѣ. Наука, также какъ и поэзія, преимущественно ищетъ образцовыхъ формъ; межеумки ей не помѣха въ этомъ дѣлѣ.

Полная форма словъ второй породы образуется однимъ гласнымъ звукомъ при *л* и *р*; они сокращаются въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ опущеніемъ этого одного гласнаго звука, напр. влѣъ, грдъ; но они нигдѣ не переполняются вторымъ гласнымъ звукомъ; вм. волкъ, гордъ, не говорится волокъ, городъ. Это бываетъ только въ концѣ словъ, для благозвучія, напримѣръ въ прилагательныхъ (пѣлонъ вм. полнѣ); и такой дополнительный гласный звукъ обыкновенно выпадаетъ при первомъ случаѣ.

Но въ словахъ первой породы оба гласные держатся постоянно въ цѣломъ склоненіи: вѣлокъ, вѣлока, волока; гѣродъ, гѣрода, городѣ.

Въ своей полной, двугласной формѣ, слова этой отличительной породы встрѣчаются изрѣдка и въ санскритскомъ языкѣ, и въ литовскомъ; попадаются мелькомъ и въ

нѣкоторыхъ языкахъ западнославянскихъ; но нигдѣ не сохранились они въ такой цѣлости, какъ въ народной русской рѣчи. Особенное изобиліе ихъ въ нашей древней письменности свидѣтельствуесть о ихъ первоуродствѣ въ русскихъ нарѣчіяхъ.

Такимъ образомъ, особенно этою порокою словъ, для цѣлой системы индоевропейской, руская рѣчь представляетъ многія первобытныя и еще неизношенныя формы.

§ 68. Означивъ главное отличіе русской рѣчи отъ западнославянской сочетаніемъ звуковъ *оло*, *оро*, *ере*, въ срединѣ словъ извѣстной породы, и полагая въ этомъ существенный признакъ,—мы должны искать и другихъ примѣтъ, для пополненія этого признака. При этомъ надо соблюдать, чтобы второстепенныя отличительныя примѣты принадлежали всей русской рѣчи и отличали ея отъ обоихъ западныхъ удѣловъ; т. е. чтобы отрицательная сторона примѣты принадлежала всей западной половинѣ славянской рѣчи. И чѣмъ маловажнѣе будетъ примѣта сама по себѣ, тѣмъ точнѣе она должна быть выдержана въ цѣломъ отдѣлѣ, который ею обозначается. Въ противномъ случаѣ, она уже не отличительная примѣта, и ею не для чего засорять общаго признака русской рѣчи,—тѣмъ болѣе, что дѣйствительно сродство въ природѣ часто означается одною отличительною чертою.

При такомъ условіи изъ 9-ти примѣтъ русской рѣчи, приведенныхъ у Шафарика (Сл. Нар. с. 9), послѣдніе 7 не идутъ къ нашему дѣлу,—во первыхъ потому, что онѣ невыдержаны строго во всей русской рѣчи; во вторыхъ, онѣ встрѣчаются не въ одиѣхъ русскихъ, но и въ нѣкоторыхъ западнославянскихъ нарѣчіяхъ. Впрочемъ и у самаго Шафарика онѣ приспособлены для отличенія русской рѣчи, не столько въ цѣломъ кругу славянскомъ, сколько въ такъ называемомъ юговосточномъ или антскомъ разрядѣ, въ которомъ она, выѣтъ съ задунайскими языками, отличена уже прежде отъ разряда сѣверозападнаго, другими четырьмя примѣтами.

Такимъ образомъ, въ дополненіе къ главному отличію русской рѣчи, изъ 9-ти примѣтъ, приведенныхъ Шафарикомъ, можно взять только вторую, выраженную у него такъ: «на-

чальное *o* вм. *e* (*je*): одинъ, озеро, осетръ, олень, осень—
вм. единъ, езеро, есетръ, елень, есень.»

§ 69. Этотъ пятокъ словъ дѣйствительно отличаетъ нашу рускую рѣчь отъ западной; ибо начальный моренной звукъ *o*, мѣняющийся въ нашихъ нарѣчіяхъ на *a*,—у Славянъ западныхъ перешелъ въ *e*, изрѣдка въ *я*, и нигдѣ не остался тамъ подъ видомъ *o* или *a*. Такой раздѣлъ западной рѣчи съ нашею, въ этихъ словахъ, но переменѣ начальнаго *o* на *e*, стоитъ того, чтобы принять его въ отличительный признакъ,—тѣмъ болѣе, что здѣсь встрѣчаются тѣ же звуки, какія принадлежатъ къ составу главнаго признака, и также переменна кореннаго *o* на *e*, каковую мы видѣли уже при измѣненіи словъ отличительной породы (молоко, полонъ—въ млѣко, плѣтъ).—

Вообще можно сказать, что въ славянской рѣчи, изъ гласныхъ звуковъ, господствующимъ кореннымъ звукомъ въ началѣ словъ оказывается *o*,—такъ, что въ русской рѣчи нѣтъ собственно своихъ именъ, начинающихся съ *a*, и только два-три имени, начинающіяся съ *e*.

Руская рѣчь удерживаетъ постояннѣе коренной славянской звукъ *o* въ началѣ словъ, и по своему діалектическому свойству переводитъ его только въ *a*,—по подобію санскритскаго языка. Западная рѣчь также сохраняетъ еще коренной славянской *o* безъ переменѣ на *e* во многихъ словахъ: орель, осель, овца, оса, овесь.

Въ другихъ словахъ начальный *o* передѣланъ въ *e*—только нѣкоторыми нарѣчіями западнославянскими: наприм. осина, или осика по-хорутански есика; ольха или ольша, по словацки—ольша и ельша. Здѣсь явный переходъ отъ господствующей славянской формы съ *o* (по-латинѣ *alnus*),—къ нѣмецкой съ *e*: *elsche*, *else*, *els*. Но въ сказанныхъ пяти словахъ только руская рѣчь удержала коренной *o* (*a*); а западнославянская вся отказалась отъ *o*, и приняла вмѣсто его *e*. Легкое исключеніе представляется въ сѣверозападномъ углу, гдѣ Н. Лужичи вм. *e* ставятъ *я*, въ словахъ ядинъ, язѣръ. Слова: елень, езеро, единъ, въ русской рѣчи суть формы заимствованныя изъ церковнаго. Можетъ быть, по тому же вліянію, и словцо *одва* передѣлано у насъ въ *едва*.

Такимъ образомъ, въ приведенныхъ пяти словахъ не руская рѣчь поставила начальное *o* вмѣсто *e*; но западная рѣчь передѣлала старославянское начальное *o* въ *e*,—подобно тому, какъ слова: ноготь (по-санскрит. *нака*), ротъ, лобъ, рожь, мохъ, ложка, бочка, корма, борзый и т. д., въ разныхъ западославянскихъ нарѣчїяхъ передѣланы въ ногеть и негеть, реть, лебъ, режь, мехъ, лежка, бечка, керма, берзый. Эти перемѣны въ славянскомъ кругу тоже, что въ цѣломъ индоевропейскомъ округѣ передѣла слова — орать, овца, осель, новъ, и другихъ—въ *egeu*, *ewe*, *esel*, *new*, произведенная въ кругу нѣмецкомъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

РАЗБОРЪ ПРИМѢТЪ, КОТОРЫМИ РУСКУЮ РѢЧЬ СОЕДИ- НЯЮТЪ СЪ ЮГОЗАПАДНОЮ.

С Т А Т Ь Я IX.

О двухъ важнѣйшихъ примѣтахъ Добровскаго.

§ 70. Обзорѣвая систему славянскихъ нарѣчій, мы видѣли, почему она не могла остановиться на причисленіи русской рѣчи къ какому либо западному удѣлу; но должна была предоставить ей особое мѣсто въ кругу славянскомъ.— Кошитаровское соединеніе русской рѣчи съ сѣверозападною не имѣло у насъ успѣха; но ея соединеніе съ югозападною или задунайскою рѣчью остается и понынѣ господствующимъ. Такой успѣхъ системы Добровскаго много зависѣлъ отъ того, что законодатель славянской филологіи, установивъ два ряда нарѣчій, подвелъ подъ нихъ два ряда отличительныхъ примѣтъ. Получивъ впервые систему, имѣвшую весь видъ основательности, и не имѣвшую ничего себѣ подобнаго, наша филологія не могла не увлечься ею; и примѣты Добровскаго повторились во многихъ книгахъ, какъ филологическія заповѣди. Полное изложеніе этихъ примѣтъ, въ числѣ десяти, заимствуется изъ Грамматики славянскаго языка ¹⁾. Вотъ оно:

¹⁾ Есть и другое, *неполное* изложеніе примѣтъ Добровскаго, въ числѣ *десяти*.— Ганка нѣкоторое время предпочиталъ его первому изложенію, и приводилъ его безусловно, напр. въ Грамматику или *Млучницъ* польскаго языка, изданной въ Прагѣ 1839.—

Согласно съ этимъ, изъ всѣхъ примѣтъ Добровскаго, слѣдовало бы принять только *два*: третью и четвертую.

Что касается до вставки *ж* послѣ *р* (отъ которой происходитъ шерсткѣй звукъ *рѣ*), то она не могла приняться въ число примѣтъ втораго разряда; ибо составляетъ особенность не всего разряда, а только языковъ помяскаго и чешскаго, съ едва примѣтнымъ ея остаткомъ въ нарѣчїяхъ лужицкихъ.

Шафарикъ поступилъ согласно съ мнѣніемъ Востокова: онъ отложилъ отъ восьми примѣтъ Добровскаго и удержалъ только *два*: третью и четвертую.

По такому предпочтенію, эти двѣ примѣты я называю важнѣйшими. Онѣ важнѣе всѣхъ остальныхъ и сами по себѣ. Но отвѣчаютъ ли онѣ своему назначенію?...

§ 72. Первая изъ нихъ у Шафарика опредѣлена такъ: «прибавочное *л*, вмѣсто смягчающаго *й*, послѣ губныхъ *с*, *н*, *б*, *м*»; а во второмъ разрядѣ: «*л*; вмѣсто смягчающаго *и*, послѣ губныхъ не прибавляется». —

Не стану здѣсь доказывать, что такое опредѣленіе не-вѣрно. Объ этомъ подробно говорить буду особо (въ статьяхъ 12-15-ой). Здѣсь вопросъ не о свойствахъ и не о происхожденіи звука *л* послѣ губныхъ; а о томъ, какого достоинства примѣту онъ составляетъ въ филологической систематикѣ?

Вмѣсто трехъ словъ, которыми у Добровскаго пояснена сія примѣта, у Шафарика (Сл. Нар. с. 8)—приведено ихъ 16. Но чѣмъ больше такихъ словъ, тѣмъ больше голосовъ противъ вставнаго звука *л*, какъ примѣты филологической.

Изъ именъ женскихъ у Шафарика приведены въ примѣръ—земля, капля, кровля; и при нихъ, какъ формы втораго разряда—земя (земе), капъ, кровъ. Но въ языкѣ рускомъ употребительны—земля и земь, кровля и кровъ; у Бѣлоруссовъ говорится—земля и земя; въ среднерускомъ нарѣчїи болѣе говорится конопи, нежели конопли. Очевидно, что въ русской рѣчи совмѣщаются формы обоихъ разрядовъ.

Тоже и съ именами мужескими. Формы втораго разряда—корабъ, жеравъ, въ великорускомъ народѣ употребляются предпочтительнѣе, чѣмъ назначенныя первому разряду—корабль, журавль. Эти послѣднія формы у Бѣлоруссовъ вовсе

неупотребительны; тамъ говорятъ или—корабъ, журавъ, или одинаково съ Малороссіянами—корабель, журавель.

Въ глаголахъ звукъ *л* послѣ губныхъ выдерживается строго только въ языкѣ южнорускомъ: люблю, лóблять, полюбленъ. Въ московскомъ нарѣчїи звукъ *л* не прибавляется передъ звукомъ *я* переходнымъ или такъ-называемымъ носовымъ: люблю, влюбленъ, любятъ, любя. Но въ нарѣчїи среднерускомъ обходятся безъ *л* и передъ *ю* (когда оно безъ ударенія?): сыпють, лóвють, любючі.

Въ числѣ глаголовъ у Шафарика назначены первому разряду—«поставляти, погубляти»; а второму—«ставить, губити». Но языку рускому свойственны и тѣ и другіе.

Очевидно, что руская рѣчь, по частому неупотребленію звука *л* послѣ губныхъ, сходится часто съ сѣверозападною рѣчью. Слѣдственно, вставной звукъ *л*, въ отношеніи къ русской рѣчи, составляетъ примѣту очень невѣрную.

Не даетъ онъ вѣрной примѣты и для различенія двухъ западныхъ удѣловъ:

Въ сѣверозападномъ, вопреки филологическому запрещенію, звукъ *л* иногда прибавляется послѣ губныхъ. Поляки, сходно съ Малороссіянами, говорятъ: гробля (такъ у Нестора), кропля, чапля, шабля; а не гробя, кропя, чапа, шаба. Кашубы, вмѣсто грабѣ, говорятъ—граблѣ. Словаки также говорятъ: кропля, шабля. Въ лужицкомъ языкѣ—робль, а не робь (воробей).

Въ удѣлѣ югозападномъ, вопреки филологическому назначенію, звукъ *л* послѣ губныхъ нерѣдко опускается, Болгаре, напримѣръ, говорятъ—земя, сабя, лове, ловенъ; а не земля, сабля, ловлю, ловленъ. Сербы говорятъ жеравъ, а не жеравль.

Если же и вставка и невставка *л* послѣ губныхъ—ни одному изъ четырехъ удѣловъ славянской рѣчи не даетъ вѣрной отличительной примѣты, то не-для-чего и оставлять долѣе звукъ *л* послѣ губныхъ между примѣтами перваго разряда.

§ 73. И такъ изъ примѣтъ Добровскаго, первому разряду остается только одна важнѣйшая, относящаяся опять къ звуку *л*, т. е. невставка *д* передъ *л*.—

Въ приложеніи къ рускимъ нарѣчіямъ сія примѣта достаточна; ибо вставка *д* передъ *л* несвойственна нарѣчіямъ рускимъ.

Всѣ Рускіе говорятъ молитва, кадило, мыло, сало, ель; а не молитва, кадзидло, садло, едла. Слова: сѣдло, падло, сюда не идутъ; ибо звукъ *д* въ этихъ словахъ не вставной, а коренной.

Въ южнорускомъ языкѣ слова: павидло, ковадло (вм. ковало), можно считать приемышами изъ языка польскаго.

Подобное исключеніе въ языкѣ рускомъ составляютъ слова: оседлость, оседлый, образованныя по польской формѣ. Сравнивъ ихъ съ южнорускимъ словомъ осѣля (жилье), можно видѣть, что въ нихъ звукъ *д* вставной.

Немногія исключенія неопровергають примѣты важной. Потому можно бы сказать, что по невставкѣ *д* передъ *л* руская рѣчь принадлежитъ къ первому разряду. Но эта невставка не соблюдается въ югозападномъ удѣлѣ, именно, въ языкѣ хорутанскомъ. Уже и въ молитвахъ фризинской рукописи 10-го вѣка встрѣчаемъ: моллити, молдимъ, вседли (селить). Нынѣ въ хорутанскомъ языкѣ поднарѣчіе зильское (на рѣкѣ Зилѣ въ Каринтіи) особенно отличается вставкою *д* передъ *л*, во многихъ словахъ; напримѣръ: кридло, шидло, мотовидло, кресадло (по-южноруски кресало или кресиво, т. е. огниво); а верхнеукраинское нарѣчіе такъ привыкло къ вставному *д*, что удерживаетъ его, не смотря на обращеніе *л* въ *с*: садво, мотовидво, и т. д. (Срезневскій, въ Ж. М. Н. Пр. 1843).

Сѣверозападный удѣлъ съ своей стороны нерѣдко измѣняетъ вставку звука *д* передъ *л*. Такъ въ языкѣ польскомъ говорится—седло, оседлицъ, сѣло, селянка. Подобное опущеніе вставнаго *д* встрѣчается часто и въ нарѣчіяхъ словацкихъ.

Очевидно, что эта «главнѣйшая особенность» сѣверозападной рѣчи не выдерживается въ ней строго; а между тѣмъ она свойственна и рѣчи югозападной. Слѣдственно она не раздѣляетъ собою двухъ западныхъ удѣловъ.

Невставка звука *д* передъ *л* выдерживается только въ русской рѣчи, а не во всемъ первомъ разрядѣ, и не отдѣляетъ отъ него рѣзкою чертою втораго разряда.

И такъ, пора уже отказать первому разряду Добровскаго и въ этой филологической опорѣ.

§ 74. Отъ рассмотрѣнной вставки *д* передъ *л*, я отличаю другой случай вставнаго *д*: когда оно является не послѣ гласныхъ, какъ въ примѣтѣ Добровскаго, но послѣ согласныхъ. Это *д* по моему замѣчанію, всегда бываетъ на мѣстѣ гласнаго звука, опущеннаго изъ полногласной формы словъ.

Передъ *л* оно встрѣчается рѣдко—въ словѣ жолобъ, которое по-сербски произносится жлебъ и ждлебъ.

Чаще появляется оно передъ *р*. Такъ въ сербскомъ же языкѣ слова: жерело, жеребець, журавъ, обращаются въ ждриело, ждребаць, жеравъ и ждравъ. Слово жеребъ или жеребей, по-хорутански ждрибъ.

Послѣ *з* вставное *д* встрѣчается въ глаголитскихъ рукописяхъ (издрѣшти, раздрѣшу); также въ Остромировомъ Евангелии, и въ другихъ старинныхъ русскихъ писаніяхъ, напр. у св. Кирила Туровскаго: издринути, неиздреченный, раздрѣшитель, раздрушитель. Здѣсь вставное *д* стоитъ на мѣстѣ *о*, принадлежащаго предлогамъ *изо*, *разо*, которые сокращаются въ *изз*, *раз*, точно такъ, какъ встарину сокращали *но* въ *нз*, наприм. въ Пѣсни Игорю.

Подобная вставка *д* свойственна и южнорусскому языку обоихъ нарѣчій; наприм. уздрѣти вм. узрѣти, скороздри (скорозрѣлые плоды)—отъ глагола зрѣю, зрѣтъ вм. зорѣти, какъ осталось у Хорутанъ и у нѣкоторыхъ Сербовъ. Павскій (Ф. Н. I. 64) признаетъ вставнымъ *д* передъ *р* и въ словѣ здравъ; но здѣсь *д* коренное: здравъ сокращено изъ здорвь, по-польски здровъ, по-луж. стровъ.

Впрочемъ не только послѣ *ж* и *з* является это вставное *д*, но изрѣдка и послѣ *н*. Въ великорусскомъ выговорѣ вм. имени нравъ, сокращеннаго изъ норовъ—ндравъ. Тогоже значенія *д* въ глаголѣ индивѣтъ вм. иневѣтъ, отъ слова иней.

Этою же вставкою Нѣмцы,—а не мы Рускіе,—сдѣлали балдрианъ изъ valeriana (по-русски—маунъ).

Какъ звукъ *d* передъ *p* ставится послѣ *z*, такъ средникъ его *t* ставится послѣ *s*. Это бываетъ и въ южнорускомъ выговорѣ, наприм. страженіе, строкъ, стрѣчный; и въ великорускомъ: страмъ вм. срамъ (сокращен. изъ сорома); и въ болгарскомъ: страмъ, Страцининъ. Въ сѣверозападномъ удѣлѣ этимъ отличается выговоръ Словаковъ и Чеховъ; напримѣръ: по-словацки—стрибро, стреда, по-чешски—стрибро, стршеда, вм. серебро, середа.

Изъ сказаннаго видно, что вставные *d* и *t*, являющіеся послѣ согласныхъ, на мѣстѣ выкиднаго гласнаго, особенно передъ *p*, бываютъ и въ русской рѣчи, и въ западнославянской; но не постоянно, и не обязательнымъ образомъ.

С Т А Т Ь Я X.

О двухъ примѣтахъ, прибавленныхъ Шафарикомъ.

§ 75. Принявъ два разряда Добровскаго, Шафарикъ не удовольствовался его примѣтами. Избравъ изъ нихъ только *два* важнѣйшія, онъ прибавилъ къ нимъ еще *два* отъ себя: одну тогоже свойства, т. е. основанную на отдѣльныхъ звукахъ и относящуюся ко многимъ словамъ; другую, заимствованную отъ одного слова. Такимъ образомъ явились два новые узла соединенія русской рѣчи съ югозападною; именно:

- а) опущеніе *d* и *t* передъ *л* и *н*;
- б) звукъ *m* въ словѣ мотрѣти, и производныхъ—смотрѣти и проч.

Въ противоположность этому, для сѣверозападнаго разряда, положено слѣдующее:

- а) *d* и *t* передъ *л* и *н* неопускаются;
- б) *n* въ словѣ патрити (смотрѣть).

Не лишнимъ считаю замѣтить, что первая изъ этихъ примѣтъ ограничивается одними глагольными окончаніями,

въ образованіи которыхъ *д* и *т* такъ рознятся отъ прочихъ согласныхъ звуковъ. Безъ этого замѣчанія, не смотря на пояснительные примѣры, заимствованные Шафарикомъ отъ однихъ глаголовъ, примѣта его не совсѣмъ ясна,—какъ видно изъ того, что Срезневскій опровергалъ ее, между прочимъ, словами: сѣдло, метла, стыдно.

Для большей ясности, различимъ въ этой примѣтѣ двѣ части: одну, относящуюся къ *л*; другую, относящуюся къ *н*.

Первая часть напоминаетъ четвертую примѣту Добровскаго, съ которою она и соединена была у Востокова (въ Разсужденіи о слав. языкѣ). Но въ четвертой примѣтѣ Добровскаго звукъ *д*—вставной; а здѣсь звукъ *д*, и однородный съ нимъ звукъ *т*—коренные.

§ 76. Оупущеніе коренныхъ *д* и *т* передъ *л*, введенное Шафарикомъ въ число примѣтъ юговосточнаго разряда, относится только къ прошедшему времени глаголовъ. У Рускихъ и у Славянъ югозападныхъ говорится обыкновенно: палъ, вралъ, велъ, шель, цвѣлъ; а у Славянъ сѣверозападныхъ—падлъ, крадлъ, ведлъ, шедлъ, цвѣтлъ.

Сѣверозападной рѣчи свойственно сочетаніе и другихъ согласныхъ съ окончаніемъ *лз*; на примѣръ: везлъ, умерлъ, реклъ. Но руская рѣчь почти отказалась отъ такого окончанія на два согласныхъ звука, въ единственномъ числѣ мужескаго рода. Она обходится только однимъ изъ двухъ согласныхъ звуковъ. Обыкновенно удерживается звукъ коренной, напр. везъ, умеръ, рекъ; пришлый *л* допускается въ остальныхъ формахъ: везъ—везла, везло, везли. Но когда коренными бывають *д* и *т*, тогда они вовсе исключаются; а въ потребленіе идетъ окончательный *л*: шель, шла, шло, шли; цвѣлъ, цвѣла, цвѣло, цвѣли.

Въ южнорускомъ и бѣлорускомъ выговорѣ окончаніе *лз* перемѣняется на *лз*; но въ женскомъ и среднемъ родѣ, и въ числѣ множественномъ, удерживается *л*; на примѣръ: шовъ—шла, шло, шли; цвѣвъ—цвѣла, цвѣло, цвѣли. Это свидѣтельствоуетъ, что окончаніе прошедшаго времени *лз* произошло изъ *лз*, и что звукъ *л* есть собственный этому окончанію, въ русской рѣчи. Такъ и у Словаковъ: одни говорятъ—пришелъ;

другіе—пришовъ, давъ, пославъ и проч. Окончаніе *sz*, произносимое въ южнорускомъ языкѣ полугласно (=ÿ), у Сербовъ переходитъ въ полный гласный звукъ *o*; вмѣсто *зналь* или *знавъ*, по-сербски *знао*.

Лужичи, не смотря на свою принадлежность къ сѣверо-западному удѣлу, говорятъ не *шедль*, а *шовъ*, *шва*, *шво*; и только во множественномъ числѣ оставляютъ *л*—шли. Въ этомъ глаголѣ и языкъ польскій опускаетъ *д* передъ *л*: *шедль*, *шла*, *шло*, *шли*. По-чешски: *шелъ*, а не *шедль*.

На это, конечно, можно-бы смотрѣть какъ на исключеніе. Но и въ югозападномъ удѣлѣ хорутанскій языкъ представляетъ довольно постоянное уклоненіе отъ опущенія *д* и *т*, назначеннаго юговосточному разряду: *кравъ*, *падъ*, *цвѣтъ*, *кравда*, *падва*, *цвѣтва* (=кравдъ, падлъ, цвѣтлъ); а не *кравъ*, *павъ*, *цвѣвъ*. Здѣсь, въ окончаніи прошедшаго времени, *л* перемѣняется на *в* еще больше, чѣмъ въ южнорускомъ языкѣ; ибо Хорутане вообще болѣе чѣмъ Малороссіянѣ перемѣняютъ *л* на *в*.

Есть и въ южнорускомъ языкѣ глаголы, въ которыхъ *д* передъ *л* не выключается; напримѣръ: *обрыдъ*, *обрыдла*, *обрыдло*, *обрыдли*.

Старинная славяноруская письменность представляетъ иногда примѣры, что звукъ *д*, какъ и другіе согласные, передъ окончаніемъ *ль*, удерживаются и въ мужескомъ родѣ единственнаго числа. Такъ въ Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку встрѣчается *шедль* вм. *шелъ*.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что опущеніе коренныхъ *д* и *т* передъ *л*,—не смотря на его ограниченность однимъ прошедшимъ временемъ глаголовъ,—не соблюдается въ цѣломъ юговосточномъ или антскомъ разрядѣ.

§ 77. Вторая часть Шафариковой примѣты, относящаяся къ звуку *н*, еще менѣе удовлетворительна.

Въ первомъ разрядѣ приведены въ примѣръ: *вяну* или *вену*, *свѣну*, *взблесну*, вмѣсто—*вядну*, *свѣтну*, *взблестну* (Сл. Нар. с. 8). Но въ послѣднемъ глаголѣ (также, какъ *свисну* вм. *свистну*) звукъ *т* опускается не для того, чтобъ

избѣжать сочетанія *т* съ *н*; а отъ стеченія трехъ согласныхъ, во избѣжаніе котораго и сѣверозападная рѣчь, иногда опускаетъ *т* передъ *н*; напимѣрь, въ польскомъ *біусне, swisne*.

Звуки *д* и *т* опускаются нерѣдко передъ *н* (также, какъ и согласные *г, к, п*). Въ южнорускомъ языкѣ глаголь *тну*, а въ рускомъ языкѣ глаголы: болтнуть, ватнуть, вутнуть, метнуть, мотнуть, хвастнуть, шатнуть,—свидѣтельствуютъ, что сочетаніе *тн* принадлежитъ русской рѣчи не какъ исключеніе.

Тоже и сочетаніе *дн*; напимѣрь въ глаголахъ: боднуть, наводнить, затруднить.

Что стеченіемъ *д* и *т* съ *н* руская рѣчь не затрудняется, то видно и на глаголахъ: поднять, отнять. Въ нихъ *н* не выключается, а вставляется послѣ *д* и *т*.

Югозападная рѣчь представляетъ не мало подобныхъ отступленій отъ назначеннаго ей опущенія *д* и *т* передъ *н*. По-хорутански говорится—вену и ведну; мотни, а не мони. По-сербски—метнути, боднути, а не менути, бонути. Въ староболгарскихъ стихахъ, приведенныхъ въ Славянскомъ Народописаніи (с. 160), изъ рукописи 1390 года читаете:

«Како баба прѣскаче трапъ,
И прѣскаче я и мимоходить,
И не боится да ся паднеть».

По примѣтѣ, назначенной Шафариковомъ для перваго разряда, слѣдовалобы не паднеть, а панеть,—какъ вмѣсто вяднеть—говорится вянеть.

§ 78. Вѣрнѣе обозначается первый разрядъ второю примѣтою Шафариковою—мотрѣти ¹⁾, смотрѣти. Это слово не иначе употребляется и на Руси и у Славянъ задунайскихъ, какъ со звукомъ *м*.

Въ нынѣшнемъ южнорускомъ языкѣ почти неупотребителенъ глаголь *смотрѣти*, и замѣняется глаголами *дивитися, глядѣти*; но по названію рѣчки Смѣтричь и по нѣкото-

¹⁾ Безприбавочная форма *мотрѣть* употребительна въ великорускомъ простонародьи. Сербы также говорятъ *мотрити*.

рымъ другимъ мѣстнымъ именамъ, можно думать что ототъ глаголь былъ употребителенъ и въ языкѣ южнорускомъ.

Въ западноруской письменности встрѣчается—опатренъе и т. п. Но это займы изъ языка польскаго, неперешедшіе въ народную рѣчь.

Славяне сѣверозападные, вмѣсто звука *м*, въ этомъ глаголѣ, употребляютъ *н*: патрити, патришиць, и т. д.

Такой раздѣлъ губныхъ звуковъ *н* и *м*, по двумъ рядамъ Добровскаго, есть примѣчательная случайность, которою слѣдовало воспользоваться въ филологіи. Случайностью я называю потому, что такой раздѣлъ произошелъ не изъ какого нибудь опредѣленнаго употребленія губныхъ звуковъ, а нечаянно. Въ другихъ словахъ эти два звука смѣняются другъ друга безъ особеннаго распредѣленія по нарѣчіямъ. Такъ наприм. Малороссіяне говорятъ бджола и пчола; Велико-россіяне пчела и мчела, птица и мтица; а въ западнославян-ской рѣчи встрѣчаются втица, фтица и т. д.

§ 79. Изъ рассмотрѣнныхъ доселѣ четырехъ примѣтъ антскаго разряда, только послѣдняя соблюдается въ немъ строго, безъ употребленія сѣверозападной формы. Потому, изъ этихъ примѣтъ, для соединенія русской рѣчи съ задунайскою, лучшею и единственно вѣрною служить—поставленіе звука *м*, и неупотребленіе звука *н*, въ глаголѣ смотрѣть. Узелъ соединенія конечно слабый; но болѣе крѣпкихъ едва ли и ожидать можно, если уже не нашли ихъ Добровскій и Шафарикъ. Причина та, что антскій или юговосточный разрядъ есть искусственный; слѣдовательно такой, которому свойственны примѣты случайныя, показывающія наружное сходство, и для котораго почти невозможны примѣты существенныя, выраженія внутреннее средство.

Неудовлетворительность примѣтъ нельзя здѣсь замѣнить ихъ множествомъ: искусственный разрядъ въ немъ не нуждается. Если изъ нѣсколькихъ данныхъ примѣтъ, ни одна взятая отдѣльно не обозначаетъ собою вѣрно всего разряда, то напрасно и слагать ихъ въ одинъ признакъ. Совокупность такихъ примѣтъ надежна развѣ въ смыслѣ старинной басни о связкѣ прутьевъ, т. е. пока не разберутъ ихъ.

Если и дѣйствительное сродство въ разрядѣ естественномъ можетъ быть выражаемо одною существенною примѣтою; то искусственный разрядъ тѣмъ болѣе можетъ удовлетвориться одною примѣтою случайною, лишь бы она обозначала его вѣрно, не допуская исключеній.

Естественный разрядъ зависитъ отъ сродства, наблюдаемаго и изображаемаго наукою; а разрядъ искусственный зависитъ отъ признака, назначаемаго наукою. Потому естественный разрядъ, до открытiя въ немъ существеннаго признака, можетъ оставаться въ наукѣ совсѣмъ безъ признака, не теряя отъ того своей значительности. Но разрядъ искусственный безъ признака существовать не можетъ.

Дѣленію славянской рѣчи на два разряда по Добровскому слѣдуютъ теперь, не столько по его истинному и неизмѣнному достоинству, сколько по привычкѣ къ нему, и по именитости незабвеннаго аббата. Оно есть памятникъ, принадлежащій къ исторіи науки, но не согласный съ ея настоящею потребностью и дальнѣйшимъ усовершеніемъ.

С Т А Т Ь Я XI.

О восьми примѣтахъ Добровскаго, непризнанныхъ Шафарикомъ.

§ 80. Разобравъ двѣ важнѣйшія примѣты Добровскаго, обратимъ вниманіе на остальные, которыя, хотя уже отвергнуты Шафарикомъ, но въ свое время также способствовали успѣху своей системы. Для нея, и въ значеніи искусственной системы, прилично бы оставаться съ примѣтами собственными; а между ними конечно найдутся такія, что могутъ еще послужить ей. Но еслибъ и всѣ онѣ оказались уже неспособными къ дальнѣйшему служенію; все же должны мы не

забвенію предать ихъ, какъ отверженцовъ, но почитать поименованіемъ, какъ труженниковъ, которые составляли опору и красоту разрядовъ Добровскаго.—Проведи рускую рѣчь еще разъ ¹⁾ по этимъ знаменательнымъ словамъ и звукамъ, мы отдадимъ имъ послѣдній долгъ, и въ то же время пояснимъ насколько рускую рѣчь въ ея отношеніи къ западнославянскою.—

По свойству разрядовъ, для которыхъ приисканы примѣты Добровскаго, у нихъ нѣтъ общаго основанія и внутренней связи; между ними есть различіе только по ихъ частнымъ основамъ.

Первая половина ихъ состоитъ изъ частицъ и звуковъ, повторяющихся во многихъ словахъ; вторую составляютъ цѣлыя, отдѣльныя слова. Примѣты первой половины, особливо звуковыя, сами по себѣ важнѣе другихъ; но въ приложеніи къ искусственнымъ разрядамъ неудовлетворительнѣе. Примѣты однословныя сами по себѣ менѣе важны; но для обозначенія искусственныхъ разрядовъ онѣ способнѣе первыхъ,

Поэтому напередъ можно сказать, что если между остальными примѣтами Добровскаго есть такія, которыя могутъ еще послужить его системѣ, то онѣ найдутся въ числѣ примѣтъ однословныхъ.

§ 81. Первые двѣ примѣты, основанныя у Добровскаго на предлогахъ *раз-роз*, *из-сы*, прежде всѣхъ были признаны недостаточными (§ 71). И въ самомъ дѣлѣ, онѣ не даютъ права причислять рускую рѣчь къ одному разряду съ юго-западною; и по нимъ скорѣе можно соединить ее съ сѣверо-западною.

Такъ частица *роз*, присвоенная второму разряду, въ южнорускомъ языкѣ постоянно употребляется со звукомъ *о*. Тоже и у Великороссіянь, говорящихъ на *о*.

У тѣхъ Великороссіянь, у которыхъ *о* безъ ударенія произносится какъ *а*, и частица *роз* (въ томъ же случаѣ)

¹⁾ Рускія нарѣчія по примѣтамъ Добровскаго были уже разсмотрѣваемы мною, въ «Исслѣдованіи о Рускомъ языкѣ» напечатанномъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1838. Кн. 3. (См. выше, стр. 5 слѣд.)

переходитъ въ *раз*: рѣзскъ и разысканіе, рѣздыхъ и раздѣлье, рѣзвальни и развѣль.

По общему правилу удерживать букву *о*, произносимую какъ *а*, и здѣсь слѣдовало бы писать—розысканіе, роздолье, розваль; а слогъ *раз* писать-бы только тогда, когда онъ съ удареніемъ; наприм. рѣзница и рѣзница.

Бѣлорусское нарѣчіе, замѣняющее звукъ *о* безъ ударенія дебелимъ *а*, по частицѣ *раз* принадлежитъ болѣе къ первому разряду.

Что касается до слова разумъ, которымъ у Добровскаго пояснена сія примѣта, то Бѣлоруссы говорятъ рѣзумъ, въ подражаніе Малороссіянамъ и Полякамъ; но въ производныхъ удерживаютъ *а*: разумный, разумію, и т. д. У Великороссіянъ, говорящихъ на *о*, примѣчается обратное: въ подражаніе церковному языку, они выговариваютъ разумъ; но въ производныхъ словахъ удерживаютъ *о*: розумный, розумію, и т. д.

§ 82. Если принять, что предлогъ *вы*, въ противоположности съ *из*, составляетъ примѣту втораго разряда; то руская рѣчь принадлежитъ болѣе къ нему, нежели къ разряду первому. Въ языкѣ южнорускомъ постоянно употребляется *вы*; а частица *из* или *зѣ* (какъ и въ языкахъ сѣверозападныхъ) однозначительна съ предлогомъ *со* или *съ*: знову, изновъ= снова; зѣвъ, изѣвъ=сѣвъ. По этой принадлежности южнорускому языку предлога *вы* вмѣсто *из*, и въ Пѣсни Игорю встрѣчаемъ: выторже (исторгъ), высѣде. Тамъ однако встрѣчается и частица *из*, *ис*; напримѣръ: «изрони злато слово»; или «истягну умъ крѣпостію». Но это уже по вліанію церковнаго языка, формы котораго въ Пѣсни Игорю, какъ и во многихъ другихъ древнихъ памятникахъ, перемѣшаны съ народными рускими.

Частица *из* вм. *вы*, посредствомъ языка церковнаго, водворилась особенно въ избранномъ рускомъ языкѣ, и находясь тамъ вмѣстѣ съ частицею *вы*, даетъ разницу словамъ въ значеніи или въ тонѣ; напримѣръ: выбѣжать, избѣжать; выдать, издать; вырѣзать, изрѣзать; выѣденный, изѣденный. А что въ рускомъ языкѣ слова: выходъ, выборъ, выбрать,

выгнать—природныя; а исходъ, изборъ, избрать, изгнать—пріемыши славянскіе, въ томъ едва ли можно сомнѣваться.

§ 83. Двѣ звуковыя примѣты, основанныя у Добровскаго на присутствіи и отсутствіи *л* послѣ губныхъ и *о* передъ *л*, мы уже разсмотрѣли; и видѣли, что по одной изъ нихъ (по звуку *л*) русская рѣчь подходитъ подъ оба разряда; а по другой (по звуку *о*) хотя и отличается она отъ сѣверозападнаго удѣла, но не можетъ быть сопряжена съ задунайскимъ; ибо ни въ одномъ западномъ удѣлѣ сія примѣта не соблюдается строго.

Пятая примѣта Добровскаго основана на употребленіи звуковъ *ш*, *ч*, *ц*, въ однихъ и тѣхъ же словахъ, такъ что въ первомъ разрядѣ идутъ *ш* и *ч*, а во второмъ *ц*. Но въ русскихъ нарѣчіяхъ *ч* и *ц* такъ часто смѣняются другъ друга, что еслибъ этотъ раздѣлъ звуковъ по двумъ разрядамъ былъ вѣренъ, то русская рѣчь подходила бы подъ оба разряда. Впрочемъ, если ограничиться даже только тѣми примѣрными словами, которыя приведены у Добровскаго, то и въ нихъ эта примѣта оказывается недостаточною.

Глаголы *пеку*, *могу*, въ неопредѣленномъ наклоненіи, въ языкѣ церковномъ равно сходятъ на *ш*: *пещи*, *мощи*; а въ русскомъ языкѣ они сходятъ на *ч*: *печь*, *мочь*. Но въ языкѣ южнорускомъ эти глаголы совершенно уклоняются, какъ отъ перваго разряда, такъ и отъ втораго, поставяющаго звукъ *ц*: (*печи* и *печь*, *моци* и *моцть*—у Словаковъ и Чеховъ; *пець*—у Поляковъ). По-южноруски говорится—*пегти*, *могти*. Бѣлоруссы также говорятъ *пякци*, *магци*.

Въ удѣлѣ сѣверозападномъ есть свои уклоненія отъ назначеннаго ему звука *ц*; наприм. по-верхнелужицки говорятъ—*пеку*, *печь*, а не *пець*.

Очевидно, что пятая примѣта Добровскаго не обозначаетъ вѣрно своихъ разрядовъ.

Южнорусскій языкъ и въ другихъ подобныхъ глаголахъ постоянно удерживаетъ коренные звуки *г* и *к* въ неопредѣ-

ленномъ наклоненіи, прибавляя къ нимъ *ти* ¹⁾: бѣгти, берегти, прягти, стерегти, стригти, волокти, сѣкти, текти, товкти (толочь). Но въ первомъ лицѣ настоящаго времени и въ наклоненіи повелительномъ эти глаголы въ южнорускомъ языкѣ перемѣняютъ *и* на *ж*, *к* на *ч*: бѣжу, бѣжи, бережу, бережи; печу, печи, течу, течу, течи, сѣчу сѣчи, и проч. (а не теку, пеку, — какъ показано въ Корнесловѣ Шимкевича).

Такой особенности причастно, хотя и не вполнѣ, бѣлоруское нарѣчіе: биражу, биражи, бирагци; сяку, сячи, сѣчь. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, бѣлорусское нарѣчіе колеблется между великорусскимъ и малорусскимъ.

§ 84. Изъ отдѣльныхъ словъ, служащихъ у Добровскаго филологическихими примѣтами, главнѣйшими можно считать тѣ, которыя находятся въ обоихъ изложеніяхъ примѣтъ (см. § 70); таковы: звѣзда-гвѣзда, ть (тоть)-тенъ, птица-птакъ.

По слову звѣзда, руская рѣчь можетъ быть относима къ первому разряду; ибо она въ этомъ словѣ постоянно удерживаетъ начальный звукъ *з*, и незамѣняетъ его звукомъ *и*.

Тоже и въ удѣлѣ югозападномъ. Однако тамъ въ языкѣ болгарскомъ говорится звѣзда и гвѣзда (Шаф. Сл. Народ. 43); слѣдственно антскій разрядъ сею примѣтою не обозначается вѣрно.

Сѣверозападный удѣлъ отличается неупотребленіемъ звука *з* въ началѣ этого слова. Оно произносится тамъ обыкновенно съ звукомъ *и* (*h* и *g*): гвѣзда, гвезда, по-кашубски гвѣзда. Однако въ верхнелужицкомъ нарѣчій вовсе опускается *и*: вѣзда, какъ и во многихъ другихъ словахъ, начинающихся съ *и*. Въ языкѣ Полабцовъ звукъ *з* обращенъ въ *ѳ*: дѣзда, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ словахъ.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что еслибы въ болгарскомъ языкѣ не употреблялось гвѣзда, — то это имя былобы одною изъ лучшихъ примѣтъ для разрядовъ Добровскаго.

¹⁾ Тоже самое въ южнорускомъ языкѣ и послѣ *б*: скребу, скребти, гребу, гребти (а не *гребти*, какъ показано въ Корнесловѣ: это церковно-славянская и сербская форма); по-великоруски грести, грестъ; по-бѣлоруски гресць, сходно съ польскимъ гресць.

§ 85. Въ шестой примѣтѣ къ слову звѣзда прибавлено еще цвѣтъ-квѣтъ.

Этимъ словомъ можно различать два западнославянскіе удѣла; но руская рѣчь подходитъ подъ оба. По-южноруски—квѣтъ и квѣтка, а у Червонорусовъ говорятъ еще цвѣтъ и цвѣтка. Бѣлоруссы также говорятъ квѣтка.

Въ великорусскихъ нарѣчіяхъ, хотя обыкновенно употребляются цвѣтъ, цвѣтокъ, цвѣтикъ; однако говорится и квѣтъ, и еще твѣтъ (напр. у Новгородцовъ). Эта послѣдняя форма (твѣтъ) есть посредствующая между двумя другими; ибо звукъ *к* переходитъ въ *ц* (=тс) и *ч* (=тш) черезъ *т*.

Соотвѣтствіе между *к* и *т* видно изъ ихъ взаимной смѣны. Слово тѣсто, по-бѣлоруски цѣста, въ разныхъ мѣстахъ Украины и Червонной Руси произносится кисто. Такое употребленіе *к* вм. *т* еще примѣтнѣе въ Покутѣи (Буковинѣ), гдѣ и слова тѣло, тѣмя, произносятся кило, киме. У Полабцовъ было наоборотъ, *т* вм. *к*: тиза (кожа), теса (коса), и проч.

§ 86. Съ разсмотрѣннымъ словомъ (цвѣтъ-квѣтъ) можно сблизить девятую примѣту Добровскаго—птица-птакъ,—по звукамъ *ц* и *к*, находящимся здѣсь въ концѣ, а тамъ въ началѣ. Сею примѣтою тоже можно различать два западные удѣла: въ югозападномъ—цвѣтъ, птица; въ сѣверозападномъ—квѣтъ, птакъ. Но въ русской рѣчи совмѣщаются обѣ формы и этого слова: птица и птахъ.

Отъ южноруской формы—пта хъ произошла сѣверозападная форма птакъ (по-словацки птакъ и фтакъ), перемѣною *х* на *к* (какъ въ сербскомъ языкѣ женикъ вм. женихъ). Но въ уменьшительныхъ обѣ формы смѣшиваются: въ южнорускомъ—пта хъ, пта шокъ; въ польскомъ—пта къ, пташекъ, въ нижнелужицкомъ—пташкѣ, въ чешскомъ птачекъ, въ словацкомъ—птачокъ. Въ кашубскомъ нарѣчии удерживается *х* и въ положительной формѣ—пто хъ и вто хъ.

Въ русскихъ нарѣчіяхъ это слово расплодилось во многіе виды, которые, по моему мнѣнію, произошли отъ корен-

наго, уже не существующаго отдѣльнымъ—потъ или пота. Ихъ можно привести къ слѣдующимъ породамъ.

1. Птахъ и птакъ; въ женс. р. птаха. Они выговорены вм. потахъ, потаха,—что подтверждается санскритскою формою патага.

2. Птица, по-южноруски птиця; выговорено вм. по́тица, почему и писано было пътица, напр. въ Евангелии Остромировомъ.

3. Пóтка: эта форма, извѣстная по древнимъ рускимъ писанямъ, начиная съ устава Владимірова,—употребительна и нынѣ у Великороссіянъ, говорящихъ на о. Уменьшительно—пóточка. Сюда принадлежитъ форма, употребительная въ нарѣчіяхъ бѣлорускомъ и среднерускомъ—птушка, вм. по́тушка.

4. Уменьшительная форма средняго рода—пóтя, пóтятко. Она свойственна южнорускому языку, и остается донынѣ въ живомъ употребленіи въ поднарѣчьи закарпатскомъ. Беринда въ своемъ Лексиконѣ пояснялъ этою формою, какъ туземною, церковнославянское слово птенець.

§ 87. Седмюю примѣтою у Добровскаго поставлено мѣстоимелье *тз* (=той), во второмъ разрядѣ—тенъ. Руская рѣчь незнаеть звука *н* въ этомъ словѣ: по-южноруски и верхнеруски говорится—той, по-бѣлоруски, иногда и по-южноруски—тей, а по-московски—тотъ (=санскрит. татъ). Въ задунайской Славянщинѣ также говорится той, тай (тонъ попадаетъ изрѣдка только въ древнихъ рукописяхъ, напр. во фризинской).

У сѣверозападныхъ Славянъ звукъ *й* въ этомъ мѣстоименни переведенъ въ *н*; вм. тей, той—тенъ, тонъ.

Изъ этого видно, что седмая примѣта Добровскаго—вѣрнѣе всѣхъ предыдущихъ обозначаетъ свои разряды.

§ 88. Изъ остальныхъ примѣтъ Добровскаго разсмотримъ только п е п е л ь. Назначенная второму разряду форма п о п е л ь есть первообразная, по своему предлогу *по*, указывающему на происхождение этого имени отъ глагола полатъ (пылатъ), по-южноруски п а л а т и; или отъ формы тогоже корня—п а л и т и (жечь).

Имя пополь или попель произошло отсюда, какъ пожаръ (по-южноруски пожежа) отъ своего глагола; потомъ оно измѣнилось въ пепель, какъ слова огонь, ноготь, локоть, у нѣкоторыхъ западныхъ Славянъ измѣняются въ огонь, ногеть, локеть.

Форма попель удержалась не только у сѣверозападныхъ Славянъ, но также у южной и бѣлой Руси; она встрѣчается и въ писаніяхъ св. Кирила Туровскаго (см. Памят. Рос. Слов. XII вѣка, изд. К. Калайдовичемъ, 1821. стр. 63).

У Славянъ задунайскихъ это имя измѣнилось въ пепель, пепевъ, пенео; произносится оно съ *ne* и у многихъ Велико-россіянь, напр. у Новгородцовъ.

§ 89. Изъ всего сказаннаго о примѣтахъ Добровскаго видно, что только три изъ нихъ выдержаны въ русской рѣчи такъ, какъ онѣ назначены первому разряду, именно: невставка *d* передъ *л*, звѣзда и той (тотъ). Потому, для соединенія русской рѣчи въ одинъ разрядъ съ югозападною, моглибы послужить только эти три примѣты; а всѣ остальные не идутъ къ дѣлу, ибо противорѣчатъ такому соединенію. По однѣмъ изъ нихъ, русская рѣчь соотвѣтствуетъ обимъ западнымъ разрядамъ, а по нѣкоторымъ подходитъ болѣе къ сѣверозападному, нежели къ задунайскому, особливо языкъ южнорускій.

Но изъ сказанныхъ трехъ примѣтъ, невставка звука *d* передъ *л*, и слово звѣзда, недостаточны для того, чтобы обозначить собою весь антскій разрядъ и отдѣлить его отъ разряда сѣверозападнаго. Потому, изъ всѣхъ примѣтъ Добровскаго, удовлетворительно оказывается только одна—седмая. Придавъ къ ней на подмогу Шафарикову примѣту *смотрѣть*, получимъ слѣдующій отличительный признакъ двухъ разрядовъ Добровскаго.

Въ 1-мъ разрядѣ: а) неупотребленіе звука *n* въ мѣстоименнѣй той, тей, тотъ; б) употребленіе звука *m* въ глаголѣ *мотрѣть*, *смотрѣть*.

Во 2-мъ разрядѣ: а) употребленіе звука *n* вмѣсто *n* въ мѣстоименнѣй тонъ, тенъ (=той, тей); употребленіе звука *n* вм. *m* въ глаголѣ *патрити* (=мотрити).

Вотъ тѣ филологическія узы, которыми югозападная рѣчь необманчиво сопрягается съ рускою въ одинъ разрядъ, называемый по Добровскому—антскимъ, по Шафарикѣ—юго-восточнымъ. Ему, какъ искусственному разряду, достаточно этого; и нѣтъ никакой надобности украшать его другими примѣтами, сколько нибудь существенными. Ибо чѣмъ важнѣе примѣта сама по себѣ, тѣмъ болѣе оба вопреки этого разряда.

Задунайская или югозападная рѣчь съ Рускою сопряжена не столько своимъ ближайшимъ съ нею сродствомъ, сколько языкомъ церковнославянскимъ. Содѣлавшись молитвеннымъ и письменнымъ языкомъ Руси, онъ проникъ въ ея общежительную рѣчь, а особливо въ избранный рускій языкъ.

На формы и слова, перешедшія изъ церковнаго языка въ рускій, филологія стала смотрѣть не только на природныя рускія, но и какъ на древнѣйшія рускія. Имѣя ихъ въ виду, и обращая вниманіе болѣе на нашъ письменный языкъ, чѣмъ на народный, она вывела неправильное заключеніе о ближайшемъ сродствѣ руской рѣчи съ задунайскою, и соединила ихъ въ неправильный антскій разрядъ, разронивъ черезъ то два удѣла западнославянскіе.

Но югозападная рѣчь, по своему внутреннему сродству, ближе къ сѣверозападной, и составляетъ съ нею одну рѣчь западнославянскую.

Наша восточная или руская рѣчь равно близка къ обоимъ западнымъ удѣламъ. Она соотвѣтствуетъ имъ обоимъ, взятымъ вмѣстѣ; но не составляетъ середины между ними,—также точно, какъ наше руское племя составляетъ не средину между сѣверозападными и югозападными Славянами, но соотвѣтствуетъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

С Т А Т Ь Я XII.

О вставномъ звукѣ л вообще, и объ отношеніи губныхъ звуковъ къ ерю.

§ 90. Представивъ разборъ двѣнадцати примѣтъ, которыми рускую рѣчь хотѣли связать въ одинъ разрядъ съ юго-западною, я разсмотрю еще особо одну изъ этихъ примѣтъ: вставной звукъ л послѣ губныхъ. Его достоинство діагностическое показано выше, въ § 72-мъ; здѣсь я имѣю въ виду его происхожденіе и значеніе.—

Нерѣдко встрѣчается косноязычіе, при которомъ звукъ л выговаривается какъ ѣ или ъ, или совсѣмъ невыговаривается; напр. земля, воя, чейовѣкъ, юди, вопѣй, вой,—вмѣсто земля, воля, человѣкъ, люди, вопль, воля.

Такое личное произношеніе принимается иногда въ народную рѣчь, и случайныя недомолвки косноязычія обращаются въ постоянныя формы словъ. Такъ нѣкоторые иллирскіе Славяне (Корчуляне) усвоили себѣ опущеніе или обращеніе въ ѣ звука л послѣ гласныхъ; и вмѣсто постеля, кошуля, говорятъ: постеля, кошуя (Сл. Народ. с. 58).

Наклонность къ такому произношенію примѣтна и въ рускомъ языкѣ, въ которомъ по наблюденіямъ Павскаго—слово чешуя выговорено вмѣсто чешуля; а ратай, ушкуй—вмѣсто раталь, ушкуль. Очевидно, что въ приведенныхъ и подобныхъ случаяхъ окончаніе я послѣ гласныхъ произошло изъ ля.

Тѣже Иллирцы, которые вмѣсто постеля говорятъ постеля, и нѣкоторые другіе задунайскіе Славяне, произносятъ земля вмѣсто земля. Сѣверозападные Славяне еще постоянно пропускаютъ звукъ л, употребительный у насъ послѣ губныхъ

звукѡвъ. Здѣсь, также какъ и въ вышеприведенныхъ случаяхъ, окончаніе *л* можно считать происшедшимъ изъ *ля*. Но какъ звукъ *л* послѣ губныхъ считается обыкновенно вставнымъ, въ словахъ этого разряда; то и происхождение окончаній принимается здѣсь обратное: окончаніе *ля* считается происшедшимъ изъ *я*, черезъ прибавку къ нему *л*. Сперва это *л* считали прямо вставнымъ или прибавочнымъ для благозвучія; слова: земля, корабль и прочая производили изъ *земья, корабль*. Но теперь, для производства этихъ словъ, предполагается сначала стеченіе двухъ тонкихъ придыханій—*ьь* или *ьй*, и поставляется общимъ правиломъ, что при такомъ стеченіи послѣ губныхъ, во избѣжаніе онаго, первый *ь* передѣлывается на эфоническое *л*. Такимъ образомъ слова земля, ловля, капля, принимаются выговоренными вмѣсто *земья, ловья, капья* (=земьяа, ловьяа, капьяа); вопль—*вм. вопьь* или *вопьй*; а люблю, ловлю, *вм. люблюю, ловьюю* (=любьюю, ловьюю).

§ 91. Какъ ни благоустроено такое изъясненіе въ филологической теоріи Павскаго, но я не нахожу его истиннымъ. Несправедливымъ оно кажется мнѣ уже потому, что дѣйствительныя формы словъ выводятся изъ вымышленныхъ, и недомолвки косноязычія поставляются въ основныя формы языка. Такія слова, какъ *земья, ловья, капья*, очевидно суть искусственныя, нарочныя недомолвки. Въ языкѣ онѣ могутъ явиться только какъ случайныя уклоненія отъ готовыхъ словъ—*земля, ловля, капля*, гдѣ данное уже *л* обращается въ *ь*, а не наоборотъ. Станемъ руководствоваться дѣйствительными формами славянской рѣчи, и увидимъ, что стеченіе двухъ ерей послѣ губныхъ звуковъ, будто всегда предшествующее образованію эфоническаго *л*, есть только воображаемое. Такого предварительнаго образованія двухъ ерей нѣтъ въ языкѣ нашемъ, да и ненадо: ибо вставное *л* можетъ являться послѣ губныхъ звуковъ, не образуясь изъ еря; а то *л* послѣ губныхъ, которое называется эфоническимъ, происходитъ обыкновенно не изъ еря.—

Правило о переходѣ перваго еря въ *л* основано у Павскаго на нестерпимости двухъ-ерянаго стеченія для

губныхъ звуковъ. Но эта нестерпимость есть только логическій выводъ, а не дѣйствительная принадлежность языка.

Первымъ началомъ этому правилу полагается нестерпимость одного еря для губныхъ звуковъ; но здѣсь и первая ошибка. Ибо у Великороссіянъ губные звуки, хотя и неимѣютъ особеннаго расположенія ни къ открытому ни къ сокрытому ерю; однако съ тѣмъ и другимъ соединяются часто, иногда по неволѣ, а болѣе того по волѣ.

На этомъ первомъ началѣ основано слѣдующее умствование: «если и одинъ ѣ нестерпимъ для губныхъ звуковъ, то два тѣмъ болѣе» (Ф. Н. I. 59). Казалось бы такъ; но въ самомъ дѣлѣ это наоборотъ. Для губныхъ звуковъ, въ великорускомъ выговорѣ, весьма терпимъ одинъ ѣ, а два еря терпимы еще больше. Въ южнорускомъ выговорѣ, — гдѣ у губныхъ звуковъ столькоже нетерпимости къ одному ерю, сколько въ великорускомъ у звуковъ гортаннонебныхъ, — открывается еще яснѣе несправедливость вышеприведеннаго умозаключенія.

Не будучи вѣрнымъ въ своей теоретической основѣ, правило двухъ ерьяго стеченія неудовлетворительно и въ приложеніи практическомъ; ибо искомя дѣйствительныя формы словъ, изъ предположенныхъ вымышленныхъ формъ — по этому правилу — не выходятъ сами собою, безъ искусства филологическаго. Это искусство заставляетъ губные звуки избѣгать двухъ ерьяго стеченія даже и тогда, когда они спокойно при немъ остаются.

Таковъ именно у Павскаго первый способъ избѣгать двухъ ерей — разведеніемъ ихъ по разнымъ слогамъ и полуслогамъ: бь-ю, пь-ю, вь-ю.

Вторымъ способомъ назначена у Павскаго замѣна перваго еря бѣглымъ е; наприм. воробей вмѣсто воробь или воробьй.

Передѣлка перваго еря въ эвфоническое л назначена какъ третій и послѣдній способъ избѣгать двухъ ерьяго стеченія (Ф. Н. I. 95).

Какую значительность въ русской рѣчи имѣютъ двухъ ерьяго стеченіе и эти три способа избѣгать его, — о

томъ будетъ говорено въ слѣдующихъ статьяхъ; а здѣсь рассмотримъ отношеніе губныхъ звуковъ къ одному ерю.

§ 92. Въ Филологическихъ Наблюденіяхъ (I. 125) сказано, что рускій выговоръ «ни въ какомъ случаѣ, ни въ срединѣ словъ, ни въ концѣ, не хочетъ терпѣть еря при б, в, м, н, ф, и всегда произноситъ его твердо, какъ з» наприм. вмѣсто голубъ, червь, кровь—голуцъ, черфъ, крофъ.

Но такой выговоръ этихъ словъ на з принадлежитъ не всѣмъ Великороссіянамъ. По господствующему московскому, и по среднерускому выговору, въ помянутыхъ именахъ мужскаго рода, и въ подобныхъ именахъ женскихъ, наприм. глубъ, рябъ, скорбъ, топъ, бровъ, темъ,—стоящій при нихъ з произносится обыкновенно также явственно, какъ и въ польскомъ языкѣ, гдѣ говорится: корабъ, журавъ, щавъ, или точнѣе—кораръ, журафъ, щафъ; а не корабъ, журавъ, щавъ.

По слабой привязанности къ ерю, губные звуки, въ великорускомъ выговорѣ, легко мѣняютъ его на еръ. Но это не можетъ еще назваться нетерпимостью; ибо это далеко не то, что у гортаннонебныхъ звуковъ, которые вовсе несоединяются съ открытымъ ъ-мъ. Однако въ нарѣчіяхъ великорусскихъ и эти звуки соединяются свободно съ ъ; а въ среднерускомъ нарѣчіи звукъ к, не только принимаетъ къ себѣ я вмѣсто а, но допускаетъ даже ю, безъ всякой необходимости и принужденія; наприм. тройка, дочка, миленькая, толька (только), чайкю. (Впрочемъ на такую особенную расположенность въ звукѣ к къ тонкимъ гласнымъ, можно смотрѣть какъ на ту причудливость, которая у физиологовъ называется и діосинкразіей).

§ 93. Что касается до еря сокрытаго въ гласныхъ звукахъ, называемыхъ тонкими; то въ рускомъ языкѣ нестерпимымъ для губныхъ считался одинъ звукъ ю (=ю). Какъ исключеніе изъ этого правила, проводились глаголы каймю, клеймю. Павскій, помѣстивъ звукъ м въ двухъ разрядахъ: и между губными, и между полусогласными (т. е. плавными), говоритъ, что «звукъ м, въ случаѣ нужды, пользуется правомъ полусогласныхъ». (Ф. Н. III. 164) Представлялись еще слова голубъ, червь, въ дательномъ падежѣ—голубю, червю.

Но объ нихъ сказано, что здѣсь губные звуки терпятъ ю—
«съ большимъ принужденіемъ» (Ф. Н. I. 126).

Такая же нестерпимость для губныхъ въ Филологичес-
кихъ Наблюденіяхъ приписывается и тонкому я (=ѣа), въ
отличіе отъ такъ-называемаго носоваго я, которое, по теоріи
Павскаго, будучи=ен, не содержитъ въ себѣ ея, и потому
вполнѣ терпимо губными. Однако губные звуки и съ обыкно-
веннымъ тонкимъ я (=ѣа) часто соединяются прямо, не при-
бѣгая къ вставному л.

Положимъ, что въ глаголѣ мяувать (по-польски *mia-
ukać*) звукъ м воспользовался правомъ полусогласныхъ; а въ
окончаніяхъ падежей—голубя, голубямъ, голубями, тон-
кое я терпится съ большимъ принужденіемъ.

Но вотъ окончательный слогъ янинъ, въ нашемъ пле-
менномъ имени Славянинъ... Въ Филологическихъ Наблю-
деніяхъ (II. 149) для этого имени «нѣтъ никакой защиты». Однако защитою ему служатъ полторасти или двѣсти лѣтъ¹⁾
употребленія его у насъ, и та непринужденность, съ какою
мы приняли его вмѣсто древняго имени «Словѣнинъ».—
Подобно тому и вмѣсто Арменинъ, у насъ говорится Армя-
нинъ, а не Армянинъ. Съ одинаковымъ удобствомъ произно-
сятся у насъ: Славянка, Варшавянка, и Кіевлянка. Церков-
нымъ писаніемъ мы пріучились выговаривать по задунай-
скому произношенію—Римляне; но также легко могли бы
мы усвоить и сѣверозападный выговоръ—Римяне; сами же
собою мы, вѣроятно, назвали бы жителей Рима Римцами,
также какъ жителей Крыма, Мурома, называемъ, Муромцами.
Передѣлка губныхъ звуковъ въ *бл*, *пл*, *вл*, *мл*, передъ окон-
чаніемъ янинъ, проистекаетъ не изъ собственной потреб-
ности языка нашего; а составляетъ въ немъ только подража-
тельную привычку, по которой у насъ вмѣсто Сербъ или
Сербинъ писали Серблянинъ; вмѣсто древняго по-нынѣ употре-
бительнаго въ народѣ имени Кіянинъ, стали говорить Кіевля-
нинъ (такъ нѣкоторые Червоноруссы, на примѣръ въ Русалкѣ
Днѣстровой, вмѣсто Славяне пишутъ—Славяне).

¹⁾ По замѣчанію Калайдовича, имя *Славянинъ* встрѣчается еще въ
третьемъ изданіи Граматики Смолрицкаго, напечатанномъ въ Москвѣ 1648 г.

Потому же свойству языка, и окончаніе прилагательныхъ именъ я ный свободнѣе допускается къ звукамъ губнымъ: румынѣй, соломяный, лѣтяный, черепяный, деревянѣй. По предположенію Павскаго (Ф. Н. П. 149) здѣсь я составилось изъ *en*, т. е. деревянѣй выговорено вмѣсто деревеннѣй.

Слова здоровякъ, червякъ, тюфякъ, хомякъ, армякъ, показываютъ, что и окончательный слогъ якъ свободно допускается у насъ губными. Что же здѣсь привести въ оправданіе теоріи? Развѣ предположить, что и здѣсь выговорено здоровякъ вмѣсто здоровенкъ?..

Но зачѣмъ намъ допускать такія предположенія, когда въ приведенныхъ окончаніяхъ я нинѣ, я ный, якъ—звукъ я обыкновенный тонкій, сложенный изъ *ь* съ *a*,—почему и у Поляковъ онъ пишется *ia*, а не *e*, напр. *Słowianin, rumianu, Krakowiak*.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, кажется, что тонкое *я* (= *ya*) очень часто терпится губными; и если возьмемъ во вниманіе, что тонкіе звуки *e*, *ë*, *и*, вполне терпимы губными; то конечно должны будемъ сказать, что въ русскомъ языкѣ у губныхъ звуковъ нѣтъ нетерпимости къ *ерю*, ни къ открытому, ни къ сокрытому въ тонкихъ гласныхъ.

§. 94. Въ языкѣ южнорускомъ звукъ *я*, какого бы онъ ни былъ значенія, одинаково нелюбимъ губными, наравнѣ съ *ю* и *е*. Тамъ, изъ всѣхъ тонкихъ гласныхъ звуковъ, свободно допускается губными только *ь*, и всякое вообще тонкое *и* (= *î*, *î*, *ô*, *ê*, *ÿ*). Открытый *ь* въ южнорускомъ языкѣ также нелюбимъ губными, почему, обыкновенно замѣняется *з-мз*. Словомъ сказать, тамъ у губныхъ звуковъ столько нетерпимости къ сочетанію одноерному, сколько въ великорускомъ выговорѣ у гортаннонебнымъ. Эти послѣдніе звуки, въ южнорускомъ выговорѣ, несоединяются даже и съ *ь*, и когда приходитъ оно въ склоненіи именъ, то звуки *з*, *с*, *ц* (какъ и въ бѣлорускомъ); а передъ *е* въ звательномъ падежѣ смѣняются звуками *ж*, *ш*, *ч*. Они тогда только выдерживаютъ тонкое *и*, когда въ него обращаются гласные *о*, *у*; на примѣръ *гôсть*, *хôть*, *кôнь*, *огÿрокъ*. Такимъ образомъ оправдывается пословица «охота пуще неволи!»

И такъ одинокій ъ, какъ открытый такъ и сокрытый, оказывается нестерпимымъ для губныхъ звуковъ не въ великорусскомъ, а въ южнорусскомъ выговорѣ; за то тамъ двухъ-ерное стеченіе при губнымъ звукахъ терпимо и любимо еще болѣе, чѣмъ въ великорусскомъ.—

С Т А Т Ь Я XIII.

О производствѣ женскихъ именъ съ окончаніемъ *ля* послѣ губныхъ звуковъ.

§ 65. Какая «извѣстная форма словопроизводства непременно требуетъ», (Ф. Н. I. 39) чтобы для образованія именъ земля, капля, и тому подобныхъ, возникли сначала двухъ-ерныя формы ¹⁾ земья, капья (=земья, капья)?

Геній нашего языка, говоритъ Павскій: «любитъ отмѣчать имена родовыми знаками. По его требованію, вмѣсто *капль*, *трепль*, *гребль*, *ловль*, *мыль*, прибавляя членъ женскаго рода *а*, говоримъ *капля*, *трепля*, *гребля*, *ловля*».

Что въ этихъ именахъ слогъ *ля* замѣняетъ собою родовой членъ *а* и съ нимъ однозначителенъ, это неоспоримая истина. Но дѣло въ томъ, что изъ члена *а*, прибавленнаго, напр., въ коренной формѣ *земль*, нельзя произойти не только предполагаемой двухъ-ерной формѣ *земья* (=земья), но и дѣйствительно существующей въ разныхъ языкахъ одноерной формѣ *земя* (=земья).

Въ Филологическихъ Наблюденіяхъ справедливо замѣчено, что имена *постеля*, *пѣсня*, и имъ подобныя, образовались изъ коренныхъ *постель*, *пѣснь*, черезъ прибавку къ нимъ

¹⁾ Замѣтить должно, что въ Филологическихъ Наблюденіяхъ *ѣ* и *й* всегда принимаются за одно и тоже; потому *ѣй* и *ѣь* всегда идутъ тамъ заодно.

родоваго *a*, который отъ слянія съ еремь обратился въ *я*. Отсюда сдѣлано наведеніе и на другія имена; и прибавка родоваго члена *a* принята общею формою словопроизводства. Но это напрасно; ибо отношеніе къ ерю у губныхъ звуковъ иное, чѣмъ у звуковъ *л* и *н*. Слова: постель, яблонь, пѣснь, баснь, потому обращаются въ постеля, яблоня, пѣсня, басня, что въ славянской рѣчи язычные звуки *л* и *н* болѣе всѣхъ согласныхъ любятъ *ь*; а потому они удерживаютъ при себѣ *ь* и по принятіи члена *a*. Но въ именахъ, кончащихся на губной звукъ съ *ь-мь*, бываетъ иначе: принимая родовой членъ *a*, они всегда отбрасываютъ *ь*. Потому вмѣсто *ь*, послѣ всѣхъ губныхъ, бываетъ только *a*, а не *я*.

На это можно смотрѣть, какъ на законъ дѣйствующій во всей славянской рѣчи ¹⁾, въ слѣдствіе котораго говорится: темь и тьма, тама, тема, въ бѣлорускомъ и польскомъ цѣма, и нигдѣ нѣтъ тьма. Или: молвь и молва, мова, млува, и нигдѣ нѣтъ молвя. Тоже и въ другихъ словахъ кончащихся на *ов*: бровь, по-южноруски бровá, у другихъ Славянъ ѡбрва, оберва и т. д. Для звуковъ *б* и *п* припомнимъ: кобь и старочешское — коба; цепь и южноруское — цепа; пересыпь и перѣспа; польск. коноць, по-верхнелужицки конопа.

Очевидно, что непосредственно изъ земь, капь, гребь, ловь, черезъ прибавку *a*, произошли бы: зема (=санскритс. сима), капа, гребя, лова, а не земя, капя, гребя, лова. Тѣмъ менѣе этимъ способомъ могли бы возникнуть: земля, капя, гребья, ловья; ибо если отъ прибавки членнаго *a*, неостается и одного еря послѣ губныхъ, то какъ же произойдетъ ихъ два? Нельзя допустить этого, особенно по той теоріи, гдѣ два еря признаются нестерпимыми для губныхъ болѣе чѣмъ одинъ.... Да и начто вводить въ словопроизводство

¹⁾ Не имѣя въ виду этого закона, Дубенскій въ своемъ изданіи Пѣсни о полку Игоревѣ (М. 1844, с. 37), сочинилъ для нея слово *стазбь* или *стазба*,—вмѣсто *стазба*, какъ принимали всѣ единогласно, и какъ должно принимать. Это все равно, еслибы вмѣсто изба, рѣзба, сказать *изба*, *рѣзба*. Предложенное тамъ же производство слова *стазба* изъ *стадба*, черезъ *стадза*, также невозможно, какъ невозможно у насъ словамъ *свадьба*, *ходьба*, перейти въ *свазба*, *хозба*.

такія формы, которыя не только чужды русской и западно-славянской рѣчи; но еслибы даже и явились у насъ какъ нибудь, то остались бы бесполезными: ибо по свойству русскихъ нарѣчій, ни въ одномъ изъ нихъ, слова земля, капья, не обратились бы въ земля, капля.

§ 96. Если бы въ нарѣчійхъ великорусскихъ возникло слово земля, то оно весьма бы осталось безъ передѣлки ъ на л, на томъ же основаніи, какъ и созвучныя слова семья, скамья, остаются непередѣланными въ семля, скамля. Точно такъ и другія женскія имена существительныя—ятровья, коробья, и прилагательныя—бабья, вдовья, холопья, не передѣлываются въ ятровля, коробля, бабля, вдовля, холопля. Тоже и въ именахъ средняго рода, наприм. раздумье, здоровье, безрыбье, копле.

Въ русскомъ выговорѣ вполне терпимы, даже любимы двухъерныя окончанія послѣ всѣхъ губныхъ звуковъ. Потому, наприм. въ Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку, съ первыхъ страницъ его, встрѣчаются: жребьи, Ефивопя, Сируфья, абье, братолюбье, трупье, вопъеть, высокоумье, срамословье. Протяженіе еря въ и (копие, здравіе), и опущеніе еря (кѣпе, здрѣве) принадлежатъ собственно западно-славянскому выговору. Для рускаго языка это только двѣ крайности, какъ роскошь и бѣдность, изъ которыхъ онъ при случаѣ выберетъ, разумѣется, первую. Но употребленіе звука л вмѣсто ъ послѣ губныхъ былобы такая рѣдкость, какой и не слыхано, кажется, въ сѣверной Руси. Еслибы оно принадлежало рускому языку, то помянутыя слова выговаривались бы въ немъ со звукомъ л: раздумле, здоровле, безрыбле, копле. Но такой выговоръ составляетъ особенность языка сербскаго, въ которомъ дѣйствительно говорится: копле, здравле, безумле, рыбле, кравля, и т. д. Тамъ и своенародное имя Сербы или Серби передѣлано въ Србли.

Но эта особенность сербскаго языка не имѣетъ мѣста въ языкѣ русскомъ. Она принадлежитъ къ мѣстнымъ, частнымъ явленіямъ въ кругу славянскомъ.

§ 97. Такія двухъерныя формы, какъ земля, капья, гребья, могли бы явиться въ языкѣ южнорусскомъ, еслибы

довелось ему принимать одноеръныя формы — земля, капя, гребя; ибо въ немъ губные звуки не любятъ соединяться ни съ какимъ я. Чтобы избѣжать этого одноерънаго стеченія, губные звуки, въ южнорускомъ языкѣ, отъ тонкихъ гласныхъ отдѣляются обыкновенно вставнымъ еремъ, отъ чего происходитъ стеченіе двухъеръное. Такъ, вмѣсто имя, вымя, мясо, вяну, пять, Малороссіяне говорятъ обыкновенно: имья, вымя, вяяну, пъять. Изъ этого видно, что въ южнорускомъ языкѣ для губныхъ звуковъ двухъеръное стеченіе терпимѣе и удобнѣе, чѣмъ сочетаніе одноеръное, и служитъ противъ него средствомъ. Тонкому придыханію, вѣющему на нихъ изъ гласнаго звука, они противопоставляютъ такое же тонкое придыханіе.

Однако по свойству южнорускаго выговора, слово земля моглобы перейти только въ земня; а капья, гребья, должныбы остаться безъ перемѣны. Между тѣмъ эти слова и у Южной Руси выговариваются не иначе, какъ земля, капля, гребля, одинаково съ Великороссіянами. Это значитъ, что сказанныя слова въ русской рѣчи образовались не изъ земля, капья, гребья.

§ 98. Свойство южнорускаго выговора, по которому слово земля моглобы перейти только въ земня, а не въ земля, есть слѣдующее.

Звуки *б* и *п*, воплиѣ и постоянно губные, небывающіе никогда плавными, имѣютъ полную терпимость къ двухъеръному стеченію, и свой вспомогательный *ь* оставляютъ всегда въ полугласномъ видѣ, не замѣняя его никакимъ согласнымъ звукомъ. Выговору позволительно обратить его только въ *з*; напр. вмѣсто лубье, пъять,—лубье, пъять. Но звуки *м* и *в*, не будучи постоянными губными, и нерѣдко бывающіе плавными, не всегда оставляютъ при себѣ и двухъеръное стеченіе. Въ такомъ разѣ звуки *м* и *в*, вмѣсто вспомогательнаго еря, ставятъ соответственный себѣ язычный звукъ.

Звукъ *м* между язычными соотвѣтствуетъ *н*. Они близки между собою, и по плавности, и по способности обращаться въ носовой звукъ; и въ славянскихъ языкахъ, нерѣдко *н* перемѣняется на *м*.

Потому звуку *н* всего ближе быть вспомогательнымъ для *м*, при его освобожденіи отъ стеченія двухъерънаго. И дѣйствительно, вмѣсто имья, вымя, мясо, памьять, въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи говорятъ: имня, вымя, мясо, памнять. Тоже и у Галичанъ, которые перемѣняя *н* на *с*, говорятъ: имне, вымне, мнесо, памнець.

Что касается до звука *в*, то у него много взаимности съ *л*, вмѣсто котораго онъ такъ часто употребляется въ южно-русскомъ языкѣ. Потому вспомогательному ерю послѣ *в*, всего ближе замѣняться звукомъ *л*, также какъ послѣ *м* онъ замѣняется звукомъ *н*. Это и дѣйствительно бываетъ въ поднарѣчій галицкомъ, гдѣ вмѣсто здоровье, говорятъ здоровле. Вотъ зачатокъ того прибавочнаго *л*, которое въ сербскомъ языкѣ является вмѣсто *ь* и *и*, послѣ всѣхъ губныхъ звуковъ.

Едвали не этимъ ограничивается въ русской рѣчи весь переходъ перваго *ь* въ *л*, послѣ губныхъ, изъ дѣйствительнаго двухъерънаго стеченія: послѣ *в*, и то почти какъ исключеніе, а не общее правило!—

§ 99. Вышеприведенное употребленіе звука *н* послѣ *м*, въ языкѣ южнорускомъ, составляетъ какъ бы переходъ къ бѣлорускому выговору, гдѣ звукъ *м*, при двухъерномъ стеченіи, отказывается вовсе отъ свойства губныхъ, и становится на ряду съ язычными *л* и *н*. Тамъ эти звуки при двухъерномъ стеченіи удваются: вмѣсто зелье, молонья, свинья, говорится зельле, маланья, свинья. Точно такъ и вмѣсто вымя, говорится вымямя. Потому изъ слова земля, по бѣлорускому выговору, моглобы выйти не земля или зямля (какъ говорятъ Бѣлоруссы), но землямя.

Удвоеніе звуковъ *л* и *н* при двухъерномъ стеченіи принадлежитъ и языку южнорускому, въ которомъ слова—роля ¹⁾, зелье, веселье, коханье, спочиванье, и проч., выговариваются: ролля, зёллье, весёллье, коханье, спочиванье; или-же, перемѣняя *с* на *я*, зёлля, коханья и т. д.

¹⁾ *Ролья* (пашня) слово издревле употребительное въ южнорускомъ языкѣ, какъ видно напр. изъ Києв. Лѣтописи: «не верема нынѣ погубити смерды отъ рольи». По-польски и по-чешски *роля*.

Что значить такое удвоеніе?—Язычные звуки *л* и *н* болѣе всѣхъ согласныхъ склонны къ соединенію съ *ь*-мъ; потому имъ всего болѣе свойственно расположеніе и къ непосредственному сочетанію съ тонкими гласными. Стеченіе двухъерное составляетъ тому помѣху; и кажется, по этой причинѣ оно нелюбимо звуками *л* и *н*. Для непосредственнаго сочетанія съ тонкими гласными, они должны или вовсе опустить первый *ь*; или, удержавъ его при себѣ, повторить себя лишній разъ передъ тонкимъ гласнымъ звукомъ. Въмѣсто зѣлле, коханье, можно бы сказать просто—зѣле, кохане; но такія окончанія южнорускій языкъ предоставилъ западнославянскимъ, и обходится ими только въ Червоной Руси¹⁾; а въ письменномъ западнорускомъ языкѣ они употреблялись, кажется, изъ подражанія польскому. Но при язычныхъ звукахъ *д* и *т*, допускаются оба способа: и удвоеніе согласныхъ²⁾, напр. судья, пѣдборѣдья, смѣтъя (вм. судья, подбороде, сметье); и опущеніе еря, напр. дякъ, попада, кутя, счастья (вм. дьякъ, попада, кутья, счастье). Оба способа ведутъ къ одной цѣли; но между словами они раздѣлены силою употребленія.

Въ южнорускомъ языкѣ (за исключеніемъ звука *р*, который выдерживаетъ двухъерное стеченіе, также какъ и въ великорускомъ) язычные звуки особенно любятъ одноерное сочетаніе, и потому не любятъ стеченія двухъернаго. Губные наоборотъ: не любя одноернаго сочетанія, любятъ стеченіе двухъерное. Здѣсь становится очевиднымъ, какъ невопадъ то умствованіе, (по-видимому правильное), что «если и одинъ *ь* нестерпимъ для губныхъ, то два тѣмъ болѣе».

¹⁾ Въ малороссійскомъ выговорѣ это бываетъ очень рѣдко, какъ исключеніе; напр. Уляна вм. Ульяна.

²⁾ Въ малороссійскомъ нарѣчій, къ такому удвоенію склонны и такъ-называемые зубные звуки. Слова: збѣже, пѣддаше, выговариваются *збижжя*, *пидташиш*; князя, волосья, стручья—*князья*, *волосья*, *стручья*. Это служитъ показателемъ, что такъ-называемымъ зубнымъ звукамъ, въ южнорускомъ языкѣ, свойственно расположеніе и къ ерю, и къ тонкимъ гласнымъ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ это расположеніе уже убавилось; но во всей силѣ оно осталось при окончательномъ звукѣ *ц*, по которому южнорускій языкъ такъ разошелся съ великорусскимъ.

§ 100. Изъ вышесказаннаго видно, что имена земля, капля, и имъ подобныя, ни въ великорусскомъ, ни въ южно-русскомъ, ни въ бѣлорусскомъ выговорѣ, не могли произойти изъ предполагаемыхъ двухъървныхъ формъ: земля, капья,— и что въ нихъ звукъ *л* не эвфоническій. Потому не удивительно, если даже для Павскаго было трудно отличать производственное *л* отъ эвфоническаго, при губныхъ звукахъ. (Ф. Н. П. 178).

Нельзя также допустить, чтобъ эти имена произошли изъ земля, капя, и т. д., посредствомъ простой вставки *л* послѣ губныхъ. Такія формы, какъ показано выше (§ 95), не могли образоваться непосредственно изъ коренныхъ земля, капя; потому не могли онѣ и предшествовать формамъ, кончающимся на *ля*. И такъ если звукъ *л* въ этихъ именахъ не вставной; то мы представимъ окончательному слогу *ля* (послѣ губныхъ) принадлежащее ему право, и будемъ смотрѣть на него, какъ на особое окончаніе именъ, которому звукъ *л* принадлежитъ собственно и первоначально, какъ звуки *б*, *к*, принадлежатъ своимъ производственнымъ слогамъ—*ба*, *ка*.

§ 101. Въ Филологическихъ Наблюденіяхъ Павскаго, гдѣ такъ подробно разсмотрѣны производственные слогы, сказано, что слогъ *ля* у насъ не составилъ собою особенной породы именъ; производственнымъ этотъ слогъ послѣ губныхъ признавъ только въ словѣ грабли; а въ трехъ словахъ (оглобля, цапля и сопля) оставленъ подъ сомнѣніемъ, впрочемъ съ замѣчаніемъ, что и ихъ можетъ быть должно подвести подъ категорію именъ—земля, тренля, капля, и многихъ имъ подобныхъ. Такимъ образомъ окончанію *ля* послѣ губныхъ, во всѣхъ почти разсматриваемыхъ нами именахъ, дано и значеніе и происхожденіе членное.—

а) Съ этимъ нельзя и не согласиться (исключивъ только образованіе *ля* изъ *а* черезъ *я*); ибо слогъ *ля*, наприм. въ именахъ земля, капля, цапля,—дѣйствительно имѣетъ такое же, чисто членное значеніе, какое въ женскихъ именахъ обыкновенно имѣетъ *а*.

б) Но при этомъ нельзя и того не признать, что въ отглагольныхъ именахъ—травля, ловля, торговля, купля,

трепи, гребля, и еще нѣкоторыхъ,—слогъ *ля* такойже производственный, какъ слогъ *ка*—въ именахъ качка, крошка, чистка, возка, носка, скачка, или послѣ губныхъ: зимовка, плавка, ковка, рубка, топка, ломка. Здѣсь слогъ *ля* столько же означаетъ собою «отвлеченность дѣйствія и явленія», какъ и слогъ *ка*. Сюдаже принадлежитъ и церковно-славянское слово кормля (кормь).

в) Слогъ *ля*, въ именахъ кровля, гребля (въ значеніи плотины), показываетъ уже не отвлеченность, и не дѣйствіе, а производимый предметъ. Тоже и въ именахъ: капля, кропля (въ южнорускомъ), сопля.

г) Наконецъ слогъ *ля*, признанный и у Павскаго производственнымъ, въ значеніи орудія—въ словѣ грабли. Сюда подходятъ и слова оглобля, сабля (въ южнорускомъ и другихъ—шабля), хотя ихъ происхожденіе не совсѣмъ ясно.

Вотъ четыре разности именъ со слогомъ *ля* послѣ губныхъ.—

Что одинъ и тотъже окончательный слогъ бываетъ въ именахъ разнаго значенія, это обыкновенное дѣло: тотъже слогъ *ка*, означаетъ иногда совмѣстно дѣйствіе и орудіе; или дѣйствіе и производимый предметъ (напр. краска, сѣчка, сопка, рѣзка, мочка); иногда даже лицо (торговка, сидѣлка; въ южнорускомъ—свѣтилка, перѣкупка). Важнѣе то, что слогъ чисто членнаго значенія, образуя имена изъ глаголовъ, приобретаетъ значеніе производственное.

§ 102. Къ именамъ кореннымъ слогъ *ля* (послѣ губныхъ) прилагается какъ членъ, непридающій собою никакого особеннаго, новаго понятія. Здѣсь онъ вполне однозначителенъ съ членомъ *а*, и его собою замѣняетъ. Потому въ славянскихъ языкахъ тоже слово встрѣчается и съ *а*, и съ *ля*.

Коренное имя женскаго рода земь или земь, въ этомъ безприбавочномъ видѣ, принадлежитъ языкамъ рускому, словацкому и чешскому, а также языку вендскому. Отсюда въ персидскомъ языкѣ образовалось земинъ, по-санскритски—сима. Въ славянской рѣчи форма зема обойдена, можетъ быть, для различія отъ слова зима; и вмѣсто члена *а* принять членъ *ля*. Такимъ образомъ земля принадлежитъ къ

тойже степени образованія, какъ персидское *земинъ* и санскритское *сима*: слогъ *ля=инъ=а*.

Точно такъ и слово *конопля* образовано членомъ *ля*, изъ кореннаго имени *конопь* (въ польскомъ) или *конопъ* (въ хорутанскомъ, хорватскомъ). Но въ верхнелужицкомъ нарѣчїи это слово употребительно съ членомъ *а*, т. е. *конопа*,—также, какъ слово *мрова*, образовавшееся тамъ изъ кореннаго *мровъ* или *мравъ*, вмѣсто *муравъ*; но у Хорутанъ это послѣднее имя приняло членъ *ля*: *мровля*, *мравля*.

Имя *цапля* выговорено вмѣсто *чапля* (какъ оно произносится въ южнорускомъ и бѣлорускомъ, въ польскомъ и сербскомъ). Оно образовалось, безъ сомнѣнїя, изъ кореннаго имени *чапъ*, которымъ у Чеховъ зовется близкая къ цаплѣ птица бусель. Такогоже образованія и Сербское имя: *дронля* (*дрохва*)—отъ кореннаго славянскаго имени *дроць*, по-польски *дроць*, по-чешски *дрофъ* (по-шведски *trapp*).

§ 103. Членъ женскаго рода *а* прилагается къ именамъ въ русской рѣчи также, какъ и въ языкахъ санскритскомъ, латинскомъ. Ему соотвѣтственъ въ мужескомъ родѣ членъ *ъ*, обрацаемый иногда въ *ь*. Такимъ образомъ имя *глубь*, у большей части Славянъ употребительно съ *ъ*-мъ, въ среднерускомъ и церковнославянскомъ съ *ь*-мъ—*гблубь*; въ латинскомъ съ *а*—*solumba*. Латинское имя *раво*, у большей части Славянъ произносимое *павъ*, или по-польски—*павь*, въ женскомъ родѣ—*пава*.

Точно такъ и женскому члену *ля* въ мужескомъ родѣ соотвѣтствуетъ членъ *ель*, употребительный иногда послѣ губныхъ, въ нарѣчїяхъ славянскихъ. Слово *конопля*, вмѣсто женскаго члена, въ великорускомъ нарѣчїи принимаетъ иногда мужескій: *конопель*. Забытое у насъ коренное имя *щавъ* (по-польски *щавь*, по-словацки *штавъ* и *штава*), въ русскихъ нарѣчїяхъ произносится съ членомъ *ель*—*щавель* (по-чешски *штавель*). Указательные члены *ъ* и *а*, какъ справедливо принимается въ Филологическихъ Наблюденїяхъ (II. 181), означаютъ тоже, что мѣстоименя *онъ*, *она*. Тоже значеніе имѣютъ члены *ил*, *ла*, употребительные въ языкахъ иноплеменныхъ: во всѣхъ видахъ своихъ они составляютъ измѣненіе

латинскаго мѣстоименя *ille, illa*. При сравненіи съ ними нашихъ членныхъ слоговъ *ель, ля*, самъ собою возникаетъ вопросъ: не составляютъ ли они попытку славянской рѣчи прилагать и къ своимъ именамъ членное мѣстоименье *ille, illa*?.. Рѣшить этотъ вопросъ предоставляю любителямъ сравнительнаго языковѣдѣнія.

§ 104. Какъ изъ слога *ля* послѣ гласныхъ опускается иногда звукъ *л* (постеля—постея); такъ иногда бываетъ и послѣ губныхъ, именно послѣ *м*. Слово земля у многихъ Славянъ произносится земля; слово кормля измѣняется польски въ *кормя*, по-чешски въ *крма*. Такія формы безъ *л* составляютъ собою уклоненія или недомолвки полныхъ формъ, и происходятъ изъ нихъ, а не наоборотъ. Мы видѣли уже (§ 95), что онѣ не могли образоваться непосредственно изъ коренныхъ; потому напрасно и принимать ихъ предшествующими и основными—для вторичныхъ, полныхъ формъ, образовавшихся прямо изъ коренныхъ, принятіемъ члена *ля*. Еслибы эти полныя формы производились изъ земля и т. п., черезъ вставку *л*, какъ объяснилъ Добровскій; то откуда же слогъ *ля* послѣ губныхъ въ сѣверозападномъ удѣлѣ (см. § 72), которому по утверженію Добровскаго-же несвойственно вставное *л* послѣ губныхъ?—

§ 105. Къ тому же разряду уклоненій принадлежатъ и двухъеръныя недомолвки косноязычія: земля, капья. Ихъ можно разсматривать какъ переходъ отъ полныхъ формъ съ членомъ *ля*, къ недомолвкамъ съ *я*. Въ народномъ употребленіи такихъ словъ почти нѣтъ—развѣ коробья, если оно выговорено вмѣсто коробля (по-чешски корбель, корба).

Что касается до имени ятровья (отъ ятровь), то оно сюда примыкаетъ болѣе по виѣшнему виду; а по происхожденію оно принадлежитъ къ прилагательнымъ: ятровій, ятровья. Такою переходъ прилагательныхъ въ существительныя виденъ и на другихъ именахъ, означающихъ отношенія родственныя или семейныя: въ южнорускомъ и верхнерускомъ—дядина (жена дяди), въ польскомъ—сынѡва (сноха).

§ 106. Грамматическою примѣтою разсмотрѣннаго нами слога *ля* можно положить то, что въ родительномъ падежѣ

множественнаго числа онъ измѣняется въ *ель*, а не въ *ей*. Тогда будетъ отличие и отъ созвучныхъ окончаній (постеля, постелей), и отъ своего творительнаго падежа (землей вм. землю). Впрочемъ народное употребленіе не соблюдаетъ этого строго; и еще Ломоносовъ (въ § 165-мъ своей Грамматики) замѣчалъ, что вмѣсто цапель, капель, говорятъ и цаплей, каплей.

С Т А Т Ь Я XIV.

О производствѣ мужескихъ именъ съ окончаніями *ель* и *ей* послѣ губныхъ звуковъ.

§ 104. По теоріи Павскаго, имена корабль, журавль и имъ подобныя, производятся изъ корабль, журавль, получае-
мыхъ прибавкою родоваго *ь* (=ъ) къ производственному *ь* (=и); а имена воробей, соловей, изъ воробѣй, соловѣй, въ которыхъ *ь* полагается также производственнымъ и передѣлан-
нымъ изъ *и*. Въ именахъ перваго ряда этотъ *ь* передѣлы-
вается на эвфоническій *л*; а въ именахъ втораго ряда онъ
обращается въ бѣглый *е*.

Первымъ основаніемъ такого словопроизводства служить предположеніе, что *ерь*, которымъ кончатся имена мужескія, всегда происходитъ изъ *и*. При такомъ предположеніи, этотъ *ь* хотя служить для именъ не болѣе какъ указательнымъ членомъ, однако считается производственнымъ. Черезъ это теорія получаетъ возможность прибавлять къ одному *ерь* еще другой, дабы получить то двухъерное стеченіе, въ которомъ она полагаетъ рѣшительную мѣру побуждать губные звуки къ передѣлкѣ перваго *ь* на *л* или на *е*.

Такимъ образомъ, по теоріи Павскаго, для именъ перваго ряда предполагаются сначала—к о р а б и, ж у р а в и; изъ нихъ

производятся нестерпимыя корабль, журавль; изъ этихъ получаютъ еще болѣе нестерпимыя—корабль, журавль; и отсюда уже—искомыя корабль, журавль. Однако построение это все таки не останется прочнымъ: рускій выговоръ послѣ губныхъ уничтожаетъ и ъ и принятое для него л; и замѣняя ихъ однимъ з-мъ, произноситъ корапъ, журафъ, вмѣсто корабль, журавль. (Ф. Н. 1. 126).

Очевидно, что такимъ словопроизводствомъ геній рускаго языка ставится въ разладѣ съ рускимъ выговоромъ, и сложный трудъ генія уничтожается однимъ дебелимъ придыханіемъ—еромъ.

§ 108. Предположеніе, что ъ въ концѣ мужескихъ именъ всегда стоитъ вмѣсто и, доказывается (въ Филологическихъ Наблюденіяхъ II. 31) слѣдующимъ объясненіемъ словъ огонь и гость. «Изъ санскр. агни, лат. ignis, образовалось наше слово огонь; изъ лат. hostis, старонѣм. gastī, также образовалось слово гость. Очевидно, что тутъ наша буква ъ стоитъ на мѣстѣ і. Тоже должно предполагать и въ словахъ: день, царь, князь, конь, гусь, червь, гвоздь, и проч».

При сравненіи двухъ первыхъ словъ съ латинскими, конечно очевидно, что въ нихъ нашъ ъ стоитъ на мѣстѣ is. Но невидно, почемубы наши слова огонь и гость образовались изъ приведенныхъ иноязычныхъ; и изъ которыхъ именно: изъ санскритскаго и старонѣмецкаго, или изъ латинскихъ?...

Съ такимъ же правомъ можно сказать наоборотъ, что родоначальными формами этихъ словъ были рускія, къ которымъ латинскій языкъ прибавилъ is вмѣсто ъ. А кто любитъ родоначальіе скандинавское, тотъ можетъ производить ихъ отъ скандинавскихъ словъ ogn, gast.

Для производства еря изъ и, можно еще сказать то, что слова: дѣверь, звѣрь, куколь, елень, образовались изъ литовскихъ deweris, zweris, kukalis, elnis; а лось—изъ грузинскаго losi. Тутъ вездѣ ъ стоитъ на мѣстѣ і!

Но съ такимъ же правомъ можно произвести и лосось—изъ литовскаго lasassa; день, конь, зять, лить—изъ литовскихъ же diena, kuinas, zentas, lynas. А послѣ этого можно

сказать что нашъ ъ происходитъ изъ а; и въ подтвержденіе того можно подвести, даже изъ санскритскаго: *dīnam*, *devaga*, *paṭa*—день, дѣверь, путь; изъ старонѣмецкаго *ganja* (по-санскритски *ганша*)—гусь; изъ латинскаго *columba*, *ankora*—голубь, якорь; наконецъ изъ ирландскаго *gasda*—гость. Тутъ вездѣ нашъ ъ стоитъ на мѣстѣ а!

Что касается до слова царь, то у насъ оно есть прямое сокращеніе слова *caesar* (§ 51). Въ словѣ князь, и въ созвучныхъ съ нимъ витязь, пѣнязь, окончаніе зъ есть то же, что нѣмецкое *g*. Звукъ *z* у насъ долженъ былъ, или принять *z*, и тогда вышло бы княгъ; или же вмѣсто себя поставить *z*,—что онъ и сдѣлалъ, оставшись въ собственномъ видѣ только въ женскомъ имени княгиня. Окончаніе *язь* тождественно съ нѣмецкимъ *ing*, *ung*, и по теоріи Павскаго (II. 126).

Изъ сказаннаго открывается, что тѣмъ-же путемъ сравненія, изъ тѣхъ же самыхъ иноплеменныхъ языковъ, выходитъ различное соотвѣтствіе мужскаго *еря*: въ однихъ словахъ онъ=*a*, въ другихъ=*i*, *is*, въ третьихъ=*us* (хмель=*humulus*); а въ иныхъ совсѣмъ нѣтъ соотвѣтственнаго ему окончанія, ибо нѣтъ сходныхъ съ ними словъ.

И такъ производство мужскаго *еря* изъ *и* есть филологическая натяжка. Его соотвѣтствіе съ латинскимъ и литовскимъ окончаніемъ *is* не имѣетъ отношенія къ его происхожденію въ рѣчи славянской. Оно не можетъ быть обращено въ общее правило потому также, что представляетъ собою частный случай, не исключающій другихъ.

§ 109. Если ъ именамъ мужскаго рода, по справедливому наблюденію Павскаго, служить не болѣе какъ указательнымъ членомъ; то за что же давать ему незаслуженное имъ званіе производственнаго?—Иное дѣло членъ, получившій производственное значеніе: составляя собою окончаніе производственное, онъ продолжаетъ быть и членомъ.

Не будучи производственнымъ, и не имѣя за собою никакого особеннаго иноязычнаго происхожденія, *еръ* въ концѣ именъ мужскихъ, есть самородный славянской звукъ, являющійся на мѣсто *ера*, съ тѣмъ же чисточленнымъ значеніемъ,—точно такъ же, какъ окончательный ъ, отличающій женскія

имена, не рѣдко замѣняется въ нихъ *з-мъ*; какъ и гласные звуки *о*, *е*, въ концѣ именъ средняго рода и нарѣчий нерѣдко смѣняются другъ другомъ. Можетъ быть въ первоначальной славянской рѣчи и былъ раздѣлъ *ера* и *еря* между мужескими и женскими именами; но съ убавленіемъ способности принимать *ь*—*у* разныхъ согласныхъ звуковъ, тотъ первоначальный раздѣлъ рушился, и звукъ *з*, принадлежащій собственно мужескимъ именамъ, замѣнялся въ нихъ *ь-мъ*, весьма часто безъ видимаго основанія и достаточной причины.

§ 110. Если въ мужескихъ именахъ *ерь* однозначителенъ съ *з-мъ*; то рускому языку нѣтъ никакого повода прибавлять въ одному членному *ерю* еще другой такойже *ь*, и вмѣсто одноерьнаго окончанія получать нестерпимое двухъерьное. Еслибы неудобными показались, наприм. *корабль*, *журавль*; то рускому языку недлячего измѣнять ихъ сперва въ *корабльь*, *журавльь*, и уже потомъ выговаривать *корабль*, *журавль*, уничтожая цѣлыхъ два построенія. Для чего ему здѣсь къ одному *ерю* прибавлять еще другой? Развѣ для того только, чтобъ было что передѣлать въ эффоническое *л*, подлежащее также неизбѣжному уничтоженію отъ дебелаго *ера*? (см. § 107).

Мнѣ кажется, что окончаніе *ьь* и производство изъ него *ль* есть только филологическій призракъ. Если для образованія звука *л* въ словахъ *корабль*, *журавль*, и бѣглаго *е* въ словахъ *воробей*, *соловей*, предъ-оставлять *ь*, придумывая небывалыя въ живомъ языкѣ двухъерьныя формы *корабльь*, *журавльь*, тогда для производства тѣхъ-же словъ, существующихъ въ русской рѣчи съ бѣглымъ *е*, т. е. *корабель*, *журавель*, пришлось бы предположить трехъерьныя формы: *кораблььь*, *журавлььь*...

§ 111. По моему мнѣнію, въ именахъ *корабль*, *журавль*, и имъ подобныхъ, звукъ *л* принадлежитъ особому окончанію мужескаго рода *ель*, которое соотвѣтствуетъ женскому окончанію *ля* (§ 103).

Мужеское окончаніе *ель* большею частью имѣетъ значеніе членное, какъ *з* или *ь*. Таково оно въ именахъ растений *щавель*; *конопель*, и животныхъ *галавель*,

(рыба), журавель, которыя образованы этимъ окончаніемъ изъ коренныхъ именъ: щавъ, конопъ, голавъ, журавъ.

Но окончаніе *ель* бываетъ и производственнаго свойства, наприм. въ именахъ оруднаго значенія: рубѣль, щабѣль (во множ. ч. щабли).

§ 112. Грамматическая примѣта этого окончанія состоитъ въ томъ, что въ немъ звукъ *е*—бѣглый, опускаемый въ косвенныхъ падежахъ: стебель, стебля, стебли. Этимъ оно отличается отъ другихъ созвучныхъ окончаній,—съ которыми оно смѣшано въ Филологическихъ Наблюденіяхъ (II. 176) въ качествѣ производственнаго.

Бѣглый звукъ *е* изъ окончанія *ель* можетъ быть опускаемъ и въ именительномъ падежѣ. Тогда это окончаніе теряя свой полный видъ, сокращается въ *ль*. Такимъ способомъ изъ стебель произошло стебль, и т. д.

Опущеніе звуковъ *е* и *о* есть обыкновеннѣйшій способъ сокращать полногласныя формы славянскихъ словъ. Этому сокращенію въ русскомъ языкѣ помогъ всего болѣе языкъ церковный; и я думаю, что уже по его вліянію и примѣру, нѣкоторыя изъ помянутыхъ словъ стали у насъ употребляться съ сокращеннымъ *ль*, вмѣсто полнаго: голавль, журавль, корабль, комль, вм. голавель, журавель, корабель, комель. Нѣкоторыя слова и утвердились у насъ съ однимъ сокращеннымъ окончаніемъ, отказавшись отъ полнаго: рубль, вопль, кремль.

§ 113. По вышеупомянутому косноязычному произношенію, по которому вмѣсто земля выговаривается земля, полное окончаніе *ель* обратится въ *ей*, и вмѣсто стебель, щавель, будетъ выговорено—стебей, щавей. Къ числу постоянныхъ недомолвокъ, произведенныхъ такимъ выговоромъ, я отношу имена соловей, воробей, муравей, жеребей, и считаю ихъ выговоренными вмѣсто соловель, муравель, воробель, жеребель.

Слогъ *ей* въ этихъ именахъ имѣетъ членное значеніе, почему онъ и въ Филологическихъ Наблюденіяхъ, хотя разсматривается между слогами производственными и называется производственнымъ, однако не считается въ

числѣ особенныхъ производственныхъ слоговъ, и въ таблицѣ поставленъ между ними съ вопросительнымъ знакомъ (Ф. Н. П. 39).

Изъ приведенныхъ четырехъ словъ, первое и второе понинѣ встрѣчаются со слогомъ *ель*, базъ перемѣны *л* въ *й*. У Червонорусовъ употребляется форма муравель; Поляки говорятъ не вробей, а вробель или врубель; Краинцы врабель; а Лужичи опуская *е* произносятъ робель и робль; известна и полабская форма—ворбликъ. Сѣверо-западные Славяне, по свойству рѣчи своей, не обратили бы ей въ *ль* и *ель* послѣ губныхъ. Они въ этомъ окончаніи удержали звукъ *л*, какъ собственный и первоначальный этому окончательному слогу.

По тому же косноязычному выговору, сокращенныя формы словъ—вробль, стебль, журавль, были бы произнесены вробьй, стебьй, журавьй. Но такія формы не принимались, кажется, въ народную рѣчь, и составляютъ случайную недомолвку, принадлежащую косноязычію личному. Вводить ихъ въ обыкновенное, естественное словопроизводство — недлячего.

§ 114. Въ языкѣ церковнославянскомъ окончаніе *ей* измѣнено въ *ій*, и слова вробей, соловей, муравей, жеребей передѣлялись во вработій, славій, мравій, жребій; а Сербы вмѣсто славій—говорятъ славуй.

Подобное употребленіе *ій* вмѣсто *ей* представляютъ и другія слова; напр. церковнославянское *сїи* вмѣсто *сей*, южно-русское *чїи* вмѣсто *чей*, бѣлорусское *инїи* вмѣсто *иней*.

По теоріи Павскаго принимается обратный ходъ: отъ церковнославянскихъ вработій, славій, производятся сначала вработьй, славьй, а отсюда вробей, соловей; ибо полагается общимъ правиломъ, что у насъ слогъ *ей* передѣланъ изъ *ій*,—и что мы, не терпя окончанія *ій*, передѣлываемъ его на удобнѣйшее окончаніе *ей*, перевода *і* въ *е* всегда черезъ *ь* (Ф. Н. П. 42).

По древнимъ памятникамъ новгородской письменности видно, что Новгородцамъ не нравилось окончаніе *ій*, напр. въ личныхъ именахъ. Но они не прибѣгли къ переводу звука

i въ *e* черезъ *ь*: чужое окончаніе *ий* они замѣняли прямо своимъ доморщеннымъ *ъ-мъ*, и вмѣсто Осодосій, Аркадій, писали нерѣдко Θεодось, Аркадъ. Такимъ же образомъ и для измѣненія *ий* въ *ей*, которое такъ любимо въ великорускомъ выговорѣ, ненужно предполагать посредничества окончанія *ий*: вмѣсто соловій могло быть выговорено прямо соловей, безъ перевода черезъ соловъй, также какъ вмѣсто Володиміръ говорили и писали Володимеръ, безъ предварительной переходной формы Володимвръ.

§ 115. Примѣчательно, что имена воробей и другія, принявшія у насъ слогъ *ей* вмѣсто *ель*, по разнымъ славянскимъ нарѣчіямъ утвердились съ различными окончаніями. Такъ первообразное слово воробъ, вмѣсто *ель* и *ей*, во многихъ славянскихъ языкахъ приняло окончаніе *ецъ*: юбѣлоруски варабѣцъ, по-чешски и словацки вѣрабѣцъ, а по-сербски вѣрабацъ; илиже, съ перемѣною начальнаго *ѳ* на *г*: по-южноруски горобѣцъ, по-хорутански—грабѣцъ; а Новгородцы вмѣсто воробей говорятъ воробышъ. Вмѣсто муравей Словаки говорятъ мравецъ, а Новгородцы мурашъ (см. еще § 102).

Шимкевичъ это разнообразіе окончаній объясняетъ любовью славянскихъ языковъ къ названіямъ уменьшительнымъ, и слова воробей, соловей, щавель, относить къ уменьшительнымъ (въ Корнесловѣ, II. 160). Но изъ сказаннаго выше объ окончаніяхъ *ей* и *ель* видно, что они въ этихъ словахъ чистаго членнаго значенія, а не уменьшающаго качества.

Что касается до первообразной формы четырехъ словъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, то воробъ и соловъ кажется уже вышли изъ употребленія; но муравъ существуетъ еще подъ формою мравъ—у Сербовъ, Хорватовъ, и Хорутанъ. Имя жеребъ употребляется у Малороссіянъ и у Новгородцовъ; наконецъ и у Дубровничанъ, но съ измѣненіемъ въ ждрибъ (по § 74).

§ 116. По предложеннымъ замѣчаніямъ о происхожденіи окончанія *ль* послѣ губныхъ, можно заключать, что оно бываетъ собственно въ тѣхъ существительныхъ именахъ, къ

которымъ прилагался уже слогъ *ел*. Еслибы звукъ *л* былъ здѣсь вставной, для отдѣленія губныхъ отъ еря, какъ полагалъ Добровскій; то имена голубь, червь, конечно не остались бы безъ прибавки *л*—въ языкѣ церковномъ, въ которомъ особенно требуется такая вставка *л* послѣ губныхъ передъ еремъ. Изъ того, что слова голубь, червь, существуютъ въ церковномъ языкѣ не передѣланными въ голубль, червль, можно заключать, что эти слова въ славянской рѣчи не были подѣ формою голубель, червель.

Въ очень немногихъ существительныхъ именахъ, окончательный звукъ *л* послѣ губныхъ, можетъ быть признанъ за вставной или вспомогательный. Сюда преимущественно принадлежатъ тѣ имена, которыя перешли въ существительныя изъ прилагательныхъ, или же образовались по ихъ подобію. Таковы напр. у насъ имена городовъ — Ярославль (=Ярославовъ) и проч. Это окончаніе *ль*, происходящее изъ *ь*, и соотвѣтствующее нашему *овъ*, составляетъ собственность церковнославянскую: Авраамль (=Авраамовъ) вмѣсто Авраамъ, и т. д.

Къ русскому языку такія окончанія привились отъ языка церковнаго, и въ народномъ выговорѣ они обыкновенно невыговариваются сполна. Вмѣсто Ярославль, охотнѣе говорится Ярославъ. Точно такъ и слово рубль, по-польски рубель, въ народномъ рускомъ выговорѣ обращается въ рубъ. Но въ словахъ голубь, жеравъ, корабъ, рускій народъ произноситъ свои древнія, безприбавочныя формы, которыя господствуютъ во всей славянской рѣчи.

§ 117. Выше замѣчено, что не только у Великороссіянь, но и у другихъ Славянъ, господствующимъ окончаніемъ мужескихъ именъ служить *ъ*, иногда замѣняемый *ь-мъ*; но съ тѣмъ вмѣстѣ существуетъ иногда и членъ *ель*, *ль*: жеравъ, жеравъ,—и журавель, журавль.

Тоже представляется и относительно другаго окончанія—*инъ*, *инь* или *енъ*, *ень*, которое по моему мнѣнію есть членъ, въ словахъ камень, времянь, пламень (=поломень). Эти слова въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ встрѣчаются и безъ прибавки члена *ень*, съ однимъ *ъ-мъ*: камъ— въ

нарѣчійхъ кашубскомъ и дубровницкомъ; кршемъ (=кремъ) въ нарѣчій кашубскомъ; пбломъ (=пламъ) у Новгородцевъ.

Сюда я отношу и слово ячмень, составляющее собственность славянской рѣчи. Корнемъ этого слова Павскій признаетъ *яч* (=ак), а окончаніе менъ принимаетъ за производственный слогъ, сравнивая слово ячмень съ латинскимъ слово *acuten*—остріе (Ф. Н. II. 155). Но съ какой стати Славянамъ называть свой хлѣбный злакъ чужимъ для нихъ нарицательнымъ именемъ? Еслибъ они и захотѣли назвать ячмень, по осямъ или усамъ его колоса, то назвалибы осякомъ, усаномъ, или инымъ подобнымъ именемъ, какъ названы шиповникъ, бодякъ. Притомъ же, въ предполагаемомъ корнѣ *яч*, звукъ *я* переходный или такъ-называемый носовой ¹⁾; слѣдственно слогу, *яч* трудно произойти (особенно по теоріи Павскаго) изъ латиногреческаго корня *ак*; ибо тамъ, въ началѣ и срединѣ словъ, нашему переходному *я* соотвѣтствуютъ обыкновенно *ан*, *ен*, *ин*. Корнемъ слова ячмень я признаю особое славянское имя ячѣмъ, въ род. над. ячмѣ. Это имя безъ слога *енъ* или *инъ* употребительно въ сербскомъ языкѣ, гдѣ оно выговорено *ѣчамъ*, какъ вм. *ярѣмъ*—*ѣрамъ*.

Во всѣхъ этихъ словахъ, также и въ имени ремень (по-швед. *rem*), слогъ *енъ*, по-южноруски произносимый *инъ*, есть окончаніе не производственное, а членное, тоже что окончательный *з*.

Въ церковнославянскихъ формахъ пламы, камы (по-сербски каменъ и камы), звукъ *ы* выговоренъ вмѣсто *ен*. Въ среднемъ родѣ этому члену соотвѣтствуетъ у насъ *я* переходное, —вмѣсто котораго многіе изъ Рускихъ, но еще постояннѣе югозападные Славяне, ставятъ *е*. Такимъ образомъ имена пламень, стремя, или стремя, въ среднемъ родѣ—пламя, стремя, или пламе, стреме. Въ

¹⁾ Это очевидно изъ польскаго *ячмень*, и полабскаго *ячмень* (пишутъ *jansnung*, но вѣроятно по-ошибкѣ вм. *jansmeng*). Въ Остромировомъ Евангеліи это слово написано съ *я*, а не *ѣ*; но живой выговоръ здѣсь важнѣе буквы, зависѣвшей отъ руки писца.

такомъ же отношеніи находятся племя и старинное великорусское племя (муж. рода).

Употребленіе именъ—съ прибавочными членами *емь*, *ель*, и безъ оныхъ, примѣчается и въ языкахъ другихъ рѣчей индоевропейскаго округа, напр. въ языкѣ исландскомъ: *jarl*, *hirð*, и *jarlin*, *hirðin*. Слогъ *in* тамъ прибавляется тоже какъ членъ, и подтверждаетъ собою членное значеніе нашего окончанія. Такимъ образомъ и членное окончаніе *емь*, *инь*, надо отличать отъ производственнаго *емь*, хотя этого и не сдѣлано еще въ Филологическихъ Наблюденіяхъ.

С Т А Т Ь Я XV.

О вставномъ звуѣ *л* въ глаголахъ.

§ 118. Наравнѣ съ именами, и въ окончаніяхъ глаголовъ—звуѣ *л* послѣ губныхъ, по теоріи Павскаго, считается намѣстникомъ еря. Глаголы люблю, сплю, ловлю, шумлю, принимаются выговоренными вмѣсто лю бью, спью, ловью, шумью, во избѣжаніе двухъ-ерьяго стеченія. Такому производству противорѣчатъ глаголы *бю*, *пю*, *вю*, съ древнихъ временъ употребительные у насъ вмѣсто *бію*, *пію*, *вію*. Эти примѣры свидѣтельствуютъ, что если въ русской рѣчи дѣйствительно возникаютъ окончанія глаголовъ двухъ-ерьяныя, то они и остаются въ этомъ видѣ, безъ перемѣны еря на *л*.

Для такихъ глаголовъ, въ Филологическихъ Наблюденіяхъ Павскаго (I. 99) придуманъ особый способъ избѣгать двухъ ерей—разведеніемъ ихъ по разнымъ слогамъ и полуслогамъ: бь-ю, пь-ю, вь-ю. Но такого разведенія не бываетъ въ живомъ выговорѣ; да оно несогласно и со свойствомъ языка рускаго — «любящаго сокращать и на *ь*.» (Ф. Н. П. 201).

Тогда, какъ большая часть Славянъ, напр. вмѣсто бью, вытягиваютъ бію, біе, біемъ, біемъ и т. д., рускій

языкъ добровольно обращаетъ издревле окончаніе *ію* въ *ю*. Онъ нарочно два слога сжимаетъ въ одинъ; а ему предлагаютъ разводить на полуслоги...

Притомъ же рускій выговоръ, по теоріи Павскаго— «ни въ какомъ случаѣ, ни въ срединѣ словъ, ни въ концѣ, не хочетъ терпѣть еря при губныхъ, и всегда произноситъ его твердо какъ *ъ*: *бъю, пью, въю.*» (Ф. Н. I. 125).

Если такъ, при всегдашнемъ уничтоженіи еря еромъ, никогда не останется двухъ ерей послѣ губныхъ; слѣдственно, никогда не могутъ имѣть мѣста придуманныя Павскимъ раздвоенныя формы *бъ-ю, пь-ю, въ-ю*, болѣе трудныя для рускаго выговора, нежели цѣльныя формы *бю, пю, въю*. Зачѣмъ же вводить въ теорію такой способъ, какого не можетъ быть на самомъ дѣлѣ!

§ 119. При разборѣ именъ женскихъ (§ 98) уже показано, что въ языкѣ южнорускомъ звукъ *в* можетъ переходить въ *л* только послѣ одного губнаго звука *в*; слѣдственно звукъ *л*, употребляемый южнорускимъ языкомъ въ глагольныхъ окончаніяхъ послѣ всѣхъ губныхъ безразлично, свидѣтельствуеть, что онъ происходитъ тамъ не изъ еря, и что глаголы люблю, сплю, ловлю, шумлю, не могутъ быть производимы изъ любью, спью, ловью, шумью. Эти послѣднія формы въ русской рѣчи могутъ возникать только изъ первыхъ, какъ недомолвки личнаго косноязычія, а не наоборотъ.

Въ глагольныхъ окончаніяхъ звукъ *л* послѣ губныхъ есть просто вставной, а не возникающій изъ еря. Мы не говоримъ люблю, спю, ловю, шумю, потому, что губнымъ звукамъ у насъ не привычное соединеніе съ *ю*. Мы говоримъ люблю, сплю, ловлю, шумлю, потому, что въ глаголахъ—вспомогательнымъ звукомъ для губныхъ служитъ *л*, какъ въ другихъ случаяхъ *в, ж, ш*.

Въ языкѣ южнорускомъ губные звуки не любятъ соединяться ни съ *ю*, ни съ *я*. Потому тамъ звукъ *л* употребляется для соединенія губныхъ и съ *ю*, и съ *я*. Малороссіяне говорятъ—не только люблю, сплю, ловлю, шумлю; но и въ третьемъ лицѣ множественнаго числа: люблять, сплять, ловлять—шумлять.

Нѣкоторые Червоноруссы, по примѣру сѣверозападныхъ Славянъ, основныя формы глаголовъ люблю, спю, ловю, шумю, произносятъ безъ вспомогательнаго *л*; т. е. звуки *ю* и *я* тамъ равно терпимы для губныхъ звуковъ въ окончаніяхъ глагольныхъ.—Великорусскій выговоръ господствующаго нарѣчія, послѣдовавъ церковнославянскому языку, составилъ средину между этимъ выговоромъ и господствующимъ южнорусскимъ. У него вставное *л* требуется губными передъ *ю*—треплю, треплютъ; дремлю, дремлютъ; передъ стойкимъ *я* (і-а)—поставлять, устремлять; передъ *е*—поставленъ, устремленъ. Но передъ звукомъ *я* (ѣ) переходнымъ или носовымъ, губные звуки обходятся безъ вспомогательнаго *л*—любятъ, любя, любящій. Тоже позволяется иногда звуку *л* передъ *ю*, именно въ глаголахъ *каймю*, *клеимю*, *тмю*. Но въ другихъ великорусскихъ нарѣчіяхъ, это позволяется и другимъ губнымъ звукамъ; напимѣръ въ нарѣчій среднерусскомъ, гдѣ говорятъ—сыплятъ и сыплютъ, лбвять и лбвють. Такимъ образомъ и въ великорусскомъ выговорѣ оба *я*, въ отношеніи къ губнымъ звукамъ, уравниваются иногда и въ глаголахъ.

§ 120. Итакъ звукъ *л* послѣ губныхъ въ окончаніяхъ глаголовъ, и тотъ же звукъ въ окончаніяхъ именъ существительныхъ, хотя и подобны другъ другу, но различны и по значенію, и по происхожденію. Въ глаголахъ звукъ *л* дѣйствительно есть вспомогательный, для отдѣленія губныхъ отъ тонкихъ гласныхъ,—есть звукъ прибавочный или вставной, въ томъ смыслѣ, какъ принимали его Добровскій, Востоковъ и Копитаръ. Но въ именахъ существительныхъ звукъ *л* послѣ губныхъ, по моему мнѣнію, принадлежитъ особымъ окончательнымъ слогамъ: женскому *ля*, и мужескому *ель*, сокращаемому въ *ль*,—которые обыкновенно прилагаются къ именамъ какъ члены, но бываютъ и производственными.

Сродство, по которому звукъ *л* избирается губными въ окончаніяхъ глагольныхъ, безъ сомнѣнія составляетъ причину и тому, что слоги *ель* и *ля* прильнули къ именамъ, кончающимся на губные звуки.

Замѣченный въ глаголахъ, вставной звукъ *л* былъ распространенъ филологами на всѣ имена—только по подобію этихъ двухъ явленій, которыя были за одно и тоже.

Ученіе Павскаго, что звукъ *л* послѣ губныхъ, и въ глаголахъ, есть эвфоническій, происходящій изъ сря, во избѣжаніе двухъърьяго стеченія,—я отношу также къ числу филологическихъ неудачъ. Шафариково понятіе, что этотъ звукъ *л* въ именахъ и глаголахъ полагается вмѣсто смягчающаго *й*, совпадаетъ съ ученіемъ Павскаго.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

И

ОБЪ ИМЕНИ ЧЕЛОВѢКЪ ¹⁾.

1.—«Что есть человекъ, яко помниши его»?..

На этотъ близкій для каждаго вопросъ, человекъ давно уже отвѣчалъ себѣ, и собственнымъ самопознаніемъ, и откровеніемъ Высшей Премудрости. Но что значитъ имя Человекъ? съ какимъ понятіемъ оно образовалось въ языкѣ нашихъ праотцевъ?.. На это филологія наша не дала еще отвѣта окончательнаго.—

Такъ просто казалось и кажется, что имя человекъ сложено изъ двухъ—чело и вѣкъ. Но по какому понятію они сошлись въ одно? Это такъ не ясно, что и самое производство отъ нихъ не принято и даже признано страннымъ. Надъ нимъ взяло верхъ другое: производство отъ имени слово.—

Глаголевъ (въ Основаніяхъ Словесности, 1834 I. 12) говоритъ, что имя «человѣкъ—значитъ какъ бы тоже, что словакъ или словесный». Оно и въ самомъ дѣлѣ какъ-бы тоже, по своему значенію. Но «члово вмѣсто слово не принадлежитъ никакому Славянскому нарѣчію». Это замѣтила Глаголеву Россійская Академія; однако онъ, сославшись на Сравнительный Словарь, гдѣ поставлено «по Вендски Члово вмѣсто слово», и признавъ это не ошибочнымъ, остался при своемъ.—

¹⁾ Напечатано въ «Московскомъ Сборникѣ» М. 1846 стр. 326—337, съ датою написанія: «Михайлова гора надъ Днѣпромъ, Дек. 1845 г.» А. Б.

Тоже мѣніе, и еще остроуміе, представлено было Сенковскимъ (въ Библ. для Чт. 1831 т. I.). Онъ говорилъ, что имя челоуѣкъ въ Восточныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ слишкомъ отдалилось отъ своей первоначальной формы—Слоуѣкъ; что оно—«очевидно есть ни что иное, какъ Словакъ или Шловакъ; очевидно происходитъ отъ корня слово, и значить лице говорящее словомъ, знающее слово, составляя противоположность съ рѣченіемъ Нѣмецъ, то есть, лицомъ не знающимъ слова, не умѣющимъ объясниться внятно, нѣмымъ». На такомъ основаніи Сенковскій нѣкоторое время, вмѣсто Славяне, писалъ Челоуѣки.—

Чего бы и лучше для имени челоуѣкъ, какъ происхождение отъ слова! И для имени Славянинъ хорошо бы значить тоже, что челоуѣкъ. По своему значенію они и дѣйствительно близки другъ къ другу. Но производство имени челоуѣкъ отъ корня слово выходитъ изъ предѣловъ филологической возможности.—

2.—Не только въ Рускихъ, но и въ Западно-Славянскихъ нарѣчіяхъ, имя челоуѣкъ господствуетъ издревле съ начальнымъ звукомъ Ч. Его удерживаютъ въ этомъ имени нерѣдко и тѣ нарѣчія, которыя въ другихъ словахъ такъ охотно мѣняютъ ч на ц или ть. Потому произношеніе имени Челоуѣкъ съ начальнымъ звукомъ ч, можно считать первообразнымъ въ Славянской рѣчи; или, другими словами, звукъ ч въ этомъ имени есть коренной. Наши Рязанцы, болѣе другихъ любящіе перемѣнять ч на ц (напримѣръ—цего, цудо, сценка), и вмѣсто челоуѣкъ говорятъ целавѣкъ. Это есть уже уклоненіе отъ господствующаго Рускаго выговора,—одинаковое съ тѣмъ, какое господствующая Западнославянская форма—члоуѣкъ получила въ Полабскомъ выговорѣ—цлавакъ. Отсюда представляется возможность произойти и формѣ словѣкъ или Словакъ, чрезъ отпаденіе т отъ ч (—тс), какое бываетъ нерѣдко въ Нижнелужицкомъ выговорѣ (напр. пусъ вмѣсто пудъ, путь). Но формы, происшедшія такимъ путемъ нисхождения или удаленія отъ кореннаго звука, были бы недомолвки, позднѣйшія и мѣстныя; и мѣ не извѣстно въ какихъ именно Западнославянскихъ нарѣчіяхъ

господствуютъ эти мнимо-родоначальные формы—словѣкъ, словикъ или словакъ, вмѣсто Чловѣкъ¹⁾.—

Но если бы и допустить, что форма Словѣкъ есть первоначальная; тогда формы чловѣкъ и человѣкъ не только не были бы господствующими въ Славянскомъ кругу, но составляли бы еще бѣльшую рѣдкость, чѣмъ теперь словѣкъ. Ибо по законамъ звукоизмѣненія, господствующимъ въ Славянской рѣчи, звукъ *с*, принадлежащій кореннымъ Славянорусскимъ словамъ, никогда кажется не переводится въ *Ч* (=тш), ни грамматическими, ни діалектическими ихъ перемѣнами. Тѣмъ менѣе звукъ *с* могъ быть отступникомъ отъ этого въ имени слово, составляющемъ его собственное имя въ Славянской азбукѣ.—

Коренной звукъ *с* въ Славянской рѣчи переходитъ въ четыре звука: въ *з*, *ш*, *ж*, *ц* (=тс). Въ діалектическихъ разностяхъ особенно замѣтенъ второй ходъ, т. е. перемѣна *с* на *ш*; на пр. у Черногорцевъ *шнѣгъ* вмѣсто *снѣгъ* (какъ въ Нѣмецкой рѣчи *schnee* вмѣсто *snee*); у Камчатской Руси *башня*, *уши*, вмѣсто *басня*, *усы*. По такому ходу и народное имя Словакъ легко могло обратиться въ Шловакъ, особенно у Нѣмцевъ. Но никогда оно въ Славянскихъ устахъ не могло такъ повсемѣтно передѣлаться въ Чловакъ, Чловѣкъ, Человѣкъ.—

Происхожденіе отъ корня слово принадлежитъ именамъ Словѣнинъ, Славянинъ, Словакъ; а для имени чловѣкъ было другое основаніе. Какое-же?—

3.—По двоякому выговору буквы *ь*, имя чловѣкъ у Малороссіянъ и нѣкоторыхъ Новгородцевъ произносится чловикъ, у многихъ Иллирцевъ—чловикъ, човикъ. Придержавшись этого выговора, Павскій полагаетъ, что окончательная половина въ словѣ чловѣкъ составилъ изъ двухъ производственныхъ слоговъ: *овъ*, *икъ*, какъ въ именахъ, полевикъ, боровикъ. Что касается до начальной половины, то, по мнѣнію Павскаго, она есть тоже, что Санскритское слово

¹⁾ Сколько намъ извѣстно этихъ формъ не существуетъ ни въ одномъ изъ Славянскихъ нарѣчій. *Ред. Моск. Сбор.*

кула—родъ, племя, народъ. Слѣдственно—говорить онъ—
«Человѣкъ значить—принадлежащій къ роду, народу, или
одинъ изъ народа». (II. 70).

И такъ человѣкъ значить—родовикъ... Но имя съ такимъ
значеніемъ не отличаетъ человѣка отъ другихъ земнородныхъ
существъ. Столько-же идетъ оно ко всякому звѣрю и гаду,
ко всякому злаку и поросту; ибо каждый изъ нихъ—«по
роду своему». Притомъ же сомнительно, чтобы Санскритское
слово кула было корнемъ нашего Чел въ имени человѣкъ.
Если уже надо что нибудь произвести отъ него въ нашемъ
языкѣ, то всего скорѣе можно бы поставить ему у насъ въ
соотвѣтствіе корень кол въ словѣ колѣно, которое прямо
значить тоже, что кула—родъ, племя. Я даю мѣсто этой
догадкѣ потому, что производство слово колѣно не рѣшено
еще: Павскому всего вѣроятнѣе кажется, что оно однородно
съ Нѣмецкимъ Glied; а Шимкевичъ производитъ его отъ
глагола клонить.—

Еще не вѣроятнѣе, чтобы вторая половина имени чело-
вѣкъ значила *ов* *икъ*. Окончаніе *икъ*, выговариваемое одними
екъ, другими *икъ*, никогда не бываетъ производственнымъ;
или, другими словами, буква *ь* никогда не бываетъ въ производ-
ственныхъ слогахъ *икъ*, *екъ*. Въ именахъ съ окончаніями
созвучными слову человѣкъ буква *ь* бываетъ всегда коренною;
на пр.—дѣкъ, калѣка, вѣко, вѣкъ.—

4.—Окончаніе слова человѣкъ Шимкевичъ и признаетъ
вѣкомъ, т. е. «безконечнымъ продолженіемъ времени»; а
начальная половина, по его мнѣнію, есть челъ—прошедшее
время глагола чн у или чед у, который значить здѣсь—дѣлаю.
Слѣдовательно—говорить онъ—«подъ словомъ человѣкъ можно
разумѣть существо, осужденное на вѣчное дѣланіе или без-
прерывные труды». (Корнесл. II. 133).—

Вѣчный дѣлатель . . . это очень можетъ идти къ чело-
вѣку, когда и одинъ изъ величайшихъ царей земныхъ по
выраженію нашего поэта — «на тронѣ вѣчный былъ ра-
ботникъ». —

Но въ этомъ слово-производствѣ есть неудовлетворе-
ніе относительно языка. Если основаніе служить здѣсь глаголь

чнѹ, чать, или вырощенный Шимкевичемъ корень его чеду, честь; то онѣ, слагаясь съ именемъ вѣкъ, образовалъ бы не человѣкъ, но—или вѣкочелъ, по образцу именъ старожиль, земледѣль; или же чедивѣкъ, по образцу именъ Володиміръ, Станиславъ. Въ такомъ имени какъ человѣкъ, гений Славянской рѣчи не могъ ослабить своего дѣла—отступленіемъ отъ привычныхъ ему способовъ словосоставленія.—

5.—Находя не возможнымъ произвести имя человѣкъ отъ слова, а производство отъ кула и чеду считая сомнительнымъ, взглянемъ еще на отверженное слово чело (по Южно-русскому, Верхнерусскому и Польскому выговору—чоло). По чему бы оно не могло войти въ составъ имени человѣкъ?... По всѣмъ примѣтамъ гений Славянской рѣчи былъ тонкій наблюдатель видимой природы и великій художникъ въ ея изображеніи. А человѣкъ, какъ извѣстно, отъ всѣхъ животныхъ отличается своимъ возвышеннымъ челомъ, тѣмъ больше выдавшимся впередъ, чѣмъ выше и совершеннѣе порода человѣческая. Какъ много поставляли въ этомъ Греческіе художники, видно изъ того, что они своему Зевесу и другимъ богамъ давали чело, выдавшееся впередъ гораздо больше человѣческаго. Наши праотцы также могли имѣть мысль объ этомъ наружномъ или тѣлесномъ отличіи человѣка, составляющаго собою чело ¹⁾ всего творенія Божія въ земномъ мірѣ. По-тому очень возможно, даже естественно было этому слову войти въ названіе человѣка, для означенія видимой, съ перваго взгляда замѣтной его особенности.—

При томъ же съ именемъ чело соединяется понятіе мысли, счета, познанія и чести; ибо это имя въ славянской рѣчи образовалось—какъ я полагаю—отъ многозначнаго глагола чету (чѹту или чѹ) честь,—подобно тому, какъ имена свѣтило, крыло, било, рало, сѣдло, пѣкло

¹⁾ Челомъ, какъ извѣстно, называлась издревле передовая часть войска (какъ и у Римлянъ *frons*). У Рускихъ земледѣльцевъ именемъ чело называется первое, лучшее зерно, отдѣляющееся при вѣяніи какого нибудь хлѣба. У Краинцевъ челомъ называется и лобъ и мозгъ.—

(адъ), произошли отъ своихъ глаголовъ. По такому образованію отъ глагола чету, честь, который между прочимъ значить и думать (какъ видно изъ Рязанскаго рѣченія—мѣнь—челъ¹⁾, тѣ—челъ, бнѣ—челъ), имя чело значить орудіе и мѣсто мысли, познанія, почитанія или чести, вообще—разума и мудрости. Этимъ чело существенно рознится въ Славянской рѣчи отъ имени лобъ, которое означало собственно только костяной составъ головы,—головной черепъ (cranium). Такъ было оно сперва въ Руской рѣчи; такъ осталось и во многихъ нарѣчіяхъ Западнославянскихъ. Смѣшеніе этихъ двухъ словъ конечно произошло въ позднѣйшіе вѣка.—

Если же именемъ чело такъ прилично могла быть означена наружная, тѣлесная сторона человѣка; то внутренняя сторона его можетъ быть отличена именемъ вѣкъ, въ значеніи вѣчности,—въ томъ же смыслѣ, какъ и Карамзинъ сказалъ, что «на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго кромѣ души человѣческой». Въ такомъ разѣ составное имя чело-вѣкъ, двумя главными чертами, означало бы двѣ стороны человѣческаго бытія—тѣло и душу. Но составленіе слова чело-вѣкъ съ такимъ раздѣльнымъ, искусственнымъ понятіемъ едва-ли можно приписать нашимъ праотцамъ. При томъ же имя, составленное изъ двухъ существительныхъ безъ взаимной связи, невыразительно и не въ духѣ Славянской рѣчи. Сносоставленіе двухъ именъ въ одно бываетъ тогда, когда одно изъ нихъ, особенно послѣднее, само собою уже именуется предметъ; на примѣръ жарь-птица, пила-рыба, сонъ-трава.—

Обыкновеннѣе всего сложныя имена лицъ составляются изъ имени, мѣстоименія, даже нарѣчія, съ прилагательнымъ, либо отглагольнымъ именемъ усѣченной формы; на примѣръ—Людмила, звѣздочѣтъ, пчеловодъ, верхоглядъ, доброхоть, самолѣтъ, скороходъ. И я думаю, что слово чело-вѣкъ принадлежитъ къ сложнымъ именамъ этого образованія, господствующимъ

1) Рѣченіе *мѣнь—челъ* примѣчательно тѣмъ, что оно и въ Руской рѣчи представляетъ прямой или основной падежъ мѣстоименія *мень*, употребительнаго у насъ только въ падежахъ косвенныхъ; а въ именительномъ уступившаго свое мѣсто мѣстоименію *яъ*, (въ Церковносл., Болгар., Осетин. азъ) укороченному въ *я*.

шаго въ рѣчи Славянской.—Если первая половина его есть существительное имя чело, то вторая половина вѣкъ весьма могла соединиться съ нимъ, какъ отглагольное усѣченное имя, вмѣсто вѣкъй, въ значеніи вѣщій или вѣщъ:—какъ рокъ, въ имени пророкъ, значитъ рекъй, рекущій; какъ сѣкъ, въ имени дровосѣкъ, значитъ сѣкъй, сѣкущій, и пр.

Въ такомъ разѣ человекъ значитъ челомъ-вѣщій— тотъ, который и вѣщаетъ, и вѣдаетъ отъ чела своего, т. е. отъ разума или мудрости, которыхъ орудіемъ и мѣстомъ почиталось чело. Не этимъ-ли и отличается собственно-человѣческое вѣщаніе и вѣдѣніе отъ голоса и вѣщеванія животныхъ и природы вообще,—хоть и они не чужды человеку, какъ малому міру, соединяющему въ себѣ всѣ степени бытія и жизни.—Имя вѣщій заключаетъ въ себѣ двойное понятіе: знанія и рѣчи; вѣдѣй и вѣтій. Потому-то названіе вѣщаго у нашей древности значило также много, какъ теперь имя великій. Оно давалось не многимъ, отборнѣйшимъ мужамъ: вѣщій Олегъ, вѣщій Боянъ; «аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ», сказано Бояномъ о Всеславѣ Полоцкомъ.

Кто соображалъ многообразныя формы глаголовъ въ Рускихъ и Западнотлавянскихъ нарѣчійхъ, по нынѣшнему и по старинному ихъ употребленію, тотъ конечно не станетъ отрицать приведенной мною формы вѣкъй; ибо она могла быть точно также, какъ были искъй (отъ глагола искать), рѣкъй, и прочая. По чрезвычайной измѣняемости глаголовъ, трудно даже рѣшить, какая была основная форма глагола вѣщать (по Чешски вецети), въ корень которому у насъ Шимкевичъ ставитъ—вѣтитъ, а Рейфъ—вѣтовать. Мнѣ кажется, что онъ принадлежалъ въ одной семьѣ съ глаголами реку, теку, и что его настоящее время было вѣку, а неопредѣленное наклоненіе—вѣчй или вѣчь, Санскр. ва чъ; по Церковнославянски—вѣщи (сходно съ рещи, тещи), по спряженію Южнорускому—вѣчѹ, речѹ, течѹ,—вѣктй, ректй, тектй; по сербскому—вѣчемъ, рѣчемъ, течемъ,—вѣти, рети, тети, и т. д. Съ этимъ предположеніемъ удобно соглашались всѣ производныя слова этого корня: вѣтъ, вѣтій (витія),

вѣче, вѣщъ или вѣщій, ¹⁾ вѣщунъ, вѣщецъ, и вѣкий, усѣченно—вѣкъ.—

7. Итакъ по всѣмъ соображеніямъ имя человѣкъ, существуетъ у насъ въ своемъ первоначальномъ, полномъ видѣ, въ которомъ уцѣлѣли всѣ звуки, въ которомъ звуки *ч* и *ъ* суть коренные. Оно есть имя составное; и всего вѣроятнѣе, что первая половина его—чело, есть существительное имя, происшедшее отъ глагола *честу*, *честь*,—какъ орудіе и мѣсто человѣческаго разума или мудрости; какъ часть головы, образованіемъ которой человѣкъ видимо превосходитъ всѣхъ животныхъ. Вторая половина вѣкъ, по моему мнѣнію, есть отглагольное усѣченное имя, однозначительное съ словомъ вѣщій, т. е. вѣщающій и вмѣстѣ вѣдущій. Сложеніе ихъ въ одно имя произошло по господствующему способу Славянскаго словосоставленія, и выдерживаетъ, кажется, всѣ филологическія условія.

Звуки слова прямые проводники къ смыслу, который ими высказался; и такъ какъ имя человѣкъ составилось въ самой рѣчи Славянской, то въ немъ заключается и собственное Славянское понятіе о человѣкѣ, какъ существѣ разумно-вѣщемъ.

¹⁾ Шимкевичъ справедливо замѣтилъ, что имя вѣщунъ и нѣкоторые другія столько же относятся къ корню вѣдать, сколько и къ корню вѣтять. Онъ думалъ даже, что для объясненія этого можно или предположить общій корень *вѣтъ*, или допустить перемѣну *д* на *т* въ глаголахъ вѣтять отъ вѣдать (Корнесл. 1. 38). Но предположивъ общимъ корнемъ—вѣтъ, придется допустить обратную перемѣну, т. е. *т* на *д*, что очень возможно, какъ показываютъ слова—сватъ и свадьба (вм. свадьба). Возможнымъ кажется мнѣ и то что корнемъ обонхъ глаголовъ служило имя *вѣкъ*: отъ него и вѣщаю, вѣщать, и вѣдаю, вѣдать (по Церковнославянски вѣмъ или вѣдѣ, вѣдѣти). Какая бы ни была основная форма глагола вѣтять, вѣщать,—во всякомъ случаѣ онъ могъ произойти отъ имени вѣкъ; а отъ него уже глаголы вѣдати или вѣдѣти (по Санскр. *видъ*). Таже перемѣна *т* на *д* видна на этомъ глаголахъ и въ рѣчи Нѣмецкой: въ Готск. *vitan*, въ Исл. *vita*, а въ Швед. *veta*, а въ Датск. *vide*. Это производство обонхъ глаголовъ отъ имени *вѣкъ* ведетъ еще къ мысли, что въ первобытной Славянщинѣ, въ одномъ этомъ имени могли соединяться понятія: о вѣчности и ея дѣленіи на разные сроки времени, о вѣщаніи или голосѣ, и о вѣданіи, т. е. знаніи и смотрѣніи. Но все это не болѣе какъ гаданіе, которое можетъ быть и не въ попадѣ.

Вѣрно ли мое истолкованіе, рѣшить это уже не мое дѣло. Съ своей стороны я прибавлю еще слѣдующее. Человѣкъ первоначальный и главный (по отношенію къ женѣ) у нашихъ праотцевъ былъ отличенъ именемъ мужъ; да и въ мужескомъ полѣ этимъ именемъ отличали потомъ человѣковъ избраннѣйшихъ по своему дарованію, званію, возрасту. Это конечно потому, что именемъ мужъ выражено высокое понятіе, или лучше сказать общечеловѣческое преданіе о сотвореніи перваго человѣка самимъ Богомъ. Ибо мужъ (по Польски маджъ и монжъ) есть сокращеніе полного имени ма нуджа, которое въ языкѣ Индовъ составлено изъ ману—творецъ міра, и джа—рожденный (Корнесл. 1. 50). Имя жона или жена, по Санскритски джани, значить рождающая, отъ жанъ—рождать. Такъ различены въ Индской рѣчи, а отъ нея и въ Славянской, два человѣческіе пола. Но у Славянъ они подведены еще подъ общее, родовое имя—человѣкъ, равно идущее обоимъ поламъ; имя, которымъ обозначаются Славяне и Нѣмцы и Чудь, и всѣ люди. Въ Нѣмецкой рѣчи такое родовое значеніе дано слову мужъ (mensch). Впрочемъ у Южно-Русскаго народа имя человѣкъ, присвоается преимущественно супругу и вообще взрослому мужицѣ, въ отличіе отъ жѣнки. Тоже у Чеховъ и Сербовъ: имя чловѣкъ, човѣкъ, употребляется вмѣсто мужъ, въ значеніи супруга. Такимъ усвоеніемъ его преимущественно мужу и мужицѣ конечно выражается предпочтеніе ихъ передъ женою и женщиною, которое было искони, да и теперь еще ведется, особенно у Славянъ Черногорскихъ.

II.

ЗАМѢЧАНІЯ О СИСТЕМѢ СЛАВЯНСКИХЪ НАРѢЧІЙ.

О важнѣйшихъ особенностяхъ Лужицкихъ нарѣчій. Разсужденіе Ев. Новикова М. 1849 г. Въ 8-ку стр. 136 ¹⁾.

Г. Новиковъ является авторомъ на поприщѣ такой науки, которая у насъ вообще находитъ себѣ мало сочувствія, а у нѣкоторыхъ считается даже наукою, нестоющею воздѣлки, какъ песчаная и неплодная нива. Въ такой репутаціи виновата отчасти сама филологія наша, которая не много еще выработала живой, плодоносной истины; а между тѣмъ накопила уже множество сомнѣній и противорѣчій, нагромодила множество всякаго хлама, не зная и сама, что и когда выйдеть изъ этого запаса? Посмотрите, напримѣръ, на Пѣснь о Полку Игоревѣ, въ изданіи Дубенскаго: она по горло въ примѣчаніяхъ; на двѣ строки текста иногда приходится по двѣ страницы примѣчаній. Но изъ нихъ и пятой доли не наберется такихъ, чтобы шли прямо къ дѣлу, къ объясненію древне-Русской Пѣсни; а всѣ прочія явились такъ, можно сказать, по пословицѣ: «что есть въ печи, на столъ мечи»!

Но, съ другой стороны: нельзя же построить зданія, не собравъ и не выготовивъ матеріаловъ. Руская рѣчь широка какъ море, и наука объ ней не малая. Для обработки ея надобно не только подробное изслѣдованіе всѣхъ Русскихъ

¹⁾ Напечатано въ «Москвитиниѣ» 1850, № 1, от. IV, с. 19—28.

нарѣчій, но и подробное ихъ сравненіе съ нарѣчіями Западно-Славянскими; слѣдственно необходима для того и филологія Славянская.

Г. Новиковъ избралъ предметомъ своего Разсужденія—языкъ самага малочисленнаго народа въ Сѣверозападномъ отдѣлѣ великаго Славянскаго племени, языкъ Лужичей. Этотъ языкъ онъ изслѣдовалъ весьма подробно и полно, сперва въ составныхъ звукахъ, потомъ въ грамматическихъ формахъ, потомъ въ корняхъ словъ. Нѣкоторыя части его изслѣдованія отличаются особенною полнотою и тщательностью обработки: такова, на примѣръ, статья о двойственномъ числѣ, въ которой авторъ показываетъ ясно, что это число въ Нижнелужицкомъ нарѣчій «сохранилось въ такой самостоятельности и первобытности состава, которыя указываютъ на происхожденіе гораздо древнѣйшее начала Церковно-Славянской письменности». Изъ выводовъ его по другимъ частямъ изслѣдованія, особенно любопытенъ для нашей филологіи тотъ, что оба Лужицкія нарѣчія, принадлежа къ Сѣверозападному отдѣлу Славянской рѣчи, и будучи близки тамъ особенно съ языками Польскимъ и Чешскимъ, представляютъ переходъ отъ нихъ къ нарѣчіямъ Русскимъ именно: Верхнелужицкое нарѣчіе приближается къ Великорусскому, а Нижнелужицкое къ Бѣлорусскому.

Но отдавая справедливость полнотѣ и подробности изслѣдованія и неутомимости автора, не могу не упомянуть объ одномъ ощутительномъ для насъ пропускѣ. Представляя исторически разныя Западно-Славянскія мнѣнія о Лужицкихъ нарѣчіяхъ, г. Новиковъ упоминаетъ даже о такомъ мнѣніи какого-то западнаго ученаго, которое «письменно нигдѣ не высказано». (с. 13) А между тѣмъ, ничего не говоритъ онъ о давно обнародованномъ мнѣніи нашего Славяновѣдца Срезневскаго, который въ своемъ прекрасномъ разборѣ Шафариковой Народописи, кромѣ двухъ общепринятыхъ нарѣчій Лужицкихъ, отличилъ еще третье Средне-Лужицкое, представивъ тамъ и признаки, которыми это нарѣчіе рознится отъ Верхняго и Нижняго. Положимъ, что это Среднелужицкое нарѣчіе удобно размѣщается въ двухъ пре-

жнихъ, что г. Новиковъ не признаеть его особенности; но, писавши отдѣльное изслѣдованіе о Лужицкихъ нарѣчіяхъ, онъ долженъ былъ не только упомянуть, но и разобрать это мнѣніе Русскаго филолога.

Что касается до теоретическихъ понятій г. Новикова, то въ этомъ отношеніи замѣтна еще сбивчивость и колеблемость; нѣтъ еще единства и опредѣленности взгляда.

Авторъ объявляетъ себя защитникомъ устарѣвшей системы Добровскаго; возстаетъ вообще на ея противниковъ, пытавшихся построить новую систему Славянскихъ нарѣчій; особенно же онъ возстаетъ на меня, который (по его словамъ) «положилъ довершеніе прежнимъ попыткамъ». (стр. 12).

Благодарю за такое вниманіе, и въ отвѣтъ на него предложу нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній.

Авторъ Разсужденія говоритъ: «въ теперешнемъ состояніи Славянскаго языковѣдѣнія наука дошла до совершеннаго отрицанія системы Добровскаго, какъ системы искусственной... Но это голословное признаніе малó принесло пользы... Наука по неволѣ должна руководствоваться прежнимъ, хотя и устарѣлымъ дѣленіемъ». (стр. 11 и 12).

Тотъ или другой филологъ, ученики его, могутъ руководствоваться себѣ какою имъ угодно системою. Но какъ можетъ наука руководствоваться системою Добровскаго, въ то время, когда она дошла уже до совершеннаго отрицанія этой устарѣлой системы! Науку, идущую впередъ, нельзя ни какъ поставить въ такую нелогическую неволю. Называть голословнымъ то отрицаніе системы Добровскаго, какое состоялось уже въ нашей наукѣ, и несправедливо, и даже неблагодарно. Нѣтъ, не голословны были и тѣ первыя возраженія, какія предложилъ Востоковъ еще въ 1820 году. А въ моихъ «Начаткахъ Руской Филологіи» изданныхъ 1848 года, посвященъ цѣлый (второй) отдѣлъ подробному разбору тѣхъ примѣтъ, которыми Добровскій и Шафарикъ соединяють Русскую рѣчь въ одинъ разрядъ съ языками Славянъ Задунайскихъ. Подобнымъ разсмотрѣніемъ Русскаго языка по примѣтамъ Добровскаго, еще въ 1837 году я показалъ, что

Русская рѣчь не можетъ быть соединяема въ одинъ разрядъ ни съ Югозападною или Задунайскою рѣчью, ни съ Сѣверо-западною (какъ соединялъ ее Копитаръ). Это повторяетъ теперь и г. Новиковъ (с. 13). Онъ говоритъ, что «изъ вѣхъ попытокъ противниковъ системы Добровскаго, для науки выработалось весьма важное приобрѣтеніе, состоящее въ томъ, что Русскій языкъ не можетъ быть отнесенъ безусловно ни къ тому, ни къ другому отдѣлу». Выработалось для науки «весьма важное приобрѣтеніе»: зачѣмъ же г. Новиковъ говоритъ, что отрицаніе системы Добровскаго «мало принесло пользы» наукѣ? Зачѣмъ же онъ держится системы Добровскаго, признавая, что Русскій языкъ не подходитъ ни подъ одинъ разрядъ этой системы? Вѣдь съ отдѣленіемъ Русской рѣчи въ особый отдѣлъ, рушится система Добровскаго, такъ же, какъ и система Копитарова. Это необходимое отдѣленіе Русской рѣчи отъ двухъ Западныхъ въ особый отдѣлъ, сдѣлано мною въ 1836 году, и признано не мною однимъ. То же признано и другими Русскими учеными: Надеждинымъ, Срезневскимъ, Шевыревымъ, Буслаевымъ, Григоровичемъ.

Но г. Новиковъ, желая сказать что-нибудь въ пользу защищаемой имъ системы, говоритъ (с. 12): «примѣты Добровскаго выдерживаютъ строгую критику». Напрасныя слова. Самъ авторъ, избравъ изъ тѣхъ 10-ти примѣтъ двѣ главныя, и разсмотрѣвъ по нимъ Лужицкія нарѣчія, сдѣлалъ такое положеніе: «два признака системы Добровскаго, принятые Шафарикомъ въ Народописъ, какъ отличительные признаки Западной вѣтви, не выдерживаются строго въ Лужицкихъ нарѣчіяхъ». Этимъ положеніемъ г. Новиковъ подкрѣпляетъ въ частности то, что у меня показано относительно всѣхъ вообще Славянскихъ нарѣчій, о признакахъ системы Добровскаго, т. е. что они не выдерживаютъ строгой критики.

Разбирая подробно одну изъ двухъ главныхъ примѣтъ Добровскаго: звукъ *л* послѣ губныхъ звуковъ, я опровергаю господствующее въ нашей наукѣ мнѣніе, будто этотъ звукъ *л* и въ окончаніи именъ есть такой же вставной или

эвфоническій, какъ въ глаголахъ. Я предлагаю свое мнѣніе, что въ окончаніи именъ этотъ звукъ есть не вставной, а коренной, принадлежащій окончательнымъ слогамъ *сл* и *ля*, которые прилагаются въ Славянской рѣчи, въ значеніи членовъ, напримѣръ: щав-ель, коноп-ля. Разумѣется, г. Новиковъ не согласенъ признать этого. Однако и у него принято такое же изъясненіе Лужицкаго слова робель и робль, по-Польски врубель (воробей), какое предложено у меня (въ § 113-мъ), т. е. что звукъ *л* здѣсь не вставной, а коренной (см. стр. 15). Но допустивъ это въ словѣ робель, сокращено робль, г. Новиковъ долженъ допустить то же и въ словахъ щавель, корабель, журавель, голавель, сокращаемыхъ въ щавль, корабль, журавль, голавль; ибо эти слова одного и того же образованія, и всѣ они на одинаковомъ условіи подойдутъ подъ 3-ю примѣту Добровскаго.

При разборѣ женскихъ именъ съ окончаніемъ *ля*, я указалъ не замѣченный донинѣ законъ въ Славянскомъ словообразованіи, что имена, кончащіяся на губной звукъ съ еремъ, принимая членъ *а*, отбрасываютъ *ь*, и такимъ образомъ кончатся не на *я*, но на *а*; напримѣръ: темъ тьма; молвь, молва; кобль, коба (старо-Чешское слово); цепь, цепа (по-Малорос.). Что же касается до тѣхъ именъ, которыя изрѣдка встрѣчаются съ окончаніемъ *я* послѣ губныхъ звуковъ, то они (по моему наблюденію) произошли изъ именъ, кончавшихся на *ля*, утратою звука *л*; напримѣръ, земля вм. земля.

Разумѣется, что г. Новиковъ не признаетъ ни того, ни другаго; и оба мои мнѣнія думаетъ онъ опровергнуть однимъ примѣромъ (стр. 13): «Лужицкія пѣсни, говоритъ онъ, показываютъ, что изъ конопъ въ самомъ дѣлѣ образуется первоначальная, правильная форма конопя (а не коноиа), которую стало быть вовсе не нужно считать за производную изъ нашей формы конопля».

Нѣтъ, это филологическій призракъ. Лужицкія пѣсни совсѣмъ не показываютъ того, что видитъ г. Новиковъ. Онъ приводитъ изъ пѣсенъ косвенные падежи: въ коно-

пяхъ, конопи; но эти падежи могли произойти прямо отъ Лужицкой формы конопъ или конопь. Что же касается до формы конопя, то, признаюсь, что она до сихъ поръ мнѣ не встрѣчалась и не была извѣстна. Но еслибъ и дѣйствительно нашлась она въ какомъ-либо поднарѣчьи Лужицкомъ, или въ Лужицкихъ народныхъ пѣсняхъ, то она и тамъ не иначе могла произойти, какъ изъ формы коноп-ля, утратою звука *л*. Для г. Новикова не должно казаться несбыточнымъ такое производство; ибо самъ онъ говоритъ, что «въ Лужицкомъ нарѣчьи благозвучная *л* мало по малу изгладилась;» самъ онъ указываетъ въ Нижне-лужицкомъ нарѣчьи на слово гробля и на другія, какъ на «остатки стариннаго, можетъ быть, общаго употребленія вставочной *л* въ Нижнелужицкомъ нарѣчьи». (с. 15) И такъ самъ авторъ говоритъ, что тамъ были и еще есть имена кончающіяся на *ля*, и признаетъ ихъ первообразными, старшими; а когда въ такихъ именахъ изгладится *л*, такъ и останется въ нихъ окончаніе *я*. Для соображенія г. Новикову упомяну, что по-Великорусски говорится обыкновенно конопля, въ конопяхъ; но Орловцы и Рязанцы говорятъ обыкновенно конопі, въ конопяхъ; а между тѣмъ слово конопляникъ они произносятъ всегда съ звукомъ *л*.

Г. Новиковъ недоволенъ и моимъ ученіемъ о полногласіи, которымъ я старался опровергнуть господствующее у насъ мнѣніе Добровскаго, будто Русскія полногласныя формы словъ произошли изъ сокращенныхъ формъ Западнославянскихъ, и будто эта разбавка словъ гласными звуками произошла въ Русской рѣчи отъ вліянія Финскаго (а по другимъ отъ сѣвернаго климата). Я предложилъ другое мнѣніе о полногласіи: на него должно смотрѣть какъ на древнѣйшее, первобытное свойство Русской рѣчи, утраченное во многомъ Западнославянскими языками. Это ученіе о полногласіи я положилъ въ основу моей филологической системы, какъ потому, что полногласіе есть общее свойство всей Русской рѣчи, такъ и потому, что на одномъ изъ видовъ его, именно на обстановкѣ звуковъ *р* и *л*, двумя гласными *о* или *е*, основывается существенное отличіе Русской рѣчи отъ всей

Западнославянской. На полногласіи преимущественно (но не исключительно) основано и мое мнѣніе о старѣйшинствѣ Русской рѣчи въ кругу Славянскомъ. Посвятить этому предмету цѣлый (первый) отдѣлъ моей книги, я изслѣдовалъ его, казалось мнѣ, съ достаточною подробностью и опредѣлительностью.

Но г. Новикову показалось, что настоящее значеніе полногласія все еще не установилось, и что я слишкомъ распространилъ смыслъ полногласія. Онъ попытался сократить этотъ смыслъ, ограничить значеніе.

Свое ограниченіе началъ онъ съ того, что представилъ мое мнѣніе о древности полногласія не въ подлинномъ, а въ измѣненномъ видѣ. Онъ говоритъ (стр. 41), будто мое мнѣніе состоитъ въ томъ, что «полногласіе составляло существенный признакъ древней Славянщины, утраченный въ Церковно-Славянскомъ, и сохранившійся въ одномъ только Русскомъ».

Это не мое мнѣніе! Я смотрю на полногласіе вообще «какъ на остатокъ первобытной Славянщины, сбереженный на нашемъ Русскомъ востокѣ болѣе, чѣмъ сохранился онъ у нашей западной братіи» (§ 59).

«Слѣдуя общей наклонности къ сокращенію древнихъ формъ, Славянская рѣчь утратила свое полногласіе наиболѣе въ западной половинѣ, особенно въ удѣлѣ юго-западномъ». (§ 52). «Древнее Славянское полногласіе въ сѣверо-западномъ удѣлѣ сохранилось болѣе, нежели въ юго-западномъ» (§ 54). «Полногласіе, сохраненное Русскою рѣчью болѣе, чѣмъ Западнославянскою» (§ 55) и т. д. Вотъ подлинныя выраженія моего ученія о древности полногласія вообще.

Г. Новиковъ, ограничивая значеніе полногласія, называетъ его «благозвучнымъ равновѣсіемъ согласныхъ и гласныхъ» (с. 25, 41). Тутъ, кажется, есть очевидное сходство съ тѣмъ понятіемъ, какое дано отъ меня въ началѣ изслѣдованія моего. Тамъ сказано: «полногласіе составляетъ собою не господство гласныхъ надъ согласными, но ихъ

равновѣсіе, которое поддерживается звуками полугласными» (Начатки Р. Ф. § 34).

Г. Новиковъ, и въ частномъ изъясненіи словъ, говоритъ иногда согласно съ моимъ взглядомъ на полногласныя формы, какъ на древнѣйшія и первобытныя. Такъ напримѣръ у меня показано, что Западнославянскія формы *któru*, *ktegu*, суть сокращенія Русской формы которой (Нач. Р. Ф. § 36, 41). Г. Новиковъ тоже говоритъ, что Лужицкая форма котры (сходная съ Малоросс. котрыѣ) есть «прямое сокращеніе» Велико-Русской первобытной формы которой (с. 25). Такимъ же образомъ полную форму великій при сравненіи съ западными *wielki*, *wulki*, онъ принимаетъ за первобытную. Подобно тому и въ предлогѣ *оо*, звукъ *о* называетъ онъ кореннымъ, а не вставнымъ и не прибавочнымъ: это понятіе изъ моего ученія. Но когда онъ говоритъ, что полугласные звуки *з* и *ь* Церковно-Славянскаго языка первообразіе полныхъ гласныхъ звуковъ Русской рѣчи, въ соответственныхъ словахъ (с. 42), то здѣсь видно старое понятіе, противоположное моему. Такимъ образомъ, и въ ограниченномъ смыслѣ о полногласіи, у Г. Новикова смѣшались два противоположные взгляда; оттого онъ то называетъ полногласіе «главнымъ свойствомъ Русскаго языка» (стр. 24), то говоритъ, что «полногласіемъ обладаетъ по преимуществу Церковно-Славянскій языкъ». (с. 41) Последнее невозможно: ибо нельзя полугласнымъ звукамъ (которыми такъ преизобилуетъ Церковно-Славянскій языкъ) стать гласнѣе полныхъ гласныхъ!

Подобно тому г. Новиковъ (на стр. 24), Русскую обстановку звуковъ *р* и *л* двумя гласными называетъ «особымъ родомъ полногласія» (что и справедливо); но потомъ онъ отдѣляетъ ее отъ полногласія, и увѣряетъ, что эти удвоенные гласные звуки *о-о*, *е-е*, въ Русскихъ формахъ словъ «отноудь не коренныя, а вставочныя, подобно тѣмъ, какія замѣняютъ полугласныя Церковно-Славянскія»; что «Русскій языкъ свои повторенныя *о*, *е*, произноситъ коротко и бѣгло», и т. д.

Такое различіе произвольно: въ обоихъ случаяхъ гласныя звуки Русскаго языка надо признавать одинаково: или коренными, или, при другомъ взглядѣ, вставными.

Русская обстановка звуковъ *р* и *л*, въ срединѣ словъ, двумя гласными безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ полногласію: для убѣжденія въ этомъ достаточно сравнить Русскія формы *дерево*, *ворохъ*, и Западнославянскія *дрво* и *дрво*, *брогъ*, и *бргъ*. Что Русскій языкъ не торопится выговаривать свои повторенныя *о* и *е* коротко и бѣгло, для убѣжденія въ томъ, достаточно вслушаться въ произношеніе нашимъ простолюдемъ, напримѣръ, слѣдующихъ словъ: *бѣрегъ*, *берѣза*; *болѣто*, *бѣлого*, *горѣхъ*, *гѣродъ*. А что гласные звуки здѣсь не бѣглые, не вставные, видно уже изъ того, что Русскій языкъ удерживаетъ ихъ постоянно и въ косвенныхъ падежахъ. А первобытность этихъ звуковъ въ корняхъ словъ доказывается уже и тѣмъ, что Санскритскій языкъ, въ соответственныхъ словахъ этого разряда, представляетъ большею частью также по *два* гласныхъ звука, напримѣръ *парага-порохъ*; *варяга-боровъ*; *саранга-сорока*; *балала-болото*. Не сказать же, что и въ Санскритскомъ словѣ *парага* два середочныхъ *а* произошли отъ раздробленія одного Церковнославянскаго *а*, изъ формы *прахъ*! Вѣрнѣе будетъ принять, что Западнославянскія формы *прохъ*, *прахъ* произошли изъ Русской *порохъ*, *порахъ*, также, какъ и Западнославянскія *кторы*, *котры*, *тетревъ*, сократились изъ Русской формы *который* (=Санскр. *катара*), *тетеревъ* (=Санскр. *титтира*; Литовс. *теттерисъ*). А объ томъ, что полногласіе при звукахъ *р* и *л* означилось отличительнымъ образомъ для Русской рѣчи я подробно говорилъ уже въ моей книгѣ. Тамъ достаточно показано и то, какъ по вліянію Церковнославянскаго языка на Русскую рѣчь водворялись въ ней сокращенныя формы Западнаыя, нерѣдко вытѣсняя собою первобытныя полныя формы Русскія; и какъ отъ этого произошла двойкость однихъ и тѣхъ же словъ въ Русской рѣчи. Но г. Новиковъ говоритъ, что «если обѣ формы, и краткая и долгая, независимо одна отъ другой, уживаются дружно въ языкѣ Русскомъ, то нѣтъ нужды разбирать между ними старѣйшинство» (с. 42).

Конечно, можно и безъ этого обойтись; но не будетъ ли попятнымъ шагомъ для нашей науки, если она станетъ отклоняться отъ наблюденія историческаго развитія въ Русской рѣчи! Не будетъ ли односторонностью, что мы такъ заботливо различаемъ старшія, первобытныя формы отъ позднѣйшихъ, въ нарѣчіяхъ Лужицкихъ, и не видимъ нужды разбирать то же въ Русской рѣчи?....

Сообразивъ все то, что представлено въ Разсужденіи Г. Новикова вопреки моимъ филологическимъ мнѣніямъ, я вижу, что они остаются въ полной силѣ своей.

Въ заключеніе, пожелаю трудолюбивому автору дальнѣйшихъ успѣховъ на поприщѣ филологіи, на которомъ явился онъ съ такимъ обильнымъ знаніемъ Лужицкихъ и другихъ Западно-Славянскихъ нарѣчій.

III.

О ГРАММАТИКѢ ЛОМОНОСОВА ¹⁾.

(Письмо къ Предсѣдателю II-го Отдѣленія Академіи Наукъ, г. Давыдову).

Милостивый Государь,

Иванъ Ивановичъ!

Изъ письма Вашего Превосходительства, отъ 9 Іюня, я съ удовольствіемъ узналъ, что Императорская Академія Наукъ, при которой, 1755 года, была напечатана «Россійская Грамматика Михайла Ломоносова», положила ознаменованъ ея столѣтіе новымъ ея изданіемъ. Вмѣняя себѣ въ особенную честь Ваше приглашеніе мнѣ принять участіе въ этомъ ученоемъ предпріятіи и по сему поводу, я прежде всего скажу мое желаніе, чтобы съ новымъ изданіемъ Грамматики Ломоносова была напечатана вновь и Грамматика Смотрицкаго, такъ какъ это была первая книга, попавшаяся въ руки юнаго Холмогорца, и онъ въ послѣдствіи называлъ ее «вратами своей учености». Не хорошо ли бы нынѣ этимъ памятнымъ вратамъ явиться вмѣстѣ съ самимъ зданіемъ, тѣмъ болѣе, что и по историческому ходу самой науки въ Россіи, «Словенская Грамматика» Смотрицкаго была предвареніемъ «Россійской Грамматики» Ломоносова!.. Тогда книга Смотрицкаго, нынѣ чрезвычайно рѣдкая и лишь немногимъ извѣстная, была бы

¹⁾ Напечатано въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей» 1872, кн. 3, смѣсь, стр. 18-24.

доступна для всѣхъ, и каждый, къ пользѣ грамматическаго знанія, могъ бы сравнивать ее съ книгою Ломоносова, и не по одному только слуху зналъ бы ту знаменитую книгу, по которой нѣкогда цѣлая Русь, Западная и Восточная, училась Грамматикѣ.

Сія старая наставница Руси въ Грамматикѣ (съ 1619 года) есть замѣчательное примѣненіе Греко-Славянской Грамматики къ языку Южно-Русскому. Въ Московскихъ изданіяхъ ея (1648 и 1721 гг.) не было прибавлено ничего, относящагося къ языку Великорусскому или собственно такъ называемому Рускому. Однако и для Грамматики сего языка, Ломоносовымъ впервые составленной, онъ нашель у Смотрицкаго готовыя склоненія для именъ, съ седьмымъ сказательнымъ падежемъ, и тѣ два спряженія, которыя такъ пришлись къ Рускимъ глаголамъ, что, не смотря на разныя другія спряженія, въ нынѣшнемъ предложенныя столѣтіи, они остаются главными, и ведутся непрерывно, какъ видно по Грамматикамъ Соколова и Востокова, по Учебной книгѣ Рускаго языка для Благороднаго Пансіона, долѣе и ближе другихъ слѣдовавшей Грамматикѣ Ломоносова.

Обращаюсь къ труду нашего первословесника. По его выраженію, Грамматика «отъ общаго употребленія языка происходитъ, однако правилами показываетъ путь самому употребленію». Повседневное употребленіе языка, на которое и въ Грамматикѣ своей Ломоносовъ указываетъ иногда, въ замѣнъ правилъ, какъ на «общаго всѣхъ учителя» (§ 233)—оно и дало ему живое знаніе Рускаго языка, унесенное имъ отъ Бѣлаго моря, возвращенное въ Москвѣ и Кіевѣ, и потомъ въ Германіи, среди звуковъ чуждыхъ, давшее такіе стройные звуки Рускому стиху, какихъ не слыхано было до тѣхъ на Рускомъ Парнасѣ, и которымъ подивились соотчичи Ломоносова въ Петербургѣ. Между тѣмъ мужающій Ломоносовъ, обогащая свой умъ познаніями разнообразными, бралъ и Рускій языкъ на всѣ тоны и лады, и развивалъ его все болѣе—въ стихотвореніяхъ и ораторскихъ рѣчахъ, въ писаніяхъ о Химіи, Риторикѣ, Исторіи, Физикѣ, и прочая, и потомъ, когда онъ, своимъ разумѣніемъ и умѣніемъ, уже доста-

точно опредѣлилъ себѣ составъ и свойства обширнаго и полнo-жизненнаго языка Рускаго, онъ написалъ «Россійскую Грамматику», по чувству необходимости въ ней для Россіи. Она готова была 20 Сентября, 1755 года, какъ видно изъ посвященія, гдѣ Ломоносовъ съ полнымъ правомъ могъ говорить о языкѣ Рускомъ: «Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ общее философское понятіе о чловѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море. Отважась въ оное, сколько могъ я измѣрить, сочинилъ малый сей и общій чертежъ всея обширности, Россійскую Грамматику, главные только правила въ себѣ содержащую».

Каждая работа Ломоносова ознаменована печатью самобытнаго мышленія и творчества; всѣ науки были равно ему доступны, и каждая наука, за которую онъ принимался, можетъ похвалѣть развѣ о томъ, что она, для своего совершенства, не была его исключительнымъ удѣломъ.

Журнальные щелкоперы еще не очень давно обвиняли стараго Ломоносова въ излишнемъ Славянствѣ; но его Грамматика этого не показываетъ. Главное богатство ея содержанія взято изъ устъ народныхъ, изъ живаго языка «Великороссійскаго». Главная заслуга ея въ томъ именно, что народный Рускій языкъ является тутъ впервые и такъ достойно въ опредѣленіи грамматическими правилами. Стремленіе Ломоносова къ своенародности языка всего яснѣе видно на Великорусскихъ окончаніяхъ *ои* и *ей*, которыя хотѣлось ему упрочить на письмѣ и въ Грамматикѣ, хотя общее употребленіе предпочло имъ Славянскія и Южнорускія окончанія *ий* и *ій*.

Что касается до языка Славянскаго, то кто же и нынѣ отречется отъ него, какъ нѣкогда Тредьяковскій, говорившій, что онъ «вельми жестокъ ушамъ его слышится»? Кто бы рѣшился нынѣ отрѣшить отъ языка нашего все, что вошло въ него отъ Славянскаго, въ продолженіе вѣковъ, при живомъ употребленіи его Русью въ богослуженіи и письменности, и что умножило еще болѣе въ Рускомъ языкѣ богатство его выраженія? Но во все прошлое, и въ нынѣшнее, столѣтіе до

Востокова, конечно, никто у насъ, кромѣ Ломоносова, не умѣлъ такъ вѣрно различать въ языкѣ нашемъ, что въ немъ своенародное, родимое Руское, и что присвоенное отъ Славянскаго. Въ Грамматикѣ онъ вездѣ различаетъ строго, и почти всегда вѣрно, Русскія формы словъ отъ Славянскихъ, научая вмѣстѣ и ихъ употребленію; напримѣръ, при изъясненіи родительнаго падежа на *a* и *y* (§ 167), или предложнаго на *ъ* и *y* (§ 185), при изъясненіи причастій (§ 338, 439, 441, 443, 448), дѣепричастій (§ 351) и прочая. Какъ художникъ, любящій красоту языка, онъ жалѣетъ о вышедшей изъ употребленія Славянской постановкѣ дательнаго падежа причастій, надѣясь, впрочемъ, что «можетъ быть со временемъ общій слухъ къ тому привыкнетъ, и сія потерянная краткость и красота въ Россійское слово возвратится» (§ 468). Между тѣмъ онъ говоритъ и о томъ, что изъ принятаго въ Славянскую Грамматику несвойственно для Руской, полагая здѣсь, между прочимъ, и напрасное принятіе въ нашу азбуку Греческой *ѳ* (§ 22). А когда, по тогдашнему состоянію Славяновѣдѣнія (продолжавшемуся до 1820 года), не доставало еще положительнаго, знанія о чемъ либо, Ломоносовъ добросовѣстно предоставлялъ то будущимъ изысканіямъ. Такъ, въ первомъ наставленіи, гдѣ зашла рѣчь объ числѣ, у него сказано: «Въ Словенскомъ языкѣ двойственное число его ли есть собственное, или съ Греческаго насильно введенное, о томъ еще изслѣдовать должно» (§ 55). Равно и въ грамматическомъ опредѣленіи Рускаго языка, тогда еще неустояннаго, находившагося въ порѣ наибольшаго образовательнаго движенія, Ломоносовъ колебался еще въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Такъ, въ своемъ превосходномъ второмъ наставленіи, онъ говоритъ о буквахъ *з* и *и*: «ясно различаются въ окончаніяхъ; въ срединѣ случаются сомнѣнія, напримѣръ: писать должно перъвый или первый» (§ 116).

Но въ Грамматикѣ Ломоносова вездѣ видно и пристальное наблюденіе Рускаго языка, какъ изустнаго, выслушаннаго имъ по тремъ главнымъ нарѣчіямъ (§ 108), такъ и письменнаго, вычитаннаго имъ въ писаніяхъ разныхъ вѣковъ. Какъ глубокой знатокъ и великій мастеръ Рускаго языка, онъ не

разъ въ своей Грамматикѣ противодѣйствуетъ неправильностямъ, врывавшимся въ нашъ языкъ по образцу чужестранныхъ, и особенно нововведеніямъ Тредьяковскаго, какъ это можно видѣть по возраженіямъ Ломоносова на не Руское употребленіе предлога чрезъ (§ 444), на не Руское сочиненіе дѣепричастій (§ 467), на окончаніе именъ мужескаго рода во множественномъ числѣ на и (§ 115), а Ломоносову казалось, что «е приличнѣе въ мужескихъ, а я въ женскихъ и среднихъ» (§ 112), что и принято уже общимъ употребленіемъ. Возражая противъ окончанія на и, онъ говоритъ: «Употребленіе буквъ е и я въ прилагательныхъ множественнаго числа всѣхъ родовъ въ Великороссійскомъ языкѣ отъ начала историческихъ и другихъ писателей Московскихъ, а особливо отъ временъ Великаго Государя Царя Іоанна Васильевича, и до нынѣшняго времени непрерывно было».... (§ 115). Въ слѣдъ за тѣмъ онъ опровергаетъ это нововведеніе и свойствомъ языка Велико-Рускаго, часто «избѣгающаго звука и, и музыкальнымъ избѣжаніемъ этого звука въ протяжныхъ распѣвахъ и долгихъ выходкахъ».

Такъ въ охраненіе языка отъ напрасныхъ нововведеній и неправильностей, онъ не разъ ссылается на обычай утвержденный давностью и общностью употребленія. Любуясь отмѣнною красотою Московскаго нарѣчія, а особливо пріятнымъ выговоромъ звука о безъ ударенія какъ легкое а, Ломоносовъ въ то же время отрицаетъ писаніе по этому выговору на а, замѣчая, что допустивъ оное, «должно большую часть Россіи говорить и читать снова переучить насильно» (§ 111).

Грамматическія правила Ломоносовъ заимствовалъ изъ свойствъ самаго языка, не вводя отъ себя въ науку призраковъ вмѣсто дѣйствительности, и съ отвращеніемъ говоритъ онъ о тѣхъ суетныхъ грамматическихъ тонкостяхъ, которыя вводились иногда въ Рускій языкъ, вопреки его живому и общему употребленію; на примѣръ, о насильственномъ различеніи именительнаго падежа множественнаго числа отъ родительнаго единственнаго — учрежденіи, извѣстіи *вм.* учрежденія, извѣстія (§ 115). Онъ опредѣлялъ Рускій языкъ только главными правилами, и его гениальный

набросокъ Руской Грамматики, хотя уже много выполненный столѣтними работами столькихъ мужей, однако все еще остается не конченнымъ. Впрочемъ, надо и то сказать, что предметъ всякой науки больше своей науки, и Грамматика съ своими правилами никогда не угонится за Рускимъ языкомъ до послѣднихъ его подробностей, и тамъ, гдѣ онъ уже ускользаетъ изъ ея рукъ, лучше ей не давать правилъ, чѣмъ ставить призраки и вымысленія, вмѣсто дѣйствительныхъ законовъ языка, поселяя небывалую распрю между выговоромъ и смысломъ, и навязывая гению Русскаго языка крылья баснословнаго Икара.

Въ предводителѣ изслѣдованія Рускаго языка Ломоносовѣ назначилъ «общее философское понятіе о человѣческомъ словѣ». По тому и въ Грамматикѣ его первое изъ 6-ти наставленій посвящено изъясненію «о человѣческомъ словѣ вообще», съ разборомъ звуковъ голоса и 8-ми частей рѣчи, изъ которыхъ имя и глаголь признаны главными, а прочія служебными. Это есть сокращеніе общей или сравнительной Грамматики, на столько оно признано нужнымъ для вступленія въ Грамматику Рускую. И сколько здѣсь глубоко вѣрнаго и существеннаго! Для примѣра приведу различеніе гласныхъ буквъ на два соотвѣтственные ряда (изъ § 20):

1) дебелыя или тупыя: *а е ы о у*

2) тонкія или острыя: *я ѣ и іо ю*

Какъ это просто и естественно! Но въ Пространной Грамматикѣ Греча (1827) находимъ другой распорядокъ (§ 117):

твердыя: *а о ы у* средняя *ѣ*

мягкія: *я е(э) ю и*

То же самое, съ легкою отмѣною, повторилось и въ Филологическихъ Наблюденіяхъ Павскаго (1841) (въ § 31):

твердыя: *а о ы у* средняя *ѣ*

мягкія: *я е и ю*

Очевидно, что здѣсь буквы *о* и *е* поставлены не на своихъ мѣстахъ; ибо между ними совсѣмъ не то соотвѣтствіе, какое между *а* и *я*, *у* и *ю*; изъ перваго ряду убыло дебелое

e (э), соответственное тонкому *e*; изъ второго ряду убьло тонкое *o* (ю, ё), соответственное дебелому *o*; а буква њ совсѣмъ несвойственно дано и названіе и мѣсто средней, тогда какъ она принадлежитъ непремѣнно ко второму ряду, т. е., къ тонкимъ или острымъ гласнымъ; названіе двуличной къ ней идетъ, но не по тому, чтобы она отвѣчала и за твердую и за мягкую (ФН. § 36), а по тому, что у насъ, на Руси, и въ Славяно-Западныхъ однихъ нарѣчіяхъ она отвѣчаетъ за тонкое *и*, въ другихъ за тонкое *e* (а въ качествѣ ея она переходитъ и въ *ѣ* и въ *я*). Для этой двоякости выговора въ одиѣхъ и тѣхъ же словахъ разными нарѣчіями, я полагаю, и придумана въ Кирилловской азбукѣ буква њ, не имѣющая никакого особеннаго гласнаго звука въ Славянской рѣчи; и я нахожу, что только соображеніемъ этой двоякости выговора можно рѣшить, гдѣ правильно и гдѣ неправильно она ставится. Первые Русскіе грамотники, Кіевляне и Новгородцы, въ собственномъ выговорѣ имѣли основаніе удержатъ букву њ, въ своей письменности, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ * противъ древняго, Кирилловскаго ея употребленія; остальной Руси эта буква досталась уже какъ преданіе, соображенное съ своенароднымъ выговоромъ, которое и ведется постоянно въ Руской грамотѣ. Ломоносовъ, защищая необходимость буквы њ (§ 114), не находитъ общаго правила для ея употребленія; а къ различенію буквъ *e* и њ требуетъ «твердаго ученія грамотѣ и прилежнаго книгъ чтенія» (§ 113). Востоковъ, въ своей Грамматикѣ (§ 164), вычислилъ всѣ коренные слоги, гдѣ имѣетъ мѣсто буква њ; между ними справедливо поставлены слова мѣлкій, лѣкаръ, лѣчитъ (которое, по недоразумѣнію о ихъ производствѣ, стали неправильно писать съ буквою *e*); но, повѣряя Востоковскій списокъ помянутымъ соображеніемъ двоякости выговора, я нахожу, что изъ него должно исключить слова: цѣпь, рѣдька, желѣза, рѣшето, гдѣ буква њ неумѣстна, и что правильнѣе писать цепь, редка, железá, решето. Что же касается до гласныхъ вообще, то у Востокова (§ 158) принято то различіе и соответствіе, какое положено у Ломоносова, и которое очевидно, есть правильное и естественное.

Вотъ мои замѣчанія о характерѣ и достоинствѣ первой Руской Грамматики. Примите ихъ, какъ мой задушевный отзывъ на Ваше письмо, которое такъ пріятно мнѣ напомнило давно прошедшее время (нынѣ отвергаемое въ Грамматикахъ!), когда я бывало, слушивалъ, и заслушивался, Вашихъ Университетскихъ бесѣдъ о Логикѣ и Филологіи.

1855 г., 11 Юля.

Михайлова Гора, Золотоношскаго Уѣзда.

КЪ ИСТОРИИ МАЛОРУССКАГО ЯЗЫКА.

IV.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ПИСЬМА

къ М. П. Погодину ¹⁾.

Письмо первое.

1856. 11 Юля.

Ты вызываешь меня, любезный академикъ, на ученый споръ съ гг. Срезневскимъ и Лавровскимъ! Въ своемъ печатномъ письмѣ къ Срезневскому (которое прочелъ я въ Москвитянинѣ 1856, № 2), ты говоришь: «А вотъ что не вѣрно, и что сильнѣ моего опровергнется, безъ сомнѣнія, Максимовичемъ, котораго задереть оно заживое—будто до Татарскаго времени не существовало ни Малороссіянь, ни Малороссійскаго нарѣчія». Я вполнѣ согласенъ, что это не вѣрно; но не знаю, долженъ ли я, и съумѣю ли я опровергнуть это сильнѣ твоего, и «задереть ли заживое» меня это мнѣніе, когда прочту его въ статьяхъ гг. Срезневскаго и Лавровскаго; ибо я и до сихъ поръ еще не испыталъ этого, какъ ты называешь, «назидательнаго удовольствія»; но признаюсь, когда я читалъ твое письмо, по мнѣ не разъ пробѣгали мурашки. Возможно ли, и ты, другъ Исторіи, вышедшій, послѣ «Норманскаго періода», уже на чистое поле и шед-

¹⁾ Напечатаны въ «Русской Бесѣдѣ» 1856, № 3, с. 78—139. «Записка» М. П. Погодина о древне-Русскомъ языкѣ, въ видѣ письма къ И. И. Срезневскому, первоначально помѣщена въ Извѣстіяхъ II отд. Академіи Наукъ, т. V, 1856, с. 70—92. А. Б.

шій по немъ прямымъ путемъ ясной исторической положительности и достовѣрности, вдругъ очутился въ лѣсу гипотезъ, увлеченный филологическими призраками!..

Вѣрный своему понятію о древности Малороссійскаго народа, о которомъ и теперь говоришь, что онъ «носитъ всѣ признаки самобытнаго племени», ты, въ своемъ Отвѣтѣ мнѣ (въ Москвитянинѣ 1845 г., кн. 3), говорилъ вотъ что: «Норманнъ (Рюрикъ) въ пятомъ, шестомъ колѣнѣ сдѣлался Малороссіяниномъ. Такъ точно Малороссіянинъ Андрей Боголюбскій переселился на Сѣверовостокъ, сохраняя, разумѣется, свое Малороссійское происхожденіе, равно какъ и братья его, Михалко и Всеволодъ, препоручившіе посадничества «Русьскимъ Дѣтскимъ»; но ихъ дѣти, еще болѣе внуки, начавшіе княжить послѣ Монголовъ, подверглись туземному вліянію, и между Великороссіянами сдѣлались сами Великороссіянами». Послѣ того ты писалъ (въ 3-мъ томѣ «Исслѣдованій», 1846 г. стр. 357), что нашъ «простонародный, туземный языкъ тогда уже раздѣлялся точно на тѣже нарѣчія; на кои раздѣляется теперь, т. е. въ Кіевѣ, Черниговѣ, Галичѣ говорили также по Малороссійски, какъ и теперь; въ Могилевѣ, Витебскѣ по Бѣлорусски; во Владимирѣ, Московскихъ странахъ по Великорусски и проч. Слова, обороты, произношеніе сихъ нарѣчій закрадывались мало по малу у отечественныхъ грамотѣевъ въ ихъ сочиненія: такъ у Нестора находите вы отраженіе Малороссійское, въ Новгородскихъ грамотахъ Великорусское и проч.). А объ Церковномъ Славянскомъ языкѣ, который у насъ на Руси былъ письменнымъ языкомъ, у тебя сказано было вотъ что: «Мы, Русскіе, можемъ сказать тебѣ, что это было нарѣчіе для насъ чужое, хотя и близкое, понятное... всего нелѣпѣе мысль или положеніе, которое находится у насъ въ общемъ оборотѣ, будто Русскій языкъ происходитъ отъ Славянскаго». И все это было очень близко къ правдѣ. Я, съ своей стороны, говорилъ почти тоже, трудясь надъ исторіей Русскаго языка въ сравненіи его съ языками Западнославянскими; и въ «Начаткахъ Руской филологіи», 1848 года, гдѣ изложены окончательно мои выводы,

я сказалъ, подобно тебѣ: «Не будемъ же въ наше время смѣшивать понятія о письменномъ употребленіи Церковнаго языка на Руси съ понятіемъ о народной Русской рѣчи. Надо вовсе устранивъ филологическое мнѣніе о тождествѣ Русскаго языка съ Церковнымъ, о происхожденіи изъ него народныхъ Русскихъ нарѣчій, и объ его первообразности для всѣхъ языковъ Западно-Славянскихъ: ложное въ началѣ и основаніи своемъ, это мнѣніе остается сбивчивымъ при всѣхъ своихъ изворотахъ и ограниченіяхъ».

Но случилось не по нашему, а какъ говорить Украинская пословица: «Ѳго вернешь въ плугъ, а воно въ лугъ»! Это говорилось встарину объ Украинскихъ молодикахъ, которые, съ наступленіемъ весны, покидая отцевъ своихъ на хозяйствѣ, уходили козаковать и бурлаковать на Запорожье, въ великій лугъ Днѣпровскій (поминаемый въ лѣтописаньи, и вошедшій въ поговорку: «Великій лугъ батько».)

Изъ твоего письма къ Срезневскому я съ удивленіемъ увидѣлъ совершенную перемѣну въ твоей прежней историко-филологической системѣ...

«Что жъ измѣнить ее могло,

Что это утро облекло,

И такъ внезапно,—въ сумракъ ночи?»

Чтеніе—Кіевской Лѣтописи! «Чѣмъ дольше я занимался ею,—говоришь ты,—тѣмъ болѣе удивлялся отсутствію Малороссійскаго элемента. Обратившись назадъ, къ Нестору, съ этою мыслию, я убѣдился, что нѣтъ его и тамъ»... Отсюда пошли у тебя разныя наведенія и разсужденія, первую добычею которыхъ была мысль, что «въ Кіевѣ до нашего времени жили искони не Малороссіяне, а Великороссіяне!» Вслѣдъ за нею родилась у тебя другая мысль, что «Церковный Славянскій языкъ былъ не пришлый намъ письменный языкъ, но живой, своенародный языкъ, которымъ говорили Великороссіяне, и что Великороссійское нарѣчіе было къ нему самое близкое, почти тождественное; что Великороссійское племя могло жить въ окрестностяхъ Селуня, близъ береговъ Чернаго моря, на Днѣпрѣ, въ Кіевѣ, и въ нынѣшней Великороссіи, и что во

всѣхъ этихъ мѣстахъ оно могло жить и говорить одинаково». «Малороссіяне, живущіе теперь въ сторонѣ Днѣпровской и окружной, пришли сюда послѣ Татаръ отъ Карпатскихъ горъ, гдѣ они жили какъ въ своей колыбели, и заняли опустошенныя Татарами мѣста Кіевскихъ Великороссіанъ, которые отодвинулись на Сѣверъ. Малороссіянами могли быть заселены искони: Галиція, Подолія, Волинь; изъ Волини Малороссіяне, можетъ быть, перешли къ Торкамъ, Берендѣямъ, остаткамъ Печенѣговъ, Чернымъ Клобукамъ, и составили тамъ новое племя Козацкое... Конечно,—говоришь ты,—здѣсь есть много еще темнаго, сомнительнаго, неопредѣленнаго; предоставимъ объясненіе времени; а теперь удовольствуемся положеніями, для меня достовѣрными: 1) Великороссіяне древнѣйшіе поселенцы, по крайней мѣрѣ въ Кіевѣ и окрестностяхъ; 2) Малороссіяне пришли въ эту сторону послѣ Татаръ; 3) Великороссійское нарѣчіе есть или само Церковное нарѣчіе, или ближайшее къ нему, то есть, родное, органическое чадо».

Ты предлагаешь филологамъ стать на твою точку зрѣнія, и—«разсудить безпристрастно это дѣло, по законамъ ихъ науки». И я охотно поспѣшаю, совмѣстно съ тобою, разсмотрѣть это дѣло, и начинаю рядъ писемъ къ тебѣ объ этомъ предметѣ.

Ты говоришь, что вышеприведенныя три положенія для тебя уже достовѣрны, и что ты въ своихъ новыхъ заключеніяхъ убѣждаешься все болѣе и болѣе. Но потому-то я и считаю себя обязаннымъ передъ тобою сказать нѣчто въ защиту тѣхъ прежнихъ историко-филологическихъ вѣрованій, отъ которыхъ ты теперь отложился, а я остаюсь при нихъ непоколебимо, и все болѣе и болѣе въ нихъ убѣждаюсь. Можетъ быть, мнѣ при этомъ удастся и поколебать въ тебѣ твое новое убѣжденіе, и возвратить тебя къ прежнему! Вѣдь ты самъ говорилъ: «Малороссійскаго нарѣчія до сихъ поръ, къ стыду своему, мы основательно не знаемъ, хотя имѣемъ профессоровъ для всѣхъ Славянскихъ нарѣчій». Это сознание и стыднѣе твое въ недостаткѣ основательнаго знанія Малороссійскаго нарѣчія можетъ, мнѣ кажется по-

родить въ тебѣ такую мысль: «Какъ же я, не зная основательно Малороссійскаго нарѣчія, положилъ его въ основаніе своей новой системы»? Вѣдь ты началъ строить ее съ отрицанія Малороссійскаго нарѣчья въ Несторѣ и Кіевской Лѣтописи! Ты его не знаешь основательно, а говоришь уже рѣшительно, нѣтъ его въ Кіевскихъ писаньяхъ, слѣдственно, не было въ Кіевѣ и Малороссіянь... Точно ли нѣтъ его въ Несторѣ и Кіевской Лѣтописи? Да если бы и дѣйствительно не было, не ужели Кіевскій лѣтописецъ непременно долженъ былъ выражать свое Малороссійское происхожденіе языкомъ своей Лѣтописи? Развѣ Малороссіянинъ Святитель Димитрій, сынъ Макаровскаго Сотника (который въ книгѣ «Реестровъ Войска Запорожскаго 1649 года значился рядовымъ бозакомъ, Саввою Тупталенкомъ), не писалъ языкомъ, свободнымъ отъ всѣхъ современныхъ ему Полонизмовъ и Малороссіанизмовъ? Петръ Могила, которому языкъ Польскій былъ какъ природный, писалъ, какъ ему хотѣлось, то на Польскомъ, то на тогдашнемъ Польско-Русскомъ, то на чистомъ Церковно-Славянскомъ, — и это я говорю тебѣ, какъ очевидецъ его собственноручныхъ писаній, между прочимъ и той записки книги его, о которой по слуху упоминалъ Евгеній въ «Описаніи Кіевософійскаго собора», но которая нашлась уже послѣ его смерти (я воспользовался изъ нея нѣкоторыми свѣдѣніями для примѣчаній къ Фундуклеевой книгѣ о древностяхъ Кіева).

Ты говоришь о Малороссійскомъ нарѣчіи: «Покажите намъ степени его родства съ прочими, такъ называемыми, Восточными и Западными Славянскими нарѣчіями». Я на это скажу: Смотри въ «Начаткахъ Руской Филологіи», гдѣ объ томъ сказано коротко, да ясно!—Ты говоришь: «Покажите, или лучше отъищите, присутствіе въ немъ восточнаго элемента, т. е. слѣды вліянія Торковъ, Печенѣговъ, Черныхъ Клобуковъ!»—Я на это скажу: Взгляни на IX главу моей «Исторіи древней Руской Словесности», 1839, г., гдѣ положено уже начало рѣшенію твоей задачи. Тамъ не упущено изъ виду Азіатское вліяніе на Южнорусскій языкъ въ до-Татарское время, и, при помощи Персидско-Половецкаго словаря, издавнаго Клапротомъ, 1828 года, показано нѣсколько

словъ, оставшихся въ Малороссійскомъ нарѣчїи изъ языка Половцевъ, одноплеменныхъ съ Торками, Печенѣгами и Черными Клобуками (напримѣръ: туманъ, казанъ, майданъ, базаръ, килимъ, коверъ, каунъ, арбузъ, инжиръ, винная ягода, и проч.), и наоборотъ, Русскія слова, употребительныя въ языкѣ Половцевомъ (нагъ, деньга, отъ ногата, смола, смола, печь, изба). Въ прошломъ году, въ посланныхъ мною тебѣ объясненїяхъ на Игореву пѣснь, объяснено загадочное слово ортма: это Половецкое слово артмакъ по Малороссійски саквы (bissaccium). Тамъ же я указалъ на два села подъ Переяславомъ, называемыя Каратулями; это имя значитъ Черныя Клобуки, и дастъ намъ знать, что были не только Переяславскіе Торки, на правой сторонѣ Трубежа, но и Переяславскіе Черныя Клобуки (Каратули), на лѣвой сторонѣ Трубежа.

Ты говоришь: «г. Срезневскій справедливо утверждалъ тожество языка народнаго и письменнаго въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, и вмѣстѣ отсутствіе всякихъ признаковъ Малороссійскихъ»,—и удивляешься какъ эти положенія, утвердившія тебя вполне въ новыхъ твоихъ мысляхъ, не произвели волненія въ нашемъ литературномъ и ученомъ мїрѣ, въ минуту своего происхожденія! А я скажу что оба эти положенія—и тожество письменнаго языка съ народнымъ, и отсутствіе всякихъ признаковъ, Малороссійскихъ несправедливы, и докажу это тебѣ въ слѣдующемъ письмѣ. Что же касается до спокойнаго безмолвія въ литературномъ и ученомъ мїрѣ объ этихъ двухъ положенїяхъ, то оно естественнѣе было, чѣмъ предполагаемое тобою волненіе. Чего тутъ волноваться, особенно въ такое время всемірнаго тревоженія, какое мы пережили! Азъ притомъ, Русская пословица благоразумно говоритъ: «За мухой не съ обухомъ, за комаромъ не съ тоноромъ»!

Письмо второе.

13 Юля.

Приступая къ разсмотрѣнію новопринятыхъ тобою положеній, я прежде всего припомню, что нашъ Русскій Перво-

славянинъ и учитель, всеобъемлющій Ломоносовъ, давшій намъ, за сто лѣтъ, Грамматику, впервые обработанную по нарѣчію Великороссійскому, ясно различалъ Славянскій или Церковный языкъ отъ нашего Россійскаго, природнаго языка, въ которомъ онъ признавалъ три главныхъ нарѣчья (или діалекта): Сѣверное, Московское и Украинское. И такъ у него, для будущей Славяно-Русской Филологіи назнаменованы уже были два положенія: во 1-хъ: объ особенностяхъ языка Церковно-Славянскаго, хотя и соплеменнаго намъ, но отличнаго отъ природнаго языка Россійскаго; во 2-хъ: о ближайшемъ сродствѣ Украинскаго, то есть Малороссійскаго и Великороссійскихъ нарѣчій, которыхъ совокупность составляетъ одно неразрывное органическое цѣлое, одну обширную Русскую рѣчь. Оба Ломоносовскія положенія, въ продолженіе ста лѣтъ обратились въ истину непреложную, оправданную всѣми филологическими примѣтами, правилами и соображеніями. Церковно-Славянскій языкъ, въ его собственной, древней, Кирилловской формѣ, каковая намъ показана Востоковымъ, по Остромирову Евангелію (1056—57), есть языкъ столько же отличный и далекій отъ природнаго Великорусскаго нарѣчія, сколько и отъ Малороссійскаго; ближе всего онъ къ языкамъ: Болгарскому, Сербскому, Хорватскому, и Хорутанскому, съ которыми и составляетъ онъ особый, неразрывно-цѣлый отдѣлъ Славянской рѣчи, называемый Задунайскимъ или Югозападнымъ; тамъ эти пять языковъ, можно сказать, какъ родные братья, точно также, какъ языки: Польскій, Чешскій, Словацкій, Лужицкій и Полабскій, составляютъ другой, органически-цѣлый и неразрывный, отдѣлъ Сѣверозападный.

Нынѣ ты, любезный академикъ, отождествляя Великорусское нарѣчіе съ Церковно-Славянскимъ, производишь разомъ два разрыва въ естественномъ родствѣ Славянскихъ языковъ: во первыхъ, ты отрываешь Церковно-Славянскій языкъ отъ ближайшихъ съ нимъ языковъ Задунайскихъ или Югозападныхъ; во вторыхъ, ты отрываешь ближайшее родство Русскихъ нарѣчій, по которому Малороссійское и Вели-

короссійское нарѣчія, или, говоря полнѣе и точнѣе, Южнорусскій и Сѣвернорусскій языки — родные братья, сыновья одной Русской рѣчи. Когда они обособились? Объ этомъ, какъ видно, еще нѣтъ единогласія. Я и теперь полагаю, какъ объяснялъ уже въ «Исторіи древней Руской Словесности» (Гл. IV и V), что Южнорусскій языкъ образовался еще въ древнее, до-Татарское время, когда Кіевская Русь была представительницею Русскаго міра, какъ послѣ Татаръ стала Русь Московская. Но изъ твоего письма вижу, что г. Срезневскій признаетъ безразличіе Южной и Сѣверной Руси въ до-Татарское время, и полагаетъ, что Южнорусскія особенности въ языкѣ и въ народѣ начались не прежде, какъ послѣ нашествія Татарскаго. По моему, какъ и по твоему, это невѣрно! Но если бы пришлось мнѣ изъ двухъ золъ выбирать легчайшее, то я лучше согласенъ признать безразличіе всей Сѣверной и Южной Руси въ древнее до-Татарское время, чѣмъ разрознить ихъ и разрывать ближайшее ихъ родство до такой степени, какъ это сдѣлано въ твоей нынѣшней системѣ, вслѣдствіе твоего прежняго предубѣжденія. Ни одинъ филологъ, по правиламъ и законамъ своей науки, не рѣшится разрознить Южнорусскаго и Сѣвернорусскаго языка: они, какъ родные братья, должны быть непременно вмѣстѣ, во всякой системѣ, присоединить ли она ихъ къ Югозападнымъ или Задунайскимъ языкамъ (какъ у Добровскаго и Шафарика), или къ Сѣверо-западнымъ (какъ у Копитара), или поставить Русскую рѣчь на особицу отъ тѣхъ и другихъ (какъ сдѣлали мы съ Надеждинымъ, 1836 года). Но у тебя есть въ этомъ предубѣжденіе, которое и высказалъ ты во 2-мъ томѣ Исслѣдованій (1846 г., стр. 390) въ слѣдующихъ словахъ: «Малороссійское и Великороссійское нарѣчіе великіе филологи Добровскій и Шафарикъ причисляютъ къ одному роду; но я осмѣливаюсь думать, хоть и безъ основанія, что онѣ разнятся между собою болѣе, чѣмъ между другими!» Какъ же можно «безъ основанія» становиться въ такое рѣзкое противорѣчіе не только съ двумя великими Чешскими филологами, но и со всѣми вообще!... Чтобы имъ противостать,

и до основані
и пишутъ поли
и ворили посл
иному и по
и, писавши
ились Малор
и братьями был
и ялись Вел
и я ты вотъ
и Великороссіян
и одну въ
и сколько есть
и Россіянами! Ни
и большаго сходст
и цузами, чѣмъ с
и же состоятъ с
и тельнѣ» (См. I
и Одинокъ не наход
и Малороссіянам
и до-Татарское
и одкрѣплені
и немъ въ свой
и древнюю притчу
и ты признавалъ
и ями; теперь ц
и же, стало быть,
иному историкъ,
и Малороссіянами,
и различіе межд
и Киевскую область
и Галичинахъ, Под
и Россіяны. Вразу
и ты полагаешь это
и частяхъ Русска
и тѣмъ, разрозняя
и Малороссійское, в
и догамъ, ты сближае

гсіане, какъ однородцы,
говорить, какъ нѣкогда
рода Русскаго!» — «Свой
въ Русская половина. Но
въ Киевѣ Норманны сдѣ-
в Андрей Боголюбскій съ
и уже ихъ дѣти и внуки
и Великороссіяны, въ тоже
и въ П. В. Кирѣевскому:
и въ Малороссіянами, исповѣ-
и (дѣбу, долго одну исторію.
и Великороссіянами и Мало-
и е. Великороссіяны)
и качествахъ даже съ Фран-
и (ороссіянами)! Въ чемъ
и вопросъ гораздо затрудни-
и б. Кн. 3). Что это за притча?
и между Великороссіянами и
и въ различіа между ними
и въ тѣмъ первый беретъ въ
и не втораго, и отправляется
и золя твоя, а это похоже на
и жаго о хромцѣ на слѣпцѣ!...
и . Киевлянъ Малороссія-
и еликороссіянами: есть
и кду ними, когда тебѣ, Рус-
и Киевляне могутъ казаться то
и янами.... Есть же видно и
и и теперь, замѣщая древнюю
и сіянами, ты все еще въ
и янахъ признаешь Мало-
и какомъ именно основаніи
и иное различіе въ двухъ
и цествіа Татарскаго? Между
и нарѣчія Великороссійское и
и великимъ и малымъ фило-
и тва Великорусское нарѣчіе

съ Церковно-Славянскимъ, и говоришь, что Церковно-Славянское, даже въ томъ видѣ, какъ оно есть въ Остромировомъ Евангеліи, ближе всего съ нашимъ Великороссійскимъ, ближе чѣмъ съ Сербскимъ, Болгарскимъ и всякимъ другимъ! Это опять вопреки всѣмъ филологическимъ примѣтамъ, правиламъ, соображеніямъ. Венелинъ и Палацкій, правда, присоединяли къ Русскому отдѣлу (Сѣверно-и Южнорусскому вмѣстѣ), языкъ Церковно-Славянскій; но съ нимъ вмѣстѣ они присоединяли сюда и Болгарскій языкъ, по его ближайшему сродству съ Церковнымъ. Такимъ образомъ Церковный и Болгарскій языкъ Венелинъ и Палацкій отрывали отъ природнаго мѣста, нарушая черезъ то цѣлость Задунайскаго отдѣла, и прибавляя нѣчто разнородное къ нашему Русскому или Восточно-Славянскому отдѣлу. Что Церковно-Славянскій и Болгарскій языкъ самые близкіе между собою, это утверженіе Шафарика, которому послѣдовалъ и достойный ученикъ его, Бодянскій, еще недавно подтвердившій это мнѣніе, въ своемъ сочиненіи: «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ» (1855 г.). Тамъ онъ подтвердилъ и слѣдующій филологическій выводъ: «Чѣмъ дальше въ древность, тѣмъ нарѣчія Славянскія ближе къ себѣ. Это правда; но правда и то, какъ показываетъ исторія и новѣйшія основательныя изслѣдованія, что, при всемъ сродствѣ, нарѣчія эти уже въ историческое время существовали и отличались другъ отъ друга тѣми же существенными признаками, какими и теперь, спустя слишкомъ тысячу лѣтъ» (стр. 252). Добровскій сперва призналъ было Церковный языкъ за древнее Сербское нарѣчіе, но потомъ призналъ его за особое Болгаро-Сербо-Македонское; Востоковъ сперва называлъ его древнимъ Болгарскимъ; Копитаръ — древнимъ Паннонскимъ: все это ясно подтверждаетъ, что его ближайшее родство и мѣсто тамъ, въ отдѣлѣ Задунайскомъ или Югозападномъ: тамъ ему и быть! По своей родинѣ, онъ можетъ называться Македонскимъ (какъ у Добровскаго, но съ исключеніемъ лишней приставки; «Болгаро-Сербо-»). Ты все это знаешь изъ первыхъ источниковъ; ибо кому же, какъ не

тебѣ, литература наша обязана переводами Добровскаго и первымъ появленіемъ Шафарика?... Но теперь, пускась въ «новый путь» не строгой филологіи, а наведенія, и скользя, такъ сказать, по поверхности предмета (твои слова) ты, вопреки филологамъ, заключилъ, что Церковно-Славянское нарѣчіе есть ближайшее къ Великорусскому и почти тождественное съ нимъ, и воскликнулъ: «А мы ищемъ его по всему свѣту, и не находимъ! Не похожи ли мы на Улисса, не узнавашаго своей Итаки!»

При этихъ словахъ твоихъ мнѣ вспомнулся нашъ достопамятный велемудрый адмиралъ Шишковъ, который, въ своихъ странствіяхъ по старо-Словесному морю, наплылъ на такое утвержденіе, что нарѣчіе Русское «не есть нарѣчіе Славянскаго языка, а тотъ же самый языкъ, не имѣющій ни малѣйшаго съ нимъ различія!»—Узнаешь ли ты здѣсь свою Итаку?... А ты и не вспомнулъ о Шишковѣ, говоря о своей мысли касательно тождества Великорусскаго нарѣчія съ Церковнымъ, мысли, которой ты сперва испугался, какъ будто какой новости и небывальщины! Оставивъ твердый берегъ строгой филологіи и богатство, ею добытое въ глубинахъ Славянской рѣчи, ты пустился по поверхности сомнительныхъ волнъ, и уже прибѣгаешь къ помощи. Ты выпиываешь, «весьма важную» для тебя страницу, изъ разсужденія г. Каткова «Объ элементахъ и формахъ Славяно-Русскаго языка» (1845), и утѣшаешь себя мыслию, что сей ученый, «по строгимъ законамъ новой филологіи», пришелъ къ тому же заключенію, какое ты сдѣлалъ а priori! Но Катковъ тебѣ не въ помочь. Послушай, что говоритъ онъ теперь, черезъ десять лѣтъ послѣ своего Разсужденія, изъ котораго ты взялъ страницу, какъ сильное подкрѣпленіе! Въ своей статьѣ о Пушкинѣ (во 2-мъ номерѣ «Русскаго Вѣстника, 1856 г.) онъ говоритъ: «То, что теперь называемъ мы Русскимъ языкомъ, есть плодъ продолжительнаго и труднаго развитія. Какъ всѣмъ извѣстно, въ древнее время письменнымъ языкомъ въ Россіи было нарѣчіе Церковно-Славянское. Но менѣе извѣстно то, что это нарѣчіе существенно различлось отъ народнаго, которое долгое время не знало

письменности, и лишь въ болѣе позднюю эпоху стало появляться въ памятникахъ, не имѣющихъ литературнаго значенія, преимущественно юридическихъ; мы говоримъ: менѣе извѣстно, потому, что хотя различіе между Церковно-Славянскимъ языкомъ и языкомъ народнымъ чувствуется всѣми, и хотя теперь едва ли кто видитъ въ Церковномъ языкѣ древнѣйшее состояніе того же языка, который мы слышимъ въ народѣ; однако многіе еще полагаютъ, что въ семействѣ Славянскихъ нарѣчій Церковное принадлежитъ къ одному порядку съ народнымъ Русскимъ, по нашему же убѣжденію они принадлежатъ къ двумъ противоположнымъ вѣтвямъ общаго семейства» (стр. 320).

Въ концѣ письма ты выписываешь еще изъ статьи г. Сухомлинова замѣчаніе, для тожества Церковнаго и Русскаго языка, что въ Сербіи въ XV-мъ вѣкѣ было мнѣніе о переводѣ Св. Писанія «на Рускій тончайшій языкъ»! Не значить ли это хвататься за соломинку?...

Письмо третье.

15 Іюля.

Сегодня день Св. Равноапостольнаго князя Владиміра, и мнѣ пріятно провести этотъ день въ бесѣдѣ съ тобою о великомъ и святомъ Просвѣтителѣ Руси. Ты, въ своемъ письмѣ, говоришь: «Далѣе пришло мнѣ въ голову слѣдующее замѣчаніе: Малороссіяне есть народъ самый пѣвучій: почему же не сохранилось у нихъ никакихъ пѣсенъ о древнемъ нашемъ времени, между тѣмъ какъ эти пѣсни о Володимерѣ и его витязяхъ поются у насъ вездѣ, въ Архангельскѣ и Владимірѣ, Костромѣ и Сибири. Слѣдовательно, опять тоже заключеніе: не Малороссіяне жили въ Кіевѣ во время Володимера, а Великороссіяне, которые разнесли тамошнія пѣсни по всему пространству Русской земли». Что у Малороссійскаго народа великій князь Володимеръ не воспѣвается наравнѣ съ Морозѣнкомъ, Нечаемъ, Палѣемъ и другими витязями Козацкой Украины, это для меня совершенно понятно, и нисколько не удивительно. У насъ, въ Малороссіи, еще въ древнее время Князь Володимеръ былъ признанъ и

прозванъ Святѣмъ (какъ Олегъ вѣщимъ и т. п.). Это прозваніе извѣстно изъ нашей Волинской Лѣтописи, гдѣ, подъ 1254 годомъ, сказано: «Ни Святославъ Хоробрый, ни Володимеръ Святый». Святому князю — и святѣя, церковныя, молитвенныя, пѣсни: и какъ торжественно раздаются онѣ изъ устъ пѣвучаго народа, особливо въ великой Печерской церкви, гдѣ, при Главѣ равноапостольнаго Князя, бываетъ ежегодно празднество въ этотъ день! Не забуду, съ какимъ восторгомъ я, только что прїѣхавшій изъ Москвы въ Кіевъ, внималъ тѣмъ въ 1834 году, когда, предъ открытіемъ Университета Святаго Владиміра, при Главѣ его въ Печерской церкви священнодѣйствовалъ митрополитъ Евгеній, и было тамъ необычайное стеченіе просвѣщеннаго люду съ обѣихъ сторонъ Днѣпра!... А въ нынѣшнемъ Маѣ мѣсяцѣ, когда я, не видавъ Кіева 8 лѣтъ, посѣтилъ его, я вновь наглядѣлся, съ какою набожностью Малороссійскія поселанки кланяются гробницѣ Святаго Володимера, съ какимъ усердіемъ онѣ вѣшаютъ свои приношенія — платки и куски полотна!... Не скажу, однако, чтобы на Украинѣ совсѣмъ не осталось слѣдовъ давняго поэтического взгляда на князя Володимера. Въ знахорскихъ заговорахъ, на примѣръ, говорится: «Мѣсяцю-Володимере! ты въ небѣ, дубъ у полѣ, камѣнь у морѣ»... Здѣсь, на Побережьѣ Днѣпровскомъ, отъ старыхъ поселанокъ, я узналъ Купальную пѣсню съ слѣдующимъ припѣвомъ:

«Коло Володимера на Ивана—не орехъ
Се стелеться съ подѣль».

Для меня непонятенъ смыслъ этого припѣва; но какъ обрадовался бы ему покойный Вадимъ Пассекъ, въ подкрѣпленіе своей мысли, что воспѣваемая въ Украинскихъ Купальныхъ пѣсняхъ Ганна есть Володимерова супруга Анна! (см. «Очерки Россіи»). А между тѣмъ эта загадочная Ганна воспѣвается и въ Словацкихъ Купальныхъ (Святоянскихъ) пѣсняхъ (см. въ «Народныхъ Спѣванкахъ», изданныхъ Кола-ромъ). А что сказанья и пѣсни о пирахъ Володимеровыхъ и другихъ его похожденияхъ были и здѣсь, на Украинѣ, въ древнее время, то видно изъ Лѣтописи нашего Нестора, гдѣ

говорится о единоборствѣ Переяславскаго отрока-кожевника (Яна Усмошвеца, по Ник. Л.); о томъ, какъ Владиміръ сказалъ Болгарскимъ посламъ: «Руси есть веселье пити*), не можемъ безъ того быти!» и какъ потомъ, слушая рѣчи философа о Болгарахъ Волжскихъ, «плюну на землю, режь: нечисто есть дѣло!»—или о томъ, какъ оставилъ Володимеръ пиръ творити по воскреснымъ днямъ на княжескомъ дворѣ, въ Гридницѣ, и какъ подпившая дружина говорила: зло есть нашимъ головамъ, что ѣдимъ деревянными ложками, а не серебряными» и т. д. Нельзя и сомнѣваться, что въ Кіевѣ, на пирахъ Володимеровыхъ, пѣлись пѣсни и Малороссійскими и Великороссійскими пѣвцами, сопровождавшими пѣніе игрою на звончатыхъ гусяхъ, какъ пѣлъ и нашъ вѣщій Боянъ, во время Володимера Мономаха, какъ и современный Бояну Ставръ Годиновичъ пѣлъ, конечно, Князю Мономаху Володимеру, а не Святославичу. Но въ Великорусскихъ пѣсняхъ вся древняя жизнь Руси слилась въ одинъ богатырскій вѣкъ Володимеровъ (подобный Западному Карлову вѣку); въ нихъ— въ Ласковому князю Володимеру являются въ Кіевъ не только современники его, но и тѣ лица, которыя жили въ XII-мъ вѣкѣ! Вотъ это между прочимъ, и заставляетъ меня думать, что большая часть Великорусскихъ пѣсень, по содержанию относящихся къ Володимеру и его богатырямъ, сложена уже въ послѣднѣе-Татарское время, по прежнимъ сказаньямъ (какъ я уже и писалъ къ тебѣ объ этомъ въ двухъ письмахъ «О народной исторической поэзіи въ древней Руси», напечатанныхъ въ Москвитянинѣ 1845 г.).

Ты говоришь, что Великороссіяне разнесли по Руси изъ Кіева тамошнія пѣсни о Володимерѣ: я согласенъ съ тобою, разумѣя, что они разносили ихъ по пространству Великой Руси. Но для этого не надо выливать изъ Кіева Малороссіянъ, и замѣщать ихъ Великороссіянами. Когда Владиміръ, для противодѣйствія Печенѣгамъ, строилъ новые города въ Малороссіи, по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ,— онъ бралъ лучшихъ мужей отъ Словенъ (Новгородскихъ), отъ Кривичей, и отъ Чуди, и отъ Вятичей «и отъ сихъ насели

*) Въ спискахъ: «питье».

грады» (Несторъ подь 988 г.). Это значить только, что въ Малороссіи, среди коренныхъ ея старожилонъ (Полянъ и Сѣверянъ), водворяемы были Владиміромъ Великороссіяне, и Бѣлоруссы, и Чудь,—какъ послѣ сынъ его, Ярославъ (1031 года), поселилъ на р. Роси полоненныхъ имъ Ляхонъ, гдѣ и были они во время Несторова (а Мстиславъ, доставшихся на его долю, Ляхонъ, поселилъ, безъ сомнѣнья, на лѣвой сторонѣ Днѣпра); какъ Мономаховы сыновья, Ярополкъ построилъ на Сулѣ городъ Желны или Желнинъ (по нывѣшнему Жѣвнинъ), для полоненныхъ имъ Дручанъ, а Юрій Долгорукій, по вторичномъ занятіи Кіева, водворилъ (впрочемъ не надолго) своихъ Суздальцевъ по Малороссійскимъ городамъ и селамъ; какъ и въ позднѣйшіе вѣка, можно сказать на нашей памяти, водворялись Великороссіяне цѣлыми слободами въ Малороссіи, среди народа Малороссійскаго. Подобно тому, среди кореннаго народа Малороссіи, водворились въ древнее время Торки, Берендѣи, Черныя Клобуки. Изъ всего этого можно выводить заключеніе такое, что въ древнее время, у Малороссійскаго народа было живое и, такъ сказать, домашнее общеніе съ Великороссіянами, съ Бѣлорусами, и съ Ляхами, съ Чудью, съ народцами Турецкаго племени, но никакъ не слѣдуетъ, что бы Малороссіянъ не было здѣсь въ древнее, до-Татарское время.

Къ Володимеру въ Кіевъ приходили богатыри со всѣхъ концевъ Руси (Южной и Сѣверной). Изъ Руси Сѣверной приходили и Новгородцы, и «Мужики-Залѣшане». Первѣйшій изъ нихъ былъ богатырь Илья Муромецъ, изъ села Корочаева, который понынѣ почиваетъ въ Кіевѣ, среди угодниковъ Печерскихъ. Но другъ Ильи Муромца, славный Добрыня, дядя Володимеровъ, былъ Малороссіянинъ, землякъ Первоначальника Русскихъ иноковъ, Преподобнаго Антонія Печерскаго: «Володимеръ бо бѣ отъ Малуши, влючницѣ (милостыницѣ) Ольжинѣ; сестра бо бѣ Добрыня; отецъ же бѣ има Малко¹⁾ Любечанинъ» (Любечанинъ же былъ и Антоній Печерскій).

¹⁾ *Малко* въ Ипатьевскомъ и др. сп. (только въ Лаврент. сп. *Малко*); это уменьшительное Славянское имя *Малъ*, которое известно по современ-

Великороссіяне, приходившіе въ Кіевъ къ Володимеру, распространяли по Русскому Сѣверу пѣсни и сказанья о ласковомъ, гостепріимномъ Князѣ Кіевскомъ, который былъ княземъ и всего соединеннаго и просвѣщеннаго имъ Рускаго міра. Но прежде, чѣмъ можно было сказать о немъ словами Нестора: «Володимеръ просвѣщенъ самъ, и сынове его, и земля его» (988 г.), прежде, чѣмъ онъ сталъ Кіевскимъ княземъ и единовластникомъ всея Руси (980 г.), онъ былъ (съ 970 года) княземъ Новгородскимъ, имѣя при себѣ тамъ и дядю своего, Добрыню. И не съ этого ли десятилѣтія началась та особенная поэтическая привязанность веселыхъ молодцевъ Новгородскихъ къ своему Ласковому разгульному князю Володимеру, и его дядѣ, Добрынѣ, которая потомъ, подтвержденная новыми сказаньями о гостепріимствѣ и пирахъ Володимера въ Кіевѣ, такъ утвердилась въ народной памяти Великороссіянъ, и высказалась потомъ въ нѣснолѣніяхъ, представляющихъ князя Володимера обыкновенно только съ одной, гостепріимной и гулливой, стороны его жизни?... Въ поэтической памяти Великороссійскаго народа Князь Володимеръ остался какъ представитель всей древнерусской жизни, какъ ласковый князь-богатырь Русской земли. Но у народа Малороссійскаго, которому, вмѣстѣ съ Кіевомъ, достались и священные останки Володимера подъ развалинами его Десятинной церкви, онъ запечатлѣлся второю стороною своей великой жизни, какъ Святыи Володимеръ, какъ Равноапостольный Князь! Пѣвецъ Игоря (въ 1186 году), будучи глубоко проникнутъ любовью къ своей родной землѣ, страдая тогдашними бѣдами и страданьями ея, и какъ бы уже предвидя близкое паденіе великокняжеской Кіевской Руси, говорилъ: «О стонати Русской земли, помянувшѣ пръвую годину и пръвыхъ князей!

ному князю Древлянскому; отсюда прозванье дочери *Маловой* или *Малковой*—*Малуша*; а братъ ея, *Добрыня*, по этому будетъ *Маловичъ* или *Малковичъ*. Но тебѣ казалось въ «Исслѣдованіяхъ», что «имя *Малуши* можетъ быть также, что и *Малобрида*» и что она была, «вѣроятно, *Норманка*! Тебѣ и личное имя брата ея, *Добрыня*, казалось только «нѣсколько Слонескимъ»: отъ чего же *нѣсколько*, а не вполнѣ? Хотѣлось тебѣ, чтобы и *Добрыня* былъ, *вроятно, Норманномъ*?

Того стараго Владимира нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевськимъ»!

Теперь обратимся къ тожеству народнаго и письменнаго языка въ нашихъ древнихъ памятникахъ. Я становлюсь на твою точку зрѣнія, беру самыя древніе наши памятники, Договоры съ Греками Олега Вѣщаго, Игоря Рюриковича и Святослава Хоробраго, смотрю пристально,—и увь! не вижу въ нихъ провозглашеннаго вами тожества; напротивъ двойкость языка (отъ соединенія Русскаго съ Церковно-Славянскимъ) кидается въ глаза сама собою. Но объ этомъ—въ слѣдующемъ письмѣ.

Письмо четвертое.

17 Юля.

Истинно не понимаю, какъ могъ ты назвать справедливымъ утверженіе, будто бы въ Древнерусскихъ памятникахъ, писанныхъ до XIII-го вѣка, Русскій народный языкъ не показался нигдѣ своими особенностями, и потому онъ безразличенъ, тождественъ съ языкомъ книжнымъ?... Да не самъ ли ты приводишь изъ Нестора и Кіевской Лѣтописи XII-го вѣка цѣлый рядъ такихъ мѣстъ, въ которыхъ различаешь слова и обороты не Церковныя, но, по твоему, «чисто Великороссійскія», и это различеніе, этотъ рядъ выписокъ, ты полагаешь въ основаніе твоей новой системы!... Положимъ даже, что отмѣченныя тобою выраженія и не «чисто Великороссійскія»; но здѣсь достаточно уже, что они Россійскія, что они не-Церковныя. Отличая ихъ отъ прочихъ, Церковныхъ, формъ, въ языкѣ Нестора и Кіевской Лѣтописи, ты самъ показываешь въ немъ очевидное присутствіе и сочетаніе двухъ языковъ: Церковнаго, книжнаго, и не-Церковнаго, народнаго, или скажемъ опредѣлительнѣе: Церковно-Славянскаго и народно-Русскаго, чтобъ неоставалось недомолвки. О трехъ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ, о Договорахъ Кіевской Руси съ Греками, ты справедливо замѣчалъ, въ «Исслѣдованіяхъ», что писцемъ ихъ былъ всего скорѣе Болгаринъ. У Нестора объ Игоревомъ Договорѣ сказано: «Романъ же созва боляре и сановники,

приведоша Рускыя слы, и велѣша глаголати, писати обоихъ рѣчи на харатьѣ». Этимъ сказаньемъ я поясняю двойность, очевидную въ языкѣ Договоровъ: писецъ, переводчикъ Греческій, какъ ты полагаешь Болгаринъ, пишетъ текстъ Договоровъ на письменномъ языкѣ Славянскомъ, переводя на него и рѣчи Греческихъ бояръ, но, включая туда и рѣчи Русскихъ пословъ, онъ ставитъ въ своемъ текстѣ не рѣдко и формы словъ Русскія.

Смотри въ Олеговомъ Договорѣ первое народнорусское выраженіе «о Головахъ». Это существительное имя во всей Западной Славянщинѣ, Южной и Сѣверной, давнымъ давно уже перемѣнилось въ глава, глова, лова; въ народныхъ Русскихъ нарѣчіяхъ понинѣ говорятъ: голова и галава. Если бы Русскій посоль говорилъ по Бѣлорусскому или Среднерусскому произношенію, то Задунайскому Славянину, говорящему глава, ближе бы и написать галава. Но если написано голова, то это можетъ служить примѣтою, что такъ написано по выговору другаго Русскаго нарѣчія, всего вѣроятнѣе Киевскаго, такъ какъ посольство было изъ Кіева.

Слѣдуетъ другое слово, лодья: опять Русская форма слова, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ Задунайской Славянской рѣчи, гдѣ это слово приняло звукъ а, ладья. Ты, сколько помню, въ своихъ «Исслѣдованіяхъ», относилъ это слово къ Скандинавскимъ или Норманскимъ; но то была явная ошибка, просшедшая отъ твоего чрезмѣрнаго усилія находить Скандинавство во всей Русской жизни до XI-го вѣка; ты вѣдь утверждалъ тамъ, что и наша Русская мѣологія была Скандинавская, а не Славянская! Слово лодья есть обще-Славянское, принадлежащее и Литовской рѣчи, и Скандинавской, и Чудской или Финской. Въ Олеговомъ Договорѣ читаемъ: «Аще ли таковая лодья ли отъ буря или бороненія земнаго боронима, не можетъ възборонитися въ своя мѣста, съ нотружаемъся гребцемъ тоя лодья мы Русь и допродадимъ съ куплею ихъ поздорову». Далѣе: «воволочимъ ихъ мы Русь—полоняникъ—о полоненьи—по 20 золота—по нужи—межи вами—хотятъ—не переступати».

Изъ Игорева Договора выпишу слѣдующія формы словъ чисто-Русскія, которыхъ нѣтъ во всей Западной Славянщинѣ: «да входятъ въ городъ одинѣми ворота— да не имѣють волости купити паволокъ лише по 50 золотникъ—елико есть городовъ—но егда придетъ осень». Изъ Святославова Договора выпишу Русскія формы словъ, отличныя отъ Церковно-Славянскихъ: «хочю—утверждаю миръ—елико есть городовъ—яко золото».

Въ добавокъ къ этимъ Русскимъ словамъ, взятымъ изъ памятниконъ X-го вѣка, писаннымъ Греческими писцами изъ Болгаръ или иныхъ Славянъ Задунайскихъ, возьмемъ нѣкоторыя Русскія формы словъ изъ пѣсни о Полю Игоревомъ, сложенной Южнорусскимъ пѣвцемъ подь исходъ XII-го вѣка, именно 1185—86 года (говорю это утвердительно). Въ этой пѣсни народныя Русскія формы словъ такъ рѣзко отличаются отъ находящихся тамъ же формъ Церковно-Славянскаго языка (уже бывшаго тогда письменнымъ языкомъ Руси), что для большей очевидности, я раздѣлю ихъ чертою:

Голова, голось, соловій,	Глава, гласъ, славій, мла-
молодой, золото, шеломъ, (или	дый, злато.
по Кіевской Лѣтоп., шоломъ),	
молотятъ, городъ, ворота, забо-	градъ, врата, забрало ¹⁾ , вранъ,
роло, воронъ, хоробрый, берегъ,	храбрый, брегъ, единъ, езеро,
одинъ, озеро, собѣ, ночь.	себъ, ночь.

Не ужели и здѣсь не показалаась еще наша народная Русская рѣчь своими особенностями?... Нѣтъ, въ словахъ, которыя выписалъ я тебѣ изъ трехъ Договоровъ, Пѣсни Иго-

¹⁾ Дубенскій, въ своемъ изданіи слова о Полю Игоревомъ, 1844 году, въ приложенномъ тамъ *Указателѣ* (Словарѣ), положилъ слово *забрало*, *забороло*, въ мужескомъ родѣ, *забралъ*, *заборолъ*! Такъ и нѣкоторыя другія Древнерусскія слова положены тамъ не томъ видѣ, какой имѣли и еще имѣють они дѣйствительно въ языкѣ, на примѣръ, вмѣсто *насадъ* муж. р., *лука-моря*, *Боричевъ* (увозъ Боричевъ), *напорзъ*, *брегати*, Дубенскій сочинилъ: *носада* жен. р., *лукъ—моря*, *Боричего*, *напорозъ*, *брешити*, и прочая.

ревой (пропуская всѣ прочіе памятники, гдѣ въ изобиліи находятся тѣже формы, особливо въ Русской Правдѣ, въ Несторѣ, въ Киевской Лѣтописи) Руская народная рѣчь ясно уже обозначилась своими отличительными и существенными примѣтами отъ всей Западно-славянской рѣчи въ особенности языка Церковнославянскаго.

Въ отличіе отъ всей Западно-Славянской рѣчи, она означилась, во первыхъ, тѣми полногласными словами, въ срединѣ которыхъ звуки *л* и *р* обставлены двумя гласными *о* или *е* (по областнымъ нарѣчіямъ измѣняются они въ *а*, *и*) какъ-то: голова, голосъ, болото, золотникъ, паволока, волость, полоняникъ, полонити, молодой, соловіи, шоломъ, молотити, городъ, ворота, заборало, воронъ, хоробрый, порохъ (во множ. проси), боронити, по здорову, берегъ, переступати. Слова этой отличительной породы повинѣ ведутся въ народной Русской рѣчи какъ Сѣверной, такъ и Южной, слѣдственно они принадлежать равно всей Русской рѣчи. Они произошли въ ней не отъ вліянія Финской рѣчи (какъ полагалъ Добровскій), и не отъ вліянія климата (какъ полагалъ Востоковъ), т. е. Сѣвернаго климата (какъ утверждалъ Надеждинъ), но составляютъ исконную, первобытную принадлежность Русской рѣчи, какъ доказывалъ я съ 1836 года, приведенный къ этой мысли сравненіемъ Русскихъ формъ съ Санскритскими (порохъ или порохъ—парага, боровъ—варга, который—катара, и прочая), и видя, что два гласные звуки, которыми обставлены *л* и *р* не вставные, и не бѣглые, но коренные и постоянные, въ Русскомъ выговорѣ, да и не короткіе!

Во вторыхъ: Русская рѣчь въ древнихъ памятникахъ нашихъ означилась отличительно словами: осень, одинъ, озеро, въ которыхъ удерживается начальный звукъ *о*, между тѣмъ какъ въ Церковно-Славянскомъ и во всѣхъ прочихъ Западно-Славянскихъ языкахъ въ этихъ словахъ вмѣсто *о* ставится *е*: есенъ, единъ, езеро.

Наконецъ, я отмѣтилъ тебѣ, въ отличіе Русской рѣчи отъ Церковно-Славянскаго языка, слова: а) по ну жи, мож и

вами, утвержаю, съиотружаемся; б) хочу, хотять, ночь.

Церковно-Славянскій языкъ имѣеть двѣ особенности, ему исключительно принадлежащія, т. е. что сложенный звукъ *ти* (=ч) перевернуть у него въ *ит* (=ш не по нашему, а по Кириловскому, первоначальному значенію этой буквы); а сложный звукъ *дж* перевернуть въ *жд*.

Подобно тому изъ корня *ход*, съ прибавкою глагольнаго окончанія *жу* выходитъ *ходжу*, какъ и теперь еще говорить Южнорусскій народъ во многихъ мѣстахъ Украины и Червонной Руси; но вообще въ Русской рѣчи, изъ сложнаго звука *дж*, отброшенъ коренной звукъ *д*, и оставлено только *ж*: *хожу*, а въ Церковно-Славянскомъ языкѣ оборотомъ *дж* въ *жд*—*хожду*. По этому и вмѣсто Церковно-Славянскаго глагола съпотруждаемъся, находимъ въ Олеговомъ договорѣ—съпотружаемся; тамъ же «но нужи, межи вами»; а въ Церковно-Славянскомъ *нужда*, *между*, перевернулись изъ первообразныхъ *нуджа*, *меджу* (*меджи*, *меджь* и *медь*), отъ которыхъ, съ пропускомъ кореннаго *д*, въ Русской рѣчи издревле оставались *нужа*, *межи*, *межу* или *межь* (по Украински *мѣжь*), хотя въ Русскомъ извѣстны *нуда* и *нудьга*, а въ Карпато-Русскомъ подиарѣчій слышны: *меджи* и *нуджа*. Удержаніемъ сложнаго звука *дж*, въ этихъ случаяхъ, въ Задунайскомъ отдѣлѣ отличается Хорватскій языкъ; Сербскій любитъ звукъ *дъ*; Хорутанскій опускаетъ коренной звукъ *д*, и вмѣсто *ж* ставитъ полугласный *й* или *ь* (вмѣсто *нужа*—*нуя*). Въ Сѣверозападномъ удѣлѣ звукъ *дж* переходитъ въ *дз*: такъ по Словацки, вмѣсто *меджи*—*медзи*; но по Чешски выключается коренной звукъ *д*—*мези* (соотвѣтственно нашему *межи*). Вотъ какимъ путемъ, вмѣсто кореннаго *д*, являются *дж*—*ж*, и *дз*—*з*. Языкъ Южно-Русскій въ народномъ произношеніи удерживаетъ первобытный звукъ *дж* и въ началѣ нѣкоторыхъ словъ, на примѣръ: *джерело*—*жерело*, *жерло*, *дзбань*—*збань* (въ Польск. и Чеш. *дзбань*, *здань*). Такъ и въ Санскритскомъ: *джани*, *жона*, *жена*; *джива*, *жизнь*, и проч.

Я это сказалъ для того, чтобы показать, какую особенность, несогласную съ общимъ строемъ Славянской рѣчи, представляютъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ эти звуки *жд* и *шт*, перевернутые изъ первообразныхъ *дж* и *ти* (=ч), и для объясненія, почему у насъ на Руси въ древнее время такъ не любимо было это Церковно-Славянское *жд*, пока, наконецъ, къ нему попривыкли. Вспомни, что и въ молитвѣ «Отче нашъ», вмѣсто «даждь намъ дньсь» (какъ въ Остромировомъ Евангеліи), въ другихъ Русскихъ спискахъ Евангелія XII и XIII-го вѣка писано: «Дажъ», а въ спискахъ XIV в. «Дай же»; въ древнѣйшемъ же снискѣ Екзархова Богословія даже выскоблено *д* послѣ *жс*: да жь, во жю, поужа. Потому-то и въ Твореніяхъ Св. Кирилла Туровскаго читаемъ: ви жь (а не виждь), стра жю (а не стражду), нужа (а не нужда), пре же (а не прежде), чю жа (а не чужда), во жи (а не вожди), ро жьство (вм. рождьство), заблужьшимъ, расуженьемъ твоихъ мыслій,» и проч. Наконецъ, и въ посланіи св. Симона къ Поликарпу сказано о Св. Леонтіи Ростовскомъ: «се третій гражданинъ небесный бысть Русскаго міра». Тутъ взято Церковно-Славянское слово гражданинъ, но съ исключеніемъ кореннаго звука *д*, потому что онъ поставленъ послѣ *жс*, и вышло стеченіе звуковъ, которое для древней Руси казалось несвойственнымъ.

Предлагаю на твое разсужденіе слѣдующія слова изъ Игоревои пѣсни: плъкъ, влъкъ, стлъпъ, бръзь, врѣхъ, и прочая. Вѣдь это не народныя Русскія формы словъ? По Русски говорится полкъ, волкъ, столпъ, борзь; верѣхъ; то принадлежность нашего книжнаго, церковнаго языка, который въ устахъ своего Задунайскаго (Македонскаго) народа такъ любилъ обращеніе гласныхъ звуковъ *о* и *е* въ полугласные, въ срединѣ словъ. Для Русской рѣчи, искони любящей полногласіе, трудно было это непрестанное улетученіе гласныхъ звуковъ, это превращеніе ихъ въ полугласные, какое любилъ языкъ Церковно-Славянскій, можно сказать противоположный Русской рѣчи по этому свойству (мъчь, дньсь, зьль, плнь). И когда онъ сталъ богослужбнымъ

и письменнымъ языкомъ на Руси, у насъ довольно долго соблюдали эту его особенность, довольно долго писали въ срединѣ словъ, *з* и *ь* вмѣсто коренныхъ гласныхъ *о* и *е*; однако потомъ перестали такъ писать, и стали писать сообразно своенародному, Русскому выговору, который ни какъ не могъ покориться въ этомъ выговору Кирилловскаго языка и передѣлаться на его ладъ; напротивъ, этотъ послѣдній передѣлался у насъ на Русскій ладъ, растворился полногласіемъ Русской рѣчи.

Подобное измѣненіе Церковный языкъ получилъ у насъ и въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ особенностяхъ, которыми онъ не сходилъ съ природною Русскою рѣчью вообще, и съ Великороссійскимъ нарѣчіемъ въ особенности. Напр., отъ чего въ Московскихъ изданіяхъ поставлено «да придетъ царствіе твое,» — когда въ Остромировскомъ спискѣ было: «да придетъ царстви-е твоѣ»? Конечно отъ того, во 1-хъ, что, по господствующему Великороссійскому выговору, глагольное окончаніе 3-го лица утвердилось съ *з*-мъ (*тз*), а въ Кирилловскомъ языкѣ оно было отончено *ь*-мъ (*тъ*), какъ и понынѣ оно въ нарѣчій Малороссійскомъ. Во 2-хъ, потому что Великороссійское нарѣчіе не различаетъ легкаго *е* отъ тонкаго или остраго *іе*, и ставитъ въ словахъ одинъ звукъ.

Другой примѣръ. Отъ чего въ Московскихъ изданіяхъ поставлено: «да будетъ волѣ твоѣ», — когда въ Остромировскомъ спискѣ было: «да бѣдетъ волѣ твоѣ-а»?

О перемѣнѣ *ть* на *тз* сказано выше. Постановка же *у* вмѣсто *юса* (ѣ) произошла отъ того, что для Русской рѣчи несвойственно превращеніе переходнаго звука *у* въ тотъ носовой звукъ, который въ Кирилловской азбукѣ изображался буквою ѣ. Русскому люду не для чего была эта буква, не имѣющая для себя звука въ его рѣчи; потому наши давніе Русскіе грамотники выключали *юсѣ* изъ своего писанія. Такъ бы поступить имъ и съ буквою ѣ; ибо въ Русской рѣчи тоже нѣтъ различія для слуха между постояннымъ *я*, и переходнымъ *и*, и этотъ послѣдній не превращается у насъ въ тотъ носовой звукъ, который въ Кирилловской азбукѣ изображался буквою ѣ. Но удержавъ эту букву, по другой причинѣ, наши

грамотники скоро забыли ея подлинное, первоначальное значеніе, смѣшали ее съ буквою га, и потомъ дали имъ уже произвольное различіе въ правописаніи, совсѣмъ не такое, какъ было первоначально въ языкѣ Кирилловскомъ. Отъ того, вмѣсто «вола твога» какъ было, и какъ бы должно, стали писать: «вола твоа». Такъ же несвойственно ставится ѡ вмѣсто га и въ Славянской грамматикѣ Добровскаго (и въ вашемъ Русскомъ ея переводѣ); ибо знаменитый Чешскій филологъ, хотя разбиралъ Славянскій языкъ до послѣдняго корешка, но не разобралъ подлиннаго значенія буквъ ѡ и ѡ въ Кирилловской азбукѣ, и ихъ правильной постановки. Это объяснилъ Славянскому міру нашъ первоначальникъ въ филологіи, Востоковъ, (въ своемъ достопамятномъ разсужденіи о Славянскомъ языкѣ 1820 года), — и чѣмъ же объяснилъ? Сравненіемъ Церковно-Славянскаго языка по Остромировскому списку... (не съ Великороссійскимъ нарѣчіемъ; но....) съ Польскимъ языкомъ: съ нимъ оказалось, въ этомъ случаѣ, ближайшее сходство.

Для Русской грамоты Церковно-Славянскія буквы ѡ и ѡ были совершенно лишнія и напрасныя; ибо въ Русской рѣчи нѣтъ звуковаго различія между постоянными *у* и *я*, и переходными; но въ Западно-Славянской рѣчи переходные звуки *у* и *я* подверглись разнообразнымъ превращеніямъ, въ томъ числѣ и въ носовые сложные звуки, въ которые переходили они такъ послѣдовательно въ четырехъ языкахъ (за Дунаемъ—въ Церковно-Славянскомъ и Хорутанскомъ, на Сѣверо-Западѣ—въ Польскомъ и Полабскомъ), такъ послѣдовательно и соотвѣтственно, что зная Польскій и Полабскій выговоръ, напримѣръ, слова *ячмень* — *енчмень*, *ячсмень*, утвердительно говорю, что въ Остромировскомъ спискѣ ошибочно поставлено *гачмы*, и что по древнему Кирилловскому правописанію надо писать *ѡчмы*. Тутъ я не могу не замѣтить, какъ напрасно филологическая теорія достопочтеннаго Павскаго различаетъ и въ составѣ Русскаго языка одно носовое *я* (ѡ), будто бы слагающееся изъ *ен*, и разлагающееся на *ен*; другое чистое *я* (га), сложенное изъ *ь* или *й* съ *а*. Мнимое составленіе изъ *ен* и разло-

женіе на *ен* теорія Павскаго приписала не только носовому *я*, но и его намѣстнику *а*. Такъ, напримѣръ, личныя уменьшительныя имена: Саша, Маша, Ваня, Дуня, по теоріи, сокращены изъ Сашень, Машень, Ванень, Дунень, и носовыя *а*, *я*, остаются въ нихъ безъ разложенія на *ен*, пока находятся въ концѣ своихъ словъ; но если, напримѣръ, къ Саша прибавится слогъ *ка*, когда намѣстникъ *а*, очутясь въ срединѣ слова, разлагается на *ен*, и выходитъ не Сашака, а Сашенька. (Фил. Набл. II. 187, 215). А по моему, слогъ *ка* принимается личными уменьшительными именами на тѣхъ же условіяхъ, какъ и всѣми вообще именами, кончающимися на *а* и *я*: всѣ они одинаково, получая новый звукъ *а* въ слогѣ *ка*, отбрасываютъ свой прежній *а*. Такъ отъ имени Саша, съ прибавкою *ка*, произойдетъ конечно не Сашака, однако и не Сашенька, а просто Сашка, какъ отъ слова душа—душка. Имена, кончащіяся на *я* (=ъ+а), съ прибавкою слога *ка*, тоже отбрасываютъ отъ себя прежній *а*, удерживая при себѣ только *ъ*; и потому отъ Ваня, баня, пуля, съ прибавленіемъ слога *ка*, происходятъ Вань-ка, бань-ка, пуль-ка: здѣсь очевидно звукъ *я* разлагается на свои составныя части *ъ+а*. Въ этомъ сложеніи и состоитъ существо звука *я*, также, какъ существо воды въ сложеніи изъ кислорода съ водородомъ, какъ существо зеленаго цвѣта въ сложеніи желтаго цвѣта съ синимъ,—и разложиться звукъ *я* можетъ только на *а*, и на *ъ* или *й*; что же касается до слога *енъ*, то онъ (наравнѣ съ слогами *онъ*, *оч*, *ен*), включается въ слова, какъ особый уменьшительный слогъ: Саш-ень-ка, душ-ень-ка. Переходный звукъ *я*, также какъ и постоянный *я*, имѣютъ одинъ и тотъ же звуковой составъ. Переходный *я* можетъ замѣняться звуками *а*, *е*, и носовыми *ан*, *ен*, *ин*; но въ каждомъ изъ этихъ звуковъ свой особый составъ, съ которымъ они и являются уже готовые, на смѣну *я*. Приведу слѣдующій особенный случай: коренной звукъ *о* въ имени женскаго рода хоть, при Украинскомъ выговорѣ (хоть=хить) перемѣняется на *и*, при Бѣлорусскомъ выговорѣ (хуть) перемѣняется на *у*; Польскій языкъ, принявшій это *у* за переходное, поставилъ, вмѣсто его, по

своему обычаю новое *ен*, и выговорилъ хенць (*снѣс*); не ужели сказать, что здѣсь разложилось на *ен* коренное *о* или *у*? Изъясняя въ составѣ Русскаго языка превращеніе *а* и *я* въ *е*, теорія Павскаго различаеъ носовое *я* (*я*) съ намѣстникомъ его *а*, отъ обыкновенныхъ *я* и *а*, (Ф. Н. I. 129), и полагаетъ, что первые, предполагаемые состоящими изъ *ен*, отбрасывая *н*, естественно получаютъ *е*; а вторые—сперва выпадаютъ изъ словъ для сокращенія, ихъ мѣсто заступаютъ *ь* или *й*, которые, по всѣмъ правамъ, превращаются въ бѣглое *е*! А на мой взглядъ, оба эти процесса теорія выдумала отъ себя, а не дознала ихъ на самомъ дѣлѣ. Смотри: переходъ не носоваго *я* (*га*) въ *е* черезъ *й*—теорія Павскаго поясняетъ перемѣною слова *заяцъ* въ *заецъ* черезъ *зайцъ*; между тѣмъ въ этомъ словѣ именно носовое *я*—*заѣцъ*, по Польски *заѣнць*, по Полабски *заянць*; слѣдственно, теорія должна бы этимъ словомъ пояснять свой первый способъ превращенія, т. е. отпаденіе звука *н* отъ *е*, изъ носоваго *я*. Зачѣмъ же различается въ теоріи то, что не имѣетъ различія въ самомъ предметѣ *ея*, чего на дѣлѣ и сама она различить не можетъ?...

Не такъ ли поступилъ и ты, мой почтенный академикъ, въ своей Новороссійской системѣ?... Отлучаешь Малороссійское нарѣчіе такъ разнo отъ Великороссійскаго, «хотя и безъ основанія»!—признаешь то жество Великороссійскаго нарѣчія съ Церковно-Славянскимъ, хотя это то жество не болѣе, какъ филологическій призракъ, до котораго ты дошелъ только путемъ «логическаго наведенія»! А между тѣмъ, ты уже населяешь Великороссійскимъ племенемъ въ IX-мъ вѣкѣ и Македонію вокругъ Солуня (вмѣсто тамошнихъ Словенъ), и берегъ Чернаго моря, и всю Кіевскую сторону, вмѣсто обитавшихъ тогда и нынѣ обитающихъ Малороссіянъ, которыхъ ты приводишь сюда съ Карпатскихъ горъ уже послѣ Батыева нашествія, на мѣсто Великороссіянъ, будто бы ушедшихъ отсюда, при нашествіи Батыевомъ!... И что же у тебя въ основѣ этихъ новопридуманныхъ заселеній и переселеній: историческія о томъ свидѣтельства письменныя, или давнія преданія изустныя?... Нѣтъ! Историческія преданія,

на примѣръ, Карпатской Руси, говорятъ наоборотъ: что она пришла въ Карпаты съ береговъ Днѣпра, вмѣстѣ съ Уграми, въ X-мъ вѣкѣ; а по другому преданію, что она перешла въ Карпаты въ XIV-мъ вѣкѣ изъ Подолья, вмѣстѣ съ своимъ княземъ Коріатовичемъ. Могли быть оба переселенія: по дѣло въ томъ, что, по обоимъ преданіямъ, существующимъ въ Карпатахъ, Русь переходитъ туда изъ нашего Малороссійскаго края, съ береговъ Днѣпра и съ Подолья. А ты, неизвѣстно почему, выводимъ насъ, Малороссіянъ, изъ Карпатскихъ горъ, послѣ нашествія Татарскаго, тогда какъ мы и прадѣды наши всегда думали и говорили, что мы жили здѣсь, по обѣ стороны Днѣпра, съ незапамятнаго времени, съ предковъ твоихъ! Что у насъ въ Кіевѣ водворились на княженіе Аскольдъ и Диръ, а за ними вѣщій Олегъ съ Рюриковымъ сыномъ. Что у насъ въ Кіевѣ началась и отъ насъ разошлась во всѣ концы Русскаго міра, жизнь, насажденная святымъ Просвѣтителемъ Руси — Владиміромъ; а когда Великокняжеская Кіевская Русь, отживъ свой цвѣтущій вѣкъ, умалилась, тогда новымъ средоточіемъ Русскаго міра стала Москва, среди племени Великороссійскаго. Мы, Малороссіяне, остались по прежнему въ своей родимой Кіевской сторонѣ, въ своихъ стародавнихъ городахъ и селахъ, съ своими преданіями и обычаями,—мы остались на корню, съ котораго не сильны были сорвать насъ ни какіе вихри и бури, ни же гроза Батыевская.... И какъ въ древнее время, мы и наша земля назывались собственно Русью и Русскою землею, а наше южное нарѣчіе называлось Русскимъ языкомъ ¹⁾, такъ въ позднѣйшіе вѣка Русью преимущественно стала называться Великая или Московская Русь, а нарѣчіе Московское стало Русскимъ языкомъ, господствующимъ нынѣ во всемъ Русскомъ мірѣ.

Ты, въ закладку своей Новороссійской системы, положилъ выписки изъ Кіевской лѣтописи и Нестора, и хочешь доказать, будто бы въ нихъ нѣтъ ничего Малороссійскаго!

¹⁾ Въ Лѣтописи Волынской, подъ 1261 г., сказано: «и къ тому толмача, розуміюща Рускій языкъ, што иметь молвити Василько, пріѣхавъ подъ городъ».

Я разсмотрѣлъ твои выписки, всего 6 дюжинъ; и знаешь ли что? Вѣдь это основаніе для тебя не надежное! Тѣ слова и обороты, которые ты отмѣтилъ какъ чисто-Великороссійскія, какъ не-Церковныя и явно не-Малороссійскія, вѣдь они не чисто-Великороссійскія! Для разувѣренія тебя, чтобы мнѣ не слишкомъ много писать, я предположилъ себѣ разобрать только двѣ дюжины твоихъ выписокъ, т. е. третью часть; полагаю, что на первый случай и этого довольно. Но чтобы и въ этой части не вышло у насъ разногласія и недоразумѣнія, я спрошу тебя: голова, борода, дерево—какія это формы словъ, Великороссійскія или Малороссійскія? Когда говорятъ эти слова на Русскомъ Сѣверѣ Смольнянинъ, Суздалецъ, Новгородецъ, Москвичъ, ты имѣешь право назвать ихъ Великороссійскими; а когда говорятъ ихъ на Русскомъ Югѣ Подолянинъ, Волынецъ, Переяславецъ, Кіевлянинъ, я имѣю право назвать ихъ Малороссійскими. Обоимъ Русскимъ нарѣчіямъ эти слова принадлежать какъ родовое, наслѣдственное имущество; и каждое изъ двухъ нарѣчій можетъ считать ихъ у себя своею, неотъемлемою, неприкосновенною собственностью; и если бы которое изъ двухъ нарѣчій вздумало присвоить ихъ себѣ исключительно, и отобрать ихъ у другаго, то на это можно сказать: «Не добро есть преступати предѣла чужаго», какъ сказалъ нѣкогда Несторъ, повѣствуя объ изгнаніи Изяслава изъ Кіева младшими братьями. Неправда ли?... Теперь обратимся къ твоимъ выпискамъ.

Письмо пятое.

Іюля 31-го.

Ты предупреждаешь доказательныя выписки свои двумя замѣчаніями, о которыхъ и мнѣ должно упомянуть предварительно.

Первое замѣчаніе твое состоитъ въ слѣдующемъ: «Если бь Несторъ и продолжатели его, Кіевскіе лѣтописатели, были Малороссіяне, то какимъ бы образомъ могло случиться, чтобы они не дали нигдѣ примѣтить своего Малороссійскаго происхожденія? Какимъ бы образомъ могло случиться, чтобы

они не обронули тамъ-сямъ какого-нибудь Малороссійскаго слова, не употребили Малороссійскаго оборота?...» и т. д.

Но вѣдь Кіевскіе и Волынскіе продолжатели какъ и Пѣвецъ Игоря, писавши на языкѣ Церковно-Славянскомъ, частехонко включали въ него слова и обороты изъ своего роднаго Малороссійскаго нарѣчія. Вольно же тебѣ называть чисто-Великороссійскимъ то, что принадлежитъ, въ Несторѣ и въ Кіевской лѣтописи,—Малороссійскому нарѣчію и языку Церковному! А впрочемъ могло бы случиться и то, что у нашихъ Кіевскихъ лѣтописателей не обнаружилось бы ничего Малороссійскаго, если бъ они захотѣли писать чистымъ Церковно-Славянскимъ языкомъ! Послушай, какъ писалъ Малороссіянинъ въ началѣ XVII-го вѣка (когда писали здѣсь вообще языкомъ Польско-Русскимъ).

«Въ сіе же лѣто (1516) начашася на Украинѣ казаки, о нихъ же, откуда и како начало свое вріяша, нѣчто речемъ. Аще и отъ начала своего сей нашъ народъ Рускій брани всегда употребляешася, и отъисперва въ нихъ сіе художество бѣ, оружіе и брани, якоже вышше пространнѣе речеся, въ главѣ той, откуда изыде народъ Словенскій; по семъ, егда начаша Князи быти, нача въ нихъ лучшее строеніе и обычаи пріятнѣйшія въ землѣ нашей; но обаче сей народъ нашъ бранилюбный не преста строити брани, аще не со околными народы, си есть, Греки, а потомъ Половцы, Печенѣги, то сами межи собою».... (см. Полн. Собр. Рус. Лѣт. II. 367).

Много ли тутъ Малороссійскій лѣтописатель, въ самый разгаръ Козачины, обронулъ изъ своего нарѣчія?... Слово межи, вмѣсто Церковнаго между, слово которое издревле видно и въ географическихъ Южнорусскихъ именахъ: Межибожье, Межимостье, Межигоры, Межирѣчь, также написано оно въ Олеговомъ договорѣ: «быти межи вами», и у Нестора: «что ради губивѣ дружину межи собою», или: «а Кытанъ ста межи валома съ вои»,—и въ Кіевской лѣтописи (объ тѣхъ же Переяславскихъ двухъ валахъ, до нынѣ уцѣлѣвшихъ, и сходящихся въ одинъ валъ недалеко отъ села Строковъ) сказано, подъ 1149 годомъ: «а Гюрги стоя три дня у Стряковѣ... и ста межи валома».

Второе твое предварительное замѣчаніе состоитъ въ слѣдующемъ:

«Еще болѣе—слова, относящіяся до жилища, до одежды, до пищи, въ лѣтописи, отнюдь не Малороссійскія. Вездѣ вы видите избу, истопку, а не хату; сапоги, лапти, а не чоботы; квась, медъ, жито и т. п.»

Какой же ты прихотливый сталъ въ своей Новороссійской системѣ, словно Потемкинъ! Ты и знать не хочешь ни про свитку (1147 г.) и свиту (1074 г.), ни про черевья (1074 г.) т. е. черевики; тебѣ непрѣмѣнно подавай чоботы,—какъ будто Кіевскіе писатели должны были въ свое лѣтописанье влючить цѣлый Малороссійскій словарь! Тебѣ захотѣлось уже отобрать у Малороссійскаго нарѣчія и квась, и медъ, и жито!... Но объ этомъ рѣчь впереди, чтобы не отбиться намъ отъ главнаго, отъ твоихъ доказательныхъ выписокъ.

Ты говоришь: «Малороссійскаго нарѣчія до сихъ поръ, къ стыду своему, мы основательно незнаемъ.... Изслѣдуйте особенности Малороссійскаго нарѣчія.» Ну, вотъ кстати мы вмѣстѣ теперь изслѣдуемъ, узнаемъ его, по его отрывкамъ въ Несторѣ и въ другихъ древнихъ Южнорусскихъ писателяхъ. Вѣдь все, что въ нихъ отмѣнно отъ языка Церковно-Славянскаго, должно принадлежать языку Южнорусскому!

Вотъ первая твоя выписка изъ Кіевской лѣтописи:

«Половци присунушася къ Баручю». Ты отмѣтилъ глаголь «присунушася», какъ чисто-Великороссійскій, явно не-Малороссійскій: за что? Развѣ глагола присунуться нѣтъ въ Малороссійскомъ нарѣчьи?

«Зеленѣнкій барвіночку,

Стелися низѣнько;

А ты, милый чернобривый,

Присунься близѣнько!»

Этотъ глаголь, извѣстный и въ Западной Славянщинѣ, весьма употребителенъ въ Малороссіи: сунуться, посу-
нуться, одсунуться и т. д. Кіевскій лѣтописецъ поста-

вилъ его по Церковно-Славянски «присунушася»; а чисто по Великороссійски и по Малороссійски было бы: присунулися.

Обратимъ вниманіе и на слово Половци. Я думаю, что чисто по Великороссійски было бы Половцы; ибо по господствующему Великороссійскому выговору звукъ *и* въ концѣ словъ требуетъ дебелыхъ гласныхъ и *ъ-а*. (Половѣцъ, Половца, Половцы).

Малороссійское нарѣчіе (во многихъ случаяхъ сходное съ Церковно-Славянскимъ болѣе, чѣмъ Великороссійское) требуетъ послѣ *и*, въ концѣ словъ, непременно *ъ-я* и тонкихъ гласныхъ, даже болѣе, чѣмъ этого требовалъ древній языкъ Церковно-Славянскій, допускавшій *а* послѣ *и*. И если у Нестора написано: «царица Володимеря Анна,» или: у отца, у оконця, ко оконцю, и т. п.; если въ Кіевской Лѣтописи, напримѣръ, въ описаніи Игорева похода на Каялу, написано: «идушимъ же имъ къ Донцю... перебрѣде Донець... дойти рѣкы Донця... до города Донця,» — то мы должны признать, что это написано Малороссіянами. Если же тамъ встрѣчаемъ иногда постановку и дебелыхъ звуковъ послѣ *и*, то это явный слѣдъ позднѣйшей переписки Великороссійскими писцами, которые то копировали свой подлинникъ буква въ букву, то ставили иногда буквы по своему Сѣверному произношенію. Отъ того-то въ Несторѣ, въ Кіевской Лѣтописи, въ Игоревой Пѣсни, которые дошли къ намъ не въ древнихъ Южнорусскихъ, но въ позднѣйшихъ Сѣвернорусскихъ спискахъ, отъ того въ нихъ такая пестрота и разнобоярщина звуковъ, несомвѣстимыхъ въ одномъ и томъ же живомъ нарѣчій; напримѣръ, въ Игоревой пѣсни: башеть и башеть, и трубятъ, къ Софіи и у Софей, полунощи и полунощы и т. д. Филологическая критика наша, разбирая древній Южнорусскій памятникъ, непременно должна различать чтò въ немъ подлиннаго и древняго, и чтò пришло, наноснаго и позднѣйшаго, подобно тому, какъ геологъ различаетъ въ пластахъ земной коры разновременныя формаціи крижениковъ (roches). А если филологическая критика наша иногда не умѣетъ еще различать, то объ этомъ можно сказать словами Лаврентія-мниха: «книгы ветшаны, а умъ молодъ,

не дошелъ!» Когда ты въ Лаврентьевскомъ спискѣ Нестора читаешь, «ты еси старейшей братъ» (1024 г.), или: «вдамъ ти которой ти городъ любъ» (1097 г.),—не ужели ты не слышишь, что здѣсь старейшей, которой, какъ диссонансы, которые написалъ по своему Великороссійскому нарѣчію можетъ быть самъ «Лаврентей мнихъ»; но Кіевляне—Нестеръ, Селивестръ, Василиій написали бы по Южноруски, и по Церковно-Славянски, не иначе, какъ старѣйшій, который. Но когда мы читаемъ въ томъ же спискѣ Нестора: Печенигы, или «Мойсій же хапаяся за шію» (вм. Печенѣгы, Мойсѣй, какъ тамъ же обыкновенно писано), то это мы отнесемъ къ списку, написанному еще къ Кіевской сторонѣ Южнорусскимъ писцемъ, который по своему выговору поставилъ и вмѣсто ѣ; Суздальскій переписчикъ только скопировалъ эти буквы въ своемъ спискѣ; а самъ отъ себя, по своему выговору, онъ могъ бы написать Моисей, Печенегы, подобно тому, какъ въ Игоревої пѣсни позднѣйшій писецъ ея (очевидно Суздалецъ) писалъ: о Днепрѣ! вм. о Днѣпре! и т. п.; или какъ г. Дубенскій предлагаетъ вм. полегоша, почнемъ писать правильнѣе (!!)—полѣгоша, почнѣмъ... Вотъ также несвойственно и вы, Сѣвернорусскіе историки, вмѣсто Перипетово поле, Перипетовы (могилы), какъ написано правильно въ Кіевской Лѣтописи, пишете: Перипѣтово, Перепѣтовы! или: вмѣсто Богданъ Хмельницкій—Богданъ Хмѣльницкій!

Но вотъ другая твоя выписка изъ Кіевской лѣтописи: «Святославъ Ростиславичъ отпроядъ Половци». Смотри—въ твоемъ письмѣ (въ Москвитянинѣ) корректоръ Великороссіянинъ даже переименовалъ этотъ глаголъ, несвойственный его Великороссійскому нарѣчію; онъ поставилъ по своему отпроядъ, когда въ Кіевской Лѣтописи и написано, и напечатано: отпроядъ (подъ 1154 г.). Малороссійскому нарѣчію понынѣ свойственны глаголы провадити, запровадити, отпрывадити, припрывадити и т. д. А потому, если мы читаемъ въ Олеговомъ договорѣ допрывадимъ, съ куплею ихъ поздорову»,—въ Кіевской Лѣтописи «отпрывадя По-

ловца», — въ Волынской Лѣтописи «препровѣдиша рѣку Лютую» (1208 г.), то имѣемъ полное право сказать, что это писано по нарѣчію Малороссійскому.

Третья выписка: «бѣ рѣка бережиста». За что ты назвалъ это прилагательное имя чисто-Великороссійскимъ, явно не-Малороссійскимъ? Въ Кіевской Лѣтописи оно принадлежитъ несомнѣнно Малороссійскому нарѣчію, въ которомъ вообще любимы прилагательныя имена съ окончаніемъ истый: норовистый, головистый, коренистый, рожайстый, и—очевистый. Припомню въ Кіевской Лѣтописи (подъ 1173 годомъ) слово: очевисто; оно такъ знакомо каждому, кто обращался съ Малороссійскими судовыми актами XVI-го, XVII-го и XVIII-го вѣка. Не ужели скажешь, что и слово «очевисто» въ Кіевской Лѣтописи чисто Великороссійское, не-Малороссійское? А въ Сѣвернорусскомъ Ипатскомъ ея спискѣ это слово даже подчищено было и написано «очивѣсто»! (см. примѣчаніе редакціи, на стр. 106.).

Письмо шестое.

Августа 1-го.

По нынѣшнему дню приходится мнѣ взять въ разсмотрѣніе слѣдующую твою выписку изъ Кіевской Лѣтописи: «Коли будетъ святыхъ Маковѣй»? Вотъ уже ты отмѣтилъ и нарѣчіе коли, какъ чисто-Великороссійское, не-Малороссійское!... А это словцо употребительно не только во всей Русской рѣчи, но знакомо и въ Западно-Славянскихъ языкахъ. Притомъ же, у Великороссіянъ употребительно еще когда, когда (откуда и сокращенное кгда), даже колды, а Малороссійское нарѣчіе обходится только однимъ коли! Такъ въ пѣснѣ спрашиваетъ у козака сестра его:

«Коли, брате, зъ войска прійдешъ?»

Такого же, весьма недоказательнаго, значенія и твоя выписка: «яша коня за поводъ». Какъ по-Великороссійски, такъ и по-Малороссійски: за поводъ, за поводы, за повода. У Нестора сказано, что Кіевскій отрокъ пошелъ къ Печенѣгамъ съ уздою: скажешь, и это по-Великороссійски? А какъ же иначе по Малороссійски?

Но для нынѣшняго дня возьму еще конецъ твоей нарочито-длинной выписки, сдѣланой тобою «съ особымъ намѣреніемъ».

«Нынѣ же чи хресту чѣстному управити, якоже еси чѣловаль, буди со мною; а ты уже хрестъное чѣлованіе переступилъ... а нынѣ абы со мною Богъ былъ и хрестъная сила».

Тутъ лѣтописатель Кіевскій поставилъ, по своему Малороссійскому нарѣчію, и два словца: а бы, чи, и слова: хрестъ, хрестъный, которыя всѣ и понынѣ въ Малороссійскомъ нарѣчіи—какъ хлѣбъ насущный! Такъ въ пѣсняхъ:

—«А бы менѣ хлѣба-соли родобувъ».

—«Чи ты, милый, припавъ пыломъ»

—«Чи метелицею?»

Тутъ мнѣ живо вспоминается, какъ нашъ классическій Гнѣди чъ, въ Августѣ 1831 года, еще незнакомый тогда мнѣ лично, отыскалъ меня, уединеннаго въ Симоновской Слободкѣ, и въ бесѣдѣ нашей о Малороссійскихъ пѣсняхъ, высказывая свою мысль о сходствѣ Малороссійскихъ звуковъ съ Итальянскими, декламировалъ мнѣ стихи:

«Сбромъ менѣ, чи не сбромъ»!...

Что же касается до слова хрестъ, то Малороссійское нарѣчіе постоянно удорживаетъ въ немъ звукъ *x* вмѣсто *k*: хрестъный, хрещеный, хрещатый, хрещатикъ, хрестины (крестыбины), Водохрѣщи, Средохрѣстная недѣля (Крестопоклонная). И такъ, если мы въ Кіевской Лѣтописи читаемъ: хрестъ, Водохрѣщи (тамъ же, годъ 1148 г.). Средохрѣстная недѣля (подъ 1170 г.), не должны ли мы сказать утвердительно, что это написано по Малороссійски? Въ Кіевской Лѣтописи, подъ 1147 годомъ, написано: «отторгоша хрестъ на немъ»; тоже самое въ Суздальской (Лаврентьевской) Лѣтописи переписано такъ: «и отторгоша на немъ крестъ».

Что же въ твоей нарочитой выпискѣ есть чисто-Великороссійскаго? По моему мнѣнію, только чѣлованіе,

написанное вмѣсто цѣлованіе очевидно Сѣвернорусскимъ переписчикомъ Кіевской Лѣтописи, который въ XIV-мъ или XV-мъ вѣкѣ, въ Ипатскомъ спискѣ нерѣдко ставилъ ч вмѣсто и, по своему областному, почти навѣрно сказать можно, Новгородскому выговору.

Такъ, напримѣръ, онъ написалъ: «и чѣлова Святославъ крестъ.» (1143 г.) — «Хотятъ тебе Переяславчи.» (1147 г.) — «А Игорь стояше у Городьча». (1142 г.) — «а самъ иде въ Городечь», и т. п. Вотъ это ужь отнюдь не Малороссійское, не Кіевское произношеніе; какъ говорили и писали «Новгородчи».

Но тотъ же писецъ, въ Ипатьевскомъ спискѣ, писалъ и наоборотъ—и вмѣсто ч, тоже по своему областному, не-Малороссійскому, выговору: «Изяславъ Святополчиць» (1128 г.) — «ни науцилъ» (1147 г.) — «исполциста воя своя» (1149 г.) — «ты ся, отце, не труди., а самъ, отце, ѣди въ Кіевъ» — «и есть рѣцка мала до города». — «И посла Мстиславъ къ Давыдови съ тою рѣцью» (1170 г.) и т. д.

Другой переписчикъ Лѣтописи, съ Ипатьевского списка, писаннаго въ нѣсколько рукъ, писавши такъ называемый Хлѣбниковскій списокъ XVI-го вѣка, (принадлежавшій Кіевскому Митрополиту, Сильвестру Коссову) былъ, какъ видно, Малороссіянинъ, и нерѣдко возстановлялъ надлежащее чтеніе, перемѣною и на ч, и ч на и, поставленныхъ не по Кіевски въ спискѣ Ипатьевскомъ, напр. вмѣсто рѣцью, рѣцка—рѣчью, рѣчка и прочая.

Таже исторія была и съ Южнорусскою Игоревую Пѣсню: Сѣвернорусскій переписчикъ ея, въ XV-мъ вѣкѣ, ставилъ въ ней иногда по своему выговору: вмѣсто лucci, вѣци—лучи, вѣчи; вмѣсто луче (лучче)—луце. И Граматинъ (1823 г.) поступилъ какъ филологъ, предпринявъ привести текстъ Игоревой Пѣсни къ однообразному правописанію. Жаль, что онъ преждевременно отважился на поправку нѣкоторыхъ грамматическихъ окончаній, и особенно ошибся онъ на первомъ лицѣ двойственного числа, передѣлывая древнюю форму его на позднѣйшую,—подобно тому, какъ и писецъ Хлѣбниковскаго списка иногда передѣлывалъ ту же древнюю форму

двойственного числа (*отъ*) на позднѣйшую (*ва*), существовавшую въ его время между Славянорусскими грамотниками. Но Сахаровъ, въ своемъ изданіи Пѣсни (1839 г.), поступилъ гораздо хуже, передѣлывая въ текстѣ Пѣсни одно лице на другое; напр. вмѣсто «оба есвѣ» — «оба естѣ»! и т. п. *Abusus non tollit usum*. Такъ и въ Лаврентьевскомъ спискѣ Нестора было: «и рече Каинъ: изидѣте на поле, Авелю»; но филологъ Тимковскій, въ своемъ недоконченномъ изданіи Нестора (стр. 56), поставилъ правильно въ 1-мъ лицѣ: «изидѣве». Такъ точно поставилъ въ текстѣ и Бередниковъ (I. стр. 38); но черезъ 35 лѣтъ послѣ изданія Тимковского можно было уже поставить съ совершенною правильностью, какъ и было въ спискѣ Воскресенскомъ, т. е. «изыде вѣ» (или хоть изиде вѣ). Грамотный писецъ Хлѣбниковскаго списка вездѣ писалъ изыде (вм. изиде), по свидѣтельству редакціи (II. 19).

Ты спросишь меня, почему я называю Малороссіяниномъ Хлѣбниковскаго переписчика Лѣтописи? Въ «Изыдованіяхъ» своихъ ты обнаружилъ особенное вниманіе къ частнымъ случаямъ. И потому, кромѣ вышеупомянутаго восстановления звуковъ *и* и *и*, по Малороссійскому нарѣчію, и другихъ примѣтъ, я приведу, собственно для тебя, слѣдующій частный случай.

Сѣвернорусскій писецъ Ипатскаго списка, подъ 1202-мъ годомъ, написалъ: «изыде ды рею градною». Это написано по Великорусски; Кіевлянинъ не могъ бы такъ написать: ибо это слово и по Церковно-Славянски, и по Малороссійски ставится съ буквою *ь*, а не съ *ы* — дѣра, дѣрка, а не дыра, дырка. Сообразно этому Хлѣбниковскій писецъ, вмѣсто «изыди ды рею», написалъ «изыде дѣрою», т. е. пещернымъ, подземнымъ выходомъ, какіе были во многихъ городахъ и въ позднѣйшіе вѣка, (сравни въ современной Нестору *Mater Verborum: diera, дѣра, caverna*).

Тутъ мнѣ вспомнулось, какъ Павскій наступалъ на Добровскаго.... «Аббату Добровскому — говоритъ онъ, — представилось, будто буква хѣръ — Словенское слово хыръ (шумъ, крикъ). Но между *ь* и *ы* большое разстояніе. Въ Словенскихъ

языкахъ никогда не измѣняется *ы* на *ь*» (Филолог. Наблюд. I. 34).

Но отъ чего жъ одна и таже буква дѣйствительно называется въ Малороссіи и въ Червоной Руси именно *хырѣ*, а въ Великой Руси *хѣрѣ*? Подобную замѣну буквъ *ь* и *ы*, но только обратно, представляетъ и слово *дѣра*, *дѣрка*, по Великорусски *дыра*, *дырка*. А что и коренной звукъ *ы* въ Словенскихъ языкахъ могъ перемѣняться на *ь*, тому очевидный примѣръ на глаголѣ *быть*, который по Церковно-Славянски мѣняется въ *бѣхъ*, *бѣ*, *бѣхомъ*, *бѣста*, *бѣша*. Однако—прощай! За мною разборъ еще 18-ти твоихъ выписокъ.

Письмо седьмое.

19-го Августа.

Въ прежнихъ шести выпискахъ твоихъ все, что ты назвалъ явно не Малороссійскимъ, а чисто Великороссійскимъ, оказалось на повѣрку—Малороссійскимъ! Возьмемъ въ разсмотрѣніе другія шесть выписокъ твоихъ изъ Кіевской Лѣтописи:

- 7.—«Язь, брате... радъ, ѣду».
- 8.—«Конь нача соватися подъ нимъ».
- 9.—«Андрей князь толикъ умникъ смй».
- 10.—«Они же не догнавшє надъ берегъ».
- 11.—«Узрѣша Половцы помочныя полкы».
- 12.—«Именины тогда бяхуть».

Но тутъ и разсматривать нечего; тутъ всѣ отмѣченныя тобою слова, всѣ они, подъ перомъ Кіевлянина,—Малороссійскія, какъ и слова: «смага, туга, яруга, струга» (по нынѣшнему стружка, водяной протокъ) у пѣвца Игоревя; какъ слово *коропъ* (рыба) у игумена Даниїла; какъ глаголы: *лагодити*, *вередити* въ Поученьи Мономаховомъ.

- 13.—«Бишася крѣпко ту днину».

И это слово живетъ въ нарѣчїи Малороссійскомъ, равно какъ и слово *вечерина* вм. *вечеръ* и *вечера*. *Днина* вм. *день*, какъ *година* вм. *годъ*, въ древнемъ значенїи этого слова (напримѣръ, въ Кіевской Лѣтописи подъ 1185 г.: «въ годъ вечерній»).

14. — «Оже ся братья совокупила въ едину мысль... азъ ваю надѣлю».

И мысль, и надѣлю принадлежитъ несомнѣнно нарѣчию Малороссійскому; единъ вм. одинъ вошло въ него изъ языка Церковнаго.

15.—«Днѣпръ росполиваетъ... Рушися Днѣпръ».

Рушися — по Церковно-Славянски, а по Великороссійски было бы рушился; такъ писали обыкновенно, т. е. съ буквою л, и Малороссійскіе, и Бѣлорусскіе писатели повднѣйшихъ вѣговъ, хотя въ народномъ выговорѣ, и Малороссійскомъ, и Бѣлорусскомъ, это л обращается въ полугласное *о*: давъ, дала, дало; рушився, рушилась, рушилось. А что глаголь рушати, рушити, принадлежитъ искони Малороссійскому нарѣчию, о томъ и говорить нѣчего; какъ у Нестора сказано: «и повелѣ игуменъ рушити» (1091 г.): какъ въ Лѣтописи Кіевской: «уже рѣкы ся рушajúть» (1148), такъ и въ думѣ Украинской, на походъ въ Молдавію (1650 г.), говорится:

«Самъ Хмельницкій попередъ всѣхъ рушавъ,
До Хотии прибувавъ».

«Не рушь!» говорятъ Украинцы, т. е. не тронь, не займай!

Глаголь росполиваетъ или росполивае — тоже Малороссійскій (прибавокъ *ть* удерживается и откидывается послѣ *с*, какъ и въ Кіевской Лѣтописи встрѣчаемъ, речеть и рече). Имя полѣй (выговаривается полій, т. е. вода поверхъ льда) извѣстно каждому приднѣпровскому Украинцу.

16.—«Половци яшася бѣгу онятъ своею дорогою».

Своею дорогою — это не по Церковно-Славянски; ибо дорога или дарога есть наша Общерусская форма этого слова, которое Западнославянскою рѣчью сокращено въ дрога и драга. Но тутъ вотъ въ чемъ дѣло: Великороссіане говорятъ: дорогою, по дорогѣ, при дорогѣ, а Малороссіане говорятъ: дорогою, по дорозѣ, при дорозѣ. Въ Кіевской Лѣтописи читаемъ: своею дорогою, — «наѣхаша дорогу ихъ, и поѣхаша по дорозѣ»... (1173

г.), или: «по королеви дорозѣ» (1152 г.); очевидно, что это написано по Малороссійски, а не по Великороссійски.

Приведу такой же примѣръ изъ Нестора. Порогъ или парогъ есть наша Общерусская форма этого слова, сокращенная всею Западнославянскою рѣчью въ прогъ и прагъ. У Нестора написано: «Новгородцю же сѣдѣцю на порозѣ» (1071 г.); ясное дѣло, что это написано по Малороссійски: Великороссіянинъ сказалъ бы «на парогѣ».

А ты говоришь теперь: «Если Малороссійское нарѣчїе жило на Днѣпрѣ, то зачѣмъ нѣтъ его слѣдовъ въ лѣтописяхъ»?—Какихъ тебѣ еще слѣдовъ, какъ эти чисто-Малороссійскія формы: на порозѣ, по дорозѣ?... Сходно съ этимъ и по Бѣлорусски говорится: на парозѣ, на дарозѣ; а по Великороссійски на парогѣ, по дарогѣ, или на до-рогѣ.

Тутъ открывается случай означить еще одну филологическую примѣту: Малороссійское нарѣчїе, сходно съ Бѣлорусскимъ и Церковно-Славянскимъ, въ именахъ всѣхъ трехъ родовъ, перемѣняетъ гортанные звуки *г, х, к*; на *з, с, ш*, передъ *ь*, въ падежахъ дательномъ и предложномъ; Великороссійское нарѣчїе, въ этомъ случаѣ, удерживаетъ *г, х, к* безъ перемѣны. Это еще одна отличительная черта, по которой Великороссійское нарѣчїе отмѣняется отъ Церковно-Славянскаго и отъ Малороссійскаго. Видишь, сколько уже набирается такихъ отличительныхъ примѣтъ, вопреки мнимому тождеству Церковнаго языка съ Великороссійскимъ!

Приведу для звука *х* примѣры изъ Киевской Лѣтописи: «ни въ добрѣ, ни въ лисѣ» (1152 г.)—«иде съ ними къ Воробейнѣ и къ Росусѣ» (1160 г.), по Хлѣбниковскому списку—«къ Роксусѣ». Казалось бы, ясное дѣло, что здѣсь имена лихо и Росуха или Роксуха склонены по Малороссійски (или хоть по Церковно-Славянски); но у Карамзина, Строева, Неволіна (въ Спискѣ Русскихъ городовъ) поставлена Роксуса; да и въ твоёмъ «Розысканіи о городахъ» поставлена Росуса! Всѣ вы, по Великороссійскому нарѣчїю, и не могли произвести иного именительнаго падежа изъ лѣтописнаго выраженія къ Росусѣ. Я писалъ тогда объ

этомъ, кажется, къ тебѣ, или къ Неволину, не припомню уже; и ты, въ 4-мъ томѣ «Исслѣдованій», поправилъ прежнюю ошибку свою, поставивъ не Росуса, а Росуха, и приведя справедливое указаніе Надеждина и Неволина на село Расуху, нынѣ существующее въ Сѣверной сторонѣ.

Но зачѣмъ же ты оставилъ безъ поправки, въ 4-мъ томѣ «Исслѣдованій», имя Свинуси, когда ты же опредѣлилъ намъ это историческое мѣсто, указаніемъ на нынѣшнее Волынское село Свинюхи?... Въ Киевской Лѣтописи сказано: «и снястася Гюрги съ Ярославомъ Галичьскимъ у Свинусѣхъ въ селѣ» (1157 г.). Казалось бы, ясное дѣло, что здѣсь склонилось по Церковно-Славянски Южнорусское имя Волынского села Свинюхи (какъ на Украинѣ — Чернүхи); но вамъ не подсказало этого Великороссійское нарѣчіе, и отъ того у васъ явились Свинусы (такъ и въ Ключѣ Строева) или Свинуси. Кстати для исторіи этого села, скажу, что оно называлось Свинюхами уже и въ XVI-мъ вѣкѣ, какъ видно изъ жалобы князя Курбскаго 1575 года объ убійствѣ его урядника, Калиновскаго, Берестецкими мѣщанами Войтехомъ и Андреемъ Остаховичами. Князь говоритъ, что Калиновскаго едва живаго подданный Хаць «до Свинюхъ отослалъ, тамъ же у Свинюсехъ заразомъ съ тыхъ ранъ тотъ урядникъ мой умеръ»¹⁾.

Вотъ уже мы разсмотрѣли 16 доказательныхъ выписокъ твоихъ изъ Киевской Лѣтописи: и ни одного изъ нихъ не нашлось въ пользу твоей Новороссійской системы, — все не впадать; и ты долженъ самъ увидѣть теперь, что ты ими — убилъ бобра. А какъ искатель и другъ истины, ты — ужели не отречешься отъ своего новаго и напраснаго слова, будто въ Киевской Лѣтописи нѣтъ слѣдовъ Малороссійскаго нарѣчія?... Это нарѣчіе такъ часто пробивается сквозь основу письменнаго языка Церковно-Славянскаго! Развернемъ еще нѣсколько разъ Киевскую Лѣтопись на удачу, и съ каждой открывшейся страницы выпишемъ по одному мѣсту:

¹⁾ См. на стр. 68 во 2 томѣ. «Жизнь князя А. М. Курбскаго» Е. 1849 г., превосходный трудъ профессора Иванничева, изданный Киевскою Временною Комиссіей.

1.—Стр. 39. «и того еста съступила, и досыти ми пересердія учинила еста».

Къ этому мѣсту приведу изъ Украинской думы о Гетманѣ Самойлѣ Кôшкѣ:

«На що ты на мене такее великее пересердіе маешь,
Що одъ мене сѣгодня барзо рано выѣзжаешь?»

2.—Стр. 140. «изѣхаша (Половци) горôдъ Чюрнаевъ, и острогъ взяша, и дворъ зажгоша, и статокъ его всь поимаша и.... ту перепочивше.... и возвратишася къ ватагамъ своимъ».

Тутъ всѣ отмѣченныя мною слова—Малороссійскія.

3.—Стр. 144. «Въ тоже лѣто паде снѣгъ великъ въ Киевской стороны, коневи до черева на Великденъ».

4.—Стр. 55. Оттолѣ (Изяславъ) шедъ, и ста у Святослави Криницѣ».

Вотъ кстати тебѣ приднѣпровская мѣстность, названная чисто Малороссійскимъ словомъ, криниця, которое у Галицкой и Карпатской Руси перевернуто въ кирница, (какъ слово долонь, длань, длонь, Московскимъ нарѣчiemъ перевернуто въ ладошь). Ты говоришь въ своемъ письмѣ: «При географическихъ моихъ изслѣдованіяхъ я былъ пораженъ характеромъ многихъ собственныхъ именъ тамъ, вовсе не Малороссійскимъ». Жаль, что ты не привелъ этихъ именъ: назови ихъ, пожалуйста, для нашего вразумленія. Я и самъ, какъ ты знаешь, не мало занимался «историческою Географіей» Южной Руси; однако не былъ пораженъ такимъ явленіемъ, о которомъ ты говоришь. Между географическими именами, конечно, есть многія, происхождение которыхъ трудно изяснить, которыя иногда взяты изъ языка Половцевъ и прочихъ одноплеменныхъ имъ народцевъ (напр. Инжиръ-бродъ); но въ большинствѣ — имена Малороссійскія, начиная съ Кіева (отъ собственнаго имени князя Кія, по нарицательному имени Кій), и названной теперь Святославовой Криници, до острова Хортичого (отъ хортъ, хортиця, борзая собака).

Не надо только придавать Южнорусскимъ географическимъ именамъ окончаній по Великорусскому нарѣчію,

какъ мы видѣли выше на Росухѣ. Ты въ «Издѣлованіяхъ» ставишь: Серебряной, Боровой, Дерновое; это не-свойственно; надо: Серебряный, Боровый, Дерновый (городъ, нынѣ село Деренковецъ). По моему, и именамъ, кончающимся по Южнорусски на *ця*, (какъ видно и по тексту Лѣтописному) можно бы не придавать Великорусскаго окончанія *ца*, по крайней мѣрѣ, въ ихъ Географическомъ спискѣ. Передѣлаете на Сѣверные звуки Южнорусскія имена, да потомъ и будете говорить, что они поражаютъ характеромъ вовсе не Малороссійскимъ!

5.—Стр. 145. «А думай, гадай о Русской земли, и о своей чести, и о нашей».

Думати-гадати—это одно изъ любимыхъ выраженій пѣсеннаго и разговорнаго языка Южнорусскаго. Такъ и помянутая выше дума о походѣ въ Молдавію начинается слѣдующими стихами:

«Изъ низу Днѣпра тихій вѣтеръ вѣе-повѣвае,
 Войско Козацьке въ походъ выступае;
 Тѣлько Богъ Святый знае,
 Що Хмельницькій думае-гадае!»

6. Стр. 72.—«и вложиша ѿ (Галицкаго Князя, Володимера) въ укропъ, и молвахуть, яко дна есть подступила».

Редакція пояснила, что—«дна слово Польское и Чешское: ломъ въ составахъ или костяхъ». Но я пояснилъ бы это изъ Малороссійскаго нарѣчія тѣмъ, что днами называется внутренняя середка живота, и что подступила дна значить уже смертельную болѣзнь, схватившую Князя, отъ которой и былъ онъ посаженъ въ укропъ (чтобы ему спарить животъ—первѣйшее средство и у нынѣшнихъ Малороссійскихъ лѣкарокъ). Украинскія женки очень примѣчаютъ, пока у нихъ еще «дна бьютъ, якъ курчята клюють!» (Дна подступила—въ Лѣтописи, множественное число средняго рода).

Новгородцы въ XII-мъ вѣкѣ «нили укропъ» (ужь не збитень ли?). Но это слово укропъ или окрѣпъ по нынѣ самое повседневное Малороссійское слово, означающее горячую воду. (Не слѣдуетъ смѣшивать его съ словомъ окрѣпъ—

окопъ, укрѣпленіе. Буквы њ и ѿ выговариваются одинаково, какъ тонкое и).

7.—Стр. 6. «Княземъ за ракою идущимъ, межи в о р о м ъ, и не бѣ изѣ везти отъ множества народа, поламляху в о р ѣ».

Писецъ позднѣйшаго Ермолаевского списка поставилъ: а межи возомъ, поламляху дворъ (такъ и Псковской Лѣтописи, изданіемъ которой мы обязаны тебѣ) вмѣсто б р о д о в е заворены вѣрами переписчики ставили и за в о р о н е н ы и затворены.

Но въ Малороссійскомъ нарѣчій весьма извѣстны слова в о р ѣ, в о р ѣ, огорожа изъ жердей; а каждая жердина, въ такой огорожѣ, зовется в о р и н о ю. Отсюда и названье при днѣпровскаго мѣста В о р о в и ч и (К. Л. 1150 г.).

Но довольно выписокъ изъ Кіевской Лѣтописи. Обратимся къ Нестору.

Письмо восьмое.

20 Августа.

Вопросъ о языкѣ Несторовой Лѣтописи можно было считать рѣшеннымъ: это языкъ Церковно-Славянскій съ примѣсью изъ народнаго Южнорусскаго языка по его Кіевскому нарѣчію,—также, какъ и въ Кіевской Лѣтописи XII-го вѣка. Это рѣшеніе, я думаю, выдержитъ всякую пробу, точно такъ, какъ и подлинная, неподложная древность Несторовой Лѣтописи, и Пѣсни о Полку Игоревѣ, и трехъ Договоровъ съ Греками, выдержали всѣ пробы Скептицизма. Въ 3-мъ томѣ «Исслѣдованій» ты говорилъ тоже: «У Нестора находите вы отраженіе Малороссійское», и заступался горячо за это мнѣніе (стр. 357): но теперь ты уже противъ него, и называешь его предубѣжденіемъ, вслѣдствіе своего новаго убѣжденія, будто въ Несторѣ, какъ и въ Кіевской Лѣтописи, нѣтъ и слѣдовъ Малороссійскаго нарѣчія, а есть слѣды Великороссійскіе, ж будто лѣтописи въ Кіевѣ писали Великороссіяне, какъ древнѣйшіе жители Кіевской страны, и писали на своемъ природномъ, Великороссійскомъ, нарѣчій, тождественномъ съ такъ называемымъ Церковно-Славянскимъ.

Ты говоришь: «Воображаю себѣ лѣтописателя Нестора или другаго монаха: какъ могло придти ему въ голову ломать себѣ языкъ и завести новую рѣчь, постоянно соображаясь съ Церковными образцами, которыхъ не зналъ же онъ сполна наизусть. Можно ли писать на чужомъ нарѣчїи, не зная его? А знать его было нельзя! За всякую форму ему надо бы справляться? Какъ бы не забылъ онъ ту или другую, и не запутался въ своихъ выраженїяхъ? Что за насилїе должно было дѣлать себѣ? Кто могъ выдержать это? Вѣроятно ли это»?...

Что это? Ужъ не скептицизмъ ли Каченовскаго, въ отмщенїе за себя, подсказалъ тебѣ такія рѣчи, и навѣялъ на воображенїе твое «духъ отрицанья, духъ сомнѣнья»?... Отъ чего же военный человекъ, Молдавскій воеводичъ, Петръ Могила, поступившій въ Печерскїе монахи, черезъ 6¹/₂ вѣковъ послѣ Нестора, писалъ свободно на трехъ родственныхъ языкахъ, на Церковно-Славянскомъ, Польскомъ и на тогдашнемъ письменномъ языкѣ Западнорусскомъ?... Отъ чего въ Кїевѣ, нѣсколько ранѣе Нестора, князь Всеволодъ Ярославичъ, «дома сѣдя, изумѣяше пять языкъ?» А любознательный, книжный Несторъ, возмужавшій въ великомъ училищѣ Руси, въ Печерскомъ монастырѣ, когда былъ живъ еще и преподобный Θεодосїй, писавшій столько Поученїй къ братїи и Посланїй къ князьямъ, въ пещерной келїи котораго инокъ Иларїонъ проводилъ дни и ночи въ списываньи книгъ, блаженный Никонъ занимался обдѣлкою ихъ, для которой самъ «Начальникъ» прядъ волну и вервїе... Несторъ, среди Печерской братїи, въ которой тогда былъ и «творецъ каноновъ, Григорїй», не могъ знать Церковнаго языка!.. Не могъ знать, черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ великій «Просвѣтитель Руси» началъ отдавать дѣтей на ученье книжное, и Церковно-Славянскїй языкъ сталъ молитвеннымъ языкомъ Русскаго человека!... Да если бы нашимъ богослужебнымъ языкомъ при Владимїрѣ сталъ Греческїй, или Латинскїй, и на нихъ писали бы свободно Кїевскїе грамотники XI-го вѣка, какъ впослѣдствїи Кїевляне, Яворскїй и Прокоповичъ, можно сказать, играли Латинскимъ языкомъ въ своихъ стихотворенїяхъ, свободно писавши и на Польскомъ, и на Церковно-

Славянскомъ, и на тогдашнемъ Русскомъ въ двухъ его видахъ А съ какою правильностью и отчетливостью писали, прежде, Нестора, на Церковномъ языкѣ, и Новгородскій диаконъ Григорій, въ Евангеліи Остромировскомъ (1056 г.), и дьякъ Іоаннъ, вѣроятно Кіевскій, въ Изборникѣ Свято-славовскомъ (1073 г.). Но—то были уже записные знатоки и мастера въ языкѣ Церковномъ, вѣроятно, изъ Ярославовой школы писцевъ и переводчиковъ, о которой Несторъ говоритъ съ такою любовью: «якоже бо се нѣкто землю разбѣреть, другій же насѣть, ини же пожинають и ѣдятъ пищу бескудну, тако и съ: отецъ бо сего Володимерь взора и умягчи, рекше крещеньемъ просвѣтивъ; съ же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей; а мы пожинаемъ, ученье приѣмлющее книжное». Несторъ и его Кіевскіе преемники не заводили новой рѣчи: прежде ихъ Церковный языкъ былъ уже на Руси богослужебнымъ и письменнымъ языкомъ, на которомъ писали Иларіонъ, и Іаковъ, и Лука, и Θεодосій, и еще прежде другіе Русскіе грамотники написали Русскую Правду и Уставы Церковные. Для Нестора и его продолжателей Церковный языкъ былъ уже не мертвымъ, но живымъ языкъ, усвоеннымъ съ дѣтства, вмѣстѣ съ народнымъ языкомъ Южнорусскимъ, который въ ихъ писаніяхъ и входилъ свободно въ основу Церковно-Славянскую, какъ это видимъ мы и въ Русской Правдѣ, и въ Пѣсни о Полку Игоревѣ. Да и ты самъ, не смотря на свое нынѣшнее утвержденіе о тождествѣ Церковнаго языка съ Великороссійскимъ, различаешь въ Несторѣ: слова и обороты не Церковные, а Великороссійскіе, отъ прочихъ—какихъ же? Церковныхъ, не Великороссійскихъ! Видишь, въ твоёмъ новомъ убѣжденіи есть уже противорѣчіе, которое ты можешь оправдывать разными діалектическими изворотами, но объ которомъ, по истинѣ, можно сказать словами Бѣлорусской присказки: «Круци, верци, а треба вмерци»!

Въ твоихъ доказательныхъ выпискахъ изъ Нестора столь же мало доказательной силы, какъ и въ выпискахъ изъ Кіевской Лѣтописи.

Вотъ первая, а въ счетъ мною разсматриваемыхъ 17-я: «Сзываетъ безчисленное множество народа» (такъ

напечатано въ твоёмъ письмѣ); напишемъ, какъ у Лаврентія: «сзывая бесчисленное множество народа». (См. въ изданіи Тимковскаго, стр. 88). Тутъ нѣтъ ни одного слова не-Церковнаго и не-Малороссійскаго.

18.—«Егда же подъпняхуться, начняхуть рожтати на князь, глаголюще: зло есть нашимъ главамъ!»

Подъпняхуться—развѣ это «чисто по Великороссійски»? Нѣтъ! Эта глагольная форма, какъ и начняхуть, есть Церковно-Славянская, съ окончаніемъ *ху* (въ единственномъ числѣ *ше*), которому наши Кіевскіе писатели XI-го вѣка придавали верѣдко свой привычный глагольный прибавокъ 3-го лица *тъ* (бяхе-тъ, бяху-тъ): а въ XII-мъ вѣкѣ эта форма была въ ходу и у Сѣверной Руси (съ тою разницею, что тамъ писали и *тъ* и *тѣ*). Такъ я изъяснилъ эту особенную глагольную форму (шеть, хуть) въ моей «Исторіи древней Русской Словесности» (гл. VIII.), и остаюсь при прежнемъ мнѣніи. Что же касается до выраженія «нашимъ главамъ», то это у Кіевского писателя—по Малороссійски, у Новгородца или Суздальца было бы—по Великороссійски.

Пропускаю двѣ выписки твои, съ словами: «молчаливъ, боголюбивъ» (отмѣченными, какъ чисто-Великороссійскія, не Церковныя), и беру въ разсмотрѣніе слѣдующія:

19.—«Володимеръ же нача размышляти». (стр. 93).

20.—«Володимеръ—расплакався». (стр. 112).

21.—«Половци землю нашу несутъ розно». (стр. 109).

Слово *розно* у Нестора пишется и по Церковно-Славянски—*разно* (на стр. 112; «разидошася *разно*»; на стр. 34: «расточи я *разно*»), и по Южнорусски—*розно*. А что это слово издавна въ нарѣчій Малороссійскомъ, тому въ примѣръ приведу соотвѣтственное мѣсто изъ стиховъ Гетмана Мазепы объ Украинѣ:

«Мати моя старѣнькая,
Чомъ ты вельми слабѣнькая?
Розно тебе росшарпали» ¹⁾.

¹⁾ См. Исторію Малой Россіи, Бантышъ-Каменскаго. 1822. Т. III. с. 296.

Такъ и въ Кіевской Лѣтописи: «Половци розшляся розно» (1147 г.), расплакався («се слышавъ Володимерь, расплакавъся и рече») — это у Нестора по Малороссійски, равно какъ и розглядають городъ» и проч. Или въ Кіевской «Лѣтописи: розирая нарядъ его, и како городъ стоить». Малороссійское нарѣчіе присвоило себѣ исключительно *роз*, тогда какъ въ Великороссійскомъ допускаются и *роз*, и *раз*. Глаголь размышляти написанъ по Церковно-Славянски; но онъ весьма извѣстенъ и въ Малороссійскомъ нарѣчій: розмышляти, замышляти, и т. п.

22.—«Бяше пришелъ Славята... на нѣкое орудье».

Ты справедливо говоришь: «выраженіе самое употребительное»: но это въ лѣтописаньи. Орудье, въ смыслѣ дѣла, слово — не очень употребительное въ Великороссійскомъ нарѣчій, равно и въ Малороссійскомъ; однако въ Малороссійскомъ остались отъ него весьма употребительныя глаголы: орудовать (дѣлать, работать), зъорудовать (выиграть дѣло, или сдѣлать что въ свою пользу). Видишь, что этуо выпискою ты ничего не съорудовалъ для своей Новороссійской системы!

23.—«Не бѣ лзѣ вкратися въ градъ».

И тутъ нѣтъ ничего такого, что можно бы назвать чисто-Великороссійскимъ, не Церковнымъ, и не Малороссійскимъ.

Но вотъ уже кончается предположенное мною число твоихъ выписокъ. Беру послѣднюю изъ Нестора:

24.—«Олегъ не всхотѣ сего, вину река: не сдравлью».

25.—Въ дополненіе приведу еще одну изъ Кіевской Лѣтописи: «и шель спать здоровъ».

У тебя оба слова сдравлью и здоровъ отмѣчены, какъ Великороссійскія; но первая форма — Церковно-Славянская, вторая Общерусская; у Кіевского Лѣтописца она Малороссійская. Коренное и первообразное слово здоровъ, въ Западославянской рѣчи перемѣнилось въ здровъ, здравъ и съдравъ (такъ въ Остромировомъ Евангеліи); таково и Несторово сдравлью. По Малороссіи здоровъ, по здо-

ровляти, поздорóвити (поздравить), поздоровѣти, и поздоровѣти: «Поздоровѣ Боже вась»!—любимое присловье Украинскаго селянина.

И такъ по твоимъ выпискамъ изъ Нестора видно, что и здѣсь, какъ въ Кіевской Лѣтописи, все, что названо тобою Великороссійскимъ, принадлежитъ или Церковно-Славянскому языку, или Малороссійскому нарѣчію. И такъ основаніе новой системы твоей рушится, а съ нимъ рушится и самая система твоя, измечтанная всею хитростью! Ты говоришь, что заключенія твои о заселенности Малороссіи искони Великороссіянами, а не Малороссіянами, и о тожествѣ Великорусскаго нарѣчія съ Церковнымъ съ перваго раза испугали тебя... Не былъ ли то голосъ исторической совѣсти?... Доказывать, что до нашествія Татарскаго на Кіевъ не было Малороссійскаго народа на Руси Кіевской,—для меня все равно, если бы доказывать, что до нашествія Польскаго на Москву не было Великороссійскаго народа на Руси Московской!

Письмо девятое.

21 Августа.

Взглянемъ на Волынскую Лѣтопись, писанную въ продолженіе XIII-го вѣка. Хотя въ Галичѣ, на Подольи и Волыни ты допускаешь Малороссіянъ и въ до-Татарское время, однако написаніе Волынской Лѣтописи ты поручаешь своимъ «Кіевскимъ Великороссіянамъ», даже и написаніе второй половины ея до нашествія Татарскаго. Ты говоришь: «Можетъ быть, Малороссіяне тогда еще недостаточно возобладали въ странѣ, и оставались еще слѣды Великороссійскіе въ княжескихъ родахъ боярскихъ, въ духовенствѣ, въ военномъ сословіи. Пришли же туда еще позднѣе Литовцы или Бѣлорусцы, съ Гедиминомъ, и ввели въ письменное употребленіе свой языкъ, ведшійся даже до позднѣйшаго времени, между тѣмъ какъ тамъ несомнѣнно уже жили Малороссіяне. Я говорю о времени послѣ Татаръ, и даже хоть до Петра I. Какъ Бѣлорусское употреблялось въ этотъ періодъ, такъ Великорусское, господствовавшее сначала при Великороссіянахъ, могло вестися тамъ

между грамотѣми еще въ XIII столѣтіи. Укажу и на значительный примѣръ изъ Волынской (подъ 1205 г.): «Бѣ Тимошей въ Галичѣ премудръ книжникъ, отчество имѣя въ градѣ Кіевѣ».

Т. е. ты хочешь, чтобы и въ Галичѣ писали не Малороссіяне, а твои Кіевскіе Великороссіяне! Да такъ и говоришь ты далѣе, что нарѣчіе «Малороссійское существовало въ устахъ своего племени, а лѣтописи писаны Великороссіянами, которые потому и оставили свои слѣды а не Малороссійскіе». (Мы видѣли уже эти слѣды, по твоимъ выпискамъ). Но ты и Малороссіянамъ, переселеннымъ тобою изъ Карпатъ въ Кіевскую сторону послѣ Татаръ, и всѣмъ вообще, не даешь писать у себя дома, говоря, что и послѣ Татаръ «писали Бѣлорусцы, и писали на своемъ нарѣчій, а не Малороссіяне»,—и это продолжаешь—«даже хоть до Петра I-го»!...

Тутъ, припомнивъ Митрополита Кирилла III-го, уроженца Волынскаго (1250), съ его краснорѣчивымъ современникомъ, Серапіономъ изъ Кіева, и святаго Митрополита Петра Волынца (1326), и Вассіана, и наконецъ старца Епифанія Славинецкаго, съ его Кіевскими сотрудниками въ Москвѣ,—подумаешь, что ты Малороссіянамъ предоставляешь писать только за предѣлами Малороссіи; а въ ней назначаешь писать только Бѣлорусцамъ на ихъ языкѣ!... Но я не стану здѣсь входить ни въ эти дальнѣйшія подробности твоей Новороссійской системы, столь непрочной (какъ самъ видишь) въ ея филологическомъ основаніи, ни въ твои историческіе выводы, по которымъ ты такъ произвольно выживаешь изъ Кіевской первоозванной Русской земли, Малороссійскій народъ, искони здѣсь обитающій, и замѣщаешь его новопридуманными Кіевскими Великороссіянами. (Это понадобилось тебѣ, кажется, для того, что,—говоришь,—«не даромъ же Несторъ, описывая разселеніе племенъ по пространству нынѣшней Россіи, оставляетъ нашу Великую Россію почти пусто!» Такъ изъ-за этой, едва ли дѣйствительной, пустоты надо тебѣ нашу Малую Россію оставить совсѣмъ пусто при нашествіи Татаръ—выводомъ изъ нея на Сѣверъ мнимыхъ Великороссіянь, а на ихъ мѣсто свято

перевести не книжныхъ Карпаторусцевъ, да нишущихъ Бѣлорусцевъ!). Я обратился къ Волынской Лѣтописи въ видахъ филологическихъ, чтобы сказать, что она, такъ же какъ Несторова и Кіевская Лѣтопись, писана Церковно-Славянскимъ языкомъ съ примѣсю нарѣчія Малороссійскаго. Южнорусскій языкъ состоитъ въ двухъ главныхъ нарѣчіяхъ: въ Малороссійскомъ, и Червонорусскомъ. Оба они, при всѣхъ мѣстныхъ своихъ разностяхъ, запечатлѣны единствомъ одного языка, что и свидѣтельствуешь о древнемъ его образованіи. А потому разныя мнѣнія о происхожденіи Южнорусскаго языка послѣ XIII - го вѣка несправедливы такъ же, какъ и мнѣніе Калайдовича, будто Церковно-Славянскій или Моравскій языкъ былъ общимъ и нераздѣльнымъ языкомъ всѣхъ Славянъ еще въ IX-мъ вѣкѣ! Южнорусскій языкъ ближе и роднѣе всѣхъ къ Сѣвернорусскому, состоящему въ двухъ главныхъ нарѣчіяхъ Велико-россійскомъ и Бѣлорусскомъ, и составляетъ съ нимъ одну великую рѣчь Русскую или Восточнославянскую. Русская рѣчь соотвѣтственна всей Западнославянской рѣчи, состоящей тоже въ двухъ удѣлахъ: Югозападномъ (куда принадлежатъ 5 Задунайскихъ языковъ: Церковно-Славянскій или Македонскій, Болгарскій, Сербскій, Хорватскій и Хорутанскій) и Сѣверо-западномъ (гдѣ также 5 языковъ Польскій, Чешскій, Словацкій, Лужицкій, и Полабскій). Припоминаю весь кругъ Славянской рѣчи для того, чтобы еще разъ сказать, какое несвойственное проповѣдалъ ты тожество Велико-русскаго нарѣчія съ Церковно-Славянскимъ, и какъ несправедливо у тебя разлученіе Малороссійскаго съ Велико-русскимъ, которыя — Сѣверскимъ поднарѣчіемъ съ одной стороны, и Среднерусскимъ (по племени Вятицкимъ) съ другой стороны, сходятся многими признаками близко. Но въ отношеніи къ Церковно-Славянскому языку, Малороссійское нарѣчіе во многихъ примѣтахъ ближе къ нему, чѣмъ Велико-россійское, хотя при позднѣйшемъ образованіи Московскаго поднарѣчія въ нынѣшній, собственно такъ называемый Русскій языкъ, Церковный языкъ вошелъ въ составъ его

гораздо глубже и обильнѣе, чѣмъ въ какой либо другой; и отъ того-то тебѣ показалось однородство и даже тожество Великороссійскаго нарѣчія съ Церковнымъ: позднѣйшее живое сочетаніе ты призналъ за первородное единство, чего филологія не признаетъ никогда. Карпаторусское поднарѣчіе есть самое далекое отъ Украинскаго; и по мѣсту, и по примѣтамъ это послѣднее есть наиболѣе развитое и образцовое въ Южнорусскомъ языкѣ, по принадлежности своей издревле къ Києву и Переяславу, (подобно тому какъ въ кругу Великороссійскомъ поднарѣчіе Московское). Украинское нарѣчіе не можетъ быть признано непосредственно отросткомъ и пересадкомъ Карпаторусскаго, въ XIII-мъ вѣкѣ. Вотъ и филологическое возраженіе противъ твоего вывода Украинскаго народа отъ Руси Карпатской послѣ нашествія Татаръ, вывода, не имѣющаго себѣ исторической опоры. Ты думаешь, что изслѣдованіе особенностей Малороссійскаго нарѣчія прольетъ свѣтъ на происхожденіе Козаковъ. Нѣтъ, здѣсь историческія свидѣтельства были бы важнѣе филологическихъ; и сколько можно проникать сквозь мглу, еще не сошедшую съ этого историческаго вопроса, то наши Козаки не иные кто, какъ Украинцы, даже и при той догадкѣ или мечтѣ моей что первымъ началомъ нашего козачества были древніе Тмутороканцы, по прекращеніи ихъ княжества (а слово Козакъ было и въ языкѣ Половецкомъ). Что же касается до составленія новаго племени Козацкаго изъ Торковъ и Волынскихъ Малороссіянъ, то я этого никакъ не понимаю и не провижу. Къ чему и какъ тутъ именно Волынцы, и что за новое племя Козацкое?... Козачество было званіе, сословіе а не племя.

Письмо десятое.

22 Августа.

Можетъ быть, въ Лѣтописи Кіевской ты думалъ видѣть такія особенности Малороссійскаго нарѣчія, какъ, наприм. обращеніе гласныхъ звуковъ въ тонкое *и*: *кѡнь* — *кинъ*, *нѡжь* — *нижь*, *нѣжь* — *нижь*, и т. п. Но этотъ выговоръ не есть повсемѣстный въ Южнорусскомъ языкѣ, и грамотные

Малороссіяне до исхода прошлаго столѣтія не вводили въ свое правописаніе такихъ особенностей, писали: вонь, ножь, нежь, и т. п. Учась грамотѣ по букварю, часословцу и псалтырю, они и въ правописаніи своемъ соблюдали, по возможности, правописаніе Церковное; по крайней мѣрѣ оно было главною основою. Такъ и Московскіе грамотники: они не выражали буквами точь въ точь особенностей своего выговора, не писали: *все* (вм. все), званятъ въ калакала и т. п. Равно и Бѣлорусское нарѣчіе (какъ ты и говоришь, что на немъ писали въ Малороссіи съ половины XIV-го вѣка и даже хоть до Петра) никогда, даже въ самой Бѣлоруссіи, не являлось на письмѣ съ своими главными особенностями, ни съ своимъ *а*, вм. *о*, болѣе твердымъ, чѣмъ Московское и Средне-Русское, ни съ своимъ *dz* и *и* вм. отончаемыхъ *д* и *т*; (а эти особенности принадлежатъ Бѣлорусскому нарѣчію, конечно, съ незапамятныхъ временъ, не то, чтобы съ XIII-го или даже XI-го вѣка). И такъ отсутствіе разныхъ областныхъ особенностей у Древнерусскихъ грамотниковъ не должно быть поводомъ къ заключенію, что ихъ и не было въ нарѣчіяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, на примѣръ, выговоръ *н*, какъ *и*, у Новгородцевъ, случайно обличается подъ перомъ діакона Григорія въ самомъ текстѣ Евангелія (въ повелительномъ наклоненіи). Такъ и у Нестора встрѣчаемъ: *посмихаяся* вм. *посмѣхаяся*, можешь приписать это опискѣ Кіевлянина для котораго *н*—*и*. Еще, для заключенія о древнихъ принадлежностяхъ нарѣчій, надо имѣть въ виду, что съ теченіемъ вѣковъ многія слова перемѣняли свое значеніе, на примѣръ: въ Кіевской Лѣтописи *заворожити* (1149 г.) значитъ поссорить, завести в о р о ж д у (вражду); а теперь значитъ загадать; 2) совершенно забывались, напр.: *папорзъ*, вѣверица, или слово *Хоробрый*, которое теперь непонятно для простолюдина, и онъ подумаетъ, что оно значитъ больной (*хороба*), между тѣмъ въ Украинскихъ думахъ XVII-го вѣка это слово еще употребительно; въ Волынской Лѣтописи Святославъ *Хоробрый*; или: ее же король Данило Князь добрый, хоробрый и мудрый (1264). Тоже и въ Кіевской Лѣтописи: «яша Дмитра хороброго и Олексу дворьского»

(1171 г.); тоже и въ Игоревой Пѣсни. Надо имѣть въ виду и то, что какъ не всѣ города и села поименованы у лѣтописцевъ, и не всѣ событія историческія описаны и упомянуты, и не всѣ князья названы поименно; тѣмъ менѣе могли войти въ лѣтопись всѣ слова языка своенароднаго и Церковнаго. Отрицая присутствіе слѣдовъ Малороссійскаго нарѣчія, ты говоришь: «еще болѣе слова, относящіяся до жилища, до одежды, до пищи, отнюдь не Малороссійскія. Вездѣ видите избу, истопку, а не хату; сапоги, лапти, а не чоботы; квасъ, медъ, жито и т. п.» Не только хата и чоботы, но большая часть словъ, относящихся къ жилью и одеждѣ, пропущена въ Лѣтописаньи!

Относительно одежды я уже упомянулъ о кожухѣ, свитѣ, свитѣѣ и сорочкѣ; онѣ отнимаютъ у тебя всякое право говорить, что названья одеждъ въ Лѣтописяхъ «отнюдь не Малороссійскія»; напротивъ, онѣ подтверждаютъ собою право на признаніе въ Лѣтописи Малороссійскихъ одеждъ.

«Кожухъ же оловира Грецького и круживы златыми плоскими ошить и сапози зеленого хѣза шити золотомъ» (В. Л. 1262). Припомнимъ и кожухы въ Игоревой пѣсни. Слово сапоги у Нестора и прочихъ Кіевлянъ никакъ нельзя назвать Великороссійскимъ, уже потому, что оно есть и въ Церковномъ языкѣ: «дадите пръстень на руку его и сапогы на нозѣ его». Остр. А что это слово было въ Южнорусскомъ языкѣ въ древности, о томъ свидѣлствуютъ и названье засапожникъ (ножь, кинжалъ въ Игоревой Пѣсни), и Волынскій городокъ Сапогынъ — (1151 г.), нынѣшнее село Сапожинъ. Ты говоришь, что въ Лѣтописи видимъ лапти; но упомянутые у Нестора лапотники не относятся къ Южной Руси. Когда одержана была побѣда надъ Волжскими Болгарами, Добрыня говорилъ Володимеру: «сѣглядахъ колодникъ, оже суть вси въ сапозѣхъ: симъ дани намъ не даяти; но искать лапотниковъ». На Украинѣ вмѣсто лаптей носятъ кожаные постолы или постолы, извѣстные и за Днѣпромъ (и есть народная сказка, какъ Богъ далъ дѣду золотые постолы съ серебрянными волоками, т. е. повязками); но въ лѣсныхъ мѣстахъ

Сѣверіи ходять и въ лаптяхъ, называемъ еще лыча-
камн.

У Нестора, въ сказаньи о старцѣ Исакинъ, говорится объ
его «свитѣ вотоляной», и «червьяхъ протоптанныхъ»; въ
Кіевской Лѣтописи (1147), въ сказаньи объ Игорѣ Ольговичѣ,
говорится, что его «изъ свиткы изволокоша». Позабыты
уже въ народѣ Украинскомъ имена многихъ прѣжнихъ одеждъ:
и корзно или кирзно, и прилбица, и многія другія
одежды позднѣйшихъ вѣковъ; но свита или свитка, сви-
тина и кожухъ остались постоянными и главными прина-
длежностями Украинской одежды.

Почему названье избы, истъбы или истопки замѣ-
нилось на Украинѣ преимущественно словомъ хата, это
также трудно рѣшить, какъ и то, почему у Карпаторусцевъ
изба называется обыкновенно хижою? Но какъ можно было
тебѣ назвать «отнюдь не Малороссійскимъ» слово изба,
принадлежащее не только всѣмъ почти нарѣчіямъ Славян-
скимъ, но вошедшее даже и въ Половецкій словарь, вмѣстѣ
съ словомъ печь? Это отрицанье твое стѣдитъ Сабининскаго
утвержденія, что слово изба въ Русскомъ языкѣ есть Скан-
динавское. Между тѣмъ въ Волынской лѣтописи (1202 г.)
встрѣчаемъ Малороссійское слово господа, отъ котораго и
господарь, хозяйнъ дома. Въ Кіевской Лѣтописи (1185),
при описаньи осады Римова, т. е. нижняго Ромна (Засулья)
Кончакомъ, сказано: «и летѣста двѣ городницѣ съ людьми».
Это слово городница извѣстно и въ XVI и въ XVII в., при
описаньи городовыхъ и замковыхъ оградъ Украинскихъ. У
Нестора встрѣчаются слова: стрѣха, колодязь; такъ
именно произносятся онѣ и теперь по Малороссійски. При-
помню кстати Волынской городокъ Володимеровъ-Ко-
лодязь, подъ пару Святославлевой Криницѣ. Въ
Уставѣ Володимеровомъ говорится объ овинѣ; это, конечно,
не относится къ Украинѣ; но за р. Сеймомъ въ Сѣверской
Малороссіи, начинаются уже овины. Слово хоромы понинѣ
употребительно и въ языкѣ народно-Украинскомъ. Относи-
тельно вищи и питья, какъ можно было тебѣ отнести къ
разряду не-Малороссійскихъ словъ: медъ, квасъ, жито!

«Жито поспѣло, приспѣло дѣло».

Украину Поляки называли медовою странюю; отсюда и къ Святославу Хороброму на Дунай, гдѣ была «середа земли его»,—приходилъ медъ, вмѣстѣ съ воскомъ, скорою и челядью. Вольно было Сабинину, въ его чрезмѣрномъ Скандинавствѣ, признать нашъ напитокъ м-едъ Скандинавскимъ: между тѣмъ, какъ слово это обще языкамъ семьи Индо-европейской и произносится каждымъ изъ говорящихъ ими согласно съ непремѣнными свойствами того или другаго. Объ этомъ можешь справиться, пожалуй, хоть въ самой Москвѣ, гдѣ тебѣ все это подтвердятъ, да еще прибавятъ, что нѣтъ Славянскаго народа, который бы не зналъ его, и вся разница ограничивается только оттѣнкомъ произношенія *e* (изъ *a*), звучащаго то какъ твердое *e*, то какъ отонченное *a*, то какъ *ë*; послѣднее замѣчаемъ въ выговорѣ Великороссянъ, Бѣлоруссовъ, Поляковъ и Нижнедужичанъ; предпоследнее у Верхнедужичанъ, а первое у всѣхъ прочихъ Славянъ. А почему, вольно и тебѣ относить его къ напиткамъ «отнюдь не-Малороссійскимъ»? Извини—Деревлянскіе меду при Ольгѣ и Кіевскіе меду Володимеровы ведутся понинѣ. Какъ въ храмовой праздникъ Преображенья, въ Васильковѣ, продолжавшійся при Владимирѣ (996 г.) восемь дней, варили 300 проваръ меду; такъ въ маломъ видѣ понинѣ на Украинѣ—къ храмовымъ днямъ варятъ медъ, на который идетъ весь околный народъ, по пословицѣ: «Де храмъ, и мы тамъ!» Въ пѣсняхъ осталась память о великой охотницѣ до меду—Лемерихѣ:

«Ой пила пила, Лемѣриха на меду,

Да пропила свою дочку молоду».

У зажиточныхъ козаковъ встарину, вмѣсто древнихъ медушъ, были пивницы. Такъ въ пѣснѣ, прошлаго столѣтія, удалецъ Савва Чалый говоритъ:

«Пойди, дѣвко, у пивницу,

Да принеси пива,

Ой нехай же я напьюся,

Да за своего сына!

Пойди, дѣвко, у пивницу

Да принеси меду,
Чогось менѣ трудно нудно,
Головы не звезду!»

Батый говорилъ Князю Данилу: «Не обыкли пити молока (т. е. молока чернаго, кумысу) — пей пиво!» (Вол. Л. 1250 г.) Тутъ мимоходомъ замѣчу, что по Малороссійски, сходно съ Церковно-Славянскимъ, говорится пей, бій, шій и т. п.

«Ой пей, да не лій,
Люби жѣнку, да не бій!»

А потому въ Кіевской Лѣтописи (1147) слова: «побейте, побейте!» написаны, очевидно, Сѣвернорусскимъ переписчикомъ, вм. «побійте, побійте!» такъ же, какъ писано тамъ тысяцвой или тысячкою вм. тысяцкый¹⁾ и т. п.

Какъ въ Игоревоѣ Пѣсни битва на Калѣ уподоблена свадебному пиру, и говорится тамъ о кровавомъ винѣ, такъ въ думѣ о славной битвѣ Хмельницкаго Корсунской (1648 г.)—она сравнивается съ вареньемъ пива. Есть и пословицы Украинскія: «Не диво пиво; дивнѣйше люди, що ёго пьють». Или: «Що зъ того пива; за квась буде!»

А какъ несправедливо ты отбираешь даже и квась у нарѣчія Малороссійскаго, еще съ древняго времени употребительнаго, какъ Володимеръ въ Кіевѣ велѣлъ, и медъ и квась возити по городу! Для больныхъ и нищихъ не переводился на Украинѣ освѣжительный квась; дѣлають его изъ яблокъ, грушъ, березоваго соку; а буряковый квась (свековичный) настаивается для борщу, какъ и хлѣбный сыровецъ; къ свадьбамъ готовятъ квась хлѣбный, какъ обрядное питье, называемое и брагою. Упоминаемый у Нестора «квась уснеяный», т. е. кожевенный, тоже употребителенъ на Украинѣ въ этомъ дѣлѣ. Есть и каррикатурная пѣсенка о кожемякѣ:

«Ой пѣдожди, дѣвчинонько,
Бо не маю часу;

¹⁾ Кстати: помнишь мое изъясненіе Древнерусскаго тысяцкаго званіемъ городовыхъ полковниковъ въ Украинѣ козацкой? Тебѣ оно правилось въ 1849-мъ году: принялъ ли ты его?

Одну шкуру въ зубахъ держу,
Другу тягну въ квасу».

Кстати о глаголѣ тягну, тягнути: вѣдь нарѣчіе Великороссійское издревле выпускаетъ коренной звукъ *г*—тяну, тянутъ. Но въ Кіевской Лѣтописи (1157) читаемъ: «и одинъ съ города потягнувъ стрѣлою». А какъ знаменательно слово: «Потягнемъ!» въ устахъ Святослава Хоробраго (971 г.). Подобно ему, и Святославъ Ярославичъ (1067 г.) на рѣкѣ Снови, противъ Половцевъ, говорилъ: «Потягнемъ, уже намъ нельзѣ камо ся дѣти!» Такъ и Игорь Святославичъ (1185 г.), входя въ Половецкую землю, говорилъ: «Сего есмы искали, а потягнемъ!»—Малороссійское нарѣчіе постоянно сохраняетъ коренной звукъ *г* въ этомъ глаголѣ. Такъ въ Пѣснѣ, сложенной въ XVII-мъ вѣкѣ про Запорожца Грицька Сагайдачного (бывшаго послѣ Кошевымъ), онъ говоритъ:

«Гей, хто въ лѣсѣ—озовися!
Да вырешемъ огню,
Да потягнемъ люльки,
Не журися»!

Къ слову: не знаю, ведется ли у Сѣверной Руси ребачья игра въ волосянку, которая по всей Малороссіи любима не только хлопцами, но и дѣвчатами. Сперва пропѣвають:

«Ой нумъ, братця, волосянки тягти;

А хто не дотягне, того за чубъ тягти»!

И тянутъ всѣ О... а кто первый отстанетъ, того всѣ дерутъ за чубъ. Такимъ же порядкомъ тянутъ волосянку и на всѣ гласные звуки.

Письмо одиннадцатое.

Люблю языкъ моей родины и уже лѣтъ тридцать наблюдаю звуки его въ сравненіи съ Сѣвернорусскими и съ Западно-Славянскими; примѣчаю всѣ его отголоски въ народныхъ пѣсняхъ и въ письменныхъ памятникахъ разныхъ вѣковъ. Во всѣхъ древнихъ памятникахъ, писанныхъ нѣкогда на нашемъ Русскомъ Югѣ, вижу ясно слѣды Южнорусскаго языка

въ текстѣ Церковно-Славянскомъ; и ихъ набирается множество; а ты говоришь, что тамъ нѣтъ и слѣдовъ Малороссійскаго нарѣчія!... Неужели и теперь это несправедливое нѣтъ не переимѣнишь ты на прежнее и непреложное есть?...

Можно пожалѣть всѣмъ намъ, что древнія Южнорусскія произведенія не дошли къ намъ въ древнихъ Южнорусскихъ спискахъ, что мы знаемъ ихъ по позднѣйшимъ спискамъ Сѣвернорусскимъ. Но я не согласенъ съ нашимъ почтеннымъ Шевыревымъ, который, относительно Игоревой Пѣсни, сказалъ, что филологическая критика, по недостатку списковъ будетъ всегда блуждать ощупью. За что такая грустная, безвыходная доля для филологій?... Въ замѣнъ списковъ, гдѣ буква часто зависитъ только отъ пишущей руки, есть живые звуки языка. Изучивъ ихъ на Русскомъ Югѣ и Сѣверѣ, какъ они живутъ въ устахъ народныхъ, мы и безъ множества списковъ, можемъ вѣрно различать, что Игоревой пѣсни, на примѣръ, повелительное наклоненіе—вонзить мечи, понизить стяги (вм. вонзите, понизите); трубятъ трубы, вѣщей Боянь, сулицы, дѣвицы, полунощи,—принадлежать древнему подлиннику Южнорусскаго пѣвца; а трубятъ трубы, вѣщей Боянь, иноходцы, полунощи—принадлежитъ позднѣйшему писцу Сѣвернорусскому. Такъ и въ Несторовой Лѣтописи по Лаврентьевскому списку; меньшей сынъ (992 г.), старѣйшей братъ (1024 г.) написано, конечно, не Несторомъ, а Суздальскимъ писцемъ, по выговору Великороссійскому.

Возьму опять твою единственную выписку изъ Лѣтописи Волынской (1205 г.), «бѣ бо Тимошеѣ въ Галичѣ премудръ книжникъ, отчество имѣя во градѣ Кіевѣ». При этой выпискѣ ты повинился, что за 15 лѣтъ несправедливо ты называлъ новымъ наше слово отчество въ смыслѣ patria. Это признаніе дѣлаетъ честь правдолюбію твоему; а съ тѣмъ вмѣстѣ оно показываетъ, какъ необходимо положительное знаніе о каждомъ словѣ для вѣрнаго о немъ заключенія. Я, съ своей стороны, замѣчу, что слово отчество въ Волынской Лѣтописи поставлено тѣмъ же Сѣвернорусскимъ писцемъ ея въ Ипатьевскомъ спискѣ, который писалъ отце

вм. отче, Концакъ вм. Кончакъ, и т. п., и который принадлежалъ, очевидно, къ такъ называемымъ цуканамъ. Чтобы возстановить достолюбезное намъ слово въ его древней подлинной формѣ, я приведу его изъ Киевской Лѣтописи, гдѣ оно пощажено цуканомъ. Подъ 1115 годомъ о святыхъ Князяхъ нашихъ, Борисѣ и Глѣбѣ, сказано: «поборника отечеству своему». Подъ 1148 г. о князѣ Игорѣ Ольговичѣ: «башеть бо добрый поборникъ отечества своего». Наконецъ приведу это слово изъ послѣсловія достопамятнаго Суздальца Лаврентія, въ Несторовой Лѣтописи: «радуется... странникъ въ отечество свое пришедь, такоже радуется и книжный писатель, дошедь конца книгамъ; также и азъ худый, недостойный и много-грѣшный рабъ Божій».... Тутъ, исполненный той же радости, я поставлю свое имя.

М. М.

Приписка.

25 Августа.

Какое любопытное «Моленіе къ своему князю, Ярославу Всеволодовичю, прочель я сей часъ во 2 книгѣ «Русской Бесѣды!» Г. Ундольскій, въ своемъ обстоятельномъ предисловіи, справедливо называетъ это Моленіе передѣлкою прежняго «Слова Данила Заточеника», сдѣланною въ XIII-мъ вѣкѣ. Подпавъ опалѣ у князя Ярослава Всеволодовича, книжный гражданинъ Переяславля умилоствилетъ его такимъ же посланіемъ, какимъ Данило, заточенный на Вологодскомъ озерѣ Лачѣ, умилоствилъ Ярославова дѣда, въ половинѣ XII-го вѣка. Слово Данила видимо отличается отъ Южнорусской Пѣсни Игоревой; отъ него такъ и вѣтъ Сѣверомъ; и я, какъ прежде (въ моей «Исторіи Древней Руской Словесности» стр. 87), такъ и нынѣ, отношу Данила къ древнимъ писателямъ Сѣверовосточной или Суздальской Руси; Слово его (за утратою упоминаемаго Сижномъ «Лѣтописца старого Ростовского») есть первое литературное произведеніе той Великороссійской стороны. Я въ этомъ совершенно расхожусь съ мнѣніемъ г. Дубенскаго, который, признавая пѣвца Игорева Южноруссомъ, говоритъ, что его Пѣснь и Слово Данилово такъ близки другъ въ

другу по духу и языку, такъ одинаково поражаютъ силою мысли и сходствомъ выражений, что невольно спросишь себя не принадлежатъ ли оба они одному творцу?... (у него, на стр. ХLI). Были и послѣ сомнѣнія о томъ, когда именно писано это «Слово»; но я не сомнѣваюсь, что оно писано не позднѣе какъ въ 1150—55 годахъ, что оно писано къ Юрію (Долгорукову), который въ Словѣ названъ «сыномъ Великаго царя Владимира» (т. е. Мономаха). Слова Данила: «не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лѣпши бы ми смерть, а не Курское княженіе!» подтверждаютъ тоже. По Кіевской лѣтописи эти слова говорилъ князь Андрей Юрьевичъ (подъ 1140 г.); но видно приходилось эти слова говорить и брату его, Ростиславу, если свидѣтельствуешь объ этомъ Данило, какъ видно, человѣкъ къ нему близкій. Примѣчательно, что въ Моленіи къ Ярославу (которое, кажется, было извѣстно и Карамзину) имя Владимира (отца Юрьева) замѣнено именемъ Всеволода (отца Ярославова); но слова Даниловы: «не лгалъ бо ми Ростиславъ»... не выключены; и такъ писавшій Моленіе неумышленно солгалъ.

Любопытно, что, умиловляя своего князя Ярослава Всеволодовича, новый Данило (XIII-го в.) припоминаетъ объ одоленіи Ярослава Владиміровича надъ Святополкомъ, а также о побѣдѣ Боняка надъ Уграми (1097 г.): «тако и Бонякъ Судивый»... Г. Ундольскій при словѣ судивый поставилъ вопросительный знакъ (стр. 96.). Но тутъ очевидное дѣло, что судивый написано въ «Моленіи» вмѣсто шелудивый, какъ названъ Бонякъ у Нестора (1096 г.). Видно, такое уже было прозванье знаменитому Половецкому вождю у народа Южнорусскаго!... Въ Подольской Губерніи понынѣ есть урочище съ мѣстнымъ преданіемъ, что тамъ стоялъ окопавшійся Гетманъ Бошнякъ Шолудивый... Этотъ мнимый Гетманъ Бошнякъ, по моему, есть не иной кто, какъ Половецкій Ханъ Бонякъ, подвизавшійся въ той сторонѣ въ концѣ XI-го вѣка. У Польскихъ историковъ ведется сказка о мечѣ-щербцѣ Болеслава храбраго; но когда сей король вѣзжалъ въ Кіевъ (1018 г.), Золотыхъ Воротъ еще не было! А что Бонякъ рубилъ ихъ своею

саблюю, о томъ преданіе и въ Киевской Лѣтописи, гдѣ подѣ 1151 г., при описаніи знаменитой Киевской битвы съ Юріемъ, сказано: «туже (на Лыбеди) и Севенча Боняковича дикаго Половчина убиша, иже бяшетъ рекль: хоцю сѣчи въ Золотая-Ворота, яко же и отець мой!»

«Моленіе» къ Ярославу, изданное Г. Ундольскимъ, по принадлежащему ему списку XV-го вѣка, представляетъ явные слѣды не Киевскаго и не Новгородскаго, но Суздальскаго нарѣчія. Сюда принадлежитъ особенно неправильная постановка *e* вм. *ъ*, въ словахъ: победы (вм. побѣди), бежа (вм. бѣжа), обрета я (вм. обрѣтая), бедѣ (вм. бѣды), пей (вм. пій), и двойное написаніе звѣздъ и звезды.

Выраженіе: «горести дымныя не терпѣвши, тепла не видати» указываетъ прямо на курныя избы, которыя такъ поражаютъ Украинца, когда ему доводится въ первый разъ увидѣть ихъ, при вѣздѣ въ предѣлы Великороссійскіе.

ОТВѢТНЫЯ ПИСЬМА

М. П. ПОГОДИНУ ¹⁾.

Письмо первое.

Вчера прочелъ я твой отвѣтъ на мои Филологическія письма. Послалъ еси, господине, великую тучу художества своего,—и сказалъ подь конецъ, что ты на меня сердитъ.... Ты сердишься, Юпитеръ; слѣдственно неправъ!

1. Посуди самъ: правъ ли ты, на примѣръ, когда ради своего превосходства передо мною, говоришь: «Кіевскую лѣтопись я зналъ тогда, какъ ты гербаризировалъ еще на Воробьевыхъ горахъ, и не имѣлъ понятія ни о какихъ лѣтописяхъ». Или ты не вспомнилъ, что мы съ тобою, въ 1820—21 году, на однѣхъ скамьяхъ слушали лекціи профессора Гаврилова, читавшаго и толковавшаго намъ лѣтопись Нестора (помнишь комедію о Корлязѣхъ!)? Или ты забылъ росписку о моихъ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ книгахъ, оставшихся въ Москвѣ у автора «Исторіи Русскаго народа», между которыми была и лѣтопись Нестора 1-го изданія, съ собственноручными поправками Ермолаева? А Кіевскую лѣтопись мы всё грѣшныя знали долго—изъ Исторіи Карамзина. Ботаника не мѣшала мнѣ заниматься Русскою Исторіею и Русскою Словесностію.

2. Ты говоришь: «Статья твоя прекрасна, но нисколько для меня не убѣдительна». Жаль; лучше бы мои письма были

¹⁾ Напечатано въ «Русской бесѣдѣ» 1857, № 2, стр. 80—104; а Отвѣтъ Погодина, здѣсь указываемый—тамъ же, 1856, к. IV, с. 124—141.

не прекрасны, да для тебя убѣдительны; ибо я для того и потрудился написать ихъ, чтобы убѣдить тебя въ неосновательности твоей нововымышленной системы, и возвратить тебя къ прежнимъ утвержденіямъ, въ которыхъ во многомъ я съ тобою за одно. Для того-то я въ письмахъ и привелъ тебѣ прежнія утвержденія о глубокой древности малороссійскаго народа въ Кіевской «Русской землѣ», объ очевидныхъ слѣдахъ малороссійскаго нарѣчія въ языкѣ Несторовой и Кіевской лѣтописей,—утвержденія, противъ которыхъ нынѣ ты уже возсталъ и заговорилъ иное!... Ты укоряешь меня за это напоминаніе прежняго твоего вѣрованія, и говоришь, будто я сдѣлалъ это только для эффекта. Напрасно! Ты могъ бы еще сказать это, если бы я откопалъ какіе-нибудь молодые ученые грѣшки, изъ твоихъ сочиненій студентскихъ, кандидатскихъ, даже адъюнктъ-профессорскихъ. Но я ограничился тѣмъ, что написано перомъ академика-Погодина, не ранѣе 1845 года.

3. Нельзя сказать и того, чтобы мои письма были для тебя нисколько неубѣдительны: на первый разъ и того довольно: что, по моему указанію на шишковское тожество русскаго языка съ церковнославянскимъ, эта филологическая мечта потеряла для тебя свою новостъ, и что, послѣ моего разбора твоихъ доказательныхъ выписокъ изъ Нестора и Кіевской лѣтописи, ты увидѣлъ уже, что тѣ слова и обороты, которые ты выставилъ было, какъ «явно не-малороссійскія и не церковныя, но чисто великороссійскія», увидѣлъ уже, что онѣ не таковы! И когда я моимъ разборомъ сбиль эту грозную рать 72-хъ выписокъ твоихъ и отнялъ у нихъ доказательную силу, ты почувствовалъ себя безоружнымъ; и теперь укоряешь меня, зачѣмъ я не разобралъ утвержденій Срезневскаго и Лавровскаго, я взялся за тебя, такого, де—, «простодушнаго Великороссіянина, что самъ открылъ свою грудь подъ удары и явился на полѣ сраженія безоружный, по примѣру древнихъ своихъ предковъ, которые, «ссѣдше съ конь, и порты и сапозѣ сметавше, боси поскочиша». Но зачѣмъ же выскакивать на поле ученой битвы въ такой античной наготѣ? Легко можно попасть въ «баню

древяну», какъ написано о древнихъ предкахъ Новгородцевъ: «и будутъ нази, и обліются квасомъ, усніянымъ, и возьмутъ на ся прутье младое».

4. Ты все таки повторяешь, что мнѣ должно было по твоему вызову, опровергнуть сперва утверженія Срезневскаго и Лавровскаго; и непремѣнно хочешь, чтобы у меня съ ними завязался «горячій споръ». Старыя штуки! Я погнался за тобою, а ты говоришь мнѣ: «Лови ихъ!» А если тебѣ непремѣнно хочется опровергнуть ихъ утверженія, и не хочешь этого сдѣлать самъ, можешь нарядить и направить кого-либо изъ своихъ молодыхъ друзей науки, которыхъ ты преимущественно имѣешь въ виду среди своихъ работъ, на пользу которыхъ ты потрудился и надъ отвѣтомъ своимъ мнѣ. Но ты напрасно даешь такой толкъ, что я потому взялся за разборъ твоихъ новыхъ утверженій, что мнѣ легче было справиться съ тобою, какъ ты называешь себя, диллетантомъ въ филологіи, чѣмъ съ тѣми двумя записными филологами. Впрочемъ, когда эти, записные по тебѣ, филологи напишутъ что-либо въ пользу твою, я не убоюсь, ниже смущуся, и имъ сказать, и доказать (конечно, можетъ быть, не для нихъ, а для общихъ судей нашихъ, не зрящихъ на лица), что найду въ ихъ писаніи несогласнаго съ истиной, на которую ты посягнулъ первый. Или, если не я, то кто-либо другой, поклонникъ ея, а не какой ни есть мани, идетъ ли она съ сѣвера, или юга, съ запада, или востока, все равно.

Мнѣніе Срезневскаго и Лавровскаго, будто малороссійское нарѣчіе и малороссійскій народъ обособились отъ великороссійскаго нарѣчія и народа уже послѣ нашествія татарскаго, а въ до татарское время еще не существовали, ты напрасно объявилъ за «совершенно новое, никогда никѣмъ прежде у насъ неслышанное», — и удивился, какимъ образомъ не произвело оно волненія въ нашемъ литературномъ и учебномъ мірѣ, въ минуту своего произношенія, — удивился, какимъ образомъ «все наши профессора русской словесности и славянскихъ нарѣчій не сочли своею обязанностью произнести о немъ свое мнѣніе, одобритъ или осудитъ оное».

Это твое двойное удивленіе о равнодушїи всѣхъ нашихъ профессоровъ и о спокойствїи учено-литературнаго міра произошло опять отъ того, что ты не слѣдилъ за исторїею мнѣній о русскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ, и старое принималъ за новое. А что оно существовало у насъ задолго до разсужденій Срезневскаго и Лавровскаго, то и они тебѣ подтвердить могутъ. Съ своей стороны, для твоего успокоенія, я приведу тебѣ три примѣра. Гречъ, въ «Пространной грамматикѣ», и еще прежде въ «Опытѣ исторїи русской литературы», 1822 г., на стр. 13, опредѣлительно говорилъ: «Малороссійское нарѣчіе родилось и усилилось отъ долговременнаго владычества Поляковъ въ югозападной Россїи, и можетъ даже назваться областнымъ польскимъ». Будучи професоромъ русской словесности, я возражалъ противъ мнѣнія Гречу, въ моей «Исторїи древней русской словесности» 1839 г. (см. стр. 100).

Грамагинъ, въ своемъ достопамятномъ изданїи Игореваго пѣсни 1822 г., говоритъ: «Что за областныя нарѣчія? Ихъ и теперь нѣтъ, кромѣ малороссійскаго или украинскаго, и развѣ бѣлорусскаго, составившихся, когда сіи области отторгнуты были отъ Россїи, вскорѣ послѣ нашествія Татаръ» (стр. 85).

Сахаровъ, въ своемъ пространномъ предисловіи къ «Слову о полку Игоревомъ», (1839), въ возраженіе Давыдову, говоритъ: «Это выдумали скептики, основываясь на пяти словахъ, которыя они приписываютъ нарѣчію малороссійскому, еще тогда несуществовавшему» (т. е. въ XII в.).

А вотъ примѣръ постарѣе: Симоновскій, щегольнувшій новостью мнѣній въ 1765 году (въ своемъ «Краткомъ описанїи о малороссійскомъ народѣ»), говоритъ: «Разность же между Великороссїянами и Малороссїянами тогда воспослѣдовала, когда они (т. е., Малороссїяне) пришли во владѣніе литовское и польское».

Что я не уклонялся и не уклоняюсь отъ самой крѣпкой филологической силы тому, во свидѣтельство, напомню тебѣ мои возраженія на разныя утвержденія Добровскаго, Павскаго

и другихъ; смотри ихъ въ «Начаткахъ русской филологіи». А что ты даешь еще такой толкъ, будто я захотѣлъ тебѣ «отмстить, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, за варяго-норманскую схватку», то вотъ это ужъ напрасно: у меня и въ помышленіи не было объ отмщеніи; не то, я сдѣлалъ бы это еще за десять лѣтъ, по выходѣ твоихъ «Исслѣдованій», 1846 года. Удобнѣйшаго случая и ожидать было не можно. Да и зачѣмъ приписывать мнѣ небывалое побужденіе?... Во мнѣ совсѣмъ нѣтъ того дубильнаго начала, чтобы пять или десять лѣтъ выжидать удобнаго случая для отмщенья. Мои варяжскія схватки съ тобою, въ 1841 году за славянство Руси, а въ 1845 году за славянство Игоревою пѣсни, были полюбовною борьбою съ товарищемъ молодыхъ лѣтъ моихъ; такъ и теперь, когда ты шевельнулъ меня вызовомъ на Срезневскаго, мнѣ захотѣлось тряхнуть стариной и побороться съ тобою, еще въ третій, можетъ, уже послѣдній разъ. Вотъ одно изъ нѣсколькихъ побужденій, по которымъ я взялся за перо, чтобъ написать филологическія письма къ тебѣ, а не отмщеніе тебѣ, и не робость состязанія съ филологами.

5. Другимъ, и главнымъ, моимъ побужденіемъ было то, что ты, предлагая свою новороссійскую систему, пригласилъ филологовъ разобрать ее, по правиламъ ихъ науки, и поскорѣе подвергнуть твои новыя мысли филологическому суду, и дать имъ — «утвержденіе или осужденіе». И я, считаясь, между прочимъ, и филологомъ, поспѣшилъ подвергнуть своему суду новыя мысли твои, и, не найдя ихъ совмѣстными съ современнымъ состояніемъ и требованіемъ, уже сложившейся и возрастающей, науки нашей, и не могли по совѣсти дать новымъ мыслямъ твоимъ ни малѣйшаго утвержденія, положилъ своимъ мнѣніемъ: осудить твои новыя мысли на заточенье, въ Дѣвичь-польской гридницѣ бывшаго русскаго древлехранилища, «дондеже солнце сіяеть и міръ стоитъ». Мнѣніе это препроводилъ я въ общее собраніе «Русской Бесѣды», которая, «цѣня ученія достоинства Филологическихъ писемъ», напечатала ихъ во всеобщее извѣстіе. Вслѣдъ за тѣмъ «Бесѣда» обнародовала и твой оправдательный Отвѣтъ.

А рѣшеніе этому дѣлу послѣдуетъ не отъ тебя, и не отъ меня, а положено будетъ общимъ мнѣніемъ старыя и молодыя друзья нашей науки.

6. Ты называешь мои письма «безпристрастнымъ разсужденіемъ о дѣлѣ, но «пристрастною антикритикою»; называешь способъ моего разбора «методомъ телеграфическимъ», и говоришь о себѣ: «Я не Телеграфъ, а Московскій Вѣстникъ и Москвитянинъ!» Но вѣдь и я не Телеграфъ, а только помѣщаль, между прочимъ, и въ немъ свои разборы, также какъ ты печаталъ свои статьи въ «Библиотеку для чтенія», не будучи ею. Что же касается до Москвитянина твоего, то развѣ не въ немъ преимущественно я печаталъ свои статьи, отъ начала его и до послѣдняго его года (а впрочемъ, за смерть его не ручаюсь: это тебѣ лучше всѣмъ извѣстно), до моего «Воспоминанія о Н. И. Надеждинѣ»? И такъ меня можно упрекать скорѣе Москвитяниномъ, чѣмъ Телеграфомъ. Въ Москвитянинѣ я почти исключительно помѣщаль свои статьи, преимущественно критическаго характера, и всѣ до единой съ подписью моего имени, по моему неизмѣнному правилу, ничего не печатать безъименно:

«И потому, и по тому—

Вамъ подношу и посвящаю!»...

Ты нѣсколько разъ въ отвѣтѣ хвалишься своимъ примѣрнымъ безпристрастіемъ, а меня обвиняешь въ пристрастіи, и, по поводу еще неизвѣстнаго, гениальнаго «молодаго человѣка Г.»,—ты говоришь мнѣ: «Видишь ли мое безпристрастіе? А ты все тотъ же ширый Малороссіянинъ, какъ былъ и прежде».

Вонъ оно куда пошло!

Говорилъ старикъ нашъ Брянцевъ,

Прозрѣвая сквозь стекло

Въ темну мудрость иностранцевъ.... 1)

1) Семидесятилѣтній профессоръ Брянцевъ (ум. 1821 г.) читалъ метафизику, держа передъ собою тетрадь лѣвою рукою, во все ея протяженіе, а правой рукою поводилъ передъ собою большое увеличительное стекло, сидѣлъ которое намъ, слушателямъ, глазъ его представлялся всевидящимъ окомъ.

7. Видишь ли, что твое примѣрное безпристрастіе дѣлаетъ меня даже импровизаторомъ! Ты не воздержался даже огласить мой кабинетный споръ съ тобою о разореніи Кіева въ 1169 году.... Но что я «щирый Малороссіянинъ» и теперь, какъ прежде, и буду даже до смерти, это очень естественно; я не отъ рода «варяжьска, а отъ малороссійскаго,— и люблю Малороссію, люблю языкъ ея народа, и пѣсни его, и его исторію, какъ во времена княжескія—отъ Аскольдова до Симеона, такъ и во времена гетманскія—отъ Ланцкоронскаго до Разумовскаго. Что я люблю нашъ первопрестольный Кіевъ больше, чѣмъ ты, это также естественно: ибо, питаю къ нему любовь общерусскую, и ближайшую къ нему любовь—малороссійскую,—я люблю его еще какъ родину моего рода; тамъ, на горахъ, лежатъ кости прадѣда моего, и его прадѣда, Максима Печерскаго. У меня и теперь болитъ сердце, когда читаю въ Кіевской лѣтописи: «и грабиша за два дни, весь градъ, подолье и гору, и монастыри, и Софью, и десятинную Богородицу: и не бысть помилованія никому же ни откуду же, церквямъ горящимъ, хрестьяномъ убиваемымъ, другимъ вяжемымъ».... и т. д. Важенъ починъ дѣлу; но мнѣ досадно и на всѣхъ послѣдующихъ разорителей Кіева—на Рюрика, Батюга, Менгли-Гирея, Радзивила. Профессоръ Орнатскій въ Москвѣ: спроси хоть у него, какъ я говорилъ, 1837 года, о роковомъ нашествіи Батюга на Кіевъ, въ моей торжественно-университетской «Рѣчи объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи». Потому-то мнѣ чрезвычайно странно было увидѣть нынѣшнее твое новомысліе о малороссійскомъ народѣ, что, вопреки всѣмъ основаніямъ историческимъ, вопреки многовѣчному преданію народному, и вопреки заслуженному профессору русской исторіи, Погодину,—ты нынѣ отнимаешь у малороссійскаго народа, слѣдственно и у меня, первую и лучшую половину его исторической жизни, выживаешь его изъ родной «русской земли» куда-то въ

Прочтеть бывало: «Безусловное условіе всякаго условнаго», или иную мудреую фразу, да и примовлять: «Вонъ оно куда пошло».

Карпаты или подъ Карпаты, на все до-татарское время,—и перекидаешь его оттуда на Днѣпръ уже послѣ Батя. И когда я прочелъ въ отвѣтѣ твоемъ мнѣ—опять тоже, такъ и почудился мнѣ «Мечникъ Михно», говорящій грозными слова своего князя: «Въ тобѣ стоитъ все; а не велю ти въ русьской земли быти!»

8. Однако, въ отвѣтѣ твоемъ уже не является грозная рать, набранная изъ 72-хъ мѣств Несторовой и Кіевской лѣтописи. «Пришли бо бяху высокомысляще, а смиреніи отъидоша въ дома своя»!—Теперь ты говоришь уже, что главное не слова и обороты, но складъ и тонъ... Ты убѣгаешь и мысли о возможности переложения живыхъ, изустныхъ, малороссійскихъ рѣчей на церковный языкъ лѣтописцами южнорусскими. Но я преслѣдую тебя и въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ твоемъ.... И не спасешь ты своего новомыслія троекратнымъ восклицаніемъ: «Живая, живая, живая!»

Вотъ, на примѣръ, тебѣ рѣчь, вставленная въ лѣтописное повѣствованіе: «само мнѣніе твое, хане омрачило тя, яко возникнуть можеша. Или ты мниши мене яко хлопца маломунаго, прещеніемъ устрашити? Вѣмъ, яко татарскія царства» и т. д. Кто говоритъ, кто пишетъ это? Говоритъ малороссійскій гетманъ, Богданъ Хмельницкій, а пишетъ Малороссіянинъ, Григорій Гребенка. Нечего и говорить о томъ, что разговорный языкъ былъ совсѣмъ другой. Лѣтописецъ передалъ живую рѣчь гетмана по-церковнославянски, также точно, какъ пѣвецъ Игоря, безъ сомнѣнія, бывший въ походѣ 1185 года, передалъ живую рѣчь по церковнославянски? «Хочу бо, рече, копіе преломити конецъ поля половецкаго»... и т. д. Такъ и лѣтописецъ кіевскій, полагаю въ 1186 году, когда Игорь, воротившійся изъ плѣна въ свой Новгородъ-Сѣверскій, пріѣзжалъ въ Кіевъ, передалъ живую рѣчь его по-церковнославянски: «Тайны божія ниетоже не вѣсть».... и т. д. Подъ перомъ двухъ древнихъ и одного новаго писателя малороссійскаго—Игоря и Богданаъ говорятъ однимъ языкомъ—письменнымъ, на который переложены ихъ живыя рѣчи. Заклучимъ ли отсюда, что, такъ какъ народнаго малороссійскаго нарѣчія не видно въ ихъ

рѣчахъ, переданныхъ лѣтописаньемъ, то и малороссійскаго народа не было въ Малороссіи ни въ XII-мъ, ни въ XVII вѣкѣ! Ибо, если по отсутствію народнаго малороссійскаго языка въ лѣтописаньи до-татарскаго времени заключать объ отсутствіи народа въ его землѣ на то время, то слѣдуетъ, на томъ же основаніи, заключать объ отсутствіи его въ послѣ татарское время. И такъ, филологическій твой способъ доказывать небытіе малороссійскаго народа въ кіевской русской землѣ въ древнее время, вовсе не годится. Ты сначала выступилъ съ словами и оборотами въ 72 выпискахъ, потомъ уже сталъ называть главнымъ—складъ и тонъ; все равно, и то, и другое, одинаково не служитъ тебѣ къ утверженію твоего парадокса; и я у тебя отнимаю окончательно всякую возможность доказывать парадоксъ твой какимъ бы ни было филологическимъ способомъ,—и обращаю на тебя изреченіе земляка твоего на Сулѣ, тобою на меня направленное: «Ты языкомъ то не ляючи!»

9. Ты не хочешь понять, для чего я различилъ тебѣ такъ рѣзко народно-русскія формы и церковно-славянскія въ нашихъ древнихъ памятникахъ. Я сдѣлалъ это для того, чтобы показать большое различіе между церковнымъ или македонскимъ языкомъ и народною русскою рѣчью, различіе, существующее съ весьма древнихъ временъ, и опровергающее собою твое тожество и ближайшее сродство церковнаго языка съ великороссійскимъ нарѣчіемъ. Великороссійское нарѣчіе состоитъ въ ближайшемъ сродствѣ съ бѣлорусскимъ, и составляютъ они одну рѣчь или языкъ сѣвернорусскій, который, вмѣстѣ съ южнорусскимъ языкомъ или рѣчью (состоящею въ двухъ главныхъ нарѣчіяхъ—малороссійскомъ и червонорусскомъ), образуетъ одну великую рѣчь восточнославянскую или русскую. Вотъ постепенности ближайшаго сродства! Чтѣ же касается до позднѣйшаго сочетанія съ великороссійскимъ нарѣчіемъ языка церковнаго, ставшаго богослужебнымъ и письменнымъ языкомъ всей Руси, то объ этомъ не для чего было мнѣ и распространяться въ «Филоло-

гическихъ нисьмахъ», и я только мимоходомъ упомянулъ о томъ, о чемъ достаточно уже было говорено мною и въ «Исторіи русской словесности», 1839 года, и въ «Начаткахъ русской филологіи», 1848 года. Письменный русскій языкъ не только могъ развиваться, но и дѣйствительно развился, изъ церковнаго языка, принятаго у насъ на Руси за письменный языкъ въ 10-мъ вѣкѣ, изъ-за Дуная. Не надо смѣшивать позднѣйшаго живаго сочетанія и образованія съ древнѣйшимъ различіемъ двухъ нарѣчій, обособившихся въ незапамятное время, независимо и далеко другъ отъ друга. Ты предлагаешь мнѣ любимое сравненіе твое, повторенное и въ «Исслѣдованіяхъ», и въ «Письмѣ къ Срезневскому», что славянское племя представляетъ «растасованную колоду картъ». Но ты ее перетасовываешь и раскладываешь, какъ вздумается; а наше филологическое дѣло было—собрать ее по мастямъ!

Филологія русская сложилась уже; и для ея дальнѣйшаго возрастанія надобно живой, положительной истинѣ; предметъ же филологіи такъ богатъ и неистощимъ живою истинною, что только бери да носи ее—прямо изъ родника! И я удивляюсь, что за охота припала тебѣ поискать за родышей истины въ странностяхъ, и гоняться за намеками на истину въ заблужденіяхъ и превратныхъ толкахъ. Мой достойный землякъ, Лукашевичъ, обратнымъ чтеніемъ словъ, составила цѣлую многотрудную систему Чаромутія, которая полна зародышей и намековъ.... Или ты поревновалъ и задумалъ сочинить еще великороссійское чаромутіе, основанное не на словахъ, а на тонѣ и складѣ?...

Но шутки въ сторону! Ты въ Отвѣтѣ, послѣ многихъ шутокъ (которыя очень милы), прекрасно сказалъ: «Насъ занимать должно одно дѣло, бездѣлье предоставимъ историческимъ вертопрахамъ»...

10. Ты говоришь въ возраженіи мнѣ: «Нѣтъ, не писали Григорій и Іоаннъ, а списывали. Это большая разница!» Но ты забылъ ихъ послѣловія, совершенно достаточныя, чтобы видѣть, какъ они писали. Эти краткія послѣловія, которыя они писали въ XI вѣкѣ, для филологіи нашей важнѣе иныхъ позднѣйшихъ фоліантовъ!

11. Ты говоришь мнѣ о Кириллѣ III, Серапіонѣ, Епифаніѣ: «Помилуй! Да развѣ они писали по-малороссійски»? Нѣтъ; однако они были Малороссіяне, также какъ и прежде Несторъ, а послѣ Димитрій, Яворскій, Прокоповичъ... Малороссіяне, несомнѣнно; а писали не на малороссійскомъ языкѣ. Вотъ чтѣ надо тебѣ имѣть въ виду постоянно!

12. Относительно Володимера я сказалъ тебѣ, что для малороссійскаго народа онъ — святой Володимеръ, потому у малороссійскаго народа остались священныя; молитвенныя, церковныя пѣсни князю Владиміру, между тѣмъ какъ на русскомъ сѣверѣ поэтическая память о немъ сохранилась, какъ о ласковомъ гостепріимцѣ — исключительная черта, какою онъ запечатлѣлся тамъ, конечно, еще въ десятилѣтнее свое княженіе въ Новгородѣ. Ты говоришь мнѣ: «Ссылка твоя на его святость ни мало не объясняетъ моего недоумѣнія, потому что есть много у васъ пѣсень о святыхъ—о Лазарѣ, Георгіѣ, Алексіѣ божьемъ человекѣ и проч.».

Хорошо, что ты сказалъ объ этомъ, для окончанія недоумѣнія. Въ Малороссіи преимущественно слѣпцы лирики поютъ набѣжныя пѣсни или псалмы о разныхъ святыхъ; но всѣ они позднѣйшаго сложенія, и по складу своему видимо отличаются отъ тѣхъ пѣсень народныхъ, какія сложены были бандуристами и другими народными пѣвцами о герояхъ Украины козадкой. Псалмы или набѣжныя пѣсни объ Алексіѣ, и другихъ лицахъ, едва ли не всѣ, сложенія грамотнаго, схожаго съ извѣстными псалмами Димитрія. Въ числѣ такихъ есть псалмы и о святыхъ нашихъ князьяхъ, Владимерѣ, Борисѣ и Глѣбѣ. Я самъ ихъ слышалъ и заставлялъ пѣть слѣпыхъ старцевъ (нищихъ), на переяславскомъ праздникѣ св. Бориса, 2 Мая. О Глѣбѣ и Борисѣ я тогда записалъ себѣ нѣсколько строфъ, но не довольно складныхъ. Весною, 1848 года, по пути изъ Кіева я хотѣлъ было отъ Барышпольскаго слѣпца-бандуриста записать вполнѣ эти псалмы о Борисѣ и Глѣбѣ, и Владимірѣ; но ко мнѣ явилась уже вдова его, тоже слѣпая, у которой и купилъ я бандуру послѣдняго Барышпольскаго бандуриста. И такъ святость Владиміра, какъ я сказалъ прежде, поставила его отдѣльно отъ прочихъ

героевъ народно-украинскаго пѣснопѣвнiя; о немъ у насъ церковная пѣснь: «Святый равноапостольный княже Владимире, моли Бога о насъ»! На эту тему сложенъ и набожный псалмъ о Владимірѣ, относящiйся къ разряду малороссiйскихъ пѣсенъ объ Алексіѣ, Николаѣ, Онуфрiѣ, и другихъ святыхъ пѣсенъ, не разъ мною слышанныхъ не только отъ слѣпцовъ нищихъ, поющихъ по ремеслу, но и отъ старыхъ людей обоего пола, живущихъ на хозяйствѣ. Нѣтъ ли еще какого недоумѣнiя?

13. Ты нехочешь признать моего замѣчанiя, что выраженiя въ древне-кiевскомъ лѣтописанiи: на порозѣ, на дорозѣ, принадлежать малороссiйскому нарѣчiю; а по великороссiйски было бы сказано: на порогѣ, на дорогѣ. Но это принадлежитъ къ существеннымъ отличительнымъ примѣтамъ, которыя въ двухъ нарѣчiяхъ русскихъ развились розно, но послѣдовательно, по принятому ими однажды (еще въ незапамятную пору ихъ образованiя и обособленiя) измѣненiю всѣхъ гортанныхъ звуковъ. Ты, переводчикъ грамматики Добровскаго, не хочешь признать этого различiя, и приводишь мнѣ: «Во лузѣхъ, во лузѣхъ»! Это измѣненiе гортанныхъ звуковъ во множественномъ числѣ другое, позднѣйшее, занятое подражательно изъ языка церковнославянскаго и не совпадающее съ своенородною формою великорусскаго склоненiя. И мнѣ опять приходится сказать, что надобно и въ филологiи и въ грамматикѣ различать разновременныя формаціи и наносы также, какъ они различаются въ геологiи, какъ я различилъ тебѣ въ древнихъ южнорусскихъ писанiяхъ, что въ нихъ церковнославянское и южнорусское, принадлежащее подлинному, древнему тексту, и что принадлежитъ позднѣйшему наносу отъ сѣвернорусскихъ переписчиковъ, но ихъ нарѣчiю, инако новгородскому, инако суздальскому. А вѣдь ты же говорилъ лѣтъ за десять: «Вотъ эту филологiю я люблю»!

14. Ты говоришь мнѣ: «Въ 10-мъ письмѣ ты надѣваешь на меня малороссiйскiй кожухъ; но это слово до Татаръ не встрѣчается, слѣдовательно, мнѣ не принадлежитъ скидаю»!

А я говорю тебѣ пословицей: «Пройшовъ Святый Духъ, опять берись за кожухъ!» Игорева пѣснь написана за полвѣка до Татаръ, а въ ней находится: «ортмами, и япончицами и кожухы»...

За тѣмъ ты говоришь мнѣ: «Квасъ и медъ, пожалуй, будемъ пить вмѣстѣ на здоровье».

Вотъ эту филологію я люблю! И за это я угощу тебя нововымышленнымъ солодомъ... отличный сто двадцатилѣтній! Посмотри въ Евгеніевомъ словарѣ, Т. II. стр. 322, въ числѣ неизданный мелкихъ стихотвореній Теофана Прокоповича, значится: «Благодареніе эконому Герасиму, отъ служителей домовыхъ за нововымышленный солодъ—отъ Или интенданта,—отъ Неймана (жида), отъ учителя,—отъ малыхъ дѣтей,—отъ новгородскихъ архіерейскихъ дворянъ, 1734 года». Можетъ быть тебѣ не случилось еще читать этой стихотворной шутки оеофановой, написанной имъ въ предпоследній годъ жизни, когда онъ страдалъ давнею своею болѣзью, будучи въ Карповской пустыни. Вотъ же тебѣ два отрывка:

Отъ новгородскихъ архіерейскихъ дворянъ.

За честь твоего солоду,
Лобызаямъ твою бороду,
Батюшко нашъ кормитель!
Никто не можетъ сказать,
Въ якой стала благодати
Твоя намъ добродѣтель.
Когда трудовъ твоихъ пиво,
Что имѣется за диво,
Прилежно разсуждаемъ,
Новгородскія шалиги,
Которую пьютъ ярыги,
Весьма ужъ забываемъ.
Да то чудо весьма странно,
Что хотя и непрестанно
Пивце изъ бочки льется,
И течетъ по вся недѣли,

А намъ еще и доселѣ
Дивно какъ не припѣтся!

Отъ козана.

Бѣжить жажда прочь, бѣжить и печальный голодъ;
Гдѣ твой, отче экономъ, находится солодъ?
Да и чудо онъ творить дивнымъ своимъ вкусомъ:
Пьянъ я, хотя омочусь однимъ только усомъ!

Теперь обратимся къ твоимъ историческимъ соображеніямъ, которымъ я хочу посвятить особое письмо.

Письмо второе.

Ты поразилъ меня, любезный академикъ, какъ Минерва Арахну, назвавъ мой филологическій выводъ тебѣ — «злосплетенною паутиною»! А я эту паутиною, какъ цѣлебнымъ средствомъ, заложилъ было свѣжій нарѣзъ на живомъ тѣлѣ науки, въ той надеждѣ, что онъ пощемитъ маленько, да и заживетъ... Перевѣдаемся же исторически за нашу первозванную русскую землю кіево-перяславскую! Гдѣ сойдемся? Не хочешь ли на несторовской рѣчкѣ Съжицѣ, гдѣ былъ побѣжденъ князь Всеволодъ Олегомъ и Борисомъ, шедшими на него съ Половцами, изъ Тмутаракани! Но ты съ Арцыбашевымъ отвелъ эту рѣчку куда то въ Черниговское княжество, ужъ не туда ли, гдѣ течетъ Сафатъ-рѣка, величаемая въ пѣсняхъ богатырскихъ!... Надеждинъ съ Неволинымъ замѣчали тебѣ, что «едва ли не вѣрнѣе» положить ее въ княжествѣ Переяславскомъ, какъ полагалъ Карамзинъ, читавшій вмѣсто Съжица — Оржица. Я тоже нахожу, что имя Съжица въ Несторовой лѣтописи описка, какъ и «Олминъ дворъ» вмѣсто «Олжинъ дворъ», — какъ въ твоемъ словарѣ князей напечатана Лъжица вмѣсто Лътица (стр. 135). Хочешь знать, что тако Съжица, читай Сулица; такъ и теперь зовется оная рѣчка, выходящая изъ Сулы подъ городомъ Лохвицею и впадающая въ Сулу, почти подъ селомъ Исачками (которое въ географическомъ словарѣ названо «Исашкою»); а течетъ Сулица правою стороною Сулы, верстъ на 35. Тамъ издревле пролегала дорога въ Чернигов-

ское княжество изъ «поля половецкаго», начинавшаяся при Ворсклѣ у Латавы, направлявшаяся на городъ Серебряный. Согласенъ ли ты?—Вотъ это тебѣ новый подарокъ отъ меня, если мои географическія поправки приносятъ тебѣ такое «дѣтское удовольствіе». Въ знакъ благодарности за мои послѣднія двѣ поправки (Росуха и Свинухи), ты въ Отвѣтъ послужилъ мнѣ поправкою моей ошибки, что въ припискѣ къ тебѣ я поставилъ имя переяславскаго князя Андрея Юрьевича, вмѣсто дяди его, Андрея Володимировича, бывшаго переяславскимъ княземъ годами восьмью ранѣе. Точно, я крѣпко ошибся, обмолвился въ торопяхъ! Вотъ чтѣ значитъ писать изъ памяти, не справляясь за каждымъ именемъ... какъ разъ попадешь въ просакъ! Я тебѣ весьма благодаренъ за эту поправку. Но ты спрашиваешь при ней: «Квитъ-ли»? Нѣтъ — за Юрьевича я поквитаюсь, коли хочешь, также Юрьевичемъ. Посмотри въ драгоценномъ «Словарѣ русскихъ князей» (гдѣ они перераны тобою нарочито и, можно сказать, вдоль и поперекъ), посмотри въ «Спискѣ князей по удѣламъ»: тамъ, первымъ княземъ въ Торческѣ поставленъ у тебя «Михалко Всеволодовичъ», а вѣдь надо было: Михалко Юрьевичъ! Посмотри еще на оборотѣ того же листка: тамъ овруцкимъ княземъ поставленъ у тебя «Всеволодъ Володимировичъ», а вѣдь на умѣ у тебя былъ братъ его, Святославъ Володимировичъ! Тамъ же у тебя сей князь Святославъ посаженъ во Владиміръ Волынскомъ, а въ немъ сидѣлъ тогда братъ его, Всеволодъ: ты въ торопяхъ обмѣнялъ ихъ княженіями! Видишь: за одного я квитаюсь тремя, взятыми съ одного листка. Я могу, пожалуй, указать тебѣ и въ самомъ концѣ того списка, особенно на Витебскѣ: зачѣмъ нѣтъ тамъ Брячислава Васильковича? Зачѣмъ ты отнял у него Витебскъ, даже изъ рукъ кіевского лѣтописца въ 1180 году? (см. въ Словарѣ стр. 332). А отъ этого явился у тебя въ Витебскѣ какой-то сомнительный Василько, съ вопросительнымъ знакомъ вмѣсто имени по отчеству, тогда какъ это былъ несомнѣнно Василько Брячиславичъ, наслѣдившій Витебскъ послѣ

отца своего; и конечно на его дочери «Васильковнѣ князи витебскаго», женился князь Всеволодъ Юрьевичъ суздальскій, 1209 года. Но возвращаюсь къ брату его, Михаилу Юрьевичу, съ покорнѣйшею къ тебѣ о немъ просьбою: обрати свое вниманіе, для его біографіи, на одинъ подвигъ его, весьма для меня замѣчательный. Съ того 1161 года, какъ Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, по властолюбію своему, выгналъ изъ Суздаля своихъ братьевъ, и они, *съ матерью своею, поискали себѣ пристанища у греческаго царя, князь Михалко остается у тебя въ неизвѣстности семь лѣтъ. Но Кіевская лѣтопись, описывая его побѣду надъ Половцами за Днѣпромъ 1170 года, говоритъ: «Михалка князя удариша ратніи двѣма коньми въ стегно, а третьимъ въ руку; но Богъ, молитвою отца его, избави отъ смерти, яко же прежде въ Луцѣ-морѣ». И такъ онъ бился прежде съ Половцами въ самомъ Лукоморьѣ... И это прежде, когда же было, какъ не во время его семилѣтней неизвѣстности? Къ знаменитому мстиславовскому походу 1168 г. этого отнести не можно. Мнѣ еще вотъ чтѣ впадало на мысль: не онъ ли тотъ Михалко-Семилѣтокъ, о которомъ идетъ извѣстная тебѣ народная украинская сказка, что уходитъ онъ наконецъ отъ несправедливыхъ къ нему Кіянъ—въ Царьгородъ, унося туда золотыя ворота кіевскія?—Стрѣла, пущенная изъ Кіева Михалкомъ-Семилѣткомъ, повторилась и въ великороссійскомъ богатырскомъ стихѣ о Калинѣ-царѣ... Помянемъ, кстати, еще одного Михалка Юрьевича, не князя, а просто человѣка, который бился съ Половцами на рѣкѣ Каялѣ вмѣстѣ съ Игоремъ Святославичемъ (1185), и не измѣнилъ ему въ тотъ роковой третій день, когда пали знамена игоревы... «Бысть же свѣтающе недѣлѣ; возмѣтошася Ковуеве въ полку, побѣгоша... и тако не возвратися никтоже, но токмо Михалко Гуревичъ, познавъ князя, возвратися».

Теперь приступимъ къ нашему дѣлу за русскую землю кіево-перяславскую, за ея древнее населеніе тѣмъ же малороссійскимъ народомъ, который и нынѣ въ ней обитаетъ. Какимъ историческимъ свидѣтельствомъ мо-

жешь ты опровергнуть эту истину, переходившую изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и составляющую наше народное убѣжденіе и знаніе?... Какое историческое доказательство ты даешь мнѣ на подпору нововымышленной мечты, кіевоперяславская русская земля была въ до-татарскія времена населена твоими «кіевскими Великороссіянами», а послѣ нашествія батыева населилась Малороссіянами, ново-пришлыми отъ Карпатскихъ горъ?

Я сказалъ уже въ Филологическихъ письмахъ, что какъ у насъ Малороссіянь, существуетъ убѣжденіе и преданіе, что мы въ своей сторонѣ коренные жильцы съ предковѣку, такъ въ Карпатахъ ведется преданіе о двукраткомъ переселеніи туда Руси—разъ, во время Олегово, изъ Украины днѣпровской, вмѣстѣ съ Уграми; въ другой въ XIV вѣкѣ, изъ Подолья, съ князьями Коріатовичами. Очевидно, что выводить насъ, Малороссіянь, отъ Карпатской Руси въ XIII или XIV вѣкѣ, вопреки ходу той Руси отъ насъ туда, означаетъ почти тоже, какъ нѣкогда въ Новѣгородѣ «иде Волховъ вспять дній пять; се же знаменье не на добро бысть!» Запустѣніе кіевоперяславской земли въ нашествіе батыево, и заселеніе оной новопришлымъ народомъ изъ Карпатъ или инуда,—два предположенія, совершенно напрасныя. Исторія кіевоперяславской земли, въ вѣкъ Татарщины,—отъ Батыя до Гедимина, примолкаетъ; и это естественно. Но эта мгла татарскаго столѣтія не должна служить мутною водою для рыболовства на кормленіе всяческихъ историческихъ выдумокъ. По отрывочнымъ извѣстіямъ, какія сохранились о томъ вѣкѣ Татарщины, видно, что въ кіевоперяславской Руси продолжался все тотъ же народъ, и тотъ же старый бытъ народный, въ прежнихъ городахъ и селахъ. Твой предлогъ, что Несторъ оставляетъ Великую Россію почти пусто, я не признаю уважительнымъ какъ потому, что и великороссійское пространство по Нестору заселено достаточно, такъ и потому, что, ради воображаемой тобою почти пустоты, не подобаешь опустошать край населенный; а если тебѣ уже непременно хочется пополнить великороссійское населеніе переселенцами съ русскаго юга, по нашествіи батыевомъ, то ты можешь себѣ, аще совѣсть

не зазрѣть, забрать хоть Тиверцевъ, Болоховцевъ, даже Дулѣбовъ, которыхъ и имена назnamenовались на великороссійскихъ мѣстностяхъ; но мы остаемся неподвижно въ своей землѣ, на корню, потомками нашихъ предковъ, Полянъ, и не хотимъ усыновиться какимъ-то новопришлымъ, по твоей милости, Карпатцамъ! По поводу моего филологическаго замѣчанія, что и самое наше украинское нарѣчіе не можетъ быть признано непосредственнымъ отросткомъ въ XIII вѣкѣ отъ поднарѣчія карпаторусскаго (извѣстнаго намъ въ двухъ главныхъ разностяхъ), ты говоришь мнѣ въ Отвѣтѣ: «Но у меня остается еще въ резервѣ внутренность Карпатскихъ горъ въ Венгріи, гдѣ нарѣчія еще не изслѣдованы». Что же это такое у тебя: новая «Югра, языкъ нѣмъ... и въ горахъ тѣхъ кличъ великъ и говоръ»?.. Но на это приходится и мнѣ сказать, какъ сказалъ тогда Несторъ Гюратѣ: «Си суть людье заклепленіи Александромъ македонскимъ царемъ!» Съ такимъ резервомъ, любезный историкъ, ты не возьмешь у меня не только Кіева и Переяслава, но и той «земли Чуриловщины», что была противъ Кіева за Черторыей!... Собирайся, коли охота есть, съ новыми силами—и выходи въ другой разъ; но такъ, какъ шли наши князья ко граду Шаруканю: «и оболочишася во бронѣ, и полки изрядиша». И да воспримешь ты силу самсонову мудрость соломонову, кротость давидову, — на разогнаніе тьмы тьмъ, налегшихъ на нашу южнорусскую исторію въ оный вѣкъ Татарщины!...

А на сей разъ, позволь мнѣ сказать тебѣ, что нѣкогда нашъ князь Изяславъ съ Вячеславомъ говорили приходившему на нихъ и побѣжденному отъ нихъ Юрію: «Клянцевѣ ти ся... ты намъ братъ еси; пойдѣ же въ свой Суждаль!»

Ты придумалъ было для Малороссіи послѣ-батшевской какое-то особое казацкое племя, новосоставленное тобою изъ Волянъ и Торковъ!! Но я уже замѣтилъ тебѣ, въ Филологическихъ письмахъ, что наше южнорусское ~~козачество~~ не есть особое племя. Скажу опредѣлительнѣе. Въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра козачество развилось съ XVI вѣкомъ, какъ особое сословіе малороссійскаго народа, среди

прочихъ сословій, т. е., духовенства, шляхетства, мѣщанства, посполства. На Запорожьѣ (бывшемъ до Татаръ землею половецкою) козачество велось и прежде XVI вѣка, до 1775 года, какъ особое войсковое товариство, состоявшее преимущественно и собственно изъ Украинцевъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ — ихъ языкъ по нарѣчію украинскому, — ихъ безусловная непреклонная приверженность къ православной восточной вѣрѣ, названіе куреней Запорожской Сѣчи по именамъ украинскихъ мѣстъ, — личный составъ Низоваго Запорожскаго товариства преимущественно изъ выходцевъ украинскихъ (хотя бывали тамъ и выходцы галицкіе, волынскіе, польскіе, московскіе, волошскіе и другіе); наконецъ, всегдашнее признаніе Украины у Запорожцевъ — ихъ отчизною. Все это — положительная, историческая достовѣрность, противъ которой можно говорить, развѣ только въ смыслѣ украинской пѣсни:

«Музыкѣ каже ячмѣнь, жѣнка каже гречка!»

Такимъ образомъ всякое мнѣніе или предположеніе о нашемъ козачествѣ, несходное и разладное съ историческою о немъ достовѣрностью, будетъ напрасно и невѣрно; и только то предположеніе о началѣ сего козачества можетъ быть подходящимъ къ дѣлу, по которому первымъ началомъ козачества сего будутъ признаны Украинцы. И я тебѣ напомню мою догадку, что первымъ началомъ или зерномъ запорожскаго козачества были наши Тмутароканцы, по прекращеніи ихъ княжества (въ XII вѣкѣ); эта догадка родилась у меня, когда я былъ въ Таманѣ, и увидалъ тамъ нашихъ Черноморскихъ козаковъ, основой которыхъ были остатки прежнихъ Сѣчевиковъ запорожскихъ. Догадка моя, состоятельна она или нѣтъ, нисколько не измѣняетъ собою исторической достовѣрности о запорожскомъ козачествѣ; она есть только дополненіе къ ней, соотвѣтственное ей по своей сущности, и легко къ ней примыкающее. Само собою разумѣется, что говоря о Тмутароканцахъ, я разумѣю преимущественно то русскоукраинское населеніе нашего тмутароканскаго княжества, для котораго преподобный Кіевлянинъ Никонъ и устроилъ тамъ Богородичный монастырь,

по образцу Кіевонечерскаго, при церкви св. Богородицы, заложеной Мстиславомъ Володимировичемъ, 1022 года, по его обѣщанію, данному при единоборствѣ съ Редедю.

Но ты въ отвѣтъ говоришь мнѣ: «Докажи только, что козаки Тмутароканцы, тогда ты услышишь отъ меня: Тмутароканъ—Норманская колонія. Вотъ будетъ потѣха-то не только Русь Норманы, которыхъ ты оспариваешь, но даже козаки, любезные твои козаки, по собственному твоему изслѣдованію, окажутся норманскими правнуками!»! Вотъ, что значить одностороннее систематическое предубѣжденіе, по которому тебѣ видится норманство или скандинавство во всей нашей древне-русской жизни, до Ярослава включительно, видится и тамъ, гдѣ его не было. Потѣшный, великолѣпный фейерверкъ скандинавскихъ огней, въ видѣ цѣлой ученой системы, ты устроилъ отлично, въ трехъ первыхъ томахъ своихъ «Изслѣдованій». Но для насъ отъ того не утратила живой самоцвѣтности своей наша древняя славяно-русская жизнь; и она ясна для насъ, не смотря на искусственный свѣтъ вашихъ скандинавскихъ иллюминацій, которымъ такъ уже насвѣщенъ взоръ твой, что тебѣ и тмутароканское княжество наше кажется—колоніею норманскою!... Ты можешь еще полюбоваться наяву своими любезными Варягами, напримѣръ, въ ночную тьму страшной Лиственской сѣчи, при той грозѣ, «яко посвѣтыше молонья, блещашеться оружье»... Но вѣдь ты помнишь, что тогда изъ Тмутароканя «поиде Мстиславъ на Ярослава съ Козары и съ Касоги». Послѣ Мстислава мы видимъ въ Тмутарокани наше православно-русское поселеніе, въ столкновеніи съ тѣми Козарами и Касогами, съ Греками и, пожалуй, Готами таврическими, а затѣмъ и съ Половцами... И твоя «норманская колонія» разлетается и гаснетъ, какъ потѣшный снопъ фейерверочный. Что же касается до обѣщанной тобою потѣшной фантазмагоріи о норманствѣ Запорожскихъ козаковъ, то мы уже видали эти виды! Вспомни, еще 1834 года профессоръ Сенковскій утверждалъ, что Запорожскіе козаки даже говорили по-скандинавски! Не хлопочи же о новомъ открытіи того, что давно изобрѣтено

другими! Ожидай отъ меня особаго письма о норманствѣ или скандинавствѣ нашихъ Руссовъ. А теперъ я обращаюсь къ той исторической силѣ твоей, которую ты дѣйствуешь наиболѣе въ Отвѣтѣ—къ характеру. Ты говоришь, напримѣръ: «Мономахъ—не есть ли чистый характеръ великороссійскій?» А я на это возражаю: да почему же Мономахъ не есть характеръ малороссійскій?... Вѣдь это сказалъ ты только по твоему нынѣшнему новому мыслю о древнемъ населеніи Украины—«кіевскими Велико-россіянами»? А лѣтъ за десять, когда ты держался еще прежней правой вѣры о древнемъ населеніи Украины народомъ малороссійскимъ, тогда (въ своемъ Отвѣтѣ мнѣ 1845 года), ты называлъ Малороссіяниномъ даже Андрея Боголюбскаго (питомца и любителя земли суздальской, которому такъ скучно и душно было здѣсь, на Украинѣ, что онъ уходилъ изъ нея въ свой Суздаль, даже противъ воли отцовской)!. Въ обоихъ случаяхъ, твое опредѣленіе характеровъ произошло не историческимъ выводомъ изъ непосредственнаго наблюденія и разсмотрѣнія двухъ замѣчательныхъ историческихъ личностей, а только логическимъ наведеніемъ на нихъ предъустановленнаго тобою понятія. Ты мнѣ опредѣли сперва, чтò такое называешь ты чисто великороссійскимъ и чисто малороссійскимъ характеромъ (коли Богъ послалъ тебѣ такое прозрѣніе въ душу и сердце русскаго человѣка, сѣвернаго и южнаго, особливо въ то древнее время, или лучше изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, даже до сего дне), да тогда уже и разрѣшай свои историческія задачи посредствомъ двухъ характеровъ; а пока тотъ и другой характеръ остаются еще для насъ съ тобою искомыми иксами; я не прійму отъ тебя историческихъ вычисленій твоихъ на основаніи характеровъ предлагаемыхъ.

Ты говоришь мнѣ: «Размотри, напримѣръ, убійство Андрея Боголюбскаго во Владимірѣ, послѣдующіе мятежи, обращеніе къ сосѣднему рязанскому князю объ избраніи ему преемника—черты чисто великороссійскія!» Я согла-

шусь, пожалуй, развѣ по тому только, что суздальское население издревле было великороссійское; но все таки не чисто, а совмѣстно съ населеніемъ чудскимъ, которое, претворяясь въ великороссійское, приносило же въ его чистоту нѣчто и отъ своей не чистоты, отъ своей природы. Посмотри, однако, и ты, любезный характерникъ, какъ рѣзко отъ всѣхъ Суздальцевъ, при убіеніи Андреевомъ, отмѣнился тамъ Кіянинъ Кузмище! Вотъ онъ тебѣ живой зародышъ истины о характерѣ малороссійскомъ, взятый изъ дѣйствительности исторической! А тотъ громадный Нижегородецъ Кузма—да будетъ онъ тебѣ плодомъ исторической истины о народномъ характерѣ великороссійскомъ, по которому, если бы древними обитателями киевоперяяславской земли дѣйствительно были Великороссіяне, не ушли бы изъ нея они при нашествіи батыевома, куда-то на сѣверъ, за лѣса брянскія, за гряды смоленскія!... Не пустили бы они всякому пришельцу завладѣвать ихъ родимую сторону, благодатною Украиной!... И не покинули бы они такъ безучастливо и равнодушно — на произволь вѣтровъ и враговъ, на четыре вѣка, своего стольнаго Кіева, священнаго для всего православнаго русскаго міра, какъ Іерусалимъ для всего міра христіанскаго! Ты говоришь мнѣ въ Отвѣтъ: «Есть ли изъ трехъ сотъ, составленныхъ тобою (въ Словарѣ), біографіи удѣльныхъ князей, хоть одна, которая напомнила бы собою Тараса Бульбу, или Петра въ Страшной Мести»?... Для меня чудень и самый вопросъ твой. То были князья до-татарскаго времени, лица дѣйствительныя, означенныя лѣтописаньемъ, изъ котораго ты выбиралъ біографіи почти слово въ слово, даже убавляя; а Тарась, Петро—лица вымышленныя, пересозданныя воображеніемъ поэта, взятыя имъ изъ простолюдья, не изъ княжескаго сословія, и пріуроченныя, какъ Тарась, къ четвертому десятилѣтію XVII вѣка. Конечно, художественная сила необходима историкъ для воскрешенія давнопрошедшихъ лицъ, чтобы они и современные имъ поколѣнія народа становились живьемъ передъ очами. Но чтобы художникъ былъ наставителемъ для историка, для того надобно, чтобы онъ со смиреніемъ поворился исто-

рической дѣйствительности и поработалъ бы для нея съ долго-терпѣніемъ. А въ творествѣ нашего великаго художника, Гоголя (пока художество было его жизнію)—этого не было: у него и исторія Малороссіи скакала по его волшебной флейтѣ. И если ты, мой любезный характерникъ, составишь для исторіи характеристику нашего козачества по Тарасу Бульбѣ, тогда ты отхватываешь намъ такого козачка, какого не видалъ и самъ великій гетманъ, Потемкинъ, страстный любитель этого танца! Ты говоришь мнѣ въ Отвѣтъ: «Сравни теперь исторію своихъ любезныхъ гетмановъ съ исторіею галицкихъ бояръ, съ исторіею, пожалуй, современниковъ Курбскаго. Они похожи какъ двѣ капли воды!» Извини меня: эти твои «двѣ капли воды» для меня не болѣе, какъ пара словъ! Должно быть ты взглянулъ тогда на исторію нашихъ козацкихъ гетмановъ такъ издавеча, что она слилась для тебя въ одну каплю, и гетманы наши представились тебѣ уже какъ «образы безъ лицъ»! Быть можетъ, что и я подошелъ къ нимъ уже слишкомъ близко, такъ, что мнѣ видны уже ихъ усы и носы, и ихъ общее сходство теряется для меня въ разнообразіи ихъ личностей. Во всякомъ случаѣ, я скажу тебѣ, что въ нашей козацкой малороссійской гетманщинѣ, въ которой на гетманствѣ, съ 1506 и до 1764 года, были лица изъ разныхъ сословій и мѣстъ, изъ князей, шляхтичей, козаковъ, поповичей, изъ Украинцевъ, Сѣверянъ, Волынянъ, Галичанъ, представляется такая разнобоярщина, какой не было и въ древнемъ боярствѣ галицкомъ! При томъ же, козачество Украины и гетманство козацкое составляетъ особенность позднѣйшей исторіи малороссійской, съ XVI вѣка; а по тому несомнѣнно удобно и сравнивать ее съ исторіею древнихъ бояръ галицкихъ. Можно бы для сравненія съ ними, пожалуй, взять однородца ихъ, гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго, родомъ изъ шляхетства перемышльскаго; но какая же разница въ этомъ характерѣ отъ бояръ древне-галицкихъ! Впрочемъ, и то сказать, что онъ учился въ Острожскомъ училищѣ, и доучился въ Сѣчи Запорожской. А что ты намекнулъ о современникахъ Курбскаго, конечно, разумѣя вельможество волынской земли, то сходство весьма

можетъ быть съ нею, потому что на гетманствѣ было тогда нѣсколько волынскихъ князей, каковы, между прочимъ: Вишневецкій, Ружинскіе, и т. д. Вообще же сказать, чѣмъ больше нашлось бы сходства между Галичанами, Волынянами, Украинцами всѣхъ вѣковъ, тѣмъ больше подтвердилась бы ихъ принадлежность къ одному народу южнорусскому, среди котораго въ русской землѣ кіево-перемышльской родился, выросъ и скончался нашъ «добрый страдалецъ за русскую землю, Володимерь Мономахъ» и доблестный внукъ его, Изяславъ, «по немъ же плакася вся русская земля и вси Чернїи Клобуци, яко по царѣ и господинѣ своемъ, наипаче же, яко по отци», и храбрый правнукъ Мономаховъ, молодой князь Владиміръ Глѣбовичъ, «о немъ же Украина много постана».

Когда я, въ 1832 году, увидѣлъ землю Доѣскихъ козаковъ, и вслѣдъ за тѣмъ землю козаковъ Черноморскихъ, мнѣ тогда яснымъ было различіе великороссійскаго и малороссійскаго человѣка въ быту козацкомъ. Когда я послѣ того въ Кіевѣ, на лекціяхъ, разбиралъ подробно народныя пѣсни, великороссійскія и малороссійскія, мнѣ ясно было тогда различіе двухъ народныхъ русскихъ характеровъ при воодушевленіи пѣснотворческомъ, и для ихъ означенія у меня тогда срывались съ языка, иногда очень мѣткія слова. И много было мнѣ другихъ случаевъ, для сличенія двухъ русскихъ характеровъ, въ разныхъ отношеніяхъ. Но никогда еще не случалось и не удавалось мнѣ означить и выразить ихъ такою опредѣлительною формулою, чтобы я могъ признать ее удовлетворительною и достаточною для разрѣшенія по ней всѣхъ историческихъ задачъ о русскомъ мірѣ, сѣверномъ и южномъ.

Ты еще говоришь мнѣ въ Отвѣтѣ: «Радъ поклоняться съ тобою Богдану также, какъ и Мономаху: видишь ли мое безпристрастіе, съ котораго и бери примѣръ!» Еще бы ты не поклонился Богдану, который, послѣ своихъ тридцатилѣтнихъ козацкихъ подвиговъ на морѣ и сушѣ, отъ Царьгорода до Смоленска, одинъ поднялъ на свои плеча великое и многотрудное дѣло освобожденія стольнаго Кіева и всей Малороссїи отъ Поляковъ; одинъ шестилѣтнею войною своею

освободилъ ихъ отъ короны польской, и привелъ ихъ снова подъ вѣнецъ Мономаха, доставшійся Москвѣ въ наслѣдіе отъ Кіева:

И Руси древняя столица

Склонилася передъ Москвой,

Какъ вѣнценосная вдовица

Передъ царицей молодой!

Ты объявляешь въ Отвѣтѣ своемъ, что я кланяюсь твоему «Хронологическому словарю удѣльныхъ русскихъ князей», изданному 1855 года. Дѣйствительно, я любовался и люблюсь имъ, какъ прекрасною историческою мозаикою, и разглядывалъ его, какъ самъ видишь, съ большимъ вниманіемъ. Я люблю въ русской исторіи ту систему, къ которой стремился нашъ безсмертный Карамзинъ, сказавшій: «Я желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему ясную стройнымъ сближеніемъ частей»... Въ духѣ той системы была и твоя мозаическая работа надъ Словаремъ древнерусскихъ князей; и я сердечно желалъ бы, чтобъ ты еще разъ утеръ пота надъ нимъ; чтобъ ты посвятилъ ему еще одинъ такой же затворнической долгій присѣсть, для новой окончательной обработки его, для новаго, неспѣшнаго его изданія, на всегдашнее руководство будущимъ поколѣніямъ друзей русской исторіи. То была бы безсмертная книга, лучшая всѣхъ многочисленныхъ книгъ, тобою написанных!

Написавши все это тебѣ въ отвѣтъ, я еще разъ прочелъ твой Отвѣтъ на мои Филологическія письма, и удостовѣрился, что уже отозвался почти на все, что требовало съ моей стороны возраженія и объясненія. Въ дополненіе, мнѣ можно еще повиниться передъ тобою, что я, въ твоёмъ примѣчаніи о Добрынѣ, отнесъ слово «нѣсколько» къ послѣдующему имени «славянское», а надо было отнести его къ предыдущему глаголу «противорѣчить»,—какъ вижу теперь, изъ твоего Отвѣта. Но моя ошибка была неумышленная, которая, по пословицѣ, «въ фальшь не ставится». Произошла же она, конечно, по настроенности моей мысли твоими утвержденіями, что сестра Добрыни, Малуша,—Норманка, и что ея имя есть норманское Малфриды, съ

перемѣною только окончанія на славянское; что въ именахъ Боричъ, Синко «можетъ быть есть только славянское подобозвучіе»; и что «только имена убійць глѣбовыхъ (Путьша, Талець, Еловить, Горясѣрь) звучать, кажется, болѣе по-славянски!» (с. 127). Такъ мнѣ и показалось, что у тебя и Добрыня именованъ только отчасти, «нѣсколько славянскимъ». Съ удовольствіемъ вижу теперь, что оно и прежде казалось тебѣ вполне славянскимъ!... Вотъ хорошо было бы, еслибъ ты и имя Малуши тоже призналъ вполне славянскимъ, отъ имени отца ея, Мала (уменьшительно Малка), а также и имена: Боричъ (отъ коего увозъ Боричевъ) и Синко. А что имена Путьша, Талець, Еловичъ(-ть), Горясѣрь—звучать не «кажется, болѣе», но именно вполне по-славянски, въ этомъ, я полагаю, и самъ ты уже убѣжденъ нынѣ. Попрошу тебя еще выключить изъ твоего списка скандинавскихъ словъ, наши природныя славяно-русскія слова: мужи, люди, огнищане, рядъ, стягъ, луда, грузъ, лодья, цѣжь. Конечно, этимъ ослабится нѣсколько одно изъ пяти сильнѣйшихъ твоихъ доказательствъ скандинавства Руси—языкъ; но вѣдь ты одинъ изъ самыхъ искреннихъ искателей истины?... При этомъ, я повторяю сказанное нѣкогда мною, въ послѣсловіи къ книгѣ: «Откуда идетъ русская земля»: «Тяжело отставать отъ привычныхъ понятій, которыя иногда наглухо срастаются съ нашею мыслию, но кто бы напередъ не пожертвовалъ своимъ личнымъ мнѣніемъ, не разстался съ своею новою системою, съ любимую мечтою, при одной мысли, что то будетъ благоприятно истинѣ, для которой и работаютъ ученые?» (стр. 79).

Я не теряю надежды, и непременно хочу, возвратить тебя отъ твоей новороссійской системы къ прежнему историческому понятію нашему.... Ты не призналъ этой цѣли въ моихъ Филологическихъ письмахъ, и приписалъ ихъ моему небывалому намѣренію «отмстить» тебѣ. Такъ я же стану дѣйствовать на тебя посильнѣе тѣмъ именно, чего не залюбилъ ты: напоминаніемъ того, что писалъ ты за десять лѣтъ,— въ «Издѣловіяхъ». Ты не взлюбилъ моего напоминанія,

и сказалъ, что это сдѣлано мною только для эффекта... А самъ, приступая, въ «Исслѣдованіяхъ», къ «апоѳегмамъ» археографа Строева, не съ того ли ты началъ, что выписалъ прежнія утвержденія его о Несторѣ, выраженныя при изданіи Софійскаго временника (1820), и потомъ воскликнулъ: «Кто бы повѣрилъ, что этотъ же изслѣдователь, чрезъ нѣсколько времени, будетъ писать вотъ что, въ своемъ знаменитомъ «Хронологическомъ указаніи»... (I. 465). Черезъ «нѣсколько времени», т. е., черезъ 16 лѣтъ! Новое понятіе археографа, приставаго къ скептической школѣ Каченовскаго, конечно, было и въ немъ, какъ и въ самомъ Каченовскомъ, уклоненіемъ отъ прямого пути историческаго. Но развѣ не то же случилось и съ тобою теперь, въ новороссійской твоей системѣ, о которой скажу, какъ сказалъ тогда ты о Морощкинѣ, напоминая словъ твоего «неумолимо своенравнаго» вдохновителя: «По неволѣ вспомнишь Шледера, и скажешь, что видно, послѣ всякихъ трехъ шаговъ впередъ, на поприщѣ исторіи, намъ на роду написано ступать по два назадъ!» (II. 211.) Вотъ же ты и ступилъ два шага назадъ: одинъ—въ тожество церковнославянскаго языка съ великороссійскимъ: другой—въ древнее заселеніе Украины «кіевскими Великороссіянами», и въ новое заселеніе оной выходцами карпатскими! Я хотѣлъ выволить на прежній путь истины; а ты сказалъ, что я хотѣлъ тебя столкнуть въ яму... И не ужъ ли же мнѣ изъ-за этого пожалѣть, что я къ тебѣ написалъ «Филологическія письма», какъ ты въ «Исслѣдованіяхъ», преслѣдуя спектиковъ воскликнулъ: «И зачѣмъ я переводилъ Эверса и Неймана»!

Въ заключеніе третьяго тома «Исслѣдованій», въ послѣсловіи, ты роздалъ въ удѣлъ разнымъ ученымъ мужамъ разные народы, а о себѣ сказалъ: «Я на свою долю взялъ и рассмотрѣлъ Нормановъ—*quiescunt in pace*!» Но ты вспомни, историкъ, что въ 1044 году, по волѣ ярославовой «выгребоша два князя, Ярополка и Ольга, сына Святослава, и крестиша кости ея»... (для того чтобы онѣ не истлѣли во тьмѣ язычества). Не упокоятся же и любезные тебѣ Норманы въ трех-могильной тьмѣ твоихъ «Исслѣдованій», не смотря на

твое зачураніе, и на твою неистовую критическую тризну! Наука не разъ еще поворошитъ ихъ кости, для обращенія въ лучшій свѣтъ истины!... Раздавая въ удѣлъ ученымъ мужамъ разные народы на изслѣдованіе, ты сказалъ тамъ: «О Болгарахъ законные судьи—молодые профессора славянскихъ нарѣчій, гг. Бодянской, Срезневскій, Прейсъ, Григоровичъ». Вотъ я, сойдясь съ тобою на полѣ истины филологической, и привелъ тебѣ послѣднія слова твоего перваго «законнаго судьи», слова о ближайшемъ сродствѣ церковно-славянскаго языка съ болгарскимъ! Но ты въ Отвѣтѣ остался недоволенъ и опредѣленіемъ самаго его, и сказалъ, что я напрасно его словами подтверждаю свое мнѣніе. Къ кому же, наконецъ, прибѣгнуть мнѣ, какъ не къ тебѣ же, о мой сердитый Юпитеръ!... Но прочь мѣѳология, и Скандинавія, и «Изслѣдованія»... Беру прежнюю твою, вступительную книгу, освященную именемъ нашего безсмертнаго, смиренно-мудраго кievскаго лѣтописца,—беру твою книгу «Несторъ», М. 1839. Тамъ, въ концѣ (стр. 226), сказалъ ты: «Разсмотрѣть Нестора, какъ писателя, я предоставляю г. Шевыреву; разсмотрѣть языкъ его—г. Бодянскому, ибо для этого нужно знать болгарское нарѣчіе и малороссійское, кои знаю я недостаточно». Вотъ здѣсь говоритъ русская душа Погродинъ, отворотившій на время взоръ свой отъ образины шлецеровой.... И задача о Несторѣ, какъ писателѣ, исполнена была въ седьмой лекціи Шевырева такъ удовлетворительно, какъ только можно было ожидать. И какъ мнѣ отрадно было увидѣть, что она окончена твоимъ заключеніемъ лекцій о Несторѣ, читанныхъ въ Ноябрьѣ 1837 года, заключеніемъ, положеннымъ въ конецъ твоей книги; что въ концѣ обѣихъ вашихъ лекцій вспомянулись и мои слова о Несторѣ изъ послѣсловія къ книгѣ о Русской землѣ, написаннаго 8 Ноября, 1836 года.... Шевыревъ повторилъ слова твоей лекціи: «Поставимъ мы.... не портретъ, но освященный образъ нашего перваго лѣтописателя, Нестора... мы будемъ молить его, чтобъ онъ подавалъ намъ собою примѣръ трудиться, не для удовлетворенія своего бѣднаго самолюбія, не изъ угожденія своимъ мелкимъ страстямъ, а въ духѣ того сми-

ренномудрія, которое внушило ему эти прекрасныя слова, по замѣчанію одного изъ моихъ товарищей: «Азъ грѣшный Несторъ, мнѣ всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго отца всѣхъ Θεодосія»,—трудиться въ духѣ горячей любви къ отечеству, съ искреннимъ желаніемъ научиться и узнать истину».

Въ духѣ этого любознанія, возобновляю твое давнее желаніе, и усугубляю оное моимъ благожеланіемъ, чтобы и другое твое порученіе тоже исполнилось, т. е., чтобы г. профессоръ Бодянский потрудился написать въ «Русскую Бесѣду» свое мнѣніе о языкѣ Несторовой лѣтописи, а также Кіевской и Волынской (неправильно названныхъ Ипатьевской)... ему филологу—и книги въ руки!

VI.

НОВЫЯ ПИСЬМА

КЪ М. П. ПОГОДИНУ.

О старобытности малороссійскаго нарѣчія ¹⁾).

Письмо I.

И не хотѣлось бы, а пришлось мнѣ еще разъ побесѣдовать съ тобою, любезный академикъ, во всеуслышаніе—о старобытности Малороссійскаго нарѣчія на нашемъ Киевскомъ Югѣ. Поводомъ къ тому служить отвѣтъ г. Лавровскаго на мои филологическія письма къ тебѣ, явившійся въ свѣтъ при твоёмъ содѣйствіи ²⁾. Надо исполнить мое обѣщаніе—не остаться безотвѣтнымъ, если «записные филологи» нанишутъ что либо въ пользу твоей исторической гипотезы—о заселеніи Киево-Переяславской земли Великороссіянами на все древнее, до-Батыевское время, и о переселеніи на ихъ мѣсто Малороссіянь съ Карпатскихъ горъ уже послѣ нашествія Татарскаго.

Я не читалъ еще ничего, написаннаго и изданнаго г. Срезневскимъ послѣ 1843 года (кромя одной *Задонщины*); а потому мнѣ неизвѣстно, какъ онъ самъ развиваетъ мнѣніе о несуществованіи Малороссійскаго нарѣчія и народа до нашествия Татарскаго,—мнѣніе, которое ты справедливо назвалъ невѣрнымъ, но несправедливо огласилъ какъ совершенную, неслыханную новость. Напрасно и г. Лавровскій ведетъ лѣтосчисленіе этого мнѣнія только съ 1849 года, со Срезнев-

¹⁾ Напечатано въ газ. *День* 1863, № 8, 10, 15, 16 и отдѣльно въ 16, стр. 70.

²⁾ *Отвѣтъ* г. Лавровскаго—въ *Основы* 1861 г. кн. 8.; тамъ же въ кн. 12, и другая его статья «по вопросу о Южно-Русскомъ языкѣ».

скаго, сопричисляя къ нему только тебя и себя. Я имѣлъ уже случай (въ Отвѣтныхъ письмахъ къ тебѣ) ¹⁾ сказать, что мнѣніе о безразличіи Малороссіянъ съ Велико-россіянами и ихъ нарѣчій до нашествія Татарскаго—было у насъ въ ходу издавна, и «что для сущности дѣла, для истины, нѣтъ большой разницы въ томъ, если невѣрное мнѣніе ходило сперва запросто, а теперь выступило съ важностью ученой формы и законности».

Безъ малаго за сто лѣтъ, именно 1765 года, Малорос-сійскій историкъ Симоновскій говорилъ такъ: «разность же между Великороссіянами и Малороссіянами тогда воспо-слѣдовала, когда они (т. е. Малороссіяне) пришли во владѣніе Литовское и Польское».

Грамадинъ въ 1823 году говорилъ: «Что за обла-стныя нарѣчія? Ихъ и теперь нѣтъ, кромѣ Малороссійскаго или Украинскаго и развѣ Бѣлорусскаго, составившихся, когда сіи области отторгнуты были отъ Россіи вскорѣ послѣ наше-ствія Татаръ; а тогда (т. е. въ XII вѣкѣ) отъ Ильмена до Днѣпра, какъ нынѣ отъ Невы до Камчатки, говорили однимъ языкомъ» (см. Слово о П. И., стр. 85). Отсюда будетъ пря-мое слѣдствіе, что и всѣ отличительныя черты Малороссій-скаго нарѣчія развились въ немъ не ранѣе, какъ послѣ XIII-го вѣка; что оно, по этому, не выразилось, да и не могло вы-разиться ничѣмъ особеннымъ въ древнерусской письменности, до XIV-го вѣка: вѣдь въ этомъ и состоитъ, кажется, ученіе г. Срезневскаго. — Мнѣніе о новобытности Малороссійскаго нарѣчія являлось у насъ и съ особеннымъ направленіемъ, напримѣръ у Греча, который 1822 года, въ Опытѣ исторіи Русской литературы (стр. 12) выражался такъ: «Малороссій-ское нарѣчіе родилось и усилилось отъ долговременнаго вла-дчества Поляковъ въ Югозападной Россіи и можетъ даже назваться областнымъ Польскимъ». Въ пространной грам-матикѣ своей (изданной 1827 года съ предисловіемъ Поляка Булгарина) Гречъ также говорилъ, что Малороссійское нарѣ-чіе «можетъ даже назваться нарѣчіемъ языка Поль-

¹⁾ *Отвѣтныя письма* напечатаны въ *Русской Бесѣдѣ* 1857 г. кн. II. см. выше, стр. 244—272.

скаго (стр. 35)! Нечего и говорить, до какого неистовства доходило у нашей Польской братіи это неправильное притяженіе Малороссійскаго нарѣчія къ языку Польскому, вопреки очевидной постепенности сродства между нарѣчіями Славянскими. Но при этомъ нельзя умолчать и о томъ противоположномъ направленіи, съ какимъ прошлаго года (1862), въ 23 номерѣ Дня, являлся г. Соковенко, объявляя, будто «большинство специалистовъ давно уже пришло къ тому заключенію; если не убѣжденію, что Малороссійскій языкъ есть только подрѣчіе Великорусскаго!». Но это большинство—только въ воображеніи г. Соковенка; на самомъ же дѣлѣ давно уже нѣтъ, кажется, ни одного специалиста, который бы доказывалъ такую неосновательную мысль о нарѣчіи Малороссійскомъ. Онъ ссылается только на О. М. Бодянскаго да на меня,—будто мы «постоянно отзывались и отзываемся о Малороссійскомъ языкѣ, не какъ о самостоятельномъ или отдѣльномъ, а какъ о нарѣчій или части Великорусскаго языка». Не смотря на тѣ пріятные эпитеты, которыми уснастилъ свою рѣчь объ насъ г. Соковенко, мы оба въ правѣ напомнить ему слова заповѣди: «не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна». Ни въ одномъ сочиненіи своемъ г. Бодянскій не выражалъ приписаннаго ему мнѣнія о нарѣчій Малороссійскомъ. Равно и я, начиная съ предисловія къ Малороссійскимъ пѣснямъ, изданнымъ 1827 года, постоянно утверждалъ, что на Малороссійское нарѣчіе должно смотрѣть какъ на особый языкъ, отличный отъ Великорусскаго, а тѣмъ болѣе отъ Польскаго. Название «Малороссійскій языкъ» было взято мною съ заглавнаго листа Энеиды Котляревскаго, первоначальника новой Малороссійской словесности. Впослѣдствіи я предпочелъ названіе «Южнорусскій языкъ», точнѣе и яснѣе выражающее собою объемъ этого языка, который состоитъ въ двухъ нарѣчіяхъ: 1) Малороссійскомъ, существующемъ издревле оба-полю Днѣпра—на Украинѣ, Подольи, Волыни, и въ Сѣверщинѣ; 2) Червонорусскомъ, существующемъ издревле обонполѣ Днѣстра въ Галиціи и въ Карпатахъ. Нарѣчіе Великорусское вмѣстѣ съ Бѣлорусскимъ составляютъ одинъ языкъ Сѣвернорусскій,

также отдѣльный и самостоятельны, какъ и языкъ Южно-Русскій. Эти два народныя языка суть ближайшіе между собою, какъ два вида одной Русской или Восточно-Славянской рѣчи — и ни одинъ изъ нихъ не можетъ назваться родоначальнымъ для другаго: это два родные брата въ общемъ кругу Рѣчи Славянской (какъ въ Сѣверо-Западномъ ея отдѣлѣ — языки Польскій, Чешскій, Словацкій, Лужицкій и ихъ умершій братъ — языкъ Полабскій). Нѣтъ никакого основанія, ни филологическаго, ни историческаго, чтобы два Южнорусскія нарѣчія считать видоизмѣненіемъ котораго либо изъ двухъ нарѣчій Сѣвернорусскихъ. А между тѣмъ, и въ новое время Славянорусской филологіи было мнѣніе нашего покойнаго друга-товарища Надеждина, что Велико-русскій языкъ образовался изъ соединенія языковъ Бѣлорусскаго и Южнорусскаго, особенно вслѣдствіе переходовъ и поселеній (см. въ Шафариковомъ Народописаніи).

Ты и теперь по прежнему признаешь древнюю особенность и самостоятельность нарѣчія и народа Малороссійскаго, равно какъ и Великорусскаго, и Бѣлорусскаго; потому-то и называешь ты невѣрнымъ положеніе г. Срезневскаго о безразличіи Малороссіянъ съ Великороссіянами и ихъ нарѣчій до нашествія Татарскаго. Но прежде (т. е. въ Изслѣдованіяхъ т. III. 1846 г.) ты признавалъ «отраженіе Малороссійское» у Нестора и въ другихъ древле-Кіевскихъ писаніяхъ; а 1856 года, въ своемъ знаменитомъ письмѣ къ Срезневскому, и ты, подобно ему, заговорилъ уже «о совершенномъ отсутствіи всякихъ признаковъ Малороссійскаго нарѣчія какъ у Нестора, такъ и у Кіевскихъ и Волынскихъ его продолжателей; да кромѣ того ты призналъ въ нихъ еще «явное присутствіе нарѣчія Великороссійскаго»: то и другое вмѣстѣ привело тебя къ заключенію о пребываніи Великорусскаго народа на Кіевскомъ Югѣ искони и до нашествія Татарскаго. Малороссійскій же народъ, нынѣ здѣсь обитающій, ты примѣстилъ въ Карпаты на все до-Татарское время. Вотъ это-то отчужденіе насъ Малороссіянъ отъ нашей Приднѣпровской родины, отъ нашего Кіева и всей нашей древней исторической жизни,

столь многозначачей въ общей жизни Рускаго Мира,—это отлученіе отъ насъ нашихъ древле-Кіевскихъ писателей и подвижниковъ—и заставили меня вступитъ въ полемику съ тобою, на столько же историческую, на сколько и филологическую... Я уже и думать забылъ объ этой нашей полемикѣ, и моими письмами къ тебѣ о Богданѣ Хмѣльницкомъ¹⁾ надѣялся вызвать тебя на обѣщанную бесѣду со мной объ этомъ великомъ подвижникѣ и представителѣ Украины, который историческимъ дѣломъ своимъ доказалъ ясно ближайшее сродство Малороссійскаго народа съ Великороссійскимъ... Но вотъ становится между нами г. Лавровскій, съ своимъ Отвѣтомъ на мои Филологическія Письма,—съ отвѣтомъ, который въ самомъ дѣлѣ можно назвать «процессомъ опроверженія г. Максимовича», по выраженію автора. Чтобы исполнить твое прежнее желаніе и мое обѣщаніе, я дамъ тебѣ подробный отчетъ преимущественно о томъ, что въ этомъ Отвѣтѣ относится прямо къ дѣлу, къ разрѣшенію занимательнаго для васъ вопроса о нарѣчій Малороссійскомъ. Для этого, минуя всѣ околичности, я возьму сначала то мѣсто, въ которомъ заключается вся суть «Отвѣта».

«И такъ,—говоритъ г. Лавровскій—положа руку на сердце, безпристрастно, безъ увлеченія, мы смѣло можемъ повторить ровно за четыре года²⁾ высказанное положеніе, что древній Русскій языкъ, въ предѣлахъ нынѣшняго Русскаго государства, до XIV столѣтія, не обнаруживаетъ рѣшительно того раздѣленія на два нарѣчія, Великорусское и Малорусское, какое встрѣчаемъ мы впоследствии и въ настоящее время. Это положеніе, по глубокому нашему убѣжденію, опирается на самыхъ прочныхъ основаніяхъ: во 1) на рѣшительномъ отсутствіи исключительныхъ Малороссизмовъ во всей древней письменности Русской, Южной и Сѣверной; во 2) на невозможности не высказаться особенностямъ народнаго языка даже и при предположеніи, что эта письменность была

¹⁾ Напечатаны въ *Украинцѣ* 1859 г. и въ *Русской Вѣстнѣ* 1859 г.

²⁾ *Отвѣтъ* написанъ 1856 г. То *Разсужденіе*, на которое ссылается г. Лавровскій, мнѣ неизвѣстно, какъ и все прочее написанное имъ до *Отвѣта*.

Церковнославянская, что положительно доказывается; въ 3) постояннымъ господствомъ въ этой письменности отличительныхъ чертъ языка общерусскаго и областныхъ особенностей рѣчи Новгородской; въ 4) позднѣйшею письменностію, съ XIV вѣка, гдѣ при очевидномъ церковнославянизмѣ языка, во множествѣ разсѣяны отличительныя свойства Малорусскаго нарѣчія на Югѣ, какъ Великорусскаго на Сѣверѣ; въ 5) наконецъ, на неопровержимомъ фактѣ близости всѣхъ нарѣчій Славянскихъ другъ къ другу до XIII—XIV столѣтій, что, ни мало не противорѣча развитію нѣкоторыхъ особенностей чертъ въ каждомъ, прямо противорѣчитъ господству въ то время всѣхъ нынѣшнихъ особенностей» (стр. 35).

Судя по высказанному здѣсь положенію и по концу Отвѣта, надо думать, что г. Лавровскій крѣпко держится Граматинскаго мнѣнія, возобновленнаго и развитаго г. Срезневскимъ, о безразличіи Русской рѣчи до XIV-го вѣка, о существованіи въ то время одного языка на всей Руси, и о происхожденіи Великороссійскаго и Малороссійскаго нарѣчій, съ ихъ отличительными особенностями, уже послѣ нашествія Татарскаго. Въ этомъ смыслѣ и веденъ весь Отвѣтъ и только одному Новгородскому нарѣчію съ его особенностями придана у г. Лавровскаго такая же глубокая древность, какъ и всему остальному языку древней Руси съ его особенностями обще-Русскими. Такимъ непристрастнымъ исключеніемъ въ пользу Новгородскаго нарѣчія нарушается уже то безразличіе древняго языка Руси, по которому онъ полагается до XIV вѣка не Великорусскимъ, и не Малороссійскимъ, а просто Русскимъ языкомъ.

Но въ «Описаніи семи рукописей» напечатанномъ въ Читеніяхъ 1858 г. ¹⁾, г. Лавровскій отошелъ еще далѣе отъ безразличія древне-Русской рѣчи и пришелъ «къ положительному мнѣнію», что и на Югѣ Россіи до XIV вѣка «господствовало не нарѣчіе Малорусское, а тоже Вели-

¹⁾ См. кн. IV, тамъ О. М. Бодянский, въ краткихъ примѣчаніяхъ къ статьѣ г. Лавровскаго заявилъ свое несогласіе съ его мнѣніемъ.

корусское, какое мы находимъ и въ памятникахъ Сѣвера, кромѣ, конечно, признаковъ Новгородскаго нарѣчія» (стр. 73). Такимъ образомъ здѣсь, вмѣсто прежняго просто Русскаго или обще-Русскаго языка, полагается уже Великорусское нарѣчіе; слѣдственно, здѣсь предполагается уже различіе между Великорусскимъ и Малороссійскимъ нарѣчіемъ до XIV вѣка; допускается древняя особенность не одного Новгородскаго, нарѣчія, но и Великорусскаго, которому дано непомѣрное распространеніе—на всю Южную Русь. Это очевидный переходъ отъ прежняго ученія о безразличіи Русской рѣчи до XIV вѣка—къ твоему новому ученію о Кіевскихъ или Южныхъ Великороссіанахъ; и ты уже предвидишь, гдѣ очутится у г. Лавровскаго Малороссійское нарѣчіе, не получившее себѣ мѣста «въ предѣлахъ нынѣшняго Русскаго государства»? Въ «Обзорѣ особенностей Малорусскаго нарѣчія», напечатанномъ 1859 г. (въ Журн. М. Н. Пр. кн. 6), г. Лавровскій, для объясненія нѣкоторыхъ особенностей этого нарѣчія, сходныхъ нѣсколько съ Сербскими, обращается къ гипотезѣ Погодина о позднѣйшемъ переселеніи нынѣшняго Малороссійскаго народа съ Карпатскихъ горъ послѣ нашествія Татарскаго (стр. 265). Такимъ образомъ и тѣ нѣкоторые особенности Малороссійскаго нарѣчія полагаются у него развившимися еще въ Карпатахъ, еще до нашествія Татарскаго; въ Отвѣтѣ нѣкоторыя изъ тѣхъ же особенностей (напр. глагольное окончаніе 1 лица мнѣж. ч. *мо*) положены происшедшими въ Малороссійскомъ нарѣчіи уже послѣ XIII вѣка. Не знаю, какое нарѣчіе назначаетъ г. Лавровскій для Червонорусскаго или Галицкаго Юга, до нашествія Татарскаго: тоже Великорусское, какъ и для Кіевскаго Юга, или Малоросское, какъ и въ Карпатахъ? Не упоминается также въ помннутыхъ статьяхъ г. Лавровскаго, о Бѣлорусскомъ нарѣчіи: когда оно обособилось въ предѣлахъ нынѣшняго Русскаго государства? Но если онъ уже пришелъ къ положительному мнѣнію о древнемъ существованіи Великорусскаго нарѣчія даже и на Кіевскомъ Югѣ; если онъ обратился къ твоему же предположенію о пребываніи Малороссійскаго народа

и нарѣчія въ Карпатахъ до Татарскаго нашествія, то этимъ онъ самъ сдѣлалъ уже значительное отступленіе отъ ученія Срезневскаго о безразличіи и прочее, а слѣдовательно и отъ того положенія, которое развивалъ въ Отвѣтѣ. Но твое новое ученіе съ ученіемъ Срезневскаго, какъ видно по всему, сходится собственно только въ отрицаніи признаковъ Мало-россійскаго нарѣчія въ древнихъ Южнорусскихъ писаніяхъ, различествуя совершенно въ окончательныхъ выводахъ. А потому соединить ваши два ученія въ одинъ живой составъ невозможно. Какъ же быть?.. Въ статьѣ «по вопросу о Южнорусскомъ языкѣ» г. Лавровскій, выдавая отсутствіе признаковъ Мало-Россійскаго нарѣчія въ древне-Русской письменности за фактъ неопровержимый, говоритъ вотъ что: «Въ иныхъ обстоятельствахъ находится вопросъ, который можетъ возникнуть изъ этого факта и рѣшеніе котораго не только любопытно, но и въ высокой степени важно для науки, именно: заключается ли причина отсутствія признаковъ Мало-русскаго нарѣчія въ древнѣйшей письменности Южной въ томъ, что такіе признаки еще не успѣли развиться, по крайней мѣрѣ не успѣли еще охватить бѣльшей части народа, какъ напр. и нынѣшній переходъ *o* въ *u*; — или отсутствіе мѣстныхъ особенностей нарѣчія объясняется не первобытностью большинства массы Южнорусскаго народа въ нынѣшнихъ предѣлахъ Южной Руси; другими словами—видѣть ли причину въ мнѣніи г. Срезневскаго или въ мнѣніи г. Погодина» (см. въ Основѣ 1861, кн. 12 стр. 79). На мой взглядъ, этотъ вопросъ любопытенъ всего болѣе тѣмъ, что онъ съ такою важностью занять причинами несуществующаго явленія; ибо то отсутствіе признаковъ, о которомъ задался этотъ вопросъ, есть не фактъ, а только фикція, равно принадлежащая обоимъ мнѣніямъ. Но объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ, при разборѣ тѣхъ основаній, на которыхъ опирается вышеприведенное положеніе г. Лавровскаго.

Письмо II.

Въ статьѣ «По вопросу», г. Лавровскій говоритъ: «не каждый ли изъ Русскихъ, занимавшихся вопросомъ о древнерусскомъ языкѣ, ставилъ во главу угла самостоятельность Южнорусскаго нарѣчія въ нынѣшнее время, и уже черезъ эту самостоятельность дѣлалъ поиски въ древности?» (стр. 81). Однако эти поиски, у троихъ Русскихъ, окончились совершеннымъ отсутствіемъ слѣдовъ Малорусскаго нарѣчія въ древней письменности, и привели къ заключенію, что не было тогда и самаго нарѣчія Малорусскаго на Киевскомъ югѣ. Но развѣ можно по отсутствію разныхъ особенностей народнаго языка въ письменности заключать и объ отсутствіи ихъ въ самомъ языкѣ? Я полагаю, не можно.

Начнемъ съ нынѣшней Малороссійской словесности на народномъ Южнорусскомъ языкѣ, начатой Энеидою Котляревскаго, 1797 года. Въ этой поэмѣ (по второму изданію 1809 года) читаемъ:

Эней бувъ паробокъ моторный....

Пятами зъ трои наживавъ.

Или:

Огонь на дворѣ розвели

И мяся въ казаны наклали.

Варили страву и пекли.

Пять казанивъ стояло юшки....

Здѣсь, въ отмѣченныхъ мною словахъ, не выражена та отличительная особенность Малороссійскаго нарѣчія и всего языка Южнорусскаго, что въ немъ губные звуки, не любя непосредственнаго сочетанія съ звукомъ я, отдѣляются отъ него буквою ъ-мъ, а звукъ м принимаетъ и сродный

ему и ¹⁾; потому тѣ слова выговариваются такъ: п'ятá, п'ять, м'ясо и м'н'ясо. Сообразно съ этимъ въ Шевченковомъ Кобзарѣ двухъ прежнихъ изданій было нап'римѣръ въ Тополѣ:

Чого в'янешь, моя доню?

Новый издатель Кобзаря (1860 г.), избѣгающій этой особенности Малороссійскаго выговора, поставилъ просто:

Чого в'янешь, моя доню?

Изъ этого примѣра видно уже, что и въ новой Малороссійской словесности на народномъ языкѣ разныя особенности его—бываютъ и не бываютъ выражены на письмѣ и въ печати, смотря по личному произволу и разумѣнію пишущихъ. Но возвратимся къ первому стиху Энеиды:

Эней бувъ паробокъ моторный.

Тутъ на глаголѣ бувъ означились разомъ двѣ особенности народнаго языка. Одна та, что окончаніе прошедшаго времени *лъ* произносится *ль* (что ведется также у Бѣлорусовъ и, по сосѣдству съ Москвою, у Тверичей).

Другая особенность та, что этотъ вспомогательный глаголъ въ Южнорусскомъ языкѣ выдерживаетъ свой коренной слогъ *бу* не только въ будущемъ времени и въ наклоненіи повелительномъ (будь), но и во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ, производныхъ и сложныхъ: бути, бувати, бувши, бувай, добути, забути, прибутна вода, и прочая. Въ моей исторіи древней Русской Словесности (1839 г.), при обзорѣни особенностей Южнорусскаго языка, было замѣчено, что и по-Санскритски *б у* значить быть, а это «приводитъ къ мысли, что Южнорусская форма этого глагола есть древнѣйшая» (стр. 122). Согласно съ моею мыслию, и г. Лавровскій, въ своемъ обзорѣ (1859 г.), полагаетъ, что въ глаголѣ бути «не *ы* смѣнилось посредствомъ *у*, а *у* осталось отъ первобытныхъ временъ, не допустивши развитія въ *ы*, принятаго всѣми Славянскими нарѣчіями», стр. 235). И

¹⁾ Объ этомъ см. въ Начаткахъ Русской Филологіи, §§ 97 и 98, выше, стр. 135—137.

такъ, можно безспорно признать, что это есть одна изъ самыхъ исключительныхъ существенныхъ и древнѣйшихъ принадлежностей языка Южнорусскаго. А между тѣмъ Малороссіяне обыкновенно писали быти, былъ—въ XV-мъ, и XVI-мъ вѣкахъ, когда письменнымъ языкомъ у нихъ былъ такъ-называемый Западнорусскій общій для всей Юго-Западной Руси, который то приближался къ народному Южнорусскому, то переполнялся полонизмами, смотря по личности писавшихъ. Здѣсь отсутствіе глагола бути и окончанія *въ* вм. *ль* не можетъ быть изъясняемо ни тѣмъ, что эти формы не успѣли еще развиться и охватить собою всю массу народа, ни отсутствіемъ самаго народа Малороссійскаго на Кіевскомъ югѣ. И если бы о существованіи разныхъ особенностей Южнорусскаго языка заключать «только по письменности», только по времени ихъ появленія въ ней—какъ это дѣлается въ отвѣтѣ г. Лавровскаго—тогда пришлось бы глаголь бути причислить къ новостямъ Малороссійскаго нарѣчія, происшедшимъ во времена Уніи.

Ясное дѣло—во 1-хъ, что иная особенность можетъ принадлежать Южнорусскому языку съ незапамятной, первобытной древности—и не являться въ письменности даже до XVII-го вѣка; во 2-хъ, что одна и та же особенность народнаго языка можетъ быть и не быть въ письменности, а потому нѣтъ рѣшительной невозможности не высказаться всѣмъ свойствамъ народнаго языка въ письменномъ; въ 3-хъ, что отсутствіе разныхъ особенностей народнаго языка въ письменности не можетъ служить прочнымъ основаніемъ для отрицанія ихъ въ живомъ языкѣ народа.

Если же, какъ очевидно изъ приведенныхъ мною примѣровъ, ни въ новой Малороссійской словесности на народномъ Южнорусскомъ языкѣ, ни въ старинной письменности Малороссіяны на языкѣ Западнорусскомъ, не встрѣчаемъ всѣхъ особенностей нарѣчія Малороссійскаго: какъ же можно ожидать и требовать этого отъ древней Южнорусской письменности, бывшей на нашемъ богослужебномъ языкѣ Церковнославянскомъ, въ которую своенародный языкъ входилъ только изрѣдка, отрывочно, иногда лишь въ видѣ

случайныхъ обмолвокъ?... А г. Лавровскій, въ своемъ отвѣтѣ, ограничивая всю древне-Русскую письменность только общерусскими да Новгородскими отмѣнами отъ Церковно-славянскаго языка и не допуская другихъ отмѣнъ въ живомъ языкѣ всей тогдашней Руси, говорить: «какъ же можно допустить, чтобы тамъ сямъ не обнаружались всѣ свойства народнаго языка, подъ перомъ людей свѣтскихъ, въ сочиненіяхъ, относящихся къ быту житейскому и для него назначенныхъ?» (стр. 30).

Но этихъ-то «тамъ-сямъ» и не осталось у насъ отъ древняго времени—для нарѣчія Малороссійскаго. Та именно древле-Кіевская и древле-Галицкая письменность, въ которой преимущественно могли отзываться и высказываться особенности языка своенароднаго, погибла вся, по крайней мѣрѣ до нынѣ намъ ничего изъ нея не извѣстно. Не только нѣтъ у насъ ни одной грамоты, ни простой какой либо записи въ древнемъ Южнорусскомъ подлинникѣ; не только такія произведенія свѣтскихъ людей, какъ Поученіе и Письмо Мономаховы, Слово о Полку Игоревѣ, но и самое Лѣтописанье Несторово, съ Кіевскимъ его продолженіемъ, дошли къ намъ въ Сѣвернорусскихъ спискахъ, не ранѣе конца XIV вѣка, усѣянныя многочисленными слѣдами говора Великорусскаго—Суздальскими у Лаврентія, Новгородскими—у писцовъ Ипатьевскихъ.

При такомъ отсутствіи самихъ памятниковъ древней Южнорусской письменности, справедливое ли дѣло заключать и возглашать уже о совершенномъ отсутствіи въ ней всякихъ слѣдовъ Малорусскаго нарѣчія? Развѣ можно въ предметѣ еще не открытомъ и для насъ неизвѣстномъ отрицать всѣ его свойства, даже и такія, которыя весьма могутъ у него быть? Вѣдь у васъ, съ совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ признаковъ, неразлучно связана невозможность не высказаться всѣмъ особенностямъ народнаго языка въ письменности, — и на этихъ двухъ основаніяхъ назначается Малороссійскому нарѣчію — небытность на Кіевскомъ Югѣ до нашествія Татарскаго. Но отъ возможности и невозможности обратимся къ дѣйствительности.

У меня въ виду—Несторово лѣтописаніе, съ Кіевскимъ и Волинскимъ продолженіемъ, да Слово о Полку Игоревѣ: и я говорю опять по прежнему, что въ нихъ, подъ напослѣднимъ слоемъ Великорусскаго говора, принадлежащимъ позднѣйшей перепискѣ, уцѣлѣли явные слѣды нарѣчія Малороссійскаго, принадлежащіе древнимъ подлинникамъ. Какіе же именно?

Чтобы въ выборѣ филологическихъ примѣтъ не встрѣтить новаго противорѣчія со стороны г. Лавровскаго, я обращусь сперва къ тѣмъ особенностямъ, которыя самъ онъ приводитъ изъ позднѣйшей Южнорусской письменности, называя ихъ рѣзкими, отличительными чертами Малороссійскаго нарѣчія, и о которыхъ говоритъ онъ въ заключеніе: «Гдѣ же хотъ одна изъ этихъ особенностей встрѣтилась г. Максимовичу въ древнѣйшихъ Русскихъ памятникахъ до XIV вѣка?» (стр. 34).

Не одна, а нѣсколько. И если г. Лавровскій въ тѣхъ особенностяхъ видитъ «несомнѣнные слѣды» Малороссійскаго нарѣчія въ позднѣйшей письменности и доказываетъ ими новобытность его, то и мнѣ можно, кажется, тѣ же самыя особенности называть несомнѣнными слѣдами Малороссійскаго нарѣчія въ древнихъ Южнорусскихъ писаніяхъ и доказывать ими старобытность этого нарѣчія на нашемъ Кіевскомъ югѣ.

Особенность 1-я: «смѣшеніе *вз съ у*» (стр. 31). Но это смѣшеніе въ Малороссійскомъ нарѣчіи ведется издревле. Такъ въ Святославскомъ Изборникѣ 1073 г. уселеная; *вм.* въселеная; наоборотъ, у Нестора, въ житіи Θεодосія (по списку XII в.) *вгодникъ* *вм.* *угодникъ*. Кіевская лѣтопись, какъ извѣстно тебѣ, особенно богата этою взаимною мѣною *в съ у*: «въ же бѣ къ веснѣ» — «мятежь вле же»; наоборотъ: Уздвиженіе, узлюбиста, *у* весельи, *у* Переяслави и прочая.

Такое же смѣшеніе принадлежитъ и Бѣлорусскому нарѣчію, и Новгородскому; но это не мѣшаетъ ему быть особенностью и языка Южнорусскаго. Одна и та же филологическая примѣта, принадлежа разнымъ нарѣчіямъ, входитъ

въ признакъ каждаго, но составляетъ его своимъ соединеніемъ съ другими примѣтами, которыми тѣ нарѣчія разнятся между собою. Такъ ведется и въ наукахъ естественныхъ.

Особенность 2-я, приведенная г. Лавровскимъ изъ Малороссійскихъ лѣтописцевъ XVII вѣка: *изыйде* (вм. *изиде*), *прійшолъ*. А я приведу изъ древней Волинской лѣтописи: «*выйде* *Фила*»—«*изыйде* *дырею* *градною*»—«*изиде* *за* *Днѣпръ*».

Особенность 3-я—«смѣшеніе *ы* съ *и*» (стр. 33). Но оно видно уже на предъидущемъ примѣрѣ: *изыйде* и *изиде*; оно не рѣдко встрѣчается въ древней Русской письменности, между прочимъ, и на словѣ *тысяча*. На что жъ было г. Лавровскому приводить даже написаніе *тысяча*, какъ послѣ-Татарскую новость! Древность этого смѣшенія *ы* съ *и* въ Новгородскомъ нарѣчіи—видна изъ Остромирова Евангелія, гдѣ встрѣчается: *многашьды* и *многашьди*.

Особенность 4-я—«потеря *ть* въ 3-мъ лицѣ единственнаго числа», напр. скаже (стр. 33). Много сказано: потеря; ибо Малороссіяне опускаютъ *ть* только послѣ *е*, но удерживая при соединеніи съ мѣстоименъемъ *ся*: *хоче*, *хочеться*. А что это опущеніе въ Малороссійскомъ нарѣчіи ведется издревле, видно изъ нѣсколькихъ примѣровъ. У Нестора: «*Рѣша* же *Кіяне*... *а княгини* *наша* *хоче* *за* *вашь* *князь*». Въ Словѣ о П. И. «*Печаль* *жирна* *тече*». Для нарѣчія Новгородскаго, гдѣ эта потеря *ть* гораздо ббльшая (ибо бываетъ не только въ единственномъ числѣ, но и во множественномъ, не только послѣ *е*, но и послѣ *и*), я приведу изъ послѣсловія, написаннаго діакономъ Григорьемъ въ Остромировомъ Евангеліи, извѣстныя слова: «*да* *иже* *горазнѣ* *сего* *на* *пише*».

Видишь самъ, любезный академикъ, что я даю удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ г. Лавровскаго о встрѣчѣ хоть одной изъ тѣхъ особенностей въ древней письменности, и что у него не одна изъ нихъ отнесена ошибочно и напрасно къ новостямъ, происшедшимъ послѣ XIII вѣка.

А вотъ и особенность 5-я, которую самъ г. Лавровскій допускаетъ въ древнее время, въ видѣ областнаго исключенія, для Новгородскаго сѣвера и для Русскаго юга: и вм. ѣ и наоборотъ. Объ ней будетъ рѣчь послѣ; а теперь я прибавлю еще отъ себя двѣ филологическія примѣты Малороссійскаго нарѣчія, взятыя отъ формъ грамматическихъ.

Особенность 6-я—изъ Слова о П. И. «Подперъ горы Угорскыи»—«а въ нихъ трепещуть синіи мльніи» и прочая. Изъ Волынской Лѣтописи: «Поженемъ на великыи бороды». Эта постановка прилагательнаго имени женскаго род., съ окончаніемъ *ыи*, *ыи*, вмѣсто Церковнославянскихъ *ыи*, *ія*, *яя*, сдѣлана тамъ по нарѣчію Малороссійскому, принявшему издревле окончаніе *и* для всѣхъ трехъ родовъ безразлично. Противъ этого окончанія на *и* сильно возставалъ Ломоносовъ ¹⁾, въ своей Россійской грамматикѣ, утверждая нынѣшнее окончаніе на *е* и *я*.

Особенность 7-я—изъ слова о П. И. «Уже понизить стязи, вонзить свои мечи верезени!» Эта форма повелительнаго наклоненія 2 лица множ. числа на *итъ* вмѣсто *ите*, въ Малороссіскомъ нарѣчіи живетъ до нынѣ,—а потому и въ Словѣ о П. И. понизить, вонзить поставлено по Малороссійски.

Я надѣюсь, что этихъ семи особенностей, взятыхъ вмѣстѣ, весьма уже достаточно, чтобы признать явное присутствіе Малороссійскаго нарѣчія въ древней Южнорусской письменности; а потому признать и старобытность этого нарѣчія, и говорящаго имъ Малороссійскаго народа—на нашемъ Кіевскомъ югѣ. А при этомъ признаніи—мни-

¹⁾ На дняхъ, перелистывая попавшійся мнѣ подъ руку *Appendix ad Floram Ingrisam*, изданный Гортеромъ 1764 г., я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Ломоносовъ занимался и ботаникою, и первый нашелъ для Петербургской флоры—*колокольчикъ широколистный*. *Campanula latifolia*... *Habitat in Ingrja ad fabricam Rudicensem 60 werstas Petroburgo. D. consiliarius status M. Lomonosow.*

Вонъ гдѣ гулялъ онъ за сто лѣтъ, не задолго уже передъ смертію! (+1765 г. 4 Апр.).

Flora Ingrica ex schedis Stephani Krascheninnikow confecta, издана Гортеромъ 1761 г. Ксгати помянуть намъ и этого *перваго изъ Русскихъ профессора ботаники*, родомъ Москвича, трудившагося для Петербургской флоры по возвращеніи изъ Камчатки.

мое отсутствіе Малороссійскаго нарѣчія во всей древне-Русской письменности исчезаетъ само собою, какъ призракъ или недосмотръ филологическій.

Можетъ быть и г. Лавровскій, поглядѣвъ безпристрастно, безъ увлеченія, на эту седмерицу особенностей, не станетъ уже повторять, что Малороссійское нарѣчіе «нигдѣ и ни въ чемъ» не высказалось до XIV вѣка, что его «не видно и не было», на югѣ Россіи, до нашествія Татарскаго. А для ббльшаго побужденія къ тому, я припомню здѣсь, что сказала Шафарикъ, въ Славянскомъ народописаніи, о двухъ Изборникахъ, списанныхъ дьякомъ Іоанномъ 1073 и 1076 г. и о Крилосскомъ евангеліи 1143 г., что въ нихъ—«быстрый и опытный глазъ находить слѣды многихъ формъ Малороссійскихъ».

Особенность 8-я—сочетаніе звука *и* въ концѣ словъ только съ тонкими гласными и *ь*. Когда я встрѣчаю у Нестора, напримѣръ: «Преставися цариця Володимеря Анна, или у отца, у оконца, то говорю, что здѣсь отозвалось у него нарѣчіе Малороссійское; ибо по-Церковнославянски да и по-Великорусски было-бы царица, у отца, у оконца.

Въ отвѣтъ г. Лавровскаго эта филологическая примѣта опровергается тѣмъ, что такое же сочетаніе звука *и* съ тонкими гласными составляетъ и теперь «принадлежность говора Новгородскаго, и притомъ не въ концѣ только словъ, но и въ срединѣ, что погибло уже и въ нарѣчій Малорусскомъ» (стр. 36).

Погибло... да было ли когда нибудь? Говорится и нынѣ въ Малороссійскомъ нарѣчій, какъ у Нестора, цариця, но говорилось ли цариця—это еще вопросъ. Въ томъ и разница, что въ Малороссійскомъ нарѣчій звукъ требуетъ тонкихъ гласныхъ только въ концѣ словъ; а въ Новгородскомъ—въ концѣ и въ срединѣ по свидѣтельству Даля, на котораго ссылается г. Лавровскій. Но главное дѣло въ томъ, что г. Лавровскій отрицаетъ у меня древнюю примѣту Малороссійскаго нарѣчія за ея сходство съ Новгородскою, и то за сходство не полное; а самъ онъ, какъ видѣли мы, ставитъ не одну такую особенность, которою сходится Малороссійское нарѣчіе не только въ Новгородскимъ, но и съ Бѣло-

русскимъ и Среднерусскимъ. За чтожь такая неравномѣрная льгота себѣ и стѣсненіе другому въ выборѣ филологическихъ примѣтъ?... По такому способу дѣйствія легко отобрать у г. Лавровскаго и всѣ остальные особенности, которыми доказываетъ онъ мнимую новобытность Малороссійскаго нарѣчія. Напримѣръ, у него поставлено: «употребленіе *з* вмѣсто *с* въ предлогѣ *съ*» (стр. 31). А я въ опроверженіе приведу изъ твоего предисловія къ Псковской лѣтописи — первую изъ замѣченныхъ тамъ «Особенностей въ выговорѣ: *с* выговаривалось какъ *з* передъ нѣкоторыми буквами, подобно какъ выговаривается въ Москвѣ, напримѣръ, *з* дятлемъ, *з* бояры, *з* берега»... (стр. XXVIII).

Отъ меня требуетъ г. Лавровскій «исключительныхъ Малоруссизмовъ»; а самъ въ «Отвѣтѣ» своемъ, приводитъ иногда такіе Малоруссизмы, которыхъ и нѣтъ въ народномъ Малороссійскомъ нарѣчіи; напримѣръ: вышче, нижей, для лутшого. Такія формы принадлежатъ письменному языку Западнорусскому, а по-Малороссійски было бы: вышче, нижече, для луччого.

Особенность 9-я, противъ которой было и твое возраженіе, состоитъ въ томъ, что Малороссійское нарѣчіе, сходно съ Церковнославянскимъ и Бѣлорусскимъ, перемѣняетъ гортанные звуки *г*, *х*, *к*, на *з*, *с*, *ш*, передъ *ь*, въ предложномъ падежѣ, а въ именахъ женск. рода и въ дательномъ. И когда я встрѣтилъ у Нестора въ Кіевской лѣтописи: на порозѣ, по дорозѣ; то говорю, что это поставлено по-Малороссійски (по-Бѣлорусски было бы на парозѣ, по дарозѣ, а по-Великорусски—на порогѣ, по дорогѣ). Г. Лавровскій говоритъ въ возраженіе, что тѣ формы въ древности на столько же Южнорусскія, на сколько и Сѣвернорусскія; что, кромѣ полногласія этихъ формъ, онѣ «не только Церковнославянскія и Русскія, но, въ древности, обще-Славянскія» (стр. 36). Но полногласіе-то, вмѣстѣ съ перемѣною *г* на *з*, и даетъ мнѣ право называть эти формы Нестора—Малороссійскими; а по-Церковнославянски — было-бы на правѣ, по... но въ этомъ языкѣ существительное имя *драга*, *намѣтся*, и непринято. Къ тому же, у насъ идетъ рѣчь не

о той первобытной древности, когда всё Славяне были устнѣ единѣ; но о той, когда на Руси уже молились и писали на языкѣ Церковнославянскомъ; когда Кіевъ былъ средоточіемъ Русскаго міра, и было уже на Кіевскомъ Югѣ нарѣчіе Малороссійское со многими своими особенностями (какъ доказано выше); когда и Великороссійское нарѣчіе было уже обьособившимся (хотя въ «Отвѣтъ» г. Лавровскаго обьособленіе и Великорусскаго нарѣчія также относится ко времени послѣ-Татарскому). И если мы видимъ, что Велико-русское нарѣчіе давно отказалось отъ этой, нѣкогда обще-Славянской, измѣняемости гортанныхъ звуковъ передъ *н*, то удержаніе этой древней измѣняемости въ нарѣчіяхъ Малороссійскомъ и Бѣлорусскомъ становится для насъ отличительною чертою ихъ отъ Великорусскаго. Когда же у Великороссіянь средне-Русскаго нарѣчія говорится еще: на парозѣ, по дарозѣ, то это есть уклоненіе отъ господствующаго Великорусскаго говора, подходящее къ Бѣлорусскому. (Такъ Новгородское *и* вм. *н* есть областное исключеніе изъ Сѣвернорусскаго говора на *е*, подходящее къ Южнорусскому; такъ въ этомъ языкѣ Сѣверское *е* вм. *н* есть областное исключеніе, подходящее къ средне-Русскому и Бѣлорусскому).

Если въ кругу Русской рѣчи Великороссіяне отмѣнились издавна по потерю нѣкоторыхъ древнихъ ея принадлежностей, такихъ, удержаніе которыхъ составляетъ нынѣ особенность нарѣчія Малороссійскаго, то за эту Велико-русскую потерю и отмѣну—несправедливо называть не-Малороссійскими такія постоянныя принадлежности Малороссійскаго нарѣчія, которыя присущи ему донынѣ, какъ и во времена первобытныя,—особливо когда такое непризнаніе ихъ Малороссійскими клонится къ отрицанію и самаго нарѣчія, и говорящаго имъ Малороссійскаго народа на Кіевскомъ Югѣ, до нашествія Татарскаго. И такъ повторяю: на порозѣ, по дорозѣ ¹⁾, въ древле-Кіевскомъ лѣтописаньи

¹⁾ Когда въ Псковской лѣтописи (подъ 1481 г.) читаю: «аще у кого конь свернетъ з дорозъ» — я предполагаю здѣсь неудачное склоненіе полногласнаго Русскаго слова на манеръ Церковнославянскій. Въдъ и у Псковичей, вѣроятно, говорится по-обще-Русски: свернуть зъ дорозн.

поставлено по-Малороссійски. Но когда я встрѣчаю у Нестора: «И прїѣха князь Печенѣжскый къ рѣкѣ»,... то говорю утвердительно, что это поставилъ въ XIV вѣкѣ Лаврентій отъ себя по-Великорусски: у Нестора же, по Малорусски и по-Церковнославянски, должно быть: къ рѣцѣ. Вотъ вамъ одинъ изъ первыхъ слѣдовъ Велико-русскаго нарѣчія въ письмахъ древле-Кіевскихъ; о другихъ слѣдахъ будетъ рѣчь въ слѣдующемъ письмѣ; а здѣсь я приведу еще хотя двѣ особенности Малороссійскаго нарѣчія, состоящія въ удержаніи древле-Славянскихъ свойствъ, утраченныхъ нарѣчіемъ Великороссійскимъ.

Особенность 10-я—удержаніе звательнаго падежа, для именъ мужскаго и женскаго рода единств. числа, въ полномъ развитіи. И когда въ Словѣ о П. И. Ярославна взываетъ: «о Днѣпре Словутицю!» то это также по-Малороссійски, какъ и въ Энеидѣ Котляревскаго, Юпитеръ говоритъ Венерѣ:

Охъ, доцю, ты моя голубка.

Словутиця есть ласково-уменьшительная форма существительнаго имени Словута — Украинское величаніе Днѣпра (Словутою, а не Словутомъ, какъ стали писать новые Малороссійскіе поэты, вопреки народному употребленію этого слова). Другія имена напримѣръ, цариця, зовиця, въ звательномъ падежѣ идутъ не съ ю, а съ е, какъ и въ языкѣ Церковнославянскомъ:

Ой, царице, наша мати!

Великороссіяне въ своемъ нарѣчіи совсѣмъ отказались отъ звательнаго падежа, безъ сомнѣнія, еще въ глубокой древности; ибо, не смотря на столь долгое сближеніе съ Церковнославянскимъ языкомъ, они заимствовали изъ него этотъ падежъ только для нѣкоторыхъ словъ, въ привываніи имени Божія: Боже! Господи! Владыко! и т. п.

Особенность 11-я—удержаніе дательнаго падежа для существ. именъ муж. рода съ двоякимъ окончаніемъ, на у, ю, и *ови, еви*... Но довольно!

Такия особенноти сами по себѣ, конечно, были бы еще недостаточны для признанія самостоятельности и отдѣльности Малороссійскаго нарѣчія въ древнее время. Но въ совокупности съ вышеприведенными семью филологическими примѣтами тоже древними, но болѣе отличительными—онѣ и сами получаютъ имъ придаютъ полную силу на окончательное утвержденіе Малороссійскаго нарѣчія особымъ и самостоятельнымъ на Кіевскомъ Югѣ, и въ древнее, до Татарское время. Не правда-ли?

Письмо третье.

Въ предыдущемъ письмѣ я успѣлъ, кажется, показать ясно, что Малороссійское нарѣчіе въ древле-Кіевскихъ писаніяхъ отозвалось не однѣми только Общерусскими примѣтами, но десятью своими особенностями, присущими ему издревле и донныѣ. Вотъ это—фактъ достовѣрный и непреложный, при которомъ оное отсутствіе всякихъ признаковъ Малороссійскаго нарѣчія въ древне-Русской письменности оказывается напрасною, преходящею фикціей. Да, этимъ мнимымъ отсутствіемъ и основаннымъ на немъ отрицаніемъ Малороссійскаго нарѣчія на Кіевскомъ югѣ до нашествія Татарскаго повторилось въ Русской филологіи такое же явленіе, какимъ въ Русской исторіи, лѣтъ за тридцать, была скептическая школа нашего приснопамятнаго учителя и товарища Каченовскаго, противъ которой первымъ поборникомъ былъ ты, и былъ не безуспѣшно. Такимъ же образомъ и тѣ два положенія г. Лавровскаго: 1) что вся древне-Русская письменность не представляетъ никакихъ другихъ отмѣнъ народнаго языка отъ церковнославянскаго, кромѣ Общерусскихъ да Новгородскихъ, и 2) что Русская рѣчь до нашествія Татарскаго не представляетъ того раздѣленія на нарѣчіе Великорусское и Малороссійское,

какое видно съ XIV вѣка,—оба эти положенія должны быть упразднены навсегда, какъ несомнѣстные съ вѣрнымъ и прочнымъ достояніемъ науки.

Въ Отвѣтѣ своемъ, г. Лавровскій говоритъ обо мнѣ: «Признавая Малороссійское нарѣчіе и въ древнее время со всѣми тѣми отличительными свойствами, какія отличаютъ его теперь, г. Максимовичъ, значить, вовсе не признаетъ исторіи языка вообще, а съ нѣю и исторіи нарѣчій» (стр. 22). Нѣтъ, это значить, что г. Лавровскій, въ своемъ процессѣ опроверженія, взводитъ на меня напраслину. Нѣтъ, я не усиливался, какъ говоритъ онъ—«видѣть въ Малороссійскомъ нарѣчій все древнѣйшимъ (стр. 38); но на то, что само бросается въ глаза, я не смотрѣлъ сквозь пальцы. Я признаю древнимъ и древнѣйшимъ въ Малороссійскомъ нарѣчій то, что открывается мнѣ—или непосредственно изъ древнихъ Южнорусскихъ писаній (какъ вышеприведенныя десять особенностей), или же путемъ сравнительнаго языкознанія (какъ вспомогательный глаголь бути, т. е. быть, по-Санскритски *б'у*). Я признаю древнимъ въ Малороссійскомъ нарѣчій многое, но не все: зачѣмъ же смѣшивать эти два слова и понятія? А для совершеннаго устраненія отъ себя напраслины, я охотно повторяю слѣдующія слова г. Лавровскаго, что «и Малорусское нынѣшнее нарѣчіе должно имѣть кое-что и такое, чего не имѣло прежде; да и странно было бы настаивать на противномъ!» (стр. 23). Я признаю вполне исторію Русскаго языка и Русскихъ нарѣчій; это видно уже изъ того, что я трудился надъ ея разработкою нѣсколько прежде г. Лавровскаго, еще въ тридцатыхъ годахъ... Но я не могу признать и одобрить той исторіи Русскаго языка, которая древнія принадлежности его выдаетъ за новыя, и то развитіе Русской рѣчи во многія нарѣчія, которое совершилось еще въ древнемъ періодѣ, начинается—во время Татарщины. Остановимся на слѣдующемъ мѣстѣ Отвѣта г. Лавровскаго:

«Когда же это развитіе совершилось, когда древнее окончательно смѣнилось новымъ, это новое не только уже въ произведеніяхъ на языкѣ народномъ, но и при намѣренной

подражательности языку церковному, стало пробиваться со всею силою въ письменности. Такъ, на Сѣверѣ, начало употребляться причастіе на *лз* въ смыслѣ прошедшаго изъявительнаго наклоненія; *тз* въ 3 лицѣ настоящаго времени единственнаго и множественнаго чисель; множественное число вмѣсто двойственнаго; пропала переходная смягченность звуковъ гортанныхъ, и такъ далѣе. Такъ и на Югѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми новыми чертами Сѣверными, явились и свои собственныя».... (стр. 31).

Какая же это исторія Русскаго языка? Развѣ съ XIV вѣка, напимѣрь, спрягаемое причастіе (*лз, ла, ло, ли*) начало употребляться въ смыслѣ глагола прошедшаго времени? Нѣтъ, оно и въ письменности Русскаго Сѣвера видно еще съ первой четверти XII вѣка; въ доказательство укажу на Мстиславову грамоту Юрьеву монастырю, въ которой написано: «а язъ далъ рукою своею». Пусть г. Лавровскій взглянетъ еще въ грамоту Всеволодову; а мы обратимся къ писаніямъ Южнорусскимъ. У Пѣвца Игорева болѣе десяти разъ встрѣчается нынѣшняя Русская форма прошедшаго времени: «Были вѣчи (т. е. вѣци) Трояни, минула лѣта Ярославля» — «Дремлетъ Ольгово хороброе гнѣздо, далече залетѣло» — «Уже бо, братіе, не веселая година въ стала» и проч. Изъ Кіевской и Волынской лѣтописи можно брать примѣры не единицами, а десятками: «Тогда Володимеръ Мономахъ пиля золотымъ шоломомъ Донъ» и т. п. А вотъ и самъ онъ пишетъ къ Олегу 1096 года: «А братцю моему судъ пришелъ» и т. п. Въ Несторовой лѣтописи встрѣчаемъ: «(Кій) велику честь пріялъ отъ царя, при которомъ придивъ цари», или: «глаголите, что вы казалъ царь»? или: «нѣ ли мужа? се нашъ доспѣлъ». А чтобы видѣть, когда на Югѣ начало употребляться въ письменности спрягаемое причастіе въ смыслѣ прошедшаго времени изъявительнаго наклоненія, я укажу на рѣзную надпись Тмутороканскаго камня: «Въ лѣто 6576 (т. е. 1068) Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду отъ Тьмуторокана до Кърчева». Отсюда видно ясно, что наша нынѣшняя форма прошедшаго времени глаголовъ принадлежала и въ древности народному языку Сѣвер-

ной и Южной Руси; что она составляет одно изъ древнихъ и Общерусскихъ отличій нашей народной рѣчи отъ языка церковнославянскаго (въ которомъ спрягаемое причастіе *лъ* было не самостоятельнымъ, а всегда со вспомогательнымъ глаголомъ *есть*, т. е., въ видѣ прошедшаго сложнаго). Вотъ это я признаю и выдаю за непреложный фактъ, на которомъ и должна основываться исторія Русскаго языка въ своихъ соображеніяхъ относительно прошедшаго времени глаголовъ ¹⁾).

Г. Лавровскій, въ отвѣтъ своемъ, особенно настаиваетъ, чтобы и прошедшія времена на *хъ* были народно-Русскими до XIV вѣка. Но я остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи, видя, что г. Лавровскій и въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, называетъ «рѣшительными фактами» то, что не согласно съ дѣйствительностью. Я попрежнему полагаю, что Русская рѣчь на первой порѣ своего обособленія отказалась отъ этихъ формъ прошедшаго времени, что онѣ снова явились на Руси съ языкомъ церковно-Славянскимъ, но были только въ письменномъ языкѣ Руси, не обращаясь въ достояніе языка народнаго. А если бы онѣ продолжались, въ народно-Русскомъ языкѣ до XIV вѣка, то не были бы покинуты вдругъ и такъ согласно во всѣхъ разобщенныхъ тогда концахъ Русскаго міра, ежедневно ему напоминаемые языкомъ церковно-Славянскимъ.

Г. Лавровскій, настаивая всячески, чтобъ и двойственное число и прошедшія на *хъ*, были народно-Русскими до XIV вѣка, говоритъ: «Зачѣмъ въ XII и XIII вѣкахъ не встрѣчаемъ, на примѣръ, ошибокъ относительно прошедшихъ

¹⁾ Полюбопытствуя взглянуть на старѣйшую изъ Южнорусскихъ грамотъ, уцѣлѣвшихъ въ подлинникъ, — на Галицкую *купчую запись 1351 года*, отысканную покойнымъ Денисомъ Зубрицкимъ: въ ней увидишь одну нынѣшнюю форму прошедшаго времени — *далъ, купилъ, сталося* и проч. (Писцомъ былъ Иванъ Грюдовичъ). Но вотъ писаное спустя сто лѣтъ, въ Печерской Лаврѣ, *Духовное заповѣданіе князя Андрея Владимировича, 1446 года: тутъ встрѣчается такое же смѣшеніе церковнославянскихъ формъ прошедшаго времени съ Русскою, какъ и въ Кіевской и въ Волынской летописи разсказалъ, поклонихося, и далъ есмь, помыслилъ есмь, и далъ, жилии, пошамъ* («писалъ старецъ Пахнотій, Лихачевъ братъ»).

на *жъ*, или двойственного числа, какъ въ склоненіи, такъ и въ спряженіи, тогда какъ въ послѣдующее время находимъ нерѣдко окончаніе *жъ* отнесеннымъ ко 2-му или 3-му лицу и неумѣстное употребленіе числа двойственного?» (стр. 29).

Вольно же не замѣтить и въ Новгородскихъ грамотахъ XIII—XIV вѣка такихъ ошибокъ, какъ послаше, повелѣше вм. посла, повелѣ (не говорю о въсхотѣ вм. въсхотѣлъ—въ евангеліи Остромировомъ). Въ XII вѣкѣ, у Кирилла Туровскаго: «придоша двѣ женѣ» вм. придоста (см. 4-е слово по сп. XIII в.) или въ XI вѣкѣ, въ Остромировомъ евангеліи: «спаси ся самъ и насъ вм. наю (по примѣчанію Востокова). Этихъ двухъ знаменитыхъ ошибокъ противъ двойственного числа, въ XI и XII вѣкахъ, достаточно для усмотрѣнія, что употребленіе множественнаго числа вмѣсто двойственного началось на Русскомъ Сѣверѣ не съ XIV-го вѣка, а еще въ древнее время ¹⁾.

А г. Лавровскій считаетъ даже нѣкоторою обидою для народной Русской рѣчи то, что я отчуждаю отъ нея прошедшія на *жъ* и двойственное число еще до наступленія XIV вѣка! Онъ говоритъ: «за что же одинъ Русскій языкъ приходится осуждать на застой и на потерю всего древняго въ неопредѣленную доисторическую пору? Не ужели за то, что народъ Русскій имѣлъ и имѣетъ счастье слушать свое богослуженіе и читать св. писаніе и другія церковныя книги на богатомъ языкѣ церковно-Славянскимъ?» (29). Боже сохрани! Но при этомъ-то счастьи и было бы чудачествомъ Русскаго человѣка—отказаться отъ такой дорогой собственности, языка своего въ самое время Татарщины, когда начали уже приниматься въ составъ народно-Русской рѣчи нѣкоторые церковно-Славянизмы, въ томъ числѣ и стеченіе звуковъ *жд* вм. *жс*, столь нелюбимое для Русскаго

¹⁾ Для показанія невыдержки двойственного числа, приведу еще слѣдующее мѣсто изъ лѣтописи Кіевской:

«Того же (1190) лѣта Святославъ, сватомъ своимъ съ Рюрикомъ, утишивша землю Русскую и Половци примиривша въ волю свою, и судавица, и идоста на ловы по Днѣпру въ лодяхъ, на устьи Тесмонци, и ту ловы двѣиши и обловишася множествомъ звѣрей.

слуха въ древнее время. Нѣтъ, видно Русскій народъ утратилъ тѣ двѣ принадлежности своего первобытнаго языка еще въ отдаленную пору язычества, и совсѣмъ отникъ отъ нихъ, если не усвоилъ ихъ во времена христіанства отъ языка церковно-Славянскаго. Да и что-же обиднаго въ томъ, что народно-Русскій языкъ утратилъ тѣ двѣ принадлежности не во время Татарщины, а еще пожалуй, хоть до Козарщины?.. Развѣ обидное для всѣхъ нынѣшнихъ Западно-Славянскихъ языковъ, до-Дунайскихъ и за-Дунайскихъ, если скажемъ, что они всѣ, еще въ незапамятную пору, утратили, напримѣръ, окончаніе 3-го лица *тъ* или *тъ* (за исключеніе глагола есть ¹⁾); а Русскіе въ своемъ языкѣ удержали это окончаніе донныѣ, и въ своей древней письменности придавали его иногда даже въ церковно-Славянскимъ окончаніямъ переходящаго времени *ше, ху* (наприм. б^я ш^е т^ь, б^я х^у т^ь)? Обидно-ли будетъ для Польскаго языка, если скажемъ, что и въ немъ прошедшія на *хъ* утратились въ незапамятной древности, между тѣмъ какъ въ языкѣ Лужицей и Сербовъ они живутъ искони и донныѣ въ полномъ развитіи, какъ были въ языкѣ церковно-Славянскомъ? Но г. Лавровскому хочется, чтобы и въ псалтирѣ Маргариты встрѣчаемое тамъ переходящее время было остаткомъ народно-Польскимъ (стр. 24), и онъ говоритъ, что ни одинъ ученый Польскій «не думаетъ считать формъ своего древняго языка, общихъ съ церковно-Славянскими, погибшихъ въ нынѣшнемъ, за чужія, церковно-Славянскія» (стр. 29). А я ему укажу на Дешкевича, который въ своихъ Розправахъ, тѣ немногіе случаи переходящаго времени на *хъ* въ Псалтирѣ Маргариты (XIV в.) именно называетъ заемными изъ языка церковно-Славянскаго. Обидно-ли наконецъ, для Великорусскаго языка, если говорить, что въ немъ въ древле утратился звательный падежъ и заимствуется лишь для немногихъ словъ изъ языка церковно-Славянскаго; между

¹⁾ Впрочемъ, глаголь *есть* и въ Западной Славянщинѣ, какъ у насъ на Руси, въ старомъ издревле и въ сокращенной формѣ *е, ѣ* (ѣо). Я говорю, ведется издревле: ибо *е* вм. *есть* встрѣчается нерѣдко въ Святославскомъ Изборникѣ 1071 г. и въ евангеліи Остромировомъ, и въ статьяхъ Фрейлингенскихъ. Оно находитъ и въ Несторовомъ житіи Θεοδοіа по сп. XII в.

тѣмъ, какъ въ Южнорусскомъ языкѣ этотъ падежъ искони и доннынѣ живетъ въ такомъ же полномъ развитіи, какъ и въ языкѣ Польскомъ (припоминаю: о Двѣпре Словутицю)?..

Если я отчуждаю отъ народной Русской рѣчи тѣ двѣ принадлежности не съ XIV вѣка, а еще въ дохристианское время, то это вовсе не значитъ, чтобы я осуждалъ ее на застой и на утрату всего древняго—въ до-историческую пору. Въ замѣнѣ тѣхъ двухъ принадлежностей, я возвращаю права на глубочайшую древность нѣкоторымъ другимъ отличительнымъ свойствамъ Русской рѣчи. Таковы, на примѣръ, два вида полногласія. Первый, которымъ Русская рѣчь отмѣнилась отъ всей Западно-Славянской, состоитъ въ обстановкѣ серѣдочныхъ звуковъ *p* и *l* двумя гласными (*o-o*, *e-e*), не краткими и не бѣглыми, на примѣръ, въ словахъ: порохъ, прахъ, по Санскр. парага; боровъ, бравъ, по Санскр. варяга; волога, влига, по Санскр. балага и т. п. Другой видъ полногласія состоитъ въ удержаніи коренныхъ гласныхъ *o*, *e*, обращенныхъ церковно-Славянскимъ языкомъ въ полугласныя *ъ*, *ь*, на примѣръ, волкъ, дождь, левъ, день по церковнославянски: вѣлкѣ, дѣждѣ, лѣвѣ, днь 1).

Такимъ же образомъ и теперь я подтверждаю право древности за многими особенностями Малороссійскаго и Великороссійскаго нарѣчія, которыхъ появленіе, по Отвѣту г. Лавровскаго, начинается съ XIV вѣка.

Если я полагаю, что Русская рѣчь разошлась на свои нарѣчія еще въ древнѣйшую пору, что они сложились отмѣнными другъ отъ друга, въ своихъ главныхъ и существенныхъ чертахъ, еще въ древнее, до-Татарское время, то это значитъ, что я вполне признаю давно совершившуюся надъ ними «неизбѣжность развитія». Напротивъ, тотъ суж-

1) Сюда же можно отнести и нѣкоторыя грамматическія окрѣпленія церковно-Славянскаго языка, на прим. творительный падежъ на *ю*, котораго не могъ выдержать строго даже діаконъ Григорій въ Остроумовомъ евангеліи и поставилъ: *словомъ*, подъ *студомъ*, вм. *словѣмъ*, подъ *студѣмъ*.

Мои мысли о полногласіи вообще и его отличительныхъ видахъ подробно изложены въ «Начаткахъ Русской филологіи».

длетъ Русскую рѣчь на чрезмѣрно-долгій застой, кто ее предполагаетъ безразличною и цѣльною, нераздѣленною на нарѣчія—даже до нашествія Татарскаго. Какъ будто гроза Батшевская въ самомъ дѣлѣ такъ много значила для внутренняго переворота всей Русской рѣчи и быстрого распаденія ея на нарѣчія! Или землетрясеніе, внушившее Серапіону краснорѣчивое слово, было для единой Русской рѣчи такимъ же переворотнымъ событіемъ, какимъ изображено въ Книгѣ Бытія разсѣяніе людей и смѣшеніе языковъ?..

Когда же и по «новомъ обслѣдованіи вопроса» (желанномъ отъ меня и г. Лавровскимъ, стр. 40), прежнее мнѣніе о безразличіи Русской рѣчи до XIV вѣка оказывается изветшалою пустою, пригодною только для живописи, а не для житья,—то напрасно подводитъ подъ нее и то основаніе, которое въ Отвѣтѣ названо—«неопровержимымъ фактомъ близости всѣхъ нарѣчій Славянскихъ другъ къ другу до XIII—XIV столѣтій» (стр. 35). Эта близость, конечно, противорѣчитъ господству и въ томъ столѣтіи всѣхъ нынѣшнихъ особенностей каждаго нарѣчія (какого господства, впрочемъ, никто и не утверждаетъ). Но эта же близость, даже преувеличенная—и прошедшими на *хъ*, и двойственнымъ числомъ, и достигаемымъ видомъ (который, впрочемъ, уже въ Остромировомъ евангеліи смѣшивается иногда съ обыкновеннымъ, совершительнымъ видомъ неопредѣленнаго наклоненія)—она не въ силахъ противорѣчить тому филологическому положенію, что всѣ нарѣчія какъ Западно-Славянскія, такъ и Русскія или Восточно-Славянскія, уже за тысячу лѣтъ существовали и отличались другъ отъ друга тѣми же существенными своими признаками, какими отличаются теперь.

Въ Отвѣтѣ г. Лавровскаго это признается на Руси только за нарѣчіемъ Новгородскимъ, въ которомъ онъ усиливается видѣть все древнѣйшимъ (да сбудется притча о бревнѣ въ глазу). Въ «Описаніи семи рукописей», онъ говоритъ объ особенностяхъ Новгородскаго нарѣчія: «ихъ присутствіе въ спискахъ старо-Славянскихъ XI и XII вѣка даетъ возможность возводить начало появленія и ихъ въ до-

историческую пору, на ряду съ особенностями вообще языка Русскаго» (стр. 67). Дозволяя себѣ такую возможность для Новгородскихъ особенностей, онъ долженъ представить эту же возможность и другимъ для особенностей нарѣчія Малороссійскаго и Великорусскаго, встрѣчаемыхъ въ письменности XI и XII вѣка. Но нельзя же, переступая за нашъ историческій тысячелѣтній рубежь—въ историческую древность, ставить въ ней все въ одинъ рядъ безразлично. Какую бы глубокую, хоть до-Вадимовскую, древность ни допустили мы для Новгородской мѣны звуковъ *ч* на *ц* и *и* на *ч*, все же эта особенность есть уже отступление отъ господствующаго и первоначальнаго распредѣленія этихъ двухъ звуковъ между словами; а потому она принадлежитъ уже ко вторичнымъ, частнымъ, областнымъ измѣненіямъ Русской рѣчи и не можетъ быть поставлена на ряду съ Общерусскими ея принадлежностями. Новгородскую перемычку согласныхъ звуковъ *ч* и *и* изъ одного слова въ другое—можно поставить на ряду съ Малороссійскою мѣною согласныхъ же звуковъ *ѣ* на *хв* и наоборотъ *хв* на *ѣ* ¹⁾.

Г. Лавровскій и въ Новгородской формѣ дожгъ вм. дождь усиливается видѣть форму, первообразную и производить это слово отъ Санскритскаго глагола *дуг* (доить), отъ котораго—говоритъ онъ—«весьма естественно могло образоваться и слово дѣргъ—дѣжгъ—дѣждъ.»... (Опис. стр. 71). На письмѣ, конечно, легко произвестъ отъ корня *дуг*—слово дѣргъ; но выговорить его вслухъ совсѣмъ неспособно и не естественно: прильпнетъ языкъ къ гортани! Если бы у Новгородцевъ это слово было подъ фирмою догъ, тогда бы

¹⁾ Повойный Д. П. Голозвастовъ говорилъ мнѣ, что онъ узнаетъ моихъ земляковъ по ихъ просьбамъ къ нему объ опредѣленіи въ студенты, въ которыхъ пишутъ они—*Голозвастову*. Между тѣмъ у тебя, въ предисловіи къ Псковской Лѣтописи, сказано: «Есть слѣды Малороссійскихъ *хв*: *охвочимъ* челоукомъ». Нѣтъ, эта постановка *хв* вм. *х* есть не Малороссійская, а тамашняя верхне-Русская, по которой и въ Кіевской лѣтописи (подъ 1182 г.) написано *ухвотилися*, конечно, писцами Ипатьевскими, вм. *ухотилися*. Въ Малороссіи говорили *охочій*, *охочекомонный* и т. п., какъ говорить и до сего дне.

еще можно производить отъ нея дождь и дѣждь; когда же оно издревле видно подѣ формою дождь, дѣждь, то здѣсь звукъ *з* есть такая же замѣна звука *д*, какъ и въ предлогѣ *г*ля вм. *д*ля или *дѣ*ля, и въ словѣ *я*жгеніе вм. *я*жде-ніе (*ѣ*зда), приводимомъ изъ извѣстной Минеи «*Х*і или *Х*іі вѣка».

Между тѣмъ, въ старѣйшемъ памятникѣ Новгородской письменности, въ Остромировомъ евангеліи, не встрѣчаются ни разу эти двѣ особенности Новгородскаго говора. Такое отсутствіе двухъ главныхъ, исключительныхъ его примѣтъ служитъ новымъ опроверженіемъ того основанія, которое названо въ Отвѣтѣ «невозможностью не высказаться особенностямъ народнаго языка». Подѣ перомъ діакона Григорья высказались, хоть по разу, многія особенности своего народнаго нарѣчія, но не всѣ; самыя-то исключительныя и не высказались. Такъ и въ Бѣлорусской письменности древняго и позднѣйшаго времени—остались какъ-бы несуществующими для нея самыя существенныя черты Бѣлорусскаго нарѣчія: звукъ *а* вм. *о* безъ ударенія, и звуки *дз*, *м* вмѣсто отонченныхъ *д*, *т* (*х*адзиць вм. *х*одить и проч.).

И такъ всѣ основанія, на которыхъ у г. Лавровскаго устраняется отрицаніе Малороссійскаго нарѣчія на Киевскомъ Югѣ до *XIV* вѣка, оказываются весьма непрочными и несостоятельными.

Для окончательнаго рѣшенія вопроса намъ надо взглянуть еще на слѣды Великорусскаго нарѣчія въ писаніяхъ древле-Киевскихъ.

Еще одно, послѣднее сказанье....

Письмо четвертое.

Не осталось-ли, не найдется ли еще какого предлога къ отрицанію Малороссійскаго нарѣчія на Киевскомъ Югѣ

до нашествія Татарскаго?.. А я признаю за несомнѣнную истину, что и Великорусское нарѣчіе существовало въ древнее время на Русскомъ Сѣверо-востокѣ также, какъ Малороссійское на Кіевскомъ Югѣ. Взглянемъ же на тѣ слѣды Великорусскаго нарѣчія, какіе остались на древле-Кіевскихъ писаніяхъ отъ переписки Сѣверно-русской. За основаніе мы примемъ тѣ его отмѣны отъ церковно-Славянскаго, какія открываются изъ Лаврентьевскаго или Суздальскаго списка Несторовой лѣтописи, принадлежащаго ко второй половинѣ XIV вѣка.

1) Постановка *тъ* вм. *ть* въ 3 лицѣ настоящего и будущаго времени; сюда же и окончаніе *тсѧ* вм. *тьсѧ*. Такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ: не умираютъ, обрящется, покусится и проч. Такая постановка началась въ Сѣверно-Русской письменности не съ XIV вѣка, а еще въ древнее время; первымъ слѣдомъ ея можетъ считаться написаніе *убиють* вм. *убиють* въ евангеліи Остромировомъ. Въ позднѣйшее время Великороссіяне совсѣмъ замѣнили въ церковно-Славянскомъ языкѣ его отонченное окончаніе господствующимъ у нихъ *тъ*:¹⁾ (Средне-русское нарѣчіе уклоняется въ этомъ на сторону Малороссійскаго и церковно-Славянскаго, между тѣмъ въ Червонорусскомъ господствуетъ *тъ*).

2) Постановка буквы *е* вм. *ь* и наоборотъ. Такъ у Лаврентія: отъ колена Афетова, не едемъ на конѣхъ,

¹⁾ Къ измѣненіямъ церковно-Славянскаго языка, бывшимъ у писателей *древне-Русскихъ*, я отнесъ (въ *Исторіи древн. Рус. Слов.*) приставку *привычную* для Руси окончанія 3 лица *тъ* къ окончанію преходящаго времени *ше, ху*. Въ отвѣтъ г. Лавровскаго замѣчено справедливо, что эта приставка и въ Сѣверно-русской письменности была не только въ XII вѣкѣ (какъ сказано въ *Филологическихъ письмахъ*), но и въ XI. Однако нельзя доказывать этого *Миней*, которую самъ Востоковъ (да и г. Лавровскій въ *Описаніи*) полагаетъ надвое XI или XII в. Для XI вѣка слѣдовало бы указать на евангеліе Остромирово, гдѣ встрѣчается уже одинъ разъ эта приставка: *муждашитъ* вм. *муждаше*. О другихъ возраженіяхъ г. Лавровскаго по сему случаю не вижу надобности распространяться; не лишнимъ считаю замѣтить одно, что приставка *привычнаго* для Руси *тъ* бывала иногда и къ церковно-Славянскому окончанію прошедшаго времени множ. числа *ша*. Для примѣра тому приведу, какъ рѣдкость, слѣдующую фразу изъ Кіевской лѣтописи (подъ 1180 г.) «не *веляхуть* имъ, и не *могаштъ* ихъ удержати».

и—вмѣтахуся, нѣдѣля. Такъ и въ Несторовомъ житіи Осодосія по списку XII вѣка: обрете (вм. обрѣте), немощи телесныя и повѣлѣвшу (вм. повелѣвшу). Но когда въ Суздальскомъ же спискѣ Несторовой лѣтописи встрѣчась, напримѣръ, Печенѣгы и Печенигы, то это можно относить къ подлиннику Кіевскому, ибо Лаврентей отъ себя скорѣе поставилъ бы Печенегы. Иное дѣло въ Кіевской лѣтописи: тамъ, напримѣръ на рѣци (вм. на рѣцѣ) можно относить и къ писцамъ Ипатьевскимъ, такъ какъ Новгородское нарѣчіе отмѣняется издревле отъ всей Сѣверно-русской рѣчи Южнорусскимъ и вм. ъ. Однако въ древней Новгородской письменности встрѣчается и постановка е вм. ъ, напримѣръ въ Минееѣ XI или XII вѣка: телеса; въ самомъ Остромировомъ евангеліи: нѣсть и несть. Такую двойкость относительно буквы ъ, въ древней Новгородщинѣ, можно объяснить двойкостью народонаселенія: звукъ е отъ Кривичей; звукъ и отъ Словенъ.

3) Окончаніе прилагательныхъ именъ и мѣстоименій *ой, ей* — вмѣсто церковно-Славянскихъ и Малороссійскихъ *ый, ій*. Такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ: который ти городъ любъ; ты еси старѣйшей братъ и пр. У писцевъ Ипатьевскихъ тысяцкой и тысячкой, даже строй вм. стрый! Древность Сѣверно-русскаго *ой* вм. *ый* извѣстна по рукописямъ XII вѣка (нощной вранъ и пр.).

4) Сюда же подходитъ и Великорусское (хотя не повсемѣстное) обращеніе коренныхъ звуковъ *ы, и* въ *о, е*: а) въ нарѣчіи: нынѣ у Лаврентія и писцовъ Ипатьевскихъ нонѣ; б) въ глаголахъ мыть, бить и т. п., напр., въ Кіевской лѣтописи: не бейтеса, или: побейте, побейте! (вмѣсто: небійтеса, побійте).

5) Обращеніе согласныхъ звуковъ звонкихъ въ глухіе: б въ н, д въ т. Такъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ: паропци (вм. паробци), женамъ Дулѣпскимъ (вм. Дулѣбскимъ); въ словѣ о П. И: рѣтко (вм. рѣдео).

6) Необращеніе гортанныхъ звуковъ *г, х, к* въ *з, с, ц* передъ *ь* въ окончаніяхъ падежей. Такъ въ Несторовой

лѣтописи: на березѣ, на порозѣ принадлежать Киевскому подлиннику; къ рѣкѣ—Лаврентьевскому списку.

7) А вотъ еще случай: «на Деревьскую землю» (см. въ изданіи Тимковского стр. 44). Не отозвалась ли здѣсь та особенность народнаго Великорусскаго говора, что звукъ ж въ концѣ словъ требуетъ тонкихъ гласныхъ я, ю вм. а, у? (напримѣръ: тройка, миленькая, чайкю).

Къ этой седмерицѣ примѣтъ господствующаго Великорусскаго нарѣчія можно прибавить еще слѣды областнаго Новгородскаго, привнесенные въ Киевскую лѣтопись писцами Ипатьевскими:

8) Нерѣдку постановку ч вм. џ и џ вм. ч.

9) слова: дожгъ, дожгъцю, бездожгье. Но въ Ипатьевскомъ-же спискѣ Несторовой лѣтописи сохранилась и Малороссійская форма этого слова: «идяху стрѣлы аки дожчъ». (См. подъ 1097 г.).

Неправда-ли, что вышеприведенными особенностями Великорусскаго нарѣчія, взятыми вмѣстѣ, окончательно уничтожается положеніе о нераздѣльности Русской рѣчи на два нарѣчія до XIV вѣка, развитое въ Отвѣтѣ г. Лавровскаго?..

Впрочемъ, въ Описаніи семи рукописей (напечатанномъ въ Чтеніяхъ 1858 г.) онъ самъ призналъ, кромѣ областнаго Новгородскаго, еще Великорусское нарѣчіе, которое и по его мнѣнію господствовало въ древнее время не только на Русскомъ Сѣверѣ, но и на Югѣ. Предположивъ невѣрное наблюденіе, будто Малороссійское нарѣчіе нигдѣ и ничѣмъ не обнаружило себя во всей древней письменности, онъ, сначала только предположительно, присвоитъ Киеву большую часть тѣхъ древнихъ рукописей, въ которыхъ нѣтъ исключительныхъ особенностей Новгородскихъ, но есть иногда именительный падежъ прилагательныхъ именъ на ой и е вм. љ: «что — говорить — звучитъ совершенно по Великорусски»; и вслѣдъ за этимъ переходитъ уже къ положительному мнѣнію о господствѣ и на Киевскомъ Югѣ Великорусскаго нарѣчія до XIV вѣка.

Вотъ какъ легко у него наводится Великорусское нарѣчіе на древле-Киевскую землю,—еще легче, чѣмъ устра-

няется изъ нея нарѣчіе Малороссійское! И какой же у него предлогъ приписать Кіеву тѣ рукописи: что въ XI и XII вѣвахъ письменность — «едва ли не исключительно сосредоточивалась въ Кіевѣ и Новгородѣ». Но извѣстно положительно, что въ XII вѣкѣ была письменность и въ Ростовѣ, и въ Суздальѣ, и въ Смоленскѣ, и въ Туровѣ, и въ Полоцкѣ. За чѣмъ же приписывать Кіеву то, что звучитъ не по-Кіевски, и особенно, когда такую дарственную записью отчуждается отъ него родовое достояніе?... Есть и безъ Кіева довольно мѣста на Сѣверно-Русскомъ просторѣ для пристанища всему, что звучитъ совершенно по-Великорусски: «вся земля наша велика и обильна»!

И такъ до сихъ поръ не нашлось еще никакого филологическаго основанія для замѣщенія Малороссійскаго нарѣчія Великорусскимъ на Кіевскомъ Югѣ до XIV вѣка; да его и быть не можетъ, судя по всему доселѣ сказанному и дознанному. Если бы даже отыскалась древняя рукопись съ явными примѣтами нарѣчія Великорусскаго и съ означеніемъ, что она писана именно на Кіевскомъ Югѣ, и тогда я сказалъ бы, что она писана Сѣверно-Русскимъ человѣкомъ, находившимся въ стольномъ Кіевѣ или въ иномъ городѣ Южно-Русскомъ.

Теперь намъ остается посмотрѣть еще на тѣ особенности Малороссійскаго нарѣчія, ради которыхъ г. Лавровскій, въ своемъ Обзорѣ, обращается къ твоей гипотезѣ о переселеніи Малороссійскаго народа на Днѣпръ съ Карпатскихъ горъ уже послѣ нашествія Татарскаго. По его словамъ, эта гипотеза объясняется вообще родствомъ Малороссійскаго нарѣчія съ Карпато-Русскимъ и «подтверждается общими чертами съ Сербскимъ нарѣчіемъ, которыя легко могли развиться на сосѣднихъ съ Сербскими поселеніями Карпатахъ» (стр. 265).

Но родствомъ Карпато-Русскаго нарѣчія съ Малороссійскимъ объясняется не менѣе и обратное переселеніе Южно-Русскаго народа туда, въ Карпаты.... А потому, не останавливаясь на этомъ обоюдномъ родствѣ, мы обратимся къ тѣмъ общимъ чертамъ Малороссійскаго нарѣчія съ Серб-

скимъ, которыми у г. Лавровскаго подтверждается гипотеза о пребываніи Малороссіянъ въ Карпатахъ, даже до нашествія Татарскаго. Такихъ филологическихъ примѣтъ у него приведено восемь, изъ которыхъ 5 взяты отъ звуковъ, а 3 отъ формъ грамматическихъ. Начнемъ съ послѣднихъ.

1) «Будущее сложное составляется при помощи глагола *мати* (=имати), который или употребляется отдѣльно; какъ: *покинути маешъ*, или сливается съ главнымъ глаголомъ: *покинутиму*, -мешъ, -ме, -мемо, -мете, -мутъ. Такимъ образомъ въ этомъ образованіи нарѣчіе Малорусское вполнѣ сближается съ Болгарскимъ и Сербскимъ» (стр. 260).

Начать съ того, что г. Лавровскій спрягаетъ не по Малороссійски. При такой неслыханной формѣ будущаго времени, какъ *покинутиму*, *покинутимемо*, невольно вспомнится Гоголева фраза изъ Шпоньки: «въ ухѣ такъ и щекочеть, такъ и щекочеть». Будущее однократное и совершенное (какъ называлъ ихъ Ломоносовъ) въ Малороссійскомъ нарѣчій образуются также, какъ и въ Велико-русскомъ:

Ой загину, моя мѣтинко, загину;

Я-жь не люблю Шингѣренка, покину.

Со вспомогательнымъ глаголомъ слагается только будущее неопредѣленное (неокончательнаго вида):

Буду плавати, ныряти,

Доленьки шукати.

Или: Ходитимешъ, нудитимешъ,

Таки мене любитимешъ.

Это слитное будущее со вспомогательнымъ глаголомъ иму составляетъ исключительную особенность Малороссійскаго нарѣчія, которая съ Кіевскаго Юга легко могла перейти и за Днѣстръ, если только есть она въ народномъ говорѣ Галицкомъ и Карпато-Русскомъ. Не вполнѣ сближается ею Малороссійское нарѣчіе съ Сербскимъ и Болгарскимъ; ибо тамъ слитное будущее составилось съ глаголомъ *хочу* (по-Сербски *тју* или *отю*), который у насъ и не принять за вспомогательный.

2) Окончаніе 1 лица множественнаго числа *мо*:

Малороссійское нарѣчіе въ этомъ сближается съ Сербскимъ, Хорутанскимъ, Хорватскимъ и Словацкимъ, хотя не чуждается и общаго для всѣхъ окончанія *мъ*. Но дѣло въ томъ, что у Карпатской Руси, кромѣ этого сокращеннаго окончанія, господствуетъ Чешское и Болгарское *ме*, не свойственное нарѣчіе Малороссійскому ¹⁾; а потому нечего и отсылать къ Карпато-Руссамъ Кіевскій народъ за окончаніемъ *мо*; не то пришлось бы тудажъ къ Словакамъ, или же въ Иллирію, отправить и тѣхъ Ярославскихъ Сипцкарей, которые окончаніе *мъ* протягиваютъ въ *мо*; а Вышневолоцкій народъ— въ Мазовію, за окончаніемъ *ма*.

3) Смѣшеніе дательнаго падежа съ предложнымъ единств. числа въ именахъ прилагательныхъ.

Но смѣшеніе этихъ двухъ падежей въ разныхъ случаяхъ, въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ, такъ часто встрѣчается и древле во всей Русской рѣчи, что вышеприведенный случай не представляетъ собою ничего особеннаго важнаго для географическаго соображенія о самихъ народахъ.

4) Черниговское произношеніе *ије* вм. *ь*. Такое же произношеніе ведется и у Сербовъ Герцеговинскаго нарѣчія. Но это не имѣетъ никакого отношенія къ большинству Малороссійскаго народа, у котораго господствуетъ острое *и* вм. *ь*, равно какъ и у народа Галицкаго и Карпато-Русскаго. Звукъ *е*, произносимый доегласно, когда *ь* приходится съ удареніемъ, есть областная особенность говора Сѣверскаго, которая въ немъ легко могла развиться и на Сеймѣ, по ближайшему сосѣдству Сѣверянъ съ Вятичами и съ Радимичами, вѣзавшимися по р. Сожѣ въ четыре сѣверные уѣзда Черниговской губерніи, гдѣ и до нынѣ они дѣлаютъ и акаютъ, обличая тѣмъ свою принадлежность къ нарѣчію Бѣлоруссіи. Въ Среднерусскомъ нарѣчіи, особенно въ Рязанскомъ говорѣ, слышится такое же доегласное *е* вм. *ь*

¹⁾ У Нестора подъ 907 г. (въ мѣстѣ, утраченномъ въ спискѣ Лаврентьевскомъ) читаемъ: «и мы есме Русь»; въ Кіевской Лѣтописи подъ 1159 г., «ради есме». Эту форму *есме* (вм. *есмы*), известную изъ древней Новгородской письменности, не отнести ли тоже къ писцамъ Ипатьевскимъ?

съ удареніемъ напริมѣръ: сасъѣдъ, найѣлси, йѣдя т. е. ѣдетъ (по Караджичевой правописи: сасијед, наијелси, иједъа).

5) Приставка *и* передъ согласными, особенно *р*, за которыми слѣдовалъ въ древности глухой звукъ.

Г. Лавровскій предполагаетъ, что это прибавочное *и* въ Малороссійскомъ нарѣчїи «въ древнее время имѣло тотъ же самый, совершенно неопредѣленный полугласный звукъ, какой теперь произноситъ Сербъ передъ *р*, звукъ подобный нѣсколько краткому *и*» (стр. 238). Зачѣмъ это напрасное предположеніе? Въ Малороссійскомъ нарѣчїи, напрімѣръ, въ словахъ: и-ржать, и-рвать, и-льняной (т. е. льняной) прибавляется гласное *и* также, какъ въ Великорусскомъ народномъ говорѣ—гласный *а*, напрімѣръ: а-ржаной, а-лимоны. Такъ славянское имя буквы *р*, Малороссїяне выговариваютъ И-рцы, Великороссїяне А-рцы. Такъ имя Переяславской рѣчки Лѣто (у Нестора) или Лѣтиця (въ Кіев. Лѣт.) Великороссїяне обратили въ Альту, Переяславскіе Украинцы—въ Ильтицю. Прибавочное *и* въ Малороссійскомъ говорѣ не обращается въ полугласный звукъ; тогда какъ это бываетъ нерѣдко (послѣ гласныхъ) съ кореннымъ *и*; напрімѣръ:

Будутъ люде квѣтки рвать—

Сонъ-траву ирвала—

Купала на Йвана—

На Петра й Павла.

Напрасно у г. Лавровскаго и другое предположеніе, что прибавляется *и* передъ тѣми согласными, за которыми слѣдовалъ въ древности глухой звукъ. Ржать, иржать— по санскр. рш; рвать, ирвать=Санскр. рив, или ру; лёнь—по-Лат. linum, и проч.

Наконецъ и Сербскій полугласный звукъ передъ *р*, въ словахъ рзати, рвати, скорѣе подходитъ къ Великорусскому прибавочному звуку, чѣмъ къ Малороссійскому, т. е. онъ можетъ считаться сокращеніемъ или заглушеніемъ гласнаго *а*, слышаннаго туземцами и въ мѣстныхъ говорахъ Сербскихъ, напрімѣръ, въ Рагузскомъ или Дубровницкомъ: а-р-

жати, а рвати—по лексикону Рагузинца Стулли. Вспомнимъ при этомъ господство звука *a* въ Сербскомъ языкѣ: ражъ—рожь, ланъ—лѣнь, данъ—день и проч. Тутъ кстати скажу мое давнее мнѣніе, что въ Славянской рѣчи у каждаго изъ пяти основныхъ гласныхъ или самогласныхъ звуковъ есть свой полугласный отзвукъ.

6) Общее смѣшеніе *ы* и *и*.

Мы уже видѣли, во второмъ письмѣ, это смѣшеніе въ древней письменности Новгородской и Кіевской. Нарѣчіе Малороссійское усвоило себѣ легкое *ы* (по Калайдовичу ери), сходно со всѣми Задунайскими и нѣкоторыми Сѣверозападными нарѣчіями Славянскими; а между тѣмъ, именно у Карпато-Русскихъ Горянь или Горцевъ, господствуетъ такое же дебелое *и*, какъ у Великороссіянъ и Поляковъ, даже послѣ гортанныхъ *г*, *ж*, *к*.

7) Господство выговора *г* (= *h*).

И для этого господства не надо удалять Малороссіянъ въ Карпаты изъ ихъ го слѣды Приднѣпровской: ибо гортанный выговоръ *г* (= *h*) существуетъ и въ Бѣлорусскомъ говорѣ, и въ средне-Русскомъ и въ Новгородщинѣ; а у Сербовъ слышится поднебный *г* (= *g*), какъ у Москвитянъ и Поляковъ.

8) Употребленіе *дж* вм. *ж* при смягченіи звука *д*.

Но этимъ обращеніемъ кореннаго *д* въ *дж*, напримѣръ, въ глаголахъ ходжу, сиджу, предѣжаю, нарѣчіе Малороссійское и Червонорусское сближаются не съ Сербскимъ (въ которомъ господствуетъ смягченное *дѣ*), а съ Хорватскимъ (въ которомъ господствуетъ *дж*). А какъ Хорваты еще и во Владимірово время находились въ предѣлахъ Южноруской земли (въ восточной Галиціи), то не для чего Кіевскихъ Малороссіянъ удалять съ Днѣпра въ Карпаты изъ-за этой особенности выговора. Вѣдь изъ нихъ-же Южнорусскихъ предѣловъ нѣкогда перешли и въ Иллирію Хорваты Задунайскіе, сохранившіе и тамъ въ своемъ языкѣ общее съ Южнорусскимъ языкомъ *дж* вм. *ж*. Это послѣднее, т. е. *ж* изъ *д*, хотя ведется у насъ издревле, но все же представляетъ собою формацию вторичную, утратившую коренной звукъ *д*, какъ осталось Чешское *з* изъ Польскаго *дз*. Глубокую древность

этого перехода *д* въ *ж* черезъ *дж* (перевернутое церковно-Славянскимъ языкомъ въ *жд*) можно видѣть на Санскритскихъ словахъ: гудж—гудѣть, раджи—рядъ, и другихъ ¹⁾).

Между тѣмъ и въ говорѣ Великорусскомъ не совсѣмъ исчезло это первичное обращеніе *д* въ *дж*; объ этомъ звукѣ упоминалъ еще Ломоносовъ, въ своей грамматикѣ, приводя въ примѣръ слово вожи (вожджи). Въ наше время Катковъ, въ своемъ разсужденіи 1845 года, говорилъ слѣдующее: «По всему вѣроятію, Русская буква *ж* изъ *д*, въ древнее время, звучала нѣсколько отлично отъ обыкновеннаго *ж*, можетъ быть нѣсколько острѣе и съ легкой помощью *д*, какъ и теперь слышимъ въ Московскомъ выговорѣ, въ словахъ: приѣжджять вм. прѣзжать, дождджа вм. дожда, и проч. Интересно, что въ старинныхъ грамотахъ именно встрѣчается такая форма: приѣзджать и даже разѣѣзджикъ» и проч. (стр. 97). Само собою разумѣется, что это *дж*, равно

¹⁾ Въ *филологическихъ тисмахъ* я упомянулъ мимоходомъ, что въ Малоросійскихъ словахъ *дзбанъ* (жбанъ) и *джерело* (жерело) сохранился первобытный звукъ *дж* вмѣсто позднѣйшаго *ж*, не думая производить и здѣсь этихъ звуковъ отъ кореннаго *д*. А г. Лавровскій, въ возраженіе мнѣ, написалъ противъ этого цѣлую 39 страницу, гдѣ самъ себя противорѣчитъ: то видитъ онъ въ этихъ словахъ *такую же точно приставку д* къ *ж*, какъ п къ з, въ словахъ *дзвонъ*, *дзеркало*; то видитъ онъ явно, что здѣсь *не приставное д* къ *ж*, а двойной звукъ *дж*, образовавшійся изъ кореннаго *д*, утверждая, что такое же происхожденіе *д* при з въ словахъ *дзвонъ*, *дзеркало*.

Нельзя, мнѣ кажется, допустить такого корнесловія, по которому и въ словахъ *звонъ*, *зеркало* признается коренной звукъ *д*, ни откуда не видный для этихъ словъ. Здѣсь *д* есть очевидная *приставка* къ коренному з, переходящему только въ свой глухой отзвукъ *с*: *звонъ*—по-Санскр. *свана*, по-Лат. *sonus* и проч. Но въ словѣ *дзбанъ* (*дзбанъ*), даже и по предложенному г. Лавровскимъ производству отъ *ну тибать* (!), все таки звуки *дж*, *дз*, будутъ первичными изъ *д*, а *жбанъ*, *збанъ* будутъ уже вторичными формами, также какъ и *чванъ*—форма, происшедшая прямо отъ *дзбанъ*, обращеніемъ звонкаго *дж* въ соотвѣтственный ему глухой *ч* (какъ и въ словѣ *ганчаръ* отъ Санскрит. *ганджа*, посуда и другихъ).

Глубокая древность начальнаго звука *дж*, соотвѣтственнаго нашимъ *ж* и з, видна на многихъ Санскритскихъ словахъ: *джив*, *джива*—жить, жизнь; *джур*—журить; *джал* (быть острымъ)—жало; *джалабу* (водяной), *джалам-бага* (водотокъ)—жолобъ; *джна*, *джнана*,—знать, знаніе и проч. Но въ этихъ и другихъ словахъ нельзя производить *дж* непремѣнно отъ *д* или *з*, развѣ также гнуть и эти слова, какъ *дзбанъ*, *жбанъ*—отъ *ну*, *тибать*.

какъ и Бѣлорусское *dz* (слышимое и на Великорусскомъ сѣверовостоѣ), выговариваются слитнымъ, цѣльнымъ звукомъ, также какъ и соотвѣтственные имъ глухіе сложные звуки *ти* и *те* существуютъ въ видѣ цѣльныхъ, слитныхъ звуковъ—*ч* и *ц*.

Въ Обзорѣ г. Лавровскаго замѣчено еще, что въ Харьковскомъ говорѣ и въ нѣкоторыхъ Западныхъ губерніяхъ слышится смягченное *дъ* вм. *дж* или *ж*, напримѣръ: *ходю*, *сидю*, *родю* и т. д. Но это есть очевидное уклоненіе отъ господствующаго и первообразнаго Южнорусскаго говора; и если оно сербизмъ, то происшедшій въ позднѣйшее время на рубежахъ Украинскихъ. Вспомнимъ Сербовъ, находившихся на Русскомъ Югѣ въ XVII-мъ вѣкѣ, въ томъ числѣ и казацко-Украинскихъ полковниковъ: — Думитрашка-Райче или Райча, Ивана и Вуйцу Сербиновъ, а послѣ нихъ и Милорадовичей. Вспомнимъ новую-Сербію, объ руку съ Украиной, въ прошломъ столѣтіи.

Вотъ и вся филологическая Серебщизна, собранная г. Лавровскимъ. Суди самъ, достаточна ли она для подтвержденія твоей исторической гипотезы?..

На этомъ и кончу мой отчетъ тебѣ о томъ, что относится собственно къ разрѣшенію Западнаго вами вопроса о нарѣчій Малоросійскомъ. Что же касается до остальныхъ подробностей Отвѣта г. Лавровскаго, то я охотно готовъ поговорить объ нихъ изустно; но писать и читать—было-бы и много и скучно.... Прощай!

VII.

О ПРАВОПИСАНИИ МАЛОРОССІЙСКАГО ЯЗЫКА ¹⁾.

Письмо къ Основьяненку.

Давно уже собираюсь я, по вашему вызову, изложить вамъ мои мысли о правописаніи нашего Малороссійскаго языка; но все—то за недосугами, то за немощами откладывалъ; а въ послѣднее время поджидалъ еще, пока прійдетъ сюда пятая книжка Маяка, гдѣ помѣщено ваше письмо къ издателю о томъ же предметѣ. Наконецъ, уже въ исходѣ Декабря, получена здѣсь эта книжка; ваша статья передо мною: и вотъ я отвѣчаю вамъ, на печатное печатно. Кстати-же у меня теперь подъ рукою множество рукописной старины изъ разныхъ концовъ Южной Руси, изъ разныхъ вѣковъ. И теперь еще рябитъ у меня въ глазахъ отъ этой пестрой, поблеклой старины; но за то свѣжа въ памяти правопись нашихъ предковъ. Замѣчая оную въ собственноручномъ универсалѣ гетманскомъ, и въ писаніяхъ духовныхъ особъ, и въ бумагахъ судейской, и въ грамотѣхъ едва-грамотнаго простолюдина, я имѣлъ случай запастьсь вновь свѣдѣніями о томъ, какъ писали у насъ встарину, повѣрить вновь и кой-въ чемъ усовершенить правописаніе, которое началъ я употреблять еще съ перваго моего изданія Малороссійскихъ пѣсень, въ Москвѣ, 1828 года.—Въ то время не было еще повѣстей Основьяненка; главнымъ и почти единственнымъ печатнымъ кодексомъ Малороссійскаго языка была Энеида Котляревскаго; Украин-

¹⁾ Напечатано въ Кіевлянинѣ 1842, к. II, с. 153—180.

скія думы, изданныя княземъ Цертелевымъ, но находили себѣ сочувствія у нашихъ пановъ-земляковъ, которые, привыкнувъ въ народѣ своемъ видѣть только рабочаго мужика или горькаго пьяницу, не подозрѣвали и въ пѣсняхъ народныхъ ничего достойнаго вниманія. Правда, была уже тогда и грамматика Павловскаго; но въ ней предложено такое не Малороссійское правописаніе, что лучше-бъ его и совсѣмъ не было. Въ послѣдніе годы довольно много издано прозаическихъ и стихотворныхъ книжекъ и брошюръ на Малороссійскомъ языкѣ, у насъ въ Россіи, и въ Австріи; но къ сожалѣнію всѣ онѣ умышленно и произвольно рознятся въ правописаніи, и потому всѣ онѣ своимъ правописаніемъ одна хуже другой. Но ни одна изъ нихъ этимъ качествомъ не превзошла еще грамматики Павловскаго, который началъ употреблять Русскія буквы для Малороссійской рѣчи такъ произвольно, какъ будто до него не было грамоты на нашей православной Украинской Руси.

Правописаніе каждаго языка, хотя и много зависитъ отъ личнаго произвола; но тѣмъ не менѣе полагаетъ въ основаніе себѣ прежнюю письменность своего народа, и должно сохранить въ себѣ то, что освящено уже привычнымъ, вѣковымъ употребленіемъ. Эта историческая стихія письменности народной не позволяетъ выдумывать правописанія вновь; и въ слѣдствіе этой исторической стихіи—какъ бы ни было просто, удобно и по видимому даже народно новоизобрѣтенное правописаніе, оно не пріймется. Примѣръ тому недавно видѣли на романѣ Лажечникова — Басурманъ: авторъ издалъ его новымъ правописаніемъ, основаннымъ на одномъ народномъ Рускомъ выговорѣ, и оно принято многими почти какъ басурманская грамота. Такимъ же образомъ и нашей Малороссійской правописи не должно, да и нельзя уже быть простою, вѣшною копировкою звуковъ языка буквами. Оно должно необходимо, кромѣ исторической своей стихіи, выражать собою болѣе или менѣе внутренніе, этимологическіе законы и свойства нашего языка. Безъ этого не можетъ быть и правописаніе нашего языка, долженствующее простираться на всѣ его видоизмѣненія, какія существуютъ въ устахъ

говорящаго имъ народа—отъ Карпатскихъ горъ до степей Задонскихъ и береговъ Кубани. Посредствомъ одной внѣшней копировки звуковъ, можно выражать очень хорошо только областныя особенности языка, подобно тому, какъ и Руское правописаніе — отлагаетъ свои правила и принимается за внѣшнюю копировку звуковъ тогда только, когда передается народная фраза, или областное какое нибудь слово,—или-же изображается Русская рѣчь, ломаемая въ устахъ Нѣмца, Жида, и тому подобныхъ случаяхъ. Когда читаю что нибудь Малороссійское, изданное по одному акустическому или выговорному правописанію, мнѣ все кажется, что издатель пишетъ на рокомъ и передразниваетъ Малороссіянъ! Ссылаюсь на васъ самихъ: вы говорите, что вы «свои повѣсти начали писать какъ выговаривается, или по методѣ Гулака-Артемовскаго». Но почему же вы берете есь писать и не пишете— ховацця, оцце, и проч., когда такъ именно выговаривается въ народѣ,—когда такъ писали и князь Цертелевъ, и грамматикъ Павловскій, и поэтъ Артемовскій, коего методѣ вы слѣдуете? Отъчего же пишете вы— ховаться, отсе, какъ пишу я, коего правописаніе вы преслѣдуете?... Такое отступленіе отъ принятой вами выговорной методы, очевидно говорить въ пользу надлежащаго Малороссійскаго правописанія, изъ котораго мы и бѣемся.—

Я долженъ васъ благодарить еще за то, что вы не послѣдовали той же методѣ и въ наводненіи Малороссійской письменности еропудовымъ ы, — что вы пишете — бачитця, мило, ходили, гуляти; а не пишете — бачыцця, мыло, ходылы, гуляты. Эта новая затѣя очень безобразитъ Малороссійскую грамоту и заставляетъ незнающихъ хорошо Малороссійскаго выговора произносить нашу мягкозвучную мову такъ дебело, что уши вянуть. Да и къ чему, и откуда взялась такая правопись? Наша древняя Киевская Русь такъ не писала. Въ Поученіи Владиміра Мономаха, напрымѣръ, читаемъ: лагодити, лѣнощи, лѣпшій, дывуемся. Для чего же намъ эти слова наши писать: лагодыты, линощы, липшій, дывуемся? Старосвѣтскіе Малороссіяне наши не ерыжничали до такой

степени и въ два предыдущіе вѣка. Въ ихъ писаньи гораздо чаще встрѣчается обратная замѣна этихъ двухъ буквъ, т. е. они очень часто писали *и* вмѣсто *ы*; а изъ этого видно, что и встарину буква *ы* Малороссіянами была произносима одинаково съ мягкимъ *и*; и это есть настоящій Малороссійскій, а вмѣстѣ и Южнославянскій выговоръ буквы *ы*, почему Калайдовичъ (въ Гоан. Евз. Болг.) и называетъ оную ери, въ отличіе отъ твердаго Сѣвернорускаго еры, которое только наноснымъ образомъ существуетъ въ нѣкоторыхъ областныхъ разностяхъ Малороссійскаго языка. Хотя въ Малороссійскомъ языкѣ, вѣроятно по своему мѣстному выговору, различаете дебелое *ы* отъ мягкого *и*; однако, на примѣръ въ словахъ *мы* ходили, звукъ *и* произносится три раза одинаково. Артемовскій въ Харьковѣ написалъ бы это—*мы* ходылы, а Вагилевичъ въ Галиціи пишетъ—*ми* ходили. Еслибъ надо избрать одну изъ этихъ двухъ крайностей, то на послѣднюю я скорѣе согласился бы, чѣмъ на первую. Но гораздо лучше писать, какъ обыкновенно пишемъ: *мы* ходили, не исключая буквы *ы* (имѣющей особенное значеніе въ Словенской азбукѣ) и не употребляя оной всуе; а руководствуясь въ ея употребленіи правописаніемъ Церковнословенскимъ, какъ то и сдѣлалъ Котляревскій.—

Вообще правописаніе Котляревскаго, менѣе другихъ затѣйливое, болѣе другихъ подходило къ привычному и даже надлежащему правописанію Малороссійскому; а потому я и предпочелъ его другимъ методамъ, и взялъ за основаніе, при изданіи Малороссійскихъ нѣсень.

Но въ правописаніи Котляревскаго былъ тотъ недостатокъ, что для незнающихъ хорошо Малороссійскаго произношенія не было видно, когда букву *и* должно выговаривать мягко, и когда остро (*иі*). Этотъ недостатокъ слѣдовало пополнить и потому, что сами Малороссіяне, особенно прошлаго столѣтія, имѣли обычай надъ буквою *и*, произносимую остро (или по вашему, опредѣленію—очень мягко), ставить особенный значекъ: нѣкоторые въ этомъ случаѣ ставили двѣ точки, иные только одну; но чаще встрѣчается надъ острымъ *и*—точка съ черточкою или дужкою сверху. Этимъ послѣд-

нимъ значкомъ вы предлагаете теперь означать наше мякесеньке, или по-моему острое и; и желаете знать мое объ этомъ мнѣніе. Я очень согласенъ на это—тѣмъ болѣе, что за тринадцать лѣтъ самъ я дѣлалъ тоже возобновленіе нашего прадѣдовскаго и, пропущеннаго Котляревскимъ. Какъ такъ? вы спросите. Да, именно такъ. Еще при первомъ изданіи пѣсень предпринялъ я ввести это и (только безъ точки); но факторъ университетской типографіи, блаженной памяти Никифоръ Никоновичъ Басалаевъ, отказалъ мнѣ въ желанномъ значкѣ, за неимѣніемъ онаго въ типографіи, и предложилъ мнѣ замѣнить его Французскою кровелькою—такъ называлъ онъ accent circonflexe. Дѣлать было нечего; мнѣ же надобны были и другія гласныя буквы съ тѣмъ же значкомъ, а во Французскомъ шрифтѣ были онѣ готовыя съ кровелькою; и я разсудивъ, что и въ другихъ типографіяхъ встрѣтятся тѣ-же затрудненія, а Французскій шрифтъ есть вездѣ, рѣшилъ на сдѣланное мнѣ предложеніе. Съ тѣхъ поръ наше прадѣдовское острое и живетъ у меня, припѣваючи, подъ Французскою кровелькою, которую я переименовалъ во имя нашего Словенскаго паерка, имѣющаго почти такой же видъ.—Лукашевичева книжка Малороссійскихъ и Червоно-русскихъ пѣсень напечатана въ С. Петербургѣ 1836 года по моему правописанію. Харьковская типографія доставила Срезневскому въ большомъ изобиліи, даже въ излишествѣ, сей значекъ для его Запорожской старины. Тоже нашелъ я въ Кіевской типографіи, печатая мою Исторію Древней Русской Словесности, въ которой говорится и объ особенностяхъ языка Южнорусскаго.

Такимъ образомъ употребленіе этого значка распространилось, и глаза къ нему присмотрѣлись. Однако вы подъ моимъ паеркомъ не признали нашего прадѣдовскаго остраго и; вы пожелали воспроизвести его въ подлинномъ, властномъ видѣ его, и обратились для того къ Маяку современнаго просвѣщенія и образованности. Но вышла таже исторія: типографія академіи наукъ, гдѣ печатается Маякъ, нахлобучила ваше мякесеньке и тою же Французскою кровелькою, и оно явилось точно въ томъ видѣ, какъ мое острое, паер-

чатое *и*; и вы мимовольно, по слѣдъ необходимости типографской, попали на мое правописаніе. Видно ужъ не судьба этой старосвѣтчинѣ нашей являться въ новомъ мірѣ подѣ своимъ собственнымъ значкомъ; и я въ свою очередь попрошу васъ вашими же словами: «нехай такъ zostается!» Согласитесь и вы употреблять *и* по моему—хотя и не въ природной, а вынужденной, но за то удобоисполнимой формѣ, имѣющей притомъ за собою и 13-тилѣтнюю давность. Посредствомъ вашихъ сочиненій съ нимъ совершенно освоятся читатели, и наше Малороссійское правописаніе избѣжитъ новаго разногласія и затрудненія типографическаго.—

До сихъ поръ мое и ваше правописаніе почти не разнили между собою. Но вотъ слѣдуютъ орфографическія наши несогласія, правда не многія, но за то крупныя. Вы щедро рукою расточаете букву *и*, ибо 1) вы замѣняете ею букву *н* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она искени была въ Малороссійскомъ писаньи; 2) вы ставите букву *и* вмѣсто *о* и другихъ гласныхъ, когда онѣ выговариваются какъ *и*; 3) сгоняя букву *н* съ ея роднаго, привычнаго мѣста, вы даете ей новое и для нея невыгодное мѣсто, напримѣръ въ словахъ—учорашиѣ, торишиѣ, фропудовый. Если угодно вамъ знать мое объ этомъ мнѣніе, то я скажу, что на первое я совершенно несогласенъ, на второе—ваша добрая воля, а на третье я согласенъ еще менѣе, чѣмъ на первое. Объявляя такъ откровенно мое несогласіе, я обязанъ представить мои на то причины, и охотно исполняю это. Вотъ онѣ,—и во-первыхъ относительно буквы *н*.

Вы говорите «напрасно полагають, говорятъ и пишутъ, что въ Малороссійскомъ выговорѣ буква *н* должна выговариваться какъ самое мягкое *и*»—и потомъ труните надо мною, Котляревскимъ и другими, пишущими букву *н* въ словѣ тобѣ и проч. Но противъ вашихъ острогъ у меня собралоси цѣлое ополченіе возраженій и доказательствъ, на защиту законнаго и стародавняго употребленія буквы *н* въ Малороссійскомъ произношеніи и правописаніи, и на збуренъе вышеозначенныхъ трехъ пунктовъ, которыми вы укрѣдили свое правописаніе. И вотъ первый отрядъ моихъ доказательствъ—на защиту Малороссійскаго произношенія буквы *н*.

Малороссійскій или Южнорусскій народъ, по природному свойству языка своего, произноситъ звукъ *и* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда и въ Словенскихъ и въ Русскихъ книгахъ пишется буква *ь*. Эту букву наши предки узнали и заимствовали изъ церковныхъ книгъ, изъ азбуки Кирилловской. Тамъ буква *ь* изображаетъ такой Словенскій звукъ, который у Южнорусскихъ и нѣкоторыхъ другихъ Словенъ произносится какъ острое *и*; а у Великороссіянъ, Бѣлоруссовъ, Сербовъ— въ тѣхъ самыхъ словахъ — измѣняется въ острое *е*. Потому въ Великорусскомъ языкѣ буква *ь* принадлежитъ къ числу тѣхъ буквъ, коими изображается звукъ *е*; но въ языкѣ Малороссійскомъ она принадлежитъ къ числу буквъ, служащихъ для изображенія звука *и*. Отъ того Великороссіане, по своему выговору, смѣшиваютъ буквы *я*ть и *е*сть, довольно легко сбиваются въ письменномъ ихъ употребленіи и нерѣдко ставили и ставятъ одну вмѣсто другой. Малороссіане, напротивъ того, весьма хорошо различая эти двѣ буквы, никогда не употребляли буквы *ь* вмѣсто *е*; но за то у нихъ буква *ь* легко смѣшивается съ буквою *ю*; за то они сбиваются въ употребленіи этихъ двухъ буквъ и пишутъ нерѣдко одну вмѣсто другой, съ древнихъ временъ и до нынѣшняго.

Что Малороссіане, слѣдуя своему собственному произношенію, букву *ь* выговариваютъ какъ острое *и*, въ томъ легко удостовѣриться; стоитъ послушать сельскаго дьяка, читающаго церковную книгу: въ книгѣ написано—во вѣки вѣковъ, а онъ читаетъ во вѣки вѣковъ, слѣдственно онъ букву *ь* выговариваетъ, по своему произношенію, какъ *и*: а произнося ее всегда такъ, онъ, разумѣется, и на письмѣ употребляетъ ее не иначе, какъ для звука *и*. Я указалъ на нашихъ дьяковъ потому, что отъ нихъ преимущественно распространялась грамотность въ нашемъ народѣ; да и самый первый памятникъ Южнорусской учености—Изборникъ Святославскій, составленъ и написанъ 1073 года Кіевскимъ дьякомъ Іоанномъ, которому обязана бытіемъ своимъ и эта Руская форма буквы *ь*. Граматка, часловець и псалтирь составляли у насъ первыя, а для большей части и единственныя учебныя книги. Сіи три книги и для меня составили первый учебный курсъ.

Живо помню, какъ меня, еще шестилѣтняго мальчика привезли изъ Згари въ Золотоношскій женскій монастырь, на ученіе книжное; какъ въ тотъ же день учительница моя, черница Варсанофія, въ своей кельѣ посадила меня съ указкою за грамотку, и начала твердить мнѣ: азъ, буки, вѣди... жѣвите, зѣло; а не веде, живете, зело. Произношеніе моей первой учительницы составляетъ для меня важный авторитетъ; но для васъ я приведу болѣе именитый и древній—произношеніе знаменитаго Теофана Прокоповича. Переселясь изъ Кіева на Сѣверъ, онъ былъ однимъ изъ первыхъ сподвижниковъ Петра Великаго; краснорѣчивымъ словомъ своимъ онъ первенствовалъ надъ всѣми, онъ первый началъ и Рускіе стихи слагать въ формѣ Итальянской октавы. Но не смотря на свое долгое пребываніе на Сѣверѣ, онъ неотвыкъ отъ Малороссійскаго выговора буквы ѣ, даже и въ стихахъ своихъ. А что онъ и чрезъ 15 лѣтъ пребыванія своего на Сѣверѣ, произносилъ букву ѣ, какъ и, въ томъ убѣдитесь, прочтя на примѣръ слѣдующій отрывокъ изъ его стиховъ, написанныхъ 1792 года.

«Объемлетъ тебя Аполлонъ великій,
 Любитъ всякъ, кто есть таинствъ его зритель;
 О тебѣ поютъ Парнасскіи лики,
 Всѣмъ честнымъ сладка твоя добродѣтель,
 И будетъ сладка въ будущіе вѣки....
 А ты, какъ началъ—течи путь преславный,
 Коимъ книжныи текли исполины,
 И перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
 На нелюбящихъ ученой дружины,
 И разрушай всякъ обычай злонравный,
 Желая доброй въ людяхъ перемѣны,
 Кой плодъ ученій не единъ искусить,
 А дураковъ злость языкъ свой прикусить».

Въ мою пользу говоритъ и послѣднее слово стихотворнаго надгробія, находящагося въ Печерской Лаврѣ надъ могилою Кочубея и Искры, которые послѣ того, какъ обезглавлены Мазепою, сдѣлались героями нашей исторіи:

«Почиваемъ въ семь мѣстѣ Матери Владычни, Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животь вѣчный».

Наконецъ, осмѣливаюсь привести вамъ слѣдующую надпись надгробнаго камня, находящагося передъ Великою Печерскою церковью:

«Здѣ положенъ Харьковскаго полку Полковникъ Григорій Семеновичъ Квѣтка; жилъ всѣхъ лѣтъ отъ роду своего 64. Полковникомъ былъ 24; преставися 1734 года мѣсяца Октября».

Это фамиліное имя ¹⁾, столь извѣстное въ Малороссіи и вамъ близкое, безъ сомнѣнія и вы произнесете не иначе, какъ Квѣтка; слѣдовательно и вы букву ѣ произнесете какъ и; а послѣ того, ужели не согласитесь, что буква ѣ по Малороссійскому выговору произносится какъ и? Въ противномъ случаѣ я спрошу у васъ: по какому же, если не по Малороссійскому произношенію, во всѣхъ приведенныхъ мною примѣрахъ, Малороссіяне букву ѣ выговариваютъ какъ и? Одни только Сѣверяне наши (и то не всѣ, и не во всѣхъ случаяхъ) произносятъ букву ѣ какъ е; но это уклоненіе отъ Малороссійскаго произношенія очевидно произведено вліаніемъ Литовскаго или Бѣлорускаго выговора; за тоже Сѣверянъ и прозываютъ Украинцы Литвинами.—

Теперь представляю мои доказательства, что Малороссіяне букву ѣ писали не иначе, какъ для изображенія звука и. Законность этого употребленія утверждается чрезвычайною давностью, повсемѣстностью и самою степенью онаго. Послѣднее обстоятельство особенно стоитъ вашего вниманія: изъ него открывается, что Малороссіяне, во всѣхъ концахъ Южной Руси и во всѣ времена, употребляли букву ѣ, не только въ тѣхъ словахъ и случаяхъ, въ которыхъ она употребляется правописаніемъ Церковнословенскимъ, хотя и этого довольно; но очень часто ставили ее и въ такихъ слу-

¹⁾ Такимъ же образомъ и другія Малороссійскія фамиліи, писанныя съ буквою ѣ, напр. Палѣй, Гордѣенко, Гамалѣя, Забѣла, Свѣчка—произносились и произносятся по Малороссійскому выговору—Палій, Гордѣенко, Забила, Свичка; но имя Хмельницкаго никогда не выговаривали *Хмѣльницкій*, а также ни самъ *Богданъ*, ни его сынъ, ни козаки ихъ написали *Хмѣльницкій*.

чаяхъ, когда по Церковнословенскому правописанію ставится и. Эти послѣдніе случаи, хотя большею частію и неправильны, по показывають всего яснѣе, что Малороссіане, даже съ пристрастіемъ къ буквѣ ѣ, употребляли ее имѣнно для выраженія звука и.

Сюда во-первыхъ относятся иностранныя слова, употребившіяся въ языкѣ Малороссійскомъ. Они вообще были очень часто писаны съ буквою ѣ вмѣсто и; напримѣръ: унѣверсалъ, Домѣнѣанъ, компанѣя, линѣя, баталѣя, конфѣрмація. Такъ и въ стихотворныхъ брошюрахъ нынѣшнихъ Галичанъ встрѣчаемъ: конвѣтъ и даже митрополѣтъ.

Фамильныя имена представляютъ и здѣсь намъ очевидное доказательство употребленія буквы ѣ вмѣсто и, особливо у нынѣшнихъ Галичанъ, изъ которыхъ многіе пишутъ—Лѣвѣцкій, Лозѣнскій, Могилѣнѣцкій и проч. Тоже было и на Волыни. Приведу примѣръ изъ стариннаго Луцкаго помѣнника: въ 1677-мъ году надъ перепискою онаго трудился Іеромонахъ Савицкій; тамъ же, въ 1748-мъ году, его имя написано—Савѣцкій; тамъ же написано Ступнѣцкій, Рогозѣнскій, Сосиѣцкій, Гулянѣцкій и проч. Киевская письменность прошлаго столѣтія представляетъ довольно подобныхъ примѣровъ, изъ коихъ приведу одинъ: въ судебныхъ бумагахъ часто встрѣчается имя князя Голѣщина, т. е. Голицына.

Что касается до Черниговцевъ, то довольно указать на имя города ихъ: съ древнихъ временъ и до нашего, оно было писано Чернѣговъ.

Тоже самое находимъ и въ окончаніяхъ нѣкоторыхъ надежей. Еще въ древнихъ писаніяхъ читаемъ: въ подлинной грамотѣ Киевскаго Князя Мстислава Владиміровича 1128 года—моѣ дѣти; въ договорѣ Игоревомъ (по списку 14-го вѣка)—мечѣ своѣ; въ грамотахъ Льва Даниловича—положимъ и не подлинныхъ, но все же старинныхъ—вѣчниѣ, будучиѣ, нашѣ. Подобно сему пишутъ нѣкоторые современные Галичане; такъ въ Днѣстровой Русалкѣ читаемъ: моѣ конѣ, твоѣ хлопцѣ, нашѣ пѣснѣ и пр. Нашѣ

первый Западнорусскій граматикъ Мелетій Смотрицкій находилъ даже правильнымъ писать на шѣ и т. п.

Нерѣдко и окончаніе родительнаго падежа встрѣчается съ буквою *ь* вмѣсто *и*, не только въ упомянутой Русалкѣ, гдѣ писано даже Украѣна вм. Украина; но и въ старинныхъ писаніяхъ. Вотъ начало купчей, писанной въ Галиціи 1341 года ¹⁾, слѣдственно современной завладѣнію сей земли Казимиромъ. «И сталося подѣ державою великаго короля Краковскаго Казимира и господаря Рускоѣ землѣ». Такимъ же образомъ и въ собственноручномъ универсалѣ Богдана Хмельницкаго (1651 г. 11 Января) читаемъ: «Створитель неба и землѣ». Подобно сему и въ собственноручныхъ универсалахъ Гетмана Самуѣловича (1672) писано: зѣ особливѣ своѣ,—и даже въ дательномъ падежѣ (1673)—ректоровѣ, игуменовѣ.

Въ поманникѣ Выдубицкаго монастыря, гдѣ многіе Сѣчевые или Запорожскіе козаки вписывали свой родъ, читаемъ: «1752. Сентября 26. Родъ Іоанна Горкушѣ, козака куреня Тимошѣвскаго».

Послѣ всѣхъ приведенныхъ мною примѣровъ, я могу, кажется уже безспорно, повторить, что у Малороссіянъ буква *ь* издавна употреблялась не иначе, какъ для изображенія звука *и*, и что они любили даже роскошествовать этою буквою. За что же лишать Малороссійское правописаніе привычной, вѣковой его принадлежности?

Наше дѣло только ограничить излишнее расточеніе оной и опредѣлить правильное ея употребленіе. Такъ напримѣръ, въ повелительномъ наклоненіи надобно писать не *и*, но *ь*: возъмѣть, ходѣмъ,—какъ и было въ древнемъ Церковно-словенскомъ правописаніи, какъ писали и образованные предки наши, начиная отъ перваго лѣтописца. При второмъ изданіи Украинскихъ пѣсень, 1834 года, я возобновилъ это употребленіе, которое ведется и у Галицкихъ Русиновъ.

Другой примѣръ. Вы говорите, что принявъ букву *ь* за выраженіе звука *и*, надобно будетъ писать — пѣшовѣ, пѣцѣ,

¹⁾—Эта купчая отыскана сочинителемъ Исторіи Галицкой Руси *Зубрицкимъ*, и по его мнѣнію составляетъ древнѣйшій изъ дошедшихъ къ намъ въ подлинникъ документовъ Червонорусскихъ.

макогѣнъ и проч. Почему же надобно? Тогда вышло-бы неправильное и напрасное расточеніе буквы ѣ, которую вовсе не слѣдуетъ ставить вмѣсто о, обращасмаго народнымъ выговоромъ въ и. Такого употребленія буквы ѣ не встрѣчалъ я въ прежней Малороссійской письменности; и только въ стихотворныхъ изданіяхъ нашихъ юныхъ Галицкихъ земляковъ попадаются примѣры такого употребленія буквы ѣ (пѣшовъ, зѣ-вѣтти, рѣвно, выгѣдно), но и то какъ-бы случайно, по неустроенности, въ какой находится у нихъ правопись ¹⁾. Что касается до старосвѣтскихъ Малороссіянъ, то они, въ тѣхъ случаяхъ когда о народнымъ выговоромъ обращается въ и, ставили букву и; или еще чаще, не держа строго народнаго выговора, (который и самъ въ этомъ случаѣ очень измѣнчивъ), ставили коренную гласную букву и писали просто: мой, попъ, пошовъ, войско и проч. Потому-то, не противорѣча бывалому употребленію, вы пишете въ сказанныхъ случаяхъ букву ѣ, что согласно и съ большинствомъ голосовъ нынѣ пишущей братіи. Но и я, въ томъ же бываломъ употребленіи, имѣю достаточное основаніе для удержанія коренныхъ гласныхъ буквъ; а для показанія, что ихъ должно произносить какъ и, я придумалъ ставить надъ ними паерокъ. Это есть единственное мое нововведеніе въ правописаніе Малороссійское. Оно читателя не затруднить; ибо нетрудно, кажется, замѣтить правило: «буквы

¹⁾ Такъ въ Днѣстровой Русалкѣ одно и то же слово пишется *тѣма* (стр. 78) и *пѣма* (стр. 72). По моему должно писать *пѣма*. — Иосифъ Лѣвицкій началъ было также употреблять ѣ; но потомъ паерокъ замѣнилъ двумя точками и пишетъ ѣ, что принято и въ нѣкоторыхъ изданіяхъ Внскихъ. Это напрасно. Надстрочное двоеточіе уже давно служитъ въ Рускомъ правописаніи знакомъ обращенія гласной въ *острое о* (ѣо), что принято мною 1827 года и въ Малороссійское правописаніе (напр. *ѣю, сѣю*, а не *іюго, сіюго*). Буква е иногда въ томъ же словѣ Малороссіянами произносится какъ *іо* и какъ *ѣи*, слѣдственно нужны оба знака для той же буквы: въ первомъ случаѣ *двоеточіе*, во второмъ *паерокъ*; напримѣръ — на *синѣму*, на *синѣмъ*. Въ последнемъ случаѣ, если угодно, можно бы писать и на *синѣмъ*. Есть и другіе случаи, гдѣ буква ѣ могла бы ставиться вмѣсто е, произносимаго какъ и: *срѣбро, корѣнь, пѣсокъ, дрѣмати, лѣтати*; можно бы даже, сходно съ Церковнословенскимъ правописаніемъ, ставить ѣ въ окончаніяхъ надежей: на *святѣй*, на *высокѣмъ* (т. е. вмѣсто о произносимаго какъ и). По я, слѣдуя общему правилу моей системы правописанія, пишу: *срѣбро, корѣнь, пѣсокъ, дрѣмати, лѣтати, на святѣй, на синѣй, на высокѣмъ*.

означенныя паеркомъ—*á, é, ú, í, ó, ý*, также букву *ь*, должно выговаривать какъ острое *и* (*ий*); а буквы *и, í, ы*, должно произносить мягко, а не такъ твердо, какъ Великорусское *ы*. Но за этотъ небольшой предварительный трудъ, требуемый моимъ правописаниемъ отъ читателя, оно облегчаетъ ему не только уразумѣнiе словъ, особливо произносимыхъ одинаково ¹⁾; но и самое чтенiе чрезъ то становится удобнѣе, нежели чтенiе письма, написаннаго по методѣ выговорной, по которой можетъ быть легче писать, да читать трудно, какъ справедливо замѣчаете и вы сами. Я знаю по опыту, что для неизбавшаго еще никакой методы, труднѣе привыкать къ методѣ выговорной.

Говоря правду, такъ мой способъ писанiя труднѣе не читающему, а пишущему, и особенно мнѣ первому, взявшему на себя трудъ отыскивать коренные звуки, покрываемые звукомъ *и*, что иногда несовсѣмъ легко. Но за то я думаю, что съ этимъ только способомъ можетъ быть установлено правописание Малороссiйскаго языка, обнимающее всѣ его разности и притомъ сближающееся съ правописаниемъ Великорускаго и нѣкоторыхъ другихъ языковъ Словенскихъ,

¹⁾ Вотъ для примѣра нѣсколько такихъ словъ — по правописанiю выговорному: — по моему:

Крiй	— Край (вскрай).
Нисъ	— Нёсъ.
Нисъ	— Нёсъ.
Бривъ	— Брёвъ (брегъ).
Бривъ	— Брёвъ (бровей).
Визъ	— Вёзь.
Визъ	— Вёзь.
Нижъ	— Нёжь.
Нижка	— Нёжка.
Нижный	— Нёжный.
Мижъ	— Мёжь.
За-мижь	— За-мёжь.
Бигъ	— Бёгъ.
Бигъ	— Бёгъ.
Бездилье	— Бездолье.
Бездилье	— Бездолье.
Окрипъ	— Окрёпъ.
Окрипъ	— Окрёпъ.

чего нашему языку вовсе недолжно чуждаться. Но я объ этомъ способѣ писанія подробно изъясню свои мысли предъ вами въ послѣдствіи. А теперь на прежнее обратимся.

Не стану утверждать, чтобы въ старину Малороссіяне не писали въ иныхъ словахъ буквы *и* вмѣсто *ъ*; но это случайности такъ же неправильныя, какъ и тѣ, когда *ъ* писано вмѣсто *и*, напр. Іоанна Горьушѣ; употреблять же постоянно букву *и* вмѣсто *ъ*, не значить ли распространять и обращать въ правило случайную погрѣшность противъ надлежащаго правописанія Малороссійскаго языка? А это именно сдѣлали начавшіе писать только по слуху: *и*—вездѣ, гдѣ сей произносится остро; *ы*—вездѣ, гдѣ сей звукъ произносится мягко или твердо; а Павловскій въ первомъ случаѣ *вездѣ* ставитъ *і*, точно такъ, какъ Поляки и Чехи пишутъ Латинскими буквами Малороссійскія пѣсни. Но тамъ необходимость азбучная заставляетъ, руководясь только звукомъ, ограничиться двумя буквами—*і* да *у*; для насъ же Латинская азбучная скудота не указъ, когда мы давно имѣемъ свою богатую, Словенскую азбуку, свои вѣковыя привычки въ правописаніи. Не то, лучше писать прямо уже Латинопольскими буквами, какъ сдѣлалъ въ Перемышлѣ Лозинскій, нежели писать Русскими буквами такъ, какъ пишутъ нѣкоторые ваши почтенныя сусѣды и любезныя подсусѣдки.—

Но вы имѣете еще особенный предлогъ писать *й* на мѣстахъ, принадлежащихъ буквѣ *ъ*. Вы полагаете, что сія послѣдняя буква нужна во всей своей силѣ и видѣ въ словахъ—учорашнѣ, торѣшнѣ и многихъ другихъ. И такъ она нужна вамъ для изображенія звука *e*, произносимаго остро? Но отъ чего же вы пишете безъ буквы *ъ*, напримѣръ слова—гуляе, мое и тому подобныя, въ которыхъ тотъ же самый острый звукъ *e*, какъ и въ словахъ—учорашне, торѣшне, еропудъ?... Павловскій въ своей грамматикѣ безъ зазрѣнія совѣсти пишетъ—снѣваѣ, гуляѣ, моѣі, *ъ*—и проч. Но затоже онъ первый и единственный писатель, сдѣлавшій такое перемѣщеніе буквы *ъ* въ Малороссійскомъ правописаніи, въ которомъ она никогда не употреблялась для изображенія звука *e*: ибо это

несообразно съ ея значеніемъ и силою въ нашей Малоросійской письменности, и даже съ видомъ ея, представляющимъ соединеніе буквы і съ ъ-емъ (іъ, ѣ). Впрочемъ, не смотря на столь неудачное исполненіе, Павловскій принималъ доброе дѣло для Малоросійскаго правописанія, то есть различать острое и мягкое *e* двумя различными буквами. Если и вамъ угодно тоже сдѣлать, то это легко, оставляя букву ѣ на ея властномъ мѣстѣ. Наша Словенорусская палеографія представляетъ нѣсколько различныхъ начертаній буквы *e*: изберемъ изъ нихъ одно для остраго, другое для мягкаго произношенія сей буквы,—какъ и сдѣлалъ уже Вагилевичъ въ Днѣстровой Русалкѣ. Въ этой пріятной книжкѣ наше гражданское *e* пишется тогда, когда сей звукъ произносится мягко; а когда онъ произносится остро (*ie*), тогда ставится Славянское отверстое *e*, которое и мы очень можемъ возобновить въ нашей Малоросійской письменности (нѣкоторые другіе Галичане въ этихъ случаяхъ пишутъ *je*). Но я бы думалъ, что употребляемое въ Руской азбукѣ *e* лучше оставить въ настоящей его силѣ, и употреблять въ тѣхъ случаяхъ, когда сей звукъ произносится остро, ибо такъ выговариваютъ эту букву Великороссіане, отъ которыхъ она перешла и въ Малоросію. Славянскимъ-же отверстымъ *e* можемъ изображать мягкій выговоръ сего звука; а пока эта буква отолется нарочито въ гражданскую форму, мы можемъ брать обратное Руское *e*, поворачивать его на правокругомъ, и такимъ образомъ получать мягкое *e*, своимъ выговоромъ и видомъ близкое къ твердому Рускому *e*. Тогда для читателя будетъ очевидно, какъ ему произносить: сине небо, учорашне, торѣшне, ей-богу, тебе.—Согласитесь-ли вы на такое различеніе?

Вагилевичъ началъ употреблять въ Южно-русскомъ правописаніи еще букву *ѣ*, по примѣру Волоховъ или Румыновъ, пишущихъ также Словенскими буквами. По-моему это очень хорошо; безъ этой буквы намъ было также неловко, какъ было-бы безъ *й*. Но Вагилевичъ до крайности расточаетъ свое нововведеніе. Слѣдуя одной только акустикѣ Малоросійскаго выговора, по которому буква *e* произносится въ

извѣстныхъ случаевъ полугласно, какъ сокращенное *ѣ*, онъ вездѣ, вмѣсто *е*, произносимаго такимъ образомъ, ставитъ *ѣ*; вмѣсто—ходивъ, зная, онъ пишетъ—ходи *ѣ*, зна *ѣ* и проч. Но это также странно, какъ странно было-бы писать по-Руски: фсіо, дѣфки, любофъ, петрофъ, слѣдуя Велико-русскому выговору, сжимающему въ извѣстныхъ случаяхъ звукъ *е* въ *ф*. Отъ такого частаго уканья Малороссійское письмо у Вагилевича является не въ своемъ видѣ, получаетъ какой-то не-Рускій характеръ, и тѣмъ болѣе, что Вагилевичъ вовсе не употребляетъ *з*; вмѣсто *ы* всегда пишетъ *и*; вмѣсто *и* ставитъ если не *н*, такъ *і*.—Потому я предложилъ 1837 года (Ист. Древн. Рус. Словес.) ставить букву *ѣ* только тамъ, гдѣ дѣйствительно сокращается *у*, напримѣръ: *ѣ* же *ѣ* насъ на Украинѣ наѣчили. До сихъ поръ эти слова всѣ мы писали и пишемъ съ буквою *е*: вже въ насъ на Украинѣ навчили; но должно признаться, что это едва-ли не хуже, чѣмъ пишетъ Вагилевичъ. Изображая буквою *е* звукъ *у*, хотя и сокращенно произносимый, мы шли наперекоръ Малороссійскому выговору: ибо Малороссійскій выговоръ самую букву *е* стремится приводить въ гласное состояніе, и часто произноситъ ее полугласно; а нерѣдко протягиваетъ и въ полное *у* (узаявъ вм. взявъ), или же прилагаетъ къ ней этотъ звукъ (увесь вм. весь); и только въ сихъ послѣднихъ случаяхъ, я думаю, надобно писать *у* вмѣсто *е*, ибо того требуетъ сама необходимость.

Вотъ все, что пришлось мнѣ сказать вамъ о нашей правописи въ этомъ письмѣ. Оно вышло длинновато; но за то изъ него узнаете короче мои мысли о томъ дѣлѣ, около котораго всѣ мы, любящіе свою родимую рѣчь, ходимъ и не сходимся. Прошу васъ не отказать мнѣ въ вашихъ отвѣтныхъ замѣчаніяхъ. Тогда представлю на ваше утверждение нѣкоторые частные случаи Малороссійскаго правописанія, которые остаются у меня еще подъ вопросительнымъ знакомъ, и съ которыхъ хотѣлось бы поскорѣе снять этотъ неуспокоительный значекъ,—именно къ тому времени, какъ приступлю наконецъ къ новому, полному изданію моего собранія Украинскихъ народныхъ пѣсень. Я хотѣлъ бы это бога-

тос, поэтическое наслѣдство нашего народа представить Словесному міру въ возможно-лучшемъ видѣ и относительно правописанія.

Доканчиваю письмо это въ послѣдній день истекающаго (1840) года, и поздравляя васъ съ наступленіемъ новаго года, желаю душевно, что-бы оны принесли намъ новый томъ вашихъ повѣстей на Малороссійскомъ языкѣ; а вамъ принесть-бы въ изобиліи—«у полѣ ядро, а въ домѣ добро»!

Р. S.—При семь случаѣ пожелаю и всѣмъ землякамъ нашимъ, чтобы съ наступленіемъ завтрашняго дня Илья помахалъ имъ лучше житяною пугою, про которую поютъ посыпальщики; я же къ посыпальной пѣсенкѣ прибавлю еще за жнивную пѣсню, которую сложили и поютъ хлѣборобы Волынскіе, но послушать могутъ и Украинцы всякаго званія.

А въ недѣлоньку рано пораненьку
Збірае женьці коваленко,
Збірае женьці, а все приборнці,
Дѣвки, парубки, а все молодци.

Да повѣвъ же їхъ на долину,
На пшениченьку на озиму:

—Ой жнѣте, женьці, розжинайтесь,

А назадъ себе не оглядайтесь.—

Ажъ зъ-за горы орда иде,

За собою коваля веде.

Ёму руки позавязовани,

Ёму очі позаглажовани.

Ото-жъ будешъ, ковалю, знати

Якъ недѣлоньку шановати.

—Ой дай, Боже, такую годину,

Счобъ забачити свѣтъ хочъ на часину:

То буду ўже знати,

Якъ недѣлоньку шановати!—

VIII.

О МАЛОРОССІЙСКОМЪ ПРОИЗНОШЕНІИ МѢСТНЫХЪ ИМЕНЪ.

Объясненіе, относящееся къ Шафариковой Славянской картѣ ¹⁾.

Въ пріятельскомъ письмѣ къ Погодину я написалъ, между прочимъ, нѣсколько строкъ о Шафариковой Славянской картѣ, и просилъ сообщить ихъ Шафарику. Погодинъ сдѣлалъ это посредствомъ своего Журнала, и во 2-мъ номерѣ Москвитянина (1843) напечаталъ замѣчаніе мое ²⁾, въ которомъ я обвиняю того, кто присовѣтовалъ Шафарику писать

¹⁾ Напечатано въ Москвитянинѣ 1843, № 10, с. 455—468.

²⁾ Вотъ это замѣчаніе автора: ...Въ Кіевѣ нѣсколько минутъ только видѣлъ я знаменитую этнографическую карту Шафарикову. Взглянувъ въ ней на южную Русь, я съ удивленіемъ прочелъ на ней *Переяславъ*, *Васильковъ*, *Питава* и проч. Къ чему такой излишній, искусственный Малороссіанизмъ? Живучи постоянно девятый годъ уже на родинѣ моей, я не встрѣчалъ даже простолюдиновъ, ни въ *Переяславѣ*, ни въ *Васильковѣ*, которые называли бы свои города *Переяславъ*, *Васильковъ*; въ Херсонскихъ и Крымскихъ степяхъ я не встрѣчалъ ни одного чумака, который называлъ бы Перекопъ—*Перекипомъ*.... Правда, что измѣнять букву *о* въ *и* любить Малороссійское произношеніе; но измѣнять ее нарочно въ названіяхъ разныхъ городовъ и рѣкъ, когда нѣтъ того у самаго народа, значить поддѣлываться подъ народный колоритъ, усиливать его, а не представлять его въ томъ видѣ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Виноватъ передъ Шафарикомъ и передъ его Этнографіей, кто присовѣтовалъ ему такой провинціальный *пересолъ* въ наименованіи южнорусскихъ мѣстностей.... По моему, это напрасно; и Шафарикъ очень бы хорошо сдѣлалъ, если бы при новомъ изданіи карты своей—въ упомянутыхъ названіяхъ—всусе употребленный южнорусскій звукъ и позволъ опять къ общесловенскому коренному звуку *о*. — Попроси его о томъ и отъ меня, и отъ себя: ты самъ вѣдь вѣхалъ недавно изъ *Полтавы* въ *Переяславъ*.... *Питава*, *Переяславъ* вѣрно не слышалъ изъ устъ народа...

на Картѣ Переясливъ, Василькивъ, Пивтава, Перекипъ. Я назвалъ это излишнимъ, усиленнымъ Малороссіанизмомъ, провинціальнымъ пересоломъ. Такое обвиненіе показалось страшнымъ Г. Н. ¹⁾, и онъ пришелъ въ недоумѣніе, какъ могъ я написать это, живучи девятый годъ на моей родинѣ! Казалось бы, это послѣднее обстоятельство и могло внушить ему мысль, нѣтъ ли правды въ словахъ моихъ,—ибо не за тридевять же земель, а въ своемъ родномъ краю можно узнать вѣрнѣе и основательнѣе, какъ что дѣлается и говорится въ немъ.

Но Г. Н., принявъ слова мои за «горячій слѣдъ первыхъ впечатлѣній» изготовилъ большой, обдуманнѣй, однако не мѣткій ударъ на-защиту Шафарикова совѣтника. Прямо ко мнѣ обратилъ онъ статью свою, похожую не столько на оправданіе истины, сколько на отмщеніе за улику, хотя онъ и говоритъ, что ни лично, ни по наслышкѣ не знаетъ Шафарикова совѣтника. Меня онъ называетъ «извѣстнымъ писателемъ, пламеннымъ любителемъ роднаго» и проч., и въ тоже время прямо и намеками говоритъ разныя колкости обо мнѣ, моихъ знаніяхъ и мнѣніяхъ, бросаетъ мнѣ въ спину бранчивыя пословицы, и самъ скрывается подъ литерою Н. Къ чему такая застѣнчивость и потаенность, особенно съ тѣмъ, кто давно поставилъ себѣ правиломъ говорить прямо и открыто всѣ свои мнѣнія, и не печатать ничего безъименно. Поприще критики открыто и доступно для всякаго; всякъ воленъ говорить что ему угодно о моихъ трудахъ по части Южно-Русскаго языка и Словесности; объ нихъ можетъ отзываться съ небреженіемъ и тотъ, кто нѣкогда въ Москвѣ говорилъ мнѣ съ восторгомъ, что моя книжечка Малороссійскихъ пѣсенъ и особенно ея предисловіе возбудили въ немъ пламенную любовь къ занятію Южно-Русскимъ языкомъ и поэзіей. И тотъ однако не можетъ отвергнуть одного,—что изслѣдованіе Южно-Русскаго языка, сравнительное съ другими Славянскими, начато мною, сперва въ

¹⁾ О. М. Бодянскому, котораго отвѣтъ находится въ Москвитинѣ 1843, № 5. А. К.

упомянутомъ изданіи Малороссійскихъ пѣсень, М. 1827¹⁾; потомъ въ Изслѣдованіи о Русскомъ языкѣ, напечатанномъ 1838 (въ Жур. М. Н. Пр.) и въ Исторіи древней Русской словесности, изданной въ Кіевѣ 1839.

Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи я высказалъ мои наблюденія и понятія о Южно-Русскомъ языкѣ, представилъ полнѣйшее до сихъ поръ изложеніе отличительныхъ его свойствъ (по нарѣчію Малороссійскому). Тамъ опредѣлены разные случаи и того измѣненія *о* въ *и*, которое относится непосредственно къ предмету возникшаго спора. Жалѣю, что мое объясненіе о Шафариковой Картѣ должно быть отвѣтомъ на безымянную статью Г. Н. Впрочемъ изъ нея видно, что Г. Н. человекъ ученый, въ свѣжей памяти сохраняющій произношеніе многихъ Славянскихъ языковъ, съ прилежаніемъ изучавшій Южно-Русскій языкъ, какимъ говорятъ въ Карпатахъ²⁾. По этимъ уважительнымъ качествамъ, — кто бы ни былъ Г. Н.—я могу войти въ подробное разсмотрѣніе, какъ онъ защищаетъ того, кто присовѣтовалъ Шафаріку писать Переясливъ, Василькивъ, Пивтава, Перекипъ, и какъ онъ опровергаетъ мое утвержденіе, что имена этихъ городовъ должно писать, какъ писали доселѣ—Переясловъ, Васильковъ, Полтава, Перекопъ.

Г. Н. говоритъ, что такое произношеніе могъ я встрѣтить и подслушать только у горожанъ, а не у деревенскаго простонародья. Это несправедливо само по себѣ, а въ отношеніи ко мнѣ даже превратно; ибо случилось-же такъ, что въ простонародьи упомянутые города слышалъ я не иначе, какъ съ звукомъ *о*, а Переясливъ, Пивтаву впервые встрѣтилъ на Шафариковой Картѣ и у Г. Н., слѣдовательно у людей грамотныхъ, у горожанъ. Поводомъ къ такому преврат-

¹⁾ Первыми средствами къ тому мнѣ были: Славянская Грамматика Добровскаго, Сербскія пѣсни и словарь Караджича, также личныя бесѣды съ Каченовскимъ, Ходаковскимъ, Мицкевичемъ и Венелинымъ.

²⁾ Особенности, коими Карпаторусское и вообще Червонорусское нарѣчіе отличается отъ Малороссійскаго, подробно изложены издателемъ Запорожской старины *Срезневскимъ*, въ его донесеніяхъ Министру Народнаго Просвѣщенія (см. Ж. М. Н. Пр. 1843 N 2).

ному толку, Г. Н. послужило то, что я вторымъ 15 лѣтъ жизни моей провелъ въ Москвѣ, а потомъ около 7 лѣтъ пробылъ въ Кіевѣ. Но пребываніе въ этихъ городахъ не только не лишало меня возможности бывать на родинѣ моей, среди поселянъ; но доставило мнѣ способъ и случай посѣтить всѣ Русскія Губерніи, въ которыхъ живетъ народъ и звучитъ языкъ Южно-Русскій. Теперь я третій годъ уже почти постоянно живу среди поселянъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ устья рѣки Роси, въ 45 верстахъ отъ Переяслова. Я имѣю теперь не только досугъ и охоту, но долженъ по необходимости слушать говоръ народный. Зачѣмъ же Г. Н., недосказанными намеками о подробностяхъ моей жизни, наводитъ сомнѣніе на мое знаніе роднаго языка, если самъ же называетъ меня «пламеннымъ любителемъ роднаго; щирымъ Малороссіяниномъ». Когда зашелъ вопросъ, какъ у Малороссіянъ называются ихъ города и деревни, то я конечно имѣю здѣсь всѣ средства для вѣрнаго и точнаго рѣшенія. Правду сказать, и дѣло это не мудреное. Самъ Г. Н. говоритъ, что «для этого отнюдь не надо мудрствовать; требуется только воспріимчивость и вѣрное, музыкальное такъ сказать ухо. Не заставляйте звучать названія такъ, какъ бы вамъ хотѣлось, но такъ, какъ оно звучитъ по своей природѣ и иначе не сумѣетъ звучать». Такъ говоритъ Г. Н., и что же? Г. Н. мудрствуетъ; заставляетъ имена Южно-Русскихъ мѣстъ звучать такъ, какъ ему хочется, а потомъ доказываетъ, что они по своей природѣ не сумѣютъ звучать иначе, и составляетъ для того особенныя правила.

1. Переясловъ.

Сосредоточивъ всю силу своего возраженія на именахъ съ окончаніемъ овъ, Г. Н. такъ началъ: (стр. 251) «названія городовъ и рѣкъ на овъ суть, какъ извѣстно, по происхожденію своему прилагательныя притяжательныя. Прилагательныя притяжательныя на овъ измѣняютъ всегда въ этомъ окончаніи о въ и, что допускается подразумевательно и самымъ М. А. «(т. е. мною).—Я допускаю

всячески это второе положеніе, тѣмъ болѣе, что и окончаніе родительнаго падежа множественнаго числа овъ произносится обыкновенно и въ (въ польскомъ увъ)». Эти слова изъ моей книги ¹⁾ привожу здѣсь нарочно, какъ для показанія, что мнѣ не вновость сравнивать Южно-Русское произношеніе съ Польскимъ и другими Сѣверо-Западными относительно звука о, такъ и потому, что въ приведенномъ мною случаѣ Южно-Русское окончаніе *овъ* дѣйствительно соотвѣтствуетъ Польскому *ow*, (Чешскимъ *ow, ov*). Но у Г. Н. идетъ рѣчь объ окончаніи *овъ*—въ именахъ прилагательныхъ притяжательныхъ. Это окончаніе составляетъ у него первую и главную опору всего возраженія. Для большаго подкрѣпленія этой опоры, онъ дѣлаетъ сравненіе Южно-Русскаго произношенія съ Польскимъ и другими Славянскими, и выше замѣченное соотвѣтствіе между ними обращаетъ въ такое правило: «измѣненіе о въ и—вполнѣ, во всемъ соотвѣтствуетъ тутъ измѣненію о въ у въ нарѣчіяхъ Польскомъ, Чешскомъ и т. д.» По такому правилу соотвѣтствія, если Малороссіане, вмѣсто того, чтобы говорить: дворъ Семеновъ, Ивановъ, Гетьмановъ—говорятъ двирь Сименивъ, Иванивъ, Гетьманивъ; то и Поляки должны бы говорить: дворъ Шимонувъ, Янувъ, Гетманувъ. Но Поляки отказались отъ прилагательныхъ съ такимъ окончаніемъ, и замѣняютъ ихъ—или существительными въ родительномъ падежѣ (дворъ Шимона, Яна, Гетмана), или же прилагательными другихъ окончаній. Какое же тутъ соотвѣтствіе во всемъ и вполнѣ, если нѣтъ и того, въ чемъ бы могло быть соотвѣтствіе! Потому и приводимое Г. Н. сравненіе Южно-Русскаго произношенія съ Западно-Славянскими хотя и

¹⁾ См. Исторія Древней Руской Словес. Исключенія очень рѣдки, напр. дрова—*дровъ*; за то не рѣдко, вмѣсто *бабъ*, услышите *бабовъ*. Это уклоненіе примѣчательно тѣмъ, что во Лужицкомъ языкѣ оно существуетъ какъ правило для именъ женскаго рода—*жонковъ, думковъ*.—Какъ въ окончаніи *овъ* передъ звукомъ *е*, такъ и передъ большою частью согласныхъ въ родит. множ. о измѣняется въ и,—именно: *ногъ, бородъ, ковъ, плъ, конъ, горъ, косъ, воротъ, блдъ*. Предъ остальными согласными, кажется *вофинъ*, звукъ о удерживается безъ измѣненія, напр. *хоробъ, огорожъ, шемонъ, мовонъ, поторочъ, колошъ*.

хорошо само по себѣ, но не идетъ прямо къ дѣлу; оно показываетъ только, что Г. Н. можетъ обращать въ правило то, что не можетъ быть правиломъ. Это увидимъ еще разъ, а теперь обратимся къ Переяслову.—Г. Н. не объясняетъ, почему это имя должно произносить—Переясливъ? Отъ чего это? Не отъ того ли, что имя Переслова противорѣчитъ его опредѣленію городовыхъ названій: ибо хотя кончится на *овъ*, но по своему происхожденію не есть прилагательное притяжательное....

Такое умолчаніе привело мнѣ на память, какъ нѣкогда Профессоръ Черепановъ, толкуя намъ Несторову Лѣтопись и не могли изъяснить, что за народъ такой Корлязи, всегда, какъ будто невзначай, пропускалъ это имя ¹⁾.—

Происхожденіе имени Переяслова объяснено еще у Нестора: «Переяславу», потому правильнѣе было бы Переяславъ, какъ писали не рѣдко и Рускіе и Поляки. Но въ Малороссіи и грамотные и безграмотные говорятъ Переясловъ. На сихъ дняхъ, еще бывши въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ, я повѣрялъ это нарочно, и по прежнему—не встрѣтилъ ни поселанина, ни поселанки, которые произносили бы Переясливъ. Такое произношеніе здѣсь относятъ къ Литвинамъ ²⁾, которые, стараясь выражаться какъ можно чище по Украински, «не скажутъ попросту, да все навыворотъ». Поставляю на видъ Г. Н. это выраженіе и понятіе здѣшняго простонародія, по которому произношеніе городовыхъ именъ на *о* называется попросту; а выговоръ на *и* относится къ Литвинамъ и не считается здѣшнимъ кореннымъ ³⁾. Хотя по Украинскому и осо-

¹⁾ Это было въ 1820 году. Издатель Москвитянина вѣрно припомнитъ комическую сцену, какъ одинъ нашъ товарищъ (Можневскій), подмѣтивъ такой пропускъ, спросилъ велегласно: а Корлязи?... «Ну, Корлязи такъ и будутъ Корлязи»,—проговорилъ торопливо Профессоръ, какъ будто бы *въ скобкахъ*, и прежнимъ тономъ продолжалъ свое чтеніе.

²⁾ Литвинами называются здѣсь не только Бѣлоруссы, но и Сѣверяне.

³⁾ Я привожу здѣсь «говоръ народный—единственный источникъ, изъ котораго слѣдуетъ черпать свѣдѣнія свои для этой цѣли». Удовлетворяя сему требованію Г. Н., я заимствую свѣдѣнія изъ того простонародья, въ которомъ Заднѣпровье и теперь зовется еще *Польшою*, въ которомъ встрѣтите старика, рассказывающаго, какъ онъ бывалъ *всюды*—и въ *Камѣвиннѣ* и въ *Смѣлянницнѣ* и на *Хмѣлянской границѣ*.

бенно женскому произношенію говорится сливце, сливъ в. словце, словъ; однако странно было бы слышать Богосливъ, Часливецъ: точно также и Переясливъ, Переясливецъ.

2. О названіи Василькова.

Вслѣдъ за вышеприведенными словами, Г. Н. продолжаетъ: «можетъ ли же слово одного и того же разряда въ смыслѣ прилагательнаго притяжательнаго, не городского и не рѣчнаго измѣнять *о* въ *и* всегда; а въ смыслѣ прилагательнаго притяжательнаго городского и рѣчнаго не измѣнять? По своему происхожденію и значенію—не можетъ». По умозрѣнію Г. Н. конечно не можетъ; тѣмъ болѣе, что онъ намѣренъ заставить городовыя имена звучать такъ, какъ ему хочется. Онъ продолжаетъ: «производныя отъ этихъ прилагательныхъ притяжательныхъ, для означенія какого-либо мѣста и т. п. всегда измѣняютъ *о* въ *и*».

Для оправданія такого правила, онъ приводитъ: 1) имена мѣсть (женскаго рода) съ окончаніемъ овѣа, 2) имена отечественныя (женскаго же рода) съ окончаніемъ овна, какъ въ прилагательномъ значеніи, напр. Ганна Семѣнивна, Ивѣнивна, такъ и въ значеніи существительнаго имени, напр. Семенѣвна, Иванѣвна. Такимъ образомъ Г. Н. къ разряду производныхъ причисляетъ не одни имена мѣстныя, но и тому подобныя, разумѣя личныя имена, коими подкрѣпляетъ онъ произношеніе городовыхъ. Однако приведенные имъ примѣры не даютъ еще права сказать: «всегда измѣняютъ *о* въ *и*; не можетъ не измѣнять *о* въ *и*!» Если принимать въ соображеніе имена прилагательныя притяжательныя въ разныхъ родахъ и производныя отъ нихъ личныя имена, въ прилагательномъ и существительномъ значеніи и съ разными окончаніями, тогда открывается, что производныя не всегда измѣняютъ *о* въ *и*, что прилагательное съ перемѣною значенія можетъ не измѣнять *о* въ *и*.

Справедливо замѣчаетъ Г. Н., что вмѣсто Анна Ивановна, говорятъ Ганна Ивѣнивна, и просто Иванѣвна:

здѣсь и Польскій языкъ вполне соотвѣтствуетъ своимъ окончаніемъ уна. Но тѣже отечественныя имена въ мужскомъ родѣ уклоняются отъ сего правила: Иванъ Ив́ановичъ, а не Иванивичъ. Точно такъ дочь Попа называется По́пивною, но сынъ Попа всегда По́повичъ, а не Попивичъ. Прилагательныя притяжательныя на овъ принимаютъ это наоборотъ: сынъ Поповъ, Ивановъ, произносится Попивъ, Иванивъ; но въ женскомъ родѣ—Попова, Иванова, а не Попива, Иванива: также и въ среднемъ—Попове, Иванове.

По примѣру отечественныхъ именъ на овичъ, и фамильныя имена сего окончанія произносятся съ звукомъ о, въ мужскомъ и въ женскомъ родѣ.—Тоже и съ окончаніемъ овецъ: въ сосѣдствѣ моемъ живетъ козакъ Хведоръ Московецъ; его никто не называетъ Москвцемъ.

Прилагательная съ окончаніемъ овскій произносятся на ивскій во всѣхъ трехъ родахъ, напр. Попивскій хрестъ, Глухивскій судья, Василькивскій жидъ; но тѣ же имена въ смыслѣ личныхъ фамильныхъ именъ—употребляются съ звукомъ о; Поповскій, Голуховскій, Васильковскій, этимъ какъ будто нарочно полагается отличіе именъ фамильныхъ отъ однозвучныхъ съ ними прилагательныхъ. Въ нѣкоторыхъ однако фамиліяхъ сего окончанія допускается звукъ и вм. о: такъ сосѣдъ мой Алексѣй Максимовичъ Красовскій, со всѣмъ родомъ своихъ, у здѣшнихъ поселенъ называется Красивскимъ; но однофамилецъ его Евдокимъ Михайловичъ Красовскій со всѣмъ своимъ родомъ у тѣхъ же поселенъ зовется Красовскимъ, и по такому произношенію никто не смѣшаетъ его съ первымъ. Впрочемъ есть и прилагательныя имена сего окончанія, произносимыя только съ звукомъ о, напр. Московскій, Литовскій.

Изъ приведенныхъ примѣровъ уже видно, какъ непостоянно, какъ не по правиламъ Г. Н. Южно-Русскій языкъ измѣняетъ о въ и. Что бы согласить удержаніе и измѣненіе того же кореннаго звука въ разныхъ видахъ того же слова, и различное произношеніе онаго въ разныхъ областныхъ видоизмѣненіяхъ того же Южно-Русскаго языка, я предло-

жилъ еще въ 1827 году, удерживать на письмѣ коренные звуки и только означать паеркомъ ихъ измѣняемость въ произношеніи,—подобно тому, какъ звукъ *o* обращаемый въ *у* Поляки пишутъ *ó*, а Чехи *u*. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы писать просто по украинскому выговору—*мій, кинь, нисъ, крій, мижъ, за-мижъ, я пишу—мѣй, кѣнь, нѣсъ, край, мѣжъ, за-мужъ*. Объ этомъ, кромѣ предисловія къ двумъ изданіямъ моихъ Малороссійскихъ пѣсень (1827, 1834), я обстоятельно объяснилъ въ письмѣ къ Основьяненку о Малороссійскомъ правописаніи, напечатанномъ въ 1-й книгѣ моего Кіевлянина, 1841. Но Г. Н. не нравится правописаніе мое, особенно этотъ паерокъ. Возвратимся однако къ названіямъ мѣсть и т. п.—Справедливо сказала Г. Н., что имена мѣсть съ окончаніемъ овка произносятся на ивка; нельзя однако сказать, чтобы всегда. Здѣсь не можетъ уже служить мѣрою Польское произношеніе на увка.—Имена Турановка, Носовка, Богдановка (въ Черниговской Губерніи), я не иначе слышалъ, какъ Турановка, Носовка, Богдановка. Такимъ же образомъ и слова, означающія время: говорятъ здѣсь Петровка, и тѣже самые говорятъ Спасовка, Пилиновка. Тоже и въ личныхъ названіяхъ по городамъ и націямъ: Переясливка, Жидивка—и Литовка, Московка. Очевидно, что Южно-Русскій языкъ допускаетъ оба окончанія: въ нѣкоторыхъ словахъ они употребляются безъ разбора—«якъ хто скаже», но въ нѣкоторыхъ словахъ ни какъ нельзя кореннаго окончанія овка измѣнить въ ивка. Если бы кто нибудь вмѣсто голѣвка, засовка, кѣновка, салотѣвка, сказалъ—голивка, засивка, конивка, салотивка, тому и въ простонародьи сказали бы, что онъ пересолилъ.... А по правилу Г. Н. касательно соответствія—должно бы говорить—голивка, засивка—потому, что по Польски говорится—глувка, засувка!—

Имена прилагательныя притяжательныя на *овъ* всего постоянно произносятся на *ивъ*: Иванивъ сынъ, Петривъ, городъ, Глухивъ полкъ (въ 17 в. былъ Полковникъ Іосифъ Глухъ). Но возьмите эти прилагательныя въ значеніи суще-

ствительныхъ личныхъ именъ, какъ фамилин, и вы уже не скажете: Генералъ Глухивъ, Ивановъ, Петривъ, а просто: Глуховъ, Ивановъ, Петровъ. Я никакъ не утверждаю, что бы въ разныхъ мѣстахъ Южной Руси не было поселянъ, которые (подобно Шафарикову совѣтнику и его защитнику) говорятъ: Василькивъ, Хоркивъ, даже Переясливъ, Глухивъ, Чернигивъ. Дѣло въ томъ, что такой выговоръ нельзя считать всегдашнимъ и повсюднымъ, нельзя обращать его въ неприменное, общее правило. Малороссійское произношеніе такъ какъ часто уклоняется отъ правила, предположеннаго Г. Н., что оно по множеству исключеній—само должно обратиться въ исключеніе.—Здѣсь (въ окрестности бывшаго Переясловскаго полка) мнѣ удавалось слышать Домантивъ, Драбивъ, Rogozивъ; но гораздо чаще говорятъ просто—Домантовъ, Дрaбовъ, Rogozовъ; но тѣ же поселяне, отъ которыхъ слышалъ я Rogozивъ, произносили явственно: Переясловъ, Трехтемировъ и Трахтемировъ, Війтовци и проч. Сто разъ слышалъ я отъ поселянъ Бубновъ, Пироговъ, Глемязовъ (пишется изстари Гелмязовъ), и ни разу еще не встрѣтилъ говорящихъ Бубнивъ, Пирогивъ, Глемязивъ.—Подъ Кіевымъ Бариснульци говорятъ: Воронькіувъ, Иванькіувъ! Это отголосокъ сѣверскаго произношенія, слышнй и по сую сторону Десны на нѣкоторомъ пространствѣ Переясловскаго уѣзда. Но отъ Сѣверянъ (въ Черниговской Губерніи) имена Чернигова Глухова, Махова я не иначе слышалъ какъ Черниговъ (и Чернѣговъ), Глуховъ, Маковъ, хотя Сѣверяне обращаютъ *o* въ *y*, *yo* *yu*. Подобное произношеніе звука *o* принадлежитъ и Карпатскимъ Русинамъ; въ Сѣверо-Западной Волыни также обращаютъ *o* въ *y*. Зачѣмъ же звукъ *и* распространять на всѣ Южно-Русскія области, если хотите нарочно показать произношеніе туземцевъ! Настоящій Сѣверянинъ не принимаетъ этого звука; онъ скорѣе будетъ говорить просто конь, и на Украинское произношеніе сего слова кинь скажетъ насмѣшливо: на счо кидать! Зачѣмъ же это окончаніе *ивъ*, не вездѣ и не всегда употребляемое въ

именахъ городовъ и другихъ мѣстъ, обращать въ правило, когда въ томъ же народномъ говорѣ господствуетъ окончаніе *овъ*! Если уже непременно надо составить правило для произношенія, то согласнѣе съ дѣломъ было бы опредѣлить такъ: имена прилагательныя притяжательныя, въ окончаніи коихъ *о* измѣняется въ *и*, получая значеніе существительныхъ именъ личныхъ, мѣстныхъ и т. п., должны быть произносимы безъ измѣненія *о* въ *и*, хотя въ произношеніи простонародномъ и встрѣчаются не рѣдкія отъ сего отступленія. Впрочемъ не выдавая этого за непреложное правило, я прибавлю слѣдующее замѣчаніе. Имена на *овъ*, въ городскомъ и не городскомъ значеніи, допускаютъ обращеніе *о* въ *и* только въ именительномъ и сходныхъ съ нимъ падежахъ; а въ измѣненіяхъ по другимъ падежахъ сохраняютъ коренное *о* (подобно тому какъ въ Велико-Русскомъ языкѣ имя Пётръ не произносится съ звукомъ *ѣ* въ падежахъ косвенныхъ). Писавши мое письмо къ Цюгодину не Малороссійскимъ, а Русскимъ языкомъ, я съ намѣреніемъ и по необходимости написалъ: «не слыхалъ Переяслива, называютъ Перекипомъ». Г. Н. тотчасъ это вмѣнилъ мнѣ въ незнаніе языка. Но для соплеменниковъ нашихъ въ самомъ дѣлѣ можетъ быть неизвѣстно такое правило¹⁾ и они, полагаясь на Шафарикову Карту, имена Южно-Русскихъ мѣстъ будутъ произносить и писать съ звукомъ *и* во всѣхъ падежахъ. Каково будетъ тогда музыкальному, такъ сказать, уху Г. Н.

¹⁾ Г. Н. остановивсь надъ *Перекипомъ*, возглашаетъ мнѣ: «хорошо же вы вдушивались въ произношеніе вашихъ земляковъ! При такой строгости съ его стороны, можно бы требовать и отъ него совершенной точности, покрайней мѣрѣ въ томъ правилѣ, которымъ онъ поражаетъ меня за *Перекипъ*. Но Г. Н. только *именительному* падежу предоставляетъ измѣненіе *о* въ *и*! *Вхавъ на Василькивъ, заплелъ у Иванивъ двирь*: развѣ это именительный падежъ? А въ звательномъ развѣ не говорится *бисивъ сынѣ*? И неужели за это можно сказать Г-ну Н: хорошо же вы умѣете различать падежи! Въ Разсужденіи Бодянскаго о Руси сказано, что р. Рось впадаетъ въ Днѣпръ на *супротивѣ* Канева, между тѣмъ, какъ она впадаетъ въ 7 верстахъ ниже Канева, съ той же правой стороны. Неужели за это Г. Н. скажетъ переводчику Шафарика: хорошо же вы знаете Географію Южной Руси! А между тѣмъ эта обмолвка о Роси повторена была и другими, при томъ въ критикѣ на Русскую Исторію.

3. О названіи Полтавы.

Не видно, на какомъ основаніи у Г. Н. къ именамъ производнымъ отъ прилагательныхъ притяжательныхъ на *овъ*, пристроена Пивтава. Такое произношеніе Полтавы можетъ быть примѣнительно къ свойству Южно-Русскаго языка, обращать *о* въ *и*, а *л* въ *в*, на примѣръ въ частицѣ *пол*, вмѣсто полтара, полтрета, полконы, говорится—пивтора, пивтрета, пивкопы, нельзя однако обратить этого въ непремѣнное правило: въ словѣ *пѣлка* допускается измѣненіе только звука *о*—*пѣлка*. Сообразно сему *вм.* Полтавы можно сказать Пилтава, что будетъ соотвѣтственно съ Польскимъ *Pułtawa*. Но Южно-Русскій языкъ въ подобныхъ случаяхъ всегда чаще измѣняетъ только *л* въ *в*, удерживая *о*. Вмѣсто *полсть*, *полный*, *полкъ*, *волкъ*; не говорится *пивсть*, *пивный*, *пивкъ*, *вивкъ*, но *повсть*, *повный*, *повкъ* (и просто *полкъ*), *вовкъ*. Сообразно сему всего скорѣе вмѣсто Полтава можно бы принять Повтава, какъ и слышалъ я въ Екатеринославской Губерніи.

Не смотря на эти три формы произношенія, нѣкоторыя слова Южно-Русскій языкъ оставляетъ безъ всякаго измѣненія, напр. слова *полтина* (вмѣсто *копа*) не произносится ни *пивтина*, ни *пилтина*, ни *повтина*, а просто *полтина*. Точно такъ и Полтава у настоящихъ туземцевъ своихъ произносится безъ всякаго измѣненія; здѣсь и въ простонародьи говорятъ просто: Полтава, Полтавскій, Полтавци. Потому то Кн. Цертелевъ и Срезневскій, издавая пѣсни, собранныя ими изъ устъ народа, писали Полтава, а не Пивтава; потому и Котляревскій свою Наталку Полтавку не назвалъ Пивтавкою.

Забавно видѣть, когда странствующіе актеры, разыгрывая эту Полтавку и другія Малороссійскія пьесы, все гнутъ и ломаютъ на *и*, по незнанію языка (въ этомъ не безгрѣшенъ и Кн. Шаховскій). Но совсѣмъ не забавно видѣть такую ломку языка на Картѣ Шафариковой, когда совѣтуютъ ее нарочно, въ слѣдствіе какогонибудь односторонняго систематизма; когда защищаютъ ее во имя языкоизслѣдованія

и С л а в я н о - в ѣ д ѣ н і я . Какъ же не назвать этого излишнимъ, искусственнымъ Малороссіянизмомъ!—Не рѣдко здѣсь можно услышать, какъ Русскіе богомольцы и плотники, вмѣсто Кіевъ, Богодуховка, Полтава—говорятъ Ке е ф ъ , Б л а г о д у х о в к а , П л а т а в а ; но ужели такія имена назовете настоящими Велико-русскими? Говорятъ и здѣсь иногда П и в т а в а , П и в т а в ц ы , но въ смыслѣ насмѣшливомъ надъ тѣми, кои до крайности доводятъ свой народный выговоръ, кои нарочно говорятъ не по-Малороссійски, а по-м у г и р с к и .

4. О названіи Перекопа.

Г. Н. не позволилъ мнѣ назвать Перекопа—Перикипомъ; однако согласился со мною, что на Славянской Картѣ напрасно поставлено Перекипъ. Этого и довольно бы; но Г. Н. предпринялъ оправдать Шафарикова совѣтника вполнѣ и во всемъ, и увѣряетъ, что Перекипъ ошибка самаго Шафарика, а не его совѣтника. Отъ чегожь знаетъ онъ это, если ни лично, ни по наслышкѣ не знаетъ Шафарикова совѣтника? Г. Н. такъ утвердительно объ этомъ говорить потому, что Конотопъ и другія имена на о п ѣ оставлены на Картѣ безъ измѣненія въ и п ѣ . И такъ опять новое правило! Но за что же только одному окончанію о п ѣ даетъ Г. Н. такую привилегію на измѣняемость? Ужь не потому ли, что въ Польскомъ языкѣ это окончаніе не обращается во у п ѣ ? Но Южно-Русское произношеніе съ Польскимъ и т у ѣ т ѣ во всемъ соотвѣтствуетъ столько же, какъ и въ притяжательныхъ именахъ на о в ѣ и въ словахъ на о в к а . Слова ц о п ѣ , с н о п ѣ , о к о п ѣ , п о д к о п ѣ , П е р е к о п ѣ и въ Польскомъ языкѣ употребляются съ звукомъ о . Не смотря на то Малороссійское произношеніе въ этихъ словахъ измѣняетъ о в ѣ и : п и п ѣ , с н и п ѣ , о к и п ѣ , п и д к и п ѣ , п е р е к и п ѣ .

Послѣднее слово, по извѣстной мѣстной причинѣ, обратилось въ имя городовое. Если же это слово въ негородовомъ значеніи измѣняетъ о в ѣ и , то и въ значеніи городовомъ можетъ, а по правиламъ Г. Н.—должно измѣ-

нить *о* въ *и*, и если Шафарикъ допустилъ ставить на свою Карту Переясливъ и Пивтаву, то онъ долженъ былъ поставить не Перекопъ, а Перекипъ. Иное дѣло Конопоть: сказать Конопоть такъ же не ловко, какъ и потипъ вм. потопъ. Имя корона не измѣняется въ корипъ, такъ же какъ и рыба коропъ (карпъ) не называется корипомъ. Г. Н. говоритъ, что Шафарикъ, зная правило (какое?), по которому *о* измѣняется въ *и*, могъ однажды ошибиться, и прощаетъ этотъ разъ «первѣму славяновѣдцу нашего времени», ободряя при томъ пословицею: «живетъ и на всѣхъ проговоръ»!—Я думаю иначе: если Шафарикъ эту перемѣну въ имени Перекопа сдѣлалъ самъ собою, оставивъ Конопоть и пр. безъ измѣненія; то это обличаетъ въ немъ не случайную ошибку, а напротивъ—весьма тонкую чуткость и воспримчивость къ звукамъ Славянскихъ языковъ. Этого именно и недостаетъ музыкальному уху Г-на N!—Впрочемъ Малороссійскій выговоръ, и въ окончаніи онъ также своеволенъ, какъ и въ окончаніи *овъ*, и опредѣляется не какимъ-либо соотвѣтствіемъ или другими правилами, а силою употребленія. Имя Проконъ произносится Прокипъ; вм. попъ говорятъ пипъ; но вмѣсто Протопопъ нельзя уже сказать Протопипъ. Слово бобъ, хотя по Пополски и не обращается въ бубъ, по Малороссійски можетъ быть произнесено бибъ; но если бы кто вмѣсто лобъ, хлопъ, сказалъ либъ, хлипъ, тому и въ простонародьи сказали бы, что онъ пересолилъ.

Остроумно замѣтилъ Г. Н., что звукъ *о* Южно-Русскимъ языкомъ измѣняется въ *и*, а въ Польскомъ въ *у*; и казалось бы, что слово яблоко по Южно-Русски должно произноситься яблоко; однако Малороссіяне говорятъ яблуко, и если бы Карпатскій Русинъ сталъ имъ говорить посвоему яблико; имъ могло бы показаться, что онъ передразниваетъ ихъ. Подобный смыслъ могутъ имѣть Пивтава, Переясливъ и вся эта поголовная перемѣна *о* въ *и*.

Вотъ подробный отчетъ о четырехъ городскихъ именахъ, упомянутыхъ въ краткомъ замѣчаніи моемъ о Шафариковой Kartѣ. Изъ сего отчета кажется можно усмотрѣть: 1) что

въ Южно-Русскомъ языкѣ, согласно съ его духомъ, весьма многія слова, произносимыя обыкновенно съ обращеніемъ звука *о* въ *и*, могутъ быть произносимы, и въ самомъ народѣ произносятся иногда съ звукомъ *о*; между тѣмъ никакъ нельзя придавать звукъ *и* такимъ словамъ, которыя съ этимъ звукомъ или совсѣмъ неупотребительны, или же употребляются только кое-гдѣ и не постоянно; 2) что названіе городовъ и другихъ мѣстъ съ звукомъ *о* должны быть предпочитаемы даже тѣми, кои желая нарочно показать, какъ называются Южно-Русскія мѣстности у туземцевъ, хотятъ въ томъ слѣдовать большинству употребленія. Эти названія должны быть предпочтены и потому, что господствуютъ въ самомъ простонародьи, и потому, что они согласны съ свойствами языка Южно-Русскаго.—Отсюда само собою слѣдуетъ, какъ несправедливо Г. Н. такое произношеніе приписываетъ однимъ грамотнымъ Малороссіянамъ,—какъ напрасно онъ всю мнимую вину такого произношенія обращаетъ на Малороссіянь-горожанъ, Впрочемъ Г. Н., говоря объ нихъ съ такимъ шумомъ, имѣетъ въ виду кажется только современниковъ своихъ,—мѣтитъ особенно только на правописаніе наше. Потому вся его выходка противъ писменниковъ столько же относится къ дѣлу, какъ и вышесказанное соотвѣтствіе. Что же касается до Южно-Русской письменности вообще, то она своими памятниками всѣхъ вѣковъ свидѣтельствуетъ, что названія городовъ и другихъ мѣстъ съ звукомъ *о* было господствующимъ всегда и во всей Южной Руси. Въ самыхъ близкихъ къ простонародью бумагахъ, каковы напримѣръ духовныя и купчія записи, никогда почти не имѣютъ мѣста имена—не только городовъ и сель, но хуторовъ и урочищъ—съ окончаніемъ *ивъ* вм. *овъ*. По моему, это составляетъ другое важное основаніе для того, что бы имена съ звукомъ *о* считать настоящими коренными Южно-Русскими, и думать, что ихъ вѣковое употребленіе на письмѣ должно навсегда оставаться неизмѣннымъ и единственнымъ для письменныхъ памятниковъ всякаго рода, тѣмъ болѣе для этнографической Карты Славянской. За что на ней Южная Русъ является въ первый разъ съ

такимъ черезъ-чуръ простонароднымъ голосомъ, въ такомъ до крайности провинціальномъ видѣ? Хорошъ Запорожець, въ дорогихъ кармазинныхъ шараварахъ, окунувшійся въ дерготь; но только на ярмаркѣ, только въ повѣсти. Такъ и Пивтава Переясливъ, Перикипъ—эти названія пригодны для театральной сцены, для народной оперы или повѣсти, но не для Славянской Карты, составленной Шафарикомъ. Я съ полнымъ убѣжденіемъ готовъ—еще просить его, чтобы онъ отмѣнилъ это нововведеніе въ названіяхъ Южно-Русскихъ мѣстностей, чтобы онъ писалъ ихъ со звукомъ *o*, какъ всегда писали и пишутъ во всей Южной-Руси.

Хорошо бы сдѣлалъ и Г. Н., если бы отказался навсегда—отъ предложенныхъ имъ правилъ, составленныхъ наскоро и къ случаю. Они могли быть пригодны для защиты Шафарикова совѣтника; но совсѣмъ не годятся для грамматики Южно-Русскаго языка, хотя бы она была и Сравнительная со всѣми языками Славянскими.

1843 года 10-го Юля.

М. Г.

ОТДѢЛЪ VI.

ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ¹⁾.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляю вниманію и суду благомыслящихъ Читателей Исторію Древней Русской Словесности, изложенную нѣсколько полнѣе и подробнѣе, чѣмъ въ прежнихъ Руководствахъ. Она раздѣлена на 2 книги: первая состоитъ изъ предварительныхъ замѣчаній и общихъ изслѣдованій, относящихся къ Древнему періоду нашей Словесности, особенно къ языку Русскому; вторая содержитъ въ себѣ частныя изслѣдованія о нашей Древней Словесности, по разнымъ ея родамъ.

Сіе сочиненіе составляетъ первую часть приготовляемой мною къ изданію всей Исторіи Русской Словесности. Въ непродолжительномъ времени я предполагаю окончить вторую часть, въ которой будетъ изложена — въ такомъ же видѣ — наша Словесность Средняго періода т. е. отъ возрожденія Руси изъ-подъ ига Татарскаго до ея преобразованія Петромъ Великимъ. Исторія Русской Словесности отъ начала восемнадцатаго вѣка до нынѣшняго времени составитъ третью и послѣднюю часть всего сочиненія.

Предпринимая сей трудъ, я желалъ принести пользу изучающимъ Русскую Словесность, особенно въ здѣшнемъ краѣ; сверхъ того я надѣюсь, что и для самой Исторіи

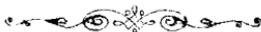
¹⁾ Киевъ въ 1839, 8-о, 226 с.

Отечественной Словесности не будет бесполезнымъ мое сочиненіе, при всѣхъ своихъ недостаткахъ,—частію произшедшихъ отъ меня самага, частію зависящихъ отъ общаго у насъ недостатка въ ученой разработкѣ и даже въ обнародованіи матеріаловъ, необходимыхъ для полной Исторіи нашей Словесности, особливо Древней и Средневѣковой.

Для достиженія предположенной цѣли, я не оставляю безъ вниманія ничего, что только можетъ послужить къ усовершенію моего труда. Возможность и средства къ тому представляютъ умножающіяся нынѣ изслѣдованія неисчерпаемо-богатой Русской старины, и приведеніе въ общую извѣстность многочисленныхъ памятниковъ старинной Русской Словесности, къ изученію коей возбудилось въ наше время особенное и справедливое стремленіе.

Кіевъ.

1839 г., 1 Мая.

ВВЕДЕНІЕ.

I. О СЛОВЕСНОСТИ И ЕЯ ИСТОРИИ ВООБЩЕ.

Именемъ Словесности означается совокупность памятниковъ, въ которыхъ выразилась душа и жизнь народа¹⁾ посредствомъ языка, изустно либо письменно; подъ именемъ же языка разумѣется живая, органическая совокупность словъ, коими выражаетъ себя народъ.

Безсмертная и разумная душа вмѣстѣ съ божественнымъ даромъ слова составляетъ высокое отличіе чловѣка отъ всѣхъ земнородныхъ существъ и принадлежитъ всѣмъ людямъ: потому каждый народъ говоритъ извѣстнымъ языкомъ, своимъ собственнымъ, либо перенятымъ отъ другихъ народовъ²⁾, и каждому народу врождено имѣть свою Словесность. Но какъ раскрытіе души и жизни у разныхъ народовъ бываетъ неодинаковое и неравное, то и Словесность бываетъ съ разными особенностями и на разныхъ степеняхъ развитія: у однихъ она представляетъ только зачатки, только первоначальные изустные памятники, напримѣръ пословицы, пѣсни; у другихъ она достигаетъ богатой полноты развитія въ разные роды Краснорѣчія и Поэзіи,

¹⁾ Произведенія одного лица, называемыя обыкновенно *сочиненіями* какъ-бы значительны ни были, не составляютъ еще Словесности. Словесность принадлежитъ цѣлому народу; она образуется изъ совокупныхъ трудовъ многихъ лицъ, какъ цѣлое тѣло изъ своихъ членовъ, и на извѣстной степени народной жизни бываетъ можно сказать *безличная*: кто, напримѣръ, сложилъ то богатство нашихъ народныхъ пѣснопѣній?

²⁾ Такъ Евреи, въ разговорѣ употребляютъ языкъ перенятый у Нѣмцевъ и другихъ; собственный же свой языкъ *Еврейскій* употребляютъ въ Божо служеніи.

напримѣръ у древнихъ Индійцевъ и Грековъ,—или же являетъ особенную степень высоты, напримѣръ у древнихъ Евреевъ.

По степени высоты и полнотѣ развитія Словесности, можно судить и вообще о степени просвѣщенія и развитіи внутренней жизни народа и о значительности его въ Исторіи человѣчества. Отсюда открывається важность изученія Словесности и необходимость изслѣдованія оной въ связи со всей Исторіей народа, тѣмъ болѣе, что и вся Исторія сохраняется преимущественно въ памятникахъ словесныхъ.—

Исторіею Словесности называется наука, имѣющая предметомъ своимъ изустныя и письменныя памятники Словесности какого-либо народа, языкъ его и письмена—въ ихъ постепенномъ развитіи и взаимной связи, и въ связи со всею жизнью того народа, особенно съ его просвѣщеніемъ.

Каждый народъ живетъ по-своему; потому и Словесность у каждаго замѣчательнаго народа болѣе или менѣе особенная, и можетъ быть предметомъ особаго изученія и изслѣдованія.—

Какъ жизнь каждаго человѣка измѣняется по возрастамъ, такъ и жизнь цѣлаго народа, хотя представляетъ непрерывный рядъ событій, но имѣетъ свои эпохи, по коимъ Исторія опредѣляетъ періоды народной жизни. Такимъ же образомъ и въ развитіи Словесности есть свои періоды; наступающіе съ появленіемъ новыхъ животворныхъ началъ и стремленій въ умственной жизни народа. Но какъ новое начало жизни раскрывается въ особенныхъ выраженіяхъ не вдругъ, а постепенно; потому 1) и самые періоды имѣютъ еще свои частныя ступени развитія или отдѣлы; 2) въ началѣ каждаго новаго періода продолжается, и даже иногда господствуетъ, направленіе предъидущаго, кончающагося періода, и такимъ образомъ первый отдѣлъ каждаго періода бываетъ обыкновенно только преобразовательный, представляя въ себѣ начатки своего и довершеніе прежняго періода.

Исторія Словесности, рассматривая памятники ея въ ихъ взаимной связи и въ связи со всею жизнью народа, по возможности отличаетъ и опредѣляетъ не только періоды Сло-

весности; но и частныя ихъ отдѣлы, стараясь притомъ отличить разныя направленія, сходящіяся нерѣдко въ одномъ и томъ же періодѣ или отдѣлѣ. Такимъ образомъ она не только опредѣляетъ памятники Словесности порознь и отличаетъ между ними важнѣйшіе; но разнообразіе ихъ приводитъ къ единству, а свои частныя изслѣдованія къ общимъ выводамъ, и представляя ихъ въ стройной цѣлости или системѣ. Изслѣдуя памятники Словесности, она обращаетъ вниманіе и на писателей, какъ потому, что сочиненія ихъ много поясняются изъ ихъ жизни, такъ и потому, что они своими сочиненіями и жизнью принимаютъ обыкновенно извѣстное участіе въ просвѣщеніи своего народа.

I. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ И ЕЯ ПЕРІОДЫ.

Русская Словесность можетъ быть предметомъ особой Исторіи и заслуживаетъ внимательнаго изученія, особенно для насъ: какъ потому, что она наша отечественная и столь богатая памятниками, къ поясненію нашей Исторіи служащими, такъ и потому, что между памятниками ея столь много замѣчательныхъ своимъ внутреннимъ достоинствомъ и даже временемъ появленія, ибо нѣкоторыми явленіями своими она опередила развитіе Словесности у другихъ народовъ новаго міра. Изслѣдованіе памятниковъ ея весьма важно и для другихъ Словенскихъ народовъ, какъ по ея ближайшему отношенію къ ихъ Исторіи и Словесности; такъ и потому, что ни одинъ Западно-Словенскій народъ не обладаетъ такимъ богатствомъ памятниковъ своенароднаго и книжнаго Словенскаго языка, какъ народъ Русскій.—

Слѣдя постепенное развитіе Русской Словесности, мы различаемъ въ ея Исторіи четыре періода, изъ коихъ три уже совершились, а четвертый только начался.

Періодъ первый или древній, продолжавшійся четыре вѣка, отъ шестидесятихъ годовъ IX до послѣдней четверти XIII.

Періодъ второй или средній, продолжавшійся четыре вѣка съ четвертью, отъ послѣдней четверти XIII по XVIII вѣкъ.

Періодъ третій или новый, продолжавшійся оди́нь съ четвертью вѣкъ, а именно XVIII вѣкъ и первую четверть XIX.

Періодъ четвертый—новѣйшій или современнѣйшій, наставшій съ царствованія Николая Перваго.—

Началами сихъ періодовъ приняты слѣдующія явленія Русской жизни.

Древній періодъ начинается съ шестидесятихъ годовъ IX вѣка потому, что въ эти достопамятные годы началась новая, Русская жизнь нашего Отечества, съ пришествіемъ Руссовъ въ Новгородъ (862) и водвореніемъ ихъ въ Кіевъ (864),—началось Русское Христіанство, крещеніемъ Кіевскихъ Руссовъ въ Царьгородъ (866),—образовался книжный или церковный Словенскій языкъ и переведены на него главнѣйшія Богослужебныя Книги, послужившія первымъ и главнымъ основаніемъ всего Русскаго просвѣщенія, коего средоточіемъ и первымъ разсадникомъ былъ Кіевъ. Съ окончательнымъ паденіемъ древняго, Стольнаго Кіева (разрушеннаго Татарами 1240 г. и оставленнаго Митрополитомъ всея Руси Кирилломъ, переселившимся въ Сѣверо-восточную Русь) кончился и древній періодъ Русской жизни. Нашествіе Татарское, которымъ потрясено и омрачено было наше Отечество, было явленіемъ только отрицательнымъ или разрушительнымъ для древняго періода: остановивъ прежнее развитіе Русской жизни, оно не дало ей собою ничего животворнаго для новаго развитія; потому оно и не составляетъ собою эпохи для начатія другаго періода.

Животворнымъ началомъ втораго, средняго періода были: Соборъ во Владимірѣ Залѣскомъ 1274 г. и другія дѣянія великаго Митрополита Кирилла II, послужившія къ утвержденію и распространенію Православной Вѣры въ народной жизни, чѣмъ положено вѣрное начало обновленія умственной и общественной жизни нашего Отечества, возстановленія и утвержденія его самобытности, и новаго, полнѣйшаго раскрытія народности Русской.

Новый, третій періодъ полагается съ начатіемъ XVIII вѣка потому, что по утвержденіи Единодержавія Петра Великаго, особенно въ 1700-го года начались его нововведенія въ

Россіи и преобразованіе оной по образцу Ново-Европейскому.

Но съ начатіемъ царствованія Николая Перваго возродилось и возрастаетъ общее стремленіе къ самобытному и своеобразному раскрытію Русскаго духа во всѣхъ отрасляхъ жизни, по собственной мысли и въ своемъ видѣ; потому нынѣшнее царствованіе составляетъ собою начало особаго, четвертаго періода.

Означивъ такимъ образомъ предѣлы періодовъ, укажемъ на главныя событія въ продолженіе каждаго.

Въ древнемъ періодѣ произошло соединеніе нашихъ Восточныхъ Словенъ въ одно сильное Русское Государство и чрезъ принятіе Христіанства совершилось внутреннее преобразование Русскаго духа; съ распространеніемъ коего изъ Кіева по всей Руси положено начало ея внутренняго единства. При быстромъ развитіи и расширеніи новой жизни въ нашемъ Отецествѣ, древній ознаменованъ счастливыми начатками въ Россіи и Словесности и умственной дѣятельности вообще. Какъ Словесность, такъ и просвѣщеніе въ семь періодѣ у насъ являлись подѣ господствомъ церковно-Словенскихъ книгъ, церковно-Словенскаго языка и просвѣщенія Греко-восточнаго.

Въ среднемъ періодѣ Русь раздробленная на мелкіе, удѣльные участки, постепенно возстановляла свою самобытность и цѣлость: образовавшись сначала въ двѣ отдѣльныя, различно жившія половины—Восточную или Московскую и Западную или Литовскую; потомъ въ половинѣ XVII вѣка, она вновь соединилась своими главными частями въ общую цѣлость Русскаго Царства, подѣ Державою Царя Московскаго¹⁾. Какъ Московская или Великая Россія, такъ и Кіевская—Малая Россія или Украина, возстановили свою самобытность неборимымъ стремленіемъ къ охраненію и распространенію своего Православія, составляющаго для той и другой основаніе ихъ Русской народности. Сильнымъ раскрытіемъ народности своей и чрез-

¹⁾ Въ вѣкъ Екатерины Великой довершилось сіе возсоединеніе кромѣ Червонной или Галицкой Руси, которая (со времени ея присоединенія къ Польшѣ 1340) останаея понынѣ въ кругу Западной Европы.

вычайно богатымъ проявленіемъ въ народной Поэзіи (Великорусской и Южнорусской) ознаменованъ средній періодъ. Кромѣ того, особенно сей періодъ означенъ сильнымъ вліяніемъ Духовенства на умственную и общественную жизнь Великой Руси, развивавшей болѣе или менѣе самобытно усвоенное въ древнемъ періодѣ Греко-восточное просвѣщеніе и отстранявшей отъ себя вліянія чужеземныя. Но въ Южной и еще болѣе въ Сѣверо-западной Руси при вліяніи на нихъ Польши — и умственная жизнь развивалась подъ вліяніемъ просвѣщенія Латинско-западнаго, которое перешло потомъ и въ Великую Россію изъ Украины и Бѣлоруссіи, по ихъ соединеніи съ нею, — и здѣсь соединилось въ одно сложное вліяніе, выраженное названіемъ Московской Академіи — Славяно-Греко-Латинскою.

Петръ Великій своимъ Самодержавіемъ утвердилъ полное единство Россіи и преобразовалъ ее въ великую Имперію. Данное имъ направленіе къ гражданско-Русскому просвѣщенію подъ вліяніемъ Ново-Европейскаго раскрылось полнѣе при Екатеринѣ Великой и довершилось при Александрѣ Благословенномъ. Такимъ образомъ и въ просвѣщеніи вообще и въ Словесности нашей, сей новый періодъ ознаменованъ стремленіемъ къ Европейству, усвоеніемъ его и сліяніемъ съ своенародными стихіями жизни, которыя не переставали и въ семъ періодѣ ярко являться, не смотря на господство Западно-Европейскаго просвѣщенія.

Въ нынѣшнее царствованіе, при возрожденіи общаго стремленія къ самобытному, своеобразному и полному раскрытію Русскаго духа, означилось просвѣщенное обращеніе къ своенародности и положительности. Раскрытіемъ и силою народности своей Русскіе были весьма богаты и прежде, а стихія исторической положительности была всегдашнимъ, природнымъ свойствомъ народности Русской — въ самой Поэзіи; но это до нашего времени не было еще сознано, ибо не было еще озарено достаточнымъ просвѣщеніемъ. —

Отовсюда, гдѣ ярче сіяло просвѣщеніе, Россія заимствовала его для просвѣтлѣнія имъ своей народности. Въ древнее время приняла она просвѣщеніе Грековосточное отъ Царя-

города, и дополняла оное заимствованиями отъ Словенъ Болгарскихъ, у которыхъ нѣсколько ранѣе распространено было сіе просвѣщеніе. Въ среднія времена она, сберегая и распространяя доставшееся ей отъ Греціи сокровище Вѣры, ознакомилась съ Латино-западнымъ просвѣщеніемъ Ветхаго Рима. И между тѣмъ какъ двѣ розныя стихіи сіи немирно соединялись между собою въ Русскомъ умѣ, онъ—въ лицѣ Петра Великаго—отъ полуденной, старой Европы обратился на Европейскій Западъ: ибо уже тамъ просвѣщеніе свѣтилось новою жизнію, къ которой и стремилась Россія въ продолженіе новаго періода. Наконецъ въ наше просвѣщенное время она возвратилась опять къ своему Восточному Русскому міру. Такимъ образомъ Россія постепенно и своевременно обошла весь небосклонъ просвѣщеннаго Христіанскаго міра, и теперь вступила сознательно въ тотъ періодъ великой жизни своей, въ которомъ принадлежитъ ей раскрыть всю глубину и полноту своего духа и выразить вполнѣ свою Русскую народность.—И такъ по отношенію къ главнымъ вліяніямъ на Русское просвѣщеніе древній періодъ можно назвать Греко-восточнымъ или точнѣе Греко-Словенскимъ, средній Греко-Латино-Словенскимъ, новый—Ново-Европейскимъ, а современный періодъ составляетъ начало Самобытно-Русскаго.—

Что касается до частныхъ ступеней развитія или отдѣловъ каждаго періода, то ихъ можно принять въ первомъ три, во второмъ и третьемъ по четыре.

Въ древнемъ періодѣ.

1-й Отдѣлъ—до половины XI-го вѣка, до кончины Ярослава (1054 г.).

2-й Отдѣлъ—до второй четверти XII-го вѣка, до кончины Мономаха (1125 г.).

3-й Отдѣлъ—до конца древняго Стольнаго Кіева, съ переселеніемъ Русскаго Митрополита (Кирилла) въ Сѣверо-восточную Русь, во второй половинѣ XIII-го вѣка.

Все, что осталось отъ языческихъ временъ Восточно-Словенской жизни, составляетъ—если угодно—предваритель-

ный или вводный отдѣлъ ея древняго періода. Но какъ эти останки не могутъ еще отличены быть ясно и опредѣленно, въ своемъ первоначальномъ видѣ, притомъ же они продолжались и въ древнемъ періодѣ, потому я и не почелъ нужнымъ составлять изъ нихъ особаго отдѣла.

Въ среднемъ періодѣ.

1-й Отдѣлъ—до исхода XV-го вѣка или до начала Словенскаго книгопечатанія (1491 г.).

2-й Отдѣлъ—до исхода XVI-го вѣка или до установленія Патріаршаго Московскаго Престола въ Великой Руси (1589 г.) и появленія Уніи въ Западной Руси (1590 г.).

3-й Отдѣлъ—до половины XVII-го вѣка или до перваго воссоединенія Россіи въ общую цѣлость Русскаго Царства, присоединеніемъ Бѣлой и Малой Руси къ Великой (1654 г.).

4-й Отдѣлъ—до наступленія XVIII-го вѣка или до конца Патріаршества въ Россіи и начала преобразованія оной Петромъ Великимъ (до 1700-го года).

Въ новомъ періодѣ.

1-й Отдѣлъ—первое сороколѣтіе XVIII-го вѣка, или до восшествія на Престоль Елисаветы (1740 г.) и появленія Ломоносова на поприщѣ Словесности.

2-й Отдѣлъ—до кончины Екатерины Великой (1796 года) или до начала Карамзинскаго вліянія на Русскую Словесность.

3-й Отдѣлъ—по 1812-й годъ или до первой половины царствованія Александра и начала вліянія Жуковскаго на Русскую Словесность.

4-й Отдѣлъ—по 1825-й годъ, до кончины Александра Благословеннаго и вступленія на Престоль Николая Перваго; или до обращенія Россіи къ самобытному и своенародному развитію своей жизни, во всей полнотѣ ея. (Карамзинъ-Историкъ означаетъ въ семъ отдѣлѣ новѣйшее направленіе Рус-

ской Словесности, которое въ нашей Поэзіи начато многими произведеніями Пушкина).

III. О СОЧИНЕНІЯХЪ, ОТНОСЯЩИХСЯ КЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Свѣдѣнія, относящіяся къ Исторіи Русской Словесности, первоначально были излагаемы у насъ въ видѣ библиографическихъ и жизнеописательныхъ словарей; матеріалы для нея заготовлялись критическимъ изслѣдованіемъ памятниковъ словесныхъ и ихъ изданіемъ въ свѣтъ,—что началось у насъ преимущественно въ вѣкѣ Екатерины Великой; наконецъ, уже въ прошломъ десятилѣтіи (1822), началась систематическая обработка Исторіи Русской Словесности, какъ науки.

Пропуская здѣсь отдѣльныя изданія Лѣтописей и другихъ памятниковъ Словесности, равно какъ и частныя изслѣдованія объ нихъ и замѣчанія библиографическія,—коихъ главное богатство разсѣяно въ поврежденныхъ изданіяхъ,—замѣтимъ, что первое у насъ библиографическое сочиненіе¹⁾, названное Оглавленіемъ книгъ, кто ихъ сложили, составлено въ концѣ XVII вѣка при Московской Духовной Типографіи²⁾.

Въ прошломъ столѣтіи монахъ Селлій составилъ на Латинскомъ языкѣ Литтературную Записку о Писателяхъ, сочиненіями своими объяснявшихъ Гражданскую и Церковную Россійскую Исторію (напечат. въ Ревелѣ 1736 г. Русскій переводъ ея изданъ 1815 г. М.).—Но для Исторіи Русской Словесности особенно замѣчательны два труда незабвеннаго Новикова: Опытъ Историческаго Словаря о Россійскихъ Писателяхъ,

¹⁾ Первая извѣстія о произведеніяхъ Русской Словесности и нѣкоторыя изъ нихъ представлены ученому свѣту еще *Герберштейномъ*, который въ XVI вѣкѣ дважды посѣщалъ Россію и выдалъ объ ней извѣстное свое сочиненіе *Rerum Moscoviticarum*.

²⁾ Сіе Оглавленіе составлено (какъ предполагаетъ Калайдовичъ) *Полкарповымъ*. Оно расположено по писателямъ, съ означеніемъ ихъ сочиненій и переводовъ, и съ выпискою первой строки изъ каждой книги. Рукопись онаго хранится въ Синодальной Библіотекѣ.

изданный имъ 1772 г. въ Спб., и Древняя Россійская Библіотека—богатый сборникъ разныхъ памятниковъ старинной нашей Словесности, изданный въ 10-ти частяхъ, 1773—75 г. Спб., а потомъ вторымъ переработаннымъ и умноженнымъ изданіемъ, въ 20-ти частяхъ, 1788—91 г. въ Спб.¹⁾—Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Карамзинъ началъ было издавать Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ, Ч. I. М. 1801 г.; а потомъ въ Исторіи Россійскаго Государства представилъ много извѣстій и замѣчаній о памятникахъ нашей Словесности и отрывковъ изъ нихъ.—Но собираніемъ и изданіемъ свѣдѣній, къ Исторіи Русской Словесности относящихся, занимались особенно Митрополитъ Евгеній и Сопиковъ. Первый изъ нихъ трудился надъ Словаремъ Русскихъ Писателей, и напечаталъ Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи Писателяхъ духовнаго чина Грекороссійской Церкви (Спб. 1818 г., а потомъ вторымъ изданіемъ 1827 г. Спб. 2 ч.), заключающій въ себѣ множество свѣдѣній по сей части. Матеріалы свои для Словаря Русскихъ свѣтскихъ Писателей Митрополитъ Евгеній передалъ Спегиреву (1836 г.), который занимается дополнительною обработкою и изданіемъ оныхъ, и напечаталъ уже 1838 г. въ Москвѣ 1-й томъ сего Словаря (А—Г), заставляющій желать скорѣйшаго выхода слѣдующихъ томовъ.—Сопикову принадлежитъ честь составленія Опыта Россійской Библіографіи или полнаго Словаря сочиненій и переводовъ, напечатанныхъ на Словенскомъ, и Россійскомъ языкахъ отъ начала заведенія Типографій до 1813 года. Сей Словарь изданный въ 5-ти частяхъ 1813—21 въ Спб., важенъ по своей полнотѣ, многимъ выпискамъ изъ книгъ и библіографическимъ замѣчаніямъ.—Послѣ него, болѣе другихъ полное исчисленіе печатныхъ Русскихъ книгъ, особливо новыхъ (9934), представляетъ Роспись Россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смир-

¹⁾ Отъ Академіи Наукъ издано было *Продолженіе Визловки* въ 11-ти частяхъ, Спб. 1786—1801.

дина, систематическимъ порядкомъ расположенная. Спб. 1828 г. Къ ней потомъ издано нѣсколько Прибавленій.— Должно замѣтить еще ученые Библиографическіе Листы, издававшіеся Кеппенемъ въ Спб. 1825 г.—

Но великое богатство древней и средней Словесности нашей заключается еще въ рукописяхъ, которыя изъ своего разсѣянія по небольшимъ монастырскимъ и церковнымъ архивамъ собираемы были въ большія библіотеки общественныя и частныя. Въ числѣ первыхъ особенно богаты: Московская Синодальная, Академическая, Архивская, Публичная С.-Петербургская. Изъ частныхъ библіотекъ болѣе другихъ славны: Графа Мусина-Пушкина (сгорѣвшая 1812 г.), Графа Толстова и Графа Румянцева, подъ именемъ Румянцевскаго Музея нынѣ существующая. Описанія общественныхъ библіотекъ или еще не составлены или не изданы въ свѣтъ. Къ ученымъ описаніямъ частныхъ библіотекъ принадлежатъ: Каталогъ Библиотеки Графа Толстаго, изданный Калайдовичемъ и Строевымъ, М. 1825 г. Въ видѣ продолженія сего каталога Строевъ издалъ каталогъ книгъ Московскаго купца Царскаго. М. 1836 г. Но съ наибольшими критическими подробностями составлено Востоковымъ описаніе Румянцевскаго Музея, которое вскорѣ будетъ издано.—

Что касается до изданія въ свѣтъ самихъ памятниковъ и ихъ критическаго изслѣдованія, то изъ писателей, на семь поприщѣ подвизавшихся въ нынѣшнемъ столѣтіи, долженъ быть замѣченъ особенно К. Калайдовичъ. Онъ трудился надъ многими изданіями, изъ числа коихъ назовемъ здѣсь: 1) Русскія Достопамятности. Ч. I. М. 1816 г., изданная отъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ; 2) Памятники Россійской Словесности XII вѣка. М. 1821 г.; 3) Іоанъ Екзархъ Болгарскій. М. 1824 г. Калайдовичъ и П. Строевъ преимущественно трудились надъ изданіемъ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, коихъ (на иждивеніи Графа Румянцева) напечатано въ Москвѣ 4 части (1813—

27 г.). Сей же Строевъ, совершивъ отъ Академіи Наукъ археографическое путешествіе по монастырямъ Сѣверовосточной Россіи, собралъ много актовъ ¹⁾. Это послужило началомъ Археографической Коммисіи, при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія учрежденной 1834 года. Ея стараніями напечатаны уже Акты, собранные Археографическою Экспедиціею, 4 части, 1836 г. Спб., и заготовляются другія изданія, весьма важныя для нашей Исторіи и Словесности.—Изъ частныхъ трудовъ въ семь родѣ укажемъ въ особенности на Сборникъ Муханова. М. 1836.—Вообще можно замѣтить, что изыскательность памятниковъ Отечественныхъ распространилась у насъ чрезвычайно и общаетъ богатую жатву для будущаго Историка какъ цѣлой Русской жизни, такъ и Русской Словесности.—

Переходя къ обработкѣ Исторіи Русской Словесности въ систематическій видъ науки, замѣтимъ, что начало тому положено Н. Гречемъ ²⁾.

Его Опытъ краткой Исторіи Русской Литературы, изданный въ Спб. 1822 г., замѣчательнѣе прочихъ, какъ первое въ своемъ родѣ и болѣе другихъ богатое свѣдѣніями руководство. Оно можетъ по преимуществу назваться фактическимъ. Въ самомъ дѣленіи Русской Словесности на періоды Гречь взялъ чисто-историческое направленіе, и установилъ два періода, въ каждомъ по три отдѣленія ³⁾, каковому дѣленію послѣдовалъ и Шафа-

¹⁾ Въ Журналѣ Министерства Народн. Просв. 1834 г. онъ помѣтилъ *Хронологическое указаніе матеріаловъ Отечественной Исторіи, Литтературы Правовѣднія до начала XVIII вѣка.*

²⁾ Систематическое сочиненіе *Шторха* и *Аделуна* объемлетъ только первое пятнадцатіе нынѣшняго вѣка: *Систематическое обозрѣніе Литтературы въ Россіи въ теченіе пятнадцатія съ 1801 по 1806 годъ.* Спб. 1810—11.

³⁾ Вотъ Гречево дѣленіе Исторіи Русской Словесности.

Періодъ первый: отъ изобрѣтенія письменъ Славянскихъ до введенія Гражданской печати, или отъ основанія Государства Россійскаго до Единодержавія Петра Великаго. *Отдѣленіе 1-е.*—до введенія въ Россію Христіанской вѣры, т. е. до 989 г. *Отд. 2-е*—до сверженія Татарскаго ига, т. е. до 1463 г. *Отд. 3-е*—до Единодержавія Петра Великаго, т. е. до 1689 года.—

рикъ, обозрѣвая Русскую Словесность съ своей *Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur*. Ofen, 1826. Къ 4-й части своей Учебной Книги Русской Словесности, 1830 г., Грець приложилъ вновь Краткую Исторію Русской Словесности, доведенную ближе къ нашему времени, но слишкомъ сокращенную.—

Послѣ Гречевыхъ опытовъ, въ нынѣшнемъ дѣсятилѣтіи явились, также въ С.-Петербургѣ, другіе опыты—Тимаева (1832), Плаксина (1833), Глаголева (1834), Георгіевскаго (1836).

Тимаевъ представилъ только бѣглое обозрѣніе Русской Словесности, въ изданномъ имъ для дѣвицъ Краткомъ Начертаніи курса Изыщной Словесности, 1832 г. Спб.—Подобно Гречу онъ держался направленія историческаго, но принявъ другое дѣленіе—на три періода: первый до возстановленія независимости и образованія народа Русскаго при Іоаннѣ III; второй до Императрицы Елисаветы Петровны; третій до настоящаго времени.

Плаксинъ, въ своемъ Руководствѣ къ познанію Исторіи Литтературы, большая часть коего посвящена Исторіи Русской Словесности, хотѣлъ представить опытъ Исторіи философической, обращая вниманіе не столько на полноту свѣдѣній, сколько на изясненіе и сужденіе объ оныхъ. Вслѣдствіе того онъ раздѣлилъ Русскую Словесность, независимо отъ эпохъ историческихъ, на 4 періода. Періодъ 1-й называетъ онъ языческою Литтературою (до водворенія Христіанской Вѣры); 2-й—преобладаніемъ Христіанской Литтературы предъ языческою (до поло-

Періодъ второй: отъ Единодержавія Петра Великаго до нашихъ временъ. *Отд. 1-е*—до вступленія на Престолъ Елисаветы или до Ломоносова. *Отд. 2-е*—царствованіе Елисаветы и Екатерины, или отъ Ломоносова до Карамзина. *Отд. 3-е*—отъ Карамзина до нашихъ временъ.—

Раздѣленіе Русской Словесности на періоды встрѣчается еще прежде въ сочиненіи *Или Тимковскаго*: Опытный Способъ къ философическому познанію Россійскаго языка. Харьковъ. 1811 г. Тамъ принято пять періодовъ: 1-й до Ярослава, 2-й до XIII вѣка, 3-й до половины XVII вѣка, 4-й съ половины XVII вѣка до Ломоносова, 5-й отъ времени Ломоносова.—

вины XVII вѣка); 3-й—учено-богословское направле-
ніе Литтературы (до Ломоносова); 4-й—Классичес-
кая Словесность—до Жуковского, съ коего начинается
онъ новую Словесность, начало пятого періода.

Вслѣдъ за тѣмъ Глаголевъ предложилъ свой новый
Планъ Исторіи Русской Словесности (такъ на-
звана 4-я часть его сочиненія Умозрительныя и Опыт-
ныя Основанія Словесности, Спб. 1834 г.), гдѣ сочи-
нитель, отрицая періоды въ нашей Словесности, дѣлитъ ее
по предметамъ, находя сіе болѣе согласнымъ съ существомъ
ея содержанія. Такимъ образомъ онъ, обозрѣвъ сперва старин-
ные памятники нашей Словесности до XVI вѣка, (кои не-
свойственно названы у него памятниками языка Ве-
ликорусскаго), разсматриваетъ потомъ Словесность по-
слѣдующаго времени, проходя всѣ роды—сначала Прозы,
потомъ Поэзіи. Несмотря на такой недостатокъ въ семь
Планѣ, онъ замѣчателенъ особенно разсмотрѣніемъ народной
Русской Поэзіи.

Что касается до Исторіи Литтературы Георгі-
евскаго, то она (такъ же какъ у Глаголева) составляетъ
4-ю часть его Руководства къ изученію Русской
Словесности, и въ ней (какъ у Плаксіна) сперва гово-
рится о Словесности другихъ народовъ, а потомъ о Русской,
которую онъ раздѣляетъ на три періода, полагая—1-й
до половины XV вѣка (1462 г.); 2-й до начала XVIII вѣка;
3-й до нашихъ временъ.

Должно еще замѣтить дѣленіе предложенное Давыдо-
вымъ въ двухъ лекціяхъ его о Русской Словесности, помѣщен-
ныхъ въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Уни-
верситета, 1834 г. Развитие Русской Словесности онъ
примѣняетъ къ возрастамъ и называетъ древній періодъ—
дѣтствомъ, средній періодъ—юностію, а новый—мужес-
твомъ или самопознаніемъ народнымъ.

Вотъ всѣ обнародованныя у насъ по 1837-й годъ системы
Исторіи Русской Словесности.—Но для полноты сего обозрѣ-
нія трудовъ, относящихся къ изслѣдованію Русской Словес-
ности, мы должны упомянуть еще о системѣ отрица-

тельной, которая домогаясь достовѣрной, несомнѣнной подлинности, сомнѣвается въ подлинной древности не только Церковныхъ Уставовъ Владиміра и Ярослава, но и Договоровъ Руси съ Греками, Русской Правды, Несторовой Лѣтописи, Пѣсни Игорю и прочая; не вѣрять, чтобы такіе памятники могли быть написаны у насъ въ XI и XII вѣкахъ, а потому считаетъ ихъ поддѣлкою время послѣдующихъ и отвергаетъ ихъ достовѣрность, строя между тѣмъ изъ собственныхъ догадокъ новую систему нашей древней Исторіи.

Начало сей отрицательной системы кроется въ самопроизвольномъ критицизмѣ Шлецера; но полноты своей достигла она въ ученіи Каченовскаго, 1829—35 г. ¹⁾

Ученая мнительность и недовѣрчивость отъ древней Русской Словесности простиралась и на всю нашу Словесность, такъ что возникло было журнальное преніе о томъ: есть ли у насъ Словесность?—Но всѣ такіа сомнѣнія и отрицанія, какъ они замысловаты и остроумны ни были, ничего не прибавили къ познанію Русской Словесности. Они зависѣли не отъ недостатка или небытія самаго предмета; но отъ особеннаго взгляда на предметы, называемаго скептицизмомъ, подъ именемъ коего и слыветъ этотъ отрицательный взглядъ на нашу Словесность и Исторію.

¹⁾ Историческая система Каченовскаго изложена частію въ его собственныхъ статьяхъ о *Русской Правдѣ*, частію въ Разсужденіяхъ учениковъ его *С. Строева* (писавшагося и подъ именемъ *Скромника*), *Бодянскаго*, *Перемышлевскаго Вликова*. Она отозвалась и въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ Профессора *Давидова* и Археографа *П. Строева*.—Въ опроверженіе системы сей и въ защиту достовѣрности и древности нашихъ Лѣтописей, писали *Поюдинъ*, *Надеждинъ* и нѣкоторые другіе. Мое мнѣніе о томъ же высказано въ *Критическомъ Разборѣ Писемъ о полку Игоревѣ* (въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1835) и въ книгѣ: *Откуда идетъ Русская Земля*, въ Примѣчаніи 14-мъ и другіихъ.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ДРЕВНЯГО ПЕРІОДА.

ГЛАВА I.

О Русскомъ и другихъ Словенскихъ народахъ и о Варягахъ.

Народъ Русскій образовался изъ разныхъ отрослей Словенскаго племени, которыя съ незапамятныхъ для Исторіи временъ обитали въ Восточной Европѣ, начиная отъ Карпатъ и Вислы. Сіи первобытные насельники нашего Отечества, въ отличіе отъ прочихъ Словенъ Западныхъ, могутъ быть называемы Словенами Восточными или Русскими. Въ продолженіе многихъ вѣковъ своей древнѣйшей жизни они пребывали въ язычествѣ и состояли изъ множества отдѣльныхъ разноименныхъ отрослей, бывъ извѣстны у иноплеменниковъ и подъ общимъ именемъ многочисленнаго народа Венедовъ, Винидовъ, Антовъ; а Россія была называема Сармаціей, Скиеіей, Гардарикомъ. Но во второй половинѣ IX вѣка Словены Восточные стали соединяться въ одно обширное Государство и прозываться Русью, по имени водворившихся у нихъ Руссовъ. Съ тѣхъ поръ наше Отечество представляетъ собою особый—Русскій міръ¹⁾, въ которомъ десятивѣковое развитіе жизни запечатлѣно стремленіемъ къ полному единству, стройной цѣлости и общей самобытности народной. Здѣсь природа Словенская достигаетъ полноты бытія своего, и народность Русская, простираясь на Востокъ, покрываетъ собою уже всю Сѣверную половину Азіи и Сѣверо-западную часть Америки.

Что касается до Западной половины Словенскаго племени, то она распространялась по Европѣ также множес-

¹⁾ Сіе названіе употребляемо было еще въ началѣ XIII вѣка (у Епископа Суздальскаго Симона).

твомъ отдѣльныхъ отраслей, изъ различнаго соединенія коихъ образовались потомъ особые народы Западно-Словенскіе. Народы сіи также ознаменовали свою жизнь въ Исторіи многими подвигами; но по раздѣльному другъ отъ друга и одностороннему образованію своему, многіе изъ нихъ не только не могли удержать за собою своихъ прежнихъ земель (напримѣръ Венгріи, С. Германіи) и государственной самобытности, но даже и совсѣмъ утратили свою Словенскую народность (напримѣръ Поморяне и Словены Заодерскіе).

Различая такимъ образомъ въ кругѣ Словенскаго племени двѣ половины—Восточную или Русскую и Западную, въ каждой изъ нихъ мы подразличаемъ еще два разряда: въ первой половинѣ Словецъ—1) Юго-восточныхъ или Южно-Русскихъ и 2) Сѣверо-восточныхъ или Сѣверно-Русскихъ; во второй—3) Юго-западныхъ или Задунайскихъ и 4) Сѣверо-Западныхъ или Вендскихъ ¹⁾.

О Словенахъ Восточныхъ или Русскихъ ²⁾.

Первый разрядъ — Словены Юго-восточные или Южно-Русскіе. Они составляютъ коренныхъ насельниковъ Южно-Русскаго края, занимающаго оба-полю Днѣпра, справа до Дуная и Сана, слѣва по р. Деснѣ и Сулѣ къ Дону. Въ этомъ самомъ благодатномъ краю Россіи уже въ отдаленнѣйшіе вѣка развита была осѣдлая жизнь земледѣльческая, особенно между Днѣпровскими Словенами, которые потому и называются у Геродота Скиѳами Оратаями; а торговавшіе съ ними Ольвійцы называли ихъ въ то-же время

¹⁾ Сообразно раздѣленію Словенскихъ языковъ на два разряда, которое предложено Добровскимъ, и Шафарикъ принимаетъ слѣдующее дѣленіе Словецъ: I) Разрядъ *Юго-восточный*: 1-й отдѣлъ—Русскій, 2-й отдѣлъ—Болгарскій, 3-й отдѣлъ—Иллирійскій; II) Разрядъ *Западный*: 1-й отдѣлъ—Ляхскій или Польскій, 2-й отдѣлъ—Чехо-Словенскій, 3-й отдѣлъ—Полабскій —

²⁾ Въ исчисленіи Восточно-Словенскихъ отраслей мы ограничились известнѣйшими, находящимися въ нашихъ древнихъ писаніяхъ: но у Географа Баварскаго (жившаго между 869—890 г.) и у Итоломея (жившаго во 2 мѣ вѣкѣ) упоминаются еще многія другія. Подробнѣя соображенія объ нихъ, равно и о прочихъ Словенахъ древняго времени, находятся въ сочиненіи Шафарика *Slowanské Starožitnosti, oddíl dégepisny, w Praze 1837*,—которое проливаетъ много свѣта на древнюю Исторію Словенскаго племени.

Бористенеитами ¹⁾, т. е. Днѣпровцами. Въ ближайшее къ нашему древнему періоду время, между отродами Южно-Русскихъ Словенъ—по сказанію Несторову—особенно Поляне отличались семейственностію жизни и кротостію нравовъ. Поляне первые прозвались Русью; ихъ главный городъ Кіевъ сдѣлался матерью городовъ Русскихъ; отъ нихъ разлилась—сперва по Кіевской Русской землѣ или Украинѣ, а потомъ и по всей Руси—новая жизнь ея. Такимъ образомъ они составляютъ главную и средоточную отросль между Словенами сего разряда; а ихъ земледельческая жизнь—основную стихію жизни Южно-Русской. Къ Востоку отъ сихъ Днѣпровскихъ Полянъ жили по р. Деснѣ—Сѣверяне (Птоломеевы Савары), а по Сулѣ Суличи или Суляне. Къ Западу отъ Полянъ жили Древляне, а за ними Дулебы и Бужане, между коими впоследствии

¹⁾ Изъ сего видно, что уже за пять вѣковъ до Р. Х. были сношенія Днѣпровскихъ Словенъ съ Греками. Одинъ *Бористенеитъ*, по имени *Віонъ*, былъ (въ 3 в. до Р. Х.) въ числѣ Греческихъ Философовъ Киринейской секты.—Въ первомъ христіанскомъ вѣкѣ по Днѣпру путешествовалъ Апостолъ Андрей Первозванный и достигши Кіевскихъ горъ предреказалъ, что *на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ воздвигнути имать*. Сіе завѣтное преданіе нашихъ предковъ, сохраненное Несторомъ, не подлежитъ сомнѣнію, если принять въ соображеніе то, какъ далеко проникали въ другихъ частяхъ Свѣта первые Проповѣдники Христовой Вѣры; а также и свидѣтельство Оригена (въ III-мъ в.), что Андрей Первозванный проповѣдывалъ въ Скиѣи, въ которой по показанію Птолемея обитали *Словены*, т. е. Словены.—Сказаніе Нестора о Князѣ Днѣпровскихъ Полянъ *Кіѣ*, о его хожденія въ Царьгородъ и построеніи имъ Кіева на Днѣпрѣ и Кіевца на Дунаѣ, также не должно почитать вымысломъ; здѣсь и подозрѣніе наводитъ только число *трехъ* братьевъ (Кіа, Щека и Хорива): но сколько явленій надо-бы заподозрять, преслѣдуя число 3 или 12, кои такъ часто встрѣчаются и въ Исторіи человѣчества и въ Природѣ!—Геродотово названіе Днѣпровскихъ Словенъ *Оратаями* сходно съ ихъ собственнымъ наименованіемъ себя *Полянами*, второе также сохранилось у Нестора и производится отъ Днѣпровскихъ *Полей*. Если сіе имя не встрѣчается у Константина Багрянороднаго и Географа Баварскаго, то это потому, что Поляны въ ихъ время уже прозывались *Русью*, на что особенно *указываетъ* Несторъ. Но какъ названіе *Польской* земли усвоило земля *Ланской*; то, вѣроятно для отличія отъ ней, Южно-Русская *Польская* земля или *Поля* Днѣпровскія назвались *Украиною*, именемъ которое въ Южно-Русскомъ языкѣ значило то-же, что и поле.

распространились Велыняне или Волянцы, отъ коихъ и Волянъ получила свое имя. Къ Югу отъ Полянъ до Чернаго моря и Дуная, простирались Улучи и Тиверцы (по Днѣстру), отличавшіеся воинственностью жизни и множествомъ городковъ. Наконецъ въ составъ Южно-Русскаго народа вошли еще Бѣлые Хорваты, Бойки и нѣкоторыя другія отросли, принадлежащія къ Червонной или Галицкой Руси.

Второй разрядъ—Словены Сѣверо-восточные или Сѣверно-Русскіе. Съ древнѣйшихъ временъ они многими отродами жили на востокъ отъ р. Вислы, особенно въ средней Россіи—до Волги, а въ Сѣверной—до озера Ильменя. Словены Ильменскіе, долѣ всѣхъ Восточныхъ Словенъ называвшіеся родовымъ своимъ именемъ, а впоследствии извѣстные подъ именемъ Новгородцевъ, составляютъ главнѣйшую отросль сего разряда. Ихъ Новгородъ задолго еще до IX вѣка извѣстенъ былъ своею торговою промышленностію, коея духъ послужилъ Новгороду къ распространенію его Словено-Русской народности по Сѣверовостоку Россіи. Изъ Новгорода распространилось и первое государственное единство Сѣверной Руси. Словены сіи, по сказанію Несторову, переселились на Ильмень отъ Дуная, и по всей вѣроятности они принадлежали прежде къ Словенамъ Южно-Русскимъ или Скиѣскимъ (Птолемеевымъ Словенамъ), а близкіе къ нимъ Тверичи—къ Южно-Русскимъ Тиверцамъ (древнимъ Тирангитамъ). Къ Югозападу отъ Новгородцевъ жили Кривичи (Птолемеевы Карвоны). Большая часть сей многосложной отросли, какъ то: Смольняне съ Торопчанами, Псковичи съ Изборцами, впоследствии образовались, вмѣстѣ съ Новгородскими и прочими Средне-Русскими Словенами—Вятичами, Курыянами (Птолемеевы Каріоны), въ народъ Велико-русскій, собственно Русскимъ у насъ теперь называемый.

Другая часть Кривичей, подъ именемъ Половчанъ извѣстная, послужила средоточіемъ для образованія Дреговичей съ Туровцами, Радимичей и прочихъ Словенъ Сѣверо-западной Россіи въ народъ Литовско-Русскій

или Бѣлорусскій, составляющій собою другую часть разряда Сѣверно-Русскаго.

Вотъ три вида Словенъ, носящіе на себѣ общес имя великаго народа Русскаго и составляющіе собою Восточную половину цѣлаго племени Словенскаго.

О Словенахъ Западныхъ.

Третій разрядъ—Словены Юго-западные или Задунайскіе. Изъ многихъ отрослей, въ разное время заселившихъ Задунайскій край Европы, они образовались въ слѣдующіе четыре главные вида или народа.—1) Народъ Болгарскій, получившій сіе имя отъ Болгаръ, которые въ VII-мъ вѣкѣ (678 г.) перешли за Дунай со многими Словенскими отрослями, по сю сторону Дуная жившими, и въ покоренной ими Мизіи смѣшались въ одинъ народъ съ прежде бывшими тамъ и въ Сѣверной Македоніи Словенами. Сіи Словены вѣроятно были вѣтвію нашихъ Словенъ Южно-Русскихъ, такъ же какъ и Драговичи Македонскіе были вѣтвію Дреговичей Бѣлорусскихъ; но какого племени были сами Болгары; перешедшіе къ Дунаю изъ Болгаріи Волжской, это вопросъ еще спорный, нерѣшенный Историками.—2) Народъ Сербскій (у Нестора Серебъ). Его главнѣйшую часть составляютъ собственно такъ называемые Сербы и Черногорцы, Вѣры Греко-восточной; а другую часть Иллирцы большею частію, Католики каковы Далматы, Босняки, Славенцы, Дубровничане (Рагузинцы).—3) Хорваты или Кроаты, населяющіе Кроацію.—4) Хорутаны, называемые также Словенцами и Виндами, населяютъ Крайну, Штирію, Западную Венгрію.—

Четвертый разрядъ—Словены Сѣверо-западные. Сюда принадлежатъ: 1) народъ Ляшскій, къ коему относятся Словенскія отросли между Вислою и Одеромъ—собственно такъ называемые Ляхи или Поляки, Силезы или Шлѣнзаки, Мазуры или Мазовшане, Поморяне;—2) народъ Сербскій, къ коему принадлежатъ Сербы или Лужици, населяющіе верхнюю и нижнюю Лузацію;—3) народъ Чеш-

скій, состоящій изъ собственно такъ называемыхъ Чеховъ или Богемцевъ, населяющихъ Богемію, и Моравовъ, населяющихъ Моравію;—4) Словаки, коихъ сторона составляетъ теперь Сѣверо-западную Венгрію.

Но кромѣ сихъ Словенъ, въ Сѣверозападномъ разрядѣ должно вспомнить еще тѣхъ, кои жили на Балтійскомъ Поморьи къ Западу отъ Поморянъ, т. е. отъ р. Одера къ Эльбѣ. Словены здѣшняго края нѣкогда были весьма воинственны, но уже давно утратили свою народность и стали Нѣмцами, подобно Поморянамъ. Въ числѣ ихъ были извѣстны Бодричи или Оботриты (Меклембургцы), Вагры или Вагиры (Голштинцы), Глиняне (Люнебургцы, Linones), Вилки или Волки, Смѣдяне (Smeldingi), Украини, и другіе. По ту сторону Эльбы жили Деревляне, можетъ быть однородцы нашихъ Южно-русскихъ Древлянъ. На островѣ Волинѣ (Юлинѣ) жили Волинцы, отъ которыхъ безъ сомнѣнія и наши Южно-Русскіе Воляняне. Но первенствующею и сильнѣйшею отраслю сихъ Заодерскихъ Словенъ были Ружане, жители острова Ругена, коихъ называли Ругами, Ругіянами, Руянами, Ранами и—Руссами. Болѣе всѣхъ Прибалтійскихъ Словенъ они славились своею морекою силою, торговлею и богослуженіемъ Свѣтовиду. Сія Ружская или Русская отрасль Словенъ распространялась и на Поморьи Балтійскомъ, гдѣ ея имя осталось и понынѣ въ названіи многихъ мѣстностей.—У Нестора сіи Поморскіе Словены ¹⁾ причисляются къ Варягамъ. Изъ сего видно, что имя Варяговъ, хотя преимущественно усвоилось Скандинаво-Нѣмецкимъ народамъ, однако простиралось и на Сло-

¹⁾ Несторъ въ началѣ своей Лѣтописи, исчисляя нѣроды *Афетова племени* (Евроейскіе), говоритъ, что Чудь, Прусь и Ляхи присѣдаютъ къ морю Варяжскому, и что потому-же морю сѣдять Варяги къ Западу до земли Англинской и до Волошской. Слѣдственно у него на Западѣ Варяги начинаются за Ляхами, кои у него показаны на Вислѣ; а какъ у него подъ именемъ Ляховъ считаются и Поморяне, то еще опредѣленнѣе можно положить начало его Варяговъ на западѣ отъ Поморянъ, т. е. отъ Одера къ Эльбѣ—до земли Волошской, т. е. до Галліи.

вень¹⁾; и мы полагаемъ, что Несторовы Варяги-Русь, Руссы или Россы—были Словены Прибалтійскіе.— Впрочемъ, по господствующему нынѣ Байерову мнѣнію, Руссовъ считаютъ народомъ происхожденія и племени Скандинавскаго, наравнѣ съ прочими Варягами; а имя Варяговъ ограничиваютъ только Скандинавами.

О Варягахъ и Руссахъ.

Дѣйствительно: Варягами у насъ въ древнія времена первоначально и собственно назывались Скандинаво-Нѣмецкіе народы безразлично—и Готы, и Сви (Шведы), и Урманы или Норманы (Норвежцы), и Англыне. Съ именемъ Варяга соединялось всегда понятіе заморянина, чужаго, иноземца, и напоследокъ—иновѣрца: такъ, что въ XI и XII вѣкахъ Западную или Латинскую Вѣру называли Варяжскою; Латинникъ и Варягъ были однозначущія слова. Но съ XIII вѣка у насъ стали и на Скандинавовъ распространять имя Нѣмца, которымъ въ среднія времена замѣняли имя Варяга: Латинскую Вѣру называли уже Нѣмецкою, и этимъ именемъ стали было означать неопредѣленно не только все иноземное, Западное, но и все чужое, иноязычное.

Отъ сихъ Варяговъ былъ Рюрикъ съ своимъ княжескимъ родомъ и знатнѣйшею частію своей дружины. Со времени его княженія въ Новгородѣ началось у насъ распространеніе Варяговъ, особенно на Сѣверѣ и возникли связи съ Скандинавіей; ея жители до XII вѣка приходили сами и вызываемы были въ Россію для военной службы.

Варяги на Европейскомъ Западѣ были извѣстны подъ грознымъ именемъ Нормана, или Нордманна, съ которымъ соединялось понятіе Сѣвернаго врага-воителя, разбойника Балтическаго, а не племенное отличіе. Такимъ образомъ

¹⁾ Сильнымъ защитникомъ Словенскаго происхожденія Руси и равноплеменности Варяговъ былъ Ломоносовъ. Въ своей Исторіи онъ говоритъ: «неправедно разсуждаютъ, кто Варяжское имя приписываетъ одному народу. Многія сильныя доказательства увѣряютъ, что *Варяги* отъ разныхъ племенъ и языковъ состояли».

имя Нормана, первоначально и собственно принадлежавшее Норвежцамъ, распространено было и на прочихъ Скандинавовъ и всѣхъ вообще Сѣверныхъ или Прибалтійскихъ жителей, воевавшихъ съ IX вѣка въ Европѣ,—въ числѣ коихъ были и Руссы или вообще Словены Прибалтійскіе.—Въ такомъ смыслѣ и Лютпрандъ называетъ Норманнами разноплеменное ополченіе Кіевской Руси, нападавшее съ Игоремъ на Царьгородъ. Въ такомъ же, мнѣ кажется, общемъ смыслѣ и у Нестора въ трехъ мѣстахъ его Лѣтописи, причислена къ Варягамъ та Русь, которая пребывала еще у моря Балтійскаго или Варяжскаго и принадлежала еще къ народамъ Занаднымъ. Но перешедшая къ намъ Русь никогда у Нестора не смѣшивается съ Варягами, хотя и они также находились въ предѣлахъ нашего Отечества, и принадлежали къ нему по Варяжскому роду нашихъ Князей. Несмотря на то Руссы и Варяги различаются, какъ два особые народа.—Первоначальное водвореніе и распространеніе Русовъ произошло въ Кіевской землѣ и у Чернаго моря, при Оскольдѣ и Дирѣ и потому земля Кіевская первая прозвалась Русью или Русскою землею, а Черное море Русскимъ. Но когда Олегъ изъ Новгорода перешелъ въ Кіевъ, завладѣвъ здѣшнею Русскою землею, сдѣлался Княземъ Русскимъ, тогда—по словамъ Нестора—и бывшіе съ нимъ Варяги, Словены (т. е. Новгородцы) и прочіи прозвашася Русью¹⁾. Съ той поры имя сіе стало общимъ государственнымъ именемъ и для Новгорода, хотя и въ Новѣгородѣ и въ Южной Руси до исхода XII вѣка Русью или Русскою землею собственно называлась только Кіевская земля или Украина²⁾. Но послѣ Олега Руссы нѣко-

¹⁾ Изъ сего видно, кажется, что *Варяги* Рюриковы и Олеговы до той поры не назывались Русью.—По моему мнѣнію Руссы отошли отъ Рюрика вмѣстѣ съ Оскольдомъ.

²⁾ Подробно о семъ говорится въ 7 и 10-мъ параграфахъ моей книги *Откуда идетъ Русская Земля*, въ которой изложено подробнѣе о Словенскомъ происхожденіи Руссовъ, и предложены замѣчанія на разныя другія о томъ мнѣнія.

торое время оставались еще въ Киевской землѣ, какъ особы и народъ, еще неслившійся съ туземцами, отдѣльный и отъ Полянъ, и отъ другихъ Словенъ а также и отъ Варяговъ ¹⁾. — Вообще изъ Нестора ни какъ не слѣдуетъ, чтобы Руссы также были происхожденія и племени Скандинаво-Нѣмецкаго, какъ и прочіе, настоящіе Варяги ²⁾; да и никто изъ Русскихъ до исхода прошлаго столѣтія не считалъ своими прародителями Скандинавскихъ Нѣмцевъ или Готовъ, хотя объ нихъ и объ связяхъ съ ними нашихъ предковъ знали у насъ издревле и Рурика считали княземъ Варяжскимъ или Нѣмецкимъ. При всемъ томъ Руссовъ у насъ издревле почитались нашими одноплеменниками. И мы, признавая Руссовъ Словенами съ Поморья Балтійскаго ³⁾, только приближаемся къ тому мнѣнію, которое въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ было общимъ мнѣніемъ нашихъ соотечественниковъ и господствовало до исхода прошлаго столѣтія. Наше мнѣніе не отрицаетъ Норманскаго или Варяжскаго духа

Имя *Украины* для Киевской земли появляется въ Лѣтописи Киевской въ концѣ XII вѣка, а именно подъ 1187 годомъ, — въ то время, какъ имя Руси усвоилось уже и на Сѣверѣ. Впрочемъ можетъ быть оно тогда начало опять возобновляться, бывъ и прежде именемъ земли Полянъ Днѣпровскихъ (см. Примѣч. 4).

¹⁾ Это видно изъ разноплеменнаго ополченія Руси на Грековъ при Игорѣ, который — по словамъ Нестора — «совокупилъ вои многи: *Варяги, Русь, Поляне, Словене Кривичи, Тиверцы, Печенеги.*» —

Что Рудъ была у насъ сперва въ Киевской землѣ, а не на Сѣверѣ, это между прочимъ ясно изъ слѣдующаго мѣста Несторовой Лѣтописи. Ярославъ шелъ изъ Новгорода на Святополка съ Варягами и Новгородцами; но изъ Киева ходилъ на Болеслава, совокупивъ *Русь*, и *Варяги* и *Словены*. Сѣверъ нашъ былъ Русью только въ государственномъ смыслѣ: потому-то и у Константина Вагрянороднаго Новгородъ полагается *въ Россіи*.

²⁾ Сего не слѣдуетъ также изъ недавно отысканнаго у Арабскаго Географа Ахмедъ-эль-Катеба извѣстія, что въ 844 году Севилла была разграблена язычниками, называемыми *Русь*. Съ такимъ же правомъ эти Руссы могутъ быть названы жителями Поморья Словенскаго, съ каковымъ относятъ ихъ въ Заморье Скандинавское. Это извѣстіе только дополнительное, а не основное.

³⁾ Между прочимъ такъ именно говорится и въ Бѣлоцерковскомъ Универсалѣ Богдана Хмельницкаго 1648.

въ началѣ древняго періода Русской жизни; потому оно въ семъ отношеніи не противорѣчитъ современному понятію о нашей древней Исторіи. Поморскіе Руссы или Скандинавскіе Варяги, издревле бывшіе въ непрестанныхъ связяхъ, имѣли много общаго и за-одно распространяли въ нашемъ отечествѣ свою Норманскую отвагу и воинственный образъ жизни. Но въ племенаомъ отношеніи—къ языку и всей народности—они были различны: потому и вліяніе Руссовъ на Восточныхъ Словенъ—по нашему понятію—было иное, при томъ болѣе близкое и успѣшное, чѣмъ вліяніе иноплеменныхъ имъ Варяговъ. По нашему понятію, съ водвореніемъ Руссовъ и принятіемъ ихъ имени, не только не было умалена Словенская народность въ нашемъ Отецествѣ; но еще умножилась и возросла, отъ сліянія двухъ Словенскихъ бытовъ—мореходно-воинскаго или Поморскаго и домовито-земледѣльческаго или Полянскаго—въ одну полноту новой, Русской жизни. Варяги же скандинавскіе, чтобы не быть чужими въ нашемъ Отецествѣ, должны были принять его Словено-Русскую народность и утратить свою Нѣмецкую—еще болѣе, чѣмъ теряли ее Норманы у народовъ Западно-Европейскихъ.

ГЛАВА II.

О Развитіи Русской жизни и просвѣщеніи Руси въ древнемъ періодѣ.

Первоначальная, Восточно-Словенская народность Руси, въ продолженіи древняго періода своей жизни, развивалась подъ вліяніемъ двухъ главныхъ стихій: Варяго-Русской и Греко-Христіанской. Обѣ онѣ вошли намъ почти современно; но съ противоположныхъ сторонъ, и развились одна послѣ другой.—Сначала происходило сильное раскрытіе Варяго-Русской стихіи, вліяніе которой началось съ пришествія и водворенія

у насъ Варяговъ и Руссовъ. Ихъ власть и сила положили печать государственнаго единства и Русскаго имени на Восточныхъ Словенъ, и сообщили имъ сильное движеніе ратнаго духа, составляющаго главное отличіе сей стихіи. Развитію ратнаго духа въ народѣ нашемъ способствовали потомъ внутреннія междоусобныя войны Русскихъ Князей, между которыми Русь дробилась на Удѣлы, по обычаю Варяжскому. Кромѣ того непрестанные набѣги Азіатцевъ на Южную Русь и ихъ распространеніе въ ней способствовали къ тому, что воинственность духа развилась еще болѣе у Южной Руси и получила здѣсь особый характеръ—отъ слиянія мореходной отваги Варяго-Русской съ наѣздническимъ удалствомъ Азіатца.

Воинскія стремленія первыхъ Князей Руси на Грецію и Болгарію, сблизили ее съ ними. Оттуда произошло другое вліяніе на жизнь Руси, послужившее къ ея церковному и внутреннему единству и просвѣщенію. Главнымъ основаніемъ тому была Христіанская Вѣра. Съ принятіемъ ея отъ Царьгорода въ 866 году, Россія вошла въ кругъ Греко-восточной Церкви и въ тѣснѣйшія связи съ Греціей. Подлежка въ церковномъ отношеніи духовной власти Патріарховъ Царьгородскихъ, Россія ¹⁾ имѣла первыхъ Священниковъ и Епи-

¹⁾ Перваго Епископа и Священника Россія получила въ 866 году отъ Патріарха Фотія; вслѣдъ за тѣмъ, около 867 года, былъ посланъ къ намъ отъ Василія Македонянина Епископъ *Михаилъ*, посвященный Патріархомъ Игнатіемъ. При Ольгѣ, принявшей крещеніе въ Царьгородѣ, по Нестору 955 г. (а по Константину Богрянородному 957 г.), находился Священникъ *Григорій*. Кромѣ Грековъ первыми у насъ Священниками были и Болгары.— Россія вошла въ составъ Греко-Восточной Церкви безъ сомнѣнія въ 866 году и около 895 года она въ числѣ Епископствъ, подвластныхъ Царьгородскому Патріарху, считалась 60-мъ Епископствомъ или Митрополіей.— Первымъ Митрополитомъ Кіевскимъ былъ *Св. Михаилъ* (ск. 992); вторымъ *Леонтій*, называвшійся Митрополитомъ *Переяславскимъ и Русскимъ* (ск. 1008); изъ нихъ же Митрополитовъ въ древнемъ періодѣ у насъ было 22. Изъ нихъ только два было Русскихъ: *Иларіонъ* (1051—1071) и *Климентъ* (1147—56), поставленные Соборомъ Рускихъ Епископовъ, первый по волѣ Ярослава, а второй по волѣ Князя Изяслава. Прочіе Митрополиты были Грчки и приеждались

скопъ и большую часть своихъ Митрополитовъ изъ Греціи. Изъ нея же она получала зодчихъ, живописцевъ и другихъ художниковъ, равно и самыя предметы, къ возвышенію и украшенію жизни служившіе. Такимъ образомъ Россія подчинилась вліянію Греческаго просвѣщенія на развитіе своей умственной жизни,—и въ продолженіе древняго періода сильно стремилась къ усвоенію сего просвѣщенія, въ чемъ и Греція поставляла свои выгоды. Распространеніе оного было тѣмъ большее, что и Болгарія, отъ которой Россія не мало заимствовала для своей грамотности, еще сильнѣе подчинена была вліянію Греческому.

Богослуженіе по чину Греко-восточной Церкви, но на языкѣ Словенскомъ, и письменное употребленіе сего языка въ Россіи, послужили къ живѣйшему раскрытію ея собственной умственной дѣятельности и придали характеръ Словенства развитію въ ней стихіи Греко-Христіанской. Вліяніе оной сопровождалось у насъ развитіемъ своенародной умственной дѣятельности. Потому, хотя въ древнемъ Русскомъ просвѣщеніи господствуютъ вообще и ученныя понятія и художественный вкусъ Греко-Византійскіе; однако видны часто и своеобразныя выраженія Русской жизни, яркіе проблески ума своенароднаго.—

При всемъ разнообразіи своихъ частныхъ явленій древняя жизнь Руси состояла въ сліяніи двухъ новыхъ стихій, т. е. Варяго-Русской и Греко-Словенской,—съ природною Восточно-Словенскою въ одну цѣлость Русскаго духа—и въ постепенномъ, самостоятельномъ его развитіи по всѣмъ частямъ Россіи. Какъ первымъ мѣстомъ соединенія сихъ стихій и образованія изъ нихъ Русскаго духа, такъ и общимъ средоточіемъ распространенія сего духа по Россіи былъ Стольный Кіевъ. Съ упадкомъ Великокняжеской власти Кіева надъ

отъ Царьгородскаго Патріарха: послѣдній изъ нихъ *Иосифъ* убитъ Татарами во время разоренія Кіева 1240 г. Послѣ того десять лѣтъ не было у насъ Митрополитовъ.

Русью рушилось ея первоначальное государственное единство; но съ окончательнымъ упадкомъ Кіева ¹⁾, кончилась и древняя жизнь Руси, и государственная самобытность ея покрылась мглою Татарскаго ига. Нерушимымъ осталось только церковное единство древней Руси, которое во весь древній періодъ пребывало недѣлимимъ и сосредоточеннымъ въ Кіевѣ, въ духовной власти Митрополита Кіевскаго и всея Руси. Изъ сего-то единства возникъ второй періодъ Русской жизни, но уже изъ другаго средоточія—изъ Владиміра Залѣскаго, гдѣ съ половины XII вѣка находился другой, новый Великокняжескій Престоль, и гдѣ новопоставленный (1250 г.) Русскій Митрополитъ Кирилъ II-й основалъ свое пребываніе.

Различая въ древнемъ періодѣ три ступени развитія или отдѣла, взглянемъ на каждый изъ нихъ порознь.

Отдѣлъ первый.

Первый отдѣлъ древняго періода, продолжавшійся 192 года—до кончины Ярослава, ознаменованъ вообще исполинскими движеніями Русской жизни, которыми въ сіе время свершено соединеніе Восточныхъ Словенъ (и нѣкоторыхъ иноплеменныхъ отрослей) въ одно Русское Государство и водворена въ немъ Христіанская Вѣра.—Два первыя десятилѣтія сего отдѣла представляютъ почти современное притеченіе Варяго-Русской стихіи—отъ Балтійскаго моря черезъ Новгородъ, и Греко-Христіанской стихіи—изъ Греціи въ Кіевъ. Между тѣмъ какъ въ Новгородѣ съ 892 года господствовала только собственно-Варяжская сила Рюрикава, соединившая Сѣверно-Русскіе края въ одно Княжество,--Кіевъ съ 864 года сдѣлался другимъ

¹⁾ Первоначальный упадокъ Кіева мы полагаемъ съ того времени, какъ онъ взятъ былъ (1168 г.) Андреемъ Боголюбскимъ, основаннымъ *Великое Княженіе* въ Суздальской землѣ, гдѣ Князь сей предпринималъ учредить и особую Митрополию. Но окончательное паденіе Кіева начинается съ его разоренія Половцами въ 1204 году, въ которомъ и Царьгородъ былъ истребленъ Крестоносцами.

собственно-Русскимъ Княжествомъ Оскольда и Дира, въ которомъ распространялась не одна Варяго-Русская сила, но велось уже и Христіанство, съ 866 года, т. е. со времени перваго крещенія Кіевскихъ Руссовъ и ихъ Князей, свершеннаго въ Царѣгородѣ Патріархомъ Фотіемъ, въ царствованіе Михаила.

Въ 882 году Вѣщій Олегъ, умертвивъ Оскольда и Дира, завладѣлъ ихъ Княжествомъ, и соединивъ съ нимъ свое Княжество Сѣверное въ одно Русское Государство, назвалъ Кіевъ матерью Русскихъ городовъ и водворилъ въ немъ Княжескій родъ Рюрика. Съ той поры Кіевъ сталъ столицею вся Руси,—средоточіемъ, изъ коего развивался обширный кругъ ся древней жизни.—Болѣе цѣлаго столѣтія —до 988 года—Русская жизнь развивала въ себѣ только воинственную стихію Варяго-Русскую и означала себя огромными завоеваніями. Это былъ богатырскій вѣкъ Русской жизни. Христіанство тогда хотя и велось въ Кіевѣ непрерывно, но весьма ограничено. Изъ всего Княжескаго Дома только одна Ольга, уроженка Изборская, была Христіанкою. Прочіе Князья Рюрикова рода были еще весьма преданы язычеству. Такъ Святославу было не любо въ Кіевѣ быти —при жизни Святой матери его, склопявшей его къ крещенію, котораго онъ не терпѣлъ и на которое не хотѣлъ промѣнять своего Перуна и Волоса скотья бога ¹⁾. Особенно Владиміръ, въ первую половину своего княженія, явилъ себя поборникомъ идолопоклонства въ Кіевѣ, гдѣ онъ поставилъ кумиры Перуна, Хорса, Даждьбога, Стрибога, Симарыгла и Мокоша.

Но языческая набожность сего Великаго Князя-Богатыря скоро обратилась къ свѣту истинному, и онъ—принявъ крещеніе въ Корсунѣ 988 года—явился Святымъ, Равно-

¹⁾ Сими богами онъ клялся въ своемъ договорѣ съ Греками. По смерти Св. Ольги, возвратясь въ Кіевъ, онъ разорилъ церковь на Угорскомъ (Оскольдовой мошлѣ) —

апостольнымъ Просвѣтителемъ Россіи. Возвратясь въ Кіевъ, онъ крестилъ сыновей своихъ и народъ Кіевскій, ниспровергъ свои кумиры, вмѣсто ихъ воздвигаль величественныя церкви, и тѣмъ исполнилъ давнее пророчество Св. Андрея Первозваннаго, водрузившаго на Кіевской горѣ свой крестъ, отъ коего Русская Церковь ведетъ свое начало.—Христіанская половина жизни Владиміровой была великимъ временемъ для просвѣщенія Русскаго. «Володиміръ просвѣщенъ самъ, и сынове его, и земля его»—говоритъ Несторъ, описавъ крещеніе Руси. Дѣйствительно: вслѣдъ за тѣмъ, какъ Христіанство возобладало надъ язычествомъ въ душѣ Великаго Русскаго Князя, оно и въ народѣ его сдѣлалось господствующею Вѣрою, и было вѣрнымъ началомъ и залогомъ дальнѣйшаго просвѣщенія Руси. Распространяя крещеніе и церкви по городамъ и селамъ, Владиміръ повелѣлъ заводить школы и отдавать въ нихъ дѣтей на ученіе книжное. Русская Іерархія при немъ стала на степень дѣйствительной митрополіи, и въ 992 году была раздѣлена на епископства ¹⁾. Духовенству далъ онъ Уставъ Церковнаго Суда. Любя дружину свою, онъ заботился объ устроеніи ратномъ; а также—объ устроеніи и Уставѣ землянѣмъ (земскомъ). Такимъ образомъ Св. Владиміръ былъ и первымъ законодателемъ Руси.

Ярославъ Благовластный былъ достойнымъ преемникомъ своего отца. Распространяя церкви и ученіе книжное, онъ также былъ законодателемъ и устройтелемъ земли Русской. Онъ любилъ чтеніе, заставлялъ переводить съ Греческаго на Словенскій языкъ многія книги и списки съ оныхъ, для употребленія народнаго, положилъ въ созданномъ имъ

¹⁾ Въ 992 году было установлено шесть *Епископствъ* или Еписхій: Кіевская, Новгородская, Ростовская, Владиміро-Волынская, Бѣлгородская и Черниговская.—Въ второмъ отдѣлѣ прибавилось еще шесть: Юрьенская или Пороская (на р. Роси), Переясловская, Холмская, Тмутороканская, Турокская и Полоцкая.—Въ третьемъ отдѣлѣ, до нашествія Татарскаго, учреждено еще шесть: Смоленская, Галицкая, Муромско-Рязанская, Суздальская, Черемышльская и Переяслово-Залѣская. Такимъ образомъ, древняя Іерархія Русская, до Митрополита Кирилла II-го, состояла изъ 18-ти Епископствъ.

Софійскомъ соборѣ. При семъ храмъ Ярославъ устроилъ и каѳедру Митрополичью, на которую 1051 г. поставленъ былъ Берестовскій священникъ Иларіонъ—первый Митрополитъ изъ Рускихъ, при томъ посвященный Соборомъ Рускихъ Епископовъ, безъ отношенія къ Патріарху, по волѣ Князя. Огромность Софійскаго храма и нерушимая стѣна его ¹⁾ свидѣтельствуютъ о томъ великолѣпіи, какимъ съ помощію Греческаго художества, украшаемъ былъ Кіевъ, который тогда славился и на Западѣ, какъ великій городъ, соперникъ Царягорода ²⁾.—При Ярославѣ началось возрастаніе и Новгорода, которому—за его услуги—даровалъ онъ гражданскую самостоятельность, узаконилъ ее грамотами и повелѣлъ завести училище на 300 дѣтей, для обученія церковнымъ книгамъ и Греческому языку ³⁾.—И такъ въ послѣднія 66 лѣтъ сего отдѣла Русской жизни, она представляетъ сильное распространеніе Христіанства, которое сливаясь съ Восточно-Словенскою народностью,—уже обновленною и измѣненною вліяніемъ Варяго-Русскимъ,—дало ей новый духъ и образовало ее въ новое бытіе. Главнымъ виновникомъ бытія сего былъ Князь Владиміръ, величайшій Герой и вмѣстѣ Святый Апостоль Русской земли. Онъ есть истинный представитель сихъ исполинскихъ временъ Русской жизни, и потому въ народной памяти первоначальныя вѣка нашей древности сливаются въ одинъ богатыйскій вѣкъ Владиміра, и въ народныхъ пѣснопѣніяхъ сей Князь величается Солнцемъ.

¹⁾ Такъ называется алтарная стѣна сего храма, на которой сохранилась величественная древняя *мусія* (мозаика), представляющая Св. Богородицу —

²⁾ О семъ говорится у Адама Бременскаго, также у Дитмара Мерзебургскаго,—коего сказанія о Кіевѣ приводятъ въ недоумѣніе даже нашихъ Историковъ.

³⁾ Распространителемъ Христіанской Вѣры и учредителемъ перваго училища въ Новгородѣ былъ первый Новгородскій Епископъ Св. *Іоакимъ Корсунянинъ* (съ 992 г., сконч. 1030 г.). Изъ учителей сего Новгородскаго училища извѣстенъ *Евфремъ* (ученикъ Іоакима), упоминаемый въ Новгородской Лѣтописи подъ 1031 г.

Отдѣлъ второй.

Послѣ Ярослава возникли сильныя междоусобія Русскихъ Князей за ихъ удѣлы и Престоль Кіевскій, и Русь была обуреваема разновластіемъ, которое однакожь было еще приведено къ единству Велико-княжеской власти—Владиміромъ II-мъ Мономахомъ. Несмотря на внутреннія волненія Руси, семидесятилѣтіе, составляющее второй отдѣлъ древняго періода, было временемъ наибольшаго процвѣтанія Кіева, сильнѣйшаго раскрытія жизни въ Южной Руси, и успѣховъ Русскаго Христіанства.

При всей междоусобицѣ своей Русскіе Князья не жалѣли своей казны на построеніе церквей и монастырей, заботились объ устройствѣ своихъ Княжествъ, о законодательствѣ,—и многіе изъ нихъ любили просвѣщеніе. Такъ Святославъ Ярославичъ былъ весьма любознателенъ и палаты свои наполнялъ книгами; Всеволодъ Ярославичъ зналъ пять языковъ; а доблестный его сынъ Мономахъ, главный герой сего времени, былъ самъ Русскимъ Писателемъ.

Духовенство наше съ своей стороны способствовало къ утвержденію и распространенію Христіанства—и просвѣщенія умственнаго. Къ тому особенно содѣйствовало образованіе святой Обители Печерской и происшедшее изъ нея сильное распространеніе монастырской жизни. Это было чрезвычайно важное явленіе сихъ временъ, которое послужило окончательно ко внутреннему преобразованію Русскаго духа Христіанствомъ и представляло собою рѣзкую противоположность и борьбу съ мірскою, внѣшнею жизнью. Здѣсь Княжеская власть, разрозненная въ Удѣлахъ, пришла въ борьбу сама съ собою и подорвала, нарушила ея государственную цѣлость Владиміровой Руси. Но распространеніе Христіанства въ Русскихъ Епископствахъ и возвышеніе онаго въ монастыряхъ умножало церковное единство Руси, дробимой на Удѣлы Княжескіе, и укрѣпляло ихъ внутреннимъ, духовнымъ союзомъ.

О монастырѣ Печерскомъ.

Монастыри мужскіе и женскіе были у насъ еще при Владимірѣ и Ярославѣ. Особенно въ княженіе Ярѡслава начали умножаться черноризцы въ Россіи. Но Первоначальникомъ высшаго иноческаго житія въ Россіи былъ Преподобный Антоній, уроженецъ города Любеча. По вторичномъ возвращеніи своемъ съ Аѡнской горы, гдѣ былъ монахомъ Святой мужъ сей, онъ—еще въ княженіе Ярославъ—поселился въ малой пещерѣ, ископанной Иларіономъ надъ Днѣпромъ за Берестовымъ, и здѣсь—въ княженіе Изяслава—основалъ общжитіе братіи Печерской.—Главнымъ ея устройтелемъ былъ Преподобный Θεодосій, одинъ изъ первыхъ учениковъ Антонія, пришедшій къ нему изъ Курска. Въ игуменство Θεодосія число Печерской братіи возросло до ста; потому онъ, испросивъ у Изяслава мѣсто на Берестовомъ полѣ, построилъ тамъ монастырь Печерскій и завелъ въ немъ (1072 г.) порядокъ по Уставу Студійскому. Отсюда Уставъ сей распространился по всѣмъ Русскимъ монастырямъ, и потому Преподобный Θεодосій именуется Начальникомъ Русскихъ иноковъ, а монастырь его, долго называвшійся Θεодосіевымъ, содѣлался образцемъ для всѣхъ монастырей Русскихъ. То былъ истинный вертоградъ Христовой Вѣры, которая здѣсь возрастала сколько въ молитвенныхъ подвигахъ отшельническаго житія, столько и въ дѣятельныхъ подвигахъ общеполезной жизни и просвѣщенія умственного. Сюда стекались люди изъ разныхъ мѣстъ, всѣхъ сословій и возрастовъ, и здѣсь преобразались и уравнивались въ одну Христіанскую братію. Такъ преподобный Варлаамъ, первый Игумень Печерскій, былъ сынъ знатнаго Боярина Юанна. Никола Святоша былъ внукъ Святослава Ярославича: добровольно оставивъ свое Черниговское Княжество, онъ вступивъ 1106 года въ братію Печерскаго монастыря, отдалъ ему свою бібліотеку, устраивалъ при немъ особый больничный монастырь и былъ три года поваромъ, и три года правратникомъ Печерскимъ. Въ томъ же году въ Печерскомъ монастырѣ скончался девяностолѣтній благочестивый инокъ—знаменитый Во-

свода Янъ Вышатиць. Между нетлѣнными останками Печерскихъ Угодниковъ почиваетъ и безсмертный Русскій Богатырь Илья Муромецъ. — Ивоки Печерскаго монастыря (напримѣръ Варлаамъ, Ефремъ Евнухъ) ходили во Святые Мѣста Востока и Греціи, для узнанія порядка церковнаго и для другихъ цѣлей Христіанскихъ. Такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ здѣсь собирались свѣдѣнія о Русской и другихъ земляхъ, и умножались познанія о Церкви и Отецествѣ. Печерскіе ивоки становились Епископами, Настоятелями и основателями другихъ монастырей ¹⁾, и чрезъ то монастырь Θεодосіевъ способствовалъ къ растространенію Христіанскаго духа, къ умноженію церкви и монастырей по всей Россіи. Изъ сей обители Русскихъ Праведниковъ Князья получали благія наставленія, а иногда и смѣлыя укоризны за свои междоусобія и другіе недостатки, какъ напримѣръ Святославъ Ярославичъ отъ Θεодосія, Святославъ Изяславичъ отъ Игумена Іоанна. Обитель Печерская была великимъ училищемъ и просвѣщенія умственнаго, коего главнымъ ревнителемъ былъ Θεодосій, величайшій изъ Отцевъ нашея Церкви. Въ его пещерной келіи инокъ Иларіонъ дни и ночи проводилъ въ списываніи книгъ; блаженный Никонъ занимался ихъ шиваніемъ и обдѣлкою, бывъ художникомъ сего дѣла, для котораго самъ Θεодосій прядъ волну и вервие. Смиренномудрый и любознательный Несторъ, собирая отовсюда преданія и сказанія о Русской землѣ, составлялъ ея Бытовисаніе и описывалъ житія первыхъ Русскихъ Праведниковъ. Инокъ Григорій былъ творцемъ Каноновъ; Алимпій изучился живописи у строившихъ Печерскую церковь Греческихъ художниковъ и былъ безмезднымъ для всѣхъ иконописцемъ; Агапитъ былъ врачомъ безмезднымъ. — Такимъ-то образомъ Обитель Печерская получила первенство предъ всѣми и были

¹⁾ Такъ блаженный *Никонъ*, 4-й Игумень Печерскій основалъ монастырь Богородицкій на островѣ Тмутороканѣ (около 1066 г.); *Стефанъ*, 3-й Игумень Печерскій, построилъ въ Кіевѣ монастырь Еловскій и былъ Епископомъ Владиміро-Волынскимъ; *Ефремъ Евнухъ* былъ Епископомъ Переяславскимъ (съ 1089).

столь полезною для Руси.—Иноческая жизнь, а съ нею и просвѣщеніе, въ сіи времена распространялись и между Россіянками. Такъ въ построенный Всеволодомъ Ярославичемъ (1086 г.) монастырь Андреевскій или Яничъ, постриглись двѣ дочери сего Князя—Анна или Янка и Евпраксія; первая изъ нихъ ¹⁾ любила чтеніе книгъ и, собирая дѣвицъ въ монастырь, учила ихъ грамотѣ пѣнію и разнымъ ремесламъ.

Отдѣлъ третій.

Мономахъ стремился возстановить и укрѣпить государственную цѣлость древней Руси; но послѣ него опять возникло разновластіе на Руси и до конца древняго періода продолжались междоусобія Княжескія, среди коихъ происходило паденіе Кіева и возвышеніе другихъ Княжествъ. Отъ того рушилась на части государственная цѣлость древней Руси, и она образовалась въ нѣсколько отдѣльных и независимыхъ Русскихъ Княжествъ. Одни изъ нихъ, пересиливая и превышая другія, простирали на нихъ свою власть, становились областными средоточіями для нѣсколькихъ, и опять дробились сами на новые Удѣлы, смотря по умноженію наслѣдниковъ своего Князя. Здѣсь повторялось въ частности прежнее общее развитіе цѣлой древней Руси изъ Стольцаго Кіева. Онъ былъ образцемъ для всѣхъ. Каждое Княжество стремилось усвоить себѣ его величіе; и въ каждомъ изъ нихъ одна и та-же Русская жизнь множилась, дробилась и развивалась, болѣе или менѣе самобытно и самостоятельно. Истощаясь въ общемъ средоточіи своемъ—въ Кіевѣ, Русская жизнь расцвѣдалась во всѣхъ концахъ Владиміровой Руси.

Въ Южной Руси, кромѣ Кіева, она распространялась преимущественно изъ Чернигова, Владиміра-Волынскаго и Галича, гдѣ Владимірко образовалъ Княжество Галицкое, возвышенное сыномъ его Ярославомъ Осмо-

¹⁾ Объ этомъ пишетъ Татищевъ въ своей Исторіи.—По смерти Митрополита Іоанна *Добраго*, Янка въ 1089 г. вѣздила въ Царьгородъ и привезла съ собою новаго Митрополита, Іоанна III; скончалась 1113 г.

мыслью, и еще болѣе возвышенное храбрымъ Романомъ, который, присоединивъ свою Волынь къ сему Княжеству, объявилъ Кіевъ Удѣломъ и назвался Самодержцемъ всея Руси. Но еще прежде, чѣмъ такъ возвысилась Юго-западная или Галицкая Русь, новый Великокняжескій Престолъ былъ утвержденъ (1157 г.) Андреемъ Боголюбскимъ во Владиміръ-Залѣскомъ, гдѣ отецъ его Юрій Владиміровичъ Долгорукій основалъ и застроилъ городами Княжество Суздальское, которое и стало сильнѣйшимъ, господствующимъ Княжествомъ Руси. На Сѣверо-Западѣ Русскомъ, главнымъ было Княжество Полоцкое, усиленное грознымъ Всеславомъ; но потомъ ослабленное Кіевскимъ Княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ Великимъ и междуособіями собственныхъ Князей.—Въ средней Руси развитіе жизни происходило преимущественно изъ Смоленска и Рязани.

Что касается до Русскаго Сѣвера, то здѣсь господствовали Новгородъ, прежде и болѣе другихъ самостоятельный и особенный. Управляясь своимъ Вѣчемъ, избирая самъ себѣ Князя—отъ Князей Русскихъ, и Владыку или Архіепископа—по благословенію Митрополита Кіевского, —Новгородъ принималъ малое участіе въ Княжескихъ дѣлахъ Руси. Въ развитіи общей жизни ея онъ участвовалъ своимъ, народнымъ образомъ. Распространяясь поселеніями и владѣніями своими далеко на Сѣверъ и Востокъ, онъ водворялъ между Чудью и Нѣмцами свою Словено-Русскую народность, развивалъ въ Сѣверной Руси предпріимчивый духъ промышленности и дѣятельности внѣшней;—а по своимъ сношеніямъ съ Нѣмцами занялъ отъ ихъ Западной жизни болѣе другихъ областей Русскихъ. Отъ Новагорода сдѣлался самостоятельнымъ Псковъ, и образовалось независимое поселеніе Хлыновское на Вяткѣ.

Раздробленіе Владиміровой Руси и междуособія Княжескія были необходимымъ слѣдствіемъ Варяжскаго господства, по Удѣламъ: и оно само сокрушило государственную цѣлость древней Руси, еяже силою созданную. Но въ замѣвъ сего внѣшняго единства Руси, возростало въ ней живое единство внутреннее, изъ коего надлежало впоследствии возникнуть

другой, болѣе прочной и полной государственной ея цѣлости. — Средствомъ къ тому было образованіе Руси въ особыя Княжества, отъ котораго прежнее разнообразіе племень, сначала связанныхъ только единствомъ Княжеской власти, объединялось и проникалось новою, Русскою жизнію. Потому сіи удѣльныя времена дробнаго и частнаго образованія Руси были даже необходимою ступенью въ долговѣчномъ и постепенномъ развитіи великой жизни ея. Потому-то сіи времена, мрачныя и кровавыя—по непрестаннымъ междоусобіямъ, являютъ много свѣтлаго и живоноснаго; и самая борьба Удѣловъ принесла свою пользу для народа и для грядущаго величія Руси, которая собственнымъ опытомъ извѣдала и пережила бѣдственную годину разновластиа и отъ него происходящихъ смятеній внутреннихъ. Все безславіе междоусобій пало на Удѣльныхъ Князей; при всемъ томъ многіе Князья того времени прославили себя доблестями гражданскими, воинскими и христіанскими. Въ порывахъ своего властолюбія они устремлялись иногда къ единству Руси, иногда воздвигались за общее благо и славу ея. Съ дѣтства постригаемые на всадничество ¹⁾, они были всегда вождями дружинъ своихъ—и въ злыхъ сѣчахъ междоусобныхъ, и въ борьбѣ съ врагами внѣшними—и продолжали въ народѣ ратный духъ, который возвышался попятіемъ чести и славы, усиливался любовью къ Русской землѣ и враждою на поганыхъ. «Брань славна лучче міра студна»—говорили наши иноки-лѣтописатели.—Стремясь къ возвышенію своихъ Удѣловъ, Князья строили города, воздвигали церкви, заводили школы, распространяли единство понятій, законовъ и порядка гражданскаго, и были главными орудіями распространенія новой Русской жизни и народности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ея просвѣщенія.—Бывъ преданы Православной Вѣрѣ, они способствовали Духовенству къ распространенію и возвышенію нашей Церкви и къ ея охраненію отъ азычества и ересей.

¹⁾ Рыцарскіи обычай *пострига* и сажанія на коня малолѣтнихъ дѣтей Княжескихъ, перешелъ потомъ и въ наше Козачество, которое представляетъ собою рыцарство народное,

Многіе Князья любили науки и художества, и заботились объ ихъ умноженіи: и они дѣйствительно умножались уже и въ Южной и Сѣверной Руси ¹⁾. Нѣкоторыя Княгини и Княжны также прославились добродѣтелями христіанскими и любовію къ просвѣщенію, — напримѣръ Святая Евфросинія, Княжна и Игуменья Полоцкая, день и ночь трудившаяся надъ списываніемъ книгъ и скончавшаяся въ Іерусалимѣ 1173 года.

Но главнѣйшимъ дѣятелемъ въ распространеніи Вѣры и просвѣщенія книжнаго было духовенство, которое не только распоряжалось дѣлами церковными, но принимало постоянное участіе и во многихъ мірскихъ дѣлахъ Руси, — отъ котораго и Князья получали свое просвѣщеніе и нерѣдко бывали примиряемы въ своихъ междуусобіяхъ. Потому древнее просвѣщеніе наше было по преимуществу духовное. — Средоточіемъ церковнаго единства и духовнаго просвѣщенія Руси постоянно оставался Кіевъ, какъ потому, что здѣсь была до конца древняго періода Митрополія всея Руси, такъ и потому, что монастырь Печерскій, въ 1159 году возышенный на степень Лавры, не переставалъ быть главнымъ разсадникомъ служителей Церкви и распространителей Православія, и пользовался первостепеннымъ и величайшимъ уваженіемъ въ цѣлой Руси.

Такимъ-то, совокупнымъ дѣйствіемъ Духовенства и Князей, болѣе и болѣе распространялась наша Православная Церковь, а съ нею умножалось и умственное просвѣщеніе Руси. Впрочемъ, хотя просвѣщеніе велось преимущественно въ Духовенствѣ и между Князьями, однако оно переходило и на другія высшія сословія народа — Бояръ, Воеводъ, Посадниковъ, отражаясь болѣе или менѣе и на простомъ народѣ.

¹⁾ Андрей Боголюбскій, который у насъ былъ называемъ *вторымъ Соломономъ*, украшалъ Владимірскую церковь Св. Богородицы *Нильскими* художниками; но въ 1194 г. Епископъ Іоаннъ возобновилъ ее и украсилъ одними Русскими художниками. Въ Кіевѣ тогда славился водчій Милонъ — Петръ. — Романъ Ростиславичъ въ Смоленскѣ завелъ духовныя школы, въ коихъ учили не только Греческому, но и Латинскому языку.

Въ концѣ XII столѣтія было еще язычество у нѣкоторыхъ нашихъ Словенъ, напримѣръ у Вятичей, которые изрубили Кіево-Печерскаго инока св. Кукшу за проповѣдованіе у нихъ Христовой Вѣры. Но къ исходу древняго періода всѣ Русскіе Словены были уже Христіанами. Вотъ главное, вѣковѣчное дѣло Кіева для общей жизни Россіи!—Ревность Христіанская возрастала во всѣхъ концахъ Руси. Многіе граждане жертвовали достояніемъ своимъ для церквей и монастырей. Толпы народа изъ разныхъ краевъ Руси ходили на поклоненіе св. мѣстамъ Іерусалима и Царягорода; другіе, отлагаясь отъ всего житейскаго и мірскаго, шли въ монастыри и предавались тамъ жизни исключительно Христіанской ¹⁾.—

Вѣра Христова, проникая постепенно въ народъ Русскій, просвѣщала умъ его познаніемъ истиннаго Бога и превозмогала язычество въ главной его основѣ. Однако многія языческія понятія, вѣрованія и обычаи, сращенные вѣками съ умомъ и жизнію народа, не вдругъ и не вполнѣ были оставляемы; но продолжались еще въ народѣ, только преобразаясь въ новый видъ и соединаясь съ понятіями и предметами Христіанскими. Народъ забывалъ прежнихъ боговъ своихъ; но ихъ качества иногда усвоилъ Святымъ нашей Церкви ²⁾. Языческіе обряды, празднества теряли свою первоначальную важность и обращались въ народныя игрища, сопровождавшія собою праздники Христіанскіе и разные случаи домашней и общественной жизни народа. — Умственная дѣятельность его, вращаясь между новыми Христіанскими и прежними языческими своими понятіями и предметами, раз-

¹⁾ Изъ исторіи извѣстно, что многіе Князья и Книгини также доканчивали жизнь свою въ монашествѣ и схимѣ.

²⁾ Такъ вмѣсто главнаго бога Перуна, производителемъ грома и молніи народъ сталъ почитать св. Ілію Пророка, во имя коего была въ Кіевѣ первая *соборная* церковь Христіанской Руси; а съ именемъ *перуна* сталъ соединять простое понятіе грома. Относительно сего и прочаго, принадлежащаго къ народной старинѣ Русской, смотри сочиненіе *Снегирева*—Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. М. 1837. Также *Сазарова*—Связанія Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ. Спб. 1837.

нообразила и умножала сочетаніе оныхъ. Такимъ образомъ она произвела свой собственный, смѣшанный міръ понятій, повѣрій, обычаевъ, въ которомъ при свѣтѣ истинной Вѣры пестрѣтъ еще прадѣдовская, языческая старина Русской земли. Простонародье наше и понынѣ не вышло изъ сего радужнаго міра привычной старины своей,—хотя и въ древнее и среднее время учителя церковные сильно возставали противъ всего, что мѣшало чистотѣ Христіанства.

ГЛАВА III.

Общее обозрѣніе русскихъ писателей и памятниковъ словесности древняго періода.

Первоначальная Словесность Руси, какъ и всякаго народа, была только изустная; но съ распространеніемъ Христіанства и просвѣщенія она возвысилась на степень образованія письменнаго. — Не все, что составляло нашу Словесность въ древнемъ періодѣ, дошло до нашихъ временъ: многіе памятники ея утратились; иные достались намъ не въ подлинномъ видѣ, но съ измѣненіями позднѣйшими; объ нѣкоторыхъ древнихъ писателяхъ нашихъ мы знаемъ только по именамъ ихъ, или-же по немногимъ отрывкамъ ихъ произведеній. Тѣмъ болѣе достойно замѣчанія и изслѣдованія все, что уцѣлѣло,—и не потому только, что оно любопытно, какъ предметъ отечественной древности, и принадлежитъ Исторіи, какъ явленіе или событіе дѣйствительное. Еще болѣе оно занимательно потому, что изъ сихъ остатковъ первоначальной дѣятельности Русскаго ума, открывается его свойство и сила, ходъ его жизни и та степень просвѣщенія, на которой уже былъ онъ въ древнее время; слѣдственно, ими поясняется вся древняя жизнь нашего Отечества, а чрезъ то и цѣлая жизнь его. По сему отношенію каждый Русскій Писатель древняго времени, хотя бы извѣстенъ былъ только по имени,

и каждое извѣстіе о древнихъ Русскихъ писаніяхъ, хотя бы они уже утратились, — достойны воспоминанія въ Исторіи древней Русской Словесности, ибо тѣмъ доиолняется утраченная полнота ея. Исторія дорожитъ каждымъ остаткомъ отъ древняго періода и какъ памятникомъ тогдашняго языка: ибо только изъ совокупнаго ихъ разсмотрѣнія объясняются природныя свойства и образованіе нынѣшнихъ видовъ Русскаго языка, книжнаго и народнаго ¹⁾.

Отдѣлъ первый.

Письменная Русская Словесность, до кончины Ярослава, состояла въ памятникахъ, относящихся или къ Богослуженію, или къ Законоположенію—двумъ существеннымъ и необходимымъ потребностямъ народа, при его образованіи въ новую государственную жизнь ²⁾.

Съ принятіемъ и распространеніемъ Христіанства, во время возрастанія Кіева, произошло у насъ введеніе и распространеніе Богослужебныхъ книгъ и церковнаго уложенія или Номоканона, на языкѣ Словенскомъ, что и послужило основаніемъ нашей письменной Словесности. Книги сіи заимствованы Русью изъ Греціи и Болгаріи, гдѣ онѣ и переведены были съ языка греческаго; но при Ярославѣ у насъ были уже собственныя переложенія церковныхъ книгъ съ греческаго языка на Словенскій ³⁾.

¹⁾ Изложеніе древней Русской Словесности, болѣе или менѣе полное и удовлетворительное, находится въ сочиненіяхъ, поименованныхъ во Введеніи.—Кромѣ того замѣчательенъ очеркъ ея, сдѣланный *Н. Полевымъ*, во 2-й части Исторіи Русскаго народа.

²⁾ Неизвѣстно, откуда взялъ Емилъ, что при Ярославѣ Епископъ Лука перевелъ много Церковныхъ Греческихъ книгъ на языкѣ Словенскій.

³⁾ Татищевъ въ своей Исторіи помѣстилъ отрывки изъ Лѣтописи, приписанной *Іоакиму Корсулянину*, первому Новгородскому Епископу (съ 992 по 1130 годъ). Но сія такъ называемая Новгородская Лѣтопись непризнана достоверною и отвергнута, хотя Татищевъ, Болтинъ и нѣкоторые другіе вѣрили ей, и хотя нѣкоторыя извѣстія въ ней въ самомъ дѣлѣ правдоподобны. Впрочемъ могло быть, что Іоакимъ составлялъ какія нибудь лѣтописныя замѣчанія: допускаетъ же и Карамзинъ существованіе у насъ мо-

Въ X вѣкѣ, еще до времени Владиміра, написаны были въ Греціи три договора Руси съ Греками, а именно договоръ Олеговъ 912 г., съ Игоремъ 945 г., и Святославовъ 971 г.—Сии договорныя или урядныя грамоты, по обычаю Греціи написаны были вдвойнѣ: на языкѣ Греческомъ и на Словено-Русскомъ; на семъ послѣднемъ языкѣ они сохранились въ лѣтописи Несторовой.

При Владимірѣ и Ярославѣ составлены были въ Кіевѣ слѣдующіе памятники законодательныя. 1) Уставы по дѣламъ церковнымъ; таковы: св. Владиміра завѣтная грамота о десятинахъ и уставъ о церковныхъ судахъ (996—1011); Ярославовы уставы о церковныхъ судахъ и о свободѣ Духовенства отъ пошлинъ (1051—1054). 2) Уложеніе мірскаго суда, извѣстное подъ именемъ Правды Русской, которая отъ Ярослава дана была изъ Кіева Новгородцамъ въ 1016 году, вмѣстѣ съ уставомъ или грамотою льготною, до насъ недошедшею.

Отдѣлъ второй.

Съ возрастаніемъ Христіанской жизни и просвѣщенія въ Кіевѣ, во время его процвѣтанія, — умственная дѣятельность, особенно Южной Руси, обнаружилась многими замѣчательными произведеніями Словесности; и мы можемъ назвать слѣдующихъ двѣнадцать Писателей, принадлежащихъ къ сему семидесятилѣтію.

1. Лука, по прозванію Жидята или Жирята, второй Епископъ Новгородскій, поставленный Ярославомъ около 1030 г., скончавшійся 1056 г.—Ему въ нашихъ лѣтописяхъ приписано Поученіе къ братіи, первое изъ дошедшихъ къ намъ поученій.

2. Преподобный Феодосій, 2-й игумень Печерскій. Родомъ былъ изъ Василькова (близъ Кіева); но юность про-

настырскихъ записокъ прежде Нестора, и почему нибудь приписаны же Голкиму Лѣтопись, хотя и подложная, — также какъ потомъ были приписаны Волян (однимъ Грузиномъ) Гимны собственной выдумки.

вель въ Курскѣ, откуда и пришелъ къ Аптонію на 23 году своей жизни; скончался 1074 г., 3 мая. Достоправное и назидательное житіе сего Святаго и великаго дѣятеля древняго времени подробно описано въ Патерикѣ Печерскомъ.—До насъ дошли нѣсколько его Поученій къ братіи и отвѣтное Посланіе къ Изяславу о Варяжской Вѣрѣ. Къ Святославу онъ писалъ нѣсколько обличительныхъ Посланій за Изяслава; но они къ сожалѣнію утратились.

3. Іоаннъ, дьякъ, по всей вѣроятности Кіевскій. По желанію Святослава Ярославича, онъ написалъ два Сборника, извлеченные имъ изъ многихъ книгъ, принадлежавшихъ сему Князю: одинъ Сборникъ въ 1073 году, другой въ 1076 г. Особенно замѣчательнъ первый Сборникъ, содержащій извлеченія изъ Святыхъ Отцевъ Церкви и другихъ Греческихъ Писателей о предметахъ Христіанскаго ученія, а также и другихъ наукъ—Любомудрія, Риторики и Лѣтописанія Греческаго.

4. Іоаннъ II, родомъ Грекъ, 7-й митрополитъ Кіевскій, скончавшійся 1089 г. По сказанію Нестора, онъ былъ «мужъ хитръ книгамъ и ученію» и весьма добродѣтеленъ, за что и прозванъ Добрымъ. Онъ написалъ отвѣтное Посланіе къ черноризцу Іакову о Церковныхъ Правилахъ на разные случаи.

5. Преподобный Несторъ, Лѣтописецъ Печерскій, отецъ бытописанія Русскаго. Родился 1056 г., неизвѣстно гдѣ; на 17 году своей жизни принятъ былъ (1073 г.) Θεодосіемъ въ монастырь Печерскій, но постриженъ въ монахи и діаконы уже Игуменомъ Стефаномъ. Когда скончался—неизвѣстно; въ Патерикѣ сказано только: «поживе-же лѣта довольна, труждаяся въ дѣлехъ лѣтописанія и лѣта вѣчная поминая, и тако добрѣ угоди Творцу лѣтомъ». Но судя потому, что его Лѣтопись или Повѣсть временныхъ лѣтъ прекращается около 1110 года, можно полагать, что вскорѣ послѣ того скончался и самъ безсмертный Лѣтописатель ¹⁾.

¹⁾ Къ подробностямъ Несторовой жизни принадлежитъ отысканіе и ископаніе мощей Θεодосія, которое въ 1091 г. возложено было на него Святѣмъ Печерской братіи.

Кромѣ Лѣтописи Несторъ написалъ особо Житіе Бориса и Глѣба, Житіе Θεодосія и Житіе Антонія: послѣднее утрачено было еще въ древнее время, и по воспоминанію написано вновь св. Симономъ.

6. Между Печерскими иноками во время Несторова былъ «Григорій, творецъ Каноновъ», упоминаемый въ Патерикѣ (въ житіи Никиты).

7. Василій, по мнѣнію Карамзина—монахъ или священникъ Волинскій, современникъ Нестора, дополнившій его Лѣтопись описаніемъ нѣкоторыхъ событій Юго-западной Руси, особенно переговоровъ своихъ съ заключеннымъ во Владимірѣ кн. Василькомъ, 1098 года. Ему случилось быть тогда во Владимірѣ «смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей»¹⁾.

8. Сильвестръ, Игумень Выдубецкаго монастыря, а съ 1119 г. Епископъ Переясловскій; скончался 1124 г. Онъ считается первымъ продолжателемъ Несторовой Лѣтописи; впрочемъ Карамзинъ думалъ, что Сильвестръ былъ только переписчикомъ.

9. Даніилъ, Игумень, кажется Черниговскій. Около 1105 г. былъ во Святыхъ Мѣстахъ Палестинскихъ, и свое любопытное хожденіе описалъ подъ именемъ Паломника.

10. Никифоръ, родомъ Грекъ, 11-й Митрополитъ Кіевскій (съ 1104 по 1121 годъ), написалъ два Посланія къ Мономаху—одно о постѣ, душѣ и пяти чувствахъ, другое о Латинской Вѣрѣ—и Посланіе къ Ярославу Святославичу Князю Муромскому.

11. Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, великій Князь Русскій, скончавшійся 1125 г., написалъ Посланіе къ Князю Олегу (въ 1096 г.), Поученіе своимъ дѣтямъ и Молитву. Къ Русской Правдѣ прибавилъ онъ статью о ростахъ.

¹⁾ Сія слова, неизвѣстно изъ какой Лѣтописи взятыя Татищевымъ (стр. 181), относятся къ сему Василію.

12. Боянъ, славный Русскій Пѣснотворецъ, воспѣвавшій Всеслава Полоцкаго и другихъ Русскихъ Князей. Время жизни его можно положить въ началѣ XII вѣка.

Соображая все, что осталось отъ сихъ Русскихъ Писателей, можно замѣтить въ нихъ во-первыхъ—направленіе поучительное, которое устремлялось преимущественно къ утвержденію Православія въ дѣйствіяхъ и правилахъ жизни общественной и частной, и выражалось въ живой формѣ поученія и посланія; во вторыхъ—тѣмъ же духомъ проникнутое направленіе повѣствовательно-или историческое, которое выражалось съ одной стороны—лѣтописаніемъ или повѣстію историческою, жизнеописаніемъ и описаніемъ хожденія или путешествія, съ другой стороны—пѣснотворческою повѣстію о былинахъ Русской земли. И такъ поучительность и повѣствовательность, въ духѣ жизнедѣятельной положительности и Православія: вотъ признаки Рускаго ума, на второй ступени развитія древней Словесности! Можемъ замѣтить, что и въ послѣдующее время поучительный и историческій родъ были постоянными въ нашей Словесности.

Отдѣлъ третій.

Въ XII вѣкѣ было вообще сильнѣйшее распространеніе и развитіе древней Русской Словесности, и несмотря на упаданіе Кіева, все еще Южная Русь была главнымъ разсадникомъ оной и для Востока и для Запада Русскаго. Въ Новѣгородѣ также съ гражданскимъ его возвышеніемъ и умственная дѣятельность начала выражаться въ собственныхъ произведеніяхъ письменной Словесности.

Изъ Кіевскихъ Писателей сего времени должно вспомнить во-первыхъ о Кліментѣ или Климѣ Смолятичѣ, который сначала былъ Кіевскимъ схимникомъ, а потомъ 1147 г., по настоянію Князя Изяслава Мстиславича, посвященъ Соборомъ Русскихъ Епископовъ въ Митрополиты, и въ санѣ семь находился до 1156 года. По сказанію Лѣтопи-

сей, онъ былъ книжникъ и Философъ, какого прежде не было въ Руси «и много написанія написавъ предаде»; но къ сожалѣнiю до насъ не дошло ничего изъ его писанiй.

14. Въ замѣнъ того осталось намъ богатство изящныхъ произведенiй знаменитаго Русскаго Вити Св. Кирилла Туровскаго: его поучительныя Слова, духовныя Притчи, Толкованiе о чинѣ монашескомъ, Молитвы и Канонъ о покаянiи. Святой мужъ сей былъ уроженецъ города Турова (на рѣкѣ Припети), гдѣ онъ спасался въ столпѣ, а потомъ, по просьбѣ Туровскаго Князя и гражданъ, былъ Епископомъ Туровскимъ въ третьей четверти XII вѣка и скончался около 1182 года. Въ продолженiе своего Епископства онъ былъ въ сношенiяхъ съ Андреемъ Боголюбскимъ, къ которому писалъ многія Посланiя до насъ не дошедшiя.

15. Къ Восточно-Русскимъ Писателямъ первой половины XII вѣка принадлежитъ Данило Заточникъ, извѣстный своимъ Посланiемъ къ Юрiю Долгорукому, которое онъ написалъ находясь въ заточенiи на озерѣ Лачѣ (Полонецкой губернiи). Неизвѣстно, за что туда былъ сосланъ симъ Княземъ Данило и кто такой былъ онъ; но изъ Посланiя видно, что онъ былъ свѣтскiй и знатнаго рода.

16. Древнее Русское пѣснопѣнiе красуется Пѣснiю о полку Игоревѣ, сложенною въ концѣ XII вѣка—безыменнымъ Пѣвцемъ, который безъ сомнѣнiя былъ современникъ своего героя Новгородъ-Сѣверскаго Князя, вѣроятно принадлежалъ къ его дружинѣ и даже участвовалъ въ воспѣтомъ имъ ополченiи на Половцевъ 1185 года.

Къ числу Кiевлянъ, писавшихъ въ началѣ XIII вѣка въ Суздаль принадлежатъ Св. Симонъ и Поликарпъ.

17. Св. Симонъ сначала былъ Кiевопечерскимъ монахомъ, а съ 1215 г. первымъ Епископомъ Владимiрскимъ и Суздальскимъ. По набожной преданности своей Печерскому монастырю, онъ собиралъ всѣ объ немъ свѣдѣнiя, желая сохранить ихъ отъ забвенiя, и написалъ Сказанiе о создании Печерской церкви и Житiе Антонiя; сверхъ того описалъ вкратцѣ житiя нѣсколькихъ другихъ Угодни-

ковъ Печерскихъ въ Посланіи къ Поликарпу. Скончался 1226 года; мощи его по завѣщанію перенесены въ Кіевскія пещеры.

18. Поликарпъ, монахъ Кіевопечерскій, сродникъ и ученикъ Симона, былъ нѣкоторое время съ нимъ во Владимірѣ, откуда около 1218 года написалъ Посланіе къ Печерскому Архимандриту Акиндину II, и при ономъ житіи нѣсколькихъ Печерскихъ Угодниковъ, какъ слышалъ объ нихъ отъ Симона. Вскорѣ послѣ того онъ опять возвратился въ Печерскую Лавру, гдѣ и былъ, кажется, Архимандритомъ, послѣ Акиндина ¹⁾.

Изъ Грековъ Митрополитовъ Кіевскихъ въ семь отдѣлѣ были два Писателя ²⁾.

19. Іоаннъ IV, 17-й Митрополитъ (съ 1164 по 1166 г.), написалъ на Греческимъ языкѣ отвѣтное Посланіе къ Римскому Папѣ Александру III о различіи Западной Церкви отъ Восточной. Можетъ быть тогда же сдѣланъ былъ Словенскій переводъ сого Посланія, который извѣстенъ былъ у насъ въ старину.

20. Кириллъ I, 21-й Митрополитъ Кіевскій (съ 1224 по 1233 г.), написалъ нѣсколько поучительныхъ Словъ.

Что касается до Русскаго Лѣтописанія, то и въ Кіевѣ и на Волыни и въ Суздаль ³⁾ было нѣсколько безъименныхъ Лѣтописателей, коихъ трудами продолжалась непрерывно Несторова Повѣсть временныхъ лѣтъ.

¹⁾ См. Описаніе Кіевопечерской Лавры, Кіевъ, 1831 г. (митрополита Евгенія).

²⁾ Къ писателямъ Греческимъ принадлежитъ нашъ второй митрополитъ *Леонтій* (сконч. 1008 года), котораго посланіе къ *Латинамъ* объ *оприснокахъ* находится въ числѣ Греческихъ рукописей Московской Синодальной или Патріаршей библіотеки.

³⁾ Къ Суздальскимъ лѣтописателямъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, принадлежитъ любознательный князь *Константинъ Всеволодовичъ*, который (по извѣстіямъ Татищева) имѣлъ у себя до *тысячи* Греческихъ книгъ. — Татищевъ полагаетъ, что св. Симонъ продолжалъ Русское лѣтописаніе въ Суздаль, а св. Нисонтъ — на Волыни; но это только догадки.

Изъ Новгородцевъ, между древними Русскими Писателями, извѣстны слѣдующіе.

21. Кирикъ или Кириакъ, родился 1110 г., былъ діакономъ при славномъ Новгородскомъ Епископѣ св. Нифонтѣ (скончавшемся 1156 г.), потомъ долго еще оставался Священникомъ въ Новгородѣ, во время Аркадія и Иліи. На 23 году своей жизни, Кирикъ составилъ Число ученіе, родъ Хронологіи; а потомъ велъ Записки своихъ бесѣдъ, съ Нифонтомъ и другими духовными лицами, о разныхъ церковныхъ предметахъ, извѣстныя подъ именемъ **Вопрошаній**.

22. Андрею, бывшему Игуменомъ Антоніевскаго монастыря (съ 1147 по 1157) приписано Митрополитомъ Евгениемъ **Житіе Св. Антонія Римлянина**, учителя и предшественника Андреева; но П. Строевъ пишетъ (въ своемъ Хронологическомъ Указаніи), что сіе житіе составлено въ XVI вѣкѣ.

23. Св. Іоаннъ, уроженецъ и Священникъ Новгородскій, бывший потомъ первымъ Архіепископомъ (съ 1165 г.), подъ именемъ Иліи; скончался 1186 г., принявъ схиму и прежнее имя Іоанна. Архіепископъ Ілія написалъ (съ неизвѣстнымъ по имени Епископомъ Бѣлгородскимъ) **Правило** на два церковныхъ случая; а 28 отвѣтовъ его записаны въ **Вопрошаніяхъ Кириковыхъ**.

24. Въ половинѣ XII вѣка Новгородскимъ Лѣтописателемъ былъ Священникъ, поставленный Нифонтомъ 1144 года. Митрополитъ Евгенийъ доказывалъ, что это былъ Св. Іоаннъ.

25. Антоній, въ мѣрѣ именованійся **Добрынею** Адрейковичемъ, былъ монахомъ Хутынскаго монастыря а съ 1212 г. Архіепископомъ Новгородскимъ; **скончался** 1231 въ томъ же монастырѣ. Въ 1200 году Антоній ходилъ въ Царьгородъ и написалъ **Паломникъ**.

26. Изъ Новгородскихъ Лѣтоисателей XIII-го вѣка извѣстенъ Тимоѳей, пономарь, упоминающій о себѣ подъ 1230 годомъ ¹⁾).

Въ началѣ XII вѣка, кажется, начата и Лѣтопись Псковская.

Къ сему же третьему отдѣлу древняго періода принадлежатъ слѣдующіе Грамоты и Уставы. 1) Грамота, жалованная Новгородскому Юрьевскому монастырю Кіевскимъ Княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ, 1128 г. 2) Грамота, жалованная Церкви Іоанна Предтечи Новг. Княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ, около 1130 г. 3. Уставъ церковный Новг. Князя Святослава Ольговича Новгородскому Софійскому Собору, 1137 г. 4) Уставъ о мостѣхъ (мостовыхъ) Новгородскихъ, принадлежащій по всей вѣроятности Ярославу Владиміровичу II, бывшему Новгородскимъ Княземъ въ концѣ XII вѣка. Изъ сихъ Грамотъ только первая сохранилась въ подлинникѣ. 5) Отъ XIII вѣка осталась въ подлинникѣ Договорная Грамота Смоленскаго Князя Мстислава Давидовича съ Ригю и Готскимъ берегомъ, 1228 г.

Вотъ письменная Русская Словесность отъ кончины Мономаха до нашествія Татарскаго. Въ ней господствуетъ тоже поучительное и повѣствовательное направленіе. Но Христіанское поученіе уже достигло до истиннаго, роскошнаго витійства—въ Словахъ Кирилла Туровскаго; Лѣтописаніе Русское велось непрерывно; а пѣснотворческое повѣствованіе завершилось цѣлою, стройною Пѣснію о Полку Игоревѣ, въ которой народная Словесность является въ образованіи письменномъ.—

И такъ въ древнемъ періодѣ Русской Словесности можно безъ сомнѣнія считать около 25 Писателей, сверхъ безыменныхъ Лѣтописцевъ, неизвѣстныхъ переводчиковъ Церковныхъ Книгъ и участниковъ въ составленіи памятниковъ законодательныхъ.

¹⁾ Въ другомъ позднѣйшемъ спискѣ Новгородской лѣтописи, вмѣсто Тимоѳея, поставлено имя священника Іоанна.

Изъ сего числа только четыре Митрополита были Греки, впрочемъ знавшіе Церковно-Словенскій языкъ и писавшіе на ономъ, кромѣ Іоанна IV. Прочіе наши древніе Писатели безъ сомнѣнія были Рускіе. Изъ всѣхъ ихъ только Мономахъ, Боянъ, Данило Заточникъ и Пѣвецъ Игоря были свѣтскіе; прочіе же принадлежали къ Духовенству ¹⁾. Потому-то и наша древняя Словесность имѣетъ преимущественно направленіе духовное, даже у Мономаха и Данила Заточника.

Большая часть древнихъ Писателей нашихъ была изъ Южной Руси, вслѣдствіе большаго и полнѣйшаго раскрытія въ ней умственной дѣятельности и всей вообще внутренней жизни. Въ Новѣгородѣ, преданномъ болѣе внѣшней дѣятельности, и письменная Словесность началась позднѣе, была мельче въ своемъ развитіи и одностороннѣе положительна въ своемъ направленіи. При всемъ вліяніи Греческомъ на нашу письменную Словесность, она не была исключительно подражательною, но имѣла много и своеобразнаго, — что становится виднымъ даже изъ сличенія писаннаго нашими Митрополитами Греками и природными Русскими Писателями.

Письменное образованіе древней Русской Словесности не остановило собою прежняго изустнаго ея развитія въ народѣ, — и народная жизнь продолжала выражать себя въ пословицахъ или притчахъ, въ пѣсняхъ и въ сказаніяхъ или сказкахъ, которыя распространялись и сохранялись изустнымъ преданіемъ. Собственно народная или изустная Словесность шла у насъ объ-руку съ Словесностію образованною или письменною. Народъ Русскій богатъ памятниками обѣихъ. И если сравнить древнюю Русскую Словесность съ современнымъ ей состояніемъ Словесности у За-

¹⁾ Къ числу главныхъ сочиненій, въ которыхъ описана жизнь духовныхъ писателей древняго времени, принадлежатъ патерикъ Печерскій и Четь-Минеи — Счетъ Къ всѣмъ митрополитовъ принять мною по *Киевскому Синописису*, изданному 1836 года митрополитомъ Евгеніемъ, которому я слѣдовалъ и въ числѣ Русскихъ Епископствъ. — Замѣтимъ еще, что Новгородскіе епископы Іоакимъ, Лука и Антоній принадлежатъ къ числу святыхъ Угодникъ въ, чтимыхъ въ Новѣгородѣ.

падныхъ народовъ, то конечно ни одинъ изъ нихъ не возьметъ преимущества передъ нами; но крайней мѣрѣ намъ неизвѣстно ничего въ XI и XII вѣкѣ на Западно-Европейскихъ языкахъ, что превосходило-бы Лѣтописаніе Нестора, Слова Кирилла Туровскаго и Пѣснь о полку Игоревѣ.

ГЛАВА IV.

О народномъ Русскомъ языкѣ и его видоизмѣненіяхъ.

Собственно Русскимъ языкомъ называется у насъ теперь языкъ Великороссіянь, которые сами себя зовутъ и въ Малороссіи называются—собственно Русскими; народный же языкъ Южной Руси называется обыкновенно Малороссійскимъ нарѣчіемъ, также какъ народный языкъ Бѣлой Руси—нарѣчіемъ Бѣлорусскимъ. Но въ Галиціи и по сю пору тамошній языкъ не пересталъ называться просто языкомъ Русскимъ—тѣмъ именемъ, которое и всей Южно-Русской рѣчи принадлежало изстари, которымъ назвалась она первая, еще прежде чѣмъ усвоилось оно языку Великороссіянь (какъ и самое имя Руси или Русской земли сперва принадлежало Кіевской землѣ или Украинѣ). Потому имя Русскаго языка въ обширномъ смыслѣ должно принимать какъ родовое имя, столько же принадлежащее языку всей Южной Руси, сколько и языку всей Сѣверной Руси; и въ такомъ общемъ значеніи Русскій языкъ можно бы называть Восточно-Словенскимъ. Три вида сего языка, принадлежащіе тремъ видамъ Русскаго народа, столько между собою различны, что ихъ можно принимать не какъ три нарѣчія, но какъ три особыя однородныя языка, наравнѣ съ прочими Западно-Словенскими языками, и даже съ большимъ правомъ, чѣмъ языки Польскій, Сербскій, Чешскій и Словацкій; ибо сіи послѣдніе сходнѣе между собою, чѣмъ Южнорусскій съ Великорус-

скимъ и даже съ Бѣлорусскимъ. И такъ въ кругу языка Русскаго или Восточно-Словенскаго станемъ различать три особые языка:

1. Языкъ Южнорусскій, которымъ говорятъ во всей Южной Руси—Кіевской и Галицкой.

2. Языкъ Великорусскій, употребляемый всѣми Великороссіянами.

3. Языкъ Бѣлорусскій или точнѣе Литовско-Русскій ¹⁾, принадлежащій Бѣлоруссіи и всей вообще Литовской или Сѣверо-западной Руси.

Древнѣйшую и собственную основу сихъ трехъ языковъ составляетъ языкъ Восточныхъ Словенъ, которымъ говорили они до водворенія у нихъ Руссовъ и до той поры, какъ Церковно-Словенскій языкъ, сдѣлавшись Богослужебнымъ и письменнымъ языкомъ Руси, началъ проникать и въ составъ народнаго языка ея. Измѣненія, происшедшія отъ сихъ двухъ главныхъ и еще отъ другихъ вліяній, при которыхъ совершалось дальнѣйшее развитіе языка Русскаго, относятся уже ко времени образованія Восточныхъ Словенъ въ Русь. Но какъ Восточные Словены еще за-долго до того состояли изъ многихъ особыхъ отраслей, въ разныхъ степеняхъ между собою родственныхъ; то безъ сомнѣнія и въ языкѣ сихъ отраслей уже издревле существовали свои большія или меньшія особенности, которыя и были коренною, внутреннею причиною мѣстныхъ разностей въ языкѣ Русскомъ.

Съ соединеніемъ Восточныхъ Словенъ въ разныя Русскія области возобновлялось и увеличивалось ихъ сближеніе, и внутренняя жизнь опять становилась одинаковѣе, развиваясь подъ вліяніемъ и по образцу господствующаго въ области города. Гдѣ были средоточія Русской жизни, и языкъ того мѣста становился главнымъ, образцовымъ для цѣлой об-

¹⁾ Въ Малороссіи называютъ его просто *Литовскимъ*, а говорящихъ имъ—*Литвинами*; потому и Сѣверо-западная часть Черниговской губерніи—куда простиралась заселенія Радимичей и гдѣ говорятъ *во-Бѣлорусси*—называется уже *Литвою*.

ласти; распространялись въ ней, онъ объединялъ собою мѣстныхъ разности, заимствуя и самъ отъ нихъ, и развивался въ областныя нарѣчія. Нѣкоторыя изъ сихъ нарѣчій, распространялись и господствуя въ нѣсколькихъ областяхъ, придали имъ новое единство образованія, и такимъ образомъ составила пынѣшняя особенность трехъ народныхъ языковъ Руси.

1. Языкъ Южнорусскій.

Народный Южнорусскій языкъ запечатлѣнъ наибольшимъ единствомъ образованія и состава въ своихъ мѣстныхъ разностяхъ, такъ, что въ немъ можно различить, и то не очень рѣзко, только два нарѣчія: Восточное—Украинское или Малороссійское, и Западное—Галицкое или Червонорусское. Сія печать единства на языкѣ Южнорусскомъ служитъ ручательствомъ за древность его образованія, которое произошло, безъ сомнѣнія, не позднѣ древняго періода, а не въ среднія времена, какъ полагали нѣкоторые ¹⁾, напрасно производя Южнорусскій языкъ отъ смѣшенія Русскаго съ Польскимъ. Такую смѣсь дѣйствительно представляетъ книжный языкъ у многихъ Южнорусскихъ Писателей, особливо XVII вѣка, а еще болѣе и прежде у Писателей Литовско-Русскихъ. Но въ народномъ языкѣ Южной Руси Кіевской и Галицкой—своя особенная, собственная и притомъ древняя основа. Заимствованій отъ Польскаго языка въ

¹⁾ Такое мнѣніе находится даже и въ Пространной Грамматикѣ Греча, гдѣ изложена Исторія Русскаго языка. По словамъ его, Малороссійское нарѣчіе родилось и усилилось отъ долговременнаго владычества Поляковъ въ Юго-западной Россіи и даже можетъ назваться нарѣчіемъ Польскимъ. Но сіе можно сказать не болѣе какъ о нарѣчій *Перемшльской* земли, въ которомъ дѣйствительно такъ много Польскаго. Въ среднія времена, по долговременному вліянію Польши на Галицію, и вліяніе Польскаго языка отразилось собственно на Галицкомъ нарѣчій. Въ нарѣчій же Украинскомъ только Воыно-Подольская разность по мѣстамъ отзывается иногда Полонизмами но такія позднѣйшія заимствованія легко различаются отъ природныхъ свойствъ языка Южнорусскаго.

немъ не много и совсѣмъ нѣтъ въ немъ тѣхъ особенностей, которыми Польскій языкъ отличенъ отъ прочихъ Западно-Словенскихъ. Сими особенностями онъ сближается съ языкомъ Сѣверной Руси, а не съ Южнорусскимъ, у котораго гораздо больше сродства съ Чешскимъ и Словацкимъ, а съ другой стороны много общаго съ языками Словенъ Задунайскихъ.— Потому сродство Южнорусскаго языка съ Сѣверо-западными Словенскими показываетъ гораздо древнѣйшее ихъ общеніе, чѣмъ сближеніе Украины съ Польшею послѣ нашествія Татарскаго. Въ древнія времена Поморскіе Руссы, а еще прежде Воляняне, распространялись въ Южной Руси, могли языку ея и съ своей стороны придать что нибудь Сѣверо-западнаго. Но въ среднія времена Южнорусскія области находились въ такихъ разныхъ обстоятельствахъ внутреннихъ и отношеніяхъ внѣшнихъ, что языкъ Южнорусскій необходимо образовался - бы въ нихъ гораздо болѣе различнымъ, если-бъ не былъ народнымъ языкомъ всей Южной Руси уже въ древнее время, когда въ ней происходило столь сильное преобразование развитіемъ одной общей жизни. Только тогда языкъ ея могъ образоваться съ такимъ единствомъ состава и духа на столь значительномъ пространствѣ. Образование Южнорусскаго языка сперва въ Украинѣ, потомъ въ Червонной Руси, происходило безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ Кіевской или Поляно-Русской рѣчи. Потому и донинѣ Кіево-Переясловская рѣчь, распространенная по всему Запорожскому и Черноморскому краю, есть главная и образцовая разность Южнорусскаго языка, болѣе чистая, чѣмъ Сѣверская, Слобожанская и Воляно-Подольская разности нарѣчія Украинскаго ¹⁾.

¹⁾ Въ Червонорусскомъ или Галицкомъ нарѣчій, которое отъ Украинскаго или Малороссійскаго отдѣляется Днѣстромъ, есть свои мѣстные разности. Онѣ обозначены слегка Вагилевичемъ въ письмѣ къ Погодину (см. Моск. Наблюд. 1836); но желательно, чтобы наши Галиціи однородно опредѣляли оныя со всею подробностію, обозначая съ тѣмъ вѣстѣ и сродство ихъ съ окрестными языками Словенскими. Вообще наше языковнннѣе ожидаетъ отъ нихъ значительной пользы: начальные труды ихъ по сей части

Съ распространіемъ Кіевлянъ въ Сѣверной Рूसи, и языкъ Южнорусскій конечно имѣлъ вліяніе на языкъ областей Сѣвернорусскихъ, — какъ нынѣ во всѣхъ краяхъ Россіи обнаруживается вліяніе Великорусскаго языка, простирающееся и на народную рѣчь Украины.

2. Языкъ Великорусскій

Соотвѣтственно образованію Сѣверо-восточныхъ Словенъ въ Русь Московскую или Великую и въ Литовскую Русь, ихъ языкъ образовался также въ два вида: Восточный—Великорусскій и Западный—Литовско-Русскій. Въ общемъ образованіи своемъ они сходнѣе между собою, чѣмъ съ языкомъ Южнорусскимъ; но они различны другъ отъ друга болѣе, чѣмъ два Южнорусскія нарѣчія различны между собою; потому они и принимаются какъ два особые языка.

Великорусскій языкъ, объемля собою нѣсколько особыхъ нарѣчій, отличается наибольшимъ разнообразіемъ своихъ мѣстныхъ разностей и сложнѣе въ своемъ составѣ, чѣмъ Южнорусскій и Бѣлорусскій. Его главное образованіе началось съ нарѣчія Новгородскаго, а довершилось въ Москвѣ, изъ коей произошло и главнѣйшее развитіе всей Великорусской жизни. Нарѣчіе Московское, хотя младшее по времени, но старшее по степени образованія, есть образцовое и господствующее нынѣ въ цѣлой Россіи.—Разности языка Великорусскаго могутъ быть приведены къ слѣдующимъ четыремъ главнымъ нарѣчіямъ.

1. Верхнерусское или Новгородское, распространившееся изъ Новагорода по Сѣверной полосѣ Россіи—на область Псковскую и весь Русскій Сѣверовостокъ, въ такъ называвшихся верхнихъ земляхъ, составлявшихъ область

заслуживаютъ вниманія и продолженія: пусть только сперва соберутъ и приведутъ въ извѣстность оставшіяся запасы своенароднаго языка—какъ онъ есть; а въ письменной его обработкѣ соотносятся съ самороднымъ чистымъ его выраженіемъ въ *народныхъ пѣсняхъ* Червонорусскихъ, а еще болѣе Украинскихъ.

Новгородскую.—Сіе нарѣчіе по времени образованія есть старшее, а по составу своему ближайшее къ Южнорусскому языку, что—по моему—не столько происходитъ отъ вліянія Кіева на Новгородъ въ древнемъ періодѣ, сколько показываетъ еще древнѣйшую близость Новгородскихъ Словенъ и Тверичей къ Словенамъ Южнорусскимъ и ихъ переселеніе съ Юга.

2. Нижнерусское или Суздальское нарѣчіе, образовавшееся въ области Суздальской, подъ вліяніемъ нарѣчія Новгородскаго и Украинскаго, и распространившееся въ низовой сторонѣ Россіи и вверхъ по Волгѣ, на Сѣверной сторонѣ Оки.

Сіи два нарѣчія Великорусскія распространились далеко на Востокъ, за Волгою и Ураломъ, по всей Сибири.

3. Среднерусское или Рязанское нарѣчіе, простирающееся въ средней полосѣ Россіи на Югъ отъ Оки, между Бѣлоруссіей и Волгою; кажется, оно преимущественно распространилось по Дону и въ землѣ Кавказской.

4. Среди сихъ нарѣчій образовалось изъ нихъ уже въ среднія времена въ Москвѣ нарѣчіе Московское, которое потомъ распространилось по цѣлой Россіи въ образованнѣйшихъ сословіяхъ, и служитъ образцемъ избраннаго, чистаго языка Русскаго, употребляемаго и въ современной Русской Словесности.

3. Языкъ Бѣлорусскій.

Бѣлорусскій или Литовско-Русскій языкъ получилъ свое главное образованіе, кажется, у Полочанъ и утвердился съ нѣкоторыми мѣстными разностями—у всѣхъ Сѣверо-западныхъ Руссовъ, постоянно составлявшихъ впоследствии Княжество Литовское. По меньшему развитію здѣсь народной жизни, и здѣшній Русскій языкъ развитъ и образованъ менѣе, чѣмъ два первые. По своему общему образованію онъ ближе къ Великорусскому; но въ частныхъ примѣтахъ и словахъ онъ имѣетъ много общаго съ Южнорусскимъ, и занимаетъ между ними средину. Онъ совсѣмъ не имѣлъ

книжнаго образованія и употребленія; почему несвойственно—Калайдовичъ ¹⁾ и другіе—называютъ именемъ Бѣлорусскаго языка тотъ книжный языкъ, который въ среднія времена употреблялся въ Литовской и вообще въ Западной Руси и который всего лучше можно называть Западнорусскимъ письменнымъ языкомъ, въ отличіе отъ Восточнорусскаго, употреблявшагося тогда-же въ Государствѣ Московскомъ.

Вотъ главные виды и нарѣчія народнаго Русскаго языка. Они опредѣляются по средоточнымъ, наиболѣе особеннымъ или далекимъ другъ отъ друга образованіямъ, а не по измѣненіямъ переходнымъ или пограничнымъ: ибо въ сихъ послѣднихъ каждый языкъ и каждое нарѣчіе обыкновенно теряетъ что нибудь отъ своихъ особенностей и заимствуется свойствами языка или нарѣчія сосѣдняго. Такое мѣстное измѣненіе, зависящее отъ давней смежности одного нарѣчія съ другимъ, Русскимъ-же или иноязычнымъ ²⁾, умножается

¹⁾ Въ статьѣ о *Бѣлорусскомъ нарѣчій* (см. Труды Моск. Общ. Люб. Рос. Слов. 1822).

²⁾ Такъ Южнорусскій языкъ въ *Тверской* разности своей, прикасаясь съ одной стороны къ Среднерусскому нарѣчію Великорусскаго языка, а съ другой къ языку Бѣлорусскому, сбивается уже на выговоръ того и другаго, напримѣръ въ произношеніи звука *о* на *а*, въ произношеніи буквы *ъ* какъ *е* (потому многіе Тверцы говорятъ уже—Чернеговъ, Нежинъ; и въ повелительномъ наклоненіи—возьмъ, ходемъ, идетъ). Но въ Нижней Сяини и на землѣ Перемышльской Южнорусскій языкъ весьма перемѣшанъ съ языкомъ Польскимъ, а въ Карпатахъ онъ принялъ много словъ Словацкихъ и даже Венгерскихъ или Мадьярскихъ.—Такъ нарѣчіе Верхнерусское *Тверской* разности сбивается на произношеніе Бѣлорусское (напр. *е* обращаютъ въ *я*: блясида, явьяста); а въ глубинѣ Сѣверовостока приняло много Чудскихъ словъ.—

Среди собственныхъ природныхъ нарѣчій Русскаго языка, въ народѣ составляются еще условныя, искусственныя нарѣчія, частію по необходимости—какъ напримѣръ *Кяхтинскій* торговый языкъ, изъ смеси Русскаго съ Китайскимъ (см. Моск. Телегр.); частію по произволу—какъ напримѣръ нарѣчіе *Ход бское* или *Обенское* (см. Труд. Моск. Общ. Л. Р. Сл. 1828), изъ коего некоторыя слова перешли даже въ народныя Русскія нарѣчія на Волгѣ

еще послѣдующими сближеніями нарѣчій, происходящими при переселеніи жителей изъ одной области въ другую ¹⁾.

Народный Русскій языкъ измѣняется также съ теченіемъ времени отъ вліянія письменной городской и разговорной рѣчи на языкъ сельскій: ибо у горожанъ и людей грамотныхъ языкъ наиболѣе подвергается измѣненіямъ; а отъ нихъ разныя новости языка постепенно переходятъ уже къ поселянамъ.

Такимъ образомъ, на обширномъ пространствѣ Россіи представляется чрезвычайное разнообразіе Русскаго языка и происходятъ непрестанныя, хотя и медленныя, измѣненія его въ самомъ народѣ. Отъ того разныя мѣстныя нарѣчія по-немногу утрачиваютъ свои прежнія особенности, мало по-малу обновляются и обобщаются.

Простонародная рѣчь измѣняется гораздо медленнѣе, чѣмъ городская и письменная; потому она сохраняетъ въ себѣ коренныя свойства Русскаго языка болѣе и долѣе, чѣмъ избранная изъ нея-же рѣчь образованныхъ сословій, занимающая всегда средину между наиболѣе измѣнчивымъ языкомъ письменнымъ и наиболѣе постояннымъ языкомъ простонароднымъ. Потому въ семъ послѣднемъ заключается дополнительное, еще неисчерпанное богатство для письменнаго языка Русскаго.

Г Л А В А V.

О различіи главныхъ видовъ народнаго Русскаго языка.

Каждый видъ и каждое нарѣчіе Русскаго языка имѣетъ свои особенности; и если бы опредѣлить съ точностію всѣ

¹⁾ Такъ въ разныхъ уздахъ Московской Губерніи можно идти подворснѣ почти всѣхъ нарѣчій Великорусскихъ.

отличительныя примѣты ихъ, тогда можно бы яснѣ видѣть происхожденіе той многосложности и того разнообразія, какія представляетъ Русская рѣчь во многочисленномъ народѣ своемъ,—тогда можно бы отличать явственнѣ всѣ ея разности и оттѣнки, частію принадлежащія глубокой древности, частію происшедшія во времена послѣдовавшія. Подробное изслѣдованіе народнаго Русскаго языка съ сей точки зрѣнія весьма важно и необходимо, какъ для Исторіи, такъ и для Филологіи не одной Русской, но и всей Словенской рѣчи. Однако до сихъ поръ сдѣланы еще только отрывчатые начатки такого изслѣдованія Русскаго языка въ его собственныхъ видоизмѣненіяхъ и въ связи съ языками Западно-Словенскими ¹⁾.

Не предполагая составлять здѣсь полнаго опредѣленія трехъ видовъ Русскаго языка, я ограничусь указаніемъ на главнѣйшія и замѣтнѣйшія особенности cadaго.

1. Особенности Южнорусскаго языка.

Южнорусскій языкъ отличается отъ Великорусскаго слѣдующими примѣтами:

1. Звукъ *о* не обращается въ *а* и не замѣняется имъ, но во многихъ случаяхъ удерживается какъ звукъ основной, коренной ²⁾. Потому а) окончаніе родительнаго падежа именъ

¹⁾ Начатки сіи, состоящія наиболѣе въ областныхъ словаряхъ, сдѣланы преимущественно въ прошломъ десятилѣтіи, стараніемъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности, въ *Трудахъ* коего и помѣщены главные матеріалы по сей части.

²⁾ Въмѣсто звука *о* Южнорусскій языкъ скорѣе принимаетъ *е* и *у*, чѣмъ *а*; исключеніе изъ сего представляетъ слово богатый, которое въ Южнорусскомъ употребляется постоянно съ буквою *а*: богатый,—багато (много), багатырь (какъ бы въ отличіе отъ словъ: убогій, небога, сбѣжье). а) Южнорусскій языкъ удерживаетъ еще звукъ *о* въ нѣкоторыхъ такихъ словахъ, въ которыхъ Великороссіяне и многіе другіе Словены давно уже употребляютъ *е*, напр. чоло, чоловѣкъ, лобода, чотыри, попель—вм. чело, человѣкъ, лобѣда, четыре, непель. Что во многихъ словахъ звукъ *о* былъ древнѣе, чѣмъ *е*, сіе видно изъ древнихъ письменныхъ памятниковъ: въ нихъ находимъ: одва, оже, гробля—вм. едва, еже-ли, гребля. Такъ вм. молого, вологу, Западно-Словенской формѣ—млеко, влеку; вм. озеро, одинъ, польнь, Во

прилагательныхъ принимаетъ ого и ёго, (юго); наприм. мого, чого, ёго, сёго, чорного, синёго; б) частица роз никогда не произносится раз, но лишь изрѣдка риз (рѳв), наприм. рѳзно (произносится ризно).

2. Звукъ *и* въ Южнорусскомъ языкѣ имѣетъ собственно только два пзмѣненія: острое и мягкое ¹⁾. а) Острое *и*, общее всѣмъ языкамъ, употребляется всегда послѣ гласныхъ (—мой, твой), иногда же и послѣ согласныхъ (—кони, пани). б) Мягкое *и*, болѣе гортанное, переходящее къ звуку *е*, неразличаемое и неупотребляемое Великороссіянами, собственное вообще Словенамъ Южнымъ;—твердаго *и*, какъ Великорусское *ы* или Польскій *у*, совсѣмъ нѣтъ въ чистомъ Украинскомъ произношеніи ²⁾.

Буква *ь* въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ произносится какъ острое *и*. Для выраженія сего звука Южные Руссы собственно и употребляли букву *ь* издревле ³⁾; наприм.

лось—озеро, еденъ или единъ, пельнь или пелунъ, Велесъ. б) Что касается до обращенія звука *о* въ *у*, то сіе особенно любитъ языкъ Польскій (въ коемъ *ѳ* произносится какъ *у*). Тоже бываетъ изрѣдка въ Южнорусскомъ произношеніи; но гораздо болѣе въ языкѣ Бѣлорусскомъ (кунъ, вуль, куть). Впрочемъ *о* и *у* замѣняютъ другъ друга въ разныхъ языкахъ; отсюда—Руссы и Россы, Куманы и Команы, Булгары и Болгары.

¹⁾ Въ произношеніи гласныхъ звуковъ мы различаемъ три степени: 1) *твердое*, каковы *а, э, ы, о, у*; 2) *острое*, образуемое какъ-бы прибавкою передъ каждымъ гласнымъ звукомъ *ь* или краткаго *й*: *а—йа (я) е—йе, и—йи, о—йо (ѳ), у—йу (ю)*; 3) *мягкое* занимаетъ между ними средину: мягкія *а, о*—сходятся почти въ одинъ звукъ, равно какъ мягкія *е, и*—весьма сближаются другъ съ другомъ, почему въ разныхъ языкахъ и дѣйствительно употребляются одно вмѣсто другаго.

²⁾ Такъ въ словахъ: *иди, сюды, милый, мы ходили*—по чистому Украинскому выговору *ы, и*, произносятся одинаково—мягко. Гдѣ должно писать *и, і, ы*, тому вообще указателемъ служить правописаніе Церковно-Словенское и Великорусское. Собственно *и* въ началѣ словъ Южнорусскій языкъ произноситъ всегда мягко: *идемъ, иный*; слѣдственно острое *и* въ началѣ словъ предполагаетъ букву *ь*: *ѳяти, ѳти*.—Сокращенное *й* въ Южнорусскомъ языкѣ можетъ употребляться въ началѣ словъ и самостоятельно—какъ союзъ *й*: то и другое бываетъ обыкновенно тогда, когда предыдущее слово оканчивается гласною: *ты идешь, да й вернешя*

³⁾ Букву *ь* въ *и* писали Южные Руссы издревле даже и въ такихъ случаяхъ, когда-бы неслѣдовало; наприм. въ Договорѣ Игоря (по Лаврентьев-

Чернѣговъ, Воронѣжъ (произнося Черниговъ, Воронижъ); тоже и въ повелительномъ наклоненіи: ходѣмъ, идѣте, хвалѣте (вм. ходімъ, идите, хвалите), какъ было и въ древнемъ Церковно-Словенскомъ правописаніи. Употребленіе звука *и* вмѣсто *ь* принадлежитъ Южнорусскому языку съ древнѣйшихъ временъ; оно свойственно еще Словенамъ Новгородскимъ, нѣкоторымъ Задунайскимъ и отчасти Чехамъ ¹⁾. Но у Великороссіянъ, Бѣлоруссовъ, Сербовъ и другихъ Словенъ въ соответственныхъ случаяхъ употребляется обыкновенно звукъ *е*, иногда *я*.

4. Въ Южнорусскомъ языкѣ звукъ *о* и другіе гласные часто ²⁾ произносятся одинаково съ *ь*, т. е. какъ острое *и*; наприм. край (вскрай), мѣжъ (между), за-мѣжъ, вѣткѣль, кѣнь, —

скому списку) — *мечь свою*; въ Грамотѣ Мстислава Владиміровича — *мою дѣти*; въ Грамотѣ Льва Даниловича 1292 г. писецъ Захарія Вихоть писалъ — *внчннъ, будучитъ, наитъ* и проч. Подобное употребленіе буквы *ь* въ нѣкоторыхъ случаяхъ защищалъ и Смолрицкій.

¹⁾ Изъ Сѣверо-Западныхъ Словенъ такое произношеніе встрѣчается только у Чеховъ, и лишь въ немногихъ словахъ оно принадлежало Словенамъ Заодерскимъ. Изъ Задунайскихъ Словенъ вмѣсто *ь* употребляютъ *и* Далматы и нѣкоторые другіе Иллиры. А что произношеніе сіе принадлежало въ древнѣйшія времена Словенамъ Македонскимъ, то нѣкоторымъ образомъ видно изъ приводимаго Θεοφιломъ (534 г.) имени Юстиніановой матери: *Биленица* т. е. Бѣгленица. — Здѣсь кстати замѣтимъ, что знаменитый Греческій Императоръ-Законодатель былъ Словенинъ Македонскій, и что его славное имя есть только Латинскій переводъ его природнаго, Словенскаго имени *Вправа* или *Управа*; имя отца его было *Истокъ*.

²⁾ Въ такихъ случаяхъ (по правописанію, предложенному мною въ изданіи *Малороссійскихъ писъ* М. 1827) коренная гласная буква удерживается и только отмѣчается паеркомъ. Правописаніе сіе необходимо, сколько при составленіи словаря, столько и для различенія словъ одинаково произносимыхъ; напр. окрѣпѣ и окрѣпѣ (кипѣтокъ); нѣжъ (нежеди), нѣжъ и нѣжъ; бездѣлье и бездѣлье.

Паерокъ въ старинномъ Церковно-Словенскомъ правописаніи ставился надъ словами вмѣсто *ь*, но у меня онъ принять знакомъ измѣненія гласной буквы въ *и*, подобно тому какъ *надстрочное двоеточіе* въ Русскомъ правописаніи означаетъ измѣненіе буквы *е* въ *ю* (и даже въ *о*, напр. шѣль вм. шоль). Такъ и въ Польскомъ буква *о* *крескуется* (*ó*) въ тѣхъ случаяхъ, когда произносится какъ *у*.

произносятъ крѣй, мижь, за-мижь, виткиль, кинь ¹⁾.—Такое измѣненіе гласныхъ звуковъ едва-ли принадлежитъ Южнорусскому языку какъ его свойственное ²⁾, въ немъ самомъ происшедшее свойство; оно болѣе походитъ на подражательный обычай произношенія, который перешелъ въ Южную Русь—кажется—съ Запада, а именно съ Поморья Заодерскаго ³⁾.

¹⁾ Въ рѣдкихъ случаяхъ по чистому Украинскому выговору, вмѣсто звука *о* и другихъ, употребляется только мягкое *ы*; такъ *вм.* чорнобровый обыкновенно говорится чернобровый; *вм.* дуброва иногда гов. рѣтся дубрѣва. Замѣтимъ однакоже, что Южнорусскимъ языкомъ постоянно выдерживается мягкое *ы* во многихъ глаголахъ, въ которыхъ Великорусскій языкъ употребляетъ и *ы* и *о*; такovy: крыти—крыю, мыти мыю, ныти—ныю, выти—выю

²⁾ Къ сей мысли привести насъ 1) разнообразіе и произвольность, съ какими Южнорусскій языкъ измѣняетъ гласные звуки въ *и*. Ибо а) измѣненіе сіе простирается не на все виды тогоже слова, но только на нѣкоторыя; напр. комбра, комбрка и комѣрка; дубрѣва, дубрѣвонька и дубрѣвонька; слово конь только въ двухъ падежахъ произносится съ *и*—кѣнь. кѣньми. б) Чаше измѣняются въ *и* тѣ гласные звуки, на которыхъ приходится удареніе, потому и окончаніе родительнаго падежа *мн. ч.* *оць* произносится обыкновенно *иць* (въ Польскомъ *уць*); однако гласные звуки и съ удареніемъ часто остаются безъ измѣненія, между тѣмъ какъ нерѣдко измѣняются звуки, на коихъ не приходится ударенія, напр. подгѣрье, вѣвця, вѣкиѣ. в) Но и въ сказанныхъ случаяхъ гласные звуки могутъ быть произносимы и нерѣдко произносятся въ самомъ народѣ безъ измѣненія въ *и*. г) Хотя въ Южнорусскомъ языкѣ господствуетъ вообще измѣненіе гласныхъ въ острое *и*; однако въ нѣкоторыхъ разностяхъ измѣненіе гласныхъ бываетъ въ мягкое *ы*, или же въ другіе слитно-сложные звуки. Особенное разнообразіе въ семъ отношеніи представляетъ *Сѣверская* разность (отдѣляемая отъ *Кіево-Переясловской* рѣкою Сеймомъ); въ разныхъ мѣстахъ оной, напр. слово кѣнь произносится не чисто кинь, но кунь, куонь, даже по-Бѣлорусски—кунь, и просто конь.—2-е) Къ мысли, что такого измѣненія гласныхъ звуковъ у Южнорусскихъ Словенъ не было въ древѣйшія времена, приводитъ насъ и то, что сіе измѣненіе чуждо Словенямъ Новгородскимъ и Тверичамъ, коихъ мы признаемъ переселенцами съ Юга и у коихъ буква *ъ* имѣетъ Южнорусскій выговоръ.

³⁾ Изъ записокъ Геннинга, Потодкаго и другихъ Шафарикъ (Старож. Словен. стр. 925) составилъ любопытныя замѣчанія о языкѣ Эльбскихъ Деревлянъ, изъ коихъ видно, что сіи Словены также вмѣсто *роз* не говорили *раз*, ир *риз* (напр. ризекокине, ризеделена); что они вообще звукъ *о* часто произносили какъ *и*; наприм. *rište, wirjal* (орель), *kist, sliwi, wicaj* (оча), *wicir, pis, pis*. Соотвѣтственные примѣры такого произношенія представляеть и Южнорусскій языкъ въ тѣхъ же словахъ: рѣсть, порѣсь, вѣрлята, вѣтати,

5. Звукъ *o* послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ (потому и въ предлогѣ въ) произносится полугласно, какъ сокращенное *û*; иногда же протягивается и въ полное *y*; наприм. *вм. всѣ, вслѣдъ, весь, въ лѣсѣ, говорится—уси, услидъ, увесь, у лиси.* Наоборотъ звукъ *y* иногда сокращается и потому какъ-бы обращается въ *o*, наприм. *уже, умеръ, ёго; пишутъ—вже, вмерь, въ ёго.* Такъ въ древнемъ Латинскомъ правописаніи *V* и *U* часто замѣняли другъ друга.

6. Полугласный звукъ *o* нерѣдко замѣняетъ собою звукъ *u*; напр. *вовкъ, вовна, жовтый, повный, повтора—какъ-бы воукъ, воуна и т. д.* Отсюда переходъ къ Сербскому—*вукъ, вуна.* Такая замѣна сихъ двухъ звуковъ встрѣчается и въ другихъ языкахъ Словенскихъ: *слобода* и *свобода, слово* и *свово, Витодъ* и *Витовтъ.*

7. Звукъ *i* произносится мягко, какъ Латинское *h*, что принадлежитъ также языкамъ Бѣлорусскому, также Словацкому, Чешскому и Лужицкому. Твердое произношеніе звука *i*, какъ Латинское *g*, въ Южнорусскомъ рѣдко, и то болѣе въ словахъ заимствованныхъ (наприм.—*кгрунтъ, кгвалтъ; по сіи-же слова выговариваются и просто—грунтъ, гвалтъ.*)

8. Звукъ *ч* въ окончательномъ слогѣ не принимаетъ твердыхъ звуковъ; потому (вмѣсто *а, о, у, ы, ъ, употребляемыхъ языкомъ Великорусскимъ*) требуетъ *я, е, ю, и, ъ, сходно съ древнимъ Словенскимъ; наприм. конецъ, коньця, коньцю, коньцемъ, коньци; вѡвця, вѡвци—вм. овца, овцы; лице, яйце, а не лицо, яйцо.*

слова, вѡчи, вечеръ, нѡчь, пѣчь Нѣтъ положительныхъ извѣстій, что такой обычай произношенія принадлежалъ всѣмъ Словенамъ Заодерскаго Поморья. Находя однако, что и у нихъ народныя имена *Волыновъ, Волковъ,* пр. *носили—Вилины, Вилки, вм. Бодричи—Бидричи,* и потому принимаю въ соображеніе сказанное нами въ примѣч. 9-мъ, мы предполагаемъ, что такой обычай измѣненія гласныхъ звуковъ въ *и,* произошелъ у Словенъ Заодерскаго Поморья и уже оттуда перенесенъ ими въ Южную Русь. Въ Польскомъ языкѣ весьма немногія слова приняли такую замѣну, притомъ тѣ, въ коихъ не принялъ оной Южнорусскій языкъ, напр. *wilk, milczec,* по Южнорусски—*вовкъ, мовчати.*

9. Южнорусскому языку свойственъ двойкій звательный падежъ въ именахъ мужескаго рода. а) Оканчивающійся на *у* и *ю*, какъ дательный Великорусскаго. Сія форма, господствующая въ Южнорусскомъ языкѣ, особливо въ уменьшительныхъ именахъ, встрѣчается изрѣдка и въ языкахъ Западно-Словенскихъ, но почти какъ исключеніе; наприм. сыну, царю! б) Господствующее въ Церковно-Словенскомъ окончаніе звательнаго падежа на *е* употребительно и въ Южнорусскомъ; наприм. козаче, орле, брате, сыне; но въ уменьшительныхъ—козаченку, орлоньку, братику, сынку ¹⁾.

10. Нѣкоторыми окончаніями прилагательныхъ Южнорусскій языкъ также отличается отъ Великорусскаго. а) Множественное число полной формы всѣхъ родовъ принимаетъ *и*: святыи, ясныи. б) Въ родительномъ падежѣ женскаго рода, вмѣсто сокращеннаго *ой*, *ей*, удерживается долгое *ои*, *ѣи* (въ отличіе отъ дательнаго): святой, ясной, синѣи. в) Въ окончаніи родительнаго падежа мужескаго и средняго родовъ—*ого*, *ѣго*, произносится всегда мягкое *г*.

11. Есть розница и въ окончаніяхъ глаголовъ. а) Въ неопредѣленномъ наклоненіи окончаніе *ти* (господствующее въ большей части Словенскихъ языковъ) Южнорусскому языку собственнѣе, чѣмъ сокращенное Великорусское *тъ*. б) Окончаніе третьяго лица обоихъ числъ, принимающее въ Великорусскомъ обыкновенно *тъ*, въ Южнорусскомъ обыкновенно имѣеть *тъ* (сходно съ древнимъ Церковно-Словенскимъ): хд-дить, хдѣть. Но въ единственномъ числѣ, когда звукъ *е* предшествуетъ окончанію *тъ*, оно отбрасывается: бере, може, дыше; если же звуку *е* предшествуетъ *а* либо *я*, тогда и звукъ *е* можетъ отбрасываться: знае, спѣвае, гуляе, и—зна, спѣва, гуля ²⁾. Вмѣсто глагола есть обыкновенно говорит-

¹⁾ Въ отличіе отъ сего дательный падежъ въ Южнорусскомъ имѣеть окончаніе *оми* и *ѣми* (напр. козакови, мѣсяцеви), какъ во многихъ Западно-Словенскихъ; впрочемъ употребляется дательный падежъ на *у* и *ю*, какъ въ Великорусскомъ. Первая форма кажется собственнѣе Южнорусскому языку.

²⁾ Исключая немногіе глаголы, наприм. даю. Впрочемъ въ Слобжанской розни употребляется и полное окончаніе—*аеть*, *неть*.

ся е¹⁾. в) Окончаніе прошедшаго времени мужескаго рода (по 6-й примѣтѣ) вмѣсто лъ имѣеть всегда полугласное вѣ; наприм. знавъ, давъ, какъ-бы---знау, дау. Тоже и въ языкѣ Вѣлорусскомъ. Отсюда переходъ къ Сербскому окончанію прошедшаго времени на о—знао, дао. г) Окончаніе 1-го лица множ. числа мѣ въ Южнорусскомъ чаще употребляется полногласно—мо: ходимо, дамо (дадимъ), ѣмо (ѣдимъ), будемо, есьмо. д) Въ единственномъ числѣ втораго лица Южнорусскій языкъ употребляетъ окончаніе шѣ; но иногда сохраняетъ Церковно-Словенское окончаніе си: ѣси, даси, въ Великорусскомъ—ѣшь, дашь.

12. Будущее время въ Южнорусскомъ языкѣ образуется чрезъ придачу глагола и м у, коего начальное и исчезаетъ въ семь-же звукѣ неопредѣленнаго окончанія ти: знатиму, знатимешъ, знатиме, знатимемъ, знатимете, знатимуть.

13. Вспомогательный глаголь быть, который въ прочихъ Словенскихъ языкахъ только въ будущемъ вмѣсто бы имѣеть бу²⁾, въ Южнорусскомъ постоянно выдерживаетъ сей послѣдній слогъ: бути, бувъ, бувавъ, бувай, бувши; равно и въ сложныхъ: прибути, добути, забути и т. д.

14. Изъ вышеприведенныхъ окончаній глаголовъ и изъ другихъ словъ видно, что Южнорусскій языкъ предпочитаетъ окончанія гласныя. Такъ наприм. вмѣсто Днѣпръ, бровь, морковь, хоругвь, церковь,—въ Южнорусскомъ говорится Днѣпро, бровá, морква, корогва, церква³⁾. Но Великорусскій языкъ болѣе любитъ концы словъ усѣченныя, обращеніемъ

¹⁾ Эта форма очень древняя, ибо встрѣчается часто во Фрейзингенской рукописи (писанной въ X вѣкѣ на языкѣ Хоруганскомъ). — Вмѣсто *есть* говорится *е* и въ нарѣчій Верхнерусскомъ. Въ Сѣверской разности говорятъ уже *ѣ*, *ѣсть*, сходно съ Вѣлорусскимъ произношеніемъ *ѣ* и *ѣсь*.

²⁾ Съ юсомъ;—въ Польскомъ *be* —Въ Глаголитескихъ рукописяхъ *ви да бы* встрѣчается иногда *да бу*. Въ Санкритскомъ языкѣ *бу* значить *быть*. Это приводитъ къ мысли, что Южнорусская форма сего глагола есть древнѣйшая.

³⁾ Слово *сіе* въ древнѣйшемъ Польскомъ Псалтырѣ (Малгоржатиномъ) сходится въ подобной формѣ—*церква* (*czyrękwa*).

гласнаго звука въ *э* и *ѣ*: молва и молвь, земля и земь, тьма и темь, поди и подѣ.

15. Многія частицы въ Южнорусскомъ языкѣ употребляются отлично отъ Великорусскаго, наприм. отъ, да, со, и проч. ¹⁾.

2. Особенности Великорусскаго языка.

Великорусскій языкъ составился разнообразнѣе, чѣмъ Южнорусскій. Въ отличіе отъ Южнорусскаго и отъ Бѣлорусскаго онъ имѣетъ слѣдующія примѣты, общія всѣмъ или по крайней мѣрѣ тремъ его нарѣчіямъ.

1. Твердое произношеніе звука *г* въ началѣ и срединѣ словъ, какъ Латинское *g*, сходно съ языкамъ Польскими, Сербскимъ. Исключается нарѣчіе Среднерусское и отчасти Верхнерусское.

2. Произношеніе звука *о* какъ *ф* ²⁾ передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ (*фсѣ*, *фторой*, *рофѣ*), сходно языкомъ Польскимъ.

3. У именъ прилагательныхъ (и всѣхъ по ихъ формѣ склоняемыхъ словъ) въ окончаніи родительнаго падежа-его, -ого, звукъ *г* обращается въ *в*. Исключается нарѣчіе Нижнерусское (которое въ семь случаевъ удерживаетъ твердое *г*) и отчасти Верхнерусское.

¹⁾ а) По Южнорусски *отъ* значитъ *отъ*. Въмѣсто предлога *отъ* употребляется *одъ*, какъ въ Сербскомъ и большей части языковъ Словенскихъ; или же *оѣтъ* (*wit*), какъ было у Словенъ Заодеревихъ. — б) Наоборотъ частица *да* произносится *та*; утвердительное *да* по Южнорусски *эе*. — в) Въмѣсто предлога *со*, *съ*—употребляются *зо*, *зъ*, *изъ*, какъ сами по себѣ, такъ и въ сложности—*зовеѣмъ*, *знову*, *изъ ѣ въ ѣ*. — г) Въ придаточной частицы *то* употребляется иногда частицы *се*, сокращенная въ *съ*: *коди-съ* (когда-то), *де-съ* (гдѣ-то, видно), *счо-съ* (что-то).

²⁾ *В* произносилось какъ *ф* въ имени Тверь—*Тферь*, а въ Новгородской Лѣтописи даже *Тзверь*.—Здѣсь замѣтимъ, что Малороссіянне *ви*. *ф* говорятъ обыкновенно *хо*, на оборотъ *ви хо-ф*. Такая обратность встрѣчается и въ Среднерусскомъ нарѣчій; наприм. *Лифинъ* *ви*. *Лихвинъ*, *Степанъ* *ви*. *Степанъ* или *Степанъ* (звукъ *п* *ви*. *ф* въ именахъ собственныхъ употребляется Южнорусскимъ языкомъ: *Степанъ*, *Пилипъ*, *Пранцузъ*).

5. Въ окончаніи прошедшаго времени мужескаго рода употребляется *лъ*, а не *въ*.

Что касается до взаимнаго различія Великорусскихъ нарѣчій, то ихъ—по отношенію къ звуку *о*—можно раздѣлить на двое:

6. Нарѣчія Верхнерусское и Нижнерусское отличаются употребленіемъ общаго для нихъ твердаго *о*, необращаемаго въ *а*.—Потому и въ окончаніи родительнаго падежа (*ого*) звукъ *о* произносится дважды. Потому и вмѣсто частицы *раз* сіи два нарѣчія употребляютъ *роз*.

7. Нарѣчію Среднерусскому, а отъ него и Московскому, принадлежитъ мягкій выговоръ *о* (когда на немъ не приходится удареніе); отъ сего звукъ *о* какъ-бы обращается въ *а*. Это составляетъ переходъ отъ двухъ первыхъ нарѣчій къ языку Бѣлорусскому. Такой выговоръ на *а* посредствомъ Москвы распространился по Россіи и сдѣлался господствующимъ, образцовымъ Русскимъ выговоромъ. У говорящихъ первыми двумя нарѣчіями сей выговоръ на *а* называется *рѣчью* высокою или *съ высока* ¹⁾.

8. Нарѣчію Верхнерусскому, въ отличіе отъ всей Сѣверно-Русской рѣчи, свойственно произношеніе *ѣ* какъ острое *и*, по которому сіе нарѣчіе сближается съ языкомъ Южно-русскимъ,—равно какъ и по опущенію окончанія *тъ* въ единственномъ числѣ третьяго лица глаголовъ (наприм. *возьме*, *люби*, *ходи*). Замѣчательно, что въ разныхъ мѣстахъ сего нарѣчія опускаютъ *тъ* даже во множественномъ числѣ (*возьму*, *любя*, *ходя*, *вм. возьмутъ*, *любятъ*, *ходятъ*). Сему же нарѣчію преимущественно принадлежитъ употребленіе *и* вмѣсто *ѣ*; наприм. *чарь*, *отець* ²⁾.

¹⁾ У нихъ есть насмѣшливая поговорка объ употребляющихъ Московскій выговоръ: «*съ Мазява съ пасаду, съ авоцнава ряду*».

²⁾ Верхнерусскому нарѣчію принадлежитъ также замѣна прошедшаго времени дѣспричастіемъ, употребительная и въ Петербургѣ (напр. *ушедши вм. ушелъ*).—Родительный падежъ мѣстоименій—*моёво*, *твоего*, *своево*, *вм. мово*, *твого*, *свово*—См. еще прилѣч. 25.

9. Среднерусское нарѣчіе отъ прочихъ Великорусскихъ уклоняется къ языку Южнорусскому—мягкимъ произношеніемъ звука *ѣ* и окончаніемъ третьяго лица глаголовъ на *тъ* (вм. *тѣ*).—Въ Рязанской разности сего нарѣчія весьма употребительно *ѣ* вмѣсто *ч* (наприм. цалавекъ, цудо, сценка, вм. человѣкъ, чудо, щепка), что также, какъ и произношеніе на *а*, составляетъ переходъ къ языку Бѣлорусскому.

3. Особенности языка Бѣлорусскаго.

Литовскорусскій или Бѣлорусскій языкъ имѣетъ слѣдующія отличія отъ Великорусскаго и Южнорусскаго.

1. Частое употребленіе твердаго *а*, вмѣсто *о*¹⁾. Сіе свойство Бѣлорусскаго языка безъ сомнѣнія есть весьма древнее, незанятое и неутраченное имъ ни отъ прочихъ Русскихъ, ни отъ Польскихъ Словенъ; но сближающее его съ языкомъ Сербовъ²⁾.

2. Употребленіе сложнаго звука *дз* вмѣсто *д*, какъ въ Польскомъ³⁾.

3- Употребленіе звука *ц* вмѣсто *т*, какъ въ Польскомъ. Звукъ *ч* также довольно часто замѣняется звукомъ *ц*.—По

¹⁾ Господство звука *а* въ языкѣ Бѣлорусскомъ обнаруживается и частымъ обращеніемъ звука *е* (безъ ударенія) въ *я*; наприм. *яго*, *яму*—вм. *его*, *ему*; *цѣло* (тепло) и *цѣло* (огонь). Въ томъ-же случаѣ и *ь*, обыкновенно произносимое какъ *е*, обращается въ *я*; напр. у *лясу*, на *сягу*. — Вмѣсто *онъ*, *она*, *оно*, говорится обыкновенно *ѣнъ*, *ѣна* (и *ѣна*), *ѣно* (и *ѣно*).

²⁾ Поляки болѣе всѣхъ Словенъ Сѣверозападнаго разряда употребляютъ *о* и *у* (*б*) вмѣсто *а*; напр. *млоды*, *мрузъ*, вм. *млады*, *мразъ*.—Къ янuku *а* болѣе всѣхъ Западныхъ Словенъ пристрастны Сербы, бывшіе до переселенія своего за Дунай Западными сосѣдями Словенъ Бѣлорусскихъ. Но всего болѣе звукъ *а* любимъ языкомъ Санскритскимъ (*вага*—богъ, *вата*—сто).

³⁾ Это употребленіе звука *дз* Малороссіане называютъ *дзеканьемъ*.—Въ языкѣ Южнорусскомъ изрѣдка употребляется *дз* вм. *з* (наприм. *дзидиць*); чаще употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Южной Руси Киевской и Галицкой *дж* вм. *ж* (наприм. *сиджу*, *ходжу*). Такая приставка *дз* иль *ж* иль *ж* въ Южнорусскомъ языкѣ по всей вѣроятности есть уже подримательная.

свойству сему и въ неопредѣленномъ наклоненіи, вм. Велико-русскаго окончанія ть, Бѣлорусскій имѣеть ць, какъ въ Польскомъ ²⁾).

Въ слѣдствіе сихъ особенностей Бѣлорусскаго языка, въ немъ говорится: хадзиць, дзяцель—вм. ходить, дятель; дзя-дзька, цяперь, цеста—вм. Южнорусскихъ—дядько, тецерь, тисто (тѣсто).

Въ отношеніи къ звукамъ *и* и *о* Бѣлорусскій языкъ сход-ствуееть съ Южнорусскимъ; потому и глагольное окончаніе прошедшаго времени имѣеть не лъ но въ; наприм. хадзивъ вм. ходилъ.

Г Л А В А VI.

О русскомъ языкѣ въ отношеніи къ западно-словенскимъ.

Языкъ Русскій всѣхъ трехъ видовъ, по своему древнѣй-шему происхожденію и коренной основѣ, и по главнымъ влі-яніямъ другихъ языковъ на его послѣдующее образованіе— есть языкъ Словенскій и вмѣстѣ съ прочими соплемен-ными языками, принадлежитъ къ одному Общесловенскому кругу.

1) Замѣчательно, что какъ сіе Бѣлорусское и Польское окончаніе гла-головъ на ць, такъ и звукъ *дз* вм. *д*—отзываются и въ нѣкоторыхъ разно-ствахъ Великорусскаго языка, именно—въ Нижнерусскомъ нарѣчьи (въ гу-берніяхъ Симбарской и Нижегородской); отчасти въ Тверской разности Верхнерусскаго нарѣчья. За частое употребленіе звука *и*, Тверичи прозы-ваются въ народѣ *цуканами*. Это употребленіе было распространено прежде и между Новгородцами, какъ видно изъ многихъ Новгородскихъ деревень и изъ Новгородской Лѣтописи: встрѣчаемое въ ней окончаніе именъ *иць* вм. *иць* не вывелось и понынь.

Добровскій, на основаніи своихъ десяти примѣтъ ¹⁾, представляетъ Русскій языкъ въ одинъ разрядъ съ языками Словенъ Задунайскихъ, въ отличіе отъ прочихъ Словенскихъ. Но изъ подробнаго разбора языка Русскаго по примѣтамъ Добровскаго ²⁾ оказывается, что примѣты сіи противорѣчатъ причисленію Русскаго языка къ одному разряду съ Задунайскими, и что въ трехъ видахъ языка Русскаго находятся всѣ

¹⁾ Общесловенскій кругъ языковъ Добровскій раздѣляетъ на два разряда, принимая въ каждомъ по 5-ти нарѣчій:

Разрядъ первый.

1. Русское.
2. Старо Словенское.
3. Илирійское или Сербское.
4. Хорватское или Кроатское.
5. Виндское или Хорутанское.

Разрядъ второй.

1. Словацкое.
2. Чешское или Богемское.
3. Верхне-Лужицкое.
4. Нижне-Лужицкое.
5. Польское.

П р и м ѣ т ы:

1. раз: разум	роз: розум
2. из: издат	вы: выдати
3. вставочное л	
корабль	кораб
земля	земи
поставлен	поставсн
4. вставочное д	
сало, крыло	садло, кридло
правило	правидло
молитися	модлитисе
5. печи, мощи	пеци, моци
пещ, мощ	пещ, моц
(печ, моч)	
6. звѣзда, цвѣт	гвѣзда, квѣт
7. ть (той)	тен
8. непел	попел
9. птица	птак
студенец	студница
10. десница	правица

²⁾ Подробное сравнительное рассмотрение Русскаго языка по примѣтамъ Добровскаго составляетъ вторую главу моего *Критико-Историческаго изслѣдованія о Русскомъ языкѣ* и напечатано въ Журн. Мин. Н. Пр 1838. № 3.— Въ третьей главѣ сего изслѣдованія рассматривается полноглазіе Русскаго языка нѣсколько подробнѣе, чѣмъ здѣсь.

главнѣйшія примѣты, принадлежація языкамъ обоихъ Западныхъ разрядовъ, только не такъ раздѣльно, какъ между сими послѣдними. Потому Русскій или Восточно-Словенскій языкъ не только не долженъ быть поставляемъ наравнѣ съ языками Юго-западнаго разряда и не принадлежитъ къ нему, даже по примѣтамъ Добровскаго,—не только можетъ быть принимаемъ за особый, третій разрядъ, наравнѣ, съ Юго-западнымъ и Сѣверозападнымъ ¹⁾; но представляетъ собою цѣлую Восточную половину всего круга языковъ Словенскихъ, которая соотвѣтствуетъ двумъ разрядамъ Западно-Словенскимъ въ ихъ совокупности, и можетъ быть раздѣлена также на два разряда: Сѣверный и Южный.

Потому Общесловенскій кругъ и въ отношеніи къ языку мы раздѣляемъ на двѣ половины и четыре разряда.

1. ВОСТОЧНО-СЛОВЕНСКАЯ ИЛИ РУСКАЯ ПОЛОВИНА.

1-й разрядъ—Южнорусскій или Юговосточный.

1. Языкъ Южнорусскій, съ двумя главными видоизмѣненіями—Украинскимъ или Малороссійскимъ и Червонорусскимъ.

2-й разрядъ—Сѣвернорусскій или Сѣверо-восточный.

2. Языкъ Великорусскій, съ 4-мя нарѣчіями—Верхнерусскимъ, Нижнерусскимъ, Среднерусскимъ и Московскимъ.

3. Языкъ Бѣлорусскій или Литовскорусскій.

¹⁾ Уже Востоковъ (1820) замѣтилъ, что Русскій языкъ составляетъ средину между двумя Западными разрядами Словенскихъ языковъ; но оставилъ его въ одномъ разрядѣ съ Задунайскими. Въ послѣднее время однако начали отдѣлять Русскій языкъ въ особой третій разрядъ; наприм. *Надеждинъ*—въ статьѣ *Европеизмъ и народность*, см. *Телескопъ* 1836. № 1; также въ статьѣ *Великая Россія*, см. *Энциклоп. Лексик.* IX. 1837. Такое отдѣленіе впервые сдѣлано Чехомъ *Палацкимъ*.

II. ЗАПАДНО-СЛОВЕНСКАЯ ПОЛОВИНА.

3-й разрядъ — Юго-западный или Задунайскій.

4. Языкъ Церковно-Словенскій преимущественно предъ всѣми называемый Словенскимъ или Славянскимъ.

5. Языкъ Болгарскій, съ нѣсколькими разностями.

6. Языкъ Сербскій, съ нѣсколькими нарѣчїями.

7. Языкъ Хорватскій.

8. Хорутанскій или Виндскій, называемый и Краинскимъ, съ двумя нарѣчїями.

4-й разрядъ — Стvero-западный.

9. Языкъ Польскій, съ нѣсколькими нарѣчїями, къ числу которыхъ принадлежалъ и языкъ Поморянъ.

10. Языкъ Лужицкій или Сырбскій, называемый также Сорабскимъ и Вендскимъ, съ двумя нарѣчїями: Верхнелужицкимъ и Нижнелужицкимъ; послѣднее ближе къ Польскому, а первое къ Чешскому.

11. Языкъ Чешскій, къ которому принадлежитъ и Моравскій, какъ нарѣчїе.

12. Языкъ Словацкій.

Къ сему же разряду принадлежалъ и языкъ Словенъ Заодерскихъ или Полабскихъ, уже забытый въ своемъ обнѣмечившемся народѣ.

О полногласїи Русскаго языка.

Что касается до общаго отличїя Восточно-Словенской или Русской рѣчи отъ Западно-Словенской, то здѣсь прежде всего останавливаетъ вниманїе—полногласїе и происходящая отъ него протяженность Русскихъ словъ,—между тѣмъ, какъ языки Западно-Словенскїе вообще любятъ сокращенность словъ, происходящую отъ опущенїя или заглупшенїя нѣкоторыхъ гласныхъ звуковъ среди коренныхъ согласныхъ.

Полногласныя формы словъ языка Русскаго считаются обыкновенно явленіемъ позднѣйшимъ; а сокращенныя формы тѣхъ-же словъ, принадлежащія Западно-Словенскимъ языкамъ, считаются древнѣйшими, коренными, слѣдственно и въ Русскомъ языкѣ первоначальными. Имѣя въ виду полногласіе только Великорусскаго языка, приписываютъ оное—одни вліянію Сѣвернаго климата, другіе—смѣшенію Русскаго языка съ Чудскимъ ¹⁾. Но такое-же, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ ²⁾ еще большее полногласіе принадлежитъ и Южнорусскому языку, — не происходя въ немъ ни отъ вліянія Сѣверной природы, ни отъ смѣшенія съ Чудскою рѣчью, но составляя и въ немъ природное, исконное свойство. Ибо въ языкѣ всѣхъ Русскихъ Словенъ полногласныя формы словъ большею частью древнѣе и народнѣе, чѣмъ сокращенныя формы тѣхъ-же словъ. — Сіе очевидно изъ того, во 1-хъ, что въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ Русскихъ находятся уже полногласныя, народныя формы словъ; во 2-хъ, что въ сихъ памятникахъ, таже въ старинныхъ народныхъ пѣсняхъ и пословицахъ, употребительны такія полногласныя формы словъ, которыя почти вышли уже изъ общепринятаго разговорнаго языка и сохраняются еще только въ глуши мѣстныхъ нарѣчій, или-же употребляются и въ общепринятомъ Русскомъ языкѣ, но въ ограниченномъ смыслѣ. Въ 3-хъ, въ нашемъ языкѣ множество производныхъ словъ употребляются только въ полногласной формѣ, слѣдственно предполагаютъ и корень полногласный; ибо есть другія производныя слова, видимо образованныя въ нашемъ языкѣ уже въ послѣдствіи изъ формъ

¹⁾ Раствореніе Русскихъ словъ гласными звуками приписывалъ вліянію Чудскаго языка Добровскій, чему слѣдуетъ и теперь еще Давыдовъ. Востокъ, по справедливости опровергая такое мнѣніе, полногласіе Русскаго языка приписываетъ вліянію климата. Надеждинъ также приписываетъ это вліянію Сѣвера.

²⁾ Для примѣра приведемъ Южнорусское слово *долѣня*, въ Верхнерусскомъ нарѣчій *долонь*; Западными Словенами оно сокращено въ *длань* и *длонь*, а Московскимъ нарѣчіемъ обращено въ *ладонь*. Укажемъ еще на формы словъ, употребительныя въ Южнорусскомъ языкѣ: солодкій, борошно (*мука*), бервонъ, мерезжа, терень, дерень и т. п.

сокращенныхъ, или же принятыя—спачала въ письменный, а потомъ перешедшія и въ народный языкъ Русскій—изъ Западно-Словенскихъ языковъ, преимущественно изъ Церковно-Словенскаго.

Для примѣра укажемъ на слово прахъ: это форма Западно-Словенская, по Польски прохъ; народная же Русскія форма—порохъ, по Московскому и Среднерусскому выговору—порохъ. Сія форма и употреблялась у насъ прежде, какъ видно изъ пѣсни Игорю ¹⁾ и старинной Украинской пѣсни, и изъ Великорусской поговорки—«какъ порошокъ въ глазу»; также изъ производныхъ отъ не словъ—порошокъ, пороша, порошить и проч. Но когда въ нашъ языкъ перешла изъ Церковно-Словенскаго сокращенная форма прахъ и замѣнила собою полногласную народную форму порошокъ, тогда сія послѣдняя ограничилась въ своемъ значеніи и усвоилась только пороку огнестрѣльному, который еще въ концѣ XVII-го вѣка назывался у насъ землемъ. Въ Санскритскомъ языкѣ слово прахъ еще полногласнѣе, чѣмъ въ Русскомъ—*paraga*.—Такимъ-же образомъ Русское слово птаха или птахъ первообразнѣе и древнѣе чѣмъ Сѣверо-западное птакъ; ибо тамъ-же уменьшительныя и производныя имѣютъ звукъ *ш* отъ *х*, а не *ч* отъ *к*; въ Санскритскомъ языкѣ оно еще полногласнѣе *paṭaka* или *paṭaka* ²⁾.—Собственныя имена лицъ въ древнія времена употреблялись у насъ полногласно; наприм. Володимиръ, Володаръ, Передслава.—Такимъ-же образомъ имена мѣстныхъ: Берестово—а не Брестово, Перемышль—а не

¹⁾ Въ пѣсни Игорю: «порѣси, поля приарывають». Въ Украинской пѣсни: «Да уже жъ ёго постѣлонька порохомъ припала». По Польской формѣ (прохъ) наше простонародье употребляетъ слово *прошка*—табачный порошокъ.

²⁾ Отсюда же и другая, весьма древняя Русская форма сего слова—попынь употребляемая въ Верхнерусскомъ нарѣчьи—*потка*, въ уменьшительной формѣ *пѣточка* и *птица* (см. *птица*): потому напримѣръ въ Шестодневъ Юанна Экзарха и писалось *птица*,—точно по той формѣ, какъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ Нестора пишется *лжница* и *лжница* им. ложка (ложка),—какъ въ Осташковѣ въ *золвка* говорятъ *золница*, а по Южнорусски *зовница*.

Премысль, Переяславль—а не Преславъ, Диѣпровскіе пороги—а не праги. Такъ въ отдаленнѣйшіе вѣка рѣки Прутъ, Днѣпръ—именовались Пората, Данаприсъ.—Подобно сему и другими примѣрами можно показать, что полногласныя формы словъ въ языкѣ Русскомъ не только народныя, но и древнѣйшія ¹⁾. Укажемъ еще на слово *комонь* ²⁾, которое въ древности принадлежало и Русскимъ и Сѣверозападнымъ Словенамъ; а потомъ замѣнилось сокращенною формою—*конь*.

Находя же, что нѣкоторыя слова, общія Словенскимъ языкамъ и Санскритскому, въ семь послѣднемъ иногда еще полногласнѣе чѣмъ въ Русскомъ ³⁾,—что языкъ Санскритскій отличается вообще обиліемъ гласныхъ звуковъ,—что и въ Греческомъ языкѣ протяженныя формы словъ древнѣе, чѣмъ сокращенныя,—можемъ принять, кажется безошибочно, что полногласію Русскаго языка приличнѣе называться Восточнымъ нежели Сѣвернымъ свойствомъ, что оно есть признакъ глубочайшей древности народнаго Русскаго языка и сохранилось въ немъ, какъ первобытная, исконная и нѣкогда Общесловенская принадлежность рѣчи, утраченная сперва Западно-Словенскими языками, а вслѣдъ за ними убавившаяся и въ народномъ языкѣ

¹⁾ Такимъ же образомъ можно утвердительно сказать, что слова: *хоробрый* и *хорабрый*, *володѣти*, *волость*, *смородь*, *соромъ*, *морокъ*, *морочно*, *морозъ*, *волога*, *ворогъ*, *шеломъ*—не только народнѣе, но и древнѣе въ нашемъ языкѣ, чѣмъ—*храбрый*, *владѣть*, *власть*, *смадь*, *срамъ*, *мракъ*, *мрачно*, *мразъ*, *влага*, *врагъ*, *шлемъ*—формы, принятыя въ языкъ нашъ изъ Церковно-Словенскаго. Сюда же принадлежатъ предлоги и другія частицы, употребляемыя съ гласными звуками преимущественно въ языкѣ Русскомъ: *изо*, *возо*, *разо*, *ото*, *перо* и пр. Въмѣсто *для* прежде употребляли *дѣля* (оттуда *Богодѣля*).

²⁾ Слово *комонь*, постоянно употребляемое въ Пѣсни Игорю, теперь уже забыто въ народѣ нашемъ, который вспоминаетъ сіе слово только въ старинныхъ свадебныхъ пѣняхъ, напримѣръ:

«Дворъ *комоней* изуставлено;
Сѣни плетей изувѣшано».

³⁾ Тама—тъма, рата—путь, паса—носъ, *vidava*—вдова, въ Южнорусскомъ *удова*;—*tchatour*—четыре, по-Южнорусски *четыри*, въ Польскомъ—*cztery*; *katara*—который, по Южнорусски *котрый*, по-Польски—*który*, по Чешски—*kteřy*; сравни Греческое *ἐκάτερος*

Русскомъ, при его новомъ образованіи подъ вліяніемъ языка письменнаго. — Такимъ образомъ не языкъ Русскій представляетъ своимъ полногласіемъ отдаленіе отъ Церковно-Словенскаго; но наоборотъ—языки Западно-Словенскіе сокращеніемъ словъ представляютъ отступленіе отъ Русскаго. Умноженіе же сокращенныхъ формъ въ языкѣ Русскомъ принадлежитъ позднѣйшей порѣ его образованія и составляетъ его новое сближеніе съ Церковно-Словенскимъ и другими Западно-Словенскими языками 1).

Неизвѣстно когда и отъ чего они усвоили себѣ эту сокращенность словъ; но она доходитъ у нихъ иногда до безгласія. Такъ на примѣръ имя Грека сокращено въ Грка имя Сербовъ, которое встарину у насъ произносилось полногласно—Серебъ (у Нестора), отсюда Серебожь, серебщина,—сокращено въ Срба и Српа; Русское названіе Кумановъ Половцами сокращено въ Плавцовъ; Греческое слово монахъ въ мниха: Латинскія слова *Vigilia*, *Missa*, въ—Вилія, мша; Цесарь—въ Царь. Такъ у разныхъ Западныхъ Словенъ обоихъ разрядовъ, вм. полонъ или полнъ говорятъ плн, вм. волкъ или вовкъ—влк, вм. толкъ, столпъ—тлк, стлп, вм. корча или корчь, торгъ, кровь, смерть—крч, крв, трг, смрт. Такія безгласныя, нѣмныя слова нельзя признать первообразными. Одно уже столь частое употребленіе въ древнемъ Словенскомъ правописаніи *z* и *z̄* въ среднѣхъ словъ обличаетъ не первоначальное отсутствіе гласныхъ звуковъ, но только заглушеніе или сокращеніе оныхъ до полугласнаго состоянія, которое потомъ могло и совсѣмъ изглаживаться—частію только для письма, частію же и для слуха. Для чего-бы Задунайскимъ Словенамъ въ древнія времена писать, на примѣръ, не просто—смръть, что, кто, днсь, мнѣ; но съ мьръть, чьто, кьто, дьньсь, мьнѣ,—еслибъ и въ сихъ словахъ не отзывалось имъ никакого гласнаго звука,—

1) Сообразно полногласію своего языка, Рускіе растворяли иногда гласными звуками слова заимствованныя. Такъ у Нестора читаемъ: *Поютъ* вм. *Понтъ*, *мороморяну* вм. *мраморну*.

еслибъ и въ сихъ словахъ ъ и з не означали собою заглушенныхъ или сокращенныхъ гласныхъ звуковъ е и о ¹⁾?—Переходомъ въ такому опущенію или заглушенію гласныхъ звуковъ—коренныхъ, а не вставочныхъ—былъ разнообразный и перемѣнчивый способъ ихъ произношенія, состоящій то въ замѣнѣ одного звука другимъ, то въ различной мѣрѣ ихъ протяженія, то въ различномъ напряженіи голоса. Отъ того большое представляется разнообразіе въ самомъ заглушеніи гласныхъ звуковъ. — Къ числу Западно-Словенскихъ измѣненій гласныхъ звуковъ принадлежитъ произношеніе нѣкоторыхъ съ прибавкою носоваго или Французскаго *n*. Такое употребленіе звуковъ *оп*, *еп* (*а*, *е*) вмѣсто чистыхъ звуковъ *у* и *я*, нѣкогда распространилось было между Словенами обоихъ Западныхъ разрядовъ; но удержалось только у Поляковъ, да и у нихъ уже, въ образованнѣйшемъ выговорѣ, носовой *n* въ концѣ словъ исключается. Многія Словенскія слова съ такимъ произношеніемъ сохраняются еще въ языкѣ Румынскомъ (Волошскомъ) и Мадь-

¹⁾ Не говоря о словахъ, гдѣ очевидна замѣна гласныхъ полугласными, я указалъ на слова, требующія изъясненія. а) Вм. *днньсь* дѣйствительно у насъ въ древности писали иногда *денесь* (т. е. день сей), у Иллирцевъ *данась*; по той же формѣ въ Велико-русскомъ народномъ языкѣ употребляются нарѣчія—ночесь, зимось, осенесь, лонись. б) Слово *смерть*, видимо составленное изъ *се-мереть*, съ такимъ полногласіемъ осталось въ Верхнерусскомъ нарѣчьи въ уменьшенной формѣ—*семерѣтка*, *семерѣточка*; а въ Глаголитскихъ рукописяхъ встрѣчается *семерт*. в) Вм. *мень*, гдѣ явнымъ образомъ опущено *e*, Южные Руссы говорятъ *мень*. г) Слово *что* составлено изъ кореннаго *чо*, съ прибавкою отбрасываемой въ косвенныхъ падежахъ частицы *то*, вмѣсто которой въ Южнорусскомъ и Верхнерусскомъ прибавляется впереди *сѣ* (сокращ. *се*—см. гл. V, пр. 16.), и такимъ образомъ говорится *сѣ-чо* или *счо*. Словами и отгачи Галицкіе Руссы понимаютъ вм. *что* говорить *чо*; Поляки и Чехи измѣнили сію частицу въ *чо*, удерживая въ косвенныхъ падежахъ звукъ *ч*; но въ Рязанской разности Среднерусскаго нарѣчія звукъ *ч* выдержавъ постоянно—*чо*, *цего*, *цему*, по Бѣлорусски также *цаю*, *цаму*. д) Такимъ же образомъ составилось и слово *кто* изъ кореннаго *ко* сохранившагося въ языкѣ Сербскомъ (откуда *кой*) и частицы *то*, отбрасываемой въ косвенныхъ падежахъ; Иллирцы прибавляютъ ее, впереди, сократя въ *тѣ*, и говорятъ *тко*. Полногласное употребленіе слова *кто* было у Словенъ Заодерскихъ, какъ видно изъ Люнебургской пѣсни: «*кто* нянка бейтъ» (т. е. кто невѣста будетъ); существуетъ и теперь въ словѣ *который*, по Польски *który*; сравни Эолійское *χαιος*.

арскомъ (Венгерскомъ). Въ Русскомъ языкѣ не было и пѣть такого произношенія; и появленіе оного у Западныхъ-Словенъ, по всей вѣроятности, было пришлое отъ иноплемennыхъ языковъ Европейскихъ.

Отношеніе Русскаго языка къ Западно-Словенскимъ.

Предложенное мною изслѣдованіе о полногласіи Русскаго языка Сѣвернаго и Южнаго даетъ поводъ заключить, что право старшинства скорѣе можно усвоить Великорусскому и Южно-русскому, чѣмъ языкамъ Задунайскимъ, такъ какъ и самое образованіе народовъ Словенскихъ за Дунаемъ гораздо моложе, чѣмъ осыдлая самобытность Словенъ на землѣ Русской, бывшей разсадникомъ Словенъ для Южной Европы.

По крайней мѣрѣ это гораздо вѣроятнѣе, чѣмъ производство Русскаго языка отъ Церковно-Словенскаго, чѣмъ родоначальство и старшинство сего послѣдняго въ Общесловенскомъ кругу. Всѣ извѣстные языки сего круга, нося на себѣ печать общаго происхожденія, составляютъ семейство языковъ, какъ вѣтви отъ одного корня произросшія, и представляютъ собою только видоизмѣненія одного родоваго языка, по имени коего всѣ они называются Словенскими или Славянскими.

Языкъ образуется и живетъ вмѣстѣ съ народомъ. И если расплемененіе родоначальныхъ Словенъ на многія отросли принадлежитъ глубокой древности; то безъ сомнѣнія и коренной, родовой языкъ Словенскій разошелся во многія вѣтви или виды задолго еще до IX-го вѣка. Племенная жизнь Словенская, развиваясь болѣе или менѣе особенно въ каждой отросли, отдалялась отъ своего первообраза и становилась различною. Съ тѣмъ вмѣстѣ и доставшійся каждой отросли наслѣдственный запасъ родоваго языка развивался въ каждомъ поколѣніи болѣе или менѣе особенно: то образуя изъ собственныхъ стихій и по собственнымъ ихъ законамъ новыя слова и обороты, для выраженія разныхъ понятій, чувствъ и предметовъ вѣщныхъ; то принимая отъ соплеменныхъ языковъ ихъ особенности и приобрѣтенія; то заимствуя стихіи иноплеменные, — смотря по-

тому съ кѣмъ и въ какую пору своей жизни тотъ народъ общался и какое отъ кого могъ получать вліяніе на свою внутреннюю и внѣшнюю жизнь. Такимъ образомъ родовой языкъ постепенно разнообразился и обращался во многія особыя разности и виды, въ которыхъ удѣльное родовое достояніе, составляя главную основу, измѣнялось и умножалось новыми приращеніями.

Происхожденіе первоначальныхъ разностей и видовъ Словенскаго языка, изъ которыхъ образовались нынѣшніе его виды, принадлежитъ древнѣйшему времени, котораго почти невозможно опредѣлить исторически, такъ же, какъ и подробная непрерывная родословная одноплеменныхъ народовъ, есть задача неразрѣшенная для Исторіи. Ибо коренныя племена Исторія застаётъ уже раздѣленными, и первоначальное ихъ расплемененіе представляетъ большею частію только въ общихъ чертахъ, и свое знаніе объ нихъ по-неволѣ дополняетъ гаданіями.—

Такимъ образомъ, кажется, ни одинъ изъ извѣстныхъ Словенскихъ языковъ нельзя признать родоначальнымъ для прочихъ; ибо всѣ они отошли уже отъ Перво-Словенскаго—одни въ одномъ, другіе въ другомъ, одни болѣе, другіе менѣе. Первобытнѣйшій Словенскій языкъ остался не въ одномъ какомъ-либо изъ нихъ, но существуетъ во всѣхъ ихъ—своими первобытными свойствами, въ нихъ разсыянными и перемѣшанными—такъ, что кромѣ словъ, оборотовъ и свойствъ общихъ всѣмъ имъ, родовыхъ, въ каждомъ изъ нихъ уцѣлѣло еще что-нибудь такое отъ родоваго языка, чѣго не досталось или не сохранилось въ другихъ.

Коренной, Первословенскій языкъ,—или лучше сказать первоначальныя, родовыя свойства языковъ Словенскихъ,—познаются и извлекаются только посредствомъ совокупнаго и сравнительнаго познанія всѣхъ ихъ, отъ котораго зависитъ также и дальнѣйшее всѣхъ ихъ обогащеніе или восполненіе. Въ семъ отношеніи языкъ Русскихъ Словенъ долженъ занять первое мѣсто, какъ языкъ наиболѣе сохранившій коренныхъ первообразныхъ свойствъ Общесловенской рѣчи. — Южнорусскій языкъ, вслѣдствіе средоточнаго положенія народа своего

между народами Словенскими, составляет—миѣ кажется—общей узелъ соединенія всѣхъ языковъ Словенскихъ ¹⁾. Посредствомъ него всѣ Западно-Словенскіе языки примыкаютъ къ Велико-русскому—сему представителю Русской рѣчи, который по всей справедливости теперь почитается главнымъ и въ цѣломъ кругу Общесловенскомъ.—

Г Л А В А VII.

О языкѣ церковно-словенскомъ и его образователяхъ.

Прежде всѣхъ Словенскихъ языковъ книжное образованіе получилъ языкъ собственно-Словенскимъ или Церковно-Словенскимъ называемый, при переводѣ на него Священнаго Писанія и Богослужебныхъ Книгъ. Съ распространеніемъ Богослуженія на семь языкѣ, онъ содѣлался и у насъ языкомъ церковнымъ и книжнымъ, и чрезъ то болѣе всѣхъ имѣлъ вліяніе на языкъ Русскій—не только письменный, который и развился изъ него, но и на языкъ народный. Потому въ Исторіи Русской Словесности онъ имѣетъ почти такую же значительность, какъ и нашъ собственный.

Но прежде, чѣмъ опредѣлимъ его происхожденіе, вспоманемъ о тѣхъ мужахъ, коимъ принадлежитъ его письменное образованіе и составленіе особой, ему свойственной Словенской азбуки.

¹⁾ Потому одни считаютъ его нарѣчіемъ *Русскаго* языка, но наиболѣе отъ него уклонившимся; другіе сближаютъ его съ Сѣверо-западнымъ диалектомъ и даже считаютъ нарѣчіемъ языка *Польскаго*; нѣкоторые же полагаютъ, что онъ близокъ съ языками Словенъ Задунайскихъ болѣе, чѣмъ Велико-русскій.

О Кириллѣ и Меѳодіѣ

Переводъ Священнаго Писанія съ Греческаго языка на Словенскій принадлежитъ къ Апостольскимъ подвигамъ двухъ братьевъ—Константина Философа, въ схиѣ нареченнаго Кирилломъ, и Меѳодія. Блаженные мужи сіи, во второй половинѣ IX вѣка ознаменовали свою жизнь великими подвигами распространенія Христовой Вѣры, особливо между народами Словенскими, и по справедливости почтены именемъ Учителей Словенскихъ. — Они были уроженцы Македонскаго города Солуна, гдѣ и провели свою первую молодость ¹⁾. Меѳодій служилъ сначала въ военной службѣ; потомъ постригся въ монахи на горѣ Олимпійской. Константинъ-же отъ юности своей «воспитанъ былъ въ ученіи книжномъ и въ исканіи любомудрія». Окончательное образованіе свое получилъ онъ, вмѣстѣ съ Царемъ Михаиломъ, при Дворѣ Царьгородскомъ. Оттуда удалясь на Узкое или Мраморное море, онъ постригся тамъ въ монахи, и по возвращеніи въ Царьгородъ былъ бібліотекаремъ при Софійскомъ Соборѣ. Царь Михаилъ, такъ много ревновавшій о распространеніи Христовой Вѣры, для проповѣданія оной посылалъ Константина къ Сарацинамъ на Ефратъ; послѣ того Константинъ и Меѳодій были посланы въ Крымъ, для обращенія Козаровъ.

Въ 855-мъ году Константинъ составилъ Словенскую азбуку. Вскорѣ за тѣмъ онъ, вмѣстѣ съ Меѳодіемъ, началъ въ Царьгородѣ перелагать Богослужебныя книги на Словенскій языкъ, и потомъ распространять на семь языковъ ученіе и служеніе Христовой Вѣры между Словенами Греческими и Болгарскими. Меѳодію принадлежитъ обращеніе въ Христіанство

¹⁾ Подробностей о первой половинѣ жизни Кирилла и Меѳодія, до ихъ учительства въ Болгаріи, болѣе всего находится въ Четь-Миней Св. Димитрія; они (какъ тамъ же показано) взяты сокращенно изъ харатейныхъ Миней. Неизвѣстны гажь сіи источники; но Добровскій наирасно отвергалъ свѣдѣнія, изъ нихъ почерпнутыя.—По симъ свѣдѣніямъ Меѳодій былъ старшій братъ; отецъ ихъ, по имени *Левъ*, былъ знатнаго рода и имѣлъ санъ Сотника. По нѣкоторымъ Греческимъ извѣстіямъ онъ былъ Грекъ.

Болгарскаго Царя Бориса и его Боярь, свершенное 861-го г., посредством картины Страшнаго Суда ¹⁾.

Около 863 года, въ слѣдствіе просьбы Моравскаго Князя Ростислава къ Царю Михаилу, Кирилль и Меѳодій перешли въ Верхнюю Моравію, съ Климентомъ и другими учениками своими, и распространяли тамъ Богослуженіе на языкѣ Словенскомъ. По сему поводу они вызваны были 867-го года въ Римъ Папою Николаемъ, и прибыли туда въ концѣ того же года, уже при Папѣ Адрианѣ, который принялъ ихъ съ великою честью, благословилъ труды ихъ и утвердилъ Богослуженіе на Словенскомъ языкѣ, на которомъ Святые Учители наши и совершали Литургію посреди Рима.

Константинъ, отказавшись отъ Епископства, принялъ схиму съ именемъ Кирилла, и чрезъ 40 или 50 дней скончался 868 года въ Римѣ, и погребенъ въ церкви Св. Климента, гдѣ положена и часть мощей сего Сватаго Папы, принесенная въ Римъ Константиномъ ²⁾.

Меѳодій, тогда же поставленный отъ Папы Адриана Архіепископомъ Моравскимъ и Паннонскимъ, возвратился въ Моравію. Тамъ онъ доканчивалъ переводъ Библіи, и съ помощію сподвижниковъ своихъ ³⁾ распространялъ крещеніе у разныхъ

¹⁾ Исслѣдованіе о дальнѣйшей жизни и подвигахъ Кирилла и Меѳодія, основанное преимущественно на Латинскихъ Буллахъ и Легендахъ, на Греческомъ жизнеописаніи Св. Климента, — Добровскій издалъ въ особомъ сочиненіи, которое на Русскомъ языкѣ, съ разными прибавленіями, издалъ Пододинъ, подъ именемъ *Кирилль и Меѳодій*. М. 1825 г. — Подвиги Словенскихъ Учителей въ Болгаріи и Моравіи переслѣдованы вновь Шафарикомъ, въ его сочиненіи — *Старожитности Словенскія*, въ главахъ о Словенахъ Болгарскихъ и Моравскихъ —

²⁾ Константинъ представилъ въ даръ Адриану часть своей драгоценной Корсунской находки — мощей Св. Климента Папы Римскаго, замученнаго 102 г. въ Корсунѣ. Тамъ и оставлена была Константиномъ глава Климента, перенесенная уже Св. Владиміромъ въ Кіевъ и хранившаяся въ Десятинной Церкви. Сею главою Соборъ Русскихъ Епископовъ, въ 1147 г. посвятилъ Климъ Смолятича въ Митрополиты Кіевскіе, по примѣру тому, какъ Восточные Патріархи посвящаемы были рукою мощей Св. Іовина Крестителя.

³⁾ Главнѣйшими сподвижниками Меѳодія были *Климентъ, Горавдъ, Намъ, Анелярь, Савва*. Нѣкоторые изъ нихъ безъ сомнѣнія были участниками и въ переводъ Библіи.

Словенскихъ народовъ, охраняя твердо и успѣшно Богослуженіе Словенское отъ противодѣйствія Священниковъ Нѣмецкихъ. Скопчался около 885 года ¹⁾, въ Моравской столицѣ Велеградѣ или Градицѣ, на рѣкѣ Моравѣ, гдѣ и погребенъ въ церкви Св. Богородицы.

Память сихъ Преподобныхъ мужей, наша Православная Церковь празднуетъ 11-го Мая.

О Церковно-Словенскомъ языкѣ

И такъ письменное образованіе Церковно-Словенскаго языка было предпринято Святыми мужами для выраженія на немъ Слова Божія и для Богослуженія Христіанскаго. Потому предпріятіе сіе совершилось и распространилось подъ особеннымъ благоволеніемъ Божиимъ.—О началѣ великаго дѣла сего Св. Димитрій Ростовскій повѣствуетъ слѣдующее ²⁾. «Онъ же (Константинъ) первѣе постися четьредесять дней, споспѣшествующей ему благодати Святаго Духа, избобрѣте азбуку Славенскую, имущую въ себѣ тридесять и осмь письменъ, во еже бы предложити книги Греческія на языкъ Славенскій, въ чемъ съ помощію Божіею помогаше ему и блаженный Меоодій; и въ началѣ прелагати начаша Святое Евангеліе отъ Юанна: Въ началѣ бѣ Слово, и прочая. И показаша то Царю и Патріарху и всему Собору, и вси о томъ съ радостію прославиша Бога».

¹⁾ Сопротивленіе и происки Нѣмецкаго Духовенства было причиною разныхъ гоненій на Меоодія, его учениковъ, и на Богослуженіе Словенское; для оправданія онаго Меоодій въ 879 году и былъ вызываемъ въ Римъ Папой Иоанномъ VIII, который призналъ Меоодія справедливымъ и вновь подтвердилъ дозволеніе Словенскаго Богослуженія.

²⁾ Въ Четь-Миневъ. Сходно съ симъ и Греческій жизнеописатель Св. Климента Епископа Болгарскаго говоритъ о началѣ труда Кириллова. «По велику народъ *Словенскій* или *Болгарскій* не понималъ писанія, на Греческомъ языкѣ предложеннаго, то Святые (Константинъ и Меоодій) почли сіе великимъ неудобствомъ. Они молили Утѣшителя, отъ котораго дарованіе языковъ и пособіе слова проиходитъ, ниспослатъ имъ способность къ избобрѣтенію письменъ, соответственныхъ грубости языка *Болгарскаго*; молитва ихъ была услышана и они избобрѣли *Словенскія буквы*, перевели Богомъ дарованія писанія съ Греческаго языка на Болгарскій».

Въ самомъ Первосвященникѣ Римскомъ находило защиту Богослуженіе на Словенскомъ языкѣ, когда Нѣмціе Епископы и Священники начали преслѣдовать и хулить оное — «глаголюще: яко не достойтъ некоторому языку имѣти буквы своихъ, развѣ Еврѣй, и Грекъ, Латинъ, по Пилатову писанью, еже на крестѣ Господни написа. Се же слышавъ Папезъ Римскій (Іоаннъ VIII) похули тѣхъ, иже ропщутъ на Книги Словѣнскія, река: да ся исполнить Книжное слово, яко въсхвалять Бога вси языци; другое же: вси възглаголють языки величья Божья, якоже дасть имъ Святыи Духъ отвѣщевати. Да аще кто хулитъ Словѣнскую грамоту, да будетъ отлученъ отъ Церкви, дондеже ся исправятъ»¹⁾.

Но особенную, священную важность Церковно-Словенскій языкъ имѣлъ для народовъ Словенскихъ, какъ Богослужебный и вмѣстѣ соплеменный ихъ языкъ, на которомъ распространялась Православная Вѣра, не только у всѣхъ Задунайскихъ, Моравскихъ и Русскихъ Словенъ, но также у Чеховъ и Поляковъ²⁾,—на которомъ Христіанское Богослуженіе доступно было разумѣнію и простаго народа. «Ради быша Словѣни, яко слышаша величья Божья своимъ языкомъ»,—говоритъ Преподобный Несторъ.

¹⁾ Такъ повѣствуетъ Несторъ въ своей Лѣтописи; и это совершенно согласно съ подлинными словами Папы Іоанна VIII въ его посланіи къ Князю Сватополку (880 г.) «*Literas denique Sclavonicas, a Constantino quodam Philosopho repertas, quibus Deo laudes debita resonent, jure laudamus, et in eadem lingua Christi Domini nostri praeconia et opera ut enarrentur jubemus. Neque enim tribus tantum, sed omnibus linguis Dominum laudare, auctoritate sacra monemur, qua praecipit dicens: laudate Dominum omnes gentes...*» и т. д.

²⁾ Чешскій князь *Буригой* принялъ крещеніе отъ Мееодія въ Моравской столицѣ Велеградѣ, 871 года; послѣ того и въ народѣ распространилось Словенское Богослуженіе; хотя еще въ 845 г. введено было Нѣмцѣмъ и Латинское Богослуженіе у Чеховъ. Но Поляки—по словамъ Хроника Пшецкаго—«не хотѣли принимать Христіанской Вѣры отъ Нѣмцевъ и приняли ее сперва отъ Восточныхъ Грековъ Кирилла и Мееодія».—Изъ *Нарушонич* и другихъ извѣстно, что въ Краковѣ еще въ началѣ X вѣка (слѣдственно прежде крещенія Мечиславова, 965 г.) была Христіанская церковь, и служба правлялась на языкѣ Словенскомъ, что продолжалось еще и въ исходѣ V вѣка, во время Длугоша (ум. 1480).

Изъ какого-же именно Словенскаго нарѣчія Кирилль и Меодій образовали Богослужебный языкъ нашъ, на которомъ Слово Божіе отозвалось съ такою величественною простотою, силою и красотою?

Вопросъ сей рѣшаютъ различно.—Калайдовичъ называлъ ¹⁾ его языкомъ Моравскимъ и доказывалъ, что сей Моравскій языкъ есть тотъ древній или коренной, который нѣкогда, и даже еще въ половинѣ IX-го вѣка, былъ однимъ общимъ языкомъ у Моравовъ, Болгаръ, Русскихъ и другихъ соплеменныхъ народовъ и не имѣлъ еще особыхъ отличій отъ Русскаго. Утвержденіе свое Калайдовичъ основывалъ на Несторовой Лѣтописи, особливо на словахъ ея: «Словѣнскъ языкъ и Русскій едино есть», и говорилъ, что Несторъ называетъ Словенскій и Русскій языкъ однимъ и тѣмъ-же справедливо.—На томъ же основаніи и Давыдовъ ²⁾ говоритъ, что Священное Писаніе переведено на древній Русскій языкъ, что сей языкъ у Нестора зовется безъ различія Словенскимъ и Русскимъ, и что отъ него произошелъ нынѣшній языкъ Руси Южной и Сѣверной.

Но у Нестора не говорится, чтобы Русскій языкъ не разнился отъ Церковно-Словенскаго въ IX-мъ вѣкѣ; у него даже не названъ и по имени Русскій языкъ, какъ рѣчь; а въ вышеприведенныхъ словахъ его: «Словѣнскъ и Русскій языкъ едино есть» подъ именемъ языка разумѣется не рѣчь, а родъ или племя. Въ томъ мѣстѣ, откуда взяты слова сіи, Несторъ доказываетъ наше однородство съ древнѣйшими Дунайскими Словенами, наше—если угодно—безразличіе съ ними въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х., когда Апостоль Павелъ былъ въ Иллирикѣ,—и говоритъ, что мы, хоть зовемся Русью и назывались Полянами, но сперва были Словенами и у насъ «Словѣнска рѣчь бѣ». Болѣе сего уже не говоритъ Несторъ объ Русскомъ языкѣ, какъ рѣчи. Въ такомъ-же общемъ, родовомъ смыслѣ у него

¹⁾ Въ *Иоан. Экз. Бол.* стр. 8, 67.—Тоже въ *Труд. Общ. Л. Р. Сл.* 1822.

²⁾ Въ лекціи о древней Русской Словесности (см. *Учен. Запис. Моск. Унив.* 1834 г. № 8).

полагается и названіе Словенской грамоты, по имени Словенъ родоначальныхъ: «такъ разидеся Словѣньскій языкъ: тѣмже и грамота прозвася Словѣньская». Изъ Несторовой Лѣтописи нельзя извлечь ничего частнаго ни о Русскомъ, ни о Церковно-Словенскомъ языкахъ; ибо Несторъ упоминаетъ объ нихъ почти мимоходомъ и какъ-бы для того только, чтобы назвать ихъ Словенскими, въ томъ племенномъ смыслѣ, въ какомъ и теперь каждый одноплеменный намъ народъ называетъ и себя и языкъ свой—Словенскимъ. Такимъ-же образомъ не слѣдуетъ изъ Нестора, чтобы коренной Словенскій языкъ былъ пераздѣльнымъ еще и въ IX вѣкѣ. Примѣняясь къ основной Несторовой мысли о расплемененіи единаго Словенскаго языка или рода на многіе народы, скорѣе можно выводить изъ нея противоположное заключеніе и допускать раздѣленіе единой Словенской рѣчи на разныя нарѣчія уже въ глубокой древности.

Правда, что языкъ Церковно-Словенскій со второй половины IX вѣка вошелъ было въ общее употребленіе почти у всѣхъ народовъ Словенскихъ. Но это употребленіе было у нихъ книжное, какъ языка Богослужебнаго, который обыкновенно становится дѣловымъ и вообще письменнымъ языкомъ. Черезъ такое употребленіе Церковно-Словенскій языкъ имѣлъ различной степени вліяніе на большую часть прочихъ Словенскихъ языковъ и произвелъ въ нихъ новое обобщеніе, котораго не должно смѣшивать съ ихъ первоначальною, родовою близостью. И такъ Церковно-Словенскій языкъ только по книжному или письменному употребленію можетъ считаться Обще-словенскимъ, и въ семъ отношеніи онъ можетъ называться столько же—древнимъ Русскимъ, сколько и древнимъ Сербскимъ, древнимъ Моравскимъ, древнимъ Паннонскимъ ¹⁾. — Только потому, что сей языкъ

¹⁾ Копитаръ, въ сочиненіи своемъ *Glagolita*, 1836 г., старается доказать, что Церковно-Словенскій языкъ есть *древній Паннонскій*, отъ котораго—по его мнѣнію—произошелъ и къ нему ближе всѣхъ бывшій языкъ Хорватскій.

прежде всѣхъ Словенскихъ получили книжное образованіе, онъ можетъ называться Старо-Словенскимъ. Но изъ сего еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ памятникомъ древнѣйшихъ коренныхъ свойствъ Общесловенской рѣчи. Ибо онъ представляетъ собою древня (IX-го вѣка) свойства только того языка, на который переведены Богослужебныя книги, по которой— по своему образованію въ народѣ—могъ быть и—кажется— дѣйствительно былъ новѣе нѣкоторыхъ другихъ языковъ Словенскихъ. Своимъ вліяніемъ на нихъ онъ придалъ имъ нѣсколько своихъ принадлежностей, которыхъ они не имѣли прежде и которыя изъ книжнаго употребленія болѣе или менѣе переходили постепенно въ употребленіе народное. Изъ него развился книжный или письменный языкъ Русскій, такъ же какъ и книжный Сербскій. Но онъ отличенъ отъ народнаго Русскаго языка; отличенъ и отъ народнаго языка Моравскаго или Чешскаго; также отъ языковъ Сербскаго, Хорутанскаго и даже отъ народнаго Болгарскаго. Потому въ Общесловенскомъ кругу онъ можетъ считаться особымъ языкомъ, который—и по своему происхожденію, и по своимъ признакамъ—принадлежитъ къ разряду Юго-западному или Задупайскому.

У какихъ же именно Задупайскихъ Словенъ онъ былъ языкомъ народнымъ?

Многіе изъ нашихъ писателей—напримѣръ Каченовскій, Грець, Полевой—принимаютъ, что это древній Сербскій языкъ, какъ полагалъ сначала Добровскій, по именитости коего и распространилось сіе мнѣніе. Но уже выше замѣчено, что названіе древняго Сербскаго, столько же идетъ къ сему языку, какъ и названіе древняго Русскаго. Языкъ Сербскій въ древнѣйшихъ памятникахъ своихъ уже представляется различнымъ отъ Церковно-Словенскаго, такъ что (по словамъ Востокова) трудно повѣрить непосредственному происхожденію Сербскаго языка отъ Церковно-Словенскаго

Что касается до Македонскаго города Солуна,—изъ коего родомъ были Кирилль и Меѳодій, и будто отъ жившихъ тамъ Сербовъ заимствовали ихъ языкъ для перевода Богослу-

жебныхъ книгъ ¹⁾), — то съ такимъ-же правомъ Шлецеръ доказывалъ, что языкъ Кирилловскій могъ быть заимствованъ отъ Солунскихъ Болгаръ и былъ языкъ Болгарскій ²⁾. Вспомнимъ еще, что и самъ Добровскій оставилъ прежнее свое мнѣніе и призналъ Церковно-Словенскій языкъ за древнее, еще несмѣшанное Сербо-Болгаро-Македонское нарѣчіе.

Обращаясь къ тому мнѣнію, что Богослуженныя книги переведены на языкъ Болгарскій, замѣтимъ, что сіе мнѣніе, принимаемое теперь Востоковымъ, Шафарикомъ и другими ³⁾, гораздо древнѣе, чѣмъ всѣ вышеприведенныя. Ибо, кромѣ собственнаго и древнѣйшаго названія сего языка «Словѣнскимъ» ⁴⁾, его и встарину еще называли—Болгар-

¹⁾ На семь основаній тожество Сербскаго языка съ Церковно-Словенскимъ доказывал Каченовскій, въ своемъ Разсужденіи о *Славянскомъ и въ особенности Церковномъ языкѣ* (см. Труды Общ. Люб. Рос. Слов. Ч. VII. 18:7). Еще прежде Добровскаго Церковный языкъ считали Сербскимъ—Рагузинецъ *Дольчи* (1754 г.) и *Мльговита*.

²⁾ См. его сочиненіе *Несторъ*, Ч II —Еще прежде Шлецера такъ думалъ Христофъ *Йорданъ*, полагавшій, что Кириллъ научился Болгарскому языку въ Царѣгородѣ.—Въ Четь-Миней говорится, что Козарскому языку Кириллъ изучился *добрь* въ Корунѣ или Херсонѣ, приготовляясь къ обращенію въ Христіанство Козаровъ: «бесѣдоваху же Козари языкомъ Славенскимъ». (Въ находящемся тамъ же примѣчаніи о *Козарахъ*, Св. Димитрійъ называетъ ихъ народомъ Сявскимъ, *языка Славенскаго или Россійскаго*).

³⁾ Такое мнѣніе Востокова сказано въ *Собр. Словен. памятн.* издан. Кеппеномъ, 1827, стр. 27.—Того же мнѣнія былъ и Митрополитъ *Евлевій*, какъ известно мнѣ изъ личнаго бесѣды съ нимъ —*Венелимъ* Церковно-Словенскій языкъ считаетъ природнымъ *Болгарскимъ*; ибо о тѣхъ Дунайскихъ и Волжскихъ Болгаръ, равно Аваровъ, Казаровъ и даже Гунновъ, признаетъ за нашихъ соплеменниковъ (См. его *Древнѣе и нынѣшн. Болгаре*, 1829 г.) — То же мнѣніе о Церковно-Словенскомъ языкѣ принимаетъ *Новицкій* (въ *Разсужд.* о первонач. перев. Свящ. Пис. на Слав. языкъ. 1836), —полагая въ основу этого мнѣнія слова Четь-Миней (см. примѣч. 13).

⁴⁾ Въ древнее время, какъ видно изъ рукописей Болгарскихъ, Русскихъ и Сербскихъ, сіе слово писали съ буквою ѣ: *Словѣне, Словѣнникъ, Словѣнскій*; но по различному выговору буквы ѣ, безъ сомнѣнія и самое слово произносили различно: *Словини*—по выговору Южнорусскому, Македонскому, Илирскому и отчасти Хорутанскому; *Словени* и *Славени*—по выговору Сербскому, Бѣлорусскому, Великорусскому, и т. д. Въ слѣдствіе равнообразнаго выговора, измѣнили потомъ сіе слово и на письмѣ: въ средній промежутокъ *Словене*; а въ XVII вѣкѣ начали уже писать *Славене* и *Славене*.

скимъ. Такъ именуеть его Греческій жизнеописатель Болгарскаго Архіепископа Климента; подобно тому, какъ Градниценскій монахъ XII-го вѣка называетъ Болгарскими письмена Кирилловскія. Въ Переясловскомъ Евангеліи ⁴⁾ XVI-го вѣка также говорится, что оно переведено «изъ языка Българскаго на мову Рускоюю».

Остапавливаясь на семь древнѣйшемъ мнѣніи, и на томъ общепринятомъ мнѣніи, что родина Кирилла и Меодія было родиною и Церковно-Словенскаго языка, мы—послѣдую Шафаріку—сей языкъ почитаемъ народнымъ языкомъ собственно такъ называемыхъ Словенъ Македонскихъ, по имени коихъ не только Сѣверная Македонія (гдѣ въ IX-мъ вѣкѣ главнымъ торговымъ городомъ былъ Солунь), но и Мизія называлась Словиніей, а у Грековъ Склавиніей. Въ послѣдствіи—когда покорена была Болгарыи Мизія въ 678 году, потомъ въ 861 году и Македонія и Фракійское Загорье,—именемъ Болгарь покрылось прежнее, собственное имя Словенъ, какъ у насъ имя Русовъ простерлось на всѣ Восточно-Словенскія отросли. Потому-то оба имена, и Словенское и Болгарское, нерѣдко встрѣчаются за-одно и вмѣстѣ; напримѣръ, въ рукописномъ Словарѣ Кирилла Александрійскаго—«Склавинія, т. е. Булгарія»; въ жизнеописаніи Св. Климента—«народъ Словенскій или Болгарскій—языкъ Болгарскій—письмена Словенскія».

И такъ названіе нашего Церковнаго языка и письменъ Словенскими, есть собственное, народное и безъ сомнѣнія первоначальное, самимъ Кирилломъ данное, по имени своихъ ближнихъ Словенъ Македонскихъ. Но Болгарскимъ сей языкъ назвался уже по имени Болгаріи, гдѣ произошло первоначальное распространеніе сего языка, гдѣ скоро процвѣла на немъ довольно богатая духовная Словесность, прежде чѣмъ у другихъ народовъ Словенскихъ, и откуда перешла къ

16) Въ Переясловскомъ монастырѣ хранится харатейное Евангеліе, переведенное на Волянн, на *Западно-Русскій* письменный языкъ (изъ соединенія Южнорусскаго съ Церковнословенскимъ состояцій), и списанное 1556-61 г. «Михаиломъ Васильевичемъ, сыномъ Проговоца Саноцкаго».

нимъ Словенская грамота и распространились многія книги на семь языкѣ.

У каждаго Словенскаго народа языкъ сей, входя въ Богослужебное и письменное употребленіе, легко могъ приняться и усвоиться, какъ языкъ соплеменный, и потомъ считаться своимъ, особенно въ Духовенствѣ. Потому-то и у насъ встарину иногда писали, что Константинъ «Греческую грамоту въ Русскую преложи». Но по первенству его письменнаго употребленія и процвѣтанія у народа Болгарскаго, онъ можетъ называться Старо-Болгарскимъ съ бѣльшимъ правомъ, нежели древнимъ Сербскимъ или древнимъ Русскимъ; и Болгарскому Эвзарху Іоанну всего ближе было называть его «своимъ»,—хотя онъ вообще называетъ его «Словѣньскимъ».

Что въ основѣ языка сего была стихія чисто-Словенская однородная, это не подлежитъ сомнѣнію. Но при переводѣ Богослужебныхъ книгъ съ Греческаго, Словенскій языкъ неизбѣжно принималъ Греческія формы, не только въ устроеніи цѣлой рѣчи или словосочиненія, но и въ составленіи отдѣльныхъ словъ самими переводчиками; многія Греческія слова вносились были подлинникомъ. Потому древняя Словенская рѣчь невольнѣ является здѣсь въ собственномъ видѣ; но уже измѣненная и преображенная, преимущественно по языку Греческому¹⁾. Могло статься и то, что еще въ первоначальнѣй переводѣ Библии и Богослужебныхъ книгъ, вошли нѣкоторыя заимствованія отъ Словенъ собственно Болгарскихъ, а потомъ и отъ Моравскихъ. При всемъ томъ языкъ Кирилловскій имѣетъ въ основѣ своей всю однородность живой рѣчи и не представляется такимъ искусственно-составнымъ, какъ напримѣръ Итальянскій языкъ Дантовъ.

Разные Словенскіе народы, принявъ и усвоивъ себѣ Церковно-Словенскій языкъ, болѣе или менѣе измѣняли его, по

¹⁾ Потому-то *Полевой*, хотя и принимаетъ Сербское нарѣчіе за основаніе Церковно-Словенскаго языка; но вмѣстѣ съ тѣмъ почитаетъ сей языкъ особымъ *книжнымъ* языкомъ, ни къ какъ му нарѣчію, а также къ первоначальному языку Словенъ не принадлежащимъ (см. Ист. Р. Нар. Т. I прил. 6., и въ Труд. Общ. Л. Р. С. Ч. IV 1324)

языку своенародному. Такимъ образомъ, въ продолженіе столѣтій; онъ постепенно разнообразился и отходилъ отъ своего первоначальнаго вида ¹⁾.—Его употребленіе и развитіе сначала было въ Болгаріи, потому и его первоначальное измѣненіе вѣроятно было по языку Болгарскому. Но въ послѣдствіи наибольшее распространеніе, а вмѣстѣ и измѣненіе, онъ получилъ въ Россіи, сдѣлавшись какъ-бы собственностію нашего народа. И наши Сѣверные переписчики Церковныхъ книгъ въ среднія времена даже оговаривались, что въ оныя книги «многи пословицы приходили Новгородскіе» ²⁾. Между тѣмъ Новгородскимъ-же переписчикамъ обязаны Словены за сохраненіе древнѣйшаго изъ извѣстныхъ памятниковъ Словенскаго языка и письма, по которому судить можно и о древнѣйшемъ видѣ языка сего: это Евангеліе Остромирово, списанное 1056—57 г.

Объ Іоаннѣ Экзархѣ и другихъ древнѣйшихъ Писателяхъ Болгарскихъ. — Начало Словенской Грамматики

Письменное употребленіе Словенскаго языка въ Россіи мы рассмотримъ особо, въ слѣдующей главѣ; а здѣсь упомянемъ еще о древнѣйшихъ Писателяхъ Болгарскихъ, писавшихъ на семь языкѣ въ концѣ IX-го и первой половинѣ X-го вѣка.

Симеонъ, воинственный и ученый Болгарскій Царь (890—927), сынъ Бориса, прозванный Книголюбцемъ. Онъ переводилъ самъ съ Греческаго на Словенскій, и побуждалъ къ тому же другихъ, напримѣръ Епископа Константина, ученика Меодіева (906), и монаха Григорія.

¹⁾ Востоковъ, слѣдуя за постепеннымъ ходомъ и измѣненіемъ сего языка, раздѣлил его 1-е) на *древній*, заключающійся въ письменныхъ памятникахъ отъ IX и за XIII столѣтіе; 2-е) *средній* XV и XVI столѣтій; 3-е) *новый* языкъ печатныхъ Церковныхъ книгъ (см. его *Разсужденіе о Славянскомъ языкѣ*, въ Трудъ Общ. Д. Р. С. Х. XVII. 1820 Тамъ разобраны и главнѣйшія особенности языка древняго).

²⁾ Такая оговорка находится въ Новгородскомъ Евангеліи, списанномъ 1506 г.

Болгарскій Епископъ Климентъ, ученикъ и сподвижникъ Кирилла и Меодія, написавшій нѣкоторыя Словенскія книги, по возвращеніи своемъ въ Македонію; скончался 916 г.

Но особенное вниманіе на себя обращаетъ Іоаннъ Провсвитеръ Экзархъ Болгарскій; современникъ Царя Симеона. Сей ученый мужъ перевелъ изъ Дамаскина Богословіе, которое у насъ было извѣстно подъ названіемъ Книга Небеса, — и Философію, по Словенскому языку Любомудріе. Самъ написалъ Шестоденье или Шестодневъ, выбранный имъ изъ Василия Великаго, Іоанна Златоуста, Севіріана, Аристотеля и другихъ. Ему приписывается и Слово на Вознесеніе (Вознесеніе). Сему же Болгарскому писателю обязана Словесность наша и за переводъ книги о восьми частяхъ слова. Въ древнѣйшемъ спискѣ сей книги ¹⁾, она приписана Іоанну Дамаскину, хотя въ подлинникѣ и неизвѣстно его Греческой Грамматики. Тѣмъ болѣе замѣчателенъ трудъ Іоанна Экзарха, составляющій первое начало Грамматики Словенской, въ которомъ устанавливается уже терминологія сей науки. Части рѣчи Іоаннъ переводитъ такъ: 1) имя, 2) рѣчь (глаголь), 3) причастіе, 4) различіе (членъ), 5) мѣстоимене, 6) предлогъ, 7) нарѣчіе, 8) сьюзъ (союзъ). «Имя же въ сихъ яко основаніе; прочая бо части оглаголанія суть имена». Имя различается по роду тройственное: мужское, женское и среднее; паденій (падежей) пять: правый (именительный), родной, виновный, дательный, звателный; чисель три: единственно, двойственно, множественно, ит. д.—Сочиненія Іоанновы были весьма уважаемы у насъ въ среднія времена; всѣ они собраны и изданы К. Калайдовичемъ, въ особомъ весьма важномъ его изслѣдованіи—Іоаннъ Экзархъ Болгарскій. М. 1824.

Здѣсь замѣтимъ еще о нѣсколько позднѣйшемъ Болгарскомъ писателѣ—монахѣ Храбрѣ, жившемъ (по мнѣнію Ша-

¹⁾ Въ Сборникѣ, писанномъ рукою Московскаго Митрополита Давида (ум. 1559 г.),—Вторую статью сего Сборника составляетъ: «Книга Святгаго Івана Дамаскина философская о осмихъ частехъ слова; прежде же онъ Ииць Презвитеръ Экзархъ Болгарскій, отъ Еллинскаго языка въ Словенскій,

фарика) въ X или XI вѣкѣ. Онъ извѣстенъ небольшимъ сочиненіемъ о письменахъ, которое составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для первоначальной Исторіи Словенской письменности ¹⁾.

ГЛАВА VIII.

О письменномъ употребленіи церковно-словенскаго языка въ древней руси, и о вліяніи сего языка на народный русскій.

Церковно-Словенскій языкъ, освященный употребленіемъ Богослужебнымъ, опредѣленный образованіемъ книжнымъ и соплеменный языку Русскому, легко сдѣлался нашимъ письменнымъ языкомъ, мало по малу усвоился намъ какъ-бы родной нашъ языкъ, и составилъ собою основу всего письменнаго языка Руси. Но сія же соплеменность Церковно-Словенскаго языка нашему, равно и то, что ему научались только изъ употребленія,—были причиною, что онъ и у насъ, такъ же какъ и у другихъ Словенскихъ народовъ, не сохранился въ первоначальныхъ, Кирилловскихъ формахъ. Рускіе, писавшіе на немъ, различно его измѣняли, особенно въ тѣхъ писаніяхъ, которыя выходили изъ Церковнаго круга и относились къ предметамъ жизни мірской. Болѣе чистымъ сохранялся Церковно-Словенскій языкъ преимущественно въ сочиненіяхъ Церковнаго содержания и въ переводахъ съ языка

¹⁾ Оно дошло къ намъ во множествѣ списковъ: древнѣйшій изъ нихъ находится въ Сборникѣ, который написанъ 1348 г. (на хлопчатой бумагѣ) для Болгарскаго Царя Іоанна Александра, монахомъ Лаврентіемъ, и хранится въ Моск. Синод. Библіотекѣ. По списку сему напечаталъ Калайдовичъ въ Іоан. Екс. стр. 189—«О писменехъ, чръворизца Храбра». Но еще прежде сочиненіе сіе было напечатано въ Азбукѣ или *Грамматицкѣ*, изданной въ Вильнѣ 1621, и въ *Азбукѣ* Бурцова, изданной въ Москвѣ 1637.

Греческаго. Но въ памятникахъ законодательныхъ, въ лѣтописяхъ и пѣснотвореніяхъ свѣтскихъ, нашъ древній письменный языкъ представляетъ частыя отступленія отъ Церковно-Словенскаго.

Большая часть сихъ отступленій состояла въ примѣси своенароднаго, разговорнаго Русокаго языка, непрестанно и невольно входившаго въ составъ принятаго книжнаго языка. Отступленія сіи весьма замѣчательны; ибо въ нихъ заключаются отрывчатые письменные памятники тогдашняго народнаго языка Руси, служащіе свидѣтельствомъ, что онъ въ древнемъ періодѣ былъ различенъ отъ Церковно-Словенскаго, и что глубокую древность имѣютъ тѣ народно-Русскія формы словъ, которыя и по нынѣ сохранились еще въ народѣ, бывъ не рѣдко уже исключены изъ образованной или общепринятой рѣчи.

Такимъ образомъ въ письменномъ языкѣ древней Руси—отъ договора Олегова и до послѣднихъ памятниковъ древняго періода (вышесказаннаго содержанія)—встрѣчаются часто Русскія формы ¹⁾ языка, отличныя отъ формъ, собственныхъ языку Церковно-Словенскому.

А какъ самые первые и большая часть послѣдующихъ древнихъ памятниковъ Русской Словесности писаны были преимущественно Южными Руссами; то древній письменный языкъ нашъ представляетъ въ себѣ преимущественно присоединеніе Южнорусскаго языка къ Церковно-Словенскому. Отъ того въ древнихъ Русскихъ памятникахъ встрѣчаются

¹⁾ Чисто-Русскія формы словъ, отличныя отъ Церковно-Словенскихъ, находимъ въ договорѣ Олеговомъ; таковы—*полоянникъ* (вм. плѣнникъ), *отполомени* (въ Сборникѣ 1073 также—*полонецъ*); *бороненіе*, *возборонитись*; ж вм. жд:—*межи* и *меже* (между). *утверженіе*, *по нужи*;—Въ договорѣ Игоревомъ, *преже*, *межю*, *осуженіе*; ч вм. щ—*шочемъ*, *обчѣи* сли; *шородовъ* вм. градъ; «да не имють волости купити паволокъ лише по ѿ золотникъ».—Въ Русской Правдѣ (по Новг. спис. XIII в.): *болою* (вм. благо), *молоко*, *волоюа*, *шоронили*, *перегородити*, *перетьшишъ*; *оже*; *межю*. *чужъ*, *ушрачеть*;—Въ грамотѣ Мстиславовой (1128), *который*, *серсбра*.—Подобныя примѣры встрѣчаются и въ послѣдующихъ древнихъ памятникахъ. Сюда-же принадлежатъ Русскія формы именъ *Володимиръ*, *Володиславъ*, *Передслава*, о которыхъ говорено въ VI Глѣвѣ, на стр. 421.

иногда такія слова и ихъ виды, которые по сю пору существуютъ въ Южнорусскомъ языкѣ и непосредственно изъ него объясняются ¹⁾.—Между тѣмъ въ писаніяхъ Новгородскихъ замѣчаются такія особенности, которыя по-нынѣ существуютъ въ нарѣчій Верхнерусскомъ и изъясняются непосредственно изъ него ²⁾. Отъ такого присоединенія народнаго Русскаго языка къ Церковно-Словенскому, въ нашемъ письменномъ

¹⁾ Южнорусскій языкъ по-нынѣ сохраняетъ много словъ, встрѣчаемыхъ въ нашихъ древнихъ письменныхъ памятникахъ, въ томъ-же самомъ, либо нѣсколько измѣненномъ значеніи, и почти чуждыхъ теперь языку Велико-русскому; наприм. въ Лавр. спис. Несторовой Лѣтописи—*стрѣжа, жапаю; я; гробля* (по нынѣшнему *гребля*).—Въ Поученіи Мономаха—*лаодити, млющи, нуша, двуемся, мтний*.—Въ Пѣсни Игорю: *яруга, сма а* (жаръ), *туиа* (тожь и въ Новг. Лѣтоп.), *болонье, верезенный, цѣлтити* (отъ слова *цѣль*—цѣ-сень), *конешь* (въ видѣ предлога); тамъ-же по Южнорусскому выговору—*тримлюрь, помолодити* (вм. помолодѣти). Сообразно Южнорусскому выговору звука *в*, въ древности писали часто *у* вм. *в* (*Нююгородци, оуи* вм. *вуй*; въ Сборникѣ 1073 г. *уселеню* вселеню).—Подобно сему нѣкоторые мѣста Русской Правды. Киевской Лѣтописи изъясняются прямо изъ языка Южнорусскаго—формами словъ, по-нынѣ въ немъ употребительными. Впрочемъ изъ сихъ же древнихъ Русскихъ памятниковъ оказывается, что въ Южной Руси были употребительны въ древности многія слова, кои въ продолженіе среднихъ вѣковъ забыты языкомъ Южнорусскимъ. Подробнѣе о семъ будетъ сказано въ 3-й книгѣ нашей Исторіи.

²⁾ Въ Новгородской Лѣтописи встрѣчаемъ, сходно съ Верхнерусскимъ нарѣчіемъ: *ншту* (и *нштуть*—у Кирика и въ концѣ Новг. спис. Русской Правды; между тѣмъ въ послѣдніи Никифоровомъ—вм. *ншь*—*нш*, по-Южнорусски); *домовъ а* (какъ и теперь говорятъ Останковцы)—вм. *домой*; звукъ *ч* вм. *ц*—*Половчи, Новгородчѣмъ, въ пяткишо, отця*; наоборотъ, *ц* вм. *ч*—*шоцо, стья, посадничинь*, и въ именахъ по отчеству *циъ* вм. *ичъ*—Все это показываетъ, что Новгородское нарѣчіе уже въ древнія времена обособилось на Сѣверѣ отъ языка Южнорусскихъ Славянъ, отдѣленное отъ нихъ Бѣлорусскими и Среднерусскими Словенами. Отъ нихъ-то, вѣроятно, Словены Новгородскіе и особливо Тверскіе заняли употребленіе звука *ц* вм. *ч*—

а) О взаимной замѣнѣ окончаній *овъ* и *ой* замѣтимъ, что въ Червоно-русскомъ нарѣчій употребляютъ иногда *овъ* вм. *ой*; наприм. *со мновъ* вм. *со мной*. Такъ и Θεодоръ Грамматикъ, Сербъ, въ послѣсловіи первой половины Шестоднева писалъ (въ XIII в.): «сѣ великовъ печалію и сѣ великовъ нищетовъ». На оборотъ, въ Верхнерусскомъ нарѣчій кое-гдѣ (напр. отъ Устюжны къ Бѣлозерску) говорятъ *ой* вм. *овъ*; напр. *мужикой* вм. *мужиковъ*. Отсюда переходъ къ употребленію *ы* вм. *овъ*: *церкы* вм. *церковъ*; *любы* вм. *любовъ*. И здѣсь *ы* находится въ соотвѣтствіи съ *ой*; а у Заодерскихъ Словенъ *ы* произносилось дwoегласно: *ой, ай*.

древнемъ языкѣ часто встрѣчается въ одномъ и томъ же памятникѣ двоякое употребленіе одного и того же слова, по формѣ обоихъ языковъ ¹⁾. Иногда къ Церковно-Словенскимъ формамъ примѣшивались новыя формы, самими писавшими составленныя: таково, кажется, окончаніе 3-го лица прошедшаго времени съ прибавкою ть, изрѣдка встрѣчаемое у нашихъ древнихъ писателей, особливо въ Пѣсни Игорю (наприм. бѣшетъ, бѣхуть).

Тоже было и съ правописаніемъ Церковно-Словенскимъ. Вначалѣ оно было весьма определенное, и въ такомъ видѣ перешло къ намъ, видно изъ Евангелія Остромирова. Но Рускіе, также какъ и другіе Словены, скоро начали измѣнять оное сообразно своему языку.—Такъ, въ слѣдствіе полногласія, свойственнаго нашему языку, вставочныя полугласныя *з* и *ь* стали у насъ замѣнять коренными гласными; или же совсѣмъ исключать ихъ ²⁾, когда на ихъ мѣстѣ, по нашему языку, не приходились гласные звуки.— При стече-

¹⁾ Двоякое употребленіе того-же слова, по формѣ Русской и Церковно-Словенской, примѣтно начинается въ Договорѣ Игоревомъ: *золотникъ* и *златникъ*; — не имать *волости*, — не *имють* власти, — *им* аще — аще ли. —

Въ Грамотѣ Мстиславовой (1128): въ самомъ началѣ — «се азъ Мстиславъ Володимиръ сынъ»; потѣмъ — «язъ даль»: подъ конецъ — «а се я Всеволодъ» — Въ Лавр. сп. Нестора: *конопи* и *копи*; *тереба* и *треба* (жержва); *середа* и *среда*; *сли* и *посли*; *п्राвы*, *поровы* и *порвы* (по Южнорус. произношенію). — Въ Поученіи Мономаха: *волость* и *власть*; *пакы* и *опякъ*; *тобъ* и *тебъ*. — Въ Пѣсни Игорю: *хоробрый* (форма употребившаяся въ Украинскихъ пѣсняхъ XVI и XVII в.) и *храбрый*; *забороло* (тоже въ Киев. лѣт.) и *забрало*; *соловій* и *славій*; *юлось* и *ялось*, *берегъ* и *брегъ*.

²⁾ Полугласныя буквы *з* и *ь* ставились въ срединѣ словъ вмѣсто сокращенныхъ гласныхъ: *з* преимущественно вм. *о*; *ь* вм. *е* (также вм. *и*, *ъ*, *я*), — притомъ онѣ ставились на самомъ мѣстѣ гласныхъ (*дългы*, *гърды*, *жъзъль*, *чьсть* — долги, горды, жезль, чьсть), или-же послѣ слѣдующей согласной (*вълкъ* вм. *влькъ*). Впрочемъ иногда ставили *ь* вм. *з* (*чьто*) и наоборотъ (*мъльнъ*). — Вообще-жь какъ въ нашихъ, такъ и въ Задунайскихъ рукописяхъ, представляется большое разнообразіе и неопредѣленность. Иногда встрѣчаемъ *з* тамъ, гдѣ уже вовсе не находимъ соответственной гласной: *дъвъ*, *кънымы*, *сълънымы* и *сълъныце*; иногда писали съ *ь*-омъ и безъ него: *лжъница*, *лжница*; *дълым* и *длым*. Употребленіе *з* и *ь* въ подражаніе Болгарскому правописанію, при полногласіи Русскаго языка, необходимо должно было производить обивчивость.

ниъ звуковъ жд, столь свойственномъ языку Болгарскому, Рускіе, пока не привыкли къ сему стеченію, отбрасывали *д* и писали только *ж* ¹⁾. — Такъ, какъ Русскому языку противно носовое измѣненіе звуковъ *у* и *я*, для котораго у Болгаръ были особыя буквы; то Рускимъ и трудно и напрасно было различать случаи, гдѣ должно писать оныя буквы; и они обыкновенно исключали юсь (*ж*) и писали оникъ (*оу*) либо укъ (*ѳ*), и смѣшали *м* и *н* ²⁾. — Но и сіе дѣлалось непосто-

1) Въ Евангеліи Остромировомъ, гдѣ соблюдено правописаніе Болгарское, написано: «*даждь намъ дньсь*». Но въ прочихъ Русскихъ спискахъ Евангелія XII и XIII в., писано уже: «*даждь намъ днесъ (дньсь и дньсь)*»; а въ пяти Русскихъ спискахъ Евангелія XIV в. измѣнено еще болѣе по Русски: «*дай же намъ днесъ*» — Болгарскій звукъ *жд* столь не свойственъ казался Русскому слуху, что въ древнѣйшемъ (XII в.) спискѣ Богословья Іоанна Экзарха вездѣ выскоблена буква *д* въ словахъ *даждь ѳ, поуж. а, возж. ю* и тому подобныхъ (по наблюденію К. Калайдовича)

2) Въ тѣхъ случаяхъ, когда звуки *у* и *я* оставались чистыми и неизмѣненными въ языкѣ Болгарскомъ, они изображались буквами, *ѳ, оу* и *н* (въ Польскомъ *и, ја*); напр. въ словахъ *ужо, яко*. Но когда оныя звуку измѣнялись *особеннымъ* (носовымъ) произношеніемъ, — тогда — по древне-Болгарскому правописанію — они изображались буквами *ж* и *н*; въ такихъ случаяхъ у Поляковъ употребляются *ѳ, е* (*он, ен*); напр. въ словахъ *муѳъ, буду, языкъ, пать*; по Польск. *таѳъ, веѳе жезукъ, ріѳъ*. (См. о семъ подробное наблюденіе Чоткова, въ его *Разсужд. о Слав. яз.*) — Съ утракою носоваго произношенія у Болгаръ еще въ древнее время, и они стали сбиваться въ употребленіи *юса*; и въ XIV вѣкѣ писали оный уже вмѣсто *а, о, у, ю я*. —

Изъ Фрейзингенской рукописи, писанной во второй половинѣ XV вѣка Латинскими буквами, видны еще остатки носоваго произношенія въ Хорутанскомъ языкѣ; ибо въ оной рукописи вмѣсто *юсоваю у* писано или просто *и*, или *о*; изрѣдка *он* и даже *ин*; напримъ *bedo—буду; rogo и rogoiso—поруку*, по Польск. *rogezze; sunt—сутъ*, по Польск. *sz; uerun—отру*, по Польск. *wiara*. Вмѣсто *д* во Фрейзингенской рукописи писано *с*; напр. *ime—имѳ*, по Польск. *imie*; и въ одномъ только случаѣ *en: uensich—вѳицихъ*, по Польск. *wiekszych* — Теперь у Хорутанъ вмѣсто *юсоваю у* употребляется долгое *о*; а вмѣсто носоваго *д* долгое *е*. И это измѣненіе было переходомъ отъ чистаго или Русскаго произношенія звуковъ *у* и *я*, къ ихъ дальнѣйшему носовому произношенію, теперь только у Поляковъ оставшемуся — Языку Русскихъ Словенъ болѣе свойственна обратная замѣна сихъ звуковъ, т. е. измѣненіе *о* въ *у, е* въ *я*. Нѣсколько примѣровъ тому показано въ V главѣ; а Великорусскій и Червонорусскій выговоръ звука *я* какъ *е* составляетъ исключеніе, неопровергающее общаго правила. Такимъ образомъ въ Русскомъ языкѣ не было даже перехода къ чуждому для него носовому измѣненію звуковъ *у* и *я* (см. Гл. VI, стр. 425).

янно и неопредѣленно: то держались древняго Болгарскаго правописанія, то слѣдовали своенародному выговору; отъ того и здѣсь произошла такая-же двойность или лучше сказать смѣшеніе. Вообще же Церковно-Словенское правописаніе послужило главнымъ основаніемъ для правописанія какъ Южнорусскаго, такъ и Великорусскаго языка, хотя оно во многомъ не соотвѣтствуетъ выговору обоихъ. Не смотря на то, оно такъ утвердилось у Сѣверныхъ и Южныхъ Руссовъ, съ нѣкоторыми измѣненіями и приспособленіями къ ихъ произношенію, что въ настоящее время писаніе сообразно одному только выговору имѣетъ видъ безграмотности.

Въ правописаніи, какъ и теперь, весьма болѣе участіе имѣлъ личный произволь, являвшійся въ неопредѣленности правописанія ¹⁾, или же придумывавшій свои верѣдко излишнія тонкости. — Достойно замѣчанія разнообразное начертаніе Спасителява имени, потому, что оно было поводомъ къ жаркимъ о томъ преніямъ въ XVII в., съ нашими Старобрядцами. На Владиміровомъ златѣ написано: ИСУСЪ; но въ Евангеліи Остромировомъ ИИСУСЪ, ИИС, ІС; въ Сборникѣ Святославовскомъ ИИСОУСЪ, ИИС, ІСЪ, ІС. Разнообразное начертаніе сіе первоначально было по примѣру Грековъ, которые также писали Спасителяво имя и полнымъ складомъ, и сокращенно—ΙΗΣΟΥΣ, ΙΣ. и т. д.

Такъ какъ Южнорусское произношеніе иногда сходилось съ древнимъ Церковно-Словенскимъ правописаніемъ,

¹⁾ Примѣровъ такого разнообразія и произвела въ правописаніи можно представить очень много. Такъ Іоаннъ дьякъ, въ Сборникѣ 1073 г., почти не упот;еблялъ буквы *и*, но *ит* (по выговору Болгарскому); *аште*, *еште*, *запрештаю*; въ буквѣ *срм* писалъ и *еръ*—з (по древнѣйшему ея начертанію, сохраненному еще Кипріаномъ въ Служебникѣ), и *еръ*—и (какъ нынѣ употребляютъ). Такъ въ Евангеліи 1144 г., употребляется часто *і* вм. *и* (едіиц, книжникъ, исконі, аминь); то же и во второй половинѣ Новгородской харатейной Лѣтописи (і биша і, іли).—Не меньшее разнообразіе встрѣчается и въ надстрочныхъ знакахъ.—

Впрочемъ не у Русскихъ только, но и у другихъ Словенъ, встрѣчается такая же неопредѣленность и разнообразіе правописанія. Многие тому примѣры можно видѣть изъ Богословія (по Болг. спис. XII в.), и Шестодневна (по Серб. спис. 1263 г.), Іоанна Экзарха, въ изданіи К. Килийловича).

то въ такихъ случаяхъ древнее правописаніе оставалось неизмѣннымъ. Таково окончаніе глаголовъ 3-го лица обонхъ чиселъ на ть, и употребленіе буквы ѣ вмѣсто и въ повелительномъ наклоненіи; на примѣръ будетъ, будутъ, хвалѣте. Сюда же принадлежитъ употребленіе буквы ы послѣ к, х, и.—

И такъ письменный Русскій языкъ начался употребленіемъ Церковно-Словенскаго, и развивался изъ него чрезъ постепенное присоединеніе къ нему нашего народнаго Русскаго языка. Потому справедливо письменный языкъ нашъ, особливо старинный, называютъ Словено-Русскимъ.

Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ больше онъ русѣлъ и сближался съ нашею народною рѣчью; ибо народная рѣчь входила въ него, и сливалась съ Церковно-Словенскою въ одинъ живой составъ.

Вліяніе Церковно - Словенскаго языка на народный Русскій.

Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ Церковно-Словенскій въ древнее время входилъ у насъ и въ изустное или разговорное употребленіе, не только у Духовенства, которое привыкло къ нему съ молода, но и у грамотныхъ мірянъ. Тутъ еще удобнѣе было Церковно-Словенскому языку смѣшиваться съ народною Русскою рѣчью, и измѣняться посредствомъ живаго употребленія. Съ тѣмъ вмѣстѣ и народной Русской рѣчи удобно было, изъ такого средняго или смѣшаннаго состоянія, переходить въ письменный языкъ, а въ себя принимать мало помалу стихіи Церковно-Словенскаго языка. Разговорный языкъ грамотнаго сословія, какъ замѣчено выше, составляетъ ту средину между книжнымъ и простонароднымъ языкомъ, гдѣ наиболѣе происходятъ различныя измѣненія народнаго языка, и откуда сіи измѣненія переходятъ въ употребленіе простонародное. Потому и понятно, что языкъ Церковно-Словенскій, непрестанно слышанный нашимъ народомъ въ Богослуженіи и въ разговорѣ людей церковныхъ и грамотныхъ, отозвался и въ народной Русской рѣчи многими словами и

выраженіями Библейскими, которыя приживались къ языку Русскаго народа, какъ благопріобрѣтенное его достоинствѣ и богатство.

И такъ Церковно-Словенскій языкъ не только далъ образованіе письменному языку Русскому, въ словосочиненіи и правописаніи; но болѣе всѣхъ другихъ языковъ имѣлъ участіе въ дальнѣйшемъ образованіи нашего народнаго языка. Сіе участіе мало простиралось на устроеніе цѣлой рѣчи или словосочиненіе: ибо устроеніе народной рѣчи образуется собственнымъ развитіемъ народной жизни и трудно принимаетъ образы чужой рѣчи, хотя-бы и соплеменной. Живою силою своею она скорѣе воспринятымъ стихіямъ дастъ собственный образъ, передѣляетъ ихъ на свой ладъ.

Вліяніе Церковно-Словенскаго языка преимущественно простиралось на стихійный составъ языка или части рѣчи, состоящія въ словахъ и звукахъ. И въ семъ отношеніи участіе его было велико.

Онъ сообщилъ языку Русскому многія для него новыя слова, служащія выраженіемъ разныхъ понятій и предметовъ, которые были чужды Русскому народу до принятія имъ Христіанства; напримѣръ—о предметахъ и понятіяхъ, относящихся къ Церкви, къ наукамъ. Сообщилъ слова, хотя и не новыя по своему значенію, но образованныя изъ иныхъ корней, чѣмъ прежде бывшія у насъ ихъ синонимы. Сообщилъ свои, въ то время новыя для насъ формы такихъ словъ, которыя уже прежде были въ нашемъ языкѣ. Таковы преимущественно слова сокращенной формы—злато, мракъ, прахъ, млеко и проч.

По мѣрѣ того, какъ усвоались намъ всѣ сіи слова и формы, наши прежнія народныя слова и формы часто принимали уже другое положеніе въ языкѣ: одни получали новую оттѣнку или значительность выраженія; другія ограничивались въ кругѣ своего значенія; иныя получали другой смыслъ; нѣкоторыя же совсѣмъ были вытѣсняемы изъ нашего языка словами Церковно-Словенскими. — Нерѣдко и сами Рускіе, какъ-бы примѣняясь къ Церковно-Словенскому языку, измѣняли по его образцу свои прежнія, и даже отъ него заимъ

слова. Такъ напримѣръ слово крестить,—по древнему правописанію крѣстить,—въ Великорусскомъ простонародіи говорится—кстить ¹⁾.

Такимъ-то образомъ и въ разговорномъ языкѣ Русскомъ,—не только общепринятомъ или употребляемомъ словами образованными, но и въ простонародномъ,—произошла таже двойкость, какая замѣчена выше въ нашемъ языкѣ письменномъ,—тоже смѣшеніе нашей природной стихіи и усвоенной нами стихіи Церковно-Словенской. Одно и тоже слово употребляется въ двухъ видахъ въ чисто-Русскомъ и въ Церковно-Словенскомъ; производныя слова того-же корня, одни образованы по чисто-Русской формѣ, другія по формѣ Церковно-Словенской ²⁾.

При такой двойкости формъ одного и того-же слова, Церковно-Словенская форма имѣетъ обыкновенно болѣе возвышенной тонъ, болѣе мысленное и обширное значеніе, какъ форма нашего священнокишпаго языка. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ онъ такъ глубоко усвоился намъ, что иногда принятое отъ него слово мы употребляемъ уже какъ наше народное, обыкновенное; а своенародная, но старинная форма того же слова имѣетъ уже значительность Словенской формы; напримѣръ шлемъ и шеломъ.

Правда, что принятіе нами Церковно-Словенскаго языка въ употребленіе письменное замедлило собою раскрытіе нашего народнаго языка, и не дало ему развиться въ своеобразной чистотѣ. Но за то присвоеніе онаго языка Русскому, и особливо нарѣчію Московскому (образовавшемуся изъ древнихъ стихій, но уже подъ вліяніемъ Церковно-Словенскимъ),—дало ту богатую сложность, при которой Русскій языкъ въ состояніи теперь отвѣчать вѣрными отголосками Руской

¹⁾ Такъ и въ Украинѣ говорятъ *схле, ссе* (сохнеть, сосеть)—безъ сомнѣнія уже заимствованно отъ Словенъ Задунайскихъ.

²⁾ Въ древній письменный или Церковно-Словенскій нашъ языкъ входили формы языка Русскаго, какъ нашего природнаго языка; теперь заодно съ Русскими формами употребляются Церковно-Словенскія уже по привычкѣ къ нимъ послѣднимъ.

мысли и Русскому чувству, для ихъ выраженія въ разнообразнѣйшихъ оттѣнкахъ.

Богатый развитіемъ собственнымъ и обогащенный языкомъ Церковно-Словенскимъ, языкъ Русскій, при настоящемъ стремленіи къ своенародности, безъ сомнѣнія взойдетъ на высокую степень образованія; хотя и теперь уже онъ—по выраженію Карамзина—«будучи управляемъ дарованіемъ и вкусомъ писателя умнаго, можетъ равняться въ силѣ, красотѣ и пріятности съ лучшими языками древности и нашихъ временъ». —

ГЛАВА IX.

Объ отношеніи русскаго языка къ иноплеменнымъ, и ихъ вліяніи на него въ древнія времена.

При сообщеніи нашихъ предковъ съ разными иноплеменниками, происходили разныя заимствованія въ нашъ языкъ отъ языковъ иноплеменныхъ, и наоборотъ. Первоначальная Исторія сихъ заимствованій находится въ тѣсной связи съ Исторіей образованія родоваго Словенскаго языка во многіе виды, и также какъ она трудна для изъясненія, также мало еще изъяснена положительными, подробными изысканіями.

Встрѣчая слова, общія намъ и народамъ иноплеменнымъ, иногда можно съ довольною вѣроятностію соображать: Русью, или отъ Руси они заимствованы, и въ какой періодъ времени? Но часто нельзя еще опредѣлить того съ точностію. Потому то большое уже представляется разногласіе въ рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, и очень мало еще несомнѣнныхъ изслѣдованій нашего языка съ сей стороны. Будущему языковеду предлежитъ проникнуть глубже въ темноту прошедшаго, и представить яснѣе древнюю Исторію нашего языка.

При нынѣшнемъ же состояніи нашего сравнительнаго языкознанія ¹⁾, ограничимся хотя слѣдующимъ обзорѣемъ.

*Древнѣйшее отношеніе Русскаго языка къ ино-
племеннымъ.*

Древнѣйшимъ, родовымъ достояніемъ Русскаго языка можно вообще полагать такія слова, которыя принадлежатъ и прочимъ языкамъ Словенскимъ, — особливо тѣ изъ нихъ, которыя повторяются и въ другихъ Европейскихъ языкахъ, также въ Санскритскомъ и родственныхъ ему языкахъ Азіатскихъ ²⁾. Большая часть таковыхъ словъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ нашему языку искони; равно и другимъ Европейскимъ языкамъ она принадлежитъ со времени первоначальнаго, родоваго ихъ образованія еще въ Азіи—сей общей колыбели народовъ Европейскихъ. Тамъ, по всей вѣроятности, произошли всѣ ихъ родовые языки, и составляли нѣкогда съ племеннымъ языкомъ Индійскимъ одинъ родственный кругъ, называемый Индо-Европейскимъ. — Въ слѣдствіе сего

¹⁾ Сравненіе Русскаго языка съ иноплеменными было разработываемо доселѣ преимущественно въ *Словарномъ* отношеніи. Не исчисляя всѣхъ трудовъ по сей части, замѣтимъ, что первое и важнѣйшее начало онымъ положено Екатериною Великою: это *Сравнительный Словарь*, ея десницею собранный, изданный *Палласомъ* въ 4 частяхъ, въ Спб. 1787—89. Словарь сей по многими дополненіями вторично изданъ въ 4 ч. Спб. 1790-91 г. — Особое сравненіе Русскаго языка съ Греческимъ представлено *Константиномъ Экономидомъ*, — въ его *Опытъ о ближайшемъ сродствѣ языка Славяно-Россійскаго съ Греческимъ*. 3 части, Спб. 1828 — Что касается до сравненія Русскаго языка съ иноплеменными въ отношеніи *Грамматическомъ*, то оно составляетъ предметъ едва початой. Первые опыты такого сравненія, въ отношеніи этимологическомъ, представлены *Гречемъ* — въ *Пространной Грамматикѣ*. Въ *основаніяхъ Словесности Глаголева* находятся также разныя замѣчанія по сему предмету.

²⁾ *Санскритскимъ* языкомъ называется священно-вѣщный, уже мертвый языкъ Индіи, на которомъ существуетъ весьма богатая древне-Индійская Словесность. Онъ старше всѣхъ соплеменныхъ ему языковъ Индійскихъ. — Кромѣ сихъ языковъ, къ Индо-Европейскому кругу принадлежитъ еще кругъ языковъ Персидскихъ, средоточіемъ коего считаютъ древній *Зендскій* языкъ, какъ Санскритскій въ кругу Индійскомъ.

первобытнаго сродства Европейскихъ языковъ еще въ Азїи, и послѣдовавшаго древнѣйшаго образованїя ихъ уже въ Европѣ, находится много общаго у всѣхъ Словенскихъ языковъ съ языками Грековъ, Латиновъ, Нѣмцевъ, Кельтовъ и Литовцевъ, и у всѣхъ ихъ много общаго съ языкомъ Санскритскимъ. Всѣ сіи языки, и по словамъ и по грамматическому устройству своему, ближе другъ къ другу нежели къ прочимъ. Кромѣ того, одни слова или свойства того же языка повторяются въ одномъ, другїя встрѣчаются въ другомъ языкѣ сего же круга, будучи такъ сказать разсѣяны и перемѣшаны въ нихъ. Наконецъ въ каждомъ языкѣ есть слова и обороты ему собственно принадлежащіе, изрѣдка отзываются въ другихъ, иногда отдаленнѣйшихъ языкахъ, не принадлежащихъ къ Индо-Европейскому кругу.

По такому распредѣленію стихій и свойствъ въ родовыхъ языкахъ Европейскихъ, и по взаимному ихъ сродству между собою и съ Санскритскимъ, всѣ они представляются только однородными; но ни одинъ изъ нихъ не долженъ считаться ни родоначальнымъ для другихъ, ни производнымъ отъ другаго. Родовой языкъ Перво-Словенскій есть столько же самобытный и коренной, какъ и родовой Нѣмецкій, родовой Греческій, родовой Индійскій. Они старше другъ друга не временемъ происхожденїя, но только временемъ развитїя и образованїя, такъ, какъ по степени своего образованїя и развитїя одинъ выше другаго. — Изъ сказаннаго о коренномъ языкѣ Словенскомъ слѣдуетъ, что языка Русскаго не должно производить ни отъ Санскритскаго, ни отъ Греческаго, ни отъ Скандинавскаго. Онъ есть языкъ Словенскій, какъ по своей первобытной, коренной основѣ, такъ и по главнѣйшему вліянію на его образованіе, бывшему отъ Церковно Словенскаго. Русскій языкъ составляетъ собою главнѣйшую, старшую, болѣе другихъ развитую и самостоятельную вѣтвь своего кореннаго, Перво-Словенскаго языка. Изъ всѣхъ нарѣчій онаго языка «Русское нарѣчіе болѣе всѣхъ другихъ образованное и менѣе всѣхъ другихъ смѣшанное съ чужеземными словами». Таково мнѣніе Карам-

зина ¹⁾ объ языкѣ Русскомъ; и оно вѣрно опредѣляетъ его самостоятельность въ отношеніи къ иноплеменнымъ языкамъ, и устраняетъ ту излишнюю примчивость, которую стали приписывать ему нѣкаторше съ недавняго времени.—

Вліяніе иноплеменныхъ языковъ на Восточно-Словенскій было и въ древнѣйшее время; но оно, по всей вѣроятности, было весьма ограниченное, состоявшее въ нѣсколькихъ словахъ, которыя заходили въ языкъ нашихъ предковъ путемъ житейскаго сообщенія. Слова сіи не могли своимъ количествомъ измѣнить чистоты племенной стихіи нашего родоваго языка; тѣмъ менѣе они могли дѣйствовать на измѣненіе его духа, и произвести значительный переворотъ въ его образованіи. Такое измѣненіе и преобразование въ языкѣ происходитъ обыкновенно путемъ просвѣщенія, посредствомъ языка болѣе и выше образованнаго,—отъ народа, производящаго рѣшительное измѣненіе духа и жизни въ какомъ нибудь другомъ народѣ, своимъ сильнымъ и продолжительнымъ дѣйствіемъ на самое средоточіе его жизни. Притомъ, такіе рѣшительные перевороты бывають только въ извѣстныя и рѣдкія эпохи народной жизни. А въ жизни Восточныхъ Словенъ до начатія древняго періода не было, кажется, такого всеобщаго и рѣшительнаго переворота внутренняго. Жизнь ихъ или пребывала неизмѣнною въ удѣльномъ кругѣ своего наслѣдственнаго, родоваго достоянія; или же развивалась самостоятельно, по собственнымъ законамъ, безъ особенной приемлемости чужихъ стихій,—не смотря на внѣшнее волнованіе, происходившее отъ напора полудикихъ иноплеменниковъ. Потому и языкъ нашъ менѣе другихъ Словенскихъ отошелъ отъ своего кореннаго первообраза.

а) Вліяніе съ Сѣвера.

Словены Сѣвернорусскіе съ незапамятныхъ временъ были въ тѣсномъ и постоянномъ прикосновеніи съ разными от-

¹⁾ Ист. Госуд. Рос. Т. I. стр. 105.

рослями многочисленнаго племени Чудскаго или Финскаго. Потому всего болѣе можно бы предполагать заимствованій отъ языка Чудскаго. Но въ самомъ дѣлѣ оказывается, что отъ него обогатился только нашъ географическій языкъ, усвоивъ себѣ имена мѣстъ, наслѣдовавшихъ нами отъ Чудскихъ народовъ, какъ первыхъ насельниковъ Сѣверо-восточной Европы.

Можетъ быть слова волхвъ (wólho), кумиръ и нѣсколько подобныхъ, перешли къ намъ въ древнѣйшія времена отъ Чуди, славившейся своимъ волхвованіемъ. Въ мѣстныхъ разностяхъ нашего языка, особливо на Сѣверо-востокѣ, употребляются нѣкоторыя слова очевидно Чудскія; наприм. лойва (судно). Но такія слова какъ хлѣбъ, самъ, море, и т. п., не должны считаться перешедшими къ намъ отъ Чуди. Одни изъ такихъ словъ могли быть первобытными и въ языкѣ Чудскомъ; но большая часть словъ, повторяющихся въ нашемъ и Чудскомъ языкѣ, безъ сомнѣнія заимствована отъ насъ еще въ древнѣйшія времена, такъ-же, какъ и въ послѣдствіи въ Чудской языкъ перешло множество Русскихъ словъ, относящихся къ гражданскому и домашнему быту.—Такъ одноплеменники ихъ Мадьяры или Угры, переселясь на Западъ, заимствовали въ свой языкъ отъ Западныхъ Словенъ много словъ, особливо относящихся къ земледѣлію, сохраняя и понынѣ нѣкоторыя слова, видимо занятія еще у нашихъ Словенъ; наприм. берекъ (берегъ), калашъ (колосъ).—Добровскій полагалъ, будто, и полногласіе Русскаго языка произошло отъ вліянія Чудскаго; но неосновательность такой догадки уже показана выше (Гл. VI).---

Не болѣе вліяніе могло быть отъ племени Литовскаго, коего отродами Сѣвернорусскіе Словены окружены были съ Сѣверо-запада. Ни до начала древняго періода, ни въ древнее время, Литва не представляла такого развитія, чтобы могла имѣть сильное вліяніе на языкъ Сѣверо-западной Руси; въ среднія же времена, при всемъ разширеніи Литвы, господствующимъ языкомъ у нея былъ Русскій.—Впрочемъ литовскій языкъ, какъ и самое племя, принадле-

жить къ задачамъ еще не рѣшеннымъ окончательно. По составу и образованію своему, онъ ближе къ Словенскимъ и вообще Европейскимъ языкамъ, нежели языкъ Чудской; по его отношенію къ Бѣлорусскому еще не опредѣлено.—Тѣмъ менѣе сказать можно о томъ, остался ли какой слѣдъ въ Бѣлорусскомъ языкѣ отъ Ятвяговъ.

б) Вліяніе съ Юга.

Словены Южнорусскіе подвергались болѣе различнымъ вліяніямъ иноплеменныхъ народовъ, частію Азіатскихъ, частію Евронеискихъ.

Орды Азіатцевъ выходили изъ за-Волги и отъ Кавказа. О вліяніи отъ нихъ на языкъ нашихъ предковъ ничего нельзя сказать въ частности; тѣмъ болѣе, что Историки еще не согласились окончательно, какого именно племени былъ каждый изъ оныхъ народовъ.—Въ ближайшее къ древнему періоду время Южнорусскіе и Среднерусскіе Словены были обложены Козарами, вышедшими изъ за устья Волги въ половинѣ VII-го вѣка, и завладѣвшими Крымомъ въ концѣ VIII-го вѣка. Прежде того находили на Русь отъ Юго-востока Гунны, Авары или Обры, Болгары и другіе. Въ этомъ смѣшеніи народовъ предполагаются всего болѣе отрасли Чудскаго и Турецкаго племенъ: Гунны относятся къ племени Монгольскому; вѣроятно, что въ томъ числѣ были и другія племена, на примѣръ Кавказскія, отличныя своимъ языкомъ отъ Турецкаго. Съ каждымъ изъ нихъ наши предки могли обмѣняться нѣсколькими словами; и вѣроятно уже съ оныхъ древнѣйшихъ временъ ведутся въ нашемъ языкѣ нѣкоторыя слова, частію повторяющіяся въ извѣстныхъ Азіатскихъ языкахъ, частію неизвѣстнаго происхожденія.—Если въ составѣ исчисленныхъ народовъ были Словены (чего никоимъ образомъ нельзя отвергнуть); то они, вѣроятно, были отрывки нашихъ-же Словенъ, и ихъ языкъ представлялъ только видоизмѣненіе Восточно-Словенскаго.

Но еще прежде, чѣмъ помянутые Азіатцы замѣстили собою Скиѳовъ, наши Южные Словены были въ сношеніяхъ съ племенами Еврейскими, какъ то, съ Греками и Оракійцами; потомъ съ Римлянами въ славные Трояновы вѣка, долго памятные въ Южной Руси; наконецъ съ Готами, господствовавшими на нашемъ Южномъ Поморьи, между Дибетромъ и Дономъ, съ 182 по 376 годъ. Со всѣми ими наши предки также могли обмѣняться и понятіями и словами ¹⁾ слѣдственно, уже въ древнѣйшее время могли перейти непосредственно въ языкъ нашихъ предковъ нѣкоторыя слова Греческія, Оракійскія, Латинскія и Нѣмецкія. Но гораздо большее вліяніе сказанные народы имѣли на нашихъ Западныхъ соплеменниковъ; а потому сильнѣе дѣйствовали на измѣненіе ихъ языка, и большее количество своихъ словъ имъ сообщили.

О вліяніи иноплеменныхъ языковъ на Русскій въ древнемъ періодѣ

Болѣе сильное вліяніе на языкъ нашъ отъ Греческаго и Нѣмецкаго могло произойти съ началомъ древняго періода, когда и отъ Варяговъ и отъ Грековъ, дѣйствовавшихъ въ нѣдрахъ нашего отечества, произошло рѣшительное вліяніе на судьбу и жизнь Восточныхъ Словенъ, и преобразовало ихъ въ одинъ Русскій Христіанскій народъ. Сіе преобразование нашей прадѣдовской жизни даетъ поводъ заключать и о составленіи какъ-бы вновь языка Русскаго, подъ вліяніемъ Скандинавскаго и Греческаго.

¹⁾ Въ примѣръ древнѣйшаго употребленія нашихъ словъ Франкцами, приведемъ слово *Mori-maruga*, которымъ Кимвры называли Сѣверное или Ледовитое море (см. Плинія Второго Hist. mund. lib. IV). Слово сіе очевидно есть *море-мороза*. По употребленію звуковъ *a* и *y* вм. *o*, въ словѣ *марузъ*, и по его полногласной формѣ, можно полагать, что оно заимствовано у Словенъ Вѣлорусскихъ. (По-Польски морозъ—*мрузъ*).

а) *Вліяніє Греческое.*

Но непосредственное вліяніє Греческаго языка на Русскій было ограничено и предупреждено языкомъ Церковно-Словенскимъ: оно было уже второстепенное и, такъ сказать, обращенное въ Словенскій видъ—какъ въ устроєніи цѣлой рѣчи, такъ и въ образованіи особыхъ словъ, переведенныхъ съ Греческаго на Словенскій.—

Впрочемъ у насъ было и непосредственное вліяніє Греческаго языка, коего знаніе и изученіе значительно было распространено у насъ въ древнее время. Съ одной стороны сіе вліяніє простиралось на устроєніе письменной рѣчи, при переводѣ разныхъ Греческихъ книгъ Рускими; съ другой стороны оно состояло въ сообщеніи нашему языку многихъ Греческихъ словъ. Такъ, съ принятіемъ и распространєніемъ Христіанства, вошли въ языкъ нашъ Греческія личныя имена, имена разныхъ предметовъ церковныхъ, равно относящихся къ искусствамъ, и вообще къ просвѣщенной жизни: наприм. грамота, мусія, харатья. Торговля сношенія съ Греками также вводили у насъ въ употребленіе Греческія слова; наприм. драхма, литра (гривна),— оксамитъ, ортма.—Въ письменномъ языкѣ древнихъ нашихъ писателей встрѣчаются иногда Греческія слова безъ перевода; наприм. у Кирилла Туровскаго—породный (райскій) и проч. ¹⁾

¹⁾ Кромѣ Обще-Русскихъ словъ, сходныхъ съ Греческими, многія принадлежатъ еще Южнорусскому языку особо. Нѣкоторыя изъ нихъ, можетъ быть, весьма давно заняты нашими Южными Словенами у Эллиновъ,—какъ полагаютъ Гиббичъ (см. Простонар. Пѣсни нынѣш. Грековъ. Спб. 1825); наприм. *криница*—*κρηнос*, *мекъ* или *мечикъ*—*γλάχος*, *бунай*—*βουγδιος* *галепа*—*χάλεπα*, и друг.—Замѣтимъ, что и слово *палолома* (покрывъ), встрѣчаемое въ Пѣсни Игорю, по Ново-Гречески *πάπλωμα*.—И въ Велико-Рускомъ простонародьи,—вм. рука, рукавицы, говорятъ (по Нижнерусскому нарѣчію) *хиря*, *нахирѣи*, съ Греч. *χείρ*.

б) *Вліяніе Варяго-Русское.*

Но прежде, чѣмъ распространилось у насъ вліяніе стихій Греко-Словенской, обновленіе жизни нашихъ предковъ произошло отъ Варяговъ и Руссовъ.

Варяги-Руссы, признаваемые нами за Словенъ Поморскихъ, сообщили языку нашему названіе Русскаго языка, которое изъ Кіевскихъ предѣловъ распространилось и на всю Восточно-Словенскую рѣчь. Распространяясь и водворяясь преимущественно между Словенами Днѣпровскими, Руссы конечно имѣли вліяніе и на языкъ Полянскій. Но въ чемъ оно состояло, того нельзя опредѣлить положительно, по неизвѣстности языка Руссовъ. Можемъ сказать только вообще, что если Руссы были Словены изъ Заодерскаго Поморья, то вѣроятно они умножили въ языкѣ своихъ Днѣпровскихъ соплеменниковъ существующее въ немъ сродство въ Сѣверо-Западнымъ разрядомъ Словенскимъ,—сообщили имъ нѣкоторыя своенародныя и даже Германскія ¹⁾ слова, особливо относящіяся къ предметамъ воинской и гражданской жизни,—и имѣли вліяніе на произношеніе словъ и звуковъ. Можетъ быть изъ подражанія Руссамъ, ввелось въ Южнорусскомъ языкѣ обращеніе гласныхъ звуковъ въ *и*; ибо такого произношенія, мнѣ кажется, не было въ древнѣйшія времена у Словенъ Южнорусскихъ; а между тѣмъ оно было весьма употребительно у Эльбскихъ и другихъ Заодерскихъ Словенъ ²⁾

Что касается до собственно такъ называемыхъ Варяговъ или Нормановъ Скандинавскихъ; то—въ слѣдствіе господствующаго историческаго мнѣнія, что они были Руссы—отъ нихъ производятъ обыкновенно и названіе нашего язы-

¹⁾ Такъ слово *вира*, чуждое Скандинавскому законодательству, по всей вѣроятности, заимствовано у Нѣмцевъ Германскихъ, и перенесено къ намъ Поморскими Руссами, вмѣстѣ съ самими узаконеніями о вирѣ за *юловничество*.

²⁾ См. Гл. V. Примѣч. 9 и 10.

ка Русскимъ. Такъ Калайдовичъ, неразличавшій народнаго языка нашихъ предковъ отъ Церковно-Словенскаго, полагалъ, что съ этимъ языкомъ слился языкъ Скандинавскихъ Руссовъ, и отъ того произошелъ Русскій языкъ, который всѣмъ одолженъ Словенскому; а отъ Руссовъ ничего не сохранилось въ немъ, кромѣ нѣкотораго количества словъ ¹⁾ Сенковскій и Сабининъ оборотили сіе мнѣніе въ противную сторону: вліянію Скандинавскому они придали такую силу, что—по ихъ понятію—Русскій языкъ есть Скандинавскій, только смѣшавшійся съ Словенскимъ; и почти каждое Русское слово, сколько нибудь похожее на Скандинавское, считается нашимъ заимствованіемъ у Скандинавовъ ²⁾.—Но большая часть этихъ мнимо Скандинавскихъ словъ нашего языка принадлежитъ и другимъ языкамъ Словенскимъ; слѣдственно, существуетъ въ нашемъ языкѣ съ древнѣйшихъ временъ, а не отъ Скандинавскихъ Нѣмцевъ перешла къ намъ ³⁾.—Съ водвореніемъ у насъ Скандинавовъ, конечно входили въ употребленіе у насъ нѣкоторые ихъ обычаи и слова,—частію

¹⁾ Въ *Труд. Общ. Л. Р. Сл. Ч. Ш* 1823,

²⁾ Сенковскій изложилъ свое мнѣніе въ Разсужденіи о *Скандинавскихъ Словахъ* (см. Библи. для Чтен. 1834 Т. I.)—Мнѣніе Сабинина изложено въ статьѣ *О происхожденіи слова Бояринъ* (см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1837 № 10).

³⁾ По мнѣнію Сабинина даже слова: *мать, сестра, братъ, море, вода, слобъ, медь* (напитокъ) *изба, плетень, радъ, ленъ; снѣно, ночь, котъ, мышь* и множество подобныхъ, считаются передѣлкою нашею изъ Скандинавскихъ или Исландскихъ словъ: *modir, systir, brodir, mar, vatn, hleifr, mjodr, hussbae, pletten, röd, lin, sina, nott, kött, mús*; даже *озеро* производится отъ *siör!*.. Но эти же слова есть и въ другихъ Словенскихъ языкахъ; многія изъ нихъ существуютъ въ Латинскомъ, Греческомъ, Санскритскомъ, Персидскомъ, притомъ въ формахъ болѣе близкихъ къ Русскимъ; нѣкоторыя-же встрѣчаются въ царѣвкахъ Смитическихъ, Монгольскихъ, Чудскихъ. Почему-же всѣ эти слова въ нашемъ языкѣ считать Скандинавскими; и ни одного изъ нихъ въ Скандинавскомъ языкѣ не считать оныхъ заимствованнымъ? Положимъ, что Скандинавы ввели у насъ напитокъ *брагу*, въ честь своего бога Брагія; но питье *сладкаго мѣду* они конечно узнали отъ нашихъ предковъ. У Сабинина до такой крайности усилено вліяніе Скандинавское, что даже Кирилловская или Словенская азбука—есть не иное что, какъ передѣлка азбуки Руническаго...!

уже забытыя, частію и по-нынѣ остающіяся въ языкѣ Русскомъ. Но число такихъ заимствованій было не велико, еще меньшее, чѣмъ оно было отъ Татаръ, въ темное время ихъ владычества надъ Русью.

Вѣроятно, что слова брага, гридня, мериць, сталь и нѣкоторыя другія заимствованы нами у Варяговъ Скандинавскихъ. Но и они, возвращаясь изъ Руси въ Скандинавію, могли переносить туда нѣкоторыя наши понятія, обычаи и слова.

Подобно тому, какъ Норманы, водворяшіеся у побѣжденныхъ ими народовъ Западно-Европейскихъ, принимали обыкновенно языкъ своего новаго отечества,—и наши первые Варяжскіе Князья, безъ сомнѣнія, учились языку Русскому. Если же употребляли они между собою и съ своею дружиною языкъ Скандинавскій, то изъ сего не было еще никакихъ слѣдствій на измѣненіе Русскаго языка въ народѣ. Примѣръ тому—Французскій языкъ, долго употреблявшійся въ нашихъ обществахъ, и такъ мало отозвавшійся въ народѣ. Холостая дружина Варяговъ, составлявшая у насъ наемное войско и несомнѣнъ любимая въ народѣ нашемъ, тѣмъ менѣе могла дѣйствовать на измѣненіе его языка. Тѣ изъ нихъ, которые водворялись у насъ и вступали въ семейный союзъ съ Словенками, безъ сомнѣнія, выучивались нашему языку, и онъ становился природнымъ для дѣтей ихъ, какъ языкъ материнскій.

в) Вліяніе Азіатское.

Южная Русь въ древнемъ періодѣ была еще въ непрестанныхъ столкновеніяхъ съ разными Азіатскими народами, частію Турецкаго племени—какъ Печенѣги и Половцы или Куманы, частію же Кавказскаго племени—какъ Осетины или Мсы, и Черкесы или Косоги. Сюда же принадлежатъ толпы Торковъ и Берендѣевъ, распространившихся въ Южной Руси.

Отъ всѣхъ этихъ народовъ Русскій языкъ въ древнее время могъ занять нѣсколько словъ Турецкихъ и Кавказскихъ, относящихся къ наименованію разныхъ вещей; а отъ себя передать имъ нѣсколько Русскихъ словъ.

Вотъ что говорить о семъ Карамзинъ. «Въ языкѣ нашемъ довольно словъ Восточныхъ; но ихъ находимъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; а нѣкоторыя особенныя могли быть заимствованы нами отъ Козаровъ, Печенѣговъ, Ясовъ, Половцевъ, даже отъ Сарматовъ и Скивовъ. Напрасно считаютъ оныя Татарскими, коихъ едва ли отыщется 40 или 50 въ Словарѣ Россійскомъ» ¹⁾.

Карамзинъ изъ нашихъ древнихъ памятниковъ приводитъ три Восточныя слова: лошадь, сайгатъ, унеинъ. Но ихъ можно привести еще нѣсколько. Не говоря о словахъ Каганъ, Ханъ или Хинъ, Солтанъ, которыя могли быть у насъ извѣстны еще съ древнѣйшихъ временъ, — укажемъ на турецкое слово каралукъ (сталь)—въ Пѣсни Игорю харалугъ, харалужный; на Персидское слово сурна (труба), встрѣчаемое въ нашихъ лѣтописяхъ, а въ старинныхъ Украинскихъ пѣняхъ сурма, суремка сурмити.

Изъ языка Половецкаго ²⁾ мы могли заимствовать еще въ древнее время слѣдующія слова (изъ коихъ нѣкоторыя встрѣчаются въ языкахъ Турецкомъ и Татарскомъ, а иныя въ Арабскомъ и Персидскомъ): туманъ, башмакъ, сундукъ (сундукъ), балукъ или балыкъ (рыба), казанъ, чумичъ, бакча (по-Южнорусски баштанъ, съ Персид.), майданъ, базаръ, сарай, килимъ (коверь), каунъ (въ Южнорусскомъ значитъ арбузъ), и еще нѣкоторыя. На-

¹⁾ Ист. Г. Р. Т. V. стр. 386, и Примѣч. 401.—

²⁾ См. небольшой *Латинско-Персидско-Половецкій Словарь*, написанный 1303 г. казимъ нибудь Италіанскимъ купцемъ, изданный Клапротомъ, въ 3-мъ Томѣ его *Mémoires relatifs à l'Asie*. Paris, 1828.

оборотъ, между Половецкими словами встрѣчаются Русскія: изба, печь, самола (смола), пагть (деньга; сокращено изъ ногата).—

Приведенные примѣры показываютъ, что многія слова одинакія съ Татарскими могли быть въ нашемъ языкѣ еще до нашествія Батыева, и что существованіе такихъ словъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ не должно быть предлогомъ для сомнѣнія въ древности сихъ послѣднихъ ¹⁾.

Г Л А В А X .

О письменности словенской вообще, и о древней русской въ особенности.

«Словены сначала не имѣли книгъ; но бывъ язычниками, читали и гадали по чертамъ и рѣзамъ; по принятіи же Христіанства обходились письменами Греческими и Латинскими; и Словенская рѣчь долго была безъ устроенія.» Такъ говоритъ Болгарскій монахъ Храбръ, въ началѣ своего краткаго сочиненія о письменахъ²⁾.—Его сказаніе подтверждается свидѣтельствомъ другихъ древнихъ писателей и

¹⁾ Такъ *Въликъ* опровергалъ древность Пѣсни Игорю даже находящимся въ ней словомъ *болванъ* („*Тьмутараканскій болванъ*“), называемое *Татарскимъ*. Но Сабининъ кажется вѣрнѣе считаетъ сіе слово перешедшимъ еще изъ *Скандинавіи* (*bólvaan*)—и тѣмъ вѣрнѣе, что оно было и въ языкѣ *Кельтовъ* (*relvan*), отъ коихъ и заимствовано Западными Словенцами, по мнѣнію Шафарика.—

²⁾ См. Глава VII.

и некоторых памятниковъ; хотя тѣхъ и другихъ, къ сожалѣнію, осталось мало.—Черты и рѣзы, эти первыя письмена Словенскаго племени, по самому названію своему однозначительны въ рунахъ Нѣмецкихъ народо́въ; а гаданіе по нимъ показываетъ, что и Словены письменамъ своимъ также придавали таинственное значеніе. Кромѣ сего можно еще замѣтить, что они употребляли свои рѣзы въ случаяхъ, относившихся къ богослуженію и законодательству, также въ памятныхъ надписаніяхъ на скалахъ, на могильныхъ камняхъ и столпахъ.

Но какіе именно были сіи рѣзы?

Что касается до Словенъ Прибалтійскихъ, то они—какъ извѣстно уже изъ Дитмарова ¹⁾ сказанія о Ретрскомъ капищѣ—имѣли обычай вырѣзывать на своихъ кумирахъ имена ихъ. Для этого и некоторые изъ нихъ употребили руны Нѣмецкія,—что можно заключить по надписи на двухъ каменныхъ изваяніяхъ Чернобога въ Бамбергѣ, которая по Шафарикову переложенію Латинскими буквами читается: *Sa g n i b u t. e.* Царь бугъ ²⁾ (Черный богъ).—Изъ сего однако не должно заключать, чтобы Нѣмецкія руны были единственными письменами всѣхъ Словенъ. Некоторые изъ нихъ употребляли для письма другіе знаки.

¹⁾ Межиборскій или Мерзебургскій Епископъ Дитмаръ писалъ свою *Хронику* въ началѣ XI вѣка (сконч. 1018 г.)—Такъ называемые Оботритскіе или Ретрскіе кумиры, хранящіеся въ Нейстрлицѣ,—подложны, и руническія письмена на нихъ принадлежатъ позднѣйшимъ Нѣмецкимъ антикваріямъ.

²⁾ По выговору тѣхъ Поморскимъ Словенъ, у коихъ Св. Оттонъ проповѣдывалъ Христову Вѣру и, по всей вѣроятности, отобравъ у нихъ кумиры Чернобога, поставилъ ихъ на фронтисписъ Бамбергскаго храма, гдѣ и открыты они въ 1835 г. Коляаромъ. Очеркъ Чернобога, представляющаго въ видѣ лежащаго льна, и снимокъ надписи можно видѣть въ статьѣ Шафарика: *Изображеніе Чернобога изъ Бамберга* (въ Журн. Мюн. Нар. Пр. 1838 № 5, и въ Русскомъ историческомъ Сборникѣ, Т. I. М. 1837).

Отличный отъ руническаго начертанія видъ имѣло древне-Русское письмо, образецъ коего сохранился у Арабскаго писателя (X в.) Ибнъ-эль-Недима: это снимокъ небольшой древне-Русской надписи, которая нарѣзана была на кускѣ бѣлаго дерева, вывезенномъ изъ Руси на Востокъ въ X вѣкѣ. Френъ, отыскавшій у Недима сію надпись, сравниваетъ ея черты съ древними Синайскими письменами ¹⁾.

Вѣроятно къ древнимъ Словенскимъ рѣзамъ принадлежатъ нѣкоторыя изъ начертаній, находящихся на скалахъ Карпатскихъ; но та надпись, которая находится въ ущельи Разгирчинскомъ, представляетъ уже Кирилловскія буквы, весьма древняго почерка, съ примѣсю другихъ знаковъ ²⁾.— Можетъ быть къ древнимъ Словенскимъ рѣзамъ принадлежить и надпись на камнѣ, найденномъ Ѡ. Глинкою въ Тверской Губерніи ³⁾ (въ деревнѣ Кузнецовой Бѣжецкаго уѣзда).

Впрочемъ сіи надписи подлежатъ еще дальнѣйшему объясненію, для Исторіи первоначальной Словенской письменности ⁴⁾.

¹⁾ См статью Френа о *письменахъ древнихъ Руссовъ*, въ *Mém. del'Acad. des sciences de St. Pétersbourg*, 1836—и въ Библ. для Чт. 1836. № 4.—Можетъ быть сіи же рѣзы употреблялись тѣми Руссами, которыхъ Ибнъ-Фонланъ видѣлъ на берегахъ Волги въ началѣ X вѣка, которые, по словамъ его, умѣли писать, и на могильномъ столпѣ надписывали имя покойника вмѣстѣ съ именемъ царствующаго Князя.

²⁾ Снимки съ этихъ надписей сдѣланы Вагилевичемъ и помѣщены въ *Моск. Наблюд.* 1836. № 6 (въ письмѣ Вагилевича къ Погодину).

³⁾ См. его статью *О древностяхъ Тверской Карелии*. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1836. Кн. 3., и въ Русскомъ историческомъ Сборникѣ, Т. I. М. 1837.

⁴⁾ Въ дополненіе сказаннаго можно привести еще мѣсто изъ *Суда Любуши* (древней Чешской поэмы, коея древность была опровергаема Добровскимъ, но признана вновь учеными Чехами), гдѣ на судилищѣ представляются двѣ вѣщія дѣвы: у *одной доски правдодатныя*. По этимъ правдодатнымъ (законодательнымъ) доскамъ можно предполагать о существованіи на нихъ и начертанія закона или *правды, принесенной дѣдами нашими* (по выраженію той-же Чешской поэмы). Нѣкоторые Ученые думаютъ, что имѣетъ съ закономъ были принесены Словенами въ Богемію и *письмена, истребленныя уже во времена Христіанства*.

О письменнахъ Кирилловскихъ.

Новую и важнѣйшую эпоху въ Исторіи Словенской письменности составляетъ изобрѣтеніе собственно такъ называемой Словенской азбуки. Что изобрѣтателемъ оной былъ нашъ Первоучитель Кириллъ, это не подлежитъ сомнѣнію, по единоголосному о томъ свидѣтельству многихъ древнихъ писателей, ¹⁾ и по самому названію азбуки Кирилловскою или Кириллицею ²⁾.—Временемъ ея составленія,—у Храбра, также у лѣтописцевъ Сербскихъ и Болгарскихъ,—положительно означается 6363 годъ отъ сотворенія міра, т. е. 855 годъ отъ Р. Х.; слѣдственно 8-ю годами прежде, чѣмъ Словенскіе Учители отправлялись въ Моравію (около 863 г).—Въ основаніе Словенской азбуки принята Кирилломъ азбука Греческая, по тому начертанію, какое имѣла она въ половинѣ IX вѣка ³⁾. Но какъ 24-хъ буквъ Греческаго алфавита недоставало для изображенія всѣхъ звуковъ Словенской рѣчи то Кириллъ прибавилъ еще другія буквы, частію составленныя изъ тѣхъ-же Греческихъ буквъ, ⁴⁾ частію изобрѣтенныя

¹⁾ Наприм. Іоанна Экз. Болгарскаго Храбра, Нестора, Священника Діоклейскаго (XII в.). Нѣкоторые изъ нихъ изобрѣтеніе письменъ приписываютъ не одному Кириллу, но и Меодію. Такъ у Нестора сказано—„сима же пришедъшема, начаста съставлявати письмена азбуковъная Словѣнски.“ Но это произошло отъ того, что Меодій вообще былъ сподвижникомъ и продолжателемъ трудовъ своего брата —

²⁾ *Письменами Кирилловскими* называется она, между прочимъ, и въ буллѣ Папы Іоанна VIII (см. Гл. VII прим. 7); *Кириллицею* же она называется у Далматовъ, въ отличіе отъ ихъ *Буквицы*; но у древнѣйшихъ писателей—Іоанна Болг., Храбра, Нестора—Кирилловскія письмена называются просто *Словенскими*; у Градищенскаго Монаха (XII в.)—*Болгарскими*.

³⁾ Чѣмъ древнѣе Словенская рукопись, тѣмъ замѣтнѣе сіе сходство Кирилловскихъ письменъ съ Греческими; между тѣмъ, какъ съ руническими письменами такъ мало сходства, что никоимъ образомъ нельзя отъ оныхъ вести начало алфавита Словенскаго (см. Гл. IX пр. 11.). Древнее начертаніе Словенской азбуки, коимъ написано въ Новѣгородѣ Остромирово Евангеліе, можно видѣть въ *Собраніи Словенскихъ памятниковъ*, издан. Кеппенюмъ. Спб. 1827.

⁴⁾ Такъ буквы *ѡ*, *ѣ*, *ю*, *ѣ*, видимо составлены изъ принятыхъ Греческихъ буквъ; равно и буква *ѡ* (*ѡ*, *ѡ*) или *оникъ* (*онъ*) есть не иное что,

имъ самимъ, или же заимствованныя изъ другихъ иноплеменныхъ азбукъ ¹. Такимъ образомъ онъ установилъ 38 Словенскихъ письменъ, ² давъ имъ Словенскія имена ³, и удержавъ

какъ двогласная Греческая *ou* или *z* — Такимъ же образомъ и буква **Ѣ** представляющая сокращеніе звуковъ *oi*, соответствуетъ двогласной Греческой *oi*. — Еще въ XI вѣкѣ Рускіе стали иногда писать вмѣсто *ou* одинъ *иъ* (**Ѹ**), и **Ѣ** вмѣсто **Ѣ**.

Подобно сему, составлена буква **Ѧ** — (по Русскому начертанію, встречаемому уже въ Сборникѣ 1073 г. **Ѧ**) изъ соединенія *I* съ *Б*-емъ. Что касается до буквы **Б**, то ея начертаніе представляетъ только ущербленіе буквы **В**; равно полугласныя **Ъ** и **Ь** представляютъ дальнѣйшее видоизмѣненіе сего же знака; что же касается до заимствованія сихъ четырехъ буквъ изъ иноплеменныхъ азбукъ, то оно подлежитъ еще новому изслѣдованію.

Для изображенія носовыхъ звуковъ *у* и *я*, употреблена вставка буквы *I* внутрь гласной: такъ *юъ* (**Ѫ**) составленъ изъ опрокинутого ука (**Я**), съ прибавкою внутри *I*; равнымъ образомъ и **Ѭ** состоитъ изъ **А** съ буквою *I* внутри.

1) Кириллъ, знавшій многіе языки иностранные, конечно имѣлъ въ виду и ихъ азбуки, при составленіи своей; однако заимствовалъ изъ нихъ не много. Такъ буква **Ш** и по начертанію и по выговору видимо сходствуетъ съ Еврейскою *שמך*, и заимствована изъ азбуки Еврейской. Но буква **Ц** составлена уже изъ **Ш**, чрезъ присоединеніе къ ней буквы **Т**, для выраженія звука *шт* (ибо такъ выговаривается у Задунайскихъ Словенъ буква **Щ**, вмѣсто коей нерѣдко и писали они *шт*) — Буква **Ч** имѣетъ сходство съ Армянскою *чо* строчнаго начертанія, и вѣроятно взята съ нея; употребленіе полугласныхъ **Ъ** и **Ь** въ концѣ словъ также могло быть подражаніемъ древнему Армянскому правописанію. Буква **Щ** только по новому ея начертанію сходствуетъ съ Коптскою *шей*; равно какъ и нынѣшнее куривное начертаніе *лаиола* (**Ѧ**) сходно съ Коптскою *юри*. Заимствована ли откуда буква *черъ*, неизвѣстно; собственннй и древнѣйшій видъ ея **Ѹ**; но въ строчномъ начертаніи она по скорости письма иногда была писана не вполне, а односторонно: отсюда произошелъ нынѣшній видъ ея — **Ч**, въ которомъ лишь случайное сходство съ Коптскою буквою *фей*. — Что касается до Руны ической азбуки, то одна только руна *лаиалъ* своимъ начертаніемъ могла послужить къ составленію буквы **Ж**; по своему значенію она соответствуетъ буквѣ **Г**.

2) Число сіе показано у Храбра, и отчасти подтверждается тѣмъ же числомъ особыхъ названій буквамъ Словенской азбуки. Впрочемъ нельзя утвердительно сказать, какія именно 38 буквъ составляли первоначально азбуку Кирилловскую; ибо число знаковъ ея въ послѣдствіи было равнозначимо. Добровскій въ Словенскія буквы приводитъ къ 39; тоже число и по неизвѣстному *Греку* (изданному Бандуріемъ), который приводитъ 35 названныхъ Русскимъ или Словенскимъ буквамъ, не включая въ то число 4 послѣднихъ Греческихъ буквъ. Кэпитаръ различаетъ 44 буквы, прибавляя еще 7 особыхъ буквъ, употребляемыхъ Сербами. —

3) Большая часть сихъ названій суть Словенскія слова, начинающіяся съ той же буквы, подобно тому какъ и въ азбукахъ Греческой, Еврей-

жавъ почти тоже числительное значеніе при Греческихъ буквахъ, какое они имѣли тогда у Грековъ ¹⁾).

Число буквъ въ послѣдствіи измѣнялось: одинъ и тотъ же звукъ, смотря по мѣсту своему въ словѣ, изображался различно, частію по произволу писцевъ, частію, для означенія тонкостей въ правописаніи. Вообще же къ Греческимъ буквамъ въ Словенской азбукѣ прибавлены слѣдующія: б, ж, ц, ч, ш, щ, ѣ, ѓ, ѣ, ѣ, ѣ, ѣ, ж, ѣ, ѣ, ѣ, ѣ ²⁾).

Вмѣстѣ съ Словенскимъ переводомъ Богослужебныхъ книгъ и письма Кирилловскія изъ Царьгорода распространились сначала въ Болгаріи, а вскорѣ потомъ и у Моравовъ съ Словаками, у Чеховъ, Поляковъ, Руссовъ, Сербовъ и прочихъ Словенъ Задунайскихъ, и послужили великимъ средствомъ къ просвѣщенію Словенскаго міра.

Когда и откуда именно вошли Кирилловскія письма въ Россію, о томъ нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій. Изъ Игорева договора заключить можно, что въ Кіевѣ въ половинѣ X вѣка давали грамоты отправляющимся въ Царьгородъ. Сіи грамоты могли быть писаны уже буквами Словенскими. Ибо,—

ской, Рунической. Можеть быть сіи названія расположены были такъ, что иногда представляли рядъ изреченій, для легчайшаго удержанія въ памяти; наприм. и, како, люди, мыслите;—рцы, слово, твердо.

¹⁾ Изъ нововведенныхъ буквъ только Ч и Ц получили числительное значеніе: первый 90, второй 900 (ветарину сіе число означалось и буквою ж).— Употребленіе Словенскихъ буквъ вмѣсто чиселъ продолжалось у насъ до введенія Арабскихъ цифръ, при Петрѣ Великомъ (1703).—Единицы, десятки, сотни считались нѣ обыкновенномъ порядкѣ; однакожъ Востоковъ нашелъ много примѣровъ *обратною* порядка, т. е. начиная съ единицъ (см. о семъ у Калайдовича, въ *Юан. Екс. Болг.* на стр. 218.)

²⁾ Въ Остромировомъ Евангеліи употреблено 50 буквъ различныхъ по своему начертанію. Такъ напр. *ишца*—д и ѣ; *естъ*—е, е, ѣ; *зѣло* з и з; *земля*— пишется только чрезъ з.— Въ сборникъ Святославовскомъ *еры*—ѣ и ѣ; *ать* ѣ, а въ извѣстныхъ случаяхъ—ѣ, именно въ усугубленіяхъ сей же буквы, напр. о *своитѣльствѣ*, и въ словахъ что либо снѣдное означающихъ, напр. *ѣсть*; а въ 3 лицъ глагола есмь *ѣоть*, е.—Такую же тонкость правописанія и вмѣстѣ примѣръ *слитныхъ* буквъ представляетъ,—въ семъ же Сборникѣ и въ Евангеліи Метиславовомъ,—замѣчательное присоединеніе буквы Г къ Д и Н, передъ гласными и передъ Б-жъ, сообразно Греческому выговору Словенскихъ звуковъ.—(См. Юан. Екс. Болг. стр. 214.)

принимая въ соображеніе, что Кирилловскія письма и писанныя ими Богослужебныя книги существовали уже до вращенія Руси въ 866 году, и что они имѣли быстрый успѣхъ у Словенъ Дунайскихъ,—можемъ допустить съ полною вѣроятностію, что Греческіе Патріархи Фотій и Игнатій, посылая въ Русь своихъ Священнослужителей, отправляли съ ними людей свѣдущихъ въ грамотѣ Словенской, и что употребленіе Словенскихъ писменъ вошло къ намъ вслѣдъ за Христіанствомъ, еще при Оскольдѣ и Дирѣ, изъ Царягорода. Василій Македонянинъ, будучи самъ Словенинъ, и содѣйствуя распространенію Словенскаго Богослуженія у Сербовъ, конечно не упустилъ случая сдѣлать тоже и въ отношеніи къ Россіи, для собственныхъ же выгодъ ¹⁾).

Къ дальнѣйшему распространенію у насъ Словенской грамоты могли способствовать сношенія, бывшія у Руси съ Болгаріей, гдѣ въ IX въ X вѣкѣ уже была значительна Словенская письменность, откуда и въ послѣдующіе вѣка Россія не переставала заимствовать книжные способы къ своему просвѣщенію.—

Впрочемъ первые у насъ успѣхи Словенской письменности, какъ и самаго Христіанства, конечно были незначительны до временъ Владиміра, и ограничивались грамотностію нѣкоторыхъ лицъ. Но со времени Владиміра и распространеніе Словенской грамоты перешло въ народъ; и Словенская азбука, хотя мало по малу измѣнилась въ своемъ видѣ, но была у насъ въ общемъ употребленіи до XVIII вѣка, т. е. до окончательнаго ея преобразованія Петромъ Великимъ въ нынѣ употребительную азбуку Русскую или гражданскую. Послѣ того Кирилловскую азбуку стали отличать у

¹⁾ Есть даже извѣстіе о введеніи въ Россію Кирилловскихъ писменъ при Царь Василіи Македонянинѣ,—въ сказаніи бѣлгородскаго Гроба (найденаго Бандуриемъ); но въ сожалѣнію въ сказаніи сего бѣлгородскаго Гроба нѣтъ никакихъ подробностей, какъ то посланничество сего Гроба въ Россію, Царьгородъ; вмѣсто Фотіа и Игнатія, посланнаго въ Россію, Царемъ Македонянинъ, изобрѣтатели буквъ въ Россіи Кириллъ и Мефодій, посланнаго въ Россію, Царемъ Македонянинъ, въ Русь съ Царемъ Македонянинъ.

насть именовъ Славянскою или церковною; ибо употребленіе оной ограничилось книгами преимущественно Церковнаго содержанія.—Въ такомъ употребленіи сихъ двухъ азбукъ послѣдовали намъ Сербы и еще нѣкоторые Словены; но Галицкіе Руссы и Румыны донныѣ употребляютъ въ печати только Кирилловскую азбуку.—Что касается до ея судьбы у прочихъ Словенъ, то ея сильное распространеніе у нихъ скоро подвергло ее всякаго рода гоненіямъ со стороны Нѣмецкаго Духовенства, такъ что она была уже воспрещаема и отъ Папъ. Вслѣдствіе того, многіе изъ Словенъ, уже употреблявшихъ Кирилловскую азбуку—какъ напримѣръ Чехи, Моравы, Словаки—стали обращаться опять къ письменамъ Нѣмецкимъ и Латинскимъ. Въ наше время Латинскими буквами пишутъ Поляки, Чехи, Словаки, Хорутаны, и большая часть Иллирцевъ; Нѣмецкія же буквы удержались только у Лужичей. Каждый изъ сихъ народовъ, для выраженія звуковъ своего языка, употребляетъ Латинскія буквы различно.

О Глаголитской азбукѣ или Буквицѣ

Во время гоненій на Кирилловскія письмена, появилась въ Далмаціи новая Словенская азбука, извѣстная подъ именемъ Глаголитской или Буквицы. Въ ней удержаны Кирилловскія названія буквъ; но ихъ начертаніе большею частію замѣнено другими, болѣе затѣйливыми и кудрявыми знаками, отчасти заимствованными изъ заглавныхъ фигурныхъ буквъ Кирилловской азбуки ¹⁾, сдѣлано также нѣкоторое измѣненіе въ ихъ порядкѣ и числительномъ значеніи. Изобрѣтеніе сіе относится, по мнѣнію Добровскаго, къ началу XIII вѣка. Оно принадлежитъ Далматскимъ Священникамъ или Глаголитамъ, которые, желая удержать Словенское Богослуженіе, выдумали сію азбуку, а для большей важности приписали ее Св. Иерониму и назвали Иеронимскою,—хотя

¹⁾ Такъ буквы Ф, Ш, Щ, Ж—видимо взяты изъ строчныхъ Кирилловскихъ. Въ Толковой Псалтири XI-го вѣка (см. Прим. 22) нѣкоторыя начальныя буквы имѣютъ видъ Глаголитскихъ.

сей мужъ, жившій въ IV вѣкѣ, столько же былъ изобрѣтателемъ оной, сколько и азбуки Кирилловской ¹⁾.—

Разныя новыя азбуки появлялись и у насъ, въ послѣдующія времена. Такъ напримѣръ, извѣстна надпись на колоколѣ Савинскаго монастыря, близъ Звенигорода въ Московской губерніи. Сюда же принадлежатъ каракули, выданныя въ 1812 г. подъ именемъ Словено-Русскихъ рунъ ²⁾. Но такія произвольныя выдумки нѣкоторыхъ лицъ, не имѣвъ распространенія, не имѣютъ и значительности исторической.

Древнѣйшіе памятники Русской письменности.

Среди гоненій на Кирилловскія письма отъ Латинскаго Духовенства, усилившихся по смерти Меѳодія, и другихъ переворотовъ, испытанныхъ Словенами Западными, погибли у нихъ памятники ихъ письменности, принадлежавшіе къ первымъ ея вѣкамъ.—Почти такую же судьбу испытала Словенская письменность и у насъ въ Южной или Кіевской Руси, такъ много пострадавшей отъ долговременныхъ разореній непріятельскихъ. Кромѣ того, многіе пожары, истребившіе Кіевъ, были причиною, что сей разсадникъ просвѣщенія для всей древней Руси не сохранилъ въ себѣ древнихъ памятниковъ своей письменности. Особенно губителемъ для нея былъ пожаръ 1718 г., обратившій въ развалины и пещель Печерскую Лавру. Конискій въ своей Исторіи Руссовъ пишетъ, что между сгорѣвшими тогда драгоцѣнностями Лав-

¹⁾ Изобрѣтеніе Кирилловской азбуки приписывали Св. Іерониму, также какъ и изобрѣтеніе Глаголитской.—Впрочемъ и теперь Копитаръ (въ сочиненіи своемъ *Glagołita Slozianus*, 1836) старается доказать, что Глаголитская азбука, если не старѣе Кирилловской, то сколько же древнѣе, какъ и она, и что до XIII-го вѣка она была употребляема не одними Далматцами но и другими Задунайскими Словенами. Какъ бы то ни было, но для Исторіи оной можемъ замѣтить, что въ 1248 году отъ Папы Иннокентія IV-го дозволено было въ Петріи и Далматіи употреблять сію азбуку и Латинно-Словенское Богослуженіе, и что Глаголитское книгопечатаніе появилось 8-ю годами ранѣе Словенскаго книгопечатанія Кирилловскими буквами, множио изданіемъ Служебника въ Венеціи, 1483.

²⁾ См. Чтенія въ Вес. Люб. Рус. Слова К. в Сиб.

ры неощибенною потерю считалась самая первая въ Россіи, многочисленная библиотека, начатая еще при Ярославѣ и сбереженная въ пещерахъ отъ нашествій непріятельскихъ,—и что Петръ Великій не могъ удержаться отъ слезъ, при извѣстїи о столь важной утратѣ.—

Самые древніе памятники Русской и всей Словенской письменности сохранила Сѣверная Русь. Но сіи памятники не восходятъ далѣе половины XI-го вѣка. Древнѣйшіе изъ нихъ суть: 1) Евангеліе Остромирово, писанное 1056—1057 г. Новгородскимъ Діакономъ Григоріемъ, для Посадника Остромира; 2) два Сборника, писанные Діакономъ Іоанномъ, вѣроятно Кіевскимъ,—одинъ въ 1073 году, для В. К. Святослава Ярославича, а другой въ 1076 г.

Отъ времени Владиміра и Ярослава осталось только: 1) въ Киевѣ на стѣнѣ небольшого медоварна, каменныхъ надписей: Владиміровы, Софійскія, Петра, и Владиміровы. Сіи надписи принадлежатъ самымъ древнимъ памятникамъ древнерусскаго письма, кажется, быша въ употребленіи въ XI вѣкѣ. 2) Туровскія Бувавы, оставшіяся въ запустѣвшихъ мѣстностяхъ Десятиной Церкви.

Монахъ Златко свидѣтельствуетъ, что онъ (въ XVI вѣкѣ) видѣлъ Корсаую Книгу писанную при Ярославѣ, и другую писанную при Изяславѣ «на кожахъ». Но въ наше время уже неизвѣстны сіи, какъ и многія другія драгоценности.

И такъ древнѣйшіе изъ открытыхъ доселѣ Русскихъ рукописей относятся уже ко второму отдѣлу древняго періода ²⁾).

¹⁾ См. *Барона Шодуара*, Обзорніе русскихъ денегъ. Ч. I. Сиб. 1837. Тамъ можно видѣть и снимки съ сихъ надписей.

²⁾ У Митрополита Евгенія были 1) пергаменный листокъ (теперь принадлежащій Погодину) изъ *Житія Св. Кодрата*; Шафарикъ, по начертанію буквъ, особливо р и з, относитъ его къ концу IX-го или первой половинѣ X вѣка; 2) нѣсколько пергаменныхъ листовъ *Толковой Псалтири*, отнесенные Востоковымъ къ XI вѣку.—Паладїей нашель въ Моравїи Латинскую рукопись (809 г.), въ коей полстраницы написано Кирилловскимъ письмомъ, также весьма древнимъ.

Къ сему же отдѣлу принадлежатъ: надпись Тмутороканскаго камня, (1068 г.), хранящагося въ Керчинскомъ музеѣ, Сребро Святославле (1071—76)—небольшая медаль подобная первымъ.

Изъ Грамотъ древняго періода уцѣлѣли въ подлинникѣ писанныя уже въ третьемъ отдѣлѣ (послѣ Мономаха): древнѣйшая изъ нихъ—Грамота Мстиславова, въ 1128 году жалованная Новгородскому Юрьеву монастырю.

Всѣ древніе книги и грамоты были писаны на харатѣй или пергаминѣ, и называются харатейными. Писаны онѣ были прямымъ почеркомъ, извѣстнымъ подъ именемъ устава, и по большей части съ отыѣннымъ тцаніемъ. Заглавныя и пачальныя буквы отличались величиною и особеннымъ затѣйливымъ видомъ; онѣ, равно нѣкоторыя строчныя буквы въ книгахъ и всѣ древнѣйшія грамоты, писаны были обыкновенно киноварью; иногда же онѣ были раззолоченныя, равно какъ и узорчатая заглавія, коими обыкновенно украшались книги. Такъ второе по своей древности Мстиславово Евангеліе, писанное (1125—32) для Мстислава Владиміровича Алексію, украшено золотыми зачалами и разноцвѣтными изображеніями Евангелистовъ на золотому полю. Еще болѣе замѣчательны рисунки и заглавныя украшенія въ Сборникѣ Святославовскомъ (1073 г.), составляющіе драгоценный намятникъ древнѣйшей книжной живописи Русской. Особенно примѣчательна (на оборотѣ перваго листа) цѣлая картина, разными красками и золотомъ рисованная; на ней изображены любовзвательный Князь Святославъ Ярославичъ—съ книгою въ рукахъ, его супруга и пять сыновей; надъ именами Князей надписано золотомъ: «желанія сердца моего, Господи, не презри; нѣ прими ны всѣя и помилуй ны».

Вообще замѣтить можно, что книгописаніе у насъ въ древнее время было въ большемъ распространеніи и на высокой степени искусства. Оно считалось дѣломъ благочестія,

которому посвящали себя преимущественно духовныя лица. Въ княжескомъ родѣ списываніе книгъ церковныхъ также считалось дѣломъ богоугоднымъ, достойнымъ занятія: особенно замѣчательный примѣръ тому представляетъ Полоцкая Княжна Св. Евфросинія.

П Р И Л О Ж Е Н І Е

Отзывъ ¹⁾ на критику Исторіи древней Русской Словесности, помѣщенную въ Отечественныхъ Запискахъ ²⁾.

Никогда почти не отвѣчалъ я на журнальныя рецензіи издаваемыхъ мною книгъ, ибо не видѣлъ въ томъ ни какой пользы; но, прочтя въ четвертомъ номерѣ Отечественныхъ Записокъ статью объ изданной мною прошлаго года Исторіи древней Русской Словесности, я рѣшился хотя и неохотно, сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ этой статьѣ ¹⁾. Она довольно обширна: 32 страницы мелкой печати въ два столбца; нельзя однако жъ назвать ее подробнымъ отчетомъ о моемъ сочиненіи, потому что объ немъ говорится только на послѣднихъ ея страницахъ, а первыя 24 страницы заняты разсужденіями Г. критика о разныхъ другихъ предметахъ. Сначала Г. критикъ остановился было на заглавныхъ словахъ моей книги; Исторія Русской Словесности, и хотя изъ предложеннаго мною опредѣленія Словесности, онъ явно увидѣлъ, что это слово у меня однозначительно съ литературою, но тѣмъ не менѣе онъ началъ говорить свое о словесности, литературѣ, народнои поэзіи; потомъ началъ онъ ставить читателя на свою точку зрѣнія о поэзіи, душѣ и духѣ народа; разсуждать о Востокѣ и Греціи, о Софоклѣ и Шекспирѣ (и все это, по его словамъ, ни чуть

¹⁾ Отзывъ напечатанъ въ Сѣверной Пчелѣ 1840, № 125.

²⁾ 1840 Г. IX, № 4, стр. 37—72. Критика принадлежитъ Каткову

не отступленія!), Послѣ Шекспира мысль его склонилась къ тому, что у насъ до Петра Великаго не могло быть никакой литературы, и что вся наша словесность, бывшая до того времени, есть только письменность, не имѣвшая никакихъ движеній. За тѣмъ пошла у него, рѣчь о Ломоносовѣ и Державинѣ, и о томъ, что только съ Карамзина началась у насъ Литература, подлежащая историческому разсматриванію. Наконецъ критикъ устанавливаетъ точку зрѣнія на то, какъ должно заниматься Исторіею Словесности и даетъ инструкцію для построенія отдѣльной отъ всѣхъ другихъ Исторіи Русской Словесности по совершенно новому плану, коего основаніемъ и главною цѣлію были бы движеніе и развитіе Русскаго языка. Онъ увѣренъ, что всякое другое воззрѣніе на Исторію Русской Словесности бесплодно, пусто (стр. 64); онъ ручается, что книга, умно и искусно написанная по плану его требованій, была бы не только несравненно полезнѣе, но и занимательнѣе, и что историкъ Русской Словесности, въ духѣ его требованій, видя главное и существенное значеніе въ движеніи языка (?), умѣлъ бы въ тысячу разъ болѣе и живѣе познакомить съ отдѣльными явленіями (стр. 68)!—О моей книгѣ, въ заключеніе своей статьи, Г. критикъ говоритъ такъ: «Мы старались познакомить съ нею читателей со всею добросовѣстностью и правдивостью которыя требуются отъ критика. Не смотря на недостаточность, сочиненіе Г. Максимовича заслуживаетъ отъ публики благосклоннаго приема...»

Съ своей стороны, я нисколько не сомнѣваюсь въ правдивости и добросовѣстности моего критика: да и какъ отрицать оба сіи свойства въ такой статьѣ, въ которой все, что на умѣ, то и на языкѣ? Она именно написана отъ всего сердца, съ тою полнотою душевной молодости, которая потерѣливо хочетъ высказать себя всю, при первомъ удобномъ случаѣ, и такъ охотно заговаривается обо всемъ, что только приходится ей къ слову. Но для критика этого еще не до-

вольно: можно быть весьма добросовѣстну, и отъ чистаго сердца говорить вздоръ; можно быть внутренно увѣрену въ своей правдивости, и быть весьма несправедливу къ другимъ. То и другое случается особенно съ молодымъ умомъ, когда онъ, увѣровавъ въ какую нибудь систему, внѣ оной не видитъ уже ничего истиннаго; въ каждомъ предметѣ усматриваетъ не его истинную сущность, но воображаетъ только свою собственную, личную мысль, и съ полнымъ самодовольствомъ и самонадѣяніемъ замышляетъ, посредствомъ своихъ теоретически высреннихъ идей, рѣшить и рядить все. И хорошо еще, если эта система будетъ одна изъ первостепенныхъ системъ философскихъ: горячка, отъ нея происходящая въ молодомъ, но крѣпкомъ умѣ, часто оканчивается благополучно, и не рѣдко бываетъ ему къ росту. Но если молодой умъ обуюетъ какое нибудь частное, одностороннее ученіе (напр. отрицательное ученіе историческаго скептицизма), тогда онъ уже съ нетерпимостью отвергаетъ все, что не подходитъ подъ его точку зрѣнія, и съ горделивымъ неуваженіемъ глядитъ на все, что не въ духѣ его требованій. Между тѣмъ отъ основательнаго критика требуется именно того, чтобы онъ сноспособенъ былъ, сходя съ своей точки зрѣнія, входить въ мысли другаго, а сего-то свойства и не достало у моего критика. Послѣ того, какъ онъ такъ много говорилъ о литературѣ и поэзіи вообще, о духѣ народномъ, о Греціи и Шекспирѣ, и услаждался созерцаніемъ новаго, небывалаго еще плана въ области знанія, ему безъ сомнѣнія, не охотно было спуститься съ высренной, безграничной высоты своихъ идей въ пыльную, тѣсную область древней Русской Словесности. Потому-то онъ, какъ бы нехотя, и лишь поверхностно перебираетъ мою книгу, въ которой каждая глава требовала и долговременнаго соображенія и многотруднаго эмпиризма; все въ ней кажется для него утомительно, сухо и черство; все въ ней находитъ онъ поверхностнымъ, обыкновеннымъ, и всѣмъ

«Ужасно недоволенъ онъ!»

За то можно сказать его же словами: «Никогда претензіи и

высшіе взгляды, для которыхъ нужно подниматься на ходули, не доводятъ до добра.» (стр. 62).

Я не имѣю еще нужды распространяться обо всемъ, что наговорилъ объ моей книгѣ Г. критикъ, у котораго главное и существенное значеніе Словесности состоитъ въ движеніи языка. Для показанія, какъ онъ меня критикуетъ, довольно и не многихъ примѣровъ. Вотъ какой отчетъ даетъ онъ читателямъ о VI главѣ (объ отношеніи Русскаго языка къ Западно-Словенскимъ).

«Здѣсь, по извѣстной схемѣ Добровскаго, дѣлятся Славянскія нарѣчія, разсматривается, какъ особый признакъ Русскаго языка, его полногласіе и другія нѣкоторыя свойства.» (Стр. 72).

Что же этимъ показалъ критикъ? Во-первыхъ то, что онъ, или не помнитъ схемы Добровскаго, или не взглянулъ на мою. Добровскій относитъ Русскій языкъ къ одному разряду съ языками Задунайскихъ Славянъ, и ставитъ его на равнѣ съ языками Сербскимъ, Хорватскимъ и пр.; но у меня совсѣмъ другое дѣленіе. Въ Журн. Мин. Н. Пр. (№ 3, 1838) я предложилъ подробное разсмотрѣніе Русскаго языка по всѣмъ примѣтамъ Добровскаго, и доказалъ, кажется, очевидно, что ни Великорусскій, ни Южнорусскій языкъ не подходятъ ни къ первому, ни ко второму разряду Добровскаго; а потому я составилъ новую, мою собственную схему языковъ Славянскихъ, по которой всѣ они дѣлятся на двѣ половины: Восточную (Русскую) и Западную. Эта схема предложена вкратцѣ и въ VI главѣ моей книги, какъ результатъ моего подробнаго критико-историческаго изслѣдованія о языкѣ Русскомъ.

Во-вторыхъ, критикъ ничего не сказалъ о полногласіи Русскаго языка, которое у меня разсмотрѣно съ новой точки зрѣнія, совершенно противоположной прежнему мнѣнію о семъ предметѣ Добровскаго и другихъ Славянскихъ филологовъ. Всѣ они думаютъ, что разтвореніе словъ гласными звуками въ Русскомъ языкѣ есть уже позднѣйшее свойство его, происшедшее, по мнѣнію однихъ, отъ вліянія Финскаго языка, по мнѣнію другихъ, отъ вліянія сѣвернаго кли-

мата. Но я доказываю множеством примѣровъ, что этихъ влiяній не могло быть, и что на полногласiе Великорусскаго, Ылорусскаго и Малороссiйскаго языковъ должно смотрѣть, какъ на первоначальное и нѣкогда обще-Славянское свойство, утраченное Славянами западными, у которыхъ иногда слова доходятъ до совершеннаго безгласiя. Еслибъ моего критика интересовали подобныя вопросы, то онъ, конечно, остановился бы нѣсколько болѣе надъ этою главою, и что нибудь, хотя въ опроверженiе, если не въ одобренiе, сказалъ бы о двухъ новыхъ мною предложенныхъ мнѣнiяхъ относительно языка Русскаго.

Такимъ же образомъ и въ прочихъ главахъ моей книги о языкѣ Русскомъ, нашлись бы нѣкоторыя мои собственныя замѣчанiя и наблюденiя, результаты моего тринадцатилѣтняго занятiя симъ предметомъ, но и объ этихъ главахъ, критикъ говорить такъ же бѣгло и поверхностно, выражаясь только общими мѣстами, показывающими, что въ филологiи Славянской и Русской онъ не весьма свѣдуецъ, хотя и указываетъ мнѣ на Добровскаго, и даже говоритъ, будто бы я не воспользовался сочиненiемъ сего писателя о Кириллѣ и Меодiи. Считаю излишнимъ увѣрять, что Добровскiй мнѣ извѣстенъ очень хорошо. Но Славянская филологiя имѣ не ограничивается: одинъ Шафарикъ уже и объ Кириллѣ и Меодiи и объ Церковно-Славянскомъ языкѣ представилъ изслѣдованiе, болѣе удовлетворительное, чѣмъ изслѣдованiе Добровскаго; и то одно, что заимствовано въ моей книгѣ изъ Славянскихъ Древностей Шафариковыхъ, не могло быть названо у насъ общимъ мѣстомъ. Критику слѣдовало бы подробнѣе взглянуть въ эти главы моего сочиненiя, и потомъ уже давать объ нихъ судъ рѣшительный.

Впрочемъ не обо всѣхъ главахъ критикъ отозвался слегка: объ одной онъ распространился довольно, и насказалъ мнѣ за нее множество укоризнъ, столько же несправедливыхъ, сколько и неумѣренныхъ. Это именно глава III, въ которой я предлагаю общее обзорѣнiе Русскихъ писателей и памятниковъ Словесности древняго перiода, съ означенiемъ го-

довъ и съ общимъ выводомъ объ каждомъ отдѣлѣ. Критикъ указавъ на эту главу, восклицаетъ къ читателямъ:

«Разочаруйтесь: собственно памятникамъ Русской Словесности посвящаетъ авторъ только 21 страницу, тогда какъ его книга имѣетъ всего на все 226 страницъ» (стр. 66... «Такъ только простая перечень именъ? Стоило же дѣлать такіе сборы? Недалеко же авторъ ушелъ съ своими сборами!...» «Для читателей книги Г. Максимовича, всѣ поименованные писатели совершенно безразличны: и Кирилль Туровскій, и какой-то Бояль, и Несторъ, и какой-то Смолятичъ равно пустыя, ничего невыражающіе звуки,» и прочая.

Въ самомъ дѣлѣ, подумаетъ иной читатель, что же это за Исторія древней Русской Словесности?...

«А ларчикъ просто открывался.»

Добросовѣстный критикъ мой, конечно, самъ подивится своей неосмотрительности, и сознается, что онъ хлопоталъ изъ ничего, что всѣ его выходки противъ меня здѣсь были напрасны, и что онъ такъ грозно папалъ не болѣе какъ на призракъ своего собственнаго воображенія. Дѣло въ томъ, что онъ, заговорившись сперва о Греціи и Шекспирѣ, съ высоты общей идеи и философскаго воззрѣнія на литературу, не разглядѣлъ хорошо даже заглавнаго листка и предисловія въ моей книгѣ; воображилъ, что сю кончилась уже моя Исторія древней Русской Словесности, и съ такой точки зрѣнія смотрѣлъ на всю книгу. Между тѣмъ на заглавномъ листкѣ ея напечатано: «Исторія древней Русской Словесности. Книга первая.» Изъ этого уже, кажется, ясно, что это сочиненіе не кончено, и что будетъ еще хоть одна книга сего же сочиненія. Въ началѣ предисловія у меня сказано, что моя Исторія древней Русской Словесности раздѣлена на двѣ книги: первая состоитъ изъ предварительныхъ замѣчаній и общихъ изслѣдованій, относящихся къ древнему періоду нашей Словесности, особенно къ языку Русскому; вторая содержитъ въ себѣ частныя изслѣдованія о нашей древней Словесности, по разнымъ ея родамъ. Тутъ уже нельзя, кажется, не понять, что частное и подроб-

ное изслѣдованіе памятниковъ нашей древней Словесности (богослужебныхъ, законодательныхъ, историческихъ и пр.) предоставилъ я для второй книги, а въ изданной мною первой книгѣ третья глава есть только краткая и предварительная переченьъ всѣхъ нашихъ древнихъ писателей и памятниковъ Словесности, необходимая въ этой книгѣ, сколько для хронологическаго обозрѣнія писателей и памятниковъ, столько и для послѣдующихъ главъ, гдѣ, при разсмотрѣніи языка и письменности, приводятся примѣры изъ разныхъ писателей и памятниковъ древняго періода.

Да и какъ могъ критикъ представить себѣ, чтобы я краткою, хронологическою переченью ограничилъ все мое изслѣдованіе о самыхъ памятникахъ древней Словесности, когда объ одномъ языкѣ Русскомъ написалъ я нѣсколько главъ? Послѣ этого объясненія, критикъ, конечно, пойметъ, какимъ показалось мнѣ его добросовѣстное и правдивое увѣреніе, что въ древнемъ періодѣ было бы о чемъ поговорить пространнѣе, и какъ некстати онъ, для доказательства своихъ словъ, распространился о достоинствѣ твореній Св. Кирилла Туровскаго, о которомъ почти каждый слушатель моихъ университетскихъ лекцій въ состояніи дать отчетъ едва ли не болѣе обстоятельный, чѣмъ тотъ, который представленъ моимъ критикомъ. Пусть же этотъ случай послужитъ ему навсегда урокомъ, что книгу, которую собираешься критиковать, надобно сначала прочесть со вниманіемъ всю, не пропуская ничего, ни предисловія, ни примѣчаній, ни даже указанія на опечатки! Досталось мнѣ отъ критика и за то, что я признаю Бояна не мечтою, а Русскимъ пѣвцомъ, жившимъ въ началѣ XII вѣка, и за то, что я признаю поэтическое достоинство Пѣсни о Полку Игоревѣ, и считаю несомнѣнною ея древность. Вотъ что говоритъ онъ:

«За что, скажите, Г. Максимовичъ съ особеннымъ уваженіемъ и высокопочитаніемъ отзывался о Словѣ о Полку Игоревѣ? Надобно же было на чемъ нибудь основать свое уваженіе и доказать его для публики! Пусть бы Г. Максимопробовалъ изложить содержаніе этого Слова, и сдѣлать изъ

него выписки: тогда бы обнаружилось все безобразие этого несчастнаго произведенія!»

Здѣсь опять незнаніе дѣла, извинительное развѣ только по простодушію, съ какимъ оно высказалось! Пусть бы сначала Г. критикъ прочелъ, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, три написанныя мною статьи объ этой Пѣсни (Ж. М. Н. Пр. №№ 4 и 6 1836, и № 1 1837 г.), въ которыхъ я представилъ подробный отчетъ о ея содержаніи, планѣ, духѣ, формѣ, языкѣ и достовѣрности; тогда бы, конечно, онъ не потребовалъ отъ меня того, что уже сдѣлано мною за четыре года, и увидѣлъ бы, по крайней мѣрѣ, что я говорю объ этой Пѣсни на основаніи подробнаго, мною самимъ сдѣланнаго ея анализа. Въ одной изъ тѣхъ трехъ статей объяснилъ я и то, что значитъ упоминаемый два раза въ Пѣсни о Полку Игоревѣ, и столь загадочный для моего критика Дивъ, о которомъ вѣрованіе и нынѣ еще ведется у народа Карпаторусскаго. Но критикъ продолжаетъ свое:

«Что хотите говорите, его (Слово о Полку Игоревѣ) никакъ нельзя принять за дѣйствительный и достовѣрный памятникъ! Одно только трудно придумать, кто могъ рѣшиться на поддѣлку, и написать такую нелѣпицу?» (Стр. 71.)

Послѣ этого ничего уже, кажется, и говорить мнѣ съ Г. критикомъ о древней Русской Словесности, остается только пожалѣть, что въ наше время появилась еще одна критика, въ которой всѣми признанное достоинство древняго Русскаго пѣснопѣнія отрицается съ такимъ неуваженіемъ, и провозглашается нелѣпицею, въ которой опять повторилась пустая фраза, будто языкъ этой Пѣсни представляетъ пеструю смѣсь всѣхъ Славянскихъ нарѣчій! Такія мнѣнія должны бы оставаться во мракѣ, какъ плоды личнаго безвкусія и неразумія.

Кіевъ, 12-го Мая 1840.

О НАРОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.¹⁾

(Письма къ М. П. Погодину).

І.

Замѣчанія твои о бытіи у насъ исторической поэзиі, въ древнее, до татарское время, оправдываютъ прежнія объ этомъ заключенія, и тебѣ нечего опасаться, чтобъ утвержденіе твое показалось парадоксомъ. Есть однакожъ въ твоёмъ утвержденіи такія понятія, на которыя едва ли согласиться можно. И вотъ объ нихъ мое тебѣ слово.

Поборникъ Скандинавства въ нашей исторіи, ты хочешь распространить его и нашу народную поэзію. Потѣшается ли Кіевскій Князь Святославъ Ярославичъ въ терему своемъ пѣснями и музыкою: тебѣ видится въ немъ Норманскій конунгъ; какъ будто только у Норманскихъ властителей и водились пѣсни съ музыкою! Воспѣваются ли у насъ подвиги князей и ихъ дружины: тебѣ кажется, что наши пѣсни подражаніе сагамъ Исландскимъ, и протекли изъ одного съ ними источника, какъ будто одни Скандинавскіе пѣвцы и величали своихъ конунговъ! Не одиѣ саги раздавались въ терему Кіевскихъ князей.— «Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю.» Бывали на Руси и Гудцы съ пѣснями Половецкими. Отъ разныхъ народовъ наслушалась пѣсенъ древняя Русь, и можетъ быть многіе звуки изъ тѣхъ пѣсенъ отзывались въ пѣніи Рускомъ. Одна-

¹⁾ Москвитянинъ 1845, № 3, Стр. 1—7 и № 7—8, стр. 47—57.

источникомъ народной поэзіи Русской было собственное живое чувство: ее „зараждаетъ души глубина!“

Ты говоришь, что у Скандинавовъ перепяты наша Историческая поэзія; а Лирическая развивалась изъ собственныхъ т. е. Славянскихъ началъ. Зачѣмъ такой раздѣлъ? Какъ будто только съ пришествія Варяжскаго настали у насъ былины, отзывавшіяся пѣснями въ нашемъ народѣ! Какъ будто историческое пѣснопѣіе у Славянскаго племени не развивалось изъ собственныхъ началъ жизни! Поэзія Сербскаго народа, столь богатая историческими пѣснями, свидѣтельствуетъ уже, что и наши предки-Славяне, какъ Днѣпровскіе такъ и Ильменскіе, могли имѣть собственную поэзію. Притомъ же, народная поэзія Историческая есть только отрасль Лирической: изъ нея возникаетъ она и образуется, слѣдственно имѣетъ одно съ нею начало, отъ того и самыя древнія историческія пѣсни наши, какъ Велико-русскія такъ и Украинскія, ничѣмъ — кромѣ содержанія своего — не отличаются отъ другихъ пѣсенъ, называемыхъ у тебя Лирическими. Въ самомъ раздѣлѣ твоёмъ нашей народной поэзіи есть, кажется, невѣрность. Отдѣляя историческую отъ Лирической, ты историческую сравниваешь съ Сагою; подъ именемъ который у тебя пѣсня и сказка; между тѣмъ какъ по понятію нашего народа: «сказка складка, а пѣсня былъ.» Такимъ образомъ историческая пѣсня въ особенности отличается отъ сказки, по существу своему. Не всё, что разукрашенное вымысломъ рассказывается въ народѣ о быломъ, заимствовано изъ пѣсенъ. Скорѣе пѣсня о разукрашенномъ событіи можетъ считаться позднѣйшимъ плодомъ преданія сказочнаго, но такая пѣсня не есть уже историческая въ строгомъ смыслѣ: она складка, а не «быль»; здѣсь т. е. на Украинѣ и теперь ходятъ въ народѣ многіе складные рассказы о Кіевской старинѣ: какъ на примѣръ Кіяне выдали Татарамъ своего рыцаря, о силѣ котораго провѣдали Татары, и не знали Кіяне; какъ этотъ рыцарь, взявъ на коньѣ золотыя ворота, проѣхалъ съ ними черезъ Татарскій станъ и поставилъ ихъ въ Царьградѣ; а выѣзжавъ съ ними изъ Кіева, сказалъ: «ой Кіяне, Кіяне, Панове Громада, дурна

ваша рада! Колибъ вы меня не выдавали, пока свѣтитъ солнце, вороги бѣ Кіева не достали!» Но эти рассказы конечно никогда не были пѣснями. Такимъ же образомъ и нѣкоторые изъ приводимыхъ тобою рассказовъ, записанныхъ Несторомъ, не могутъ, я думаю быть приводимы въ свидѣтельство о бытіи Историческихъ пѣсенъ въ древней Руси. Но ты и такія сказанія начинаешь только съ Олега и всю эту такъ называемую у тебя историческую поэзію ведешь изъ Скандинавіи, или покрайней мѣрѣ отъ Скандинавовъ, которые — замѣчу мимоходомъ—могли передавать своей Сагѣ сдѣшнія, наши событія, напримѣръ Олегову смерть отъ коня, безъ сомнѣнія нѣкогда прославленную и въ нашихъ пѣсняхъ. Однако и такая поэзія, частію историческая, частію сказочная безъ сомнѣнія, была и у нашихъ предковъ своя Славянская. Самъ же ты въ своемъ Несторѣ проводишь изъ Шафарика «классическое мѣсто о древнихъ Славянскихъ пѣсняхъ». Тамъ исчислены событія, какія Несторъ по мнѣнію Шафарика взялъ изъ своенародныхъ Славянскихъ сказаній и пѣсенъ; прибавь къ тому и сказаніе о дани вданной Козарамъ Полянами Днѣпровскими. «И сдумавше Поляне, и вдаша отъ дыма мечь. И несоша Казари ко Князю своему и къ старѣйшинамъ, и рѣша имъ: се налѣзохомъ дань нову!—Они же рѣша: откуда? они же рѣша: въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпровскою.—Они же рѣша: что суть вдали? Они же показаша мечь.—Рѣша старци Казарстїи: не добра дань, княже! мы ся доискахомъ оружемъ одиною стороною, рекше саблями; а сихъ оружье обоюду остро рекше мечь!»

Это почти цѣликомъ изъ пѣсни въ честь Славянскаго оружія—меча, которую сложили, конечно, сами Поляне, при первомъ освобожденіи своемъ отъ Козаръ, во время Оскольдово; въ послѣдствіи она получила и ту припѣвку или присказку Христіанскую, съ какою находимъ ее у Нестора. Таковыми припѣвками и въ наше время завершали бандуристы старья думы о подвигахъ казацкихъ.

По вашему понятію о продолженіи скандинавства въ Запорожьи, Запорожскія и вообще Казацкія историческія пѣсни всего болѣе должны бы сходиться съ сагами Исландски-

ми; но онѣ-то менѣе всѣхъ пѣсенъ Русскаго народа похожи на саги. Любимый, господствующій размѣръ украинскихъ пѣсенъ находимъ и въ народныхъ балладахъ шотландскихъ: не уже ли же сказать, что онѣ перенять оттуда, какъ лирическій размѣръ Ломоносовскихъ одъ у Гюнтера? Не только въ общихъ условіяхъ сходятся иногда пѣсни разныхъ народовъ; но иногда повторяются въ нихъ сами собою, не заимствованно самыя частныя черты. Сколько бы ни находилось сходнаго у русской народной поэзіи со скандинавскою или еще болѣе съ Греческою; но она своеобразна и своеобразна. Прежде всего и всего болѣе она должна быть соображаема не съ Исландскими сагами, а съ пѣснями западно-славянскими, съ которыми она составляетъ одну родную семью: съ ними у нея одинъ общій источникъ—живое чувство Славянина.

Вотъ почему для объясненія пѣсни Игоря, прежде всего ее надо было сравнить съ народными русскими пѣснями, особенно съ южно-русскими, а потомъ съ пѣснями нашей западной братіи. Между тѣмъ, отъ перваго извѣстія въ *Spéc-tateur du Nord* до Грамматина включительно, ее сравнивали преимущественно съ Оссіаномъ; а ты жалуешь ее теперь въ Саги! Это не совсѣмъ справедливо еще и потому, что пѣснь Игорю не была пѣснопѣиємъ изустнымъ, сложеннымъ для пѣнья, какъ наши народные великорусскіе стихи, думы украинскихъ бандуристовъ и саги Исландскія. Пѣвецъ Игоря не былъ гусяромъ, подобно Бояну, коего вѣщіе персты падали на живыя струны, какъ 10 соколовъ на стадо лебедей. Пѣснь Игорю не импровизована и не пропѣта, а сочинена и написана, какъ пѣснь о Калашниковѣ Лермонтова или русскія пѣсни Мерзлякова и Дельвига. Разница та, что новѣйшіе поэты пробовали придавать искусственной письменной поэзіи характеръ поэзіи народной, и на ея ладъ настраивали иногда свою лиру; а пѣвецъ Игоря возводитъ народную изустную поэзію на степенъ образованія письменнаго, на степенъ искусства. Онъ поэтъ родившійся въ вѣкъ изустной поэзіи, полный пѣснями и вѣрованіями своего народа, но онъ вмѣстѣ и поэтъ грамотный, причастный высшимъ понятіямъ своего времени; онъ поэтъ-писатель. Его

пѣсня полна еще всею искренностію и красотою народной поэзіи, но она есть уже сочиненіе написанное—въ этомъ и состоитъ ея значительность въ развитіи народной Русской поэзіи. Почему пѣвецъ Игоря избралъ такой же громкій походъ и воспѣлъ его такъ живо? Конечно потому, что онъ былъ не только современникъ своего героя; но вѣроятно принадлежалъ къ его дружинѣ и участвовалъ въ его ополченіи; къ такому заключенію приводитъ все въ его пѣсни: и его любовь къ Игорю, и яркая обрисовка современныхъ князей особенно величаніе отца Ярославина и живая скорбь объ упадающей Руси, выражающаяся то воспоминаніями о прежнихъ князьяхъ русской силы и славы, то укоризнами князьямъ междоусобствующимъ, наконецъ нѣкоторыя обмолвки и такія подробности, какъ напримѣръ: с е р е б р я н ы е берега Донца, или оборотъ: «что ми шумить, что ми звенить давеча рано передъ зарями!» Пѣснь Игорю могла выйти только изъ подъ пера современника, личностью своею близкаго къ своему герою. Всѣ сомнѣнія о ея подлинной древности напрасны, и тебѣ не много уже оставалось досказать объ этомъ послѣ Руссова и Сахарова, который все изслѣдованіе свое объ этой пѣсни посвятилъ не ей, а разсмотрѣнію того, что объ ней писано приверженцами и противниками. Меня одно удивило, отъ чего въ Шафариковомъ народописаніи, переведенномъ Бодянскимъ—пѣснь Игорю отнесена къ концу XIV вѣка? Не опечатка ли это, которую повторяетъ и Дубенскій? Покрайней мѣрѣ въ Чешскомъ подлинникѣ (2-го изданія на стр. 18) написано: «въ концѣ XII столѣтія». Впрочемъ еслибы это было и чье нибудь мнѣніе, то оно не болѣе, какъ опечатка въ Литературной критикѣ.

Называй, если угодно сагами наши народные стихи историческіе и богатырскіе: эти пѣснопѣнія точно явились не писанные, поются въ народѣ нѣсколько вѣковъ, передаваясь изустно, какъ живое преданіе по старой памяти. Но пѣснь Игорю не имѣла, кажется, этой прекрасной доли въ своемъ народѣ; наши предки знали ее не по памяти, а по грамотѣ, какъ и мы, ихъ потомки.

Въ художественномъ отношеніи, пѣснь Игорю представляетъ цѣлое стройное созданіе, и я не могу согласиться съ тобою считать ее отрывкомъ большой Саги о вѣсѣхъ Русскихъ произшествіяхъ, изъ которой выключено начало. Такую мысль внушаютъ тебѣ слова въ началѣ пѣсни: «отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря;» между тѣмъ какъ ты не нашелъ ни слова о Владимірѣ и его предшественникахъ. «О предшественникахъ,» т. е. объ Рюрикѣ, вѣщемъ Олегѣ, Игорѣ, конечно нѣтъ ни слова, потому что и не предполагено. Но въ пѣсни Игорю вся 6-я глава (по моему дѣленію) посвящена воспоминанію о прежнихъ Князьяхъ. Тамъ упомянуты и Ярославъ и Мономахъ, и Олегъ, ковавшій крामолу мечемъ, и Борисъ Вячеславичъ, положенный славою на зеленомъ коврѣ земли... Послѣ воззванія къ современнымъ Князьямъ вступить за землю Русскую, за раны Игоревы, пѣвецъ опять предается воспоминаніямъ. Въ 11-й главѣ находимъ поэтическую поминку по Васильковомъ сынѣ; находимъ пѣсни о Всеславѣ Полоцкомъ; а затѣмъ—изъ глубины душевной вырвавшееся слово о Владимірѣ «стонати Русской земли, помянувшѣ пѣрвую годину пѣрвыхъ князей! Того стараго Владиміра нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ. Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии Давидовы.....»

Какого же еще, ужели большаго, слова о Владимірѣ захотѣлъ ты отъ пѣсни Игорю?... но оно было бы въ ущербъ цѣлой пѣсни, въ которой все почти обозначается быстро и сжато, иногда одною чертою.

И такъ пѣснь Игорю, хотя и принадлежитъ къ народной Русской поэзіи, но будучи созданіемъ письменнымъ, не можетъ быть названа сагою. Пѣвецъ Игоря вмѣстѣ съ Даниломъ Заточникомъ и Владиміромъ Мономахомъ опровергаетъ твое мнѣніе, будто въ древней, до Татарской Руси «кромѣ духовенства писать было некому.» Вспомни я объ удаломъ Буслевѣ, которому и письмо и грамота въ науки пошли!

Едва ли и то правда, что въ среднія времена (послѣ нашествія Татарскаго) некому было сочинять народныхъ

богатырскихъ стиховъ, въ которыхъ воспоминаются времена Владиміровы. Было же кому слагать пѣсни о Михаилѣ Черниговскомъ и Александрѣ Невскомъ; о Симеонѣ Гордомъ или о Щелканѣ Дудентьевичѣ (1327). Къ тому же или къ послѣдующему поколѣнію пѣвцевъ, я думаю, принадлежатъ не только такіе стихи, какъ на примѣръ о Борисѣ и Глѣбѣ, но и богатырскіе. Они весьма могли быть сложены вновь, по древнимъ сказаніямъ. Дѣйствительныя событія и лица являются въ нихъ уже сказочными; все древнее сводится въ одинъ вѣкъ Владиміровъ; самый складъ ихъ и языкъ показываютъ, что они сложены не на Югѣ Русскомъ и не какъ пѣснь туземныхъ современниковъ; а на Русскомъ Сѣверѣ, какъ воспоминаніе потомкомъ. Было время, что и дѣла давно минувшихъ лѣтъ, преданье старины глубокой воодушевляли народныхъ пѣвцевъ, нашихъ также, какъ и былина современная, которая внушала имъ пѣсни историческія.

Кіевъ 1845 Февр. 20.

II.

Что ни говори, любезный другъ, а Скандинавской Саги не можно признать родоначальницею нашей Исторической Поэзіи. Конечно, тебѣ жаль отказаться отъ этой мысли, взлелѣянной твоею любимою мечтою о Скандинавствѣ Руси. «Дитя мое, мысль моя: кто тебя создалъ, не я ли?»... Но ты вѣрно не откажешься пожертвовать ею ради истины и той пользы науки, которою ты приворачиваешь къ себѣ другихъ. Тебѣ кажется, что я не понялъ твоей мысли объ отношеніи Скандинавскихъ Сагъ къ нашимъ пѣснямъ, и ты поясняешь ее притчею о Пушкинѣ.... Впрочемъ и безъ того твоя мысль не «темна вода во облацѣхъ»; и я, во избѣжаніе новаго недоразумѣнія, доставляю тебѣ удовольствіе полюбоваться ею и въ моемъ письмѣ. Вотъ она, почти вся выраженная твоими же словами: читай!—

До прихода Нормановъ, наши восточные Славяне не пускались ни на какіе удалые подвиги; потому и не возникла у нихъ своя Историческая Поэзія. Наша Историческая жизнь началась съ приходомъ Нормановъ изъ Скандинавіи потому и наша Историческая Поэзія началась съ того же времени, началась Сагами, пропѣтыми передъ Рюрикомъ и Олегомъ; такимъ образомъ она ведетъ свое происхожденіе отъ Саги Исландской; между тѣмъ какъ наша Лирическая поэзія развилась изъ собственныхъ т. е. Славянскихъ началъ.

Таково было рожденіе; а вотъ развитіе: Наши Норманскіе Конунги или Князья продолжали быть чистыми Норманами до внуковъ Ярославовыхъ; но это поколѣніе уже вполнѣ ославянилось, и Норманъ сдѣлался Малороссіяниномъ.... Подобно тому измѣнилась у насъ и Сага Исландская: въ продолженіе времени она приняла у насъ другой, свой т. е. нашъ характеръ, и переродилась въ Русскую Историческую пѣсню.»

Не соглашаюсь на такое производство нашей Поэзіи, я въ прежнемъ письмѣ припомнилъ тебѣ слова Шафариковы, на которыя ты самъ въ своемъ Несторѣ, на стран. 105, ссылался какъ на классическое мѣсто. Ты говоришь, что я напрасно указываю тебѣ на эти слова. И я скажу, что напрасно; если ты отвращаешь отъ нихъ свое вниманіе. Но если взглядишься въ нихъ опять, то увидишь, что этими словами ты самъ заготовилъ опроверженіе своему мнѣнію о Сагѣ.... Этими словами Шафарика ты говорилъ намъ, что Преподобный Несторъ извѣстія: о построеніи Кіева, о походѣ Полянскаго Князя Кія въ Царьгородъ, о прибытіи Радима и Вятка въ среднюю Русь отъ Ляховъ—заимствовалъ въ свою лѣтопись изъ нашей Народно-Славянской-Поэзіи! Слѣдственно: и до призванія Рюрика были у насъ подвиги и событія, которые воспѣвались и рассказывались въ нашихъ пѣсняхъ и повѣстьяхъ; слѣдственно: наша историческая поэзія существовала еще до прихода Рюрика, и возникла наравнѣ съ Лирическою изъ собственныхъ, Славянскихъ началъ жизни. Отъ Скандинавской Саги тогда она въ из-

вѣстное время кое что перенять, также какъ и отъ пѣсенъ другихъ народовъ, прикосновенныхъ къ древнѣйшей и древней Руси. Это совсѣмъ не то, что Сага приняла у насъ другой-свой-характеръ, и обратилась въ Русскую пѣсню. Такъ можно бы сказать, на примѣръ, о языкѣ Церковнославянскомъ, которымъ начался и изъ котораго развился письменный языкъ Христіанской Руси. Но Исландская Сага никогда не была исходнымъ родникомъ нашей Исторической Поэзіи, до нея и безъ нея бывшей: она только впала въ нее, и утонула въ ней, какъ Росъ и другія рѣки, отъ востока и запада притекая къ Словутѣ-Днѣпру, ¹⁾ тонуть въ немъ; у него, независимо отъ нихъ, свой собственный, отдаленный исходъ.—Ты конечно и теперь согласенъ съ классическимъ мѣстомъ Шафарика о нашихъ древне-Славянскихъ пѣсняхъ; а потому ты конечно отречешься отъ несогласнаго съ нимъ понятія о происхожденіи нашихъ историческихъ пѣсенъ отъ Саги. На такой случай я повторяю слова Шафарика, изъ его предисловія къ Старожитностямъ Славянскимъ: «*Budiž i Tobe djka, rozmily Michale Petroviči Pogodine!*» Предоставляю—говоришь ты—вамъ, филологамъ и словесникамъ, раздѣлять поэзію какъ угодно! Предоставляешь, а между тѣмъ раздѣлилъ уже самъ и по родамъ, давъ исторической одно, а лирической другое происхожденіе, и по періодамъ—сказавъ, что у насъ не было періода поэзіи письменной, а потому-де не было ни пѣснопѣній о прошедшихъ событіяхъ, ни пѣснопѣній письменныхъ въ древнее время.

Можетъ быть и не было у насъ періода письменной поэзіи; но пѣснопѣнія письменныя были!

«Если бы въ древнее время, говоришь ты,—писали у насъ слова, то они должны бы дойти до насъ.» Ну что же?

¹⁾ *Славутою* прозывали свой Днѣпръ козаки.—Это названіе велось въ южной Руси съ древнихъ временъ, какъ видно изъ Пѣсни Игорю, гдѣ названъ онъ уменьшительно—*славутицею*.

Пѣснь Игорю и дошла. Быть можетъ найдутся и другія, какъ недавно отыскались слова Серапіона XIII вѣка, и Иларіона XI вѣка, которыми, можно сказать, подарила нашу словесность Московская Духовная Академія. Но быть можетъ и вовсе не найдутся, какъ нѣтъ доселѣ ничего изъ многаго писанія Митрополита Клима Смолятича. Если не осталось ничего отъ многихъ писаній такого философа и книжника, какового до него и не было въ Руси—по выраженію лѣтописи; то не удивительно, если мірскія пѣсни не дошли къ намъ. Пѣснь Игорю ясно свидѣтельствуетъ, что у насъ были письменныя пѣснопѣнія въ древній періодъ Русской жизни. Положимъ даже, что только одинъ пѣвецъ Игоря былъ тогда поэтъ-писатель ¹⁾; все же онъ былъ! А что онъ былъ не гусярь, а писатель, того не стану доказывать теперь, потому только, что ты готовъ изъ этого сдѣлать цѣлый, особый періодъ! Впрочемъ одинъ-ли пѣвецъ Игоря, или нѣсколько было пѣвцовъ-писателей въ древнее время, по моему не для чего изъ нихъ составлять особаго періода, и нечего затрудняться вопросомъ: «куда вставить этотъ періодъ?» Всего лучше оставить на своемъ мѣстѣ: гдѣ сосна выросла, тамъ и красна!—Въ исторіи древней Русской Словесности (на стр. 92), я сказалъ, что въ нашей письменной словесности отъ кончины Мономаха до нашествія татарскаго «господствуетъ тоже поучительное и повѣствовательное направленіе (какъ и передъ тѣмъ); но поученіе христіанское достигло до истиннаго, роскошнаго витійства—въ словахъ Кирилла Туровскаго; а пѣснотворческое повѣствованіе завершилось цѣлою стройною пѣснію о Полку Игоревѣ въ которой народная (изустная) поэзія является въ образованіи письменномъ.» Далѣе (стр., 95) замѣчено у меня, что «письменное образованіе древней Русской Словесности не

1) Что пѣвецъ Игоря былъ грамотный писатель,—это мысль новая; ибо наши Скептики называли его—начетчикомъ старинныхъ лѣтописей, жившимъ въ исходѣ или XIV или XV или даже XIV вѣка! но я, признавая его современникомъ Игоря, слѣдственно относя къ исходу XII вѣка, отстраняю всякое сомнѣніе въ его древности.

остановило собою прежняго изустнаго ея развитія въ народѣ. Собственно-народная или изустная Словесность шла у насъ объ руку со Словесностью образованною или письменною».

Такъ и было во все продолженіе втораго, средневѣковаго ¹⁾ періода,—кончающагося началомъ XVIII вѣка (или-если угодно-появленіемъ Ломоносова). Этотъ періодъ особенно богатъ развитіемъ народно-изустной поэзіи и въ Сѣверной, и въ Южной Руси: хотя въ той и другой не бѣденъ онъ и произведеніями Словесности письменной: только его письменная поэзія менѣе значительна для насъ, чѣмъ изустная. —

Новый третій періодъ, ознаменованный стремленіемъ къ Европейству, можетъ назваться по преимуществу періодомъ письменной, искусственной поэзіи. Въ продолженіе этого періода, съ распространеніемъ и усиленіемъ письменной поэзіи упало постепенно развитіе поэзіи народно-изустной, и до того наконецъ оскудѣло, что даже эпоха 1812 года не вызвала изъ нея почти ничего примѣчательнаго. —

За то скоро настала пора, когда у нашей письменной, искусственной поэзіи развилось сочувствіе къ народно-поэтической красотѣ, и она сознательно обратилась къ прежней, своенародной поэзіи изустной. —

Въ концѣ древняго дотатарскаго періода пѣснь Игорю явилась какъ первый образецъ письменной народно-Русской Исторической поэмы. Въ слѣдующее время Историческая Поэзія наша продолжалась преимущественно въ изустныхъ пѣснопѣніяхъ; хотя слагателями народныхъ

¹⁾ Ты припомнишь что я вмѣсто одного періода,—до Петра Великаго (какъ принялъ Грець въ своей Исторіи Литературы, въ чемъ слѣдуютъ ему многіе) принимаю два: первый—*древній*, дотатарскій; второй—*средневѣковой* допетровской.

пѣсенъ бывали и грамотные пѣвцы, чему примѣръ не одинъ — казакъ Климовскій.—

Въ наше время, Русская Поэзія, при переходѣ къ своенародности и самобытности, явилась вновь Историческою поэмою въ Полтавѣ Пушкина, въ которой такъ много мотивовъ чисто-Русскихъ, совершенно народныхъ; хотя и безъ исключительнаго колорита народно-изустной Русской поэзіи, какимъ отличаются, на примѣръ, сказки Пушкина и Луганскаго.

Эти сказки и прочая были уже намѣренныя и также подражательныя опыты—въ народномъ вкусѣ. Въ литературѣ нашей они были не новость; но они въ Исторіи нашей поэзіи важны потому, что были вѣрнымъ и благовременнымъ указаніемъ на своенародный складъ и колоритъ, которыми должно было освѣжиться господствовавшее изветшалое письменное выраженіе.

Пріятно мнѣ вспомнить, что о Полтавѣ Пушкина я первый (1829) въ Атенеѣ писалъ, какъ о Поэмѣ народной и Исторической. Незабвенно мнѣ, какъ Мерзляковъ журилъ меня за мою статью, и какъ благодарилъ потомъ Пушкинъ, возвратясь изъ своего Закавказскаго странствія, гдѣ набирался онъ впечатлѣній войны подъ руководствомъ своего друга Н. Раевского.—Тогда же, узнавъ отъ Пушкина, что онъ написалъ Полтаву, не читавши еще Конискаго, я познакомилъ его съ нашимъ Малороссійскимъ Историкомъ и подарилъ ему случившійся у меня списокъ Исторіи Руссова, объ которой онъ написалъ потомъ прекрасныя страницы. Кстати: въ собраніи сочиненій Пушкина помѣщена его полемическая статья о Полтавѣ, кажется по черпепому списку. Переписывая на бѣло, Пушкинъ сдѣлалъ въ ней нѣкоторыя поправки, съ какими и напечатана она въ моей Денницѣ; автографъ сохранился у меня.

Но отъ этой еще не сѣдой старины, обращаюсь опять къ древнѣйшей.

Предъустановленнымъ періодомъ, ты заграждаешь для нашей изустной поэзіи врата къ событіямъ прошедшимъ, и ограничиваешь ее одними современными. «О прошедшихъ — говоришь ты—только старыя пѣсни подновлялись, распространялись, смѣшивались....»

Хорошъ ключъ, да не ко всякому замку. Такими измѣненіями дѣйствительно разнообразились пѣсни въ устахъ народа. Бывало и то, что прежняя пѣсня, или часть ея, примѣнялась къ новому событію и передѣлывалась. Такъ пѣсня на смерть Грознаго передѣлана въ пѣсню на смерть Петра Великаго. Такъ начальный оборотъ пѣсни на Желтоводскую побѣду, внушенный именемъ Хмельницкаго ¹⁾, повторился и въ пѣснѣ на битву Полтавскую, и въ пѣснѣ объ Нечаѣ. Такимъ же образомъ и богатырскіе стихи, и думы Украинскихъ бандуристовъ существуютъ во многихъ вариантахъ, нерѣдко съ повтореніемъ одного и тогоже. Но такимъ путемъ древнія историческія пѣсни времянь Владимировыхъ никогда не могли принять видъ тѣхъ богатырскихъ стиховъ, въ которыхъ воспоминается и воспѣвается вѣкъ Владимира и его богатыри. Еще бы въ двухъ, въ трехъ пѣсняхъ можно предположить, что первоначальное историческое содержаніе ихъ мало по малу передѣлалось въ сказочное; но допустить это въ цѣломъ родѣ пѣсенъ невозможно; и богатырскіе стихи, по моему мнѣнію, слѣдуетъ признать сложенными вновь, по старымъ сказкамъ ²⁾ и спустя много времени послѣ событій, въ нихъ воспѣваемыхъ. Многія изъ нихъ потому развѣ не сказки, что поются, и весьма могутъ назваться поющими сказками. Нѣкоторыя изъ нихъ съ такимъ единствомъ отъ начала до конца, такіе цѣльные, что какъ будто выпѣты сразу, покрайней мѣрѣ — сложены

¹⁾ Чи не той-то хмѣль хмѣль, що коло тычинъ вѣтся;
Гей той-то Хмельницкій, що зъ Ляхами бѣтся!—»

²⁾ Такъ полагають и Бадайдовичъ, но съ неяснымъ понятіемъ: то приписывая ихъ сочиненію Каршѣ Данилову, то говоря, что онъ не первый сложилъ ихъ, а онъ передѣлавъ, и прочая.

однимъ пѣвцомъ; и конечно сложены по старой сказкѣ, а не передѣлались мало по мали изъ старой пѣсни исторической. Положимъ, что основаніемъ такихъ сказокъ были и древнія историческія пѣсни, все же пѣсня не историческая, основанная уже на сказкѣ, будетъ новая пѣсня— о прошедшемъ; я не привожу частныхъ указаній изъ пѣсенъ о вѣкѣ Владиміровомъ; ибо это вовлекло бы меня въ неумѣстныя подробности. Въ добавокъ къ сказанному въ этомъ и въ прежнемъ письмѣ,—я укажу на пѣсню о событіи изъ вѣка Грознаго—о борьбѣ Мاستрюка Темрюковича съ братьями Борисовичами, Она начинается такъ:

«Въ годы прежнія, времена первоначальныя,
При бывшемъ вольномъ Царѣ, при Иванѣ Васильевичѣ,
Когда холостъ былъ Государь Царь Иванъ Васильевичъ,
Поизволилъ онъ жениться...»

Кажется, что эта пѣсня не о современномъ ей событіи, и что слагатель ея намѣренъ былъ пѣть о бывшемъ въ годы прежнія!—

Такъ какъ ты считаешь пѣсню Игорю не писаннымъ, а изустнымъ пѣснопѣніемъ; то для тебя и она можетъ идти въ дѣло. Въ ней (эпизодъ ли она, или особое пѣснопѣніе— все равно)—воспѣвается и прошедшее:

«Были вѣка Трояновы, минули лѣта Ярославовы...» или: «На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ, бросилъ жребій Всеславъ о дѣвицѣ ему милой...» или, при описаніи Донца, воспоминаніе о юношѣ-Князѣ Ростиславѣ, которому Днѣпръ затворилъ свои темные берега и котораго потопила въ себѣ недобрая рѣка Стугна.

Наконецъ, если рѣчь будетъ только о томъ, что наша изустно-народная Поэзія воспѣвала не одни современные событія, но и прошедшія; то я укажу еще на Стихи духовныя (или набожныя), кои поются преимущественно слѣпцами (называемыми на сѣверѣ—ханжами, шнынями; лздѣсь—старцами, лирниками). Большая часть этихъ пѣснопѣній безъ сомнѣнія сложена неграмотными пѣвцами и имѣ-

еть весь характер народно-изустной Поэзии. (Я не включаю сюда такъ называемыхъ псалмовъ, которыя хотя также поются слѣпцами, особенно Лирниками, но сложенія большею частію грамотнаго). Въ какомъ бы вѣкѣ ни были сложены эти духовные стихи, но въ нихъ воспѣваются: Лазарь убогій, Алексѣй человекъ Божій, Ѳеодоръ Тириновъ т. е. Тиронъ), Іосифъ Царевичъ и т. д., точно также, какъ и наши Святые Князья—Борисъ и Глѣбъ, Михаилъ Черниговскій, Михаилъ Тверскій, Александръ Невскій.—Послѣ этого, ужели ты не согласишься со мною, что наша народная поэзія воспѣвала не только современныя событія домашней и Государственной жизни; но и прошедшія событія, свое-народныя и Христіанскія вообще?—Неужели не скажешь вмѣстѣ со мною, что нашъ Рускій людъ способенъ былъ воодушевляться не только современнымъ и подручнымъ бытіемъ но и минувшимъ дѣяніемъ, и предметами отвлеченными?... А если возьмемъ во вниманіе, что у народа нашего слагались тысячи пѣсенъ, инья въ нѣсколько сотъ стиховъ,— что онѣ принимались съ живѣйшимъ сочувствіемъ и живутъ цѣлыя вѣка въ памяти народной, вмѣстѣ съ напѣвами, передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію; то увидимъ ясно: какъ много было поэтическихъ состояній въ душевной жизни народа Русскаго; какъ сильно и полно его чувство, обнимавшее весь кругъ жизни, воодушевлявшееся предметами разнообразными, и выражавшее себя съ такимъ изяществомъ.... по объ этомъ когда нибудь, ну, хоть тогда, напримѣръ, когда П. Кирѣевскій издастъ богатое свое собраніе пѣсенъ, и я изученіемъ онаго пополню мои познанія о Великорусской поэзіи. Теперь я предложу тебѣ только слѣдующій положенія, какъ выводъ изъ моего къ тебѣ писанія:—

1) Скандинавская Сага не была раднаначальницею нашей Исторической Поэзіи и не оставила въ ней примѣтнаго слѣда.

2) Историческая Поэзія у насъ была до пришествія Варяговъ, и начало у нея одно съ нашею Лирическою Поэзіею, собственная жизнь народа и живое Славяно-русское чувство.

3) Письменная Поэзія была у насъ и въ древнее, и въ среднее время.

4) Изустная Поэзія Русская воспѣвала не только современныя, но и прошедшія событія.—

Въ концѣ своего отвѣта, ты желаешь искренно, что бы я для пользы науки и истины—согласился съ тобою въ Скандинавствѣ Руси.

Душою бы радъ, да не могу. Первое—потому, что Скандинавское происхожденіе Руссовъ я считаю не истинною, а выдумкою Нѣмецкой учености, посаженной за почетный столъ. Второе—потому, что не вижу никакой пользы наукѣ, прямо и непосредственно пристающей изъ этой гипотезы; а между тѣмъ вижу не мало порожденныхъ ею отъявленныхъ парадоксовъ. Довольно указать на Копенгагенскую статью Сабинина «о происхожденіи слова Бояринъ», гдѣ не только половина Русскихъ словъ и вся наша Славянская азбука производятся изъ языка и рунъ Скандинавскихъ; но и основаніе всего нашего древняго быта полагается перешедшимъ изъ Скандинавіи! А сколько плевеловъ на полѣ Исторіи нашей посеяно вашимъ Отцемъ-Шлецеромъ,—о которомъ наконецъ (въ отвѣтъ Кирѣевскому)—ты изронилъ злато слово слезами смѣшано, сказавши: «положенія Шлецеры почти всѣ или уничтожены, или измѣнены, или уменьшены, или дополнены: да почтеть въ мірѣ прахъ его!» По твоему, теперь осталась только его метода благодѣтельная для Исторіи. А по моему, такъ и метода его гнусна; и за нее въ особенности, я называлъ Шлецера не отцемъ, а лихимъ вотчимомъ нашей исторической критики.—Впрочемъ Исторія всѣхъ наукъ показываетъ ясно, что польза науки можетъ быть отъ самыхъ несходныхъ между собою ученій, при весьма различныхъ образахъ мыслей. Чего ужъ противоположеніе, какъ мнѣніи о Руси Шлецерово и Эверсово? Однако ты самъ нѣкогда преклонялся съ восторгомъ передъ образиною Шлецера (помню твое восхищеніе, когда Московскій Шлецеръ уступилъ тебѣ портретъ своего безсмертнаго отца и его Nestor съ собственноручными приписками)! и въ тоже время ты пере-

водилъ, издавалъ Эверса и Неймана, и такимъ образомъ— конечно, для пользы науки—самъ же ты распространялъ на Руси мнѣніе о Руси, совершенно противоположное твоему. Но теперь.... для пользы науки.... ты хочешь уже, чтобы непремѣнно соглашались съ твоимъ мнѣніемъ о Руси—какъ будто только въ немъ и спасеніе истины; и мнѣніе несогласное съ твоимъ ты называешь уже предубѣжденіемъ; а несходное съ твоимъ изъясненіе Нестора—превратнымъ толкомъ!... Гдѣ же терпимость и смиреніе, которыми— по твоимъ словамъ—украшается наша Исторія, даже и въ язычествѣ Славянскомъ? Или напоръ Скандинавства совращаетъ эти добродѣтели и въ наукѣ?... Такъ-то благодѣтельна Шлецеровская метода въ Исторіи!.

Тебѣ, говоришь ты, очень жаль, что я до сихъ поръ остаюсь при своемъ антинорманскомъ предразсудкѣ. О чемъ жалѣть!.. А если припомнишь мою Рѣчь о Кіевѣ, или прочтешь двѣ первыя главы моей Исторіи Русской Словесности, то увидишь, что во мнѣ нетолько нѣтъ антинорманскаго предразсудка; да и быть не можетъ: ибо я слѣдую Ломоносовскому понятію о Норманахъ и во всемъ, что относится къ древней Руси, строго держусь Несторовой Лѣтописи. Да вѣдь и ты, въ своей Исторіи, не говорилъ ли, что Варягами или Норманами назывались прибалтійскіе воители разныхъ племенъ, и Скандинавскіе Нѣмцы, и поморскіе Славяне! Такимъ образомъ Руссы, будучи Варягами или Норманами, могли быть Славянами и не быть Скандинавскими Нѣмцами. И если у Нестора или въ сказаніяхъ иноземныхъ говорится только, что Руссы были Норманами; то изъ этого слѣдуетъ заключить, что Руссы были народъ Сѣверный, Прибалтійскій — и не болѣе; а какого именно они были племени, то особь-статья, требующая иныхъ свидѣтельствъ и доказательствъ. Но у тебя понятіе о Руссахъ такъ уже слилось съ понятіемъ о Скандинавствѣ, что и самое Норманство ты принимаешь за синонимъ Скандинавства, и такимъ образомъ родовое понятіе смѣшиваешь съ видовымъ. Попробуй сбросить эту Скандинавскую Луду съ глазъ; приневоль себя отдѣлить родовое понятіе о Норманствѣ отъ видава-

го понятія о Скандинавствѣ: и тогда ясно увидишь, что можно слѣдовать Нестору и признавать Руссовъ Норманами или Варягами, отрицая въ тоже время Скандинаво Нѣмецкое ихъ происхожденіе и признавая ихъ Поморскими—Славянами, какъ полагалъ Ломоносовъ, какъ думали задолго до него у насъ въ Южной и Сѣверной Руси. Это старинное Русское мнѣніе нашель я правдоподобнѣйшимъ, потому я послѣдовалъ ему и остаюсь при немъ. Ты, отъ юношескихъ лѣтъ, увѣровалъ какъ въ истину въ Байеровскую гипотезу, и будешь вѣренъ ей до конца; и я вовсе не хочу, чтобы ты былъ отступникомъ отъ нея. Меня радуеть твое постоянство во мнѣнїи; я желалъ бы только, чтобы, прилагая свою гипотезу къ подробностямъ древней Русской жизни, ты остерегся отъ невѣрнаго наведенія оной на нашу словесность, на которой ваше Скандинавство потерпѣло уже довольно рѣзвы. — О происхожденїи Руссовъ я и не заговорилъ бы теперь, еслибъ ты не началъ опять это толченіе воды, которое довольно долго производили вы въ Скандинавской ступѣ; а благочестивый Маякъ съ усердіемъ продолжаетъ въ толчѣ Славянской... Богъ въ помощь! Для меня-же вопросъ о происхожденїи Руссовъ—второстепенный. Рѣшенїемъ его занимался я мимоходомъ, когда оно понадобилось мнѣ, при занятїи Исторїей Русскаго языка; это было лѣтъ за восемь. . Тогда я охотно позволялъ перу моему писать и такія строки:

«Хвала, Шафарикъ дорогой!
 Нашъ старый Свѣтъ уже свѣтлѣеть:
 Съ твоей Славянской старинѣй
 Нашъ Славянинъ помолодѣеть;
 Лишь объ одномъ я потужилъ,
 Что по примѣру иноземцевъ,
 И ты намъ въ Руссовъ нарядилъ—
 Все тѣхъ же Скандинавскихъ Нѣмцовъ!»—

Но теперь вопросъ о происхожденїи Руссовъ занимаетъ меня не болѣе, какъ и физиологическій вопросъ de generatione aequivoca, наводившій на меня когда то безсонныя ночи... То старина, то и дѣянье:—Прощай! твой и проч. .

ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ ¹⁾

(Изъ лекцій о Русской Словесности, читанныхъ 1835 года въ Университетъ Св. Владимира.)

І.

Пѣснь о Полку Игоревѣ есть драгоценный памятникъ Русской Поэзіи въ концѣ XII вѣка ²⁾. Въ Исторіи Словесности нашей должно обращать особенное вниманіе на сію Пѣснь: ибо, кромѣ общей литературной важности, ея раздѣляемой наравнѣ съ прочими нашими древними произведеніями, она важна, какъ единственный до насъ дошедшій письменный памятникъ самородной Древней Русской Поэзіи, блестящій яркими красотами поэтическими, и вмѣстѣ съ тѣмъ полный истинною историческою. Это первообразъ самобытной Русской Эпической Поэзіи, и въ духѣ, и въ формахъ.

Кромѣ того, для Исторіи Словесности нашей она важна какъ единственный источникъ, въ которомъ сохранилось извѣстіе о славномъ, вѣщемъ Боянѣ, нѣсколько его выражений, и указаніе на нѣкоторыхъ Русскихъ Князей, въ честь коимъ воспѣты были у насъ пѣсни, можетъ быть симъ же пѣснотворцемъ стараго времени. Но пѣвецъ Игоря, сохранилъ для насъ славное имя Бояна (которое од-

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пров. 1836, Т. X, № 4, стр. 1—22, Т. X, № 6, с. 439—470; 1837, Т. XIII, № 1, с. 29—58. Былъ и отдѣльн. оттискъ, Спб. 1837. 8, с. 84. А. Е.

²⁾ Можетъ быть, она сочинена и въ 1202 году, какъ полагаетъ Г. Грамматинъ; но та ая малость не дѣлаетъ разницы въ числѣ вѣка.

но только и извѣстно намъ), самъ остался безыменнымъ, подобно пѣвцамъ народной нашей Поэзіи.

Наконецъ Пѣснь Игорю, какъ вѣрное выраженіе своего времени, важна для самой Исторіи Древней Руси и своимъ современнымъ взглядомъ на порядокъ вещей, на разныя событія и лица, и даже нѣкоторыми подробностями, кромѣ ея нигдѣ не сохранившимися.

Прежде чѣмъ станемъ разсматривать самую Пѣснь, я изложу исторію ея извѣстности въ Литературѣ нашей и назову Писателей, посвящавшихъ ей труды свои.

Въ первый разъ она вышла въ свѣтъ въ Москвѣ, 1800 года. Ее издалъ извѣстный графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ подъ названіемъ Ироическая Пѣснь, съ переводомъ, въ которомъ принимали участіе А. Ф. Малиновскій и Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Пѣснь сія отыскана 1795 года, въ старинномъ сборникѣ, гдѣ послѣ Книги глаголемой Гра на графъ (т. е. Хронографъ), списаны были еще 7 статей, въ томъ числѣ подѣ № 5 и Слово о плѣку Игоревѣ, Игоря Святъславля, внука Ольгова. Сей сборникъ, писанный въ листъ на лощенной бумагѣ, Графъ Мусинъ-Пушкинъ пріобрѣлъ у Ярославскаго Архимандрита Іоила, для своей богатой Русскими древностями Библіотеки, которая къ сожалѣнію сгорѣла въ 1812 году на Московскомъ пожарѣ, а съ нею погибъ и сборникъ, вмѣщавшій въ себѣ единственный списокъ Пѣсни Игорю.

Сія рукопись, по свидѣтельству извѣстнаго знатока сего дѣла А. И. Ермолаева, была писана полууставомъ XV вѣка; другіе очевидцы (по словамъ К. Ф. Калайдогича) почеркъ ея признавали Бѣлорусскимъ, не восходящимъ далѣе XVI вѣка. И такъ Пѣснь Игорю можемъ почитать дошедшею до насъ въ списокѣ, принадлежавшемъ къ концу XV или въ XVI вѣку.

Первое извѣстіе о ней напечатано было въ *Spectateur du Nord* 1797, по словамъ коего Пѣснь Игорю можно срав-

нять съ лучшими Оссіановскими поэмами. По выходѣ въ свѣтъ она обратила на себя особенное вниманіе, которое выразилось сначала болѣе восхищеніемъ, нежели ученымъ изслѣдованіемъ: ибо только извѣстный нашъ писатель А. С. Шишковъ въ 1805 году напечаталъ ее вторично съ новымъ прозаическимъ переводомъ и нѣкоторыми примѣчаніями; другіе же, а именно Сѣряковъ (1803, С. П. Б.), Палицынъ (1808, Харьк.), Язвицкій (1812, С. П. Б.), Левитскій (1813, С. П. Б.), переводили ее стихами, въ которыхъ Поэзія подлинника отсвѣчивалась тускло.

Карамзинъ ввелъ ее въ свою Исторію Государства Россійскаго, гдѣ помѣстилъ и разныя примѣчанія составляющія начало исторической критики сей Пѣсни.

Московское Общество Любителей Россійской Словесности предложило вопросъ: на какомъ языкѣ писана Пѣснь о Полку Игоря? К. О. Калайдовичъ, подъ именемъ неизвѣстнаго, въ 1817 году написалъ Опытъ рѣшенія (Труды Общ. Л. Р. С. Ч. XI), служащій началомъ филологическихъ ея изслѣдованій. Онъ почитаетъ языкъ Пѣсни Игорю подобнымъ языку библейскому, сходнымъ съ языкомъ нашихъ лѣтописей, грамотъ, и полагаетъ, что она сочинена вѣроятно въ нынѣшней Малороссіи.

Р. О. Тимковскій много и долго занимался полнымъ изслѣдованіемъ сей Пѣсни, и уже приготовилъ было къ изданію свой трудъ; но по смерти его (1820) не осталось и слѣда его изысканій, которыя безъ сомнѣнія устранили бы многія изъ недоумѣній, оставшихся и послѣ новыхъ изданій сей Пѣсни.

Въ 1819 году она издана въ С. Петербургѣ Я. Пожарскимъ, который изъяснялъ текстъ ея преимущественно словами изъ языка Польскаго. Г. П. Бутковъ предложилъ историко-географическую критику оной (Вѣстн. Евр. 1821, Сынъ От. 1834 № 52).

Въ 1823 году въ Москвѣ Г. Н. Грамматинъ напечаталъ новое изданіе, съ переводами въ прозѣ и стихахъ на-

роднаго размѣра, которое, по количеству примѣчаній и толкованій, есть полнѣйшее и содержитъ въ себѣ попытку провести къ однообразію правописаніе подлинника.

Вслѣдъ за первымъ у насъ появленіемъ въ свѣтъ Пѣсни Игорю, Шлецеръ извѣстилъ о ней иностранцовъ (въ Götting. gel. Anz. 1801). Онъ сначала усомнился было въ ея подлинности и древности; но скоро (1802 года въ своемъ Несторѣ) сознался въ грѣхѣ своемъ.—И Пѣснь Игорю была переводима неоднократно, прозою и стихами, на языки Французскій и Нѣмецкій. На Польскій языкъ перевелъ ее Киприанъ Годабскій.—На Чешскомъ языкѣ сдѣланы были въ 1808 году переводы ея Юнгманомъ въ прозѣ и Рожнаемъ въ стихахъ, но не изданы; а въ 1821 году она издана въ Прагѣ Вячеславомъ Ганкою, съ его переводомъ въ прозѣ и нѣсколькими объяснительными примѣчаніями. Вотъ нѣсколько строкъ изъ краткаго примѣчанія о языку и рукописи, написаннаго симъ Словенскимъ филологомъ порусски: «Языкъ подлинника сей Пѣсни великолѣпенъ и крѣпокъ, дѣлаеть переходъ изъ Славянскаго въ старый Русскій; потому распознается очевидно не токмо отъ старшихъ частей Священнаго Писанія, но и отъ самаго Лѣтописца Нестора... Кто бы хотѣлъ Царедворскую рукопись Старо-Чешску съ Игоремъ сравнивать, завѣрно бы нашелъ много сходства, не токмо въ словныхъ выраженіяхъ, но болѣе того въ самомъ духѣ древности и мысленія».

Послѣ изданія Пѣсни Игорю г. Грамматичнымъ она оставалась у насъ 7 лѣтъ въ покоѣ; но въ послѣднее время опять принялись за нее, особенно въ Москвѣ, гдѣ г. Профессоръ М. Т. Каченовскій,—вслѣдствіе ученаго сомнѣнія, наводимаго имъ на Древнюю Русскую Исторію, заподозрилъ (1830 г.) и достовѣрность Пѣсни Игорю.

Г. А. Ѳ. Вельтманъ, 1833 года, перевелъ ее мѣрною прозою съ новымъ чувствомъ красотъ ея. Съ новыми видами объ исторической важности ея писалъ о ней г. Н. А. Полевой (Ист. Р. Н. 1830 и Моск. Тел. 1833). Съ новымъ ура-

зумѣніемъ народо-поэтическаго ея свойства писалъ о ней Г. А. Глаголевъ (въ изданныхъ имъ 1834 г. Основаніяхъ Словесности).

Съ другой стороны, съ точки зрѣнія Каченовскаго, г. Профессоръ И. И. Давыдовъ на основаніяхъ филологическихъ сомнѣвается также въ ея подлинной древности и находитъ въ ней сходство съ Исландскими Сагами (Учен. Зап. М. У. 1834); Г. Археографъ П. М. Строевъ называетъ ее проблемой Русской Словесности XII вѣка (Ж. М. Н. П. 1834). Г. И. Бѣликовъ (въ Уч. Зап. М. У. 1834) изложилъ обстоятельно сомнѣнія касательно Пѣсни Игорю; но настаивая, что дошедшая до насъ Пѣснь есть сочиненіе, а можетъ быть и переводъ XVI вѣка, предполагаетъ между прочимъ, что ея источникомъ была дошедшая до насъ древняя прекрасная Пѣснь Игорю.

Но въ Библиотекѣ для чтенія (1834) она названа даже поддѣлкою XVIII вѣка, подобно поэтамъ Оссіановымъ; на сіе мнѣніе и Г. Бѣликову возражалъ Г. С. Руссовъ брошюркою о подлинности Слова о Полку Игоревѣ (С П. Б. 1834).

Можно согласиться, что Пѣснь сія подлежитъ еще подробному и полнѣйшему изслѣдованію, ожидаетъ новой критики; но подлинная древность и высокая красота ея остаются еще не опроверженными и для насъ несомнѣнными по прежнему.

Вотъ краткая исторія Пѣсни Игорю въ Новой Литературѣ. Изъ нея видите, какъ недавно она стала извѣстною, и то въ одномъ только спискѣ, и то уже утраченномъ. Эти обстоятельства, служащая между прочимъ основаніемъ для опроверженія подлинной древности Пѣсни Игорю, суть явленія самыя обыкновенныя.—Она сдѣлалась извѣстною недавно; но за долго ли до нея стали у насъ открываться вообще памятники Древней и даже Средней Словесности нашей, и не гораздо ли позднѣе узнали мы многіе памятники ближайшіе къ нашему времени, писанные въ Великой Россіи, и въ свое время долженствовавшіе по видимому быть въ

большемъ ходу, чѣмъ древняя, свѣтская и къ неважному на Южной Руси событію относящаяся Пѣснь пѣвца безыменнаго.

Мы видѣли уже, что почти въ одно съ нею время и также только въ одномъ спискѣ найдено Поученіе В. Кн. Мономаха, которое, и по именитости Автора и по своему содержанію, должноствовало имѣть гораздо большій ходъ въ монастыряхъ. Мы увидимъ послѣ, что Судебникъ Іоанна III, памятникъ позднѣйшій (1497), Великороссійскій, и притомъ важности государственной, былъ сначала извѣстенъ даже Карамзину только въ сокращенномъ Латинскомъ переводѣ Герберштейновомъ, и въ подлинникѣ сталъ извѣстенъ не прежде 1817 года.

Если такіе и имъ подобные памятники постигала случайность запоздалаго открытія и одинокости списка, то случайность сія для Пѣсни Игорю могла быть даже естественною неизбѣжностію.—Вы знаете уже, что губительное пламя истребило почти всѣ памятники литературные въ первомъ разсадникѣ оныхъ—въ Древней, Кіевской Руси, и что для насъ уцѣлѣли только пересадки и отростки ихъ въ монастыряхъ Великороссійскихъ. Сказанія о безбожныхъ Агарянахъ, о нашествіи Мамаевѣ, о побѣдѣ Донскаго были ближе ко времени и къ сердцу Великороссіянъ; хожденія въ Цареградъ и на Востокъ, сказанія о богатой Индіи, о Царѣ Македонскомъ были занимательнѣе для фантазіи и грамотности монастырской: потому сохранилось столько хоженій или странствій; потому этими сказаніями, этими Александріями наполнены сборники Среднихъ Временъ; они заслонили собою для письменной Поззіи Древнюю, Кіевскую Русь съ ея битвами, съ ея витязями и богатырями. И только народъ Великой Россіи не забывалъ о ней, зналъ ее по старой памяти, какъ по грамотѣ, рассказывалъ о ней въ Сказкахъ, воспѣвалъ ее въ своихъ Пѣсняхъ. Но это богатство Сказокъ, эти тысячи стиховъ, понынѣ еще не совсѣмъ забытыя народомъ, никто почти не предавалъ тогда письменамъ,—до XVIII вѣка (до Кіевского казака Кирила Данилова или Кирши); не хотѣли слушать и даже воспрещали

эту народную, мірскую Поэзію. И уже ли назовемъ ее подложною, новою, потому только что она была не писанная, что языкъ ея тотъ же, какъ и теперь народный языкъ Велико-россійскій? Мы не согласились признать Лаврентія сочинителемъ Временника за то только, что сей Суздальскій Инокъ есть самый старшій изъ извѣстныхъ намъ переписчиковъ Временника: не будемъ же и сочиненіе Пѣсни Игорю относить къ XVI вѣку за то, что отъ сего вѣка дошелъ къ намъ единственный списокъ ея, сохраненный въ сборникѣ, какъ рѣдкость, наравнѣ съ Сказаніемъ о Филипѣ, о свадьбѣ Девгѣевѣ и въсхыщеніи Стратиговнѣ. Одинокость списка Пѣсни Игорю, какъ я сказалъ, гораздо возможнѣе и естественнѣе, чѣмъ отъ случайностей происшедшая одинокость многихъ другихъ памятниковъ. Одинокость эта важна въ томъ отношеніи, что безъ вариантовъ нѣкоторыя поврежденныя мѣста Пѣсни остаются и можетъ быть, останутся не совсѣмъ ясными, и по необходимости допускаютъ иногда нѣкоторый произволь въ истолкованіи. Но эта поврежденность списка Пѣсни уже ли можетъ быть новымъ достаточнымъ основаніемъ для сомнѣнія въ ея подлинности, новымъ поводомъ къ тому, чтобы полуграмотнаго переписчика оной, за его ошибки, награждать завиднымъ титуломъ Сочинителя сей Пѣсни? Сличите ее съ другими старинными Русскими рукописями: многія ли изъ нихъ исправнѣе списка Пѣсни Игорю? Вспомните, въ какомъ искаженномъ видѣ первоначально доставались Антикваріямъ прекрасныя, стройныя произведенія даже высоко-образованнаго классическаго міра Греко-Римскаго! Тогда старинный Русскій списокъ Пѣсни Игорю, въ которомъ для Тимковскаго, вполнѣ знакомаго съ критикою филологическою, только три мѣста оставались неизъясненными, не станете осуждать такъ строго за орфографическія и не многія другія неисправности переписчика; и въ самой малозвѣстности ея въ Среднія времена найдете ту выгодную сторону, что этимъ она избавилась покрайней мѣрѣ отъ дальнѣйшаго поврежденія перепискою.

Но была ли она извѣстна дѣйствительно въ Средніе Вѣка нашей Исторіи? Была; и не оспоримымъ доказатель-

ствомъ тому служить Сказаніе о побойщѣ В. К. Дмитрія Іоановича Донскаго. Сказаніе сіе есть лучшее произведеніе монастырской Поэзіи нашихъ Среднихъ Временъ (XVI или даже XV вѣка), и вмѣстѣ съ тѣмъ оно есть явное подражаніе Пѣсни Игорю; это уже привидно почти всѣми, и въ свое время, я вамъ слычу ихъ.

По свидѣтельству Калайдовича ¹⁾ и Карамзина ²⁾, въ припискѣ Игумена (Пантелеймонова Псковскаго Монастыря). Зосимы къ пергаментному Апостолу 1307 г., есть мѣсто, гдѣ война Михаила и Юрія за Княженіе Новгородское описывается словами Пѣсни Игорю о бѣдствіи Русской земли при Князѣ Олегѣ.

Въ Пѣсни Игорю говорится такъ: «Тогда при Олѣѣ Гориславичѣ сѣяшется и растяшеть усобицами, погибаетъ жизнь Дажь-Божа внука, въ княжихъ врамолахъ вѣщи челоувѣкомъ скратишась.»

Въ Апостолѣ почти также: «При сихъ Князехъ сѣяшется и ростяше усобицами; гыняше жизнь наша въ Князехъ, которы и вѣщи скоротинася челоувѣкомъ.» Указаніе сіе по неизбѣннѣ еще большаго, можемъ, кажется, принять какъ достаточный признакъ, что въ самомъ началѣ XIV вѣка Пѣсь Игору попадалась въ руки Духовнымъ лицамъ,—какъ постороннее свидѣтельство о ея древности.

Но лучшее доказательство ея древности есть сама она, какъ живое и вѣрное выраженіе воспѣтаго въ ней событія и своего времени.

Чтобы яснѣе представить и понять изложеніе сего событія въ Пѣсни, я припомяну вамъ нѣсколько предшедшихъ ему историческихъ обстоятельствъ. Вы знаете, какъ много терѣбла земля Русская во второй половинѣ XII вѣка отъ междоусобій Удѣльныхъ Князей своихъ, отъ набѣговъ на нее

¹⁾ Тр. Общ. Ч. XI, стр. 18.

²⁾ И. Р. Рос. Т. IV, Прим. 227. (... которы вѣщи сократишася челоувѣкомъ).

Половцевъ 1) или Комановъ, и отъ непрестанныхъ съ ними дракъ, кои въ честь и славу себѣ поставляли Русичи или Русины. Эти междоусобія Князей и битвы съ Половцами суть два дѣйствія кровавой Драмы, которой сценою была тогда Южная Русь. Тогда между Князьями Южно-Русскими первенствовалъ Киевскій Князь Святославъ III Всеволодовичъ изъ рода Олегова. По старшинству сего Князя величали его именемъ отца, которымъ и самъ онъ называлъ себя.

Въ 1184 г. Святославъ, съ нѣсколькими другими Князьями и союзными дружинами, ходилъ на Половцевъ и нанесъ имъ сильное пораженіе на р. Орели, гдѣ со множествомъ плѣнныхъ Половецкихъ Князей былъ полоненъ и знаменитый Ханъ Кобякъ. Въ сей Орельской битвѣ особенно отличился Владиміръ Глѣбовичъ, пылавшій наибольшую местию къ Половцамъ за наибольшее разореніе ими Переясловской Области. Внучатный братъ Святослава Киевскаго Новгородсѣверскій Князь Игорь (сынъ Черниговскаго Князя Святослава II Олеговича, умершаго 1166 года) былъ приглашенъ къ сему походу поздно,—можетъ быть, и по умыслу Князя Владиміра (изъ рода Мономахова), въ слѣдствіе недавней имъ ссоры за его передовую выступъ противъ Половцевъ (въ 1183 году).

«Не дай Богъ отречься отъ похода на погавыхъ» воскликнулъ Игорь посланцу Святославу. Но дружина Игоря говорила ему, что Святославъ ушелъ давно, что его не догонишь; а птицею, Князь, перелетѣть не можно! Къ тому же была тогда великая гололедица 2). Такимъ образомъ Игорь вопреки своему порыву, не участвовалъ въ семъ пораженіи

1) У насъ обыкновенно произносятъ *Половцы*; другіе говорятъ *Полѣвцы* но Редакторъ Журнала М. Н. Пр. въ такъ названной Исторіографомъ нашимъ *Латухинской* Степенной Книгѣ видѣлъ это слово вездѣ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ: *Половцы*: въ слѣдствіе такого письменнаго доказательства и по свойству Южно-Русскаго словопроизношенія, должно принять послѣднее произношеніе—*Половцы*. Это имя Русское, то же что *ловцы*, происходящее отъ употребительнаго дониндѣ въ Малороссіи слова *полѣвъ*, однозначачаго съ словомъ *ловъ* (на прим.: половъ рыбы)

2) Въ Лѣтоп. *великій серень*—слово употребительное и пониндѣ въ Малороссіи, вмѣсто ксего говорятъ и *ожеледица*.

Половцевъ, и собирався итти на нихъ самъ съ Князьями Сѣверскими. «Мы развѣ не Князья?»—говорили они—«Мы также добудемъ себѣ хвалы!» Между тѣмъ Святославъ одержалъ новую побѣду надъ Половцами (1 Марта, 1185 г.) бливъ р. Хорола, обративъ въ бѣгство свирѣпаго Хана Кончака. Слава сей Хорольской побѣды рѣшила Игоря; захотѣлъ онъ испить шелономъ Дону, подобно Мономаху и предпринялъ походъ на Половцевъ. Въ походъ сей онъ отправился съ тремя Сѣверскими Князьями: роднымъ братомъ своимъ храбрымъ Всеволодомъ, Княземъ Курскимъ, съ сыномъ своимъ Владиміромъ, Княземъ Путивальскимъ, и роднымъ племянникомъ своимъ Святославомъ Олеговичемъ, Княземъ Рыльскимъ; сверхъ того у Черниговскаго Князя Ярослава Всеволодовича онъ испросилъ себѣ подмогу, состоявшую изъ служившихъ ему Ковуевъ. Жену свою Евфросинію Ярославну, дочь Галицкаго Князя, оставилъ въ Путивлѣ. Сейто героическій по началу, не удачный по концу своему походъ на Половцевъ и составляетъ предметъ Пѣсни Игорю.

Лѣтописи, особенно Кіевская, сохранили многія подробности, относящіяся къ сему походу, на пр. описаніе полнаго солнечнаго затмѣнія, бывшаго въ томъ году 1 Мая; подробности выступленія въ походъ, побѣды Игоря надъ Половцами;—увлеченіе Сѣверскихъ Князей итти къ Лукоморью, гдѣ не ходили еще и дѣды ихъ; пораженіе и плѣнъ ихъ; новое нападеніе Половцевъ на Русь, подъ предводительствомъ Гзака и Кончака, особенно на Римъ (Ромень) и Путивль; воззваніе Святослава и Владиміра Глѣбовича къ разнымъ Князьямъ о помощи; бѣгство Игоря и его возвращеніе, а впослѣдствіи возвращеніе и его сына Владиміра, женившагося въ плѣну на дочери Кончаковой.

Пѣснь Игорю, какъ Поэма, а не лѣтопись и не Исторія, чужда многихъ подробностей; однако она полна исторической истины, представленной ею въ краткихъ, живыхъ, яркихъ картинахъ. Пройдемъ теперь бѣгло всю ее, чтобъ видѣть ея ходъ и содержаніе; а для удобства въ обзорѣніи оной и указаніяхъ на разныя въ ней мѣста, условимся раздѣлить ее на XIV Главъ.

1. Не лѣпо ли ны бѣшетъ; братіе, воспѣть Игоря, который исполнившись ратнаго духа, навелъ свои храбрыя полки на землю Половецкую за землю Русскую! Пѣвецъ хочетъ воспѣть свою пѣснь по былинамъ своего времени начавъ отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря. Онъ вспоминаетъ о прежнихъ пѣсняхъ Князьмъ, но томъ, какъ пѣвалъ вѣщій Боянь, пѣснотворецъ, соловей стараго времени.

2. Тогда Игорьъ вѣзрѣ на свѣтлое солнце; и видитъ полное затмѣніе; но ему лучше быть изрублену, нежели полонену,—и онъ зоветъ свою дружину посмотрѣть и отвѣдать синяго Дона, дружину достойную пѣсенъ Бояновыхъ. Все готово. Игорьъ ждетъ милаго брата буй-тура Всеволода. Всеволодъ готовъ давно; Курская дружина его храбра, взрощена войною, жаждетъ войны, ища себѣ чести, а Князю славы.

3. Тогда вступи Игорьъ Князь въ златъ стремень: солнце своимъ затмѣніемъ заступаеъ еще путь ему; но онъ ведетъ свое воинство къ Дону. Къ Дону бѣгутъ и Половцы. Игорю недобрѣя примѣты въ пути; но земля Русская осталась уже позади; Русскія дружины уже приготовились къ бою, ища себѣ чести, а Князю славы.

4. Съ заранія въ пяткъ (Пятницу) потопташа поганѣя пѣлки Половецкѣя. Русскимъ досталась богатая добыча. Дремлетъ Олегово войско. Ханъ Гзакъ и Кончакъ бѣгутъ къ Дону на помощь.

5. Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ. Отъ моря и отовсюду идутъ черныя тучи Половецвъ закрыты собою 4 Русскія солнца: быть великой грозѣ на Каалѣ-рѣкѣ! И наачалась страшная битва. Всеволодъ свирѣпъ, безстрашенъ и силенъ въ бою; онъ забылъ все—и жизнь, и почестъ, и свою милую Глѣбовну. . .

6. Были вѣчи (вѣка) Трояни, минула лѣта Прославля: Пѣвецъ вспоминаетъ славу полковъ Олега.

Святославица, ковавшего мечемъ крामолу на обиду землѣ Русской; воспоминаеть про смерть Бориса Вячеславича, про Святотоплака, который съ Каялы-рѣвки повезъ изъ Кіевъ трунѣ своего тестя (Тугоркана).

7. Съ заранія до вечера, съ вечера до сѣдѣтъ идетъ сильная битва. Бились день, бились другой, на третій день пали знамена Игоря; разлучились братья на берегу быстрой Каялы; легла дружина Русская за свою землю.

8. Уже бо, братіе, невеселая година вѣстала: возстала обида, и губительною дѣвою пошла по землѣ Русской. Князья враждуютъ и междуособствуютъ за ничто; а поганые Половцы собираютъ побѣдныя дани; Карна и Жля разносятъ пламя по землѣ Русской; заплакались жены Русскія; возсталъ Кіевъ въ печали и Черниговъ въ напасти; Игорь и Всеволодъ разбудили бѣду, которую усыпилъ было грозный Святославъ Кіевскій недавнею побѣдою надъ Кобякомъ: чужеземцы (въ Кіевѣ) поютъ славу Святослава, осуждаютъ Игоря; который потонилъ Русское злато въ рѣкѣ Половецкой, и изъ золотого (Княжескаго) сѣдла пересѣлъ въ сѣдло плѣнника.

9. А Святославъ мутенъ сонъ видѣтъ. Бояре толкуютъ ему недобрый сонъ его; говорятъ ему о плѣнѣ Сѣверскихъ Князей и торжествѣ Половцевъ. Святославъ въ печали о неудачной отвагѣ своихъ сыновцевъ; онъ скорбитъ о своемъ безсиліи; храбра Черниговская дружина брата его Ярослава; но Князья ему уже не въ пособіе!

Римъ (Ромень) разоряютъ Половцы; но ему не защита лежащій подъ ранами Владиміръ Гдѣбовичъ.

10. Великій Княже Всеволоде! и вы, Романъ и Мстиславъ, и вы шестокрыльцы—Ингварь, Всеволодъ (и Мстиславъ). . . вступитесь за обиду сего времени, за Русскую землю, за равны Игоревы!

Пѣвецъ вызываетъ къ нимъ, величаетъ ихъ: ибо—говорить—Сула уже не течетъ серебряными струями по городу

Переяслову, и Двина течетъ болотомъ къ грознымъ Полочанамъ подъ кликами поганыхъ. . . . (Къ Полочанамъ склонилась и дума Пѣвца).

11. Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскыя: свѣжа въ памяти смерть сего Полотскаго Князя (1183); позоръ вамъ, Ярославъ и всѣ внуки Всеславовы, начавшіе своими крамолами наводить поганыхъ на землю Русскую, на жизнь (славу) дѣда своего Всеслава Полоцкаго! Про его подвиги и судьбу поется цѣлая Пѣсня (На седьмомъ вѣци Трояни врѣже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. . . .); ему-то вѣщій Боянъ изрекъ припѣвку: «ни хытру, ни горазду, ни птицею горазду, суда Божія не минути!»¹⁾ Говорилъ Боянъ и про Святослава: тяжело тебѣ голова безъ плечъ, лихо тебѣ тѣло безъ головы: такъ Русской землѣ безъ Игоря!

О, стонать Русской землѣ, поминая первыя времена и первыхъ Князей своихъ! Нѣтъ стараго Владиміря на высотахъ Кіевскихъ; знамена его раздѣлились. . . .

1) Мѣсто сіе (*Рекъ Боянъ и зоды. . . .*) въ подлинникѣ составляетъ начало послѣдней Главы, стоитъ передъ возвратомъ Игоря въ Русскую землю. Первыя слова всей фразы дѣйствительно не ясны отъ неправильной перестановки словъ, и подверглись разнообразнымъ догадкамъ: прибавлю къ нимъ еще новое предположеніе. Мнѣ кажется, что фраза сія не только повреждена въ перестановкѣ первыхъ словъ, но и вся она вѣроятно представлена туда съ другаго мѣста, и приурочена тамъ, хотя не безъ мысли (для усилена радости отъ возвращенія Игоря, посредствомъ контраста), однако видимо разнить съ тономъ, какимъ весѣло бѣгство и потомъ возвращеніе Игоря. Мнѣ кажется, что въ 11-й Главѣ, посвященной воспоминанію о прежнихъ Князяхъ, послѣ словъ Бояновыхъ о Всеславѣ, сія фраза — съ словами Бояна о Святославѣ (удалившемся на Дунай) и примѣненіемъ оныхъ къ отсутствію Игоря изъ Русской земли — имѣетъ настоящую значительность, гармонируетъ съ цѣлою Главою и въ смыслѣ и въ тонѣ самого выраженія, и связуетъ лучше послѣдующія слова о Русской землѣ и старомъ Владимірѣ (въ концѣ коихъ также встрѣчается нѣкоторая темнота) съ Пѣснью о Всеславѣ. — Предлагаю догадку мою будущимъ Критикамъ и издателямъ Пѣсни Игорю, утверждая впрочемъ, что это единственное мѣсто въ ней, могущее возбудить подобное сомнѣніе.

12. Ярославнынъ гласъ слышится: она плачетъ въ Путивлѣ по своемъ миломъ Игорѣ; хочетъ летѣть къ нему птицею; взываетъ о немъ къ летучему вѣтру; молить за него и славный Днѣпръ, и свѣтлое солнце. . . . И вотъ:

13. Присну море полунощи; Князю Игорю Богъ кажетъ путь изъ земли Половецкой на землю Русскую. Овлуръ (или Лаверь, крещеный Половецъ) помогаетъ его бѣгству; Игорь бѣжитъ уже къ луку Донца. Донецъ журчитъ ему привѣтствіе; Князь величаетъ его: Донецъ лучше Стугны и Днѣпра, погубившихъ юношю Князя Ростислава (1093), на горе его матери.

По слѣдамъ Игоря идетъ Гзакъ съ Кончакомъ; они говорятъ, что сдѣлать съ плѣннымъ его сыномъ. Гзакъ хочетъ разстрѣлять соколенка; Кончакъ думаетъ опутать его красною дѣвицей (своею дочерью).

14. Солнце свѣтится на небесѣ; Игорь Князь въ Русской земли; онъ ѣдетъ уже по Боричеву къ Святой Богородицѣ; повсюду веселье и пѣсни: да здравствуютъ Князья и дружина, поборая за Христіанъ на поганые полки; слава Князьямъ и дружинѣ!

Вотъ содержаніе и ходъ Пѣсни Игорю, кои можно представить въ слѣдующемъ кратчайшемъ очеркѣ.

- Гл. 1. Приступъ къ Пѣсни или за пѣвъ.
— 2. Сборъ Игоря и Всеволода къ походу.
— 3. Выступленіе въ походъ.
— 4. Побѣда надъ Половцами.
— 5. Начало новой битвы на рѣкѣ Каалѣ.
— 6. Воспоминаніе объ Олегѣ, Борисѣ и Святополкѣ.
— 7. Пораженіе Русскихъ на Каалѣ.
— 8. Новое бѣдствіе Руси отъ Половцевъ.
— 9. Сновидѣніе и печаль Святослава Ш.
— 10. Воззванія къ Князьямъ о помощи.
— 11. Воспоминаніе о Полотскихъ Князьяхъ и о первыхъ Князьяхъ Русскихъ.

- 12. Плачь Ярославны объ Игорѣ.
- 13. Бѣгство Игоря изъ плѣна.
- 14. Возвращеніе Игоря въ Русскую землю.

Таковъ планъ Пѣсни Игорю. Изъ него видно, что, если исключить 6 и 11 Главы, кои суть отступленія, посвященные воспоминанію о минувшемъ, то вся Пѣснь представитъ непрерывный рядъ живыхъ картинъ, въ которыхъ вездѣ является Игорь, или самъ какъ дѣйствующее лице, или какъ предметъ и причина дѣйствія; что вся Пѣснь есть повѣствованіе не только поэтически-правильное и стройное, но и исторически вѣрное; самъ пѣвецъ хотѣлъ свою Пѣснь или Повѣсть воспѣть по былинамъ своего времени, и она полна исторической истины, и для самой Исторіи Русской составляетъ вспомогательный источникъ, изъ коего узнаетъ она, на примѣръ, какъ высоко было народное мнѣніе о Всеславѣ Полоцкомъ, что составляло самолюбіе Князей современныхъ Игорю (Г. 10); узнаетъ даже нѣкоторыя новыя для себя подробности, на примѣръ, мѣсто пораженія Тугоркана, имена Черниговскихъ дружинъ, имя Литовскаго племени Деремеловъ.

Такимъ образомъ сія Пѣснь о Полку Игоревѣ вполнѣ заслуживаетъ имя Исторической, и есть первородный, изящный образецъ собственно-Русской, настоящей Исторической Поэмы.—Въ самомъ текстѣ она называется и Пѣснію и Повѣстью; и если бы можно было употребить составное изъ нихъ слово Пѣсноповѣсть, то это было бы самое близкое и отличительное названіе сего рода поэмы Русской, по ея лирико-эпическому характеру.

Новыми явленіями и такъ сказать продолженіемъ сего рода поэзіи были потомъ Южно-Русскія или Украинскія пѣсни и думы былевья (историческія), по моему замѣчанію ¹⁾, ближайшія и однороднѣйшія съ пѣснію о Полку Игоревѣ.

1) Въ моемъ изданіи: *Украинскія народныя пѣсни*, Ч. I, Москва 1834, стр. 63;—и въ моей статьѣ о Вельмановомъ переводѣ пѣсни Игорю. См. *Молву* 1833, № 23 и 24.

Собственно историческій элементъ ея (какъ элементъ прошедшаго, какъ внѣшняя сторона дѣйствительной жизни) еще особеннѣе и такъ сказать исключительнѣе развился въ народной поэзіи Великорусской, которая какъ покажу вамъ въ послѣдствіи—имѣетъ во всемъ характеръ по преимуществу былевой, повѣствовательный.

Мы увидимъ также, что въ новѣйшее время Русская поэзія, при переходѣ своемъ къ самобытности, явилась Историческою поэмою, въ поэмѣ Пушкина *Полтава* ¹⁾.

Такимъ образомъ о пѣсни Игорю, какъ самообразномъ явленіи поэзіи должно судить болѣе по ней самой, нежели по какимъ-либо частнымъ правиламъ критики, составленной по иноземнымъ образцовымъ сочиненіямъ. Критика ея должна состояться изъ разсмотрѣнія ея самой, какъ выраженія тогдашней жизни, въ совокупности съ другими памятниками Древней нашей Словесности и народною поэзіей нашей и другихъ Славянъ, и въ сообразности только съ общими требованіями вкуса, только съ общими условіями и законами изящнаго. Лишь тогда критика ея послужитъ къ изъясненію свойствъ ея и своенародной нашей поэзіи, и къ составленію нѣкоторыхъ правилъ своенародной нашей Пѣтики; подмогою къ сему будутъ служить еще лучшія произведенія нашихъ Поэтовъ, напимѣръ, Державина, Пушкина.

Возвращаясь къ плану нашей Пѣсни, мы находимъ его удовлетворяющимъ даже строгимъ требованіямъ критики; признаемъ ходъ ея естественнымъ и поэтически правильнымъ; называемъ умѣстными самыя отступленія (каковыя въ другихъ поэмахъ составляютъ часто простыя вставки или эпизоды). Отступленія въ ней сообразны съ намѣреніемъ Пѣвца, который именно хотѣлъ вспомнить и о прежнихъ Князьяхъ, начать свою повѣсть отъ стараго Владиміра до внѣшняго Игоря (Гл. I). Они согласны съ духомъ Исторической поэмы вообще, какъ воспоминавія о минувшемъ,

¹⁾ О поэмѣ Пушкина *Полтава* въ историческомъ отношеніи и писавтъ вскорѣ по выходѣ оной. См. Атеней, 1829.

и съ духомъ сей пѣсни въ особенности, какъ воспоминанія о прежней силѣ и первыхъ междоусобіяхъ земли Русской, при видѣ ея настоящихъ бѣдствій отъ крамоль и междоусобій Княжескихъ и набѣговъ половецкихъ. Эти отступленія отъ главнаго дѣйствія и лица и переходы къ минувшимъ лицамъ и событіямъ сообразны и съ духомъ народной Русской поэзіи, коей такъ свойственна переходчивость въ движеніяхъ поэтической думы и въ тонахъ самаго напѣва.

Особенное первое отступленіе (Гл. 6) не только умѣстно, но даже составляетъ поэтически необходимый, живой членъ цѣлой пѣсни.—Пѣвецъ представилъ разительное начало пагубной битвы на Каялѣ заключивъ свою картину изображеніемъ Всеволода, все забывшаго на битвѣ (Гл. 5). Рѣка Каяла или Балка, уже памятная для Русскихъ при Мономахѣ битвою 1093 года,—роковая для нихъ и послѣ въ 1224 году—унесла думу Пѣвца въ минувшее, къ прежнимъ смертельнымъ событіямъ на Каялѣ и землѣ Русской (Гл. 6). Возвратясь опять къ настоящему (Гл. 7), онъ тѣмъ разительнѣе, очертивъ быстро трехдневный бой, изображаетъ печальную картину гибельнаго конца. Что лучше, что умѣстнѣе этой поэтической поминки могло быть въ продолженіе трехдневной кровавой сцены, коея начало уже представлено такъ полно и такъ грозно,—и отъ печальной развязки коей сжимается сердце. Описывать ли было Пѣвцу еще подробности сраженія (какъ въ Полтавской битвѣ Пушкина), или же онъ долженъ былъ просто безмолвствовать?...

II.

Пѣснь Игорю, относительно ея духа.

Въ предыдущемъ чтеніи о пѣсни Игорю, изложивъ содержаніе и планъ ея, мы опредѣлили себѣ точку зрѣнія на нее и степень ея важности для Исторіи нашей Словесности. Мы сказали, что сія историческая пѣснь есть поэтическое вы-

раженіе современной ей жизни Русскаго Юга, есть плодъ древней поэзіи нашей, и вмѣстѣ съ тѣмъ первообразъ для послѣдующей нашей своенародной поэзіи, особенно Южно-Русской.

Потому въ изслѣдованіи сей пѣсни должно замѣчать все, что отозвалось въ ней отъ прошедшаго, всякую черту ея, повторяющуюся въ другихъ древнихъ памятникахъ нашей Словесности;—съ другой стороны необходимо въ ней обратить вниманіе на все, что есть общаго въ ней съ поэзіей Украинской и Велико-Русской, на все такъ сказать отголоски ея въ оныхъ. Черезъ такое соображеніе можно уразумѣть красоты сей пѣсни, и подать нѣсколько свѣта къ опредѣленію свойствъ и раскрытія нашей народности въ поэзіи.

Имѣя это въ виду, разсмотримъ нѣсколько Игореву пѣснь относительно ея духа; потомъ станемъ говорить объ ней относительно формы ея, т. е. объ образѣ выраженія и языкѣ.

Наблюдая Игореву пѣснь относительно духа, находимъ, что отличительный характеръ онаго состоитъ въ соединеніи двухъ главнѣйшихъ началъ: любви къ землѣ Русской и ея славѣ, и вѣры въ жизнь природы и глубокаго съ нею сочувствія. Два начала сіи суть основанія и господствующія въ духѣ поэзіи пѣвца Игоря: изъ нихъ уже пронтекаютъ, или ими проникнуты, или подъ ихъ господствомъ раскрываются другіе виды любви и вѣры, другія чувства и понятія. Потому и обзорѣніе оныхъ мы приведемъ къ этимъ двумъ знаменательнымъ началамъ, изъ коихъ первое имѣло преимущественное вліяніе на содержаніе и тонъ пѣсни, а второе на образъ выраженія и краски ея

а) Духъ любви

Любовь къ Русской землѣ и ея славѣ есть первое, главнѣйшее начало въ пѣсни Игорю. Изъ сего то родника, изъ сей общественной, родинной любви пронтекаютъ: во-первыхъ разлитый по всей пѣсни ратный духъ, соединенный съ мстительнымъ чувствомъ обиды къ поганымъ Половцамъ; во-вто-

и съ духомъ сей пѣсни въ особенности, какъ воспоминанія о прежней силѣ и первыхъ междоусобіяхъ земли Русской, при видѣ ея настоящихъ бѣдствій отъ крамоль и междоусобій Княжескихъ и набѣговъ половецкихъ. Эти отступленія отъ главнаго дѣйствія и лица и переходы къ минувшимъ лицамъ и событіямъ сообразны и съ духомъ народной Русской поэзіи, коей такъ свойственна переходчивость въ движеніяхъ поэтической думы и въ тонахъ самаго напѣва.

Особенное первое отступленіе (Гл. 6) не только умѣстно, но даже составляетъ поэтически необходимый, живой членъ цѣлой пѣсни.—Пѣвецъ представилъ разительное начало пагубной битвы на Каялѣ заключивъ свою картину изображеніемъ Всеволода, все забывшаго на битвѣ (Гл. 5). Рѣка Каяла или Калка, уже памятная для Русскихъ при Мономахѣ битвою 1093 года,—роковая для нихъ и послѣ въ 1224 году—унесла думу Пѣвца въ минувшее, къ прежнимъ смертельнымъ событіямъ на Каялѣ и землѣ Русской (Гл. 6). Возвратясь опять къ настоящему (Гл. 7), онъ тѣмъ разительнѣе, очертивъ быстро трехдневный бой, изображаетъ печальную картину гибельнаго конца. Что лучше, что умѣстнѣе этой поэтической поминки могло быть въ продолженіе трехдневной кровавой сцены, коея начало уже представлено такъ полно и такъ грозно,—и отъ печальной развязки коей сжимается сердце. Описывать ли было Пѣвцу еще подробности сраженія (какъ въ Полтавской битвѣ Пушкина), или же онъ долженъ былъ просто безмолвствовать?...

II.

Пѣснь Игорю, относительно ея духа.

Въ предыдущемъ чтеніи о пѣсни Игорю, изложивъ содержаніе и планъ ея, мы опредѣлили себѣ точку зрѣнія на нее и степень ея важности для Исторіи нашей Словесности. Мы сказали, что сія историческая пѣснь есть поэтическое вы-

раженіе современной ей жизни Русскаго Юга, есть плодъ древней поэзіи нашей, и вмѣстѣ съ тѣмъ первообразъ для послѣдующей нашей своенародной поэзіи, особенно Южно-Русской.

Потому въ изслѣдованіи сей пѣсни должно замѣчать все, что отозвалось въ ней отъ прошедшаго, всякую черту ея, повторяющуюся въ другихъ древнихъ памятникахъ нашей Словесности;—съ другой стороны необходимо въ ней обратить вниманіе на все, что есть общаго въ ней съ поэзіей Украинской и Велико-Русской, на все такъ сказать отголоски ея въ оныхъ. Черезъ такое соображеніе можно уразумѣть красоты сей пѣсни, и подать нѣсколько свѣта къ опредѣленію свойствъ и раскрытія нашей народности въ поэзіи.

Имѣя это въ виду, рассмотримъ нѣсколько Игореву пѣснь относительно ея духа; потомъ станемъ говорить объ ней относительно формы ея, т. е. объ образѣ выраженія и языкѣ.

Наблюдая Игореву пѣснь относительно духа, находимъ, что отличительный характеръ онаго состоитъ въ соединеніи двухъ главнѣйшихъ началъ: любви къ землѣ Русской и ея славы, и вѣры въ жизнь природы и глубокаго съ нею сочувствія. Два начала сии суть основанія и господствующія въ духѣ поэзіи пѣвца Игоря: изъ нихъ уже проттекаютъ, или ими проникнуты, или подъ ихъ господствомъ раскрываются другіе виды любви и вѣры, другія чувства и понятія. Потому и обзорѣніе оныхъ мы приведемъ въ этомъ двумъ знаменательнымъ началамъ, изъ коихъ первое имѣло преимущественное вліяніе на содержаніе и тонъ пѣсни, а второе на образъ выраженія и краски ея

а) Духъ любви

Любовь къ Русской землѣ и ея славы есть первое, главнѣйшее начало въ пѣсни Игорю. Изъ сего то родника, изъ сей общественной, родинной любви проттекаютъ: во-первыхъ разлитый по всей пѣсни ратный духъ, соединенный съ мстительнымъ чувствомъ обиды къ поганымъ Половцамъ; во-вто-

рыхъ, любовь къ минувшему, воспоминапія о прежнихъ Князьяхъ Русской славы и силы; въ третьихъ, духъ скорби и гнѣва на междоусобія и крамолы Удѣльныхъ Князей, столь бѣдственныя для Русской земли и недостойныя прежней славы ея; въ четвертыхъ, грустный тонъ цѣлой пѣсни, который отзывается и въ двухъ послѣднихъ главахъ ея, гдѣ онъ (по освобожденіи Игоря) вообще перемѣняется на радостное движеніе.— Сею главною, родинною любовью усилена личная любовь пѣвца къ Героямъ его пѣсни; съ нею соединена и любовь его къ пѣснопѣнію вообще, и вѣра его въ природу; выраженіемъ оной служить у него и пѣсня дѣвъ; ею проникнута у него и любовь женская.

За землю Русскую и ея славу: вотъ главная мысль, основная пружина дѣйствія, непрестанно повторяющееся слово въ его пѣсни. Такимъ образомъ: Игорь исполнился ратнаго духа и навелъ храбрые полки свои на землю половецкую за землю Русскую (Гл. 1); Русичи полегоша за землю Русскую (Гл. 7); злато Русское потоцилъ Игорь въ половецкой рѣкѣ (Гл. 8); Русскимъ златомъ звенять (въ Крыму Готскія дѣвы Гл. 9); по Русской землѣ простерлись опять Половцы съ побѣдами и пламенемъ (8. 9); вступитья за эту обиду Пѣвецъ зоветъ Князей, вступитья за землю Русскую и раны Игоревы. (Гл. 10, повторяя это трижды); на землю Русскую навели поганыхъ своими крамолами Князья Полоцкіе (Гл. 12)—О, стоять Русской землѣ, вспоминая прежнее время и первыхъ Князей своихъ (Гл. 12).

«О Русская земля! ты уже за горою!» (за шеломянемъ еси!) два раза (Гл. 3 и 5) восклицаетъ Пѣвецъ, когда Рускіе перешли за предѣлы ея, на незнаемое (пустынное) поле земли Половецкой.—Чрезвычайно сильное раскрытіе сей родинной любви въ тоскѣ на чужбинѣ по своей Южно-Русской землѣ, мы увидимъ въ Украинскихъ Пѣсняхъ; а теперь посмотримъ на выраженія ратнаго духа въ Пѣсни Игорю, которымъ особенно обнаружались въ ней эта основная любовь къ Русской землѣ и славѣ.

а) *Ратный духъ.*

Ратный духъ воспитался въ Русскихъ издавна, особенно набѣгами Азіатцевъ, непрестанными съ ними битвами и схватками оборонными, наступательными и союзными—и обратился въ потребность, въ славу и честь,—и уже Лѣтописцы говорили: «брань славна лучше есть мира студна!» Изображеніями сего ратнаго духа въ разнообразныхъ его явленіяхъ, картинами битвы и смерти, особенно богатъ и могучъ Пѣвецъ Игоря; и его Пѣснь по сему отношенію не даромъ названа героическою; но сообразнѣе съ временемъ ея она лучше можетъ быть названа рыцарскою. И если сравнить ее съ Рыцарскою Поэзіей того романтическаго времени вообще, то съ самодовольствіемъ народнымъ мы увидимъ, что первенство безспорно принадлежитъ нашей Поэзіи!

Разсмотримъ же нѣсколько мѣстъ нашей Пѣсни, чтобы видѣть, какъ въ ней выражается сей боевой духъ и другіе предметы. Мѣста сіи я стану предлагать частію подлинными словами Пѣвца, частію въ переводѣ.

Послушайте во-первыхъ главнаго Героя Пѣсни, Князя Игоря, мужающагося на Половцевъ за землю Русскую (Гл. 2).

«Наполнился ратнаго духа . . . рече Игорьъ къ дружинѣ своей: братіе и дружино! Лучше бы потяту быти, неже полонену быти!» Лучше быть изрублену, нежели быть полонену!

При этомъ вы конечно вспоминаете рѣчь Святослава предъ битвою съ Греками, и въ изреченіи Игоря видите мужество, завѣщанное прежнимъ Русскимъ Княземъ-воителемъ. Игорь продолжаетъ:

«А всядемъ, братіе, на свои бръзвы комоны ¹⁾, да по-

1) Т. е. борзые кони. *Комонь* есть старинное Славянское слово постоянно употребляемое въ Пѣсни Игорю, оставшееся понынѣ въ одной сходной старинной Русской Пѣсни (записанной въ Осташковскомъ Урядѣ И. В. Кирѣвскимъ):

Дворъ комоной изъуставлено,
Съни плетей изъувѣщано.

зримъ синего Дону! Хочу бо, рече, копіе приломити конецъ поля Половецкаго, съ вами Русичи; хочу главу свою приложить; а люблю испити шелономъ Дону!»

Вотъ жажда, наслѣдованная Игоремъ отъ славнаго Мозомаха, который пилъ Донъ золотымъ шелономъ, по любимому выраженію того времени: вотъ истинно рыцарскій обѣтъ Русскаго Князя! и какъ не любить его Пѣвцу, исполненному любви къ землѣ Русской и ея славѣ? . .

Другой Герой Пѣсни Князь Всеволодъ, храбръ и силенъ, какъ туръ (или зубръ, красивый, дикій звѣрь, весьма уважавшійся Славянами): потому и прозывается онъ въ пѣсни буйтуромъ или ярътуромъ. Всеволодъ всегда готовъ къ битвѣ и въ ней все забываетъ; но ему не чужда и вѣжность души: онъ исполненъ любви братской:

«Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю! Оба есвѣ Святславича!» говоритъ онъ.—«Сѣдай, брате, свои брѣзны комони, а мои ти готови, осѣдланы у Курьска напереди. . . .» (Гл. 2).

Всеволодъ, и по словамъ Кіевской лѣтописи, «бѣ въ Ольговичехъ всѣхъ удалѣе рожаемъ и възрастомъ и всею добродѣтелію и мужественною доблестію, и любовь имѣяше къ всѣмъ.»

Посмотрите же, каковъ онъ въ битвѣ: ярътуръ Всеволодъ, стоишь на брани, прыщешь стрѣлами на воиновъ (Половецкихъ), гремишь объ шлемы ихъ мечами булатными. Гдѣ только, туръ, промчишься ты, золотымъ своимъ шлемомъ посвѣчивая: тамъ лежатъ поганья Половецкія головы, ищепаны Аварскіе шлемы калеными саблями отъ тебя, яръ-туръ Всеволодъ! . . . Какія раны, братья, дороги забывшему почестъ и жизньъ, и Городъ Черниговъ, и отцевскій золотой престолъ, и своей милой жены красной Глѣбовны привѣтъ и обычай?

«Яръ-Туре Всеволоде! стоиши на борони, прыщеси па вои стрѣлами, гремлеши о шелома мечи харалужными. Камо, Турь, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая: тамо лежать поганья головы Половецкыя: поскепаны саблими калеными шелома Оварьскыя, отъ тебе яръ-Туре Всеволоде? . . . Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти красныя Глѣбовыи свычая и обычая! . . .» (Гл. 5).

Таковы наши искатели славы (Гл. 9.), Князя Сѣверскіе, у коихъ, по выраженію Святослава, храбрыя сердца изъ крѣпкаго булата скованы и закалены въ мужествѣ («въ жестоцемъ харалужѣ скована, а въ буети закалена»), которые рано начали Половецкую землю мечами опустошать ¹⁾, а себѣ славы искать. . . . говоря: мужаемся сами! одни похитимъ славу грядущую, одни подѣлимся славой прошедшею! («мужаймся сами! преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ!»)

Приведу теперь вамъ изображеніе Курской дружины Всеволода (Гл. 2).

Куряне мои (говорить онъ Игорю) народъ знающій: подъ трубами повиты, подъ шлемами взелѣяны, концемъ копья вскормлены; дороги имъ извѣстны, овраги имъ знакомы; луки у нихъ натянуты, колчаны открыты, сабли изострены; какъ сѣрые волки скачуть они въ полѣ, ища себѣ чести, а Князю славы!

«А мои ти Куряни свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шелома взелѣяни, конецъ копія вскръмлени;

1) «Мечи цвѣляти» — отъ слова *цель*, по нынѣ оставшагося въ Южно-Русскомъ языкѣ и означающаго *пальень*; а не отъ Сербскаго слова *цвилити*, которому въ Южно-Русскомъ языкѣ соответствуетъ слово *квилити* — выть (оттуда и *филинъ*, т. е. квилень, по Украински пугачь; — *ко* во многихъ словахъ употребляется вм. *ф*, напр. *квасоля* говорятъ Украинцы, *имъ* зато *фасоля*, а Великороссіане говорятъ *фитера* вмѣсто *квартира*).

пути имъ вѣдоми, яруги имъ знаемы; луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изюстрени; сами скачють акы сѣрши влци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а Князю славы.»

Послѣднее выраженіе повторяется и передъ битвою съ Половцами (въ концѣ 13 Главы): «Русичи великая поля чрлеными щиты прегородиша, и щучи себѣ чти, а Князю славы.»

Вотъ еще примѣръ Русской удалости, воззваніе къ Всеволоду Юрьевичу, Великому Князю Владимірскому и Суздальскому, старшему тогда между Сѣверно-Русскими Князьями (Гл. 10):

«Великій Княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеца, отня злата стола поблюсти. Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ. Ты бо можеша по суху живыми шерешеры стрѣляти—удалыми сыны Глѣбовы.

Не мыслію тебѣ перелетѣть издалеца, отцевскаго золатаго престола поберець: ибо ты можеша Волгу разбрызгать веслами, Донъ вычерпать шлемами! Еслибъ ты здѣсь былъ, была бы здѣсь плѣнница по ногатѣ, а плѣнникъ по резанѣ (т. е. по мелкой монетѣ, тогда употреблявшейся, какъ теперь говорится: ни по чемъ!). Ты можеша и на сущѣ стрѣлять живыми самострѣлами—удалыми сынами Глѣба (т. е. пятью сыновьями Рязанскаго Князя Глѣба Ростиславича, признавшими своимъ Главою Всеволода).

Наконецъ вотъ еще Пѣснь Великому Кіевскому Князю Святославу, побѣдителю Хана Кобяка (Гл. 8):

Онъ былъ грозою; погромилъ мечами булатными, и своими сильными полками наступилъ на землю Половецкую, притопталъ холмы и овраги, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки

и болота; а поганого Кобяка изъ Лукоморья, отъ желѣзныхъ великихъ полковъ Половецкихъ, какъ вихрь исторгнулъ онъ: и палъ Кобякъ въ городѣ Кіевѣ, во дворцѣ Святославовомъ!

«Грозою башетъ; притрепеталъ своими сильными плѣкы и харалужными мечи, наступи на землю Половецкую, притопта хлѣмы и яругы, возмути рѣкы и озера, изсуши потоки и болота; а поганого Кобяка изъ Луку-моря отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ Половецкихъ яко вихрь выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ въ гридницѣ Святъславли.»

б) Любовь къ минувшему и скорбь о настоящемъ.

Изъ любви Пѣвца къ землѣ Русской и ея славѣ, какъ сказалъ я, пристокаютъ: любовь его къ минувшему, духъ гнѣва на междоусобія Князей, духъ скорби о настоящей бѣдѣ земли Русской и ея обидѣ отъ ненавистныхъ Половцевъ. У Пѣвца не сходитъ съ сердца эта бѣда, эта обида его времени; онъ не можетъ забыть славы былого времени, или, лучше, сказать только въ ней забывается. Потому онъ такъ часто вдается въ воспоминанія о прежнихъ Князьяхъ, потому такъ часто въ его Пѣсни раздается звонъ дѣдовской славы, такъ часто объ ней напоминаетъ своимъ Князьямъ, указываетъ имъ на золотой отцевскій престолъ, скорбитъ объ ихъ междоусобіяхъ, негодуетъ на нихъ за то, что они стали ковать крамолу и чрезъ то допустили Половцамъ разорять Русскую землю: погавымъ ли на обиду должна была достаться слава и сила ея? . . .

«Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залетѣло. . . не былонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине! . . .» (Гл. 4).

Но у Князей—продолжаетъ Пѣвецъ—процала вражда на поганыхъ. Говорятъ они другъ другу: то мое и то мое! и стали Князья про малое говорить: это великое; и сами на себя крамолу ковать; а поганые со всѣхъ сторонъ приходятъ съ побѣдами на землю Русскую (Гл. 8).

Въ 10 Главѣ Пѣвецъ восклицаетъ: Ярославъ и всѣ внуки Всеволодови! опустите знамена свои, вложите свои мечи поврежденные! Вы отпали отъ дѣдовской славы! Вы своими крамолами начали наводить поганыхъ на землю Русскую, на жизнь Всеслава. . . было ли бы какое насиліе отъ земли Половецкой? . . .

О, стонать Русской землѣ, помянувши первую годину и первыхъ Князей! Того стараго Владиміра не лзя было пригвоздить къ горамъ Кіевскимъ! . . .

Вотъ думы и печали Пѣвца Древней Руси, когда она уже упадала и кончала первый періодъ славной жизни своей, когда рыцарская отвага Сѣверскихъ Князей его не удалась, и пали знамена Игоревы. Поэзія, какъ и жизнь, безъ вѣры въ прочность настоящаго, безъ надежды на будущее, обращается къ минувшему, живетъ воспоминаніями. То же самое увидимъ и въ послѣднемъ періодѣ Поэзіи Украинской; подобныя думы о своей славѣ и ее волновали. . .

Теперь замѣтимъ, что Пѣвецъ Игоря въ своихъ обращеніяхъ къ минувшему времени, ведетъ лѣтосчисленіе свое отъ вѣка Троянова. Вы помните начало 6 Главы: Были вѣка Трояновы, минули лѣта Ярославовы! Пѣснь Всеславу Полоцкому начинается также на седьмомъ вѣкѣ Трояновымъ (хотя седьмое число здѣсь ошибка: преданія или списка).

Боянъ, воспѣвавшій Всеслава, Олега, Святослава, по словамъ Пѣвца Игоря: рискаль по тропу Трояню, т. е. по дорогѣ Трояновой, упоминаемой и въ народной пѣснѣ вѣка Екатерины, и слѣды коей (via Trojani) остались понынѣ.—Наконецъ и земля Русская въ Пѣсни названа землею Трояновою. Такое преданіе о Троянѣ на Руси въ XII вѣкѣ (идущее отъ Дунайскихъ Славянъ, или, можетъ быть, отъ Грековъ, коихъ колоніи были на Днѣпрѣ въ вѣкѣ

Трояновъ) показываетъ, какую долгою и громкою славою утвердилъ о себѣ память Императоръ Римскій, именемъ коего называли у насъ даже Князя Владиміра.

Замѣтимъ еще, что древле-Славянская рѣка Дунай, по нынѣ остающаяся въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, какъ поэтически-нарицательное имя рѣки вообще, въ Пѣсни Игорю упоминается нѣсколько разъ, иногда въ собственномъ, а иногда въ такомъ же нарицательномъ значеніи (вмѣсто Дона).

в) Битва и смерть.

Въ Пѣсни Игорю находятся нѣсколько картинъ битвы и смерти весьма поразительныхъ и совершенно народныхъ.

Поле жатвы обратилось въ поле брани: вотъ, кажется, зыдушевная мысль Южно-Русскаго Пѣвца, съ которою онъ представляетъ битву на родимой землѣ своей: ибо онъ изображаетъ ее красками земледѣльческаго быта—пашнею, посѣвомъ, молотью. Не отзывается ли здѣсь духъ древняго земледѣльца, потомъ увлеченнаго на войну и въ ней возмужавшаго? . . .

Тогда при Олегѣ Гориславичѣ (земля Русская) засѣвалась и росла междуусобіями; погибала жизнь Дажьдъбогова внука. Тогда рѣдко по Русской землѣ восклицали оратаи; но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, и галки перекликались своимъ говоромъ, собираясь летѣть на покормку.

«Тогда при Олѣ Гориславичѣ сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Дажь-Божа внука. . . тогда по Русской земли рѣтко ратаевѣ выкажутъ: нѣ часто врани граахуть, трупія себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говорихуть, хотятъ полетѣти на уфдіе» (Гл. 6).

Изображая битву на рѣкѣ Каляѣ, Пѣвецъ говоритъ (Глава 7):

«Черна земля подѣ конты костями была посѣина, а кровію поляна; тугою взыдоша по Русской земли»

Черная пашня подъ копытами была засѣяна костью, полита кровью; взошла печалью по Русской землѣ.

Вотъ еще третья картина: битва на Неменѣ. (Гл. 10):

«На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чеши харалужными, на тоцѣ животь кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. — Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть пѣснами, посѣяни костью Русскихъ сыновъ.»

На Неменѣ не снопы стелютъ—головы, молотятъ цѣпами булатными, на току кладутъ жизнь, вѣютъ душу отъ тѣла. Кровавые берега Немена не добромъ (?) были засѣяны, засѣяны костью Русскихъ сыновъ...

Подобно Пѣвцу Игоря и теперь поетъ про поле битвы Южный Русинъ:

«Чорна роля заорана	Вспахана черная пашня,
И кулями засѣяна	Засѣяна пулями,
Бѣлымъ тѣломъ зволочена	Взборонена бѣлымъ тѣ- ломъ,
И кровію сполощена	Взмочена кровью.
Лежить воякъ на купинѣ. . .	Лежить воинъ на ку- пинѣ...
А ни труны, а ни ямы,	Ни гроба, ни ямы,
А ни вотця, а ни мамы;	Ни отца, ни матери;
А никому задзвонити	Некому позвонить
А нѣкому затужити.	Некому потужить.
Дзвонять кони копытами,	Звонять кони копытами,
А вояки острогами	А воины шпорами;
Летить воронъ	Летить воронъ
Зъ чужихъ сторонъ,	Съ чужихъ сторонъ.
На могилѣ усѣдае,	Садится на могилѣ,
Очи ему выпивае...» 1)	Выпиваетъ ему очи...

1) См. Украинскія народныя Пѣсни. Ч. I, Пѣсни Козацкія.

И такъ уподобленіе поля битвы панинѣ есть черта Южно-Русской Поэзіи, которая также (подобно Поэзіи и другихъ народовъ) оставляетъ трупъ война обыкновенно въ добычу ворону.

«Ой тамъ Козакъ убитъ лежитъ;
Въ головонькахъ воронъ криче,
А въ ножиныхъ коникъ плаче.»

или

«Воронъ прилетаетъ, въ вочи заглядае,
Бѣле тѣло объѣдае, кости покидае.»

Что касается до представленія смерти, то въ Пѣсни Игорю находятся также три небольшія, но не менѣе прекрасныя картины оной.

Въ одной изъ нихъ смерть Русскихъ воиновъ въ битвѣ на Каалѣ уподоблена брачному пиру: и это уподобленіе встрѣчается также не только въ Украинской и Велико-Русской но и въ Новогреческой народной Поэзіи.

Въ Пѣсни Игорю (Гл. 7):

«Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбрыи Русичи, сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую.»

Въ Украинской Пѣснѣ. «Ой конь бѣжить, трава шумить» — умирающій Козакъ посылаетъ прощальный поклонъ матери черезъ коня своего и поручаетъ не говорить ей, что онъ убитъ уже:

Ты скажи, коню, що я оженився,
До понявъ себѣ паняночку—
Въ чистомъ поле земляночку.»

Въ одной изъ лучшихъ Велико-Русскихъ Пѣсень «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море» — Русскій воинъ также говоритъ коню своему:

«Ты скажи моей молодой женѣ,
Что женился я на другой женѣ—

На другой женѣ, мать сырой землѣ:
Что за ней я взялъ поле чистое,
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла».

То же находите вы и въ Последнемъ прощаніи Клефты, любимой Пѣснѣ Байрона (см. Простонарод. Пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, перевод. Н. Гнѣдичемъ, 1825):

«Не сказывай другъ, что погибъ я, что умеръ я бѣдный;
Одно имъ скажи, что женился я въ грустной чужбинѣ,
Что стала несчастному черна земля мнѣ женой,
И тещею камень, а братьями остры кремни.»

И такъ это уподобленіе смерти въ битвѣ брачному пиру и усыпленію, и земли невѣстѣ, есть черта свойственная не одной нашей народной Поэзіи, черта весьма поэтическая и многозначительная: воинъ за родину и славу встрѣчаетъ смерть въ бою радостно, какъ брачное веселіе!

Другая картина представляетъ смерть Князя Бориса слѣдующимъ образомъ:

«Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе, и на канину зелену наполому постла.» (Гл. 6).

Бориса же Вячеславича слава на судъ привела, и на шелковый зеленый покровъ положила.

Здѣсь смерть называется уже судомъ, также какъ и слова Бояновы: «Суда Божія не минути» значить—не миновать смерти.

Наименованіе смерти судомъ, судомъ Божиимъ, встрѣчается и въ другихъ Русскихъ памятникахъ того вѣка. Въ Поученіи Мономахомъ выраженія: «ему судъ пришелъ,—ему судъ отъ Бога пришелъ» также означаютъ смерть; и также понятіе о смерти показываетъ глубокую преданность волѣ Божіей, высказанную народомъ и въ пословицахъ: «все въ мірѣ творится не нашимъ умомъ, а Божьимъ судомъ;—Богъ души не вынетъ, сама душа не выйдетъ.» Тутъ можно вспомнить еще и изреченіе Экклезіастово: «Иди, куда вельдетъ сердце твое и куда глядятъ глаза твои, только знай, что Богъ за все сіе приведетъ тебя на судъ!»

И такъ видите, на какой судъ—на смерть, привела слава Князя Бориса.—На какомъ же шелковомъ зеленомъ покровѣ она его уложила? . . . Это зеленая, шелковая трава покрывающая собою ту же смертельную невѣсту, ту же мать-сырую-землю.

Сіе понятіе о смерти и прежнее представленіе оной можно согласовать тѣмъ, что оба они имѣютъ основаніемъ одну мысль предопредѣленіе: ибо, подобно смерти, и бракъ почитается у насъ судьбою, почему женихъ и невѣста называются сужеными.

Выраженіе «на роду написано» показываетъ ту же мысль народа о судьбѣ и предопредѣленіи относительно рожденія. Такимъ образомъ эта мысль обнимаетъ собою всю жизнь въ трехъ главныхъ ея минутахъ—началѣ, срединѣ и концѣ, рожденіи, бракѣ и смерти; и про участь, про долю цѣлой жизни говорится въ народѣ; «счастливому талантъ отъ Бога данъ!»

Посмотримъ еще на одно изображеніе смерти. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломи Литовскіе; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ дѣ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрешанъ Литовскими мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, Княже, птиць крылы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысь ту брата Брячислава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожереліе. Увылы голоси, пониче веселіе; трубы трубять Городеньскіи.» (Гл. 10) Здѣсь опять такія же все кровавыя краски: смертною постелью Князю, подъ багровыми щитами, служить окровавленная трава; смертный покровъ дружинѣ составляютъ распростертые надъ нею крылья хищныхъ птицъ, и кровь ея полизали звѣри.

Но обратите вниманіе на изображеніе кончины Князя: онъ одинъ безъ братьевъ, изронилъ свою жемчужную душу, изъ храбраго тѣла чрезъ золотое ожерелье. Какое нарядное трогательное и совершенно народное изображеніе исхода души. Душа представлена какъ

любимое сокровище, какъ перло многоцѣнное: ибо Славяне весьма дорожили этимъ произведеніемъ Природы, и въ X вѣкѣ (по свидѣтельству Фоцлана) платили по драхмѣ золота за жемчужину для женскаго ожерелья; притомъ это сокровище печальное, ибо крупный жемчугъ, по Русскому повѣрью, составляетъ примѣту слезъ (какъ и въ самой Пѣсни Игорю).— Золотымъ ожереліемъ иносказательно названа впадина, гдѣ отъ груди начинается шея; на это мѣсто и теперь укажетъ простолоудинь, если спросить у него: гдѣ у тебя душа? и чрезъ это-то золотое ожерелье изронилъ свою жемчужную душу Князь Изяславъ, и при томъ одинъ (какъ сказано дважды); и въ этомъ одиночествѣ смерти еще болѣе печали, чѣмъ въ одиночествѣ жизни, особенно для воина Южно-Русскаго, какъ видно изъ народныхъ Пѣсенъ. Уныли голоса, поникло веселіе; трубы трубятъ Городенскія: вотъ похоронные звуки въ вѣчную память Князя, какими и Поезія Украинская обыкновенно поминала смерть Козаковъ своихъ ¹⁾).

Такова красота здѣсь поэтическаго погребальнаго наряда, который, вмѣстѣ съ предыдущими ему кровавыми изображеніями и послѣдующимъ поминованіемъ, составляетъ третью, полную, совершенно народную картину смерти.

г) *Любовь къ пѣснопѣнію.*

Естественно, что Пѣвецъ Игоря исполненъ любви къ пѣснопѣнію, не только лично, какъ Пѣвецъ столь талантливый, но и народно, какъ Славянинъ вообще, какъ Южный Русинъ въ особенности. Потому прекрасное начало Пѣсни своей онъ

¹⁾ На примѣръ въ Думѣ XVI вѣка о *Федорѣ безродномъ*, въ думѣ XVII вѣка о *Иванѣ Кошовичѣ* (См. Украинск. народ. пѣсни, Ч. I, Дума 2 и 9). Въ концѣ первой изъ нихъ говорится: *онъ со всеми прощался, милосердому Богу отдалъ душу. Тогда Козаки саблями копали суходоля, выребали землю шапками и вриполами, хоронили Федора Безроднаго; зремьли изъ семинденныхъ пицалей и жалобно вызвали его въ трубы: дьло Козацкая юлова знала, что безъ войска Козацкаю не змирала.*

посвятилъ Бояну, котораго величаетъ именемъ вѣщаго, котораго называетъ соловьемъ стараго времени, къ которому неоднократно обращается, какъ своему вдохновителю, и приводитъ слова его, какъ изреченія вѣщей мудрости ¹⁾. Но онъ такъ любитъ, такъ величаетъ Бояна, какъ Пѣсноплеменника стараго времени, ирещныхъ Князей и прежней славы Русской: ибо сія любовь къ пѣсноплеменнику у нашего Пѣвца слита съ любовью главною, родичною.

Но этому у него и женская Пѣсня служитъ орудіемъ для выраженія общественнаго чувства. Такъ по плѣненіи Игоря: «Готскія красныя дѣвы вѣспѣша на брезѣ синему морю (т. е. въ Крыму); звоня Русскимъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ мечь Шароканю» (Гл. 7). Но когда Игорь возвратился на Русскую землю: «Дѣвици поютъ на Дунаѣ; вьются голоси чрезъ море до Кьева... страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ Княземъ, а потомъ молодымъ» (Гл. 14).— Воспѣвая пѣснь Донцу, Пѣвецъ обращается въ минувшее, воспоминаетъ о Ростиславѣ;—въ самой Пѣсни Ярославны находите славословіе побѣдителю Кобыака.

д) *Любовь женская.*

Но женская Пѣсня собственно есть выраженіе любви женской. Въ Пѣсни Игорю ихъ двѣ: Пѣсня Русскихъ женъ и плачь Княгини Ярославны.

О гибели Игорева войска: «Русскыя жены всплакашась, аркучи (говоря): уже намъ своихъ милыхъ ладъ (мужей) ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати; а злата и сребра ни мало того потрепати!» (Гл. 6).

Какъ это совершенно по Русски! И теперь еще услышите

¹⁾ Тутъ можетъ родиться вопросъ: не вошли ли еще и другія Пѣсни или отрывки въ составъ Пѣсни Игорю, кромѣ тѣхъ, кои имамъ цитированы Бояну? Можно думать, что это было, хотя не лзя сказать о семъ определенно. Такъ пѣснь о Всеславѣ, мнѣ кажется, не принадлежитъ самому Пѣвцу. Но что въ Пѣсни Игорю много выраженій, до нея употреблявшихся и любимыхъ Русскою Поезіей, это дѣло ясное.

такія же жалобныя поминальныя рѣчи жены или матери, убивающейся надъ гробомъ роднаго покойника.

Но другая пѣснь, плачь Ярославны объ Игорѣ, отличается народно-образцовою, высокою красотою, и замѣчательна какъ сама по себѣ, такъ по мѣсту и назначенію своему въ составѣ цѣлой Пѣсни Игорю. Между тѣмъ, какъ Пѣвецъ напрасно взываетъ о помощи къ Князьямъ:

Слышенъ голосъ Ярославны; пустынной кукушкою онъ раздается съ утра: Полечу, говоритъ, кукушкою по Дунаю; омочу бобровый рукавъ въ Каялѣ рѣкѣ, отру Князю кровавыя его раны на крѣпкомъ его тѣлѣ.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ городѣ на оградѣ, говоря: О вѣтеръ, вѣтеръ! За чѣмъ, господинъ мой, такъ напротивъ вѣешь? За чѣмъ на вольныхъ крыльяхъ своихъ мчишь ханскія стрѣлы на воиновъ моего мужа? Мало ль тебѣ было горь подъ облаками вѣять, лелѣючи кораблица синемъ морѣ! За чѣмъ же, господинъ мой, веселіе мое поковыли развѣялъ?

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ городѣ на оградѣ, говоря: О Днѣпръ, сынъ славы! Ты пробилъ каменныя горы сквозь землю Половецкую! Ты лелѣялъ на себѣ суда Святославовы до войска Кобякова: взлелей же, господинъ мой, ко мнѣ моего мужа, чтобъ не слала къ нему слезъ на море съ каждымъ утромъ.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ городѣ, на оградѣ, говоря: Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! Всѣмъ тепло и красно ты! За чѣмъ же, господинъ мой, простерло горячій лучъ свой на мужнихъ воиновъ? Въ безводномъ полѣ жаждою имъ луки светло, печалью имъ колчаны заткало?

Но прочтемъ лучше эту прекрасную Пѣсню въ подлинникѣ (Гл. 12).

«Ярославнынъ гласъ слышитъ; зегзицею познаемъ рано
кычетъ: Полечу, рѣче, зегзицею по Дунаеви, омочю бобринъ
рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на
жестоцемъ его тѣлѣ!

«Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, ар-
кучи: О вѣтра, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣши?
Чему мычеша хиновскыя стрѣлки на своєю нетрудною
крыльцю на моя ладъ вой? Мало ти башешъ горь подь
облаки вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, госпо-
дине, мое веселіе по ковылю развѣя?

«Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на забородѣ,
аркучи: о Днѣпре словутицю! Ты пробилъ еси каменныя
горы сквозѣ землю Половецкую; ты лелеблѣ еси на себѣ
Святослави носады до плѣку Кобякова. . . възлелѣй, госпо-
дине, мою ладъ къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на
море рано!

«Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, ар-
кучи: Свѣтлое и тресвѣтлое сѣнце! Всѣмъ тепло и красно
еси! . . Чему, господине, простре горячую свою лучю на
ладѣ вой? Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже
тугою имъ тули затче. . . » (Гл. 12).

Сколько жизни и Поэзіи въ этихъ укоризнахъ и моль-
бахъ Природѣ отъ одинокой, тоскующей любви, въ этой увѣ-
ренности, что Природа принимаетъ участіе въ дѣлахъ ея
Князя и услышитъ ея голосъ.

Такими довѣрчивыми обращеніями къ Природѣ испол-
нена Поэзія Украинская, и можно сказать, что этотъ плачь
Ярославны есть тема, которая разнообразно распѣвается въ
дышащихъ любовію женскихъ Пѣсняхъ Украины.

Но Пѣсня Ярославны имѣетъ еще другую красоту, дру-
гой глубокой смыслъ, по мѣсту и значенію ея въ составѣ
цѣлой Пѣсни Игорю. Она назначена средствомъ къ спасенію
Игоря, и рассмотрѣніемъ ея въ семъ отношеніи мы перей-
демъ къ разсматриванію Пѣсни Игорю относительно духа
Вѣры и вѣрованій.

Б) *Духъ Вѣры.*

Послѣ того какъ Пѣвецъ съ напрасною надеждою зывалъ къ Князьямъ и дуемою уносился въ минувшее, онъ обратился къ Природѣ голосомъ женской любви: и Природа услышала сей голосъ, и отозвалась на него благотворно своими стихіями, дотолѣ враждовавшими съ Игоремъ, «Присну море полунощи; идути сморци (смерчи) мѣглами: Игореву Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Русскую къ огню злату столу.... Овлуръ свисну за рѣкою, велитъ Князю разумѣти. Князю Игорю нѣ быть!»... (Гл. 13). И кто же сей Овлуръ, избавившій Игоря изъ плѣна отъ поганихъ Половцевъ? это крещенный Половецъ у Лѣтописцевъ называемый Лавромъ. И такъ посредствомъ Половца же Богъ кажетъ путь Игорю на землю Русскую: и не могли Пѣвецъ Игоря сказать вмѣстѣ съ другими нашими предками: Великъ Русскій Богъ! Но какая глубокая мысль Пѣвца, сіе избавленіе Игоря представить отвѣтомъ на плачь Ярославны, вымолить его силою любви и простосердечной вѣры въ Природу.

Глубокую преданность волѣ Божіей мы замѣтили выше сего въ представленіи смерти судомъ Божіимъ, какъ бы началомъ всемірнаго Старшаго Суда. И не сообразнѣ ли съ Христіанствомъ сей Божій судъ по старому Русскому понятію, нежели тотъ судъ Божій, которымъ пытали въ то время на Западѣ Европейскомъ? Было и на Руси тогда испытаніе желѣзомъ и водою, какъ видѣли мы въ Русской Правдѣ; но по крайней мѣрѣ сего жестокаго суда человѣческаго Русскіе не совершали во имя Божіе.

а) *Христіанство.*

Изъ этихъ двухъ примѣровъ видно, что въ Пѣсни Игоревой есть вѣра, есть чувство Религіи врожденной; собственно же Христіанство видно изъ того, что Игорь, по избавленіи своемъ (Гл. 14), ѣдетъ въ Кіевъ на поклоненіе Святой Богородицѣ Пирогощей; что Пѣвецъ въ за-

ключеніе Пѣсни своей восклицаетъ: да здравствуютъ Князья и дружина, побораая за Христіаны на поганые полки!

б) *Слѣды язычества.*

Слѣдовъ прежняго Славянскаго язычества въ Игоровой Пѣсни немного: упоминаются только три бога: Дажь-богъ, Стри-богъ и Велесъ (Волосъ), и то не прямо, и въ смыслѣ болѣе поэтическомъ, нежели религіозномъ. А именно: Се вѣтри, Стри-божи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на храбрыя пѣлки Игоровы» (Гл. 5); «всѣиѣти было вѣщей Бояне, Велесовъ внуче!» (Гл. 2); погибающую отъ крамоль Княжескихъ жизнь Дажьбожа внука мы видѣли выше; еще въ другомъ мѣстѣ говорится: вѣстала обида въ силахъ Дажьбожа внука. Болѣе сего уже не встрѣчается Славянскихъ боговъ; два изъ нихъ призваны Пѣвцомъ, такъ сказать только для родословія своего народа и Пѣвца славы его, для того чтобы возвеличить происхожденіе Бояна отъ одного изъ главнѣйшихъ боговъ—Велеса, и происхожденія Русина отъ Дажьбога, почитавшагося подателемъ всѣхъ благъ. Такая почти общечеловѣческая мысль о высокомъ происхожденіи челоуѣка глубока въ своей основѣ; а въ этихъ пѣвкахъ богахъ, у Пѣвца же—только праотцахъ,—для насъ болѣе жизни, чѣмъ въ богахъ Эллады; въ этихъ внукахъ Дажьбога и Велеса болѣе нашей Поэзіи, чѣмъ въ любимцахъ Аполлона, въ питомцахъ Музъ Грацій: ибо то отголоски нѣкогда живыхъ вѣрованій нашего народа, которыя перешли въ него съ кровью и молокомъ матери, съ роднымъ языкомъ его, росли вмѣстѣ съ нимъ, и потомъ остались какъ мечты юности, всегда для насъ поэтической. Русины-Христіане потопили кумиры прежнихъ боговъ своихъ; но намъ о нихъ осталась для Поэзіи, поклоненіе имъ обратилось въ игру жизни. И не лучше ли это, чѣмъ Христіанину, уже просвѣщенному, возобновлять давно умершихъ боговъ классическаго язычества и вводить ихъ не только въ Поэзію, но даже въ

Христіанскую проповѣдь, какъ было и у насъ въ XVII вѣкѣ, по примѣру Западныхъ Проповѣдниковъ.

в) *Вѣрованія въ міръ духовъ*

Но сильнѣе осталось въ народѣ прежнее вѣрованіе въ духовный міръ, прежнія понятія о невидимыхъ существахъ сего міра. Христіанство, положивъ крестъ свой на Русина, просвѣтивъ врожденную, сердечную его вѣру въ Бога понятіемъ о Богѣ истинномъ, не изгладило изъ его памяти тѣхъ мечтательныхъ образовъ, подъ которыми его воображенію являлись злые и добрые духи, души умершихъ. И теперь еще поселянка Русская, съ крестнымъ знаменіемъ на груди, съ именемъ Христовымъ на устахъ, оглядывается въ потемкахъ, боясь нечистой силы, недобраго духа, мечтающагося ей въ видѣ кикиморы, лѣшаго;—бережетъ добраго духа, своего хозяина, домоваго; вѣритъ превращенію умершихъ некрещенными младенцевъ въ Русалокъ, и т. п. Изъ всего этого мечтательнаго міра духовъ у Шѣвца Игоря являются два существа: недобрый дивъ и олицетворенная обида подъ видомъ дѣвы съ лебедиными крыльями.

Дивъ, злой духъ тмы, является дважды. Одинъ разъ въ то время, когда затмившееся солнце заступило тмоу путь Игорю, когда день внезапно обратился въ ночь и отъ грознаго стоана ея пробудились птицы и раздался свистъ звѣринный: Дивъ кличетъ вверху древа, велитъ послушать землѣ незнаемой (Половецкой), Волгѣ и Поморію и Посулію, и (городамъ Крымскимъ) Сурожу и Корсуню, и тебѣ истуканъ (блѣвань) Тмутараканскій (Гл. 3). Въ другой разъ, когда Половцы опять простерлись набѣгами по Русской землѣ, когда хула нанеслась на хвалу, насиліе разразилось надъ волею: и Дивъ низвергся на землю.

«Уже снесся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю; уже врѣжеся дивъ на землю!» (Гл. 9).

Слово дивъ значитъ буквально то же, что диво, чудо, чудовище; и по-Польски dziw; но сіе имя и значеніе его напоминаетъ намъ злыхъ духовъ, дивовъ, служителей верховнаго духа тмы Оримана—сего Чернобога Персидскаго.

Обида отъ Половцевъ, но выраженію Пѣвца Игоря, «вступаетъ на землю Русскую дѣвою, всплескавши лебедиными крылы на синемъ морѣ, плещучи у Дону» (Гл. 8). Эта дѣва-обида напоминаетъ намъ Литовскую Дѣву-Чуму, которая огнемъ платомъ навѣваетъ смерть заразы на землю. Замѣчательно, что зараза и у Русскихъ представляется въ видѣ женщины; и коровьей смерти противодѣйствуютъ Русскія крестьянки особымъ обрядомъ: дикая ночная оргія ихъ вокругъ зараженнаго села извѣстна подъ именемъ онахиванія; холера мечталась народу нашему также въ видѣ женщины.

г) *Впрваніе въ чудесное.*

Вѣра въ чудесное свойственна человѣку, такъ же какъ и сама Природа не чужда онаго. Сія вѣра переражается въ многочисленныя, разнообразныя суевѣрія—неодолимое стремленіе разгадывать будущее, склонность къ ворожбѣ, волшебству, колдовству, чародѣйству; вѣра въ сны встрѣчи и вообще въ примѣты. Суевѣрію и страсти къ чудесному разнаго рода подвержены были почти всегда люди, даже великіе и образованные, вопреки силѣ своей воли, голосу разума и Религіи. Суевѣріе сильное было между Русскими въ древности, хотя ихъ учителя Церковныя называли оно наущеніемъ и навожденіемъ дьявольскимъ; сильно оно было и въ средніе вѣки наши, хотя и не въ такой степени, какъ было волшебство на Востоцѣ, и даже на Западѣ; оно осталось и понынѣ, особенно вѣра въ сны и примѣты, которая встрѣчается даже въ высшемъ классѣ народа, преимущественно же между женщинами. Немного правды въ этихъ примѣтахъ, рѣдко сны бываютъ предвѣщательныя; но эти всѣ виды суевѣрія, имѣя основаніемъ

своимъ чудесное, мечтательное, тайное, заключаютъ въ себѣ много Поэзіи.

Пѣвецъ Игоря воспользовался этимъ чудеснымъ для своей Пѣсни, особенно въ снѣ Святослава, когда печаль овладѣла умомъ его, или какъ говорятъ Боаре: «уже, княже, туга умъ полонила.»

Видѣлъ я,—говорить имъ Князь,—въ Кіевѣ на горахъ въ эту ночь одѣвали меня чернымъ покровомъ на кровати тесовой; черпали мнѣ синее вино, съ отравою (трудомъ) смѣшанное; на лоно мнѣ сынали тощими тулами¹⁾ крупный жемчугъ и нѣжатъ меня; а доски уже безъ князя (кнѣса) на моемъ златоверхомъ теремѣ, и всю ночь съ вечера каркали бѣсовы (босуви) вороны...

Въ этомъ снѣ примѣты все народныя; черный покровъ и нынѣ считается траурною примѣтою печали; карканье ворона всегда было дурнымъ предвѣстіемъ; доски безъ матицы или верхней перекладки (называемой также конемъ и княземъ) понинѣ означаютъ лишеніе членовъ семейства; крупный жемчугъ и теперь есть предзнаменованіе слезъ, какъ и въ Пѣсни Игоря, по словамъ коей (согласно съ лѣтописями): «тогда Великій Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено.» У Русскихъ встарину были цѣлыя волшебныя книги (въ XVI вѣкѣ называвныя отреченными или еретическими), напр. Чаровникъ, Волховникъ, Коледникъ, Громникъ, Молніяникъ, Сносудецъ: въ нихъ излагались волхванія, гаданія сновъ и судьбы, по разнымъ примѣтамъ, особенно по звѣрямъ и птицамъ; было также и астрологическое гаданіе судьбы по свѣтиламъ. Въ книгѣ Волховникъ в о р о н о г р а й, страшенъ сонъ означали недоброе; щекотанье сороки, волчій вой, появленіе дятла—считались также примѣтами, какъ и въ Пѣсни Игорю.

1) Здѣсь въ подлинникѣ находятся еще два слова: «поганыхъ тлѣковнѣтъ», доселѣ не объясненныя.

д) *Вѣра въ знаменія Природы.*

Но возвышеннѣе сихъ вѣрованій вѣра въ знаменія Природы, которая была сильно распространена на Руси между самими церковными людьми. Знаменія почитались чудесными предвѣщательными явлениями Природы, посылаемыми отъ Бога и къ добру и къ худу. Къ числу ихъ принадлежитъ и полное затмѣнiе солнца, бывшее на небѣ предъ неудачнымъ походомъ Игоря на Половцевъ: Игору възрѣлъ на свѣтлое солнце, и видитъ, что отъ него покрылось тмою все его воинство (Гл. 2). Печальное знаменiе это было ему не къ добру; но ему было лучше быть изрублену, нежели полонену... Чудесное и столь рѣдкое явленiе Природы, какъ полное затмѣнiе солнца, было тогда въ самомъ дѣлѣ 1 Мая, въ день Пророка Іереміа: «На вечерни (говоритъ Лѣтописецъ) бысть знаменье въ солнцѣ—и морочно вельми, ино и звѣзды видѣти человекомъ; въ очю яко зелено баше, и въ солнцѣ учинися яко мѣсяць, изъ рогъ его яко угль жаромъ исхожаше: и страшно бѣ видѣти человекомъ знаменiе Божіе!» И этою чудесною дѣйствительностію Природы, лучшею всякаго чудеснаго вымысла, Пѣвецъ воспользовался для своей Исторической Пѣсни; и не сама ли Природа этимъ вѣщимъ затмѣнiемъ утвердила Пѣвца въ той вѣрѣ, что она принимаетъ участiе въ его Героеѣ и въ дѣлахъ земли Русской.

е) *Вѣра въ Природу и сочувствiе съ нею.*

И эта вѣра въ жизнь и сочувствiе Природы съ человекомъ есть господствующая вѣра у Пѣвца Игоря.—Потому и ему даешь столько вѣры, и любишься не какъ вымысломъ, когда онъ изображаетъ столь живое и такъ сказать личное участiе Природы въ судьбѣ дѣйствующихъ лицъ его, когда напр. описавъ смертельное упоенiе Русскихъ на рѣкѣ Каляѣ гдѣ пустыни и силу прикрыли, онъ изображаетъ печаль прибрежной Природы: «Ничить трава жалощами; а древо съ тугою къ земли приклонилось.» Въ Пѣсни Ярославны,

ны видѣли уже прекрасное выраженіе сей вѣры въ Природу и бесѣду съ нею Княгини за Игоря: теперь послушайте еще разговоръ Игоря съ рѣкою Донцомъ, привѣтствующимъ его освобожденіе, и полюбуйтесь заботливостію доброй рѣки о своемъ Князѣ.

Донецъ говоритъ: Князь Игорь! не мало тебѣ величія, а Кончаку досады, а Русской землѣ веселья!—Игорь говоритъ: о Донецъ! не мало величія и тебѣ; ты делѣялъ Князя на волнахъ своихъ, сталъ ему зеленую траву на своихъ берегахъ серебряныхъ; одѣвалъ его теплыми туманами подъ сѣнію зеленого древа; ты стерегъ его гоголемъ на водѣ, чайками на струяхъ, чернетями ¹⁾ на вѣтрахъ. Не такова ли рѣка Стугна? Недобрую струю имѣя, она поглотила чужіе ручки и разметала струги по кустамъ! Днѣпръ затворилъ свои темные берега юному Князю Ростиславу: и плачется мать Ростиславова по юношѣ Князь Ростиславѣ; уныли цвѣты отъ жалости, а древо съ печалью къ землѣ преклонилось (Гл. 13).

Такая жизнь, такое одушевленіе Природы является въ цѣлой Пѣсни; Пѣвецъ вѣрно изображаетъ Природу, или лучше сказать, ея живописуетъ;—и про него, какъ первенствующаго Пѣвца Южно-Русскаго, можно сказать стихами Баратынскаго (къ Гѣте):

Съ Природой одною онъ жизнью дышалъ,
 Ручья разумѣлъ лепетанье,
 И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
 И чувствовалъ травъ прозябанье.

¹⁾ Родъ утки, *anas fuligula*.

Впрочемъ, это послѣднее чувство къ Природѣ растительной раскрылось собственно въ Поэзіи Украинской; Пѣвцомъ же Игоря всего болѣе любимы высшіе классы Природы, птицы и звѣри, въ коихъ жизнь Природы развитѣе и одушевленнѣе,—особенно птицы, у коихъ и вѣщій смыслъ Природы всего сильнѣе, и голосъ настроенъ такъ звонко для пѣсни, которыя самимъ полетомъ своимъ отъ земли въ вышину согласнѣе съ восторженіемъ души въ поэтическомъ ея вдохновеніи. Въ этомъ восторженномъ состояніи душа Пѣвца, близкая къ Природѣ, вступаетъ съ нею въ тѣснѣйшій союзъ; тогда Пѣвецъ живѣе чувствуетъ ея живые предметы, и въ нихъ видитъ яснѣе, находитъ вѣрнѣе подобіе съ поэтическими предметами души своей; тогда предметы Природы становятся символами его собственныхъ думъ, приходятъ сами для выраженія оныхъ, и Пѣвецъ выражаетъ себя живымъ, предметнымъ языкомъ Природы. Оттуда непрестанныя уподобленія и метафорическій способъ выраженія не высканный, не искусственный, но необходимый и естественный.

III

Объ образъ выраженія и языкъ.

Въ предыдущемъ чтеніи я показалъ, какимъ образомъ изъ сочувствія Пѣвца съ Природою, происходитъ его способъ выраженія своихъ думъ предметами Природы, его метафоризмъ необходимый и естественный, а не изысканный, не искусственный. Посему уподобленіе есть главное дѣйствованіе въ его Поэзіи; а подобіе—главный образъ выраженія въ его Пѣсни, составляющій истинную красоту въ ней, а не прикрасу. Разсмотримъ же различные опредѣленные виды подобія и покажемъ ихъ народность.

О подобіяхъ.

Всего чаще у Пѣвца предметъ Природы служить одною изобразительною чертою какого-либо свойства или движенія: это подобіе назовемъ простымъ. Сей родъ подобія принимаетъ разные обороты, кои можно привести къ тремъ видамъ: положительному, отрицательному и положительно-отрицательному.

I. Подобіе положительное или прямое, по обороту рѣчи, въ какомъ оно является, имѣетъ слѣдующія три разности.

а) При изображеніи какого-либо одного (единичнаго) предмета, подобіе обыкновенно у Пѣвца выражается творительнымъ падежемъ того предмета, отъ коего оно заимствуется. То же находимъ и въ народныхъ Пѣсняхъ нашихъ, и въ разговорной рѣчи: и это принадлежитъ къ свойствамъ языка Русскаго.

Въ примѣръ можемъ привести бѣгство Игоря, гдѣ для каждаго его движенія Пѣвецъ находитъ образъ въ предметахъ Природы: «Игорь Князь поскочи горностаемъ къ тростию и бѣлымъ големъ на воду; вѣврѣжеса на брѣзъ комонь, и скочи съ него, и босымъ влѣкомъ потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подѣ мѣглами, избивая гуси и лебеди..»

Подобное изображеніе разнообразнаго движенія одного лица многими предметами находите въ Пѣсняхъ Украинскихъ (У. П. стр. 63).—Тоскующая сестра зоветъ брата съ чужой стороны. «Какъ могу» говорить онъ «прибыть къ тебѣ».—

«За темными за лѣсами,
«За дальними за степами,
«За быстрыми за водами?»

—Черезъ темный лѣсъ—яснымъ соколомъ лети,
«Черезъ быстры воды—бѣлымъ лебедемъ плыви,
«Черезъ стены далекия—перепѣлочкомъ бѣжи,
«На моёмъ, брате, подвѣрби—ты голубонькомъ нади!»

Такъ и въ Великорусскомъ пѣснопѣннн обь Иванѣ
Годиновицѣ:

»Скоро онъ вражду чинилъ,
«Обернется гвѣдымъ туромъ,
«Чистыя поля туромъ перескакалъ,
«Темные лѣса со болемъ пробѣжалъ,
«Быстрыя рѣки со коломъ перелеталъ.»

Такимъ же образомъ Пѣвецъ Игоря рисуетъ иногда и
движенія мысли. «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяще пѣснь
творити, то растекашется мыслию по древу, влѣкомъ по
земли, шизымъ орломъ подь облакъ.»

б) Другой оборотъ положительнаго подобія выражается
простѣйшимъ, обыкновеннѣйшимъ образомъ, посредствомъ
сравнительныхъ союзовъ: *аки, яко, рци* (словно).
Замѣчу однако же, что въ Пѣсни Игорю сей оборотъ упо-
требляется только тогда, когда употребляемый предметъ бу-
детъ множественнаго числа, или же имени собирательнаго.
Это видно изъ слѣдующихъ пяти случаевъ сего оборота, нахо-
дящихся въ Пѣсни Игорю:

«По Русской земли прострошася Половцы, а кы пардуже
гвѣздо.» — «Куряни—а кы сѣрыи влѣци.»

«Крычатъ телѣгы (Половецкія) полунощи (т. е. о
полуночи), рци лебеди рспущени.» Подобіе понятное для вся-
каго, кто слышалъ какъ кричатъ и поютъ арбы Татарскія.

«Ты буй Рюриче и Давыде!... Не ваю ли храбрая дру-
жина рыкають а кы тури, ранени саблями калеными?»

«А ты буй Романе и Мстиславе!... высоко плаваеши на
дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяяся, хотя
птицю въ буйствѣ одолѣти.» ¹⁾

Сего оборота положительныя подобія встрѣчаются также
въ народныхъ Пѣсняхъ Великорусскихъ и Украинскихъ. На
примѣръ:

1) Въ двухъ послѣднихъ отрывкахъ та грамматическая особенность
что глаголы *плаваеши* и *рыкають* въ числѣ своемъ согласованы не съ упо-
добленными предметами, къ коимъ относятся, но съ числомъ предметовъ,
отъ коихъ взято подобіе.

«А мать плачетъ, что рѣка льется;
«Сестра плачетъ, что ручьи текутъ;
«Жена плачетъ, что роса падеть:
«Взойдетъ солнце, росу высушить.»

Въ Украинской Пѣсни на смерть Свирговскаго:

«А изъ низу хмара стягала,
«Що вороновъ ключа ¹⁾ набѣгала.»

в) Наконецъ третій оборотъ положительнаго подобія состоитъ въ простомъ сопоставленіи или сближеніи подобныхъ предметовъ и есть простое соотвѣтствіе (параллель). На примѣръ въ Пѣсни Игорю: «Солнце свѣтитъ на небесѣ: Игорь Князь въ Русской земли.»

Въ образѣ такого соотвѣтствія нерѣдко встрѣчаются подобія и въ Великорусскихъ народныхъ Пѣсняхъ; на примѣръ:

«Упадаетъ звѣзда поднебесная,
«Угасаетъ свѣча воску яраго:
«Не становится у насъ Царевича.»

или

«Цвѣли, цвѣли цвѣтики, да поблекли;
«Любилъ меня милой другъ, да покинулъ.»

Но въ Украинскихъ Пѣсняхъ такое соотвѣтствіе или сопоставленіе есть господствующій образъ подобія. Оно даетъ обыкновенно начало Пѣснямъ; на пр.

«Ой въ полѣ верба да похилилася;
«Чого-сь моя милая да зажурилася.»

Но часто соотвѣтствіе продолжается на нѣсколько строфъ, какъ на примѣръ въ Пѣсни:

«Стоитъ яворъ надъ водою, въ воду похилився;
«На козака пригодонька, козакъ зажурился.»

Нерѣдко же оно простирается на всю Пѣсню, такъ что вторая половина ея составляетъ соотвѣтствіе первой.

2) Другой видъ подобія есть отрицательный, такъ называемый потому, что здѣсь подобіе принимаетъ образъ от-

¹⁾ Ключа значитъ стая, станица. Вотъ новое слово для объясненія ключей Олеговыхъ.

рицація. Пѣвецъ Игоря разговоръ Гзака и Кончака хочетъ уподобить стрекоту сорокъ, но выражается такимъ образомъ: «А не сорокъ встрокоташа: на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.»

Отрицательныя подобія особенно любимы Великорусскою народною поэзіей. На примѣръ:

«Не соколъ леталь по поднебесью,
«Что ходилъ гуляль доброй мблodeць.»

или

«Не березонька со березою совивалася,
«Красна дѣвица со молодчикомъ совыгалася,
«Какъ совыкшисъ она разставалася.»

Можно нѣсколько примѣровъ отрицательнаго подобія указать и въ Украинскихъ Думахъ ¹⁾. Такъ въ Думѣ о смерти Богдана Хмельницкаго:

«То не чорни хмары ясне солнце заступали,
«Не буйныя вѣтры въ темнѣмъ лузѣ бушовали:
«Козаки Хмельницкаго ховали,
«Батька своего оплакали.»

Отрицательныя подобія встрѣчаются и въ Поэзіи Новогреческой.

3) Наконецъ есть еще третій видъ подобія, изъ соединенія двухъ первыхъ происходящій, который потому и называю положительнo-отрицательнымъ. Въ немъ сначала ставится подобіе положительное, потомъ оно повторяется въ образѣ отрицанія, наконецъ слѣдуетъ самый уподобляемый предметъ (что въ двухъ прежнихъ видахъ составляетъ вторую часть подобія)

Такой трехчленный оборотъ Пѣвецъ Игоря употребилъ, продолжая вышеприведенное изображеніе Бояна слѣдующимъ превосходнымъ представленіемъ его пѣснопѣнія.

«Тогда пушашеть (Боянъ) десять соколовъ на стадо ле-
«бедей, который дотечаше, та преди пѣснь цоаше—старому

¹⁾ Смотри еще въ Думахъ о *Федоръ Безродномъ* и объ *Иванъ Коновченки*. Примѣровъ изъ *Писенъ* Украинскихъ не припомню.

«Ярославу, Храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ плъгы Косоожьскыи, красному Романови Святъславичю.

«Боанъ же, брагіе, не десять соколовъ на стадо лебе-
«дей пущаше;

«Нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣскладаше:
«они же сами Княземъ славу рокотаху!»

Сей видъ подобія, хотя рѣдко, встрѣчается еще въ Украинской и Великорусской народной Поэзии, а также и въ Поэзии Сербской (см. Глаголева Осн. Слов. Ч. I).

Въ Украинской Пѣсни:

«Ой по горамъ снѣги лежать,
«По долинамъ вѣды стоять,
«А по шляхамъ маки цвѣтуть:
«То-жь не маки, а чумаки—
«Зъ Крыму идуць, рыбу везуць.»

Въ святочной Великорусской Пѣсни:

«Скачетъ груздочекъ по ельничку,
«Ищетъ груздочекъ бѣляночку;
«Не груздочекъ скачетъ—дворянскій сынъ;
«Не бѣляночки ищетъ—дворяночки.»

II. Всѣхъ сихъ видовъ подобіе я назвалъ простымъ, желая чрезъ то отличить другой родъ подобія, когда Пѣвецъ цѣлою картиною Природы хочетъ изобразить какое-либо сложное дѣйствіе. Это собственно то, что называется аллегоріей. Хотите ли видѣть Русскій образецъ аллегоріи, и вмѣстѣ прекрасный образецъ историческій живописи картиною Природы надземной? Посмотрите, какъ Пѣвецъ Игоря изображаетъ шествіе Половцевъ на поражение четырехъ Русскихъ Князей при рѣкѣ Каялѣ.

«Другаго дни вельми рано кровавыя зѣри свѣтъ повѣдають. Чръныя туча съ моря идуць, хотять прикрыти четыри солнцы; а въ нихъ трепещуть синіи мльніи. Быти грому великому! итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копиемъ приламати; ту ся саблямъ потручати о шеломы Половцкыи, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону Великаго!»

Не правда ли, что всякая подробность этой картины красота,—и эта кровавая предвѣстница грознаго дня, и вся гроза, готовая уже разразиться и грянуть дрожащими въ ней, какъ бы отъ ярости, сильными молніями и губительнымъ дождемъ стрѣль своихъ! И какое прекрасное и сильное движеніе рѣчи, и выраженіе образцово-Русское!

Въ разказѣ Боярь Святославу о пораженіи Сѣверскихъ Князей на третій день битвы продолжается эта картина.

«Темно бо бѣ въ третій день: два солнца помернѣста—оба багряная стѣпыа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца—Владимірь ¹⁾ и Святѣславъ—тѣмоу ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тѣма свѣтъ покрыла!»

Сходная съ первою картиною встрѣчается въ Украинской (IV) Думѣ о Н а л и в а й к ѣ—картина приближенія Польскихъ войскъ въ Чигрину, но уже слабѣйшей кисти:

«Изь-за горы хмара выступае,—выступае, выхожае,
«До Чигрина громомъ выгрѣмляе,
«На Украинську землю блискавкою блискае:
«То Поляки черезъ три рѣки три переходы мали,
«Да и билія третёго переходу станомъ стали.»

Замѣтить надобно, что употребленіе Князей и властителей свѣтиламъ весьма любимо въ народѣ Русскомъ, какъ уже видѣли вы и по отрывкамъ вышеприведеннымъ (о смерти Царевича и Гетмана Хмельницкаго). Такъ въ стариннѣйшихъ Пѣсняхъ Владимиръ Великій называется солнцемъ.

«Въ славномъ городѣ Киевѣ,
«У Князя у Владимира,
«У солнышка у краснова.»

¹⁾ Въ подлинникѣ стоитъ «Олегъ и Святѣславъ»—но это по опискѣ: ибо не 8-лѣтній *мѣшкакъ* Игоревъ Олегъ былъ въ плѣну, а Владимиръ Игоревичъ, о коемъ говорится и въ концѣ Пѣсни. Самая обмолвка эта, равно какъ и называніе избавителя Игорева, не по лѣтописямъ *Лагромъ*, но «Влуромъ и Овлуромъ» подтверждаетъ нѣкоторымъ образомъ, что Пѣвецъ Игоря былъ его современникъ и притомъ приближенный къ нему, а можетъ быть и участникъ въ его походѣ.

Такъ и Несторъ изображаетъ предтечу Христіанства Русскаго, блаженную Ольгу: «Аки денница предъ солнцемъ и аки заря предъ свѣтомъ; си ¹⁾ бо съяша, аки луна въ пощи.» Потому въ описаніи возвращенія Игорева начальныя слова: «Солнце свѣтитя на небесѣ, Игорьъ Князь въ Русской земли» имѣють красоту народно-поэтическую, особенно полнѣ того, какъ предъ походомъ Князя солнце закрылось полнымъ затмѣніемъ и покрыло тьмою воинство его.

Изъ слѣдующаго отрывка можно видѣть, что у Пѣвца и аллегорія принимаетъ иногда образъ отрицанія: «Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая: галици стады бѣжать къ Дону великому.» Пѣвецъ хочетъ сказать, что къ Дону бѣгутъ не Русины, но полки Половецкіе. Впрочемъ здѣсь отрицаніе не въ оборотѣ только рѣчи, не кажущееся, но настоящее отрицаніе; противоположеніе здѣсь аллегорическое, въ другихъ мѣстахъ Пѣсни прямое, которое Пѣвецъ любитъ употреблять для сильнѣйшаго выраженія себя.

Разсмотрѣвъ сіи опредѣленные виды подобія у Пѣвца Игоря, мы можемъ изъяснить себѣ, отъ чего Пѣснь его отличается вообще чрезвычайною изобразительностію выраженія. А какъ любимѣйшія и главныя краски его живописи суть птицы и звѣри, которые такъ часто встрѣчаются и въ народныхъ Пѣсняхъ нашихъ, — то я почитаю неизлишнимъ, въ заключеніе о семъ предметѣ, представить вамъ ихъ значеніе въ народной Поэзіи нашей.

Народно-поэтическая символика птицъ и звѣрей.

1) Изъ птицъ всѣхъ чаще встрѣчается въ Пѣсни соколъ почти всегда избивающимъ птицъ (особенно гусей и лебедей), въ слѣдствіе соколиной охоты, столь любимой и столь всеобщей въ старину. Соколъ есть символъ храбрости и быстроты въ нападеніи.

Смъ въ древнихъ памятникахъ озъ вѣаетъ сія.

Игорь нѣсколько разъ представленъ соколомъ, а вмѣстѣ съ нимъ уже и братъ его Всеволодъ.

«О, далече зайде соколъ, птицѣ бѣя къ морю; а Игоромъ храбраго пѣлку не крѣсити (не воскресить)!»

«Се бо два сокола слетѣста съ отня стола злата поиска ти града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Ужд соколома крьльца припѣшали поганыхъ саблями; а самою онутана во путины желѣзны.»

Въ погонѣ за Игоремъ Гзакъ говоритъ Кончаку о Соколичѣ, плѣнномъ сынѣ Игоря: «Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича разстрѣляевъ своими злачеными стрѣлами.»

Уподобленіе Романа (Галицкаго) и Мстислава соколу приведено выше сего.

Святославъ, говоря о воинской храбрости, восклицаетъ: «А чи диво ся, братіе, стару помолодѣти? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицѣ взбиваетъ, не дасть гнѣзда своего въ обиду!»

Наконецъ и 10 вѣщихъ перстовъ Бояна у Пѣвца падаютъ на живыя струны, какъ 10 соколовъ на стада лебедей.

Такъ и въ Великорусскомъ пѣснопѣніи:

«Онъ (Волхъ) обернется яснымъ соколомъ,
«Полетѣлъ онъ далече на сине море,
«А бьетъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей.»

2) Живая струна Бояна, которая сама гремитъ ¹⁾ пѣснь славы Князьямъ, уподобленная лебедю, напоминаетъ намъ лебединое пѣніе классической Мифологіи, показываетъ, что лебедь и у Пѣвца нашего былъ символомъ пѣнія и звука вообще. Такъ и въ Украинской Думѣ о Коновченкѣ читаемъ:

¹⁾ Эпитетъ *живая* струна встрѣчается и въ другихъ старинныхъ поѣтвѣхъ (напр. о *Лазарѣ*); поэтическая же мысль, что струны сами рождаютъ славу, образовалась въ пѣдой вымыселъ о *муслихъ самогудяхъ*.

- « Не ясенъ соколь на долинѣ по табору гулае,
- « Не бѣлая лебедь спѣвае:
- « Полковникъ Хвилоненко похожае,
- « Словами промовляя.»

3) Но эмблемою Пѣвца, по всемірному употребленію, служитъ лучший изъ пернатыхъ пѣвцовъ—соловей, который своимъ «щекотомъ» воспѣваетъ и славу полковъ, и приближеніе свѣта солнечнаго ¹⁾).

4) Пареніемъ сизаго орла выражается полеть поэтического «ума» или «замышленія» Боянова.

5) Зегзицѣ, т. е. кукушкѣ (по Украински зозуля) уподоблена Ярославна, тоскующая одиноко по своемъ Игорѣ. Птица сія, по природѣ своей сиротствующая, лишенная радости—насиживаетъ гнѣздо и заботится о семьѣ своей, есть вѣрный символъ сиротства и родственной печали.

И въ Украинскихъ Пѣсняхъ, гдѣ такъ сильно развито сіе чувство, всегда зозуля прилетаетъ тужить надъ непоплаканнымъ трупомъ: это живая печаль матери или сестры.

Умеръ Чумаць:

- « Насыпали чумаченьку високу могилу,
- « Посадили на могилу червону могилу.
- « Прилетѣла зозуленька, да й сказала: ку-ку!
- « Подай сыну! подай, орле! хочь правую руку!
- « Ой радѣ бы я, моя мати, обѣ-двѣ подати,
- « Да налягла сыра земля, не можно поднати!»

Подъ Саворь, могилу, умеръ казакъ, бѣжавшій изъ Азова, трупъ его поклевали птицы:

¹⁾ Голоса птицъ въ П. И. выражаются слѣдующими словами; у ворона—*трай*, онъ *траетъ*; у галки—*юворъ*, она говоритъ; у сороки—*троскотъ* ¹⁾, она *троскочетъ*; у соловья—*щекотъ*, онъ *щекочетъ*; у дятла—*текъ*; у орла—*клектъ*.

¹⁾ Въ Церковныхъ Писаніяхъ *троскотъ* означаетъ траву полевую; *троскотати*—трещать, лопаться.

Вовкі-сѣроманьци набѣгали, тѣло козацьке рвали,
«По тернахъ, по балкахъ жовту кость жваковали,
«Жалобненько квилили, проквляли 1) —
«То жъ воны козацькіи похороны одправляли.
«Де-ся взялась сиза зозуленька,
«Въ головкахъ сѣдала, жалобно кувала,
«Якъ сестра брата, або мати сына оплакала.»

Въ Великорусскихъ Пѣсняхъ этотъ плачь матери надъ сыномъ изображается не кукушкою, но ласточкою:

«То не ласточка, не касаточка
«Кругъ тепла гнѣзда увивается:
«Убивается тутъ родная матушка.»

Въ свадебныхъ Пѣсняхъ Украинскихъ плачущая невѣста, когда уводятъ ее отъ матери къ жениху, представляется обыкновенно кукушкою (а отлучающіе ее отъ отъ родной семьи дружки—галками) 2).

Кромѣ того кукушка въ Украинѣ почитается вѣщею птицею, у которой спрашиваютъ, сколько лѣтъ жить, скоро ли выйти замужъ и т. п. То же самое и у Литовцевъ, у коихъ есть повѣрье, что въ кукушку обратилась сестра, тосковавшая о смерти трехъ братьевъ;—есть и Пѣсня, гдѣ въ видѣ трехъ кукушекъ надъ мертвецомъ тоскуютъ жена въ ногахъ, сестра въ головахъ, а мать у сердца 3).

6) Противоположное значеніе симъ птицамъ имѣеть воронъ и однородники его галка и сорока. Противоположность ворона кукушкѣ относительно смерти человѣка выражена прекрасно цѣлою Пѣснею казацкою про смерть.

1) Во второй статьѣ изъяснено уже это слово и отличено отъ *целили* оба они есть и Волинской Лѣтописи.

2) Таковы наирямѣрь свадебныя (*весельныя*) пѣсни: «Закувала зозуленька у садочку»;—«Ой летать галочки.»—Сиротство дѣвicy на чувствительнѣе выражено въ Пѣсни: «Ой летѣла зозуленька черезъ поле, гай.»

3) См. С. Отеч. 1836 года, № 16.

«Ой не дай же Боже, у Польщѣ умерти,
«Тамъ никто не посумѣе о твоей смерти.

«Толькѣ-жъ воронъ, воронъ прилетитъ до тебе,
«Да ѣ сяде на тебе, да ѣ поклюе тебе.

«Ой поклюе тебе, да и перестане;
«Прилетитъ возуля, да ѣ плакати стане.

«Толькѣ-жъ воронъ да возуля ѣ будутъ тебе знати;
«Толькѣ-жъ одна возуленька ѣ буде сумовати!»

Потому и цоганый Половчинъ названъ чернымъ ворономъ въ Пѣсни Игорю, такъ же, какъ въ Великорусской Пѣсни («Не отъ тучи, не отъ грома»), гдѣ плѣненный Краснощекѣвъ представленъ соколомъ, Турки называются черными воронами.

Воронъ въ нашей Поэзіи всегда не добрая примѣта, всегда является на горе; его карканье («вороно-грай») всегда злобщій голосъ, какъ во спѣ Святославономъ:

«Ой кряче, кряче да чорненькій воронъ
«Да на глубокой долинѣ;
«Ой плаче, плаче молодой козаче
«По несчастливой годинѣ.»

7) и 8) Подобное значеніе въ Пѣсни Игорю имѣютъ галка и сорока. Вспомните, какую «свою рѣчь говоряхуть галици,» когда собратья ихъ вороны дѣлили между собою труны. Полки Половецкіе также названы у Пѣвца галичьими стадами въ противоположность соколамъ-Русинамъ; а разговоръ Половецкихъ Хановъ уподобленъ стрекоту сорокъ.

Вотъ еще картина ночи предъ битвою съ Половцами: «Длго ночь мркветъ; заря-свѣтъ запала; щекоть славій успе, говоръ галичь убуди.»

Вотъ противоположная картина разсвѣта, предъ возвратомъ Игоря на Русскую землю: «Тогда врани не гряхуть, галици помлькоша, сорокы не трескоташа; по лозію ползоша

только дятлове, тектомъ путь къ рѣцѣ (т. е. Дону) кажутъ; соловій веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ.»

Здѣсь весь родъ вороній представленъ въ противоположности съ соловьемъ—вѣстникомъ свѣта, и дятломъ—показателемъ пути на родную землю.

Въ Украинской Поэзіи сорока является еще подобно ворону на трубахъ (Дума V); но галка сдѣлалась любимымъ символомъ разлуки, утративъ прежнее непріязненное значеніе; примѣры тому увидимъ при разборѣ Украинскихъ Пѣсень.

Что касается до звѣрей, то всего чаще въ Пѣсни Игорю встрѣчается волкъ, служащій для выраженія быстрого бѣга по землѣ. Это видѣли мы уже въ изображеніи бѣгущаго Игоря, Курской дружины, и замышленія Бояна (какъ Пѣвца историческихъ событій на землѣ Русской, который по словамъ Пѣвца Игоря, «рискалъ въ тропу Трояню чрезъ поля на горы»). Кромѣ того, по словамъ Пѣвца Игоря, волкомъ скакалъ и рискалъ Всеславъ Полоцкій, бѣжалъ къ Дону Гзакъ, и Влурь слѣдомъ за Игоремъ изъ плѣна.

Несторъ, въ описаніи Святослава, быстроту его сравниваетъ съ пардусомъ. «Легко ходя, акы пардусъ, войны многы творяше.»—И Пѣвецъ Игоря упоминаетъ одинъ разъ о семь звѣрѣ¹⁾, говоря, что «по Русской земли простролася Половци, акы парду же гнѣздо.»

Но важнѣйшій изъ звѣрей—символь храбрости и

¹⁾ Изъ Киевской Лѣтописи видно, что въ половинѣ XII вѣка Олегъ Святославичъ Юрію Долгорукому, а Святославъ Ольговичъ Ростиславу подарили *пардуса*, какъ рѣдкаго звѣря.—Тамъ же видно, что въ числѣ подарковъ были и дорогіе *оксамиты*, о коихъ упоминается въ П. И. Сія шелковая ткань, равно и какая-то другая ткань—*оретма*, уже по именамъ своимъ, суть Греческія, и безъ сомнѣнія получались изъ Греціи вмѣстѣ съ *паволоками* и другими предметами роскоши. Названіе оксамита теперь у большей части Славянъ усвоено собственно бархату, хети въ началѣ, *можетъ быть*, шелковая ткань оксамитъ и не была то именно, что нынѣ бархатъ (*аксамитъ* въ Трехъязыч. Слов. переводится *sericum, holosericum*).—Въ Цернони. Слов. Алексѣева (по описанію соборной ризн.) *аксамитъ*—значителенъ именно золотымъ бархатомъ или старинною парчею; а *двоиморъ*—рытый бархатъ.

силы есть туръ¹⁾—красивый, дикій, нынѣ весьма уже рѣдкій быкъ (игус); онъ назывался прежде у насъ, у Чеховъ, у Литовцевъ туромъ (отъ Лат. taugus); но также и Польскимъ именовъ—зубре²⁾. За нимъ любили охотиться въ старину, какъ видно (кромѣ Царедворской рукописи Чешской) изъ Поученія Владиміра Мономаха, который, рассказывая о своихъ ловахъ звѣриныхъ въ Червиговѣ, говоритъ: „Тура мя два метала на розѣхъ.“ Въ Пѣсни Игорю, какъ уже знаете вы, буй-туромъ (и яръ-туромъ) называется удалый Всеволодъ; дружина Рюрикава также уподоблена турамъ. И Волынская Лѣтопись, описывая „великаго и памятнаго“ Романа Галицкаго, говоритъ: „Храборъ же бѣ, яко и туръ; ревнова же дѣду своему Мономаху.“—Въ Царедворской рукописи Ярославъ скакалъ „якъ туръ ярый.“

Въ старинныхъ Великорусскихъ пѣснопѣніяхъ, по содержанию относящихся къ Владиміровскимъ богатырскимъ временамъ, часто упоминается о турѣ и обращеніи въ онаго нашихъ богатырей. Такъ въ пѣснопѣніи о Волхѣ Всеславичѣ:

- * Въ-та-поры поучился Волхъ ко премудростямъ:
- * А и первой мудрости учился—
- «Обертываться яснымъ соколомъ;
- * Но другой то мудрости учился онъ Волхъ—
- «Обертываться сѣрымъ волкомъ,
- * Ко третьей то мудрости учился онъ Волхъ—
- «Обертываться гнѣдымъ туромъ—золотые рога.»

¹⁾ Съ симъ туромъ-быкомъ не должно смѣшивать Кавказскаго тура-барана, коего крѣпкіе и большіе рога (извѣстные подъ именемъ *турьихъ*) употребительны понынѣ вместо стопа или кружка для вина, особенно у Грузиновъ; искусные изливаютъ въ ротъ цѣлый рогъ вина, не дотрогиваясь до губъ.

²⁾ Въ Новгородѣ Сѣверскомъ есть оврагъ, называемый *Цуррикимъ Ромъ*; не есть ли это испорченное слово *Зубрикий*, и не водились ли тамъ встарину зубры?

О повтореніяхъ.

Встрѣчая частое повтореніе нѣкоторыхъ подобій у Шыца, приписывайте оное не бѣдности, но вѣрности его воображенія. Изъ небогатой природы своей онъ избралъ не многія, но прочныя краски для картинъ своихъ, и они у него любимыя, привычныя, составляютъ отличіе и характеристику его живописи. Такое однообразіе красокъ свойственно особенно народной Поэзій и составляетъ въ ней красоту; хотя и въ искусственной Поэзій есть свои привычныя краски, имѣющія повсюдныя и всегдашнее употребленіе, но отъ того не теряющія своего достоинства, ибо оно истинное; на пр. роза, лилія.

Повтореніе извѣстныхъ словъ и цѣлыхъ реченій въ народной Поэзій имѣетъ особенную значительность, есть постоянная, отличительная ея принадлежность, составляетъ иногда особенный образъ въ гѣсногѣннѣи. Потому слѣдуетъ обратить на него особенное вниманіе и въ Пѣсни Игорю.

1) Сюда во-первыхъ принадлежитъ постоянное повтореніе нѣкоторыхъ словъ. Я разумѣю особенно постоянныя эпитеты, усвоенныя разнымъ вещамъ и лицамъ, и всегда къ нимъ прилагаемые. Сей Гомерическій обычай усвоенія постоянныхъ эпитетовъ есть общая принадлежность Поэзій народной. Такъ въ Пѣсни Игорю встрѣчаеи многіе эпитеты, совершенно народные, сохранившіеся и любимыя доннынъ преимущественно въ Великорусской народной Поэзій; нѣкоторые же изъ нихъ встрѣчаются у другихъ Славянъ, и потому должны быть весьма древніе. Таковъ на пр. эпитетъ красная; въ Пѣсни Игорю красная дѣвица, красныя дѣвы Готскія, красныя дѣвки Половецкія, красная Глѣбовна; у Нестора—красныя жены; въ Старо-Чешскихъ Пѣсняхъ—красная дѣва. Эпитетъ сей употребителенъ въ Великорусскихъ пѣсняхъ и поговоркахъ; но въ Украинскомъ языкѣ почти совершенно утратился ¹⁾. Слѣдующіе эпитеты изъ Пѣсни Игорю коннынъ оста-

1) Въ П. И. употреблено еще слово: *любая дѣвица* (сврѣже *Воеводн* жребій о дѣвицѣ себѣ *любю*): въ такомъ смыслѣ и въ Украин. П. встрѣчается *любая, милая дѣвичина*; но вмѣсто красная—*гарна, лоторна*.

ются любимыми эпитетами Великорусскими: звѣрь лютой (тожь въ Поуч. Моном.) конь борзый, море синее, поле чистое, стрѣла каленая, воронъ черной (и въ Украинск. П.). Орель названъ сизымъ (въ П. И. шизый) и по Украински; волкъ въ П. И., называемый сѣрымъ (однажды босымъ), въ Украин. Думахъ называется сѣроманцемъ. Мечи и копья въ П. И. харалужныя; въ Великорус. Пѣсняхъ употребительныя булатный мечъ, ножъ. Донъ у Пѣвца именуется иногда синимъ, но чаще и собственнѣе великимъ; а въ Великорус. Пѣсняхъ—тихимъ, иногда же Дономъ (или Дунаемъ) Ивановичемъ (отъ Ивановаго Озера), подобно чему въ П. И. Днѣпръ названъ словутичемъ (т. е. сынъ славы, славичь). Половцы постоянно называются погаными, какъ послѣ называли Татаръ. Къ симъ эпитетамъ принадлежатъ и прозванія разнымъ лицамъ: въ П. И. Боянъ называется вѣщимъ, Всеволодъ Буй-Туромъ (Яръ-Туромъ и просто Туромъ по разу); Ярославъ Галицкій Осмомысломъ, три Мстиславича—шестокрыльцами; такъ еще и прежде Олега называли вѣщимъ, Мстислава Тмутораканскаго (въ П. И.) храбрымъ, Романа краснымъ (въ П. И.).

Всѣ эти эпитеты происходятъ и существуютъ отъ желанія означить предметъ наименованіемъ существеннаго, главнаго его свойства, и отъ народнаго понятія и вкуса. При этомъ они, особенно у Русскихъ заимствуются иногда отъ самаго имени предмета, въ коемъ заключается уже его опредѣленіе, на пр. чудо чудное, диво дивное, воля вольная ¹⁾; либо же составляются повтореніемъ того самаго или близкаго слова, иногда только въ другомъ видѣ, на примѣръ: горе-гореваньице, пированье почетный пиръ, родъ-племя, молодо-зелено, кричмя кричить; въ Украинскихъ Пѣсняхъ часто встрѣчае: трудно-нудно, тяжко-важко. Къ такимъ выраженіемъ въ П. И. принадлежатъ слова: «заря-свѣтъ,—свѣтъ свѣтлый».

2) Что касается до повторенія рѣчей, то оно также

¹⁾ Какъ въ Зендавестѣ *внчма внчностъ*

и естественно, и часто составляет красоту. Удачно сказавшееся реченіе врѣзывается въ память, становится любимымъ и привычнымъ, обращается въ поговорку. При подобномъ случаѣ оно готовое уже повторяется, какъ бы само собою, и этимъ припоминаніемъ производитъ удвоенное впечатлѣніе. Потому Поэты иногда такъ удачно повторяютъ себя въ своихъ начальныхъ, либо окончательныхъ стихахъ; потому въ Риторикахъ состоялись особыя фигуры рѣчей: единоначатіе, единоокончаніе, произошли Триолеты, Рондо между формами стихотворными.

До какой степени повтореніе себя любимо нашею народною Поэзіею, это увидимъ еще въ свое время; теперь же приведу реченія, повторяющіяся въ Пѣсни Игорю.

О выраженіи: «пить Донъ шеломомъ» я говорилъ уже.

У Пѣвца однажды повторилось изреченіе: «Ищучи себѣ чти, а Князю славы» объ Русскихъ войнахъ, готовящихся на битву съ Половцами,—въ заключеніи 2 и 3 Главы.

«О Русская земле! уже за Шеломянемъ еси!» дважды восклицаетъ Пѣвецъ, по вступленіи Русичей на чужую Половецкую землю, и предъ роковою битвою; и какъ глубокъ этотъ вздохъ по Русской землѣ, на которую уже не воротились воины Игоревы!

«А Игорева храбраго плѣку уже не крѣсити!» повторено также Пѣвцомъ, при воспоминаніи о плѣнѣ Игоря и о новыхъ бѣдствіяхъ отъ Половцевъ (эти же слова у Нестора говоритъ Древлянамъ Ольга про своего Игоря: «уже мнѣ мужа своего не крѣсити!»).

Три воззванія Пѣвца къ Князьямъ о помощи обанчиваются одинаково: «За землю Русскую, за раны Игоревы, буюго Святиславича!»

Наконецъ, печаль прибережной природы о гибели Игоря полку на Каялѣ и о смерти Ростислава въ р. Стугнѣ изображается одинаково: «и древо съ тугою въ землѣ преклонилось.»

Не правда ли, что все это выраженія такія, кои стояли

повторенія, и въ такихъ случаяхъ, гдѣ могли повториться сами собою?

Не менѣе прекрасно и повтореніе словъ: «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ, на заборолѣ аркучи» въ началѣ каждой строфы ея Пѣсни, хотъ такое повтореніе относится собственно уже къ наружному виду Пѣсни.

Объ языкѣ.

Языкѣ Пѣсни Игорю по составу своему, т. е. въ лексико-грамматическомъ отношеніи, сходенъ съ языкомъ Нестора, Мономаха, и особенно съ языкомъ Кіевской и Волынской Лѣтописи; но въ немъ еще болѣе чѣмъ въ нихъ, замѣтно какъ я прежде говорилъ уже) бореніе народно-Русскаго языка съ книжно-Словенскимъ. И это потому, что Пѣснь Игорю есть произведеніе мірское, поэтическое и притомъ сложенное въ концѣ XII вѣка. Тогда Словенскій языкъ у насъ начиналъ уже измѣняться противъ первоначальнаго, древняго своего вида; и хотъ на немъ писали, а вѣроятно и говорили тогда книжные и Духовные люди, но для мірянъ онъ былъ уже старыи языкъ; во всеневномъ же употребленіи былъ у нихъ другой, свой природный, областной языкъ, уже нѣсколько развитый (особенно въ Южной Руси), хотъ еще и не установившійся.

Посему во внутреннемъ составѣ языка Пѣсни Игоревой видимъ сочетаніе двухъ стихій—книжной и народной. Языкѣ Пѣвца Игоря столько жъ особенный и такъ же составился, какъ и въ наше время изъ новаго—книжнаго и народнаго—Русскаго составляетъ особенный языкъ какого-либо даровитаго самостоятельнаго Писателя, по особенностямъ его дарованія, понятія, намѣренія. Пѣвецъ именно хотѣлъ воспѣть походъ Игоря «старыми словесы трудныхъ ¹⁾ повѣстій» по обычаю

¹⁾ *Трудныхъ повѣстій*—значить здѣсь не *высокихъ сказаній*, не *трудную Повѣсть* объ Игорѣ, и даже не *прискобную Повѣсть* объ Игорѣ (какъ у первыхъ издателей, хотъ они смыслъ Слова поняли вѣрнѣе другихъ, но именно печальныхъ *Повѣстей*: ибо *трудъ* значить не только работу, но и

тогдашнихъ Писателей, а можетъ быть по желанію приблизиться къ языку своего вдохновителя Бояна (XI в.): потому у него и господствуетъ вообще языкъ Словенскій. Но это самое намѣреніе воспѣть «старыми словесы» показываетъ уже, что былъ тогда другой языкъ, относительно Словенскаго новый, употребительный въ разговорѣ, а вѣроятно и въ народныхъ пѣснопѣвнѣяхъ того времени. Сей природный и привычный Пѣвцу языкъ былъ Южно-Русскій (Сѣверской области, ибо Пѣвецъ безъ сомнѣнія былъ Сѣверянинъ) и сего языка слова и обороты безпрестанно пробиваются сквозь покровъ Словенскаго. Отъ того у него находите одни и тѣ же слова и ихъ измѣненія по этимъ двумъ языкамъ; находите слова и ихъ измѣненія, доннынѣ сохранившіяся въ Украинскомъ языкѣ и не существующія въ языкѣ собственно Великорусскомъ ¹⁾.

печаль, и отраву (какъ въ П. И.), и въ древній періодъ у насъ Повѣсти, какъ видно, назывались *трудными*; въ среднемъ періодѣ—*умильными*, что также значить *печальныя*. Судя по пѣсни Игорю, и даже по немногимъ въ ней отрывкамъ изъ Бояна, и по сему названію Повѣстей можемъ заключить, что *печальный тонъ* былъ свойственъ *народной Русской Поэзіи* уже съ древнихъ временъ;—тоскою полна Поэзія Украинская, унылостью проникнута Поэзія Великорусская.

1) Вотъ нѣсколько частныхъ замѣчаній, относящихся къ сему предмету:

1) Въ П. И. находите по книжно-Словенской формѣ: *вракъ, славій, гласъ, градъ, забрало, храбрый, брегъ, соби*; и тѣ же слова по народной формѣ: *воронъ, соловій, голоса, городъ, забороло* (и въ Киев. Лѣт.; но болѣе не употребительно, измѣнилось въ *заборъ*), *хоробрый* (встрѣчается еще въ старинныхъ Думахъ и Пѣсняхъ Украинскихъ), *берегъ, соби*. *Шеломъ* и *комонъ* употребляются постоянно по сей народной, уже утраченной у насъ формѣ; ибо *комонъ* остается только у Карпатскихъ Руссовъ, и въ одной вышеприведенной Великорусской Пѣсни; а *шеломъ* замѣнено Словенскою формою и сохранилось только въ названіи горы *шеломы*, и въ словѣ *ошоломити*; видно что шлемъ происходитъ отъ слова *чело*, также *прилибца* (то же значащее слово) отъ *ловъ*.

Но такую же двойкость находите и у Нестора Лаврент. Сине. (напр. Цареградъ и Царьгородъ, *кони*, и *комони*; *правы*, *коробы* и по Украинскому выговору *норивы*), и у Мономаха (напр. *паки* и *опякъ*, *сласть* и *солость*, *тебъ* и *тобъ*).—Такимъ же образомъ въ народномъ языкѣ (Великорусскомъ и Южнорусскомъ). *пракъ* и *порокъ* (и въ П. И. *пороси*); *правъ* и *поровъ*; *вракъ* и *сорокъ* (въ Поуч. Моном.); *вракъ* и *морокъ* (у Нестора *морочко*).

Вотъ какимъ образомъ составился языкъ Пѣсни Игорю сильный, живой, звучный и яркій, не смотря на его разности-хійность, пестроту и неустойчивость грамматическую. Эта пестрота есть характерная печать и Пѣвца и его вѣка,—какъ пестрота Теофанова языка есть выраженіе вѣка Петрова и ума самаго Вити. Какой-нибудь начетчикъ старинныхъ рукописей въ XVI вѣкѣ сумѣлъ бы лучше сладить съ языкомъ ~~а можетъ быть приблизился бы~~ къ Пѣвцу Димитрія Донскаго, подражателю Пѣвца Игоря. Эта двойкость въ языкѣ его Пѣсни и смѣшеніе двухъ стихій не должны быть поводомъ къ сомнѣніямъ о ея древности: ибо то же находится и въ другихъ

Въ П. И. встрѣчаете *единъ* и *одинъ*; то же и въ Поуч. Моном.; а въ Экзарховомъ Богословіи—*одинъ*, *единъ* и *ѣдинъ*.

2) Такая же двойкость и въ измѣненіи словъ. Въ П. И. *хощу*, *хощеши* и *хотять*; но и у Нестора не разъ найдете *хотять*; и въ Экзарховомъ Прологѣ читаете: *хотять разумѣти*.

Въ П. И. весьма употребительна форма 5-го лица (прошедшаго времени), съ прибавленіемъ *тъ* и въ единственномъ (*блаетъ*, *спяшется*) и въ множественномъ числѣ (*кикахуть*—*говоряхуть* галки); такая же форма встрѣчается довольно часто и въ Лаврентьевскомъ Спискѣ Нестора (*учаетъ*, *маломаетъ*, *укланяхуться*).—и въ Лѣтоп. Новгородскомъ (*блаетъ*, *учаетъ*).—Подобно сему и полное и усѣченное окончаніе глаголовъ въ 3-мъ лицѣ (настоящаго времени) можно видѣть въ Украинскомъ языкѣ: *пише* и *пишетъ*, *спѣвае*, *спѣваетъ* и *спѣвѣ*.

3) Что касается до именъ прилагательныхъ, то употребленіе оныхъ въ усѣченной (или коренной) и въ полной формѣ относится къ всегдашнимъ свойствамъ Русскаго языка, и народнаго и книжнаго; согласованіе же оныхъ съ окончаніями именъ существительныхъ хотя и часто встрѣчается въ древнихъ памятникахъ, но едва ли можно сіе обратить въ правило непремѣнное: ибо окончаніе прилагательныхъ именъ въ нашемъ языкѣ вообще весьма измѣнчиво, и это относится ко многообразію языка (не говорю уже о тѣхъ вольностяхъ поэтическаго нрава, какія встрѣчаются не только въ пѣснопѣніяхъ и пословицахъ народныхъ, но даже въ писанныхъ стихотвореніяхъ, напр. Державина). Такъ въ П. И. находите: *храбра* и *храбраю*; въ Великорусскихъ Пѣсняхъ *мила* друга, друга *милаю*, по горамъ по *высокимъ*, по раздольицамъ по *широкимъ*). Можно бы эти случаи разнаго употребленія окончаній въ поэтическихъ произведеніяхъ оправдать складомъ, мѣрою, которыми и дѣйствительно опредѣляется и условливается это разнообразное употребленіе; но вы находите оное и въ прозаическихъ книгахъ Словенскихъ: въ Экзарховомъ Прологѣ—*молюшу*, *даюшу*, *имушему*; въ Богословіи: *имущему*, *имущемоу*; а въ Синодальномъ Евангеліи 1144 года просто—*имушему*.

древнихъ памятникахъ нашей Словесности, и въ существующемъ донинѣ народномъ языкѣ Русскомъ—и Сѣверномъ, и Южномъ—въ Пѣсняхъ, пословицахъ и рѣчи разговорной; наконецъ прочтите многія изъ недавно писанныхъ и даже современныхъ намъ Проповѣдей: по употребленію тамъ Словенскаго и Русскаго языка, не уже ли спросите: какого вѣка языкомъ онѣ писаны, хотя несомнѣнно въ XIX вѣкѣ?...

Наконецъ остается сказать еще о складѣ **языка** въ Пѣспи Игорю.

Въ Русскомъ языкѣ есть множество разнаго рода сокращеній и растяженій, и не только въ поэтическомъ (для склада), но и въ разговорномъ. Напр *знамъ* (знаемъ), *своему* (своему), *для-шта* (для того что) и проч.

4) Въ П. И. есть многія слова, понынѣ сохраняющіеся въ Украинскомъ языкѣ и отчасти встрѣчающіеся въ другихъ древнихъ памятникахъ, напр. *туля* (печаль), *смаіа* (жаръ), *яруа* (оврагъ), *боломь*.—Въ П. И. *конецъ поля* (т. е. на концѣ поля); и въ Украинскомъ это слово употребляется какъ предлогъ: *конецъ перелома*, также какъ *край* поля (возлѣ поля)

5) *Родительный самостоятельный* падежъ находится въ П. И., напр. *другаю дни* (вм на другой день), *полунощи* (см. о полуночи).—То же находится и въ Украинскихъ Пѣсняхъ: *Зеленой недѣлюмки* (вм въ Зеленую недѣлю), *ночной doby* (вм. ночью порою).

6) К часто замѣняется Ч и Ц; вмѣсто Ч встрѣчается Ц. Напримѣръ: *вжи* и *вци*, *луки* и *лучи*, *луци*; *плъки* и *плъци*; *Русичи* и *Русици луце* (вм. *луче*, какъ писали въ старину—*лучче*). Такъ и въ договорѣ Игоря и Кіев. Лѣтоп. вмѣсто *чи* (или) — *ци* («Мы есмь *ци* не Князи?» говорили Князья Сѣверскіе).

7) Нѣсколько словъ Татарскаго языка: *блванъ*, *харалугъ*, *салтани* весьма могли быть извѣстны прежде нашествія Монголо-Татарскаго, отъ другихъ Ордъ—Печенѣговъ, Половцовъ. Такъ въ XII вѣкѣ извѣстны были нашимъ Лѣтописцамъ *камуза* (кумысь—въ Лѣтоп. Кіев.)—*Болванскій городъ* (въ Лѣтоп. Вятскій или Хлыновской).

8) Нѣкоторые слова въ П. И. показались для иныхъ новыми, таковы: *сабля*, *тѣлега*, *кровать*, *дорога*, *вытѣшій*, *давеча*. Но какъ это доказать? скорее можно опровергнуть, подобіемъ другихъ словъ древнихъ и словеснамовъ ихъ корней; а кромѣ того, напр. слово *сабля* есть къ Несторовомъ Временникѣ, гдѣ говорится о дани Полянъ *мечами* Козарамъ, у коихъ были *саблн*.

9) Большаго вниманія и изысканія филологической критики заслуживаютъ нѣкоторыя старинныя слова въ П. И., коихъ значеніе постигается болѣе по смыслу рѣчи, чѣмъ по другимъ паятникамъ языка; таковы напр. *шерешуры* (самострѣлы), *стрикусы* (тараны или стѣнобой), *папорзи*, *стаѣба*, *боломь*. *пояные тльковины* (кои Г. Глаголевъ пишетъ раздѣливъ такъ—*тлько вины*).

Здѣсь невольно приходитъ вопросъ: была ли она сложена для пѣвня? Но рѣшить это я не умѣю. Впрочемъ она могла быть пѣтою и не бывъ стихотвореніемъ: церковныя Пѣсни наши, большею частію не представляющія никакой мѣрности въ складѣ своемъ, распѣваются на опредѣленные гласы. А между тѣмъ видимъ, что Украинскія Думы бандуристы поютъ перемѣшанно, то свободнымъ говоромъ или речитативомъ, то опредѣленными напѣвами или голосами, и что онѣ сложены изъ стиховъ разной величины и разнообразнаго размѣра. Съ другой стороны, во многихъ старинныхъ Русскихъ сказкахъ находимъ мѣрное теченіе рѣчи, изъ коей иногда выпадаютъ даже правильныя стихи. Но если бы эти сказки были нѣкогда сказочными пѣснопѣвнiями и изъ нихъ преобразовались, то можно привести въ примѣръ другія, болѣе новыя чисто сказочнаго, а не пѣснопѣвческаго вымысла, но сложенныя стихами, даже рифмованными, какіе удавалось мнѣ слышать отъ Русскихъ сказочниковъ. Наконецъ можно указать еще на многія пословицы или притчи: эти въ полномъ смыслѣ изреченія весьма часто и въ древности высказывались стихами созвучными. Слѣдственно, Пѣснь Игорю могла быть сложена стихами и не для пѣвня; и наоборотъ, могла быть пѣтою, не бывъ вся стихотвореніемъ. Потому складъ ея можетъ быть разсматриваемъ и независимо отъ вышесказаннаго вопроса.

Г. Востоковъ (въ своемъ Опытѣ о Русскомъ стихосложеніи, 1817), признавая вообще складъ П. И. прозаическимъ, говоритъ однако же, что она у него раздѣлилась на довольно развитые и мѣрные періоды или стихи, но не можетъ имѣть отношенія къ (разобранному имъ такъ удачно) Велико-русскому народному стихосложенію.

Г. Дубенскій (въ своемъ Опытѣ о народномъ Русскомъ стихосложеніи, 1828) полагаетъ, что П. И. сложена изъ правильныхъ стиховъ—гекзаметровъ.

Слѣдя въ П. И. гармоническое, вольное движеніе рѣчи ея, не лзя не замѣтить, что оно совершается, такъ сказать, отдѣльными, разнообразно-стройными волнами, кои Г. Востоковъ называетъ періодами или стихами, и что изсреди ихъ вырываются настоящіе стихи, иногда даже одномѣрные, а ино-

гда даже созвучные между собою, отглашающіеся поиѣскольку на одну рѣму. Но стихи эти вообще не столь опредѣленнаго склада и однообразнаго размѣра, какъ народныя Великорусскіе, но столько жѣ разнообразныя и вольныя, какъ стихи Украинскіе, особенно въ Думахъ ¹⁾. Справедливо, что Пѣснь Игорю иногда сбивается на сказочный Великорусскій складъ; но какъ еще болѣе приближаются къ ней Думы

1) Нѣ все сіе можно привести достаточное число примѣровъ:

1) Изъ пѣсни Ярославны:

Жаждею имъ лучи съпряжѣ,
Тугою имъ туди затчѣ.

2) Ту ся кѣпиемъ приламати!

Ту ся сѣблямъ потручати.

3) Коли сѣколь въ мытѣхъ бываетъ,

Высѣко птицѣ възбываетъ.

4) Не буря соколы занесе чрезъ поля широкыя.

Галицы стады бѣжать къ Дону Великому.

5) Темно бо бѣ въ трѣть день:

Два солнца помыркоста,
Оба багряная стѣпна погасоста.

6) Въ описаніи Всеслава (въ рѣчи Бояновоу):

Всеславъ Князь людемъ судяше,
Княземъ грады радяше,
А сѣмъ въ ночь вльномъ рыскаше

7) Въ описаніи Олега:

Тѣмъ бо Олегъ мечемъ крамоу коваше,
И стрѣлы по земли сѣмше. . .
Тогда по Русской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть;
Нѣ часто врани гряхуть. . .
А галицы свою рѣчь говоряхуть. . .

8) Изъ описанія Бояна:

—Который дотечате,
Та прѣди пѣсь пояше—
Старому Ярославу,
Храброму Мстиславу. . .

Украинскія, особенно старинныя, по неопредѣленному, иногда большому числу стоць въ стихахъ своихъ, звучащихъ равномерною, вольною гармонією и созвучающихъ обыкновенно помногу на одну риѣму: потому складъ Пѣсни сей правильнѣе назвать древнимъ повѣстнымъ складомъ Русскимъ, который предшелъ сему же складу Украинской и Великорусской Поэзіи, и заключалъ въ себѣ зародыши обоихъ. Слѣдственно онъ имѣетъ къ нимъ близкое отношеніе вообще; а при этомъ уже и складъ нѣсколькихъ въ ней настоящихъ стиховъ имѣетъ отношеніе къ стихосложенію болѣе Украинскому, но также и Великорусскому.

Симъ кончаю замѣчанія мои о Пѣсни Игорю, которая завершила собою такъ прекрасно древнюю Русскую Словесность и которую можно назвать лебединою пѣснію Древней Руси.

9) Тамъ же, далѣе:

. . . Не десять соколовъ на стадо лебедей пущаше,
Нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны въскладаше.

10) Пѣсня Русскихъ женъ:

Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
Ни мыслию смыслити,
Ни думою сдумати,
Ни очима съглядати;

А злата и сѣбра ни мало тогб потрепати!—

ЗАМѢЧАНІЯ НА ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ, ¹⁾

въ стихотворномъ переводѣ г. Гербеля.

І.

Со времени перкаго изданія въ свѣтъ Пѣсни о Полку Игоревѣ, 1800 года—издано у насъ въ продолженіе 50-ти лѣтъ, 7 прозаическихъ и 8 стихотворныхъ переводовъ ея на нынѣшній русскій языкъ (не говорю о переводахъ на языки иностранныхы). А сколько написано примѣчаній, изслѣдованій! Такъ велико и постоянно вниманіе, возбуждаемое этою лебединою пѣснію древней Руси!... И вотъ она является въ 1854 году въ новомъ стихотворномъ переводѣ г. Гербеля, и въ такомъ нарядномъ изданіи, въ какомъ ни разу еще не выходила. Перечитавъ съ удовольствіемъ этотъ новый переводъ Пѣсни Игорю, вмѣняю себя въ новое удовольствіе дать критическій отчетъ объ немъ, — припоминая себѣ давнюю работу мою—надъ ея критическимъ разборомъ, въ трехъ лекціяхъ (напечатанныхъ 1836 г. въ Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. см. выше с. 498—563) и надъ переводомъ ея, изданнымъ 1837 г. (для моихъ слушателей въ университетѣ св. Владиміра) ²⁾

1.

Послѣ всего написаннаго о Пѣсни Игорю, и особенно послѣ прекрасной лекціи г. Шевырева (1846 г. въ Истор.

1) Москвитинъ 1855, № 1, с. 157—172; и № 2, 105—134.

2) Мой подстрочный переводъ напечатанъ съ однимъ только текстомъ Пѣсни, безъ всякихъ примѣчаній и поясненій; и этотъ недостатокъ замѣтно хоть вышними замѣчаніями на новый переводъ ея.

Рус. Слов.)—излишне было бы входить здѣсь въ общія объ ней разсужденія. Достаточно будетъ указать только, въ чемъ состоитъ особенность поэтического взгляда на нее г. Гербея. Онъ полагаетъ всю особенность ея—въ тонѣ и складѣ рѣчи ея, которыя и старался онъ сохранить по возможности (стр. 29 и 30). Владѣя стихомъ легкимъ и звучнымъ, переводчикъ достигъ этой цѣли: переводъ его производитъ общее впечатлѣнїе, подходящее къ тому, какое остается въ насъ по прочтенїи подлинника. Въ этомъ его отличительное достоинство. Ибо, по близости къ подлиннику въ передачѣ подробностей, переводъ г. Гербея уступаетъ не рѣдко какъ гекзаметрическому переводу г. Деларю (1839 г.), такъ и переводу г. Мея (1850 г. въ Москвитянинѣ), написанному размѣромъ народно-русскихъ стиховъ. Переводъ г. Мея тѣмъ неудовлетворителенъ, что въ немъ древняя пѣснь русскаго юга иногда перестроена на тонъ и складъ сѣверно-русскихъ стиховъ про веселыхъ молодцевъ новгородскихъ. Таково, напримѣръ, самое начало пѣсни:

«Аль затыгивать, ребята, на старинный ладъ
 Пѣсню слезную о полку князя Игоря,
 Князя Игоря Святославича.
 А и пѣсню намъ затыгивать
 Про недавнюю былинушку,
 Не по замыслу Боянову...
 Тагъ затынемъ же ребята пѣсню дружную.»

У г. Гербея это начало передано въ тонѣ болѣе соотвѣтственномъ подлиннику:

«Не начать ли, братцы! мнѣ
 Моего повѣствованья,
 По завѣтной старинѣ,
 Складомъ важнаго сказанья
 Про исполненный невзгодъ
 Святославича походъ?
 И начать разсказъ мнѣ свой

Не по пѣснямъ вдохновеннымъ
 Соловья страны родной,
 А по былямъ современнымъ.»

Чтобы поддѣлаться удобнѣе подъ топорѣчи подлинника, переводчикъ для каждой главы подбиралъ соответственный стихотворный размѣръ (с. 30) Тутъ—дѣло мастера боится;—тонъ рѣчи выдержанъ равно, и въ народно-русской мѣрѣ стиха, избранной для нѣкоторыхъ главъ. На мой взглядъ только двѣ главы, переведенныя безрифменнымъ гекзаметромъ какъ-то рознятся съ остальными десятью, придавая иногда и самимъ подробностямъ несвойственный характеръ. Я разумѣю особенно ту главу, гдѣ описана побѣда надъ Половцами: «Съ зараня въ пяткъ потопташа поганья плѣкы половецкыя.» Тутъ всего болѣе имѣлъ бы мѣсто размѣръ народныхъ пѣсень, для выраженія русской удали, какъ въ переводѣ Мея:

«Спозаранокъ было въ пятницу—
 Потоптали наши витязи
 Половецкую силу поганую;
 Поразсыпавшись стрѣлами по полю....»

Въ переводѣ г. Гербеля это мѣсто сбивается на Иліаду
 «Встрѣтившись въ пятницу утромъ, Русичи дружнымъ
 напоромъ
 Смяли враговъ....»

и особенно, когда мѣсто серебряннаго копья, встрѣчается «древко хитрой чеканной работы.» У пѣвца Игоря простой металл, и ни слова о хитрой работѣ.

2.

Г. Дубенскій пытался разбивать и самый подлинникъ Пѣсни на ровные гекзаметрическіе стихи; но и это было напрасное дѣло. Г. Гербель разбилъ ее на стихи неровной величины (на основаніи моего мнѣнія о ближайшемъ сред-

ствѣ Пѣсни Игорю съ Украинскими думами и по складу ея рѣчи). Стихи, на которые онъ раздѣлилъ пѣснь Игорю, иногда слишкомъ уже дробны; но во всякомъ случаѣ эта работа г. Гербеля составляетъ памятную услугу его въ отношеніи къ подлиннику Пѣсни. Напечатаніе текста кирилловскими буквами тоже составляетъ отличіе и достоинство его изданія.

3.

Что касается до дѣленія Пѣсни на главы, то г. Гербель принялъ Сахаровское дѣленіе на 12 пѣсень (вмѣсто 14, предложенныхъ мною, или 16, предложенныхъ г. Шевыревымъ). Но это напрасно; ибо г. Сахаровъ во 2 и 3 главѣ соединилъ по двѣ особыя. Неправильность этого соединенія отозвалась на самомъ переводѣ г. Гербеля. Ко 2-й главѣ (тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце....) относится вѣще затмѣніе, бывшее въ среду 1 мая, когда Игорь подходилъ къ р. Донцу, и приходъ къ нему брата Всеволода на другой день, когда Игорь былъ въ р. Осколѣ.—За тѣмъ слѣдуетъ уже особая глава (Тогда вѣступи Игорь въ златъ стремяще...). Тутъ пѣвецъ изобразилъ грозную ночь, въ продолженіе которой Игорь сдѣлалъ большой переходъ. Это была уже вторая ночь послѣ затмѣнія, съ четверга на пятницу; а у г. Гербеля она представлена вслѣдъ за затмѣніемъ, какъ бы съ середины на четвергъ. Пѣвецъ только напоминаетъ здѣсь о бывшемъ затмѣніи, говоря: солнце ему путь заступало;—и потомъ начинаетъ рѣчь о самой ночи этой,—что она, грозой застонавъ ему (Игорю), птицъ разбудила.... А въ переводѣ Гербеля вы видите продолжающуюся затмѣніе солнца:

«Но солнце дорогу ему застилаетъ
 Полночную синею мглой;
 Ночь, воемъ грозя ему, птицъ пробуждаетъ.»

У пѣвца скрипомъ половецкихъ телѣгъ означена полночь (у переводчика неопредѣленно сказано: поздней порой). Послѣ полуночи, у пѣвца выражена нетерпѣливость

посиѣшающаго Игорева войска, что долго тянется эта ночь, и не скоро появляется заря новаго дня «Длго ночь мръкнетъ заря свѣтъ зачала; мѣгла поля покрыла...» А въ переводѣ, все еще только начинается эта ночь:

«Спускается ночь съ высоты;
Заря, чуть мерцающая вдали догораетъ,
Поля покрываются мглой.»

4.

Перейду теперь къ разсмотрѣнію подробностей перевода въ которомъ—какъ говоритъ г. Гербель—старался онъ о возможно-вѣрной передачѣ красоть подлинника. (Всѣ переводившіе Пѣснь Игорю, какъ стихами такъ и прозою, вѣроятно, заботились о томъ же; ибо каждый переводъ, и прозаическій и стихотворный, то же, что портретъ—гдѣ сходство съ подлинникомъ есть главное достоинство. Но г. Гербель строго осудилъ всѣ прозаическіе переводы, говоря, что въ нихъ дорожили болѣе примѣчаніями и критическими изслѣдованіями, чѣмъ переводами,—и полагая только переводъ г. Вельмана счастливымъ исключеніемъ изъ нихъ!

Я начну съ простыхъ красокъ, которыми обрисованы у пѣвца Игоря разные предметы. Взглянемъ прежде всего на обрисовку оружія и доспѣховъ воинскихъ.

5.

(Щитъ). Пѣвецъ Игоря, когда говоритъ о щитахъ всегда ихъ называетъ червлеными; такими нарисованы щиты русскихъ и на картинкѣ «св. Борисъ ѣдетъ на Печенѣги»—въ древней харатейной рукописи житія Борисова (находящейся въ типографской бібліотекѣ).

Но переводчикъ ни разу не нарисовалъ щитовъ красными.

Изяславъ, Городенскій князь въ битвѣ съ Литвою—«нодь чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ литовскими мечи.» Въ переводѣ:

«Паль подь ударами сабель литовскихъ, прикрытый
щитами,
На орошенную кровью траву...»

Передь битвою съ Половцами на Каалѣ въ субботу, и на Сюрліѣ въ пятницу, у пѣвца два раза нарисованы Русскіе, загородившіе поле чрълеными щитами; въ переводѣ— просто щитами.

Изображая грозную ночь, пѣвецъ—(безъ сомнѣнія бывшій въ этомъ походѣ) говоритъ между прочимъ: «лисици брешуть на чръленя щиты.» Тутъ всего болѣе надо было нарисовать щиты красными, такъ какъ этотъ цвѣтъ раздражаетъ многихъ животныхъ. Но въ переводѣ г. Гербеля и тутъ не передана краска подлинника:

«Проснулись лисицы и лають за станомъ,
Завидя стальные щиты.»

6.

(Мечъ и сабля).—Въ вышеприведенномъ мѣстѣ о князѣ Изяславѣ, пѣвецъ даетъ Литовцамъ мечи, а переводчикъ сабли. Далѣе, внукамъ Всеслава пѣвецъ говоритъ: «вонзить свои мечи верезени.» У переводчика: «вложите въ ножны свои притупленныя сабли.» Пѣвецъ говоритъ: «той бо Олегъ мечемъ крамолу коваше»,—въ переводѣ—«саблею коваль.» У пѣвца о Святославѣ сказано: «притрепаль харалужными мечи;» у переводчика—саблями булатными! Половцамъ пѣвецъ даетъ только сабли; а переводчикъ не одинъ разъ даетъ имъ мечи. Князьямъ Рюрику и Давиду, пѣвецъ говоритъ: «не ваю ли храбрая дружина рыкають аки тури, ранены саблями калеными въ полѣ незнаемъ?» Въ переводѣ:

«Не ваши ль дружины рыкають,
Среди незнакомыхъ полей,
Подобно израненымъ турамъ
Концами каленыхъ мечей?»

Бояре говорятъ Святославу о пораженіи Игоря и Всеволода: «Уже соколама крыльца прииѣшали поганыхъ саблями.» Въ переводѣ:

«Но крылья могучія ихъ
Враги обрубили стальными мечами.»

Вотъ еще замѣчательное мѣсто, въ обращеніи пѣвца къ Роману и Мстиславу: «Литва, Ятвязи, Деремедя—с у л и ц и своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тьи мечи; харалужные.» Въ переводѣ:

«Повергли оружье предъ вами,
Склонились подъ сабли Славянъ.»

Въ Пѣсни Игорю вѣтъ и помину о Славянахъ когда же переводчикъ, давая безъ разбора мечи и сабли, называетъ мечи волынскихъ князей «саблями Славянъ», то не лишнимъ считаю сказать, что Славянамъ собственно принадлежали мечи; а сабли вошли на Русь отъ воевавшихъ съ нею Азіятцевъ (Половцы и представлены у пѣвца только съ саблями; а Русь и Литва съ мечами; изъ Русскихъ только Куряне съ саблями). Припомнимъ изъ Нестора, дань днѣпровскихъ Полянъ Козарамъ—отъ дыма мечь. «Рѣша старци козарьстии: не добра дань княже! Мы ся доискахомъ оружемъ одною стороною, рекше саблями, а сихъ оружье обоуду остро, рекше мечь.» Припомнимъ еще замѣреніе воеводы Прѣтича (968 г.) съ княземъ печенѣжскимъ. «И вдасть печенѣжскій князь Прѣтичю конь, саблю, стрѣлы; онъ же дасть ему бронѣ, щитъ, мечь.»

7.

(Латы).—У пѣвца Игоря ударъ меча и сабли о бѣ ш е л о м ы есть характерная и любимая черта въ изображеніи битвы. «Единъ же Изяславъ—позвони своими острыми м е ч и о ш е л о м ы Литовскыя.» Въ изображеніи Всеволода, бьющагося на Каялѣ: «прыщеша на вон стрѣлами, гремлеши

о шело мы мечи харалужныи.» Въ переводѣ вѣрно: «и гремитъ объ ихъ племы мечами.» Изображая поражение Русскихъ на Каялѣ, пѣвецъ говоритъ: «съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣта, летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли объ шело мы, трещатъ копя харалужныя.» Въ переводѣ:

«Стрѣлы тучами летятъ,
Копья крѣпкія трещатъ,
И о бляхи мѣдныхъ латъ
Сабли острыя гремятъ.»

Тутъ произвольно, вмѣсто шеломовъ, даны бляхи мѣдныхъ латъ. Но пѣвецъ Игоря совсѣмъ исключилъ мѣдъ изъ своихъ красокъ, и въ его Пѣсни ничего нѣтъ мѣднаго. О латахъ ни разу не случилось упомянуть ему; а въ переводѣ г. Гербеля еще разъ встрѣчаются латы (желѣзныя), на князьяхъ Романѣ и Мстиславѣ:

«За тѣмъ, что латинскіе племы
И латы на вашихъ плечахъ.»

Въ подлинникѣ: «суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шело мы латинскими.» Первые издатели Пѣсни перевели желѣзными латами, и этотъ переводъ повторялся долго, по незнанію, что такое папорзи. Догадка Грамматина, что это нагрудники (поперси)! была неудачна. Но теперь это слово уже объяснено; г. Шевыревъ и въ живой рѣчи русской подслушалъ слово папорзокъ (см. его Поѣздку 1850, ч. I. стр. 103).

Въ переводѣ г. Минаева, напечатанномъ 1846 года, передано это мѣсто вѣрно:

«Вы подъ племы латинскіе
Взяли крылья желѣзныя.»

Но г. Гербель пропустилъ это важнѣйшее и, можно сказать, единственное мѣсто перевода Минаева, — которымъ онъ послужилъ къ поясненію подлинника пѣсни, (между тѣмъ какъ г. Гербель руководствовался фантазіей г. Минаева въ уясне

ни себѣ другихъ темныхъ мѣсть, напримѣръ, о стигахъ Давидовыхъ, о клюкахъ Всеславовыхъ!). Пѣвецъ уподобляетъ полетъ Романа и Мстислава на враговъ шириню сокола на птицею,—и продолжаетъ: «суть бо у ваю желѣзныи напоразъ». Но что же означилъ онъ желѣзными крыльями? И Шовыревъ (тамъ же) говоритъ: «должно разумѣть желѣзными плечники и даже латы».—Такъ и у г. Гербеля—латы на плечахъ. А по моему мнѣнію, такъ пѣвецъ самъ поясняетъ напоразы, говоря объ нихъ: тѣмъи—тресну земля... подѣ тыи мечи Харалужныи!—Мѣстоименне тѣмъи очевидно относится къ напоразамъ.

Для археологіи любопытно извѣстіе пѣвца, что помянутые. Волынскіе князья носили шлемы латинскіе (пѣмецкіе). Очень могло быть, что на этихъ племахъ въ видѣ украшенія были навязаны соколиныя крылья, что это и подало поводъ пѣвцу сравнивать Романа и Мстислава съ соколами, и назвать мечи ихъ желѣзными крыльями.

8.

(О шлемахъ). Но шлемы князей Русскихъ вообще пѣвецъ рисуетъ золотыми. Съ этимъ сходно и воспоминаніе Волынскаго лѣтописца о Мономахъ: «тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотымъ шеломомъ Донъ.»

Пѣвецъ Игоря, въ обращеніи къ Рюрику и Давиду, говоритъ: «не ваю ли злаченыи шеломы по крови плаваща?» Переводчикъ даетъ имъ стальныя шеломы, вмѣсто золоченыхъ.

«Не ваши ли шлемы стальные
Забрызганы кровью чужой?»

Въ переводѣ г. Мея гораздо лучше:

«Вашы шлемы золоченыя
По рѣкѣ кровавой плавали.»

Князьямъ Мстиславичамъ пѣвецъ говоритъ: «косъ ваши латые шеломы, и сулицы латкіе, и щиты?» Здѣсь только о

сулицы (пикки) названы ляцкими; а въ переводѣ г. Гербеля не вѣрно:

«Къ чему же вамъ польскіе шлемы,
Съ мечами и копьями ихъ?»

Тутъ г. Гербель поруководствовался фантазіей г. Минаева:

«Въ простѣнкахъ развѣшаны

Доспѣхи все Ляшскіе:

И шлемы, и дротики,

И щиты съ кольчугами» и т. д.

У г. Мея переведено это съ надлежащею вѣрностью:

«Для чего же вамъ шлемы золоченые,

И щиты, и копья ляшскіе?»

Буй-туръ Всеволодъ, въ субботней битвѣ на Каялѣ, скачетъ, «своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая.» Ему одному только оставленъ золотой шеломъ въ переводѣ г. Гербеля: «Гдѣ ни появишься ты богатырь, золоченымъ шеломомъ Блеща, тамъ въ прахѣ лежатъ половецкія головы грудой.»

А Игорю князю, томимому мономаховскою жаждою Дона, переводчикъ далъ отъ себя не золотой, а желѣзный шеломъ!

Не испугавшись полного затмѣнія солнца (какъ нѣкогда отъ него перетрусился до смерти лакедемонскій вождь), Игорь говоритъ къ своей дружинѣ:

«Хочу бо, рече, копіе приломити конецъ поля половецкаго, съ вами Русици! Хочу главу свою приложить, а любо испити шеломомъ Дону!» Въ переводѣ:

«Хочу, продолжалъ онъ, объ поле чужое,

Чужой половецкой земли,

Сломить вмѣстѣ съ вами копье боевое,

Дружина и братья мои!

Хочу положить свои кости за Дономъ,

На берегѣ дальнемъ его,

Или зачерпнувши желѣзнымъ шеломомъ,

Напиться воды изъ него!»

Если переводчикъ рѣшился знаменательное выраженіе того вѣка: испити шелоуъ Дону, развить въ подробности (зачерпнувши, напиться воды изъ него), тогда шелоуъ нарисовать бы золотымъ, а не желѣзнымъ. У г. Минаева это передано такъ:

«Съ вами жить и не жить,

Съ вами Дону испитъ

Я хочу, и напьюсь изъ стальнаго шелома.»

Въ переводѣ г. Мея вѣрнѣе обоихъ:

«Аль слоужу свою я голову,

Аль напьюсь шелоуомъ изъ Дону!»

«Конецъ поля» значитъ въ концѣ поля: что и слѣдовало выразить; ибо въ томъ и была мечта Игоря, чтобы «поискати града Тьмутакааня, а любо испити шелоуомъ Дону.» Это мѣсто пѣсни у г. Гербеля переведено вѣрно, съ поясненіемъ:

«Чтобъ вырвать у Половцевъ Тмутаракань,
Иль шелоуомъ напиться изъ Дона!»

Но тамъ, прибавка дальнаго берега къ Дону не совсѣмъ умѣстна; ибо Игорь говорилъ эти слова не надъ Десною, а уже на берегу Донца.

Слова Игоря: хочу голову свою положить, слѣдовало удержать въ переводѣ, не замѣняя головы костью. Сложить голову—выраженіе завѣтное и историческое. Такъ, въ томъ же вѣкѣ, въ часъ роковой войны, Изяславъ и Ростиславъ, прибѣжавъ къ Вячеславу, говорили: «отче хочемъ головы своя сложити за тя!» Князь Василько, подобно Игорю, говорилъ: «да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою слоужу за Русскую землю!» Великій князь Изяславъ (1078 г.) говорилъ брату своему Всеволоду: «азъ слоужу главу свою за тя!» Вспоминемъ и Святослава за Дунаемъ (971 г.): «уже намъ нѣмаюся дѣти, волею и неволею стати противу: да не посраимъ земли Русскіи, но ляжемъ костью, мертвыи бо ерама не имамъ;

аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ, не имамъ убѣжати; но станемъ крѣпко; азъ же предъ вами пойду; аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою! И рѣша вои: идѣже глава твоя, ту и свои главы сложимъ!»

9.

Сѣдло и (стремена).—Какъ племы князей пѣвецъ Игоря рисуеть золотомъ, такъ и сѣдло, и стремена княжескія у него золотыя.

Плѣненіе Игоря на Каялѣ у него изображено такъ: «ту Игорь князь высѣде изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево.» У г. Гербеля это передано вѣрно:

«Гдѣ онъ славный ужъ князь Сѣверскій
Изъ сѣдла раззолоченнаго
Пересѣлъ въ сѣдло полонника.»

Но стремена переводчикъ рисуеть по-своему. Пѣвецъ Игоря, вмѣсто простаго выраженія—сѣсть на коня, говоритъ: вступить въ стремя, и всегда прибавляетъ золотое.

«Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремя, и поѣха по чистому полю.» Въ переводѣ:

«Князь Игорь въ чеканное стремя вступаетъ,
И ѣдетъ дорогой степной.»

Замѣна золота чеканью, и потомъ еще замѣна дорогою поля чистаго—отняли вѣрность и даже красоту у этой картины. Что за дорога ночью въ полѣ незнаемомъ, когда и Половцы побѣжали неготовыми дорогами, т. е. не дорогами, а прямо степью.—Поле чистое (раздолье широкое!) тутъ именно ксати поставлено для Игоря,—когда онъ, дождавшись брата Всеволода и получивъ вѣсть отъ передовой сторожи, пустился на всю ночь въ походъ. Поутру они настигли Половцевъ, и князь Игорь, изрядивши полки

свои, воскликнулъ: «братья! сего есми искли, а потягнемъ?»
А переводчикъ передалъ поле чистое Половцимъ.

О князь Олегъ пѣвецъ говоритъ: «ступаетъ въ влать
стремень въ градѣ Тьмутараканѣ.» Въ переводѣ:

«Еще бывало на коня
Садился онъ въ Тьмуторокани,
А ужъ къ концу того же дня....»

Прибавкою—къ концу того же дня, переводчикъ нарисовалъ отъ себя поэтическую картину, въ которой Олегъ становится похожимъ на Всеслава. А пояснительнымъ выраженіемъ—садился на коня, замѣнилъ онъ любимый пѣвцомъ Игоря оборотъ рѣчи—вступить въ золотое время.

Такъ и въ другихъ мѣстахъ, поэтическую образность выраженія переводчикъ иногда замѣняетъ пояснительнымъ прозаическимъ словомъ. Пѣвецъ, изображая полуночный побѣгъ Всеслава изъ Бѣлгорода, говоритъ: обѣсися синѣ мглѣ; этимъ картиннымъ выраженіемъ пѣвецъ замѣнилъ лѣтописное выраженіе Нестора: «утаився Кіанъ;» а переводчикъ замѣнилъ его прозаическимъ словомъ: «пользуюсь синею мглою.» Внукамъ Всеслава пѣвецъ говоритъ: «ужа бо выскочисте изъ дѣдней славы!» Въ переводѣ передано прозаически и не довольно вѣрно: «вы обезславили дѣдовъ!» Тутъ рѣчь объ одномъ дѣдѣ, о Всеславѣ, а не о предкахъ. (Въ моемъ переводѣ это мѣсто было передано довольно близко: вы уже отпали отъ дѣдовской славы!).

Въ пѣсни Игорю еще разъ встрѣчается рѣчь о стременахъ, въ обращеніи къ Рюрику и Давыду: «вступита, господина, въ злата стремень!» Тутъ у г. Гербеля передано прекрасно:

«Скорѣй въ стремена золотыя
Вступайте—и и вихремъ за Донъ!»

стерски нарисованная въ Пѣсни, послѣ побѣга Всеслава изъ Бѣлгорода — происходила, по сказанію Нестора, прежде 7-ми-мѣсячнаго княженія Всеслава въ Кіевѣ).

11.

(Стрѣлы).—«Летать стрѣлы валенныя.» Въ переводѣ: «стрѣлы тучами.» Тутъ у пѣвца стрѣлы названы валеными, тѣмъ именемъ, которое присвоилось стрѣламъ, какъ постоянный, неотлучный эпитетъ,—какъ полю названіе чистаго, звѣрю лютаго, коню борзаго, дѣвицѣ красной. Эти вѣковыя слова сами по себѣ уже даютъ поэтическую красоту своимъ предметамъ; и пропускать такія слова изъ Пѣсни Игорю значить убавлять красоту ея выраженія. Переводчикъ поставилъ: тучами летать; это у него любимое слово для изображенія полета стрѣлъ. О князѣ Всеволодѣ говоритъ онъ: «осыпаетъ тучею стрѣлъ»—у пѣвца: «прыщещи на вои стрѣлами.»—Тоже и въ пѣсни Ярославны. Въ подлинникѣ: «о вѣтре, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣши? Чему мычещи хиновскыя стрѣлки, на своею нетрудною крылцю, на моя лады вои?...» По переводу г. Гербеля:

«Вѣтеръ, вѣтеръ перелетный!
 Что ты воешь и свистишь?
 Что ты въ небѣ, беззаботный,
 Тучи черныя клубишь?
 Для чего ты окрыляешь
 Вражьи стрѣлы? для чего
 Цѣлой тучей насылаешь
 Ихъ на друга моего?»

Это можно назвать болѣе подражаніемъ Козлову, чѣмъ пѣвцу Игоря; въ переводѣ Козлова:

«Вѣтеръ, вѣтеръ о могучій,
 Буйный вѣтеръ! что шумишь?
 Что ты въ небѣ черны тучи

И вздымаетъ и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутить потокъ рѣки,
Вѣя ханскими стрѣлами
На родимые полки?...»

У пѣвца Игоря тучами рисуется толпа войска (какъ и въ Украинскихъ думахъ). А полеть стрѣль, навѣваемыхъ вѣтромъ («се, вѣтри Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами»), у пѣвца представляется въ видѣ дождя,—какъ у него и сказано, передъ битвою съ Половцами: «быти грому великому! Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго!» По переводу г. Гербеля:

«...быть сильному грому;
Литься должно стрѣлами съ великаго Дона...»

Сходно съ такимъ представленіемъ полета стрѣль,—и вышеприведенное выраженіе Пѣсни: прыщешь стрѣлами—вѣрнѣе было бы передать дождемъ стрѣль, нежели тучею, которою у пѣвца изображается толпа войска.

12.

Тутъ мнѣ вспоминается другое мѣсто въ Пѣснѣ, о побѣдѣ Игоря изъ плѣна: «Прысну море полунощи, идутъ сморци мглами; Игореву Князю Богъ путь кажетъ...»

Въ переводѣ невѣрно:

«Въ полночь море взволновалось;
Небо тучами покрылось:
Кажетъ Богъ дорогу Игорю...»

Сморци—смерчи, водяные столбы; ими хлынуло море; они идутъ какъ туманъ; ими Богъ путь кажетъ князю Игорю—«на землю Русскую, къ огню злату столу...» Въ переводѣ:

«Изъ неволи въ землю Русскую,
Въ край родной—къ столу отцовскому»

Тутъ не дорисованъ отень златъ столъ: у пѣвца Игоря (также какъ и въ Чешскомъ «Судѣ Любуши»),—эти три слова какъ будто одно сложное слово; безъ слова з о л о т о й и не поминается столъ княжескій. Но въ переводѣ это не выдержано. Въ воззваніи къ Суздальскому князю Всеволоду, пѣвецъ говоритъ: «Не мыслію ти прелетѣти и з д а л е ч а, отня злата стола поблюсти!» Въ переводѣ г. Гербеля:

«Зачѣмъ ты не здѣсь? Отчего
Не мчишься грозой, на защиту
Престола отца своего?»

Въ переводѣ г. Мея:

«Князь великій Всеволодъ! Не мыслію
Перенестся тебѣ издали,
Побережь отцовскій золотой престолъ».

А вышеприведенное мѣсто объ Игорѣ, у г. Мея передано такъ:

«Князю Игорю Богъ кажетъ путь
Изъ земли изъ Половецкой, въ землю Русскую,
Къ золотому престолу отчому!»

Въ пѣсни сказано объ Игорѣ и Всеволодѣ: «Се бо два сокола слетѣста съ отня злата стола».

Въ переводѣ г. Мея:

«Оттого, что оба сокола
Отлетѣли съ золота престола отчаго».

Въ переводѣ г. Гербеля:

«Два сокола ясныхъ, какъ утренній свѣтъ,
Слетѣли съ отцовскаго трона,
И вихремъ помчались на брань...»

Тутъ переводчикъ весьма кстати придалъ отъ себя соколамъ народно-поэтическій эпитетъ ясный; но прибавленіе «какъ утренній свѣтъ», уже излишекъ. — Прибавка: время по мчалось—совсѣмъ не уместна, ибо Игорь, выступивъ въ походъ 23 апрѣля, къ Донцу дошелъ только 1-го Мая: «и тако идяхуть тихо, собирающе дружину свою: бяхуть бо у нихъ кони тучни велими» (говоритъ Кіевская лѣтопись, передавая намъ много вѣрныхъ подробностей о походѣ Игоревомъ).

13.

Въ переводѣ г. Гербеля не одинъ разъ встрѣтите прибавленія къ подлиннику, которыми нарушается вѣрность или исторической дѣйствительности, или картины, нарисованной пѣвцомъ.

Воротясь изъ плѣна, «Игорь ѣдетъ по Боричеву» къ Святѣй Богородицѣ Пирогощей.

«Игорь ѣдетъ домой
На Боричевъ, къ святой
Пирогощей свой путь направляя...»

Нѣтъ, не домой, а уже изъ дому ѣхалъ Игорь въ Кіевъ по Боричеву. Бѣжавъ изъ плѣна, Игорь въ 11 дней дошелъ—«до города Донца; и оттолѣ иде во свой Новгородъ—и обрадовавшася ему; и изъ Новгорода иде ко брату Ярославу къ Чернигову.... оттолѣ ѣха ко Кіеву къ Великому Князю Святославу, и радъ бысть ему Святославъ...» (Кіев. лѣт.) О церкви св. Пирогощей, въ примѣчаніяхъ г. Гербеля (стр. 147), напрасно сказано, что на ея мѣстѣ нынѣ стоитъ церковь Трехъ Святителей: эта послѣдняя церковь есть древняя Васильевская, сооруженная св. Владимиромъ; она осталась на своемъ мѣстѣ, на уцѣлѣвшемъ отъ древняго времени каменномъ основаніи (см. въ Кіевлянинѣ, кн. I. Обзорѣніе Стараго Кіева).

14.

Швецъ Игоря говоритъ объ ранахъ его, напримѣръ въ плачѣ Ярославны: «утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Въ переводѣ г. Гербеля:

«Отыщу его, и стану
Обмывать своей рукой
Окровавленную рану
На груди его больной!»

Такъ и въ переводѣ Козлова:

«Я домчусь къ родному стану,
Гдѣ кипѣлъ кровавый бой,
Князю я обмою рану
На груди его молодой!»

Если уже означать мѣсто, гдѣ именно были раны— на жестоцѣмъ его тѣлѣ, такъ и означить бы тамъ, гдѣ дѣйствительно были онѣ. Кіевская Лѣтопись говоритъ: уязвила Игоря въ руку, и умрѣвшиша шюйцю его, и бысть печаль велика въ полку его».

15.

Въ пѣсни, бояре говорятъ Святославу про Игоря и Всеволода: «уже соколома крыльца припѣнали саблями поганыхъ, а самую онутоша въ путины желѣзны». Тутъ поэтически означены и поражение и плѣнъ князей. Въ переводѣ:

«Но крылья могучія ихъ
Враги обрубилъ стальными мечами;
И въ мрачной тюрьмѣ заключивши самихъ,
Опутали ноги цѣнями».

«Лучше изрублену быть, чѣмъ быть полонену!» говорилъ Игорь 1 мая. Зачѣмъ же тягость полона его еще увеличивать отъ себя небывалымъ тюремнымъ заключеніемъ! Извѣстно исторически, что Половцы «не творяхуть ему пакости,—но

волю ему даяхуть; гдѣ хочеть, ту ѡздышетъ и ястрябомъ ловашетъ; а своихъ слугъ съ 5 и съ 6 съ нимъ ѡздышетъ; сторожеве же слушахуть его и чыстяхуть его, и гдѣ посланеть кого, безъ прѣтворяхуть повеленое» (Кіев. лѣт.). Да и какія м р а ч н ы я т ю р ь м ы въ стѣняхъ Половецкой земли? Вспомнимъ живописное сказаніе Нестора о плѣнѣ Половецкомъ (подъ 1093 г.): «въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ опустѣвшіе лица, почернѣвшіе тѣлеса, незнаемую страну, языкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ноги имуще сбодены терньемъ; со слезами отвѣщеваху другъ другу, глаголюще: азъ бѣхъ сего города; и другія: азъ сея вси!»

16.

Кстати о плѣнникахъ Половецкихъ.—Въ воззваніи къ Всеволоду Суздальскому пѣвецъ говоритъ: «абы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощѣй по рѣзани». Половчанинъ полагается тутъ по двугривенному, а Половчанка по полтиннику). Но въ переводѣ положена имъ цѣнность на оборотъ:

— «П о н о г а т ѣ

Скупать бы мы плѣнныхъ могли,
Платили-бъ по мелкой рѣзани
З а д ѣ в ѣ П о л о в е ц к о й з е м л и!»

Въ воззваніи къ Ярославу Галицкому, пѣвецъ говоритъ: «Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощѣя!» Этимъ укорительнымъ словомъ означено прежнее отношеніе Половецкаго хана: но переводчикъ, пропустивъ эту черту о Кончакаѣ, замѣняетъ ее стихомъ, выражающимъ ненависть къ нему:

«Направь свои стрѣлы въ Кончака,
Пусть мщенье извѣдаетъ онъ!»

17.

Подобными пропусками изглажено нѣсколько историческихъ подробностей подлинника.

«Жля и Карна нечестивые
Прискавали въ землю Русскую,
Разразилися пожарами».

У пѣвца говорится не о простыхъ пожарахъ, которыми бывало Половцы жгли села Русскія: «кликну Карна, и Жля поскочи по Русской земли смагу мычючи въ пламя нѣ розѣ», т. е. видая огонь изъ пламеннаго рога (переводъ г. Дубенскаго).

Извѣстно по Лѣтописи Кіевской, что въ томъ же году (1185), передъ походомъ Игоря, Кончакъ приходилъ на Русь со множествомъ Половцевъ, имѣя при себѣ «такового бесурменина, иже стрѣляше живымъ огнемъ». Въ Пѣсни Игорю говорится о пламенномъ рогѣ, которымъ Карна (не помянутый лѣтописью) видаль смагу (т. е. жаръ, огонь—по всей вѣроятности тотъ живой огонь): подробность любопытная для исторіи огнестрѣльныхъ снарядовъ.

18.

Въ томъ же мѣстѣ говоритъ пѣвецъ: «а поганіи со всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую». Въ переводѣ:

«А межъ тѣмъ враги со всѣхъ сторонъ
Приходили въ землю Русскую,
И вторгалися погибелью».

Тутъ напрасно не удержано слово побѣда.—Для недавнихъ побѣдителей Половцевъ, въ томъ и «обида въ силахъ Дажьбожа внука» (т. е. Руси), что поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами! Это же пѣвецъ повторяетъ и вслѣдъ за тѣмъ.

19.

Указывая на разореніе Половцами города Рымова (возлѣ Ромна) пѣвецъ говоритъ о Переяславскомъ Князѣ:

«а Володимеръ подъ ранами; туга и тоска сыну Глѣбову!» Въ переводѣ г. Гербели передано это мѣсто прекрасно:

«Подъ саблями стонеть безпомощный Римъ:
А съ нимъ и Владиміръ болѣзнью томимъ.
Нѣтъ, видно печаль и кручина
Удѣлъ беззащитнаго Глѣбова сына!»

Какъ умѣстно прибавлены тутъ слова безпомощный, беззащитный, вѣрно выражающія тогдашнее положеніе и города, и юнаго Князя, о смерти котораго черезъ годъ—«Украина много постола». Но слѣдовало бы сохранить въ переводѣ и слово пѣвца о памятныхъ ранахъ Владиміра, полученныхъ имъ при отраженіи Кончака отъ Перяслава. «И тако отгяша Князя своего, язвена сущи тремикопи. Сій же добрый Володимеръ язвенъ трудень вѣха въ городъ свой, и утре мужественнаго пота за отчизну свою» (Кіев. лѣтоп.).

20.

Въ возваніи къ Роману Волинскому, пѣвецъ поименовалъ народы, съ которыми этотъ Князь воевалъ побѣдительно «Литва, Ятвязи, Деремела и Половци..» Въ переводѣ:

«Ятвяги, Литва и Половцы,
Съ народами Сѣверныхъ странъ».

Вмѣсто собственнаго имени народа Деремеловъ, сохранившагося въ Пѣсни Игорю, переводчикъ поставилъ народы Сѣверныхъ странъ!

II.

(Битва на Каялѣ)

21.

Послѣ побѣды надъ Половцами, одержанной Игоремъ въ пятницу (3 мая) у р. Сюрля, — на другой день началась новая битва, которая продолжалась полторы сутки, и кончилась поражениемъ Русскаго войска и плѣномъ князей, на р. Каялѣ. Эта битва есть главное дѣйствіе въ походѣ Игоря, и въ Пѣсни о полку Игоревѣ. Посмотримъ на нее въ переводѣ г. Гербеля.

Но напередъ считаю не лишнимъ замѣтить, что пѣвецъ Игоря въ изображеніи этой битвы сходится вполне съ сказаніемъ лѣтописи Кіевской, и этимъ взаимнымъ согласіемъ ихъ опредѣляется историческая достовѣрность событія въ его подробностяхъ. Такимъ образомъ открывается невѣрность нѣкоторыхъ извѣстій о походѣ Игоревомъ, встрѣчаемая въ лѣтописи Лаврентьевской или Суздальской. Тамъ сказано, на примѣръ: «И сняшася у Переяславля Игорь съ двѣма сынома...» Это невѣрно. Невѣрно и то, будто послѣ побѣды, одержанной надъ Половцами (въ пятницу), наши «стояша на вежахъ 3 дни веселяся». Лѣтопись Кіевская обстоятельно рассказываетъ, какъ Игорь, послѣ той побѣды, говорилъ: «Нынѣ же поѣдемъ черезъ ночь!» Но племянникъ его Святославъ сказалъ: «далече есмь гонилъ по Половцехъ, а кони мои не могутъ; аже ми будетъ нынѣ поѣхати, то только ми будетъ на дорозѣ остати! И поможе ему Всеволодъ яко же облечи ту. И рече Игорь: да недивно есть разумѣючи братья, умерети! — и облегоша ту». Объ этомъ ночлегѣ и въ Пѣсни Игорю сказано: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо... далече залетѣло! Не былонъ обидѣ порождено — ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый По-

ловчине!»—«Свѣтающі же суботѣ (продолжаетъ лѣтопись Кіевская) начаша выступати полци Половецкіи, аки борове; изумѣшася князы Русскіи, кому ихъ которому поѣхати, бысть бо ихъ безчисленное множество.»

Пѣвецъ Игоря изображаетъ это картиною наступающей грозы.

22.

«Другого дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ. Чръныя тучя съ моря идутъ; хотять прикрыти четыри солнца; а въ нихъ трепещуть синіи мльніи. Быти грому великому! итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копіемъ приламати; ту ся саблямъ потручяти о шелома Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго! О Русская земле, уже ты не шеломянемъ еси!»

Г. Гербель передалъ эту картину превосходно:

«Рано заутра востокъ загорѣлся кровавой зарею;
Черныя тучи идутъ съ отдаленнаго моря, стараясь
Тѣнью своею закрыть четыре блестящіе солнца;
Синія молніи въ тучахъ трепещуть: бытъ сильному грому,
Литься дождю стрѣлами съ великаго Дона; тамъ-то
Копьямъ стальнымъ поломаться! Тамъ-то объ шлемы Полов-
цевъ

Острымъ мечамъ притупиться—на быстрой Каялѣ, у
Дона!

Русь, уже ты подь курганомъ!...»

Пѣвецъ означаетъ четыри солнцами четырехъ Русскихъ князей: Игоря съ братомъ Всеволодомъ; старшимъ сыномъ Владимиромъ и племянникомъ Святославомъ (Въ Кіевской лѣтописи опредѣлительно сказано, что Игорь взялъ съ собою въ походъ брата Всеволода, племянника Святослава, и—«Володимера сына своего изъ Путивля», о которомъ и въ битвѣ на р. Сюрліѣ сказано: «Напередѣ ему сынъ Володимеръ»). Сообразно съ этимъ

представленіемъ Половцевъ, наступающихъ черными и тучами на нашихъ князей, и въ другомъ соотвѣтственномъ мѣстѣ Пѣсни, кіевскіе бояре говорятъ своему князю: «Темно бо бѣ въ третій день: два солнца помръкоста, оба багряная стлѣпа погасоста, и съ нима молодая мѣсяца—Олеги и Святославъ—тьмою ся поволооста. Нарѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла». Тутъ только два старшіе князя (Игорь и Всеволодъ) названы солнцами; а два меньшихъ князя двумя молодыми мѣсяцами. Въ Пѣсни сказано «Олеги и Святъславъ»—но это явная обмолвка? имя малолѣтняго Игорева сына Олега поставлено вмѣсто имени старшаго сына Владимира, бывшаго въ походѣ и взятаго въ плѣнъ, гдѣ Кончакъ и женилъ его на своей дочери. Эту ошибку въ Пѣсни замѣтилъ еще Грамматинъ. (Вольно было г. Дубенскому предполагать, что имя Олега могло быть тутъ опискою, вмѣсто Ольстина Олексича, начальствовавшаго черниговскими Ковуями). Г. Гербель не воспользовался справедливымъ указаніемъ Грамматина, пропустивъ въ переводѣ и два багряные столпа:

«На третій день утро смѣнилось мглой;
 Погасли два солнца подъ ризою ночной,
 И съ ними потухли два мѣсяца ясныхъ—
 Олеги съ Святославомъ—два князя прекра-
 сныхъ.

Заря на Каялѣ погасла во мглѣ....»

Но пѣвецъ, въ концѣ Пѣсни, величая князей, бывшихъ въ этомъ походѣ, называетъ намъ не Олега, а Владимира Игоревича: г. Гербель пропустилъ тамъ его имя назвавъ только—сыномъ его (т. е. сыномъ Игоря),—и такимъ образомъ въ переводѣ совсѣмъ не помянуто имя Владимира—одного изъ героевъ этого похода, и можно сказать, самаго романческаго лица (по его женитбѣ въ плѣну на Кончаковнѣ, о которой и ведетъ рѣчь Кончакъ, подъ конецъ Пѣсни).

же н о щ и суботніи, и поидоша быючися», говорить Киевская лѣтопись.—Пѣвецъ Игоря, пропуская подробности битвы въ тотъ день, нарисовалъ только князя Всеволода — «к р ѣ н к о б о р ю щ а с я» — (по выраженію лѣтописи):

— «Яръ-Туре Всеволоде! стоиши на борони; прыщещи на вои стрѣлами; гремлеши о шеломи мечи харалужными. Камо Туръ поскочаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая тамо лежать поганья головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломи Оварскыя, отъ тебе, Яръ-туре Всеволоде. Каа раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милья хоти красныя Глѣбовны свычая и обычая!»

Эту превосходную пѣснь Всеволоду—г. Гербель передалъ въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ:

«Всеволодъ б у и н ы й! Ты бьешся въ переднихъ рядахъ, —
осыпаешь

Тучею стрѣлъ Половчанъ, и гремишь объ ихъ шлемы
мечами

Гдѣ ни появишься ты, богатырь, золоченымъ шеломомъ
Блеща, тамъ въ прахѣ лежать половецкія головы
грудой;

Тамъ, пополамъ разсѣченные саблей булатной своєю
Всеволодъ доблестный! падаютъ въ прахъ ихъ
аварскіе шлемы.

Братцы! кабія же раны опасны ему, когда онъ
Все позабылъ—и почетъ, и веселую жизнь и Черниговъ
Городъ, и отчій престоль золотой, и обычаи славныхъ
Предковъ:—и ласки привѣтливой Глѣбовны, милой
супруги!»

Но въ этомъ прекрасномъ переводѣ нельзя не замѣтить той произвольности, что изъ обычая красной Глѣбовны поэтъ образовалъ—обычаи славныхъ предковъ! Названіе Яръ-Тура и Буй-Тура (которое и древняя поэзія Чеховъ придавала своимъ героямъ)—здѣсь замѣнено у переводчика названіями—буйнаго, доблестнаго и богатыря. (Такъ и въ воззваніи къ Галицкому Ярославу, гдѣ

иѣвецъ называетъ его Осмомысловъ—переводчикъ, вмѣсто этого имени, поставилъ «славный умомъ!»). Живописный глаголъ: посвѣчивая шелоомъ—стоило удержать въ переводѣ, по примѣру г. Мея:

«Гдѣ на Турѣ золотой шелоомъ посвѣчиваль.»

25.

Нанисавъ князя Всеволода въ борьбѣ съ Половцами, иѣвецъ вдался въ воспоминаніе о междоусобныхъ войнахъ Олега Тмутараканскаго, наводившаго Половцевъ на землю Русскую. Но мы взглянемъ-еще на Всеволода, когда онъ приходитъ изъ Курска, на Осколь, къ ожидавшему его Игорю:

«Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ; одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю; оба есвѣ Святъславлича. Сѣдлай, брате, свои брѣзны комони; а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди.»

Какъ вѣрно, и какъ тепло передано это у г. Мея:

«Поджидаетъ Игорь князя.

Мила брата Всеволода.

Молвить Буй-Туръ Всеволодъ:

—Нѣтъ мнѣ свѣту свѣтлаго,

Кромѣ брата милова,

Игоря родимаго:

Оба мы Святславичи.

Сѣдлай братъ, лихихъ коней,

А мои осѣдланы,

У Курьска зготовлены!...»

Въ переводѣ г. Гербеля выработалось это пышиѣе, но потому и хуже:

И такъ ему молвить любимецъ народа—

Отважный Буй-Туръ Всеволодъ:

Единственный братъ мой, единая слава!

Свѣтъ свѣтлый—мой Игорь боецъ!

Не мы ль сыновья одного Святослава?

Не ты ли мой братъ первенецъ?
Вели, пусть кольчужники снова сѣдлають
Своихъ быстроногихъ коней:
Мои же у Курска тебя поджидаютъ,
Красуясь броней своей!»

Зачѣмъ «поджидаютъ у Курска», тогда какъ они уже на лицо, передъ Игоремъ, у Оскола! Винавать въ этомъ переводѣ г. Минаева въ которомъ сказано:

«Сѣдай, братъ, коней своихъ;
Ужъ мои осѣдланы;
Впереди стоятъ они
Подъ стѣнами Курскими.»

Всеволодъ продолжаетъ свою рѣчь къ Игорю, похвалою Курянамъ:

«А мои ти Куряни свѣдоми кѣмети, подъ трубами повити, подъ шеломи взлелѣяны, конецъ копія въскрѣмлени; пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми; луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострени, сами скачють аки сѣрны вльци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а князю славы.»

Это классическое мѣсто древне-русской поэзіи въ переводѣ передано неотчетливо:

«Куряне жъ мои—удалые Куряне—
Взлелѣяны въ шлемахъ родныхъ,
Повиты подъ трубными звуками брани,
И вскармлены съ копій стальныхъ.
Дороги знакомы, луки съ тетивами,
Извѣстенъ имъ каждый оврагъ,
Колчаны гремятъ боевыми стрѣлами,
Булатныя сабли въ рукахъ.
И знаютъ лишь рыскать по чистому полю,
Какъ волки по дебрямъ бродить,
Чтобъ только добыть себѣ чести на долю,
Чтобъ князю почету добыть.»

пѣвецъ называетъ его *О с м о м ы с л о м ь*—переводчикъ, вмѣсто этого имени, поставилъ «славный умомъ!»). Живописный глаголъ: *п о с в ѣ ч и в а я* шеломомъ—стоило удержатъ въ переводѣ, по примѣру г. Мея:

«Гдѣ на Турѣ золотой шеломъ посвѣчивалъ.»

25.

Написавъ князя Всеволода въ борьбѣ съ Половцами, пѣвецъ вдался въ воспоминаніе о междоусобныхъ войнахъ Олега Тмутараканскаго, наводившаго Половцевъ на землю Русскую. Но мы взглянемъ-еще на Всеволода, когда онъ приходитъ изъ Курска, на Осколь, къ ожидавшему его Игорю:

«Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй-Туръ Всеволодъ; одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю; оба есвѣ Святъславича. Сѣдлай, брате, свои бръзны комони; а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди.»

Какъ вѣрно, и какъ тепло передано это у г. Мея:

«Поджидаетъ Игорь князя.
Мила брата Всеволода.
Молвить Буй-Туръ Всеволодъ:
—Нѣтъ мнѣ свѣту свѣтлаго,
Кромѣ брата милова,
Игоря родимаго:
Оба мы Святславичи.
Сѣдлай братъ, лихихъ коней,
А мои осѣдланы,
У Курьска зготовлены!...»

Въ переводѣ г. Гербеля выработалось это пышнѣе, но потому и хуже:

И такъ ему молвить любимецъ народа—
Отважный Буй-Туръ Всеволодъ:
Единственный братъ мой, единая слава!
Свѣтъ свѣтлый—мой Игорь боецъ!
Не мы ль сыновья одного Святослава?

Не ты ли мой братъ первенецъ?
 Вели, пусть кольчужники снова сѣдлають
 Своихъ быстроногихъ коней:
 Мои же у Курска тебя поджидаютъ,
 Красуюсь броней своей!»

Зачѣмъ «поджидаютъ у Курска», тогда какъ они уже на лицо, передъ Игоремъ, у Оскола! Виноватъ въ этомъ переводъ г. Минаева въ которомъ сказано:

«Сѣдлай, братъ, коней своихъ;
 Ужь мои осѣдланы;
 Впереди стоятъ они
 Подъ стѣнами Курскими.»

Всеволодъ продолжаетъ свою рѣчь къ Игорю, похвалю Курянамъ:

«А мои ти Куряни свѣдоми кѣмети, подѣ трубами повити, подѣ шеломы взлелѣяны, вонецъ копія въскрѣмлени; пути имѣ вѣдоми, яругы имѣ знаеми; луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострени, сами скачють акы сѣрши влѣци въ полѣ, ищучи себѣ чти, а князю славы.»

Это классическое мѣсто древне-русской поэзіи въ переводѣ передано неотчетливо:

«Куряне жѣ мои—удалые Куряне—
 Взлелѣяны въ шлемахъ родныхъ,
 Повиты подѣ трубными звуками брани,
 И вскормлены съ копій стальныхъ.
 Дороги знакомы, луки съ тетивами,
 Извѣстенъ имѣ каждый оврагъ,
 Колчаны гремятъ боевыми стрѣлами,
 Булатныя сабли въ рукахъ.
 И знаютъ лишь рыскать по чистому полю,
 Какъ волки по дебрямъ бродить,
 Чтобъ только добыть себѣ чести на долю,
 Чтобъ князю почету добыть.»

У пѣвца сказано: ищучи себѣ чти, а князю—славы: девизъ русскаго воина, повторенный у пѣвца и въ другомъ мѣстѣ; въ переводѣ здѣсь онъ не выраженъ: себѣ чести, а князю почету (т.-е. тоже чти). Выражая готовность Курянь къ бою (они въ тотъ же день, какъ пришли къ Игорю и пустились на всю ночь въ походъ), пѣвецъ говоритъ, что у нихъ и луки уже натянуты, и колчаны открыты, и сабли наточены...

Въ переводѣ—не на своемъ мѣстѣ поставлены луки (между дорогами и оврагами); да и не такъ, какъ въ подлинникѣ, —не на пряжени, а луки съ тетивами: чтожъ бы и за лукъ былъ безъ тетивы! Сабли въ рукахъ, колчаны гремятъ—хотя и живописно, но не то, что въ подлинникѣ. Къ шлемамъ придано названіе родныхъ, которое не идетъ къ нимъ.

26.

Это слово, столь близкое сердцу, г. Гербель часто придаетъ отъ себя разнымъ предметамъ, и не всегда кстати.

Тамъ, гдѣ изображается бѣгство Игоря, у пѣвца (любящаго противоположеніе) сказано: «Игорь мыслію поля мѣрять—отъ великаго Дону до малаго Донца». Въ переводѣ:

«Игорь мѣрять птицей-мыслію,
Мѣрять поле отъ великаго
Дона до Донца родимаго.»

Тамъ-же прибавлено: въ край родной,—Побѣжалъ къ Донцу родимому,—О Донецъ рѣка родимая, А землѣ родной веселія.—Такъ и въ главѣ о междоусобныхъ битвахъ Олеговыхъ. Пѣвецъ говоритъ объ Олегѣ: «Мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по землѣ сѣяше». Въ переводѣ:

«Который саблю коваль
Одни крамолы и раздоры,

И вокругъ стрѣлами осыпаль
Родныя пажити и горы.»

Если переводчикъ поставилъ тутъ родныя пажити, то удержать бы и слово подлинника—засѣваль, —тѣмъ болѣе, что тамъ-же говорится о временахъ Олега: «тогда при Олѣ Гориславичи сѣшется и растяшеть усобицами». Въ переводѣ:

«Такъ при Олѣ молодомъ,
При Гориславичѣ—кругомъ
Междоусобья засѣвались,
Всходили—горемъ разрастались.»

«Тогда по Русской земли рѣдко ратаевѣ кикахуть; нѣ часто враны граяхуть, трупя себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уедіе». Въ переводѣ.

«Въ то время рѣдко оглашали
Равнины пѣсни поселянъ;
Но часто вороны кричали,
Терзая трупы христіанъ;
А галки въ полѣ собирались,
И на пиру родныхъ полянъ
Между собой перекликались.»

Отъ этихъ печальныхъ картинъ Олегова времени пѣвецъ возвращается къ битвѣ на Каялѣ, говоря: «то было въ ты рати и въ ты плѣкы, а сице и рати не слышано.» Въ переводѣ:

«Не разъ гремѣлъ побѣдный громъ,
И битвы лютыя бывали;
Но о сраженіи такомъ
Еще на Руси не слыхали.»

И вотъ пѣвецъ принимается снова за картину этой неслыханной битвы,—и какая быстрая у него кисть!

„Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта, летятъ стрѣлы каленныя, гримлють сабли о шелома, трещатъ копія харалужныя, въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыя.»

Въ переводѣ раскрашенъ этотъ блѣдный очеркъ первыхъ сутокъ битвы:

«Отъ денницы золотой
До глубокой мглы ночной,
И отъ этой мглы ночной—
До денницы золотой...»

Переводчикъ не тѣ далъ здѣсь краски, какія надо было дать для вѣрности перевода, если цѣль его была—«возможно-близкое воспроизведеніе подлинника», (стр. 132).

Тутъ пѣвецъ съ вѣрностью лѣтописца обозначилъ время битвы (см. замѣчаніе 24): «съ заранія до вечера.» Въ переводѣ: отъ денницы золотой... Но вѣдь это денница субботняго утра, которая нарисована была уже прежде:

«Рано заутра востокъ загорѣлся кровавой зарею.»

Краска была готова; зачѣмъ же писать золотомъ, что написано кровью!

«До глубокой мглы ночной»... въ подлинникѣ «до счера»,— слѣдственно и здѣсь, для возможно-близкаго воспроизведенія подлинника, надо было дать краску вечерняго сумрака, а не глубокой мглы ночной.

Въ переводѣ: «до денницы золотой». Это денница уже слѣдующаго утра, въ воскресенье; а оно въ переводѣ, какъ мы видѣли (въ замѣчаніи 22), написано не золотомъ:

«На третій день утро смѣнилось мглой...
Заря на Каялѣ погасла во мглѣ.»

Правда, что въ подлинникѣ не утро и не заря: переводчикъ отъ себя рисуетъ ихъ—но когда онъ въ это утро

дать мглу и почпую ризу, и заря погасла во мглѣ, то уже неумѣстно тутъ рисовать золотую донницу.

Въ подлинникѣ просто сказано—«до свѣта»; въ лѣтописи: «бысть же свѣтающе недѣлѣ.»

Тутъ оказалась въ переводѣ та же невѣрность живописи, какую мы замѣтили въ картинѣ грозной ночи. Тамъ въ подлинникѣ—глубокая, долгая мгла полночи: «долго ночь мръкнетъ; заря свѣтъ запала; мѣгла поля покрыла.» А въ переводѣ вечеръ:

«Спускается ночь съ высоты;
Заря, чуть мерца, въ дали догорасть,
Поля покрываются мглой.»

Продолжительность ночи замѣнена далью, высоту ю время—пространствомъ.

28.

«Стрѣлы тучами летать,
Конья крѣпкія трещать,
И о бляхи мѣдныхъ латъ
Сабли остря гремятъ,
Средь невѣдомыхъ полей
Кровожадныхъ дикарей.»

Здѣсь въ переводѣ не совсѣмъ вѣрная передача красокъ подлинника выкупается усиленною звучностью стиховъ, разнообразною съ звуками битвы. Я замѣтилъ уже о замѣнѣ шоломовъ—мѣдными латами (которыя ни разу не встрѣчаются въ картинахъ пѣвца); а также и о полетѣ стрѣлъ тучами. Пѣвецъ, представивъ тучами половецкіе полки, говоритъ: итти дождю стрѣлами!—слѣдственно, по его представленію, и летятъ стрѣлы—дождемъ изъ тучъ. Съ этимъ сходятся и выраженія пѣвца объ Олегѣ—стрѣлы сѣялъ, о Всеволодѣ—прыщешь стрѣлами (оба глагола примѣняются къ дождю: прыщеть, сѣется).

Краткій очеркъ субботней битвы пѣвецъ докончилъ слѣдующею картиною:

„Черна земля подъ копыты костыми была посѣяна, а кровію поляна: тугою выдоша по Руской земли.“

У г. Гербеля эта картина передана неотчетливо:

„Степь истоптана, изрыта
Сталью конскаго копыта;
И кругомъ была одна
Нашей кровію полита,
А костыми удобрена:
И надъ Русскою землею
Тотъ посѣвъ взошелъ бѣдою.“

Какой же „тотъ посѣвъ“, когда въ картинѣ совсѣмъ нѣтъ посѣва? Въ подлинникѣ—посѣвъ костыми; но въ переводѣ кости употреблены на удобрение земли. Кромѣ того, тотъ посѣвъ сдѣланъ среди земли Половецкой: какъ же онъ взошелъ надъ землею Русскою? Впрочемъ на это есть уже готовъ отвѣтъ, въ примѣчаніяхъ достопамятнаго А. С. Шишкова. „Восходитъ, возрастаетъ печаль аки страшное древо, мрачною тѣнію своею всю Россію покрывающее: какое величественное и купно ужасное изображеніе!“

Посѣвъ костыми у пѣвца Игоря такой же опредѣленный образъ въ картинѣ битвы, какъ и ударъ меча объ шеломя. Онъ повторился у него и въ другой, столь же художественной картинѣ битвы Немижской: „Немизъ кровави брезѣ, не бологомъ бяхуть посѣяни—посѣяни костыми. Русскихъ сыновъ.“ Въ переводѣ:

„Кровью затопленный берегъ Немиги, не жатвой засѣяны
Быль, а тѣлами Русскихъ сыновъ...“

Посѣвъ удержанъ, но не костыми, а тѣлами. Если въ изреченіи Игоря: хочу голову свою положить! переводчикъ полагаетъ вмѣсто головы кости,—зачѣмъ же тутъ

вмѣсто костей сѣетъ тѣла? Такъ и въ картинѣ грозной
ночи,—у пѣвца: „орли клеткомъ на кости звѣри зовуть.“
Въ переводѣ: вызываютъ—

„На трупы, изъ дебрей лѣсныхъ.“

Картина пѣвца напоминаетъ намъ отрывокъ украинской
думы:

„Вовки-сѣроманьци набѣгали,
Тѣло козацьке рвали.

По тернахъ, по балкахъ жовту кость жваковали,
Жалобненько квилили-проквляли,
Тожь вони козацкіи похорони одправляли!“

30.

У пѣвца о берегахъ Немиги сказано, что они были за-
сѣяны костыми Русскихъ сыновъ; ибо тамъ была между-
усобная битва Всеслава съ Ярославичами. А о берегѣ Каялы
пѣвецъ говорить вообще: кровью поляна. Зачѣмъ же
въ переводѣ поставлено: „нашей кровію полита“? Тамъ
лилась и кровь половецкая, объ которой и говорить
послѣ того пѣвецъ, устами Святослава Кіевского:

„Не честно одолѣсте; не честно бо кровь поганую
проліяете.“

„Безславно своихъ побѣдили враговъ;
Безславно поганую пролили кровь.“

31.

Въ самомъ началѣ этой картины „чрна земля подь
ковыты“. У г. Мея эта подробность передана неудачно:

„Почернѣла земля подь ковытами.“

Если г. Гербель рѣшился пояснить ее дополнительными
чертами:

„Степь истоптава, взрыта
Сталю конскаго ковыта,“—

почему бы уже не поставить словъ, прямѣе выражающихъ дѣло? У г. Минаева, въ этомъ случаѣ, больше ясности въ переводѣ:

„Рыщутъ кони вдоль по полю,
Пашутъ кони копытами;
Костями землю засѣяли;
Дождемъ крови все залили.“

Такъ въ украинской думѣ о походѣ Хмельницкаго въ Молдавію:

„Вже почавъ вонъ землю коньскими копытами орати,
Кровью Молдавською поливати.“

Изображеніе битвы работами земледѣльческими (какъ я замѣтилъ еще въ моихъ Лекціяхъ, 1836 года) есть характерная черта поэзіи южнорусской, продолжившаяся въ пѣсняхъ и думахъ украинскихъ. Таково у пѣвца представленіе Немижской битвы молотью и вѣяньемъ души отъ тѣла, взятымъ, можно сказать, съ природы, ибо та битва была во время великаго снѣгу („и бѣше снѣгъ великъ—и бысть сѣча зла, и мнози падоша“, говоритъ Несторъ).

32.

„Что ми шумить, что ми звенить, давеча рано предъ зорями? Игорь плѣкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода.“ Такъ пѣвецъ, безъ сомнѣнія, бывшій тогда на Каялѣ, говоритъ о продолженіи битвы съ разсвѣтомъ третьяго, воскреснаго дня (5 мая).

Не помню уже, какъ передано это мѣсто у гг. Вельмана и Деларю. У меня подъ рукою только позднѣйшіе стихотворные переводы гг. Минаева и Мея. У г. Минаева такъ оно передано:

«Вотъ чѣмъ отъ моря тучи хмурились,
Вотъ чѣмъ на зарѣ на утренней
Прогудѣла мать сыра земля!
Смыкалъ Игорь строй разорванный,

Жалѣль Игорь брата храбраго,
Жалѣль его рать побитую!»

Переводчикъ, отдалясь отъ подлинника, не передалъ того именно, что пѣвецъ—самовидецъ хотѣлъ сказать о своемъ героѣ, въ словахъ: «Игорь пѣлки заворочаетъ.» Не то выражено и въ переводѣ г. Мея:

«Что шумить—звенить на свѣтъ-зарѣ на утренней?
Игорь князь своимъ полкомъ вочааетъ,
Мила брата Всеволода жалѣючи.»

Въ переводѣ г. Гербеля:

«Что за топоть, что за звонъ,
Рано утромъ предъ зарею?
Это Игорь, это онъ,
Онъ съ дружиной удалюю:
Сердцу вѣрному его
Жалко брата своего.»

Это Игорь, но—не съ дружиной удалюю, какъ поставилъ переводчикъ, вмѣсто полки заворочаетъ (по переводу г. Дубенскаго: вновь полки строить»). Г. Гербель, въ примѣчаніяхъ (стр. 66) поясняетъ только, что «подъ словомъ звонъ надобно понимать звукъ трубъ военныхъ, а не колоколовъ!» Но онъ пропустилъ совсѣмъ тѣ именно слова, которыми пѣвецъ Игоря выразилъ бѣдственный подвигъ его въ то роковое утро...

«Бысть же свѣтающе недѣлѣ, возмятошася Ковуеве въ полку, побѣгоша. Игорь же башеть въ то время на конѣ, зане раненъ баше, поиде къ полку ихъ, хотя возворотити къ полкомъ; уразумѣвъ же, яко далече шель есть отъ людій, и сойма шоломъ, погна опять къ полкомъ, того дѣля, что быша познали князя и возворитилися быша; и тако не возворотися никто же, но токмо Михалко Гюргевичъ, познавъ князя, возворотися.»

А Всеволодъ... мы уже видѣли его въ этой битвѣ. Лѣтопись Кіевская продолжаетъ: «Не бахуть бо добрѣ смялися

съ Ковуи; но мало отъ простыхъ, или кто отъ отроковъ боярскихъ добръ бо вси бяхуться—и посреди ихъ Всеволодъ не мало мужество показа. И яко приближися Игорьъ къ полкомъ своимъ, и переѣхаша поперекъ (т. е. Половцы), и ту яша единъ перестрѣлъ одалѣ отъ полку своего. Держимъ же Игорьъ, видѣ брата своего Всеволода крупико борющася, и проси души своей смерти, яко да бы не видѣлъ паденія брата своего; Всеволодъ же толма бившеся, яко и оружья въ руку его не доста.»

И такъ Игорьъ, на разсвѣтѣ того дня, одинъ скакалъ на конѣ, чтобы заворотить своихъ союзниковъ Ковуевъ, побѣжавшихъ съ поля битвы; и когда бнѣ, не успѣвши въ этомъ, возвращался къ своимъ полкамъ, Чилбукъ съ своими Тарголами перерѣзаль ему дорогу и взялъ его въ плѣнъ. Всеволода же потомъ взялъ Романъ Кзичъ; а Святославъ Ольговичъ взять былъ Елдечукомъ, а Владимира Игоревича взялъ Копти. «И тогда кончавшюся полку, розведены быша, и поиде каждо во своя вежа.—Тогда же на полчищи Копчакъ поручися по свата Игоря, зане башеть раненъ. Отъ толикихъ же людѣй мало ихъ избысть...»

33.

Иѣвецъ Игоря, пренеуская подробности, носиѣшаетъ изобразить печальный конецъ трехдневнаго боя Игорева:

«Бишася день; бишася другой; третьяго дни къ полудню падоша стязи Игоревы.»

Изъ этого поэтическаго сказанія видно, что битва на третій день (въ воскресенье) продолжалась до полудня. Послѣ того иѣвецъ (въ рѣчи бояръ кievскихъ) говоритъ только: «Темно бо бѣ въ третій день... на рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла» — разумѣется къ полудню, а не на утренней зарѣ, какъ сказано тамъ въ переводѣ г. Гербели (см. замѣчаніе 27). У него и здѣсь конецъ битвы положенъ не къ полудню, а предъ зарей:

«Вотъ ужь день; за нимъ другой
Пышетъ битва, будто пламя;
А на третій, предъ зарей
Пало княжеское знамя.»

Прибавленное переводчикомъ сравненіе битвы съ пламенемъ тутъ лишнее въ художественномъ отношеніи; ибо битва эта только-что представлена передъ симъ въ видѣ паши, засѣваемой костями и поливаемой кровью.

Въ переводѣ г. Минаева тоже:

«Двои сутокъ шла огнемъ война;
А на третьи, въ жаръ полуденный
Пали стяги княженецкіе.»

Переводъ г. Мея ближе всѣхъ къ подлиннику:

«Бились день; другой день билися;
А къ полудню-то на третій день
Пали стяги князя Игоря.»

34.

Вслѣдъ за тѣмъ у пѣвца другая народно-поэтическая картина паденія на полѣ битвы, въ видѣ свадебнаго пира— (какъ въ пѣснѣ великорусской:

«Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.»)—

«Ту ся брата разлучиста, на брезѣ быстрой Каалы; ту кровавого вина недоста; ту пирь докончаша храбрїи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша, за землю Русскую.»

Въ переводѣ г. Мея:

«Туть на берегѣ Каалъ-рѣки,
Оба брата разлучилси;
Туть вина не стало болѣ кровавого,
Туть покончили пирушку наши витязи:

Напоили сватовъ до-пьяна,
И легли за землю Русскую...»

Въ переводѣ г. Гербеля:

«И опять разлучены
Братья жребіемъ войны.
Тамъ гдѣ пѣнится Каяла,
Чаша выпита до дна!...
Тамъ кроваваго вина
Не хватило, не достало.
Тамъ, у вражеской рѣки
Наши братья—земляки
Пиръ кровавый довершили:
Жданныхъ сватовъ напоили,
И за честь своей земли
Сами трупами легли.»

Въ передачѣ этой картины подлинника, можно признать
лишнимъ прибавочный стихъ:

«Тамъ у вражеской рѣки»—

послѣ живописнаго стиха:

«Тамъ, гдѣ пѣнится Каяла.»

Этотъ стихъ удачно принаровленъ къ другому придаточ-
ному стиху:

«Чаша выпита до дна.»

Но эта красивая чаша работы Минаевской:

«Была чаша до дна выпита;
Пиво крови все исчерпалось.»

Пѣвецъ кончаетъ свою картину печально природы о по-
гибели Русскаго войска на Каялѣ:

«Ничитить трава жалоцами, а древо съ тугою къ земли
преклонилось.»

Въ переводѣ г. Мея:

«Прилегла трава отъ жалости,
И съ тоски къ землѣ пригнулось дерево.»

Фантазія г. Минаева выросила тутъ цѣлыя лѣса въ отчаяньи:

«Никнуть: трава подъ стопами,
Кусты подъ несчастіемъ,
Лѣса подъ отчаяньемъ.»

Въ переводѣ г. Гербеля поставлень очень живописно только одинъ молодой яворъ:

«Вянетъ на полѣ былина
Подъ кручиною-тоской,
И къ землѣ тоска-кручина
Клонитъ яворъ молодой.»

При этомъ невольно и кстати вспоминается прекрасная пѣсня украинская (любимая пѣсня незабвеннаго Гнѣдича):

«Стоитъ яворъ надъ водою,
Въ воду похилился;
На козака пригбдонька,
Козакъ зажурился.»

Подобно же картиною пѣвецъ Игоря выражаетъ печаль природы о юномъ князѣ Ростиславѣ, утонувшемъ въ р. Стугнѣ:

«Уныша цвѣты жалобою, и древо съ тугою къ земли преклопилось.»

Въ этой картинѣ, совсѣмъ пропущенной въ переводѣ г. Минаева (чрезмѣрно самопроизвольномъ и непокорномъ своему подлиннику),—г. Мей повторилъ прежнюю, замѣнивъ только траву цвѣтами:

«Прилегли цвѣты отъ жалости,
И съ тоски пригнулось дерево.»

Г. Гербель уныніе цвѣтовъ передалъ изобразительно: «осыпаются отъ жалости.» Это въ манерѣ пѣвца, и придало его картинѣ новую красоту:

«На лугахъ цвѣты душистые
Осыпаются отъ жалости;
И деревья съ тихой грустію
Надъ землею наклоняются.»

36.

Живопись у пѣвца Игоря такъ вѣрна и мѣтка, что краски и подробности его картинъ должно сохранять въ переводѣ съ возможною точностью. Этого мы вправѣ ожидать особенно отъ перевода г. Гербеля, такъ-какъ онъ уже десятиый стихотворный переводъ Пѣсни на Русскомъ языкѣ; да и цѣль его была—«возможно близкое воспроизведеніе подлинника.» Каждый поэтъ, конечно, дорожитъ своимъ переводомъ болѣе, чѣмъ примѣчаніями; но подлинникомъ мы дорожимъ болѣе всѣхъ переводовъ.—Отъ стихотворнаго перевода никто не будетъ требовать той покорности подлиннику, какою обязанъ прозаическій и особенно подстрочный переводъ, отвѣчающій за каждое слово подлинника. Стихотворному переводу предоставлена большая свобода въ словахъ; но съ нею дано и больше способа для выраженія красотъ подлинника.

Въ предъидущихъ замѣчаніяхъ показано было не одинъ разъ, какъ переводчикъ, прибавочными отъ своего произвола чертами, придавалъ иногда историческую невѣрность картинамъ подлинника. Теперь мы мы сличимъ еще нѣсколько мѣстъ изъ Пѣсни Игорю съ переводомъ ея, имѣя въ виду преимущественно—вѣрность и красоту художественную.

Вотъ, на примѣръ, слова пѣвца о донѣ: «Донъ ти, княже, кличетъ, и зоветъ князы на побѣду. Ольговичи храбрыи князи досѣли на брань.»

«Князя, свѣтлый Донъ на побѣду
Зоветь васъ, вздымая волну!
Отважныя Ольговы дѣти
Готовы идти на войну.»

Не говорю о томъ, что въ переводѣ тутъ пропущено— «тебя, князь, кличетъ»; и что вмѣсто «Ольговы дѣти» вѣрнѣе было бы «Ольговы внуки». Переводчикъ прибавилъ отъ себя къ Дону подробность—«вздымая волну». Она, кажется, вызвана зовомъ на войну; однако она такъ умѣстно и вѣрно обрисовала собою зовущій Донъ, что придачу ея можно назвать прибавкою новой красоты къ подлиннику. За то прибавочное названіе Дона свѣтлымъ—не кстати. Въ Пѣсни Донъ зовется великимъ, синимъ: эти готовыя краски пѣвца для Дона болѣе шли быкъ нему, особенно когда онъ «вздымаетъ волну.» Въ этомъ именно состояніи и не слѣдовало рисовать его свѣтлымъ (тѣмъ болѣе, что впереди говорится о померкшемъ свѣтѣ солнца и паденіи листьевъ).

37.

Въ той же главѣ, въ воззваніи къ Суздальскому князю Всеволоду, пѣвецъ говорить: «Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шелома выльяти.»

Ты можешъ могучую Волгу
Разбрызгать по злакамъ полей,
И вычерпать Донъ необъятный
Шеломами рати своей.

Дополнительная подробность въ этой картинѣ Дона, т. е. прибавка рати къ существенной чертѣ (при Донѣ)—къ шеломамъ,—весьма можетъ быть одобрена. На Волгѣ, въ соотвѣтствіе шеломомъ, пѣвецъ нарисовалъ весла, **необходимыя** для глагола раскропити: ими поэтически **опиачено** въ Пѣсни недавнее, побѣдоносное плаваніе **Всеволода** по Волгѣ въ землю Болгарскую. Если уже **прибавить** что-либо—

(какъ прибавлена рѣчь къ шеломамъ), то къ весламъ придать бы ладьи, о которыхъ и въ лѣтописи идетъ рѣчь («Бѣлозерскій полкъ отряди къ лодьямъ... Болгары же подоша въ лодьяхъ—на лодѣ наши... и тако истоноша болѣ тысячи ихъ». Лавр. лѣт., подь 1184 г.). Это было бы, какъ мнѣ кажется, и художественно и исторически вѣрно. А въ переводѣ г. Гербеля вывошены весла, а въ замѣнъ ихъ нарисованы полевые флаги, которые такимъ образомъ вытѣсняя собою существенную подробность картины, нарушаютъ ту художественную соразмѣрность и соотвѣтственность, которая замѣтна вообще въ живописи пѣвца Игорева.

38.

Такъ пѣвецъ, сказавъ о плѣненіи Игоря, продолжаетъ;
«уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче.»

Тутъ изображена печаль городовъ о плѣнѣ Игоря («То бо слышавше взятошася города Посемьскіе; и бысть скорбь и туга люта... города воставахуть, и не мило бяшетъ тогда комуждо свое ближнее.» Кіев. лѣт.). А когда Игорь воротился изъ плѣна на Русь, тогда у пѣвца веселятся города:

«Страни ради, гради весели.»

Въ переводѣ утратилась ясность и соотвѣтственность этихъ двухъ изображеній; нѣтъ городовъ; а въ первомъ случаѣ—

«Приуныли стѣны крѣпкія.»

Во второмъ случаѣ—

«Веселится народъ.»

39.

Взглянемъ еще на изображеніе Днѣпра, по которому Святославъ Кіевскій совершилъ побѣдоносное плаваніе на Половецкѣ, незадолго передъ тѣмъ, какъ Всеволодъ ходилъ по Волгѣ на Болгаръ. Его побѣду надъ Кобыкомъ пѣвецъ возвеличилъ особою пѣснею („гровою бяшетъ...“); а потомъ

вспоминаетъ еще—въ плачѣ Ярославны: „О Днѣпръ-Словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозъ землю Половецкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святославлени сады до плѣк у Кобякова...“

„Днѣпръ мой славный! Ты волнами
Горы крѣпкія пробилъ
Половецкими землями
Путь свой дальный проложилъ
Ты не разъ своей волною
Мчала, гордая рѣка,
Святослава надъ собою
До улусовъ Кобяка.“

Весьма живописенъ и умѣстенъ здѣсь прибавочный стихъ:

„Путь свой дальній проложилъ!“

Но рисуя и на Днѣпрѣ волны, зачѣмъ было снимать съ него ладіи Святославовы, нарисованныя пѣвцомъ?... Въ переводѣ, вмѣсто того, одинъ Святославъ, надъ Днѣпромъ, мчится волною—до улусовъ Кобяка (вмѣсто полка или полковъ)... Гдѣ же эти улусы? Святославъ не ходилъ ниже устья р. Орели, въ 1183 году, о которомъ говорить пѣвецъ. Плавалъ ли прежде того Святославъ на Кобяка по Днѣпру,—неизвѣстно; а у переводчика сказано: не разъ!—Народное прозваніе Днѣпра словутицею (которое продолжалось и во время козацкой Украины, подъ именемъ словуты),—переводчикъ выразилъ названіемъ славнаго, и придалъ еще отъ себя—названіе гордой рѣки. А гранитные пороги Днѣпра, у пѣвца вѣрно названные каменными горами, переводчикъ назвалъ только крѣпкими, и слѣдственно не дорисовалъ ихъ.

Въ самомъ началѣ «плача Ярославны», у пѣвца два раза помянута зегзица, (по-малороссійски зозули)—ку-

кушка: это всегдашній и любимый въ южно-русской поэзи символъ сиротства и родственной печали (жены по мужѣ, матери по сынѣ, сестры по братѣ). Въ переводѣ г. Козлова онъ сохраненъ; то же и въ переводѣ г. Мея:

«Ярославны голосъ слышенъ;
Перелетною кукушкой
Поутру она кукуеть.
Полечу, княгиня молвить.
Я кукушкой по Дунаю,
Омочу рукавъ бобровый
Во Каялѣ во рѣвѣ...»

Въ переводѣ г. Гербея, вмѣсто кукушки, двѣ птицы горлица и лѣсная голубка:

«Звучный голосъ раздается
Ярославны молодой;
Стономъ горлицы несется
Онъ передъ утренней зарей:
Я быстрѣй лѣсной голубки
По Дунаю полечу,
И рукавъ бобровой шубки
Я въ Каялѣ омочу...»

Эта граціозная шубка передѣлана изъ шубы, Минаевского перевода:

Я косаткой по Дунаю,
Въ свою отчизну летаю,
А назадъ какъ полечу,
Такъ рукавъ бобровой шубы
Я въ Каялѣ омочу...“

Такъ и въ картинѣ бѣгства Игорева, у пѣвца нарисованы гуси, у переводчика утки.—„И полетѣ соколомъ подь мѣглами, избивая гуси и лебеди“. У г. Гербея:

„И взвились могучимъ соколомъ,
Убивая подъ туманами
Лебедей и утокъ...“

Вслѣдъ за тѣмъ у пѣвца нарисованы два коня, и въ переводѣ одинъ конь. — „Тогда Влуръ влѣкомъ потече, труся собою студеную росу. Претръгоста бо свои бръзая комоня.“ Ко моня—двойственное число; также какъ и глаголь преторгоста (т. е. Игорь и Овлуръ). А въ переводѣ г. Гербеля:

„Тогда Влуръ помчался по полю
Сърымъ волкомъ, отряхаючи
Съ охобня росу холодную;
Надорвалъ коня дорогою.“

Можетъ быть, вѣрнѣе было бы прибавить по луиу, чѣмъ по полю; но дѣло въ томъ, что Овлуръ бѣжитъ „труся собою студеную росу“—(съ травы); а въ переводѣ онъ отряхиваетъ росу съ приданнаго ему охобня. Въ переводѣ г. Минаева дана Овлуру на дорогу, въ лѣтнюю пору, теплая шуба (говорить же пословица: „до Святого Духа не кидай кожуха!“):

„Трясетъ своей теплой шубою
Съ травы росу на сырую степь.“

42.

Подобную замѣну одного предмета другимъ встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ Пѣсни:

„По Руской земли прострошася Половци акы пардуже гпѣздо.“ У г. Гербеля:

„Разсѣялись Половцы, будто бы стая
Голодныхъ шакаловъ, по Русской землѣ“.

Объ шакалахъ нѣтъ помину у пѣвца, ни у его современниковъ; между тѣмъ пардусъ былъ въ большомъ ходу

тогда у Руси: Князья XII вѣка дарили другъ друга этимъ звѣремъ; въ XIII вѣкѣ, въ числѣ урядныхъ людей, были сокольники и пардусники; и еще Несторъ говорилъ о Святославѣ: «Легко ходя, акы пардусъ.»

Тутъ предложу еще грамматическую замѣтку о словѣ «гнѣздо пардуже»: такъ-ли оно было въ рукописи, не было-ли написано пардусне? Вѣдь отъ слова пардусъ прилагательное имя будетъ пардусный, съ чѣмъ сходится и древнее слово пардусникъ.

43.

Въ Пѣсни два раза встрѣчается дивъ. Первые издатели перевели его филиномъ. Г. Дубенскій, а вслѣдъ за нимъ и г. Гербель говорятъ, что удачнѣе всѣхъ изъяснилъ это слово докторъ Гай изъ Загреба, утверждающій, что дивъ означаетъ птицу удода!... Если такъ, то и перевести бы его удодомъ; однако г. Гербель переводитъ его одинъ разъ совою, а въ другой филиномъ,—какъ будто сова и филинъ одна и та же птица; зоологи относятъ ихъ даже къ особымъ родамъ (*strix et bubo*). Да и представилъ ихъ г. Гербель въ оба раза не такъ, какъ у пѣвца:

«Дивъ кличетъ врѣху древа»

У г. Мея:

«Кличетъ дивъ съ вершины древа.»

А у г. Гербеля;

«...И сова завываетъ

Подъ сѣнью древесныхъ вѣтвей.»

Въ другой разъ:

«Уже врѣжеса дивъ на землю.»

У г. Мея:

«И повергнулся дивъ на землю.»

У г. Гербеля совсѣмъ не то:

«И филинъ ужъ машеть крыломъ.»

И остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣнїи, что дивъ означаетъ духа тьмы, враждебнаго внукамъ Дажьбоговымъ и благопрїятнаго врагамъ Руси, Половцамъ; и что онъ сроденъ съ дивами персидскими, а также съ дивами или девами индїйскими. Когда Кїевская лѣтопись (въ 1843 году) дала намъ знать положительно, что Дажьбогомъ у древней Руси называлось солнце, то для меня еще болѣе подтвердилось вышесказанное миѣическое значеніе дива.— Какъ только Игорь, — вопреки солнцу (Дажьбогу), заступавшему ему путь своимъ затмѣніемъ, — вошелъ въ Половецкую землю, — настаетъ грозная ночь, и дивъ кричитъ поверхъ дерева, подавая вѣсть во всѣ концы земли Половецкой; и Половцы бѣгутъ со всѣхъ сторонъ. А когда, по паденїи Игоревыхъ стяговъ на Каялѣ и по плѣненїи нашихъ князей — «встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, — и простерлись по Русской земли Половцы, какъ пардово гнѣздо, и напелась хула на хвалу, и разразилось насилье надъ волей: тогда и дивъ низвергся на землю» (съ вышины).

Съ этимъ представленїемъ дива въ Пѣсни Игорю не сходится понятїе о простомъ филинѣ, или совѣ, — тѣмъ менѣе объ удоуѣ. Впрочемъ, могло быть, что дивъ и олицетворялся въ видѣ зловѣщаго филина (по украински пугачъ), только на это нѣтъ положительнаго свидѣтельства и такого яснаго указанїя, какъ въ Пѣсни Игорю на значенїе Стрибога, а также и на отношенїе Велеса къ пѣснопѣнїю (подтверждаемое и Вацерадовою *Mater Verborum*).

41.

Тутъ кстати вспомнать о Дѣвѣ съ лебедиными крыльями.... По мнѣнїю Пожарскаго (1819 г.), это Дѣва нна славянская Дїана. Ея изображенїе въ Пѣсни напомнало мнѣ (1836 г.) поэтическій образъ литовской дѣвы-Чумы (въ поэмѣ Валленродѣ); но я и не думалъ о тожествѣ ихъ.... Мнѣнїе Пожарскаго правдоподобно; не достааетъ только извѣстїи, что у славянской Дѣва нны были лебединыя крылья. Чтобы означить ея миѣическое значенїе, г. Гербель придалъ ей названїе не земной дѣвы:

«Возстаетъ обида кровная,
И надъ внуками Дажьбожьими
Разражается несчатьями
Неземной вступивши дѣвою
На черту земли Трояновой,
Она громко, громко крыльями
Заплескала лебедиными
На Дону, у моря синяго;
Пробудила время тяжкое.»

Въ подлинникѣ: «Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука; вступивъ Дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на Синемъ морѣ, у Дону плещучи, убуди жирня времена.»

Объясненія этой фантастической, неземной дѣвы—г. Гербель захотѣлъ искать въ славянщинѣ, и остановился на мнѣнii г. Дубенскаго, который подразумѣваетъ тутъ судныхъ дѣвъ старочешскаго Суда Любуши.—Но если ужъ г. Гербель назвалъ эту дѣву-обиду неземною, въ томъ разѣ лучше бы признать сравненіе съ Дѣванною: она славянская и неземная; а тѣ судныя, двѣ дѣвы—земныя и ужъ навѣрное безкрылыя; съ ними можно сравнивать развѣ молодую знахорку или иную земнородную вѣщунью.

Г. Гербель поставилъ ее «на черту земли Трояновой». Гдѣ же онъ опредѣлилъ эту черту? Она и въ примѣчаніяхъ его проведена два раза (стр. 138, 139); но тамъ недомнѣніе и объ самомъ Троянѣ. По мнѣнiю г. Гербеля, «основательнѣе другихъ предположеніе покойнаго Полеваго, что Троянъ здѣсь не Римскій Императоръ, а что-нибудь такое, чему надо искать объясненія на Руси....» (стр. 134).

Въ Пѣсни Игорю говорится о соловѣѣ стараго времени Боянѣ: «рыща (т. е. влѣкомъ) въ тропу Трояню, чрезъ поля на горы.» Тропа Троянова, безъ сомнѣнія, тутъ

извѣстная via Trojani, положенная и на картѣ. Но г. Гербель тутъ изгладилъ ее, и поставилъ отъ себя и боръ, и дубраву, и дебри:

«...И мчась по слѣдамъ
Героя Трояна, сквозь боръ и дубраву
По дебрямъ, полямъ и горамъ.»

Такою прибавкою не облегчится поискъ чего-нибудь такого означающаго Трояна...

Тоже и въ началѣ Пѣсни, гдѣ сказано о Воляхъ: «рестекашется мыслію по древу».—Въ переводѣ г. Гербеля:

«То носился мыслію-птицей
Онъ по дебрямъ, по лѣсамъ.»

Въ соотвѣтственномъ этому мѣстѣ о Воляхъ, пѣвецъ говоритъ опредѣлительнѣе: „скача славію (соловьемъ) по мыслену древу“. Стало быть, тутъ не дебри и лѣса, а одно дерево мысленное, которое, по объясненію самаго г. Гербеля, означаетъ воображеніе (стр. 131). Но въ переводѣ сказано только:

„Порхая лѣснымъ соловьемъ“.

Для меня, уроженца степей украинскихъ, всегда ощутительна прибавка лѣсу въ картинахъ пѣвца Игорева,—и тѣмъ болѣе что въ цѣлой Пѣсни его нѣтъ даже и слова: лѣсъ или боръ. Въ концѣ Пѣсни, пѣвецъ говоритъ: „Дѣвицы поють на Дунай; вьются голоса чрезъ море до Кіева.“ Переводчикъ, вмѣсто моря, рисуеъ поля и лѣса:

„На Дунаѣ запѣли дѣвицы,
И летять голоса
Чрезъ поля и лѣса
Къ высамъ Кіева, пышной столицы.“

Такъ и въ картинѣ грозной ночи, переводчикъ добавилъ отъ себя мѣстныя дебри, и потомъ еще сосѣдній лѣсъ для соловья:

„Въ сосѣдномъ лѣсу соловей умолкаетъ,
Крикъ галичій слышенъ порой.“

Въ подлинникѣ:

„Щекоть славій успе, говоръ галичь убуди.“

46.

Тутъ соловьи молчатъ; кричатъ галки. А въ бѣгствѣ Игоря изъ плѣна, у пѣвца написана противоположная картина: тамъ не слышно ни галокъ, ни сорокъ, ни вороновъ; только въ лозахъ стучать дятлы да поютъ соловьи. „Тогда врани не граахутъ, галици помлькоша, сорокы не трескоташа, по лозію ползоша только дятлове, путь къ рѣцѣ кажуть; соловьи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдають.“ Въ переводѣ г. Гербеля:

„Стихло,—вороны не каркали,
Галки хищныя съ сороками,
По вѣтвямъ деревьевъ прыгая
Также смолкли въ отдаленіи;
Только дятель, долбя дерево,
Путь къ Донцу-рѣкѣ указывалъ;
Да вдали въ густомъ орѣшникѣ
Соловей веселымъ пѣніемъ
Утро ясное привѣтствовалъ.“

Въ подлинникѣ видимъ однѣ прибережныя лозы (про которыя такъ хорошо поютъ намъ украинскія пѣсни); а тутъ: и деревья въ отдаленіи,—и вдали густой орѣшникъ для соловья. А у г. Минаева орѣшникъ съ ивою нарисованы для дятла, а соловей—

„Вотъ межъ чащею, подъ ракиитникомъ.“

Слова подлинника; по лозію ползоша, очевидно относятся къ дятламъ (какъ замѣтилъ еще Грамматинъ); но первые издатели, а вслѣдъ за ними и большая часть переводчиковъ относятъ ихъ къ сорокамъ; а это заставляетъ ихъ глаголь ползоша (свойственный дятламъ и желнамъ) замѣ-

нять глаголами — двигаться, скакать, прыгать. Такъ и у г. Мея:

Галки смолкли, а сороки только прыгали,
Въ зеленыхъ лозахъ, безъ стрекота.»

У г. Гербея—вмѣстѣ съ сороками и галки по вѣт-
вамъ деревьевъ прыгаютъ.

47.

Два раза въ этой картинѣ переводчикъ придалъ отда-
леніе. Этимъ усиленіемъ дали отличаются въ переводѣ его
вообще картины бѣгства Игоря. Въ подлинникѣ:

«Погасоша вечеру зори.»

Въ переводы:

«Догорѣла въ отдаленіи
За горой заря вечерняя.»

Тутъ нарисована и гора, которой и не было, можетъ
быть, на западной сторонѣ р. Тора, гдѣ Игорь находился въ
плѣну.

Тамъ же: «Овлуръ свисну за рѣкою.» По всей вѣроят-
ности, это было не очень далеко, а такъ, что можно было
слышать условленный свистъ. Въ переводѣ: «Овлуръ свист-
нулъ за рѣкой вдали.»

Далѣе: «а не сороки вострскоташа: на слѣду Игоревѣ
ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.» Въ переводѣ:

«Не сорочье стрекотаніе
Раздается въ отдаленіи:
Это мчатся, вслѣдъ за Игоремъ,
Гзакъ съ Кончакомъ Половецкіе.»

(Тутъ слѣдуетъ вышеприведенная картина: «тогда враги
не граахуть»).

Я замѣтилъ уже выше неумѣстную прибавку дальнаго
берега къ Дону, въ изреченіи Игоря. Подобную прибавку

далекаго поля находимъ и въ картинѣ битвы на Немигѣ, переданной впрочемъ очень близко:

«А на Немигѣ рѣкѣ устилають далекое поле
Вмѣсто сноповъ головами; молотятъ стальными цѣпами;
Жизнь владуть на току, и вѣютъ душу изъ тѣла.»

Въ той же главѣ прекрасно передалъ г. Гербель картину смерти Изяслава Васильковича:

«Не было съ нимъ ни отважнаго брата его Брячислава,
Ни Всеволода; одинъ, далеко отъ родимаго края
Выронилъ онъ жемчужную душу, изъ храбраго тѣла,
Сквозь ожерелье золотое...»

Но прибавка дали составляетъ тутъ гипотезу, хотя поэтически-прекрасный, но исторически-напрасный. Какъ далеко отъ родимаго края палъ Изяславъ?—полагаю, также трудно опредѣлить, какъ и черту земли Трояновой.

Предсмертное воззваніе Изяслава, въ переводѣ г. Гербеля не такъ, какъ въ подлинникѣ:

«И склоняясь на ложѣ
Смерти, сказалъ: дружина! ты спишь и своими кры-
лами—
Птицы тебя осѣнили, а звѣри кровь полизали»

Въ подлинникѣ эта рѣчь умирающаго Изяслава обращена къ князю—къ дѣду его Всеславу, котораго славу онъ и взялъ съ собою на ложѣ смерти. Эта подробность пропущена въ переводѣ г. Гербеля, но сохранена въ переводѣ г. Мея:

«Славу взялъ съ собой на ложѣ онъ, промолвивши:
Князь! твою дружину храбрую
Приодѣли птицы крыльями,
Полизали у ней звѣри кровь.»

Вотъ и въ прозѣ прекрасный переводъ, изъ лекцій г. Шевырева: «и схватилъ онъ ту славу на смертный одръ, и сказалъ: дружину твою, князь, крылья птицъ приодѣли, а звѣри кровь полизали.»

48.

Къ замѣнамъ одного предмета другимъ, въ переводѣ г. Гербеля, принадлежитъ и замѣна солнца луною. Выше замѣтили мы, что въ Пѣсни два раза Игорь и Всеволодъ уподоблены дневному свѣтилу. Сообразно этому и въ концѣ Пѣсни, изображая возвращеніе Игоря на Русь, пѣвецъ говоритъ: «Солнце свѣтится на небеси; Игорь князь въ Руской земли.» У г. Гербеля:

«Что луна въ небеси,
То нашъ князь на Руси.»

Это не въ понятіи пѣвца, который и двухъ младшихъ князей (въ рѣчи бояръ уподобленныхъ мѣсяцу) сравниваетъ съ солнцемъ, наравнѣ съ старшими. Притомъ же, названіе свѣтила ночи луною у насъ заимствованное, латинская *luna* женскаго рода, и примѣняется къ женамъ, на примѣръ къ Діанѣ. Въ Славянщинѣ—мѣсяць; съ нимъ сопряжено понятіе мужчины; да и самъ онъ зовется Княжичемъ, по-польски *хіежусъ*; а луна по-польски значитъ зарево, отблескъ, по-малороссійски—отголосокъ, эхо.

«Солнце свѣтится намъ на небѣ,
А князь Игорь на святой Руси.»
Вотъ переводъ этого мѣста у г. Мея.

49.

Приведу здѣсь еще одно отступленіе отъ подлинника, относящееся къ Владимиру-Мономаху. Пѣвецъ, говоря объ усобицахъ Олеговыхъ, сказалъ: «а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.» Въ переводѣ:

«А князь Владимиръ, сидя дома,
Чтобъ не слышать тѣхъ браней грома,
Съ разсвѣтомъ уши затыкалъ.»

Здѣсь неудачна замѣна Чернигова выраженіемъ: «сидя дома». Оно совсѣмъ не идетъ къ Мономаху: ужь если кто былъ не домосѣдъ, такъ это Мономахъ, въ полномъ смыслѣ слова—подвижникъ и добрый страдалецъ Русской земли.

Иное дѣло Ярославъ-Осмомыслъ Галицкій, объ которомъ пѣвецъ говоритъ: «высоко сѣдиши на своемъ златоконнѣмъ столѣ.» Тутъ сидѣнье на престолѣ—характерная черта, выраженная и въ лѣтописи Кіевской: «Гдѣ бо бѣшетъ ему обида, самъ не ходяшетъ полкъ своими; но посылашетъ я съ воеводами.»

Прибавочнымъ стихомъ своимъ—

«Чтобъ не слышать тѣхъ браней грома,»

г. Гербель указываетъ ясно на упомянутыя предъ тѣмъ брани Олега съ Всеволодомъ, точнѣе сказать, на его войну подъ Черниговомъ, которой картину и нарисовалъ пѣвецъ. Но въ ту пору (т. е. 1078) домъ Владимира былъ не въ Черниговѣ, а въ Смоленскѣ, и онъ не сидѣлъ дома, но—скажемъ его собственными словами: «и пакы-и-Смолиньска же пришедь; и проидохъ сквозѣ Половечьскыи вои, бѣся до Переяславля, и отца налѣзохъ съ полку пришедше; то и пакы ходихомъ томъ же лѣтѣ, со отцемъ и со Изяславомъ битися Чернигову съ Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Олга.» Несторъ, описывая эту побѣду, говоритъ: «Черниговцемъ же не отворившимся, приступиша ко граду; Володимеръ же приступи ко вратомъ вѣсточнымъ, отъ стрезеній отя врата, и отвориша градъ окдльній, и пожгоша и.»

И такъ, прибавочный стихъ переводчика о громѣ тѣхъ Олеговыхъ браней, и его же слова о Владимирѣ—«сидя дома», не оправдываются взаимно, и потому напрасны. Въ примѣчаніи (на стр. 137) онъ говоритъ: «То-есть: любилъ

миръ, не участвовалъ въ раздорахъ.» (И г. Дубенскій на 73 ст. говорить: «т.-е. любилъ миръ, не участвовалъ въ раздорахъ»). Владимиръ дѣйствительно любилъ миръ, но въ дѣлахъ того времени принималъ дѣятельное участіе.—Вспомнимъ у Нестора войну Святополка съ Половцами, 1093 года, отрывокъ которой (потопленіе Ростислава въ Стугнѣ) представленъ и въ Пѣсни Игорю: «Володимеръ хотяше мира; Святополкъ же хотяше рати, и поиде Святополкъ, и Володимеръ, и Ростиславъ къ Треполю...» Владимиръ и тамъ говорилъ: «яко сдѣ стояче черезъ рѣку, въ грозѣ сей, створимъ миръ съ ними!» а когда Половцы сломили ихъ, «прибѣгоша къ рѣцѣ Стугнѣ; и вбрѣде Володимера съ Ростиславомъ нача утопати Ростиславъ предъ очима Володимера и хотѣ похватити брата своего, и мало не утопе самъ; и утопе Ростиславъ, сынъ Всеволожъ. Володимеръ перебрѣдъ рѣку съ малою дружиною, мнози бо падоша отъ полка его, и болярскаго ту падоша, и перешедъ на ону сторону Днѣпра, плакася по братѣ своемъ, и по дружинѣ своей, пришедъ Чернигову печаленъ зѣло.»

Въ Пѣсни Игорю опредѣлительно сказано о Владимирѣ въ Черниговѣ, слѣдовательно, это относится не къ тѣмъ усобнымъ бранямъ, которыя поднималъ Олегъ при Всеволодѣ, а къ той, которая была уже по смерти Всеволода (1093), по возвращеніи Олега изъ Греціи (1083),—въ послѣдній годъ княженія Владимірова въ Черниговѣ, т.-е. 1094 года: «Томъ же лѣтѣ приде Олегъ съ Половци, изъ Тьмотороканя приде Чернигову; Володимеръ же затворися въ градѣ; Олегъ же приде къ граду, и пожже около града, и монастырѣ пожже; Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ, и иде изъ града на столъ отень Переяславлю; а Олегъ вниде въ градъ отца своего.» Такъ говоритъ Несторъ; а вотъ слова самого Владиміра: „и потомъ Олегъ на мя приде съ Половечскою землею къ Чернигову, и бишася дружина моя съ нимъ 8 днѣй о малу-греблю, и не вдадуче имъ въ острогъ, сжаливсья хрестьяныхъ душъ, и сель горящихъ и монастырѣ, и рѣхъ: не хвалитися поганымъ! и вдахъ брату отца своего мѣсто, а самъ идохъ на отца своего мѣсто Переяславлю...“

Тутъ замѣчу и географическую ошибку въ примѣчаніяхъ г. Гербеля (на стр. 60). Въ битвѣ 1078 года, Изяславъ и Борисъ пали на одной и той же Нѣжатиной нивѣ, возлѣ Чернигова („у села, на Нѣжатиной нивѣ“—прибавлено въ спискѣ Лаврентьевскомъ). А въ примѣчаніяхъ г. Гербеля, о Святополѣѣ сказано: „на Нѣжатиной нивѣ“, а о Борисѣ— „при селѣ Нѣжатицѣ (Нѣжинѣ)!“ Прибавка Нѣжина здѣсь вовсе напрасна, ибо это уже далеко отъ Чернигова; да если тамъ полагать Бориса, то и Изяслава тамъ же слѣдовало бы. Уже рѣшенное дѣло, что Нѣжатиная нива не относится къ городу Нѣжину; историческая географія основательно приурочила къ нему древній городъ Унѣжь; зачѣмъ же тутъ и поминать Нѣжинъ!

Г. Снегиревъ, въ своемъ изданіи Пѣсни о Полку Игоревѣ (въ Истор. Сборникѣ 1838 г.) весьма справедливую поправку сдѣлалъ въ текстѣ, написавши «Ярославъ сынъ Всеволодъ» (вмѣсто: «Ярославъ сынъ Всеволожь», какъ было въ 1-мъ изданіи, и приводило къ сбивчивому понятію): этому послѣдовали въ переводахъ своихъ г. Дубенскій, Минаевъ, Мей; такъ и въ переводѣ г. Гербеля:

«Великій Всеволодъ внималъ»)

(имя Ярослава по-отчеству пропущено).

Но въ томъ же изданіи г. Снегиревъ сдѣлалъ другую, важную поправку въ текстѣ, которою не воспользовался, кажется, ни одинъ переводчикъ. Это о Борисѣ Вячеславичѣ.

Въ 1 изданіи (а оттуда и во всѣхъ прочихъ) напечатано: „и на конину зелену наполому постла“. Первые издатели перевели: „онъ положенъ на конскую попону зеленую“. Хотя г. Вельтманъ и догадался, что здѣсь рѣчь идетъ о зеленой муравѣ, однако большинство переводчиковъ осталось за первоначальнымъ переводомъ; у гг. Дубенскаго, Мея, Гербеля—конскій покровъ или коверъ.. А въ изданіи г. Снегирева объяснено (стр. 113), что этотъ зеленый коверъ значитъ „зеленый лугъ у Канина, близъ Чернигова, гдѣ, безъ сомнѣнія, убитъ Борисъ Вячеславичъ;“ и г. Снеги-

ревъ съ полнымъ правомъ поставилъ въ текстѣ такъ: „и на Канину зелену паполому погла.“ Изъ Лаврентьевской лѣтописи знаемъ, что подъ Черниговымъ была Канипа (безъ сомнѣнiя, рѣчка) близъ Гюричева... Это Гюричево, конечно, то село, которое показано въ Лавр. лѣтописи безъ имени, при Нѣжатиной нивѣ. Въ Пѣсни Игорю, вмѣсто Нѣжатиной нивы, названъ Канинскiй зеленый покровъ, означающiй зеленую мураву поля или дуга Канинскаго.

51.

Не сомнѣваюсь, что и слѣдующiя за тѣмъ слова въ текстѣ: „съ тоя же Каялы Святопѣлкъ повелѣ я отца своего между Угорскими иноходьцы ко святѣй Софiи къ Киеву“—требуютъ не только поясненiя, но и поправки.

1) Съ тоя же Каялы—поставлено, кажется, ошибкою (какъ примѣтилъ уже г. Головинъ, видящiй въ Канинѣ—конскую зеленую траву), вмѣсто: „со тоя же Канины; 2) разумѣя, подъ словомъ отца, Изяслава, здѣсь убитаго 3 октября (отказываюсь отъ бутковскаго мнѣнiя о Тугорканѣ, убитомъ не на Каялѣ, а подъ Переяславомъ)—я полагаю, что здѣсь имя Святополка поставлено обмолвкою, вмѣсто Ярополка (какъ имя Олега, Игорева сына, вмѣсто Владимира!); не Святополкъ, бывшiй во все это время въ Новгородѣ, а Ярополкъ былъ въ той битвѣ; онъ же и хоронилъ отца своего въ Киевѣ, въ десятинной церкви (по показанiю Нестора), а не въ Софiйской (какъ въ Пѣсни). Вспомнимъ изъ Нестора: „Ярополкъ же идяше по немъ, плачяся съ дружиною своею: отче, отче мой! что еси пожилъ безъ печали на свѣтѣ семъ, многы напасти приимъ отъ людiй и отъ братья своя? сеже погыбе не отъ брата, но за брата своего положи главу свою!“

52.

Но я вдался опять въ историческую сторону. Пѣсни Игорю, а мнѣ пора кончить уже замѣчанiя мои. Для этого

остановиться мнѣ развѣ на началѣ Пѣсни, которое мы съ г. Гербелемъ назвали запѣвомъ. Читая его въ прекрасномъ переводѣ г. Гербеля, я чувствовалъ, что въ немъ чего-то недостаетъ: и потомъ увидаль, что недостаетъ въ немъ имени Бояна, которое тутъ въ подлинникѣ названо—трижды! Переводчикъ величаетъ намъ—„соловья страны родной“,— у него изображается „нашъ пѣвецъ“—„дней минувшихъ соловей“, а все-таки вы не знаете, о комъ идетъ рѣчь у пѣвца Игорева... Между-тѣмъ, этотъ безымянный пѣвецъ, и только одинъ онъ, сохранивши для потомства драгоценное имя Бояна, въ самомъ началѣ Пѣсни своей называетъ его три раза, почтивъ его названіемъ вѣщаго, которое тоже пропущено переводчикомъ въ запѣвѣ. Такимъ образомъ, если бы кто, не читавши подлинника, сталъ читать въ одномъ переводѣ г. Гербеля вторую главу, гдѣ встрѣчается воззваніе къ вѣщему Бояну; то онъ можетъ еще усомниться, къ тому ли пѣвцу-соловью относится это обращеніе о которомъ была рѣчь въ запѣвѣ.

Такъ въ „пѣснотворцѣ стараго времени“, упоминаемомъ въ концѣ Пѣсни, одни видятъ того же Бояна, который во второй главѣ Пѣсни названъ „соловьемъ стараго времени“,—другіе (какъ Шевыревъ, Головинъ) видятъ въ немъ другаго пѣвца Святославова, современнаго Бояну; а иные этого пѣвца (какъ Полевой и Гербель) даже именуютъ Коганомъ; а Дубенскій думаетъ, что „пѣснотворцемъ стараго времени“ величаетъ себя самъ сочинитель Пѣсни, пѣвецъ нынѣшняго Игоря!... Какъ согласить такое разномысліе и разнорѣчіе!

Почти весь свой запѣвъ пѣвецъ Игоря посвятилъ роскошному изображенію своего вдохновителя Бояна—сначала его поэтическому замысленію, потомъ его пѣснопѣнію, которое сопровождалось игрою десяти вѣщихъ перстовъ его, уподобленныхъ десяти соколамъ,—на живыхъ струнахъ его гуслей, уподобленныхъ стаѣ лебедей.—Это второе изображеніе начинается словами: «помняшь бо речъ първыхъ временъ усобицѣ: тогда пуцашеть

10 соколовъ на стадо лебедей; который дотечаше (т.-е. который соколъ), та преди пѣсь пояше (т.-е. та лебедь бѣлая).“ Но первые издатели, предположивъ тутъ кокой-то (никакимъ древнимъ свидѣтельствомъ не подтверждаемый) обычай древне-русскій—пѣть по жеребью, пуская сперва десять соколовъ,—перевели невѣрно и это мѣсто изъ Пѣсни. Ихъ предположеніе повторяется доннынѣ большею частію переводчиковъ и толкователей Пѣсни. Но—говоритъ г. Гербель— „не стоитъ ломать головы, переставлять слова и относить ихъ къ предыдущимъ и послѣдующимъ періодамъ, чтобы ясно выраженной мысли дать желаемое значеніе. По моему мнѣнію—это фигура, или лучше сказать, поэтическое уподобленіе...“ (стр. 132) И это мѣсто изъ Пѣсни г. Гербель перевелъ такъ:

„А когда о несчастливыхъ
Временахъ онъ вспоминалъ:
Десять соколовъ пускалъ
На лебедокъ говорливыхъ,—
И лишь соколъ налеталъ,
Лебедь пѣсню начиналъ...“

Мы сошлись въ нашихъ мнѣніяхъ и переводахъ съ г. Гербелемъ. Я тоже называлъ это (въ Лекціяхъ 1836 года) поэтическимъ уподобленіемъ десяти перстовъ—десяти соколамъ, а струнъ лебедямъ; и даже я называлъ этотъ сложный трехчленный видъ уподобленія—положительно-отрицательнымъ; а въ переводѣ моемъ (напечатанномъ 1837 г.) это мѣсто передано было такъ: „какъ вспоминалъ онъ сказанья прежнихъ временъ объ усобицѣ, то пускалъ онъ десять соколовъ на стадо лебедей: который соколъ на лебедь падеть, та лебедь первая и пѣснь запоеть...“

У г. Мея вышло не то: (1850 г.)

„Про былыя про усобицы
Пѣсни прежнихъ лѣтъ намъ памятни;
Втапоры на стадо лебедей
Напускали десять соколовъ:

Чей соколъ на стадо первый палъ,
Тотъ и первый свою пѣсню пѣлъ.“

Почти такъ было и въ переводѣ г. Дубенскаго (1844 г.): „памятна старая поговорка на удалство князей, что тогда на стадо лебедей пускали 10 соколовъ,—чей первый налеталъ, тотъ прежде пѣснь воспѣвалъ.“

Та пояше, т.-е. та лебедь—струна; это пѣвецъ самъ объясняетъ второю половиною своего уподобленія: „Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедей пуцаше; нъ своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣскладаше: они же сами славу княземъ рокотаху.“

Они сами—т.-е. сами струны живыя; а по толкованію г. Дубенскаго „они сами—т.-е. прѣсты!“ Г. Дубенскому странно кажется, что Боянъ „пускалъ 10 соколовъ, и не пускалъ!“ „Трудно увѣрить (говорить онъ), что это здѣсь положительно-отрицательное уподобленіе!“ Но г. Гербель уже увѣрился въ этомъ,—а также и г. Головинъ (въ своихъ Примѣчаніяхъ, 1846 г.). Мнѣ остается развѣ повторить великорусскую народную пѣсенку:

„Скачетъ груздочекъ по ельничку,
Ищетъ груздочекъ бѣляночку:
Не груздочекъ скачетъ—дворянскій сынъ;
Не бѣляночки ищетъ—дворяночки.“

Вѣрить ли г. Дубенскій, что въ этой пѣсенкѣ—скачетъ груздочекъ, и не груздочекъ скачетъ. Ищетъ бѣляночки, и не бѣляночки ищетъ!—Вотъ также и въ Пѣсни Игорю (такъ часто плѣняющей насъ народно-русскою красотою) Боянъ пуцашетъ 10 соколовъ, и не 10 соколовъ пуцашетъ, а своя вѣщія прѣсты вѣскладаетъ!

1854 г. окт. 19.
Михайлова гора.

ТЕМНОЕ МѢСТО

ВЪ ПѢСНИ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ ¹⁾.

«Того стараго Владимира нельзя бѣ пригвоадити къ горамъ кыевскимъ: сего бо нынѣ стаха стязи Рюриковы, а друзи Давыдовы; нѣ рози нося имъ хоботы пашуть, кошія поють на Дунай».

Казалось бы ясно, какъ день, что Старшій Владимиръ и здѣсь, и въ началѣ Пѣсни,—Владимиръ Святой, но г. Головинъ (1846), вопреки общему признанію, видитъ въ обоихъ случаяхъ Владимира Мономаха. Такъ у него и Старшій Ярославъ, не великій князь Ярославъ Владимировичъ, а внукъ его—Ярославъ Святославичъ, братъ Олега Тмутараканскаго. Такъ и у Гербеля (1854 г.) Старый Ярославъ, не Старый Ярославъ, а внукъ его Святославичъ; а Старый Владимиръ у Гербеля въ началѣ пѣсни—Владимиръ Святой, а здѣсь—Владимиръ Мономахъ. Таковъ успѣхъ анализа историческаго въ критицѣ Пѣсни.

Но вотъ вторая половина вышенаведенной фразы изъ Пѣсни: „нѣ рози нося имъ хоботы пашуть“... Мѣсто довольно темное—сказалъ Граматинъ (въ примѣч. 154); „одно изъ самыхъ трудныхъ мѣстъ въ Пѣсни, можетъ быть, искаженное переписчиками“, сказалъ г. Дубенскій (стр. 206), черезъ 20 лѣтъ послѣ Граматина; „одно изъ самыхъ темныхъ мѣстъ, вѣроятно искаженное переписчиками“—повторилъ Гербель, черезъ 10 лѣтъ послѣ Дубенскаго (стр. 145).

¹⁾ Отрывокъ изъ *Отчета объ исправленіи текста Пѣсни о Полку Игоревѣ*, приготовленнаго къ новому ея изданію. М. М. Пом. въ *Москвитинѣ* 1855. № 6, с. 175—178.

А между тѣмъ это-то одно мѣсто и приводитъ Дубенскій въ образецъ перевода Граматина, чтобъ осудить его, говоря: можно судить, каковъ вышелъ буквальный переводъ издателя: нѣ рози нося... но враги, впряженные въ плугъ вмѣсто воловъ, пашутъ на нихъ; оружіе ихъ славится на Дунаѣ! Переводъ, конечно, неудачный (хотя и не столь странный, какъ у Пожарскаго, который принималъ хоботы—за чоботы, сапоги!): Граматинъ, по примѣру всѣхъ предшественниковъ своихъ, принималъ глаголь пашутъ въ значеніи орютъ (землю); а потому неизбѣжно рози (рога) и хоботы (хвосты) нарисовали въ его поэтическомъ воображеніи воловъ;—а враги, впряженные въ плугъ вмѣсто воловъ, явились ему изъ пословицы исторической: „зле Романе робишь, што Литвиномъ орешь!“ Но лучше ли вышелъ переводъ у г. Дубенскаго, оставившагося по многомъ соображеніи на томъ, что рози—трубы военныя, а хоботы—знамена?... «но когда и они носятъ трубы (военныя), то знамена развѣваются и копя поютъ на Дунаѣ.»

Поэтъ Гербель поглумился немножко надъ учеными, написавъ слѣдующія строки: „напрасно ученые изслѣдователи Слова ломали готову надъ этою загадочною фразою и разбирали ее по буквамъ, силясь разъяснить таинственный смыслъ подлинника. Увы, тайна осталась тайною, хотя гг. переводчики и представили цѣлую дюжину толкованій этого мѣста, доставившихъ большое удовольствіе ихъ авторамъ, но не подвинувшихъ вопроса ни на волосъ впередъ! Чтобы показать всю разнообразную игривость этихъ переводовъ, выказавшихъ необыкновенную силу творчества ихъ авторовъ, выпиываю нѣкоторые изъ нихъ: (тутъ выписаны 5 переводовъ—Шишкова, Пожарскаго, Граматина, Максимовича, Дубенскаго... За что же пропущены переводы Мусина-Пушкина ¹⁾ и Вельтмана?)

¹⁾ Переводъ Мусина-Пушкина: *ихъ знамена носятъ на рогахъ, вспахивая землю, копя же на Дунаѣ славятся*,—т. е. хоботы приняты за землю; такъ и у Шишкова; у Пожарскаго—*въ сапогахъ* землю пашутъ; у Вельтмана—*хвосты* землю пашутъ!

«Будучи недоволенъ всѣми этими переводами, еще болѣе затемнившими смыслъ подлинника, и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь дать волю своей фантазiи, чтобы не зайти еще далѣе, я рѣшился отказаться отъ удовольствiя пояснить это мѣсто по своему—въ надеждѣ найти хотя сколько-нибудь удовлетворительное истолкованiе помянутаго мѣста въ одномъ изъ стихотворныхъ переложенiй Слова, блистающихъ яркими красками фантазiи. И не ошибся. Перебравъ бывшiя у меня подѣ рукой изданiя, я остановился на переводѣ г. Минаева, который и помогъ мнѣ уяснить это темное мѣсто подлинника.»

Поэтъ обратился къ поэту, что и естественно: ибо «душа душу знаетъ!» говоритъ пословица русская. Но что же особеннаго, какой свѣтъ новый нашелся въ переводѣ г. Минаева?

«Какъ волю подѣ плугами,
Ярмо на себя несутъ».

Отсюда и у Гербеля:

«Словно волю, запряженные въ плугъ, подѣ ярмомъ не
навиственнымъ

Никнуть....»

Въ воображенiи Минаева (также какъ и у Граматина) рога и хвосты обратились въ воловъ подѣ плугомъ; только уже не враги пашутъ землю, а знамена—какъ волю въ плугѣ, ярмо на себѣ несутъ! Одинъ поэтъ возложилъ ярмо на знамена; другой поэтъ поддерживаетъ это ярмо на знаменахъ: вотъ и вся прибавка къ уясненiю подлинника отъ «яркихъ красокъ фантазiи!» Изъ-за чего же было ставить на выставку мнѣнiе и переводъ Граматина?

Тутъ не безъ грусти можно спросить; объяснилось ли хотя одно неясное мѣсто въ Пѣсни Игорю—девятью стихотворными ея переводами?...

Независимо отъ нихъ, Жуковскiй (въ посланiи къ Волкову), подражая возванiю Ярославны къ вѣтру, пояснилъ сво-

ими стихами слова текста: «мало ль ти бѣшетъ горѣ подѣ облакы вѣяти»:

«Играй съ косаткой въ вышинѣ,
По поднебесью съ облаками,
По синю морю съ кораблями...»

Стихъ Жуковскаго надоумилъ Полеваго, что въ текстѣ Пѣсни слово горѣ написано вм. горѣ.

Вельтманъ, своимъ историко-поэтическимъ соображеніемъ, опредѣлилъ вѣрно, что въ Пѣсни—вѣчи Трояни, значить не сѣзды или сеймы княжескіе, какъ переведено въ первомъ изданіи, и не сѣчи, какъ вслѣдъ за Карамзинымъ поставилъ Граматинъ и въ текстѣ, но—вѣци, вѣки Трояновы.

Къ этимъ двумъ поэтическимъ открытіямъ—много ли можно прибавить еще, для поясненія Пѣсни, изъ девяти стихотворныхъ переводовъ ея? Они, въ общей работѣ надъ Пѣснію, почти ничего не прибавили къ тому, что какъ въ медовой улей ноносили рабочія пчелы, носящія вмѣстѣ съ медомъ и пергу, на поживу трутнямъ.

Въ свою очередь я поясню теперь, отъ чего въ моемъ подстрочномъ переводѣ (изданномъ безъ всякихъ примѣчаній) удержаны были на знаменахъ и рога и пашущіе хвосты (хобота)? Рога и хвосты вмѣстѣ—нарисовали, въ воображеніи Граматина—воловъ. Старымъ Украинцамъ и рога молодого мѣсяца на небѣ представляли быка (конечно не зодіакальнаго тельца, а скорѣе древне-русскаго тура золотые-рога), и они, завидя молодикъ на небѣ, приговаривали къ нему: «молодикъ якъ быкъ; мѣсяцю виовиѣ, а намъ на здоровьи!» Но въ разсматриваемомъ мѣстѣ Пѣсни, рози, носимые на стягахъ, не золотые рога яраго тура (какъ у чешскаго бойца Здѣслава—на древкѣ турья-глава), но рога молодого мѣсяца, какими украшались на верху древне-русскіе стаги, на которыхъ бывали и

конья, вмѣсто полумѣсяцевъ. А хвосты (хоботы) на стягахъ — конечно, тѣ волосяныя челки, которыя навѣшивались на стягахъ подъ копытами и подъ рогами полумѣсяца, и которыя назывались челками стяговыми ¹⁾, въ отличіе отъ большихъ, отдѣльныхъ челокъ (бунчуковъ Половецкихъ), о какой упоминается въ Пѣсни Игорю послѣ побѣды надъ Половцами на р. Сяурлѣ: «чрьлена чолка, сребрено стружкіе храброму Святславличю.» Взгляните на древнюю картинку (съ которой снимокъ, полученный мною отъ М. П. Погодина, я нарочно приложилъ къ моему «Сказанію о праздникѣ св. Бориса подъ Переяславомъ» въ 3 книгѣ Кіевлянина, 1850 г.) — на картинку «св. Борисъ идетъ на Печенѣгы»: и передъ вами лицевой комментарий на это мѣсто въ Пѣсни Игорю; передъ вами — и рози, и хоботы (челки), и копія на стягахъ того Старого Владимира, еще не разрозненныхъ между его потомками.

Слова пѣвца сказаны, въ видѣ пословицы, въ укоръ знаменамъ Давыдовымъ особенно за то, что они, призванные Святославомъ противъ Половцевъ, бездѣйственно постояли только надъ Днѣпромъ у Треполя, только пахнули (повѣяли) тамъ своими хвостами ²⁾ и удалились во-свояси, не подавъ помощи Переяславу, осажденному Кончакомъ но плѣненіи Игоря, и сказавши: «уже ся есмы изнемогли!». Такъ пѣвецъ Игоря и внукамъ Всеслава — говорить въ укоръ: «уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣдной славы!»

Дубенскій, подъ щитомъ грамматики Добровскаго, и здѣсь глаголы понизить, вонзить — вмѣняетъ въ вину переписчикамъ, и говоритъ: «читать должно: понизите, вонзите!» Боже сохрани! — Какъ вышеприведенное мѣсто «нѣ рози нося»

1) «И потяша стяговника нашего, и челку стяговую сторгоша съ стяга.» Кіев. Лѣт. подъ 1172 г.

2) Выраженіе *оидати звосномъ* и теперь на Украинѣ значитъ удалиться отъ дѣла.

дошло къ намъ въ цѣлости не искаженное переписчиками, такъ и эти два глагола сохранились невредимо въ текстѣ, конечно отъ XII вѣка: это южно-русская форма повелительнаго наклоненія, поныпѣ существующая, какъ въ народной разговорной рѣчи, такъ и въ старинныхъ пѣсняхъ, на примѣръ, въ запорожской пѣсни, гдѣ атаманъ говорить своимъ сиромхамъ про дубу:

«Возьмѣть его, възпріймѣть,
Да ѣ прочѣ выведѣть!»

7 апрѣля 1855 г.

Михайлова Гора.

КЪ ОБЪЯСНЕНІЮ И ИСТОРИИ СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ ¹⁾.

Воспѣтый въ этомъ Словѣ походъ Игоря Святославича князя Новгородсѣверскаго, былъ 1185 года.—Апрѣля 23-го Игорь выѣхалъ изъ своего Новагорода въ Путивль; и отъ мѣста, по-нынѣ называемаго Игоревымъ-Станомъ, выступилъ онъ въ походъ, съ старшимъ сыномъ своимъ Владиміромъ, княземъ Путивльскимъ, и съ племянникомъ Святославомъ Олеговичемъ, княземъ Рыльскимъ. Въ среду 1-го Мая, когда они приблизились къ р. Донцу, произошло большое затмѣніе солнца. Для войска оно было недобрымъ знаменемъ; но Игорь продолжалъ свой походъ; и перейдя къ р. Осколу, дождался тамъ своего младшаго брата Всеволода Святославича, князя Трубчевскаго и Курскаго, шедшаго изъ Курска другимъ путемъ. Того-же дня (2-го Мая) они пустились, на всю ночь, черезъ степи половецкія; и на другой день (въ пятницу) побѣдили Половцевъ, встрѣченныхъ у р. Сюрлія; и започевали въ степи, для отдыха войску. Между тѣмъ, на разсвѣтѣ слѣдующаго дня настали на нихъ Половецкіе ханы Кончакъ и Кза, съ много-

1) М. А. Максимовичъ съ особенною любовью занимался Сл. о П. Иг. Въ 1837 г. онъ напечаталъ текстъ съ русскимъ переводомъ (Пѣснь о полку Игоревѣ сложенная въ концѣ XII в. на древнемъ русскомъ языкѣ. К. 1837, 16^о, с. 49), въ 1857 Малороссійскій переводъ, повторенный имъ (вмѣстѣ съ текстомъ) въ «Украинцѣ, М. 1859, I, 43—108, наконецъ переводъ русскій въ» Сборникѣ статей для народнаго чтенія. К. 1868, II, стр. 145—169. Не желая опустить хотя какое нибудь цѣнное замѣчаніе о «Словѣ» такого ученаго, какъ Максимовичъ мы помѣщаемъ подлинникъ по его рецензій (въ Украинцѣ) и отдѣльныя объясненія къ нему, сведенныя изъ русскаго и украинскаго изданія. По той же причинѣ получаетъ здѣсь мѣсто и его рецензій изданія Вельтмана, имѣющая значеніе историческое. А. К.

численными полками, и окружили наше войско. Тогда началась битва, длившаяся полторы сутки. Она кончилась в полдень 5-го Мая, поражением русского войска и пленением всѣхъ четырехъ князей, на р. Каялѣ. Едва 15 человекъ Руси, да нѣсколько изъ Ковуевъ, данныхъ въ помощь Игорю отъ Черниговскаго князя Ярослава Всеволодовича, могли спастись отъ пораженія и плѣна.

Ободренные такимъ успѣхомъ Половецкіе ханы, Кончакъ напалъ на Переяславское княжество, а Кза опустошилъ Посемье.

Великій князь Кіевскій, Святославъ Всеволодовичъ, успѣвшій передъ тѣмъ притомить Половцевъ славною побѣдою надъ Кобякомъ, за р. Орелью 30 іюля 1184 г. и новою побѣдою подъ Кончакомъ за р. Сулою (3 Марта, 1185 г.), собирался на все то лѣто идти на Донъ, воевать землю Половецкую; но неожиданная для него неудача Игорева помѣшала ему въ этомъ предпріятии. Хотя онъ и получилъ отъ нѣкоторыхъ князей помочные полки, на оборону Русской земли; но при тогдашнемъ несогласіи не успѣлъ онъ отстоять ни Переяславской области, ни Посемья; и Половцы торжествовали надъ Русью безнаказанно.

Игорь оставался въ плѣну до весны слѣдующаго года. Онъ бѣжалъ съ р. Тора, по убѣжденію бывшей при немъ дружины его, и при помощи бѣжавшаго съ нимъ крещенаго Половчина, Овлура или Лавра. Владиміръ Игоревичъ, женившійся въ плѣну на дочери Кончака, воротился къ отцу 1187 года. Вѣроятно того-же года воротился изъ плѣна и Всеволодъ, съ племянникомъ Святославомъ.

Въ пѣвцѣ Игоря видѣнъ не только его современникъ, но и участникъ въ его несчастливомъ походѣ на р. Каялу. Не сомнѣваюсь, что первыя двѣ части его Пѣсни сложены 1185 года, во время Игорева плѣна, и разоренія Руси Кончакомъ и Кзою; а третья часть сложена 1186 года, когда Игорь, воротясь въ свой Новгородъ, посѣтилъ Кіевъ. Всѣ подробности Пѣсни свидѣтельствуютъ, что она написана подъ живымъ впечатлѣніемъ текущихъ событій того времени, — пѣвцомъ, хорошо знавшимъ тогдашнюю Русь. А написана она тѣмъ-же Славяно-Рус-

скимъ языкомъ, какимъ писали Несторъ и его, Киевскіе и Волынскіе продолжатели лѣтописанья, т. е. языкомъ Церковно-славянскимъ, въ живомъ сочетаніи съ народнымъ Южнорусскимъ, Оттого двойность языка, и въ корняхъ словъ, и въ грамматическихъ окончаніяхъ, неподходящія, люда одну грамматику языка Церковно-славянскаго. Кроме того, въ дошедшемъ къ намъ отъ XV-го вѣка спискѣ Игоревой Пѣсни примѣтны слѣды Сѣвернорусскаго (Суздальскаго) нарѣчія, отличающіяся, не древнему подлиннику Пѣсни, а позднѣйшему ея переписчику. Эти слѣды, равно какъ и другія описки, въ словахъ нарицательныхъ и собственныхъ, отделяетъ критика филологическая.

1.

Не лѣно ли ны башеть, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пѣлгу Игоревѣ, Игоря Святъславлича.

Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню.

Боянь бо вѣрїи¹, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ вѣломъ по земли, шизымъ ордомъ подь облакы.

Помнашеть бо рѣчь первыхъ временъ усобицы. Тогда пуцають десять соколовъ на стадо лебедій; который дотечаше, та² преди пѣснь поше; старому Ярославу, храброму Мьстиславу, иже зарѣза Редюю предъ пѣлки Косоужскими, красному Романови Святъславличу.

Боянь же, братіе, не десять соколовъ на стадо лебедій, пуцаше, нъ своя вѣрїя пысты на живая струны вьскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимира³ до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ; напѣлдився ратнѣю духа, наведе своя храброя пѣлки на землю Половецкую за землю Рускую⁴.

2.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце, и видѣ отъ меча тьмою, вся своя воя прикрыты. И рече Игорьъ къ дружинѣ сво-

ей: «Братіе и дружино! луче жь бы потяту быти, неже полонену быти. А всядемъ, братіе, на свои бързья комони, да позримъ синего Дону!»

Спала князю умъ похоти искусити Дону великаго, и жалость ему знаменіе заступи.

«Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ поля Половецкаго съ вами, Русичи; хощу главу свою приложить, а любо испити шеломомъ Дону!»

О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сія пългы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая орломъ ⁵ подъ облаки, свивая славы обаломы сего времени, рища въ тропу Трояню. Пѣти было пѣснь Игореву, того Ольга ⁶ внуку: «не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому» ⁷.

3.

Чили въспѣти было, вѣщій Бояне, Велесовъ ⁸ внуче: комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Києвѣ; трубы трубить въ Новѣградѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ ⁹.

Игорь ждетъ мила брата Всеволода ¹⁰. И рече ему Буй—Туръ Всеволодъ: «Одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый, ты Игорю! оба есѣ Святъславлича! Сѣдай, брате, свои бързья комони, а мои ти готови, осѣдаи у Курьска напереди! А мои ти Куряни, свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шелома възвелѣяни, конецъ копія въскърмлени; пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изьострени; сами скачуть акы сѣрыи вълци въ полѣ, ищучи себѣ чѣсти, а князю славы».

4.

Тогда вѣступи Игорь князь въ златъ стремянь, и поѣха по чистому полю.

Солнце ему тьмою путь заступаше; ноцъ, стонуци ему грозою, птицъ убуди: свистъ звѣринъ вѣста ¹¹. Зви Дивъ, кличетъ върху древа, велить послушати землѣ незнаемъ, Вълзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ, Тьму-

тороканьскій бѣланъ. А Половци неготовыми дорогами побѣгоша къ Дону великому. Кричатъ телѣгы полуищи, рице лебеди распущени.

Игорь къ Дону вой ведеть. Уже бо бѣды его шасеть птица по лозію ¹²; вѣлци грозу въсрожать по яругамъ; орли клеткомъ на кости звѣри зовуть; лисици брешуть на чърмныя щиты.

О Руськая земле, уже за шеломанемъ еси ¹³! Дълго ночь мъркнеть; заря-свѣтъ запала; мъгла поля покрыла; щекоть славій успе; говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чърмными щиты прегородиша, ищучи себѣ чьсти, а князю славы.

5.

Съ заранія въ пятъкѣ потошташа поганья шьаки Половецкыя. И рассушась ¹⁴ стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвки Половецкыя, а съ ними злато и наволоки и драгья оксамиты. Орытмами ¹⁵ и япончицами и кожухы начаша мосты мостити, по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякими узорочьи Половецкыми. Чърлень стягъ, бѣла хоруговь, чърлена чолка ¹⁶, сребрено стружіе храброму Святъславличу.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. Далече залѣтѣло. Не былонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чърный воронъ, поганый Половчинъ!

Гза бѣжить сѣрымъ вѣлкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

6.

Другаго дни вельми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ. Чърныя тучя съ моря идуть, хотятя прикрыти четири солнца ¹⁷, а въ нихъ трепещуть синіи мълніи. Быти грому великому; ити дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся кошѣмъ приломати; ту ся саблямъ потручати о шеломъ Половецкыя на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго! О Руськая земле, уже за шеломанемъ еси ¹⁸!

Се, вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами на

храбрѣя пълки Игоревы. Земля тутнетъ; рѣки мутно текутъ; пороси поля прикрываютъ; стази глаголютъ. Половци идутъ отъ Дона и отъ моря; и отъ всѣхъ странъ Руськыя пълки оступиша ¹⁹. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша; а храбри Русичи преградиша чьрлеными щиты.

Яръ-Турѣ Всеволоде! стоиши на борони, прыщещи на вой стрѣлами; гремлеши о шеломи мечи харалужными. Камо Турѣ поскочаше своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя. Поскепаны саблями калеными шеломи Оварьскыя отъ тебе, Яръ-Турѣ Всеволоде! Кая рана дорога, братіе, забывъ чести и живота, и града Чьрнигова отня злата стола, и своя милья хоти, красныя Глѣдовны свычая и обычая.

7.

Были вѣщи Трояни ²⁰; минула лѣта Ярославля; были пълци Ольговы, Ольга Святъславлича ²¹.

Твѣ бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремянь въ градъ Тьмуторакань: Тѣй же звой слыша давній великій Ярославъ сынъ Всеволодъ ²², а Владимиръ по вся утра уши закладаше въ Черниговъ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе; и на Канину зелену папелому постла; за обиду Ольгову, храбра и млада князя. Съ тоя же Канины Яропѣлкѣ повелѣ яти ²⁴ отца своего между Угорьскыми иноходци ко святѣй Софїи къ Кыеву.

Тогда при Ользѣ Гориславичи сѣяшеться и ростяшеть усобицами; погибашеть жизнь Дажьбожа внука ²⁵; въ княжнхъ крамолахъ вѣщи челоуѣкомъ съкратишась. Тогда по Руськой земли рѣдко ратаеве кикахуть; нѣ часто врани грахуть, труня себѣ дѣляче; а галичи свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе.

То было въ ты рати и въ ты пълкы; а сицеи рати не слышано.

8.

Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта, летить стрѣлы каленныя, гримлють сабли о шеломахъ, трещать копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ среди земли Подоведькыя. Черна земля подъ копыты костыми была посѣяна, а кровію польана; тугою въздоша по Руськой земли.

Что ми шумить, что ми звенить давѣ рано ²⁶ предѣ зорями? Игорь плѣкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата! Всеволода. Бишася день; бишася другій; третьяго дни къ полуноцію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата правлучиста ~~забрѣнѣ~~ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста. Ту лирьь докончаща храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами поленони на землю Руськую. Ничить трава жалоцями; а древо съ тугою къ земли преклонилось.

9.

Уже бо, братіе, не веселая година вѣстала; уже пустыни силу прикрыла. Вѣстала обида въ силахъ Дажьбожя внука; вѣступила Дѣвою ²⁷ на землю Трояню; всплескала лебедиными крылы на синемъ морѣ, у Дону плещущи, убуди жирна времена ²⁸. Усобица княземъ на поганья погыбе; рекоста бо братъ брату: «се мое, а то мое же». И пачаща князи про малое се великое мѣлвити; а сами на себе крамолу ковати. А поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Руськую.

О, далече зайде соколъ, птицъ бя къ морю. А Игорева храбраго плѣку не кресити! За нимъ кликну Кончакъ, и Гва поскочи ²⁹ по Руськой земли, смагу мычучи въ пламанѣхъ рощѣ.

Жены Руськыя всплакашась, аркучи: «уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смьслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати; а злата и сребра ни мало того потренати!»

А вѣстона бо, братіе, Кыевъ тугою, а Черниговъ напастыми; тоска разлися по Руськой земли; печаль жирна точе средѣ земли Руськыя. А князи сами на себе крамолу колаху. А поганіи сами, побѣдами нарипущае на Руськую землю, амилху дань по бѣлѣ отъ двора.

10.

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорьь и Всеволодь, уже лжу убудиста, которую-то бяше успилъ отецъ ихъ, Святъславъ грозный великий Кыевскый ³⁰.

Грозою бяшетъ: притрепеталъ своими сильными плъкъ и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хълмы и яругы; възмути рѣкы и озеры; иссуши потоки и болота. А поганого Кобяка изъ Лукуморя, отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихрьъ выторже. И падеся Кобякъ въ градъ Кыевъ, въ гриднищѣ Святъславли ³¹.

Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава, поють славу Святъславлю; кають князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкыя, Руськаго злата насыпанше.

Ту Игорьь князь высѣде изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощѣево.

11.

Уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче. А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ ³².

«Въ Кыевъ на горахъ, си ночь съ вечера, одѣвахуть мя, рече, чърною наполомою, на кровати тисовѣ. Чърпахуть ми сине вино, съ трудомъ смѣшано. Сыпахуть ми тыщими тулы поганыхъ тълковинъ ³³ великий женчюгъ на лоно; и пѣгують мя. Уже дѣски безъ кнеса въ моемъ теремѣ златоверсѣмъ. Всю ночь съ вечера Бусови ³⁴ врани възгряяху. У Пябсьнска на болони бѣша дебри; Кыяне же сошли къ синему морю ³⁵».

И рькоша бояре князю: «Уже, княже, туга умъ полонила. Се бо два сокола слетѣста съ отня злата стола, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколама крыльця припѣшили поганыхъ саблями; а самую опутана въ путины желѣзны.

Темно бо бы въ третій день. Два солнца помѣркоста ³⁶, оба багряная стѣлна погасоста; а съ нима молодая мѣсяца, Владимиръ и Святъславъ, тьмою ся поволокоста. И въ море ся погрузиста; и великое буйство подаста Хинови.

На рѣдѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла. По Русской земли прострошася Половци, акы пардусне гнѣздо ³⁷. Уже спсесеся хула на хвалу. Уже тресну нужда на волю. Уже вержеся Дивъ на землю.

Се бо Готьскыя красныя дѣвы ³⁸ въспѣша на брезѣ синему морю, звоня Руськымъ златомъ: поють время Бусово, лелѣють мечь Шаруганю ³⁹. А мы уже дружина жадни веселія.»

12.

Тогда великій Святъславъ изрони злато слово, съ слезами смѣшано, и рече: «о моя сыновця, Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлвити, а себѣ славы искати: нѣ нечестно одолѣста, не честно бо кровь поганую проліаста.

Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буети закалена. Се ли створиста моей сребренѣй сѣдинѣ!

А уже не вижду власти сильнаго и богатаго, и много вой брата моего Ярослава ⁴⁰, съ Черниговськыми былями, съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры и съ Топчакы и съ Ревугы и съ Ольберы. Ти бо безъ щитовъ, съ засапожники, кликомъ пѣлки побѣждають, звонячи въ прадѣднюю славу.

Нѣ рекоста: мужаимъся сами! преднюю славу сами похытимъ, а заднею ся сами подѣлимъ!

А чи диво ся, братіе, стару помолодити! Коли соколь въ мытѣхъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду.

Нѣ се зло: княже ми не пособіе; на ниче ся години обратиша.»

13.

Се, у Римъ кричатъ подъ саблями Половецкыми; а Володимиръ подъ ранами, туга и тоска сыну Глѣбову ⁴¹.

Великій княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издалеча, отъня злата стола поблюсти. Ты бо можеша Волгу воды раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ,

то была бы чага по ногатѣ, а кощѣи по рѣзани. Ты бо можеша по суху живыми шерешеры ⁴³ стреляти, удалыми сыны Гѣтѣбовы.

Ты буй Рюриче и Давыде! ⁴⁴ не ваю ли злачеными шелома по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкають акы тури, ранени саблями калеными на полѣ незнаемѣ? ⁴⁵ Ступита, господина въ злата стремени, за обиду сѣго времени, за землю Руськую, за раны Игоревы, бугега Святѣславлича!

Галицький Осмомысле Ярославѣ ⁴⁶ Высоко сѣдиши на своемѣ златокванѣмѣ столѣ. Подперѣ горы Угорьскыи своими желѣзными пѣлки, заступивѣ королеви путь, затворивѣ Дунаю ворота, меча бремени чрезѣ облакы, суды рѣдя до Дуная. Грозы твои по землямѣ текутъ; отворяеша Киеву врата: стреляеша съ огня злата стола салтаны за землями. Стрелей, господине, Кѣнчака, поганатаго кощѣя, за землю Руськую, за раны Игоревы, бугега Святѣславлича!

А ты буй Романѣ и Мѣстиславѣ! ⁴⁷ Храбрая мысль носить ваю умѣ на дѣло. Высоко плаваста на дѣло въ бугести, яко соколь на вѣтрѣхѣ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи ⁴⁸ подѣ шелома Латиньскыи. Тѣми тресну земля: и многы страны Хиповы: Литва, Ятьвези, Деремела и Половци ⁴⁹, сулицы своя повѣргоша, а главы своя поклониша подѣ тѣи мечи харалужныи.

Нѣ уже, княже, Игорю утѣрпѣ солнцю свѣтѣ, а древо не бологомѣ листвѣ срони. По Рѣси и по Сулѣ грады подѣлиша. А Игорева храбраго пѣлку не кресити!

Донѣ ты, княже, кличь, и зовѣть князи на побѣду. Ольговичи храбрыи князи доспѣли на брань.

Ингварѣ и Всеволодѣ, и всѣи трѣи Мѣстиславичи, нехуда гнѣзда шестокривци ⁵⁰! Не побѣдныи жребѣи собѣ власти расхитисте. Кое ваши златыи шелома, и сулицы Ляцькыи, и шиты? Загородѣте полю ворота своимѣи острѣи стрѣлами, за землю Руськую, за раны Игоревы, бугега Святѣславлича!

14.

Уже бо Сула не течеть сребренными струями къ граду Переяслави; и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ, подъ вликомъ поганыхъ.

Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ ⁵¹ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскыя. Притрепа славу дѣду своему Всеславу; а самъ подъ чърлеными щиты на кровавъ травѣ притрепанъ Литовскыи мечи.

И схопи ю на кровать, и рекъ: «дружины твою, княже, птиць крылы приодѣша, а звѣри кровь полизапа.»

Не бысть ту брата Брючислава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони женчюжну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожереліе. Уныли голоси, пониче веселіе, трубы трубять Городенскыи.

Ярославе ⁵² и вси внуци Всеслави! Уже поплѣтъ ⁵³ стязи свои; вонзѣтъ свои мечи верезени: уже бо выскочисте изъ дѣдней славы! Вы бо своими крамолами начасте наводити поганья на землю Руськую, на жизнь Всеслави! Которою ⁵⁴ бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи.

15.

На седьмомъ вѣщѣ Трояни, вѣрже Всеславъ жребій о дѣвицу себѣ любу ⁵⁵.

Тѣи клюками подпѣрся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеса стружіемъ злата стола Кыевскаго.

Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ полночи изъ Бѣлграда: обѣсися синѣ мѣглѣ ⁵⁶. Утрѣ же возни стригусы, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу: скочи вълкомъ до Немигы съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелють головами; молотять цѣпны харалужными; на тоцѣ животь кладуть; вѣють душу отъ тѣла. Немизѣ кровавъ брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костыи Руськыхъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ ряды рядято ⁵⁷. а самъ въ ночь вълкомъ рискаше. Изъ Кыева дорискаше до

куръ ⁵⁸ Тьмутороканя; великому Хърсови ⁵⁹ вълкомъ путь прерискаше.

Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у святія Софіи въ колоколы, а онъ въ Киевѣ звань слыша.

Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдасе. Тому вѣщій Боянъ и първое припѣву смысленный рече: «ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божія не минути».

О, стонати Руськой земли, помянувшѣ първую годину и първыхъ князей! Того стараго Владимира нелзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевскимъ. Сего бы нынѣ стапа стязи Рюриковы, а друзи Давыдовы; нѣ рози нося, имъ хоботы папуть; копія поють на Дунаи ⁶⁰.

16.

Ярославниѣ гласъ слышити; зегзицею незнаемъ, рано кычетъ: »Полечу, рече, зегзицею по Дунаеву; омочу бѣбрияѣ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ; утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ городѣ на заборолѣ, аркучи: «О вѣтре, вѣтрило! Чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычещи Хиновскыя стрѣлки на своєю петрудною крыльцю, на моя лады вои? Мало ли ти башеть горѣ подѣ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ! Чему господине, мое вселіе по ковылію развѣя?»

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ городѣ на заборолѣ, аркучи: «О, Днѣпре-Словутицю! ⁶¹ ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святослави насады до пѣлку Кобякова. Взлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано!»

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ городѣ на заборолѣ, аркучи: «Свѣтлое и тресвѣтлое сѣлнце! всѣмъ тепло и красно еси. Чему, господине, простре горячую свою лучу на лады вои, въ полѣ безводнѣ жаждою имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче?»

17.

Прысну море полунощи; идуць сморци мѣглами: Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Руськую, къ отню злату столу.

Погасоша вечеру зори. Игорь спить: Игорь бдитъ; Игорь мыслію поля мѣрить отъ великаго Дону до малаго Доньця.

Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою ⁶² велитъ князю разумѣти. Князю Игорю не бытъ!

Кликну, стукну земля; вѣшумѣ трава; вежи ся Половецкыи подвизоша.

А Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду. Вѣврже ся на бѣрзъ комонь; и скочи съ него; и босымъ вѣлкомъ потече къ лугу Доньця. И полетѣ соколомъ подъ мѣглами, избивая гуси и лебеди, завтраку и обѣду и ужину. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Овлуръ вѣлкомъ потече, труся собою студеную росу. Претѣргоста бо своя бѣрзая комоня.

18.

Донецъ рече: «Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руськой земли веселія».

Игорь рече: «о Доньче! не мало ти величія, лелѣявшу князя на вѣнахъ: стлавшу ему зелену траву на своихъ сребренѣхъ брезѣхъ; одѣвавшу его теплыми мѣглами подъ сѣнію зелену древу. Стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцями на струяхъ, чѣрнядыи на вѣтрѣхъ.

Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя, пожърши чужи ручьи, и стругы простре по кусту ⁶³. Уному князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачеться мати Ростиславля по уноши князи Ростиславлѣ. Упына цвѣты жалобою, и древо съ тугою къ земли преклонилось.»

19.

А не сорокы вѣтроскоташа; на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гза ⁶⁴ съ Кончакомъ.

Тогда врани не граяхуть, галици помлякоша, сороки не трокоташа, по лозію ползоша только; дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ; соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ.

Мълвить Гза къ Кончакови: «аже соколъ къ гнѣзду летить, соколича рострелявѣ своими злачеными стрѣлами».

Рече Кончакъ ко Гзѣ: «аже соколъ къ гнѣзду летить, а вѣ сокольца опутаевѣ красною дѣвицею».

И рече Гза къ Кончакови: «аже его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвици; то почнутъ наю птици бити вѣ полѣ Половецкомъ».

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣсньтворця стараго времени Ярославля, Ольгова, Коганя хоти: «тяжко ти головѣ кромѣ плечю; зло ти тѣлу кромѣ головы»—Руськой земли безъ Игоря.

20.

Солнце свѣтитъся на небеси; Игорь князь въ Руськой земли.

Дѣвици поють на Дунаи; выються голоси чрезъ море до Кьева.

Игорь ѣдетъ по Боричеву ⁶⁵, къ Святѣй Богородицѣ Нирогощей.

Страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти:

Слава Игорю Святъславичу, Буй Туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу!

Здрави князи и дружина, поборая за христьяны на поганя пълкы!

Княземъ слава и дружинѣ! Аминь.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. *Баянь*, Южнорускій пѣснотворецъ-гуслирь, современный Печерскому лѣтописцу Нестору, т. е. жившій въ концѣ XI и началѣ XII вѣка.

2. *Который* дотечаше, т. е. *соколъ*; *та* поше, т. е. *лебедь*—ими, принятое здѣсь въ женскомъ родѣ, какъ и въ народныхъ Великорусскихъ пѣсняхъ, и нерѣдко въ Украинскихъ, на примѣръ:

«Не бѣлая лебедь спѣває».

Въ изображеніи Боянова *тѣснопѣня*, идетъ сложное уподобленіе десяти вѣщихъ перстовъ его—десяти соколамъ, а его живыхъ струнъ—стаѣ лебедей.

3. Пѣвецъ Игоря называетъ *Старымъ Владиміромъ*—великаго и святаго князя Владиміра Святославича; а *Старымъ Ярославомъ*—сына Владимірова, Ярослава 1-го, достопамятнаго строителя Кіевской Софійской церкви, въ которой онъ и погребенъ 1054 г.

Родной братъ Ярослава, *Мстиславъ Храбрый*, будучи на княженіи Тмутораканскомъ, въ 1022 году ходилъ воевать Косоговъ и счастливо кончилъ ту войну—единоборствомъ съ ихъ княземъ Редедю, котораго онъ одолѣлъ и, поваливъ на землю, зарѣзалъ ножемъ. (Скончался Мстиславъ 1034 г. въ Черниговѣ).

Романъ Святославичъ Красный (т. е. прекрасный), внукъ Ярослава, княжилъ въ Тмутораканѣ; убитъ Половцами и Козарами въ 1079 году.

4. *Руская земля* въ 12 вѣкѣ кончалась на Днѣпрѣ—съ правой его стороны рѣкою Тясминомъ, а съ лѣвой—рѣкою Орелью. Ниже по Днѣпру до моря простиралась уже земля *Половецкая*.

5. *Орломъ подѣ облаки*—тамъ поправляю я, вм. *оумомъ подѣ облаки*. Слича въ I главѣ тотъ же образъ пѣснотворческаго *замышленія* Боянова.

6. Тутъ имя *Ола* вставили первые издатели Пѣсни, для большей ясности.

7. Это Бояновы слова. Полагаю что они относятся къ славному Мономахову походу на Донъ (1111 года), въ которомъ Олегъ не принялъ участія.

8. *Велесъ* или *Волосъ*, языческій Славянскій богъ стады и пѣснопѣнія; потому пѣсотворецъ Боянъ и названъ „Велесовымъ внукомъ“ (т. е. потомкомъ).

9. Пѣвецъ, начавъ свою повѣсть о походѣ Игоря, изображеніемъ его при видѣ солнечнаго затмѣнія 1 Мая (которое и составляетъ поэтическую завязку цѣлой повѣсти),—здѣсь по-полняетъ свою повѣсть очеркомъ предъидущаго, а именно: побѣды Святослава Кіевскаго надъ Кончакомъ, одержанной за *Судлою* 1-го Марта, и выступленія Игорева въ походъ изъ *Новгорода-Сѣверскаго* 23 Апрѣля, черезъ *Путивль*,—въ которомъ оставались жена его Ярославна и дѣти, во время похода на *Каялу*.

10. Родной братъ Игоря Святославича, *Всеволодъ*, въ 1185 году былъ княземъ Трубчевскимъ, которому принадлежалъ и городъ Курскъ. Этотъ Всеволодъ былъ храбрѣйшій и любимѣйшій изъ князей *Олеговичей* (т. е. внуковъ и потомковъ Олега Святославича). Пѣвецъ Игоря величаетъ его *Туромъ*, *Ярг-Туромъ* и *Буй-Туромъ*—по древнему обычаю величать этимъ именемъ героевъ. А собственно *туромъ* назывался красивый быкъ *зубръ*, который нынѣ ведется только въ Бѣловежской пустынѣ, Гродненской губерніи. Игорь ждалъ Всеволода уже за р. Донцомъ, надъ р. Осоломъ, куда Всеволодъ пришелъ прямо изъ Курска, другимъ путемъ 2-го Мая.

11. *Свистъ звѣринъ вста. Зви Дивъ. . .* Такъ читаю я, вм. „свистъ звѣринъ въ стазби. Дивъ кличетъ...“ Черезъ это уничтожается загадочное и, кажется, небывалое слово *стазба*; а глаголь *зби* принимаю за такую же ошибку вм. *зви* (звылъ, взвылъ), какъ въ 13 главѣ—*меча времени*, вм. *меча бременя*.

Дивъ, по моему мнѣнію (1845 г.), значить злой духъ тьмы, покровитель земли Половецкой, противоположный свѣтлому покровителю Руси *Дажьбogu* (Солнцу), и потому враждебный для Руси.

12. *По лозю*—такъ читаю я, вм. *подобю*, и отношу это слово не къ волкамъ, а къ птицамъ хищнымъ (сличи выраженіе: *по лозю* въ 19 главѣ). Птицы—*по лозю*; волки—*по лруамъ*.

13. *Шоломя* или *шеломя*—холмъ, гора. Тутъ у пѣвца говорится о какой нибудь возвышенности пограничной. Дорога, по которой шелъ Игорь, еще не приведена въ надлежащую извѣстность.

14. *Рассушась* (а не *рассутясь*)—дѣепричастіе отъ глагола *рассутися*—разсыпаться.

15. *Ортма*—это загадочное слово я объясняю изъ Половецкаго словаря: *артмакъ* (*artmak*) значитъ *сакомъ* (*bissaccium*), въ Великорусскихъ пѣсняхъ—*сумы переметныя*.

16. Тутъ означается Половецкое оружіе (*сайтати*), какъ побѣдоносные трофеи.—*Чолка*—бунчукъ. И у древней Руси были на знаменахъ небольшія *чолки стяговыя* (хвосты).

17. *Черныя тучи*—Половецкіе полки; *четыре солнца*—четыре князя Рускіе: *Игорь*, братъ его *Всеволодъ*, сынъ *Владиміръ* и племянникъ *Святославъ* (Ольговичъ). Сличи гл. 11.

18. Въ 1-мъ изданіи—«не шеломянемъ еси»—явная описка, вм. «за шеломянемъ еси» (какъ въ 4-й главѣ).

19. Въ 1-мъ изданіи поставлено: *отсутшиа*; но это ошибка, какъ видно изъ описанія этого дня битвы, въ Кіевской Лѣтописи.

20. Въ 1-мъ изданіи «*вѣчи Трояни*, вм. *вѣци* (также какъ *лучи* вм. *лучи*, *Галички* вм. *Галичкій*, *чети* вм. *цѣты*; и на оборотъ: *луче* вм. *луче*). Справедливо изъяснилъ Вельтманъ, что здѣсь разумѣются Трояновы вѣка (сличи въ главѣ 15), а не *вѣчи* и не *вѣча*, какъ полагали прежде комментаторы Пѣсни.

21. *Олеъ Святославичъ*, дѣдъ Игоря и Всеволода, младшій братъ вышепомянутаго Романа Святославича, по смерти его княжилъ нѣкоторое время въ Тмуторакани и оттуда приходилъ съ Половцами въ Черниговъ воевать противъ дяди своего, Всеволода Ярославича, и его сына Владимира Мономаха. Своими междуособными войнами Олеъ причинялъ много бѣды и гори землѣ Русской, почему и прозвали его *Гориславичемъ*. Скончался въ 1115 году и погребенъ въ Черниговѣ.

22. Т. е. великій князь *Всеволодъ Ярославичъ*. Въ 1-мъ изданіи *Всеволожь*—ошибка, поправленная Снегиревымъ.

23. Двоюродный братъ Олега, *Борисъ Вячеславичъ*, вмѣстѣ съ нимъ и съ Половцами, въ 1078 году, ходилъ войною противъ Всеволода Ярославича, въ битвѣ близъ Чернигова, на мѣстѣ, называвшемся *Каниною* или *Нъжатиною нивою*, былъ убитъ на 21 году отъ рожденія.

24. Такъ читаю я, вмѣсто: «Съ тоя же *Каялы Святполкъ* повелѣя отца своего...» Въ битвѣ подъ Черниговомъ (1078 г. 30 Октября), на которой убиты и Борисъ Вячеславичъ, державшій сторону Олега, и Изяславъ Ярославичъ, державшій сторону брата своего Всеволода, находился *Ярополкъ Изяславичъ*, который повезъ тѣло отца своего въ Кіевъ и тамъ похоронилъ его; а *Святполкъ Изяславичъ* тогда находился въ Великомъ-Новгородѣ. Имя рѣки *Каялы* здѣсь неумѣстно, даже и въ томъ случаѣ, если бы здѣсь шла рѣчь о битвѣ Тугоркановой (какъ предполагалъ неосновательно Бутковъ); ибо та битва (1096 г. 19 Юля), на которой убитъ Тугорканъ, тестъ Свитополковъ, происходила близъ Переяслава, за р. Трубжеемъ

Черниговская битва, о которой воспоминаеть пѣвецъ Игоря, по Лѣтописи Несторовой значится на *Нъжатиной нивѣ*, а въ Пѣсни Игорю—на *Канинѣ*; эта мѣстность подъ Черниговомъ извѣстна изъ Лѣтописи Лаврентьевской подъ 1152 г. «поидоша къ Чернигову, и перешедше Сновь, и сташа у Гуричева, близъ города, мершешше *Канинѣ*».

25. Именемъ *внуки Дажьбоожа*—здѣсь, какъ и въ 9-й главѣ, означаетсѣ Русь, Рускій народъ.

26. *Давь рано*—такъ поправляю я, вм. *давеча рано*. Слово *давеча* принадлежитъ Сѣверно-Рускому нарѣчію, по справедливому замѣчанію Каченовскаго. (Сличи въ Лѣтописи Нестора подъ 1074 г.: предъ зорями... яко *давь*...)

27. *Встумила*, вм. *встумилъ* (Дѣбою).—*Дьва* (по справедливому замѣчанію Пожарскаго 1819 г.) означаетъ здѣсь мнѣшескую воинственную *Дьву* или *Дьвану*, Славинскую *Діану*.

Именемъ *Земли Трояновой* означена здѣсь—Земля Половецкая, *Тропа Троянова*—Трояновы валы.

28. «*Жирна времена*», т. е. времена богатыя, привольныя. Я полагаю, что это времена Мономаха, побѣдителя Половцовъ на Дону: „Тогда Володимерь Мономахъ пилъ золотымъ шоломомъ Донъ» (*Волын. Лѣт.*). Туда, на Донъ, въ 1185 году сбѣжался пдти войною на все лѣто и Святославъ Кіевскій, побѣдитель Кобыяка и Кончака; но его такъ неудачно предупредилъ

Игорь Святославичъ, сильно хотѣвшій—*истини шелоюмъ Дону*, (Сличи о Донѣ въ гл. 13 й).

29. Въ подлинникѣ—*Карна* и *Жля*. Я несомнѣнно признаю, что эти имена, столь затруднительныя для критиковъ, суть не болѣе, какъ искаженіе именъ *Кончака* и *Кзы*, которые, по плѣненіи Игоря на Каялѣ, опять кинулись разорять Рускую землю. Въ Игоревой Пѣсни говорится именно объ этомъ нападеніи ихъ, которое такъ обстоятельно пересказано въ Киевской Лѣтописи.

30. *Святославъ Всеволодовичъ*, двоюродный братъ Игоря и Всеволода, старѣйшій между тогдашними князьями Олеговичами, былъ великимъ княземъ киевскимъ съ 1177 года; скончался 1194 г. и погребенъ въ Кириловскомъ монастырѣ. Меньшій братъ его, *Ярославъ Всеволодовичъ*, княжилъ въ Черниговѣ съ 1177 года и тамъ скончался въ 1198 г.

31. Здѣсь говорится о знаменитой побѣдѣ надъ Половцами, одержанной Святославомъ Всеволодовичемъ, 30 іюли 1184 года, за р. Орелью. Въ числѣ половецкихъ старшинъ, взятыхъ тогда въ плѣнъ, былъ и главный князь ихъ *Кобякъ* съ двумя его сыновьями. Въ мартѣ слѣдующаго 1185 года одержана была киевскимъ княземъ новая побѣда надъ Кончакомъ за р. Сулою, у Хорола.

32. Святославъ Всеволодовичъ узналъ о пораженіи Игоревыхъ полковъ на Каялѣ, будучи еще въ Черниговѣ, на возвратномъ пути изъ своихъ Вятичей въ Кіевъ. Ему пересказалъ о томъ, набѣжавшій пораженія и плѣна на Каялѣ, *Бѣловодъ Просовичъ*. Пѣвецъ Игоря изобразилъ сновидѣніе Святослава бывшимъ нѣсколько позднѣе, чѣмъ оно могло быть на самомъ дѣлѣ: это поэтическая вольность; но *злато слово* Святослава въ Пѣсни очень напоминаетъ тѣ слова, которыя сказалъ онъ со слезами въ Черниговѣ, при вѣсти о Каялѣ („О любя моя братья и сынове... и т. д.).

33. Прилагательное *поганый* ясно показываетъ, что подѣ словомъ *тѣлковиты* (бродяги?) разумѣются *Половцы*: ихъ опустошенными колчанами сынали крупный *жемчугъ* (т. е. слезы) на лоно Святославу.

34. Слово *бусови* я принимаю за собственное имя *Бусовой горы* или *Бусовицы*, находящейся подѣ Кіевомъ надѣ Лыбедью. (Оттуда и названіе извѣстнаго колодца *Бусловка*.)

35. Такъ читаю я, вм.: «бѣша дебрь Кисаню и не сошлю къ синему морю». Это мѣсто уже многими толкователями Пѣсни, въ томъ числѣ и г. Дубенскимъ, признано за поврежденное, и было различно исправляемо. Пльнескъ или Пльнескъ въ землѣ Галицкой.

36. Подъ двумя померкшими солнцами разумѣются здѣсь два полоненные князя, Игорьъ и Всеволодъ; а двумя мѣсяцами—молодшіе два князя, сынъ Игоря Владиміръ и племянникъ Святославъ, тоже взятые въ плѣнъ Половцами на р. Каляѣ.

37. *Пардусне* (*инъздо*)—такъ поправляю я, вм. *пардужсе*; ибо это прилагательное имя отъ существительнаго *пардусъ*, отъ котораго и древнее слово *пардусникъ*.

38. Остатки Готовъ были въ Крыму еще въ 12 вѣкѣ и находились во власти Половцевъ.

39. О времени *Буса* намъ неизвѣстно; а *Шаруканы* (старый и молодой) были половецкіе два князя, находившіеся въ плѣну у Владиміра Мономаха; когда же онъ выпустилъ ихъ на волю, то они мстили ему своими набѣгами.

40. Ярославъ Всеволодовичъ князь Черниговскій не хотѣлъ участвовать въ походѣ брата своего за р. Орель 1184 года, ни дать ему помочи противъ Кончака, въ началѣ 1185 года. На него-то сѣтуетъ Святославъ, въ златомъ словѣ къ своимъ боярамъ,—равно какъ и на Сѣверскихъ князей, Игоря и Всеволода.

41. По плѣненіи Игоря, Кончакъ устремился на разореніе Переяславскаго княжества, и сперва напалъ на Переясловъ. Тамъ князь *Владиміръ Глѣбовичъ* бился съ Половцами крѣпко и былъ раненъ тремя копьями. Послѣ того Кончакъ осадилъ и разорилъ городъ Римовъ (Ромень) на р. Сулѣ. Храбрый князь Владиміръ Глѣбовичъ, правнукъ Мономаховъ, скончался въ Переясловѣ 1199 года. «О немъ же Украина вельми постана»—сказано въ древней лѣтописи Кіевской.

42. *Всеволодъ Юрьевичъ*, внукъ Мономаховъ, прозванный *Большимъ-Гнъздомъ*, былъ великимъ княземъ Суздальскимъ съ 1176 года и до кончины своей въ 1212-мъ. За годъ до похода Игорева, Всеволодъ Суздальскій прославился походомъ на землю Болгарскую (на Волгѣ).

43. *Шереширь*—слово неизвѣстное; но по смыслу значитъ *самострѣльи*, тѣ огромные «*лучи тузи самострѣльнии*» (Кіев. Лѣтоп.), съ которыми Кончакъ въ ту весну приходилъ на Русь

и былъ побѣжденъ. А ты, говоритъ пѣвецъ Всеволоду Юрьевичу Суздальскому,—ты можешь стрелять живыми шерширами, удалыми сынами Глѣба Ростиславича Рязанскаго (бывшими тогда уже въ волѣ Всеволодовой).

44. *Рюрикъ* и *Давидъ*, сыновья Ростислава Мстиславича. Давидъ княжилъ тогда въ Смоленскѣ, гдѣ и скончался 1197 года; а Рюрикъ княжилъ въ Овручѣ; послѣ былъ нѣсколько разъ на княженіи Киевскомъ; скончался 1216 года, княжа въ Черниговѣ.

45. Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о знаменитой битвѣ 1184 года за рѣкою Орелью; и надо заключить, что въ той битвѣ много потерпѣли дружина Рюрикова и Смольняне Давидовы: эти послѣдніе отказались въ 1185 г. идти далѣе Треполя, гдѣ на вѣчѣ они сказали; «мы есмы изнемогли».

46. *Ярославъ*, прозванный *Осмомысломъ*, сынъ Владимірка Володаревича, былъ Галицкимъ княземъ съ 1152 г. до кончины своей въ 1187-мъ. На его дочери *Ярославнѣ* женатъ былъ Игорь Святославичъ.

47. *Романъ Мстиславичъ* — храбрый князь Волынской (—|—1205) и его двоюродный братъ и неизмѣнный другъ *Мстиславъ Ярославовичъ*, князь Пересопницкій (—|—1226). Въ то время были еще два родные брата Романа, *Ярославъ* и *Всеволодъ* (княжившій въ Бельзѣ): это и есть «все три *Мстиславичи*».

48. *Папорози*—въ именит. падежѣ *парозъ* (уменьш. *папорозокъ*)—папоротокъ, или крыльная кость; но здѣсь принято за цѣлое крыло.

49. Упоминаемые въ Пѣсни подвиги *Романа Мстиславича* Волынскаго и его неизмѣннаго друга *Мстислава Ярославича* Пересопницкаго, пополняютъ собою лѣтописное молчаніе о томъ чѣмъ занятъ былъ (до 1185 г.) въ 15 лѣтъ своего Волынскаго княженія храбрый Романъ—«иже бѣ изострился на поганыи, яко левъ, имъ же Половци дѣти страшаху». (*Волын. Лѣт.* подѣ 1251 г.).

50. *Все три Мстиславичи*, т. е. три сына *) Мстислава Изяславича: *Романъ*, *Святославъ* и *Всеволодъ* (Бельзскій), которые у современниковъ и назывались *Мстиславичами* (см. Ки-

*) Меньшой сынъ *Владиміръ* (Мстиславичъ) скончался еще въ 1172 г. въ Берестыи.

евс. Лѣтоп. 1173 г.); а ихъ двоюродныя братья: *Мстиславъ Всеволодъ* (Луцкій), *Инварь* и *Святославъ*, четыре сына Ярослава Изяславича,—назывались у современниковъ *Ярославичами* (см. Кіев. Лѣтоп. 1180 г.).

Пѣвецъ называетъ «*шестокрыльцами* нехуда гнѣзда» не однихъ Мстиславичей, но и Ярославичей, равно принадлежавшихъ старшей линіи Мономахова дома; ибо выраженіе пѣвца «нехуда гнѣзда», и думаю, означаетъ *гнѣздо Мономахово*. (Сличи въ гл. 5-й—*гнѣздо Ольгово*.)

Еще и теперь ведется Руская сказка (слышанная мною отъ А. С. Хомякова) о *старомъ Дарбѣ*, *мужичкѣ-приворотничкѣ*, которому князь Владиміръ велитъ привести себѣ коня *шестонога*, *пса шестоморда*, да сокола *шестокрыла*.—Конечно въ значеніи *соколовъ* принято и у пѣвца Игорева названіе *шестокрыльцы*.

51. *Изяславъ Васильковичъ* неизвѣстенъ въ лѣтописаньи между князьями Полоцкими. Онъ могъ быть удѣльнымъ княземъ г. Изяслава (нынѣ Заславъ). Напрасно его называютъ княземъ Городенскимъ; ибо въ Городнѣ, въ продолженіе XII вѣка, извѣстны другіе князья—Всеволодъ съ тремя сыновьями, своими и этотъ городъ никогда не принадлежалъ къ Полоцкому княженію. По выраженію Пѣсни о похоронныхъ *трубахъ Городенскихъ*, можно заключать только то, что въ близости этого города палъ Изяславъ въ одинокой битвѣ своей съ Литовцами. Съ нимъ не было ни *Брячислава Васильковича* (Витебскаго), ни *Всеволода Васильковича* (вѣроятно Логожскаго), называемаго въ лѣтописяхъ уменьшительно: *Володшею*.

52. Кто этотъ *Ярославъ*, укоряемый пѣвцомъ, наравнѣ съ потомками Всеслава Полоцкаго? По моему, только и можетъ быть это—*Ярославъ Юрьевичъ Пинскій*, который по соседству съ Полоцкими князьями могъ быть и участникомъ въ ихъ дѣйствіяхъ, неизвѣстныхъ намъ по лѣтописанью, столь скудному относительно тѣхъ князей.

53. *Понизить*, *вознить*—эта форма повелительнаго наклоненія, съ окончаніемъ на *ь* вм. *е*, есть форма Южноруская, нынѣ господствующая въ живомъ языкѣ.

54. *Котороу* (творит. пад. существ. им. *катора*)—такъ поправилъ Снегиревъ, вм. *которое*.

Первый слѣдъ наведенія *поганыхъ* на землю Полоцкую виденъ (по Кіевской Лѣт.) въ 1180 году подъ *Друтскомъ*, куда

приходилъ съ *Половцами* Святославъ Всеволодовичъ, враждовавшій съ Ростиславичами; а помогавшіе ему, какъ зятю своему, Васильковичи приходили съ *Либью* и *Литвою*.

55. У Нестора сказано, что въ 1064 году «Всеславъ рать почаль»; а въ 1063 году «иде Волховъ вспять дній пять, се же знаменье не добро бысть». Съ этого года и начнется *Седьмой вѣкъ Трояновъ*, если мы, начиная отъ покоренія Дакии Императоромъ Траяномъ въ 102 г. по Р. Х., будемъ считать *вѣка* не во сто лѣтъ, а въ *четыре сорока*, т. е. во 160 лѣтъ, принявъ любимый Старо-Славянскій счетъ въ 4 и 40. Такое объясненіе Трояновыхъ вѣковъ предложено въ *Примѣчаніяхъ* г. Головина, М. 1846.

О какихъ *«двухъ дѣвахъ, ему милыхъ»*, бросилъ жребій Всеславъ? Мнѣ кажется ясно, что это *война и слава*. Я пахожу справедливымъ мнѣніе Граматина, что слова «о *двоици* себѣ *любу*» поставлены въ предложномъ падежѣ двойственного ч., (а не въ винительномъ единственного ч.): метать жребій *о чемъ*, а не *обо что*.

56. *Объсѣтися* по-Славянски—значитъ *повѣсѣтися*; *объсѣся сынъ мгла*—повѣсился, повисъ въ синемъ туманѣ, т. е. полетѣлъ (какъ въ 17 главѣ сказано объ Игорѣ: «и полете соколомъ подъ мглами»). «*Орелъ вѣшается*, переменна погоды буде»—говорять на Украинѣ, когда онъ не въ вышинѣ паритъ, а летаетъ надъ землею.

57. *Ряды рядяше*—такъ поправилъ я, вм. *ряды ридише*, имѣя въ виду предъидущее выраженіе о Всеславѣ: *судяше*, и также и встрѣчаемое въ Киевской Лѣтописи Древнерусское выраженіе о князьяхъ: *ряды ридити*.

58. Еще К. Калайдовичъ (1817 г.) изъяснилъ, что выраженіе *до куръ* значитъ здѣсь *до пѣтуховъ*. Такъ и по Киевской и по Волынской лѣтописи видно, что въ древности крикомъ *куровъ* означалось время (см. подъ 1152 и 1288 гг.); и при томъ крикъ пѣтуха, по народному повѣрью, есть срокъ для ночныхъ походовъ колдуновъ, оборотней и т. п.; а о Всеславѣ было народное повѣрье (записанное Несторомъ), что онъ родился отъ волхворанія и былъ волшебникомъ. Такимъ онъ представленъ и въ Пѣснѣ о немъ, вѣроятно, заимствованной изъ пѣснопѣнія Боянова: Всеславъ *скачетъ лютимъ зырымъ*, т. е. волкомъ въ ночи,—изъ Киева достигаетъ въ Тмутаракань до пѣ-

туховъ; изъ Бѣлгорода достигаетъ въ Новгородъ между полуночи и утра; изъ Полоцка въ Кіевъ тоже въ заутрени.

59. *Великій Хорсъ*, конечно, значить здѣсь бога языческой Руси; но о мифическомъ значеніи его мы не имѣемъ тако-го яснаго указанія въ древнихъ памятникахъ, какое нашлось въ Кіевской Лѣтописи для *Дажьбога*, какъ бога солнца, для *Сварога*, какъ бога огня. Мое мнѣніе то, что *Хорсъ* еродень съ Греческимъ *Гаресомъ* или Ареемъ, съ Индійскимъ *Хари*, съ Египетскимъ *Горосомъ* старшимъ, т. е. онъ былъ богъ войны.

А изъ того, что полуночникъ Всеславъ, кончая свой путь изъ Кіева въ Тмутаракань до разсвѣта, до пѣтуховъ, *великому Хорсови волкомъ путь прерискаше*, нельзя ли предположить, что языческая Русь подъ именемъ *Хорса* чтила свѣтило ночи, *Мл-сяцъ*, какъ она чтила дневное свѣтило, *Солнце*, подъ именемъ *Дажьбога*?.... Глаголь *прерискаше* можетъ значить: перебѣгалъ, перерѣзывалъ путь, и—обгонялъ, опережалъ; въ обоихъ случаяхъ онъ приходится къ пути мѣсяца по небу. .

60. Это мѣсто въ Пѣсни почитается *темнымъ* и даже поврежденнымъ перепискою. Но оно становится яснымъ, при взглядѣ на картинку XIV вѣка: *Борисъ идетъ на Печенѣги* (см. въ моемъ *Кіевлянинѣ* Кн. 3. М. 1850). Тамъ изображены Владиміровы стиги, украшенные одни *копьями*, а другіе *рогами мѣсяца-молодика*: это *рози* на стягахъ Владиміровыхъ. А подъ копьями и полумѣсяцами на стягахъ навѣшаны *челки стяговья*: это *хоботы* (т. е. хвосты) на стягахъ. *Хоботы паишуть*—т. е. вѣютъ, машуть: это у пѣвца укоризненное выраженіе о стигахъ Давыдовыхъ, которые бездѣйственно простояли у Треполя надъ Днѣпромъ, по плѣненіи Игоря,—только повѣяли, помахали своими хвостами,—и не двинулись далѣе на защиту Переяслава, осажденнаго Кончакомъ. А хвалебное выраженіе о *копьяхъ* поющихъ на Дунаѣ, конечно, относится къ Ярославу Галицкому, тестю Игореву (сличи величавое его изображеніе въ 13 главѣ).

61. *О Днѣпрѣ Словутиню!* Велось до нынѣшняго столѣтія Древне-Украинское величаніе Днѣпра *Славутою*. Такъ въ думѣ XVI вѣка о гетманѣ Самойлѣ Кошкѣ—козаки.

«На Лиманъ-рѣку испадали,

Къ Днѣпру Славутъ низенько укланяли».

Имя *Славутич* — въ уменьшительномъ видѣ, *Славутичи*, (по Велико-русски сказать-бы *Славутичишка*), въ звательномъ пад.— *Славутичию!*

62. *Овлуръ свистну за рѣкою.*—Изъ Киевской Лѣтописи видно, что это была рѣка *Торг*. (Оттуда же видно, что нечернее время побѣга Игорева пѣвецъ перемѣнилъ на полночь; но такія маленькія отступленія поэтическія не отнимаютъ у Пѣсни исторической вѣрности ея, подтверждаемой сказаніемъ Киевской Лѣтописи: въ обѣихъ равно видно живое, близкое свидѣтельство современниковъ—не то, что сказаніе Суздальской Лѣтописи о походѣ Игоря, записанное по слухамъ, пришедшимъ издалека и переиначившимъ событіе).

63. *Струги простре*—такъ поправляю я, вм. *струги ростре*. Здѣсь не *стругъ* (муж. р.)—водоплавное судно; а *струга* (жен. р.), уменьш. *стружка*: такъ и теперь въ Поддѣпровской Украинѣ называется протокъ бѣгучей воды между рѣчными планями или островами, заросшими кустами, деревьями или камышемъ. Несторъ, описывая потопленіе Ростиславо Всеволодовича въ р. Стугнѣ. (впадаетъ въ Днѣпръ съ правой стороны, подъ Трипольемъ) 26 Мая 1093 года,—говоритъ: «бѣ бо наводнилася велии тогда» и далѣе: «прибѣгоша къ рѣцѣ Стугнѣ, и *вбрде* Володимеръ съ Ростиславомъ; нача утопати Ростиславъ предъ очима Володимеровыма, и хотѣ похватити брата своего, и мало не утону самъ; и утопе Ростиславъ сынъ Всеволожъ. Володимеръ перебредѣ рѣку... и перешедѣ на ту сторону Днѣпра, плакася по братѣ своемъ... и плакася по немъ мати его, и вси людье плакахуся по немъ повелику, унести его ради».

Пѣвецъ Игоря изображаетъ наводненіе Стугны, простершей тогда быстрыя *струги* (протоки) по кустамъ, и потопившіе юнаго князя. О водоплавныхъ судахъ нѣтъ помину; да и не была такъ судоходна Стугна, чтобы носить на себѣ струга и разбивать ихъ по кустамъ!

64. Въ 1 изданіи Пѣсни двойкою пишется имя Половецкаго хана: *Гзакъ* и *Гза*; первое нахожу ошибочнымъ, и принимаю только второе, *Гза*. Отсюда и въ Пѣсни, дательный падежъ—*ко Гзѣ*. Въ Киевской Лѣтописи тоже *Кза*, а сынъ его—*Кзычъ*.

65. *Боричевъ взвозъ*—составлялъ главную дорогу отъ Днѣпровской пристани въ Древній Кіевъ. Должно быть въ концѣ Боричева, на горѣ, стояла каменная церковь *св. Богородицы Пирогощей*, заложенная великимъ княземъ Киевскимъ Мстиславомъ Владиміровичемъ 1131 года.

Пѣснь Ополченію Игоря Святославича, Князя Новгородъ-Сѣверскаго. Переведено съ древняго Русскаго языка XIII столѣтія Александромъ Вельтманомъ. Москва, въ типогр. Селивановскаго, 1833, (8), 50 1).

Слово о плѣку Игоревѣ есть драгоценный памятникъ древней Руссой поэзіи, сколько любопытный для филологіи, столько же превосходный по своему изяществу. Много уже объяснено сіе слово филологическими розысканіями нашихъ ученыхъ. Нѣсколько разъ оно было переведено на нашъ новый языкъ буквально: но сіи переводы, основываясь, почти исключительно, на грамматическихъ и историческихъ розысканіяхъ, суть, такъ сказать, анатомическіе переводы и не могутъ дать понятія о той жизни, которою красно сіе Слово. Еще менѣе могутъ дать понятіе о поэзіи пѣвца Игоря стихотворныя переводы его; ибо переводчики были слишкомъ произвольны и небрежны съ своимъ подлинникомъ. Такимъ образомъ Слово о плѣку Игоревѣ оставалось, къ сожалѣнію, извѣстнымъ болѣе по наслышкѣ, по трудности своего языка и по неприглядности публики къ языку Славянскому.

Новый переводчикъ уразумѣвалъ своего поэта не только буквально, но еще болѣе старался постигнуть поэтическій смыслъ его своимъ чувствомъ. Такимъ живымъ изслѣдованіемъ, при помощи бывшихъ уже наблюдений, онъ изъяснилъ Слово сіе, во многихъ мѣстахъ, естественнѣе и вѣрнѣе. Переводъ его не буквальный, а поэтическій, и написанъ тою же размѣрною, благозвучною прозою, какъ и его Эскандеръ, что соответствуетъ римическому складу самого подлинника.

Между многими недоумѣніями относительно пѣсни сей, главныхъ два: подлинно-ли она XII вѣка и какимъ языкомъ она писана?

1) Молва, 1833 № 23—24 с. 89—96.

Что касается до времени, то Г. Вельтманъ не сомнѣвается нисколько въ томъ, что она писана современникомъ Игоря, въ XII вѣкѣ. И въ самомъ дѣлѣ, основанія сего мнѣнія значительныя, чѣмъ нѣкоторыя сомнѣнія, тому противорѣчація. Что касается до языка, то Г. Вельтманъ полагаетъ, что это древній Русскій языкъ, но принадлежащій собственно пѣвцу Игоря, имъ избранный; такъ какъ у Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковского и Пушкина, находимъ природный языкъ свой, но ими пересозданный. Въ такомъ отвѣтѣ своемъ, на вопросъ ученаго общества, (на древнемъ-ли Славянскомъ существовавшемъ, въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчїи, писано сіе слово?) Г. Вельтманъ называетъ языкъ сей соединеніемъ всѣхъ нарѣчїй Славянскихъ, очищенныхъ высокимъ чувствомъ поэта, выборомъ словъ звучныхъ, краткихъ, свойственныхъ той гармоніи, которою была наполнена душа его!*

Мысль сія вообще справедлива, ибо такимъ образомъ создается языкъ поэтической геніальными писателями. Думаю однакожь, что мысль сія имѣетъ только общее значеніе и не опредѣляетъ частнаго характера онаго языка. Когда существуетъ уже языкъ книжный, то онъ и языкъ народный составляютъ всегда двѣ стихіи, изъ коихъ особыі языкъ писателя составляетъ особенностію его дарованія. Такимъ образомъ и въ Словѣ пѣвца Игоря видно большое вліяніе тогдашняго книжнаго, церковно-Славянскаго языка; но съ этимъ вмѣстѣ видно безпрестанное отступленіе отъ его формъ, несравненно больше, чѣмъ въ Несторовой лѣтописи и другихъ того времени памятникахъ. Такое отступленіе основывалось на стремленіи къ языку природному, живому. Это легко понять, глядя, какъ даже въ наше время поэтъ часто предпочитаетъ народный оборотъ рѣчи формъ заклеянной уже граматическою печатью, какъ иногда для точнѣйшаго выраженія своей мысли избираетъ слова областныя или почитаемыя обветшалыми. Могъ ли пѣвецъ Игоря обойтись безъ сего поэтическаго права (*licentia*

роѣtica), въ то схоластическое для литературы время? И можно ли намъ, мѣряя слова его только словами изъ другихъ памятниковъ извѣстными, всегда подчинять имъ поэтической смыслъ его, ни сколько не довѣряя оному?

Возьмемъ для примѣра нѣкоторыя мѣста. «Всеславъ изъ Кіева дорыскаше до Куръ Тмутораканя». Здѣсь непремѣнно хотятъ найти куръ или пѣтуховъ; а не куръ, дворовъ или жилищъ, какъ понялъ Г. Вельтманъ, для подтвержденія чего можнобы привести Малороссійскій курень и Русскія курныя избы. Пѣвецъ Игоря прекрасно изображаетъ конецъ Бориса: «Слава на судъ приведе (его) и на конину зелену паполому посла». Не ясно ли, что здѣсь подъ именемъ паполумы (попоны) поэтъ разумѣетъ землю; и что паполома конина значить конечная или послѣдняя, отъ слова коны (концы), въ семь смыслѣ и пѣвцомъ Игоря и нынѣ еще въ Малороссіи употребляемаго. Слава положила Бориса на послѣднюю зеленую постель; или, по переводу Г. Вельмана, Борисъ улегся на постланномъ славою, послѣднемъ, зеленомъ коврѣ! Но буквально изъясняющіе непремѣнно хотятъ видѣть здѣсь только конскую попону, постилаемую славою. И въ другомъ мѣстѣ, гдѣ Игорь подперся о кони, то есть о предѣлы или границы свои, заставляють его опираться на коней; между тѣмъ у пѣвца Игоря кони (лошади) называются комонями; и слѣдовательно прилагательное имя скорѣе былобы комониный (какъ въ Польскомъ *comonica*).

Теперь еще вопросъ. Какое же именно областное нарѣчіе было другою главною стихіею въ ономъ Словѣ? Мнѣніе Г. Вельмана неопредѣленно: я думаю, что онымъ можно почестъ мѣстное нарѣчіе пѣвца Игоря, южно-Русское, изъ коего въ послѣдствіи вышелъ языкъ Мало-Россійскій, со многими измѣненіями простирающійся не только въ южной Россіи, но и на западъ по Галиціи и Карпатамъ, и тамъ называемый Русскимъ. Объ немъ я отчасти уже изъяснилъ въ Мало-Россійскихъ Пѣсняхъ: а здѣсь скажу только, что Мало-Россійскій языкъ сохранилъ много

словъ и формъ, встрѣчаемыхъ въ древнихъ нашихъ Славянскихъ памятникахъ и утраченныхъ въ Велико-Русскомъ языкѣ. Почему многія мѣста въ Словѣ о полку Игоревѣ и въ другихъ древнихъ памятникахъ объясняются очень легко изъ языка Мало-Россійскаго. О необходимости знать оный для полнѣйшаго уразумѣнія Нестора, замѣчалъ уже Г. Павловскій въ своей Грамматикѣ Малороссійскаго языка. Г. Бантышъ-Каменскій (въ своей исторіи Малой Россіи III. 241) замѣчаетъ отмѣну въ языкѣ пѣвца Игоря и другихъ памятникахъ древнихъ южно-Россійскихъ. Сіе еще убѣдительноѣ становится, когда вспомнимъ послѣдующее вліяніе южно-Русскаго языка на самый языкъ Велико-Русскій. Хотя надобно сказать, что отъ того, если и обогатилась Русская письменность и просвѣщеніе, но языкъ былъ замедленъ въ своемъ естественномъ развитіи. Такимъ образомъ изъ тѣхъ двухъ стихій, т. е. изъ книжнаго церковнаго и природнаго южно-Русскаго языка составилъ живой, поэтический языкъ пѣвца Игоря но его собственной идеѣ. А кто сроднился съ духомъ пѣсенъ и думъ Украинскихъ и вдумывался въ красоты Слова о полку Игоревѣ, тому не покажется страннымъ, если сказать, что въ нихъ однородство поэтическое характеровъ, что Слово о полку Игоря есть начало той южно-Русской эпопеи, которая потомъ звучала и звучитъ еще въ думахъ бандуристовъ и во многихъ пѣсняхъ Украинскихъ, и что пѣснь Ярославны есть, такъ сказать, тема, которая распѣвается въ дышущихъ любовію женскихъ пѣсняхъ Украинскихъ.

Г. Вельтманъ приложилъ къ своей книгѣ подлинникъ Слова и болѣе 50 примѣчаній. Большая часть изъ нихъ важны и любопытны. На нѣкоторыя можно еще возразить: я избѣру три, чтобъ еще оправдаться въ своемъ мнѣніи относительно Малороссійскаго языка, и о томъ, какъ иногда поэтическое чувство замѣняло Г. Вельтману изъясненіе грамматическое.

1) Примѣч. 36. «Цвѣлити—цвилить, жалобить. Сербск. слово». Но слова подлинника: «Половецкую землю мочи цвѣлити»—въ переводѣ вѣрнѣе изъяснены: мечами гү-

бить. Цвѣлить въ подлинникѣ поставлено въ переносномъ смыслѣ вмѣсто опустошать, и происходитъ отъ Малороссійскаго слова цвѣль—плѣсень, поцвѣль, взялся цвѣлью—покрылся плѣсенью, тлѣниемъ. Сербскому же слову цвѣлить соотвѣтствуетъ Малороссійское квилить.

2) Стрикусы Г. Вельтманъ справедливо, по смыслу рѣчи, назвалъ стѣнобойнымъ орудіемъ; но вмѣсто указаній его на Сербское стрцати и Русское стрекать, лучше можно привести Малороссійское слово стрькусь, или тарань—большое орудіе, которымъ бьютъ конопляное масло.

3) Туга, въ двухъ мѣстахъ перевода названа тоскою, болѣзнію, а въ примѣчаніи корчею или судорогою; первое справедливѣе: по-Малороссійски туга—тоска, откуда тужить. Въ подлинникѣ сказано: «Чърна земля подъ копыты, костью была посѣяна, а кровію поляна; тугою въздоша по Руткой земли». Г. Вельтманъ перевелъ такъ: «Тамъ тучное поле подъ каждымъ копытомъ костью усѣяно, кровью полито. Тоска отзывается въ Русской землѣ!» Здѣсь надобно бы выдержать всю точность поэтическаго изображенія: выросло, взошло тоскою по Русской землѣ!

Въ началѣ Г. Вельтманъ также, желая яснѣе выразить поэтическое изображеніе Бояна, вмѣсто: растекался мыслию по древу, перевелъ: мысли его текли въ вышину, какъ соки по древу. Впрочемъ подобныхъ вольностей немного.

Вотъ мое мнѣніе о Пѣсни Ополченію Игоря и ея переводѣ. Но говоря о семъ новомъ приобрѣтеніи нашей словесности, я не могу умолчать о важной для ней потерѣ. Покойной дядя мой, Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій, много и долго занимался изъясненіемъ сей пѣсни; уже приготовилъ ее къ печати, показывалъ ее нѣкоторымъ археологамъ и писалъ къ В. Ѳ. Г. что только три мѣста остались для него неясными. Но послѣ смерти его не осталось и слѣдовъ сихъ розысканій.

Не ужели онѣ погибли для словесности, подобно имени пѣвца Игоря?

КНИЖНАЯ СТАРИНА ЮЖНОРУСКАЯ ¹⁾.

Г Л А В А I.

Начало книгопечатанія въ Южной Руси.

Книжное дѣло на Руси, какъ извѣстно, начато въ Кіевѣ въ 11-мъ вѣкѣ, великимъ Княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ: онъ собралъ писцовъ для перевода съ Греческаго языка на Славянскій, и написанныя ими книги положилъ въ созданномъ имъ храмѣ Софійскомъ. Повѣствуя объ этомъ, преподобный Несторъ говоритъ: «яко бо се нѣкто землю разореть, другій же насѣть; ини же пожинають и ядятъ пищу безсудну: тако и сей. Отець бо сего Володимерь взора и умягчи, рекше крещенъмъ просвѣтитъ; сей же насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людей; а мы пожинаемъ ученье приемяще книжно». И какъ богата была та жатва, собранная смиренномудрыми жнцами — перво-словесниками нашими, на благодатныхъ поляхъ Русскаго Юга!... Она была въ запасъ для цѣлой Руси, на всѣ времена.

Но съ половины 12-го вѣка бытіе Южной Руси стало такое тревожное и томительное, что книжное дѣло, ею начатое, не могло продолжаться въ ней съ возрастаніемъ. Поприщемъ для того стала непечатая новь Рускаго Сѣверо-востока; и Южная Русь скоро залегла на долгій роздыхъ; и пробудилась опять для книжной дѣятельности не ранѣе, какъ

¹⁾ Временникъ Обществ. Исторіи и Древн. Исторіи 1849, к. 1 и 8; Кіевлянинъ. 1850, к. III ст. 117—138.

во второй половинѣ 16-го вѣка. До той поры ея новыя поколѣнія прѣбавлялись только прежнимъ запасомъ книжнымъ, и почти ничего новаго не прибавили къ нему отъ себя. Однимъ изъ первыхъ движеній возрождавшейся книжной дѣятельности Южноруской было стремленіе сближать Священное писаніе съ языкомъ народнымъ. Прекраснымъ и старшимъ памятникомъ этого стремленія служить Пересопницкое Евангеліе, въ которомъ многія церковнославянскія слова и обороты замѣнены, или пояснены словами языка Южнорускаго «для лѣпшого вырозумлена люду христіанского посполитого». Это Евангеліе ¹⁾ писано на Волини, въ Пересопницкомъ монастырѣ, 1556—61 года, иждивеніемъ благочестивой княжны Настасіи Юрьевны Заславской, урожденной Гольшанской. Надъ нимъ трудился Пересопницкій Архимандритъ Григорій; а писцомъ онаго былъ Михайло Васильевичъ, сынъ Протопопа Саноцкаго. Евангеліе писано на пергаментѣ, въ листъ, со всею старинною роскошью книгописною. Нынѣ хранится оно въ Переяславскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, которому подарилъ его въ 1701 году Гетманъ Мазепа, какъ строитель монастыря. Можетъ быть стремленіе сближать Священное Писаніе съ народнымъ языкомъ было возбуждено примѣромъ Полоцкаго уроженца, доктора медицины Скорины. Во всякомъ случаѣ эти явленія исторической важности, какъ показатели того, чѣмъ началось возрожденіе книжной дѣятельности на Рускомъ Югѣ и Сѣверозападѣ, жившихъ тогда за одно, отдѣльно отъ Руси Сѣверовосточной или Московской.

¹⁾ Писецъ этого Евангелія не разъ повторилъ, что оно переведено «изъ языка Българскаго на мову Рускую». Для образца прилагаю слѣдующее мѣсто. «Въ началѣ было Слово. А Слово было отъ Бога, и Богъ былъ то слово. То было напчатку у Бога; и всѣ рѣчи черезъ Него ся стали. А безъ Него ништо не могло быти, еже и бысть. Въ томъ животь былъ. А животь былъ свѣтъ челоувкомъ. И свѣтъ во тмѣ свѣтитя, и тма его не обыйметъ».

(Впервые это Евангеліе описано *Бодянскимъ*, *Журн. М. Н. Пр.* 1838. кн. 5. Послѣ того я писалъ объ немъ въ *Воспоминаніи о юродахъ Пересопницъ и Дубровиццяхъ*, напечатанномъ въ *Кіевлянинъ*, 1840).

Между тѣмъ какъ вся Русь еще и въ первой четверти 16-го столѣтія оставалась, по прежнему, при одномъ книгописаніи, у нашей Западнорусской братіи велось уже книгопечатаніе, по примѣру народовъ Нѣмецкихъ. Книгопечатаніе Славянскими Кириловскими буквами прежде всего началось въ Краковѣ, 1491 года, изданіемъ Часослова въ 4-ку и другихъ церковныхъ книгъ, которыхъ мастеромъ былъ Швайпольтъ Фоль. Этотъ достопамятный Нѣмецъ, какъ первый печатникъ Славянскихъ книгъ, былъ обвиненъ въ ереси, и удаленъ изъ Кракова въ Венгрію. Между тѣмъ книгопечатаніе немедленно стало появляться и въ другихъ Славянскихъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Прагѣ Чешской. Тамъ въ 1517—19 годахъ напечатанъ былъ по частямъ переводъ Библии нашего Полочаина Скорины, подъ названіемъ: Библия Руска, иждивеніемъ Богдана Онькова, въ 4-ку. Вслѣдъ за тѣмъ учредилась типографія и въ Литовскорусской столицѣ Вильнѣ, въ домѣ Бабица, гдѣ неутомимый Скорина, въ 1525 году, издалъ сперва Апостоль, потомъ Акафисты и Каноны, въ 8-ку. Вотъ первенцы книгопечатанія Рускаго!

Можетъ быть таже Виленская Скоринина типографія явилась потомъ въ городѣ Несвижѣ (Минской губерніи). Тамъ отступникъ отъ православія (Симонъ Будный (съ товарищами своими Матвѣемъ Кавечинскимъ и Лаврентіемъ Кришковскимъ) издалъ свой Катихизисъ, 1562, въ 4-ку. Можетъ быть Несвижская типографія принадлежала въ слѣдующіе годы Василію Тяпинскому, напечатавшему первую часть новаго завѣта вскорѣ послѣ 1565 года (см. въ Библ. Погодина, Сахар. № 63). Это былъ первый на Руси книжный отголосокъ Западной Реформаціи, которая въ разныхъ сектахъ или толкахъ своихъ, пройдя черезъ Польшу, явилась и у насъ въ Литвѣ, въ половинѣ 16-го вѣка; а вслѣдъ за тѣмъ распространилась и на Волыни. Броженіе умовъ, произведенное разливомъ западнаго новомыслія, открыло возможность езуитамъ ловить западнорусскую молодежь, какъ рыбу въ мутной водѣ; и они быстро раскинули свои сѣти.

Между тѣмъ, въ свѣтлую половину царствованія Іоанна Грознаго, учредилось книгопечатаніе въ Москвѣ—для од-нообразнаго и правильнаго изданія церковныхъ книгъ, кото-рыя подвергались тогда непрестанной порчѣ отъ писцовъ-промышленниковъ. Присланный Московскому Царю отъ Дат-скаго Короля мастеръ Гансъ (или Іоаннъ Миссингеймъ Бокбиндеръ) былъ учредителемъ первой Московской типо-графіи, въ которой первыми книгопечатниками были Гостун-скій дѣaconъ Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимофѣевъ Мстиславцевъ. Въ 1563-64 году напечатали они книгу Апостолъ въ листъ. Вотъ первенецъ Московской печати! Но книгошцы взвели ересь на книгопечатниковъ; и они бѣ-жали изъ Москвы въ Литовскую Русь, охотно принимавшую всѣхъ выходцевъ Великорусскихъ. Гетманъ Литовскаго Кня-жества Григорій Александровичъ Ходкевичъ далъ приютъ у себя Московскимъ художникамъ и завелъ типографію въ своемъ городѣ Заблудовѣ (Гродненской губерніи), гдѣ и напечатали они 1568-69 года—Евангеліе учительное, въ листъ, еще Псалтирь въ 20 (у Погод.). Въ этомъ 1569 го-ду,—памятномъ Гражданскою Уніей Великаго Княжества Литовскаго съ Короною Польскою, скончался благочестивый Гетманъ Ходкевичъ. Тогда печатникъ Петръ Мстиславецъ перешелъ изъ Заблудова въ Вильну, завелъ новую типогра-фію у братьевъ Козьмы и Луки Мамоичей, и напечаталъ въ ней Евангеліе, 1575 въ л. А Иванъ Ѳедоровъ, покинувъ подаренную ему отъ Ходкевича деревню, перешелъ въ Червоную Русь—во Львовъ. Тамъ онъ нашелъ себѣ со-чувствіе только въ духовенствѣ и мѣщанствѣ, и при ихъ по-мощи, въ 1570-мъ году началъ заводить себѣ типографію. Въ этой друкарнѣ онъ въ 1573-74 годахъ напечаталъ Апостолъ, въ листъ. Вотъ первенецъ Южнорусской печати, явившійся черезъ десять лѣтъ послѣ изданія Московскаго! Въ послѣсловіи къ нему, достопамятный Москвитинъ по-мѣстилъ «новѣсть—откуда начаса и како съвершися друкар-ня сія.» Приведу нѣсколько строкъ изъ этой повѣсти, въ которыхъ ясно обозначается душа Рускаго художника.

•Еще же (говорить онъ о Ходкевичѣ) и сіе недовольно ему бѣ, еже тако устроити насъ; но и весь немалу дарова ми на упокоеніе мое. Намъ же работающимъ по волю Господа нашего Ісуса Христа и Слово Его по вселеннѣй разсѣвающе,—егда же пріити ему въ глубоку старость и начастѣ главѣ его болѣзнію одержими бывати, повелѣ намъ работанія сего престати, и художество рукъ нашихъ ни во что же положить, и въ веси земледѣланіемъ житія міра сего препроводати. Еже неудобно ми бѣ раломъ ниже сѣменъ сѣяніемъ время живота своего съкращати, но имамъ убо въ мѣсто рала художество наручныхъ дѣлъ; вмѣсто же съсуды житныхъ сѣменъ духовная сѣмена по вселеннѣй разсѣвати, и всѣмъ по чину раздавати духовную сію пищу. Наипаче же убояхся истязанія Владыки моего Христа, непрестанно въніюща къ мнѣ: лукавый рабе и лѣннive, почто не вда серебра моего торжникомъ, и азъ пришедъ взялъ быхъ свое съ лихвою! И когда убо на уединеніи въ себе прохождахъ, множицею слезами моими постелю мою омочахъ, вся сія размышляя въ сердцы своемъ, да быхъ не съкрылъ въ земли таланта отъ Бога дарованнаго ми, и тужащу ми духомъ, сія глаголахъ: еда въ вѣки отринеть Господь и не приложитъ благоволити паки, или до конца милость свою отсѣчетъ, по притчи смоковничнаго неплодствія, яко всеу землю уиражняющу. И сего ради повудихся ити оттуду. И въ путь шествующу ми многи скорби и бѣды обрѣтоша мя, не точію долготы ради путнаго шествія, но и презельному повѣтрію дышущу и путь шествія моего стѣсняющу; и просто рещи: вся злая и злыхъ злѣе. И тако промысломъ Божія челоувѣколюбія до богоспасаемаго града нарицаемаго Львова пріидохъ, и вся яже на пути случающаямися ни вочтоже вмѣняхъ, да Христа моего приобрящу. Вся, яже здѣ, сну подобна и сѣни, переходять бо; яко же бо дымъ на воздухѣ благая и злая, расходятся.»

Г Л А В А II.

Книгопечатаніе на Волыни.

Въ то время, какъ во Львовѣ трудился друкарь Москвитинъ, на Волыни жилъ другой достопамятный Великороссіянинъ, Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, бѣжавшій отъ гнѣва Іоанна Грознаго. Ставъ гражданиномъ Западной Руси, герой Казани неохотно брался уже за свой мечъ, долженствовавшій иногда воевать противъ своихъ, въ продолжавшейся борьбѣ двухъ половиць Рускаго міра.

Подъ небомъ Русскаго Юга, въ душѣ Курбскаго разрослись сѣмена духовной мудрости, принятыя имъ изъ устъ Максима многострадальнаго и Артемія исповѣдника. И онъ съ жаромъ предался ученію книжному; и подвизался неутомимо на этомъ поприщѣ. Не отрываясь мысленно отъ роднаго ему Востока, онъ писалъ свою примѣчательную «Исторію Московскаго Царя.» Въ тоже время ревнуя о просвѣщеніи своихъ западныхъ братьевъ, онъ изучалъ и переводилъ творенія Іоана Златоуста и другихъ Отцовъ церкви. Скорбѣла душа Курбскаго, предвидя бѣду, какая готовилась его соотчичамъ отъ распространявшихся между ними Западниковъ; равно отъ нѣги и роскоши въ жизни, какими мужественные Волынцы заражались тогда отъ растлѣнной Польши. И онъ голосомъ древлерускаго человѣка остерегалъ своихъ собратовъ онъ мысленныхъ звѣрей и ихъ хитролестныхъ силлогизмовъ; увѣщевалъ пребывать бодро въ благочестіи праотеческомъ, напоминая имъ о прежней простотѣ жизни. Его посланія къ разнымъ лицамъ (отъ Князя Острожскаго и Княгини Евдокіи Черторыйской, до Виленскаго бурмистра Львовскаго мѣщанина), составляютъ драгоценный памятникъ тогдашняго выраженія Руской души.

Ближайшимъ сотрудникомъ Курбскаго въ книжномъ дѣлѣ былъ сродникъ его князь Михайло Оболенскій, котораго онъ упросилъ «иже бы во младомъ еще будущи вѣцѣ, навѣкъ вышнихъ наукъ въ языкѣ Римскомъ. Онъ же (про-

должастъ Курбскій) послушалъ мя; и изпутивъ три лѣта въ Краковѣ въ школѣ, а потомъ совершенія ради до Влохъ ѣхалъ, оставя домъ, жену и дѣтки; и тамо аки два лѣта пребылъ. А нынѣ благодатию Божію возвратился къ намъ, здравъ и въ праотеческомъ благочестіи цѣлъ, яко корабль преполонъ дражайшихъ корыстей.*

А изъ природныхъ Волинцовъ лучшимъ другомъ Курбскаго, до конца жизни его, былъ вельможнѣйшій изъ князей южнорускихъ, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, воевода Кіевскій. Въ дружбѣ этихъ двухъ потомковъ св. Владиміра созрѣла та ревностная и дѣятельная любовь къ православному просвѣщенію, которую обезсмертилъ себя князь Константинъ, и которая составляетъ собою вторую эпоху въ южнорускомъ просвѣщеніи, какъ Ярославова любовь къ книгамъ составляетъ его эпоху первоначальную.

1. Острогъ.

Одно изъ первыхъ заботъ князя Острожскаго было изданіе полной Библии на языкѣ Церковнославянскомъ. Основаніемъ этому дѣлу послужилъ списокъ Библии, привезенный ему изъ Москвы, посланникомъ Михайломъ Гарабурдою, около 1570 года. Кромѣ того онъ доставалъ многіе другіе списки на языкахъ Греческомъ, Латинскомъ, Церковнославянскомъ, Чешскомъ и Польскомъ. И когда оконченъ былъ этотъ трудъ благочестиваго князя, къ нему явился изъ Львова Иванъ Ѳеодоровъ, немедленно устроилъ типографію въ Острогѣ, и въ ней напечаталъ 1580 года—Новый Заветъ, а въ слѣдующемъ году окончилъ изданіе полной, первопечатной Библии, называемой Острожскою, и напечаталъ еще Хронологію.

Этимъ счастливымъ началомъ книгопечатанія въ Острогѣ кончилъ свое поприще Рускій книгопечатникъ, порабатавшій съ такою любовью къ своему дѣлу во всѣхъ странахъ Рускаго міра. Онъ воротился во Львовъ, съ намѣреніемъ продолжать изданіе церковныхъ книгъ; но не исполнилъ его

за смертію, послѣдовавшею 5 Декабря 1583 года. Примѣчательно что въ томъ же году, въ Маѣ мѣсяцѣ, скончался и князь Курбскій, въ своемъ Ковельскомъ княжествѣ, завѣщавъ похоронить себя въ Троицкомъ Вербскомъ монастырѣ, имъ же устроенномъ возлѣ Ковля.

Въ одно время съ типографіею, именно въ 1580 году, князь Константинъ учредилъ Острожскую школу. Ректоромъ этого старшаго изъ высшихъ училищъ Южнорусскихъ былъ Кириллъ Лукарь, въ послѣдствіи возведенный въ санъ Патріарха Константинопольскаго.

Изъ первыхъ подвижниковъ князя Острожскаго, на книжномъ поприщѣ, достойны воспоминанія—подскарбій Герасимъ Даниловичъ Смотрицкій, написавшій предисловіе и стихи въ Острожской Библии, и пресвитеръ Василій, сочинитель книги О единой вѣрѣ и церкви.

При помощи этихъ и другихъ лицъ, князь Константинъ былъ самымъ ревностнымъ поборникомъ нашего просвѣщенія и православія въ тѣ печальныя времена, когда во всей юго-западной Руси возшумѣла гроза вѣрогоненія Польско-Римскаго. По этому книги, изданныя въ Острогѣ, при жизни святопамятнаго князя, имѣютъ важное значеніе въ исторіи Русскаго Просвѣщенія и Словесности.

Вотъ списокъ книгъ, напечатанныхъ въ типографіи Острожской.

1. Новый Завѣтъ съ псалтырью впереди. 1580. въ 8.
2. Библія. 1581. въ л.
3. Хронологія. 1581. въ л.
4. Листы Патріарха Іереміи. въ 1583. въ 4.
5. Діалогъ Патріарха Геннадія. 1583. въ 8.
6. О единой истинной Православной Вѣрѣ и Святой Соборной Апостольской Церкви 1588. въ 8.
7. Исновѣданіе о исхожденіи св. Духа. 1588 въ 8.
8. Книга Василя Великаго о постничествѣ. 1594. въ л.

9. Книга Іоанна Златоустаго Маргаритъ. 1596. въ л.
10. Апокрисисъ альбо отповѣдь на книжку о съборѣ Берестейскомъ. 1597. въ 4.
11. Отписъ на листъ въ Бозѣ велебнаго отца Ипатіа (Поцѣя). 1598. въ 4.
12. Листы Патріарха Мелетія къ Православнымъ. 1598. въ 8. (Девятое изъ числа сихъ десяти посланій писано княземъ Острожскимъ до Православныхъ христіанъ).
13. Псалтырь съ Часословомъ. 1598. въ 8.
14. Псалтырь съ возслѣдованіемъ. 1598. въ 8. (издана священ. Василиемъ.)
15. Часословъ. 1602 (у Погодина).
16. Молитвословъ (требникъ) 1606. въ 4.
17. Лѣкарство на оспалый умыслъ чловѣчій. 1607. въ 4. (издано свящ. Даміаномъ).

Въ 1608-мъ году 13-го Февраля скончался князь Константинъ Василій Константиновичъ, и погребенъ въ Острогѣ въ Замковой церкви (а не въ Кіевской Печерской, какъ воображалъ Путешественникъ по св. мѣстамъ Русскимъ, въ своемъ Кіевѣ, изданномъ въ Спб. 1844 и въ Кіевѣ 1846). Сынъ его Япушъ, Кастелянъ Краковскій хотя и отступилъ отъ Православія, но на первыхъ порахъ поддерживалъ еще учрежденія отцовскія. Его повелѣніемъ въ Острогѣ напечатанъ—

18. Часословъ, 1612. въ 8.

Послѣ того судьба Острожской типографіи становится почти неизвѣстною. Упоминается только неконченная книга Острожской печати:

19. Книга боговдохновенна Никона Черногорца. 1640. въ л.

Предложенный списокъ Острожскихъ книгъ можно дополнить еще нѣсколькими; но я ограничился только прибавкою Апокрисиса. Эта книга напечатана безъ означенія года и мѣста печати; но видно для всякаго, что она напечатана въ 1597 году. Невидно однако, почему Соликовъ при-

своиль изданіе Апокрисиса Вильпѣ, а сочиненіе Мелетію Смотрицкому. Между тѣмъ то и другое принято уже отличными книговѣдцами Русскими—сперва Кеппеномъ, потомъ Строевымъ, наконецъ и Епископомъ Филаретомъ (въ Ист. Рус. Церк. 1847); Востоковъ также признаетъ эту книгу напечатанною въ Вильнѣ. Но шрифтъ и форма Апокрисиса тѣ же, что и въ книгѣ Отписъ, напечатанной въ Острогѣ 1598 года *; а Виленскихъ изданій, въ тѣ годы, такого же прифта, неизвѣстно. Изъ этого уже видно, что Апокрисисъ принадлежитъ не къ Виленскимъ, а къ Острожскимъ изданіямъ. Такъ объ книгѣ Унія, изданной въ Вильнѣ 1595 года, по одному курсивному шрифту ея можно было Князю Оболенскому заключить, что она напечатана тамъ же, гдѣ и Литовскій Статутъ. Объ этой Уніи, какъ объ новости библиографической, извѣстилъ Строевъ (въ дополнительномъ описаніи стар. Слав. книгъ 1841 стр. 27), и сказалъ, что она «библиографамъ неизвѣстна.» Но Митрополитъ Евгеній еще въ 1825 году (въ Опис. Кіевософ. Соб. стр. 136) описалъ эту книжку обстоятельно. Такимъ же образомъ П. М. Строевъ, при описаніи Апокрисиса остановился на мнѣніи, что онъ сочиненъ Смотрицкимъ, упустивъ изъ виду другое извѣстіе, предложенное Митрополитомъ Евгеніемъ (въ Описаніи Кіевософ. Соб. на стр. 145 и 147), что Апокрисисъ сочиненъ Христофоромъ Бронскимъ. Это извѣстіе важнѣе Сониковскаго. Евгеній начиталъ его, безъ сомнѣнія, въ той книгѣ ученаго Уніата Стебельскаго на которую онъ часто ссылается въ Опис. Кіевософ. собора (стр. 120; 128 и друг.) Изъ Стебельскаго можно узнать, что Бронскій написалъ Апокрисисъ по порученію Князя Острожскаго, и за то въ награду получилъ отъ него маестность. Это изданіе Апокрисиса отъ Князя Острожскаго служить подтвержденіемъ, что онъ напечатанъ въ Острогѣ, гдѣ вслѣдъ за нею издана и другая

*) Въ Библіотекѣ Кіево-Михайловскаго монастыря подъ № 147, обѣ книги находятся переизданныя въ одномъ томѣ.

полемическая книга—Отпись.—Стебельскій называетъ Бронскаго аrianinomъ; но это названье, подъ перомъ Уніата значить не болѣе, какъ не-папистъ особливо въ приложеніи къ человѣку, написавшему такую дѣльную книгу противъ Уніи при самомъ ея началѣ, и притомъ изданную отъ лица всѣхъ Православныхъ, въ защиту Православія. Впрочемъ и то могло быть, то Бронскій принадлежалъ сперва къ какому нибудь изъ тогдашнихъ реформаторскихъ толковъ; но потомъ обратился на путь истинный (какъ это было на примѣръ, съ Ѳеодоромъ Бокѣемъ, который только временно увлекался бреднями новосмышленія, по выраженію Ки. Курбскаго, въ его посланіяхъ къ тому Бокѣю). Съ Мелетіемъ Смотрицкимъ случилось наоборотъ: послѣ долгой борьбы и потрясеній душевныхъ, онъ отступилъ отъ Православія и поступилъ въ Унію. Въ 1596 году Мелетій былъ еще молодъ для сочиненія книги столь важной по своему назначенію и достоинству. На полемическое поприще онъ выступилъ не ранѣе, какъ въ 1610 году, книгою *Ѳринось*, напечатанною въ Вильнѣ подъ псевдонимомъ *Ѳеофила Ореолога*, подобно тому, какъ *Апокрисисъ* изданъ подъ псевдонимомъ *Христофора Филялета*. Это могло подать поводъ Соникову къ тому, что онъ перемѣшалъ псевдонимы, и обѣ книги присвоилъ Смотрицкому и отнесъ къ Вильнѣ. А что эти псевдонимы удобно смѣшиваются, тому примѣръ и у Евгенія (на стр. 145): приводя *Апокрисисъ*, онъ вмѣсто *Филялета* называетъ *Ореодокса*.

2. Дермань.

Въ первые годы 17-го столѣтія, по волѣ Князя Острожскаго, производилось книгопечатаніе въ принадлежавшемъ ему Дерманскомъ Троицкомъ монастырѣ. Болѣе другихъ книгъ, тамъ изданныхъ, извѣстны:

1. Октоихъ, 1604 въ листъ. (Изданъ просвит. Даміаномъ).

2. Мелетія Патріарха Діалогъ о православной вѣрѣ. Напеч. вѣроятно въ Дермани, около 1603 къ 4-ку.

3. Мелетія Патріарха Листъ къ Ипатію (Поцѣю). 1605 въ 4.

3. Рохмановъ.

Въ этомъ Волинскомъ мѣстечкѣ, принадлежавшемъ Княгинѣ Иринѣ или Раннѣ Вишневецкой, урожденной Могилянкѣ, въ 1619-мъ году напечатали свои проповѣди знаменитый богословъ нашъ Кирилль Транквилионъ-Ставровецкій, подъ названіемъ; Евангеліе учительное, въ листъ. Одни экземпляры этой книги посвящены Княгинѣ Вишневецкой, другіе Кн. Юрію Черторыйскому, третьи Кн. Самуилу Корецкому. Грамотами Царя Михаила Феодоровича (1627 г.) повелѣно было это Евангеліе учительное и другія сочиненія Кирилловы повсемѣстно отбирать и предавать огню.

4. Четвертня.

Два инока Волинскаго Загоровскаго монастыря *, іеромонахъ Павелъ Домживъ Лютковичъ и іеродіаконъ Сильвестеръ, около 1618 года, снарядили себѣ перевозную типографію. Съ нею были они въ Червоной-Руси—въ деревнѣ Самборскаго округа Угорцахъ и тамъ напечатали нѣсколько книгъ (а именно: Изложеніе вѣры 1618, въ 4; Собраніе словесъ отъ Божественнаго писанія 1618 въ 4, Апостолъ и Евангеліе 1620, въ 8). Вскорѣ воротились они на Волинь; здѣсь, въ Четвертнѣ, у Князя Григорія Четвертенскаго, напечатали, двѣ книги:

1) Псалтырь. 1625 въ 8.

2) Часословъ. 1625 въ 8.

*) Загоровскій монастырь во имя Рождества Богородицы былъ основанъ и обстроенъ каменнымъ зданіемъ 1566 года, усердіемъ и иждивеніемъ Петра Богдановича Загоровскаго, Маршалка Волинскаго.

5. Луцкъ

Между тѣмъ учредилось въ 1617-году Луцкое Крестовоздвиженское Братство. Здѣсь также іеромонахъ Павелъ Мотковичъ-Гянца съ іеродіакономъ Сильвестромъ завели свою типографію. Изъ книгъ, напечатанныхъ въ ней, извѣстны только два надгробія:

1. Стефана Полумерковича—Епидикіонъ альбо върше жалобныя на погребеніе Василисы Яцковны 1628 въ 4.

2. Іеродіакна Давыда Андреевича—Ляментъ по пресвитерѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. 1628 въ 4.

Оба книгопечатника съ своею типографіею перебравшись потомъ въ Чорненскій монастырь (надъ Горыню, въ 8 верстахъ отъ Клевани, гдѣ нынѣ урочище Чорная). Тамъ настоятелемъ былъ сперва Павелъ а по смерти его Сильвестръ который въ 1635 году завѣщаль свою типографію Луцкому братству. Дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна.

6 Бременецъ.

Въ этомъ древнемъ городѣ производилось книгопечатаніе въ 1658 году. Изъ книгъ, тамъ напечатанныхъ извѣстны слѣдующія:

1. Грамматика или письменица языка Словенскаго. 1638 въ 8.

2. Синодъ, въ року 1638 въ церкви каедральной Луцкой отправованый. 1638 въ 4. (тетрадь въ 4 листка).

3. О мистиріяхъ или тайнахъ впосполитости. въ 4 (безъ особаго заглавнаго листка на 16 листкахъ).

Двѣ послѣднія книжки принадлежатъ Библіотекѣ К. К. Свидзинскаго (находившейся въ Киевской губерніи). По неизвѣстности ихъ въ Руской Библіографіи, помѣщу здѣсь полное заглавіе первой. «Синодъ, ведле звычайу, дорочнаго, отъ Е. М. въ Бозѣ превелебпаго Господина отца Аванасія Пузыши въ Козельска Епископа Луцкого и Острозкого благочестивого Сен-

теврѣа 26 року 1638, въ церкви кафедральной Луцкой храмѣ Святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова съ мнѡзствомъ духовенства православнаго Восточной святой церкви послушныхъ хотливе собраннаго, спокойне и набожнѣ отправованнѣй, и въ томъ же року въ Кремянци выдрукованный.» Къ этому Синоду принадлежить напечатанная вмѣстѣ съ нимъ книжка: О мистиріяхъ. Это сочиненіе Сильвестра Коссова, предложенное имъ извѣстно 1637 года Октября 18 на помѣстномъ Соборѣ Могилевскомъ. Въ 1653 году оно было напечатано вновь, въ Кутейнскомъ монастырѣ, подъ названіемъ: Дидаскалія альбо наука о седми сакраментяхъ. Тамъ сказано, что эта наука была уже прежде напечатана одинъ разъ,—только не сказано гдѣ именно. Вѣроятно то было Кременецкое изданіе 1638 года. Это изданіе было второе; а первое печатное было въ Кутейнѣ, р. 1637 авв. 17 (у Большакова).

7. Почаевъ.

Всѣ вышеозначенныя типографіи на Волыни прекратили свое бытіе и дѣйствіе еще въ первой половинѣ 17-го столѣтія. Послѣ того на Волыни была только одна Славяноруская типографія—Почаевская.

Начало книгопечатанія въ Почаевѣ положено еще въ 1618-мъ году Кирилломъ Транквилліономъ-Ставровецкимъ, который тамъ напечаталъ сочиненіе свое—

1. Зерцало Богословія. 1618. въ 4.—Одни экземпляры этой книги посвящены Лаврентію Древинскому (который въ старомъ помянникѣ Луцкаго Братства названъ «Столпомъ Восточнаго Православія»); а другіе Князю Александру Пузынѣ.

2. Около того же года въ Почаевѣ (какъ полагаютъ) напечатано Слово Максима Грека на Латиновъ, въ 4.

Извѣстны сомнѣнія о напечатаніи этихъ книгъ въ Почаевѣ въ означенномъ году. Сомнѣваются также дѣйствительно ли существуетъ—

3. Служебникъ, напечат. въ Почаевѣ, 1655 года.

Возобновлена типографія въ Почаевѣ 1730 года. Изъ первыхъ книгъ ея извѣстна—

4. Гора Почаевска. 1742. въ 4.

Въ сочиненіи Зубрацкаго ¹⁾ поминаются слѣдующія три:
5. Псалтырь, 1750. 6. Часословъ, 1750. 7. Богословіе Правоучительное 1751.

Послѣ того изданы были въ Почаевѣ слѣдующія книги:

8. Молитвословъ. 1755. въ 8.

9. Катихизисъ. 1756. въ 4.

10. Образъ примиренія. 1756. въ 4.

11. Богословіе Правоучительное. 1756. въ 4.

12. Минеи Четы. 1761. въ л.

13. Народовѣщаніе. 1768. въ 4.

14. Слово о соединеніи между Восточною и Западною церковію, еписк. Михайла Олшанскаго. 1769. въ 4.

15. Канонъ Богородицѣ. 1774. въ 4.

16. Енхиридіонъ. 1775. въ 8.

17. Богословіе Правоучительное. 1775. въ 4.

18. Трефологіонъ. 1777. въ л.

19. Дорофея Аввы поученія. 1778. въ 4.

20. Псалмы Пророка Давида. 1779. въ 8.

21. Евангеліе. 1780. въ л.

22. О артикулахъ Вѣры наука. 1785. въ 8.

23. Канонникъ. 1783. въ 4.

24. О Христіанскомъ житіи. 1683. въ 4.

25. Тріодъ Постная. 1784. въ л.

26. Апостоль толковый. 1784. въ л.

27. Тріодъ Цвѣтная. 1786. въ л.

28. Требникъ. 1786 въ 4.

29. Соборникъ. 1787. въ л.

¹⁾ *Historyczne Badania o drukarniach Ruskosłowianskich w Galicyi. Lwow. 1880.*
Сокращенный перевод на Русскомъ языкѣ помѣщенъ въ *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1838. Кн. 9.

30. Богословіе правоучительное. 1787. въ 4.
31. Бесѣды парохіальныя. 1789. въ 8.
32. Гора Почаевская. 1793. въ 4.
33. Акаѳисты. 1793. въ 8.
34. Канонникъ. 1793. въ 8.
35. Богословіе правоучительное. 1793. въ 4.
36. Книга Ниѳана Черногорца. 1795. въ л.
37. Акаѳисты. 1798. въ 4.
38. Псалмы Пророка Давида. 1798. въ 8.
39. Библія. 1798. въ л.

Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ списокъ Почаевскихъ книгъ прошлаго столѣтія можетъ пополниться еще значительно; но иныя изъ нихъ, изданныя старообрядцами, можетъ быть носить на себѣ только имя Почаева; а напечатаны не здѣсь. Библиографической наблюдательности есть надѣ чѣмъ поработать.

Г Л А В А III.

Книгопечатаніе въ Червоной Руси.

Началось во Львовѣ, 1573 года, въ типографіи Ивана Федорова Москвитина, которая послужила потомъ основаніемъ для типографіи Братской. Кромѣ того во Львовѣ (съ 1635-го по 1701-й годъ) было еще нѣсколько типографій, начиная съ друкарни знаменитаго Михайла Слѣзки. Но еще прежде этихъ послѣднихъ (именно съ 1604-го по 1635-й годъ) являлось кратковременно книгопечатаніе въ другихъ четырехъ мѣстахъ Червоной Руси—въ Стратинѣ, Крилосѣ, Угорцахъ, Долгомъ-Полѣ; а въ 1670 году учредилась типографія Уневская, продолжавшаяся около 80 лѣтъ. Напечатано во всѣхъ этихъ Червонорусскихъ Типографіяхъ, съ 1573 по 1800-ый годъ, вдвое больше чѣмъ на Во-

льни ¹⁾, именно 150 изданій, изъ которыхъ только третья часть вышла не изъ Братской типографіи, донинѣ существующей подъ именемъ Ставропигіальной.

а) КНИГОПЕЧАТАНИЕ ВЪ ЛЬВОВѢ.

1 Типографія Ивана Ѳедоровича.

Эта родоначальница Южнорусскихъ типографій, какъ уже сказано (гл. II. ст. 1), прекратила свои дѣйствія при переѣздѣ хозяина своего изъ Львова въ Острогъ. Напечатаны въ ней были, сколько понынѣ извѣстно, только двѣ книги:

1. Апостолъ. 1574 въ л.

2. Апостолъ около 1576 въ л.—При всемъ сходствѣ этого изданія съ первымъ, оно разнится и наборомъ текста, и рѣзною картиною Евангелиста Луки. При концѣ книги приложенъ листъ Привилей, данный отъ Князя К. К. Острожскаго и его подскарбія Герасима Даниловича. Не этого ли изданія Апостола «140 книгъ», вмѣстѣ съ типографскими

¹⁾ Общій итогъ *Волынскихъ* типографій и изданій, по нынѣшнему объ нихъ извѣстію, будетъ такой:

а) Типографіи:	б) Изданій:	Червононорускихъ Типографій:	Изданій:
1. Въ Острогѣ	22.	а) Во Львовѣ:	
2. — Дермани	3.	1. Ивана Ѳедорова	2.
3. — Рохмановъ.	1.	2. Братская	до 100.
4. — Четвертъ	2.	3. Михайль Слѣзки	17.
5. — Луцкъ	3.	4. Еписк. Арсенія Желиборскаго	2.
6. — Чорной.	1.	5. Еписк. Юсефа Шумлянскаго	2.
7. — Кременецъ.	3.		
8. — Почаевъ	40.		
	75.		
<i>Червононоруск. Типографій:</i>		<i>Изданій:</i>	
6. Войцеха Мальчевскаго.	1.	10. Въ Угорцахъ.	3.
7. Юрьевского монастыря.	1.	11. — Уневъ	18.
б) Въ другихъ мѣстахъ:		12. — Долгомъ-Полъ	1.
8. Въ Стритинѣ	2.		
9. — Крилось.	1.		

150.

Не сомнѣваюсь, что къ этому числу библиографія не замедлитъ прибавить еще нѣсколько изданій Львовскихъ Уневскихъ.

снарядами, знаменитый Москвитинъ заложилъ Львовскому жиду Израилю Якубовичу за 411 злотыхъ, при переѣздѣ къ князю Острожскому?... По смерти Ивана Ѳедорова, Израиль предъявилъ этотъ залогъ и требовалъ за него 1500 злотыхъ... Львовское Братство заплатило жиду эти деньги, собравъ ихъ по міру, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Такъ началась знаменитая—

2. Братская типографія.

Вмѣстѣ съ нею началось, 1586 года, Львовское Братское училище, котораго учителя и ученики были главными дѣятелями книжной старины Червонорусской. Къ началу 17 вѣка это училище успѣло доставить и для цѣлой Южной Руси многихъ достойныхъ книжныхъ людей, каковы на примѣръ: Стефанъ Зизаній, Кирилъ Транквиліонъ-Ставровецкій, Іоаннъ (въ монашествѣ Іовъ) Борецкій, Памва Берында, Гавріилъ Дорошеевичъ. Но главнымъ первымъ подвижникомъ просвѣщенія въ Галицкой Руси былъ достопамятный Епископъ Гедеонъ Балобанъ, скончавшійся 1607 года.

Исторію книгопечатанія въ Братской типографіи можно раздѣлить на три періода. Но не вдаваясь въ историческія подробности каждаго изъ нихъ, я предложу только списокъ книгъ, изданныхъ Леополитанами, которые, можно сказать, горю стояли всегда за свою друкарню, стараясь добыть ей исключительность на право книгопечатанія.

а) Періодъ первый—отъ начала Братской типографіи до пожара ея въ 1628 году. Изданій, вышедшихъ въ продолженіе этихъ первыхъ 37 лѣтъ ея бытія, извѣстно нынѣ только 12. (Современемъ, вѣроятно, это число увеличится Библиографіей).

1. Грамматика доброглаголиваго Елино-Словенскаго языка 1591 въ 8.
2. Привѣтъ Куръ Михаилу Митрополиту Кіевскому и Галицкому (въ стихахъ и прозѣ). 1591, въ 4.

3. Посланіе Патріарха Іереміи и Собора Берестейскаго. 1591, въ л.
4. Мелетія Патріарха отвѣтъ къ Іудеомъ о христіанскомъ благочестіи. 1593, въ 8.
5. Октоихъ. 1601 въ 4.
6. Часословець. 1608 въ 8.
7. Псалтирь. 1608 въ 4.
8. Іоанна Златоустаго книга о Священствѣ. 1614 въ 4—(Печатана Памвою Берындюю, на издвигненіи Александра Балобана ¹⁾).
9. Псалтырь. 1615 въ 4.
10. Плачь албо Ляментъ по зестю зъ свѣта сего Григорія Желиборскаго. 1615 въ 4. (въ стихахъ ²⁾).
11. Вѣршѣ на Рождество Христова. 1616 въ 4. (Изданы Памвою Берындюю).
12. Псалтырь. 1622 въ 4. (Катал. Шир. № 45).
- б) Періодъ второй—отъ возобновленія типографіи, до 1708 года.
13. Октоихъ. 1630 въ л.
14. Вѣршѣ съ Трагедіи Григорія Богослова. 1630 въ 4.
15. Размышленіе о Муцѣ Христа Спасителя. (Въ стихахъ, іеромонаха Іоанникія Волковича) 1631 въ 4.
16. Анеологіонъ. 1632 въ л.

¹⁾ Не въ этомъ-ли году былъ напечатанъ и «Соборъ въ Богоспасаемомъ градѣ Вильнѣ, бывшій 1509 года 18 Генваря»? (Сопик. № 1394).

²⁾ Экземпляръ этого первенчатнаго Плача есть въ Библіотекѣ К. К. Свидзинскаго. Въ той же Библіотекѣ, изобильной рѣдкостями Западно-рускаго и Польскаго книгопечатанія, есть еще одинъ Плачь, неизвѣстный въ Русской Библіографіи: «ЛЯМЕНТЬ у свѣта убоихъ на жалосное преставленіе святобливого а въ обои добродѣтели богатога мужа въ бозѣ велебного іоснодина отца Леонтія Карповича Архимандрита общица обители при цркви Сочествія Святого Духа братства церковного Віленскаго Прав. Греч. въ Вильнѣ въ друкарни Братской. 1620 въ 4. (въ стихахъ). Надъ этимъ плачемъ, безъ сомнѣнія, потрудилась, хотя отчасти, рука Мелетія Смотрицкаго.

17. Псалтырь. 1634 въ 4.—(Печатанъ М. Слѣзкою).
18. Евангеліе. 1636 въ л.
19. Часословець. 1636 въ 4.
20. Требникъ. 1637 въ 4.
21. Анеологіонъ. 1638 въ л.
22. Псалтырь. 1639 въ л.
23. Октоихъ. 1639 въ л.
24. О тайнахъ церковныхъ. 1640 въ 4.
25. Октоихъ. 1631 въ л.
26. Анеологіонъ. 1641 въ л. (печат. А. Скольскимъ).
27. Часословъ. 1642 въ 4.
28. Анеологіонъ. 1643 въ л.
29. Евангеліе. 1644 въ л. (печат. М. Слѣзкою).
30. Октоихъ. 1644 въ л.
31. Требникъ. 1644 въ 8. (печат. М. Слѣзкою).
32. Анеологіонъ. 1651 въ л.
33. Тріодъ постная. 1664 въ л. (печат. Симеономъ Ставницкимъ).
34. Тріодъ цвѣтная. 1664 въ л.
35. Псалтырь. 1665 въ 4. (Издание 6-е).
36. Апостолъ. 1666 въ л.
37. Служебникъ. 1666 въ 4.
38. Часословъ. 1668 въ 4.
39. Требникъ. 1668 въ 4.
40. Часословець. 1669 въ 8.
41. Евангеліе. 1670 въ л.
42. Ирмологъ и Шестодневникъ. 1670 въ 4.
43. Уставъ молитвъ. 1670 въ 12.
44. Букварь. 1671 въ 8.
45. Псалтырь на Валахскомъ языкѣ. 1671.
46. Октоихъ. 1671 въ 4.
47. Псалтырь. 1678 въ 4.
48. Служебникъ. 1680 въ л.
49. Требникъ. 1682 въ 4.
50. Тріодъ цвѣтная. 1686 въ л.
51. Псалтырь. 1687 въ 12.
52. Псалтырь съ возслѣдованіемъ. 1687 въ 8.

53. Тріодь постная. 1688 въ л.
 54. Тріодь цвѣтная. 1688 въ л.
 55. Часословець. 1688 въ 8.
 56. Шестодневникъ. 1688 въ 8.
 57. Псалтырь. 1688 въ 4.
 58. Требникъ. 1688 въ 4.
 59. Евангеліе. 1690 въ л.
 60. Служебникъ. 1691 въ л.
 61. Олоріонъ съ мѣсяцословомъ. 1692 въ 4.
 62. Псалтырь. 1692 въ л.
 63. Букварь. 1692 въ 8.
 64. Анеологіонъ. 1694 въ л.
 65. Требникъ. 1695 въ 4.
 66. Апостолъ. 1696 въ л.
 67. Псалтырь. 1699 въ 4.
 68. Тріодь постная. 1699 въ л.
 69. Акаѳисты. 1699 въ 4.
 70. Октоихъ. 1700 въ л.
 71. Молитвословъ. 1704 въ 61.
 72. Служебникъ. 1702 въ 4.
 73. Псалтырь. 1703 въ 4.
 74. Псалтырь. 1704 въ 12.
- в) Періодъ третій—отъ принятія (въ 1708 году) Львовскимъ братствомъ Уніи, къ чему главнымъ иводомъ были виды книгопечатанія и книгопродавства), по 1800-й г. полагаемый предѣломъ книжной старины.
75. Служебникъ. 1712 въ л.
 76. Тріодь постная. 1717 въ л.
 77. Требникъ, около 1722 въ 4.
 78. Псалтырь. 1722 въ 4¹⁾.

¹⁾ Въ бывшемъ у меня экземплярѣ недостаетъ заглавнаго листа; но время изданія видно уже изъ того, что оно «по благословенію Еписк. Афанасія Шептицкаго». Напечатано оно сходно съ изданіемъ 1695 г., съ тѣми же заставочными картинками; на 429 л., за которыми слѣдуютъ еще *сборникъ и омавленіе*.

79. Ирмологъ. 1725 въ 8.
80. Часословъ. 1726 въ 4.
81. Октоихъ. 1730. въ л.
82. Тріодъ цвѣтная. 1730 въ л.
83. Евангеліе. 1736 въ л.
84. Акаѳисты. 1742 въ 4.
85. Благоутробіе Марка Аврелія, изд. проф. Козанскаго—1745 въ л.
86. Философія Аристотелева, по умствованію перипитатиковъ издана Кіевск. Проф. Михаломъ Козачинскимъ. 1745 въ л. (Посвящ. Графу А. Г. Разумовскому).
87. Тріодъ цвѣтная. 1746 въ л.
88. Богословія правоучительная. 1752 въ 8.
89. Иѳека іерополитика. 1760 въ 12.
90. Богословія правоучительная (Изд. 2). 1760 въ 8.
91. Требникъ. 1761 въ 4.
92. Октоихъ. 1765 въ л.
93. Полууставъ. 1768 въ 8.
94. Апостоль. 1772 въ л.
95. Служебникъ. 1780 въ л.
96. Катихизисъ. 1786 въ 8.
97. Исторія церковная Даннемайера (переводъ съ Латинск. 2 ч.). 1790 въ 8.
98. Философія Баумейстера (Перев. съ Латинск.). 1790 въ 8.
99. Соборникъ. 1793 въ л.
100. Мартирологіонъ. 1793 въ 4.

3. Типографія Михаила Слѣзки.

Михайло Слѣзка, родомъ изъ Литвы, работалъ сначала въ Типографіи Львовскаго братства, котораго онъ былъ Членомъ; потомъ содержалъ собственную типографію. За неисправную перепечатку Кіевскаго Катихизиса, Петръ Могила отлучилъ его отъ церкви, въ каковомъ отлученіи Слѣз-

ка и умре, въ 1667 году; и уже Митрополитъ Антоній Винницкій разрѣшилъ схоронить у приходской церкви тѣло его, лежавшее двѣ недѣли безъ погребенія.—Вотъ книги, вышедшія изъ его Типографіи.

1. Апостолъ. 1636 въ л.
2. Служебникъ. 1637 въ 4.
3. Апостолъ. 1639 въ л.
4. Часословець. 1640 въ 4.
5. Октоихъ. 1640 въ 4.
6. Молитвословъ. 1642 въ 16.
7. Тріодъ постная. 1642 въ л.
8. Тріодъ цвѣтная. 1642 въ л.
9. Поученіе святительское къ іерою. 1642 въ 4.
10. Служебникъ. 1646 въ 4. (отъ Еписк. Арсенія Желиборскаго).
11. Номоканонъ. 1646 въ 4. (отъ того же Епископа).
12. Катихизисъ. 1646 въ 4. (съ Кіевскаго изданія 1645).
13. Апостолъ. 1654 въ л.
14. Ключъ разумѣнія, сочин. Іоанникія Галлятовскаго. 1663 въ л. (посвящено Слѣзкою Еп. Гедону князю Четвертенскому).
15. Тріодъ постная. 1664 въ л.
16. Ключъ разумѣнія. 1665 въ л. (это изданіе посвящено самимъ Галлятовскимъ Е-пу Аванасію Желиборскому).
17. Небо новое съ новыми звѣздами.—соч. І. Галлятовскаго. 1665 въ л.

4. Типографія епископа Арсенія Желиборскаго.

Андрей Скольскій, уроженецъ Львовскій, обучась книгопечатному искусству въ Братской типографіи, работалъ въ Молдавіи; воротаясь оттуда печаталъ въ типографіи Слѣзкиной собственными буквами (1638—40); потомъ поступилъ

въ новоучрежденную Епископскую типографію, и въ ней напечаталъ двѣ книги:

1. Требникъ. 1645 въ 4.
2. Зобранье короткой науки о артикулахъ вѣры (т. е. катихизисъ), 1646 въ 12.

5 Типографія епископа Іосифа Шумлянскаго.

Тутъ книгопечатникомъ былъ Василій Ставницкій; напечатаны двѣ книги:

1. Метрика албо реестръ для порядку церкви святой. 1687 въ 4.
2. Псалтырь. 1688 въ 4.

6. Типографія Войцеха Мальчевскаго.

Воспрещенная по прошенію Львовскаго Братства, она успѣла выдать только:

- Букварь. 1690 въ 8.

7. Типографія монастыря Юрьевскаго.

Извѣстна изданіемъ Ирмолога; въ листъ, 1700 года, — примѣчательнаго тѣмъ, что онъ напечатанъ съ нотами. Печатникомъ былъ Іосифъ Городецкій. (Предисловіе написано игуменомъ Іосифомъ Скольскимъ).

б) КНИГОПЕЧАТАНИЕ ВЪ ДРУГИХЪ МѢСТАХЪ ЧЕРВОНОЙ РУСИ.

8. Стратинъ.

Въ этомъ мѣстѣ Бережанскаго округа, тогдашній владѣлецъ его Ѳедоръ Юрьевичъ Балобанъ, вмѣстѣ съ дядею своимъ Епископомъ Гедеономъ, учредилъ типографію, въ которой напечатаны двѣ книги:

1. Служебникъ. 1604 въ 4.

2. Требникъ. 1606 въ 4.

Еще до выхода въ Свѣтъ Требника, скончался Федоръ Балобанъ (24 Мая 1606 г.); и его превосходная типографія, послѣ 9-лѣтняго бездѣйствія, перешла въ Кіевопечерскую Лавру.

9. Крилось.

Крилось подь Галичемъ, памятный въ исторіи Руской письменности Евангелиемъ 12-го вѣка, въ исторіи книгопочатанія извѣстенъ изданіемъ книги:

Евангеліе учительное. 1606 въ 4

10. Угорцы.

Въ этой деревнѣ Самборскаго округа работали, на своей перевозной типографіи, два Волынскихъ инока, Іеромонахъ Павелъ Домживъ-Лютковичъ и Іеродіаконъ Сильвестръ, и напечатали тамъ три книги:

1. Изложеніе вѣры. 1618 въ 4.

2. Собраніе словесъ отъ Божественнаго писанія. 1618 въ 4.

3. Апостолы и Евангелія. 1620 въ 8.

Объ этихъ двухъ инокахъ Загоровскаго монастыря было говорено уже въ 2-й главѣ Книжной старины ¹⁾, подь статьею: ЧЕТВЕРТНЯ.

¹⁾ Тамъ же, подь статьею *Луцкъ*, говорено было объ инокахъ Луцкаго братскаго монастыря, тоже *Павль* и *Сильвестръ*, которые, находясь въ томъ монастырѣ, учредили свою типографію и печатали въ Луцкѣ 1628 года; послѣ чего переселились они на Горынь въ деревню *Черную*, гдѣ учредили Черненскій монастырь (издивеніемъ Адама Урсула-Рудецкаго) и гдѣ ихъ типографія находилась съ 1629 до 1635 года.

Изъ *Оглавленія книгъ*, сочиненнаго въ исходѣ 17 вѣка (*Сильвестромъ Медведевымъ*, какъ доказалъ г. Ундольскій, въ *Чтеніяхъ* 1846 № 3, а не *Полкарповымъ*, какъ думали мы прежде, по предположенію *Калайдовичи*) стало извѣстно что тамъ въ *Черной*, въ *друкарни* того іеромонаха *Павла* напечатана книга: *Діалогъ або размова человека хорою або умирающою съ душою*,

11. Уневъ.

Въ Уневскомъ Успенскомъ монастырѣ (въ округѣ Золочевскомъ) около 1670 года, игуменъ Варлаамъ Шептицкій, учредилъ типографію, въ которой первымъ печатникомъ былъ Симеонъ Ставницкій, и которая продолжалась, хотя и постоянно, до половины прошлаго столѣтія. Изъ книгъ, напечатанныхъ въ ней, извѣстны слѣдующія:

1. Выкладъ о церкви святой. 1670 въ 4.
2. Псалтырь. 1678 въ 4.
3. Часословъ. 1681 въ 4.
4. Акаѳисты. 1683 въ 12.
5. Катихизисъ. 1685 въ 8.
- *6. Часословъ. 1689 въ 32.
7. Зерцало Богословіи (Кирил. Тр. Ставр.). 1692 въ 4.
- *8. Псалтырь. 1692 въ 16.
9. Сборникъ дванадесяти мѣсяцемъ. 1693 въ 12.
10. Псалтырь. 1693 въ 4.
11. Собраніе изъ разныхъ божественныхъ книгъ. 1694 въ 12.
12. Евангеліе Учительное (Кирил. Тр. Ставр.). 1696 въ л.

1629, въ 4.—(И на этой книгѣ, также какъ на изданныхъ въ Луцкѣ 1628 г. означено только имя *Павла*; но въ завѣщаніи его товарища *Сильвестра*, писанномъ 1635 г., о которомъ я извѣстилъ еще во 2 книгѣ *Кіевлянина*, въ статьѣ «о Памятникахъ Луцкаго Братства»,—въ томъ завѣщаніи *Павелъ* названъ *Мотковичемъ-Гянцєю*). Послѣ 1635 года типографія эта досталась въ даръ Луцкому Братству. «Дальнѣйшая судьба ея неизвѣстна», сказалъ я во 2 главѣ «Книжной старины». Но теперь, изъ «Обозрѣнія Славянорусской Библиографіи», изданнаго въ 1849 году г. Сахаровымъ, стало извѣстно, что въ типографіи той, въ Луцкомъ Братскомъ монастырѣ, производилось книгопечатаніе, и напечатана была книга «*Апостолы и Евангелія*» 1640, въ 4. Экземпляръ этой библиографической рѣдкости (означенной въ *Обозрѣніи Сахарова* подъ № 388) находится въ библиотекѣ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

*13. Зерцало Богословіи. 1696 въ 4 ч).

*14. Молитвословъ повседневыи. 1696 оъ 12.

15. Букварь. 1698 въ 8.

16. 17. 18. Служебникъ. 1733. 1740. 1747. въ л.

12. Долгое-поле.

Наконецъ, въ предѣлахъ Червоной-Руси, именно въ Буковинѣ, въ пограничномъ городѣ Долгомъ-Полѣ. (по Волошкии Кимполунгъ), гдѣ былъ въ 17 вѣкѣ и православный монастырь ²⁾, появлялось книгопечатаніе въ 1635 году. Тамъ въ этомъ году, Кіевскій книгопечатникъ Тимофѣй Александровичъ Вер.; въ своей перевозной типографіи, напечаталъ въ 4-ку Евхологіонъ или Молитвословъ, повелѣніемъ и иждивеніемъ воеводы Угровлахійскаго Го Матея Бесараба. Объ этой книгѣ (по экземпляру ея, находящемуся во Львовской Ставропигіальной библіотекѣ) первый извѣстилъ Денисъ Зубрицкій въ книжкѣ своей *Historyczne Badania*, 1836.

Г Л А В А IV.

О библіотекѣ И. Я. Лукашевича.

Переходя къ обзорѣнню книгопечатанія на берегахъ Днѣпра и Десны, я хочу сказать нѣсколько словъ о библіотекѣ Малороссійскаго помѣщика Ивана Яковлевича Лу-

¹⁾ Судя по экземпляру, видѣнному мною въ библіотекѣ Лукашенича, это изданіе 1692 г. только съ напечатаннымъ вновь заглавнымъ листомъ.

²⁾ Мимоходомъ вспомяну, что въ *запискахъ* Кіевскаго Митрополита Гедеона Князя Четвертенскаго, 1690 г., напечатанномъ въ *прибавленіяхъ* къ *Описан. Соф. Соб.* (стр. 117), читаемъ: «до монастыра Скитскаго на покутѣ (*на углу*) золотыхъ двѣствъ». Тутъ Издатель напрасно включилъ для объясненія: «на углу». Выраженія «на Покутѣ» означаетъ не нарицательное имя *Покутѣ*; Но собственное имя страны: *Покуте* или *Покуте*—(Буковина).

кашевича, находящейся нынѣ въ его селѣ Коновѣ, Пирятинскаго уѣзда. Я видѣлъ ее въ Юнѣ сего 1849 года, и думаю, что это первая библіотека въ южной Руси, по множеству Русскихъ книгъ гражданской печати, изданныхъ въ прошломъ столѣтіи, и особенно по богатству старопечатныхъ книгъ Славянскихъ. Съ большимъ трудомъ, иждивеніемъ и знаніемъ дѣла, Г. Лукашевичъ успѣлъ уже собрать почти всѣ тѣ книги, которыя считаются основными и капитальными въ нашей Славянорусской библіографіи, начиная съ Часослова и Тріоди постной, напечатанныхъ въ Краковѣ 1491 года, Гуттенбергомъ нашимъ Фѣлемъ, до книгъ, изданныхъ въ Яссахъ, 1791 года повелѣніемъ Великаго Гетмана козацкихъ войскъ Князя Потемкина-Таврическаго. Число книгъ Славянской печати въ Лукашевичевой библіотекѣ простирается уже за тысячу, и большая часть ихъ въ хорошихъ и полныхъ экземплярахъ. Венеціанскихъ изданій я видѣлъ здѣсь до десяти, въ томъ числѣ Псалтирь съ Часословомъ 1519 г. и Сборникъ 1538 г. Книги, напечатанныя Иваномъ Ѳедоровымъ въ Москвѣ, Заблудовѣ, Львовѣ и Острогѣ, собраны всѣ, кажется (исключая развѣ листъ Хронологіи, 1581 г.). Московскихъ изданій, вышедшихъ до 1650 года, считается уже полтора ста ¹⁾.

По краткости времени и потому что библіотека еще не приведена въ порядокъ, я не успѣлъ разсмотрѣть всего, что стоитъ въ ней подробнаго разсмотрѣнія. Между тѣмъ не могу не сказать здѣсь объ нѣкоторыхъ библіографическихъ рѣдкостяхъ, показанныхъ мнѣ любознательнымъ владѣльцемъ и собирателемъ библіотеки.

1) Молитвословъ Долгопольскаго изданія, о которомъ сказано выше. Объ немъ было извѣстно доселѣ по одному Львовскому экземпляру. Сахаровъ, въ своемъ Обзорѣніи (на стр. 105) говоритъ, что этого изданія «доселѣ невидно въ Русскихъ библіотекахъ».

¹⁾ Всѣхъ Московскихъ изданій, съ 1564, извѣстно теперь по каталогамъ 223; но они не собраны ни въ одной библіотекѣ, и многихъ нѣтъ теперь ни въ одной изъ извѣстныхъ библіотекъ.

2) Назову книгу еще одного Киевскаго печатника, Спиридона Соболя, которую онъ напечаталъ, можетъ быть, первую по переѣздѣ въ монастырь Кутейнскій: это Брашна духовное, въ 4-ку, изданное 1630 или слѣдующаго года (1630 годъ выставленъ нѣсколько разъ въ Пасхалии; а заглавный листъ утраченъ). Книга напечатана тѣми же буквами и съ тѣми же заставками, какія видимъ въ Киевскомъ Апостолѣ, Соболевскаго изданія (1630 г.). Объ этомъ первомъ изданіи Брашна неизвѣстно еще въ Руской библиографіи. Знали только о второмъ, и то очень рѣдкомъ изданіи, 1639 года, которое также есть у Лукашевича (съ Пасхалией 1637 года).

3) Въ числѣ Острожскихъ изданій я видѣлъ здѣсь Служебникъ въ 4-ку, никѣмъ еще не описанный. За утратою заглавнаго листа годъ печати не видѣнъ; но Лукашевичъ, судя по шрифту уже испечатанному, основательно полагаетъ, что это одна изъ послѣднихъ книгъ Острожской печати, около 1612 года.

4) Изъ Угровлахійскихъ изданій примѣчательна Псалтырь съ Часословомъ, напечатанная іеромонахомъ Стефаномъ Охридскимъ, 1638 года, въ 4-ку (вждивеніемъ воеводы Іо Матѳея Бесараба). Объ этомъ второмъ изданіи также неизвѣстно доселѣ въ Руской Библиографіи (а первое изданіе, напечатанное 1637 года, іеромонахомъ Мелетіемъ Македонскимъ, въ 4-ку, описано въ Катал. Ширяева подъ № 74).

6) Но еще примѣчательнѣе Евангеліе, которое Добровскій, по извѣстію отъ Рыбая, относилъ къ концу 15-го вѣка. Экземпляръ этого Евангелія находился тогда въ Мункачевской, нынѣ Унгварской библиотекѣ (Карпаторуской). Ссылаясь на Добровскаго, говорили объ этомъ изданіи и Кенпенъ (въ Библиогр. Лист. 1825 № 16) и Шафарикъ (въ 1842 г.), но говорили сомнительно; ибо никто изъ библиографовъ не видѣлъ его собственными глазами. Къ сожалѣнію и въ Лукашевичевомъ экземплярѣ, также какъ въ Мункачевскомъ, утраченъ послѣдній листъ, на которомъ должны быть напечатаны послѣднія строки послѣсловія: потому годъ изда-

нія и имя печатника остаются въ неизвѣстности. Но имѣя передъ собою самую книгу, можно сказать навѣрное, что сіе (такъ называемое Брашевское) Евангеліе есть также Угровлахійское, какъ и напечатанное 1512 года (такъ называемое Терговицское). Притомъ оно древнѣе, и вѣроятно есть первопечатное Евангеліе, съ котораго уже печаталось это второе, изданное 1512 года, іеромонахомъ Макаріемъ, неизвѣстно гдѣ именно, но вѣроятно тамъ же гдѣ и первое (быть можетъ и въ Терговицѣ). Первое изданіе служило образцомъ для втораго, въ которомъ помѣщены тѣ самыя широкія, узловатыя заставки, съ Угровлахійскимъ гербомъ, при началѣ cadaго изъ четырехъ Евангелій. Видно также, что и фигурныя большія буквы, которыми печаталось первое изданіе, послужили потомъ на второе. Но въ строчныхъ буквахъ есть уже отмѣны; первая та, что буквы перваго изданія вообще гораздо грубѣе; а другая отмѣна въ начертаніи буквъ червя и мыслѣте, которыя въ первомъ изданіи Ч и М, а во второмъ У и М. Тѣмъ и другимъ подтверждается старшинство перваго изданія напечатаннаго въ такой же листъ, какъ и второе; но число листовъ въ немъ меньше: всего 250 (а что бы сказать болѣе обстоятельно, можно прибавить: 31 тетрадь и 2 листа 32-й тетради; помѣта по тетрадямъ внизу; помѣты по листамъ и переносовъ съ страницы на страницу нѣтъ). Напечатано оно сходно съ Угровлахійскимъ рукописнымъ Евангеліемъ половины 15-го вѣка, какое видѣлъ я и сравнивалъ въ библіотекѣ Лукашевича. Макарій печатая второе изданіе, держался въ правописи Евангелія первопечатнаго ¹⁾, впрочемъ не выдержалъ вполнѣ;

¹ Для образца правописи этого Евангелія приложу слѣдующію выписку:

Къ науало бѣ слово. и слово бѣ къ бѣ. и бѣ бѣ слово. се бѣ искони къ бѣ. Вѣстъ тѣмъ выша и безднего ннугеже въ еже бѣ. къ томъ животъ бѣ. и животъ свѣтъ уѣмѣ. и свѣтъ къ тѣмъ свѣтитсѣ. и тѣма его не облятъ. Бысть уѣмъ послани ѿ ба нма смѣ юданнѣ. съ прінде къ свѣдѣтельство да свѣдѣтельствуетъ о свѣтѣ да всѣи вѣрж имѣтъ нмѣ не бѣтъ свѣтъ нѣ да свѣтѣстуетъ о свѣтѣ.

да и послѣ словіе онъ помѣстилъ то самое, только съ перемѣною имени повелителя. Въ первомъ изданіи оно читается такъ: „сего ради и азъ журанъ ханъкъ вѣгнеръ ѿ вранскъ: възрочинахъ поспѣшеніемъ стого дѣла и моговѣе еже бѣтъкннми и стѣнми іркамъ и написхъ сіа,..." Очевидно, что городъ Брашевъ былъ родиною Бѣгнера; но невидно, чтобы онъ былъ и мѣстомъ изданія книги; потому Евангелію этому справедливѣе называться— Бѣгнеровымъ, по примѣру «Остромірова.» И пока не найдется послѣдній (250-й) листъ могущій показать на годъ изданія, будемъ держаться весьма вѣроятнаго мнѣнія Добровскаго, что оно напечатано въ концѣ 15-го вѣка. При этомъ невольно вспоминается то, что говорилъ Сопиковъ объ Евангеліи, описанномъ у него подъ № 274-мъ, по экземпляру, бывшему въ библиотекѣ Баузе. Чуть ли оно не одно съ Евангеліемъ Бѣгнеровымъ, и едвали оно можетъ быть приурочено къ Бѣлградскому Евангелію 1552 года. Впрочемъ предоставляя рѣшеніе этого вопроса книговѣдцамъ Московскимъ, обратимся къ книгопечатанію въ городахъ Малороссійскихъ: Кіевѣ, Черниговѣ и Новгородѣ-Сѣверскомъ

5 Іюля, 1849 года.

Михайлова Гора.

Г Л А В А V.

Начало книгопечатанія въ Кіевѣ.

Кіевъ, первоначальникъ просвѣщенія Рускаго въ древнее время, не скоро явился на книжномъ поприщѣ по возрожденіи просвѣщенія на Рускомъ Югѣ. Книгопечатаніе въ Кіевѣ началось не ранѣе 1616 года; слѣдственно тогда уже, какъ оно производилось 42 года въ Галиціи и на Волыни, и напечатано было тамъ 42 изданія (разумѣю Славянскія и Рускія, да 42 изданія вышли изъ типографій Литовскорус-

слихъ; а всего, съ 28-ю Московскими, было уже напечатано на Руси 112 изданій, или около того); тогда уже, какъ на Рускомъ Югѣ прекратились типографіи Острожская съ Дерманскою, и Стратинская съ Крилоскою, и только одна Братская типографія во Львовѣ работала медленно и робко.

Впрочемъ, начало Кіевскаго книгопечатанія, подобно началу многихъ вещей въ исторіи, не обошлось безъ баснословія. Не очень давно еще, въ нѣкоторыхъ «Исторіяхъ» было сказано будто типографія подарена Печерской Лаврѣ въ 1531 году, княземъ К. И. Острожскимъ. Это ошибочное извѣстіе, давно опровергнутое Сопиковымъ и митрополитомъ Евгеніемъ произошло конечно отъ того, что князя Константина Константиновича Острожскаго, учредителя книгопечатанія въ Острогѣ, нерѣдко смѣшивали съ его отцемъ княземъ Константиномъ Ивановичемъ, гробница котораго находится въ Печерской церкви. Примѣромъ такого смѣшенія можно указать нѣсколько, начиная съ «Лѣтописи Самовидца» до «Кіева» сочиненнаго г. Муравьевымъ. Ближе къ дѣлу говорятъ другіе, что Острожская типографія, по ея прекращеніи, досталась Кіевской Лаврѣ; ибо въ Печерскихъ изданіяхъ былъ до нашего времени шрифтъ, называемый Острожскимъ. Впрочемъ Острожская типографія могла достаться Кіеву не въ 1608 году, какъ показано въ Исторіи Бантыша-Каменскаго, а позднѣе; ибо книгопечатаніе въ Острогѣ производилось еще въ 1612 году. Сопиковъ называлъ намъ (подъ № 518) Канонникъ, будто бы напечатанный въ Кіевѣ 1614 года; однако самъ онъ не выдавалъ того за истину. Достоверно то, что основаніемъ Печерской типографіи послужила типографія Стратинская. Оставшись безъ дѣйствія, послѣ смерти учредителя своего Θεодора Юрьевича Балабана (1606 г.) и его дяди Гедеона Балабана епископа Львовскаго (1607 г.)—Стратинская типографія куплена, была для Печерской Лавры, архимандритомъ ея Елисеемъ Плетенецкимъ. Сей достопамятный мужъ былъ первымъ подвижникомъ книжнаго дѣла въ Кіевѣ, при его возрожденіи, которое здѣсь началось въ Печерской Лаврѣ. Елисей Плетенецкій былъ рода старопляхетнаго,

также какъ и епископъ Львовскій Гедсонъ. Исторія узнаеть его въ 1596 году, какъ защитника православія на Берестейскомъ Соборѣ, въ званіи архимандрита Пинскаго Лецицкаго монастыря. Въ 1599 году Печерская братія избрала его на мѣсто умерщаго архимандрита своего Никифора Тура, мужественно отстаивающаго древнее святилище Руси отъ нападений Уніи. Удержавъ старыя права Лавры, обновивъ ея общежительство, Плетенецкій собралъ въ ней ученое братство первымъ цвѣтомъ котораго былъ архидаконъ Леонтій Карповичъ, бывшій потомъ (съ 1616 по 1620 г.) архимандритомъ Виленскаго Святодуховскаго Братства. А со времени книгопечатанія въ Кіевѣ, первымъ ученымъ дѣятелемъ является здѣсь іеродіаконъ Захарія Копыстенскій племянникъ епископа Михаила Копыстенскаго, бывшій по смерти Плетенецкаго архимандритомъ Печорскимъ, до кончины своей въ 1627 году.

Въ числѣ ученыхъ мужей, вызванныхъ Плетенецкимъ изъ Львова, примѣчательнѣе всѣхъ іеромонахъ Памво Берында, уроженецъ Молдавскій, неутомимо подвизавшійся въ Лаврѣ надъ исправленіемъ и изданіемъ книгъ, въ званіи типографа, и потомъ архитипографа.

Съ 1624 года явился въ Лаврѣ еще другой ученый дѣятель, Тарасій Леоновичъ или Левковичъ Земка, бывшій здѣсь также типографомъ и корректоромъ, подобно Берындѣ.

Эти два главные труженика Печерской типографіи скончались въ 1632 году: Берында 13 Іюля, Земка 13 Сентября; и вмѣстѣ съ ними кончился первый достопримѣчательный періодъ книгопечатанія Кіевского,—въ который явился здѣсь на книжномъ поприщѣ и Петръ Могила, можно сказать, довершившій свое иноземное образованіе просвѣщеніемъ Православнорусскимъ, среди братіи Печерской.

А. изданія кіевопечерскія. (1616—32).

1. Часословъ, изданный 1617 года, въ 4-ку, ось пер-
венецъ книгопечатанія Кіевского.

Теперь очень рѣдокъ, извѣстенъ только въ библиотекахъ: Публичной, Московскаго Историческаго Общества, Троицкой Лавры. Одно изъ двухъ предисловій его, содержащее толкованіе службъ, писано іеродіакономъ Захаріемъ Копыстенскимъ.

2. Вѣзерунгъ цдоть Елисея Плетенецкаго, 1618, въ 4.

Небольшая книжка, состоящая изъ стиховъ, сочиненныхъ Александромъ Митурою, въ честь архимандрита Печерскаго. Находится только въ Румянцовскомъ Музеѣ.

3. Книга о Вѣрѣ единой святой соборной апостольской Церкви. (1619) въ 4.

Сопиковъ и м. Евгений считали ее напечатанною въ Могилевѣ 1625 г: но теперь доказано, что ее издалъ въ Киевѣ 1619 года Захарія Копыстенскій, подъ именемъ монаха Азаріи. Та же Книга о вѣрѣ, только съ нѣкоторыми отмѣнами отъ Киевскаго изданія, напечатана была еще 1602 года въ Вильнѣ. ¹

4. Аноэлогіонъ. 1619, въ листъ.

Переведенъ съ Греческаго Михайловскимъ игуменомъ Говомъ Борецкимъ, поправленъ Захаріемъ Копыстенскимъ и Памвою Бериндою. Изданіе украшено 18 изображеніями разныхъ святыхъ.

5. Служебникъ. 1620, въ 4.

Это первое Киевское изданіе Служебника сходно во всемъ съ изданіемъ Стратинскимъ; украшено изображеніями Успенія Богоматери, Спасителя и трехъ Святителей, Предисловіе отъ Елисея Плетенецкаго.

6. Номоканонъ. 1620, въ 4.

Рѣдкое изданіе, извѣстное только въ библиотекахъ Публичной и Коротавской; украшено изображеніемъ св. креста и преп. Антонія и Θεодосія Печерскихъ. Предисловіе отъ Памвы Беринды.

¹) Мнѣ извѣстно это отъ Московскаго купца Т. О. Волышкова, страстного любителя и отличнаго знатока Славяно-книжной старины, у котораго я видѣлъ это Виленское изданіе Книги о Вѣрѣ, но безъ заглавнаго листа

7. Вѣршиѣ на жалосный погребѣ Петра Копашевича Сагайдачнаго. 1622, въ 4.

Сочинены іеромонахомъ Кассіаномъ Саковичемъ «ректоромъ школъ Кіевскихъ и проповѣдникомъ Слова Божіа». Въ началѣ книги посвященіе «Войску Запорозкому» въ стихахъ, отъ имени Саковича; а на концѣ помѣщена «Матерія для учиненя подякованя при погребѣ якого зацного чловка» тогожъ автора. ¹⁾ Изданіе украшено тремя изображеніями: 1) герба Войска Запорожскаго; 2) гетмана Сагайдачнаго, сидящаго на конѣ; 3) взятія города Кафы. Книгъ извѣстны только два экземпляра этой книжки: въ Румянцовскомъ Музеѣ, и въ древлехранилищѣ М. П. Погодина.

Въ текстѣ подъ стихами подписаны имена тѣхъ студентовъ, которые ихъ произносили при погребеніи

1. Стефанъ Почаскій. ²⁾
2. Петръ Созоновичъ Балыка.
3. Іоаннъ Саковичъ.
4. Теофилактъ Іоанновичъ, Бурмистровичъ К:
5. Іоаннъ Тарнавскій. Протопоповичъ К:
6. Теодоръ Скаревскій.
7. Леонтій Балыка, Бурмистровичъ К:
8. Іеремія Ставровецкій.
9. Іоаннъ Стецкій.
10. Николай Огрешкевичъ.
11. Іоаннъ Козаринъ.
12. Іоаннъ Пелчицкій.
13. Евтихій Самуиловичъ.
14. Матѳей Кизимовичъ.
15. Григорій Кондратовичъ.
16. Димитръ Кривковичъ.

¹⁾ Въ каталогѣ Демидовскомъ поставлены порознь: *Впршиѣ* подъ № 337, а *Матерія* подъ № 338.

²⁾ Этотъ питомецъ Кіевобратской школы, подъ именемъ *Совфроніа Почаскаго* извѣстенъ съ 1632 года какъ профессоръ риторики въ Могиліа-ской Лаврской Гимназіи, а потомъ и какъ ректоръ Кіевобратской Коллегіи (см. ниже книгу *Евхаристіріонъ*, 1632.)

17. Лукашъ Верында.
18. Георгій Вороничъ.
19. Карпъ Михайловичъ.
20. Симеонъ Шулга.

8. Бесѣды Златоустаго на 14 посланій св. Апостола Павла. 1623, въ л.

Переводъ священника Лаврентія Зизанія-Густановскаго, поправленный Памвою Берындюю и іеромонахомъ Захаріею Копыстенскимъ. Предисловіе «къ Православному роду Россійскому» отъ архим. Елисея Плетенецкаго. Изданіе украшено изображеніями: Успенія Богоматери, Іоанна Златоустаго, герба Плетенецкаго (на оборотѣ заглавнаго листа). Встрѣчаются экземпляры, съ посвященіемъ князю Стефану Четвертенскому, писаннымъ Захаріею Копыстенскимъ. NB. При одномъ изъ такихъ экземпляровъ принадлежащемъ Погодину, находится въ концѣ особое прибавленіе, посвященное Ѳедору Копыстенскому отъ Памвы Берынды; а на послѣднемъ листѣ, подъ заглавіемъ Великодушный даръ, представленъ гербъ Плетенецкаго въ большомъ видѣ, исписанный внутри рѣзками типографа Стефана Берынды.

9. Псалтирь. 1624, въ 4.

Изданъ, коштомъ Константина Далмата, монахомъ Іосифомъ Кириловичемъ, съ его же предисловіемъ о Псалтири. Изданіе украшено изображеніемъ Успенія Б., царя Давида, и гербами Плетенецкаго и Далмата.

10. Бесѣды Златоустаго на Дѣянія св. Апостоль. 1642, въ л.

Переводъ Гавріила Дороеевича и Іосифа Святогорца, исправленный Памвою Берындюю. Въ книгѣ два предисловія: одно отъ Ел. Плетенецкаго, другое отъ Зах. Копыстенскаго. Кромѣ Успенія Б., въ книгѣ около 20 разныхъ изображеній; а на второмъ листѣ гербъ Далмата со стихами Тарасія Левковича Земки.

У Большакова я видѣлъ экземпляръ съ гербомъ князя Стефана Четвертенскаго, со стихами, и съ посвященіемъ ему же на 5 листахъ отъ Захаріи Копыстенскаго.

Протосинкелль Намво Берында съ этою книгою (для изданія которой и былъ онъ вызванъ въ Лавру изъ Галиціи) пріѣзжалъ въ Москву въ Сентябрѣ 1624, съ рекомендательными письмами къ царю и патриарху отъ митрополита Іова Борецкаго, хранящимися въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Въ это время, кажется, Тарасій Земка сталъ типографомъ и корректоромъ.

11. Номоканонъ. 1624, въ 4.

Изданіе второе, съ предисловіемъ Зах. Копыстенскаго и съ послѣсловіемъ іеромонаха и типографа Тарасія Земки; украшено изображеніями Успенія Б. и Вселенскаго Собора.

12. Казанье на честномъ погребѣ Елисея Шлетенецкаго проповѣданное 1624 г. Захаріею Копыстенскимъ. 1625, въ 4.

13. Омилія албо казанье на роковую память Елисея Шлетенецкаго, проповѣданное 29 Ноября 1625, архимандритомъ Захаріемъ Копыстенскимъ. 1625, въ 4.

Находится въ Румянцовскомъ Музеѣ и въ библиотекѣ Академіи Наукъ.

14. Толкованіе на Апокалипсисъ, св. Андрея Критскаго 1625, въ 4.

Переводъ Зах. Копыстенскаго, исправленный Лаврентіемъ Зизаніемъ-Густановскимъ; съ предисловіемъ Тарасія Земки и съ посвященіемъ Григорію Далмату отъ Зах. Копыстенскаго. На оборотѣ заглавнаго листа Успеніе Б., и гербъ Копыстенскаго со стихами Т. Земки, а въ текстѣ три картинки.—Принадлежація къ этой книгѣ: «Слово албо наука Ефрема Сирина на Преображеніе Господне» и Омилія и наука Іоанна Златоустаго на Пятидесятницу»—въ Обзорѣи Славянорусской библиографіи, изданномъ Сахаровымъ, показаны подъ особыми номерами, 218 и 219.

15. Акаосты Пречистой Богородицы, Іисусу и Успенію. 1625, въ 4.

Изданы намѣстникомъ Лаврскимъ Филоосемъ Кизаревичемъ, съ посвященіемъ Аннѣ Ходкевичевѣ, книгѣиѣ

Корецкой. Съ нѣсколькими изображеніями. Находятся въ библіотекахъ: Погодинской, Кортаевской и въ Публичной (отъ Кастерина).

16. Повѣсть о діаволѣ. 1626, въ 4.

Находится въ библіотекахъ Публичной (отъ Кастерина) и Кортаевской.

17. Часовникъ. 1627, въ 8.

Извѣстенъ только въ Публичной Библіотекѣ (отъ Кастерина). Впрочемъ, имя типографіи не означено, также какъ и на Книгѣ о Вѣрѣ, сходной по шрифту съ этимъ Часовникомъ.

18. Лексиконъ Славеноросскій, соч. архитипографа Намвы Берынды. 1627, въ 4.

Посвященъ Даніилу и Димитрію Балабанамъ, со стихами къ ихъ гербу, сочиненными Тарасіемъ Земкою.

19. Тріодъ Постная. 1627, въ л.

Это первое Кіевское изданіе Постной Тріоди, съ послѣсловіемъ отъ издателя П. Берынды; съ предисловіемъ З. Копыстенскаго; съ синаксарями, переведенными Т. Земкою. У Соניкова подъ No 1507, и у другихъ, значится еще Кіевское изданіе П. Тріоди 1623 года; но это, должно быть, ошибка.

20. Отъ Отечника Скитскаго. 1627, въ 4.

Это небольшое изданіе, на 14 листахъ, съ разными изображеніями, находится въ библіотекахъ: Академіи Наукъ, Публичной (отъ Кастерина) и Кортаевской.

21. Поученія душеполезна Аввы Дороея 1628, въ 4.

Переводъ Іосифа Святогорца, изданный П. Берындою, съ посвященіемъ архимандриту Петру Могилѣ отъ намѣстника Филоея Кизаревича съ братіей.

22. Агапита Діакона Главизны поучительны. 1628, въ 4.

23. АПОЛЛЕІА Апологіи. 1628, въ 4.

Издана отъ митрополита Іова Борецкаго и всего стана духовнаго, бывшаго на Кіевскомъ Соборѣ 1628 г. 16 Августа. Тутъ описано подробно, кикъ Мелетій Смотрискій, архієпископъ Полоцкій, на этомъ Соборѣ калялся въ неправославныхъ мысляхъ своихъ, помѣщенныхъ въ книгѣ

А н о л о г і и, написанной имъ на Русскомъ языкѣ, а на Польскомъ языкѣ напечатанной во Львовѣ отступникомъ Касіаномъ Саковичемъ. Находится въ бібліотекахъ Печерской Лавры и Московскаго Архива Иностр. Дѣлъ.

24. Окружная Грамота митрополита Іова Борецкаго, приглашающая на Кіевскій Соборъ къ 29 Іюня 1629 г. для совѣщанія о успокоеніи Православной Церкви. 1629, въ 4.

Находится въ бібліотекѣ Кіевософійскаго собора.

25. Номоканонъ. 1629, въ 4.

Изданіе 3-е, съ предисловіемъ Петра Могилы.

26. Акаѳисты и Молитвы. 1629, въ 4.

Съ предисловіемъ Тарасія Земки; съ изображеніемъ герба Могилы, и со множествомъ малыхъ изображеній въ текстѣ.

27. Псалтирь. 1629, въ 16.

Съ изображ. Успенія Б., царя Давида и герба Могилы.

28. Литургіаріонъ си есть Служебникъ. 1629, въ л.

Переводъ, исправленный Петромъ Могилою; съ предисловіемъ Тар. Земли о литургіи, и съ соборнымъ извѣщеніемъ о семъ Служебникѣ отъ митроп. Іова Борецкаго, архіеп. Исакія Копинскаго и епископовъ Исакія Борисковича и Паисія Ипполитовича.

29. Имнологія. 1630, въ 4.

Состоитъ изъ большаго акростиха «Петрови Могилѣ архимандриту святыхъ чудотворныхъ великихъ Лавры Печерскія Кіевскія, воеводичу земель Молдавскихъ,» поднесеннаго въ день Свѣтлаго Воскресенія, отъ всѣхъ дѣлателей въ типографіи. Подъ стихотвореніями подписаны имена ихъ:

Типоназиратель Іеродіаконъ Исаія.

Типоблюститель инокъ Артемій Половковичъ.

Типографъ Стефанъ Берында.

Наборщикъ Наѳанъ Зѣнковичъ.

Стѣлоправитель Димитрій Захаріевичъ.

Изобразитель Парѳеній Молковицкій.

Изобразитель Михаилъ Фойнацкій.

Батищикъ Павелъ Макаріевичъ.

Батищикъ Θεодотъ Кипріевичъ.

Писмолатель Леонтій Іерусалимовичъ.

А въ концѣ Импологіи подписались стихами:

Намво Берында типикароводецъ,
О предстателю, рабъ и богомолецъ
Твой съ инѣми тебѣ представляю,
Вся реченная съ всеѣми желаю.

Таже по всеѣхъ съ всеѣми Пастыру ти предстою,
Твоими и моими. Тоже молю и пою,
Всего типу правитель, Да не буду забвенный,
Но всеѣмъ меншій служитель, Азъ Тарасій смиренный.

Этой книжки нынѣ извѣстенъ только одинъ экземпляръ, въ нынѣшнемъ году приобрѣтенный М. П. Погодинымъ.

Тутъ можетъ вспомнить и о преждебывшихъ въ Лаврѣ типографахъ: о Тимофеѣ Александровичѣ Веръ, который съ Стефаномъ Берындю и Тимофеемъ Петровичемъ и Андреемъ Николаевичемъ, печаталъ въ 1623 г. Бесѣды на Посланія, и объ Андреѣ Наумовичѣ, который съ тѣмъ же Стефаномъ Берындю печаталъ Бесѣды на Дѣянія.

30. Трїодъ Цвѣтная. 1631, въ л.

Изданіе 1-е съ предисловіемъ Тарасія Земжи, съ его же стихами къ гербу Могилы, и со множествомъ изображеній.

31. Крестъ Христа Спасителя и каждаго челоуѣка.
1632, въ 4

Это слово архимандрита Петра Могилы въ недѣлю Крестопоклонную, съ посвятительнымъ отъ него же посланіемъ князю Іереміи Вишневецкому, и со стихами къ его гербу.

32. Евхаристиріонъ albo Вдѣчность. 1632, въ 4.

Собраніе стихотвореній, поднесенныхъ въ Свѣтлое Воскресеніе Петру Могилѣ, отъ учениковъ учрежденной имъ Лаврской гимназіи. Раздѣлено на двѣ части: на Геликонъ и Парнасъ; при первой приложено изображеніе Петра Могилы въ архимандритскомъ облаченіи, бросающаго скипертъ и корону воеводскую; а при второй Муцій Сцевола. На оборотѣ заглавнаго листа гербъ Петра Могилы со стихами. Посвященіе въ прозѣ написано профессоромъ риторики Соф-

ропіемъ Почаскимъ, который, безъ сомнѣнія, сочинялъ и всѣ стихи.

Для памяти, выпишу здѣсь имена всѣхъ 23 учениковъ:

1. Стефанъ Стрибыль.
2. Григорій Трипольскій.
3. Александръ Олекшичъ.
4. Самуель Мужиловскій.
5. Андрей Черхавскій.
6. Василій Климовичъ.
7. Василій Каменицкій,
8. Михайлъ Полубенскій.
9. Мартинъ Суринъ.
10. Филиппъ Миклашевскій.
11. Іоаннъ Заруцкій.
12. Василій Суцапскій-Проскура.
13. Филонъ Илковскій.
14. Степанъ Колчицкій.
15. Максимъ Кресловскій.
16. Θεодоръ Сусло.
17. Василій Чудновець.
18. Василій Устрицкій.
19. Георгій Негребецкій.
20. Евтихій Соболю.
21. Стефанъ Триполскій.
22. Трофимъ Онушкевичъ.
23. Іеремія Войсяцкій.

В. изданія кієвоподольскія. (1625—30).

Черезъ девять лѣтъ по учрежденіи Печерской типографіи, являлись ненадолго частныя типографіи, въ самомъ «богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ» т. е. на Подолѣ. Первая изъ нихъ заведена была лаврскимъ же печатникомъ Тимофеемъ Александровичемъ Вер. «мужемъ трезвеннымъ и цѣломудреннымъ» (такъ сказано объ немъ въ предисловіи

къ Б е с ѣ д а м ѣ, изданнымъ 1623 г.). Изъ Кіевскихъ книгъ его типографіи, извѣстна только одна, два раза изданная:

33. Часословъ, 1625, въ 4.

Съ посвященіемъ митрополиту Іову Борецкому и съ предисловіемъ, отъ имени самаго печатника.

34. Тотъ-же Часословъ (изд. 2). 1626, въ 4.

Тимофей Александровичъ Вер: въ послѣдствіи явился съ своею типографіею въ Покуты (Буковинѣ), и тамъ, въ пограничномъ городѣ Долгополѣ, напечаталъ Е в х о л о г і о н ѣ или М о л и т в о с л о в ѣ, 1635 въ 4, иждивеніемъ воеводы Угровлахійскаго Іо. Матѳея Бесараба (находится въ бібліотекѣ И. Я. Лукашевича).

Съ 1627 года была въ Кіевѣ другая типографія, С п и р и д о н а С о б о л я. Изъ его Кіевскихъ книгъ извѣстны слѣдующія.

35. Лимоварь сирѣчь Цвѣтникъ Патріарха Софронія. 1628, въ 4.

Этой книги замѣчаются два разные изданія, того же года.

34. Миней обща. 1628, въ 4.

Въ концѣ книги находится А к а ѳ и с т ѣ Б о г о м а т е р и, съ особымъ счетомъ 17-ти листовъ.

35. Октоихъ. 1629, въ 4.

Съ изображеніемъ Іоанна Дамаскина, гравированнымъ В. Д.

36. Апостоль. 1630, въ л.

Съ изображеніемъ Евангелиста Луки и герба Стеткевичей, изданъ иждивеніемъ подкомораго Мстиславскаго Богдана Стеткевича, которому и посвященъ.

Въ 1630 году Спиридонъ Соболю съ своею типографіею переѣхалъ въ Бѣлоруссію, въ Кутейинскій монастырь, и тамъ напечаталъ слѣдующія книги: Брашно духовное около 1631 г. въ 4, (объ этомъ изданіи я упомянулъ уже въ 4 гл. Книжной старины); Молитвы повседневыя, 1631, въ 12; Часословъ, 1632. въ 4. Послѣ того онъ перемѣстился въ Буйничи, въ маетность вышепомянутаго Богдана Стеткевича (на берегу Днѣпра, гдѣ былъ потомъ и Буйницкій Святодуховскій монастырь), и тамъ напечаталъ

Псалтирь 1635 г. въ 8. Вѣроятно тамъ же напечатали онъ и Тестаментъ царя Василія, 1638, въ 12.

Митрополитъ Евгеній (въ Опис. Лавры, 1831, стр. 71) говорилъ, что книга Лимонарь напечатана Сободемъ «въ Михайловскомъ Златоверхомъ монастырѣ у Іова Борецкаго.» Это ошибка, которая повторена и въ Кіевлянинѣ (кн. 1, стр. 22, 55). Въ Лимонарѣ сказано, что онъ напечатанъ: «въ дворѣ Іова Борецкаго митрополита К. въ градѣ Кіевѣ.» Іовъ дѣйствительно жилъ тогда въ Михайловскомъ монастырѣ, но монастырь не считался дворомъ Іова. На Подолѣ, который въ томъ вѣкѣ былъ «градомъ Кіевомъ», у Борецкаго были два двора. Одинъ изъ нихъ купленъ у Андрея Черкашенина, въ 1616 году, когда Борецкій былъ еще священникомъ Іоанномъ (такъ онъ поименованъ на купчей 8 Окт. 1616 г.) Другой дворъ подаренъ былъ ему, уже какъ игумену Михайловскаго монастыря Іову, въ 1620-мъ году, отъ Кіевлянки Анны Козѣвны. Конечно, въ одномъ изъ тѣхъ дворовъ Іова Борецкаго производилъ книгопечатаніе Спиридонъ Соболя, а также и Тимофей Александровичъ.—(Впрочемъ, въ первой половинѣ 17 вѣка, подъ Старокіевскою горою, находился еще то «деревянный типографскій дворъ.» См. въ Прибавленіяхъ къ Описанію Соф. соб. стр. 31).

Вышепомянутый Черкашенскій дворъ митрополитъ Іовъ «заставилъ за гроши отцамъ Межигорцамъ» (видно небогатымъ былъ почтенный іерархъ, котораго Кіевляне называли милостынникомъ убогихъ и вторымъ Іоанномъ Милостивымъ!); о за день до кончины своей, т. е. 1 Марта 1631 года, онъ въ тестаментѣ своемъ леговалъ тотъ дворъ Межигорской братіи; а Межигорцы въ Сентябрѣ того же года продали его «пану Томашу Гевлевичу, ректору школъ братскихъ.» Въ Октябрѣ того года состоялась интрониссія (т. е. вводная) въ тотъ дворъ, и с у б-

миссія Томаша Іевлевича ректора школъ Кіевскихъ».

Объ ректорѣ Омѣ Іевлевичѣ до сихъ поръ не было и помину въ извѣстіяхъ о Кіевобратской школь; мнѣ удалось узнать объ немъ изъ старыхъ Кіевскихъ записей (также неожиданно, какъ о бытіи древняго монастыря Гнилецкаго иодъ Кіевомъ, узналъ я изъ актовъ монастыря Выдубицкаго). Іевлевичъ былъ послѣднимъ ректоромъ первоначальной, еще не-Могилинской Кіевобратской школы, въ то самое время, когда въ ней полагается ректоромъ Тарасій Земка. Объ этомъ ученомъ мужѣ говорятъ, что онъ «былъ ректоромъ Богоявленскаго училища 1631 г. потомъ взятъ въ проповѣдники и типографы Кіевопечерской Лавры.» (У Евгенія въ Прибавл. въ Опис. Соф. соб. стр. 226, и у Макарія въ Исторіи Кіев. Акад.). Но это несправедливо, также какъ и то, будто Тарасій Земка принадлежалъ къ числу Кіевлянъ посланныхъ архимандритомъ Петромъ Могилою, для образованія въ заграничныя училища. По современнымъ книгамъ и актамъ, Тарасій до кончины своей видѣнъ постоянно въ Печерской Лаврѣ съ 1624 года, уже іеромонахомъ, въ званіяхъ типографа и корректора, проповѣдника и соборнаго старца; при этомъ же онъ считался и игуменомъ Богоявленскимъ (какъ видно изъ его подписей въ Словарѣ Берынды 1627 г. и на трехъ записяхъ о Лаврской Могилинской школь въ исходѣ 1631 года). Позднѣйшіе каталоги приписали ему ректорство вмѣсто игуменства, принявъ одну должность за другую, конечно потому, что объ онѣ въ послѣдствіи соединялись и соединяются обыкновенно въ одномъ лицѣ.

И такъ, въ скудномъ спискѣ ректоровъ первоначальной Богоявленской школы, должно поставить, вмѣсто знаменитаго имени Тарасія Земки, невѣдомое донныѣ имя Омѣ Іевлевича, въ 1631 году. ¹

¹) Кстати о ректорахъ академіи; назову еще одного пропущеннаго въ спискахъ, и у Евгенія, и у Макарія: это Кириллъ Филлимоновичъ. Онъ былъ

Не лишнимъ считаю замѣтить здѣсь, что и Юзефъ Борецкій зачисленъ въ учителя Богоявленской школы быть достаточнаго основанія. У святителя Димитрія сказано объ немъ, что онъ «Греческому и Латинскому языку училъ въ школахъ». — «Конечно, это были не другія школы, какъ Богоявленскія», заключаетъ о. Макарій, въ своей Исторіи. Напрасно: то были другія школы, именно Львовскія въ которыхъ Борецкій учился и потомъ училъ, до переезда своего въ Кіевъ. Это положительно извѣстно мнѣ по современнымъ актамъ, уцѣлѣвшимъ во Львовѣ; а объ его учительствѣ въ Богоявленской школѣ не видно еще ни изъ одного современнаго свидѣтельства. Относительно монашества и игуменства его, можно заключить изъ вышеприведеннаго указанія, что оно началось едва ли ранѣе конца 1616 года.

Исаія Копинскій, какъ видно по всему, начальствовалъ въ Богоявленскомъ Братствѣ, въ 1615 году, самое короткое время, можно сказать, мимоходомъ.

Когда именно былъ здѣсь ректоромъ Мелетій Смотрицскій, и дѣйствительно ли былъ: это требуетъ еще новаго разсмотрѣнія. Такъ неполна и скудна еще исторія Кіево-братской школы, въ первый періодъ своего бытія, т. е. до 1633 года! О первыхъ 25-ти годахъ ея бытія, т. е. до 1615 года, почти ничего неизвѣстно еще, какъ будто совсѣмъ ея не было. А потому не дивно, что изъ ея ученой братіи на книжномъ поприщѣ доселѣ виденъ только ректоръ Касіанъ Саковичъ, 1622 года, съ своими надгробными Вѣршами, что главными подвижниками книжнаго дѣла въ Кіевѣ, въ означенный періодъ, были Лавряне.

Митрополитствомъ Петра Могилы, въ 1633 году, начинается второй періодъ, какъ въ исторіи Кіево-братской

ректоромъ въ 1692 году. По его просьбѣ гетманъ Мазепа далъ Братскому монастырю село Вальмачевку (см. Универсалъ 27 апр. 1692 г., въ Памятникахъ Кіев. Комис. Т. II). Кириллъ поступилъ въ академію изъ іеромонаховъ Печерской Лавры. Въ началъ 1638 года онъ былъ посланъ въ Москву отъ архимандрита Варлаама Ясинскаго для испрошенія царской грамоты на древнія права Лавры (см. Грамоты, напечатанныя Евгеніемъ въ *Опис. К. Лавры 1831 г.* подъ № 22 и 23).

школы, возвышенной тогда на стенью Коллегіи и назвавшейся Могилянскою,—такъ и въ исторіи книгопечатанія Кіевскаго. Типографы Печерскіе привѣтствовали митрополитство своего архимандрита, 1633 года 5 Іюля, книжкою Евфонія веселобрячая, состоящею изъ довольно длиннаго стихотворнаго акростиха; а ученики Могиллинской гимназіи, уже присоединенной къ Богоявленной школь, воспѣли митрополитство своего протектора Польскими стихами, напечатанными тогда же въ Лаврѣ, подъ названіемъ Мнемозуны. Этими двумя книжками, въ 1633 году, начался второй періодъ Кіевскаго книгопечатанія, который можно вести до Лаврскаго пожара въ 1717 году.

Г Л А В А VI.

Латино-польскія сочиненія писателей Мало-россійскихъ.

Съ вышеупомянутой Мнемозины начинается рядъ Кіевскихъ книгъ на Польскомъ и на Латинскомъ языкахъ, которыхъ издано, кажется, шесть, въ Митрополитство Петра Могилы, имъ самимъ и его питомцами.

Мнемозуны. 1633, въ 4.

Вотъ имена студентовъ, подписанныя подъ стихотвореніями:

1. Александръ Тишкевичъ.
2. Георгій Тиша.
3. Іоаннъ Тиша.
4. Самуель Мужилловскій.
5. Адамъ Тиша.
6. Филонъ Илковскій.
7. Филипъ Константиновичъ.
8. Тимофей Княгиницкій.
9. Стефанъ Бабневскій.
10. Захарія Березецкій

11. Андрей Гродецкій.
12. Порфирій Кирачевскій.
13. Василій Вѣтрицкій.

Число студентовъ взято по числу буквъ въ имени РІОТЪР МОНІА. Каждая буква изображена какимъ либо предметомъ (наприм. І колонною, О зодіакальнымъ кругомъ), и каждый предметъ воспѣтъ въ особомъ стихотвореніи съ примѣненіемъ въ Кіевскому меценату.

II. Exegesis. Сильвестра Коссова, 1635, въ 8.

III. Paterik, его же. 1635, въ 4.

IV. Тератургима. Аѳанасія Кальнофойскаго, 1638, въ 4.

V. Mowa Duchowna, Петра Могилы, на бракосочетаніе князя Януша Радзивила. 1645, въ 4.

VI. Lithos, 1645, въ 4, изданный Петромъ Могилою, подъ псевдонимомъ Евсевія Пимена.

Къ этимъ изданіямъ, имѣвшихъ въ свое время большую значительность, мы возвратимся послѣ; а здѣсь замѣтимъ, что, по примѣру Кіева, печатались Латино-Польскія изданія и въ Черниговѣ, и Новгородѣверскѣ, въ послѣдней четверти 17 вѣка. Таковы на примѣръ:

VII. Najasnieysza nieba y ziemie Carica Panna Matka Matka Panna Marya, od Lazarza Baranowicza Sławiana. Черниговъ. 1683 Дек. 22 въ л. (24 л.)

Листъ второй занятъ посвященіемъ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, на Славянскомъ языкѣ. За тѣмъ идетъ самое иѣсноиѣніе Польскими стихами, съ текстами Славянскими, и кое гдѣ со стихами Латинскими. Наход. въ библіотекѣ кн. Оболенскаго (въ сборникѣ Величка).

VIII. Стихотвореніе на Польскомъ языкѣ въ честь Лазаря Барановича, отъ товариства куншту типографскаго: съ подписью на самомъ концѣ: «Lucubratiuncula Ioannis Wieliczkowski.»

Эта брошюра, какъ видно, напечатана въ Черниговѣ, въ листъ: всего 5 листовъ, кромѣ заглавнаго утраченнаго въ видѣнномъ мною экземплярѣ, у кн. Оболенскаго. Въ началѣ заставочная полоса съ изображеніемъ агнца, и съ

надписью Славянскою «Агнець Божій.» За тѣмъ слѣдуетъ текстъ: «Iesli ziarno pszeniczne...» и т. д. Находится въ сборникѣ Величка.

Впрочемъ не духовные предметы собственно любила воспѣвать Латино-Польская муза у Малороссіянь: она преимущественно трудилась надъ панигириками и разнымъ сановнымъ людямъ, свѣтскимъ и духовнымъ: и сколько Рускаго дарованія истратилось въ нихъ по пусту! Но можно порадоваться по крайней мѣрѣ тому, что вся эта безпредѣльная лесть, весь этотъ холодный, риторическій, стеклянный блескъ ума и слова выражался по-Польски и по-Латынѣ, а не языкомъ Южнорускимъ. Вышепомянутая Мнемозина была зерномъ, изъ котораго подъ исходъ 17-го вѣка выросъ у насъ цѣлый лѣсокъ панигириковъ, до сихъ поръ еще невѣдомый для Руской библиографіи: надо же ей и съ нимъ ознакомиться! Охотники до чтенія въ тѣ поры собирали эти панигирики, и обыкновенно переплетали ихъ въ особые сборники, изъ которыхъ назову здѣсь два одинъ, принадлежавшій прежде Полковому Переяславскому судѣ Лѣсеневичу, я встрѣтилъ въ селѣ Сушкахъ, Золотоношскаго уѣзда, у Н. С. Ржановскаго; другой сборникъ, особенно замѣчательный тѣмъ, что онъ принадлежалъ извѣстному лѣтописателю Самуилу Величку и содержитъ въ себѣ подлинникомъ нѣсколько панигириковъ ненапечатанныхъ, я видѣлъ въ Москвѣ, въ богатой рѣдкостями библиотекѣ князя М. А. Оболенскаго.

IX. Czyhirin pograniczne miasto w ciężkim oblężeniu Turęskim roku 1677, za szczęsem Jego Царскаго Пресвѣтлаго Величества, triumfujące. Въ типографіи Новгородска-верской, 1678, въ 4.

Это пѣснопѣніе Александра Бучинскаго, Польскими стихами, въ честь гетмана Самойловича; воспѣвается знаменитая осада Чигирина. На оборотѣ заглавнаго лист

изображенъ гербъ Запорожскаго войска. Находится въ библиотекѣ К. К. Свидзинскаго.

X. Trybut jasnie wielmoznemu jego mosci panu Janowi Samułowiczowi, и проч. Въ Кіевопечерской типографіи, 1686, въ л.

Это панигирикъ гетману Самойловичу отъ Коллегіатовъ Кіевомогилянскихъ. Послѣ посвященія, которое, по обыкновенію на 2-мъ листѣ, идетъ Латинскою прозою *Triumphus Palladis*, а потомъ Польскими стихами *Asslatio Muzarum*, подъ которыми подписался: *Magister grammatices Paulus Baranesci*.

На оборотѣ заглавнаго листа изображена Паллада: она ѣдетъ въ свой храмъ на колесницѣ, везомой Пегасомъ; въ правой рукѣ держитъ свой щитъ, а въ лѣвой знамя, на которомъ три креста (гербъ Самойловича) и надпись: *sub hoc signo triumphat*. Находится въ сборникѣ Романовскаго.

О панигирикахъ Стефана Яворскаго и о времени его префектства.

Первенство между Малороссійскими панигиристами принадлежитъ, безспорно, Стефану Яворскому. Извѣстно, что по возвращеніи изъ чужестранныхъ училищъ въ Кіевѣ, онъ такъ прославился здѣсь искусствомъ слагать Латинскіе и Польскіе стихи, что удостоился почести Лавроноснаго Пѣта. Извѣстно также, что онъ писалъ похвалы разнымъ лицамъ; но доселѣ, кажется, неизвѣстностью покрыто то, какія же именно были эти похвалы, и особенно тѣ, какія написалъ онъ въ первой, цвѣтущей порѣ своего стихотворства.

XI. *Hercules post Atlantem infracto virtutum robore honorarim pondus sustinens*. Напеч. въ Черниговѣ, въ л.

Годъ изданія не означенъ; но онъ (1684) опредѣляется временемъ изобранія Варлаама Ясинскаго въ Печерскіе

архимандриты послѣ Иннокентія Гизеля: это и значить «Геркулесъ послѣ Атланта». Вѣроятно, это первый печатный панигирикъ Яворскаго, который и не означилъ на немъ прямо своего имени, а сказался затѣйливыми полустипшиями, на заглавномъ листѣ и въ концѣ посвященія:

«Iam tibi, mi Lector, supra mea nomina dixi:
Nam platanum baculo junge, sciesque virum!»

(Platanus яворъ, baculus kit.)

Яворскій изображаетъ, Латинскими стихами и прозою, и стихами Польскими, доблесть и подвиги своего благодѣтеля. Мы отсюда узнаемъ, чего не знали прежде: что Ясинскій, по окончаніи наукъ въ Кіевской коллегіи, отправлялся учиться въ коллегію Краковскую, и тамъ не смотря на всѣ предстоявшія ему трудности увѣнчался философскимъ колпакомъ. Видно также что Ясинскій отказавшись отъ ректорства въ коллегіи (1663 года), былъ до избранія въ архимандриты Печерскіе настоятелемъ Пустыннониколаевскаго монастыря, а не Михайловскаго, какъ пишутъ обыкновенно историки. Панигирикъ этотъ находится въ сборникѣ Романовскаго (на 19 листахъ).

XII. Echo głosu wołającego na puszczy. Напечат. въ Кіевѣ, 1689, въ л.

Это панигирикъ гетману Мазепѣ, украшенный гербомъ его на оборотѣ заглавнаго листа, да въ текстѣ еще шесть изображеній разныхъ частей того же герба, съ эмблематическою ихъ обстановкою: работы знаменитаго въ ту пору Кіевскаго гравера J. S. t. e. Иосифа Щирскаго. На этомъ панигирикѣ подписанъ Симеонъ Яворскій—«*ag-tium liberalium et philosophiae magister, consummatus theologus.*» И такъ Яворскій въ 1689 году не былъ еще монахомъ. Воображалъ ли будущій блюститель патріаршаго Всероссийскаго престола, сочиняя это громозвучное Эхо, что черезъ 20 лѣтъ ему придется писать отъ лица всей Россіи стихи на того же Мазепу, какъ на измѣнника, преданнаго анаемѣ церковной!...

Еще и въ 1698 году, Лворскій посвятилъ Мазепѣ свое Весельное казанье, при благословенномъ вѣнчаніи Іоанна въ Обѣдова Обѣдовскаго, стольника и полковника Нѣжинскаго въ церкви Свято-Троецкой Батуринской, названное Виноградъ Христовъ.

Тамъ, къ гербу Мазепы, написалъ онъ слѣдующее носимистишіе:

«Зри коль крѣпко въ Россіи Вѣра стоитъ сия,
 Ей же не одолѣютъ и адова врата,
 Крестъ на котвѣ утверждёнъ, при двои свѣтлу
 Сію Вѣры святой изъявляютъ силу.
 Всеу устремляются злочестивыхъ рѣки,
 Крестъ на котвѣ недвижимъ будетъ во вѣки.
 И сама ночь князя тмы ничтоже успѣетъ:
 Заря свѣтилъ небесныхъ при крестѣ исцѣетъ.»

Этотъ Виноградъ, въ собственноручномъ подлинникѣ Лворскаго, принадлежитъ сборнику Самойла Велича; а печатное Эхо видѣлъ я въ сборникѣ Романовскаго.

XIII. *Arctos.* (въ Кіевѣ, 1690) въ л.

Панигирикъ на избраніе Варлаама Ясинскаго въ митрополиты Кіевскіе, состоитъ изъ четырехъ акростиховъ, Польскими стихами; передъ каждымъ похвала на Латинскомъ языкѣ, стихами и прозою. Одна изъ этихъ похвалъ состоитъ въ бесѣдѣ стихотворца съ эхомъ, представляющей игру Латинскимъ языкомъ; на примѣръ:

«*Dic identidem loquax dialogista Echo,
 Quem illa electionis dies caelitus implorabat
 Per suum divum Justinum Philosophum? Sophum. ¹
 Sophum certe implorabat fascibus viduatae Sophiae
 Ut par pari gauderet, a u d e r e t.
 Gemit enim honorarius Scipio, si indignis manibus
 tangitur, angitur,*

¹) Вольное избраніе архимандрита Варлаама Ясинскаго въ митрополиты Кіевскіе происходило въ Софійскомъ соборѣ, Іюня 1-го въ день св. Іустина Философа.

Et non firmatis Sapientia humeris
Quid quaeso est Thronus? On us.»

Къ сожалѣнію, въ моемъ экземплярѣ этого Арктоса также какъ и въ принадлежащемъ къ сборнику Величка, утраченъ заглавный листъ (безъ него текстъ на 25 листахъ). Однако по содержанію видно, что этотъ панигирикъ приготовленъ къ возвращенію митрополита Варлаама изъ Москвы, бывшему въ Ноябрь 1690 года. Конечно тогда же Яворскій былъ постриженъ въ монахи, ибо онъ подписанъ здѣсь такъ: «*pedisequus cliens ac mancipium Stephanus Jaworski.*»

XIV. Pełnia neubywajacej chwały w herbowym xiezycu.
Напеч. въ Кіевѣ, 1691, об л. (на 37 листахъ).

Это самый замѣчательный и великолѣпный панигирикъ Яворскаго, которымъ онъ привѣтствовалъ митрополита Варлаама въ день ангела его, 19 Ноября, 1691 года. Тутъ воспѣты сначала три преподобныхъ Варлаама: Варлаамъ пустынножитель, Варлаамъ мученикъ и Варлаамъ Печерскій, а потомъ уже идетъ пѣснопѣіе Варлааму Ясинскому.

Украшенъ четырьмя изображениями отличной гравировки, новоприбывшаго изъ Вильны въ Кіевъ художника Льва Тарасевича. ¹ Находится въ обоихъ сборникахъ.

По предыдущему панигирику мы опредѣлили годъ постриженія Яворскаго въ монахи; а теперь опредѣлимъ его префектство въ Кіевской коллегіи.

У митрополита Евгенія, въ краткомъ извѣстіи о Кіевской академіи, (въ Прибавл. къ Опис. соф. с. 228) сказано, что Стефанъ Яворскій поступилъ въ префекты и философіи учителя «1700 года, и того же года въ Москвѣ посвященъ въ митрополита Рязанскаго.» Эти слова повторилъ и о. Макарій, въ Исторіи Кіев. Академіи (Спб. 1843. стр. 160), относя префектство Яворскаго къ 3 періоду

¹) Онъ прибылъ въ Кіевъ 1690 года, скончался 1703 года. Его работа особенно замѣчательна въ изданіи Патерика 1702 года; (впрочемъ есть изданіе того же года и съ обыкновенными деревянными изображениями). Братъ его *Александръ Тарасевичъ* тоже былъ граверомъ Печерскимъ съ 1688 года.

Академіи. Тамъ же (стр. 55), историкъ приписываетъ Яворскому курсъ Риторикѣ, уцѣлѣвшій въ рукописяхъ подъ названіемъ «Сочина, 1698,» говоря, что Яворскій «именно въ эти послѣдніе годы преподавалъ здѣсь словесность.» Нѣтъ все это было не такъ: въ эти годы Яворскій совсѣмъ уже не преподавалъ въ академіи; а былъ игуменомъ Пустынно Николаевскимъ, на мѣсто Іосафа Кроковскаго, избраннаго въ Печерскіе архимандриты 1697 года, 25 Марта. Риторикѣ Яворскій преподавалъ въ коллегіи, конечно только до 1692 года; а въ этомъ году онъ былъ уже префектомъ и философіи учителемъ, на мѣсто Силуана Озерскаго. Это ясно видно изъ его титула на панигирикѣ Филиппа «іеромонаха Стефана Яворскаго, префекта школъ Кіевомогилянскихъ и Философіи профессора.» А на вышешепоманутомъ Виноградѣ, въ Генварѣ 1698 года, онъ подписался: «іеромонахомъ, игуменомъ монастыря Святионикольскаго Пустыннаго Кіевскаго.»

О панигирикахъ Филиппа Орлика.

Лицо слишкомъ извѣстное въ исторіи: любимецъ Мазепы, бывшей подъ конецъ его гетманства генеральнымъ писаремъ; а по смерти его получившій гетманскую булаву отъ Карла XII-го подъ Бендерами. Послѣ того онъ, считаясь Запорожскимъ гетманомъ, четверть вѣка еще мыкался по свѣту и помыкалъ Запорожскою Сѣчью, находившеюся тогда подъ властью Крымской орды. Но когда Орликъ поступилъ на службу въ Запорожское войско, объ этомъ несовсѣмъ точное понятіе можно составить себѣ изъ сказанія Конискаго о построеніи крѣпости Орлика на р. Синюхѣ въ 1691 г. Достовернѣе, что Филиппъ Орликъ въ 1695 году писалъ Польскіе стихи въ Вильнѣ, а въ 1698-мъ, не повидая стихотворства, служилъ консисторскимъ писаремъ въ Кіевѣ. Эти новыя извѣстія объ немъ, какъ о стихотворцѣ и консисторскимъ писарѣ, открываются изъ слѣдующихъ двухъ панигириковъ его.

XV. Alcides Rossiyski, triumfalnum laurem ukoronowanu.

Напечат. въ Вильнѣ, 1695, въ л.

Этотъ Алкидъ Россійскій, панигирикъ гетману Мазепѣ, воспѣваетъ взятіе Кизикермена, Таваня, Асламгородка, и другихъ Турецкихъ крѣпостей, бывшее 1695 года; а также и побѣду надъ «Крымскою Гидрою» одержанную 3 Августа 1694 года «двумя Рускими Гекторами» (такъ названы у Орлика главные виновники той побѣды: Семень Палѣй и полковникъ Кіевскій Мокѣевскій). Доведа свой панигирикъ до «Nec plus ultra», Орликъ въ заключеніе Латинскою прозою возглашаетъ объ томъ, что сдѣлано «валечнымъ Россійскимъ Алкидомъ» въ пользу южнорускихъ монастырей. Тутъ узнаемъ съ любопытствомъ, что гетманъ въ Кіевѣ обвелъ каменною стѣною Печерскую Лавру, позолотилъ верхъ Печерской церкви, построилъ каменные церкви въ Никольскомъ и Братскомъ монастыряхъ—еще до 1696 года.

На оборотѣ заглавнаго листа изображеніе полного герба Мазепы, съ Польскимъ восмистишіемъ внизу. Находится въ обоихъ Сборникахъ.

XVI Hippomenes Sarmacki. Печат. въ Кіевѣ, 1698, въ л.

Это панигирикъ на бракъ стольника Ивана Обѣдовскаго съ Анною Кочубеевною. Филиппъ Орликъ подписался на немъ: писаремъ консисторскимъ митрополіи Кіевской. На оборотѣ заглавнаго листа гербъ Обѣдовскихъ, съ 12-стишіемъ Польскимъ; а въ текстѣ (на 17 и 19 л.) двѣ картинки, гравировки I. S. (Іосифа Щирскаго). Вторая картинка представляетъ залу, украшенную частями герба Мазепы (дяди Обѣдовскаго); а посрединѣ на столѣ два сердца, связуемья золотою цѣпью, двумя купидонами, возлѣ стола стоящими. Находится въ сборникѣ Величка.

О панигирикахъ Іоанна Орновскаго.

Іоаннъ Орновскій, піта Черниговскій, началъ печатать свои панигирики, будучи еще аудиторомъ емоквиціи: такъ онъ подписался на панигирикѣ.

XVII. Niebeski Merkuriusz. въ л.

Написанъ въ честь Станислава Голинскаго; но за утратою заглавнаго листа не видно, гдѣ (не въ Краковѣ-ли?) и въ которомъ году напечатанъ. Находится въ сборникѣ Романовскаго.

XVIII. Muza Roxolanska o triumfalney sławie y fortunie.

Напечат. въ Черниговѣ, 1688 въ л.

Эта Роксоланская Муза, въ честь гетмана Мазепы, украшена первоначальнымъ, неполнымъ его гербомъ, на оборотѣ своего заглавнаго листа. Находится въ сборникѣ Романовскаго.

XIX. Bogata drogich kamieniy Spreza. Напечат. въ Черниговѣ, 1693, въ л.

Въ честь стольника Ивана Обѣдовскаго. На оборотѣ заглавнаго листа долженъ быть гербъ его, а на слѣдующей страницѣ какая-то картина; но на обоихъ мнѣ извѣстныхъ экземплярахъ (въ сбор. Роман. и въ сборн. Величка) находятся только пробѣлы, оставленные для оттисковъ.

XX. Bagaty Wiryardz. Напечат. въ Кіевопечерской типографіи, 1705, въ л.

Этотъ панигирикъ написанный въ честь стольника и Харьковскаго полковника Θεодора Захаржевскаго, ¹⁾ украшенъ гравированными изображеніями герба Захаржевскаго и проч. Находится въ библиотекѣ Свидзинскаго.

XXI. Theatrum peregnis gloriæ. Напечат. въ Черниговѣ, 1699, въ л.

Этотъ панигирикъ въ честь гетмана Мазепы сочиненъ Петромъ Армашенкомъ. Находится въ библиотекѣ Свидзинскаго.

¹⁾ Фамильное имя Харьковскаго полковника стар. вину, наприимѣръ въ Помянникахъ Печерскихъ, писали по-Руски: *Захаревскій*.

Но оставимъ на время Латинопольскую Музу нашихъ Малороссійскихъ пѣнцовъ и риторовъ, и возвратимся къ Славянорусскимъ изданіямъ, выходившимъ изъ Киевопечерской типографіи съ 1633 по 1717 годъ включительно.

1850 г. Москва.

О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ шимомъ и дѣйствительномъ.¹

Полѣвка уже, какъ въ русской библіографіи состоялось и утвердилось положительное свѣдѣніе о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ—съ 1616-го года, и первопечатною книгою признанъ Ч а с о с л о в ъ, изданный въ Печерской Лаврѣ 1617 года.

Основаніемъ лаврской типографіи послужила типографіа Стратинская, оставшаяся безъ дѣйствія по смерти своего учредителя «благороднаго Θεодора Юрьевича Балабана» († 1606 г.), и купленная для печерской лавры достопамятнымъ ея архимандритомъ, Елисеемъ Плетенецкимъ. Объ этомъ ясно говорится въ двухъ тогдашнихъ киевскихъ книгахъ (Вѣзерункъ 1618 г. и Анеологіонъ 1619 г.).

Но въ прошломъ восемнадцатомъ вѣкѣ, богатомъ на историческія предположенія и выдумки, повелось и велось неправильное мнѣніе о книгопечатаніи въ Кіевѣ: будто оно началось еще въ первую треть шестнадцатаго вѣка, въ типографіи, подаренной Печерской лаврѣ въ 1531 г., княземъ Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ.

1) Кіевскія Епарх. Вѣдомости. 1872 г.

Кто первый пустилъ въ ходъ такое сказаніе, имѣть не извѣстно... По русскіе книголюбцы еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія усмотрѣли, что это сказаніе—небывальщина; не нашлось ни одной книги, напечатанной въ Кіевѣ въ шестнадцатомъ вѣкѣ, да и въ самомъ городѣ Острогѣ учреждена была типографія не раньше 1578-го года, заботою князя Константина Константиновича Острожскаго, воеводы кіевскаго. Нѣкоторые (какъ на примѣръ, архимандритъ Амвросій Орнатскій въ 1807 г.) думали было славнымъ именемъ сего князя замѣнить не менѣе славное имя отца его, великаго гетмана Литовскаго, погребеннаго въ Печерской церкви (1588 г.);—такъ думали они въ томъ предположеніи, что типографія князя Константина Константиновича досталась Печерской лаврѣ—въ годъ его кончины, и потому хотѣли пріурочить начало кіевскаго книгопечатанія къ 1608-му году. Но предположеніе это было также не впопадъ; ибо книгопечатаніе въ Острожской типографіи продолжалось и по кончинѣ ея учредителя, при его сынѣ, Янушѣ Константиновичѣ, каштелянѣ Краковскомъ, какъ о томъ свидѣтельствуется книга Часословъ, — «повелѣніемъ» этого князя напечатанная въ Острогѣ, двумя изданіями, 1612 года. Наконецъ, въ двадцатье годы нынѣшняго столѣтія, утвердилось вышеприведенное мною положительное свѣдѣніе о началѣ кіевскаго книгопечатанія, изслѣдованіями митрополита Евгенія, Кеппена и П. М. Строева. Сказаніе прошлаго столѣтія повторено было въ Кіевѣ—въ послѣднемъ изданіи прежняго «Краткаго описанія Кіевопечерскія Лавры», напечатанномъ 1817-го года, гдѣ при имени архимандрита Протасія (извѣстнаго въ 1535 году) сказано: «при семъ заведена типографія въ Лаврѣ». (стр. 141). Но Евгеній въ своемъ «Описаніи Кіевопечерской Лавры»—справедливо замѣтилъ о томъ сказаніи, что оно—«не имѣетъ никакого основанія». Но вотъ оно снова прокидается въ нынѣшнее время.

Въ 1866 году кіевскій священникъ Павелъ Троцкий напечаталъ двѣ статьи свои «о типографіи кіевопечерской Лавры» («Краткій очеркъ»—въ 9-мъ номерѣ Кіевскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей,—и пространную статью—въ Трудахъ

Кіевской Академіи, кн. 5 и 6.) Тамъ онъ представилъ нѣсколько неизвѣстныхъ доселѣ и любопытныхъ свѣдѣній о судьбѣ лаврской типографіи, прежней и новѣйшей, заимствованныхъ имъ изъ ея архива; и за эти свѣдѣнія нельзя не благодарить его. Что же касается до начала лаврской типографіи, то о немъ разсуждаетъ онъ на-трое, слѣдующимъ образомъ.

Во первыхъ—онъ признаетъ за вѣроятное, что мысль о заведеніи лаврской типографіи восходитъ къ концу 16-го столѣтія, когда патріархъ Іеремія въ 1588 году «на обратномъ пути, бывши въ Кіевѣ, благословилъ тѣмъ же благожеланіемъ и Печерскую Лавру.

Хотя это вѣроятіе о. Троцкій заимствовалъ у Евгенія: но мы знаемъ уже навѣрное, что патріархъ Іеремія совсѣмъ не былъ въ Кіевѣ; да и въ извѣстной грамотѣ его, данной Печерской Лаврѣ 1592 года, нѣтъ и помину о типографіи.

Во-вторыхъ—о. Троцкій признаетъ за несомнѣнное, что лаврская типографія восходитъ по времени своего основанія, хоть къ послѣднимъ днямъ жизни Константина Константиновича Острожскаго, который умеръ въ Кіевѣ 1608 года, а «можетъ быть даже и погребенъ тутъ».

Здѣсь опять напрасное отступленіе отъ исторической дѣйствительности. Князь К. К. Острожскій, скончавшійся 13-го февраля 1608 года, погребенъ въ Острогѣ, въ своей замковой Богоявленной церкви; а въ его Острожской типографіи продолжалось еще книгопечатаніе и послѣ его кончины, какъ замѣчено выше.

Въ-третьихъ—признавъ за несомнѣнное начало лаврской типографіи 1608-й годъ, о. Троцкій говоритъ еще вотъ что: «слишкомъ уважая древнее преданіе о началѣ лаврской типографіи, такъ ясно и хорошо обставленное мы надѣмся, что своимъ мнѣніемъ сдѣлали поворотъ къ его оправданію. Можетъ-быть со временемъ найдутся книги лаврской печати шестнадцатаго столѣтія, или другія данныя которыя поведутъ и къ современному оправданію почтеннаго преданія; въ этомъ мы не теряемъ надежды».

Что же если бы эта надежда о Троицкаго дѣйствительно оправдалась? Тогда бы и то, что призналъ онъ за вѣроятное, и то, что назвалъ онъ несомнѣннымъ, оказалось бы невѣрнымъ и напраснымъ! Да и зачѣмъ называть древнимъ преданіемъ то, что принадлежитъ къ вымысламъ прошлаго столѣтія, столь не сходнымъ съ ясными свидѣтельствами предшешаго 17-го вѣка?...

Такимъ образомъ все разсужденіе о Троицкаго, въ которомъ онъ желалъ совмѣстить три прежнія, уже отвергнутыя наукою, предположенія о началѣ лаврской типографіи, оказывается несостоятельнымъ и напраснымъ. Назвавъ несостоятельнымъ начало типографіи лаврской въ 1608 году, онъ не усумнился внести въ число первопечатныхъ кievскихъ книгъ такія четыре книги, о которыхъ не было еще и помину въ библиографіи, и которыя онъ вычиталъ въ новѣйшихъ описяхъ старыхъ книгъ, не озаботясь повѣрить показаніе тѣхъ описей самими книгами, присланными изъ приходскихъ церквей въ Печерскую Лавру. Таковы у него:

- 1) Минея общая, 1608 года.
- 2) Псалтирь, 1609 года.
- 3) Трїодъ постная, 1615 года.
- 4) Трїодъ постная, 1618 года.

Не ограничишь ими, о Троицкій включилъ въ свой списокъ первопечатныхъ кievскихъ книгъ еще двѣ, которыя поименованы были въ каталогахъ Василія Сопикова 1813 г. но тамъ же не были признаны за достовѣрныя.

5) Канонникъ, 1614 г. взятый Сопиковымъ изъ письменнаго каталога Московскои духовной типографіи, съ такою оговоркою въ предисловіи: «чего однакожь, не выдавъ оной, утверждать не смѣю». А позднѣвшій московскій библиографъ, покойный В. М. Ундольскій, говоритъ, что въ библиотекѣ московскои синодальной типографіи—нѣтъ и не было этой книги, и прибавляетъ: «смѣло можетъ назвать это показаніе Сопикова—недоразумѣніемъ». (См. въ Хронологическомъ Указателѣ М. 1871 г., очеркъ славяно-русскои библиографіи, стр. 29).

6) Акаѳистъ св. великомученицѣ Варварѣ, 1639 года.—Всѣ эти шесть книгъ, взятыя на вѣру изъ каталоговъ рукописныхъ, можно отнести къ недоразумѣніямъ библиографическимъ и нельзя принять ихъ въ число старопечатныхъ изданій кievскихъ. Что-же касается до поворота къ прежнему сказанію о началѣ книгопечатанія Кіевскаго, будто-бы еще въ шестнадцатомъ вѣкѣ, то мы замѣтили такойже поворотъ и въ богатой содержаніемъ статьѣ достопочтеннаго о. архимандрита Леонида: «Описаніе Славянорусскихъ рукописей Воскресенскаго монастыря, Новымъ Іерусалимомъ именуемаго,» напечатанной въ первой книгѣ Чтеній, 1871 года. Въ его замѣткахъ о старопечатныхъ книгахъ тогоже хранилища, поименовано десять кievскихъ изданій и между ними первое:

Тріодъ постная (безъ выходнаго листа) съ надписью по листамъ, относящеюся къ 1562 году; «лѣта 7070 далъ книгу сію въ домъ чудному Богоявленію старецъ Севастьянъ, митрополичь ключникъ.»

По этой надписи очевидно, что та Тріодъ Постная принадлежитъ къ изданіямъ шестнадцатаго вѣка; но чтобы она принадлежала къ изданію кievскимъ, того не видно и изъ слѣдующихъ словъ о. Леонида:

«По примѣтамъ, это одно изъ первоначальныхъ изданій лаврской типографіи, устроенной княземъ Острожскимъ въ 1531 году.»

Безъ выходнаго листа, на которомъ могли быть означены время и мѣсто печати, ближайшими примѣтами моглибы служить шрифтъ и бумага; по нимъ на тріодъ постная оказалась—бы, вѣроятно, одинаковою съ которымъ-либо изъ трехъ изданій этой книги, напечатанныхъ въ разныхъ мѣстахъ до 1562 года. Сказаніе же объ устроеніи лаврской типографіи въ 1531 году, княземъ К. И. Острожскимъ, есть выдумка, отвергнутая еще въ началѣ нынѣшняго вѣка русскими книговѣдцами, въ томъ числѣ и Сопиковымъ.

Единственною примѣтою въ той надписи остается упомянутый въ ней «домъ Чуднаго Богоявленія.»

О. Леонидъ говоритъ: «здѣсь надобно полагать церковь Божоявленскаго монастыря, при которомъ въ 1589 году основалась школа, но благословенію патріарха Теофана.»

Нѣтъ никакой надобности, ни даже исторической сирраведливости, полагать это. Въ Кіевѣ до 1615 года не видно ни Божоявленской церкви, ни монастыря при ней, ни школы, ни изъ одного письменнаго памятника тѣхъ временъ (какъ это объяснено въ моемъ изслѣдованіи «О первыхъ временахъ Кіевскаго Божоявленскаго Братства»). Предполагаемое благословеніе Іереміи на основаніе Божоявленской школы остается для нея только во возможности, еще не нашедшею себѣ оправданія въ свидѣтельствахъ того временныхъ. Что-же касается до «дома мудраго Божоявленія», упомянутаго въ надписи, то въ немъ прежде всего можно полагать знаменитый Божоявленскій храмъ въ Острогѣ, принадлежавшемъ князю Константину Константиновичу, бывшему тогда (т. е. въ 1562 г.) уже воеводою кіевскимъ.

Въ замѣткѣ о. Леонида находится случайная обмолвка: вмѣсто бывшаго на мысли Патріарха Іереміи, поставлено имя патріарха Теофана. И какъ оно кстати!

Теофанъ, довольно долго гостившій въ предѣлахъ Кіева, возстановивъ здѣшнюю православную митрополию, утвердилъ своимъ благословеніемъ недавнее братство, и монастырь, и школу, при церкви Божоявленской, заложенной въ началѣ 1616 года. Въ его-же грамотѣ, данной Печерскому монастырю 1620 года, упоминается между прочимъ и о Печерской типографіи, но какъ объ учрежденіи недавнемъ: «Благохвально же къ тому и въ типографскомъ дѣлѣ, разсѣяніе въ общую пользу всѣхъ христіанъ слова Божія изданіемъ книгъ. Сія вся и иная начинанія и дѣянія, яже суть во спасенію, преподобнаго архимандрита Елисея Плетенецкаго съ братією, яже о Христѣ, благословихомъ его и благословляемъ.» Вотъ еще свидѣтельство, въ дополненіе къ сказаніямъ о началѣ Печерской типографіи въ тогдашнихъ кіевскихъ книгахъ (напримѣръ, въ Анеологіонѣ 1619 г.). Теофанова грамота приводится въ грамотѣ Московскаго патріарха Іоанн-

ма, данной печерской лаврѣ 1688 года. Сей приснопамятный іерархъ, бывшій въ первой половинѣ семнадцатаго вѣка ученикомъ Кіевобратской коллегіи, а въ срединѣ того вѣка инокомъ Кіево-Межигорскаго монастыря, конечно, перешелъ въ Москву съ тогдашнимъ, вѣрнымъ знаніемъ о началѣ книгопечанія кіевскаго; а потому свѣдѣніе о томъ, сохранившееся въ грамотѣ 1688 года, важно для насъ, какъ свидѣтельство того вѣка, до исхода его существовавшее и въ кіевской Руси и въ московской. Заслонило было оно вымышленнымъ сказаніемъ восемнадцатаго вѣка, въ продолженіе его господствовавшимъ, и колебательнымъ освобожденіемъ отъ него, происходившимъ въ началѣ нынѣшняго, девятнадцатаго вѣка. Но когда оно уже возобновилось сполна, въ двадцатые годы сего столѣтія, оправданное изслѣдованіями и соображеніями строго научными, тогда напрасными оказываются всѣ новыя отступленія отъ него и повороты къ прежнимъ недоразумѣніямъ и предположеніямъ.

Въ 5-й главѣ моей «книжной Старины Южнорусской, помѣщенной въ 3-й книгѣ Кіевлянина (1850 г.), перечислено 32 книги, напечатанныя въ кіевопечерской типографіи, въ первый періодъ ея бытія (1616—1632 гг.), начиная съ Часослова 1617 г. и до Евхаристіріона 1632 г. включительно. Съ той поры доннѣ, къ тому списку первопечатныхъ кіевскихъ книгъ прибавились двѣ новоузданныя книги:

1. Акаѳистъ Успенію пресв. Богородицы. 1625 г. въ 4-ку.

2. Житія преп. Памвы и св. мученицы Акилины. 1625 г. въ 4-ку.

(См. въ Дополненіяхъ въ очерку Ундольскаго, составленныхъ А. Ѳ. Бычковымъ, номера 5 и 6.)

Такъ медленно въ славянорусской библиографіи совершается дѣйствительное приращеніе ея свѣдѣній о первопечатныхъ изданіяхъ кіевской и другихъ типографій стародавнихъ!

17 Марта, 1872 года.

Михайлова-Гора.

О ПЕРВОМЪ ИЗДАЧИИ ДИДАСКАЛІИ СИЛЬВЕСТРА КОССОВА ¹⁾.

Извѣстна въ Русской Библіографіи книга Дидаскаліи албо наука о седми сакраментяхъ, напечатанная въ Кутейнскомъ монастырѣ 1653 года, въ 4. На заглавномъ листѣ ся сказано, что она первѣй преподана была наустро священникамъ, на помѣствомъ Могилевскомъ Соборѣ 1637 года Октября 18, отъ Сильвестра Коссова бывшаго въ то время епископомъ, а съ 1647 года Кіевскимъ Митрополитомъ; что она (т. е. Дидаскалія) потомъ отдана была Сильвестромъ въ печать; а потрете напечатана въ 1658 году въ монастырѣ Кутейнскомъ.—Слово потрете, безъ сомнѣнія, значить здѣсь въ третій разъ. Впрочемъ г. Сахаровъ (въ Обзорѣни Библіографіи СПб. 1849 стр. 82) сомнѣвается въ такомъ значеніи слова потрете, говоря, что и первыхъ двухъ изданій доселѣ невидно».

И въ самомъ дѣлѣ они не извѣстны были въ нашей Библіографіи до 1849 года. Въ этомъ году, въ моей Книжной старинѣ, напечатанной въ 1 книгѣ Временника, я извѣстилъ между прочимъ о находящейся въ библіотекѣ г. Свидзинскаго книжкѣ: о Мистиріяхъ или тайнахъ в посполитости, напечатанной въ Кременцѣ 1638 года. Я сказалъ что это Кременецкое изданіе вѣроятно есть первопечатное изданіе Дидаскаліи. Но теперь это дѣло объясняется иначе.

На сихъ дняхъ извѣстный книголюбецъ и соревнователь Общества Исторіи и Древностей, Тиховъ Оедоровичъ Большаковъ, приобрѣлъ единственный экземпляръ неизвѣстнаго до нынѣ Кутейнскаго изданія Дидаскаліи, напечатанной чрезъ три мѣсяца послѣ вышеупомянутаго Могилевскаго Собора; именно 1634 года Генваря 17 (по прежнему счету года). При этой находкѣ, библіографія наша получаетъ вѣрное свѣдѣніе

¹⁾ Временникъ Императорскаго Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ 1850 г. книга VII, смѣсь стр. 77—78.

о первопечатномъ изданіи Дидакаліи, которое сдѣлано въ Кутейнѣ 1637 года.

Поставляю себѣ въ удовольствіе дать извѣстіе объ этой библиографической новости.

19 Мая 1850 г.

ВИБЛЮГРАФИЧЕСКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ Г. ГИЛЬДЕ- БРАНДТУ ¹⁾.

Въ первомъ номерѣ «Виленскаго Вѣстника» сего года помѣщена статья г. Гильтебрандта «Апокрисисъ», написанная по поводу недавняго изданія въ Кіевѣ этой знаменитой Острожской книги, въ память юбилея Кіевской Духовной Академіи 28 сентября 1869 года. Предоставляю профессору Малышевскому и его сотрудникамъ отозваться на тѣ замѣчанія г. Гильтебрандта, которыя относятся собственно къ ихъ труду на переводомъ, объясненіемъ и изданіемъ Апокрисиса. Съ своей стороны я считаю безполезнымъ предложить слѣдующія замѣтки на статью Виленскаго критики.

1.

Кто сочинилъ Апокрисисъ, изданный 1597 подъ именемъ Христофора Филалета? Въ началѣ статьи своей г. Гильтебрандтъ говорилъ вотъ что: «Псевдонимъ, принятый авторомъ Апокрисиса, подалъ поводъ нѣкоторымъ, въ томъ числѣ и преосвященному Филарету, приписывать сочиненіе

¹⁾ Кіев. Епархіальн. Вѣдом. 1871. № 15 с 357-363.

это Адаму Потѣю. Несообразность этой догадки удивить каждаго, кто помнитъ, что еще задолго до 1597 г. Потѣи вмѣстѣ съ Терлецкимъ путешествовали въ Римъ, гдѣ отдались въ духовное подданство папѣ и за сіе удостоились цѣлопанія его туфли».

Задолго до 1597 года!... Всего-то за годъ съ немногими недѣлями. И зачѣмъ называть Потѣя Адамомъ, когда онъ въ тѣ годы извѣстенъ былъ уже подъ именемъ Ипатія? Но вотъ что должно удивить самаго г. Гильтебрандта: собственная его неосмотрительность, съ какою вывелъ онъ на историка русской церкви сущую напраслину и небылицу. Невозможное дѣло, чтобы покойный Филаретъ приписалъ сочиненіе Апокрисиса — отступнику отъ православія, Ипатію! Это не болѣе, какъ случайное недоразумѣніе г. Гильтебрандта, отъ котораго справедливо было бы ему отказаться печатно и повиниться передъ памятью знаменитаго писателя.

Филаретъ, въ первомъ изданіи своей исторіи, напечатанномъ въ Ригѣ 1847 года, слѣдовалъ господствовавшему тогда мнѣнію, что Апокрисисъ напечатанъ въ Вильнѣ и сочиненъ Мелетіемъ Смотрицкимъ (см. на стр. 105). Объ этомъ упомянуто было въ моей «Книжной старинѣ южпорусской», напечатанной 1849 г. во Временникѣ Моск. Общ. Исторіи древностей. Тамъ я сказалъ, что Мелетій Смотрицкій въ 1597 году былъ еще молодъ (лѣтъ 18-ти) для сочиненія книги столь важной по своему назначенію и достоинству, и что онъ выступилъ на полемическое поприще не прежде какъ въ 1610-мъ году, извѣстною книгою Орinnostъ, напечатанною въ Вильнѣ, подъ именемъ Теофила Ореолога. Это сказано было мною въ отрицаніе господствовавшаго тогда мнѣнія, пущеннаго въ ходъ достопамятнымъ Сопиковымъ, 1813 года (см. у него I, 69). Мое замѣчаніе было не напрасное; и у Филарета, въ новѣйшемъ изданіи его Исторіи русской церкви, напечатанномъ въ Черниговѣ 1862 г., сказано такъ (см. кн. 4, стр. 92): «Апокрисисъ изданъ подъ именемъ Христофора Филалета, безъ указанія года и мѣста печати. Максимовичъ (Временникъ Общ. Ист. № 1), основываясь на шрифтѣ книги и на

свидѣтельствѣ Стебельскаго, полагаетъ, что Апокрисисъ написанъ Христофоромъ Бронскимъ (а не Смотрицкимъ) и изданъ въ Острогѣ 1597 года (а не въ Вильнѣ).

Сказаніе ученаго и весьма дѣльнаго уніата Стебельскаго (1781 г.), что Апокрисисъ сочиненъ Христофоромъ Бронскимъ, призваннымъ на то и щедро вознагражденнымъ за то достославнымъ княземъ К. К. Острожскимъ, я не усомнился признать за свидѣтельство положительное. Впрочемъ не я первый, положась на Стебельскаго, призналъ Бронскаго сочинителемъ Апокрисиса. Того же мнѣнія былъ еще митрополитъ Евгеній (см. въ Описаніи Кіевософійскаго собора, 1825 г., стр. 145 и 147), о чемъ также упомянуто въ моей «Книжной старинѣ». Покойному Филарету Черниговскому, а послѣ него профессору Малышевскому, принадлежатъ дальнѣйшія соображенія и розысканія о личности Бронскаго. Между тѣмъ г. Гильтебрандтъ говоритъ, что «приписывать Христофору Бронскому авторскія права на Апокрисисъ, по меньшей мѣрѣ, было бы неосторожно!» Такое предостереженіе со стороны Виленскаго критика могло бы имѣть значеніе тогда, если бы онъ показалъ намъ инаго сочинителя Апокрисиса болѣе достовѣрнаго изъ современныхъ ему документовъ и свидѣтельствъ узаннаго.

2.

Гдѣ напечатанъ Апокрисисъ въ концѣ 1597 года? Кіевскіе издатели его согласны съ моимъ мнѣніемъ, что онъ напечатанъ былъ въ Острогѣ. Виленскому критику хочется отстоять прежнее мнѣніе о напечатаніи Апокрисиса въ Вильнѣ. Мое мнѣніе объ этомъ представилъ онъ не совсемъ вѣрно, придавъ ему то, что принадлежитъ соображенію профессора Малышевскаго. У меня не было и рѣчи объ изданіи Апокрисиса на языкѣ польскомъ. Я имѣлъ въ виду только изданный на языкѣ западнорусскомъ. Три экземпляра его было у меня подъ рукою въ Кіевѣ 1847 г., въ томъ числѣ принадлежащій Михайловскому монастырю, стараніемъ Иринея Фальковскаго переплетенный одинъ томъ

съ книгою Отписъ. Достаточно было мнѣ сличить эти двѣ двѣ книги, т. е. Апокрисисъ и Отписъ, для посомнѣннаго убѣжденія, что обѣ онѣ—одной и той же типографской руки: не только Острожскій шрифтъ, какого не видно въ тѣ годы ни на одной книгѣ, напечатанной въ Вильнѣ, но и форматъ, и бумага, и весь наборъ одни и тѣже! И когда я показалъ это посѣщавшему нерѣдко меня тогда книговѣдцу К. К. Свидзинскому, онъ, пристально поглядѣвши на нихъ, сказалъ: да Апокрисисъ несомнѣнно изданіе Острожское.

Желая удержать за Вильною напечатаніе этой книги, г. Гильтебрандтъ представляетъ сперва предположеніе свое будто князь К. К. Острожскій приказалъ часть шрифта изъ своей печатни переправить въ Вильну, и этимъ шрифтомъ здѣсь, въ Вильнѣ, отпечатать Апокрисисъ! Изданіе этой книги было тогда дѣло многозначашее и слѣпное, совершавшееся подъ рукою самаго князя. Съ какой стати было бы ему, изъ своего благонадежнаго города Острога, отряжать типографскій шрифтъ въ треволенную тогда Вильну, для напечатанія тамъ, заочно, столь важнаго въ ту пору Апокрисиса!...

Гораздо важнѣе указаніе г. Гильтебрандта на Пятириму Пращицу 1721 года, въ которой помѣщено Кіевское свидѣтельство, что Апокрисисъ напечатанъ въ Вильнѣ.

«Противъ этого трудно что возразить»,—говоритъ г. Гильтебрандтъ. Но я предлагаю ему въ возраженіе вотъ что: 1) Напрасно онъ называетъ «древнимъ свидѣтельствомъ» то, которое принадлежитъ второму десятилѣтію прошлаго, 18-го вѣка. 2) Напрасно онъ говоритъ: «вѣроятно Пятиримъ находился въ сношеніяхъ съ Кіевомъ». Изъ Пращицы достовѣрно извѣстно, что отъ Пятирима въ 1717 году былъ нарочито посланъ въ Кіевъ монахъ Теофилактъ «снисканія ради книгъ древнихъ», вернувшійся въ Москву въ генварѣ 1718 года. 3) Въ числѣ книгъ, привезенныхъ Теофилактомъ изъ Кіева, была «изъ Софіи святой книга, нарицаемая Апокрисисъ или отповѣдь о соборѣ Берестенскомъ друкованная въ Вильнѣ 1597 года». Это напечатано въ

Пращицѣ дважды, и въ текстѣ, и въ послѣсловіи. Но вѣдь это не болѣе, какъ мнѣніе Кіевлянъ прошлаго столѣтія, написанное черезъ 120 лѣтъ послѣ изданія Апокризиса. Можно ли вѣряться такому позднему мнѣнію, вопреки дѣйствительной очевидности, которая говоритъ сама за себя? Будь это сказано въ Кіевѣ во время близкое къ 1597 году, хотѣ бы наприимѣръ въ Палинодіи, тогда бы еще можно было, не довѣряя своимъ глазамъ, полежаться на свидѣтельство такихъ людей, которые знали дѣло и писали о немъ по горячимъ его слѣдамъ, по живому преданію современниковъ. А у кіевлянъ прошлаго столѣтія не было вѣрнаго и точнаго свѣдѣнія даже о томъ, когда началось книгопечатаніе въ Кіевѣ. Въ заключеніе скажу еще, что г. Гильтебрандтъ напрасно называетъ двумя особыми книгами Отписъ и Исторію о листрійскомъ или флоренскомъ соборѣ: эта исторія есть продолженіе Отписа, начинающееся на 9-й тетради и кончающееся на первой страницѣ 15-й тетради одной и той же книги, напечатанной въ Острогѣ 1598 года.

3.

Давно уже ведется въ русской библіографіи мнѣніе и сомнѣніе о двукратномъ изданіи Острожской бібліи, — какъ это можно видѣть изъ книги Сопикова (1, стр. 46). Смотри также Ундольскаго «Каталогъ бібліотеки Кастерина» 1848 г. (№ 30 и 32). Въ моихъ «письмахъ о князьяхъ Острожскихъ», изданныхъ въ Кіевѣ 1866 года, я не усомнился сказать слѣдующее: «Того же (1580) года напечатана была отдѣльно Симфонія въ 8-ку, а наконецъ и полная Библия въ листъ. Это первое изданіе Острожской Библии величайшая рѣдкость. Встрѣчается обыкновенно второе ея изданіе 1581 года» (стр. 88).

Въ предисловіи къ кіевскому изданію Апокризиса сдѣлано мимоходное примѣчаніе о двукратномъ изданіи Острожской Библии, 1580 и 1581 г. (стр. XXVII). Противъ этого примѣчанія, г. Гильтебрандтъ возражаетъ такимъ соображеніемъ своимъ, что «набрать и напечатать, въ то время, въ

одинъ годъ такую книгу, какъ библія Острожская, не мыслимо!»

Но въ дѣйствительности, бываетъ то, что кажется, не мыслимо, и наоборотъ, не встрѣчается того, что казалось мыслимо. У насъ нѣтъ извѣстія о томъ, въ какомъ именно году достопамятный Москвитинъ, Иванъ Ѳеодоровъ, началъ издѣвать Острожскую Библію. Но изъ печатныхъ выходныхъ листовъ въ концѣ книги, встрѣчаемыхъ съ его именемъ, достоверно извѣстно, что въ первый разъ отпечатана была имъ Библія—1580 года 12 іюня (должно быть, въ небольшомъ числѣ экземпляровъ); а во второй разъ (же окончательно)—1581 года 12 августа. При этомъ второмъ изданіи сдѣланы нѣкоторыя перемѣны въ самомъ текстѣ: этими разностями и отличается оно отъ перваго изданія также, какъ и послѣднимъ, выходнымъ листомъ. Покойный книговѣдецъ Т. Ѳ. Большаковъ показывалъ мнѣ, въ Москвѣ, въ 1850 году, листы перваго изданія Библіи съ разностями противъ втораго, и говорилъ мнѣ, что ему извѣстно пять экземпляровъ перваго изданія. Есть экземпляръ его и въ Императорской публичной библіотекѣ.

Въ концѣ статьи своей, г. Гильтебрандтъ объявляетъ, что въ нынѣшнемъ году будетъ издана въ Вильнѣ—«величайшая библиографическая рѣдкость: Виленскій Соборъ 1509 года» и говоритъ, что «подробное изслѣдованіе объ этой маленькой книжицѣ, быть можетъ, заставитъ считать первою печатною ее, а не виленскій Апостоль». То есть быть можетъ окажется, что въ Вильнѣ началось книгопечатаніе прежде 1525 года, въ которомъ былъ тамъ изданъ апостоль. Тогда тотъ экземпляръ Виленскаго Собора, добытый для виленской библіотеки А. В. Рачинскимъ, дѣйствительно былъ бы-старопечатною драгоценностью!»

Но-быть можетъ окажется, что та «маленькая книжица» есть экземпляръ старопечатнаго, давно извѣстнаго въ библиографіи нашей изданія Виленскаго собора, которое напечатано было во Львовѣ. Объ этомъ изданіи упомянуто было и въ моей книжной старинѣ (гл. III), съ ссылкой на Сопикова (I, 1394). Нынѣ я сошлюсь на недавнее «До-

полненіе» А. О. Бычкова къ Очерку Библіографіи, гдѣ подъ № 4-мъ означенъ: Соборъ, во градѣ Вильни бывшій, Львовъ, 1614 г. въ 4-ку, 24 страницы».

Впрочемъ, я порадовался бы оправданію не моего заочнаго предположенія, что то книжица Львовскаго изданія, а ихъ ожиданія, что она напечатана въ Вильнѣ еще до 1525 г.

1871 г. 4 іюня Михайлова Гора.

О ДВУХЪ СТИХОТВОРЕНІЯХЪ

„Плачь Малой Россіи“ и „Милость Вожія“¹⁾.

Въ 18 номерѣ Киевскихъ Епархіальн. Вѣдомостей помѣщены любопытные старинные стихи „Плачь Малой Россіи“. Г. Петровъ, нашедшій эти стихи въ тетради, писанной 1719—20 г. ученикомъ піитики Андреемъ Гарасимовичемъ, принялъ ихъ за „его школьное упражненіе“. Но съ этимъ согласиться нельзя. Такихъ стиховъ не сочинить бы въ Кіевѣ ни ученику, ни учителю піитики около 1720 года. Гарасимовичъ только переписалъ ихъ въ свою тетрадь, съ ошибками противъ стихосложенія, чего ужъ никакъ бы не случилось, еслибъ онъ былъ ихъ сочинителемъ. Не знаю, каковъ тамъ Латинскій переводъ этихъ стиховъ; если ученическій, то можно навѣрное сказать, что они списаны у Гарасимовича, какъ тема, для упражненія въ переводѣ на Латинскій языкъ.

Сдѣлавъ одну ошибку, г. Петровъ впадаетъ въ другую. Онъ говоритъ, что стихотворное упражненіе Гарасимовича «затрогиваетъ современные, общественные вопросы; оно сильно вооружается противъ какихъ то ляхолюбцовъ сво-

¹⁾ Киевскія Епархіальныя Вѣдомости 1865, № 22, с. 837.

его времени, изъ среды самыхъ сыновъ Малой Россіи, которые хотѣли предаться Полякамъ, вездѣ ихъ хвалити и хотѣли быть уніатами, а вѣрныхъ порицали и чуть «не палили», по выраженію Гарасимовича» (стр. 705). «Описываемое упражненіемъ состояніе Малороссійскаго общества (прибавляетъ г. Петровъ) надо полагать продолжалось и далѣе 1720-хъ годовъ» (стр. 709).

Такимъ истолкованіемъ г. Петровъ—и ученика піитики заставляеть вооружаться противъ историческихъ призраковъ, и на тогдашнее Малороссійское общество взводитъ напраслину; ибо въ то время, подъ конецъ гетманства Скоропадскаго, ляхолубцевъ не примѣтно въ Малороссіи. Тогдашній поэтъ, полный современными скорбями своей родины, могъ бы обращать къ ея сынамъ не тѣ укоризны и жалобы, въ которыхъ состоитъ «Плачь Малой Россіи».

Этотъ стихотворный «Плачь» относится къ тому печальному состоянію общественной Малороссійской жизни, которое было во время Выговщины, наставшей по смерти Богдана Хмельницкаго. Добывшій себѣ гетманство Иванъ Выговскій и съ нимъ согласные старшины—Гуляницкій, Тетеря, Груша и прочіе, потянули на сторону Польши, дабы Малороссію, присоединенную Богданомъ къ державѣ Русской, поставить снова подъ короною Польскою. Къ этимъ-то ляхолубцамъ и обращается современный поэтъ, отъ лица Малороссіи, разрывавшейся надвое и страдавшей долго отъ войнъ междоусобныхъ.

«Всѣ маткою называютъ,
А не всѣ за матку мають;
Другій хочетъ загубити,
Въ ложцѣ воды утопити;
Бо чи треба жъ горкой муки,
Якъ подати Ляхомъ въ руки;»

.
«А вы дѣтки—охъ, утѣха!
Прошлого схотѣли лиха.
Еще я крыль не простерла,
Еще и слезъ неутерла:

А вамъ, дѣтки, жаль то стало,
Що я отдохнула мало»

.
«Ой не сыны вы, ой не дѣти:
Хощуть мене загубити.
Ляхолюбци, ляхолюбци,
Ти мои, ти згубци!
Якъ саранча налетѣли,
Домы и церкви посквернили.
Куда пойдешь, Ляхивъ хвалять,
Вѣрныхъ тилько що не паять»

Ничего подобнаго не было и не могло быть въ Малороссіи 1720-хъ годовъ.—Вотъ еще напоминаніе того безотраднaго положенія, въ какомъ находился православный Малороссійскій народъ, передъ гетманствомъ Богдана Хмельницкаго.

«Охъ, якъ скоро вы забули,
Що и видѣли и чули,
Якъ подъ тими ворогами
Стогнала я, тяжко зъ вами,
Стогнала я ни отрады
Не мѣючи, ни порады;
Коли Жиды проклятыи
Держали церкви святыи,
И отъ святой креста бани
Вытягали у насъ дани» и т. д.

Ясное дѣло, что это напоминаніе обращено именно къ тѣмъ ляхолюбцамъ, которые сами видѣли бѣдственное положеніе Малороссійскаго народа, передъ возстаніемъ Богдана Хмельницкаго на Поляковъ.

И такъ этотъ «Плачь Малой Россіи» слѣдуетъ отнести къ 1658 году. Въ небольшомъ ряду стихотвореній, писанныхъ въ XVII вѣкѣ на народномъ языкѣ Малороссіи, онъ займетъ почетное мѣсто.

Задавшись мыслію, что это стихотвореніе есть «школьный опытъ» ученика Гарасимовича въ 1720 году, и что въ немъ изображаются обстоятельства изъ «тогдашней жизни

Малороссіи», г. Петровъ предполагаетъ, что воображаемыя имъ ляхолюбцы того десятилѣтія были въ виду и у сочинителя драмы о Богданѣ Хмельницкомъ, названной «Милость Божія». Онъ полагаетъ, что эта драма сочинена—«можетъ быть»—Оеофаномъ Трофимовичемъ, который былъ въ Академіи учителемъ піитики въ 1729 году. Но я остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи, что ее написалъ въ 1728 году Оеофанъ Прокоповичъ. Я нашелъ ее, лѣтъ за двадцать въ двухъ рукописныхъ сборникахъ Оеофановыхъ сочиненій, и въ обоихъ слѣдуетъ она за драмою «Владиміръ Великій». А что нашелся теперь еще одинъ ея списокъ, въ риторикѣ, преподанной въ Академіи 1728 года Стефаномъ Калиновскихъ, то это, мнѣ кажется, только подтверждаетъ принадлежность ея образцовому писателю. Потому же она могла быть приложена и къ піитикѣ, преподанной въ 1729 году Оеофаномъ Трофимовичемъ и ходить по рукамъ въ отдѣльныхъ спискахъ. Но мудрено, чтобы собиратели сочиненій достославнаго, единственнаго Оеофана приписали ему произведеніе почти неизвѣстнаго учителя піитики, по сходству ихъ именъ. Для г. Петрова кажется даже страннымъ, чтобы знаменитый іерархъ, жившій тогда въ столицѣ и обремененный прямыми своими занятіями, рѣшился писать драму для Кіевскихъ училищъ. Но вѣдь этотъ верховный Оеофанъ былъ ученикомъ, учителемъ и ректоромъ Кіевской Академіи. Вызванный изъ нея для епископства, онъ и на далекомъ сѣверѣ чувствовалъ свою близость къ ней, называлъ себя ея представителемъ, отъ репутаціи котораго зависить и ея репутація (говорю словами извѣстнаго письма его къ академистамъ). А въ 1728 году Оеофанъ болѣе полугода проводилъ въ сообществѣ гетмана Данила Апостола ¹⁾, Прилуц-

¹⁾ Въ «Краткомъ Журналь» о повздыѣ въ Москву гетмана Апостола, между прочимъ написано.

«Марта 23-го. По обѣдѣ былъ ясневелиможный зъ нѣкоторыми п. и. старшиною въ преосвященнаго архіепископа Новгородскаго и Великихъ Лукъ отца Прокоповича, и тамъ вечералъ и забавилъ мало не до полночи».

«25-го. Въ понедѣлокъ, въ день Благовѣщенія Богородицы, житль служеніе его преосвященство отецъ Оеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ».

каго полковника Галагана, Лизогуба, Кочубея и многихъ другихъ Малороссіянъ, находившихся тогда въ Москвѣ, по случаю коронаціи Петра Втораго. Въ ту свѣтлоблеснувшую для нихъ пору, пылкой душою Теофанъ, конечно, не одинъ разъ исполнялся живымъ воспоминаніемъ своихъ молодыхъ лѣтъ и своей Кіевской родины и, вдохновясь ея первенствующимъ героемъ и подвижникомъ, гетманомъ Богданомъ, написалъ драму «Милость Божія» именно для представленія въ Академіи Кіевской. Эта небольшая драма вышла изъ-подъ его многоопытнаго пера гораздо художественнѣе, чѣмъ первая, написанная въ 1705 году. И какъ въ той прежней драмѣ учителя піитики поставленъ хвалебный финаль о митрополитѣ и гетманѣ того времени, вѣщаніемъ св. Андрея Первозваннаго; такъ и подъ конецъ этой драмы піиты-іерарха «Смотрѣніе Божіе» предсказываетъ Украинѣ незыблемое блаженство, и тутъ воздается похвала юному царю, новоизбранному гетману Данилу и Академіи Кіевской; а въ заключеніе «хоръ поетъ похвалы Хмельницкому»:

«Вѣчной похвалы отъ насъ есть достоинъ
Храбрый на земли и на морѣ воинъ,
Войскъ Запорозскихъ Хмельницкій старѣйшій,
Вождь изряднѣйшій» и т. д.

Извѣстно, съ какою легкостію Теофанъ писалъ стихи Русскіе, Польскіе и Латинскіе.

«Музь чистыхъ собесѣдникъ»,
Онъ не покидалъ стихотворства до послѣдняго года своей жизни.

1865 г. 12 Октября
Михайлова Гора.

Новгородскій и Великихъ Лукъ, въ церквѣ святыхъ мучениковъ Флора и Лавра, близъ квартери ясновельможнаго будучой, гдѣ и его вельможность изволилъ слухать службы Божой, а по службѣ, мало сождавши на своей квартери, отъѣхалъ до его преосвященства и тамъ кушалъ обѣдь (ибо еще вчерайщаго числа нарочное на то ясновельможность прошенъ) и забавился до амого вечера».

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ ¹

ΘЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА.

(Письмо къ П. И. Бартеву).

На этихъ дняхъ я занялся чтеніемъ книги г. Чистовича: «Θеофанъ Прокоповичъ и его время». Много новыхъ подробностей прибывало въ мое знаніе изъ этой почтенной книги; но на 602-й страницѣ удивило меня слѣдующее примѣчаніе: «Г. Максимовичъ приписываетъ Θеофану Малороссійскіе стихи о ляхолубіи и ляхолубцахъ, напечатанные въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1865 года № 18.» Не будь этого указанія на К. Епарх. Вѣдомости, гдѣ преимущественно, въ послѣдніе семь лѣтъ, печатались мои статьи я могъ-бы подумать, что въ примѣчаніи г. Чистовича говорится не обо мнѣ, а о комъ-либо другомъ изъ моихъ софамильцевъ... (былъ Михайло Николаевичъ Максимовичъ, печатавшій свои стихи въ Звѣздочкѣ г-жи Ишимовой; но онъ скончался еще въ 1859 году). Смотрю въ алфавитный указатель—и тамъ тоже: «Максимовичъ, писатель. Приписываетъ Θеофану Прокоповичу Малороссійскія стихотворенія противъ ляхолубія и ляхолубцевъ» (стр. 741). Хорошъ же я писатель, по такой замѣткѣ обо мнѣ г. Чистовича! Но зачѣмъ же онъ приписалъ мнѣ такое мнѣніе, какого нигдѣ и никогда я не выражалъ, и въ примѣчаніи своемъ еще такъ говоритъ: «ни за, ни противъ этого, сказать ничего нельзя, не имѣя никакихъ данныхъ...» Поспѣшаю разъяснить это случайное недоумѣніе слѣдующими данными.

Старинное стихотвореніе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, было нѣкогда въ ходу у Малороссіянъ, подъ именемъ Плача. Напечатано оно было впервые, кажется, въ основѣ 1861 г. заимствованное туда г. Кулишомъ изъ рукописной книжки 1718 г. принадлежащей А. Θ. Бычкову. Послѣ того напеча-

¹) Русскій Архивъ 1872, № 5, с. 998—1004.

тано оно было еще въ Кіевскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1865 г. по другому менѣ исправному варианту, взятому г. Петровымъ изъ рукописи Кіевского ученика пѣтики Андрея Гарасимовича, 1719-1720 годовъ. Когда я прочелъ замѣчанія г. Петрова объ этихъ стихахъ и его напрасные выводы и заключенія о Малороссіянахъ въ двадцатые годы прошлаго столѣтія, тогда я, какъ сотрудникъ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, поспѣшилъ возразить г. Петрову моею статьею «О двухъ стихотвореніяхъ», напечатанною въ 22-мъ номерѣ тѣхъ вѣдомостей. Тамъ опредѣлительно сказалъ я, что стихотвореніе «Плачь Малыя Россіи» слѣдуетъ отнести не къ двадцатымъ годамъ прошлаго столѣтія, а къ тому тажкому времени Малороссійской жизни, какое настало по смерти Богдана Хмельницкаго, въ гетманство Ивана Выговскаго, именно» къ 1658 году» (стало быть, еще за 23 года до рожденія на свѣтъ достопамятнаго Теофана Прокоповича). Вотъ мое мнѣніе, положительное, при которомъ остаюсь донинѣ. Будь я невоздерженъ на предположенія, я не преминулъ-бы тогда-же приписать то стихотвореніе—Лазарю Барановичу, сочинившему столько различныхъ «Плачей». Что же касается до Теофана Прокоповича, то мнѣ удалось найти въ двухъ рукописныхъ сборникахъ его сочиненій, лучшее изъ его стихотвореній, но позабытое въ исторіи Русской литературы: это—драма его «Милость Божія», написанная имъ въ 1728 году, для представленія въ академіи Кіевской. Объ ней извѣстилъ я въ первой книгѣ Русской Бесѣды 1857 г., въ моемъ «Воспоминаніи о Богданѣ Хмельницкомъ», гдѣ приведены и отрывки изъ той драмы. Потомъ она вся напечатана была въ Чтеніяхъ 1858 г. по списку сообщенному мною О. М. Бодянскому. Черезъ семь лѣтъ послѣ того, въ выше-помянутой статейкѣ моей «О двухъ стихотвореніяхъ», пришлось мнѣ снова объяснять, по поводу недоразумѣній г. Петрова, что ту драму никто въ то время не только не смогъ-бы, но и не дерзнулъ-бы такъ написать, кромѣ Теофана Прокоповича. Въ книгѣ г. Чистовича она осталась незамѣченною, и его сказаніе о пребываніи Теофана въ Москвѣ 1728 года оказывается недостаточнымъ. И вотъ, опять черезъ семь лѣтъ

приходится мнѣ обратиться къ вамъ, Петръ Ивановичъ, чтобы вы приняли въ свой Русскій Архивъ—во 1-хъ, мое напоминаніе объ открытіи мною лучшаго изъ стихотвореній Оеофана Прокоповича, драмы его «Милость Божія»; во 2-хъ, мое отреченіе отъ мнѣнія, будто-бы я приписываю Оеофану стихотворный Плачь 1658 года.

2 Марта 1872 г.

Михайлова-Гора.

ИЗВѢСТІЕ О КНИГѢ БЛАГОУТРОБІЕ МАРКА АВРЕЛІЯ ¹⁾

напечатанной во Львовѣ 1745 г., въ листъ, на 40 стр.

Книголюбцамъ нашимъ, конечно, памятны два сочиненія Михаила Козачинскаго, академіи кievской префекта и философіи учителя: Панигирикъ, напечатанный въ Кіевѣ 1744 года, къ пріѣзду сюда государыни Елисаветы Петровны, и Аристотелева Философія, посвященная тогдаже графу А. Г. Разумовскому и напечатанная во Львовѣ 1745 года. А вотъ еще одно произведеніе того-же стихотворца и мыслителя кievскаго, весьма любопытное, но оставшееся неизвѣстнымъ для любителей и знатоковъ книжной старины южнорусской. О немъ не знали не только митрополитъ Евгений, но и Филаретъ черниговскій, издавая въ 1863 году свой «Обзоръ русской духовной литературы» и перечисляя въ немъ всѣ сочиненія о. Михаила Козачинскаго (см. 67 стр.). Мнѣ встрѣтилась эта рѣдкая книжица только исплннимъ лѣтомъ, въ г. Золотоношѣ; и я долгомъ поставлю извѣстить

¹⁾ Киевскія Епархіальныя Вѣдомости 1871, № 1 с. 11—19.

О ней нашихъ книголюбцевъ, а доставшійся мнѣ экземпляръ ея передать въ бібліотеку кievской академіи.

О задачѣ и содержаніи этой книги я скажу ея-же словами: «Кievъ, обрадованъ благополучнѣйшимъ прибытіемъ природныя своея всемилостивѣйшія Государыни Императрицы,—да здравствуетъ ЕЛИСАВЕТЪ ПЕТРОВНА, Самодержица Всероссійская, Маркъ Аврелій вѣка нашего, присутствіемъ своимъ въ Кievѣ всѣхъ увеселяющая,—исторію о Маркѣ Авреліи въ память приводя, съ прологомъ и эпилогомъ, трема дѣйствіи чрезъ учениковъ академіи кievскія всенародно торжествуетъ».

Этотъ многосложный, драматическій діалогъ—съ прологомъ и эпилогомъ, съ различными сальтами и интерлюдіями, представленъ былъ въ день тезоименитства августѣйшей посѣтительницы Кіева, какъ это ясно сказано о немъ на заглавномъ листѣ: «чрезъ учащихся въ кievской академіи юношъ дѣйствительно состоявшійся, 1744 года, мѣсяца септемврія 5 дня, при тщаніи и досмотрѣ іеромонаха Михаила, академіи кievской префекта».

Изъ книги не видно, гдѣ именно въ Кievѣ происходило это обширное представленіе; за то видна во всей яркости характеристика тогдашняго драматическаго искусства, а вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляются и точнѣе опредѣляются для насъ нѣкоторыя подробности достопамятнаго пребыванія Елисаветы Петровны въ Кievѣ. Посмотримъ-же сперва на прологъ, состоящій въ трехъ явленіяхъ.

Первое явленіе начинается споромъ Гнѣва съ Благоутробіемъ.

Гн. Отъ Адама пѣснь права даже до едина,

Нѣсть раба, ни свободна, ниже господина;

Того-для мечъ сей гнѣва, а гнѣва открытъй.

Бл. Стой мало, и почто ты такъ зѣло сердитый?

А отъ Христа не вѣси, коль многіе бяху,

Что страстьми и похотьми плоть свою распяху,

Гн. Всея вклонишеса вкупѣ, неключимы быша,

Всея свѣта наче Бога сладцѣ возлюбиша.

Бл. Суть мнози, иже въ мiрѣ тѣломъ пребываютъ,

Но двухъ отъ сострастія мірска отрѣвають.

Гн. Никакоже, но все лести, едно лицемѣрство,

Нелюбовь ко ближнему, къ Богу суевѣрство....

И такъ далѣе... Благоутробіе одолѣваетъ; являются пять добродѣтелей: «Милость и Истина срѣтаются» — потомъ «Правда и Миръ облобызаются» — а потомъ Мужество къ нимъ приходитъ, съ слѣдующею рѣчью:

Почто аки смятенни? что вси суть унылы,

Аки бы потеряли чувства и вся силы?

Милость ускаржается, Истина рыдаетъ,

Будто ихъ съ предѣлъ Россіихъ неправда згоняетъ.

Правда такожде скорбитъ, а Миръ печалуетъ,

Аки бы онъ съ протчими того и не чуетъ,

Что по часѣ толь лютомъ, по часѣ пребѣдномъ,

Россія на престолѣ сидящу наслѣдномъ

Имѣетъ Елисаветъ. О Россійска мати,

Кій языкъ, кое слово сильно показати,

Елисаветъ Петровна, ты въ дѣлѣ и словѣ

И во всемъ подобилъ Первому Петровѣ.

Онъ бо Кіевъ носѣщаль, ты тожде твориши;

Нѣсть раба, подданна, въ комъ не благоволиши.

Съ тобою Милость, Правда, съ тобою Миръ влатый

Въ сердци Богъ почиваетъ въ милости богатый.

Аще убо Богъ съ нами, то кто уже на ни?

Елисаветъ страхъ творить и надъ Агаряни.

Вслѣдъ за этимъ «музы Россійскія поютъ привѣтную пѣснь»:

Доброгласныхъ

Музь прекрасныхъ

Что за гласы

Въ сія часы?

Въстрѣчь собранны краснылики

Гримлять славно риторъ крики.

Россы зрите,

Вси внушите:

Се Елисаветъ,

Коей равной нѣтъ,

Градъ свой Кіевъ посѣщаетъ,
Зракъ пресвѣтлый свой являетъ
Всѣмъ во немъ живущимъ,
Правовѣрнымъ суицмъ... и т. д.

Въ заключеніе 16 стиховъ на польскомъ языкѣ. (Стихотворство на этомъ языкѣ велось въ кievской академіи два столѣтія, начиная съ 1633 года).

Второе явленіе пролога состоитъ въ анаграммахъ, представленныхъ перемѣщеніемъ тѣхъ-же буквъ «черезъ салты, глаголемые тарчовые».

1. Елисавет Петровна всея Россіи вѣвать,
2. Воста Петр въ Елисаветѣ своей Россіяне...

Всѣхъ анаграмъ было семь; послѣ каждой стрѣляли изъ трехъ большихъ пушекъ.

Явленіе третіе началось выѣздомъ олицетвореннаго Кіева на золотомъ возѣ.

Кіевъ днесъ, градовъ мати, радость ошущаю
И для того на златомъ возѣ побѣжаю.
Отъ радости вонію: чада поспѣшайте,
Елисаветъ Петровну со мною встрѣтайте.
Се въ славномъ величїи съ побѣдою прїйде,
Съ Ею радость новая съ небесъ на насъ снїйде.
Се Ея Величество прїйде обновити,
Аки бы первый княжескъ престоль сотворити.

Воспомянувъ о древнихъ князьяхъ и о Петрѣ Первомъ, онъ продолжаетъ:

Сежъ паки днесъ первые наступили вѣки,
Сежъ побѣда надъ Свѣмъ, миръ златъ съ человекѣки;
Седмъ сотъ сорокъ четвертый годъ златый сіяетъ.
Дщеръ Петра Елисаветъ Кіевъ посѣщаетъ...

Въ заключеніе онъ говоритъ:

Пойду убо отверзу заключенны двери,
Да изыйдутъ здѣсь въ прївѣтъ россійскіе дщери.

И вотъ эти «россійскія дщери» поютъ прївѣтственную пѣснь, — разнопестрые на пирамидѣ переплетая узоры; еще 16 польскихъ стиховъ; — «салты кубковые и интерлюдіумъ окончиваетъ прологъ».

Изъ этого пролога мы знаемъ теперь опредѣлительно и достовѣрно, въ какой день было театральное представленіе олицетвореннаго Кіева и что именно говорилъ онъ, явившійся на золотомъ возѣ. А въ «Исторіи Руссовъ», лѣтъ за сорокъ пять пущенной въ ходъ подъ славнымъ именемъ Георгія Конискаго, говорится объ этомъ такъ: «Отъ кіевской академіи, помощію выписанныхъ машинъ и своего изобрѣтенія, дѣланы государынѣ различныя удивительныя явленія къ ея удовольствію; между прочимъ выѣзжалъ за городъ важный старикъ самаго древняго виду, великолѣпно прибранный и украшенный короною и жезломъ, но сдѣланный съ молодаго студента. Колесница у него была божескій фаетонъ, а въ него впряжены два пѣтическіе крылатые коня, называемые пегасы, прибранные изъ крѣпкихъ студентовъ. Старикъ сей значилъ древняго основателя и князя кіевского Кія. Онъ встрѣтилъ государыню на берегу Днѣпра, у конца мосту; привѣтствовалъ ее важною рѣчью, и называя ее своею наследницею, просилъ въ городъ, яко въ свое достояніе, и поручалъ его и весь народъ рускій въ милостивое ея покровительство» (стр. 244).

Вотъ еще одинъ изъ множества примѣровъ, какъ въ этой замѣчательной исторіи переименована дѣйствительность историческая, и новое доказательство моего мнѣнія, что «Исторія Руссовъ» сочинена не Конискимъ, а другимъ лицомъ, весьма даровитымъ, но для насъ неизвѣстнымъ ¹⁾.

Георгій Конискій, въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія принадлежавшій академіи кіевской, не могъ не знать и непомнить всего того, что сдѣлалось въ Кіевѣ въ достопамятное посѣщеніе его Елисаветою,—начиная съ великолѣпной встрѣчи ея на берегу Днѣпра, у триумфальныхъ воротъ, торжественно-церковною процессіей, въ которой были два митрополита, кіевскій Рафаиль Заборовскій и бѣлоградскій

¹⁾ Это послѣднее мнѣніе мое объ «Исторіи Руссовъ» объявлено лѣтъ за шесть, въ «Письмахъ о козакахъ приднѣпровскихъ», напечатанныхъ въ *Кіевлянинѣ* 1865 года См. Собран. Сочин. т. I. с. 277.

Антоній Черновскій. Казалось-бы мнѣ, и повѣрить нельзя, чтобы при этой встрѣчѣ Русской Царицы, прибывшей въ Кіевъ на богомолье, могъ имѣть мѣсто оный старикъ Кій на двухъ пегасахъ. Передѣланный преданіемъ и молвою изъ вышеозначеннаго театральнаго Кіева, онъ могъ явиться только подъ перомъ позднѣшняго сочинителя «Исторіи Руссовъ», у котораго—повторю прежнія мои слова: «все взято не изъ первыхъ рукъ, какъ будто но-наслышкѣ, и перестроено на свой ладъ, безъ соблюденія вѣрности и точности историческаго факта». А между тѣмъ и въ новѣйшемъ «Описаніи Кіева» г. Закревскаго (1863 г. Т. I. стр. 83) повторяется эта небывалая встрѣча Елисаветы воображаемымъ старикомъ Кіемъ на двухъ пегасахъ,—повторяется какъ современное свидѣтельство «преосвященнаго Георгія Конисскаго».

Но возвратимся къ драматическому представленію, которое дѣйствительно дано было отъ академіи кіевской, въ честь и увеселеніе августѣйшей имянинницы.

Излагать содержаніе и ходъ всего діалога было-бы не въ мѣру моего извѣстія, и я ограничусь слѣдующими замѣтками. Драмма о Маркѣ Авреліи состоитъ въ трехъ дѣйствіяхъ: въ двухъ первыхъ по два явленія, въ послѣднемъ три. Послѣ перваго дѣйствія—«сальты шабельные и интерлюдіумъ»; послѣ втораго—«сальты метальные». Въ третьемъ дѣйствіи, подъ конецъ втораго явленія—выходить Демокритъ и за нимъ Гераклитъ.

Esse ego Democritus;
En veniet Heraclitus!
Ridebimus mundum

Vafrum, vagabundum... и т. д.

Послѣ краткой ихъ бесѣды, слѣдуетъ «кантъ, въ немъ же Гераклитъ оплакуетъ, Демокритъ посмѣвается суетѣ міра». Вотъ начальный и два послѣдніе куплеты:

Г. Ахъ свѣте, свѣте, свѣте украшенный,
Весь притворный, весь гробе повапленный.
Д. Свѣтъ кажется украшенный,
Токмо какъ гробъ повапленный,

Внутрь же его вину
Зрю мерзость едипу.

Г. Прельщася дѣвѣ, младенцы прельщася,
Подъ видомъ любви, во вѣкъ погубляешь.

Д. О яко часть ядовитый
Змій бываетъ въ цвѣтахъ скрытый;
Къ нимъ свѣтъ ведетъ млада.
Ахъ, кая израда!

Г. Да и самъ же, свѣте, воскорѣ истлѣешь,
И яко риза обветшать имѣешь.

Д. Вся дѣйствія суть не инна
Свѣта, развѣ паучина,
Въ вѣтра мала власти
Расторгнуть на части.

Послѣ этого дуета, они говорятъ:

Г. Полно уже смѣяться, полно и рыдати.

Д. Развѣ ты ужъ не хочешь свѣта исправляти?

Г. Исправить его, вижду, не можно никому.

Д. А когда такъ умствуешь, поидемъ же до дому.

Въ послѣднемъ явленіи діалога, когда воины, отсѣкши
самосудно голову Кассія, приносятъ ее предъ Кесаря, воинъ
говорить:

Доколь будетъ, владыко, врагъ ти попомати;
Лучше смерти поносной судихомъ прелати.

Кесарь.

Да не знаю, истинноль на его казали;

Я тому не вѣрую, може быть солгали.

Можетъ донощикъ наггалъ; будибъ Кассій живый,

Онъ правдивъ, донощикъ же былъ бы, чаю, лживый.

Вы же терзнули здѣлать такъ безчеловѣчно,

Вождя своего убить и погубить вѣчно.

За грѣхъ убо вашъ горце отъ сердца рыдайте,

А главу его гробу съ честію предайте.

Жена жъ Кассія съ дѣтми буди свободенна,

И за всю вину мужа во вѣки прощенна.

Пускай всѣмъ послѣднѣйшимъ родомъ будетъ явно,

Что Маркъ Аврелій вины всѣмъ прощаетъ равно.

Послѣ этого музы поютъ пѣснь, съ такимъ переходомъ отъ кесаря къ царицѣ:

Во правду Аврелій
Толь монархъ былъ велій,
Что равна пѣту
На цѣломъ свѣту.
Только ему точна
Едина восточна
Императрица
Росска денница.

Въ заключеніе еще 24 стиха по-польски, а потомъ «сальты сатировые, стольцовые и интерлюдіумъ».

Въ эпилогѣ «пять главныхъ свойствъ вѣрныхъ подданныхъ изображаются, именно: Вѣра, Надежда Любовь, Искренность, Веселіе». Вотъ заключительныя слова Искренности:

Изжени, Христе, лести отъ всѣхъ, да усердно
Служать помазанницѣ Твоей благосердно.
Обрадуй Россовъ, Боже; даждь ей лѣта многа;
Едина Тя прославимъ въ Тройцѣ суца Бога.

За тѣмъ музы російскія поютъ благодарственную пѣснь. Еще 16 стиховъ по-польски. «По семъ письмены славенски-ки: Божією милостію Елисаветъ Первая, Императрица, вивать,—и латинскими: Dei Gratia Haeres Rossiae Petrus 3 vivat—иллюминація окончиваетъ дѣло».

Въ конецъ книги прибавленъ еще «кантъ, который пѣли студенты на вшествіе Ея Императорскаго Величества въ въ монастырь каѳедральный свято-софійскій кievскій, 1744 года, сентября». (Здѣсь число не означено). Заклучу мое извѣстіе отрывкомъ изъ этого канта, сложеннаго тѣмъ-же о. Михаиломъ:

О Софіе,
Внемли сіе;
Пой утѣшни
Многи пѣсни;
Се ужъ непрестанни
Мольбы услышанни
Макарія свята!

1870 г. 26 Ноября.
Кіевъ.

